

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ОЛЬГА
НОВОХАТКО

РАЗРЯД
в 185 году

МОСКВА
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»
2007

Ответственный редактор
Н.Ф. Демидова

Новохатко О.В.
Н74 Разряд в 185 году / Отв. ред. Н.Ф. Демидова.
М.: Памятники исторической мысли, 2007. 640 с.

ISBN 5-88451-214-6

Исследование о жизни Разрядного приказа в 1676/77 году.

ББК 63.3(2)46

Научное издание

Утверждено к печати

Учёным советом
Института российской истории РАН

Ольга Владимировна Новохатко
Разряд в 185 году

Издательство
Памятники исторической мысли
М., Воронежская, 38/43, 334

Сдано в набор 19.02.2004. Подписано в печать 03.06.2007.
Уч.-изд. 51,8 л. Усл. п.л. 48,4. Формат 70×100 1/16. Тираж 800 экз.
Бумага офсетная. Печать офсетная.

Отпечатано в России

Введение

Приказы возникли в XVI в., сначала как группа лиц, выполнявших распоряжения великого князя. Со временем приказы обрели черты постоянных государственных учреждений. Их расцвет приходится на XVII в., но уже в конце XVII – начале XVIII вв. система приказов была разрушена Петром I. Насильственный слом приказной системы оставил открытым вопрос – изжили ли себя приказы к этому времени как система органов государственного управления или у них еще имелся потенциал для развития. Многие историки пытались разрешить этот вопрос и неразрывно связанный с ним вопрос об эффективности приказной системы вообще. Несмотря на голоса, звучавшие в защиту приказов, в исторической литературе и в массовом сознании прочно утвердилось мнение о неэффективности приказной системы управления. Суждения о том, что приказная система была косной, неповоротливой, не отвечала “вызову времени”, не справлялась с возложенными на нее властью задачами, начали звучать с середины XIX века. До этого историки не находили приказы столь вопиюще никчемными. По-видимому, во многом это объясняется раздражением исследователей из-за того, что они не могли (и не могут) выстроить простую и четкую схему – приказы “не даются” для классификации. Приказы “возникают, размножаются, исчезают, заменяются один другим, подчиняются один другому, так что лучшие наши юристы не могут уловить основания, на котором можно было бы основать деление приказов”, – писал А.Д. Градовский¹. Вторит ему и современный исследователь, утверждая, что “фундаментальным пороком” приказной системы было “смешение функций учреждений, их компетенции и подведомственности”². Думается, что основанием для таких суждений служат два обстоятельства. Во-первых, устаревший взгляд на теорию управления, в частности, на вопросы рационального и иррационального, централизации и децентрализации, соотношения отраслевого и территориального принципов управления. Представляется, что приказная система являла собой такой вид “децентрализованно-централизованной”

системы, которая действовала как единый организм, не разделенный жесткими установлениями на отдельные составные части. Территориально-отраслевой принцип устройства приказов также вполне соответствовал условиям жизни, динамике роста русского государства XVII в. Именно этот принцип был единственно возможным способом вовлечь в старые государственные формы, по мере расширения государства, новые районы, национальные области, не ломая их внутренних структур, как бы обволакивая собой. Нельзя забывать, что в XVII в. русское государство не то что не распалось под управлением приказов, а, напротив, укреплялось и стремительно и беспрецедентно расширилось территориально.

Второй причиной негативной оценки приказной системы является недостаточная ее изученность. Казалось бы, о приказах написано немало, о многих в отдельности и о системе в целом. Но нет исследований, посвященных непосредственно механизмам приказного управления, способам администрирования в приказах. Есть сведения о том, каковы были структура приказов, их численность и социальный состав, компетенция, как, в общих чертах, строилась их работа. Есть некоторые наблюдения над работой отдельных приказов. При этом нет представления о реальном объеме работы отдельного приказа, ее интенсивности, эффективности, то есть в общем-то нет представления, как в действительности работал центральный аппарат управления. Ответив на эти вопросы, можно будет с большей уверенностью оценивать приказную систему и, может быть, ответить на вопрос, разрушилась ли приказная система сама или была разрушена преобразованиями Петра I.

Остановимся, в хронологическом порядке, на тех работах, которые непосредственно касаются интересующих нас проблем, а именно: проблем собственно управленческой деятельности приказных служащих, приказного администрирования и истории Разрядного приказа.

Авторов, которых занимала технология управления государственных структур вообще и приказной системы в частности, немного. В большинстве случаев исследователи искали признаки коллегиальности или единоначалия (в данном случае решался лишь один из многих вопросов технологии управления приказов), пытались классифицировать приказы, прослеживали возникновение и развитие как всей приказной системы, так и отдельных приказов.

В данном обзоре мы не будем касаться работ, посвященных приказам, где анализируется вся приказная система в целом, дается ее оценка и т.д., и работ, в которых изучается история какого-либо конкретного приказа, в том числе Разряда. Историография приказной системы замечательно изложена в работе О.Ф. Козлова³. Уделим внимание лишь тем трудам, где затрагиваются специальные, интересующие нас проблемы – технологии управления, объема и эффективности работы приказа как административного органа.

Наибольший интерес у исследователей, как отмечалось, вызывал вопрос о коллегиальности приказов. А.Д. Градовский с интонациями некоторой безнадежности констатировал, что “внутренняя организация приказов не имеет ничего определенного. Опытные историки и юристы тщетно стараются определить, какой, в сущности, был состав и порядок действия приказов – бюрократический или коллегиальный”⁴.

Иначе смотрел на эту проблему Н.П. Лихачев. По его мнению, основанием государственного устройства в Московском государстве были практика и обычай. «Никто не думал о систематическом проведении известного юридического начала; делали дело, как повелось, не заботясь, что принцип единоличного управления смешивается с принципом коллегиальности, – смысл и значение совещательно-коллегиального начала знали не из системы государственного права, а из всем известной, распространенной сентенции: “ум хорошо, а два – лучше”»⁵. Для более точного представления о принципах руководства приказами Н.П. Лихачев считал необходимым точно выяснить, подчинялись ли младшие товарищи старшему, т.е. начальнику приказа, отдавали ли ему отчет в своей деятельности.

В.О. Ключевский, не обращаясь непосредственно к вопросам приказного управления, отметил двойственное положение думного дьяка как главы приказа: в Думе он был начальником своих приказных товарищей, а в приказе – просто старшим из них⁶.

Интересные наблюдения, относящиеся “к порядку канцелярского производства и техники приказа, а именно к кругу деятельности столов (отделений) Разряда”, представил А.А. Гоздаво-Голомбиевский⁷. Помимо описания компетенции столов Разряда, в этой статье автор выявил имена и круг полномочий некоторых подьячих Разряда в указанный период, а также отдельные этапы движения документов в приказе. Так, исследователь установил, что входящий документ поступал к думному дьяку или дьяку, помета которого на этом документе записывалась в соответствующую книгу, а затем переходил в один из столов⁸. А.А. Гоздаво-Голомбиевский пришел также к выводу, что иногда одно повытье (отделение стола) ведали двое подьячих “вопче”, каждый “за сабою”, то есть на равных правах и с личной ответственностью каждого⁹.

Н.Н. Оглоблин в статье о происхождении провинциальных подьячих XVII в. помимо высокой оценки профессионального и образовательного уровня московских подьячих дает указание на то, что Приказный стол Разрядного приказа заведовал одно время назначением московских и провинциальных подьячих, не уточняя, в какое именно время. Кроме того, он определил различие между подьячими “со справой” и “с приписью” – второй занимал положение выше первого¹⁰.

Н.Н. Ардашев посвятил вопросу о коллегиальности приказов отдельную статью. Изучив историографию вопроса, автор пришел к выводу, что единого мнения по проблеме так и не сложилось, а доказательства оппонентов неубедительны и субъективны. Одной из причин такого положения Н.Н. Ардашев назвал недостаточную источниковую базу: юридических документов по этой проблеме крайне мало и они кратки и неясны, а в практической области почти единственно доступным и, что немаловажно, удобным для изучения вопроса документом XVII в. является указная книга Поместного приказа, а также “проект устройства Вотчинной коллегии” 1731-32 гг. Тем не менее, Н.Н. Ардашеву удалось восстановить схему управления в приказе. Дела решались в Поместном приказе дьяками “в разные руки”, т.е. каждый из дьяков решал одно из дел. Таким образом, в Поместном приказе господствовал принцип разделения труда между судьями. Распределение дел между дьяками носило сложный характер и зависело как от характера дела,

так и от положения дьяка на разных ступенях приказной иерархии. Как и Н.П. Лихачев, Н.Н. Ардашев отмечает смешанный, лично-коллективный принцип управления приказом (в некоторых случаях, например, при отсутствии начальника приказа, спорные дела решались несколькими дьяками-товарищами; в остальных случаях каждый судья слушал дела, доставшиеся ему для решения, особо). Что касается следующей ступени в аппарате управления, то вся подготовка дела к слушанию в судейском столе и доклад судье лежали на подьячем (очевидно, старом или средней статьи). Через него же дело поступало в приказ к рассмотрению. Н.Н. Ардашев оценивает Поместный приказ как “учреждение с очень сложной организацией, где, несмотря на разные оттенки в звании, положении и правах отдельных лиц, каждый из них, при обычных порядках, делал свое дело самостоятельно, оставаясь в той сфере, какая была ему отведена (не лицами, а порядками), не вторгаясь без особых причин в чужую сферу”¹¹. Соглашаясь с приведенным мнением, а также с высокой оценкой Поместного приказа как “могучего орудия суда и администрации по вотчинным и поместным делам Московского государства”, следует отметить, что при всей сложности в горизонтальных уровнях управленческого аппарата приказа, число вертикальных ограничивалось фактически двумя – средней статьи и старыми подьячими и дьяками (молодые подьячие реального влияния на решение дела не оказывали). При наличии такого числа вертикальных уровней управления потери информации были минимальными, а, следовательно, эффективность управленческой работы достаточно высока. Этот аспект деятельности Поместного приказа автор специально не рассматривал, но косвенно предположение об эффективности работы приказа подтверждается количеством решенных за год дел – 9 790 в 7196 г., 8 158 в 7198 г.¹²

Следующим автором, чье внимание привлекла технология управленческой деятельности приказов, был И.Я. Гурлянд. В первую очередь он обратил внимание на документацию приказа Тайных дел – она отличалась от документации других приказов меньшей формализованностью, большей краткостью, следовательно, и большей деловитостью; кроме того в практике приказа Тайных дел в гораздо большей степени, чем в других приказах был принят такой способ передачи указаний, как устные распоряжения.

Сравнивая положение дел с надзором за делами в приказе Тайных дел (во главе которого фактически стоял царь) и Разряда, И.Я. Гурлянд показывает, что думный дьяк, стоявший во главе Разряда, совершенно самостоятельно, не отчитываясь перед вышестоящими инстанциями, осуществлял надзор “во всех областях вверенного Разряду управления”¹³ и осуществлял дисциплинарные наказания подчиненных должностных лиц.

Размышляя об изучении технологии управления в приказах, И.Я. Гурлянд признает, что “мы все-таки еще слишком в общих чертах знаем действительный ход течения дел в учреждениях Московского государства”¹⁴. Причины этого ученый видит в особенностях источниковой базы – делопроизводственных документах приказов, их специфике, степени их полноты и сохранности. Сам характер приказного делопроизводства, в котором в частности отсутствует такой элемент, как личная подпись под резолюциями должностных лиц, ставит серьезные препятствия для изучения управ-

ленческих механизмов. Другой отличительной чертой приказного делопроизводства является его экономность, краткость, как это ни парадоксально звучит при наличии огромного массива делопроизводственных документов приказов – именно управленческий, распорядительный элемент отражен в них меньше всего, так как вся управленческая деятельность была нацелена на действие, а не на контроль за работой управленца. В связи с этим взгляд И.Я. Гурлянда на перспективы изучения этой стороны государственного управления пессимистичен: “И следует сознаться, что иные, весьма к тому же существенные подробности, будут потеряны для нас навсегда, то есть ввиду общих условий времени документы редко рассказывают нам подробный ход дела на пути его от учреждения к учреждению (не говоря о внутрприказном движении! – *О.Н.*), не различают также или весьма смутно различают отдельные моменты делопроизводства”¹⁵.

В работе П.Н. Милюкова “Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого”, посвященной, как это и явствует из названия, экономике и финансам, имеется одно небольшое, но интересное для нас замечание касательно приказного управления, помещенное в подстрочном примечании: П.Н. Милюков считал, что в Разрядном приказе существовали только два стола – Московский и Новгородский, а другие столы являлись отделениями Московского стола, то есть повытьями. И еще одно наблюдение П.Н. Милюкова: по его мнению, Станичный, Приказный и Послужной столы являлись не разными структурными подразделениями Разряда, а разными названиями одного стола¹⁶.

Большое внимание в этой работе уделено, в связи с порядком налогообложения и финансирования армии, вопросам подчинения городов Разряду и разделения городов на группы внутри Разряда с веданием каждой отдельным подьячим¹⁷. Это исследование о подчинении территорий Разряду, наиболее полное и подробное в исторической литературе, имеет огромное значение для понимания сложной и изменчивой управленческой структуры Разрядного приказа. Неразрывно связано с вопросами территориального подчинения городов Разряду и изучение налоговых сборов, проводившихся этим приказом. Дела о сборе различных налогов занимают значительное место в делопроизводстве приказа, и труд П.Н. Милюкова проясняет многие вопросы, связанные с движением налоговых документов и администрированием Разряда в этой области.

С.Б. Веселовский, говоря об устройстве и принципах функционирования приказов, высказывал точку зрения, схожую с суждением Н.П. Лихачева – он полагал, что приказы не были ни коллегиями, ни бюрократическими учреждениями, а несли в себе черты и тех, и других¹⁸. Ученый считал, что отсутствие подчинения товарищей судьи главе приказа и их надзор друг за другом являлись действенным средством контроля¹⁹. С.Б. Веселовский отмечает также огромное влияние на приказные дела старых подьячих – иногда не меньшее, чем дьяков, поскольку старые подьячие были специалистами высокого класса и были непосредственными исполнителями всех приказных дел²⁰. Особенно подчеркивает исследователь значение родственных связей подьячих, которые придавали их положению в органах управления дополнительную устойчивость и усиливали их влияние на дела²¹.

Сведения о малоизвестной категории приказных служащих – сенных, или площадных приказных подъячих, имеются в статье М.Ф. Злотникова о подъячих Ивановской площади²². Большая часть работы посвящена собственно площадным подъячим. О “площадах” (организациях площадных подъячих), существовавших при приказах, автор пишет, что характер их за скудостью источникового материала “выяснить довольно трудно”²³.

В 1923 г. вышла интересная работа Н.А. Рожкова²⁴, в которой большое место уделено исследованию именно техники государственного управления, во многом на материалах Разрядного приказа. Особенностью этой работы является то, что автор впервые обратился к текущей делопроизводственной документации, а не к сводным документам (вроде указных книг того или другого приказа). Так, исследуя пометы на документах, автор определяет, на каком уровне (царь, судья, приказный дьяк) решались те или иные дела, касающиеся кадровых вопросов служилых людей (служебные назначения, верстание окладом и его прибавка и т.д.). Вывод Н.А. Рожкова: к середине XVII столетия Разряд стал более самостоятельным и независимым от верховной власти (царя и Думы) в решении многих административных вопросов, касавшихся поступления на службу, служебных перемещений средних и низших слоев служилых людей, общего контроля над состоянием вооруженных сил и военных укреплений Московского государства. Те же выводы автор делает и относительно поместных и вотчинных дел, финансов и суда: с середины XVII в. многие наименее значимые дела переходят от царя в ведение приказов. Вопросы внутрприказного администрирования автором не рассматривались.

Особенно интересен в работе Н.А. Рожкова раздел “Методологические замечания”. Как и почти сто лет назад Н.Н. Ардашев, Н.А. Рожков констатирует, что “наименее исследованным, можно сказать, даже почти совершенно не затронутым, является в изучаемой теме вопрос об административной технике”²⁵. Сам автор не стал вникать в эту проблему, но предложил толкование некоторых наиболее часто встречающихся помет приказных администраторов с указанием, на каком административном уровне принимается данное решение: “государь указал”, “бояре приговорили” – решение верховной власти; “послать грамоту сделать то-то” – решение приказа без участия верховной власти; “выписать” – для решения дела судьей приказа; “чтена” – доложено царю, таким образом, решение царя; “к отпуску” – решение по не спорному делу приказом самостоятельно, без участия царя и Думы; несколько невнятно Н.А. Рожков истолковал значение пометы “по государеву указу” – как символизирующее идею верховной власти государя, но не указывающее “на действительное решение дела царем”²⁶ (тогда кем?). Тем не менее, предложенная Н.А. Рожковым методика изучения помет на документах дает ключ к решению многих проблем в исследовании “административной техники”²⁷.

Вопросы технологии управления не переставали занимать исследователей приказной системы, но, как и прежде, ученые сетовали на трудности в разрешении этой проблемы. Так, описывая историю приказа Каменных дел, А.Н. Сперанский с сожалением отмечает: “относительно внутреннего распределения работы между подъячими сколько-нибудь полных сведений

не сохранилось ... об объеме этой работы и ее характере мы можем судить только по отрывочным данным”²⁸.

С.К. Богоявленский в работе “Приказные дьяки XVII в.”²⁹ отмечает высокое положение дьяков (приказных и тем более думных) в государственных органах. Кроме того, говоря о сближении дьяков со знатью, С.К. Богоявленский приводит интереснейшие примеры родственных связей дьяков и служилых людей московских чинов, подтверждая суждение С.Б. Веселовского о значении родственных связей приказных служащих.

Исследование, наиболее близко перекликающееся с темой настоящей работы, было проведено А.В. Черновым на материалах Поместного приказа. Ученый, разумеется, не мог обойти вниманием извечный вопрос о коллегиальности и единоначалии в приказе. Его подход к разрешению этого вопроса представляется наиболее верным. А.В. Чернов считал антиисторичной саму постановку проблемы – “разрешить вопрос об управлении приказами с точки зрения тех юридических норм и понятий, которые существовали в XIX-XX вв.”³⁰

На основании документов Поместного приказа (в основном это опять указные книги) А.В. Чернов выявил, сколько и каких дел решалось судьей приказа и его товарищами и в каком составе. Вывод, к которому приходит исследователь: сложные судебные дела в приказе решались коллегиально, неспорные – или одним судьей, или, чаще, дьяками. Таким образом, в приказном управлении присутствовали элементы и коллективности, и единоначалия³¹.

Текущие дела решались дьяками, каждым особо, независимо от принадлежности документа тому или иному столу: неспорные – определенными дьяками, возможно, руководившими столом, спорные – любым из приказных дьяков³².

А.В. Чернов обнаружил следующий аспект делопроизводственной практики в Поместном приказе XVII в.: в конце года все законченные дела описывались и сдавались в архив приказа, где дела хранились по структуре приказа. Автор предполагает, что такова была архивная практика не только Поместного, но и других приказов. Для удобства пользования архивными документами подьячие делали оглавления (“главы”), росписи и “азбуки” книгам и столбцам.

Как настоящую энциклопедию приказной бюрократии можно охарактеризовать работу Н.Ф. Демидовой “Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма”. В книге, в числе прочего, чрезвычайно подробно исследуется внутренняя структура приказов, количество должностей и их распределение между категориями приказных служащих. В частности, Н.Ф. Демидова сделала наблюдение, что подьячие “с приписью” (высшая подьяческая должность) назначались из наиболее опытных “старых” (первой статьи) подьячих, а подьячие “со справой” – в основном из подьячих средней статьи³³. При этом подьячие “с приписью” часто возглавляли структурные подразделения приказов (столы или повытья)³⁴. Автор указывает, что подьячие “с приписью” обладали “известной самостоятельностью и исполнительной властью”³⁵, имели значительное влияние на решение дел в приказе.

Подьячие “со справой” определяются Н.Ф. Демидовой как основная исполнительная сила приказов³⁶. Они занимали положение, подчиненное по отношению к подьячим “с приписью”. И та, и другая категория подьячих имели отношение к подготовке выписок из дел для доклада судейской коллегии или Думе, т.е. к непосредственному влиянию на решение по делу. Подьячие “со справой” занимались составлением выписок из документов, изготовлением черновиков и беловиков отпусков. Приписные подьячие определяли направление этой работы и окончательный отбор данных для последующего доклада. Следовательно, они могли подать факты соответствующим образом и тем самым повлиять на решение дела вышестоящими инстанциями³⁷. Механической перепиской документов занимались молодые подьячие, но при этом наиболее важные документы поручалось писать подьячим высших категорий.

М.П. Лукичев в исследовании о боярских книгах XVII в. подробно остановился на деятельности Московского стола Разрядного приказа по составлению этого вида документов. Ученый установил, что “наблюдать за составлением боярских книг и списков поручалось наиболее опытным подьячим” и что за ведением этого важного документа осуществлялся двойной контроль – старого подьячего и одного из разрядных дьяков³⁸. М.П. Лукичев впервые предложил толкование термина “у боярской книги” или “у боярского списка” как название первого повытья Московского стола Разряда³⁹.

Некоторые аспекты управленческой деятельности Разряда, в частности, церемония пожалования в чин, были освещены автором настоящей работы в исследовании о записных книгах Московского стола Разрядного приказа⁴⁰.

Чрезвычайно интересные наблюдения о делопроизводственной и управленческой деятельности Посольского приказа в первой четверти XVII в. сделаны Д.В. Лисейцевым⁴¹. Так, им определен характер участия Боярской думы в непосредственной подготовке некоторых дипломатических документов⁴², отмечены высокая степень оперативности в работе служащих приказа⁴³ и, в целом, эффективность деятельности российского дипломатического ведомства в этот период⁴⁴.

Как “проверенные и безошибочные” определяет методы работы Посольского приказа в конце XVII в. Н.М. Рогожин в обобщающем исследовании об этом приказе, противопоставляя “проверенную дипломатию здравого смысла” допетровской эпохи “субъективным и волюнтаристским” решениям первого российского императора, отмечая, однако, медлительность старого дипломатического аппарата⁴⁵.

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что изучение техники приказного управления носило весьма эпизодический и отрывочный характер и не дает полного, системного представления об этом явлении. Поэтому задача исследования – создать отсутствующую ныне картину внутренней деятельности приказа, уяснить взаимодействие всех уровней структуры учреждения, оценить степень эффективности его работы как органа государственного управления. Вместе с тем следует подчеркнуть, что тот объем знаний, пусть и отрывочных, о технике приказного делопро-

изводства, который накоплен предшественниками, представляет собой практически неоспоримые факты, ставшие “общим местом” в историографии вопроса, и он целиком лег в основу настоящего исследования.

Поставленная задача определила объект, характер и методы исследования. Прежде всего, изучение столь “тонких” связей внутри системы центрального государственного управления предполагает детальное исследование, исследование “на микроуровне”. Отсюда вытекает необходимость остановить внимание на одном учреждении и ограничиться достаточно узкими временными рамками. Оптимальным объектом с этой точки зрения представляется Разрядный приказ во второй половине XVII в. Этот приказ был одним из двух важнейших, стержневых государствообразующих приказов (вместе с Поместным), на которых держалось русское государство. Выбор в пользу Разряда объясняется тем, что его штат был значительно меньше штата Поместного приказа (около 150 человек в Разряде и около 500 человек в Поместном приказе), хотя и достаточно большим. Соответственно, его структура более проста и “прозрачна” для исследования. Расцвет приказной системы приходился на XVII в., и даже точнее – на его вторую половину. Одним из наиболее “показательных” для изучения государственного управления периодов являются первые годы правления царя Федора Алексеевича. В это время не было больших войн (за исключением Чигиринских походов), которые существенным образом повлияли бы на течение жизни государства, создали бы перевес в сторону военной сферы; обстановка в стране сохранялась относительно стабильной. Со смертью Алексея Михайловича исчез и приказ Тайных дел, сместивший центр тяжести во всей системе управления XVII в. – таким образом, приказная система предстает “незамутненной”, “чистой”.

Чтобы решить поставленную задачу – как можно детальнее реконструировать структуру приказа и проследить его внутреннюю деятельность – пришлось прибегнуть к методу, который ранее не использовался: исследовать с максимально возможной полнотой работу учреждения в течение весьма ограниченного временного отрезка – одного года. Для изучения был выбран 7185 год (с 1 сентября 1676 г. по 1 сентября 1677 г.) – первый год правления царя Федора Алексеевича, рубеж двух царствований, а также самое начало (с середины предыдущего года) деятельности думного дьяка В.Г. Семенова, бессменно возглавлявшего Разряд в течение 14 лет и трех царствований. Выбор летосчисления по старому стилю “от сотворения мира”, а главное, “сентябрьским” годом объясняется тем, что документация приказа имела годовую цикличность, и взять документы по новому стилю значило бы разорвать эту цикличность, законченность делопроизводства.

Цель исследования – восстановить, по возможности полно, картину управленческой деятельности Разрядного приказа в 7185/1676-1677 гг.: законодательный базис его деятельности, структуру приказа, компетенцию и взаимодействие его сотрудников всех уровней, скорость решения дел разного рода, специфику управленческих приемов этого учреждения во всех сферах его функционирования.

Источниковой базой исследования стали документы делопроизводства Разрядного приказа за указанный период, хранящиеся в Российском госу-

дарственным архиве древних актов в фонде Разрядного приказа. Для того, чтобы проследить движение информационных потоков на всех уровнях управления в приказе, чтобы выяснить степень и характер вовлеченности в дела приказа и степень ответственности за конкретные виды дел управленцев всех звеньев, к исследованию был привлечен максимально широкий видовой круг делопроизводственных документов – входящие, исходящие и внутренние документы приказа, от материалов собственно текущего делопроизводства (черновики и беловики памяти, грамот и списков, отписки, челобитные, выписки, справки, “письма”) до итоговых сводного характера (книги и списки разного содержания). Причем предпочтение отдавалось не записным книгам разных документов (указам, отпискам, памятям и т.п.) которые подкупали многих исследователей концентрацией материала – и в одном месте, и в сжатой форме, – а столбцам, которые дают возможность проследить все этапы и особенности прохождения документа в приказе. Исключение составляют книги Денежного стола Разряда, характер которых во многом ближе к документам текущего делопроизводства, чем к итоговым. Естественно, для того, чтобы представить себе работу приказа в целом, необходимо было охватить делопроизводство всех его столов, существовавших в 185/1676-77 гг. – Московского, Новгородского, Приказного и Денежного. Подавляющая часть указанных архивных материалов впервые введена в научный оборот.

Комплекс материалов Разрядного приказа за 185/1676-77 гг. содержит чуть менее полутысячи дел и сотни тысяч листов, что не только обеспечивает, но и перекрывает необходимую полноту источниковой базы исследования. Обработать весь объем документов в течение ближайших десятилетий представлялось невозможным, да и ненужным, поскольку в отношении поставленных задач он содержит однотипную информацию. Была сделана представительная выборка из документов приказа разных видов, которые раскрывали бы основные направления деятельности Разряда – военное дело, администрирование службы служилых людей по отечеству и управление подведомственными Разряду территориями, а также судебную и финансовую деятельность приказа.

Те же задачи исследования потребовали и особой методики в работе с источником, заключавшейся в максимально всестороннем изучении каждого документа: не только его содержания, соотношения с другими документами комплекса, если это возможно было установить, но и, что особенно важно, атрибутирования всех записей документа – текстов исходящих и внутренних документов приказа, резолюций и различных помет на них. В последнем аспекте, наиболее существенном для достижения целей работы, исследование представляло наибольшие трудности. Дело в том, что отличительной особенностью приказного делопроизводства было отсутствие в подавляющем большинстве случаев указаний на авторов записей, в том числе – что особенно прискорбно для исследователей – авторов резолюций (помет). Единственным выходом из ситуации являлась почерковедческая экспертиза, к которой и пришлось прибегнуть. Для установления почерков дьяков – руководителей приказов и некоторых подъячих были привлечены немногие заверенные ими записи и указания на авторство таких записей

в других документах. Следует отметить, что почерки дьяков, за редким исключением, когда помета состоит из одного короткого слова, атрибутируются вполне четко. Сложнее было установить принадлежность документа тому или иному подъячему, поскольку почерки их были более однотипны, унифицированы. И в отношении дьяков, и в отношении подъячих авторство устанавливалось лишь в тех случаях, когда достигалась абсолютная уверенность в принадлежности документа определенному сотруднику Разрядного приказа. Таким образом, практически все наблюдения и выводы относительно уровня компетенции дьяков и подъячих сделаны на основании экспертизы их почерков.

Вопросы идентификации почерков XVII в. практически не разработаны в современной палеографии. Наиболее подробно и тщательно близкая тема рассмотрена в статье Л.Е. Морозовой⁴⁶, однако применительно к полууставу XVI в., графика которого существенно отличается от графики скорописи XVII в. Тем не менее очевидно, что для идентификации почерков, написанных скорописью XVII в., нет других способов, кроме тех, что были применены Л.Е. Морозовой, то есть основанных на достижениях отечественной криминалистики. Последняя предлагает следующие критерии для выделения индивидуальных особенностей почерка:

I. Топографические признаки

- 1) Поля – справа, слева, сверху, снизу;
- 2) Абзацы – без деления на абзацы; с делением на абзацы, но без отступов в начале; с делением на абзацы и с отступами в начале и в конце абзацев;
- 3) Расположение строк по отношению к горизонтали на нелинованной бумаге (горизонтальные, поднимающиеся, опускающиеся);
- 4) Перенос слов – частое употребление, отсутствие; размер, форма, расположение в строке черточки;
- 5) Промежутки между словами – большие, средние и малые (критерий промежутка – одна трехштриховая буква); равномерные и неравномерные;
- 6) Вставки пропущенных слов и букв – разные их способы;
- 7) Положение обращения (адресата), подписи, даты – расположение по отношению к листу бумаги и основному тексту, строке, горизонтали; способ выполнения;
- 8) Высота текста – количество строк в зависимости от размера листа;
- 9) Ширина текста – расстояние от начала и конца строк до боковых краев листа;

II. Общие признаки

- 1) Выработанность почерка – определяется степенью владения техникой письма конкретным лицом (маловыработанный, средневыработанный и высоковыработанный);
- 2) Общий тип (строение) почерка – простой, упрощенный или усложненный; левоокружный, угловатый, правоокружный, смешанный;
- 3) Размер – мелкий (до 2 мм), средний (от 2 до 5 мм), крупный (5 мм и больше);
- 4) Наклон – его устойчивость, сторона наклона;
- 5) Разгон – характеризуется отношением высоты письменных знаков к их ширине (типы: сжатый, средний и размашистый);

6) Связность – определяется количеством букв, выполненных без отрыва орудия письма от бумаги;

7) Нажим – соотношение ширины основных и соединительных штрихов, степень вдавленности штрихов;

8) Вариантность – количество вариантов написания отдельной буквы;

9) Вычурность – наличие инициалов, лигатур, особых форм написания отдельных букв;

10) Темп письма – количество букв, выполненных в одно движение.

III. Частные признаки: могут иметь место в любых элементах букв – начальных и заключительных, основных и соединительных, овалах и полуовалах, надстрочных и подстрочных

1) Особенности направления движения при выполнении письменных знаков и их элементов;

2) Особенности связывания письменных знаков и их элементов;

3) Особенности соотношений письменных знаков и их элементов по размеру, наклону, разгону;

4) Положение точек начала и окончания штрихов письменных знаков и способов их выполнения⁴⁷.

Однако при работе с приказными документами приходится пользоваться этими критериями с большой поправкой на специфику такого исторического вида письма, как развитая скоропись XVII в., и, в особенности, на специфику письма дьяков и подьячих. В развитой скорописи второй половины XVII в. часто не отличимы строчные и прописные буквы, для нее в целом характерна довольно высокая степень вариантности, а потому этот показатель априори применим к каждому отдельному почерку. Приказные дьяки не оставили сколько-нибудь обширных текстов; образцами их письма являются только пометы, то есть в большей или меньшей степени краткие, от одного слова до одного абзаца, крайне редко до нескольких абзацев, тексты. Часто пометы располагались не на обороте документа единым блоком, а “обегали” текст документа по полям и между абзацами или писались на сставах, при этом почерк был гораздо более мелким, чем в случае письма по чистому листу. Поэтому большая часть топографических критериев в определении почерка, таких, например, как высота или ширина текста, поля, абзацы, промежутки между словами, в данном случае практически не применима; в зависимости от места пометы на странице значительно менялся размер одного почерка; невозможно также пользоваться такими статистического характера показателями, как количество определенного вида букв, знаков или их вариантов на странице.

Тем не менее, с опорой на указанные критерии определены почерки следующих служащих Разрядного приказа в 1676-77 гг.: думный дьяк В.Г. Семенов, дьяк П.И. Ковелин, дьяк Ф.Л. Шакловитый, дьяк Л.А. Домнин, подьячие А. Яцкой, И. Максимов, И. Олсуфьев, М. Щербаков, Г. Алексеев, Д. Комаров, В. Нечаев, А. Пиминов, М. Алексеев. Образцы их почерков приведены на стр. 19–39.

Как было указано, все делопроизводственные документы Разряда написаны скорописью второй половины XVII в. – в большинстве случаев достаточно четкой у подьячих и зачастую совершенно неразборчивой у дьяков,

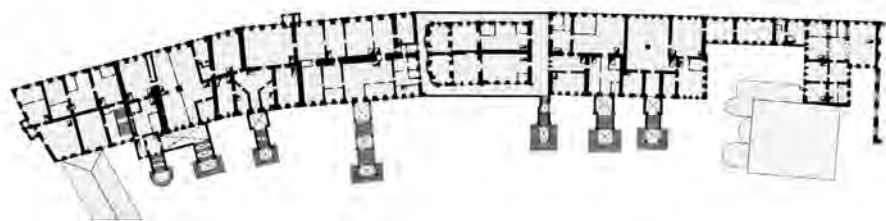
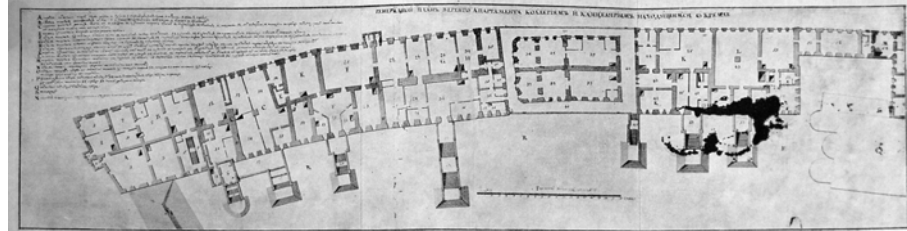
особенно думного В.Г. Семенова. При цитировании архивных источников используются следующие правила публикации. Текст передается современным русским алфавитом, из которого не используется буква “й” (всегда пишется “и”). Все устаревшие буквы и буквенная “цифирь” заменяются современными. Для удобства чтения полностью раскрываются и вносятся в строку в соответствии с традиционным чтением, зафиксированным в словарях древнерусского языка, часто встречающиеся аббревиатуры под титлом следующих слов: “государь” и “государыня” (и все производные от них), “день”, “час”, “отец”, “сын”, “человек”, “князь”, “монастырь”, “девичий”. Выносные буквы вносятся в строку и набираются курсивом. Опущенная в конце слова при выносном “г” буква “о” восполняется и также набирается курсивом. Текст разделяется на слова и предложения, с современной пунктуацией. Чистое место, оставленное в тексте писцом, и повреждения текста обозначаются троеточием в квадратных скобках и оговариваются в примечании. Ошибки писца в тексте не исправляются, а оговариваются в примечании. Особенности расположения слов в рукописи (над строкой или на поле) отмечаются в примечании. Авторский текст в примечании дается курсивом, текст рукописи – прямым шрифтом.

Поскольку исследование основано на источниках, хранящихся в одном архиве – РГАДА, для удобства читателя в сносках на архивные материалы (за исключением глав 1 и 7, где имеется много ссылок и на публикации) указаны только номера фонда, описи, дела (в некоторых случаях столпика) и листов, причем буквенные их обозначения, кроме указания на столпики и листы, опущены.

Кроме архивных материалов для решения отдельных задач исследования были привлечены публикации. Во-первых, это законодательные акты второй половины XVII в., оказавшие непосредственное влияние на устройство Разрядного приказа и стиль его работы – Уложение 1649 г. и отдельные указы, касавшиеся функционирования приказов. Во-вторых, изданная часть двух комплексов частной корреспонденции – боярина князя В.В. Голицына и стольника А.И. Безобразова. Второй комплекс документов несколько выходит за хронологические рамки исследования, однако это несоответствие незначительно, и большая часть служащих Разрядного приказа (в том числе думный дьяк В.Г. Семенов), а также некоторые правительственные деятели, упомянутые в работе, продолжали служить, причем на тех же должностях, что и в период, отраженный в указанной переписке. А потому наблюдения, сделанные при исследовании корреспонденции А.И. Безобразова, вполне допустимо экстраполировать на изучаемый период.

- 1 *Градовский А.Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуратуры. СПб., 1866. С.23.
- 2 *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С.44
- 3 *Козлов О.Ф.* Переход от приказной системы к коллегиальной в русской дореволюционной и советской историографии // *Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР*. М., 1983.
- 4 *Градовский А.Д.* Указ. соч. С.26.
- 5 *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С.13.
- 6 *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. М., б/г (1994). С.429.
- 7 *Гоздаво-Голомбизевский А.А.* Столы Разрядного приказа в 1668-1670 годах // *Журнал министерства народного просвещения*. 1890. Кн.7. С.1.
- 8 Там же. С.4-6.
- 9 Там же. Л.7.
- 10 *Оглоблин Н.Н.* Происхождение провинциальных подьячих XVII в. // *ЖМНП*. 1894. Сентябрь-октябрь.
- 11 *Ардашев Н.Н.* К вопросу о коллегиальности приказов // *Труды VIII Археологического съезда*. 1890. М., 1897. С.273.
- 12 Там же. С.269.
- 13 *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С.284.
- 14 Там же. С.317.
- 15 Там же. С.317-318.
- 16 *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С.224. Прим. 1.
- 17 Там же. С.221-250.
- 18 *Веселовский С.Б.* Приказный строй управления Московского государства. Киев, 1912. С.20.
- 19 Там же.
- 20 Там же. С.21.
- 21 Там же. с.22.
- 22 *Злотников М.Ф.* Подьячие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси // *Сборник статей, посвященный А.С. Лаппо-Данилевскому*. Пг., 1946.
- 23 Там же. С.124.
- 24 *Рожков Н.А.* Происхождение самодержавия в России. Пг., 1923.
- 25 Там же. С.151.
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 *Сперанский А.Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930. С.166.
- 29 *Богоявленский С.К.* Прказные дьяки XVII в. // *Исторические записки*. Т.1. 1937.
- 30 *Чернов А.В.* К истории Поместного приказа (Внутреннее устройство приказа в XVII в.) // *Труды МГИАИ*. Т.9. М., 1957. С.200-201.
- 31 Там же. С.204.
- 32 Там же. С.205.
- 33 *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С.164, 168.
- 34 Там же. С.168.
- 35 Там же. С.170.
- 36 Там же. С.171.
- 37 Там же. С.169, 171.
- 38 *Лукичев М.П.* "Боярские книги XVII в. Исследование" // *М.П.Лукичев. Боярские книги XVII века*. М., 2004. С.96.
- 39 Там же. С.98.
- 40 *Новохатко О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2000.
- 41 *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
- 42 Там же. С.271-272, 323.
- 43 Там же. С.283-285, 324.
- 44 Там же. 313, 315, 326.
- 45 *Рогожин Н.М.* Посольский приказ. Колыбель российской дипломатии. М. 2003. С.70.
- 46 *Морозова Л.Е.* Опыт определения авторства рукописей XVI века по почерку // *История и палеография*. Сб. статей. М., 1993. С.140-175.
- 47 *Криминалистика*. Л., 1976. С.202-250; *Криминалистика*. М., 2002. С.219-227.

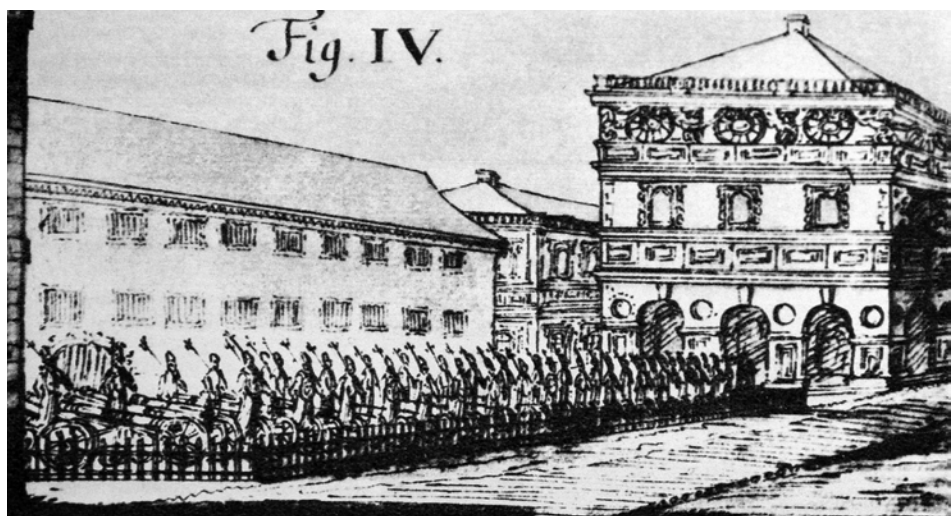

Здания приказов
в Кремле.
1689 г. Фасад и план.
Реконструкция
П.А. Александрова.
План Кремля
конца XVII в.

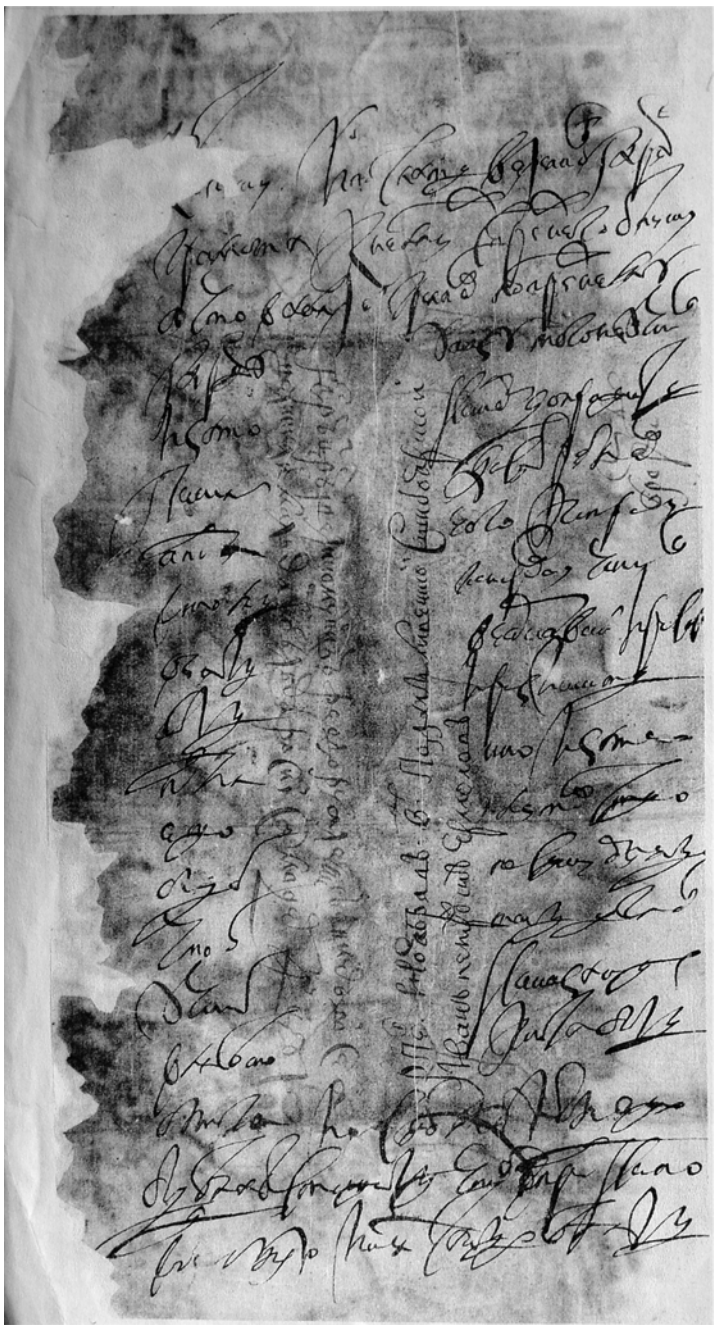
Земляной город. Фрагмент «Сигизмундова плана» Москвы 1610 г.
Белый город между Китайгородской стеной и Skorodomom.

(Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982)

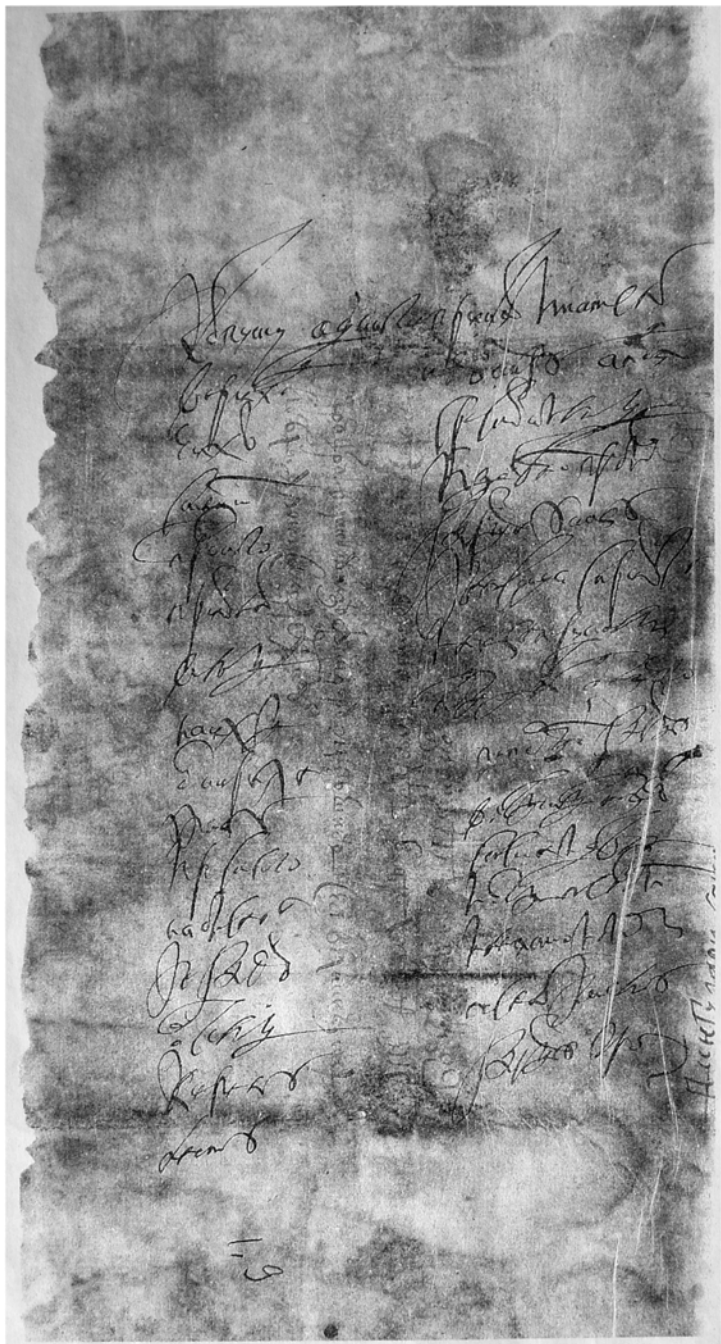

Посольский приказ. 1591 г. Рисунок 1674 г. из альбома Э. Пальмквиста.
На первом плане – вымостка Спасской улицы перед зданием приказов.

(Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982)

Образец почерка В.Г. Семенова. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 529. Ч. 3. Л. 6 об.

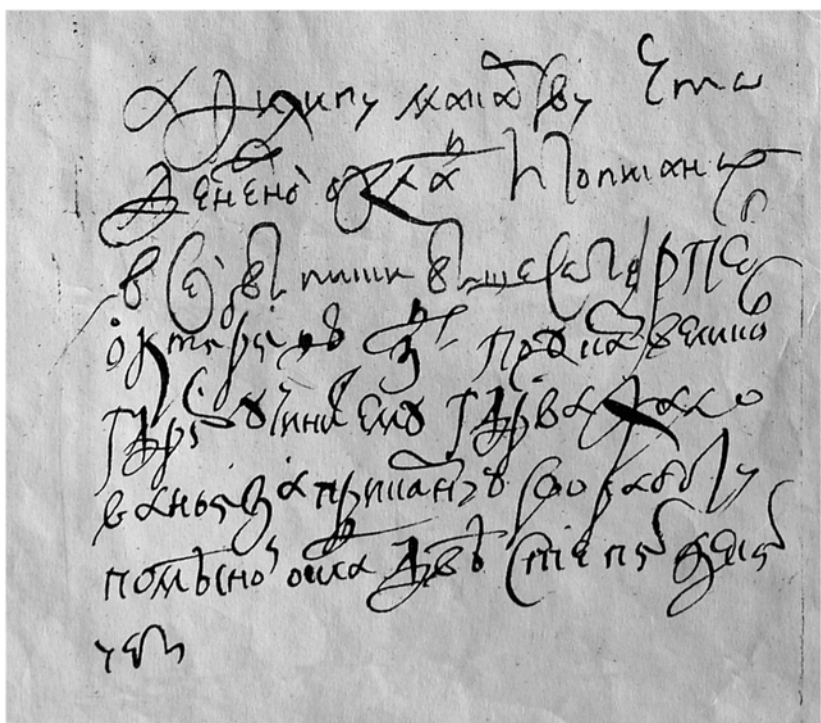
Образец почерка В.Г. Семенова. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 529. Ч. 3. Л. 33 об.

Мѣ Ковалъ. Ка...
...
...
...
...

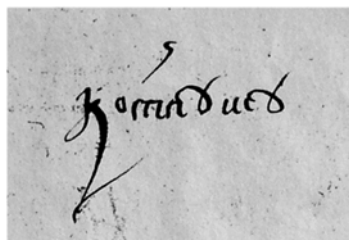
Образец почерка В.Г. Семенова. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 527. Л. 145 об.

Мѣ Сентъ...
...
...
...
...

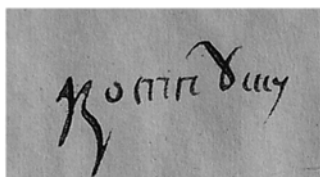
Образец почерка В.Г. Семенова. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ст. 4. Л. 1 об.

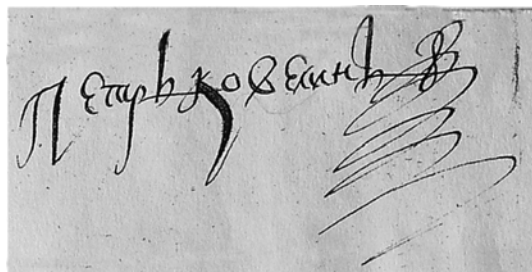
Образец почерка П.И. Ковелина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 4. Л. 17.

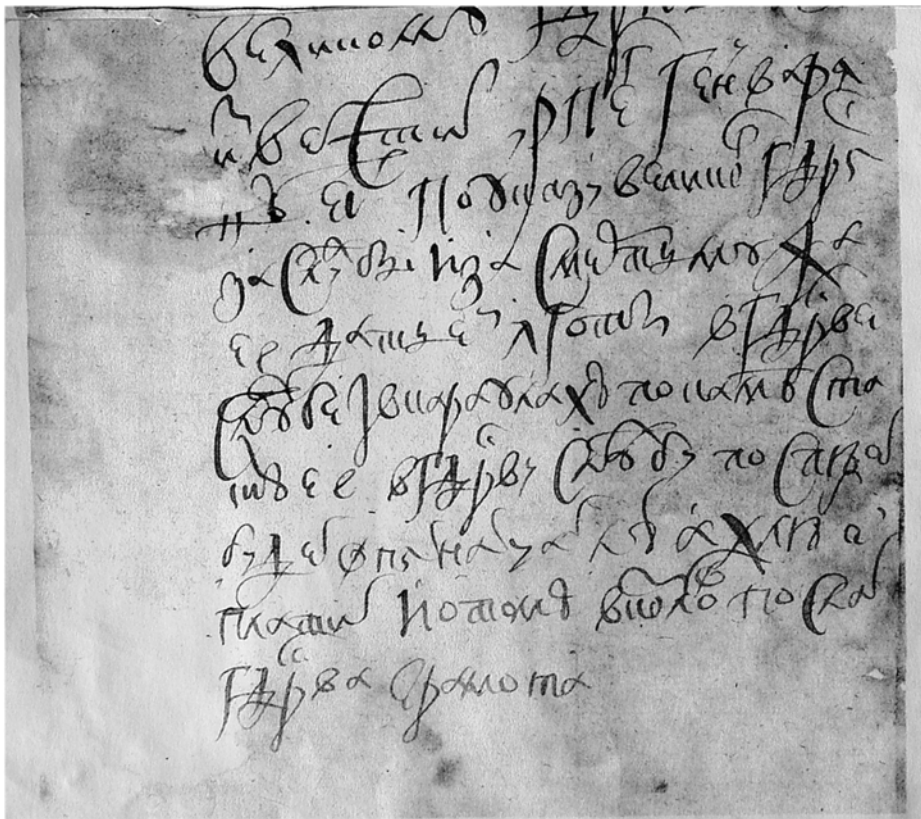
Образец почерка
П.И. Ковелина.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9.
Д. 531. Ч. 2. Л. 92 об.

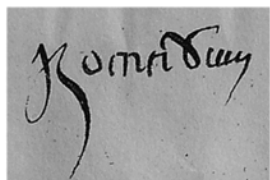
Образец почерка
П.И. Ковелина.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9.
Д. 531. Ч. 2. Л. 9 об.

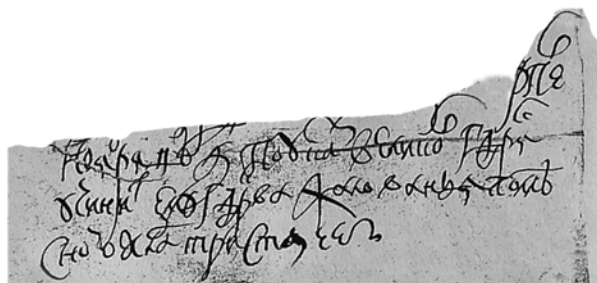
Образец почерка П.И. Ковелина.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 2. Л. 45.

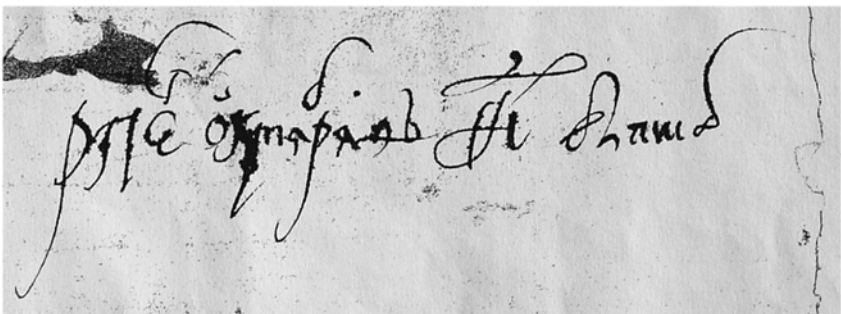
Образец почерка П.И. Ковелина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 529. Ч. 3.Л. 113.

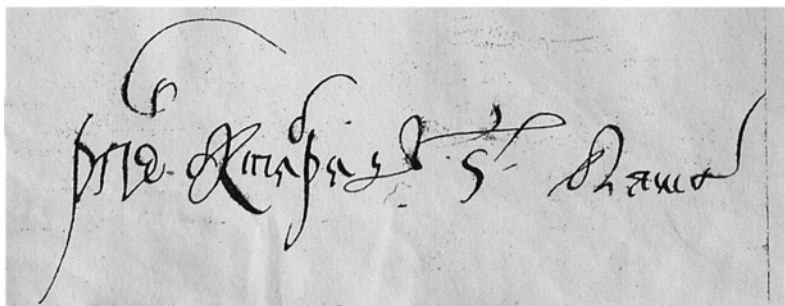
Образец почерка
П.И. Ковелина.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9.
Д. 531. Ч. 2.Л. 11 об.

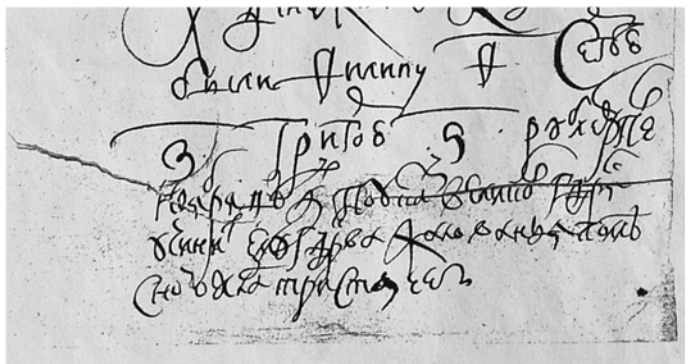
Образец почерка П.И. Ковелина.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 4. Л. 36.

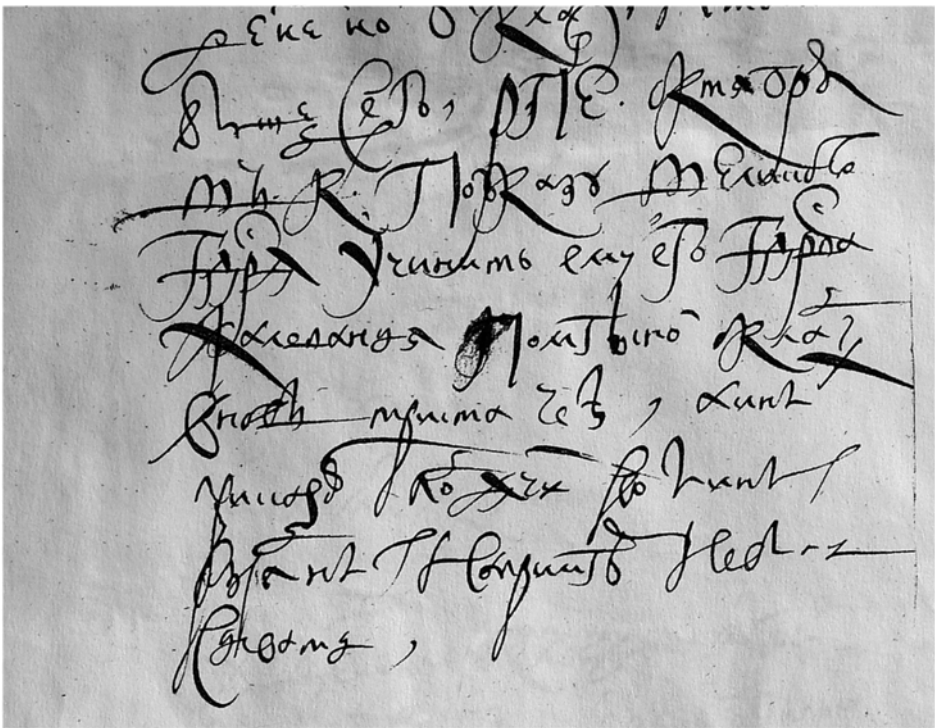
Образец почерка П.И. Ковелина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 4. Л. 33 об.

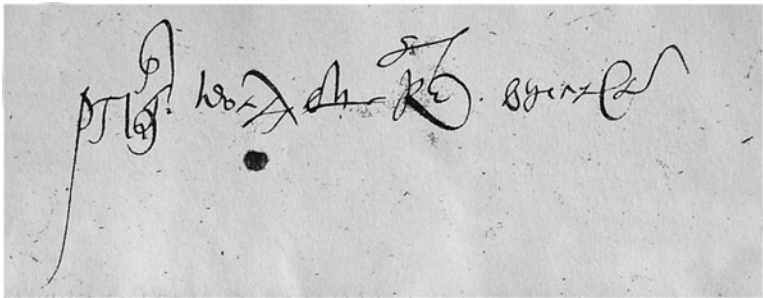
Образец почерка П.И. Ковелина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 4. Л. 14 об.

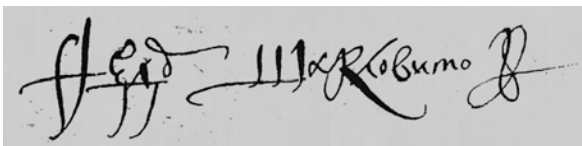
Образец почерка П.И. Ковелина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 4. Л. 36.

Образец почерка Ф.Л. Шакловитого. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 4. Л. 7.

Образец почерка Ф.Л. Шакловитого. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 4. Л. 9 об.

Образец почерка Ф.Л. Шакловитого. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 2. Л. 91.

44. Михаиловацѣ

Тригорьство

Ваня Ронина

+ Маѣво Павло

+ Ва Радичи

+ Ваня Бахонца
Юлиана Пыжова
~~Бориславна Маку~~

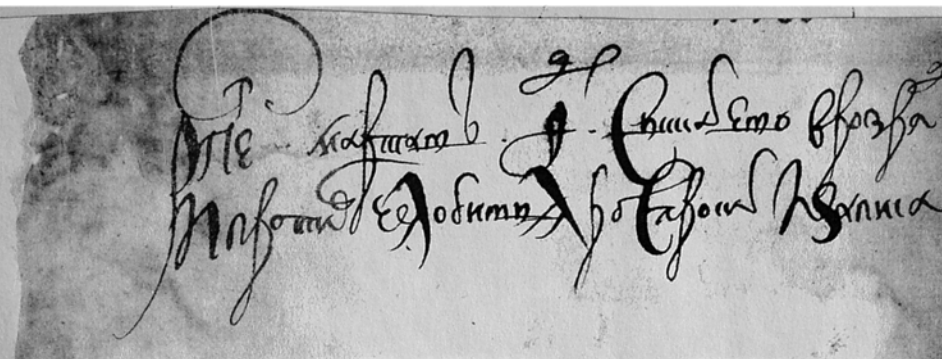
+ Анзорина Глофи

~~Петровна~~

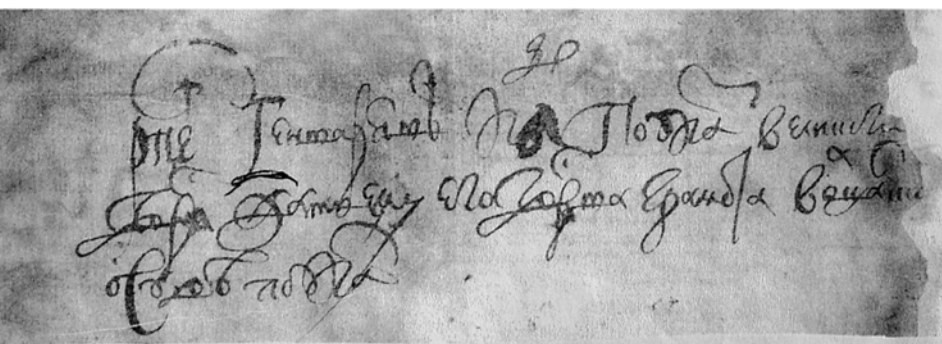
~~Ремитинь востанко~~

Р. 9 / + Ваня Иваню Федю

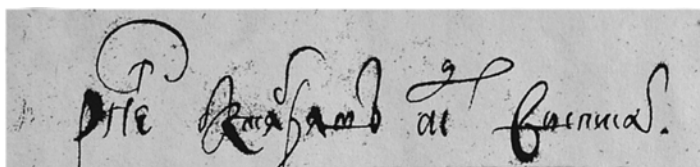
Образец почерка Ф.Л. Шакловитого. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 527. Л. 44.

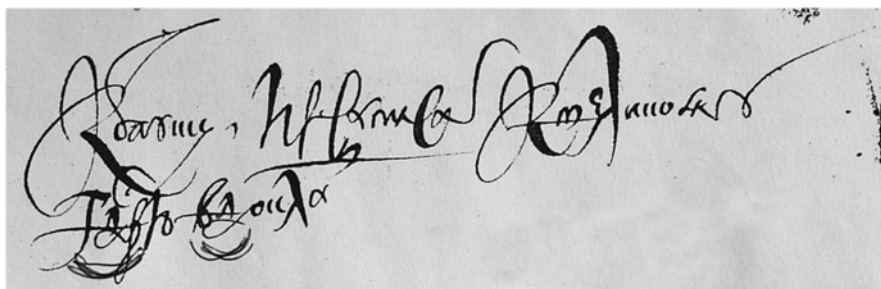
Образец почерка Л.А. Домнина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Д. 527. Ч. 3. Л.172 об.

Образец почерка Л.А. Домнина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Д. 529. Ч. 3. Л. 125 об.

Образец почерка Л.А. Домнина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 2. Л. 3 об.

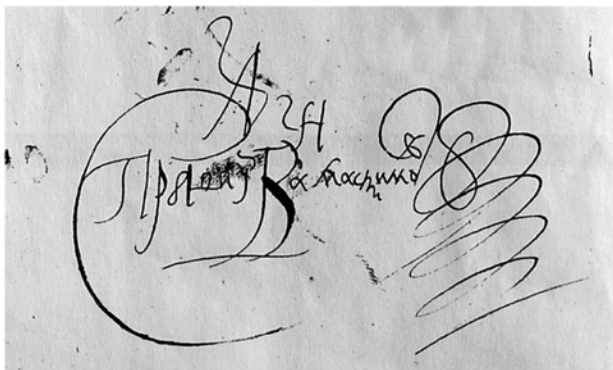
Образец почерка Л.А. Домнина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 2. Л. 1 об.

396. Динешнев ма рне Тедо подк
Велико Тедо Тедо Тедо Тедо
Литовска м. Карелинск. м. Карелинск.
Полковник (Киев) Тедо Тедо
Ван Тедо м. Карелинск. Тедо
Тедо Тедо Тедо Тедо Тедо
Тедо Тедо Тедо Тедо Тедо
Тедо Тедо Тедо Тедо Тедо
Тедо Тедо Тедо Тедо Тедо
Тедо Тедо Тедо Тедо Тедо

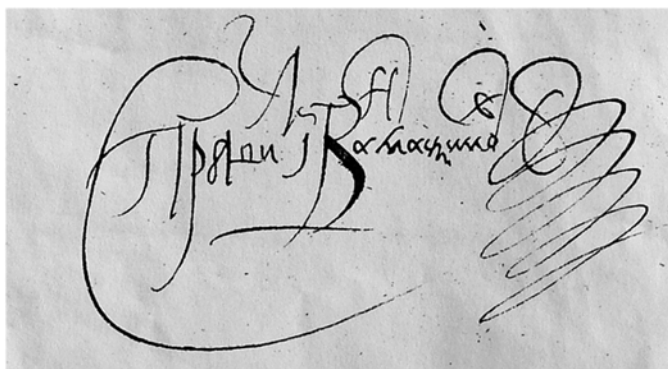
Образец почерка А. Яцкого. РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Д. 277. Л. 396.

Прешкомб мо бат Того
 вода К Моксо
 Божиние павел - Велики
 Того про Великого цржа Жерда
 Михайловича Обавкини
 Максим, Невкел роини Схо
 рдзца Сконанид дуби
 роман Рогвард Схо
 Нисран фламанд по жие
 зини Спину по сел а дуб
 фавелитини Схо рдини
 Ора Мано Тана
 Колани Седина рдуби
 Лел на одруки вартел
 Невел а Схо
 Хандра дуби

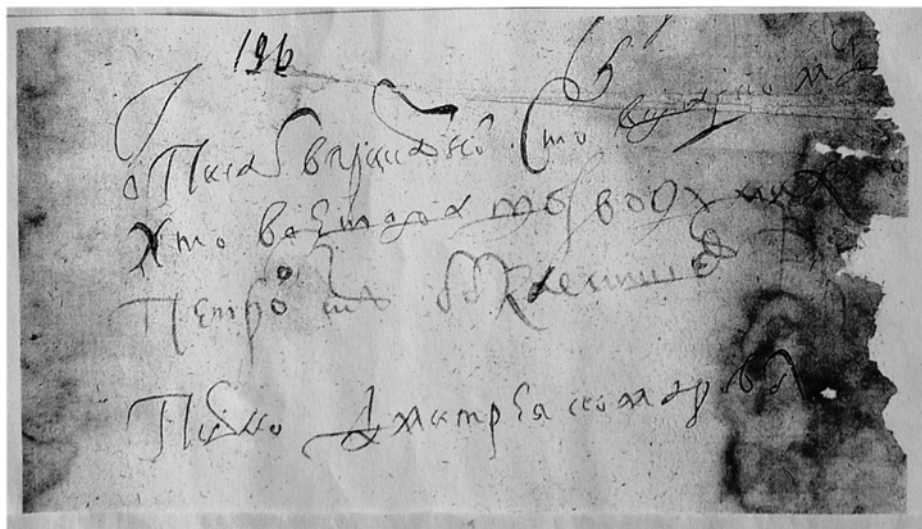
Образец почерка А. Яцкого. РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Д. 277. Л. 404.

Образец почерка И. Максимова. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 2. Л. 63 об.

Образец почерка И. Максимова. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 2. Л. 91 об.

Образец почерка Д. Комарова. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Д. 529. Ч. 3. Л. 196.

294.

Въ розъ Лифо розъ Туда Вѣтмиа
Вбоарино Лифо вудъ Санизе Трибо
Рениорисе Коринно Стоварыши

Въ розъ Туда Влони вудъ Ториду
Сбоариномъ Лифо вудамъ Санизе
Зрельмъ муревеице до Торидово
Стоварыши, Жтомъ Лошъ Нѣва
Вборони Рудано рани

Клоосмотръ Утрибока алашии

297

НА... РИ... НА... В... А... С... Л...

77 415.
Хорошо оно вошло
на добрый повод
Зима Зоя Притора
Божанова манова, рне
идма до И. Дре проа
лова втв Еу, Кр ас
Пославши

Хорошо оно вошло
на добрый повод
Зима Зоя Притора
Божанова манова, рне
идма до И. Дре проа
лова втв Еу, Кр ас
Пославши

Глава 1

Законодательство второй половины XVII в. о приказах

Ставя своей целью изучить каждодневную работу Разрядного приказа в 1676-1677 гг., невозможно отрешиться от социальной среды, в которой существовал Разряд. При этом имеются в виду не только события внутри и внешнеполитической жизни России этого времени, но и юридические и практические рамки существования приказов – то, как законодатели и администраторы – современники – представляли себе “правильный” способ управления и как это представление реализовывалось в жизни. Для этого необходимо обратиться в законодательству второй половины XVII в., трактующему внутренний распорядок приказной работы.

Практика и обычай играли, как известно, большую, если не определяющую роль в жизни русского государства XVII в. В полной мере это относится и к сфере центрального государственного управления, к приказной системе¹. Администраторы XVII в. были, мягко говоря, в гораздо меньшей степени озабочены твердым проведением в жизнь неких теоретических юридических и управленческих принципов, чем деятели петровского времени. При решении конкретных вопросов они чаще всего руководствовались соображениями практической, сиюминутной выгоды, здравым смыслом. Именно поэтому российское законодательство XVII в. в сфере управления лишь определяло общие положения и ключевые, наиболее важные или часто встречающиеся вопросы. Поскольку приказная система родилась и выросла, так сказать, самостоятельно, “естественным путем”, а не единовременным волевым решением какого-либо монарха, то специального, отдельного регламента центральных государственных органов России XVII в., определяющего их структуру и функции, не существовало. Наибольшее количество законодательных актов, регулирующих государственную управленческую деятельность XVII в., собрано в Уложении 1649 г. В нем аккумулировано законодательство предшествующего времени (конца XVI – начала XVII вв.), касающееся этой сферы государственной дея-

Новая трапезная Симонова монастыря в Москве. Начата постройкой в 1677 г.
(Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982)

тельности, – как своды законов, так и отдельные юридические акты. После принятия Уложения правительством издавало, по мере необходимости, отдельные законодательные акты, касавшиеся вопросов управления. Следует сразу оговориться, что четко разделить различные отрасли законодательства по административным вопросам довольно трудно, так как в одном законодательном акте тесно переплетаются вопросы процессуальные и делопроизводственные, вопросы должностных обязанностей, трудовой дисциплины и должностных преступлений приказных служащих.

Практическая работа центральных правительственных учреждений наиболее полное освещение получила в трудах Н.П. Загоскина и В.О. Ключевского². Но основным объектом исследования обоих авторов являлась Дума. Приказы рассматривались лишь постольку, поскольку это было связано с деятельностью Думы – со временем ее заседаний, с порядком докладов приказных судей Думе, с подготовкой в приказных канцеляриях документов для этих докладов и т.п. Соответственно, из всех приказных служащих внимание уделялось только приказным судьям и приказным дьякам, причем по большей части думным. Работа самого приказа, его среднего и низшего звеньев (т.е. старых, средней статьи и молодых подьячих, приказных детей боярских, приставов и сторожей), почти не освещалась.

Другие историки изучали практическую работу приказов, основываясь на их делопроизводстве, но это касалось во многих случаях только отдельных приказов или даже отдельных приказных деятелей, и, кроме того, ученые привлекали к своим исследованиям лишь некоторые законодательные постановления, непосредственно касавшиеся предмета их трудов, не ставя своей целью охватить максимально широкий круг законодательных актов по вопросам приказного строительства³.

В этой главе автор попытался выяснить, как отразилась работа центральных исполнительных органов, т.е. приказов, XVII в. именно в законодательстве, а не в делопроизводстве – результате каждодневной их деятельности. На наш взгляд, законодательство как некий суммирующий, обобщающий момент поможет определить отношение к теории и практике управления с точки зрения людей XVII в., узнать, что казалось им важным, а что второстепенным в этой области государственной жизни, еще раз уточнить характер и особенности государственного управления этого периода.

Поскольку администрирование в XVII в. было практически неотделимо от исполнения судебных функций, большая часть статей, определяющих основные принципы государственного управления, находится в главе X Уложения “О суде”. Известно, что компетенция приказов законодательно определялась “от противного”: в приказах решались все дела по их ведомству, кроме спорных, которых в приказе “вершити будет не мощно”⁴. Такие дела было велено “вносити из приказов в доклад” к царю и Думе. Собственно, другого подхода к разделению компетенции исполнительной и законодательной власти и быть не может, только в более позднем законодательстве он не выражен столь лаконично и прямолинейно.

Как было сказано, законодательного акта или группы актов, устанавливающих количество и номенклатуру приказов или даже официально подтверждающих существующую структуру, в русском законодательстве

XVII в. нет. Однако, поскольку система приказов была гибкой и подвижной и быстро реагировала на изменения в политической жизни страны (прежде всего, смену правителей), а, следовательно, и государственных приоритетов, время от времени появлялись указы, в которых объявлялось о создании, упразднении или реорганизации отдельных приказов (например, создание и роспуск приказов Тайных дел и Счетного). Указы эти были по-деловому кратки, в них отсутствовали какие бы то ни было идеологические обоснования перемен, это были сугубо административные распоряжения по делопроизводственным и кадровым вопросам. Так, в ходе общих реформ управления конца 70-х гг. состоялся указ 1677 г., которым объявлялось, что с 19 декабря этого года монастырские дела из Монастырского приказа переходят в ведение приказа Большого дворца, к боярину, дворецкому и оружейничему Б.М. Хитрову с товарищами. Денежные доимки Монастырского приказа поручается собрать думному дьяку Новой чети И.С. Горохову. “А впредь Монастырскому приказу не быть”⁵.

Тремя годами позже, в 1680 г., была проведена реорганизация деятельности нескольких приказов. До этого, в 1677 г., несколько финансовых приказов (Большой казны, Большого прихода, Новгородская, Владимирская и Галицкая чети) были объединены под руководством трех начальных людей – боярина И.М. Милославского, окольного И.И. Чирикова и думного дьяка А.С. Кириллова. При этом ведущим органом в этой связке финансовых учреждений был приказ Большой казны. В 1680 г. в ведение И.М. Милославского и его товарищей перешли Московская и городовые таможи и Мытная изба. Перемены были проведены в двух направлениях. Первое было связано с расширением компетенции приказа Большой казны в связи с присоединением к нему таможен и Мытной избы. Для приема и счета казны и для приема и ведения новой финансовой документации – таможенных и кабацких книг и списков – необходимы были дополнительные кадры, знакомые со спецификой предстоящей работы. Для этого штат приказа Большой казны был увеличен за счет служащих приказов Большого прихода, Новгородской и Новой четей. Из этих приказов было предписано взять старых подьячих (в указе они перечислены поименно, что свидетельствует о значимости этих работников), а также из тех же приказов набрать тридцать человек средней статьи и молодых подьячих соответствующей квалификации (которым “счетные дела за обычай”⁶). В связи с государственной важностью возложенного на них дела указ обязывал начальных людей в короткие сроки дать подьячим полные оклады (при обычном переводе из приказа в приказ верстание окладом и выдача денег происходили далеко не сразу) и не отрывать от работы никакими командировками, чтобы “в сборе казны и счете порухи не было”.

Второе направление реорганизации было связано с необходимостью оптимизации деятельности приказов, собирающих налоги – Большого прихода, Новгородской, Владимирской и Галицкой четей. Для непосредственного ведения дел в этой связке приказов во главе их был поставлен думный дьяк П. Пятово, в помощь ему были назначены три дьяка, в чьем ведении также находились дела всех трех четей (Новгородской, Владимирской, Галицкой) одновременно, и дьяки для каждого из приказов. Наконец, для уп-

рощения административной работы четырёх приказов было указано слить их канцелярии (снести дела “в одно место, чтобы не было волокиты челобитчикам”).

Указом 1685 г.⁷ практически были слиты три приказа. Челобитный приказ и подсудных ему людей было велено ведать Судному Владимирскому приказу; в него же переводились дела и подьячие Судного Московского приказа.

Гораздо реже встречаются постановления, регулирующие внутреннюю структуру приказов, в частности упразднение или образование столов. Такие перемены, естественно, вызывались изменением компетенции приказа. Так, например, в том же 1680 г. именным указом некоторые категории служилых людей были переведены из ведомства приказов Казанского дворца, княжества Смоленского и Большого дворца в Разряд, в связи с чем этим же указом в Разрядном приказе учреждались новые столы – Казанский и Смоленский⁸. Это, в свою очередь, повлекло за собой и кадровые перестановки для заполнения штатов новых приказных подразделений. В Разряд предписывалось перевести старых подьячих, ведавших соответствующими категориями служилых людей в приказах Казанского дворца, княжества Смоленского и Большого дворца. В подчинение старых подьячих переводились старые, средней статьи и молодые подьячие, состоявшие, так сказать, в запасе (бывшие “не у дел”), из приказов Большого прихода, Новгородского, Ямского и других. Следует особо отметить эту характерную черту приказной системы: все приказы воспринимались как единый неделимый аппарат управления, поэтому и ресурсы их, как людские, так и денежные, свободно перетекали из одного приказа в другой, что не считалось вторжением на “чужую территорию”, в чужое ведомство. В некотором смысле уровень централизации приказной системы был выше, чем в системе государственных учреждений последующих эпох.

Чаще, чем указы об упразднении или образовании новых приказов или столов, в законодательстве встречаются акты, связанные с изменением компетенции отдельных приказов, не затрагивающие общей управленческой структуры или внутреннего строения приказов. Обычно это было результатом перераспределения между приказами отдельных категорий населения, определенного рода дел, территорий, финансов. Естественно, что каждое такое перераспределение влекло за собой и передвижение соответствующей части приказной документации, а иногда и приказных кадров. Так, в 1665 г. некоторые категории служилых людей были переданы из ведомства Иноземского приказа Разряду⁹, вместе с ними Разряду переходили и соответствующие финансовые документы. Информацию о новых назначениях начальных людей этих категорий служилых Иноземский приказ должен был теперь получать через Разряд. В том же указе повелевалось передать сбор налогов с южных территорий (Белгородского и Севского полков) из финансовых приказов Большого прихода и Новгородской чети также в Разряд. Основанием такой реорганизации (приведенным в указе) послужило то, что дислокация вооруженных сил в этом южном регионе из временной стала постоянной, а, поскольку эти территории с их служилым населением целиком находились в ведении Разряда, то было логично и сбор

налогов на жалование этим служилым передать в руки Разряда. В указе также предписывалось собранные налоги в Разряд не высылать, а расходовать на месте на жалование армии по распоряжениям из Разряда.

В следующем году из Иноземского приказа Разряду временно (“до указа”) была передана Новая Немецкая слобода – для переписи ее населения и писцового описания дворов. Задание было возложено на назначенного из Разряда стольника и разрядных же дьяков. В помощь им были приданы подьячие и решеточные приказчики из Земского приказа¹⁰.

Чаще всего изменение компетенции приказов было связано с перераспределением между ними некоторых функций. Так, в 1682 г. разного рода земельные дела были разведены между приказами Поместным и Судным. В первом предписывалось решать дела о межевании, во втором – о насильственном завладении поместьями и вотчинами и связанных с ними грабеже, разорении и обидах¹¹. С другой стороны, дела по заложенным вотчинам в 1684 г. были переданы из ведомства Судного приказа в Поместный¹². В 1687 г. была расширена компетенция Сысского приказа. Его сотрудникам разрешалось производить аресты подозреваемых по уголовным делам в московских слободах, не информируя приказы, которым эти слободы были подсудны, – до указа из-за длинной бюрократической цепочки виновным удавалось в буквальном смысле слова избежать наказания¹³.

Примером изменения компетенции приказов в области финансов может служить передача денежных сборов (полоняничных и ямских денег) с дворцовых земель из приказа Большого дворца в Ямской¹⁴.

В организацию повседневных дел каждого приказа, исходящих из его назначения и задач и никак не регламентированных законодательно, правительство обычно не вмешивалось. Исключения были связаны с конкретной ситуацией или общими переменами в той или иной сфере государственной жизни. Так, например, указом 22 августа 1677 г.¹⁵ ввиду военных действий на Украине Разряду предписывалось всех служащих, откомандированных им в города по требованиям других приказов по разным делам, “без своего, великого государя, именного указу ныне на перемену прежним не отпускать и прежних воевод и приказных людей не переменять”. Указом 26 апреля 1680 г.¹⁶ в связи с некоторой модернизацией в военной сфере вводилось новшество и в делопроизводство того же Разряда: “голов московских стрельцов, которые по разрядному списку в стольниках, и тех писать стольниками и полковниками, а которые написаны в стряпчих и в иных чинех, и тех писать полковниками, а полуголов подполковниками, а сотников капитанами московских стрельцов”.

Другой причиной нарушения рутинной работы приказов и, соответственно, издания специальных постановлений по организации приказной работы были особые правительственные поручения. Так, время от времени приказы получали от правительства задания по кодификации вышедших после Уложения новых узаконений. В декабре 1681 г. каждому приказу велено было составить выписки из всех его постановлений за время царствования Алексея Михайловича и Федора Алексеевича “сверх Уложения 157 году и сверх новых статей”¹⁷. На следующем этапе кодификационной деятельности приказы должны были на основании этих выписок составить

проекты новых законов, “какие в которых приказах впердь к верхнюю всяких дел пристойны, а в Уложении тех статей не напечатано и в Новых статьях не написано ж”. Все материалы приказам предписывалось прислать “в тетрадах за дьячьими приписьми в Разряд”.

В 1685 г. по челобитным московского и городского дворянства Судному Московскому приказу также была поручена кодификационная работа: необходимо было упорядочить в некоторых вопросах судопроизводство и взыскание “проестей и волокит” – штрафов за умышленное затягивание судебного процесса.

Указом от 9 ноября 1680 г.¹⁸ была организована совместная работа нескольких приказов. Поместному предписывалось составить опись поместных и вотчинных земель всех служилых чинов государства, от бояр до подьячих “и иных чинов людей”. Списки бояр, окольных, думных и ближних людей, московских чинов, дьяков, городских служилых людей, а также копейщиков, рейтар и солдат Севского и Белгородского полков Поместному приказу должен был предоставить Разряд, причем в указе отмечено, что списки стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов в Поместный приказ уже отправлены в прошедшем году. Иноземский и Рейтарский приказы были обязаны прислать в Поместный приказ списки подведомственных им служилых людей – “московских полков начальных людей и копейщиков и рейтар и солдат”.

Ряд указов посвящен работе центральных государственных учреждений в экстремальной ситуации – во время эпидемий. Указ от 5 августа 1656 г.¹⁹ строжайше, “под жестоким наказанием”, обязывал подьячих всех приказов, у кого в доме появится больной, докладывать об этом боярской комиссии, управлявшей в это время Москвой в отсутствие царя. Кроме того, чтобы отвести угрозу заражения от государя, запрещалось привлекать таких подьячих к писанию документов, предназначавшихся для отправки царю в поход.

Летом следующего, 1657 года руководству Разряда было дано указание организовать карантин для гонцов из Смоленска на Дорогомилковской заставе. Специальные посыльные должны были оповещать приказы, куда поступали отписки от полковых воевод, о прибытии гонцов. В свою очередь, приказы должны были отправлять на заставу подьячих для копирования этих отписок; подлинники необходимо было сжигать²⁰.

Специального постоянного контрольного органа, надзирающего за деятельностью центральной государственной администрации, в России XVII в., как известно, не было (в некотором отношении таким учреждением являлся приказ Тайных дел). Однако центральной властью проводились контрольные акции, спорадические проверки одного или нескольких приказов, всегда обусловленные конкретными изменениями в центральном управлении. В ноябре 1680 г. проверке подвергся практически весь центральный административный аппарат: приказы Посольский, княжества Смоленского, Большой казны, Большого прихода, Стрелецкий, Костромская четь, Ямской, Казанского дворца, Сибирский, Судный, Большого дворца, палаты Оружейная, Золотая и Серебряная, Поместный, Разбойный, Казенный, Печатный, Холопий, Земский, Конюшенный, Каменный, Судный дворцовый, Иноземский, Рейтарский (приказы перечислены так,

как это сделано в указе). Заместителям начальников приказов и приказным дякам предписывалось “дела описать и подъячих счесть”, составить отчетные документы – описные книги и счетные списки – и представить их лично царю в двухмесячный срок²¹.

Время от времени в приказах проводилась переаттестация, сопровождавшаяся, как это всегда и бывает, сокращением штатов. Так, в 1683 г. была проведена такая проверка среднего и низшего управленческих звеньев Разбойного приказа. Кроме того, служащие должны были предоставить гарантии своей профессиональной пригодности: “в Разбойном приказе подъячих старых и средней статьи и молодых разобрать, и которым доведется в приказе у их государевых дел быть, и по тех взять поручные записи с подкреплением, а без поручных записей у дел подъячим не быть”.

Кроме внутреннего контроля приказов за состоянием казенных средств (о котором будет сказано ниже), опять же эпизодически, чаще по обстоятельствам, проводилась и их внешняя проверка. В марте 1680 г. подобная акция была проведена по всему центральному государственному аппарату²². Было приказано подвести полугодовой баланс во всех приказах, указав, в числе прочего, основания всех расходов учреждения. Докладывать государю о результатах проверки должны были сами начальники приказов. Кроме того, предписывалось произвести проверку финансовой деятельности подъячих-казначеев со дня вступления их в должность, если таковая проверка ранее не проводилась. Кроме того приказным дякам поручалось провести учет всех делопроизводственных документов приказа и составить их опись. На такое трудоемкое и сложное дело давались весьма жесткие сроки – полгода, учитывая, что указы отнюдь не прекращали своей ежедневной обычной деятельности.

Хотя внутренняя структура приказов никаким документом специально не определялась, кадровые вопросы центрального государственного аппарата постоянно находились в поле зрения правительства. Одним из наиболее известных указов, посвященных этим вопросам, является указ от 8 февраля 1664 г.²³ о запрещении принимать на службу в указы подъячими “розпопов и роздяконов” и отставке уже принятых. Другой касается повышения статуса и престижа думных дяков – начальников приказов²⁴. Этим именным указом от 21 декабря 1680 г. предписывалось возглавляющих указы думных дяков “в своих государевых указах и у дел в приговорах и в иных таких письмах, и где они будут в посылках с бояры и воеводы или одни, велеть их в наказах и в своих государевых грамотах и во всяких делех писать с вичем”. Однако в официальных учетных документах – боярских списках – думных дяков велено записывать “по прежнему, как они до сего его государева указу писаны”.

Если относительно приказной структуры никакого общего регламента не имелось, то некоторые правила функционирования центрального административного аппарата в законодательстве того времени рассмотрены. Например, рабочие и нерабочие дни государственных служащих к середине XVII в. были установлены довольно четко. В Уложении названы нерабочие дни для всех приказов – это все воскресенья, двенадцатые праздники, некоторые периоды больших постов и дни именин членов царской семьи (царя,

царицы и их детей)²⁵. Всего, таким образом, предшественники современных чиновников не работали примерно сто дней в году, то есть чуть меньше одной трети года. Исключение составляли срочные дела государственной важности, что было специально оговорено в Уложении. Кроме того, по субботам работа прекращалась за три часа до вечера, то есть в зимние месяцы примерно в 13-15 часов, весной – в 17-18 часов, летом – в 18:30 - 19 часов, осенью – в 14-16 часов.

В том же 1649 г. в это расписание были внесены некоторые уточнения и частичные изменения. Нерабочим временем для служащих приказов от начальных людей до подъячих, объявлялось время после обеда в субботу и до обеда в воскресенье²⁶. Таким образом, не весь воскресный день оказывался, вопреки Уложению, нерабочим. Исключение из этого правила составляли сотрудники приказов, имевших наибольшее значение в сфере государственного управления – Разрядного, Посольского и Большого двorca.

В оправдание чиновникам XVII в., имевшим столько нерабочих дней в году, следует сказать, что рабочий день их был весьма продолжителен – от десяти до четырнадцати часов. В некоторых указах это объявляется прямо: “Приказным людям, дьяком и подъячим, в приказах сидеть во дни и в ночи двенадцать часов”²⁷; “В приказах начальным людям и дьяком и подъячим сидеть в день пять часов, в вечеру пять же часов”²⁸.

Как видно из приведенных законодательных актов, рабочее время в России XVII в. отсчитывалось не по часам, с двенадцати- или двадцатичетырехчасовым циклом, а определялось в связи с темным и светлым временем суток, которое, естественно, изменялось в течение года. Соответственно, график работы тоже был гибким, следующим за временами года. Об этом свидетельствуют указы, объявляющие, говоря современным языком, о переходе на зимнее и летнее время. Так, указом от 15 декабря 1669 г.²⁹ было определено “на Москве в приказах судьям и дьяком сидеть за дела с первого часу ночи во все дни, да им же с делами всходить в верх перед бояр и сидеть в приказах до восьмого часа с первого часа ночи”. Этим указом регламентировалось время работы приказов во второй половине дня в зимний период. Можно с большой долей вероятности предположить, что и подчиненные судей и дьяков сидели в приказе никак не меньше начальства, то есть (для зимних месяцев) с 16 до 23 часов. Таким образом, вторая половина рабочего дня в 1669 г. составляла семь часов, а, следовательно, весь рабочий день длился приблизительно четырнадцать часов.

За десять лет ситуация с продолжительностью рабочего дня государственных служащих не изменилась. Указ 2 ноября 1679 г. предписывал начальным людям приказов, от бояр до дьяков, с этого числа являться в присутствии “с утра за час до дня, а из приказу выезжать в шестом часу дня, а в вечеру в приказу приезжать в первом часу ночи, а из приказу выезжать в седмом часу”³⁰. Переведя это расписание на современный счет времени, мы увидим, что первая семичасовая половина рабочего дня длилась с 7:30 до 14:30, затем следовали полуторачасовой перерыв и вторая семичасовая половина рабочего дня – с 16 до 23 часов.

Положение несколько изменилось к лучшему в следующем, 1680 г. Для государственных служащих был установлен 10-часовой рабочий день.

26 октября всем служащим приказов, от начальных людей до подьячих, было указано “приходить в приказ в день и в ночь в первом часу”, то есть в 8:30 и в 18 часов, а продолжительность каждой половины рабочего дня, как уже говорилось выше, составила 5 часов³¹, с весьма длительным перерывом в четыре с половиной часа.

К указам о режиме работы приказов относится и еще один, от 11 января 1675 г.³² Судя по принимаемым мерам предосторожности, в Москве только что закончилась какая-то эпидемия, во время которой все центральные государственные учреждения были закрыты, и теперь было разрешено “все приказы отпереть” и принимать дела от частных лиц, но только тех, кто находится в Москве. Приглашать для решения дел лиц из других областей запрещалось, еще действовал карантин: “А зазывных грамот никому ни по кого не давать”.

Дополнительные сведения о времени работы приказов можно почерпнуть из указов о продолжительности рабочего дня Думы, поскольку их рабочее время по необходимости совпадало. 3 декабря 1669 г. боярам, окольным и думным людям было указано съезжаться на вечерние заседания Думы в Золотую палату в первом часу ночи, то есть с 16 часов³³. Как было отмечено выше, через полторы недели последовало распоряжение начальникам приказов являться в Думу с делами с 16 до 23 часов. При переходе на “летнее время” члены Думы должны были “июля с 20 числа с понедельника приезжать в верх в десятом часу дня”³⁴, то есть с 15 часов. Указ от 1 февраля 1676 г.³⁵ неясен в отношении времени суток: “Великий государь указал бояром и окольным и думным людям съезжаться в верх на первом часу и сидеть за делы”. Если это первый час дня, то он соответствовал 8:30 современного счета времени, если же первый час ночи – то 17 часам. Подобная неопределенность, огорчительная для исследователей, объясняется тем, что указы о времени заседаний Думы весьма лаконичны, это рядовые административные распоряжения, касающиеся предметов, хорошо известных в кругах центральной администрации и не требующих специальных пояснений.

Кроме продолжительности рабочего дня приказов законодательство регулировало и порядок их сношений с Думой. Были определены дни недели, когда начальники приказов могли или должны были являться с докладами на заседания Думы (1669 г.)³⁶. Понедельник отводился ключевым управленческим структурам, определявшим внутреннее и внешнее положение государства – приказам Разрядному и Посольскому. Во вторник выслушивались главные финансовые учреждения – приказы Большой казны и Большого прихода. В среду докладывали начальники больших “земельных” приказов – Казанского дворца и Поместного, в четверг – также крупных территориальных приказов Большого дворца и Сибирского, в пятницу – Судных Владимирского и Московского. В 1674 г. этот порядок продолжал работать³⁷. В указе о времени заседаний Думы в отношении слушания приказных дел сказано: “по прежней росписи”. В целом порядок этот не изменился и позднее, только выросло число приказов, дела которых еженедельно обсуждались Думой. Вот план заседаний Думы по делам приказов, который уже не вмещался в неделю, на начало августа 1676 г.: пятница –

приказы Разрядный, Посольский и его присуды; понедельник – приказы Большой казны, Иноземский, Рейтарский, Большого прихода, Ямской; вторник – приказы Казанского дворца, Поместный, Сибирский, Челобитный; среда – приказы Большого дворца, Судный дворцовый, Оружейный, Костромская четь, Пушкарский; четверг – Судные Владимирский и Московский, Земский; пятница – Стрелецкий, Разбойный, Хлебный, Устюжская четь³⁸. Как видим, приказы в основном сгруппированы по определенным отраслевым признакам. Все вышеперечисленные указы касались проведения заседаний Думы в Москве. Но иногда они проходили и вне столицы – в ближних подмосковных дворцовых селах, куда выезжал царь. По его требованию думные чины и приказные судьи должны были приезжать к нему для решения государственных дел: в 1674 г. в Преображенское через день, четыре раза в неделю³⁹, в 1675 г. в Воробьево три раза в неделю⁴⁰. Следует отметить также, что все распоряжения по временному регламенту работы центральных государственных учреждений, как Думы, так и приказов, были единоличным решением государя, все указы являются именными.

Кроме указов, регулирующих режим работы центральных государственных органов, имеется значительный массив законодательных актов, посвященных организации их административной и делопроизводственной работы. Основные установления этого направления в законодательстве содержатся в Уложении 1649 г., в той же обширной главе X “О суде”. Все они, как уже отмечалось выше, в той или иной степени связаны с процессом судопроизводства, так как практически все приказы обладали судебными функциями в отношении подведомственных им категорий населения.

Посмотрим, какие же проблемы администрирования и делопроизводства представлялись наиболее важными в XVII в.

Статья 23 главы X Уложения определяет способ управления приказом и его отражение в приказном делопроизводстве. Следует сразу отметить, что он ничего не решает в споре о коллегиальности и единоначалии приказной системы. С одной стороны, статья определенно выделяет главу приказа: “А в котором приказе по государеву указу будет боярин или окольный или думный человек с товарищи, три или четыре человека” (это подтверждает и приведенный ниже указ 23 февраля 1677 г.). С другой стороны, в ней говорится о полной взаимозаменяемости начальных людей приказа: если “в которое время из них один или два человека в приказ не придут за своею болезнью, или за иным за своим каким нужным домашним недосугом, или из них кто будет в отпуску с Москвы”, вести судебное заседание предписывается “товарищем их, которые будут на Москве в приказах”, и делать это “судьям вобче”. При вынесении приговора это положение остается в силе – “и то дело вершити товарищем, которые будут в приказе”. Имена судей, принявших решение по делу, записывались в итоговый документ суда – “и в приговор писати свои имена”. Отсутствие судей на заседании отмечалось не только тем, что их имена не вносились в приговор – в этом же документе необходимо было записать причину неявки судьи на заседание.

Наибольшее место среди актов, касающихся вопросов центрального управления, занимают статьи, регламентирующие приказное делопроиз-

водство. Как и все административное законодательство, эти акты связаны с судебными делами, но общие принципы их распространяются на все приказное делопроизводство. Основная тяжесть делопроизводственной работы лежала на подьячих, причем закон не определяет сферу деятельности подьячих разных статей (молодых, средней статьи и старых).

Уложение 1649 г. установило порядок инициирования судебных дел. Предписывалось подавать челобитные сначала в приказ (в котором был в судебном отношении ведом человек), и только в случае нерешения дела в приказе челобитчик мог просить о перенесении дела в другой приказ или апеллировать к высшей власти – государю⁴¹.

Законодательство также жестко определяло ход и порядок движения судебных документов в приказах. При возбуждении судебного дела истец подавал в приказ приставную память для привлечения ответчика к суду. Такая память должна была быть подписана истцом. Документ считался принятым к рассмотрению, когда приказный дьяк ставил на нем свою подпись. С этого дня начинался отсчет времени в ведении этого дела, что фиксировалось в специальных приказных документах: подьячему предписывалось “ту память записать в книгу того ж числа, в котором числе память будет подписана. А записав в книгу, отдать ту память приставу”, в чьи обязанности уже входило доставить ответчика к суду⁴².

Преображенская церковь
в подмосковном дворцовом селе Остров

Благовещенская церковь в подмосковном селе Тайнинском. 1677 г.

Затем подьячий должен был зафиксировать иски сторон (“истцовы и ответчиковы речи”) и положить на стол дьяка в соответствующую стопку документов – “к вершенью”, причем сделать это “вскоре, а вдаль никаких судных дел не откладывать”⁴³.

Во время слушания дела подьячий обязан был вести запись, то есть фактически протокол судебного заседания⁴⁴. В нем запрещались любые поправки и исправления. По завершении слушания протокол должны были подписать тяжущиеся стороны или, за их безграмотностью, доверенные лица. С протокола подьячий писал беловую копию, дьяк сверял ее с подписанным сторонами оригиналом и подписывал сам, чем придавал документу официальный характер. От подьячего требовалось хранить оригинал среди своих документов до окончания дела для возможных споров сторон. По завершении судебного разбирательства подьячий должен был подклеить оригинал в столбец к другим документам по делу. Кроме того ему предписывалось сразу по окончании процесса – “того ж часу, как суд отидет” – записать кратко ход дела и решение по нему в специальные судные книги, то есть составить краткий протокол заседания, “чтоб про то было ведомо, кто на ком чего искал и сколько с того дела доведется взять государевых пошлин”⁴⁵.

Как видим, для ведения судных приказных дел существовали четкие и довольно жесткие делопроизводственные нормы.

Законодательство регламентировало и собственно приказное делопроизводство. Так, при межведомственной переписке следовало из Разряда в приказы, где в руководстве находились думные чины, отправлять указы, а в остальные приказы – памяти (23 февраля 1677 г.)⁴⁶. В распоряжении, адресованном руководству приказов, предписывалось во всех исходящих документах писать имя одного главного судьи, начальника приказа, а заместителей обозначать собирательно – “с товарищи”, а не поименно⁴⁷. Указ 1682 г. предписывал при составлении и выдаче жалованных вотчинных грамот вернуться к прежней практике, прерванной в царствования Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, а именно: дьяки, по чьему непосредственному распоряжению выдаются такие грамоты, должны ставить и свою подпись на лицевой стороне грамоты, ниже печати, придавая ей тем самым официальный статус⁴⁸.

Двумя указами 1688 г. в придании официального статуса документу первенство отдается государственной печати. В первом из них⁴⁹ подьячим Поместного приказа запрещалось выезжать на места для разрешения земельных конфликтов по наказным памятям, если эти памяти были без печатей, даже при наличии дьячьей подписи. Следующий указ⁵⁰ подтверждал это положение, запретив уже дьякам ставить свою припись на документах без печати. Основанием таких делопроизводственных строгостей были интересы государственной казны – “чтоб от того их, великих государей, денежная пошлинная казна не пропадала”.

Законодательство по делопроизводству выделяло еще несколько важных тем. Так, специальный закон⁵¹ был посвящен значению грамматики в подаваемых в приказы документах. В этом законе фактически был официально зафиксирован один из этапов складывания единого русского языка, устного и письменного, – в нем признавались равные права наречий и ди-

алектов, существовавших на момент принятия закона, а также учитывалась некоторая динамика в развитии письменности. Указ утверждал, что несоответствия в написании имен и прозвищ, обусловленные фонетическими различиями русских говоров (“по природе тех городов, где кто родился и по обыкновениям своим говорить и писать извык”), не являются нарушением закона и основанием для возбуждения судебного дела. В указе приводятся такие грамматические расхождения: о-а, ь-ъ, ѣ-е, и-і, о-у.

Как уже говорилось, в законодательстве XVII в. делопроизводственные вопросы тесно переплетены с процессуальными вопросами о должностных обязанностях приказных служащих и другими.

Должностные обязанности различных категорий государственных чиновников специально нигде не определяются. О думских чинах сказано известная краткая формула: “А бояром и окольниковым и думным людям сидеть в палате и по государеву указу государевы всякие дела делати всем вместе”⁵². Функции каждого думского чина в отдельности никак не обозначены. То же положение мы находим и в отношении различных категорий приказных служащих, от начальных людей до подъячих. Сведения о должностных обязанностях дьяков и подъячих рассеяны по отдельным законодательным актам. Так, разрядным дьякам вменялось в обязанность принимать присягу новому государю в приходских церквях по месту жительства тех московских чинов, которые по болезни не могли сделать это вместе со всеми⁵³. Разрядные дьяки должны были также принимать присягу в Успенском соборе Кремля у вновь пожалованных в московские чины⁵⁴, причем присяга должна была состояться в день пожалования. Не приведенный к вере стольник, стряпчий, московский дворянин или жилец не имели права приступать к своим обязанностям. Кстати, то же относилось и к дьякам – велено было “не быв у веры”, “дьяком в приказах не сидеть и никаких дел не делать”⁵⁵. Одна из статей Уложения указывает на такую обязанность подъячих: если во время судебного разбирательства истец или ответчик объявляли себя больными, то полагалось “того больного послати осмотреть подъячего доброго” того приказа, где слушалось дело⁵⁶ (т.е. подъячий осматривал больного истца или ответчика у них на дому).

Многие должностные обязанности приказных служащих не были обозначены в законах прямо, однако они прочитываются в законодательных актах о нарушении трудовой дисциплины и должностных преступлениях.

Основными “действующими лицами” таких законов являются судья, дьяк и подъячий. Приказные дети боярские, приставы, сторожа и другой вспомогательный персонал приказов в них не фигурируют. Исключение составляют, пожалуй, только приставы и недельщики. В Уложение включены компактные группы статей, определяющих их обязанности и санкции за нарушение этих обязанностей, – статьи 137-143 о приставах и 144-148 о недельщиках. Объяснение этому можно найти в том, что деятельность этих категорий приказных служащих была более конкретной, а круг обязанностей более узким, чем у подъячих и дьяков, а потому и более доступными для систематизации.

Практически все законы, определяющие санкции за должностные преступления приказных судей, записаны в Уложении 1649 г. Прежде всего,

это, разумеется, неправый суд⁵⁷. Наказание за него предусмотрено строгое, особенно если учесть, что речь идет о государственных чиновниках высшего ранга. Первая часть статьи, так сказать, восстанавливала справедливость: за умышленное вынесение неправильного приговора судья обязан был из своих средств возместить тройную сумму иска истца. Кроме того, на него налагались выплаты пошлины, пересуд и правый десяток в пользу государя. Во второй части определялось собственно наказание: у думного человека отнималась честь – его думный чин, недумному грозила торговая казнь. И тот, и другой навсегда отстранялись от управленческой деятельности – приказной службы.

За взяточничество судья закон конкретного наказания не предусматривал (как и в некоторых других законах о правонарушениях начальников приказов). Дело слушалось корпоративным судом – боярами, они представляли материалы своего расследования царю, и он решал дело по обстоятельствам каждого конкретного случая⁵⁸. Один подобный случай, как прецедент, вошел в законодательство. В 1654 г. во мздоимстве были обвинены князь А. Кропоткин и дьяк И. Семенов⁵⁹ (дьяк Стрелецкого приказа). За то, чтобы не записывать посадских людей из Горохова, ради их пожарного разорения, в Гостиную сотню, А. Кропоткин “взял с тех гороховлян посулу 150 рублей”. Дьяк “взял себе посулу бочку вина, а денег им за то вино не платил, и после того с них же просил ... денег тридцать рублей”. Сначала обоих взяточников припугнули смертной казнью, но по прошению царевича Алексея Алексеевича она была заменена на более мягкое наказание. Князя А. Кропоткина вместе со всем родом велено было написать с городом, по Новгороду, а дьяка – бить кнутом по торгам и отдать за пристава, т.е. под стражу.

Наказание за неумышленную судебную ошибку (“без хитрости”) также определялось исходя из обстоятельств дела государем и боярами⁶⁰. Умышленное затягивание судебного процесса судьями “для их корысти” разбиралось таким же образом, как и предыдущее нарушение⁶¹.

Кроме законов о должностных преступлениях существовали законы, предусматривавшие санкции за нарушение трудовой дисциплины. За отсутствие на рабочем месте не по уважительной причине “отеческие дела”, “не для болезни и не для иного какова нужного недосу”⁶²) в течение нескольких дней судье велено было опять-таки “учинить наказанье, что государь укажет”, после чего обязать его присутствовать в приказе и исправно исполнять свой служебный долг: “всякия судныя дела вершить безволокитно, чтобы за судьей и за всяким приказным человеком ни в котором приказе никаким людем лишния волокиты и проести не было”.

Смотрела верховная власть и за тем, чтобы приказные служащие не покидали учреждений до окончания рабочего дня, причем (что вообще характерно для XVII в.) надзор осуществлялся только за высшей приказной администрацией – судьями и дьяками, а они уже, в свою очередь, должны были контролировать своих подчиненных. (Для освещения этого вопроса автору пришлось отказаться от принятого для настоящей главы правила не обращаться к делопроизводственным документам). “Рейды” по приказам для выявления “прогульщиков” осуществляли приказные подьячие по указу государя и руководствуясь инструкциями начальников Разрядного

приказа. Так, в 1669 г. в течение четырех дней, с 15 по 18 декабря, была проведена такая проверка большинства московских приказов. В конце рабочего дня разрядные подьячие ходили по приказам и в росписи приказов, полученной в Разряде, помечали, кто из руководства приказа присутствовал на рабочем месте: “178-го декабря въ 15 день въ 6-м часу ночи по указу великого государя и по приказу дьяков думного Дементья Башмакова да Федора Грибоедова да Василя Семенова подячей Федка Цыгоров ходил по приказом” – далее следует список приказов. Против многих из них помет нет, а в конце подведен итог: “И в тех приказах дворян и дьяков нет никого”⁶³.

После проверки в тот же день подьячие подавали руководству Разрядного приказа отчет – “сказку”: “178-го декабря въ 16-м числе сказал Розрядного приказу подячей Федка Цыгоровъ. По указу великого государя и по приказу думного дьяка Дементья Башмакова посылан я въ 7-м часу ночи в приказы⁶⁴, и в тех во всех приказах начальные люди сидят. То моя и скаска”⁶⁵. В тот же день в другое время по приказам ходил другой подьячий: “Пронка Фадеев по приказом ходил диаков смотрилъ в 3-м часу ночи” (после 18 часов. – *О.Н.*) в приказах Посольском, Поместном, Малороссийском, Стрелецком, Большого прихода, Иноземском, Ямском, Пушкарском, Разбойном, Казанском, Устюжской чети, Рейтарском, Челобитном, Сибирском⁶⁶. На следующий день, “178-го декабря въ 17-м числе въ 3-м часу ночи по указу великого государя и по приказу диаковъ думного Дементья Башмакова да Федора Грибоедова да Василя Семенова ходилъ Розрядного приказу подячей Мишка Наздрачов для досмотру судеи и диаковъ в приказы и в техъ приказах судьи и диаки сидят все” (перечислены приказы Поместный, Стрелецкий, Рейтарский, Новой чети, Малороссийский, Казанский, Устюжской чети)⁶⁷. Подобные сказки были представлены и по другим приказам⁶⁸.

В большинстве законов о должностных правонарушениях среднего и низшего звеньев управленческого аппарата дьяки и подьячие объединены в одной статье (но не в отношении ответственности за нарушения), что свидетельствует об их тесном взаимодействии в приказной работе; причем из этих статей становится особенно очевидно, насколько велика была роль этих чинов в центральном государственном управлении. Наказания за должностные преступления дьяков и подьячих были более определенными и гораздо более суровыми, чем для думных чинов. Если дьяк, будучи лично заинтересован в судебном деле – деньгами или связями, – вынуждал подьячего совершить подлог судебных документов (“написати не так, как в суде было и как в прежней записке за истцовою и за ответчиковою рукою написано»), то дьяку полагалась торговая казнь, а подьячего ждала еще более жестокая расплата – отсечение руки⁶⁹.

За предоставление заинтересованной стороне судебных документов подьячего отстраняли от дела⁷⁰. Если дьяк, имевший корысть в деле, вновь отдавал его ведение тому же подьячему или подьячий по указанию дьяка передавал документы заинтересованной стороне, дьяк выплачивал истцу сумму иска и пошлины. И дьяка, и подьячего полагалось бить кнутом и навсегда отставить от дел.

Кроме судьи умышленно затягивать дело могли, разумеется, и дьяк, и подьячие – и, может быть, даже с большим успехом. За такое должностное преступление дьяк и подьячий выплачивали потерпевшей стороне установленную сумму денег – расходы на проживание в Москве на время слушания дела (по 2 деньги на день) с начала слушания по дату, когда одна из сторон подала заявление о волоките. Наказанием за это правонарушение было: “дьяков бити батоги, а подьячих кнутом”⁷¹.

Государство и в XVII в. чрезвычайно трепетно относилось к делам, связанным с пополнением денежной казны. Поэтому из других возможных должностных преступлений подьячих в Уложении выделено преступление, связанное с утаиванием государевых пошлин. Подьячий мог не записать судное дело в специальную записную книгу⁷², а собранные по делу пошлины оставить себе. “И тому подьячему за то учинити наказание, велети его у приказу при многих людех бити кнутом”, пошлины же “велети доправить на том, с кого те пошлины взяти доведутся”. За “рецидив” этого должностного преступления подьячего указывается бить кнутом по торгам, отставить из подьячих и сослать в украинные города “в службу, в какую пригодится”⁷³.

Вопросам растраты казенных средств посвящен и специальный указ 1669 г.⁷⁴ Он адресован приказным казначеям – “подьячим, которые сидят у его государева дела, у прихода и расхода его государевой денежной казны” – и явно отражает текущую практику этих чиновников. Закон запрещает разворовывать государственную казну, а также давать из нее займы, хотя бы и с соответствующим оформлением займа – по кабальным записям, а также предоставлять эти записи в качестве оправдательного документа при проверках приказной казны. Интересно, что закон всю ответственность за правильное содержание приказной казны возлагает не на самих растратчиков-подьячих, а на их непосредственное начальство – дьяков. Дьяков указ обязывает следить за подьячими-казначеями (“над подьячими смотреть и беречь накрепко”), чтобы они не совершали указанных нарушений, и ежемесячно проверять наличные казенные средства. В случае выявления у подьячих растрат или приема дьяками закладных вместо наличных денег санкции предусмотрены не вполне определенные: дьякам грозит государева опала, а подьячим быть в “жестокое наказанье безо всякие пощады”. Недостачу – “начетные деньги” – указывается взыскать “мимо подьячих” с дьяков, “за то, что они над теми подьячими того не смотрели и не берегли, как они, подьячие, денежную казну займы раздавали, а они, дьяки, их помесечно не считали”.

Проблемы с приказными казенными деньгами были весьма важными, однако основной деятельностью дьяков и подьячих была работа с документами. Часть законов о правилах делопроизводства была рассмотрена выше, в основном они изложены в статьях Уложения 1649 г. Другие законодательные акты, предусматривающие санкции за нарушения в этой области, появились позже и являются законами по прецеденту. Одной из наиболее серьезных оплошностей подьячих была ошибка в написании царского имени и титула. В 1658 г. был объявлен указ: подьячему приказа Большого дворца “за пропуску его государева именованья учинить у Разряду наказанье, бити батоги”⁷⁵.

Особое внимание уделялось тому, чтобы при составлении документа соблюдалось принятые нормы этики и этикета. Так, в 1669 г. за то, что в отчетных документах о высылке на службу можайских и верейских служилых людей была “написана непристойная речь” (то есть, по всей вероятности, цитировалась ругань высылаемых), пострадали можайский воевода и подьячий верейской съезжей избы. Именным указом подьячего за то, что писал такие “доездные скаски”, велено “бить батоги нещадно”, а воеводу – “за твою вину, что ты такие доездные сказки принимал” – посадить “на день в тюрьму”⁷⁶.

Другой указ, 1670 г.⁷⁷, рассматривал еще более тонкие вопросы чиновного этикета. К воеводе И. Бутурлину с товарищами был послан стольник Ф.В. Бутурлин, чтобы передать похвалу царя за их действия. Как и полагалось, И. Бутурлин отправил в Москву благодарственную отписку. В ней и была совершена тяжкая, по понятиям того времени, ошибка. В отписке было сказано, что посланный от царя стольник “спрашивал вас о здоровье”, что было воспринято практически как фамильярность по отношению к государю: по своему положению воевода И. Бутурлин не имел права на такую монаршую милость. За это ему было высказано порицание: “И ты, Иван, к нам, великому государю, в отписке своей писал непригоже и неостерегательно, чего и бояре наши и воеводы нам, великому государю, так не пишут”. В указе сообщается правильная формулировка: “А писать было тебе к нам, великому государю, что прислан от нас, великого государя, к тебе с товарищи стольник Федор Бутурлин с милостивым словом, а не о здоровье спрашивать вас”. Разумеется, вина возлагается и на делопроизводителя, причем ошибка дьяка столь груба и очевидна, что, по представлениям центральной администрации, ее можно было совершить только в неадекватном состоянии: “А ты, дьячишко, страдник и страдничей сын и плутишко, того не смотришь, что к нам, великому государю, в отписке писано непристойно, знатно пьешь и бражничаешь”. На такой проступок у властей нет готовых ответных санкций, но степень тяжести наказания определена: “И довелся ты жестокого наказания, и за то наш, великого государя, указ тебе будет впредь”. Однако этот проступок, хотя и тяжелый, все же не повлек за собой отставку провинившихся от службы. В заключении грамоты предписывается “впредь к нам, великому государю, в отписках так не писать и, будучи на нашей, великого государя, службе, над воровскими людьми промысл и поим чинить по нашему, великого государя, указу и по наказу, каков вам дан из Разряду, и по нашим, великого государя, указным грамотам, и смотря по тамошнему делу, сколько милосердый Бог помочи подаст, а что у вас учнется делать, и вы б о том писали к нам, великому государю”.

К общему законодательству о должностных обязанностях дьяков и подьячих и санкциях за их нарушение, которое по большей части заключено в Уложении, присоединяются отдельные указы, вышедшие позднее, о должностных обязанностях приказных с определенной специализацией. Так, боярским приговором 1681 г.⁷⁸ налагаются наказания на писцов (глав комиссий по описанию и межеванию земель) и дьяков, умышленно искаживших в писцовых документах результаты своей деятельности. У таких чинов-

ников предписывалось отнимать половину их поместий и вотчин в пользу пострадавшего; в случае отсутствия своих имений – бить кнутом.

Русское законодательство XVII в. предусматривало для государственных чиновников не только санкции за нарушение ими трудовой дисциплины или за должностные преступления. Приказные служащие обладали и правами на защиту своей чести, достоинства и здоровья. О значимости подобных прав свидетельствует то, что эти установления вошли в основной свод законов XVII в. – Уложение 1649 г. Во-первых, в него были включены статьи, предусматривающие ответственность за моральный ущерб, нанесенный любому человеку, находящемуся на государственной службе⁷⁹ (в статью 93 включены все московские и городские служилые чины, в том числе дьяки и подьячие). Из этих статей исключены только высшие, думные чины, за оскорбление которых предусматривались отдельные наказания.

Статья 14 главы X предусматривает наказание за ложное обвинение любого служащего центральных административных учреждений, от высших чинов, бояр, до низших, подьячих, различаясь только в степени ответственности. За ложное челобитье на боярина, окольничего, дьяка челобитчика полагалось бить кнутом, за бесчестье подьячего – батогами. Статья 17 главы X конкретизирует это общее положение специальным случаем: если челобитчики будут сами “волочить” дело, а вину за это возложат на дьяков и подьячих, то с приказных обвинение снимается, а челобитчики присуждаются к такому же наказанию, что и дьяк и подьячий за подобное правонарушение (см. выше).

Отдельные статьи посвящены защите чести, здоровья и даже жизни приказных судей. Со всей очевидностью исходящие из приказной практики, эти статьи рисуют довольно суровую картину судейских будней. Статья 105 главы X ограждала достоинство судей, если можно так выразиться, в этическом отношении. Тяжущимся сторонам предписывалось вести себя в суде пристойно: “став перед судьями, искать и отвечать вежливо и смиренно и не шумно, и перед судьями никаких невежливых слов не говорить, и меж себя не браниться”. Статья, таким образом, призвана была поднять на высокий уровень общественную нравственность хотя бы в стенах государственных учреждений – нарушение описанных норм поведения трактовалось как “судейское бесчестье”, за которое нарушителя предписывалось “посадить в тюрьму на неделю”. Компенсация предусматривалась и потерпевшей в споре стороне – за бесчестье словом закон указывал на нарушителя “доправити бесчестье по указу” (в Уложении предусматривались отдельные санкции за моральный ущерб всем категориям населения). Последующие пункты статьи рассматривают дальнейшее возможное развитие событий для тяжущихся – от удара рукой до убийства оружием в суде.

Но в процессе судопроизводства могли пострадать не только истец и ответчик. Статья 106 той же главы посвящена защите приказных судей во время исполнения ими своих должностных обязанностей, причем имеются в виду не только специально судебные функции, но и административная деятельность начальников приказов. За оскорбление судьи “непригожим словом” обидчик нес ответственность в первую очередь перед государствен-

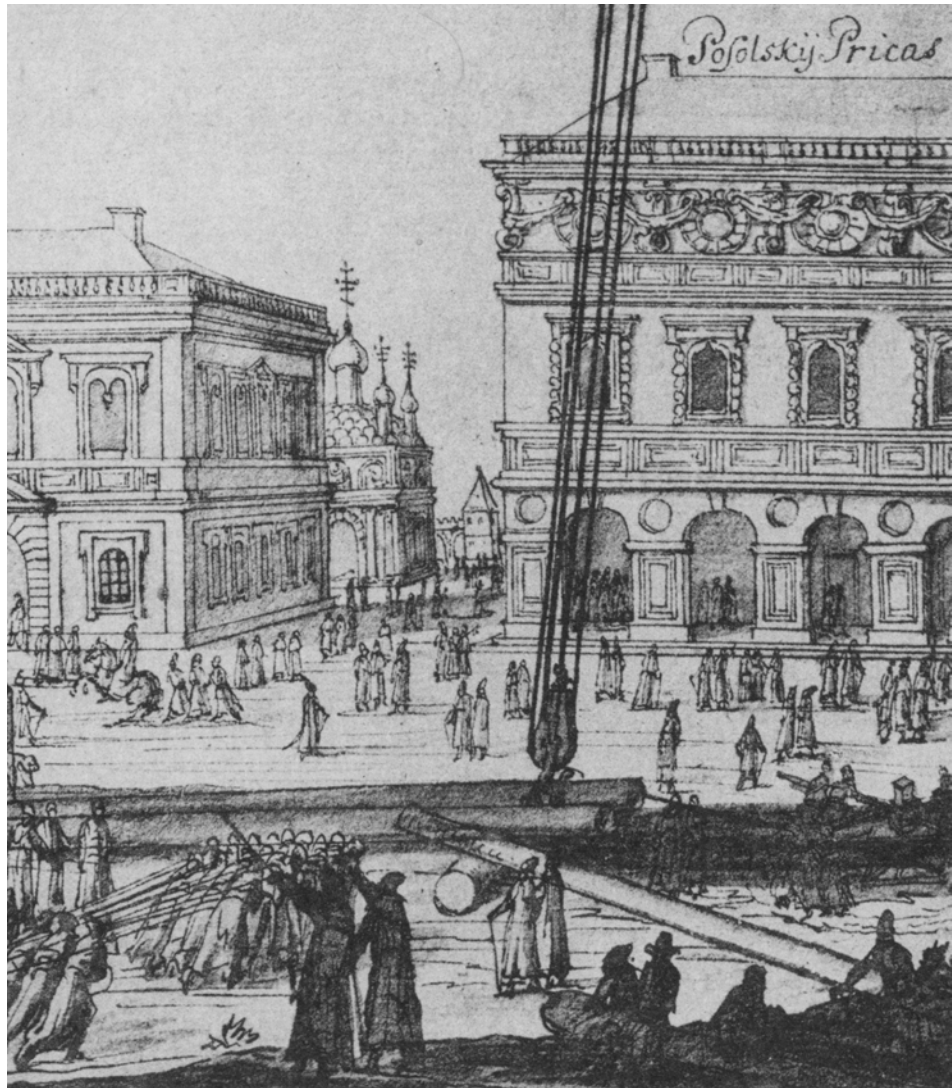
Входоиерусалимская церковь в Красной слободе под Верейей. 1667–1679 гг.

ным чиновником как законным представителем царя – “за государеву пению бити кнутом или батоги, что государь укажет”, и затем – перед судьей как частным лицом (“а судье велеть на нем доправить бесчестье”). Последующие пункты, как и в статье 105, декларируют санкции за нанесение большего ущерба судьям: “будет кто судью чем зашибет или ранит”, “а будет кто судью в приказе или где ни буди убьет до смерти”, причем в каждом случае разделяется наказание за нанесение вреда судье как государственному чиновнику и как частному лицу. Таким образом, статья была направлена на поддержание престижа государственного служащего.

Однако, поднимая на высокий уровень статус чиновника, закон ставил ограничения и для последнего: “а будет судья учнет государю бити челом на кого в бесчестье о управе ложно, [...] и ему за то по сыску учинити тот же указ, чего бы довелся тот, на кого он о управе бил челом”⁸⁰.

Законодательство ставило под свою защиту и более широкие слои приказных людей. В статье, следующей за статьями о должностных обязанностях приставов, оговаривался случай сопротивления ответчика или адресата официального послания отправленным к ним из приказа служащим⁸¹. Подобное поведение рассматривается как оскорбление не только непосредственного исполнителя, но и его приказного начальства: если ответчик или адресат распоряжения “учнет того пристава или сына боярского бити сам, или велит кому его бити мимо себя людям своим или крестьяном или кому ни буди, или у него наказную или приставную память или государевы грамоты отоймет или издерет, и тем он приказных людей, от которых тот пристав послан будет, обесчестит”. В таком случае нарушитель несет ответственность, опять-таки двойную, перед государем в лице его представителя и перед частным человеком. “Такова непослушника за государеву грамоту бити кнутом и посадити в тюрьму на три месяцы, а недельщику велети на нем доправить бесчестья и увечье против окладу вдвое”. Далее рассматриваются случаи нанесения тяжких телесных повреждений приставу, вплоть до его убийства, и наказаний за них. Но тут же, статьей 143, как и в случае с судьями, ставится предел возможным злоупотреблениям чиновников: если пристав будет ложно обвинять кого-либо в бесчестье и в “бое”, ему самому определяется наказание – бить кнутом.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие наблюдения. Законодательство XVII в. в области управления носило скорее адаптивный, чем декларативный характер – откликалось на насущные потребности сегодняшнего дня, отвечало на запросы практики. Законов, устанавливающих формы и способы управленческой, собственно бюрократической работы, крайне мало. Из многообразия различных аспектов этой области государственной деятельности законодательство второй половины XVII в. выделяет лишь узловые моменты, без определения которых государственная машина не могла полноценно функционировать. Это, прежде всего, вопрос о компетенции приказов: центральные исполнительные органы работают в рамках существующих законов и традиций; недоумения и противоречия разрешают, как им и положено, законодательные органы. Во-вторых, законом определяется субъект и способ управления исполнительными органами – судья с товарищами, которые работают вместе и могут заменять друг друга.

Посольский приказ в Кремле.

Фрагмент рисунка «Подъём большого колокола в Кремле». 1674 г. (Альбом Э. Пальмквиста).

Посольский приказ был частью комплекса приказных палат и замыкал его северное крыло близ алтарей Архангельского собора. Объём Посольского приказа отделён от остальных приказов небольшим проулком, оформляя юго-восточный угол Соборной площади. В просвете между зданием Посольского приказа и зданием слева просматривается 1-я Безымянная башня южной стены Кремля, что связано, видимо, с начавшейся и частично осуществлённой разборкой южного крыла гоудоновских приказов.

(Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982. С. 60).

Следует отметить, что центральные исполнительные органы XVII в. были отчасти и законодательными – они издавали, так сказать, подзаконные акты в связи с исполнением своих функций. Поэтому другие законы, определяющие отдельные, специальные аспекты деятельности центральных исполнительных органов (изменение компетенции отдельных приказов, кадровый состав управленцев низшего и среднего звеньев, некоторые вопросы делопроизводства) принимались в процессе деятельности приказов, в ответ на возникающие противоречия или перемены.

Единственная сфера деятельности приказов – судебная, которая была неотделима от собственно управленческой, – получила подробное и четкое законодательное оформление в своей процедурной, делопроизводственной части. Эта область функционирования исполнительных органов порождала в процессе своей реализации множество вопросов и проблем, почему и было необходимо четко определить, как должны действовать исполнители всех уровней в каждом отдельном случае на каждом этапе процедуры и какие санкции полагаются за наиболее распространенные служебные нарушения и преступления. По этой же причине законом предусматривалось скрупулезное документирование всех этапов судебного процесса.

Вместе с тем, ни в Уложении, ни в отдельных законодательных актах не отражены принципы устройства центральной администрации: не определены номенклатура и иерархия должностей, нет общих служебных инструкций по вопросам приказного делопроизводства. Некоторое исключение составляют законы о должностных обязанностях служащих приказов. Но и здесь основной принцип законодательства – от практики – определяет их характер. Должностные обязанности разных категорий приказных служащих устанавливаются в законах не сами по себе, а в связи с определенным судебным, административным или делопроизводственным процессом или конкретной ситуацией, делом. Таким образом, закон в определении должностных обязанностей государственных служащих отталкивался не от должностного регламента, а от практики управления, и только в тех случаях, когда эта практика ставила вопросы. Во всех остальных случаях, в том числе связанных и с общими принципами устройства и функционирования приказной системы, деятельность органов управления основывалась на традиции, на богатом опыте, передаваемом от одного поколения приказных другому, до тех пор, пока сотрудники государственных учреждений не столкнутся в своей профессиональной деятельности с какими-либо противоречиями или неувязками, которые повлекут принятие соответствующего закона.

Такой стихийный, иррациональный с обычной точки зрения подход к управлению был по-своему разумным и практичным. Он по своей сути соответствовал приказной системе – естественному продукту социальных требований и воздействий. Не парализованные организационными схемами и должностными инструкциями или тем, чтобы права каждой категории служащих точно соответствовали их обязанностям, приказы обладали большими адаптивными возможностями, способностью приспосабливаться к нуждам времени, модифицироваться: одни приказы заменялись другими, изменялась их компетенция, исчезали и появлялись их структурные подраз-

деления – столы, но вся приказная система в целом не претерпевала значительных изменений. Отсутствие же законов, определяющих основные принципы устройства и функционирования приказной системы, как раз и свидетельствует об отсутствии в ней внутренних противоречий, а, следовательно, о ее устойчивости.

- 1 История государственного управления в России. М., 2001.
- 2 *Загоскин Н.П.* История права Московского государства. Т. II. Казань, 1879; *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. М., Б.г. (1994).
- 3 *Ардашев Н.Н.* К вопросу о коллегияльности приказов // Труды VIII Археологического съезда. 1890. М., 1897; *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906; *Веселовский С.Б.* Приказный строй управлений Московского государства. М., 1912; *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902; *Рожков Н.А.* Происхождение самодержавия в России. Пг., 1923; *Чернов А.В.* К истории Поместного приказа (внутреннее устройство приказа в XVII в. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т.9. М., 1957; *O'Brien B.O.* Moscovite prikaz administration of the XVIIth cent.: The quality of leadership // Forschungen zur osteuropKischen Geschichte. Band.24. Wiesbaden, 1978.
- 4 Уложение 1649 г. Гл. X. Ст.2.
- 5 Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Т. I. № 711.
- 6 ПСЗ. Т. II. № 824.
- 7 ПСЗ. Т. II. № 1108.
- 8 ПСЗ. Т. II. № 844.
- 9 ПСЗ. Т. I. № 370.
- 10 ПСЗ. Т. I. № 386.
- 11 ПСЗ. Т. II. № 951.
- 12 ПСЗ. Т. II. № 1085.
- 13 ПСЗ. Т. II. № 1265.
- 14 ПСЗ. Т. II. № 1251.
- 15 ПСЗ. Т. II. № 704.
- 16 ПСЗ. Т. II. № 819.
- 17 ПСЗ. Т. II. № 900.
- 18 ПСЗ. Т. II. № 841.
- 19 ПСЗ. Т. I. № 187.
- 20 ПСЗ. Т. I. № 209.
- 21 ПСЗ. Т. II. № 842.
- 22 ПСЗ. Т. II. № 802.
- 23 ПСЗ. Т. I. № 369.
- 24 ПСЗ. Т. II. № 951.
- 25 Уложение. Гл. X. Ст. 25.
- 26 ПСЗ. Т. I. № 21.
- 27 ПСЗ. Т. I. № 237.
- 28 ПСЗ. Т. II. № 839.
- 29 ПСЗ. Т. I. № 462.
- 30 ПСЗ. Т. II. № 777.
- 31 ПСЗ. Т. II. № 839.
- 32 ПСЗ. Т. I. № 594.
- 33 ПСЗ. Т. I. № 461.
- 34 ПСЗ. Т. I. № 587.
- 35 ПСЗ. Т. II. № 621.
- 36 ПСЗ. Т. I. № 460.
- 37 ПСЗ. Т. I. № 582.
- 38 ПСЗ. Т. II. № 656.
- 39 Дворцовые разряды, изданные Вторым отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1852. Т. III. № 1095.
- 40 Там же. № 1409.
- 41 Уложение. Гл. X. Ст. 20.
- 42 Уложение. Гл. X. ст. 137.
- 43 Уложение. Гл. X. Ст. 22.
- 44 Уложение. Гл. X. Ст. 11.
- 45 Уложение. Гл. X. Ст. 128.
- 46 ПСЗ. Т. II. № 677.
- 47 ПСЗ. Т. I. № 820.
- 48 ПСЗ. Т. II. № 964.
- 49 ПСЗ. Т. II. № 1306.
- 50 ПСЗ. Т. II. № 1307.
- 51 ПСЗ. Т. I. № 597.
- 52 Уложение. Гл. X. Ст. 2.
- 53 ПСЗ. Т. II. № 620.
- 54 ПСЗ. Т. I. № 218.
- 55 ПСЗ. Т. I. № 406.
- 56 Уложение. Гл. X. Ст. 108.
- 57 Уложение. Гл. X. Ст. 5.
- 58 Уложение. Гл. X. ст. 7-9.
- 59 ПСЗ. Т. I. № 123.
- 60 Уложение. Гл. X. Ст. 10.
- 61 Уложение. Гл. X. Ст. 15.
- 62 Уложение. Гл. X. Ст. 24.
- 63 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 421. Л. 215.
- 64 *Далее перечислены приказы Посольский, Поместный, Стрелецкий, Казенный, Большого прихода, Сибирский,*

Иноземский, Разбойный, Челобитный, Ямской, Пушкарский, Рейтарский, Устюжская четверть, Малороссийский.

65 РГАДА. Ф.210. Оп.9. Д.421. Л.218.

66 Там же. Л.219.

67 Там же. Л.249.

68 Там же. Л.443-445.

69 Уложение. Гл.Х. Ст.12.

70 Уложение. Гл.Х. Ст.13.

71 Уложение. Гл.Х. Ст.16.

72 Уложение. Гл.Х. Ст.128.

73 Уложение. Гл.Х. Ст.129.

74 ПСЗ. Т. I. № 454.

75 ПСЗ. Т. I. № 233.

76 ПСЗ. Т. I. № 458.

77 ПСЗ. Т. I. № 485.

78 ПСЗ. Т. II. № 886.

79 Уложение. Гл.Х. Ст.83 – ответственность церковных чинов, ст. 93 – ответственность светских людей любого чина.

80 Уложение. Гл.Х. Ст.107.

81 Уложение. Гл.Х. Ст.142.

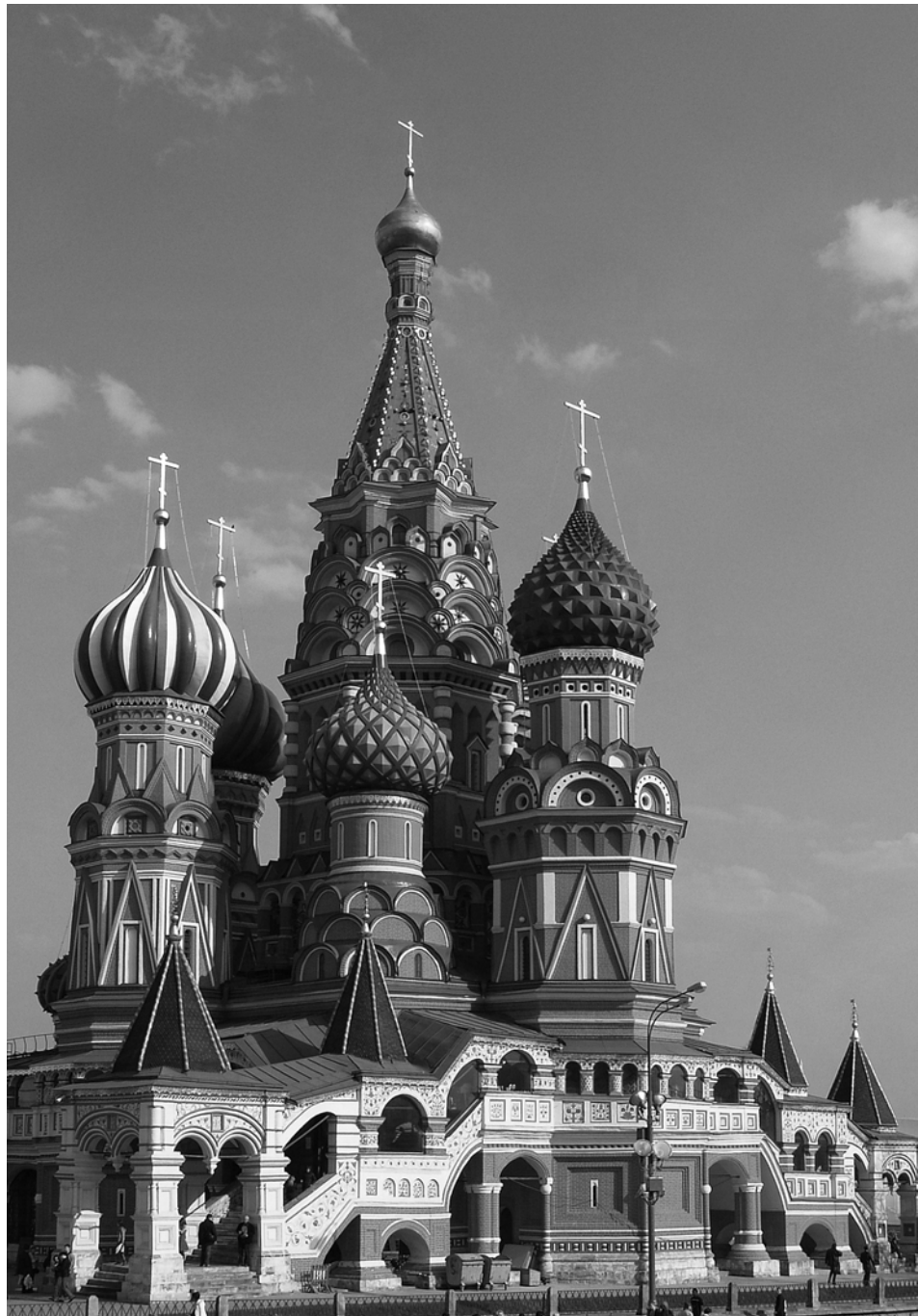
Глава 2

Структура Разрядного приказа в 185 г.

Столы Разряда

Разрядный приказ (он также назывался просто Разрядом или Большим Разрядом) был одним из двух (вместе с Поместным) государствообразующих учреждений России XVII в. Сфера его деятельности была наиболее обширной из всех приказов и чрезвычайно разноплановой. Максимально обобщив все аспекты деятельности Разряда, можно определить основные направления его работы: ведание служилыми людьми по отечеству всего Русского государства (а значит, его главными военными силами, центральным и провинциальным управленческим аппаратом, организацией придворных церемоний), его военными делами и управление южными (украинными) городами и уездами. Выделившись в XVI в. из думской канцелярии в самостоятельное ведомство, Разряд до конца своего существования (1711 г.) сохранил за собой функцию делопроизводителя Думы, посредника между нею и другими приказами: собирал для Думы необходимую информацию по приказам, обнародовал распоряжения верховной власти, имеющие как отраслевой, так и общегосударственный характер.

Разрядный приказ, как и другие крупные приказы, делился на отделения, или столы. По архивным описям фонда Разрядного приказа, которые относятся к 7185 г., можно предположить наличие в приказе семи столов: Московского, Приказного, Денежного, Новгородского, Белгородского, Севского и Владимирского. По мнению А.А. Гоздаво-Голомбиевского в 60-70-е гг. в приказе было пять столов: Московский, Новгородский, Хлебный, Приказный, Денежный¹. Однако в результате анализа документов Разряда за 185 год можно определенно утверждать, что в этом году в приказе существовало только четыре стола: Московский, Новгородский, Приказный и Денежный.

Покровский собор, что на Рву.

Каждый из столов, решая общие для всего приказа задачи, имел в то же время свою собственную компетенцию.

Московский стол был центральным, главным столом Разрядного приказа. В нем, как справедливо отметил Н.П. Загоскин, “сосредоточивалось ведение всех разрядных дел, не подлежащих ведению других столов того же приказа”². А поскольку ни один другой приказ не имел столь широкой сферы деятельности, как Разрядный, круг вопросов Московского стола этого приказа оказывается столь же обширен, как дела всего приказа.

Прежде всего, в Московском столе ведались все столичные дела, относящиеся к служилым по отечеству (кроме служилых по отечеству Новгородского разряда) – велся их учет (то есть составлялось множество списков, как общих, так и по каждому чину в отдельности, или специальных, для какой-нибудь конкретной цели), происходили их пожалования в чины, назначения на службу в Москве и во все уголки государства, определялись отпуска и сроки и возможность отставки от службы. Следует отметить, что в Московском столе собирались сведения о служилых, ведавшихся и в других приказах. Все это фиксировалось в различных специальных документах Московского стола.

В качестве “отдела кадров” служилых по отечеству Разряд определял на службу лиц этой категории, и не только на военную и придворную: московские приказы обращались в Разряд в том случае, когда им требовался исполнитель того или иного дела. Разряд, справившись со своими списками, отправлял в распоряжение нуждающегося приказа свободного на данный момент служилого человека для исполнения поручения.

Разряд был “отделом кадров” не только для служилых по отечеству всего русского государства – таким же “отделом кадров” он был и для столичных приказных служащих, дьяков и подьячих московских приказов. Можно сказать, что через Разряд и силами Разряда организовывалась работа московских приказов, в том числе, разумеется, и самого Разряда. В Московском столе велся учет всех служащих московских приказов, для чего из приказов собирались сведения об их личном составе. Все сведения о службе подьячих (срок службы, оклады, служебные перемещения) находились в документах Московского стола, здесь составлялись ежегодные списки подьячих всех приказов.

Одним из видов московской службы было участие в придворных церемониях, несение караульной службы во дворце и в походах царя в подмосковные села и монастыри. Все назначения на эти ответственные посты и службы тщательно отмечались в Разряде. При организации церемоний, связанных с прибытием иностранных послов, Разряд вступал во взаимодействие с Посольским приказом, который давал указания Разряду, какого уровня дипломат прибыл в Москву и, соответственно, какого уровня и характера должна быть церемония.

Еще одним аспектом ведения Разрядом служилыми по отечеству были их местнические дела, которые также ведались в Московском столе Разряда (в 185 г. в документах этого стола есть только пять таких дел).

Разряд был отделением думской канцелярии, через него происходило оповещение других приказов о решениях царя и Думы, в частности, об из-

менениях в структуре приказов. Эти вопросы также ведались в Московском столе. Поэтому среди его документов присутствуют памяти и указы о переформировании в приказной структуре.

Разряд осуществлял руководство обороной южных и западных рубежей русского государства. Он направлял на эти границы необходимый контингент военных сил, проверял его боевую готовность (производил смотры служилых людей по полкам), осуществлял доставку продовольствия и денежного жалования находящимся на южных рубежах ратным людям. В числе этих военных сил входили не только служилые по отечеству – в ведении Разряда находились и некоторые категории служилых людей по прибору, осуществлявшие оборону этих рубежей. Эти дела также ведались в Московском столе Разряда.

В числе прочих дел по обороне юга России в ведении Московского стола находились полки, посланные на южные границы государства для борьбы с татарами. В 185 г. это были полки В.В. Голицына, В.Д. Долгорукова и И.В. Бутурлина, генеральное командование которыми осуществлял В.В. Голицын, и Г.Г. Ромодановского. Из перечисленных военачальников

Князь В.В. Голицын. Гравюра К. Оттхофера, 1693 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten. Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. 1., 2006. Bd. II).

главную роль в защите южных рубежей России в исследуемый период безусловно играл князь Г.Г. Ромодановский, поэтому на личности этого военачальника следует остановиться несколько подробнее: хотя он не входил в число руководителей Разряда, его служба была неразрывно, каждодневно в протяжении почти четверти века (в том числе и в 185 г.) связана с деятельностью Разрядного приказа.

Вся жизнь Г.Г. Ромодановского была связана с армией и с защитой южных границ России. Год рождения его неизвестен, а самое раннее упоминание о нем относится к 1653 г. – уже тогда в числе стольников при боярине В.В. Бутурлине и окольников И.В. Алферове он был послан в Малороссию для приведения украинцев к присяге. В следующем году как голова стрельцов государева полка Г.Г. Ромодановский участвовал в Смоленском походе. В 1655 г. снова под руководством боярина В.В. Бутурлина он участвовал в украинских походах на “литовские” города, в том числе во взятии Львова. За военные подвиги Г.Г. Ромодановский в апреле 1656 г. был пожалован из стольников в окольничие, получил в награду от царя богатую шубу и тут же был назначен в Белгород охранять границы “от приходу крымского царя и крымских людей”. С этого времени начинается практически непрерывная служба Г.Г. Ромодановского на южной границе. В 1657 г. это были поход против крымских татар, в 1658 г. – против гетмана И. Выговского, по Гадячскому договору передавшему Малороссию Польше. В 1659 г. Г.Г. Ромодановский присутствовал при избрании гетманом Украины Ю. Хмельницкого. Заслуги Г.Г. Ромодановского были высоко оценены Алексеем Михайловичем. В начале 1660 г., когда войско под командованием Г.Г. Ромодановского возвратилось в Москву, царь сам встретил окольного за Калужскими воротами. В феврале того же года, через три дня после торжественного стола у государя и получения новых наград, Г.Г. Ромодановский опять получил назначение в Белгород – полковым и осадным воеводой. Летом 1660 года воевода привел в подданство русскому царю часть ногайских мурз. 1662 г. был занят борьбой с Ю. Хмельницким и татарами за Днепром и завершился взятием Канева и победой над гетманом. В 1663-1664 гг. Г.Г. Ромодановский оставался воеводой Белгорода, разгромив в январе 1664 г. польские войска во главе с королем Яном-Казимиром под Глуховом. В 1665 г. был отозван в Москву и пожалован чином боярина. В столице Г.Г. Ромодановский оставался до начала 1668 г., а затем вновь, в качестве белгородского воеводы, был направлен на Украину против гетмана Брюховецкого и черкас. 1668 и 1669 годы Г.Г. Ромодановский провел в походах и боях в Малороссии, ознаменовавшихся победами под Котельной, взятием Нежина и Чернигова. В 1670 г. во время разинского восстания разбил под Коротояком казаков под руководством Фрола Разина. В следующем году Г.Г. Ромодановский получил назначение воеводой в Курске. В этой должности он, как обычно, принимал активное участие в политической жизни Украины, в частности, в раде, избравшей гетманом Левобережной Украины И. Самойловича. Вместе с ним в 1673-1674 гг. Г.Г. Ромодановский участвовал в походах за Днепр против гетмана Правобережной Украины П. Дорошенко и турок, вторгшихся по просьбе гетмана на Украину. Были взяты Черкассы, Канев и другие города, однако под давлением

татар и турок войска И. Самойловича и Г.Г. Ромодановского были вынуждены отойти от Чигирина. В сентябре 1674 г. турки и татары ушли из Правобережной Украины, но обстановка оставалась крайне напряженной, и Г.Г. Ромодановский получил указ царя оставаться в Переславле. Надо сказать, что несмотря на прямоту и резкость характера, Г.Г. Ромодановский, в отличие от многих русских представителей власти, пользовался у украинцев большой симпатией, поскольку, прожив на южной границе России долгие годы, прекрасно разбирался в особенностях местной жизни.

Ко времени последнего назначения вместе с боярином на южной границе уже несколько лет служили два его сына, причем старший, Андрей, еще в 1668 г. в бою был взят в плен запорожцами и отослан в Крым, а младший, Михаил, в 1673 г. был назначен товарищем отца на посту курского воеводы. Получив распоряжение оставаться на Украине, Г.Г. Ромодановский не просил поблажек для себя, но бил челом дать отпуск Михаилу для свадьбы. При этом боярин указывал, что сам он служит на украине 22 года, Михаил – 6 лет “без перемен”, а Андрей седьмой год находится в крымском плену (где пребывал до 1681 г., когда по Бахчисарайскому миру с Турцией был передан русским).

1675 год застаёт Г.Г. Ромодановского воеводой Белгорода, а затем Курска; в обоих городах товарищем воеводы был его сын Михаил. В январе 1676 г. совместными усилиями русских и украинских войск под командованием Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича Чигирин был взят и в сентябре того же года гетман Правобережной Украины П. Дорошенко присягнул России. Турки назначили гетманом Правобережья Ю. Хмельницкого и в августе 1677 г., соединясь с крымским ханом, подступили к Чигирину. Турки и татары были отбиты от Чигирина, после чего Г.Г. Ромодановский возвратился на воеводство в Белгород. После второго, неудачного сражения за Чигирин, когда Г.Г. Ромодановский по секретному распоряжению царя Федора Алексеевича проявил непонятное современникам и совершенно не характерное для него бездействие³, заслуженный военачальник был отозван в Москву. В январе 1682 г. он поставил свою подпись под указом об отмене местничества, а в мае во время стрельцкого бунта в числе других был пойман стрельцами в Кремле против Посольского приказа, между Патриаршим двором и Чудовым монастырем. Его схватили за бороду и потащили к Разрядному приказу, там подняли на копыя и, сбросив на землю, зарубили. Тело за ноги вытащили через Спасские ворота на Лобное место.

Гетман Ю.Б. Хмельницкий. Грав. до 1670 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten. Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. 1., 2006. Bd. II).

Вместе с ним был схвачен и Андрей, только что вернувшийся из плена, но стрельцы не казнили его за “полное терпенье”.

На Украине по крайней мере до первых лет Советской власти существовала дорога, проведенная Г.Г. Ромодановским во время Чигиринских походов. Она шла прямо по степи от Путивля мимо Конотопа, Ромен и Хорола и носила его имя – Ромодановская, позже переделанное в Родоман. Эту дорогу, влившуюся в современные трассы, можно проследить и теперь. На ней, не доезжая до Хорола, между Лубнами и Миргородом можно найти и населенный пункт Родоман.

Завершая короткий рассказ о жизни Г.Г. Ромодановского, следует сказать несколько слов о его младшем сыне, имя которого также еще встретится читателю. Судьба Михаила Григорьевича сложилась успешно. Во многом он продолжил семейную воинскую традицию. В 1678 г. он участвовал во втором Чигиринском походе, за что, несмотря на неудачу самого предприятия, был пожалован в бояре (в возрасте 25 лет). В 1685-1687 гг. был воеводой во Пскове, в 1689-1692 гг. – в Киеве, в 1682-83 гг. – судьей Разбойного, а в 1688-89 гг. Владимирского Судного приказов⁴. Между этими назначениями служил при дворе. К нему благоволили и царь Федор Алексеевич, и его младший брат Петр, чьим верным соратником стал Михаил Григорьевич. В 1705-1707 гг. он руководил Провиантским приказом, в 1712 г., после участия в украинском походе против турок, был назначен губернатором Московской губернии. М.Г. Ромодановский не избежал вовлечения во “Всеപ്പянейший собор”, где получил от государя прозвище “Преосвященного Мишуры”. Умер младший сын Г.Г. Ромодановского в 1712 г. в возрасте 60 лет и был похоронен в трапезной Богоявленской церкви с. Мстеры Вязниковского уезда Владимирской губернии⁵.

Чтобы яснее понять особенности деятельности Разрядного приказа в этот период, остановимся на военных событиях 185 г. В 1676 году польская армия во главе с королем Яном Собеским потерпела на Днепре поражение от турок. Турки заняли 70 польских городов. Результатом этого поражения стал Журавинский мирный договор, подписанный 17 октября 1676 г. между Турцией и Речью Посполитой, по которому к Турции отходила почти вся Правобережная Украина и Каменец. Кроме того Польша и Турция стали союзниками в борьбе с Московским государством. Такому исходу польско-турецкой войны способствовало то, что гетман Правобережной Украины Петр Дорофеевич Дорошенко перешел на сторону Турции. Именно в это время Московское правительство попыталось присоединить Левобережную Украину. Русские войска под командованием боярина кн. Г.Г. Ромодановского и украинское войско во главе с гетманом Левобережной Украины Иваном Самойловичем осадили столицу П. Дорошенко – город Чигирин. В конце 184 года, 18 августа (1676 года) П. Дорошенко вынужден был присягнуть на верность царю Федору Алексеевичу. 29 октября 185 г. чигиринский гарнизон возглавил полковник русской армии М.О. Кровков и начал ремонт укреплений Чигирина. Восстановительные работы продолжались до февраля 1677 г.

Весной 1677 года турецкая армия, возглавляемая Ибрагим-пашой, перешла Дунай и направилась к Чигирину. Турки рассчитывали взять Чиги-

рин за три дня, а потом двинуться на Киев. Для пополнения чигиринского гарнизона, который значительно уменьшился от болезней и побегов солдат, были посланы три стрелецких приказа полковников Г. Титова, Н. Борисова и Ф. Мещеринова. М.О. Кровкова в должности начальника гарнизона сменил генерал-майор А. Трауэрнихт. По данным разных источников, турецкая армия, подходившая к крепости, превосходила по численности чигиринский объединенный русско-украинский гарнизон почти в семь раз. Ясно, что для успешных боевых действий русской стороне требовалось подкрепление. Поэтому в начале весны (март-апрель) русское командование начало формирование двух армий, которые должны были выступить против турок. Первая армия, или большой полк, поручалась командованию боярина кн. В.В. Голицына. Ее опорным пунктом был назначен Севск. Вторую армию должны были составить Белгородский и Севский полки во главе с Г.Г. Ромодановским, ее центром был Белгород. В.В. Голицын выехал из Москвы 23 мая. В связи со сведениями, доставленными разведкой в середине июня (18 числа), об энергичном движении больших турецко-татарских сил к Чигирину, главную армию решено было усилить полками бояр кн. П.И. Хованского и кн. В.Д. Долгорукова. Еще до получения тревожных вестей, в начале июня, П.И. Хованскому был объявлен указ быть сходным воеводой В.В. Голицына (то есть идти к нему на помощь в случае необходимости) с опорным пунктом во Мценске, для чего было велено собирать служилых людей в Туле, а затем идти во Мценск. В.Д. Долгоруков, командовавший Новгородским полком, получил распоряжение двигаться в Брянск сразу по получении “вестей”, 18 июня. Новгородский полк также отдавался под главное командование В.В. Голицына. В.Д. Долгоруков выехал из Москвы в Брянск 19 июня, П.И. Хованский во Мценск – 26 июня. Однако в это же время поступили новые данные разведки о численности турецкой армии. По этим последним сведениям силы турок были не столь значительны, как сообщалось ранее. Поэтому правительство сочло, что Новгородский полк не будет столь необходим на южных рубежах, и 29 июня В.Д. Долгоруков получил приказание остановить поход к Брянску и двигаться во Псков. 23 июля последовало новое изменение планов: объединенным русско-украинским силам под командованием Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича указано было двигаться к Днепру, а армии В.В. Голицына – стать в Переславле. Интересные сведения о мобилизации армии Г.Г. Ромодановского приводит в своей статье П.В. Седов. По приведенным им данным, наиболее высокую мобилизационную дисциплину продемонстрировали привилегированные части московского гарнизона – выборные солдатские полки и стрелецкие приказы, они явились на службу практически в полном составе. Среди “нетчиков” абсолютно преобладали солдаты, драгуны и рейтары, за ними следовали городовые дворяне и дети боярские. В этом отношении полки “иноземного строя” сильно уступали стрельцам⁶. Понятными становятся, таким образом, усилия правительства по высылке в полки “нетчиков” (о чем будет сказано ниже).

Первые отряды турок показали у стен Чигирина 30 июля, главные силы подтянулись 3 августа. В этот же день произошло первое, небольшое, столкновение русских и турецких войск. В течение всего месяца чигирин-

ский гарнизон упорно сопротивлялся нападениям турок и, в свою очередь, совершал многочисленные вылазки. Русские и украинские военные силы, которые должны были помочь осажденным, проявляли медлительность. Войска Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича подошли к Днепру только 24 августа, но военачальники выслали вперед основной части своих войск отряд, который подошел к Чигирину 20 августа. 24 августа большая часть турецких войск, осаждавших Чигирин, отошла от города и выступила навстречу русско-украинской армии, чтобы помешать ей переправиться через Днепр. Под стенами Чигирина остались турецкие пехотинцы и молдавские и сербские артиллеристы. Однако передовые части русско-украинских войск уже переправились через Днепр. Совершив последнюю неудачную попытку прорвать оборону города, 29 августа турецкое командование приказало своим войскам отступить от Чигирина. Город отстояли.

Армия же В.В. Голицына вышла из Путивля только 7 августа, а к Днепру подошла уже после завершения сражения и ухода турок, и, соответственно, в боевых действиях в 185 году не участвовала.

При направлении полков на юг Московский стол проводил смотры, учет продовольственных запасов, оружия и выплаты денежного жалования разным категориям ратных людей этих полков, составлял наказы (инструкции) командующим этими полками. В 185 г. дела, связанные с этим походом, занимали в работе Московского стола огромное место.

В ведении Московского стола находилось управление приписанными к столу городами. Как известно, эти города ведались в Разряде в разной степени – одни только в отношении службы городских служилых людей, другие в административном отношении, третьи находились в его управлении полностью – в военном, административном, судебном и финансовом отношении. Дела об управлении этими городами занимают большое место в делопроизводстве Разряда и за 185 г. Часть “разрядных” городов была приписана к Московскому столу. В отношении того, как и какие именно города управлялись Московским столом, есть еще много неясного. В частности, в документах Московского стола 185 г. сохранилось крайне мало сметных книг городов (по этим документам определялось состояние московского государства в военном отношении), в основном это сметные книги Новгорода с пригородами. Хотя эти города находились в ведении Новгородского стола Разряда, сметные списки их составлялись в Московском столе.

В 70-е годы XVII в. к Московскому столу было приписано около 90 городов. Их можно разделить на несколько групп, в зависимости от территориальной принадлежности и от характера подчиненности Разрядному приказу.

I. Внутренние, старые города ведались в Московском столе службой, то есть назначением воевод и состоянием крепости и гарнизона. Это Арзамас, Алексин, Богородицк, Боровск, Белев, Венев, Владимир, Веря, Воротынский, Гороховец, Дедилов, Зарайск, Звенигород, Карачев, Кашира, Козельск, Коломна, Кромы, Лихвин, Лух, Медынь, Мещовск, Мещера, Муром, Можайск, Михайлов, Нижний Новгород, Орел, Одоев, Переяславль Рязанский, Переславль Залесский, Печерники, Пронск, Руза, Рязск, Сапожок, Солова, Серпейск, Серпухов, Суздаль, Таруса, Юрьев Польский, Шацк, Шуя, Ярославец Малый. Воеводы этих городов доставляли в Московский стол Раз-

ряда сведения о состоянии городов в военном отношении, списки городских служилых людей. В столе составлялись десятины – верстальные, разборные, раздаточные по этим городам, которые здесь же, в архиве стола и хранились.

II. Города Белгородского и Севского полков в 185 г. ведались в Московском столе по всем делам, кроме:

1) денежных дел – таможенных, кабацких и оброчных доходов (ведались в Денежном столе);

2) судных дел (ведались в Приказном столе).

Города Севского полка: Брянск, Севск, Рыльск, Путивль, Трубчевск, Каменное, Недрыгайлов.

Города Белгородского полка: в черте – Мценск, Елец, Ливны, Курск, Новосиль, Чернь, Епифань, Данков, Лебедин, Талецкий, Чернавский, Ефремов, Старый Оскол, Землянск, Обоянь, Суджа, Сумин, Лебедин, Мирополье, Краснополье, Белополье; на черте – Белгород; по черте направо – Болховой, Карпов, Хотмышский, Вольный, Ахтырский, Алешня, Боровль; по черте налево: Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенский, Усерд, Ольшанский, Острогжский, Коротояк, Урыв, Костенский, Воронеж, Орлов, Усмань, Белоколодский острог, Сокольский, Доброе, Козлов, Бельский городок в Козловском уезде, Челнавский острог; за чертой – Неже-

Зарайский кремль

Царь Феодор, царь Иван, царь Пётр, патриарх Адриан и митрополит Стефан.
Гравюра из: Weber. Das veränderte Rußland. Frankfurt; Hannover, 1721–1738.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten.
Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. 1., 2006. Bd. 1).

Надпись слева: Три брата: Царь Теодор, Царь Иван и нынешний Царь Петр Алексеевич во времена его первой юности. Надпись справа: Последний Русский Патриарх Адриан, скончавшийся в 1702 году; и Метрополит.

Судя по росту изображённого младшего Романова, автор гравюры соотносил её сюжет с серединой 70-х годов.

гольский, Валуйки, Чугуев, Салтов, Харьков, Колонтаев, Краснокутский, Городное, Богодухов, Мурава, Булыкля, Змеев, Царев Борисов, Валки, Мояцкий, Соляной⁷.

Из всех городов, подчиненных Разряду, 45 городов ведались в приказе поместно-вотчинными делами. По указу 17 мая 1672 г. было велено, “не со-
слався с Розрядом в украинских и в полевых землях Белгородцкого полку

земель в поместье и в вотчину людям московских чинов не давать”, чтобы “Белгородцкого полку служилым людям утешения и изгони и в землях оскудения не было”⁸. Все это были новые, южные города. В приказе они находились также в ведомстве Московского стола: Каменное, Недрыгайлов (города Севского полка), Обоянь, Талецкий, Землянский, Мирополье, Данков, Чернавский, Суджа, Болховой, Вольный, Хотмышский, Карпов, Алешня, Ахтырский, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенский, Ольшанск, Коротояк, Усмань, Бельский, Доброе, Усерд, Острогожск, Урыв, Козлов, Челновой, Сокольский, Валуйки, Царев Борисов, Нежегольский, Валки, Городной, Богодухов, Булыкля, Чугуев, Харьков, Змеев, Красный Кут, Мурафа, Салтов, Маяцкий⁹ (города собственно Белгородского полка).

Московский стол подразделялся, в свою очередь, на повытья, каждое из которых ведало “своей” группой городов и определенной категорией дел. Для 185 г. можно с уверенностью назвать два (может быть, три) повытья. Первое из них – повытье боярского списка. Ему были подчинены замосковские города Владимир, Суздаль, Лух, Юрьев Польский, Муром, Арзамас, Нижний Новгород, Гороховец. В его компетенцию входила кадровая работа с высшими категориями служилых людей по отечеству. В повытье вели боярские списки и боярские книги, росписи государева двора и боярских полков, списки подьячих московских приказов, росписи воевод и приказных людей ведомых в Московском столе городов, а также своего рода журналы входящей и исходящей документации и записи текущих дел Московского стола¹⁰. Кроме того, в этом повытье, по всей видимости, вели документацию Белгородского полка. Но, возможно, дела Белгородского полка в обоих значениях этого названия – как крупного пограничного армейского подразделения и как территориальной единицы – велись в специальном повытье Белгородских дел.

Для 185 г. информации о численности служащих повытья “боярского списка” нет. Однако можно с некоторым приближением (в сторону уменьшения) экстраполировать данные о количестве сотрудников этого стола из росписи 1700 г. По ней в повытье “боярского списка” числилось 38 человек, из них двое старших (“старых” по терминологии XVII в.) подьячих, трое “средней руки” и 30 молодых; еще трое были записаны как подлежащие увольнению¹¹.

Руководителем повытья “боярского списка” всегда был первый подьячий Разрядного приказа, имевший наибольший оклад. Он же являлся и первым кандидатом в дьяки.

Вторым повытьем Московского стола было повытье “жилецкого списка”. Из названия уже явствует основное направление его деятельности. Помимо отраслевой специализации в этом повытье ведались и “свои” города: замосковские рязанского разряда (Тула, Одоев, Алексин, Серпухов, Можайск, Звенигород, Верея) и северские (Новгородок Северский, Стародуб, Рославль, Трубчевск, Михайлов, Пронск, Ефремов, Сапожок, Зарайск, Гремячий, Печерники, Венева, Епифань, Ряжский). По упоминавшейся росписи 1700 г. в повытье “жилецкого списка” было 18 человек¹².

По всей видимости, в 185 году в Московском столе было еще два или три повытья. Об одном из них, которое могло ведавать города Белгородско-

го разряда, говорилось выше. Известно, что через десять лет, в 1687 г. такое повытье (Белгородских дел) существовало.

До 185 г. в Разрядном приказе был Хлебный стол, который занимался так называемым “донским отпуском”, то есть снабжением продовольственными запасами донских казаков, и хлебными запасами всех городов Разрядного приказа, кроме городов Новгородского разряда. В его ведении находились также северские города Брянск, Путивль, Рыльск, Севск, Недрыгайлов, Каменное, Сумин и Лебедин. Кроме того, во время самостоятельного существования Хлебного стола в его состав входило Киевское повытье. Оно вело “всякие дела” и книги городов Киева, Переяславля, Нежина и Чернигова. Возможно, что в 185 году этот стол стал повытьем Московского стола, сохранив сферу своей компетенции.

Вторым “территориальным” столом Разряда был **Новгородский**. В этом подразделении приказа было сосредоточено управление городами Новгородского разряда. В 70-е годы XVII в. Новгородскому столу подчинялось более 30 городов прежде всего Новгородского разряда, а также Смоленского разряда и некоторые замосковные.

Компетенция Новгородского стола Разряда подчас весьма тесно переплеталась с компетенцией Новгородского приказа, однако основным направлением деятельности Новгородского стола было ведание военной службой служилых людей по отечеству и по прибору и состоянием подчиненных ему городов в военном отношении. Замосковными городами Новгородский стол ведал только в плане военной обязанности служилых людей и обороноспособности городовых укреплений. Новгородские и смоленские города были подчинены столу в большей степени: в нем решались не только их оборонные и полковые дела, но и дела административные, судебные и частично финансовые (сбор казенных хлебных запасов).

Новгородский стол в силу своей широкой сферы деятельности был, как и Московский, многолюдным и делился на повытья. Первому из них подчинялись города Новгород и Псков с их пригородами Торопцом, Ржевой Пустой, Тверью, Торжком, Старицей, Великими Луками, Невлем, Порховом, Гдовом, Опочкой, Островом, Изборском, Печерским монастырем. Второе повытье ведало военными делами Костромы, Ярославля, Галича, Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа, Белой, Ржевы Володимеровы, Зубцова, Клина, Полоцка, Витебска, Велижа, Рославля, то есть замосковными и Смоленского разряда. Наконец, в третьем повытьи были ведомы также замосковные Ростов, Романов, Пошехонье, Вологда, Белоозеро, Кашин, Дмитров, Углич, Бежецкий Верх.

У Приказного (Московского приказного, Послужного) стола также были “свои” города – Тамбов с пригородами (в том числе Лысогорский острог), Козлов с пригородами Добрым, Сокольским, Челновым, Бельским, в Сокольском уезде село Белоколодезь. Эти города ведались в Приказном столе по всем делам, кроме хлебных запасов и денежных доходов. Воеводы и приказные люди в них назначались из Приказного стола. Козлов с пригородами ведались в столе и “землями”.

Приказный стол был наиболее обширным после Московского по кругу дел и их количеству. Прежде всего, в нем была сосредоточена судебная де-

ательностью Разряда в отношении подведомственных ему категорий служилых людей (за исключением городов Новгородского разряда). Здесь же составляли и хранили списки опальных, ссыльных, тюремных сидельцев (в городах и в самом Разряде), ведалось состояние тюрем, выдача корма, тулупов для сидельцев; столу были подчинены тюремные сторожа. Соответственно, в его ведении находился розыск служилых по отечеству, скрывавшихся от службы, провинившихся и т.п.

Приказный стол Разряда был центром, который аккумулировал сведения о потерях в русской армии. В него поступали отписки полковых и городских воевод о раненых и убитых, в нем велись списки и книги раненым, пленным, полоняникам (русским, вышедшим из плена), здесь их осматривали и допрашивали. На основании этих осмотров полоняникам выдавались деньги на лечение и за моральный и физический ущерб от пребывания в плену – “полонное терпенье”.

Здесь же ведались и пленные иноземцы и выходцы (кроме пленных и выходцев в города Новгородского разряда). В Приказном столе выходцам выдавались деньги за приезд в Россию и на жизнь, происходило их назначение на службу.

В этом подразделении Разряда составляли списки служилых людей специальных категорий – казаков, черкасов южных городов, станичников, сенщиков, ездоков, вожей.

Приказный стол исполнял и полицейские функции – через него осуществлялось опубликование указов о благочинии, поиск преступников по делам, производившимся в Разряде. В числе прочего в Приказный стол объезжими головами подавались “объезжие книги” – отчеты о полицейских дежурствах в разных районах Москвы (при этом назначение объезжих голов происходило в Московском столе).

Денежный стол был одним из старейших подразделений Разряда; по мнению П.Н. Милюкова, он был организован для денежных сборов с “польских” городов, подчиненных Разрядному приказу¹³. В ведении стола находились финансы всего приказа, сборы с городов, подчиненных Разряду. Все дела – военные, административные, придворные, судные и т. д. – ведавшиеся в других столах, в своем финансовом, денежном аспекте находились в компетенции Денежного. Денежный стол был также хранилищем разрядного имущества.

Все города (до 70, преимущественно южные) ведались в Денежном столе только в финансовом отношении: заюжские Мещовск, Мосальск, Серпейск; Севского полка: украинные Лихвин, Белев, Орел, Болхов, Карачев, Кромы, северские Брянск, Рьльск, Севск, Путивль, Каменное, Недрыгайлов; Белгородского полка: Мценск, Ливны, Новосиль, Чернь, Лебедин, Чернавский, Старый Оскол, Обоянь, Сумин, Елец, Курск, Епифань, Талецкий, Ефремов, Землянск, Суджа, Лебедин, Белгород, Болховой, Карпов, Хотмышский, Вольный, Алешня, Ахтырский, Короча, Новый Оскол, Усерд, Острогжск, Урыв, Орлов городок, Усмань, Сокольск, Челновой, Тамбов, Яблонов, Верхососенск, Ольшанск, Коротояк, Воронеж, Костенки, Доброе, Белоколодезь, с. Тарбеево, Бельский, Валуйки, Царев Борисов, Чугуев, Мозяцкий, Змеев, Харьков, Нежегольский, Колонтаев.

Штат Разрядного приказа в 185 г.

Познакомившись со структурой учреждения в 185 г., следует представить себе и его служащих. Чтобы дать возможно более полное представление о персоналиях, там, где позволяли источники и литература, перечень снабжен дополнительными биографическими сведениями¹⁴.

В 185 г. во главе Разрядного приказа стояли четыре дьяка – начальник приказа думный дьяк Василий Григорьевич Семенов и его товарищи (заместители и помощники) дьяки Петр Иванович Ковелин, Федор Леонтьевич Шакловитый и Любим Алферьевич Домнин.

Сведения о *В.Г. Семенове* имеются начиная с 1663/64 гг. и с самого начала связаны с Разрядным приказом. Видимо, он и начал свою службу именно в этом учреждении. В 1663-64 гг. В.Г. Семенов значится еще разрядным подьячим, но уже первым по окладу (35 р.), то есть старым подьячим, главой Московского стола. Он ведал в этом столе боярский список, полковые дела и пять городов (Владимир, Суздаль, Коломну, Каширу и Арзамас). В том же году он был пожалован в дьяки, но остался служить в Разряде, что было нехарактерно для приказной службы XVII в.: за редчайшими исключениями, после получения дьячьего чина подьячий переводился в другой приказ. В 1665-1669 гг. В.Г. Семенов занимает место третьего дьяка – после главы приказа, думного дьяка Д.М. Башмакова, и дьяка Ф. Грибоедова. 20 июля 1670 г. Разрядный приказ возглавил думный дьяк Семен Титов; при нем В.Г. Семенов был уже вторым дьяком. С 23 (или 26) августа 1670 г. в Разрядный приказ был назначен третьим дьяком П.И. Ковелин. В.Г. Семенов оставался вторым дьяком и при последующих главах приказа – думном дьяке Г. Дохтурове, снова думном дьяке С. Титове и думном дьяке Д.М. Башмакове. Наконец, 8 апреля (по боярскому списку 184-185 гг. – 4 мая 184 (1676) г.)¹⁵ 1676 г. В.Г. Семенов уже в чине думного дьяка стал начальником Разрядного приказа. Главой Разряда В.Г. Семенов оставался до 12 сентября 1690 г., когда на этом посту его сменил боярин Т.Н. Стрешнев. При Т.Н. Стрешневе В.Г. Семенов оставался вторым дьяком и фактическим руководителем приказа до своей смерти, 7 ноября 7202/1693 г. Таким образом, В.Г. Семенов всю свою жизнь посвятил военно-административному ведомству, проработав в Разряде больше трех десятков лет, что несомненно сделало его чрезвычайно опытным администратором, высококлассным специалистом по кадровым вопросам служилого сословия и по военному делу, особенно если учесть его несомненное административное дарование.

Как у многих состоятельных людей того времени, у В.Г. Семенова в Москве было несколько домов. Известно о двух его домовладениях в 185 г. Одно из них находилось в Замоскворечье, на правой стороне Пят-

Царская башня в Кремле.

ТРОПАРЬ - ГЛАСЪ, Д.
 ВОИНСКОСЛОБИЕМЪ ИСТИННЫМЪ СТРАСТОТЪРПЧЕ
 НЕНАГШ ЦРЬ ВОЕВОДА ПРЕДЪВРЫЙ БЫЛЪ ЕСИ
 ДВОДШРЕ: СЪРЪЖИММИ БО ВЪБРЫ ШПОЛЧИАСА ЕСИ
 ЛЪДРЕННШ, И ПОВЪДИЛЪ ЕСИ ДЪМОНШЕВЪ ПОЛКИ,
 И ПОВЪДОНОСНЫИ ЯВИАСА ЕСИ СТРАДАЛЕЦЪ,
 ТЪМЪЖЕ ТЪ - ВЪБРОИ ПРШШ ШУБЛАЖАЕМЪ.

Фёдор Стратилат.

Гравирован Великим постом 1689 г. гравером Л. Тарасевичем (из Чернигова) по рисунку живописца Я. Богдановского в загородном доме Ф.Л. Шакловитого под Девичьим монастырем. По мнению Д.А. Ровинского, в образе Федора Стратилата (небесного покровителя заказчика) – сам Ф.Л. Шакловитый.

(Гербовед. 1914 г. Ноябрь)

нидской улицы в Екатерининской слободе¹⁶, то есть в приходе церкви Екатерины “что на Есполие” на Большой Ордынке. Деревянная церковь Екатерины стояла на этом месте еще в XVI в., каменная была построена в начале XVII в. Рядом с церковью был деревянный острожек, близ которого в 1612 г. русские ополченцы сражались с отрядами гетмана Я.-К. Хоткевича, пробивавшегося с продовольствием и боеприпасами в занятый поляками Кремль. Второе московское владение В.Г. Семенова располагалось в Белом городе направо от Смоленских ворот¹⁷ (точнее место в источнике не указано). В конце века (возможно, и в 185 г.) за В.Г. Семеновым числилось домовладение в Китай-городе по Воскресенской улице, почти на углу Старопанского переуллка, против Вологодского архиерейского подворья. Здесь В.Г. Семенов соседствовал с гостем Акишевым и стольником В.В. Семеновым¹⁸.

Вторым дьяком в 185 г. был *П.И. Ковелин*. Свою службу он, как и В.Г. Семенов, начал, скорее всего, в Разрядном приказе. В 1656/57 гг. он значится подьячим Разряда. 6 июня 1660 г. при пожаловании в чин дьяка П.И. Ковелин был назначен в Астрахань, где пробыл до 13 сентября 1663 г. Его оклад за период с 1660 по 1664 гг. составлял 600 четей и 70 р. (отметим, что в это же время, в 1663/64 г., В.Г. Семенов был еще подьячим, хоть и первым по окладу, и оклад этот составлял половину ковелинского – 35 р.). Следующее упоминание о П.И. Ковелине мы находим через пять лет, в 1669 г.: 7 июня этого года указом государя он был определен к полковнику и голове московских стрельцов Якову Соловцову, “а сидеть им на Мстисловском дворе”¹⁹. В следующем 1670 году 26 (или 23 августа) П.И. Ковелин возвращается в Разрядный приказ в качестве четвертого дьяка. Через год он уже третий дьяк; на этом месте он работал до 1676 г., когда перешел в разрядной иерархии на второе место. На этом посту он оставался до 30 сентября 1679 г.

В 185 г. П.И. Ковелин жил в нынешнем Спасоглинищевском переулке, между Солянкой и Покровкой – в Белом городе, от Ильинских ворот с Покровской улицы по Яузские ворота, “у Соленого двора переулком к Покровке”²⁰, причем жил он в этом месте уже давно, по крайней мере, с 1669 г.²¹

Третьим в дьяческой иерархии Разрядного приказа в 185 г. был *Ф.Л. Шакловитый*, фигура, наиболее известная в исторической литературе. По всей видимости, он был самым молодым по возрасту из дьяков Разряда в 185 г. Ф.Л. Шакловитый родился в с. Новоселки в 40 км от Брянска. Его отец – Леонтий Андреевич Шакловитый, как и сам Федор Леонтьевич и его брат, – служил подьячим брянской приказной избы. В начале 60-х годов Ф.Л. Шакловитый был зачислен в штат Разрядного приказа, а в 1669 г. верстан окладом 5 рублей. В 1672/73 гг. Шакловитый был взят неверстанным подьячим в приказ Тайных дел. Возможно, он попал туда по чьей-либо протекции, но без некоторых административных дарований и собственной энергии не смог бы удержаться там вплоть до расформирования приказа, последовавшего за смертью Алексея Михайловича. В год поступления в приказ Тайных дел, 4 октября 1673 г., Ф.Л. Шакловитый был поверстан вновь окладом в 22 р. в год, который соответствовал должности старого подьячего. 3 декабря 1675 г. его оклад был повышен до 25 р. После уничтоже-

Соборная площадь в Кремле.

ния приказа Тайных дел, Ф.Л. Шакловитый был направлен в Разрядный приказ, 17 (или 8) марта 1676 г., где занял место четвертого дьяка, после думного дьяка Д.М. Башмакова, думного дьяка В.Г. Семенова и дьяка П.И. Ковелина. После того, как В.Г. Семенов возглавил Разрядный приказ, Ф.Л. Шакловитый передвинулся на третье место, после П.И. Ковелина. Когда П.И. Ковелин ушел из приказа, Ф.Л. Шакловитый стал вторым разрядным дьяком. После перехода в Разряд, 26 ноября 1676 г. Шакловитый получил поместье в Данкове. Будучи дьяком Разряда, 16 мая 1676 г. Шакловитый вместе дьяками Емельяном Кирилловичем Кирилловым (также бывшим подьячим приказа Тайных дел) и Михаилом Алексеевичем Воиновым (бывший подьячий приказа Тайных дел, в это время – дьяк приказа Каменных дел) переписывали товары в Большой Казенной палате и раздавали их по приказам.

Ф.Л. Шакловитый активно занимался организацией русской армии во время русско-турецкой войны 1676-81 гг. 27 августа 1682 г., после прихода к власти царевны Софьи Алексеевны, Ф.Л. Шакловитый получает чин дум-

Царевна Софья Алексеевна. Гравюра Анри Бонарта. Париж. До 1686 г.
(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten.
Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. 1., 2006. Bd. II).

ного дьяка, оставаясь в том же Разрядном приказе. В Разряде Ф.Л. Шакловитый служил до 1682 г., после чего, с 10 декабря 1682 г. стал думным дьяком Стрелецкого приказа, а в следующем году и возглавил его. Последующие чины – думный дворянин, ближний окольничий и наместник Вяземский. 11 сентября 1689 г. приговорен к смертной казни²².

В Москве до наших дней сохранился дом Ф.Л. Шакловитого, построенный им в пору его могущества. Он стоит в Шубинском переулке, внутри квартала. Первые два этажа дома были каменными, третий, по русской традиции, деревянным. Разумеется, в последующие века дом перестраивался, но общий его объем, декор и следы оконных наличников XVII в. хорошо

просматриваются и сейчас, хотя здание находится в руинированном состоянии²³. До этого, в 1670-71 гг. Ф.Л. Шакловитый жил в другом районе Москвы, в Белом городе, между Сретенкой и Покровкой²⁴.

Известно также, что Ф.Л. Шакловитый имел вотчину в Дмитрове.

Четвертый дьяк Разряда в 185 г. Л.А. Домнин, как и В.Г. Семенов, начал свою карьеру в Разряде. Он впервые упоминается как подьячий Разрядного приказа в тот же год, что и В.Г. Семенов. Но если В.Г. Семенов был в 1663/64 гг. первым по окладу подьячим (35 р.), то оклад Л.А. Домнина составлял 3 рубля, что соответствовало категории младшего подьячего. Поэтому можно предположить, что Л.А. Домнин был моложе своего начальника. Через десять с небольшим лет, в 1675/76 гг. оклад подьячего Л.А. Домнина в том же Разрядном приказе составляет уже 30 р. Затем последовал небольшой перерыв в службе Л.А. Домнина в Разряде: 11 мая (по другим источникам с 8 или 18 апреля по 6 июня) 1676 г. Л.А. Домнин значится уже в чине дьяка Посольского и Малороссийского приказов, а с 5 апреля по 8 октября 1676 г., в то же время, третьим из пяти дьяков Новгородской чети; по боярскому списку 184-185 гг. в 184/1675-76 гг. Л.А. Домнин служит третьим дьяком (после Василия Бобинина и Емельяна Украинцева) “в Посолскомъ и в Новгородскомъ и в Малоросиискомъ приказех и в Володимерской и в Галицкой четях”²⁵. В том же 1676 г., не позже середины октября²⁶ (9 октября его еще нет в приказе), Л.А. Домнин снова в Разряде, четвертым дьяком. Во все время своей службы в Разряде Л.А. Домнин оставался на этом месте дьяческой иерархии. Исключение составляют годы 1686/87, когда он был третьим дьяком, и 1689/90, когда Л.А. Домнин занял место второго дьяка Разряда. В этом же, 1689/90 г., дьяк Л.А. Домнин вместе с бывшим коллегой, тогда уже думным дворянином Ф.Л. Шакловитым был послан с дипломатическим поручением к гетману И. Мазепе. По возвращении из посольства 30 июня 1689 г. Л.А. Домнин был пожалован в думные дьяки. В том же году он был отправлен на службу на дальние границы Московского государства, в г. Терки (недалеко от устья р.Терек). В течение последующих семи лет о нем нет письменных упоминаний, но в феврале 1697 г. Л.А. Домнин значится дьяком в Оружейной, Золотой и Серебряной палатах. Видимо, карьера его идет в гору, он становится весьма востребованным чиновником нового, петровского правительства. 12 марта 1697 г.

Печать боярина и воеводы А.С. Шеина. 1684 г.

думный дьяк Л.А. Домнин определен на службу под Азов в большой полк к боярину А.С. Шеину, где ему велено быть “у посольских дел”. 19 февраля 1700 г. Л.А. Домнину в числе других лучших государственных мужей повелено быть в Ответной палате для составления нового Уложения. Наконец, последнее известие о нем – через месяц, 18 марта 1700 г. Думный дьяк Л.А. Домнин включен в круг наиболее доверенных лиц государя, которым поручено во главе с боярином кн. И.Б. Троекуровым в Москве на государеве дворе “дела ведать, какие прилучатся”, пока царь находится на театре боевых действий.

Л.А. Домнин был близким соседом П.И. Ковелина, его дом располагался в нынешних Петроверигском или Старосадском переулках – “в приходе Петра и Вериги”²⁷, “от Ивановского монастыря к Покровке переулоч”, “переулоч к Мостовой улице”²⁸ (вероятно, нынешняя улица Забелина). Этим двором Л.А. Домнин владел еще будучи подьячим, в 1669 г., и передал его сыну Сергею, за которым двор числился и в 1716 г.²⁹ Видимо, в конце жизни Л.А. Домнин приобрел по крайней мере еще два владения. Одно находилось в Мещанской слободе “на Богоявленской земле” и также перешло к Сергею Домнину³⁰. Известно также, что в 1698 г. у Л.А. Домнина был довольно большой двор в Китай-городе по Посольской улице напротив Посольского двора и Иверского подворья. Его ближайшими соседями были стольник Ф. Безобразов и дьяк Д. Степанов³¹.

Таково было руководство Разрядного приказа в 185 г.

Чин Шествия на осляти в Вербное Воскресенье, наблюдаемый иноземцами.

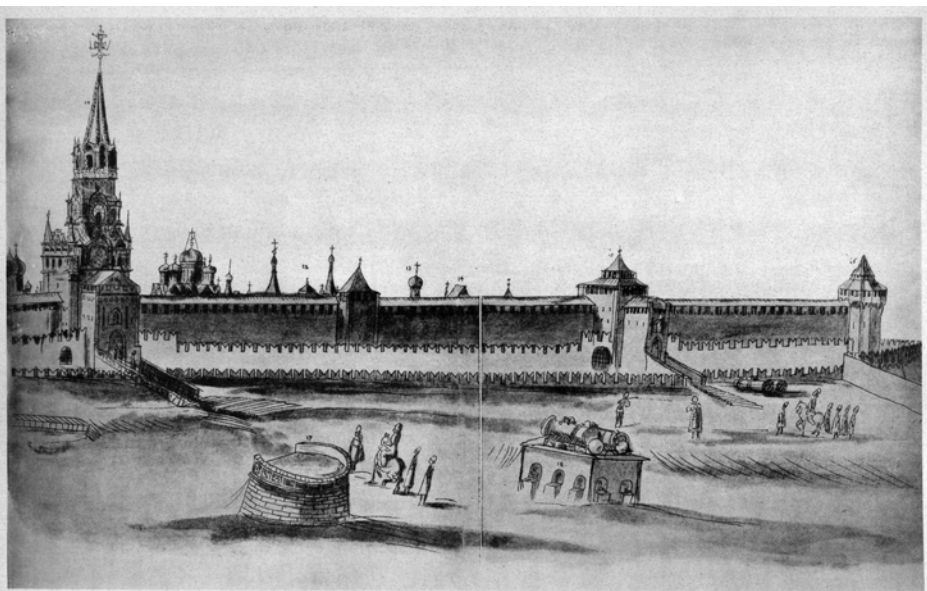
Перейдем к **канцелярии приказа**. В 185 г. в приказе служило, видимо, около ста тридцати подьячих. Список подьячих Разряда за этот год не имеет начала³², в списке же предыдущего, 7184 года, который сохранился полностью, значилось 99 подьячих. Кроме того, в текущих документах приказа за 185 г. встречается немало имен, не вошедших в список того же года. Очевидно, что в течение года состав подьячих менялся – одни из них по разным причинам выбывали из приказа, другие пополняли его кадры. Кроме того, менялись и денежные оклады подьячих. Таким образом, основа перечня разрядных подьячих – список, составленный в приказе в 185 г., – была дополнена данными из текущего делопроизводства Разряда в 185 г.

Ниже представлен список 185 г. разрядных подьячих с их окладами, начиная с высших. Форма имени (полная или краткая) соответствует тому, как подьячий был поименован в официальных документах Разряда (самоименование во внимание не принималось), поскольку это указывает на возраст и положение подьячего в иерархии приказных служащих. Собрать сведения о службе и частной жизни подьячих оказалось, естественно, гораздо сложнее, чем о дьяках – они не были на виду, не участвовали в придворных церемониях, их имена в документах встречаются несравненно реже, чем имена дьяков. Поэтому дать справку о службе оказалось возможным далеко не для всех персон. Следует оговорить еще один момент. Денежные оклады первых трех подьячих даны по списку разрядных подьячих за 184 г.; в 185 г. эти оклады были другими (большими), но в книге Денежного стола Разряда за 185 г. отсутствуют первые листы, поэтому указать точно величину окладов этих подьячих в 185 г. не представляется возможным.

1. *Ляпунов Иван*. 40 р. Сведения об этом подьячем у С.Б. Веселовского могут относиться к разным лицам, тем не менее, приведем их. В 1663/64 гг. подьячий Иван Ляпунов значится в Разрядном приказе с окладом 13 р. За октябрь и декабрь 1664 г. есть данные, что он является старым подьячим Разряда и служит в его Московском столе, с 1674 г. возглавляя по вытье боярского списка. В 1676/77 гг., до 28 мая, Иван Ляпунов получает чин дьяка и переводится в Сыскной приказ, что являлось обычной практикой приказной системы: подьячий, получив чин дьяка, чаще всего направлялся в другой приказ. 10 марта 1678 г. И. Ляпунов был назначен дьяком во Владимирский Судный приказ. В следующем году он находится в большом полку, возглавляемом боярином кн. М.А. Черкасским; 30 сентября 1679 г. за эту службу он был вознагражден “государевым милостивым словом”. С февраля 1680 г. по 1681/82 гг. дьяк находился в Казани. В 1682 г. он снова значится дьяком Разрядного приказа. Видимо, его служба в полковой канцелярии была успешной, а высокая квалификация военного специалиста была замечена руководством, поскольку в апреле 1684 г. И. Ляпунов за службу в полку боярина кн. В.В. Голицына был пожалован придачей поместного оклада в 150 четей, придачей денежного оклада в 20 р., “в приказ”, то есть одновременно, ему было дано 40 соболей. Придача к поместному окладу не была для И. Ляпунова номинальной – известно, что в 1680/81 гг. у него было поместье в Чернском уезде. Как дьяк Разрядного приказа И. Ляпунов отмечен в годах 1685, 1688, 1689.

Данные о месте жительства И. Ляпунова в Москве имеются только за 1669-70 гг. В это время его двор находился недалеко от двора В.Г. Семенова, по правой стороне Пятницкой улицы, в “слободе Толматцкой”³³, то есть в районе современных Толмачевских переулков.

2. *Максимов Иван*. 35 р. Первые сведения о службе этого подьячего относятся к 10 марта 1669 г. и свидетельствуют, что он служил в Разрядном приказе. В записи за 30 июля 1675 г. он значится уже как подьячий “со справой” того же приказа. С 28 июля 1679 г., скорее всего, после получения дьячьего чина, и до июля 1680 г. И. Максимов служит дьяком в Поместном приказе. Наконец, последние данные о нем говорят, что с 29 мая 1682 г. по 6 февраля 1683 г. он был дьяком Стрелецкого приказа. Это особенно любопытно, поскольку назначение состоялось сразу после майского восстания стрельцов 1682 г., прихода к власти Софьи Алексеевны, и назначен он был в один из важнейших и ответственных тогда приказов – Стрелецкий, который с 17 мая возглавил один из руководителей возмущения – боярин кн. Иван Андреевич Хованский. В мае же состоялись и другие назначения в этот приказ – 8 мая окольного кн. Григория Афанасьевича Козловского, думного дворянина Венедикта Андреевича Змеева, думного дьяка Данилы Полянского, 12 мая – дьяка Лариона Пашина. В следующем 1683 г. приказ возглавил бывший начальник И. Максимова по Разрядному приказу, думный дьяк Ф.Л. Шакловитый. Еще через год И. Максимов становится вторым по значению человеком в приказе, следующим за его начальником думным дьяком Ф.Л. Шакловитым. В Стрелецком приказе дьяк И. Макси-

Кремлевские стены, Спасская и Никольская башни.

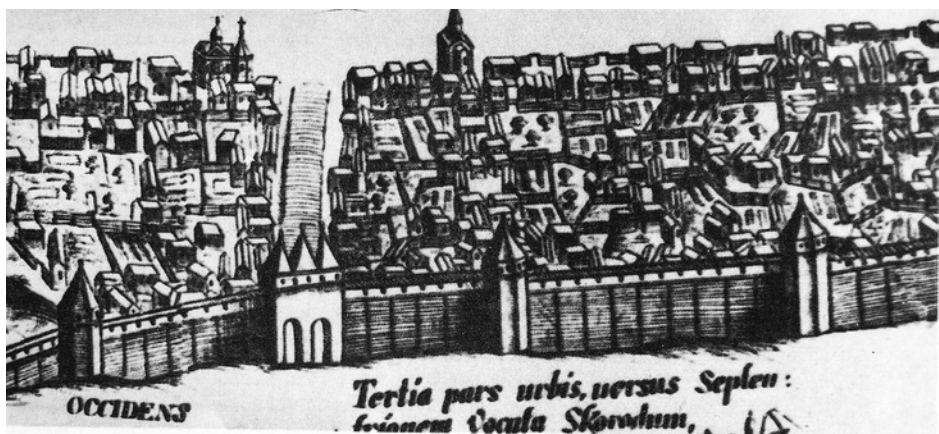
(Съ рис. Мейербергера 1661—62 гг.).

Василий Шварц, рисунок в И. В. Мухоморове, 1906.

мов прослужил до 1688/89 г., то есть до конца правления Софьи Алексеевны, занимая попеременно то второе, то третье место среди дьяков.

В 185 г. И. Максимов жил в районе Остоженки, в приходе церкви Воскресения Старого³⁴. Эта церковь была построена в 1629 г. и сломана только после 1812 года, будучи, по всей видимости, поврежденной московским пожаром. Владение находилось в собственности И. Максимова уже в 1669 г.³⁵

3. *Дмитриев Максим*. 30 р. Первое упоминание о подьячем М. Дмитриеве относится к 1649/50 гг. В 1663/64-1664/65 гг. он значится подьячим Разрядного приказа с окладом в 22 р. Любопытно, что в том же году оклады других разрядных подьячих, как мы помним, составляли: В.Г. Семенова – 35 р. и он был первым подьячим Разряда, Л.А. Домнина – 3 р., т.е. он был молодым подьячим, И. Ляпунова – 13 р. (скорее всего, подьячий средней статьи). К 1676/77 г. В.Г. Семенов стал думным дьяком, главой одного из трех важнейших московских приказов; П.И. Ковелин, к 1663 г. уже три года как получивший дьячий чин, в 1676/77 г. занял место второго дьяка в Разряде; Л.А. Домнин к 1676/77 г. стал четвертым дьяком Разряда, а И. Ляпунов в том же году был первым подьячим Разрядного приказа. Таким образом, карьерный рост подьячих Разрядного приказа совершенно не соотносился с их “стартовыми позициями”. Имевший первоначально самый маленький оклад Л.А. Домнин занял место более высокое, чем namного превышавший его окладом М. Дмитриев; имевший меньший оклад И. Ляпунов также “обошел” М. Дмитриева на два места. Это неопровержимо свидетельствует о принципе выслуги в карьерном росте приказных служащих. Продолжим знакомится со службой М. Дмитриева. В исследованных документах текущего делопроизводства за 185 г. имени этого подьячего не встретилось – возможно, в 185 году он получил дьячий чин. К 1668/69 гг. оклад М. Дмитриева вырос до 25 р. 1675 г. застает его во Владимире, Суздале,

Земляной город.

Фрагмент «Сигизмундова плана» Москвы 1610 г. Район между Мясницкой и Покровской

(Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989)

Лухе, Нижнем Новгороде и других городах за разбором и верстаньем детей боярских этих городов, которые подьячий проводил вместе с кн. С. Хованским. В 1677/78-1678/79 гг., после пожалования в дьячий чин, М. Дмитриев служит в Печатном приказе третьим дьяком (с 31 декабря 1677 г.). 26 октября 1679 г. дьяк М. Дмитриев получает назначение в Ярославль. В следующем, 1680 г., он дьяк Судного приказа, в котором служит до 1681/82 гг.

М. Дмитриев был ближайшим соседом И. Максимова, его двор располагался на берегу Москвы-реки, в том же приходе Старого Воскресения³⁶, только, видимо, еще ближе к храму, “на церковной земле”³⁷. Соседство было давним, не позднее 1669 г.

4. *Степанов Василий*. 32 р. В тех данных, которые удалось обнаружить о подьячем В. Степанове, не указано, в каких приказах он работал до 179/1671-72 гг. В 1662/63 гг. он вместе с Андреем Павловичем Акинфовым описывал пустоши Симонова монастыря в Дмитровском уезде и в Звенигороде. В том же году с тем же А.П. Акинфовым В. Степанов описывал государевы пустоши в Рузском уезде. Первое известие о службе В. Степанова в Разрядном проказе относится к 179/1671-72 гг. В этом году дело некоего “курчанина” А. Амосова было перенесено из Московского “в Приказной столъ к подьячему к Василью Степанову и ныне то дело и государева грамота с указными статьями и ис того изо всего перечневая выписка за пометою думного дьяка Дементья Башмакова в Приказном столе у Василья ж Степанова”³⁸. 4 июля 1693 г. В. Степанов получил дьячий чин с назначением в Земский приказ. Позднее он дважды – 18 марта 1695 г. и 30 сентября 1696 г. – упоминается как дьяк Земского приказа. В 185 г. В. Степанов возглавлял Денежный стол Разряда, являясь “главным бухгалтером” приказа.

5. *Алексеев Максим*. В 185 г. был помощником и заместителем руководителя Денежного стола Разрядного приказа, В. Степанова. М. Алексеева нет в списках подьячих Разрядного приказа за 185 г., так как, по-видимому, в конце 184/1675-76 гг., когда составлялся список приказных подьячих, он еще работал в приказе Малой России. В расходной книге Денежного стола Разрядного приказа за 185 г., которая также составлялась в самом конце предыдущего года (реже в начале текущего), М. Алексеев записан в конце списка подьячих, первым среди неверстанных подьячих Разряда. Документы о выдаче М. Алексееву денежного оклада в Разряде были готовы к 1 сентября 185 г., в тот же день ему выплатили оклад, который он не получил на прежнем месте – “оклад прежней, что ему был в приказе Малыя Росии тритцать рублевъ, в Розряде справленъ, и того ево окладу, что ему в приказе Малыя Росии не выдано на 184-и год, пять рублев, дано ис приему” подьячего В. Степанова. 3 января М. Алексееву была пожалована прибавка к денежному окладу 2 р., и его новый оклад в Разряде составлял теперь 32 р.³⁹, столько же, сколько и у его непосредственного начальника В. Степанова. Однако во всех документах Денежного стола имя В. Степанова стоит перед именем М. Алексеева, а компетенция В. Степанова шире компетенции Алексеева, что подтверждает подчиненное положение второго по отношению к первому.

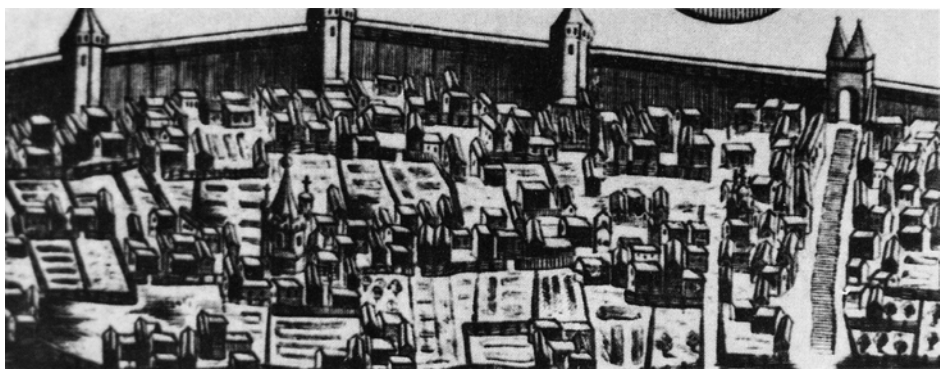
Двор М. Алексеева располагался в Белом городе между улицами Большой Никитской и Тверской⁴⁰.

6. *Яцкой Алексей*. 25 р. Первое упоминание об Алексее Григорьевиче Яцком относится к 1663/64 гг. – в то время он был молодым подьячим, очевидно, Разрядного приказа, с окладом 9 р. В 1667/68 гг. он был повышен из молодых подьячих и назначен руководить третьим повытьем Московского стола, на место Ивана Малышева. В этом повытье ведался юг России за исключением северских городов. Все последующие годы (упоминается в 1672/73 гг., 2 сентября 1674 г., в мае 1680 г.) А.Г. Яцкой оставался в Разрядном приказе, пока 11 октября 1689 г., после более чем четвертьвековой службы в Разряде, он не получил чин дьяка и не был назначен в Иноземский приказ. Последнее упоминание о нем, как о дьяке Иноземского приказа, относится к 13 июня 1694 г.

7. *Пименов (Пиминов) Агафон*. 30 р. В 1663/64 г. А. Пименов, как и А.Г. Яцкой, был подьячим Разрядного приказа, но с меньшим окладом – 4 р. Вся его дальнейшая служба, насколько можно проследить, оставалась связанной с Разрядом. Он упоминается в 1669/70, 1672/73, 1677/78 гг. как подьячий этого приказа, в мае 1679 г. А. Пименов значится подьячим Новгородского стола Разрядного приказа. В 179 г. упоминавшееся выше дело курского служилого человека А. Амосова о верстанье находилось в Московском столе именно у А. Пименова, а затем было передано в Приказный стол к подьячему В. Степанову.

В 1668 г. А. Пименов имел свой собственный двор в том же районе Москвы, где и подьячий И. Ляпунов, недалеко от Толмачей – “за Москвой рекой от Живого моста и от Болота правая сторона Пятницкой улицы”⁴¹, в Голутвинной слободе, то есть недалеко от Якиманки, в нынешних Голутвинных переулках. Позднее, в 1670 г. А. Пименов переменил место жительства или приобрел еще один двор – в Белом городе между Сретенкой и Покровкой⁴².

8. *Корелкин Борис*. 21 р. Борис Степанович Корелкин, как и его вышеупомянутые коллеги, служил в Разрядном приказе как минимум с 1663/64 г.,

Земляной город. Фрагмент «Сигизмундова плана» Москвы 1610 г.
Район, примыкающий к Занеглименью, Арбат и Пески.
(Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989)

его оклад в этом году был равен окладу А.Г. Яцкого – 9 р. В 1664/65 г. он служит подьячим в Приказном столе Разряда. Через десять лет, 27 февраля 1675 г. мы застаем его там же. 22 августа 1677 г., очевидно, после получения дьячьего чина, Б.С. Корелкин назначен дьяком в Казань, где и оставался до 18 октября 1679 г. В последующие годы он служит дьяком в разных приказах – в 1680/81 гг. в Судном, в 1681/82 гг. в Сыском, в 1681/82-1682/83, 1684/85-1687/88, 1692/93, 1693/94 гг. в Рейтарском и Иноземском приказах. С 31 августа по октябрь 1688 г. Б.С. Корелкин был дьяком во Пскове. В марте 1692 г. дьяка Б.С. Корелкина определили приставом к персидскому послу.

В 1668-72 гг. двор Б.С. Корелкина находился в районе между Большой Никитской и Тверской улицами⁴³.

9. *Текутьев Василий*. 20 р. О Василии Ивановиче Текутьеве существует одно из наиболее ранних упоминаний – за 1648 г., когда двор подьячего погорел во время мятежа в Москве. С 5 марта 1649 г. по 19 октября 1672 г. В.И. Текутьев служит в Разрядном приказе, причем в 1663/64 г. в Новгородском столе; оклад его в этом году составлял 17 р. Был повытчиком (руководителем) Новгородского стола (1684 г.). В 1677/78 гг. вместе с Елисеем Зиновьевым В.И. Текутьев был переписчиком в Туле.

В 1668 г. В.И. Текутьев владел двором в Белом городе в Коровьем переулке между Тверской и Неглинной улицами⁴⁴. Здесь же жил и его родственник (возможно, брат), путный ключник Кормового дворца Иосиф Иванович Текутьев⁴⁵. Вероятно, В.И. Текутьев происходил из семьи московских дворян, но только он и еще один его родственник, Григорий Текутьев (в 1646 г. подьячий Конюшенного приказа)⁴⁶, работали в приказах. Другие родственники служили по дворцовому ведомству, как упомянутый И.И. Текутьев и его сын, стряпчий Кормового дворца Василий Иосифович Текутьев⁴⁷. Сергей Родионович Текутьев был в июне 1671 г. объезжим головой в Пречистенской части Москвы и, скорее всего, имел чин московского дворянина. Составленные под его руководством переписные книги засвидетельствовал его близкий родственник: “К сим переписным книгам Кормового дворца стряпчий Василей Осипов сын Текутьев вместо брата своего Сергея Родионова сына Текутьева по его велению, что он грамоте не умеет, руку приложил”⁴⁸.

10. *Панов Алексей*. 20 р. 3 октября 185/1676 гг. А. Панов был “за ево приказную работу и сидение неленосное” поверстан поместным окладом в 300 четей⁴⁹. О нем мы знаем только то, что в 1706 г. он был дьяком.

11. *Охотницкий Юрий*. 20 р. Как и многие вышеупомянутые подьячие, Юрий Гаврилович Охотницкий в 1663/64 гг. служил в Разряде подьячим с окладом 6 р. Как подьячий Разряда он отмечен и в 1664/65 и в 1677/78 гг. В 1676/77 гг. Ю. Охотницкий ведал северские города, а также Болхов, Кромь, Калугу, Мосальск, Орел и другие. В следующем году подьячий справил годовые сметные росписи семи заоцких городов и шести городов Севского полка, пяти северских городов с пригородами.

Ю. Охотницкий был близким соседом В.Г. Семенова, он также жил в Екатерининской слободе, между Большой Ордынкой и Большой Полянкой, в районе Казачьих переулков⁵⁰. Этот двор был во владении Ю. Охот-

нищкого уже в 1668 г., а в 1671 г. за ним значится и владение в Земляном городе за Пречистенскими воротами, в районе между Зачатьевским монастырем и Смоленской улицей (ныне Арбат)⁵¹.

12. *Павлов Иван*. 18 р. Сведения о подьячем с такими именем и фамилией очень скудны и могут относиться к разным лицам. Достоверно известно, что в 1663/64 гг. подьячий Иван Павлов служил в Разряде и получал оклад 4 р. Есть еще два упоминания о подьячем И. Павлове: в 1638 г. он значится патриаршим подьячим, а в августе 1699 г. – подьячим Конюшенного приказа. В 185 г. Иван Павлов сопровождал соболиную казну в Севск, а затем был назначен в Севскую же полковую канцелярию. Со 183/1674-75 гг. подьячий имел поместный оклад в 300 четей⁵².

13. *Костоусов Иван*. 16 р. В октябре 1670 г. подьячий И. Костоусов был отправлен в Острогожск с государевым жалованьем служилым людям, что свидетельствует о его службе в Разряде. В 185 г. И. Костоусова отправляли из Разряда с грамотами в Воронеж, а 18 июня того же года в Московский уезд застряпчим Матвеем Григорьевичем Прокудиным вместе с разрядным подьячим Богданом Сековановым и разрядным же сыном боярским Ильей Щелкуновым. И. Костоусов возил грамоты к боярину и воеводе Новгородского полка кн. В.Д. Долгорукову в Серпухов “или где съедет”, а чуть позже – в Калугу.

14. *Волков Федор*. 16 р. О Ф. Волкове известия существуют только за более поздние годы: 31 июля 1681 г. и в 1683/84-1684/85 гг. он был дьяком Пушкарского приказа. В 185 г. подьячий “со справой” Московского стола.

15. *Ляпин Иван*. 15 р. В июле 1677 г. был придан стольнику М.М. Головину, направленному из Разряда в Путивль, в полк В.В. Голицына. Сведения о карьере Ивана Перфильевича Ляпина имеются также за поздние годы: 24 сентября 1680 г. и 16 ноября 1681 г. он служит подьячим в приказе Большой казны. Дальнейшая его служба связана с Сибирским приказом – 14 марта 1687 г. И. Ляпин упоминается как подьячий Сибирского приказа, а в 1686/87-1688/89 гг. он служит там же дьяком.

В 180/1671-72 гг. И.П. Ляпин владел двором в Белом городе, между Покровкой и Яузскими воротами “на Хохловке переулоч от города”⁵³ (совр. Хохловский переулок).

16. *Щербаков Михаил*. 15 р. В 185 г. справный подьячий Московского стола. Михаил Михайлович Щербаков в ноябре 1681 г. и в июле 1683 г. еще служил в Разрядном приказе, но 10 декабря 1691 г. уже значится дьяком Стрелецкого приказа. Последнее упоминание о нем относится к XVIII в. – 12 января 1703 г. М.М. Щербаков служил дьяком в приказе Земских дел. В 185 г. его поместный оклад составлял 300 четей⁵⁴.

Сведений о месте жительства М.М. Щербакова в 185 г. не имеется, но известно, что в 177/1668-69 гг. своего собственного двора у него не было. Подьячий жил недалеко от других сотрудииков Разрядного приказа – В.Г. Семенова, И. Ляпунова, А. Пименова, Ю. Охотницкого – в Ордынской слободе на дворестряпчего Александра Елизарьевича Похвиснева⁵⁵.

17. *Жеребцов Алексей*. 13 р., поместный оклад со 185 г. 300 четей⁵⁶. В 185 г. Алексей Степанович Жеребцов был подьячим “со справой” в Московском столе.

Жил А.С. Жеребцов, соседствуя с И. Максимовым, М. Дмитриевым, Т. Кобяковым, во “дворах Старого Воскресенья”, между Остоженкой и Москвой-рекой. Это владение числилось за ним уже в 179/1671-72 гг.⁵⁷

18. *Федоров Гаврила*. 13 р. О подьячем с этими именем и фамилией существуют сведения за 70 лет, с 1612/13 гг. по 1681/82 гг. Крайне сомнительно, чтобы это был один человек. Поэтому, исходя из данных, что в 185 г. он был подьячим Разрядного приказа с окладом 13 р., можно предположить, что именно к этому человеку относятся следующие данные. В 1648/49 гг. подьячий Г. Федоров участвовал в объездах по Москве (Разряд вместе с Земским приказом организовывал “объезды”, то есть патрулирование улиц, по Москве). В декабре 1672 г. этот разрядный подьячий был послан с поручением в Киев. В 185 г. работал в повытьи боярского списка Московского стола. Сведения за более поздние годы также могут быть отнесены к разрядному подьячему Г. Федорову. С 6 марта 1679 г., видимо, после получения дьячьего чина, до 14 июля 1680 г. Г. Федоров служит во Пскове. В 1681/82 гг. он дьяк в Свяжске. С 31 июля 1686 г. по сентябрь 1688 г. Г. Федоров дьяк в Великом Новгороде.

У него был двор на Покровке, который в 1646/47 гг. сгорел.

19. *Алексеев Гаврило*. 13 р. В 185 г. подьячий Московского стола. Данные о нем относятся к более позднему времени. 26 января 1680 г. и 22 января 1689 г. он еще значится подьячим Разрядного приказа. 17 сентября

Архиерейский дом, Ховринская церковь, Спасская башня и собор Николы Гостунского в Кремле.

(Фрагмент гравюры Ламинита по рисунку Делабарта 1795 г.)

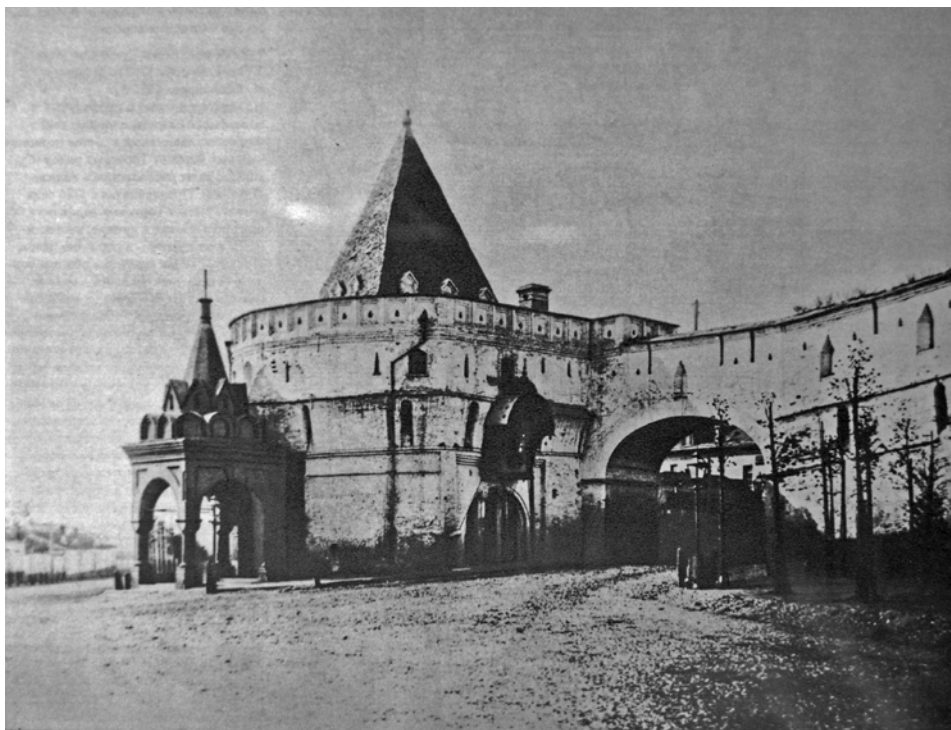
1689 г. уже в качестве дьяка служит в Севске. В 185 г. его поместный оклад составлял 250 четей⁵⁸.

В 184/1675-76 гг. и, вероятно, в 185 г. двор Г. Алексеева находился в районе, “что от Смоленские улицы к Сивцову вражку живут к Белому городу”, в приходе церкви “Николаы в Плотниках”⁵⁹, то есть в нынешнем Плотниковом переулке.

20. *Матвеев Иван Меньшой*. 12 р. О подьячем с этими именем и фамилией имеются сведения, которые, как и в других вышеприведенных случаях, могут быть отнесены к разным лицам. Поэтому возьмем лишь те, которые хотя бы хронологически близки “нашему” Ивану Меньшому Матвееву. В 1663/64 гг. он числится подьячим Разрядного приказа с окладом 4 р. В следующем году и в 1667/68 гг. он служит там же, в 1667/68 гг. его посылают с грамоткой в Тамбов, в 185 г. он ездил с грамотами в Белгород. Наконец, 25 мая 1678 г. он значится подьячим в Темникове.

21. *Тарасов Иван*. 12 р. Подьячий повытья боярского списка Московского стола. 9 апреля 1677 г. отправился в города с грамотами о починке стругов и об отпуске на них рекой Десной соли для ратных людей.

22. *Нечаев Василий*. 10 р. Подьячий “со справой” Приказного стола. 11 сентября 1676 г. был послан с поручением в Севск⁶⁰.

Варварские ворота.
(Фотография начала XX века)

С 1668 г. двор В. Нечаева располагался “возле Белого города” на Сто-рожевской, или Сторожевой улице, в районе Поварской и Хлебной улиц⁶¹ (последняя ныне называется Хлебным переулком)

23. *Олсуфьев Иван*. 10 р. 14 марта 1616 г. упоминается как подьячий Разрядного приказа. В 185 г. возглавлял второе повытье Новгородского стола. Поместный оклад его составлял 300 четей⁶².

И. Олсуфьев жил в известном уже месте за Остоженкой, “дворы от Москвы реки по берегу”⁶³. В 185 г. ближайшим соседом его был думный дьяк Дементий Минич Башмаков, только что сменивший В.Г. Семеновым на посту руководителя Разрядного приказа.

24. *Пауков (Поуков) Иван*. 10 р. По документам Разрядного приказа в 1683/84 гг. был “у Белгородских дел”, в 1686/87 гг. служил в Московском столе. 19 мая 1677 г. он повез в войска Г.Г. Ромодановского, в Курск, целый обоз с оружием для рейтарских и солдатских полков: 700 карабинов “с крюки и с ремни да 250 пар пистолей..”, “11 алебардов, 20 протозанов”, а также артиллерию – 6 медных пищалей и к ним 600 ядер⁶⁴.

25. *Неверов Иван*. В списке 184 г. его оклад 10 р. Начал работу в Разрядном приказе не позднее 1665 г.⁶⁵ В 185 г. подьячий Московского стола.

И. Неверов жил в том же районе, что и многие разрядные подьячие – в Земляном городе между Москвой рекой и Смоленской улицей (Арбатом). В 1670 и в 1676 годах его двор располагался “от Москвы реки по берегу”, в приходе церкви Пятницы Божедомские⁶⁶, на Божедомской улице (район Остоженки).

26. *Сукманов Тарас*. 10 р. О службе этого подьячего до 1676 г. не известно ничего. В 184 г. он сопровождал государя в Троицком походе. В 185 г. неоднократно привлекался руководством Разряда к выполнению различных заданий на местах. 3 февраля он был послан в Путивль для отпуска хлебных запасов в украинский Чигирин, который предстояло защищать от турок. 10 марта Т. Сукманова направили с грамотами в южные города Белев, Карачев, Севск, Рыльск, Кромы, Орел для организации снабжения ратных людей Севского полка продовольствием – высылки четверикового хлеба, а также для взятия штрафов с воевод и приказных людей Белева, Карачева, Кром и Орла за срыв поставок хлеба в Севск. В конце мая несколько разрядных подьячих были командированы в полковые канцелярии южных полков, в их числе и Тарас Сукманов – в Путивль, в полк В.В. Голицына.

О месте жительства Т. Сукманова в 185 г. сведений не имеется, но известно, что в 1716 г. его вдове, Евдокии Федоровне Сукмановой принадлежал двор на Покровке “в Котельниках” (поскольку рядом жили мастера, делавшие котлы), в приходе церкви Успения Пресвятой Богородицы⁶⁷. Этот храм, ныне не существующий, был построен в 1696 г. на средства гостя Ивана Матвеевича Сверчкова мастером Петром Потаповым. Храм, видимо, в стиле московского барокко, с тринадцатью куполами, расположенными пирамидой, поражал своей удивительной архитектурой не только русских, в том числе В.И. Баженова и Н.М. Карамзина, но и иностранцев. Среди москвичей существовало предание, что в 1812 г. Наполеон был настолько очарован храмом, что, желая сохранить его, приказал поставить вокруг специальную стражу.

27. *Клишин Лев [Леонтий]*. 10 р. 25 сентября 1691 г. был пожалован из подьячих Разрядного приказа в дьяки и, как водится, сразу назначен в Севск. 24 августа 1700 г. он значится дьяком во Пскове.

28. *Богданов Лаврентий*. 10 р.

29. *Фефилатьев Василий*. 10 р. Об этом подьячем известно, что в 185 г. он служил в Московском столе и в его ведении, по всей видимости, находились служебные назначения (“посылки”) московских приказных и городовых подьячих.

30. *Дорофеев Иван*. 10 р. Как подьячий Разрядного приказа упоминается 13 октября 1664 г., в 1665/66 гг., 8 августа 1679 г. В июле 1680 г. направлен подьячим в Кострому, а с 14 февраля по 18 июня 1683 г. был подьячим в Галиче. 10 февраля 1677 г. Иван Дорофеев отправился в Воронеж с поручением “быть на Воронеже у стругового дела и донского отпуску”, то есть надзирать за строительством судов и отправкой на них продовольствия донским казакам. 2 ноября и 22 августа И. Дорофеева посылали в Путивль с грамотами в полк боярина и воеводы кн. В.В. Голицына.

Двор И. Дорофеева находился по соседству с дворами И. Максимова, М. Дмитриева, Т. Кобякова и А. Жеребцова, в приходе Старого Воскресенья на берегу Москвы-реки⁶⁸.

31. *Дмитриев Тимофей*. В 185 г. денежный оклад 8 р. В 185 г. подьячий Московского стола; переведен в Разряд из Мытной избы.

Дом Т. Дмитриева также располагался за Остоженкой, на берегу Москвы-реки, в приходе церкви Старого Воскресенья⁶⁹.

32. *Томилов Михаил*. 7 р. Служил в Приказном столе Разряда, где вел дела о пленных и раненых. 23 октября по распоряжению Ф.Л. Шакловитого М. Томилов был отправлен в Белев “для государева дела, по белевского подьячего Петрушку Мелентьева”.

33. *Юдин Иван*. 7 р. В 1663/64 гг. Иван Яковлевич Юдин был неверстаным подьячим Разрядного приказа. 16 октября 1667 г. он значится подьячим Московского Отдаточного двора. В феврале 1680 г. И.Я. Юдин служил подьячим в Устюжской чети. В январе 1681 г. и в августе 1682 г. был подьячим у стрелецких житниц. Весной 1677 г. в Белгородский и Севский полки из Разряда была отправлена на жалованье ратным людям соболина казна. Везли ее в Белгород и Севск разрядные подьячие Иван Юдин и Алексей Топильский с сопровождением из шести московских стрельцов.

В 184 г., а значит, по всей видимости, и в 185 г. И.Я. Юдин жил за Пречистенскими воротами в Земляном городе в Конюшенной слободе⁷⁰, то есть в районе нынешнего Староконюшенного переулка. В последующие годы им было приобретено владение в приходе церкви Рождества Богородицы в Столешниках (нынешний Столешников переулок), остававшееся за ним и в 1716 г. (значилось как двор “Разрядного подьячего Ивана Юдина”)⁷¹.

34. *Мартынов Василей*. По книге Денежного стола его денежный оклад в 185 г. составлял 7 р.⁷²

35. *Казанец Илья*. 7 р. 5 июня 1665 г. И. Казанец упоминается как дворцовый подьячий. В сентябре 1674 г. он уже, очевидно, подьячий Разрядного приказа, поскольку с ним послан к царю в с. Коломенское список стольников и стряпчих, наличных и нетчиков. Умер до 12 марта 1677 г.

36. *Баташев Сава* [Савва]. 7 р. 9 декабря 1670 г. упомянут как подьячий Новой чети. 3 мая 1677 г. С. Баташеву было поручено ответить грамоту воронежскому воеводе по делу о беглой крестьянке окольного М.Б. Милославского. 4 июня 1677 г. при подъезде к Москве произошло нападение на государственных курьеров. Для выяснения обстоятельств дела на место “по Тульской дороге до речки Лопасни (район современного города Чехова. – О.Н.) для осмотра побитых от разбоиников гонцов и сыску государевых грамотъ, которые с теми гонцами посланы”, были отправлены два служащих Разряда – подьячий Сава Баташев и сын боярский Илья Щелкунов.

37. *Микулин Перфилий*. 7 р. Данные о службе этого подьячего практически отсутствуют. Известно только, что 26 мая 1677 г. П. Микулин был направлен в полковую канцелярию полка В.В. Голицына в Путивле. В 1676/77 гг. за ним числилось поместье в Данкове.

38. *Протопопов Федор*. 7 р. В апреле 1668 г. он служил подьячим в приказе Большого двorca. В 185 г. работал в Новгородском столе.

39. *Соколов Яков*. 7 р. Известий о службе подьячего до 185 г. не имеется. 18 июня 1677 г. Я. Соколов был послан в полковую канцелярию в Курск. В августе он был направлен с грамотами из Денежного стола в Белев и Орел.

40. *Протопопов Василий*. 7 р. В сентябре 185 г. подьячий ездил с отписками в государев поход в с. Коломенское.

41. *Айтемирев Василий* [Иванович]. 6 р. Данные о службе этого подьячего имеются только за 185 г. и более поздний период. В 185 г. подьячий Московского стола. 8 сентября В. Айтемиреву по помете на выписке В.Г. Семенова “для пожарного разоренья” было дано “в приказ” 4 рубля. В течение двух недель июля 1677 г., с 13 по 25 число, В. Айтемирев находился в походной канцелярии царя, возглавляемой Ф.Л. Шаковитым, в селах Алексеевском, Покровском и Коломенском. 8 октября 1686 г. подьячий В.И. Айтемирев был послан гонцом в Польшу. В 1694/95 гг. и с 17 ноября 1696 г. по 1700 г. он упоминается как дьяк Сибирского приказа.

О собственном дворе В.И. Айтемирева ничего не известно. По всей видимости, он жил в доме своего отца, разрядного же подьячего Ивана Айтемирева (Темирева), который располагался на Поварской и “в Трубникове улице”, то есть между современными Поварской же улицей и Трубниковским переулком. И. Айтемирев владел домом с 1668 г.⁷³

42. *Мартинов (Мартынов) Иван*. По книге Денежного стола 185 г. его оклад составлял 5 р. 24 ноября 1676 г. И. Мартинов был отправлен из Разряда в поход за государем (возможно, Кашинский).

43. *Симоновский Самсон*. 5 р. В 185 г. подьячий Новгородского стола. В сентябре 1676 г. в Новгородском столе приводили в соответствие с новыми разборными списками подлинные городовые списки городов Новгородского стола. С. Симоновскому достался “костромской розбор для выправки с подлинным списком”. В мае 1677 г. С. Симоновский был направлен в полковую канцелярию полка И.В. Бутурлина в Рьльск.

44. *Кобяков Леонтий*. 5 р. О Л. Кобякове известны краткие данные только за поздние годы: в 1688/89-1689/90 гг. он значится дьяком Московского Судного приказа. В 1675/76 гг. за ним, как подьячим Разрядного при-

каза, числится поместье в Рязьке. 6 августа 185 г. Л. Кобыков получил свой оклад вперед на 186 г. “для пожарного разоренья”.

45. *Никонов Тимофей*. 5 р. Подьячий Новгородского стола. В октябре 1676 г. в Новгородском столе занимались составлением годовой сметы годовов Новгородского полка; Т. Никонову была поручена ростовская годовая смета. 7 февраля Т. Никонов отвозил грамоту в Вязьму.

46. *Никифоров Тимофей*. 5 р.

47. *Саблин Иван*. 5 р. Вместе с П. Голохвастовым в 1677/78 гг. был переписчиком на Вологде.

48. *Викульев Федор*. 5 р. В 1684/85 г. дьяк. Данных о службе в 185 г. не имеется.

49. *Беляев Иван*. 5 р. О конкретных служебных поручениях И. Беляева в 185 г. информации нет, однако имеется немало данных о его усилиях, предпринятых совместно с подьячим Григорием Ивановым, для получения денежных премий. 30 июня было выплачено “розрядным подьячим Ивану Беляеву да Григорью Иванову за приказную работу в приказ по два рубля человеку”. Через полтора месяца те же подьячие подали новую челобитную, и по помете на ней того же В.Г. Семенова снова получили по 2 р. “за бескорысную ихъ работу и для их бедности”. В тот же день “для праздника светлого Христова воскресенья” они же получили в приказ по 1 р.

50. *Иванов Нефед*. 5 р.

51. *Иванов Григорий*. 5 р.

52. *Демидов Зиновий*. 4 р. Видимо, подьячий Денежного стола. 31 января с подьячим З. Демидовым в приказ Большого дворца было послано “розрядного воску сорок пуд”.

53. *Ноздрачов Михайло*. 4 р. 1 декабря подьячий был послан с государевой грамотой из Разряда в елецкое поместье стольника Федора Меньшого Григорьевича Хрущова.

54. *Бовыкин Максим*. 4 р.

О том, где жил М. Бовыкин в 1676-77 гг. данных не имеется, но известно, что в 1716 г. его вдова, Мария Никитична Бовыкина, владела двором на Чистых прудах, на землях Варсонофьевского девичья монастыря (сам монастырь находился между улицами Лубянской и Рождественкой, в районе нынешнего Варсонофьевского переулка). Соседний двор в 1716 г. принадлежал родственнику М. Бовыкина

Братский корпус Знаменского монастыря на Варварке. Выстроен в 1675–1678 гг. костромскими мастерами под руководством Фёдора Григорьева и Григория Анисимова.

(Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982)

(М.Н. Бовыкина приходилась ему невесткой), также подьячему Разрядного приказа Василию Ивановичу Бовыкину⁷⁴.

55. *Мамонов Трифон*. 4 р.

56. *Ардабьев Иван*. 4 р. 15 мая 1697 г. он еще служил подьячим в Разряде.

57. *Степанов Федор*. 4 р. Входил в состав походной канцелярии царя с 13 по 25 июля в селах Алексеевском, Покровском и Коломенском.

58. *Шишкин Михайло*. 4 р. Видимо, подьячий Московского стола.

59. *Торопов Василий*. В 185 г. подьячий с денежным окладом 4 р.

60. *Курочкин Степан*. 3 р. 26 мая был откомандирован в полковую канцелярию полка И.В. Бутурлина в Рыльск.

61. *Шестаков Емельян*. По списку разрядных подьячих 184 г. и по книге Денежного стола 185 г. его оклад 3 р. В 185 г. подьячий Новгородского стола.

62. *Игнатьев Василий*. 3 р.

63. *Ларионов Илья*. 3 р. 26 мая вместе с С. Курочкиным направлен в полк И.В. Бутурлина в Рыльск, где был справным подьячим. Находился в полку И.В. Бутурлина с приезда до отпуска, с 13 июня по 5 октября 1677 г.

64. *Топильский Алексей*. 3 р. 24 октября 1675 г. значится как подьячий Разряда. 4 и 16 ноября А. Топильский отвозил грамоты калужскому воеводе. 10 апреля 1677 г. он вместе подьячим Иваном Юдиным и конвоем из московских стрельцов сопровождал в Белгородский и Севский полки соболиную казну, предназначенную на жалование ратным людям. 11 июня 1677 г. А. Топильский был направлен по распоряжению Денежного стола в Козлов с грамотами о высылке в Разряд козловских таможенных и кабацких верных голов с целовальниками текущего года. Не раз привлекался руководством Разряда к делам финансового характера.

65. *Комаров [Камаров] Дмитрий*. 3 р. В 185 г. работал, по-видимому, в первом повытье Московского стола и ведал росписями городских воевод.

66. *Максимов Семен*. 3 р. 18 июня 1677 г. во главе группы из пяти московских стрельцов выехал в Московский уезд для высылки в полки служилых людей.

67. *Кузьмин Федор*. 3 р. Через десять лет после описываемого времени, то есть в 1686/87 гг., Ф. Кузьмин поднялся до подьячего “со справой” в Разрядном приказе.

68. *Осипов Прокофий*. В подьяческом списке 184 г. его денежный оклад 2 р.; по книге Денежного стола 185 г. – 3 р. В 185 г. подьячий Новгородского стола.

69. *Данилов Иван*. 3 р. Возможно, обладал четким почерком и навыком быстрого письма, поскольку не раз направлялся в походные канцелярии царя. С 13 по 15 июня И. Данилов был при государе в с. Покровском. 25 июня 1677 г. его отправили из Москвы до Бронниц за великим государем в поход с отписками “наскоро”. С 13 по 25 июля вместе с другими разрядными подьячими под руководством Ф.Л. Шакловитого состоял в походной канцелярии царя в селах Алексеевском, Покровском и Коломенском. Через шесть лет, 17 октября 1683 г. в чине подьячего проводил межевание в Мосальском уезде.

70. *Рослов Афанасей*. 3 р. Как и С. Максимов, был направлен 18 июня 1677 г. в сопровождении пяти московских стрельцов “с станом около Москвы по дорогам” для высылки в полки служилых людей Московского уезда. Ему также неоднократно поручали доставлять памяти из Разряда в другие приказы.

71. *Хвастов Тихон*. 3 р. В 185 г. отставлен из Разряда.

72. *Гуляев Михайло* [Григорьевич]. 2 р. 26 июня 1677 г. молодой подьячий М. Гуляев участвовал в организации массовой высылки служилых людей Московского уезда в качестве помощника сотника московских стрельцов Н. Перфильева. Этот подьячий сделал в Разряде карьеру. 24 февраля 1695 г. он упоминается как справный подьячий Разрядного приказа, был также подьячим “у боярской книги” в Разряде, то есть первым подьячим приказа (в свое время таким подьячим был В.Г. Семенов). 15 февраля 1700 г. М.Г. Гуляев был пожалован в разрядные дьяки, ему было поручено ведать новозавоеванные города, Азов с пригородами, Каланчинские башни и строение гаваней.

73. *Остафьев Федор*. 2 р. 7 мая 1677 г. был послан с грамотами в Курск.

74. *Дурнышов Алексей*. 2 р.

75. *Кобяков Иван* [Тимофеевич]. 2 р. В 185 г. работал, по-видимому, в Новгородском столе. Как и М.Г. Гуляев, сделал карьеру в Разряде. В чине дьяка Разрядного приказа упоминается в апреле 1683 г., в 1683/84 гг., в 1690/91-1699 гг. Очевидно, сын Тимофея Кобякова, старого разрядного подьячего, умершего в 184 г.

Т. Кобяков имел двор в Москве уже в 1638 г., правда, его местонахождение неизвестно. В 177/1669-70 гг. он соседствовал с подьячими М. Дмитриевым и И. Максимовым – его двор располагался “на церковной” земле” храма Старого Воскресения в районе Остоженки, на берегу Москвы-реки⁷⁵. Вероятно, там же жил и И. Кобяков.

76. *Брянцев (Брянцов) Никита*. 2 р. В 185 г. подьячий Московского стола, занимался подьяческими списками. Очевидно, отличался несдержанным характером, потому что не раз упоминается в документах как участник драк.

77. *Остриков Филимон*. 2 р.

78. *Жохов Пересвет*. 1 р. В сентябре 1676 г. ездил с отписками к государю в с. Коломенское. С 13 по 15 июня вместе с И. Даниловым состоял в походной канцелярии царя в с. Покровском.

79. *Менишово Никита*. 1 р.

80. *Литвинов Петр*. 1 р.

81. *Артемьев Андрей*. Не верстан. 11 августа был отправлен из Разряда с грамотами к воеводе Коротояка.

82. *Ключарев Алексей*. Не верстан. 16 октября 1665 г. значился подьячим Новой чети. 29 декабря 1682 г. служил подьячим в Устюжской чети.

83. *Тимофеев Федор*. Не верстан. Очевидно, подьячий Новгородского стола Разряда. 15 июля 1677 г. был направлен “для полковых дел” в полк В.Д. Долгорукого во Псков.

84. *Булатов Захарко*. Не верстан. В 185 г. умер.

85. *Добрынин Герасим*. Не верстан. 18 июня 1677 г. участвовал в высылке в полки служилых людей Московского уезда в качестве помощника сотника московских стрельцов; неоднократно относил памяти из Разряда в приказы.

86. *Булгаков Иван*. Не верстан. В 1687/88 гг., в чине подьячего, вместе с В. Протопоповым писал и межевал вотчины Воскресенского монастыря в Московском уезде.

87. *Свиридов Игнатий*. Не верстан. В 185 г., возможно, работал в Московском столе. 24 июня 1679 г. он еще служит в Разрядном приказе в чине подьячего.

88. *Худяков Сергей*. Не верстан. 1 февраля 1677 г. отвозил грамоту из Разряда в Великий Новгород.

89. *Беседин Иван*. Не верстан. 20 июня 1677 г. был командирован “для писма полковых дел” в полк П.И. Хованского, дислоцированный сначала во Мценске, затем в Новом Осколе. Выехал в полк 2 августа. В течение года не раз направлялся с памятьми из Разряда в другие приказы. В конце 185 г. или в начале 186 г. отставлен из Разряда.

90. *Глинкин Прокофей*. Не верстан. 18 июня 1677 г. в качестве помощника сотника московских стрельцов участвовал в высылке в полки служилых людей Московского уезда.

91. *Ляпин Исай*. Не верстан. 18 июля отправлен в Путивль на скоро для государева дела вместе со стольником М.Н. Головиным. В 185 г. был “на Вологде с отцом”⁷⁶. Успешно продолжил карьеру, начатую в Разряде. С декабря 1686 г. по июнь 1687 г. значился как дьяк Поместного приказа. С 25 января 1688 г. по 27 января 1690 г. был дьяком на Двине. 10 декабря 1690 г. умер на Ваге на обратном пути из Архангельска в Москву.

92. *Протопопов Осип*. Не верстан. 26 июня 1677 г. О. Протопопов как помощник сотника московских стрельцов П. Зволинского вместе с другими разрядными подьячими участвовал в организации массовой высылки служилых людей Московского уезда. В 1689/90 гг. еще служил подьячим в Разрядном приказе.

Палаты XVII века в Чертольском переулке, принадлежавшие церкви Пятницы Божедомской

(Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. М., 1989)

В 1693 г. за ним числился двор за Серпуховскими воротами.

93. *Поздышев Федор*. Не верстан.

94. *Грудев Алексей*. Не верстан. Относил памяти из Разряда в приказы.

95. *Сорокин Левка*. Не верстан. В качестве помощника сотника московских стрельцов С. Игина 26 июня 1677 г. принимал участие в высылке в полки служилых людей из Московского уезда; относил памяти в приказы.

96. *Буслаев Ивашко*. Не верстан. Возможно, в 185 г. служил в Приказном столе Разряда.

97. *Васильев Михайло*. Не верстан. Был назначен в суточное дежурство по Разряду. О нем имеются отрывочные сведения, может быть, относящиеся к разным лицам. К “нашему” подьячему могут, но, пожалуй, только во “временном” смысле, относиться данные о том, что 21 сентября 1689 г. Михаил Васильев был дьяком в Севске.

98. *Осетров Григорей* (в книге Денежного стола – “Гришка”). Не верстан.

99. *Конищев Ивашко*. Не верстан. Помощником сотника московских стрельцов участвовал в высылке в полки служилых людей Московского уезда, проводившейся 18 июня 1677 г.; относил памяти из Разряда в приказы.

100. *Павлов Матвей*. Не верстан. В 185 г., по всей видимости, подьячий Новгородского стола.

101. *Кондратьев Иван*. Не верстан. Вместе с коллегами 26 июня 1677 г. в качестве помощника сотника московских стрельцов А. Есипова участвовал в высылке в полки служилых людей Московского уезда. В справочнике С.Б. Веселовского о нем имеются совсем запутанные сведения, которые вряд ли могут относиться к И. Кондратьеву, бывшему неверстанным подьячим Разрядного приказа в 1676/77 гг. Однако приведем их: в июле 1679 г. И. Кондратьев был подьячим в Москве; 6 мая 1681 г. он значится как подьячий Посольского приказа. Затем имеются два упоминания о дьяке И. Кондратьеве. Первое: 4 января 1693 г. пожалован в дьяки из подьячих Мастерской палаты и назначен в Стрелецкий приказ, где служил с 1693 по 1699 г. Второе: 7 февраля 1704 г. И. Кондратьев упомянут как дьяк приказа Земских дел.

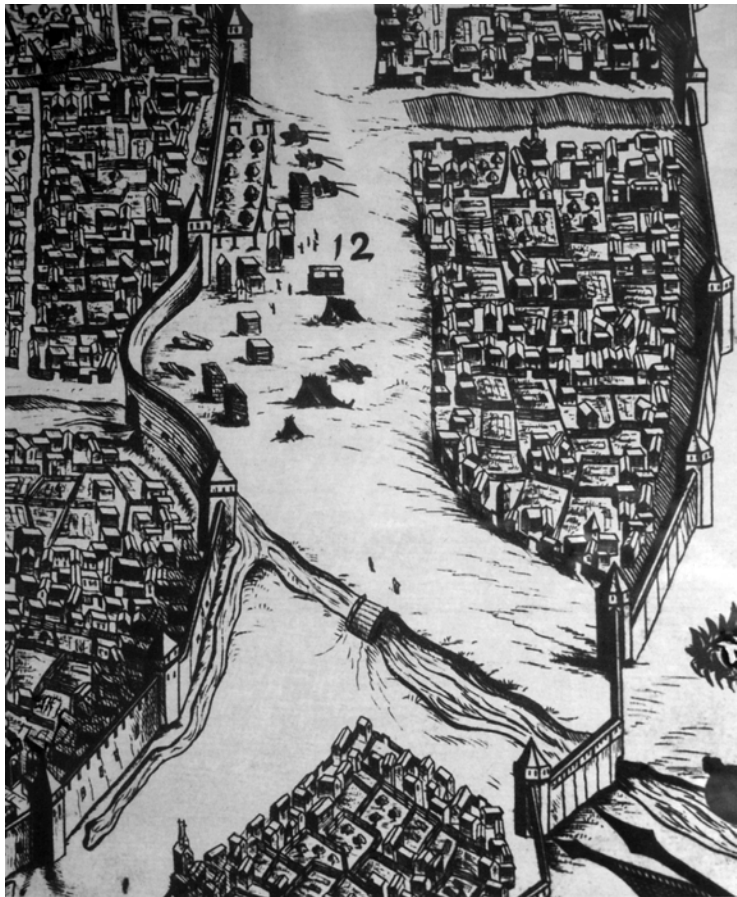
102. *Баженов Васька*. Не верстан. Был придан сотнику московских стрельцов С. Пикалову для организации высылки в полки служилых людей Московского уезда 26 июня 1677 г. 17 декабря 1680 г. значится подьячим Разрядного приказа.

103. *Патрекеев Тимошка*. Не верстан.

104. *Федоров Андрюшка*. Не верстан. Сопровождал в приказ командированного из Разряда подьячего. Из нескольких упоминаний (с 1613/14 г.) подьячего с такими именем и фамилией к А. Федорову, подьячему Разрядного приказа в 185 г., можно отнести, пожалуй, только последнее по времени – 20 октября 1689 г. он упоминается как подьячий Патриаршего Казенного приказа.

105. *Десятой Лука*. Не верстан.

Нижеперечисленные подьячие не записаны в список 185 г., однако их имена встречаются в текущих документах Разрядного приказа за этот год.

Лесной торг на р. Неглинной. «Сигизмундов план» 1610 г. Фрагмент.

Все они не были поверстаны денежным окладом. Их имена приведены в алфавитном порядке, поскольку неизвестно реальное положение этих служащих в приказной иерархии.

106. *Афанасьев Иван*. В 185 г. молодой неверстанный подьячий. Относил памяти в приказы.

107. *Волошенинов Константин*. В 185 г. молодой неверстанный подьячий, был направлен под началом дьяка Н. Пояркова в Путивль и Рыльск с казной для раздачи жалованья ратным людям; нередко относил памяти в приказы. В этом же году умер⁷⁷.

108. *Григорьев Митка*. В 185 г., возможно, подьячий Новгородского стола.

109. *Дуров Федор*. Не верстан. В 185 г. работал в Новгородском столе. 9 декабря 1676 г. был отправлен в Саввинский государев поход. 26 июня 1677 г. под командой сотника московских стрельцов С. Чюкаринова организовывал высылку на службу ратных людей Московского уезда.

110. *Зверев Федор*. В 185 г. неверстанный подьячий второго повытья Новгородского стола, помощник И. Олсуфьева.
111. *Золотухин Никита*. В 185 г. неверстанный подьячий Новгородского стола, делал выписку из галицкого и костромского росписных списков в годовую смету.
112. *Иванов Михаил*. В 185 г. неверстанный молодой подьячий, служил в Московском столе.
113. *Иванов Федор*. По подьяческому списку 184 г. его оклад 2 р. В 185 г. молодой подьячий, возможно, Московского стола.
114. *Киприянов Григорий*. В 185 г. молодой подьячий.
115. *Киприянов Михаил*. В 185 подьячий Разряда. Относил памяти из Разряда в приказы.
116. *Кобяков Федор*. В 185 г. подьячий Разряда.
117. *Кубанцев Яков*. В 185 г. неверстанный подьячий Новгородского стола, сверял ростовский и переславский разборы с подлинными списками.
118. *Лапшинский (Лопшанский) Тимофей*. Подьячий Московского стола. 18 июля 1677 г. Т. Лапшинский был придан в помощники стольнику И. Образцову, срочно посланному в Рылск в полк И.В. Бутурлина “для государева дела”.
119. *Матвеев Алексей*. 10 р. Был зачислен в Разряд в конце 185 г., 14 августа 1677 г., из севских подьячих.
120. *Надеин Семен*. В июле 1677 г. возил грамоту из Разряда к брянскому воеводе. 14 марта 1686 г. и 6 мая 1688 г. он значится как справный подьячий приказа Большой казны.
121. *Никифоров Гаврило*. В 185 г. подьячий Разряда. Относил памяти из Разряда в приказы.
122. *Попов Алексей*. В 185 г. работал в Московском столе.
123. *Прокишин Роман*. 20 ноября и 9 декабря 1676 г. был с государем в походах – Кашинском и Саввинском.
124. *Протасов Герасим*. В 185 г., возможно, работал в Московском столе.
125. *Протасьев Иван*. В 185 г. подьячий Новгородского стола.
126. *Секованов (Сокованов) Богдан*. 18 июня 1677 г. вместе с разрядными же подьячим И. Костоусовым и сыном боярским И. Щелкуновым был направлен в Московский уезд за 75 верст от столицы за стряпчим Матвеем Григорьевичем Прокудиным; с 21 по 28 июня был в походе за великим государем.
127. *Семенов Яков*. В 185 г. молодой подьячий.
128. *Сергеев Илья*. В 185 г. молодой неверстанный подьячий.
129. *Славьшевский Григорий*. В 185 г. молодой подьячий. Относил памяти в приказы.
130. *Сланцев Василий*. 18 июня 1677 г. участвовал как помощник сотника московских стрельцов в высылке из Московского уезда в полки служилых людей⁷⁸.
131. *Судейкин Любим*. В 185 г. молодой неверстанный подьячий.
132. *Шанский Федор*. В 185 г. молодой неверстанный подьячий. 20 июня командирован во Мценск в полк П.И. Хованского “для писма полковых дел”.

Если посмотреть на стаж работы подьячих в Разряде, то выяснится, что от четвертой до пятой части служащих, причем на всех уровнях – от старых до средней статьи, а, может быть, и молодых подьячих, то есть костяк канцелярии, – служили вместе более 15 лет. Это прежде всего дьяки приказа – В.Г. Семенов, П.И. Ковелин, Л.А. Домнин, большинство подьячих старых и “средней руки” – И. Ляпунов, М. Дмитриев, В. Степанов, А. Пименов, Б. Корелкин, В. Текутьев, А. Лобков, Ю. Охотницкий, И. Павлов, Т. Кобяков, И. Меньшой Матвеев, И. Пауков, И. Юдин, И. Дорофеев. Почти так же долго работали в Разряде и И. Максимов, И. Костоусов, А. Яцкой, Г. Федоров, И. Казанец.

Сплоченности служащих Разрядного приказа способствовало и то, что многие из них (в том числе и некоторые разрядные дети боярские) были близкими соседями. Разумеется, данные о месте проживания разрядных подьячих и других служащих в Москве далеко не полны, тем не менее, некоторая картина все же складывается.

Дьяки и подьячие Разрядного приказа жили относительно компактными группами в четырех районах Москвы: в Белом городе в районах Покровки и между Арбатом и Тверской улицами, в Земляном городе по Пречистенке и Остоженке, в Замоскворечье между Пятницкой улицей и Большой Полянкой.

У начальника Разрядного приказа думного дьяка В.Г. Семенова были дворы в Замоскворечье на Большой Ордынке и в Белом городе у Смоленских ворот. Разрядные дьяки предпочитали местность недалеко от Кремля, сразу за стенами Китай-города, в районе Покровки, то есть руководство приказа обитало примерно в 20 минутах пешего хода от места службы (хотя пешком, разумеется, не ходили).

В Замоскворечье, в районе Пятницкой улицы жили представители высшего и среднего звеньев приказных служащих, то есть подьячие старые и “средней руки”. Подьячие всех статей жили в районе Пречистенки и Остоженки и между Арбатом и Тверской улицами. Больше всего разрядных подьячих обитало по улицам Пречистенка и Остоженка.

Все места обитания разрядных подьячих и дьяков располагались не более чем в 40 минутах ходьбы от Кремля.

Долгая совместная работа, а также близкое соседство многих из разрядных служащих привели к тому, что они очень хорошо изучили друг друга – характеры, привычки, манеру работать, знали семьи, образ жизни, родственные связи (может быть, и породнились), могли положиться друг на друга. В приказе было ядро, некий управленческий центр, высокая квалификация, опыт, взаимопонимание и неформальные отношения сотрудников которого существенно повышали эффективность работы учреждения. Кроме того, наличие такого центра свидетельствует об устойчивости приказных традиций, о передаче опыта старших поколений служащих младшим.

Важно также отметить, что разрядное руководство (кроме Ф.Л. Шакловитого, который начал свой служебный путь в приказе Тайных дел) и большая часть старых подьячих начинали свою работу именно в Разряде, а не пришли сюда из других приказов. Это были специалисты нельзя ска-

зять узкого профиля, потому что профиль Разряда был очень широк, но специалисты своего дела, с молодости постигавшие его в одном учреждении.

В штат Разрядного приказа входили также три вспомогательные категории служащих – разрядные дети боярские, сторожа и сенные (площадные) разрядные подьячие. Разрядные дети боярские выполняли в приказе функции приставов.

Приставы были практически во всех московских приказах, за исключением тех, которые имели совсем небольшие штаты, но Разрядный приказ был единственным из органов центрального управления, приставы которого назывались “детьми боярскими”. Возможно, это указывало на их более высокое положение по сравнению с другими приказными приставами, а, может быть, разрядных приставов набирали именно из этой категории служилых людей по отечеству. Разрядные дети боярские исполняли различные поручения руководства приказа, связанные с осуществлением его судебных и административных функций, не только в Москве, но и в других городах, ведомых в Разряде.

Поскольку список разрядных служащих 185 г. не имеет конца, воспользуемся списком предыдущего 184 года и дополним его по документам текущего делопроизводства Разряда 185 г. В этом году в Разряде было 11 детей боярских:

1. *Ярышкин Степан* [Евфимьев сын]. 12 р.

О месте его жительства в 185 г. данных нет, но в 1668 г. его двор находился в Панской слободе недалеко от Крымского двора, то есть между нынешними улицей Большой Якиманкой и Крымской набережной⁷⁹, в районе Мироновского и 1-го Бабьегородского переулков.

2. *Поддубской Степан*. 12 р. По-видимому, служил в Разрядном приказе до второй половины декабря 1676 г.

В 1669 г. С. Поддубский владел двором в Земляном городе по Тверской улице⁸⁰.

3. *Поддубской Игнатей*. 12 р.

Опять же, сведения о том, где жил И. Поддубский, имеются только за 1669-70 гг. В это время он не имел собственного двора, а жил у жильца Тимофея Лаврентьевича Кологривова за Пречистенскими воротами⁸¹.

4. *Бросин Юрий*. 12 р.

5. *Булатов Борис*. 10 р.

6. *Попов Гаврило*. 10 р.

7. *Поддубской Иван* (в списке служащих Разряда за 184 г. записан как “Ивашко”). 10 р.

8. *Щелкунов Илья*. 10 р.

9. *Волков Дмитрий*. 7 р.

10. *Москотилников Михайло*. 7 р.

11. *Назарьев Лука*. 7 р.

Обращает на себя внимание тот факт, что разрядные дети боярские, как вспомогательные служащие приказа, имели годовые денежные оклады, гораздо большие, чем у подавляющей части разрядных же подьячих, и сопоставимые с окладами подьячих старых и средней статьи. Так, например,

оклад 10 р. имел справный подьячий И. Олсуфьев, руководитель одного из повытий Новгородского стола. В чиновной иерархии приказные подьячие стояли выше детей боярских, и в данном случае относительно высокие денежные оклады последних были, по-видимому, показателем значимости служебной деятельности разрядных детей боярских. Кроме того, у разрядных детей боярских, было, очевидно, существенно меньше возможностей “кормиться от дел”.

Как видим, в штате Разряда служила целая семья детей боярских, Поддубские, практически их служба становилась наследственной. Такое положение очень характерно для подьячих, но, видимо, и в среде низших категорий приказных служащих постепенно складывалась подобная традиция.

В 185 г. в Разряде служило шестеро сторожей (форма имени дается по документу):

1. *Гаврилов Родка.*

2. *Осинов Оска.*

3. *Борисов Давыдко.*

4. *Алексеев Ивашко.* Двор его, еще с 1668 г., располагался в Замоскворечье, по левой стороне Пятницкой улицы, в Овчинной слободе⁸², в районе нынешних Овчинниковских переулков.

5. *Марков Андрюшка.*

6. *Горохов Мишка.* Он был соседом И. Алексеева, его двор находился в начале Пятницкой улицы, в приходе церкви Пятницы “у Прощи”⁸³, в районе современного Пятницкого переулка.

Все они имели оклад 7 р. В этой категории приказных служащих действовали уже иные законы, чем среди подьячих и детей боярских. Сторожа стояли на гораздо более низкой ступени социальной лестницы, поэтому все они писались полуименем.

Приказные сторожа не только днем и ночью несли охрану помещений приказа, но и следили за чистотой в комнатах, их посылали в торговые ряды за канцелярскими принадлежностями.

Все перечисленные категории приказных служащих входили в штат Разряда, но существовала еще одна группа людей, которые были внештатными сотрудниками приказа. Это сенные, или площадные подьячие. В документах текущего делопроизводства Разряда за 185 г. упоминается один такой подьячий – “Артюшка” (Артемий) Степанов. Сенные приказные подьячие брали на себя ведение частной документации, связанной с деятельностью приказа. В Разряде они составляли и записывали, например, челобитные служилых людей, особенно городских, о пожаловании их в следующий чин, о пожаловании вновь денежным и поместным окладами или о прибавке к имеющимся окладам. Как лицо, пользующееся доверием, сенной подьячий мог также подписать частные документы по поручению человека, от чьего лица был составлен документ. Опять же, как человек, известный руководству Разряда и его служащим, сенной подьячий мог ставить свою подпись и вместо неграмотных служащих Разряда на приказных документах. Так, А. Степанов расписался за большинство разрядных сторожей в, выражаясь современным языком, ведомости на получение зарплаты – расходной книге Денежного стола приказа.

- 1 *Гоздаво-Голомбиевский А.А.* Столы Разрядного приказа в 1668-1670 годах // Журнал Министерства народного просвещения. № 7. СПб., 1890. С.8-17.
- 2 *Загоскин Н.П.* Столы Разрядного приказа по хранящимся в Московском архиве Министерства Юстиции книгам их. Казань, 1878. С.5.
- 3 *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. М., 1998.
- 4 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.292.
- 5 Русский биографический словарь. Т.ХVII. Пг., 1918. С.84-112,125.
- 6 *Седов П.В.* Оборона Чигирина в 1677 г. // Российское государство в XIV-XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002. С.491-492.
- 7 Список городов Белгородского полка на 1676-77 гг. дан по книге Белгородского полка 7185 г. РГАДА. Ф.210. Оп. бд. Д.95. Л.1-32.
- 8 РГАДА. Ф. 210. Оп. бд. Д. 95. Л.122-123.
- 9 Там же. Л.125-125об.
- 10 Там же. Оп. 9а. Д.504. Л.173-174.
- 11 *Лукичев М.П.* Указ. соч. С.101.
- 12 Там же. С.101.
- 13 *Милюков П.Н.* Указ. соч. С.231.
- 14 Основу описания служебной деятельности дьяков и подьячих Разрядного приказа составили данные справочника С.Б. Веселовского "Дьяки и подьячие XV-XVII вв." М., 1975.
- 15 "В нынешнем во 184-м году великий государь пожаловал в думные дьяки ... мая в 4 день из розрядных дьяков Василья Григорьева сына Семенова". РГАДА. Ф.210. Оп. 2. Д. 14. Л.10об.
- 16 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С.99, 100, 104-105.
- 17 Там же. С. 121, 127-128.
- 18 *Шенкова О.П.* Реконструкция плана Китай-города Москвы конца XVII века с границами землевладений // Архитектурное наследие. № 45. М., 2003. С.57-63.
- 19 Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. III. СПб., 1884. № 365 (VIII). Стб.458.
- 20 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С.190, 197-198.
- 21 Там же. С. 129, 131-132.
- 22 *Галанов М.М.* Федор Шаковитый // Вопросы истории. 1995. № 3.
- 23 Строение атрибутировано А.Д. Шаковой.
- 24 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С.49, 53.
- 25 РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 14. Л.209.
- 26 Там же. Оп. 9в. Д. 277. Л.490.
- 27 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С.129, 132.
- 28 Там же. С.190, 194.
- 29 Переписные московских дворов 1716 г. С.18. № 571
- 30 Там же. С.170. № 171.
- 31 *Шенкова О.П.* Указ. соч. С.59-60.
- 32 РГАДА. Ф. 210. Оп.6а. Д.82. Л.1-5.
- 33 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 99, 100, 103.
- 34 Там же. С. 202, 203, 207, 211.
- 35 Там же. С. 83.
- 36 Там же. С. 202, 203, 209.
- 37 Там же. С.89, 90, 94.
- 38 РГАДА. Ф. 210. Оп. бд. Д. 95. Л.153-153об.
- 39 Там же. Оп. 6ж. Д. 130. Л.20.
- 40 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 154, 164-166.
- 41 Там же. С. 99, 100, 107-108.
- 42 Там же. С.49, 52.
- 43 Там же. С.121, 127, 154, 164-166.
- 44 Там же. С.111-112.
- 45 Там же. 117.
- 46 *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII вв. С.509.
- 47 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 184.
- 48 Там же.
- 49 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 82. Л.1.
- 50 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 33, 35, 99, 100, 104-105.
- 51 Там же. С.170-173.
- 52 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 82. Л.1.
- 53 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 190, 194-195.
- 54 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Д. 531. Ст.4. Л.5.
- 55 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 99, 101.
- 56 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Д. 531. Ст.4. Л.3-7об.
- 57 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 170-171, 174, 202, 203, 207, 210.
- 58 РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Д. 531. Ст. 4. Л.7.
- 59 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 202, 222, 223.

- 60 РГАДА. Ф.210. Оп. 6ж. Д. 129. Л.1.
- 61 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 5, 8, 138, 150-151.
- 62 РГАДА. Ф. 210.Оп. 9а. Д. 531. Ст. 4. Л.5.
- 63 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 170-172, 202-203.
- 64 РГАДА. Ф.210. Оп. 6ж. Д. 130. Л.125об.-127об.
- 65 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.357.
- 66 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. С.170-171, 183, 202, 203, 217.
- 67 Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С.23. № 728.
- 68 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 202, 203, 207, 212.
- 69 Там же. С. 202, 207-208.
- 70 Там же. С. 202, 203, 207, 214.
- 71 Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С.12. № 343.
- 72 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 130. Л.8об.
- 73 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 1-2, 138, 150-151.
- 74 Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896. С.27. №909, 910
- 75 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 89, 93.
- 76 РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 82. Л.53
- 77 Там же. Л.5об.
- 78 Там же. Оп. 6ж. Д. 130. Л.148об.-149.
- 79 Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886. С. 99, 100, 109.
- 80 Там же. С. 138, 139.
- 81 Там же. С. 44.
- 82 Там же. С. 20, 68-75, 76.
- 83 Там же. С. 68-75.

Глава 3

Ведение ратного дела

Оборона южных границ

Пограничные крепости

Как говорилось, 185 год был для Разряда годом подготовки и проведения важной военной операции по обороне Чигирина на южной границе государства. На выполнение этой задачи и была в большой степени нацелена деятельность приказа в 1676-1677 гг. Ведущая роль здесь принадлежала Московскому и Новгородскому столам, в чьем ведении находились практически все военные силы европейской части России, а также Приказному, к которому была “приписана” часть городов будущего (с 1680 г.) Тамбовского разряда, составлявших восточный край Белгородской черты.

Собственно, деятельность Разрядного приказа по организации обороны южных рубежей государства продолжалась в течение всего года. С разных участков южной укрепленной линии – Белгородской засечной черты – в Разряд поступали донесения о ситуации на границе. В приказе большая часть этих донесений аккумулировались в повытье Белгородского списка Московского стола (в 185 г. оно, возможно, было слито с повытьем боярского списка). После того, как по отпискам воевод разрядное руководство выносило то или иное решение, отписки с пометами дьяков в относительной хронологической последовательности копировали в специальную “Записную книгу Белгородского полку 185 году”¹, в которой отмечались наиболее существенные обстоятельства, касавшиеся дел на южной границе. В указанной книге сохранились записи за конец августа 184 года и первые два месяца (сентябрь и октябрь) 185 г. Это прежде всего дела о защите крепостей от нападений татар, дела Белгородского полка под командованием Г.Г. Ромодановского, вопросы комплектования Белгородского полка и гарнизонов южных городов, наконец, решение проблем службы военной связи.

Очевидно, документы переписывались в книгу и по мере поступления, и по мере необходимости. Сначала в книгу копировался документ, а позже отмечалось решение по нему (если это был входящий документ). Копировался документ младшим подьячим, пометы дьяков на подлинниках переписывались

Дворец в Коломенском.

Гравюра Фридриха Гильфердинга, незадолго до 1767 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten. Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. I., 2006. Bd. I).

сывались более ответственным сотрудником приказа – подьячим “средней руки” или старым.

Присланные в Разряд отписки воевод южных городов поступали к начальнику приказа, он же принимал по ним решения – на отписках значатся пометы только думного дьяка В.Г. Семенова.

Все дела, связанные с нападениями на границы, а также сведения о боеспособности южной армии, обязательно докладывались верховной власти – царю и боярам, в случае отлучки царя – боярской комиссии. Например, 13 октября валуйский пушкарь С. Потемкин привез в Разряд отписку валуйского воеводы Конона Лодыженского, в которой сообщалось о нападении 30 сентября калмыков и татар на Валуйки около речки Черной Калитвы. В ходе стычки один человек был убит, татары увели 10 лошадей. К. Лодыженский предупреждает о возможных нападениях татар и на другие города этого района. Численность калмыков и татар он оценивает приблизительно в 400 человек. В заключение воевода сообщает, что обо всем вышеуказанном он писал в Белгород к Г.Г. Ромодановскому, а также в другие ближние города².

В тот же день пушкаря в Разряде допросили. Отписку воеводы и распросные речи пушкаря В.Г. Семенов доложил в этот же день или на следующий боярской комиссии во главе с боярином кн. Г.С. Куракиным. Царь в это время уже вторую неделю, с 6 октября находился в селе Покровском³.

Дела об оборонительных действиях на границе решались только верховной властью. Иногда отписки городских украинских воевод просто принимались верховной властью к сведению – царь и бояре составляли представление о ситуации на южных границах. В таком случае никаких распоряжений на доложенных царю и боярам документах не записано. В.Г. Семенов просто помечал: “Великии государь слушал и бояром чтена 3 сентября”⁴, “великии государь слушал и бояром чтена”⁵, “такова послана государю в село Коломенское”⁶.

В других случаях принимались конкретные для данной крепости, или, как это было принято в приказном законодательстве (закон по прецеденту), в то же время общие для всей черты решения – приведение крепости в полную боевую готовность, усиление разведки и т.п. Так, на сообщение усманского воеводы С.Л. Караулова о тяжелом бое с татарами и калмыками в 7 верстах от усманских крепостей последовали следующие указания государя о конкретных мерах повышения обороноспособности южных укреплений, о поощрении ратных людей и возмещении им ущерба: он повелел послать “свою государеву грамоту к нему (Караулову. – *О.Н.*), чтоб он впредь жил с великим береженьем и про приход воинских людей проводывал всякими обычай и за крепость посылал служилых людей потому ж разведывая и разъезжая не так бы, как ныне, столко людей потерял, было не у дела. А раненым казаком дать государева жалованья и за рану из усманских доходов ис таможенных и кабацких, а по чему кому дать, и то писано под их имяны. А которые деревянные и земляные крепости худы, и те места починить и заделать тутошними людьми самые нужные места, и у тех крепости служилым людям велеть быть с ружьем в день и ночь неотступно, чтоб через те крепости воинские никакие люди в день и в ночь не пришли некоторыми делы”⁷. Подобные же распоряжения помечены и на других отписках воевод южных крепостей, например, на отписке валуйского воеводы К. Лодыженского⁸.

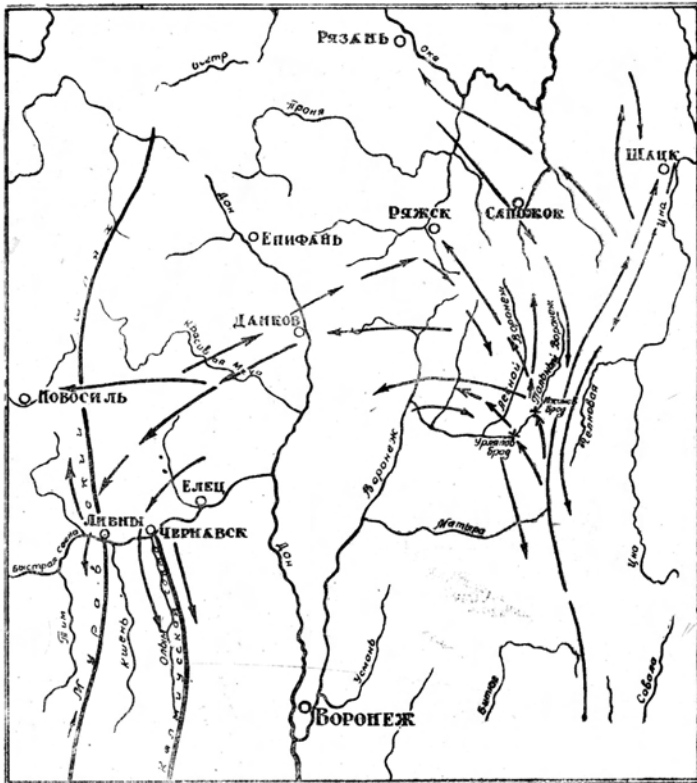
Другие случаи, касающиеся обыденных дел управления чертой – внутренних проблем, решались самим Разрядом (см. ниже).

Инициатива в текущих делах исходила от центральных органов управления только в случае важных стратегических решений – распоряжения о сборе армии, ее передвижениях, установлении нового закона. Так, 17 августа 184 г. из Разряда в полк Г.Г. Ромодановского была прислана грамота за приписью В.Г. Семенова с указанием идти из Курска к Днепру на встречу с запорожским войском под командованием гетмана И. Самойловича⁹. 11 сентября царь указал принимать в Разряде от служилых людей челобитные о воеводстве в городах за полгода до срока, наказы воеводам давать за месяц до срока¹⁰. В другом случае инициатива исходила непосредственно из самого Разряда. Из приказа напоминали, чтобы воевода Г.Г. Ромодановский выслал в Разряд книги сбора подъемных лошадей с телегами и всей упряжью, указывали, что такая грамота уже была послана 5 сентября, но ни-

какого ответа от воеводы по 20 сентября не получено¹¹. В другой грамоте Г.Г. Ромодановскому предписывалось выяснить самому (не подключая сыскную комиссию из Москвы), почему по присланным в Разряд книгам и воеводским отпискам оказалось так много нетчиков из числа служилых людей, которых было велено в 184 году выслать из городов Белгородского полка в полк Г.Г. Ромодановского¹².

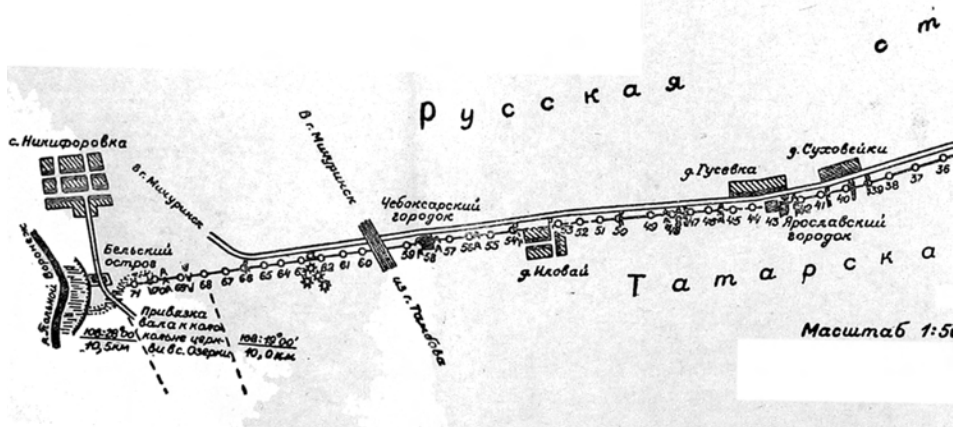
В большинстве же случаев распоряжения из Разряда городовым воеводам Белгородского полка поступали в ответ на различные проблемные ситуации, изложенные ими в отписках в Разряд. Например, так решались Разрядом вопросы, связанные с конкретными действиями по укреплению обороны южной границы, в частности, со снабжением пограничных городов-крепостей боевыми припасами. В Разряд поступило сообщение валуйского воеводы К. Лодыженского о том, что у него не хватает зелья и свинца, так как он вынужден постоянно снабжать ими следующих на Дон через

СХЕМА ТАТАРСКИХ ПУТЕЙ В МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО МЕЖДУ ВЕРХОВЬЯМИ ДОНА И РЕКОЙ ЦНОЙ В XVII

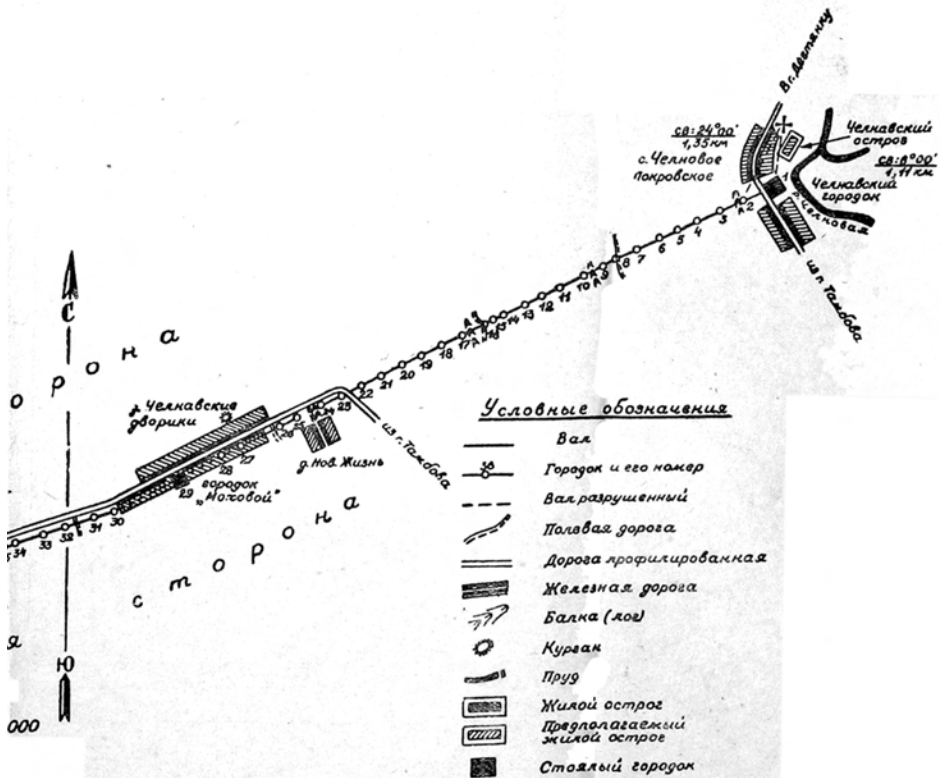

(Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия Воронежского педагогического института. Воронеж, 1958. Т. XXVI).

ПЛАН КОЗЛОВСКОГО ВАЛА

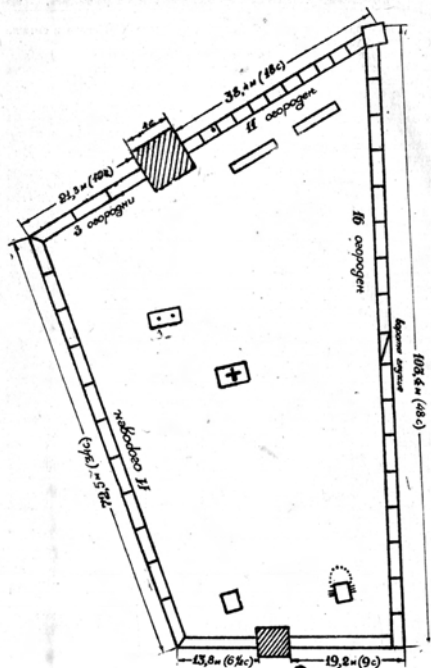

Валуйки толмачей, посыльных и их провожатых. Из Разряда были направлены сразу несколько указаний. Первое белгородскому воеводе А. Ржевскому и дьяку С. Карево с требованием немедленно выслать необходимые боеприпасы в Валуйки, причем в грамоте указано, сколько по имеющимся в Разряде данным есть зелья и свинца в Белгороде и сколько точно из этого числа надо выслать в Валуйки. Такая же грамота с требованием выслать указанное Разрядом количество боеприпасов была направлена воеводе одного из ближайших к Валуикам городов, Яблонова. Наконец, была послана грамота и валуйскому воеводе с сообщением о принятых мерах и указанием принять посылки из Белгорода и Яблонова под расписку, беречь, “без дела” не давать и немедленно отрапортовать о получении в Разряд¹³. В грамотах к воеводам пограничных крепостей, посланных по другой отписке того же К. Лодыженского (о нападении татарско-калмыцкого отряда у р. Черной Калитвы), Разряд особо указывает на то, чтобы воеводы немедленно сообщали обо всех случаях нападений татар в Разряд и одновременно – Г.Г. Ромодановскому, чтобы он мог своевременно оказать помощь¹⁴. Таким образом, обратная связь Разряда с подведомственными территориями работала исключительно напряженно и была, в сущности, главным условием эффективной деятельности приказа.

(Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия Воронежского педагогического института. Воронеж, 1958. Т. XXVI).

Скорость решения дела зависела от его характера. Гибкость, быстрота в разрешении дел государственной важности были отличительной особенностью приказной системы. Самыми неотложными в Разряде считались, естественно, дела о нападениях на южные рубежи. Ответы на грамоты с границ, где сообщалось о нападениях на южные рубежи, составлялись в максимально короткие сроки. Так, отписка ольшанского воеводы Л. Бунина о стычках с татарами 28 и 29 сентября и с сообщением о том, что к границе подходят татарские силы примерно в 500 человек, пришла в Разряд 23 октября (шла из Ольшанска 22 дня). Ответ был отправлен через три дня, причем за это время отписка была доложена государю, что думный дяк В.Г. Семенов пометил на самом документе: “великии государь, слушав sei отписки, указал” послать грамоту к воеводе, чтоб жил “с береженем” и сообщал обо всем, происходящем на его отрезке границы, другим воеводам и главнокомандующему Г.Г. Ромодановскому. Грамоту необходимо было доставить в Ольшанск как можно быстрее, но в то же время не забыть об экономии. Поэтому был использован, так сказать, комбинированный способ связи – оказия с экстренной курьерской службой: “послана с коротоя-

План Воронежа в 1615 г. Рубенный город.

(Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия Воронежского педагогического института. Воронеж, 1958. Т. XXVI).

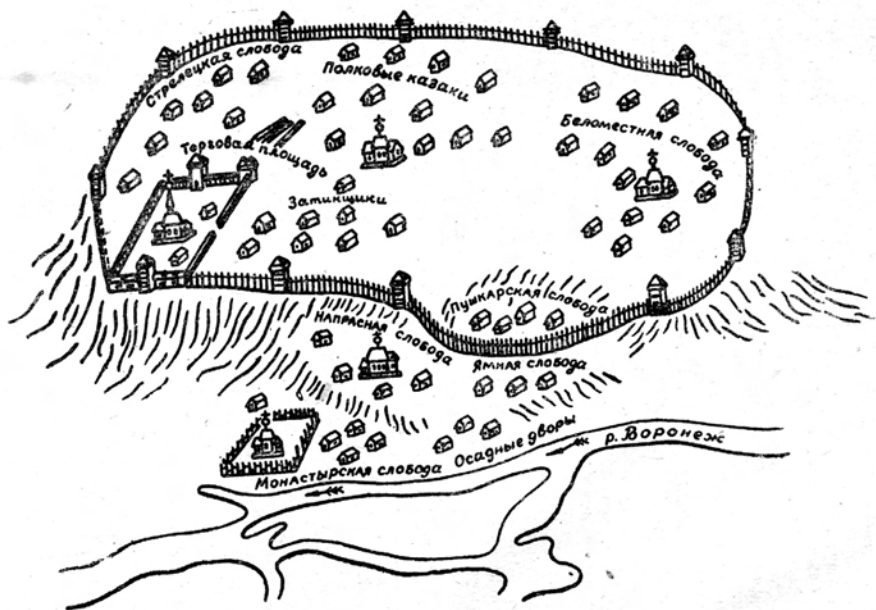
ченином Яковом Татаринцовым, влено с Коротояка воеводе послать с нарочным гонцом тотчас”¹⁵.

26 августа воронежский воевода Г.Х. Волков сообщил в Разряд о бое с татарами 11 августа у р. Полатовой. В.Г. Семенов пометил на отписке, что великий государь ее слушал и боярам чтена 3 сентября, то есть через 8 дней после получения в Разряде¹⁶. Возможно, руководитель Разряда не с каждой такой отпиской сразу шел к царю и в Думу, а собирал несколько близких по содержанию, чтобы картина была более цельной и широкой, и уже с “пакетом” документов направлялся на доклад “в верх”. Отписка воеводы К. Лодыженского об этом же деле прибыла в Москву через 4-5 дней после воронежской (31 августа), и Разряд мог “подверстать” ее к первому донесению и оба доложить царю – в помете на отписке К. Лодыженского, внесенной в книгу сразу за

отпиской Г.Х. Волкова, В.Г. Семеновым кратко помечено “великий государь слушал и бояром чтена”, возможно, того же 3 сентября¹⁷.

По отписке усманского воеводы С. Караулова, тяжелый бой с татарами и калмыками в семи верстах от усманской крепости состоялся 10 августа, сообщение о нем в Москву было доставлено через 20 дней, 30 августа. Ответ на эту отписку был составлен через довольно большое время – 20 дней, но в подготовку ответа входил доклад государю (возможно, также 3 сентября), подготовка росписи пожалований раненым и семьям убитых, вероятно, утверждение этой росписи.

Отписка валуйского воеводы К. Лодыженского о нападении татар на Валуйки 30 сентября (см. выше) шла из Валук 13 дней и была подана в Разряде валуйским пушкарем С. Потемкиным 13 октября. В Разряде приняли отписку и допросили курьера. В тот же день по информации, содержащейся в отписке, и по результатам допроса валуйского пушкаря В.Г. Семенов распорядился послать грамоты в Белгород к Г.Г. Ромодановскому, с тем, чтобы он сообщил во все подведомственные ему города о “вестях” и необходимости разведки, “а в нынешней государеве грамоте написать к нимъ пространнее противъ прежних дьячьих помет и иных таких отписок”. В Новый Оскол и в Верхососенский В.Г. Семенов приказал отправить гра-

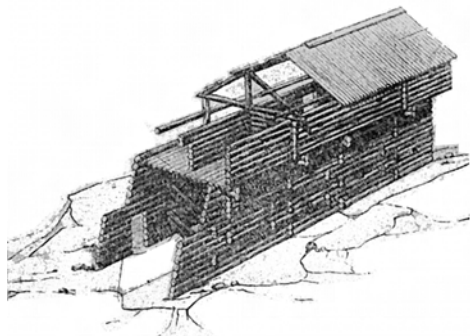
Воронеж в 1615 г. Реконструкция.

(Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия Воронежского педагогического института. Воронеж, 1958. Т. XXVI).

моты с требованием немедленно известить Разряд о произошедших событиях¹⁸.

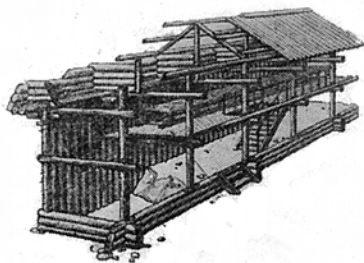
Указ Г.Г. Ромодановскому по этой помете был написан уже на следующий день и отсылка должна была состояться немедленно и срочно, на ямских подводах нарочно¹⁹, но в связи с дополнительными обстоятельствами была отложена на 4 дня: на другой день после составления указа Г.Г. Ромодановскому, 15 октября, в Разряд была доставлена еще одна отписка из Нового Оскола от воеводы А. Щепотева о нападении татар на город и повреждении ими вала между Новым Осколом и Верхососенским. Воевода докладывал также о невозможности восстановления разрушенных укреплений своими силами²⁰. В связи с этим новым сообщением 16 октября, Г.Г. Ромодановскому была составлена еще одна грамота, в которой повторялись указания предыдущей, но, кроме того, предписывалось в города по черте и за чертой послать из Белгорода или других мест, "откуда пригоже", подкрепление²¹.

В тот же день, 16 октября, были написаны еще две грамоты воеводам: М. Телегину в Верхососенск с требованием, сообщить, наконец, о произошедших во вверенной ему крепости событиях и К. Лодыженскому в Валуйки с указаниями крепить, по возможности, обороноспособность города своими силами и интенсифицировать деятельность разведки. Наконец, на следующий день, 17 октября, была написана грамота воеводе А.Ф. Ще-

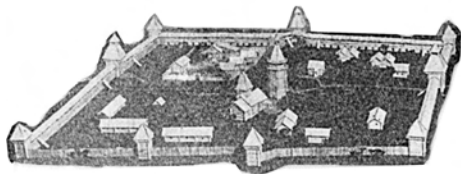
Крепостная стена Коротоояка.
Раскосная тарасная система.

(Каримов Г.А. Крепости Коротоаяк и Острогужск в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.) Воронеж, 1981).

Крепостная стена Острогужска.
Стоячий острог с обламами.

(Каримов Г.А. Крепости Коротоаяк и Острогужск в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.) Воронеж, 1981).

Крепость Коротоаяк. Реконструкция.

(Каримов Г.А. Крепости Коротоаяк и Острогужск в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.) Воронеж, 1981).

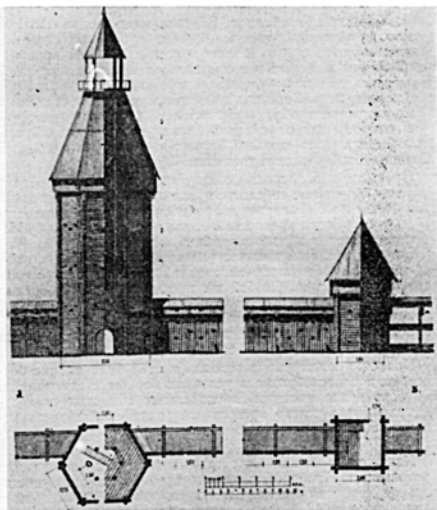
потеву в Новый Оскол, идентичная по содержанию предыдущей грамоте. Все грамоты – Г.Г. Ромодановскому (возможно, и первая, и вторая), М. Телегину, К. Лодыженскому и А. Щепотеву – были посланы в один день 17 октября, экстренным образом: Г.Г. Ромодановскому с курчанином Полуэктом Абрамовым “нарочно на ямских подводах”²², а грамоты М. Телегину, К. Лодыженскому и А. Щепотеву также “нарочно на ямских подводах” с валуйским пушкарем С. Потемкиным²³.

Нападение на довольно большой участок Белгородской черты было делом крайне важным, а потому решения в этой ситуации принимались быстро и для сообщения с пограничными острогами в большинстве случаев использовалась экстренная государственная связь – нарочные гонцы.

Менее срочные, но крайне важные дела обороны южных рубежей также решались в Разряде в весьма сжатые сроки. 30 сентября в Разряд поступило новое сообщение воронежского воеводы Г.Х. Волкова о нападении на Воронеж “воинских людей” и о том, что татарами разрушены укрепления, бывшие и до того гнилыми. Г.Х. Волков докладывал, что чинить укрепления без указа из центра он не смеет. На первый взгляд может показаться, что воевода был или весьма ограничен в правах, или боялся использовать свои полномочия. На самом же деле проблема починки городских укреплений в тревожное время, когда на город постоянно нападали татары, не было столь

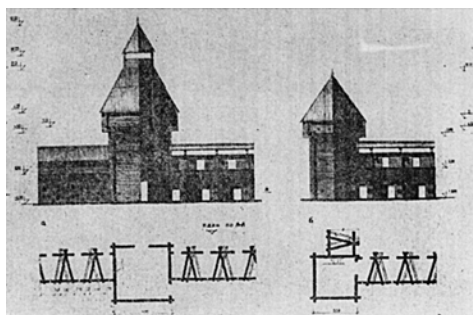
простым решением. Г.Х. Волков должен был постоянно высылать разъезды, разведку, о чем все время напоминали командирам пограничных крепостей из Разряда. Людей в гарнизоне было мало, поэтому приходилось делать выбор между отправлением их в ближнюю и дальнюю разведку и определением на починку укреплений, следовательно – опасные выезды за пределы укреплений в леса для заготовления материалов. На все это нужно было время, люди; город оставался на этот период без должной охраны, а те, кто выходил бы за его пределы, подвергались опасности быть угнанными в плен. Привлечение к этой деятельности не только служилых, но и людей других категорий, означало возложение на городских людей дополнительных повинностей; кроме того, для транспортировки строительных материалов требовался скот. Такую ответственность воевода взять на себя не мог и вполне справедливо обращался за санкцией в Разряд.

Дело было спешное, поэтому ответ из Разряда был послан в Воронеж уже через пять дней. В нем рекомендовалось “жить в береженье”, стада за крепость не пускать. В отношении укреплений рекомендовалось починить то, что можно, самое необходимое сейчас, своими силами. Основные работы по восстановлению укреплений предлагалось отложить на то время, когда из Белгорода после осеннего роспуска Белгородского полка вернутся воронежцы – служилые люди полковой службы. На них, их крестьян, на всех “грацких людей” Разряд приказывал “развытить” возку леса по первому зимнему пути и по весне “до первые деловые поры”, чтобы не помешать заготовлению хлеба и кормов для жизни в городе. Все строительные работы должны были быть закончены опять же “до первые деловые поры”, задокументирова-

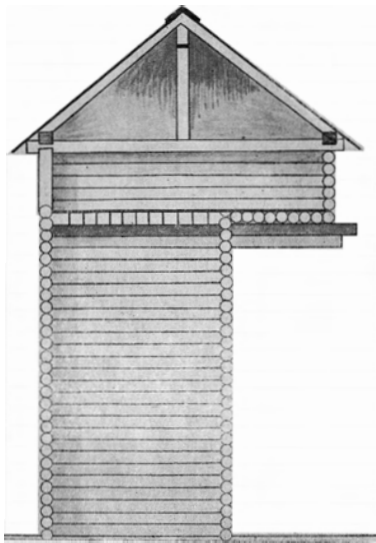
Деревянные башни крепости Острогожска.
Московская дозорная; рядовая глухая.

(Каримов Г.А. Крепости Коротоаяк и Острогожск в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.) Воронеж, 1981).

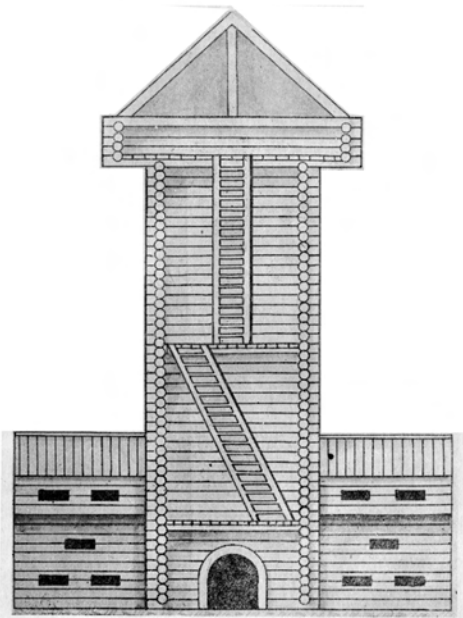

Деревянные башни крепости Коротоаяка.
Московская проезжая; угловая глухая.

(Каримов Г.А. Крепости Коротоаяк и Острогожск в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.) Воронеж, 1981).

Разрез стены (составной). Реконструкция.
(Воронежский край на южных рубежах России
(XVII–XVIII вв.) Воронеж, 1981).

Большая башня. Реконструкция.
(Воронежский край на южных рубежах России
(XVII–XVIII вв.) Воронеж, 1981).

ны, и составленные книги “роз-
вытке” и строельные книги вме-
сте с очередными “вестями” по-
сланы в Разряд. Подготовка этих
четких и разумных инструкций
в Разряде велась под руководст-
вом дьяка П.И. Ковелина²⁴.

Довольно много времени за-
няло в Разряде дело о помощи бо-
еприпасами валуйскому воеводе
К. Лодыженскому (см. выше).
Судя по тому, что К. Лодыжен-
ский написал прямо в Разряд, его
обращения к местным властям,
белгородским городовым воево-
де А. Ржевскому и дьяку С. Каре-
во, не возымели действия. Сооб-
щение от К. Лодыженского было
получено в Разряде 31 августа
184 г. Выяснение ситуации и при-
нятие решения заняло три неде-
ли: за это время по имеющимся
в Разряде документам о городо-
вом наряде проверяли количест-
во боеприпасов в городах Белго-
родской черты, решали, кто из
воевод может поделиться с Ва-
луйками – в отправленных затем
грамотах с точностью до гривен-
ки указано количество свинца
и зелья в названных крепостях.
Наконец, через три недели после
получения отписки от К. Лоды-
женского, 21 сентября 185 г. бы-
ли отправлены сразу три грамо-
ты – белгородскому городовому
воеводе А. Ржевскому и дьяку
С. Карево и яблоновскому воево-
де Р. Комынину с требованием
послать в Валуйки указанное чис-
ло свинца и зелья, а также к вое-
воде К. Лодыженскому с извеще-
нием о принятых мерах и непре-
менным наставлением бере-
ечь казенные припасы и “без де-
ла” не раздавать²⁵. Несмотря на
отчаянное положение воеводы

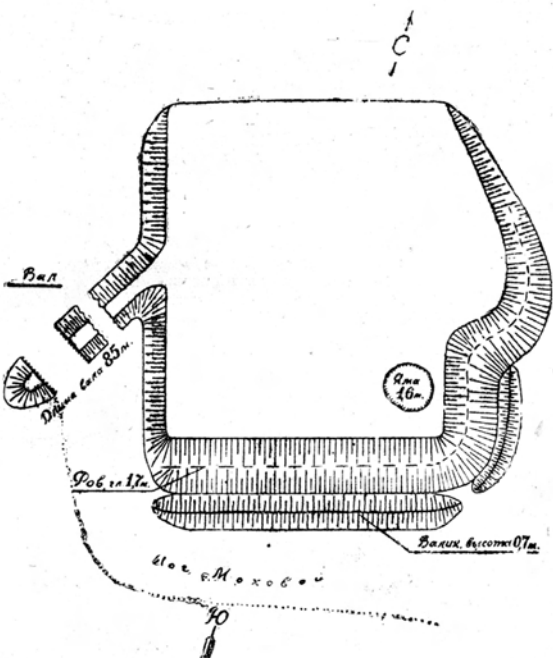
Валуек – крайнего пограничного города Белгородской черты, который чаще других подвергался нападениям татар, – распоряжение о помощи ему было отдано не сразу, видимо, в центре считали ситуацию не столь напряженной, хотя и приказали белгородскому и яблоновскому воеводам отправить запасы тотчас, “с кемь пригож и с провожатыми на подводах градскихъ и уездных людей без мотчанья с роспискою” и отписать о выполнении поручения в Разряд “тотчас”²⁶, что в современной терминологии соответствует приказу “срочно”.

Приказный стол, как отмечалось, ведал большей частью городов, определяемых в разрядных документах как “от черты налево” – Тамбовом и Козловом с их пригородами. Эти города ведались в Приказном столе по всем делам, кроме денежных доходов и сборов хлебных запасов, из него назначались в эти города воеводы и приказные люди. Кроме того, Козлов с пригородами ведались в столе и “землями”.

В числе прочего в Приказный стол поступали отписки воевод “приписанных” к нему городов, касающиеся состояния укреплений и военных запасов в этих городах. В начале весны, перед началом летних набегов татар Разряд отправлял в южные украинные города распоряжения о приведении в порядок городских укреплений; в 185 году эти распоряжения были особенно актуальны. По всей вероятности, рассылка грамот осуществлялась через столы, ведавшие определенными территориями. Одним из укрепленных пунктов на р. Воронеже, ведомых в Приказном столе, был город Сокольский, пригород Козлова. Как и в другие города Тамбовского разряда, в конце апреля – начале марта в Сокольский из Разряда была прислана грамота с указанием заготовить лес, железо и т.п. и починить городские укрепления, разложив эту повинность на всех горожан; о результатах, как обычно, велено было доложить в Разряд, представив “в тетратех” роспись занятых в мероприятия горожан и затраченных средств. Через одиннадцать дней в Разряд поступила отписка сокольского воеводы Е. Тяпкина, в которой он докладывал о проделанной работе, не забыв упомянуть, что он сам первым из всех горожан привез лес для “городового дела”. В ответной грамоте из Разряда отмечалась расторопность сокольского воеводы, но главный упор в послании делался на, если так можно выразиться, пропаганду. В грамоте неоднократно в разных выражениях высказывалась мысль о том,

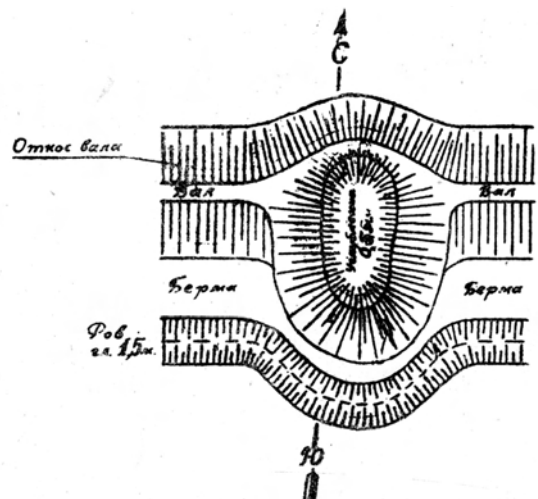

Наугольная башня. Реконструкция.
(Воронежский край на южных рубежах России
(XVII–XVIII вв.) Воронеж, 1981).

Козловский вал. XVII в. План городка «Моховой» № 29.

(Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия Воронежского педагогического института. Воронеж, 1958. Т. XXVI).

Козловский вал. XVII в. План городка № 46.

(Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия Воронежского педагогического института. Воронеж, 1958. Т. XXVI).

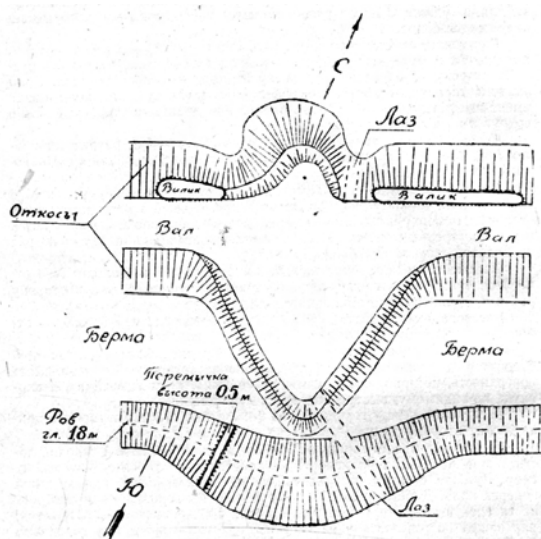
что строительство укреплений необходимо не только в интересах государства вообще, но в гораздо большей мере и прежде всего самим горожанам для защиты их жизни и имущества от врага²⁷.

Возможно, подобные внушения делались и прежде, а, возможно, они явились как бы эхом деятельности на местах, потому что еще в сентябре, на этот раз по инициативе местных, сокольских властей и горожан начались работы по укреплению обороны этого участка границы. В августе 184 г. воевода Сокольска Е. Тяпкин послал в Разряд предложения по переносу острожка (видимо стоячего), построенного в 166/1657-58 гг. недалеко от Сокольска, поскольку он был неудачно расположен ("не к месту") – за р. Лесным Воронежем, на ногайской стороне. Кроме того, вокруг крепости было проложено множество дорог, которые использовали для набегов татары и калмыки. В исторической литературе распространено мнение о том, что даже мелкие местные дела решались в центре. Однако источники не подтверждают такой взгляд. Так, в данном случае решение о переносе крепости на новое место – весьма существенное в деле обороны южной грани-

цы – было предоставлено Разрядом целиком местному управлению. Воеводе областного центра – города Козлова – стольнику С. Колтовскому была направлена грамота с предложением осмотреть крепость вместе с Е. Тяпкиным и местной общественностью – сокольскими “грацкими людьми” (которые в то же время могли считаться и специалистами в деле обороны, поскольку именно они защищали крепости от врага) – и оценить ее состояние и местоположение. Осмотр был произведен и предложение Е. Тяпкина поддержано: крепость решено было перенести ближе к Сокольску (не в 10-ти, а в 4-х верстах), чтобы легче было защищать ее из Сокольска, и расположить рядом с топью, которая с одной стороны прикрывала бы крепость. В Разряд были направлены все необходимые отчетные документы о проделанной работе: отписка С. Колтовского, чертеж и роспись крепости, а также сказка сокольских горожан – “детей боярских, грацких и уездных людей” – о необходимости переноса крепости с подробной аргументацией предложений. Решение местных властей Разрядом было принято²⁸.

В обоих приведенных случаях конкретные технические вопросы по устройству укреплений на подведомственных Разряду южных границ решались самим приказом, без согласования с верховной властью. Как отмечалось, отписки воевод и приказных людей, поступающие с южных границ государства, за редким исключением принимал начальник Разряда думный дьяк В.Г. Семенов, он же выносил решение²⁹. Исполнение дела возлагалось на одного из разрядных дьяков (Л.А. Домнина³⁰, Ф.Л. Шакловитого³¹), причем направление деятельности, и даже тон, заданные в помете В.Г. Семеновым, строго выдерживались в тексте грамоты, составленной по этой помете. Нередко в грамоте дословно приводились фразы из пометы думного дьяка³². К сожалению, ни в одном из приведенных документов нет указаний на подьячего, справившего грамоты.

Что касается сроков исполнения дел в Разряде и на местах, то, по всей видимости, они очень зависели от сложности дела. Так, исполнять поручение Разряда об укреплении Сокольска в городе начали через два дня после получения грамоты³³. Ответ на эту грамоту из Разряда – отписка соколь-

Козловский вал. XVII в. План городка № 5.

(Кошелев В.И. По Белгородской черте. Козловский вал. Историческая справка // Известия Воронежского педагогического института. Воронеж, 1958. Т. XXVI).

ского воеводы – был в приказе уже через 11 дней после ее получения³⁴. В свою очередь, распоряжения по отписке Е. Тяпкина были подготовлены в Разряде через 4 дня после того, как ее подал в приказе сокольский сын боярский Н. Гончаров³⁵.

Гораздо больше времени заняла переписка, да и сами мероприятия по переносу острожка, что вполне естественно в связи с большим объемом работ и зимним временем. Грамоту козловскому воеводе С. Колтовскому об осмотре острожка и поиска нового места для него отправили из Разряда через месяц после получения предложений Е. Тяпкина³⁶. Вероятно, в приказе консультировались со знающими дело людьми (но нет никаких указаний на обращение за разрешением к верховной власти). На осмотр острожка, поиски нового места, составление чертежа и росписи, а также аргументированных предложений горожан ушло пять месяцев, считая с даты получения грамоты из Разряда в Козлове (20-е числа сентября) и до получения пакета документов с сопроводительной отпиской С. Колтовского (21 марта). Однако, думается, что осмотр на местности вряд ли мог проводиться в зимние месяцы из-за глубоких снегов. Вероятно, осмотр острожка и поиски нового места для него начались осенью и, с перерывом на зиму, были завершены в конце февраля – в марте, а документы могли быть частично подготовлены и в течение зимы.

По-видимому, разрядным руководством была установлена жесткая практика исполнения распоряжений верховной власти с максимальной быстротой, даже тогда, когда сама власть не выказывала большой расторопности. Так, например, промежуток времени между обнародованием царского указа за приписью дьяка А. Зыкова (оглашен этим же дьяком в Коломенском 11 сентября) и получением его в Разряде (15 сентября), то есть 4 или 5 дней, указывает на то, что дело не требовало особой спешки. Указ касался сроков подачи челобитных о воеводстве за полгода до назначения и выдачи наказных памятей за два месяца до назначения. В то же время реакция самого приказа была мгновенной – в день получения думный дьяк В.Г. Семенов распорядился записать этот указ в Разряде в книгу, “и в Новгородской и в Приказной столы (которые ведали городами в административном отношении. – *О.Н.*) письмо с сего указа дать же”. То есть руководитель Разряда в тот же день оповестил всех сотрудников приказа, которых это касалось, о новом принципе оформления служилых людей на воеводства; кроме того по всему приказу В.Г. Семенов объявил необходимость “и в воеводские выписки, хто куды станет бить челом, и с сего государева указу выписывать имянно”³⁷.

В преддверии крупной военной операции Разрядный приказ проверял надежность государственной системы связи, за которую отвечал Ямской приказ. Разряд, естественно, интересовали возможные проблемы при транспортировке военных грузов из центра к южным рубежам, особенно в напряженной военной обстановке. Руководство Разряда хотело узнать, “как бывают с Москвы болшие посылки и в которых городех ямских лошадеи с указную статью не достанет, и к ямским лошадям в прибавку или в которых городех ямов нет, и в тех городех с каких чинов людие подводы иматъ велено”. Кроме того, в связи с тем, что Воронежский уезд находился

в ведении Разряда, как часть южной оборонительной линии, Разряд требовал у Ямского приказа информации, сколько в Воронеже вытей ямщиков и на выть лошадей, сколько на год дается государева жалованья и из каких доходов. Память из Разряда в Ямской приказ была составлена под руководством дьяка Ф.Л. Шакловитого и отправлена 3 октября 185 г., относил ее в Ямской приказ подьячий А. Рослов. Ответ из Ямского приказа пришел не слишком скоро, 9 октября. Правда, он был исчерпывающим: ссылаясь на сведения из расходной книги Ямского приказа, его сотрудники сообщали, что “на Воронежском яму” 5 вытей ямщиков, по 3 лошади на выть для гонбы, денежный оклад по 20 р. на выть из сборных ямских денег. В случае нехватки подвод берут с посадов и с уезда с сошных людей с живущих четей “по розвытке”. Подготовка такого ответа, подробного, четкого, потребовала у сотрудников Ямского приказа 6-7 дней³⁸.

Белгородский полк Г.Г. Ромодановского

Южную границу государства защищали не только гарнизоны укрепленных городков Белгородской черты. В этом районе постоянно находился крупный армейский корпус под командованием боярина князя Г.Г. Ромодановского. Этот корпус – Белгородский полк – состоял из частей, принадлежавших к разным родам войск – и старого, и “нового” строя. В течение года происходила ротация личного состава этой армии – ратные люди, отслужившие на границе определенный срок, обычно полгода, сменялись следующей “половиной”. Перед роспуском “старого” состава ему, естественно, проводился смотр, чтобы выяснить, кто из служилых людей уклонился от службы. Результаты смотров фиксировались полковыми канцеляриями в специальных итоговых отчетных документах – смотренных списках и книгах – и отправлялись в Разрядный приказ.

Поскольку татары тревожили русские рубежи чаще в летнее время, один из двух годовых смотров происходил осенью, когда большая часть пограничных войск распускалась по домам.

17 августа 184 года из Разряда в полк Г.Г. Ромодановского была прислана грамота за приписью начальника Разряда думного дьяка В.Г. Семенова, в которой излагался приказ генерального штаба: Г.Г. Ромодановскому предписывалось идти на встречу с запорожским войском под командованием И. Самойловича и “учинить по государевым грамотам” (то есть действовать по прежним распоряжениям, которые, видимо, лишний раз в виду сек-

ретености не хотели упоминать в приказе). Обо всех деталях перехода и об обороне оставленных без большей части армии Белгорода и Курска требовалось незамедлительно сообщать в Разряд. И, наконец, в Разряд было велено доставить перечневые росписи за дьячьей приписью всему личному составу, как находящемуся в походе, так и оставленному “для береженья” Белгорода и Курска. Ответ от Г.Г. Ромодановского с приложением требуемых перечневых росписей пришел в Москву 12 сентября. В нем сообщалось, что армия вышла из Курска 11 августа и по требованию правительства соединилась с запорожцами 30 августа 184 г., после чего объединенные русско-украинские силы 1 сентября подошли к Днепру, где на следующий же день Г.Г. Ромодановским был произведен смотр войск и в тот же день были составлены роспись личному составу и наряду и посланы в Москву.

Действия Г.Г. Ромодановского, как в военном, так и в административном отношении, были весьма энергичны. Отписка от Днепра шла в Москву 10 дней. 12 сентября П.И. Ковелин по получении отписки и росписи в Разряде пометил на них: “185-го сентября въ 12 день такова перечневая роспись прислана ис полку боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Ромодановского с товарищи и выписать в доклад”³⁹. Подлинник росписи был направлен царю – в углу листа копии росписи помечено: “Такова послана великому государю в село Коломенское”⁴⁰. Поскольку эта помета не датирована, трудно сказать, ознакомился с росписью государь до или после того, как она была обработана в Разряде.

В приказе началась работа по проверке данных перечневой росписи и обработке полученной из нее информации – на листах росписи стоят пометы: “по подлинной выправке 161 чел” – о наличных московских чинах⁴¹, “по подлинной выправке 76” – о нетчиках московских чинов⁴². Приказные подьячие работали с подлинником – их пометы сделаны на документе, заверенном скрепой главы разрядного шатра (полковой канцелярии) Белгородского полка П. Исакова и справа его первого помощника старого подьячего А. Кобатова⁴³. Работа заняла в Московском столе 10 дней: за это время были проверены данные присланной росписи, “написана в Розряде для ведома”⁴⁴ роспись ратных людей, которым в прошлом 184 г. велено быть “в полках з бояры и воеводы по наряду”, обе росписи сличены, выявлено количество служилых людей “в полку налицо” от требуемого количества “призыва”, число нетчиков, беглецов, “прибылых ратеи” и, таким образом, оценен личный состав южной армии и ее готовность к грядущим боевым действиям. За 10 дней около 40 человек подьячих Московского стола (а, может быть, меньше, так как работали подьячие только одного повытья – Белгородских дел) проанализировали данные о 32 257 человеках московских чинов, 12 248 городских дворянах и служилых людях копейного, рейтарского, драгунского и солдатского строя, 2 492 черкасах.

22 сентября обработанные материалы были доставлены царю и Думе, о чем свидетельствует помета думного дьяка В.Г. Семенова, представлявшего документ верховной власти⁴⁵: “185 сентября 22 великии государь, сеи выписки слушава, указал и бояре приговорили”. Далее следует множество распоряжений центральной власти в связи с полученными сведениями с южных рубежей, как церемониального, так и стратегического и тактиче-

ского характера. В основном они были направлены на усиление личного состава армии Г.Г. Ромодановского, состояние которой, по представлению Разряда, оказалось плачевным. Было указано: послать в полк Г.Г. Ромодановского грамоту с похвалой служилым людям за скорый приезд; нетчиков искать и самых злостных, выбрав из городской корпорации по 3-5 человек, бить батогами; всех нетчиков высылать в полк, а упорствующих сажать в тюрьму на 1-2 дня; в города и в приказы, где ведомы ратные люди, послать памяти и перечневые росписи нетчиков и беглецов; у нетчиков московских чинов “имать” людей и крестьян и держать их в тюрьме, пока их господа не объявятся в полку. Г.Г. Ромодановскому было дано личное задание самому своими силами разыскивать нетчиков и доставлять их в полк.

На составление грамоты Г.Г. Ромодановскому по такому обширному повелению государя и Думы Разряду понадобилось 8 дней. Распоряжения верховной власти были разделены на два документа. Во-первых, 29 сентября была составлена отдельная грамота с жестким приказанием Г.Г. Ромодановскому выяснить, почему в полку так много нетчиков и почему они не высланы в полк, и самому произвести розыск, для чего ему высылались вспомогательные материалы – копии воеводских отписок и книг о высылке нетчиков 184 и 185 годов. Результаты розыска и деятельности по возвращению нетчиков в полк приказывалось в письменном виде (книги убылых ратных людей) немедленно выслать в Москву в Разряд⁴⁶. По остальным пунктам решения царя и Думы от 22 сентября была составлена другая грамота, в частности, с похвалой ратным людям Севского и Белгородского полков, явившихся на смотр 2 сентября. Эта грамота была завершена 30 сентября. Обе грамоты составлялись под руководством дьяка Ф.Л. Шакловитого⁴⁷.

Пока готовились документы по решению верховной власти о личном составе армии Г.Г. Ромодановского, от главнокомандующего, подчиненного как по территориальному, так и по отраслевому принципу двум приказам, 27 сентября пришла отписка в приказ Малой России. В ней он докладывал, что ратные люди из-за того, что “пришла ныне пора осенняя” и хлеба и конских кормов взять негде, оскудели, а неприятельских людей нет, почему они просят распустить их по домам. Отписка была доложена государю, который “для наступающего осеннего времени” велел отойти от Днепра “в прежние места”, а ратных людей распустить по домам. Такая грамота была послана Г.Г. Ромодановскому из приказа Малой России 30 сентября, и из этого приказа в “Разряд великии государь указал отписать для ведома”. Отписано в Разряд было памятью от 2 октября за приписью дьяка Емельяна Украинцева, и по помете на памяти В.Г. Семенова “сесь великого государя указ в Разряде” записан в книгу, “и та память белгородского полку городов в полковом столпу нынешнего 185-го году”⁴⁸.

30 же сентября из Разряда Г.Г. Ромодановскому была послана грамота практически идентичного содержания с грамотой приказа Малой России: ссылаясь на указ из этого приказа, Разряд предписывал Г.Г. Ромодановскому отступить из малороссийских городов к прежним полковым местам и распустить ратных людей, предварительно проведя им смотр. Смотренные списки и розыск о беглых или нетчиках Г.Г. Ромодановский обязывал-

ся прислать в Разряд в тетрадах за дьяческими приписями. Эта грамота была составлена под руководством дьяка П.И. Ковелина⁴⁹. Здесь особенно наглядно выступает принцип территориально-отраслевого функционирования приказной системы, который однако вовсе не являлся препятствием для эффективной его работы.

Таким образом, 30 сентября со стольником Т. Ржевским Г.Г. Ромодановскому были отправлены сразу несколько грамот: из приказа Малой России о роспуске ратных людей, из Разряда о том же и о предоставлении отчетности о роспуске в Разряд (припись П.И. Ковелина), отдельная грамота о сыске беглых в Белгородском и Севском полку и еще одна с выражением благодарности (“с похвалой”) прибывшим на смотр ратным людям и распоряжениями о сыске беглых и нетчиков (на обеих приписи Ф.Л. Шакловитого).

Смотр перед роспуском основной части южного корпуса был завершен, но остались некоторые проблемы. В целом при их решении Г.Г. Ромодановский обходился собственными силами, но когда его полномочий не хватало, обращался к центральным органам управления. По установившемуся в приказной практике обычаю сообщения разного содержания не записывали в один документ, а разносили по разным, даже если эти сообщения отсылались одновременно. Поэтому 12 сентября 185 г., в один день с итоговыми материалами осеннего смотра, от Г.Г. Ромодановского было получено сообщение, что им исчерпаны все средства воздействия на михайловского воеводу И. Желескина (Желескова), но рейтары из Михайлова к нему в полк так и не высланы. По этой отписке Разрядом были отданы следующие распоряжения. Тульскому воеводе П.И. Шеховскому было велено выслать в Михайлов сыскную комиссию, которая должна была выяснить причины неявки рейтар и обеспечить их высылку в полк Г.Г. Ромодановского. Михайловскому воеводе было предписано обеспечить тульскую комиссию всем необходимым: выделить компетентных людей для того, чтобы помочь разобраться в местных делах – губного старосту или сына боярского и обязательно подьячего, разместить на жительство, придать посыльных, выдать все для канцелярской работы – чернила, бумагу, свечи. Указ Разряда обязывал И. Желескова во всем подчиняться членам сыскной комиссии⁵⁰.

Разбор ситуации занял в Разряде неделю. За это время в приказе определили истинную вину каждого из действующих администраторов, методы решения проблемы, нашли исполнителя и организовали его работу. Грамота тульскому воеводе П.И. Шеховскому была составлена 19 сентября, а грамота михайловскому воеводе И. Желескину – на следующий день. Обе грамоты отправили 20 сентября с оказией – с человеком стольника князя П.И. Шеховского Иваном Якимовым⁵¹.

Весной 185 г. должен был проводиться традиционный сбор русских войск на южной границе. Служилые люди, зимовавшие в Белгородском полку, распускались по домам, а им на смену прибывали новые силы. Однако в этом году к обычным задачам обороны южных границ добавились новые – противостоять вторжению объединенных турецко-татарских войск. Готовность русской армии к летней кампании проверялась особенно тщательно, и, возможно, поэтому сроки инспекции были передвинуты на позднюю зиму.

В конце зимы – начале весны 185 г. в Московском столе был составлен сводный документ, в котором были собраны максимально обобщенные сведения о готовности южных рубежей к военным действиям – определена численность личного состава в целом и по родам войск, а также объем боеприпасов и продовольствия всего Белгородского полка – в отношении и армейского корпуса, и городов Белгородской черты. Работа по составлению этого действительно грандиозного сводного документа началась не ранее 3 февраля, когда в Разряд был прислан смотренный список Белгородского полка текущего года, и длилась почти месяц, на что указывает запись в конце росписи: “Такова отдана к боярскому списку марта въ 1 день нынешного 185-го году”⁵². Последняя помета, а также заголовок раздела книги – “В переписку писано по разборным книгам 183 и по смотру нынешнего 185-го году, каков прислан ис полку февраля в 3-м числе в Белгородском полку”⁵³ – свидетельствует также о том, что белой вариант документа был направлен в поветье боярского списка, а для собственных нужд сотрудники белгородского поветья сделали копию, что подтверждает существование поветья “белгородского полку городов”⁵⁴ Московского стола Разряда в 185 г.

В основу списка ратных людей военного корпуса Белгородского полка (ратных людей полковой службы) были положены разборные книги 183 г., а необходимые поправки на текущий момент внесены по смотренному списку 3 февраля 185 г.⁵⁵ Поправки и дополнения сделаны пометами на полях. Например, в списке указано, что донских казаков в полку значится 236 человек, а слева на поле стоит помета: “перед розбором 183 году прибыло 163 чел.”⁵⁶ Кроме того, против некоторых категорий служилых людей Белгородского полка указано сводное число значащихся за ними крестьянских и бобыльских дворов: справа против записи о дворянах и детях боярских – завоеводчиках⁵⁷ (61 чел.) в рамке помечено под общим заголовком “за ними крестьянских и бобыльских дворов” “300 дворов”⁵⁸, против записи “в копейном полку копейщиков с трубачи и с литаврщики 1339 чел.” – “544 с четью двора”⁵⁹ и т.п. По всей видимости, сведения о материальном положении ратных людей были необходимы военному руководству для разверстки на них работ по строительству укреплений во время пребывания в полку. Повинность была тем большей, чем большее число собственных людей сопровождало служилого человека, а это число, в свою очередь, зависело от количества дворов, которыми он владел. Завершала весь документ, следуя за списком личного состава, опись военных припасов полка⁶⁰.

Следующая часть книги представляет собой роспись ратных людей (полковой службы и городовых) и наряда по городам Белгородского полка. В ее основе – также документ прошлых лет. “Зри: люди в городех писаны по розбору 183-го году и по годовой смете 184-го году,” – помечено на поле в начале росписи. Против некоторых записей о городском наряде также значится: “по книгам 184-го году”⁶¹ или “по годовой смете 184-го году”⁶². О наряде главного города полка – Белгорода, в Разряде располагали самыми последними данными – “по годовой смете 185-го году”⁶³. Очевидно, пометы на полях со ссылками на источники росписей делал старый подьячий поветья боярского списка, справлявший список, то есть проверявший его

правильности и отвечающий в целом за его составление. Пометы могли быть адресованы как начальству – приказным дьякам, так и поставлены для справок на будущее. Для каждого города указано число ратных людей полковой и городской службы (во многих городах городскую службу несли черкасы, они же нередко составляли весь гарнизон крепости), наряд (перечислены все виды артиллерийских орудий и количество ядер к ним), зелье (боеприпасы для артиллерии и личного оружия), хлебные запасы (отдельно десятинный и сборный хлеб, в каждом разделе – количество ржи и овса), а также запасы соли.

Поскольку документ содержит только самые общие цифры, его создатели предполагали, что руководству приказа или коллегам в дальнейшей работе могут понадобиться более развернутые, конкретные данные. Поэтому, кроме указания на местонахождение подлинника документа в посылке боярского списка, основные разделы, посвященные личному составу и материальной базе Белгородского полка (армейского корпуса), сопровождаются указаниями: – “зри: о людехъ иная учинена ниже сего”⁶⁴ и “зри: о зелье написана иная в малои тетратке с прибылым нынешнего 185-го году”⁶⁵. Под “иной” росписью людей имеется в виду, вероятно, подлинная “роспис перечневая” ратных людей Белгородского и Севского полков, “которые сентября по 2 число 185-го году на его великого государя службе в полку налицо и которые по наряду из домов своих не бывали и ис полку бежали”, подшитая в тот же комплексный документ ниже, среди отписок воевод украинских городов⁶⁶ (о работе разряда по этому документу см. выше).

Таким образом, меньше чем за месяц в Московском столе был составлен документ, содержащий подробные сведения о двадцати восьми с половиной тысячах человек (точнее, 28 571 чел.⁶⁷) и о гарнизонах и материальной части шестидесяти трех городов.

Кроме обеспечения армии в предстоящем “походе” (то есть чигиринской операции) оружием, боеприпасами, продовольствием, на Разряд ложилась забота и о транспортных средствах для подвоза всего необходимого к расположению армии. Эти дела считались не столь экстренными, как дела об обороне пограничных городков или комплектовании личного состава Белгородского полка, а потому решались не в такие сжатые сроки. Так, 5 сентября 185 г. Г.Г. Ромодановскому был отправлен указ о присылке в Разряд комплекса отчетных документов о материальной подготовке южной армии к предстоящим боевым действиям – книг сбора подъемных лошадей с телегами и всей упряжью (с кого взяты, по какой цене и т.п.). 20 сентября, прождав две недели, Разряд вновь напомнил Г.Г. Ромодановскому о необходимости предоставления этой информации. К этому разрядное руководство, видимо, подтолкнула отписка, полученная от воеводы Козлова С. Колтовского. По заведенному порядку, городские украинские воеводы информировали о своих действиях и местное начальство, Г.Г. Ромодановского, и центр. В донесении С. Колтовский сообщал, что с козловских служилых людей им уже собрано 92 подъемных лошади и 92 подъемных мерина, которые и посланы Г.Г. Ромодановскому 26 августа 184 г. Но, поскольку запрашиваемые у Г.Г. Ромодановского сведения не имели экстренного характера, то и отправление грамоты к нему

в Разряде задержали с тем, чтобы послать ее с оказией – стольником Т. Ржевским, который, как говорилось выше, отправился в полк Г.Г. Ромодановского с большим пакетом документов из центра⁶⁸.

В Разряде решения по всем военным делам принимал только руководитель приказа думный дьяк В.Г. Семенов. В книге отмечен единственный случай, когда распоряжение относительно полученного с мест документа сделал дьяк П.И. Ковелин. На первом листе присланной в Разряд росписи Белгородского и Севского полков с заголовком “Перечневая наличная роспис, прислана ис полку” П.И. Ковелин заверил получение документа и записал свое распоряжение подготовить информацию для представления царю: “185-го сентября въ 12 день такова перечневая роспис прислана ис полку боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Ромодановского с товарищи и выписат в доклад”⁶⁹, что и было исполнено⁷⁰.

После пометы думного дьяка дело для исполнения передавалось кому-либо из приказных дьяков. Они отвечали за реализацию распоряжений В.Г. Семенова – приписи дьяков на отправленных из Разряда в города и полки письменных распоряжениях свидетельствуют о том, кто именно контролировал составление и отправление соответствующего документа.

Наибольшая нагрузка (в том числе и по объему переписки), как и во многих других случаях, ложилась на первого заместителя начальника Разряда, дьяка П.И. Ковелина. Однако при анализе документов выясняется также, что среди дьяков существовало некоторое разделение труда. П.И. Ковелин “заведовал” перепиской с воеводами пограничных городов-крепостей по всей Белгородской черте; в его ведении находилась экстренная связь с границей, быстрое реагирование именно на военную ситуацию на границе (нападения татар, вопросы починки разрушенных татарами городовых укреплений и т.п.)⁷¹. Кроме того, П.И. Ковелин вел переписку с Белгородским полком Г.Г. Ромодановского, связанную с его военными действиями и материальным обеспечением⁷². Ответственность П.И. Ковелина за все города Белгородского полка подтверждается и документом 180 г., приведенным в книге 185 г., – памятью из Разряда в Поместный приказ за приписью именно П.И. Ковелина, в которой разъясняется, какие города Белгородского полка Разряд ведает “землей”⁷³.

Второй дьяк Разряда, Ф.Л. Шакловитый, также вел дела Белгородского полка. Но в его компетенцию не входили инциденты на границе и связанные с ними проблемы. Судя по содержанию документов, отправленных из Разряда за приписью Ф.Л. Шакловитого, можно предположить, что, за редким исключением, он занимался вопросами комплектования армии (сыск нетчиков⁷⁴, распоряжения о составлении перечневых росписей ратных людей полка, объявление похвалы прибывшим в полк⁷⁵), административными проблемами руководства Белгородского разряда (разбор тяжбы бывших руководителей города Белгорода с вновь назначенными⁷⁶; см. ниже).

Разрешал Ф.Л. Шакловитый и другие военно-административные вопросы, например, вопросы военной связи центра с южными рубежами. Так, запрос из Разряда в Ямской приказ о состоянии ямской гоньбы на воронежском яме был направлен за приписью Ф.Л. Шакловитого⁷⁷.

В некоторых случаях, однако, и Ф.Л. Шакловитый исполнял поручения В.Г. Семенова по упорядочению обстановки на Белгородской черте. Так, за его приписью была отправлена грамота ольшанскому воеводе Л. Бунину (в ответ на его отписку о стычках с калмыками и татарами) с распоряжениями об укреплении обороноспособности крепости и приведении гарнизона в максимальную боевую готовность⁷⁸.

Третий дьяк Разряда, Л.А. Домнин, по крайней мере, в начале года, принимал наименьшее участие в переписке Разряда с южными крепостями. Но все грамоты, отправленные за его приписью в это время, относятся к одному делу, связанному с нападением татар на передовые крепости Валуйки, Верхососенский и Новый Оскол, и содержат указания правительства об усилении боеготовности границ и укреплении связи и взаимодействия между отдельными гарнизонами и центром южной границы – Белгородом⁷⁹. Поскольку переписка в данном случае была наряженной и обширной – в центр писали воеводы сразу нескольких укрепленных пунктов, ответы составлялись каждому из них, а также воеводе Белгородского полка Г.Г. Ромодановскому – грамоты на юг отправляли за приписями двух дьяков, П.И. Ковелина и Л.А. Домнина. Можно предположить, что Л.А. Домнин был подключен к этому делу в помощь П.И. Ковелину.

Таким образом, решения в Разряде по делам, связанным с обороной южных рубежей, принимал, за редким исключением, только начальник приказа, думный дьяк В.Г. Семенов. Воплощали эти распоряжения его заместители. Большая часть дел была возложена на первого заместителя В.Г. Семенова, дьяка П.И. Ковелина. Его большее участие, по сравнению с другими дьяками, не ограничивалось только объемом возложенной на него работы. В ведении П.И. Ковелина находилась Белгородская черта в целом – и города, и армия Г.Г. Ромодановского. Он же курировал дела, связанные с экстремальной ситуаций на границе (нападениями татар и калмыков, срочная починка разбитых укреплений и т.п.). Второй дьяк, Ф.Л. Шакловитый, был занят в основном решением военно-административных вопросов управления югом России. Третий дьяк, Л.А. Домнин, очевидно, выступал помощником других дьяков в сложных ситуациях, когда одному администратору справиться с наплывом корреспонденции было невозможно. В целом же, каждый из трех дьяков сталкивался с делами о нападении татар на южные границы и следил за выполнением указаний высшей власти по этим вопросам.

Анализ приведенных документов показывает, что цепочка, по которой проходила информация между Разрядом и подведомственными ему территориями, была весьма короткой, из двух или трех звеньев по вертикали. Информация снизу от местной администрации шла в двух направлениях параллельно – местному начальству, Г.Г. Ромодановскому (не всегда), и в центр. Дальше сведения или принимались Разрядом, или передавались верховной власти. Обратная связь верховной власти с местным военно-административным руководством осуществлялась только через Разряд, а Разрядом в большинстве случаев непосредственно с местной властью. Связь между центром управления и управляемыми объектами осуществлялась, таким образом, практически напрямую, без информационных потерь.

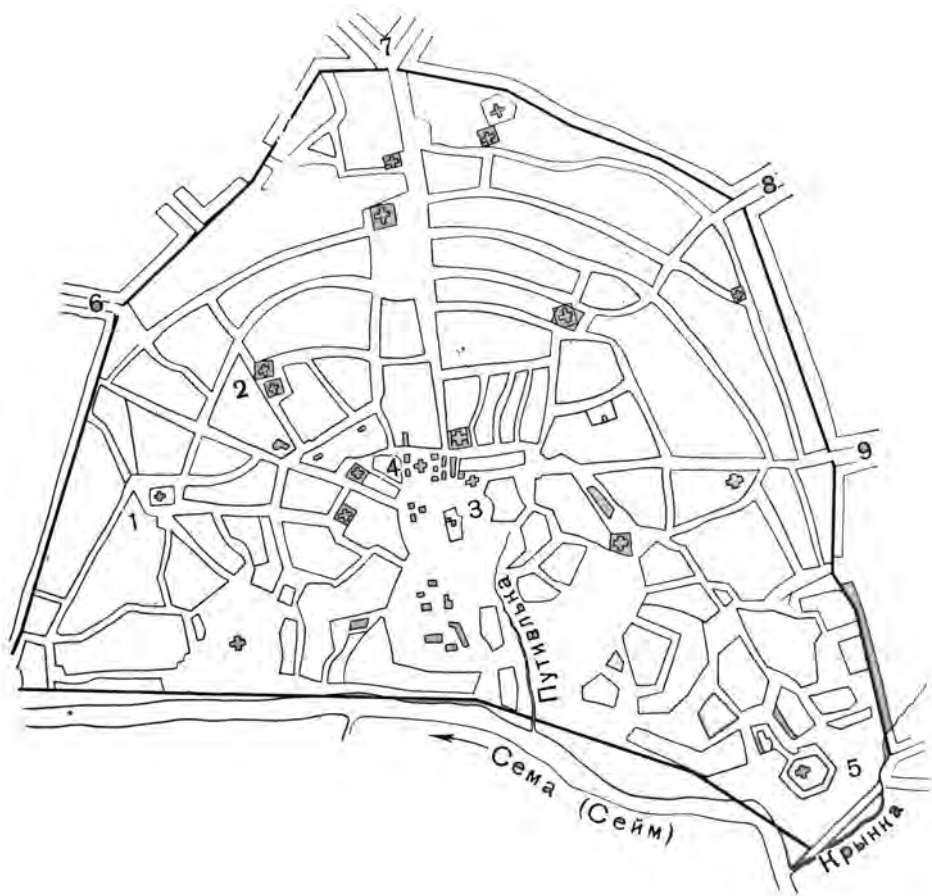
Кроме постоянно дислоцированного на юге Белгородского полка, к южным границам государства ежегодно на весенне-летний период выставлялись дополнительные военные части, которые в конце лета и начале осени сменялись другими. В 184 и 185 гг. это был полк под верховным командованием боярина кн. В.В. Голицына, чья штаб-квартира находилась в Путивле. Путивльский полк включал несколько подразделений. Как и в полку Г.Г. Ромодановского, в Путивльском полку в конце лета – начале осени проходили полковые сборы, отчеты о которых направлялись в Разрядный приказ.

В хронологическом отношении первыми в 185 г. были отправлены в Разряд смотренные списки летне-осенних полковых сборов конца 184 – начала 185 гг.

В числе других частей в армии В.В. Голицына находились полки “нового строя” под командой рейтарского строя полковника Степана Епифановича Уварова, стольника и рейтарского строя полковника Федора Андреевича Зыкова, стольника и полковника рейтарского строя Андрея Алексеевича Чубарова.

Книга полка С.Е. Уварова представляет собой подневные записи, с 10 августа 184/1676 г. по 29 сентября 185/1676 г., приезда в полк служилых людей различных городских корпораций⁸⁰. По большей части они прибывали к месту службы именно группами сограждан. Прибывших записывали поименно; каждая подневная запись начиналась наивысшим чином (в данном случае жильцами) и продолжалась представителями городских корпораций по мере их прибытия. Очевидно, что это документ вторичного характера, куда из текущих регистрационных записей перенесли в определенном порядке сведения о прибытии служилых людей. Причем составлена была книга к концу срока полковой службы – заголовок документа гласит, что книга представляет собой список “*рейтаром розных городов, которые явились на службе великого государя в Путивле по наряду в прошлом 184-м году августа в 10 день и были до отпуску октября по 10 число нынешнего 185-го году*”⁸¹. Таким образом, этот документ нельзя строго определить как смотренный приездной список; одновременно он является и отпускным.

Подведение итогов мобилизации помогло сотрудникам разрядного шатра выявить некоторые неувязки, несоответствие “нарядных” списков личного состава полка подлинным: против некоторых служилых на поле записано: “*писан в Ыванове полку Лукина*”, “*в Ыванове ж*”⁸²; в отдельные рубрики выделены “*того ж полку рейтары, служат в Васильеве полку Челюсткаина*” (в рубрику занесены московский иноземец, двое служилых людей из Соловы и один из Вязьмы)⁸³, “*того же полку рейтары, служат в рейтарех в белогороцких полках*” (семь служилых людей из Орла)⁸⁴, “*того же*

Путивль. План XVIII в.

1. Церковь Николая Казацкого; 2. Церковь Спаса; 3. Церковь Воскресения;
4. Церковь Вознесения; 5. Молчанский монастырь; 6. Конотопские ворота;
7. Московские ворота; 8. Глуховские ворота; 9. Рильские ворота

(Логвин Г. По древним городам Северной земли – Чернигову, Новгороду-Северскому, Глухову, Путивлю. М., 1980)

полку реитар, служит в Смоленске в реитарех” (взянич)⁸⁵, “того ж полку реитары, которые служат ныне в салдатех в Огееве полку Шепелева” (один рязанец и трое из Каменского стана)⁸⁶.

По делопроизводственной практике разрядных шатров документы сводного характера оформлялись в тетрадах, состоявших из нескольких листов, от 2 до 8 (то есть от 1 до 4 сложенных пополам листов). По той же делопроизводственной традиции нумеровались не листы, а тетради: на первом листе каждой был проставлен последовательный номер⁸⁷.

Список полка С.Е. Уварова скреплен дяком Иваном Ляпуновым и самим полковником С.Е. Уваровым⁸⁸. Следует отметить, что И. Ляпунов,

к моменту командировки в полк служивший дьяком в Сыскном приказе, еще в 184 г. был первым подьячим Московского стола Разряда, ведавшего списками столичных и некоторых городских чинов и делами Белгородского полка. Таким образом, главой полковой канцелярии армии В.В. Голицына был назначен, во-первых, чрезвычайно знающий специалист именно по военной части, прекрасно осведомленный о ситуации на южных рубежах, и, во-вторых, имеющий опыт более чем двух десятков лет работы в этой области администрирования. Можно с уверенностью сказать, что И. Ляпунов перенес в деятельность разрядного шатра и все приемы, характерные для делопроизводства Разрядного приказа – последовательность всех мероприятий и делопроизводственных операций, манеру ведения дел и оформления документов.

Для каждой скрепы существовало строго определенное место ее расположения. Дьяки всегда записывали свой чин и имя на середине поля лицевой стороны листов. Командир части ставил свою скрепу только по нижним полям лицевых и оборотных сторон листов. Скрепа дьяка И. Ляпунова свидетельствует о том, что документ был составлен под его руководством в разрядном шатре полка В.В. Голицына, а не непосредственно в полку С.Е. Уварова силами полковых писарей.

Дата, когда список полка С.Е. Уварова был получен в Разрядном приказе, и имя дьяка, ее принявшего, на этом документе не помечены. Но можно с большой степенью уверенности экстраполировать на него данные из другого сходного документа – списка рейтар полка стольника и полковника Ф.А. Зыкова. Как явствует из его заголовка, смотр полка Ф.А. Зыкова, как и полка С.Е. Уварова, был проведен 10 октября 185 г. также в Путивле. В отличие от первого списка, список полка Ф.А. Зыкова является именно отпускным смотренным списком. Кроме того, он представляет собой не просто “сырой” материал, а содержит информацию более высокого порядка. В полковом разрядном шатре сведения о приездах и службе ратных людей были тщательно обработаны по разным позициям и результаты представлены в соответствующих рубриках, что также отражено в заголовке: “185-го октября в 10 день список *рейтар* стольника и *рейтарского* строю полковника Федора Андреевича Зыкова, которые были на службе великого государя в Путивле в полку боярина и воеводы князя Василья Васильевича Голицына и объявились на отпускном смотре налицо и которые нетьчики из домов своих на службу великого государя не бывали против нарядного списка, каков дан с Москвы за дьячьей приписью, и что против того списку побито и померло и которые *рейтара* в начальные люди выписаны и в ыные полки в *рейтарех*, и то писано ниже сего порознь по статьям, и что сверх московского списку объявилось *рейтар* по приезду и в отпуску, и то ниже *ж* сего писано”⁸⁹.

Для подготовки документов обобщающего характера следующего порядка сотрудники разрядного шатра полка В.В. Голицына размечали текст списка – через каждые 50 имен стоит цифра “50”, “100”, “150”⁹⁰ и т.д. Очевидно, разрядный шатер полка В.В. Голицына имел довольно высокий статус, поскольку имел право непосредственно, минуя Разряд, сноситься с центральными органами управления. Например, против имени одного из

трубачей полка Ф.А. Зыкова подьячий пометил: “по отписке в Бноземском приказе велено *быт* в реитарех генерала порутчика в Венедихтове полку Змеева”⁹¹.

Печать думного дворянина и воеводы В.А. Змеева. 1681 г.

В Разряде список поступил к дьяку Л.А. Домнину, который зафиксировал его как входящий документ, указав, когда и кем он был доставлен в Разряд: “185-го ноября в 7 день список реитаром полку боярина и воевод князя Василья Васильевича Голицына с товарищи столника и реитарского строю полковника Федорова полку Зыкова подал диак Иван Ляпунов”⁹². Затем Л.А. Домнин определил дальнейшую работу со списком в приказе, которая должна была быть направлена на прояснение ситуации с финансовыми обязательствами приказа в отношении служилых

людей этого полка и на справедливое ее разрешение в зависимости от их воинской дисциплины. Как известно, денежные вопросы считались после политических наиболее важными в деятельности государственного управления. Поэтому тон распоряжений Л.А. Домнина весьма жесткий: “... из сего списка тех реитар, которые были на государеве службе с приезде и до отпуску, а его государева жалованья не имали, *напишат* в роздаточные книги именно, а которые реитары, взяв ево государево жалованье, и которые из домов своих на службе не бывали и которые службы збежали и объявились в нетех, и тем *учинит* перечневои список [...]”⁹³, *напишат* особо. А которые в прездех⁹⁴ объявилис *сверх* нарядного списка, и о тех справитца с старыми списками и потому *ж* учинить перечневую выписку тотчас, и с роздаточными прежними книгами⁹⁵ справливатца накрепко, чтоб хто то жалованье двжды не *взял*”⁹⁶.

Полк Ф.А. Зыкова, по всей вероятности, был собран из служилых людей других полков – Григория Тарбеева, Степана Зубова, Ивана Кулукина, Василия Челюсткина, Ивана Лукина и Федора Тихоновича Зыкова. Все служилые люди, бывшие “в естех”, то есть в наличии, на смотре, занесены в список в следующем порядке – сначала городовая корпорация (Москва, Владимир, Белая, Нижний Новгород и т.д.), а внутри этой корпорации служилые расписаны поименно по полкам, из которых они были переведены в полк Ф.А. Зыкова, за исключением тех рейтар, которые изначально были записаны в этот полк.

Затем следуют несколько параграфов с отдельными заголовками, которые отражали работу служащих разрядного шатра, выделивших различные категории служилых людей по определенным критериям. Так, в рубрике “*ево ж* Федорова полку Андреева сына Зыкова прописные реитары и новоприборные против московского списку, что за дьячьёю приписью с Москвы *дан*”⁹⁷ были помещены новоприбывшие служилые люди, присланные в полк непосредственно по решению Разрядного приказа. Далее следует список нетчиков⁹⁸, в котором рейтары так же, как и в наличном списке, расположены по городам и полкам; затем раздел, озаглавленный:

“реитары, которые побыты на розных боях, как были в розных полках, а в которых годех, месяцех и числех, и про то на смотре реитар сказали, не упомянут, и которые в домех своих померли”⁹⁹. Затем следовали разделы “отставные”, “реитары, которые в начальных людех”¹⁰⁰, “в подьячих во Дворце”¹⁰¹, “в сотниках у московских стрелцов и посланы на Дон”¹⁰², “царицына чину в детех боярских”¹⁰³ – то есть учтены тщательнейшим образом все перемены в служебном и гражданском состоянии приписанных к полку реитар, причем разрядный шатер должен был располагать обширной информацией, возможно, специально запрашиваемой в Москве, например, о рейтарах, посланных на Дон. Наконец, после составления списка, в разрядном шатре была произведена его, как мы бы теперь сказали, считка, и выявлены описки, результатом чего стал еще один раздел: “да по двою имена в списку написаны”¹⁰⁴.

Разобравшись с рейтарами, которые были записаны в “базовый” список полка, к нему присоединили тех, кто “сверху списка московского, что за дьячьёю приписью, тех же городов реитары, которые города написаны в списку, объявились по приезду и на отпуском смотре”¹⁰⁵ – то есть, лица, имеющие право быть в полку по принадлежности к тем городским корпорациям, которые за полком закреплены. (Обращает на себя внимание, что эти служилые люди могли уклониться от полковой службы, так как не были внесены в список, но, тем не менее, сочли необходимым явиться в полк). Кроме того, некоторые служилые были поверстаны в реитары уже по прибытии в армию, в главной штаб-квартире армии В.В. Голицына – в путивльском разрядном шатре. Их распределили по полкам, входящим в армию В.В. Голицына, и с сопроводительными документами отправили к месту несения службы – “да по памяти из шетра написаны в список реитары”, “новики, которые пожалованы в Путивле в реитары и присланы из шетра с памятью”¹⁰⁶, “да сверх списка старова полку столника и полковника Федорова полку Андреева сына Зыкова объявились по приезду реитары и по приказу боярина и воеводы князя Василья Васильевича Голицына в тот же полк в список написаны”¹⁰⁷.

Как и список полка С.Е. Уварова, список полка Ф.А. Зыкова засвидетельствован двойной скрепой. Первая принадлежит руководителю походной канцелярии полка В.В. Голицына дьяку И. Ляпунову (“диакъ Иванъ Ляпуновъ”¹⁰⁸), а вот за командира полка документ засвидетельствовал его брат: “полуполковникъ Михайло Зыковъ руку приложилъ”¹⁰⁹ (через несколько месяцев, в июне 185 г. Михаил Андреевич Зыков уже будет в чине полковника¹¹⁰). Рукоприкладство М.А. Зыкова вместо брата тем более удивительно, что документы своего полка в 179/1671 г. полковник Федор Зыков скреплял собственноручно¹¹¹, а значит заподозрить его в неграмотности нельзя.

Очевидно, дьяк подтверждал правильное отражение в документе личного состава полка, а командир – существо дела. Чтобы гарантировать целостность и сохранность документа (от подлога, приписки, возможности вырвать страницу), все пустые листы и страницы помечены дьяком И. Ляпуновым: “листъ порозжеи”¹¹², “страница порозжа”¹¹³, “строки порозжие”¹¹⁴.

Отпускника смотр еще одного полка армии В.В. Голицына, стольника и полковника рейтарского строя Андрея Алексеевича Чубарова, проходил через девять дней после смотров полков С.Е. Уварова и Ф.А. Зыкова, 19 октября 185 г. По результатам смотра был подготовлен смотренный список “реитарского строя столника и полковника Андреева полку Алексеевича Чубарова естем и нетом 185 году, которые против списку на службу ж великого государя не бывали и службы збежали и померли, и то писано ниже сего по статьям, и которые внов написаны были с приезде до отпуску 185-го году октября по 19 число”¹¹⁵. Помет о приеме списка в Разряде нет, поэтому нет возможности установить дату получения и имя дьяка, принявшего документ.

Список состоит из пронумерованных тетрадей, скрепленных по нижним полям подписью полковника: “к сему списку полковник Андрей Чубаров руку приложил”¹¹⁶. По отсутствию на документе скрепы дьяка И. Ляпунова, а также по тому, что он выстроен несколько иначе, чем предыдущий, можно предположить, что он был подготовлен не в разрядном шатре, а в полку А.А. Чубарова, возможно, полковым писарем с его помощниками, двумя ротными писарями, которые состояли в штате полка¹¹⁷. Составитель списка также проделал работу по распределению всех служилых людей на категории в зависимости от их участия в полковой службе. Доминирующим структурообразующим элементом списка была сделана принадлежность служилого человека к определенной городской корпорации, причем учитывался и характер этой принадлежности. Основные разделы документа были озаглавлены по названиям городов – “Мещора”¹¹⁸, “Можайскъ”¹¹⁹, “Кошира”¹²⁰, “Тула”¹²¹, “Солова”¹²² и т.д. Внутри каждый городской отдел был разбит, в свою очередь, на рубрики.

Например, для тульской городской корпорации сначала были указаны городовые служилые люди – туляне, в хронологической последовательности их приездов в полк в разных числах августа и сентября¹²³. Затем были записаны “того ж города новики”¹²⁴, “того ж города, которые на службу великого государя не бывали, реитара”¹²⁵, “имена реитаром, которые написаны в списку из Реитарского приказу за дьячьёю приписью с туляны”¹²⁶, “да по скаске ж того ж города реитар, кои имена написаны реитар в список за дьячьёю приписью, а ныне оне служат в розных городех з городами”¹²⁷ (в этом разделе точно указано местопребывание каждого отсутствующего, например, “живет в Белегороде”, “пострикса”, “живут на Епифане”, “живут на Резани”, “живет во Мценску”, “живут в Борисове”¹²⁸), “Тула ж, которые службы великого государя збежали”¹²⁹. Рубрика с именами сбежавших из полка присутствует не во всех “городовых” разделах, но если имеется, то в ней всегда точно указаны даты побегов. Раздел завершает рубрика “того ж города имена реитаром, которые померли”¹³⁰.

Точно по такой же схеме переписаны рейтары всех других городов, приписанных к полку А.А. Чубарова¹³¹.

Данные списка служилых людей полка А.А. Чубарова так же, как данные о составе полка Ф.А. Зыкова, в разрядном шатре анализировались, для чего в списке подьячие делали предварительные пометы: для каждой из выделенных категорий служилых людей были произведены подсчеты вхо-

Князь Василий Васильевич Голицын.
 Гравюра Леонтия Тарасевича, до 1689 г.

дьячих в разделы людей, в некоторых случаях, очевидно, после проверки, внесены исправления. Так, после списка каширян, приехавших в Путивль 8 сентября 185 г., под косой чертой сначала было помечено “44”, затем зачеркнуто и записано “94”¹³².

Также 19 октября состоялся и отпускной смотр еще одного соединения, входившего в южную группу войск – полка генерал-поручика Венедикта Андреевича Змеева. Его полк был относительно самостоятельной боевой единицей, которая придавалась различным более крупным частям. Летом и осенью 184/1676 г. он находился в составе сил под генеральным командованием боярина Г.Г. Ромодановского и участвовал в совместном с войсками гетмана Левобережной Украины И. Самойловича походе к Днепру. Во время Чигиринского похода 185 г. В.А. Змеев был товарищем и сходным воеводой боярина В.В. Голицына.

По всей видимости, отпускной смотренный список полка В.А. Змеева был составлен не в разрядном шатре, а силами полковых писарей или подьячих (судя по смене почерков, их было как минимум двое) – за правильность списка служилых людей, бывших “налицо” в полку В.А. Змеева, который он прислал в Разряд, отвечал сам командующий полком, а не дьяк. По листам всего списка проходит скрепа только генерала: “генораль порутчикъ Венедихтъ Змеов”. Он же гарантировал целостность направляемого в Разряд документа – пустые, не заполненные до конца страницы отмечены им записями: “полстраницы порозжие”¹³³, “полстраницы порозжая”¹³⁴, “листь порозжеи”¹³⁵ и др.¹³⁶

Структура списка ярко демонстрирует тесное переплетение старого и нового принципов военного строительства в России этого времени. Основной структурной единицей списка являются роты, на которые был поделен полк В.А. Змеева. Всего в полку было 14 рот рейтар и 6 копейных рот, “что выбраны того ж полку ис рейтар и были с приезде до отпуску 185 году октября по 19 число”¹³⁷. Возглавляют списки каждой из рейтарских рот начальные люди новых чинов – “квартирмейстер”¹³⁸, “ротной обозничей”, капралы”¹³⁹, “прапорщик”¹⁴⁰, “подпрапорщики”¹⁴¹, затем следуют рядовые рейтары. Но при этом имена и рядовых рейтар, и начальных людей сопровождаются указанием на их чин по старой иерархии и записаны в последовательности, основанной на этой иерархии: списки рядовых рейтар каждой роты начинаются со стряпчих, дворян московских и жильцов; следующим ниже именам сопутствует указание на принадлежность какой-либо из городских корпораций – “Кошира”¹⁴², “Володимер”¹⁴³, “Волок Ламскои”¹⁴⁴ и т.п.

Кроме главных разделов, которые отражали основной наличный состав полка, в документе имеются дополнительные разделы, содержащие сведения о внеплановом пополнении личного состава и дифференцированные данные об отсутствовавших на полковой службе ратных людях. Это рейтары – “по челобитным навики, приехали к непру”¹⁴⁵¹⁴⁶, “того ж полку реитары, которые на службу великого государя против списку не бывали и которые померли”¹⁴⁷, “реитары ж, которые с службы великого государя збежали”¹⁴⁸, “того ж полку по розборным книгам, которые на службу великого государя не бывали”¹⁴⁹. Структура всех указанных дополнительных разделов, кроме первого, идентична структуре основной части списка.

Данных о времени, когда список был доставлен в Разрядный приказ, не имеется, предположительно это конец ноября 185 г. Получив список, служащие Разрядного приказа взяли в работу только ту его часть, в которой были собраны сведения о ратных людях, заявленных в списке, но не бывших на службе или умерших. По всей видимости, перед разрядными подьячими была поставлена задача, опираясь на имеющиеся в приказе документы, выяснить причины отсутствия служилых людей в полку. Против многих имен составителем списка уже были проставлены пометы “умре”¹⁵⁰. Возможно, это были боевые потери полка за время прошедшей кампании.

Одновременно с выяснением причин отсутствия служилых людей в полку во время кампании 185 г. разрядные служащие использовали список в качестве основы для следующего списка личного состава полка В.А. Змеева, принявшего участие в обороне Чигирина в 1677 г.¹⁵¹ Формируя полк В.А. Змеева перед новой военной кампанией, сотрудники Разряда делали пометы в октябрьском списке 185 г. о тех служилых людях, чьи имена были занесены в список уклонившихся от службы по ошибке или по уважительной причине. Поскольку все пометы, за исключением одной, не датированы, сказать, какая из них относится к первичной обработке списка, а какая ко времени подготовке нового, проблематично. Возможно, что пометы “в порутчиках у Ондreja Чюбарова в полку”¹⁵², “а в ево место был сынъ ево Иван Янов”¹⁵³ (против имени Е.С. Янова), “написан в прапорщиках того ж полку”¹⁵⁴¹⁵⁵ являются результатами проверки, а пометы “по выписке отставлен”¹⁵⁶, “по челобитной для пожарного времени высылат не велено”¹⁵⁷, “186 году по челобитной за дьячею пометою для смерти отца ево на службу высылат не велено”¹⁵⁸ сделаны во время формирования полка в следующем году.

Интересно посмотреть, какие городские корпорации формировали рейтарские полки С.Е. Уварова, Ф.А. Зыкова и А.А. Чубарова, и, соответственно, армию В.В. Голицына летом и осенью 184-185/1676 гг.

К полку С.Е. Уварова было приписано несколько человек московских чинов – жильцы и московские иноземцы, но основной контингент составляли городские служилые люди замосковных городов: Белоозера, Боровска, Вязьмы, Галича, Кашина, Костромы, Переславля Залесского, Пошехонья, Романова, Ростова, Суздаля, Углича. К ним были присоединены служилые люди городов некоторых других разрядов – Мосальска и Старорязанского стана (“заоцкие”), Орла, Тулы и Соловы (старые “украинные”), Мценска (Белгородской черты), Ржевы Володимеровы (Новгородский), Смоленска (“от литовской украины”).

Такая же картина наблюдалась и в полку Ф.А. Зыкова – основу его составляли городские служилые люди из центральных областей, из замосковных городов. В полку Ф.А. Зыкова, кроме небольшого числа “Москвы”, состояли, главным образом, служилые люди из замосковных Арзамаса, Бежецкого Верха, Белоозера, Борисова, Боровска, Вереи, Владимира, Вологды, Вязьмы, Галича, Дмитрова, Звенигорода, Клина, Можайска, Муррома, Нижнего Новгорода, Рузы, Ярославля. Их дополняли служилые люди из городов Новгородского разряда (Тверь, Зубцов, Старица, Ржева Володимерова, Торжок), из “городов от литовской украины” (Смоленск, Белая, Доро-

гобуж), городов Белгородской черты (Данков), рязанских городов (Мещора, Шацк, Алатырь).

Те рейтары, которые были переведены в полк Ф.А. Зыкова из других полков, также были земляками своих сослуживцев. Из полка Г. Тарбеева были служилые люди московских чинов и из замосковных Владимира, Муррома, Галича, Боровска, Дмитрова, Клина и “литовских” Смоленска и Белой. Полк С. Зубова, который дал больше всего служилых для полка Ф.А. Зыкова, составляли служилые люди из замосковных Владимира, Бежецкого Верха, Муррома, Вологды, Галича, Можайска, Вязьмы, Боровска, Дмитрова, Клина, опять же “литовских” Смоленска, Дорогобужа и Белой, а также новгородских Ржевы Володимеровы, Старицы и Зубцова. Из полка И. Кулукина были переведены только двое владимирцев, из полка В. Челюсткина – служилые замосковных Муррома, Вологды, Галича, Можайска, Вязьмы, Боровска, Борисова, Звенигорода, Бежецкого Верха и новгородского Зубцова, из полка И. Лукина – служилые замосковных Муррома и Галича.

Полк А.А. Чубарова отличался от вышеназванных тем, что основу его составляли служилые люди старых “украинных” городов (Кашира, Тула, Алексин, Серпухов, Таруса, Орел, Солова). Кроме них к полку были приписаны несколько человек из замосковного Можайска, “заоцких” Рязска и Мещоры.

Таким образом, рейтары трех полков из армии В.В. Голицына были мелкими помещиками и вотчинниками центральных областей страны, к ним были присоединены некоторые служилые из новгородского, рязанского, белгородского разрядов и из городов “литовского взятия”.

Как было сказано, в 184-185/1676 г. ежегодная летняя кампания по охране южных границ государства длилась до второй половины октября, что не удивительно – с юго-запада ожидалось нападение Речи Посполитой, по всей южной границе совершали набеги татары. По этой причине вплоть до последних месяцев пребывания полков на южной Украине военное командование продолжало настаивать на отправке туда служилых людей, уклонявшихся все это время от полковой службы (например, требование В.В. Голицына о высылке нетчиков в Путивль было получено в Разряде 7 сентября¹⁵⁹). Кроме того, высылка нетчиков даже в конце летней полковой службы проводилась Разрядом в целях поддержания общегосударственного порядка и укрепления дисциплины среди служилых людей: они должны были знать, что распоряжения верховной власти и приказы военного командования их заставят выполнить неукоснительно.

Доведение призывной кампании до конца было возложено на местную администрацию. Организатором же мобилизации городских служилых людей в полки был, естественно, Разрядный приказ, а внутри него – соответствующие столы, ведающие определенными группами городов и их служилыми людьми. Практически вся нагрузка этой работы ложилась в Разряде на два “территориальных” стола – Московский и Новгородский. Так, задачей администрации Новгородского стола было выявить “нетчиков” подведомственных столу городов и организовать их отправку в полки. Для этого из Новгородского стола воеводам этих городов направлялись указы с тре-

бованием выслать нетчиков в тот или иной полк, в том числе и в Путивльский полк В.В. Голицына.

По разрядной делопроизводственной традиции, если приказу требовалось послать “типовую” грамоту в несколько разных городов, готовился черновик грамоты в один из этих городов, а другие составлялись по его образцу. Для группы замосковских городов, подведомственных второму по вытью Новгородского стола, куда требовалось послать указы о высылке нетчиков в Путивль, такая “образцовая” грамота была составлена для отсылки в Романов воеводе Б.К. Шарапову¹⁶⁰.

Поскольку информация о неявившихся в полк служилых людях стекалась от полковых командиров, естественно, в центральное военное ведомство, Разряд, то и списки нетчиков – городских служилых людей – для проведения их высылки местная администрация получала из Москвы. К грамоте романовскому воеводе Б.К. Шарапову и был приложен список нетчиков его города, составленный начальником по вытью подьячим И. Олсуфьевым¹⁶¹. Этот список стал результатом нескольких этапов работы сотрудников Разрядного приказа, в том числе Новгородского стола.

В середине сентября из полка В.В. Голицына в Разрядный приказ были направлены очередные материалы, корректирующие сведения о личном составе полка; в данном случае речь шла о служилых людях московских и городских чинов, по-видимому, ярославских помещиков, которые прибыли в полк до 29 августа 184/1676 г., но в предыдущих реляциях в Разряд были ошибочно отмечены как нетчики – “чьи имена в Розряд не посланы”¹⁶². Как и вся почта с границы, список был принят лично главой приказа думным дьяком В.Г. Семеновым, и он сам зафиксировал получение документа в Разряде: “185-го сентября в 19 день таков список к великому государю к Москве в Розряд прислали ис полку боярина и воевод князя Василья Васильевича Голицына с товарищи с ярославцом с Иваном Мустофиным”¹⁶³. Ознакомившись с присланными материалами, В.Г. Семенов отдал распоряжение подчиненным подготовить ему сводные данные по полку о том, “сколко каких чинов ратных людей по списку сему в полку у них ныне налицо”, и внести коррективы в работу с провинцией: “а в города под грамотами с прежними нетчиками имен их не посылать”¹⁶⁴.

В Новгородском столе для подготовки соответствующих указов местной администрации был составлен экстракт из этого списка, содержащий сведения о ярославских новокрещенах, мурзах и татарах¹⁶⁵. С учетом данных этого перечня И. Олсуфьевым и был составлен список нетчиков, приложенный к грамоте в Романов. Поскольку в архиве Разрядного приказа отложились черновики как грамоты, так и списка, в последнем остались пометы и исправления, сделанные И. Олсуфьевым. Так как некоторые служилые люди из списка ко времени его составления уже выехали в полк В.В. Голицына, против их имен И. Олсуфьевым было помечено “е” (то есть “есть”) или “+” и приписано название города, к чьей корпорации принадлежал служилый человек. Беловой исправленный вариант списка был присоединен к грамоте в Романов¹⁶⁶.

Такие же грамоты были подготовлены для отправки в другие замосковские города, ведомые в этом же по вытью. Интересно отметить, что отправ-

ка этих грамот была организована не силами Разряда (с курьерами – разрядными служащими или ведомыми в нем служилыми людьми), а через государственную почтовую службу, которой занимался Ямской приказ. По всей видимости, грамоты были собраны в Московском столе и из него переданы для рассылки по городам в Ямской приказ – на черновике грамоты в Романов А. Яцким, старым подьячим Московского стола, помечено: “Таковы великого государя грамоты о нетчиках в Галич, в Ярославль, в Ростов, в Касимов, на Романов отданы для посылки в Ямской приказ подьячему Петру Микитину сыну Безсонову”¹⁶⁷. Как это было принято в приказном делопроизводстве, имя служащего, принявшего официальные бумаги, обязательно фиксировалось в приказе-отправителе, что гарантировало документы от пропажи и подлогов.

Весь комплекс однотипных грамот готовился в один день. Так, грамота в Ярославль воеводе окольниковому Н.М. Боборыкину и дьяку А. Озерову о высылке нетчиков в полк В.В. Голицына была подготовлена 22 сентября, как и грамота в Романов¹⁶⁸. Вся работа по составлению грамот была проведена под руководством и при личном участии начальника повытья И. Олсуфьева. Общий контроль над подготовкой грамот осуществлял первый заместитель В.Г. Семенова дьяк П.И. Ковелин (в частности, в Касимов¹⁶⁹).

Реакция Разряда на требование В.В. Голицына о высылке нетчиков была, таким образом, довольно быстрой – указы о высылке нетчиков в города были составлены через две недели после получения отписки В.В. Голицына (в этот срок следует включить не только собственно составление грамот, но и проверку сведений, полученных от В.В. Голицына, выявление – поименное – укрывающихся от службы служилых людей в городах, сверка с присланными тем же В.В. Голицыным данных о приезде служилых людей в полки уже после указанного срока и т.п.). Следует отметить, что численность представителей некоторых городских корпораций была значительной. Например, внизу грамоты в Ярославль И. Олсуфьевым было помечено: “ростовцов 138 чел.”¹⁷⁰.

Эта цифра была взята из сводной справки, составленной во втором повытьи Новгородского стола для внутреннего употребления, в связи с заданием руководства Разряда по высылке нетчиков в полки В.В. Голицына. Несмотря на то, что этот документ предназначался для функционирования только внутри приказа, он, после тщательной проверки, был письменно засвидетельствован старым подьячим, отвечавшим за его подготовку. В записке значилось, скольким служилым людям было велено быть на службе в 184 г. По подсчету разрядных служащих, это число составляло: “переславцов 48 чел., ростовцов 138 чел., ярославских новокрещенов 48 чел., ярославских мурз и татар 166¹⁷¹ чел.”. Против каждой строки рукой подьячего помечено: “верно”¹⁷².

Воспользовавшись услугами Ямского приказа, Разряд не выиграл во времени. Так, к воеводе Касимова А.С. Яхонтову указ о высылке нетчиков пришел через двадцать дней, 12 октября¹⁷³. Уже через неделю нетчики были направлены в Путивль¹⁷⁴, причем в течение этого срока служилые люди не просто были собраны и высланы – был проведен розыск, письменно зафиксированный: в приказной избе Касимова с ярославских татар, живущих

в Касимове, были взяты распросные речи о нетчиках, заверенные рукоприкладством допрошенных (арабской графикой)¹⁷⁵. Кроме того, ярославские татары были отправлены в Путивль только после того, как были связаны письменным обязательством: через четыре дня после получения разрядной грамоты с них была взята поручная запись, которую по письменному распоряжению воеводы А.С. Яхонтова принял касимовский пушкарь П. Васильев. Оформлена поручная запись была в местной “нотариальной конторе” – ее записал “касимовские ж площади подячеи Ивашка Микитин”¹⁷⁶. В документе татары давали обязательство друг за друга, что “ехать им в полк” В.В. Голицына “тотчас”¹⁷⁷. Те же двадцать дней потребовались, чтобы в Разряде узнали об исполнении распоряжения – отписка А. Яхонтова была подана в Разряде 9 ноября¹⁷⁸.

Если учесть, что В.В. Голицын писал о нехватке служилых людей в своем полку и требовал выслать нетчиков в конце августа 184 года – начале сентября 185 г.¹⁷⁹, то заявка командующего армией была выполнена, таким образом, за два месяца, из которых большая часть времени ушла на пересылку документов.

Подготовка к Чигиринскому походу

Укрепление южных рубежей

В связи с тем, что еще осенью 185 г. стало ясно, что предстоит открытое военное столкновение с Турцией, русское правительство начало укрепление южных рубежей государства людскими и материальными ресурсами. Естественно, что в первую очередь внимание было уделено Чигирину.

Всю осень и зиму русское правительство активно готовилось к обороне города. Так как Чигирин в территориальном отношении находился в ведении приказа Малой России, а служилыми людьми и военным делом в целом ведал Разрядный приказ, то между двумя этими приказами и чигиринским начальством, начиная с осени, в течение всей зимы и весной велась напряженная переписка по вопросам боевого снабжения города. Многие мероприятия в Чигирине осуществлялись или по распоряжению приказа Малой России, или по распоряжению Разряда, каждого в отдельности, или по указанию Разряда, переданному через приказ Малой России. Например, путивльским городовым воеводе Л.В. Ляпунову и дьяку И. Чернееву было поручено снабжение Чигирина различными продовольственными запасами.

Посылка осуществлялась по грамотам как из Разряда, так и из приказа Малой России. Писать о ходе меропрятия и присылать записные книги отпущенному продовольствию было велено и в Разряд, и в приказ Малой России. По всей вероятности, из экономии бумаги и времени, приказная изба Путивля писала один документ для обоих приказов, а в Москве они в какой-то очередности получали их. Так, отписка путивльских воеводы и дьяка о посылке запасов в Чигирин была привезена в Москву 25 февраля разрядным подьячим Т. Сукмановым, на отписке было помечено отдать память в приказ Малой России¹⁸⁰. Однако хранится она в делах Разряда. Возможно, что курьер – служащий Разряда доставил отписку сначала все-таки в свой приказ, но возможно также, что по прочтении и копировании грамоты в приказе Малой России ее передали в Разряд, в чем архиве она и осталась.

Чтобы оценить объем работы как местной администрации по сбору и транспортировке продуктов, так и Разрядного приказа по организации этой деятельности (причем не в одном Путивле), представим читателю перечень припасов и транспортных средств, собранных путивльским городским руководством.

2 февраля из Путивля в Чигирин было отпущено на 943 подводах жителей малороссийских городов 783 чети (около 77 т) ржи, 1500 четей (более 147 т) ржаной муки, 400 четей (около 40 т) овсяных круп, 77 четей (более 7 с половиной т) толокна, 6 четей (более полутонны) гречневой крупы, ржаного и “ячного” солода 64 чети “без полуосмины” (примерно 6 т 314 кг). Следующая посылка состоялась через неделю и состояла из 1 937 четей (около 190 т 370 кг) ржи, 120 четей (около 12 т) ржаной муки, 170 четей (почти 17 т) сухарей, 53 четей (более 5 т) овсяных круп, 2 четей (почти 197 кг) гречневых круп, 4 четей (больше 390 кг) пшеницы, 20 четей (почти 2 т) толокна. “Сверх указной статьи” было послано также “хлебных всяких запасов” 1 136 четей “без полуосмины” (около 112 т), “соли пермянки” 939 пудов (примерно 15 т 380 кг), “свиново ковордаку” 207 ведер, “масла коровья” 66 пудов (почти 2 т), “збитню питеиноного” 212 ведер; дополнительная посылка состоялась по несколько неожиданной причине: “для того что из малороссийских городов были лишние подводы”¹⁸¹.

Этот список дает также хотя бы приблизительное представление о рационе русского войска той эпохи.

Очевидно, дела о снабжении Чигирина продовольственными запасами были возложены в Разряде на дьяка Л.А. Домнина. Под его руководством составлялись грамоты в “разрядные” украинные города с распоряжениями о поставках продуктов в Чигирин¹⁸², он же вел переписку с Малороссийским приказом по этим вопросам. Так, память за его приписью была отправлена в приказ Малой России 14 февраля. Это был ответ на отписку, доставленную в Разряд из Севска. Севские городовые воевода стольник Л. Неплюев и дьяки Б. Остолопов и К. Судейкин жаловались в Разряд, что продовольствие в Киев и Чигирин они отправляют на подводах жителей малороссийских городов, ведомых в приказе Малой России. Большая часть продовольствия уже была выслана на 4 020 подводах, оставшаяся готова к отправке, но везти ее не на чем, поскольку из приказа Малой России по 8 февраля нет указаний об этом для местных жителей. Севское руководст-

во требовало от Разряда, чтобы в приказе Малой России был учинен указ о присылке в Севск подвод. Инициатива местной администрации была чрезвычайно оперативно поддержана руководством Разряда – память в приказ Малой России с изложением требований Л. Неплюева и дяков была направлена в день получения севской отписки¹⁸³.

Таким образом, в сфере ведения Разрядного приказа дела об укреплении южных рубежей решались весьма быстро: отписка севских градоначальников была отправлена, скорее всего, 8 февраля, через неделю она была доставлена в Москву, и в тот же день Разряд отправил соответствующее распоряжение в приказ Малой России.

Непосредственно составлением памяти из Разряда в приказ Малой России руководил старый подьячий Московского стола Юрий Охотницкий. Обычно определенный круг дел был закреплен в приказе за кем-либо из старых подьячих; предположительно, переписка между Разрядом и Малороссийским приказом по поводу продовольственного снабжения Чигирина и Киева находилась в тот момент в ведении Ю. Охотницкого.

Работу приказа Малой России нельзя назвать скорой – ответ на вышеуказанную память из Разряда был отправлен в Разрядный приказ через три недели, 6 марта¹⁸⁴.

Как отмечалось, конец лета – начало осени 1676/184-185 гг. было для русского правительства весьма тревожным временем. Повышалась боеготовность всей юго-западной границы государства. Одним из главных военных центров этого участка границы был Путивль. Дислоцированным там полком в указанный период командовал воевода боярин князь В.В. Голицын. В числе других мероприятий по усилению юго-западных рубежей страны, на полк В.В. Голицына была возложена обязанность починить старые и возвести новые укрепления на территории, входившей в ведение Путивльского полка, в частности, строительство укрепленного вала.

Для осуществления этого дела были привлечены служилые люди, входившие в полк В.В. Голицына. Как известно, служилые люди по отчеству, если имели такую возможность, выступали в поход в сопровождении боевых холопов. Последние обычно и привлекались к различным фортификационным работам, которые необходимо было произвести в месте дислокации полка. Однако нередкой была ситуация, когда служилый человек не мог по бедности выставить на службу своих людей, и “строительные” повинности выполнялись им самим. Чтобы выяснить положение с рабочими руками в полку, руководство полка провело опрос личного состава о количестве принадлежащих служилым людям крестьянских и бобыльских дворов. На основании полученной информации была проведена разверстка строительных работ по возведению вала. Сообщения служилых людей о крестьянских и бобыльских дворах были собраны, а затем обработаны в разрядном шатре полка и отправлены в Разряд. Документ дошел до нас без начала и конца, поэтому в нем отсутствуют пометы о том, когда и кто в Разряде принял собранные в полку сведения. Собственно, собранная информация была нужна именно на месте – разверстка проходила без участия Разряда, поэтому для приказа она имела отчетный характер и полученные документы осели в его архиве.

Информация о работе полковых разрядных шатров, казалось бы, не имеет непосредственного отношения к деятельности собственно Разрядного приказа, хотя разрядные подьячие непременно входили в штаты полковых шатров и играли в них ведущую роль. Но кроме того – и это существенно важнее – полковые разрядные шатры являлись как бы продолжением Разряда, крайней точкой в управленческой цепи и одновременно результатом административной деятельности Разряда в военной сфере. Шатры были неразрывно связаны со своим “головным” учреждением, и потому их деятельность должна быть, хотя бы в общих чертах, освещена в исследовании об управленческой деятельности Разрядного приказа.

Интересно отметить, что канцеляристы полкового разрядного шатра практически не участвовали в непосредственном сборе сведений у служилых людей: руководство разрядного шатра препоручило это не приказным служащим, присланным из центра, а военному командованию частей полка. Очевидно, полковая канцелярия производила лишь итоговые работы: получив “сказки” от командиров каждой части, она сверстала их в единый документ, суммировала информацию и на ее основе распределила строительную повинность по частям полка и служилым людям.

Осенью 185 г. сказки о своем материальном положении представили служилые люди десяти сотен Путивльского полка В.В. Голицына. Сотрудники разрядного шатра расположили их в общем документе в определенном порядке, в соответствии с чиновной иерархией – в данном случае, что делалось редко, по мере повышения чинов как начальников сотен, так и входящих в сотню служилых людей:

1. Первая сотня (командир неизвестен) – свияжские служилые татары и мурзы и служилые иноземцы (поляки, очевидно, переселенные в Свияжск в приказном порядке), городовые служилые люди из Яранска, Кокшайска и Уржума, городов ведения Казанского дворца¹⁸⁵; 2. Сотня Александра Матюнина (чин не указан) – городовые служилые люди Алатыря и Свияжска, свияжские неверстанные новокрещенные иноземцы¹⁸⁶; 3. Сотня О. Молвянинова (чин не указан) – жильцы¹⁸⁷; 4. Сотня стряпчего П.М. Быкова – жильцы¹⁸⁸; 5. Сотня стряпчего Я.Г. Левашова – жильцы¹⁸⁹; 6. Сотня жильца А.И. Зиновьева – жильцы¹⁹⁰; 7. Сотня стряпчего И.Е. Лачинова – жильцы¹⁹¹; 8. Сотня И.Г. Монастырева (чин не указан) – жильцы, стряпчие¹⁹²; 9. Сотня стряпчего П.М. Апраксина – дворяне, стряпчие¹⁹³; 10. Сотня стольника М.Ф. Арсеньева – обозничие, сторожеставцы, дозорщики, иноземцы, дворяне, жильцы, стряпчие, “свияжене”, казанец¹⁹⁴.

Распоряжение, отданное из разрядного шатра, было доведено до служилых людей через командиров их частей, которые и организовали сбор данных и отвечали за исполнение указа. Никакой административной помощи служилым людям предложено не было, кроме образца сказок и, возможно, канцелярских принадлежностей, предоставленных разрядным шатром. Служилые люди по мере своих сил, как умели справлялись с поставленной задачей.

Каждая сказка записана отдельно, на маленькой части листа. Рукоприкладство, если оно есть, помещается на оборотной стороне документа. Документы каждой сотни (кроме первой) предваряет отдельный маленький листок, на котором записан заголовок произвольной формы, например: “Скаска

головы Осипа Молвянинова ис ево сотенных”¹⁹⁵, “Скаски Петра Быкова с сотенными ево”¹⁹⁶, “Скаски Афонасевы сотни Зиновева с сотенными людьми”¹⁹⁷.

В первой сотне сказки писали практически всегда не сами податели сказки, причем это отнюдь не означало, что служилый человек, подающий сказку, был неграмотен. Есть не один пример, когда рукоприкладство подателя сказки стоит под текстом, написанным другим человеком. В то же время, были и случаи, когда податель сказки сам писал ее текст, но в этих случаях он всегда и сам прикладывал руку: “Сказал Василеи Нефедов сынъ Анцыферов и руку приложил” (“кокшаженин”)¹⁹⁸, “а скаску писал Яков Водолеев своею рукою”¹⁹⁹.

Формуляр сказки был единым для всех сотен; очевидно, как отмечалось, образец сказки был дан служилым людям из разрядного шатра. Приведем характерный пример сказок служилых людей (в данном случае первой сотни): “185 сентября в 5 день на службе великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца в Путивле боярину и воеводе князю Василью Василевичу Голицыну сказал свияженин Килка Чюраев: государева жалованя помещных и вотченных крестьянских и бобыльских дворов за мною неть, то моя и скаска. К сеи скаске полковника и головы масковских стрелцов Дмитреева приказу Ивановича Лаговчина сотенной Федотка Иванов вместо свияжского татарина Килки Чюраева по ево велению руку приложил”²⁰⁰.

Служилые люди обращались с просьбой записать свои сказки к служащим с ними в одной сотне, чаще к согражданам, еще лучше, если в той же сотне служил родственник (например, племянник²⁰¹, брат²⁰²). Очевидно просьба записать свою сказку, при том, что сам служилый человек знал грамоту, могла быть вызвана тем, что кто-либо из сослуживцев обладал особенно хорошим почерком, или тем, что просивший не был особенно силен в письме. То же самое можно сказать и о рукоприкладстве. Нередко один и тот же человек в одном случае записывал сказку (тогда рукоприкладство могло принадлежать как его руке, так и руке третьего лица), в другом – прикладывал руку вместо подателя сказки. В то же время нельзя исключать и неграмотность служилых людей. Особый случай представляли сказки служилых татар. Нередки примеры, когда на обороте листа с записанной сказкой было записано их рукоприкладство арабской графикой²⁰³ (установить язык записи автор не имел возможности).

Обычно в сотне было несколько человек, которых чаще всего просили записывать сказки и свидетельствовать их. В первой сотне это свияжские городовые служилые люди Федор Лазарев²⁰⁴, свияжский иноземец Яков Холоневский²⁰⁵, уржумский сын боярский Семион Васильев²⁰⁶, яранский городской служилый человек Григорий Бибиков²⁰⁷, уржумские городовые служилые люди Федор Висленев²⁰⁸, Степан Курчеев²⁰⁹, Елфим Дедюлин²¹⁰.

Но служилые одной сотни могли обращаться и к сослуживцам из других частей. Так, под сказками свияжских татар стоят рукоприклады московских стрельцов приказов Д.И. Лаговчина и Я.Ю. Лутохина Федота Иванова²¹¹ (см. выше) и Семена Шестокова: “К сеи скаски головы московских стрелцов Яковлева приказу Юрьевича Лутохина стрелець Сенка Шестоков вместо Кулбариса мурзы Урекеева да Уразая мурзы Янбахтина по их велению руку приложил”²¹².

Во второй сотне А. Матюгина подписывается практически та же картина, что и в первой сотне. Сказки набилюдывали несколько человек, большая часть – сослуживцы по сотне. Особенно часто обращались к свияжским служилым людям Осипу Никитичу Мантурову²¹³ и Федору Лазареву²¹⁴, а также к свияжскому служилому иноземцу Якову Холоневскому²¹⁵.

Несколько иная картина складывается при анализе рукоприкладств к сказкам служилых людей этой сотни. Здесь, в отличие от первой сотни, большая часть сотенных подписывала сказки самостоятельно, хотя есть и рукоприкладства по велению подателя сказки – в частности, того же О.Н. Мантурова²¹⁶. Обращались за помощью при рукоприкладстве и в другие сотни, например, к кокшайскому городовому служилому человеку первой сотни К.Н. Сухову²¹⁷.

Сказки служилых людей третьей сотни О. Молвянинова (все они жильцы) за небольшим исключением написаны собственноручно или собственноручно же подписаны (в том числе сам приложил руку к своей сказке и сотенный голова О. Молвянинов²¹⁸).

То же можно сказать и об остальных сотнях, которые также состояли из жильцов и служилых людей более высоких чинов – стряпчих и московских дворян. Среди прочих в собрании есть и собственноручно написанная и засвидетельствованная сказка Петра Матвеевича Апраксина, будущего шурина Федора Алексеевича, в петровскую эпоху – графа и генерала, президента Юстиц-коллегии. В 185 г. командиру сотни П.М. Апраксину было 17 лет. По его справке, за его младшими братьями Федором (будущим генерал-адмиралом, командующим русским флотом в Северной войне и Персидском походе, президентом Адмиралтейств-коллегии и членом Верховного тайного совета; в 185 г. ему 15 лет) и Андреем (будущий участник Всепянейшего собора с прозвищем Андрей Бесящей) и за ним самим в разных городах в 185 г. имелось 50 дворов²¹⁹.

Интересно отметить также рукоприкладства служилых иноземцев-поляков, полковника Казимера Дмитриевича Воронца и Назария Михайловича Краевского из десятой сотни М. Арсеньева, в которых русские слова, например, “к сей сказке полковник Казимер Воронец руку приложил”, написаны латиницей (польской): “K sey Skaske Polkownik Kazimeir Woroniec Ruku Prilozyl”²²⁰, “K Sei Skaskie Nazary Kraiewski Ruku przylozyl”²²¹ (как видим, каждый из поляков передавал русскую речь латиницей по-своему). Следует сказать, что К.Д. Воронец и Н.М. Краевский были значительно состоятельнее, чем сотенный голова стряпчий П.М. Апраксин. Первый из них владел 125 дворами в Смоленском уезде, второй – 33 дворами в том же уезде.

В этом же комплексе документов в тех редких случаях, когда к сказке прикладывал руку не сам податель, по его поручению это делал жилец сотни И.Г. Монастырева Иван Михайло-

Печать ближнего стольника и воеводы Ф.М. Апраксина. 1694 г.

вич Похвиснев²²², обладавший красивым почерком, хотя и не блестящей грамотностью, например: “К сей скаски Иван Похвиснев вместе Трофима Михайлова сына Костамарова²²³ по ево велению руку приложил”²²⁴. О себе он писал: “185-го году сентября въ 4 день на государеве цареве и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца на службе в Путивле в полку боярина и воеводы князь Василя Василевича Голицына сказаль жилец Иван Михайлав сынъ Похвиснев: за мною государева жалованя было во Брянском везде²²⁵ три двора, а ныне адин двор, а два двора разорены от татар и от ызменников черкас, порублены и в полон побраны, да в Луху за мною два двора. То моя и скаска. А скаску писал я, Иван Похвиснев, своею рукою”²²⁶.

Сказка жильца И. Похвиснева.
РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 531. Ч. 1. Л. 323.

Как было сказано, начало архивного дела отсутствует, поэтому мы не имеем возможности выяснить, когда было отдано распоряжение о сборе сказок. Однако многие из них датированы, в частности, сказки самих сотенных голов. Все командиры записали свои сказки в один день – 4 сентября 185 г. Можно предположить, что указ из разрядного шатра последовал не более чем за несколько дней до этого, а, скорее всего, в этот же день.

Наиболее дисциплинированными оказались служилые люди (а, может быть, это было заслугой сотенных голов) из первой сотни – свияжские татары и служилые иноземцы – поляки, служилые люди из Яранска и Уржума, они подали сказки 4 и 5 сентября, а также из сотен А. Матюнина (служилые люди из Алатыря и Свияжска и свияжские же служилые иноземцы), О. Молвянинова (жильцы) и П. Быкова (жильцы). Служилые люди этих сотен также подали свои сказки в основном 4 и 5 сентября, в других случаях число не указано.

В сказках остальных сотен числа указаны редко. Возможно, что и в этих сотнях основная масса служилых людей подала сказки 4 и 5 сентября и в следующие за ними дни, но служилые люди не получили от своих командиров твердых указаний о необходимости датировать сказки.

Некоторые сказки были составлены и в последних числах сентября, однако подавляющее большинство служилых людей представило данные в течение первой недели сентября, главным образом 4 и 5 числа, что говорит о довольно высоком уровне дисциплины в сотнях.

Собранные материалы были переданы сотенными головами в разрядный шатер полка, где подьячие должны были оценить полученную инфор-

мацию и составить смету работ. Документы разрядного шатра Путивльско-го полка В.В. Голицына за летне-осеннюю кампанию 184-185/1676 г., в том числе относящиеся к городовому валовому делу, сохранились, разумеется, далеко не в полном составе. В частности, нет материалов, которые стали результатом обработки данных, полученных из сказок служилых людей десяти полковых сотен. Судить о работе разрядного шатра мы можем только по пометам на поданных в шатер документах.

Прежде всего, по всей видимости, подьячими по имеющимся в архиве шатра “нарядным” спискам были проверены данные о дворах, заявленные подателями сказок: в левый нижний угол листов были вынесены цифры, означающие количество дворов²²⁷. В тех случаях, когда родственники, служившие в одной сотне, подавали одну сказку с указанием общего количества дворов (что делалось практически всегда), в разрядном шатре сведения не только проверялись, но конкретизировались в отношении каждого из подателей сказки. Например, два брата, жильцы сотни О. Молвянинова указали, что на двоих у них 23 двора. На поле их сказки указаны отдельные цифры, в виде дроби, для каждого из братьев: “12/11”²²⁸. В тех случаях, когда служилый человек объявлял, что дворов у него нет, на левом поле проставляли букву “н”²²⁹. Наконец, были отмечены подьячими разрядного шатра и те служилые люди, которые по другим причинам не могли принять участия в строительных работах, например, “в бегах”²³⁰.

Следует указать, что помет о количестве дворов нет на сказках первых двух сотен, которые составляли служилые люди, ведомые в приказе Казанского дворца. Очевидно, в списках, присланных в Разряд из этого приказа, количество дворов указано не было, и, соответственно, не могло быть проверено подьячими разрядного шатра.

После первичной обработки сказок подьячими разрядного шатра документы поступали для оценки информации к руководителю полковой канцелярии – дьяку, который принимал работу или отдавал указание о новой или дополнительной проверке данных: “Выправлена”²³¹, “Смотрем”²³².

Последний комплекс документов – сказки сотни М.Ф. Арсеньева – значительно отличается от предыдущих. Во-первых, это была самая пестрая и в то же время самая элитная по чиновному составу сотня. Она включала представителей всех московских чинов (дворяне, стряпчие, жильцы), сотенных начальников (обозничих, сторожеставцев, дозорщиков) и в единичных случаях представителей других, в том числе и более низких категорий – служилых иноземцев, есаулов, городских дворян и кормового татарина.

Во-вторых, этот комплекс представляет собой следующую, хотя и не завершенную стадию работы разрядного шатра с первичным материалом сказок. Наряду с обычными, индивидуальными и групповыми сказками, которые присутствуют и в документах других сотен, он включает записи обобщающего характера. Это глухие, безымянные записи, объединяющие служилых людей в “рабочие” группы по их должностям или по чину, с указанием общего на всех количества дворов и объема городских валовых работ, который они должны сделать. Эти записи сделаны тем же почерком и чернилами, что заголовок к сказкам сотни М. Арсеньева, очевидно, подьячими разрядного шатра, на отдельных листочках, но на оборотах их нет рукопри-

кладств упоминаемых в них служилых людей. Например: “Обозначих 3 чел., за ними 90 дворов, 3 сажени”²³³; “Сторожеставцов и дозорщиковъ 10 чел., за ними 470 дворовъ, 16 сажен без чети”²³⁴, “Есаулов 33 чел., за ними 464 д., 26 сажен без полу трети, и в том числе без помесных 3 чел., чет сажени”²³⁵. В других случаях в одной записи объединены служилые люди одного чина: “Жилцовъ 46 чел., за ними 559 д., 18 сажень с полусаженью, и в том числе безпоместных 7 чел., полсажени”²³⁶; “Дворян 11 ч., за ними 425 д., 14 сажен с полутретью”²³⁷. Некоторые служилые люди были объединены для исполнения фортификационных работ не в большие группы по чинам или должностям, а, например, по двое. В этом случае имена, естественно, указывались. Так, в нижнем левом углу сказки жильца Семена Максимовича Игнатьева помечено, что ему “делат с Ываном Одинцовым”²³⁸ одну сажень”²³⁹. Все эти записи имеют явно предварительный характер.

Однако в числе документов сотни М.Ф. Арсеньева есть запись и о завершенном задании. 15 сентября “Ярославля большаго кормовои Ахмет Сеитъ Тенишев сынъ Шакулов” доложил В.В. Голицыну, что он “зделал городского воловова дела четверть сажени, то моя и скаска. К сеи скаске Ухмет Сеит Тенишев руку приложил”²⁴⁰. Из чего следует, что к 15 сентября Тенишев свою часть работы уже завершил. Если учесть, что сказки начали собирать не ранее 4 сентября, то можно предположить, что самые первые участки городских укреплений были построены через неделю с небольшим после объявления задания. В эти десять дней вошли не только собственно строительство, но и работа канцелярии полка, разверставшей “городовое валовое дело” по служилым людям десяти сотен Путивльского полка в зависимости от их поместных и вотчинных владений. Таким образом, организация строительных работ по укреплению Путивля представляется весьма эффективной и энергичной. Очевидно также, что в текущих делах военного ведомства, от центрального органа управления – Разряда – до армейских командиров, отсутствовали чрезмерная централизация, мелочный контроль и регламентация; командующий полком был абсолютно независим от центра в каждодневных делах полка, например, проведении фортификационных работ для обороны опорного пункта полка – Путивля. Непосредственная организация жизни полка находилась в руках главного административного “рычага” командующего – разрядного шатра. Этим органом, например, устанавливалась и разверстывалась на служилых людей полка строительная повинность по возведению городского вала. В то же время, и сам разрядный шатер там, где это было возможно, передоверял часть организационной работы командирам среднего звена – сотенным головам, на которых в данном случае была возложена обязанность собрать сведения о материальном положении служилых людей.

Поскольку сказки служилых людей сотен Путивльского полка представляли собой “черновой”, первичный делопроизводственный материал, служащие разрядного шатра не видели необходимости скреплять или другим способом заверять их верность и подлинность. Однако несмотря на то, что эти документы считались “сырьевым” материалом, они были переданы в Разрядный приказ вместе со всем архивом полка В.В. Голицына по окончании летне-осенней кампании 184-185/1676 г. и осели уже в центральном московском разрядном архиве.

Весной 185 г. правительство вплотную приступило к формированию южной группы войск, которые должны были принять участие в предстоящих военных действиях. Решено было направить против турок две армии – “большой” полк во главе с В.В. Голицыным и Белгородский и Севский полки под единым командованием Г.Г. Ромодановского. Реализация директив верховной власти была возложена, естественно, на Разрядный приказ.

Командование

Поскольку по диспозиции русского генерального штаба основная тяжесть ведения боевых действий должна была лечь на армию Г.Г. Ромодановского, ей было уделено первоочередное внимание. Формирование армии начиналось с назначения ее командного состава. Назначение на ключевые командные должности, совершалось, разумеется по решению верховной власти, но документальное оформление этих назначений и организация выезда к месту службы происходили в Разрядном приказе.

В числе прочего, Разрядный приказ оплачивал из своих средств транспортные расходы командированных в действующую армию военачальников. В книгах Денежного стола приказа фиксировалась выдача так называемых прогонных денег. Раньше всех, после получения 6 марта прогонных денег, в полк отправился заслуженный военачальник околичничий И.И. Ржевский.

Его путь лежал через Калугу и Болхов в Белгород²⁴¹. (И.И. Ржевский, которого С.М. Соловьев характеризует как “известного своей распорядительностью, умевшего ладить с малороссиянами, что доказал во время своего воеводства в Нежине”²⁴², в следующую кампанию 186 года (1677/78 гг.) будет назначен чигиринским воеводой и 3 августа 1678 г. погибнет от турецкой гранаты на стенах Чигирина при обороне города).

Затем, получив прогонные деньги 12 марта, из Москвы выехал воевода Белгородского полка Г.Г. Ромодановский с сыном Михаилом. Их путь к Белгороду, где должна

Печать думного дворянина и воеводы И.И. Ржевского. 1671 г.

была размещаться штаб-квартира полка, пролегал через Ефремов²⁴³. В тот же день в полк был отправлен дьяк Полуэкт Истомин²⁴⁴ (он уже был в Белгородском полку в 184 – конце 185 г. и отвечал за составление росписи Белгородского “большого полка”²⁴⁵). 1 апреля в Белгород отправились думный дворянин Иван Петрович и стольник Иван Иванович Лихаревы, назначенные быть в товарищах у боярина и воеводы кн. Г.Г. Ромодановского²⁴⁶. 25 апреля в Белгородский полк выехал один из командиров частей “нового строя” полка Г.Г. Ромодановского генерал-майор Франц Ульф²⁴⁷.

После Белгородского был сформирован командный состав “большого” полка. Товарищами “большого” воеводы В.В. Голицына были назначены окольный кн. Г.А. Козловский и думный дворянин А.В. Толстой. Штаб-квартирой “большого” полка был определен Путивль. Сходными воеводами В.В. Голицына стали бояре кн. П.И. Хованский с товарищами и И.В. Бутурлин с товарищами. Сборные пункты их полков располагались, соответственно, во Мценске и Рыльске. Первым – 23 мая – к месту назначения выехал В.В. Голицын²⁴⁸, за ним Г.А. Козловский (после 16 мая)²⁴⁹ и А.В. Толстой (после 17 мая)²⁵⁰. В Рыльск отправились боярин и воевода И.В. Бутурлин с руководителем своего разрядного шатра дьяком Алексеем Клочковым (после 18 мая)²⁵¹, товарищ И.В. Бутурлина окольный П.Д. Скуратов (после 22 мая)²⁵². П.И. Хованский получил распоряжение сначала собрать полк в Туле, а оттуда идти во Мценск в начале июня. Из Москвы воевода выехал 26 июня²⁵³.

В связи со сведениями, доставленными разведкой в середине июня (18 числа), об энергичном движении больших турецко-татарских сил к Чигирину, главную армию под командованием В.В. Голицына решено было усилить еще одним полком – Новгородским – под командованием боярина кн. В.Д. Долгорукова. В.Д. Долгоруков получил распоряжение двигаться в Брянск сразу по получении “вестей”, 18 июня, и на следующий же день выехал из Москвы²⁵⁴. Через неделю средства на дорогу до Брянска получил товарищ воеводы, думный дворянин Богдан Иванович Ордин-Нащокин²⁵⁵.

Однако в это же время поступили новые данные разведки о численности турецкой армии. По этим последним сведениям силы турок были не столь значительны, как сообщалось ранее. Поэтому правительство сочло, что Новгородский полк не будет столь необходим на южных рубежах, и 29 июня В.Д. Долгоруков получил приказание остановить поход к Брянску и двигаться во Псков, но, тем не менее, продолжить формирование полка²⁵⁶.

Печать боярина и воеводы
кн. П.И. Хованского. 1679 г.

Печать думного дворянина
и воеводы Б.И. Ордина-
Нащокина. 1669 г.

Если полномочия Разряда в назначении высшего командного состава ограничивались документальным оформлением этих назначений (правда, не только простым фиксированием самого факта, но и составлением различного рода документов – от наказов военачальникам до грамот с сообщением о назначении и инструкциями городовым воеводам) и обеспечением военачальников средствами на транспортные расходы (подробнее об этом см. ниже), то в формировании полковых канцелярий – разрядных шатров – Разрядному приказу принадлежала ведущая роль.

Как уже отмечалось, Разрядный приказ являлся своего рода “отделом кадров” для подьячих и вспомогательных служащих московских приказов. В Разряде находились сводные списки приказных служащих, составлявшиеся ежегодно, основываясь на которых руководство Разряда подбирало кандидатуры для различных правительственных поручений.

Одной из разновидностей поручений, которые возлагались на подьячих помимо их приказной работы, была служба в полковых канцеляриях – разрядных шатрах, а также разовые поручения, связанные с обеспечением деятельности южных армий. В Московском столе составлялись примерные списки подьячих разных приказов, которых надлежало направить в тот или иной полк. Затем для отправки выбранных подьячих в свое распоряжение Разрядный приказ посылал в соответствующие приказы памяти-запросы с указанием числа и категорий подьячих или конкретных имен и кратким изложением цели командировки.

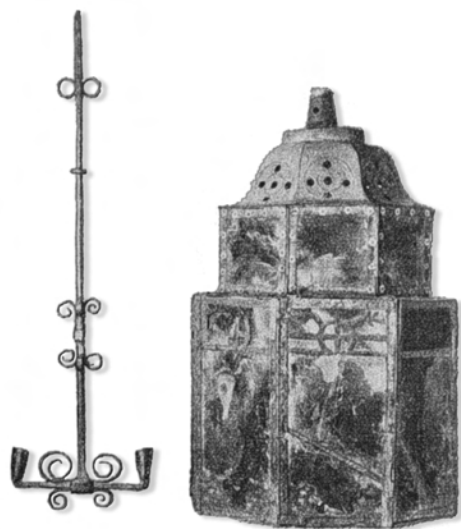
9 мая В.В. Голицын, командующий южной армией, был “у руки” государя; в сборный пункт армии, Путивль, он отправился из Москвы 23 мая. Уже на следующий день после церемонии “отпуска” В.В. Голицына, 10 мая, глава Разрядного приказа утвердил подготовленный в Московском столе список подьячих для полковой канцелярии Голицына. Разрядный шатер полка В.В. Голицына нуждался в трех подьячих – одном старом и двух молодых, что и было отмечено в заголовке: “В полкъ боярина и воевод князя Василя Васильевича Голицына с товарищи ис приказов доведетца быть подьячим из Розряду старои да молодых 2 чел.”²⁵⁷ Очевидно, не рассчитывая на то, что приказы, как это нередко бывало, пришлют всех назначенных подьячих, список был составлен с превышением требуемого числа. Было выписано по двое подьячих из приказов Казанского дворца (И. Козляинов, С. Коптяев) и Новой чети (В. Русинов, А. Коровин) и по трое из приказов Большого дворца (П. Звездин, Т. Аврамов, И. Неустроев) и Земского (Г. Облезов, П. Чередеев, Ф. Шустов)²⁵⁸. Однако и это число подьячих, по-видимому, показалось руководству Разряда недостаточным. Как это было принято в приказной практике Разряда, если необходимо было послать памяти одинакового содержания в несколько адресов, в приказе составляли память-образец. К такой черновой памяти-образцу в приказ Новой чети

старый подьячий, составивший память, и приложил записку (то ли памятку для самого подьячего на основании распоряжения приказного руководства, то ли указание молодым подьячим-писцам), в которой к уже назначенным приказам были присовокуплены новые: “Таковы ж писат в приказ Большаго двorca, в Земскои, в Помеснои, в Большои приход, в Монастырскои”²⁵⁹ (правда, в ней пропущен Казанский приказ).

В памяти из Разряда в приказ назывались имена подьячих и излагалась причина посылки, как, например, в памяти в приказ Новой чети с требованием прислать двух подьячих (чьи имена были указаны в разрядном списке) в Разряд для отправки в Путивль в полк В.В. Голицына “для писма”²⁶⁰. Правда, в некоторых случаях, вероятно, в связи с военными действиями, соблюдалась определенная секретность. Так, Разряд послал память в Московский Судный приказ с требованием прислать подьячего М. Парамонова “для своего государева дела”, как выяснилось позже из распоряжения разрядного дьяка – для отправки в полк кн. П.И. Хованского²⁶¹. В отдельных случаях приказу предоставлялось самому определить кандидата для отправки в полк. Например, в приказ Устюжской чети было направлено требование прислать в Разряд, не называя конкретного имени, “средние стати подьячего добра” для отправки в Путивль²⁶².

В большинстве случаев требуемого подьячего (подьячих) незамедлительно направляли в Разряд в сопровождении кого-либо из их сослуживцев и с сопроводительной же памятью. Память непременно включала ссылку на указ из Разряда (почти всегда с датой получения) и имя дьяка, за чьей приписью был послан этот указ, и кратко излагала суть предстоящего дела, после чего сообщалось, что требуемый подьячий послан в Разряд и указывалось имя сопровождающего. Однако если сопроводительный документ со всей необходимой информацией был непременным атрибутом “передачи” подьячего из одного приказа в другой, то “конвой” был обязательным не всегда. Так, Владимирский Судный приказ направил старого подьячего П. Богданова с сопроводительной памятью в ответ на два запроса из Разряда – для посылки на литовский рубеж и в южные полки с денежной казной, чтобы в Разряде решили, куда его лучше определить²⁶³.

По большей же части подьячих направляли в Разряд с сопровождением. Например, подьячих старого С. Антипина и молодых Р. Лапкина и Ф. Микитина, отко-

Подвесной шандан и слюдяной фонарь.
(Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып.3)

мандриванных в Брянск в полк В.Д. Долгорукова, из Поместного приказа в Разряд сопровождал подьячий Г. Протопопов²⁶⁴. Подьячий М. Парамонов из Московского Судного приказа, назначенный Разрядом для посылки в полк П.И. Хованского, был доставлен в Разряд “того ж приказу с подьячимъ с Петромъ Шумовымъ”²⁶⁵. Подьячий Устюжской чети Ф. Кроткий, командированный в Путивль, был прислан в Разряд “приказу Устюжские чети с подьячимъ с Кузмою Василевымъ”²⁶⁶.

Военная командировка всегда была делом срочным, о чем и напоминали разрядным служащим распоряжения дьяков: “отослат их в тот полкъ без мотчаня”²⁶⁷; “к отпуску и послать ево на ево государеву службу тотчасъ”²⁶⁸. Следует отметить, что распоряжение разрядного дьяка направить полученную сопроводительную память в приказный архив (“к отпуску”) присутствовало в помете крайне редко, завися, по всей видимости, только от индивидуальных делопроизводственных привычек самого дьяка (чаще всего у Л.А. Домнина²⁶⁹). В некоторых случаях опускалось указание направить присланного подьячего в полк, зато присутствовало напоминание разрядным служащим зафиксировать в разрядных документах это назначение: “К отпуску и написат ево в роспись”²⁷⁰ (эта помета записана, разумеется, Ф.Л. Шакловитым, отличавшимся крайним вниманием к тонкостям делопроизводства). Во всех остальных случаях такое распоряжение не записывалось, дальнейшие действия подьячих подразумевались сами собой.

Откомандированные в полки подьячие добирались до пункта назначения не “стихийно”, каждый по отдельности, а поступали под командование дьяка, по всей видимости, одного из начальников соответствующего разрядного шатра. Так, в отношении старого подьячего П. Богданова в Разряде распорядились: “отослат ево к тому делу без мотчаня и отдад дьяку имянно”²⁷¹; здесь же было указано, какому именно дьяку следовало препоручить П. Богданова: “отдад дьяку Миките Пояркову”²⁷² (в 185 г. дьяк Монастырского приказа, направлен в Путивль и Рыльск с денежной казной для раздачи жалованья ратным людям). На памяти из Поместного приказа о присылке старого и двух молодых подьячих было помечено: “и по сеи памяти те подьячие отдадны диаку Анисиму Кобатову”²⁷³ (в конце 184 – начале 185 г. он в чине справного подьячего был первым помощником главы разрядного шатра Белгородского полка П. Исакова²⁷⁴; в 185 г. дьяк Устюжской чети, направлен в полк В.Д. Долгорукова во Псков). Подьячие приказа Новой чети, направленные в Путивль в полк В.В. Голицына, были “отданы диаку Ивану Ляпунову”²⁷⁵ (в 185 г. дьяк Сысского приказа, направлен в полк В.В. Голицына в Путивль).

Те же правила действовали и в отношении низших категорий разрядных служащих, в частности, сторожей, которые также призывались Разрядом на военную службу. Сторожа обычно направлялись в Разряд без сопровождения, только с соответствующей памятью на руках, как, например, сторожа из приказов Земского, Холопья суда, Московского Судного, Новой чети для службы в полках В.В. Голицына, И.В. Бутурлина и В.Д. Долгорукова²⁷⁶. Пометы разрядных дьяков на сопроводительных памятях свидетельствовали о том, что эти командировки, как и подобные командировки подьячих, всегда были крайне срочными: “принят ево и послат в полкъ тотчасъ”²⁷⁷, “принят и выслать в тот полкъ тотчасъ”²⁷⁸, “принять ево и по-

слать в тот полкъ без мотчаня”²⁷⁹, хотя встречаются и другие, более “спокойные” пометы: “отослат ево полкъ”²⁸⁰.

Разумеется, участие в полковой службе было еще более тяжелым и опасным делом, чем административные “посылки”, и, вероятно, подьячие искали способы “избыть” эту службу. Но следует сказать, что отказ приказов выслать требуемых подьячих чаще всего объяснялся уважительными причинами – загруженностью приказных подьячих работой, причем не только в приказе, но и в связи с другими поручениями. Так, по требованию Разряда Земский приказ должен был прислать для службы в Рыльске и Путивле “для писма полковых дел” старых подьячих Г. Облезова, П. Чередеева, Ф. Шустова и двух молодых – Я. Смирнова и И. Протопопова. Указанные молодые подьячие были посланы, но вместо названных Разрядом старых подьячих Земский приказ командировал других – старых же подьячих Г. Кашкина, М. Спасеньева и А. Богданова. “А у подьячих у Григоря Облезова, у Прохора Чередеева, у Федора Шустова, – информировал Земский приказ, – многие сыскные татинные и разбоинные дела, да они *ж* по розным наказом збирают мостовые денги, и для того они в Розряд не посланы”²⁸¹.

Кроме того, руководство приказов твердо соблюдало правило, возможно, не писанное, по которому приказные служащие, уже отбывшие полковую службу, тем более неоднократно, должны были освобождаться от очередного направления в полк. Однако, получая запрос из Разряда прислать подьячего для службы в действующей армии, приказы часто действовали ответственно, и, понимая серьезность поручения, не отказывали Разряду вовсе, а в большинстве случаев старались немедленно, не дожидаясь повторного требования Разряда, найти замену тем подьячим, которые по делам службы не могли быть откомандированы в полки. Так, по запросу из Разряда для службы в Путивле приказ Новой чети должен был направить в Разряд подьячих В. Русинова и А. Коровина. Однако, как сообщалось в памяти, эти подьячие в приказе Новой чети “сидят у приходу и росходу великого государя денежные казны и сь ихъ сиденья в приходе и в росходе денежные казны не считаны, а ныне ихъ в той денежной казне считают”; эти же подьячие собирают доимочные деньги за прошлые годы. Кроме того, приказ Новой чети испытывал кадровые трудности: “А какъ ис приказу Новые чети города взяты в розные приказы, и в то время ис приказу Новые чети многие подьячие отставлены и сидятъ в розных приказехъ, а в приказе Новые чети у приходу и росходу денежные казны без тех подьячихъ быть не мочно”. Тем не менее, не взирая на указанные трудности, запрос Разряда был выполнен – на полковую службу были направлены подьячие И. Олуферов и Д. Аргунов²⁸².

Нередко приказы не могли обеспечить и требуемое число подьячих. Так, вместо двух подьячих, которых Разряд планировал направить в Путивль в полк В.В. Голицына, приказ Казанского дворца послал третьего подьячего, объяснив замену тем, что двоих названных подьячих “за прежними их многими посылками на службу великого государя послат не довелос”²⁸³. Правда, и новая кандидатура была заменена – “для того что он, Микита, скорбень”²⁸⁴.

Надо сказать, что ни подобные “полу-отказы”, когда вместо требуемых двух подьячих приказ высылал одного, ни замены указанных подьячих на

других, по-видимому, не беспокоили Разряд. В пометах дьяков на сопроводительных памятях, с которыми являлись в Разряд подьячие, никак не отмечено неудовольствие разрядного руководства и нет указаний прислать требуемое число подъячих или именно тех, которые Разрядом были назначены. Пометы гласили: “к отпуску, а подячего отослат к боярину и воеводамъ без мотчанья”²⁸⁵, “послат того подячего в тот полкъ тотчасъ”²⁸⁶, “по сему великого государя указу послать техъ подячихъ в полкъ тотчасъ”²⁸⁷, “послат”²⁸⁸ ихъ в полкъ к боярину и воеводам ко князю²⁸⁹ Василию Василевичю Голицыну с товарищи”²⁹⁰. Для приказной администрации главной была нацеленность на стержневую проблему – чтобы поручение верховной власти было исполнено, чтобы система работала, поэтому в вопросах второстепенных всегда проявлялась гибкость, лабильность.

Как отмечалось выше, Разряд недаром составлял “примерные” списки приказных подъячих для полковых посылок с превышением. Наверняка знать, какова в данный момент кадровая обстановка в том или ином приказе, Разряд едва ли мог. Поэтому отказы приказного руководства в предоставлении подъячих для службы в разрядных шатрах вряд ли должны были вызвать удивление в Разряде. Тем не менее, если на замену требуемых подъячих, даже неполную, Разряд соглашался спокойно, то полный отказ им не принимался ни на каких основаниях. Информация о приказе-“отказнике” немедленно направлялась верховной власти, но одновременно Разряд и сам принимал необходимые меры. Приказ Большого дворца, например, в ответ на требование Разряда прислать трех подъячих в полк В.В. Голицына информировал Разряд о том, что указанных подъячих “отослать немочно”, поскольку П. Звездин находится “у приходу и расходу денежной казны”, Т. Аврамов – у астраханских и яицких “насадных рыбных и соляных промыслов”, а И. Неустроев – “у счоту” этих промыслов²⁹¹. Однако приведенные причины отказа были сочтены в Разряде неуважительными. “В верх” немедленно была направлена информация о “противодействии” комплектованию армии, однако доклад государю носил, по-видимому, скорее осведомительный характер, потому что одновременно, не дожидаясь реакции верховной власти, руководство Разряда распорядилось направить в приказ Большого дворца требование о присылке замены назначенным в Разряде подъячим: “Выписат к великому государю в доклад и поднести тотчасъ, а в приказ Болшого дворца послат память, чтоб въ ихъ место прислали то ж число подячихъ те же стати”²⁹². Тем не менее, обстановка в приказе Большого дворца, очевидно, была такова, что руководство приказа действительно никак не могло удовлетворить требования Разряда – и на повторный запрос заменить П. Звездина, Т. Аврамова и И. Неустроева из приказа Большого дворца пришел отказ с объяснением причин: “И приказу Болшого Дворца подячие многие посланы с писцами и для описки Артемона Матвеева помести и вотчинъ и для сыскных дель, и для той службы подячих послат в Розряд неково”²⁹³.

Непонятна реакция разрядного руководства на этот повторный отказ – на памяти Л.А. Домнин крайне лаконично пометил: “К отпуску”²⁹⁴, то есть направить память в разрядный архив без указания на какие-либо дальнейшие усилия Разряда по командированию в полк подъячих приказа Большого дворца. Интересно, что точно так же отреагировал Л.А. Домнин и на от-

каз Челобитного приказа выслать старого подьячего для отправки в Путивль и Рыльск с денежной казной. Руководство Челобитного приказа сообщало, что в приказе всего трое старых подьячих, и тем жалованье не было выплачено – первому за 177, 178, 181, 183 и 185 годы, второму за 178, 181, 183 и 185 годы и третьему за 184 и 185 годы. И поэтому “за подяческим малолюдством и за их скудостью из Челобитного приказу к тому ево великого государя делу подячих к вам в Розряд прислать неково”²⁹⁵. Возможно, индифферентная реакция разрядного дьяка на эти отказы была вызвана тем, что к тому времени штат подьячих для исполнения соответствующих поручений был уже укомплектован служащими других приказов.

Приказ Казанского дворца сообщал, что двое указанных в разрядной памяти подьячих приказа уже были в прошлом и текущем годах в полку В.В. Голицына, а, следовательно, должны быть освобождены от полковой службы; что в настоящее время 7 подьячих Казанского приказа находятся в городах с разборщиками и, кроме того, требуется послать еще 25 человек в города приказа с переписчиками; наконец, один из указанных в требовании Разряда подьячих уже послан на Дон – “и для того за многими посылками в Розряд техъ подячихъ послат и не довелось”²⁹⁶. Помета разрядного дьяка на памяти требует только “выписать о том к великому государю в доклад”²⁹⁷. Однако, по всей видимости, по устному распоряжению разрядного начальства в приказ Казанского дворца была также послана память с повторным требованием о присылке подьячих, потому что вскоре в Разряд был прислан один подьячий из Казанского дворца, правда, замененный позже другим²⁹⁸.

Московский Судный приказ должен был направить в Разряд сторожа для службы во Пскове в полку В.Д. Долгорукова. Однако, по мнению руководства приказа, послать было “неково”, так как сторожей в приказе осталось только трое, а четвертый был послан в Иноземский приказ “к сыскному делу в пропалых денгахъ”²⁹⁹. Возможно, потому, что в данном случае речь шла о вспомогательном составе приказных служащих, Разрядный приказ разрешил проблему самостоятельно, не обращаясь за поддержкой к верховной власти. В распоряжении своим подчиненным относительно подготовки ответа на память с отказом разрядный думный дьяк позволил себе не только указать, что надо сделать руководству Московского Судного приказа, но и высказаться с оттенком сарказма: “Послат другую память, велет прислат по прежнему указу, а кого пришлют, и на того место принят инога, а охотников в тот чин много”³⁰⁰. Любопытно, что разрядный подьячий, готовивший черновик

Печать из приказа
Казанского дворца. 1686 г.

памятия в Московский Судный приказ. То ли по излишнему усердию, то ли с умыслом привел распоряжение начальника дословно: "... а вместо того сторожа в Судной Московскои приказе принят иног, а охотников в том чинь много"³⁰¹.

Некоторые случаи прямо свидетельствуют о том, что отказ приказа выполнить требование Разряда вызывался неосведомленностью разрядных служащих о ситуации с кадрами в том или ином приказе. Например, командующий южной армией В.В. Голицын прислал в Разряд отписку, в которой в косвенной форме содержался фактически выговор Разряду. Воевода писал, что в его полку велено быть "для писма полковых дел" подъячому приказу Новой чети Илье Елуферову, "и тот подъячеи стар и увечен и глазами не видит", почему воеводы "для ево болезни" отпустили его со службы, а отписку подать и явиться ему велели в Разряд³⁰². И. Елуферов (Олуферов) был одним из двух подъячих, которых приказ Новой чети откомандировал в Разряд за полтора месяца до этого, вместо выбранных Разрядом В. Русина и А. Коровина. Реакцию руководителя Разряда узнать сложно, поскольку его помета на отписке звучит весьма индифферентно: "Чтена, взят в столпъ"³⁰³.

Как было сказано выше, получив из Разряда память-запрос с требованием откомандировать подъячего для полковой службы и не имея возможности сделать это, приказ довольно оперативно направлял в Разряд ответную память с объяснением причин отказа. Однако иногда, видимо, случались оплошки в работе приказа, он не сообщал своевременно в Разряд о невозможности прислать подъячего. Вероятно также, что и в Разряде могли забыть направить память в один из многих приказов, отмеченных в списке. Разряд же, не получив отказа, не дождавшись прибытия в Разряд подъячего с положенной сопроводительной памятью и, очевидно, выждав какой-то положенный срок, продолжал свою рутинную работу по организации "призыва" подъячих.

Как и во всех прочих случаях "индивидуального" оповещения служилых людей всех чинов о том, что на них возложено исполнение какого-либо поручения, к месту жительства приказных подъячих отправлялись из Разряда вспомогательные служащие – разрядные дети боярские, исполнявшие в Разряде обязанности приставов. Именно на этом этапе работы Разряда иногда, по-видимому, и выяснялись обстоятельства, по которым назначенный подъячий не мог быть командирован в полк. В подобном случае неминуемо возникал конфликт между посланными служителями Разряда и противодействующей стороной. Так, на шестой день после распоряжения разрядного руководства о командировке во Мценск в полк П.И. Хованского "для писма полковых дел" подъячего Новгородского приказа В. Никитина к нему "на двор" были посланы разрядные дети боярские Г. Попов с товарищами для сопровождения его в Разряд. Как доложили в Разряде дети боярские, брат и сын В. Никитина с людьми выгнали их со двора, имен своих не сказали и бранили. По закону или устоявшемуся обычаю разрядные дети боярские предъявили документ о призыве В. Никитина на полковую службу, но "память", или "сыскное письмо", как по-разному определяется этот документ в деле, возможно, была составлена не по всей форме. Во вся-

ком случае, родственники В. Никитина предъявили претензии к разрядным посланцам: “А говорили имъ (детям боярским. – *О.Н.*) – велите де написат имянно, в котором де приказе он, Василеи, сидит в подьячих или какова инова чину и по какому де указу и хто по него посылает и для какова дела”. Дальше прозвучала откровенная насмешка над приказными чиновниками: “И хто де их посылал, и онъ бы де тое память чолъ по суботамъ”³⁰⁴.

Подобные конфликты, разумеется, не оставались без внимания Разряда. Через девять дней после описанных событий подьячий В. Никитин был доставлен в Разрядный приказ, где и выяснились все обстоятельства дела. В частности, нашли объяснение поразительная осведомленность родственников В. Никитина о формуляре приказного “ордера”, с которым явились к подьячему разрядные дети боярские, и чувство превосходства в отношении разрядных служащих, проявленное ими. Оказалось, что оба встретивших посланцев Разряда были сыновьями В. Никитина (а не братом и сыном, как подумали Г. Попов с товарищами), оба подьячие: Алексей – Посольско-го приказа, Ермил – Устюжской чети; отца в это время не было дома.

Прекрасная осведомленность Алексея и Ермила в приказных порядках определила весь ход их конфликта с разрядными детьми боярскими. Без разрешения приказного руководства ни один подьячий не мог оставить или переменить свою работу, поэтому сыновья В. Никитина объявили пришедшим, что без ведома боярина И.М. Милославского (в то время руководителя, в числе других приказов, и Новгородского) их отец в Разряд не пойдет, и подкрепили свои слова, как было отмечено выше, одной из самых веских причин – отец в данное время в Новгородском приказе “у щоту”. Затем разрядные дети боярские Г. Попов с коллегами вновь показали себя менее сведущими, чем сыновья Никитина, в процессуальном законодательстве – вместо отсутствующего отца они попытались захватить его детей. Но те потребовали показать им “ордер” на привод – сыскное письмо – “и, посмотря писма, сказали имъ, что в том писме имян ихъ не написано и дела до них нет”, после чего последовала очередная насмешка: “а чьли б де они, дети боярские, то писмо почасту, что б им было памятно, ково было сыскиват”. Следует отметить, что разрядные дети боярские без всякого сопротивления дали сыновьям В. Никитина ознакомиться с содержанием официального документа. Как выяснилось позже, кроме В. Никитина, в Разряд не явилось еще несколько подьячих, “призванных” на полковую службу, и для доставки этих подьячих в Разряд был составлен единый, общий для всех документ, на что и указывали братья-подьячие. Они советовали детям боярским почаще читать “память”, “для того что в той памяти написано было подьячих человека с четьре”³⁰⁵, которых детям боярским предстояло доставить в Разряд.

По всей видимости, корни такого противостояния лежали, кроме того, и в другой плоскости. Правительственные посланцы, по обычаю, должны были получать угощение – “хоженое”. ”Принимающая” сторона, естественно, не радовалась такой необходимости, о чем и сообщил в своей “сказке” В. Никитин. По его словам, уходя, дети боярские “просили у них хоженова и вина пить, и дети де ево ничего им не дали, и они де, дети боярские, за то имъ грозили”. В. Никитин постарался также отвести от сыновей обвинение

в оскорблении руководства Разряда, сообщив, что слов о чтении письма по субботам сыновья не говорили³⁰⁶.

Как видно из документа, приказные подьячие не испытывали ни страха, ни почтения к официальным представителям Разрядного приказа. Однако по требованию Разряда на следующий день после своей явки, В. Никитин доставил в Разряд и сыновей, а также одного из дворовых людей. И Алексей, и Ермил подтвердили свои слова и показания отца о том, что он сидит в Новгородском приказе “у щету” и что “взята по немъ поручная запис, что ему к щету в томъ приказе ставитца”. Дворовый человек, что не удивительно, выступил на стороне своих хозяев. Он заявил, что был во дворе, делал работу, разговора не слышал, но и не видел, чтобы детей боярских били, зато слышал, как последние, уходя, грозились³⁰⁷.

Разбирательство конфликта в Разряде было задокументировано и оформлено по всем правилам судебного делопроизводства: на оборотах записей распросных речей участники конфликта засвидетельствовали свои показания: “Юрка Бросинъ и въ место Гаврила Попова руку приложил”³⁰⁸; “К сему допросу Васка Никитин руку приложил”³⁰⁹; “К сеи скаске Посолского приказу подячей Алешка Васильев руку приложил”³¹⁰; “К сеи скаске приказу Устюжские чети подячей Ермилко Васильевъ руку”³¹¹. К сожалению, документ не имеет конца, поэтому мы не имеем возможности узнать решение разрядного руководства.

Однако некоторые детали дальнейшего развития событий можно установить. По всей видимости, В. Никитин до того, как его доставили в Разряд, не терял времени даром и направил в “свой” Новгородский приказ челобитную с просьбой о защите. Накануне допроса В. Никитина и его сыновей в Разряд пришла память из Новгородского приказа, в которой вскрывались обстоятельства дела, почему-то не зафиксированные документами Разряда. Оказалось, что работавший в приказах со 160/1651-52 г., т.е. двадцать пять лет, 25 мая текущего года по указу государя “для ево, Васильева, увечья от государевых дел он, Василем, отставлен” (о чем Разряд, по всей видимости, не был извещен). В. Никитину, заведовавшему финансовой частью Новгородского приказа и приказа Галицкой чети, в связи с отставкой велено было “встать к щету в те приказы, взята по немъ, Василе, поручная запис”. Далее в памяти в довольно жесткой форме Разряду было указано на несоблюдение им приказной субординации: указанного подьячего держат в Разряде и посылают на службу великого государя, “не сослався с Новгородскимъ приказомъ и с приказомъ Галицкие чети”. Руководство Новгородского приказа требовало прислать В. Никитина из Разряда, чтобы быть ему по-прежнему в приказах Новгородском и Галицкой чети³¹².

Как и прочие документы, выходящие за рамки штатных ситуаций, память из Новгородского приказа принял к рассмотрению руководитель Разряда. Очевидно, что вариант решения был единственным: “Отослать ево в тот приказ и отдад имяно”³¹³.

Чтобы закончить рассказ о деле подьячего В. Никитина, следует указать, что “увечье”, послужившее причиной его отставки из Новгородского приказа в мае 185 г., по-видимому, нисколько не помешало ему через полгода, в ноябре 1678 г., стать дьяком Галицкой, Новгородской и Владимирской

чтей и в дальнейшем предпринимать дальние путешествия и работать в провинции: с ноября 1680 г. по август 1682 г. дьяком в Нижнем Новгороде, а в 1682-1684 гг. – в том же чине в Свияжске³¹⁴. Один из сыновей В. Никитина также сделал блестящую карьеру. Подьячий Посольского приказа Алексей Васильевич (видимо, старший брат), советовавший разрядным детям боярским почаше “честь” память, чтобы знать, что в ней написано, не оставил дипломатическую службу. После многих назначений, стремительно поднимаясь все выше по служебной лестнице – в 1690 г. он уже справный подьячий Поместного приказа, с апреля 1691 г. по январь 1693 г. дьяк Новгородского приказа, в декабре 1695 г. дьяк Малороссийского приказа, – Алексей Никитин в мае 1698 г., будучи дьяком, становится российским резидентом в Вене, а затем, до января 1699 г., резидентом в Польше³¹⁵. Младший сын, Ермила Никитин, не взлетел так высоко, однако и он к 1691 г. был уже дьяком одного из крупнейших и важных приказов – Казанского дворца³¹⁶.

Разумеется, еще сложнее было Разряду получать информацию из городских приказных изб, откуда также призывались подьячие для службы в полковых канцеляриях (см. ниже). Чтобы не запутаться в море переписки и свести к минимуму казусы, подобные приведенным выше, разрядные подьячие, отвечавшие за определенный участок работ, делали для себя памятные заметки. Такую заметку сделал, например, подьячий Московского стола (атрибутировать почерк не удалось) по поводу переписки с Земским приказом о присылке подьячих в полк В.В. Голицына. Дело было уже решено, выписка не могла понадобиться для доклада ни руководству приказа, ни государю, ее единственная возможная цель – быть памяткой о ходе переписки с Земским приказом, своеобразным “экстрактом” из нее. Ни помет с дополнительной информацией к тексту, ни имени справщика или писца в записке не содержится. В ней отмечено, что 10 мая Разряд получил указ государя о комплектовании полковых канцелярий в Путивле и в Рыльске. По этому указу в Разряде были подобраны кандидатуры подьячих, и 12 мая в Земский приказ послана память с требованием прислать старых подьячих Г. Облезова, П. Чередеева и Ф. Шустова. Затем в памятке передано краткое содержание ответной памяти из Земского приказа³¹⁷.

Как уже отмечалось, все решения, связанные с командированием приказных подьячих на полковую службу, принимались Разрядным приказом. Доклады Разряда государю по поводу невыполнения требований о присылке подьячих, были скорее информативными мерами, своего рода “подстраховкой”, поскольку одновременно с распоряжением подготовить доклад для государя разрядное руководство приказывало направлять новые запросы в приказы с требованием выслать указанных подьячих или найти им замену. Кроме того, все подобные доклады касались только тех случаев, когда речь шла о “большом полке” В.В. Голицына.

Естественно, что ключевые моменты в комплектовании полковых канцелярий определялись руководителем приказа В.Г. Семеновым. Список кандидатов для посылки в полки составлялся, возможно, под его руководством, им этот список утверждался и непосредственно от него разрядные служащие получали распоряжение о подготовке памятей-запросов в определенные В.Г. Семеновым приказы³¹⁸.

Дальнейшую работу по составлению и отправке памятей в приказы организовывали разрядные дьяки. В “призыве” подьячих на военную службу, в отличие от организации “мирных” посылок, Л.А. Домнин играл заметно большую роль, чем Ф.Л. Шакловитый. Практически Л.А. Домнин разделял с П.И. Ковелиным эту работу.

Под руководством П.И. Ковелина и Л.А. Домнина были составлены, ими заверены примерно в равном объеме памяти в приказы с требованием откомандировать для отправки в полки подьячих и сторожей. Можно сказать, что если П.И. Ковелин начал “призывную кампанию” в первой декаде мая и эпизодически участвовал в ней и дальше³¹⁹, то Л.А. Домнин продолжил ее со второй половины мая до июля³²⁰. Участие Ф.Л. Шакловитого в рассылке запросов по приказам было минимальным³²¹.

На следующем этапе, когда “призванный” подьячий прибывал с сопроводительной памятью из своего приказа в распоряжение Разряда, к делу снова подключался В.Г. Семенов, что свидетельствует о значении, которое придавалось в Разряде этому моменту. Руководитель приказа, как и его заместители, на поданной подьячим памяти лично отмечал его прибытие и направление для дальнейшего прохождения службы. Эта деятельность была примерно в равном отношении поделена между В.Г. Семеновым³²², Ф.Л. Шакловитым³²³ и Л.А. Домниным³²⁴. П.И. Ковелин в ней не участвовал.

В том случае, если из приказа приходила память с отказом в присылке подьячих, решение о дальнейших действиях практически всегда принимал В.Г. Семенов. Он определял, надо ли подготовить сообщение государю о сложившейся ситуации, послать повторные запросы в приказы и содержание этих запросов³²⁵. По всей видимости, тогда, когда ситуация с набором подьячих была решена, получение памяти с отказом фиксировал Л.А. Домнин³²⁶.

Таким образом, руководитель приказа принимал личное участие в “призыве” приказных подьячих на полковую службу лишь в ключевые моменты: при определении кандидатур в штат разрядных шатров и, вместе со своими заместителями, принимая командированных из приказов подьячих в Разряде и направляя их к месту службы. Среди разрядных дьяков существовало некоторое разделение обязанностей в этой деятельности. Первый разрядный дьяк П.И. Ковелин руководил составлением памятей-запросов в приказы; второй дьяк Ф.Л. Шакловитый принимал прибывающих в Разряд подьячих и направлял их к месту службы, фиксируя это на входящих документах; третий дьяк Л.А. Домнин был наиболее задействован в “призывной” работе – он руководил подготовкой запросов в приказы, принимал в Разряде присланных из приказов подьячих и направлял их в полки, также фиксируя это в сопроводительных памятях, а также в ряде случаев принимал к рассмотрению памяти с отказами в предоставлении подьячих.

К сожалению, атрибутировать почерки разрядных подьячих, готовивших документы, связанные с набором подьячих на полковую службу, практически не удалось. С уверенностью можно сказать только о трех пометах. Все они представляют собой записи об исполнении распоряжений разрядных дьяков передать прибывших в Разряд подьячих под начало дьяков – начальников полковых канцелярий. Это пометы подьячих И. Олсуфьева³²⁷ и В. Феофилаьева³²⁸.

Комплектование армии, в том числе полковых канцелярий, было, разумеется, одним из дел наибольшей государственной важности, поэтому как распоряжения руководства Разряда внутри приказа, так и требования Разряда к другим приказам исполнялись в максимально короткие сроки. К сожалению, то, что в архивном деле отсутствуют черновики большинства памятей, в сохранившихся разрядных черновиках – датировка, а в памятях других приказов – указания на дату получения памяти из Разряда, существенно ограничивает возможность установить оперативность работы приказов.

Начало “призывной” кампании подьячих, как отмечалось, было положено 10 мая. В этот день руководитель Разряда В.Г. Семенов утвердил подготовленный разрядными служащими список подьячих для полка В.В. Голицына и повелел послать в соответствующие приказы памяти³²⁹. “Образцовая” память в приказ Новой чети были составлена через день, 12 мая, и в тот же день были написаны, отредактированы, переписаны на бело и отправлены памяти в другие приказы³³⁰.

Так же оперативно на требование Разряда откликнулось большинство приказов, причем и тогда, когда руководство приказа командировало в Разряд подьячего, и тогда, когда приказ вынужден был ответить на запрос Разряда отказом. Так, памяти из приказов Казанского дворца и Владимирского Судного с отказом прислать, соответственно, подьячих и сторожа, прибыли в Разряд через день после получения указания из Разряда³³¹. В деле не сохранилась повторная память из Разряда, но через 6 дней после получения Разрядом памяти из приказа Казанского дворца подьячий этого приказа прибыл в Разряд³³². Таким образом, за эти шесть дней в Разрядном приказе был подготовлен и послан ответ на память из Казанского дворца, а в последнем выбран подьячий, подготовлена память и направлена вместе с подьячим в Разрядный приказ. Однако посланный подьячий заболел, и его пришлось заменить на другого. По всей видимости, руководство приказа Казанского дворца получило весьма убедительные доводы о необходимости откомандировать своего служащего в распоряжение Разряда, потому что замена состоялась на другой же день – столько времени заняли выбор нового подьячего, составление сопроводительной памяти и отправка подьячего в Разряд³³³.

Гораздо большую медлительность проявил приказ Большого дворца. Кроме того, что Разряд так и не смог добиться от этого приказа присылки подьячего, первый ответ с отказом был получен в Разряде через четыре дня после направления им запроса, а вторая память, опять с отказом, прибыла в Разряд через две недели после первой³³⁴.

Если же в приказах находили возможность откомандировать своих служащих в Разряд, то время от получения указа из Разряда до прибытия подьячего или сторожа в Разряд занимало 5-7 дней³³⁵. Возможно, такой срок требовался командированному, чтобы передать свои дела в приказе коллеге и собраться в дорогу.

Все приведенные случаи относятся к командировке подьячих в полковые канцелярии. Почему-то гораздо больше времени занимали в приказах подготовка документов и выбор подьячих для осуществления раздачи жалования ратным людям в Путивльском и Рыльском полках. Возможно, это

мероприятие, в отличие от комплектования полковых канцелярий, не считалось столь спешным. Во всяком случае, не только выбор подьячего и составление сопроводительной памяти, но и подготовка памяти с отказом заняли в приказах от 11 дней до двух недель³³⁶.

Разумеется, не оставались в стороне от полковой службы и разрядные подьячие. Так, очевидно, в Московском столе были выписаны разрядные подьячие, которых надлежало отправить в Путивльский и Рыльский полки³³⁷. В этом случае список также был “примерным”, из него руководитель Разряда выбрал нужных людей и отметил, куда именно кого следует направить. Документ не имеет заголовка, из которого было бы ясно, для какого мероприятия составлялся список – скорее всего, начало его отсутствует, поскольку выписки всегда сопровождалась подобными указаниями. Сведения же о том, сколько подьячих требуется в полк (или в полки), в документе, за редкими исключениями, не указывалось, вероятно, потому, что решение этого вопроса всегда оставалось за руководителем Разряда. Можно с большой долей вероятности утверждать, что в данном случае из списка было выбрано столько подьячих, сколько было действительно необходимо для отправки в полки, а не с превышением, как это было при наборе подьячих из других приказов. Против фамилий выбранных подьячих руководитель приказа на поле пометил, как обычно, крайне лаконично, одним словом: “в Путивль”, “то ж” “в Рылескь”³³⁸. Таким образом, было отобрано четверо подьячих, по двое в каждый полк. Другим почерком, вероятно, старого подьячего, против трех имен списка было помечено: “послан преж” и “в посылке”, причем последняя помета не повторялась рядом с каждым соответствующим именем, а, в лучших традициях приказной делопроизводственной экономии, была “поделена”, “растянута” на два имени, разделенных другими: “в по / сылке”. Как уже отмечалось выше, очередность дальних “посылок” строго соблюдалась во всех приказах, и то обстоятельство, что подьячий несколько раз или недавно был в таких “посылках”, было уважительной причиной для отвода его кандидатуры при наборе подьячих на новую дальнюю службу.

Следует отметить, что из семнадцати предложенных Московским столом подьячих с окладами от 15 до 3 р. выбраны были подьячие с не самыми крупными окладами. Были отобраны подьячие с окладами в 10, 7, 5 и 3 р., а подьячие с окладами по 15 и 13 р. полковой службы избежали. Возможно, как более опытные, знающие и ценные работники они, по мнению начальства, больше пользы могли принести работая в приказе.

По всей видимости, в процессе отбора подьячих из представленного списка выяснилось, что четырех человек для посылок в полки недостаточно, требуются дополнительные служащие для путивльской полковой канцелярии. Пометы же старого подьячего на полях списка о прежней полковой службе некоторых разрядных подьячих, очевидно, навели В.Г. Семенова на мысль, что эта информация могла быть неполной. Поэтому, для установления абсолютной ясности в этом вопросе, под списком появилось распоряжение думного дьяка: “Выписат, во 184-м году в Путивле и в Рылску хто имяны подьячие из Розряду были”, что и было тут же исполнено “и против сего пометы выписано”³³⁹. В выписке оказалось три фамилии, которые, по по-

нятным причинам, не вошли в первый список, причём один из указанных в выписке, как гласила помета на поле, “ныне сидит в Пушкарском”³⁴⁰. В результате В.Г. Семенов подтвердил свой выбор четырех кандидатов: “185-го мая въ 20 день быт тем подьячим в техъ полкехъ по сеи росписи”³⁴¹, но дело на этом не закончилось.

Список подьячих для посылки в полки, очевидно, готовился во втором повытье Московского стола, и в этом списке в числе кандидатов для посылки в полки были записаны двое подьячих, уже назначенных в Рыльск. Назначение же это было отмечено в боярском списке, который, как известно, составлялся в первом повытье того же стола. Произошла, таким образом, нестыковка в работе двух подразделений приказа. Трудно сказать, чем руководствовался думный разрядный дьяк и почему из предложенных в списке кандидатов он не смог выбрать еще двух никуда не назначенных подьячих для посылки в Путивль, однако его выбор остановился на З. Демидове и И. Ларионове, которые уже были командированы в разрядный шатер Рыльского полка. Это распоряжение и записал под пометой В.Г. Семенова старый подьячий А. Яцкой: “В Путивле ж велено быт из рылского полку Зиновю Демидову да Иле Ларионову, помета была в полковом столпу боярского списку”³⁴².

Завершала процесс отбора разрядных подьячих в полки короткая чистовая выписка: “Из Розряду в полки подьячие: в Путивль Тарас Сукманов, Перша Микулин, в Рылескъ Самсон Симоновскои, Степан Курочкинъ”. Эта чистовая выписка была составлена раньше распоряжения В.Г. Семенова о дополнительном наборе в Путивль, поэтому здесь же под списком А. Яцким сделана приписка: “В Путивль ж Зиновеи Демидов, Илья Ларионов”³⁴³.

Несколько иначе руководство Разряда подошло к отбору подьячих для вспомогательного полка П.И. Хованского со сборным пунктом во Мценске. Их кандидатуры были выбраны из списка подьячих “не у делъ”, подготовленного совсем по другому случаю – по памяти из Посольского приказа с запросом прислать “подьячего доброго” для посылки на Дон (см. ниже). К отсылке во Мценск были назначены подьячие В. Никитин, С. Исаков, К. Ефремов, И. Большой Матвеев, Т. Друковцов. Исключая П. Шапкина, третьего по счету, который был выбран для отсылки на Дон, все имена в списке помечены подряд, начиная с первого³⁴⁴. По всей видимости, какого-то специального метода отбора в данном случае у руководителя Разряда не было.

Как уже было сказано, выбор подьячих для службы в полковых разрядных шатрах осуществлялся исключительно руководителем Разрядного приказа В.Г. Семеновым. Следовательно, во-первых, он лично отвечал за каждого из назначенных им подьячих и, во-вторых, кадровый вопрос в отношении полковых канцелярий решался в приказе на высшем уровне, что свидетельствует о его значении в работе учреждения.

Назначение подьячих в Путивль и Рыльск состоялось в Разряде за три дня до выезда в Путивль В.В. Голицына и через через два дня после выезда в Рыльск И.В. Бутурлина. В полки первые из назначенных подьячих выехали через шесть дней после назначения. Последние из назначенных подьячих отправились из Москвы через двенадцать дней после назначения.

Несколько иная картина сложилась с полком П.И. Хованского. Назначение подьячих в его полк состоялось в Разряде за шесть дней до его выезда из Тулы к сборному пункту – Мценску. Первые подьячие, определенные в полк П.И. Хованского, выехали из Москвы только через полтора месяца после назначения. Возможно, оперативность назначений и прибытия подьячих в полки В.В. Голицына и И.В. Бутурлина, в отличие от ситуации с полком П.И. Хованского, объяснялась тем, что эти полки, вместе с армией Г.Г. Ромодановского, располагались на авангардных позициях и первыми должны были принять на себя удар турецких войск. Соответственно, разрядное руководство при назначении подьячих в эти полки действовало более жестко. Полки же П.И. Хованского и В.Д. Долгорукова располагались во втором эшелоне обороны, о чем приказные служащие, естественно, знали, поэтому и дисциплина в этом случае несколько страдала.

Также запаздывало формирование канцелярии Новгородского полка. Но, помимо предложенной выше, здесь, очевидно, действовала и другая причина – неожиданная передислокация полка из Брянска во Псков в начале июля 185 г. 12 июля в полк В.Д. Долгорукова сторож И. Сидоров повез “на стол сукно да свечи и шанданы и тюшаки”³⁴⁵. Кроме штата делопроизводителей, военной части, естественно, требовался и медицинский персонал. Был он и в Новгородском полку – 26 июля из Москвы во Псков были высланы лекарь С. Ларионов “да лекарственного дела” ученик И. Федоров, а с ними “сундук с лекарствами”³⁴⁶. 29 июля в распоряжение полка отправился подьячий П. Шапкин (из Рейтарского приказа)³⁴⁷. В тот же день с наказом для В.Д. Долгорукова и списками ратных людей выехал жилец Богдан Юренев³⁴⁸.

Командировка в полк была не только хлопотным делом; как всякое дальнейшее путешествие, она была связана с большими расходами. Как известно, служилые люди по отечеству (к которым с оговоркой можно отнести и приказных подьячих) снаряжались в военные походы за свой счет, в отличие от служилых людей по прибору, которые частично финансировались государством, и от ратных людей полков “нового строя”, которые находились полностью на государственном обеспечении. Большая часть подьячих не могла самостоятельно осилить финансовую нагрузку такой “посылки”. Поэтому многие назначенные в полковые канцелярии подьячие обращались в Разряд, как в свое главное ведомство, и в приказ, который направлял их на военную службу, с просьбой оказать финансовую помощь. Помощь могла выражаться в досрочной выплате годового денежного жалованья, в выдаче специальных “подъемных” денег, в оплате транспортных расходов.

Как было принято в XVII в., проситель сам указывал, какой вид помощи ему требуется. Например, подьячий Земского приказа С. Сычов, направленный в Путивль, писал в своей челобитной, что он, “человеченко скудной и бедной, поднятца на твою великого государя службу нечем”, почему просит “для своего государского многолетнего здравия и для моеи скудости” выдать жалованье “на подемъ”³⁴⁹. Пятеро подьячих Земского приказа Г. Кашкин, М. Спасеньев, А. Богданов, Я. Смирнов и И. Протопопов, командированных в полки В.В. Голицына и И.В. Бутурлина в Путивль и Рыльск, просили Разряд дать им “по своему великого государя указу ям-

ские подводы”, аргументируя это тем, что они, “холопи твои, людишка скудные и безлошадные”³⁵⁰.

С наиболее выразительными челобитными обратились в свой приказ разрядные подьячие. Молодой подьячий К. Волошенинов, которого направили под началом дьяка Н. Пояркова в Путивль и Рыльск с казной для раздачи жалования ратным людям, обращаясь по традиции к государю, сообщал, что он денежным окладом не верстан, “а поднятца мне, холопу твоему, на твою государеву службу нечемъ и платишком ободралъся”, поэтому он просит дать ему денег “для той посылки на подемъ и на платьишко выдат, чтоб мне, холопу твоему, будучи на твоей государеве службе, голодною смертью не умерет и с холоду не озябнут”³⁵¹. Ф. Шанский и И. Беседин, которым было велено быть во Мценске в полку П.И. Хованского “для писма”, писали, что они “людишко самые бедные”, денежными окладами не верстаны “и перед своею братьею ничемъ невзысканы, поднятца намъ, холопом твоим, на твою великого государя службу нечимъ”. Подьячие просили “жаловане на подъем выдать, какъ тебе, великому государю, об нас, бедныхъ, Богъ известит, чтоб намъ, холопом твоим, на твою великого государя службу было чемъ поднятца и, будучи на твоей великого государя службе, голодною смертию не умереть”³⁵².

Разряд никогда не отказывал в подобных просьбах, но по существующей традиции проверял правомерность требований, обращаясь к состоявшимся прецедентам и сопоставляя ситуацию прошлую с нынешней. Так, на челобитной подьячих Земского приказа о ямских подводах была записана резолюция: “185-го мая въ 22 день по указу великого государя дать им для той службы ямские подводы по указу, буде в прошлом во 184-м году их брате для той же службы подводы были даны”³⁵³. На других челобитных разрядные дьяки обычно только кратко помечали “выпишат”³⁵⁴.

Следует остановиться на вопросе о том, кто принимал решение по челобитным подьячих, в данном случае – о финансовой помощи государства в выполнении возложенных на подьячих обязанностей. Все пометы на простых, не подписных челобитных, как первоначальные, так и окончательные, записаны разрядными дьяками, а, значит, можно утверждать, что решение принималось в Разряде. В случае, когда челобитные подавались непосредственно государю, решения на них записывал далеко не всегда разрядный думный дьяк, гораздо чаще – другие думные дьяки. Кроме того, в том случае, когда челобитная или выписка зачитывались государю, текст пометы непременно содержал фразу “и государь, слушав сей выписки (или челобитной)...”; в некоторых случаях место государя занимали бояре, и тогда фраза звучала, соответственно, “и бояре, слушав сей выписки (челобитной)...”. Во всех имеющихся в архивном деле документах таких формулировок нет. Единственный случай, когда выписка формально предназначалась государю, относится к челобитной подьячих Земского приказа о ямских подводах. Выписка заканчивается обычной формулой обращения к высшей власти – и великий государь “о том что укажет?”³⁵⁵. Но, возможно, эту формулировку ввел подьячий, составлявший выписку, без согласования с руководством Разряда, и выписка не была представлена царю, а решение по ней было принято в Разряде. Тем более, что обычной в случае решения дела го-

сударем формулировки – “...государь, слушав сей выписки” – в помете на выписке нет. Таким образом, вопросы финансирования приказных служащих, командированных в действующую армию, решались самостоятельно разрядным руководством.

Большая часть челобитных подъячих о материальном вспомоществовании получала ответ только после сбора дополнительной информации. Но по некоторым челобитным решение принимали и без предварительного составления выписки, причем по содержанию челобитные обеих групп ничем не отличаются. Единственное, что объединяет группу челобитных, решенных после выписки, это ссылки просителей на прецеденты в удовлетворении их запросов – как это было установлено для их “братьи”, то есть коллег. Исключение составляет опять же челобитная подъячих Земского приказа о предоставлении подвод, но в данном случае дело касалось более существенной помощи, чем выдача фиксированной денежной суммы, в том числе оклада. Обеспечение государственных служащих казенным транспортом являлось настолько важным делом, что была создана специальная “тарифная сетка”, в соответствии с которой каждому чину полагалось строго определенное количество подвод³⁵⁶. Возможно, именно поэтому в выписке была зафиксирована формула обращения к государю – дело было именно государственной важности.

В остальных же челобитных, решение по которым было принято после ознакомления с выпиской, речь шла о “подъемных” деньгах или о других дополнительных денежных вспоможениях и имела ссылка на “братью”. Так, подъячие Поместного приказа Марк и Карп Кузмины просили дать “подъемные” деньги “против нашей братьи подъячихъ и против прежнихъ примеровъ”³⁵⁷. Разрядные подъячие Ф. Шанский и И. Беседин били челом о “жаловане на подъем”, ссылаясь на то, что они “перед своею братьею ничемъ невзысканы”³⁵⁸. Подъячий Рейтарского приказа П. Шапкин, посланный во Псков в полк В.Д. Долгорукова, указывает на то, что ему “жалованья на подъем против моеи братьи Петра Лыкова ничего не дано; а в прошлых годах” по указу царя Алексея Михайловича “нашей братье дано жалованья по окладу и на подъем по дватцать пят рублей и болше”³⁵⁹. По всей видимости, ссылки челобитчиков на прецеденты автоматически влекли за собой подбор соответствующий данных.

И действительно, все челобитные, в том числе и челобитная подъячих Земского приказа о подводах, содержат выписки об обстоятельствах текущего года и примеры решения сходных проблем в прошедшие годы. Так, по челобитной подъячих Земского приказа был составлен список подъячих разных приказов, направленных в полки в текущем 185 году с указанием их денежных окладов. Во второй части выписки было указано общее число подъячих, бывших в Путивле и Рыльске в прошедшем 184 году (цифры даны раздельно по разрядным подъячим и по подъячим других приказов). В конце выписки было сказано, что от Москвы до указанных сборных пунктов им были даны “из Ямского приказу подводы по указу”³⁶⁰. По челобитной подъячих Кузминых были выписаны примеры денежных выплат подъячим, бывшим в полках в 177 и 181 гг., а также примеры таких же денежных выплат подъячим, командированным в Путивль в текущем году, причем для

каждого отдельного случая указывался и приказ, из казны которого производилась выплата³⁶¹. По челобитной разрядных подъячих Ф. Шанского и И. Беседина были сделаны точно такие же выписки, относящиеся к 177 и 181 гг., а в пример выплат на 185 г. были уже включены сведения о пособиях подъячим М. и К. Кузминым³⁶². Те же самые примеры из предыдущих лет приведены и в выписке по челобитной подъячего П. Шапкина, а в качестве примеров выплат текущего года фигурируют не только упомянутые в выписке по делу Кузминых подъячие К. Волошенинов и С. Сычов, направленные в Путивль, но и сами Кузмины, и Ф. Шанский с И. Бесединым³⁶³.

В других случаях, как уже говорилось, решение о денежной помощи принималось сразу, без предварительной выписки. Подъячие Земского приказа С. Сычов и Разрядного приказа К. Волошенинов получили просимое материальное вспоможение сразу, без наведения предварительных справок о решении подобных дел в прошлых кампаниях и в текущем году; К. Волошенинов, кроме того, получил разрешение воспользоваться казенным транспортом, о чем – по крайней мере, письменно – не просил³⁶⁴.

Интересно отметить, что решения о выдаче 6 р. разрядному подъячему К. Волошенинову и 8 р. подъячему Земского приказа С. Сычову, принятые без опоры на данные выписок, состоялись раньше других. Основания для заключений разрядного руководства по челобитным К. Волошенинова и С. Сычова выявить трудно. Все прочие решения по выпискам были приняты позже, с отсылкой к двум первым (касательно назначений 185 г.), и повторяли именно их, поскольку в примерах, взятых из 177 и 181 гг. были отмечены другие суммы пособий. Так, в 177 г. “безмесному” подъячему П. Аверкиеву в Разряде был назначен новый оклад в 10 р. и 10 же р. дано в приказ, “всего 20 рублей”; в 181 г. неверстанным подъячим Поместного приказа П. Лыкову, Монастырского приказа И. Мореву было дано по 10 р. в приказ (данные из выписки по челобитной Кузминых)³⁶⁵. В выписке по челобитной разрядных подъячих Ф. Шанского и И. Беседина были приведены те же данные за прошлые годы и указано, что в 185 г. подъячим М. и К. Кузминым из Поместного приказа, С. Сычову из Печатного и П. Шапкину из Рейтарского приказов было дано по 8 р.³⁶⁶, П. Богданову из Судного Владимирского приказа – 7 р.³⁶⁷, однако разрядным подъячим было решено выдать “в приказ по шти рублей”³⁶⁸. (Следует отметить, что деньги, выданные П. Шапкину, были не единовременным вспомоществованием, а выданным заранее его годовым денежным окладом, хотя П. Шапкин просил выдать ему и оклад, и “подъемные”). Очевидно, что разрядное руководство, во-первых, ориентировалось прежде всего на последние распоряжения о выдаче пособий, во-вторых, по какой-то причине “ущемляло” в размерах денежной помощи своих подчиненных.

Разряд также самостоятельно принимал решение, из казны какого учреждения подъячие должны были получить назначенные суммы. Основным правилом, по-видимому, было получение денег в том приказе, где работал подъячий. Это также определял разрядный дьяк в помете на челобитной или выписке. Так, подъячий Печатного приказа С. Сычов должен был получить “подъемные” деньги в Печатном приказе³⁶⁹, подъячие Поместного

приказа Кузины в Поместном приказе³⁷⁰, разрядные подьячие К. Волоше-ников, Ф. Шанский и И. Беседин в Разряде³⁷¹.

В той же помете, где было записано решение разрядного дьяка о выдаче денежной помощи подьячему и о приказе, из которого деньги должны быть выданы, разрядный дьяк отдавал распоряжение своим подчиненным направить память в соответствующий приказ с требованием выплатить нужную сумму. Например, на челобитной С. Сычова В.Г. Семенов записал указание “185-20 мая въ 28 день государь пожаловал велел ему своего государева жалованя для нынешние службы *дат* в приказ денег восемь рублей ис Печатного приказа, и о том из Розряду в *тот* приказ *послат* память”³⁷².

В памяти Разряд кратко информировал приказ о военной командировке подьячего и требовал выдать ему назначенную в Разряде денежную сумму. Черновик одной из таких памятей, сохранившийся в разрядном архиве, был отредактирован, по-видимому, И. Олсуфьевым: сообщение о посылке подьячего в Путивльский полк требовало уточнения о том, кто является командующим полком. На обороте подьячим сделана вставка со знаком “крьж” – “б и в к вг”³⁷³, то есть “боярин и воевода князь Василий Васильевич Голицын”. Такое сокращение свидетельствует о том, что это сочетание часто встречалось в разрядных документах 185 г. и легко расшифровывалось сотрудниками приказа.

В большинстве случаев приказы исполняли распоряжение Разряда и выплачивали своим служащим “подъемные” деньги для полковой службы. Однако бывало и так, что приказная казна была пуста и приказ был вынужден отказать своему сотруднику в денежной помощи. Хочется подчеркнуть, что приказ отказывал в денежной помощи именно конкретному лицу, своему сотруднику, не ставя в известность об этом Разрядный приказ. Обеспечение материальной стороны командировки государственного служащего считалось исключительно его личным делом. Если у него были средства, он, очевидно, мог и не обращаться за денежной помощью; если же собственных средств для командировки у него не было, он сам должен был позаботиться об их изыскании. Таким образом, получив отказ в “своем” приказе, подьячий вновь обращался в Разряд с просьбой переадресовать требование о выдаче денег другому приказу и объясняя за “свой” приказ причины отказа.

Именно так поступили М. и К. Кузины, направив в Разряд повторную просьбу. В ней подьячие изъяснили, что по их челобитью и по помете разрядного дьяка на выписке им было велено выдать жалованье в Поместном приказе, но там “отказано *от* тех денег. Такихъ де примеров и денегъ в Помесном приказе ни на какие расходы *нет*”. Интересно отметить, что, Кузины, по всей видимости, выясняли возможность получения денег в Поместном приказе устно, отказ в выдаче денег был объявлен им также в устной форме, и уже эта информация была доведена подьячими до Разряда на письме, поскольку память из Разряда в Поместный приказ с запросом о деньгах так и не была отправлена. На выписке по делу Кузиных под пометой В.Г. Семенова об отправке памяти в Поместный приказ разрядным подьячим зафиксировано, что “по сему великого государя указу Помесного приказу подьячим Марку да Карпу Кузиным о его государеве жалованье в По-

месной приказ памяти не послана³⁷⁴, а послана в Большой приход, и челобитная с пометою и черная память ниж сего³⁷⁵. В челобитной Кузмины указали также руководству Разрядного приказа на данные из разрядной же выписки о выплатах в 181 г. – подъячему Поместного приказа деньги тогда были даны из приказа Большого прихода. Поэтому челобитчики просят выдать им жалованье именно из приказа Большого прихода “против прежних примеров”, намекая и на то, что Разряду следует поторопиться: “А мы, холопи твои, за темъ делом, за выпискою, и за твоимъ государевымъ жалованьемъ тоскаемся многое время, и подводы меня, холопа твоего, испроели³⁷⁶. По всей видимости, аргументация Кузминых и предоставленная руководству Разряда подсказка оказались вполне достаточными для вынесения решения. Не требуя сбора дополнительной информации, В.Г. Семенов записал свое распоряжение на челобитной подъячих: “185-го июня въ 21 день государь пожаловал велел им то свое государево жалованье по указу дан ис приказу Болшого приходу и о том³⁷⁷ из Розряду в тот приказ послат память³⁷⁸, что и было исполнено³⁷⁹”.

Такая же ситуация сложилась и с оплатой командировки подъячего Владимирского Судного приказа П. Богданова, направленного от Иноземского приказа с денежной казной в Путивльский и Рыльский полки. Исходя из содержания его челобитной, трудно сказать, была ли направлена во Владимирский Судный приказ память из Разряда с требованием выплатить ему деньги, или это должно было происходить “автоматически”. Во всяком случае, П. Богданов обратился в Разряд с просьбой выдать ему его годовой оклад, 16 р., и деньги “на подъем” и в той же челобитной сообщил, что оклад ему не выдан, “потому что в Володимерском Судном приказе твоеи великого государя денежнои казны в зборе ничево нет”, почему и попросил деньги “выдат из ыного приказу”.

По всей видимости, не найдя в челобитной никакой подсказки, руководство Разряда вынуждено было опираться на собственную информацию, поэтому на челобитной было помечено “выписать³⁸⁰. Выпиской подтверждались обстоятельства назначения П. Богданова в “посылку” и сведения о величине его денежного оклада, а также приводились примеры выплат денежной помощи в подобных же ситуациях. В качестве примеров были приведены те же сведения, что и в других выписках 185 г. (за 177 и 181 гг.), а также суммы денежных пособий, выданных подъячим полковой службы в текущем году, включая М. и К. Кузминых³⁸¹.

Как и в некоторых других случаях, понять основания для решения дьяка оказывается трудно. В.Г. Семенов полностью удовлетворил просьбу П. Богданова и определил приказ, который должен был финансово обеспечить его постановление о выплатах. Распоряжение разрядного дьяка гласило: “185-го июня в 3 день великии государь пожаловалъ велел ему для нынешние службы дан своего государева жалованья оклад ево на нынешней на 185-и год шеснатцат рублев да в приказ против ево брати семь рублев из Монастырского приказу, и о том из Розряду в тот приказ послать память³⁸². Интересно отметить только, что сумма “подъемных” денег, данных П. Богданову “в приказ”, находится посередине тех значений, которые были приняты для всех других подъячих – 6 р. для разрядных и 8 р. для по-

дьячих других приказов. Возможно, В.Г. Семенов таким образом “уравновесил” одновременно выдачу оклада, довольно большого, и “подъемных” денег старому “доброму” подьячему. Почему В.Г. Семенов остановил свой выбор именно на Монастырском приказе, хотя он не был упомянут в выписке, сказать сложно. Возможно, руководитель Разряда получил информацию о наличии свободных денег в этом приказе.

Поскольку материальное обеспечение командировки считалось личным делом командированного, памяти из Разряда в приказы с требованием выплатить подьячим назначенные суммы не посылались с кем-либо из разрядных служащих, а выдавались на руки челобитчикам для предъявления в соответствующем приказе – как своего рода кассовый ордер. Разумеется, факт передачи и имя дьяка, отвечавшего за составление документа, отмечались разрядным подьячим, который вел дело, на соответствующих документах. Так, на черновике памяти в Печатный приказ о выдаче денег С. Сычову подьячий пометил: “Такова за приписью диака Любима Домнина отдана Семену Сычову”³⁸³. На черновике памяти в Монастырский приказ о выдаче оклада и “подъемных” денег П. Богданову зафиксировано, что “такова память”³⁸⁴ за приписью диака Петра Ковелина отдана Полуехту Богданову”³⁸⁵. О том, как “тоскались” по приказам за жалованьем подьячие Кузмины, было сказано выше.

В том случае, когда деньги выдавались из разрядной казны, процесс выплат оформлялся, естественно, несколько иначе, однако тоже в письменной форме. Подьячему также выдавался документ, с которым он должен был прийти в “кассу” – Денежный стол – за деньгами. Такой документ – письмо – в некоторых случаях составлял подьячий Московского стола, очевидно, того повытья, которое занималось подбором кадров для разрядных шатров. Письмо было выдано, например, разрядному подьячему К. Волошенинову и, очевидно, адресовалось в Денежный стол Разряда, хотя в документе это не отмечено как само собой разумеющееся (еще один пример неформальности в приказном делопроизводстве): “185-го июня въ 9 день по указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца Розрядного приказу подьячему Костянтину Волошенинову велено быть на его государеве службе³⁸⁶ в Путивле в полку боярина и воевод князя Василя Василевича Голицына с товарищи³⁸⁷, а для той службы дати ему его государева жалованья шесть рублей денег из розрядных доходов. Помета о том на челобитной ево думного диака Василя Семенова. Писал Алешка Яцкой”. На обороте письма получатель расписывался в приеме денег: “Государева жалованья шесть рублей Костка Волошанинов взял и расписался”, но расписка зачеркнута³⁸⁸.

Как видим, это официальный документ, с титулатурой государя и командующего полком, закрепленный подписью ответственного за письмо разрядного служащего. Документ называет получателя денег, службу, за которую эти деньги причитаются, сумму и финансовый орган, который обязан выдать деньги, а также официальное лицо, принявшее решение о выплате, и документ, на основании которого принято решение. Однако тот факт, что письмо осталось в документах Московского стола, то, что в нем есть правка, а расписка подьячего в получении денег зачеркнута, сви-

детельствует о том, что документ был, скорее всего, сочтен неправомочным, и в Денежный стол был представлен другой, без правки. Правка в документ внесена не А. Яцким, а другим подьячим. Возможно, что в данном случае вообще произошла ошибка и в Денежный стол был поспешно представлен черновик.

Другие примеры говорят о том, что письма в Денежный стол Разряда готовились на более высоком административном уровне – разрядных дьяков, что соответствует тому отношению к финансовым вопросам, которое существовало в государственных органах XVII в. Чтобы руководитель Денежного стола мог выдать назначенную сумму, “ордер” должен был быть или собственноручно написан дьяком, или заверен им. В некоторых случаях, по всей видимости, зависевших от скрупулезности приказного служащего, отправка такого письма в Денежный стол фиксировалась в документах Московского стола (поскольку само письмо должно было отложиться в архиве Денежного стола). Так, на основании выписки по челобитной разрядных подьячих Ф. Шанского и И. Беседина было принято решение “*дат имь государева жалованья для нынешние службы в приказ по шти рублев из розрядныхъ доходов с роспискою и записат в расход*”³⁸⁹. Внизу выписки под пометой было зафиксировано исполнение разрядными служащими распоряжения руководства: “*По сему государеву указу в Денежной стол о даче государева жалованя Федору Шанскому и Ивану Беседину письмо в Денежной стол*”³⁹⁰ дано за приписью дьяка Любима Домнина”³⁹¹.

Как отмечалось выше, руководство Разряда приняло решение о выплате подьячему Рейтарского приказа П. Шапкину его годового денежного оклада в размере 8 р., при этом по какой-то причине деньги эти В.Г. Семенов распорядился выплатить из Разряда³⁹². Письмо в Денежный стол об этой выплате собственноручно составил Ф.Л. Шакловитый: “185-го июля въ 29 день по указу великого государя т³⁹³ подьячему Петру Шапкину велено *быт* на его государеве службе во Пскове в полку боярина и воевод князя Володимера Дмитриевича Долгоруково с товарищи, а для *той* службы *дат* ему его государева жалованя оклад ево восемь”³⁹⁴ рублей из розрядных доходов. Помета о том на выписке думного дьяка Василья Семенова”³⁹⁵. Письмо, таким образом, составлено точно по той же форме, что и письмо, подписанное А. Яцким. Единственное, что позволил себе разрядный дьяк, это “техническое” сокращение титула государя.

В некоторых случаях материальное положение подьячего, командированного в полк, бывало таково, что он и с помощью государства не мог исполнить возложенных на него обязанностей. В подобной ситуации подьячий обращался также в Разряд с просьбой отменить “посылку”. Если аргументы, изложенные в челобитной, представлялись разрядному руководству убедительными, оно удовлетворяло просьбу подьячего, причем не требуя, судя по всему, документального подтверждения изложенного в челобитной. Возможно, разрядное руководство, если в этом была необходимость, наводило справки устно. По решению Разряда отставной подьячий Семен Исаков был направлен в полк П.И. Хованского. По всей видимости, в Разряде были мало осведомлены о его тяжелых жизненных обстоятельствах, потому что, судя по челобитной С. Исакова, он действительно вряд ли мог служить полко-

вую службу. В своем прошении подьячий прежде всего предьявил свой “по-служной список”, который свидетельствовал о его беспорочной службе. С. Исаков писал, что в приказах он работает более 30 лет и не раз исполнял полковую службу, в том числе в 161-162/1653-54 гг. в Яблонице в полку кн. Г.С. Куракина и В.Б. Шереметева, в 167/1658-59 и 168/1659-60 гг. под Старым Быховом в полку боярина кн. И.И. Лобанова-Ростовского. В предыдущем же 184 году, опять же во время исполнения правительственного поручения – был в украинских городах с кн. И. Дашковым для разбора ратных людей – “дворишко мои и животишка и посудиско и запас, все погорело без остатку, и ныне я, холоп твои, з женишкою и з детишками скитаюс меж двор”. По сведениям С.Б. Веселовского, С. Исаков с 1663-1665 гг. был подьячим Разрядного приказа, в последние годы – Приказного стола, оклад его составлял 10 р.³⁹⁶ Кроме утраты дома и имущества подьячего постигло еще одно несчастье. По каким-то соображениям руководство Разряда отправило его в отставку: “да я, холоп твои, от приказу отставлен, а вины и никакова пороку я, холоп твои, за собою ни в чем не ведаю, и что я, холоп твои, приказною своею работою и службами выслужил твоего государева годового жалованя оклад, и то у меня, холопа твоего, все отнято и розверстано иным молодым подьячим”. По этим причинам С. Исаков просит не посылать его “с Москвы”³⁹⁷. По-видимому, изложенные в челобитной обстоятельства были сочтены руководством Разряда абсолютно убедительными, поэтому челобитная получила немедленную резолюцию: “185-го августа въ 12 день государь пожаловал велел ево от тои службы отставить”³⁹⁸.

Неожиданное решение принял руководитель Разряда по челобитной подьячего Московского Судного приказа М. Парамонова, попавшего в такую же ситуацию, как и С. Исаков. М. Парамонов был определен в разрядный шатер полка П.И. Хованского, но просил “не велеть посылать в полк”, поскольку в истекшем году “за Смоленскими вороты дворишко у меня, холопа твоего, и платишко и хлеб погорело без остатку”, от чего он “разорился и одолжал великими долгами, на службу поднятца [...] нечем”⁴⁰⁰. Как и предыдущая, челобитная М. Парамонова была немедленно удовлетворена, но имела и дополнительные последствия – проситель был приглашен на работу в Разрядный приказ: “185-го августа въ 4 день государь пожаловал не велел ево в тот полкъ посылат для ево скудости и пожарного разорения, а быть ему в подьячих в Разряде в Московском столе”⁴⁰¹. Возможно, при личной беседе М. Парамонов произвел благоприятное впечатление на думного дьяка, и он “переманил” хорошего работника к себе.

Челобитные приказных подьячих поступали на рассмотрение ко всем дьякам Разрядного приказа, но большая их часть – к В.Г. Семенову⁴⁰². Однако, приказные дьяки, приняв челобитную, могли только дать указание подготовить выписку, но не имели права сразу принимать решение по челобитной⁴⁰³. Такой прерогативой обладал только руководитель приказа. Кроме того, челобитные подьячих с просьбой полностью освободить их от полковой службы рассматривались, по всей видимости, исключительно руководителем Разряда⁴⁰⁴. По материалам выписки принять окончательное решение мог также практически всегда только думный дьяк⁴⁰⁵. Но в тех случаях, когда дело касалось разрядных подьячих, решение, после выписки,

о выплате денежного пособия мог принять и первый заместитель В.Г. Семенова, П.И. Ковелин⁴⁰⁶.

Реализовывал распоряжения руководителя Разряда, естественно, не сам В.Г. Семенов, а разрядные дяки. Именно под их руководством составлялись памяти в приказы о выплате денежных пособий подьячим и они же заверяли эти памяти⁴⁰⁷.

Как уже отмечалось выше, выплата денежных пособий разрядным подьячим осуществлялась из казны самого Разряда, из его Денежного стола. И здесь, при единообразии общей структуры документов, наблюдается несколько большая свобода как в отношении лица, выдававшего подьячему документ на выплату, так и в форме заверения этого документа. Письмо о выдаче денег разрядному подьячему К. Волошенинову было написано и подписано старым подьячим Московского стола А. Яцким (“Писал Алешка Яцкой”)⁴⁰⁸. Такое же письмо о выплате денег “из розрядных доходов”, правда, подьячему Рейтарского приказа П. Шапкину было написано вторым разрядным дяком Ф.Л. Шакловитым (естественно, без подписи, верификацией документа служил сам почерк дяка)⁴⁰⁹. Наконец, жалованье “на подъем” разрядным подьячим Ф. Шанскому и И. Беседину было выдано по письму в Денежный стол за приписью дяка Л.А. Домнина, но написанному, очевидно, не им самим⁴¹⁰. Таким образом, внутренние письма составлялись вторым и третьим разрядными дяками, а также старым подьячим, по указаниям руководителя приказа и его первого заместителя.

Поскольку одно из писем в Денежный стол о выплате денег разрядному подьячему было написано А. Яцким, можно предположить, что этот подьячий работал в повытье Московского стола, в чьем ведении находились разрядные подьячие (возможно, и подьячие других приказов). Документы же, связанные с выплатой денег и разрядным подьячим, и подьячим других приказов, были подготовлены при непосредственном участии и под руководством подьячего В. Фефилатьева. Им лично была составлена большая часть выписок по челобитным приказных подьячих⁴¹¹, под его же руководством готовились памяти в приказы о выплате определенных в Разряде денежных сумм⁴¹².

В отношении сроков, в которые решались дела о выдаче денежных пособий подьячим, можно сказать только, что определенной системы здесь не наблюдается. Выписки по челобитным подьячих, сделанные по распоряжению разрядных дяков, могли составляться в Разряде от 5 дней⁴¹³ до двух недель⁴¹⁴. Как уже говорилось, в выписку включали данные о подьячих, командированных в полки в текущем году, и о выплатах подьячим, посланным в полки в прошлые годы (кому, какая сумма и из какого приказа была выдана). Опять же выше отмечалось, что данные, собранные для первой по времени выписки, переходили затем из одной выписки в другую, которые составлялись по сходным поводам. Поэтому вызывает некоторое недоумение, почему для подготовки материалов, сделанных фактически по одному образцу, требовалось столько времени.

К сожалению, фактического материала о сроках работы приказной канцелярии, как обычно, слишком мало для обобщающих выводов. Однако можно сказать, что распоряжения руководителя Разряда о подготовке па-

мяться в приказы с требованием выплатить указанные суммы, могли исполняться в крайне расторопно. Так, память в Печатный приказ о выдаче денег подьячему С. Сычову была составлена в тот же день (по всей видимости, тогда же и отправлена), когда В.Г. Семенов вынес решение о выплате денег и посылке памяти в этот приказ⁴¹⁵. В то же время память в приказ Большого прихода о выдаче денег подьячим Кузминым готовилась в Разряде в течение недели, считая с даты пометы В.Г. Семенова на челобитной⁴¹⁶.

Несколько удивляют и сроки, которые требовались разрядным служащим высшего звена для того, чтобы распорядиться о выдаче пособий из Денежного стола Разряда по указаниям руководителя приказа. От распоряжения думного дьяка до составления письма проходило от 5⁴¹⁷ до 9⁴¹⁸ дней.

Как реагировали приказы на требования Разряда, можно судить только по делу подьячих Кузминых. Узнав, по всей видимости, у знакомых разрядных подьячих о содержании пометы В.Г. Семенова на своей челобитной, Кузмины выяснили в “своем” Поместном приказе, что получить пособие для полковой службы из его казны невозможно, и подготовили повторную челобитную в Разряд. По этой челобитной В.Г. Семенов принял решение затребовать деньги для Кузминых из приказа Большого прихода. Все эти мероприятия заняли две недели. В целом же получение Кузмиными денег для посылки в Рыльск заняло не менее полутора месяцев со дня их назначения в полк И.В. Бутурлина.

Командировки подьячих в связи с военными делами организовывались не только по инициативе Разрядного приказа. Хотя Разряд, как главное военное ведомство и “генеральный штаб” русской армии, осуществлял общее руководство войсками, отдельные рода войск, например, стрельцы или служилые люди полков “нового строя”, были непосредственно подчинены другим приказам. Соответственно, исходя из своих потребностей, эти приказы направляли в Разряд запросы с просьбой прислать подьячих для выполнения их поручений.

Выше уже упоминалось, что Разряд в конце мая 185 г. организовывал отправку денежной казны для раздачи жалованья ратным людям Путивльского и Рыльского полков. По всей видимости, это жалованье предназначалось для “дворянского ополчения”. Естественно, в деньгах нуждались и ратные люди других родов войск. Поскольку отправлять через всю страну крупные денежные суммы было делом рискованным и дорогим, в правительстве решили объединить направлявшиеся на юг денежные посылки в один обоз. В конце мая Рейтарский приказ обратился в Разряд с просьбой прислать трех старых и трех молодых подьячих для выдачи денежного жалованья рейтарам, входящим в состав полков В.В. Голицына, И.В. Бутурлина и Г.Г. Ромодановского. Подьячие должны были быть переданы в распоряжение трех дворян (Никиты Глебова, Михаила Воейкова и Федора “Нармонского”⁴¹⁹) и трех дьяков (Никиты Пояркова, Алексея Клочкова и Андрея Пестрикова), возглавлявших “инкассаторский” корпус⁴²⁰. Меньше чем через неделю после отправки первого запроса из Рейтарского приказа в Разряд поступил новый – о присылке двух подьячих “добрых средние стати” для раздачи жалованья рейтарам “и для поспешения денежного счета с Федором Нармацкимъ да с дьяком Ондреем Пестриковым”⁴²¹. Воз-

можно, в Рейтарском приказе поняли, что намеченного числа подьячих для участия в “инкассаторской” экспедиции недостаточно, а, возможно, были пересмотрены первоначальные требования.

Процедура исполнения таких запросов не отличалась от обычной. В Разряде составлялся “примерный” список, из которого руководство приказа выбирало кандидатов. Так, по второму запросу из Рейтарского приказа по распоряжению разрядного дьяка “пописать”⁴²² были “к тому делу пописаны например розных приказов подьячие”. Разрядными служащими были предложены 24 кандидата из пяти приказов с указанием денежных окладов. В отличие от обычной манеры разрядного руководства набирать из представленного списка кандидатов с превышением требуемого числа, в данном случае были отмечены, как и было запрошено, двое подьячих – А. Осипов из Московского Судного приказа и В. Обросимов из Монастырского (против их имен на поле поставлены крестики). Опять же, как и в других случаях, были отобраны кандидаты со средней, в сравнении с прочими, суммой денежного оклада, но с максимальными для своих приказов. В списке были представлены подьячие разных приказов с окладами от 15 до 3 р., оклады А. Осипова и В. Обросимова составляли, соответственно, 10 и 8 р.⁴²³ Московский Судный и Монастырский приказы не были представлены и наибольшим числом подьячих. Другие критерии, которыми руководствовался при выборе разрядный дьяк, определить затруднительно.

По всей видимости, запрос, подобный присланным из Рейтарского приказа, Разряд получил и из Иноземского. Самой памяти в деле не сохранилось, но имеется документ текущего делопроизводства Разрядного приказа – список приказов, в которые посланы памяти “по сему великого государя указу”, а под списком помета об исполнении запроса: “А в Иноземской приказ отосланы подьячие: Новгородцкого Александръ Феофанов, Володимерские чети Иван Мазинов, Галицкие Иван Богданов”⁴²⁴ (подьячие из приказов, перечисленных в вышеприведенном списке).

По неизвестной нам причине память из Рейтарского приказа с просьбой прислать шестерых подьячих не была формально принята в Разряде как входящий документ – на ней отсутствует помета разрядного дьяка. Возможно, это как-то связано с получением второй памяти из того же приказа. Она была принята дьяком Л.А. Домниным⁴²⁵.

Нужда в подьячих для ведения дел полковых канцелярий была очень велика, поэтому к делу привлекались не только московские приказные подьячие, но и подьячие приказных изб разрядных городов, особенно южных украинских.

Процедура выбора провинциальных подьячих не отличалась от такой же процедуры для московских подьячих. Так, в июне 185 г. в Разрядном приказе проходило комплектование полковых канцелярий полков В.Д. Долгорукова, который стоял тогда в Брянске, и П.И. Хованского со сборным пунктом во Мценске. Сначала в Разряде был составлен “примерный” список подьячих, которых можно было бы выслать для службы в полках. В документе нет указаний, кто и по чьему указанию формировал список, по какому принципу были выбраны именно эти города и подьячие. Очевидно, составителем списка были намечены крупные города юго-вос-

точного и южного направлений, за исключением Рязани, ближайшей к сборному пунктам полков (Рязань, возможно, привлекла сотрудников Разряда многолюдностью приказной избы – в список было внесено 12 рязанских подьячих). В перечень, по всей видимости, были включены все подьячие приказных изб этих городов с указанием их денежных окладов. Было решено набрать в указанные полки подьячих из Тулы, Рязани, Брянска, Карачева, Орла, Болхова, Белева, Кром, Мценска, Новосиля и Черни. Города занесены в список по мере убывания численности их приказных изб. Вероятно, по опыту составители предполагали, что, как и в случае с приказами, не все заявленные кандидаты будут высланы из приказных изб. Поэтому список отличается широким “охватом”, в него внесены не только “штатные” подьячие приказных изб, в том числе и неверстанные, но и площадные, если таковые имелись. Сколько именно подьячих Разряд считал необходимым набрать для полковых шатров, в документе не указано.

За выбор кадров, как обычно, отвечал глава приказа, он и осуществлял его. Против избранных им кандидатур В.Г. Семеновым помечено, в какой полк следует командировать подьячего. В Брянск в полк В.Д. Долгорукова были намечены трое подьячих из Брянска, по одному из Карачева, Орла, Белева и Кром, итого семь человек. В полк П.И. Хованского во Мценск предполагалось направить троих подьячих из Рязани, по одному из Мценска и Новосиля, всего пятерых⁴²⁶. Против имен этих подьячих стоят точные указания В.Г. Семенова, в какой полк их следует командировать: “быть во Мценску”⁴²⁷, “быт во брянском полку”⁴²⁸, “то ж во брянском полку”⁴²⁹, “быт во Брянску”⁴³⁰, “быт в полку во Мценску”⁴³¹ или “то ж”, помеченное следом за конкретным указанием на тот или иной полк⁴³². Кроме того, В.Г. Семеновым отмечены трое тульских подьячих. Правда, из списка неясно, в какой полк их предполагалось отправить, потому что против первого из выделенных имен помечено только “быть”, а против остальных “то ж”⁴³³. По другим документам можно узнать, что подьячие должны были направиться во Мценск⁴³⁴.

С географической точки зрения принцип отбора подьячих очевиден – из предложенных городов выбраны ближайшие к полковому сборному пункту. Что касается непосредственно кандидатур, то здесь система отбора не столь ясна. Можно только сказать, что из крупных приказных изб В.Г. Семенов отбирал большее число подьячих – по три человека из Тулы, Брянска и Рязани, из других городов – по одному подьячему, чтобы не ставить под угрозу работу местной администрации. Из Тулы, Рязани и Брянска были намечены к командировке наиболее опытные и квалифицированные подьячие – для всех трех городов В.Г. Семенов отметил первых в списке подьячих и в помощь им подьячих из числа имеющих наиболее крупные денежные оклады (за исключением тульских, один из которых был неверстанным). Следует отметить, что костяк полковых канцелярий был набран В.Г. Семеновым из трех первых по списку городов. Следующие за ними Карачев и Орел, в которых также были крупные приказные избы, были “обойдены” в этом отношении вниманием думного дьяка. Возможно, причиной послужила близость этих городов к полковым центрам и возможность использовать их в дальнейшем в качестве административного резерва.

Из остальных городов были отобраны только неверстанные подьячие. Принцип отбора подьячих из этих городов в общем назвать “щадящим”. Пометы были сделаны против тех городов, где в штате приказной избы значились и верстаные, и неверстанные подьячие, а если в избе служили только неверстанные – отмечены были избы с большим числом подьячих. Из двух же городов – Новосили и Черни, где при воеводе было только по двое неверстанных подьячих, была помечена первая по ходу списка Новосиль. Можно сказать также, что в отборе кандидатов В.Г. Семенов стремился географически равномерно распределить “повинность” по всем внесенным в список городам.

Что касается непосредственного выбора той или иной кандидатуры из неверстанных подьячих, то и здесь разрядный дьяк отбирал, по-видимому, лучших. По большей части им отмечены первые в списке подьячие, в других случаях – вторые или третьи, но никогда не последние⁴³⁵.

Надо сказать, что В.Г. Семенов в отношении некоторых кандидатов колебался с выбором. Так, из тульских неверстанных подьячих первоначально был выбран второй из перечня неверстанных И. Данилов, против его имени В.Г. Семенов пометил: “*тот ж полк*”, но затем изменил мнение и выбрал третьего в этом перечне Д. Лямина⁴³⁶. Первого подьячего рязанской приказной избы В. Матюшникова сначала решено было направить в Брянск, затем помета “*быть во Брянску*” была переправлена на “*быть во Мценску*”⁴³⁷. Дойдя до карачевской приказной избы (четвертой в списке), руководитель Разряда какое-то время размышлял над тем, достаточно ли для предстоящей деятельности укомплектован квалифицированными подьячими брянский разрядный шатер. Сначала им был отмечен второй из списка верстанных денежными окладами подьячих (“*быт во брянском полку*”), но затем помета зачеркнута; потом он начал писать против третьего верстанного подьячего “*во Бря*”, но остановился и зачеркнул написанное. После чего, очевидно, решил, что опытных подьячих отобрано достаточно, и указал быть “*то ж во брянском полку*” второму из списка неверстанных подьячих карачевской приказной избы⁴³⁸.

Отбор был закреплен записью В.Г. Семенова, фиксирующей факт назначения и его дату: “*185-го июня в 20 день по указу великого государя быт ис тех городов подьячим в техъ полкехъ*”⁴³⁹, а сам список скреплен по лицевым сстам также руководителем приказа (пометой “*Сстав*”⁴⁴⁰).

После утверждения кандидатур в соответствующие города к руководителям местной администрации Разряд направил памяти с требованием выслать подьячих, но, разумеется, не в Разряд, а сразу в полк. По всей видимости, были составлены два варианта грамот – в опорные пункты полков, Брянск и Мценск, и в другие города. Разница состояла в том, что в тексты грамот брянскому и мценскому городским воеводам не были включены санкции для подьячих, которые будут избегать службы⁴⁴¹. Возможно, предполагалось, что городской и полковой воеводы совместными усилиями смогут призвать на службу подьячих городских приказных изб. “Образцовой” грамотой для Мценска должна была служить грамота в Брянск. По законам чиновной иерархии это можно трактовать как указание на первенствующее положение В.Д. Долгорукова перед П.И. Хованским.

“Образцовая” грамота для других городов была составлена в Тулу к воеводе стольнику И.И. Засецкому. В ней было указано, каких именно подьячих следует выслать в полк П.И. Хованского во Мценск, определена крайняя степень срочности командировки и объявлены санкции для подьячих за нарушение приказа; воеводе было предписано сразу по высылке подьячих проинформировать об этом Разряд. По всей видимости, руководство приказа действительно не сразу решило, в какой полк посылать подьячих из Тулы (не даром в пометах В.Г. Семенова в “примерном” списке против их имен не указан полк): в черновике грамоты к И.И. Засецкому местом назначения тульских подьячих был сначала указан Брянск, затем зачеркнут и сверху написано “Мценск”⁴⁴².

Некоторые технические вопросы, связанные с командировкой, решались параллельно с составлением текста грамоты: во фразу “выслать тотчас безсрочно не дожидаяс к себе о том пред иного нашего великого государя указу с опалою” было вставлено над строкой “на их (то есть подьячих. – О.Н.) подводах”⁴⁴³. В остальном правка носила характер уточняющий и разъясняющий, лишь в некоторых случаях – смысловой:

первый вариант

А буде они станут избегат и укыватца, и ты б у них взял жон их и детеи и держал за приставом до нашего государева указу.

исправлено

А буде те подьячие станут избегат, учнут от нашие государевы службы укыватца и в полкъ вскоре не поедут, и ты б у них взял жон их и детеи и держал за приставом, пока [...] ⁴⁴⁴ в полкъ обявятца.

Правка была сделана подьячим – составителем черновика, то есть на первом этапе высшее руководство Разряда не вмешивалось в делопроизводственный процесс.

Очевидно понимая, что собрать городских подьячих для отправки в полки будет делом непростым и займет немало времени, делопроизводственная работа в Разряде, связанная с комплектацией разрядных шатров, велась весьма спешно, поэтому, как сказано, многие организационные вопросы решались по ходу дела, одновременно с составлением соответствующих документов. Например, как уже говорилось, “образцовой” грамотой для мценской должна была стать брянская. Однако составленная через несколько дней после первого варианта уже беловая, полностью готовая грамота брянскому воеводе о высылке подьячих в полк В.Д. Долгорукова, скрепленная Ф.Л. Шакловитым, сложенная “конвертом” и с им же, Ф.Л. Шакловитым, написанным адресом – “во Брянескъ воеводе Луке Дмитриевичю Зубову”⁴⁴⁵, не была отправлена, а послужила основой для грамоты во Мценск. Все ее “реквизиты” – имена воевод (полкового и городского), название приказной избы, имена подьячих – были переправлены на мценские⁴⁴⁶. Скорее всего, эти делопроизводственные и организационные пертурбации были связаны с изменением планов правительства в отношении полка В.Д. Долгорукого. Напомним, что сразу после отъезда воевод из

Москвы там были получены сообщения о том, что силы турок не столь значительны, как сообщалось ранее. Участие в кампании возглавляемого В.Д. Долгоруким Новгородского полка было сочтено не столь необходимым, и 29 июня воевода получил приказ развернуть движение полка на Псков. Естественно, что большее внимание руководство Разряда стало уделять полку П.И. Хованского как части объединенной южной армии.

Одновременно с грамотой во Мценск были отосланы грамоты и в другие города, подьячие которых были назначены во мценский полк, – в Тулу, Рязань, Новосиль⁴⁴⁷.

Интересно отметить, что основой для тульской грамоты, как и для мценской, послужила беловая грамота в Белев. Как и та, которую предполагалось направить в Брянск, грамота белевскому воеводе была скреплена Ф.Л. Шакловитым, сложена и надписана: “В Белев воеводе нашему Афонасию Ивановичю Левшину”⁴⁴⁸. Белевский подьячий по первоначальному плану должен был отправиться в полк В.Д. Долгорукова в Брянск, но, как было сказано выше, ситуация переменилась, полк был передислоцирован, и грамота осталась неотправленной. Как и в мценской грамоте, все белевские “реквизиты” в ней были изменены на тульские, соответственно, в качестве пункта назначения вместо полка В.Д. Долгорукова в Брянске стал значиться полк П.И. Хованского во Мценске. Кроме того, к трем назначенным В.Г. Семеновым подьячим был добавлен еще один – Г. Пахомов из тульской приказной избы⁴⁴⁹. Очевидно, в Разряде было решено, что полковая канцелярия П.И. Хованского нуждается в укреплении кадрами. Неизменным, в отличие от мценской грамоты, осталось число – 25 июня – грамоту переадресовали в тот же день, когда она была написана и подготовлена к отправке (которая состоялась 27 июня).

Обе грамоты – мценская и тульская – яркий пример приказной делопроизводительной “экономии”: оказавшийся ненужным документ был рачительно использован в дальнейшей работе канцелярии приказа.

По всей видимости, высылка в полки подьячих городских приказных изб была еще более трудным делом, чем высылка подьячих московских приказов. Это и не удивительно, поскольку местная администрация испытывала еще более острый недостаток в кадрах, чем руководство центральных органов управления. Помимо того, что городские подьячие исполняли делопроизводительную работу в самой приказной избе, они, как и их столичные коллеги, часто отправлялись в различные “посылки” за пределы города и даже уезда. Понятно поэтому, что и через месяц после запроса из Разряда многие подьячие не были высланы в полки. Разрядный шатер полка П.И. Хованского, например, оказался полностью некомплектованным.

Это, разумеется, создавало большие трудности для взаимодействия армии и командования. В своей отписке П.И. Хованский доносил, что он прибыл во Мценск 19 июля, “в приезде” в полк значатся 500 человек дворянского войска, московских и городских чинов, и 500 стрельцов полка Н. Коптева. Но это были общие и довольно приблизительные данные, потому что точной информации о том, кто именно, какого числа и откуда приехал в полк, у командующего мценским полком не было, не мог он составить и сводного списка и отправить данные в Москву, поскольку полковая

канцелярия отсутствовала: “приездом их (служилых людей. – *О.Н.*) книгъ к тебе, великому государю, к Москве я, холопъ твой, не послал, для того что дьяк ко мне, холопу твоему, июля въ 25 день в полкъ не бывал и подьячих нет”⁴⁵⁰. Следует отметить, что и дьяк С. Федоров, назначенный в полк П.И. Хованского, также еще не прибыл. В итоге из-за того, что воевода не знал, сколько людей, каких чинов и по какой причине отсутствуют в армии, и не мог сообщить об этом Разряду, Разряд, в свою очередь, не мог организовать пополнение.

Если в тех случаях, когда приказы не присылали по требованию Разряда подьячих для полка В.В. Голицына, В.Г. Семенов распоряжался хотя бы информировать об этом государя, то в деле комплектования других полковых канцелярий Разряд был самостоятелен абсолютно. По донесению П.И. Хованского руководитель Разряда распорядился подготовить полную информацию о составе мценского разрядного шатра: “Выписать, с Москвы и которых приказов и ис которых городов и кому имяны подьячим в том полку быт велено, и поднести тотчасъ”⁴⁵¹, что и было немедленно исполнено.

На стол В.Г. Семенову легла справка, в которой было указано, какого числа и кто именно из приказных и городских подьячих был назначен в полк П.И. Хованского, когда были отосланы памяти городовым воеводам о высылке подьячих. Кроме того, справка была снабжена примечаниями о подьячих, не выехавших в полк. Примечания содержали сведения о шагах, предпринятых разрядными служащими для высылки этих подьячих, или о причинах, по которым подьячий не находится в полку: “не сыскан”, “послана память в Помесной приказ”, “отосланы на двор ко околничему к Петру Тимофеевичю Кондыреву” (назначенному товарищем П.И. Хованского), “на Москве” (о тульском подьячем В. Анцыферове)⁴⁵².

Свои решения по докладу В.Г. Семенов записал на этом же документе, против соответствующих групп подьячих. Как всегда, указания начальника Разряда точны и лаконичны. Относительно московских подьячих он приказал подчиненным: “185-го июля въ 30 день: которые не высланы, выслать ихъ тотчасъ, а будет не поедут, привести ихъ в Розряд”, то есть к их главному начальству, во-первых, и к должностным лицам, отвечающим за высылку столичных подьячих в полки, во-вторых. Следует отметить, что единственным требованием к разрядным служащим было доставить слушников в Разряд. В помете нет приказа допросить подьячих, направить запросы в приказы, где они служат, или предпринять какие-либо другие шаги для выяснения обстоятельств их отсутствия в полку, как нет и предполагаемых санкций за нарушение дисциплины. Все это находилось в компетенции руководителя Разряда, поэтому и не описывалось подробно в помете. Кроме того, в условиях ведения боевых действий все вопросы, в том числе и кадровые, требовали максимально быстрого решения, не скованного формальностями.

Что касается городских подьячих, то ввиду их отдаленности от центра ответственность за их высылку в полки разделяли с Разрядом непосредственные начальники подьячих – городские воеводы. Однако, чтобы не допустить своеволия, за Разрядом оставалось право определить конкретные меры по высылке подьячих на военную службу, а также форму и меру

ответственности воевод – огромный денежный штраф. В распоряжении В.Г. Семенова четко сформулированы эти моменты: “Послат великого государя грамоты в те города к воеводам, чтоб им ис тех городов в тот полкъ выслат ихъ (подьячих. – О.Н.) тот часть, а будет они вскоре не поедут, и их послат в тот полкъ с приставы, а будет они их в тот полкъ не вышлют или с приставы не пошлют, и на них взято будет денежные пени по сту рублей на человеке, а которые [...]”⁴⁵³ и их отослат же, потому что боярину и воеводам из Мценска велено итить в Новои Оскол наскоро”⁴⁵⁴.

Разумеется, отписка П.И. Хованского не была единственным побуждением к деятельности Разряда по комплектованию разрядных шатров. Все это время приказом велась активная переписка с городовыми воеводами о высылке подьячих в полки. По всей видимости, не дождавшись в положенный срок отчета воеводы о высылке подьячих, как это было указано в грамоте из Разряда, разрядное руководство направляло в город новую грамоту с требованием исполнить распоряжение.

На следующий день после отписки П.И. Хованского, 30 июля, в Разряд была доставлена из Тулы и отписка И.И. Засецкого, которой он отвечал на полученную им 23 июля грамоту из Разряда с требованием выслать в полк П.И. Хованского во Мценск четырех подьячих. Путь от Москвы до Тулы занимал 2-3 дня, следовательно, эта разрядная грамота была отправлена из Москвы не позднее 20 июля, то есть примерно через три недели после первой. Вероятно, до этого И.И. Засецкий не отвечал на запросы Разряда. В отписке воевода информирует руководство приказа о том, что из четырех подьячих, назначенных к службе в полку, двое, Д. Лялин и Г. Бабкин, высланы во Мценск 27 июля. Что касается двух других подьячих, то В. Анциферов был “отпущон к Москве” еще до присылки последней грамоты из Разряда, а Г. Пахомов послан в Чернь “для государева дела”, и до 27 июля оба они в Тулу не вернулись. Воевода заверяет Разряд, что когда В. Анциферов и Г. Пахомов вернутся, они непременно будут высланы в полк, но тут же указывает на тяжелейшее положение, сложившееся в тульской съезжей избе, и как бы простодушно запрашивает совета московских руководителей. И.И. Засецкий пишет, что в избе осталось всего четверо подьячих, “государевых делъ делат некому, а на Туле, государь, твои великого государя дела многие, и за темъ их, подьячих, малолюдством твоим великого государя всяким делам чинитца мотчания, и о том что ты, великии государь, укажешь”⁴⁵⁵. По всей видимости, аргументы И.И. Засецкого показали руководителю Разряда убедительными, потому что он не распорядился направить в Тулу грамоту с подтверждением прежних требований. В ситуации необходимо было разобраться, и поэтому решение В.Г. Семенова по отписке И.И. Засецкого полностью совпадает с его решением по отписке П.И. Хованского: “К отпуску, и выписат, сколько ис которого города в тот полкъ подьячих выслат велено и с Москвы послано”⁴⁵⁶.

Так как получение отписок И.И. Засецкого и П.И. Хованского совпало по времени, ответ тульскому воеводе был подготовлен на основании решения В.Г. Семенова по выписке, составленной в связи с отпиской П.И. Хованского (выписка была готова в тот день, когда было получено донесение И.И. Засецкого). Однако на содержание грамоты в Тулу повлия-

яло и еще одно обстоятельство. Как было отмечено выше, один из четырех назначенных в полк тульских подъячих, В. Анциферов, находился в это время в Москве. В отписке И.И. Засецкого не было указано, что он послан туда по официальному делу, так что можно предположить, что его пребывание в столице было связано с решением личных проблем. Возможно, таким делом была попытка освободиться от полковой службы, назначение на которую В. Анциферов получил в начале июля. Во всяком случае, не позднее 2 августа он подал в Разряд челобитную, где сообщал, что по назначению из Разряда он работает в тульской съезжей избе восемь лет и денежного жалованья не получает. Подъячий просит не посылать его в полк П.И. Хованского, поскольку ему “нечем поднятца” и “чтоб женишки и дегишкам моим, волочас меж двор, голодную смертью не помереть”⁴⁵⁷. В отличие от такой же ситуации с московскими подъячими, разрядное руководство не откликнулось на просьбу городского подъячего немедленно, без подтверждения фактов или сбора дополнительной информации – возможно, потому, что многих московских подъячих разрядное руководство давно знало лично и ему были известны их жизненные и служебные обстоятельства.

По распоряжению разрядного дьяка была подготовлена выписка, в которой служащие Разряда напоминали руководству приказа все основные данные о назначении В. Анциферова на полковую службу: дату назначения и полк, дату отправки грамоты тульскому воеводе, дату и содержание его ответа. Возможно, на решение дьяка повлияла и личная беседа с челобитчиком, в которой он сказал, что “человек он скудной и бедной и поднятца на государеву службу нечим, потому что де он работает великому государю многие годы бескорыстно”⁴⁵⁸. По указанию дьяка было велено “дать ему (В. Анциферову. – О.Н.) его государева грамота на Тулу к столнику и воеводе, не велеть ево ныне на его государеву службу в полкъ для ево скудости высылат и велет ему быт на Туле в приказной избе по прежнему”⁴⁵⁹. По решению на челобитной В. Анциферова в Тулу И.И. Засецкому была направлена соответствующая грамота⁴⁶⁰.

Вместе с этой грамотой Разряд направил И.И. Засецкому указ, основанием для которого послужило решение В.Г. Семенова по отписке П.И. Хованского. В грамоте предписывалось выслать, как только он вернется в Тулу, подъячего Г. Пахомова в полк П.И. Хованского, но уже не во Мценск, а в Новый Оскол “на ево подводах тотчас безсрочно”, в случае отказа – выслать его с приставом “или с кемъ пригож”. За пособничество подъячему в уклонении от службы воеводе И.И. Засецкому, как было определено решением В.Г. Семенова, грозило материальное взыскание: “А будет ты учинишь ему хотя малую поноровку и в полкъ ево вскоре не вышлешь, и за то доправлено будет на тебе денежные пени сто рублей”⁴⁶¹. Грамота была составлена еще до решения разрядного руководства по челобитной В. Анциферова и, видимо, поэтому задержана отправлением. После освобождения В. Анциферова от полковой службы в тульскую грамоту пришлось внести исправления – имя В. Анциферова было по всему тексту вымарано, формы множественного числа (предполагалось выслать в полк В. Анциферова и Г. Пахомова) везде заменены на формы единственного числа⁴⁶².

Одновременно с грамотой в Тулу были направлены грамоты аналогичного содержания еще двум воеводам – Рязани (Переяславля Рязанского) стольнику И.И. Львову и Новосили А.К. Мишкову. Им было поставлено на вид, что с 27 июня, когда к ним были направлены требования выслать подьячих в полк П.И. Хованского, до начала августа от них не пришли отчеты об исполнении приказа. К требованию написать в Разряд присоединилось объявление известных санкций за “пonorовку” подьячим – штраф в 100 р.⁴⁶³

И вновь собственная активность Разрядного приказа “подстегивалась” жалобами П.И. Хованского на отсутствие подьячих. Воевода докладывал, что 25 июля в полк прибыл дьяк С. Федоров и привез “офисное оборудование” и военную атрибутику – “на стол сукна червчатого полтора аршина, тридцат знаменъ сотенных дорогилных разных цветов, три стопы бумаги пищие, пятсотъ свечъ салных, ведро чернил”, правда, Разрядом было предложено “к сотеннымъ знаменам древки и на древки громчики и на знамена чемоданы суконные велети б зделат у себя в полку”. Но П.И. Хованский сетовал, что, хотя дьяк и привез перечисленные вещи “все в целости”, однако “шатра и подьячихъ” с ним “с Москвы не прислано” по 2 августа. Почему-то всю вину за отсутствие подьячих П.И. Хованский возлагал на тульского воеводу И.И. Засецкого и в конце отписки задавал провокационный вопрос: “И о тех подьячих и о ево, Иванове, непослушане что ты, великии государь, укажем?” При этом очевидно, что П.И. Хованский не располагал последними сведениями о том, что один из тульских подьячих освобожден от полковой службы, и требовал высылки четырех подьячих⁴⁶⁴.

Несмотря на то, что буквально накануне получения отписки П.И. Хованского из Разряда были направлены требования к городovým воеводам о высылке подьячих, Разряд не мог не отреагировать на “входящий” документ и сослаться на уже принятые меры. По всей видимости, по неписанным законам приказного администрирования каждая поступающая в Разряд информация должна была получить свой “собственный” действенный отклик. Поэтому В.Г. Семенов повторяет, что необходимо “послат великого государя грамота на Тулу к Ивану ж Засецкому, чтоб онъ техъ подьячихъ выслалъ в полкъ к нему, боярину и воеводам с товарищи тотчасъ”. Но ситуация с полковым разрядным шатром П.И. Хованского стала, видимо, настолько острой, что государь потребовал представить ему информацию о положении дел (отписки воевод с театра военных действий непременно поступали к верховной власти). Поэтому следующим распоряжением В.Г. Семенова было “выписат к великому государю в доклад” сведения о высылке подьячих тульской съезжей избы⁴⁶⁵. Очевидно после разбирательства дела “вверху” к И.И. Засецкому была послана очередная грамота, со ссылкой на последние требования П.И. Хованского, по содержанию идентичная предыдущей⁴⁶⁶. Поскольку П.И. Хованский сообщал, что у него нет ни одного подьячего, а из Рязани, Мценска и Новосили отчеты о высылке подьячих все еще не поступили, в Разряде одновременно с тульской были подготовлены грамоты в Переяславль Рязанский, Мценск и Новосиль с требованием написать в Разряд, высланы ли в полк подьячие, если же нет, то выслать с приставом под угрозой денежного штрафа⁴⁶⁷.

Если отсутствием в полку подьячих из Рязани можно отчасти объяснить дальность расстояний и путаницей, возникшей в связи со срочной передислокацией полка в Новый Оскол, то объяснить отсутствие в полку через полтора месяца после назначения подьячих из ближних ко Мценску городов – Тулы (день пути), Новосили (несколько часов пути), не говоря уже о самом Мценске, трудно. Возможно, воеводы действительно не хотели лишаться своих помощников и всячески оттягивали их отъезд в полк.

В некоторых случаях изменения в кадровых назначениях, связанные с быстрыми переменами военных планов, ускользали от внимания разрядного руководства, и случались накладки. Вскоре после отписки П.И. Хованского, сетовавшего, что его полковая канцелярия состоит из одного ее руководителя, в Разряд была доставлена отписка от рыльского воеводы К. Зыбина. В ней он запрашивал Разряд о разрешении возникшего не по его вине противоречия. Понимая, что назначенные им подьячие в ближайшее время в полк П.И. Хованского не придут, а начинать работу полковой канцелярии необходимо как можно скорее, Разряд направил в Рыльск требование предоставить в полк П.И. Хованского подьячих И. Якимова и Л. Звягина. Вероятно, Рыльск был одним из немногих городов южной Украины, близких к пограничному Новому Осколу, из приказных изб которых можно было относительно безболезненно взять подьячих. Однако выяснилось, что еще в середине июня Разряд направил рыльскому воеводе распоряжение во всем помогать полковому воеводе боярину И.В. Бутурлину, полк которого был дислоцирован как раз в Рыльске. Руководствуясь этим распоряжением, К. Зыбин по требованию И.В. Бутурлина направил подьячего И. Якимова “для писма” в полк И.В. Бутурлина, “и ныне он в полку”⁴⁶⁸. Чтобы разобраться в ситуации, разрядный дьяк распорядился поднять документы, касающиеся этого назначения: “Выписать, по какому указу тово подьячево в тотъ полкъ выслать было велено”⁴⁶⁹. Судя по тому, что в смотренном отпускном списке полка И.В. Бутурлина было отмечено, что “из Рылска из приказные избы для писма взяты подьячие и были в походе августа со 2 числа 185-го году октября по 6 число 186-го году Иван Якимов, Левонтеи Звягин”⁴⁷⁰, первенство в этом деле было признано за И.В. Бутурлиным, действия воеводы К. Зыбина Разрядом оправданы, а разрядный шатер полка П.И. Хованского на некоторое время снова остался без подьячих.

Наконец, еще одной причиной задержки подьячих было то, что сборы на войну занимали гораздо больше времени, чем составление и пересылка документов. Так, московские приказные подьячие С. Исаков, И. Большой Матвеев, Т. Друковцов, И. Беседин и Ф. Шанский были назначены в полк П.И. Хованского 20 июня. Получив назначение, каждый из них отреагировал на это по-разному. С. Исаков подал челобитную об отставке от службы в связи с “пожарным разореньем” и увольнением из приказа. 12 августа его просьба была удовлетворена⁴⁷¹. Об И. Матвееве шла переписка с Поместным приказом⁴⁷². Т. Друковцов был “не сысканъ”⁴⁷³. Ф. Шанский и И. Беседин от службы не уклонялись, но в течение июля выпраивали себе деньги “на подъем”⁴⁷⁴. Затем их отправка в полк была в каком-то отношении поставлена в зависимость от назначения окольного П.Т. Кондырева в това-

рищи к воеводе П.И. Хованскому, которое состоялось во второй половине июля: в выписке о составе разрядного шатра полка П.И. Хованского помещено, что И. Беседин и Ф. Шанский “отосланы на двор ко околничему к Петру Тимофеевичю Кондыреву”⁴⁷⁵. Но выехали из Москвы товарищ воеводы и подьячие раздельно: Кондырев 28 июля, а Ф. Шанский, И. Беседин и присоединенный к ним Ф. Шевандрин (приказ неизвестен) – 2 и 7 августа. За это время изменилась и дислокация полка, пунктом назначения П.Т. Кондырева и подьячих был уже не Мценск, а Новый Оскол. Таким образом, становится ясно, почему 25 июля дьяк С. Федоров не привез из Москвы в полк П.И. Хованского подьячих.

Практически все дела, связанные с обеспечением подьяческими кадрами действующей армии, решались руководителем Разрядного приказа. Это и назначение подьячих, приказных и городских, в полковые разрядные шатры и для исполнения других поручений, и решения по поступающим в Разряд отпискам полковых и городских воевод, а также по выпискам, подготовленным в Разряде в связи с этими отписками.

Разрядные дьяки вступали в действие только на этапе исполнения решений думного дьяка. Так, Ф.Л. Шакловитый руководил составлением и рассылкой первых грамот к городovým воеводам о высылке подьячих в полки П.И. Хованского и В.Д. Долгорукого (июнь 185 г.)⁴⁷⁶. Позже, в июле и августе, перепиской Разряда с городowymi воеводами по вопросам обеспечения полковой канцелярии П.И. Хованского подьячими занимался П.И. Ковелин. Под его руководством составлялись повторные грамоты в города, откуда назначенные ранее подьячие все еще не были высланы⁴⁷⁷, а также грамоты к другим городovým воеводам с требованием выслать дополнительных подьячих в полк П.И. Хованского⁴⁷⁸.

В редких случаях решение по отдельным вопросам, касающимся конкретных подьячих, брал на себя кто-либо из разрядных дьяков. Например, челобитную тульского подьячего В. Анциферова об отставке от полковой службы принял к рассмотрению Л.А. Домнин, и он же распорядился, на основании выписки, не посылать подьячего в полк⁴⁷⁹. По отписке рыльского воеводы о подьячем И. Якимове приказал сделать выписку Ф.Л. Шакловитый⁴⁸⁰. К сожалению, кто принял окончательное решение по этому делу, выяснить нельзя, поскольку выписка в деле отсутствует.

Интересно отметить, что входящие и исходящие документы, связанные с комплектованием разрядных шатров, принимали и отпускали руководители приказа, так сказать, собственноручно. На отписках полкового и городских воевод думный дьяк В.Г. Семенов фиксировал дату получения документа и иногда имя курьера: “185-го июля въ 30 день с тулским стрелцом с Ыгнашком Алексеви”⁴⁸¹ (на отписке И.И. Засецкого), “185-го июля въ 29 день”⁴⁸² (на отписке П.И. Хованского). На грамотах к городovým воеводам, составленным под руководством Ф.Л. Шакловитого и заверенных им, адрес написан также его рукой: “В Белев воеводе нашему Афонасью Ивановичю Левшину”⁴⁸³, “Во Брянскъ воеводе Луке Дмитриевичю Зубову”⁴⁸⁴. По всей видимости, обстоятельства получения и отправки документов “военного” характера имели особое значение и требовали специального внимания разрядного руководства.

Все документы о назначении городских подьячих в полки, которые содержат информацию о непосредственных их составителях, были или лично написаны подьячим В. Фефилятьевым, или подготовлены под его руководством. В. Фефилятьев служил в Московском столе приказа, и в его ведении, по всей видимости, находились служебные назначения (“посылки”) московских приказных и городских подьячих.

В отношении эффективности работа разрядной канцелярии по укомплектованию полковых разрядных шатров не вызывает сомнения. Решение об усилении главной армии под командованием В.В. Голицына полками П.И. Хованского и В.Д. Долгорукова было принято руководством государства сразу по получении “вестей” о движении турок, 18 июня. В.Д. Долгоруков выехал из Москвы в Брянск 19 июня, П.И. Хованский во Мценск – 26 июня. Как говорилось, назначения приказных и городских подьячих в полки П.И. Хованского и В.Д. Долгорукова состоялись 20 июня⁴⁸⁵, то есть на следующий день или через день после постановления правительства о полках П.И. Хованского и В.Д. Долгорукова. Уже назавтра, 21 июня, были подготовлены черновики, а затем и белые грамоты в города, откуда подьячих надлежало выслать в полк В.Д. Долгорукова⁴⁸⁶. Через день после решения В.Г. Семенова были готовы грамоты к городским воеводам, которые должны были отправить подьячих в полк П.И. Хованского. В ходе подготовки этих грамот Разряд получил от верховного командования информацию об изменении планов кампании – полк В.Д. Долгорукова передислоцировался из Брянска во Псков. В течение трех-четырех дней в документы были внесены необходимые изменения, и 27 июня, то есть через неделю после определения кандидатур городских подьячих, грамоты были отосланы из Москвы⁴⁸⁷.

Дальнейшие трудности с комплектованием полковой канцелярии П.И. Хованского были связаны с медлительностью как местной администрации, что во многом объяснялось объективными причинами, так и, возможно, самих подьячих. Первые грамоты-напоминания о необходимости выслать подьячих в полк были направлены из Разряда в начале третьей декады июля⁴⁸⁸. Очевидно, такой срок – около трех недель – представлялся руководству Разряда более чем достаточным для доставки грамот в города, организации высылки подьячих и для подготовки и доставки в Разряд отчетов городских воевод. На некоторых воевод такие напоминания, сопровождавшиеся угрозой штрафа, видимо, действовали, поскольку, например, тульский воевода И.И. Засецкий выслал в полк двоих подьячих через четыре дня после получения такой грамоты⁴⁸⁹.

Решения по некоторым отпискам требовали сбора дополнительной информации, и она предоставлялась руководству приказа буквально на следующий же день после распоряжения подготовить выписку⁴⁹⁰. Выписки же по челобитным не были столь срочным делом и потому готовились дольше, но также довольно быстро. Так, выписка по челобитной тульского подьячего В. Анциферова была составлена через четыре дня после распоряжения Л.А. Домнина⁴⁹¹.

Как отмечалось, Разряд непременно реагировал на сообщения полкового воеводы, рассылая очередные требования в города, даже если грамо-

ты аналогичного содержания были только что отправлены. От распоряжения дьяка до составления новых грамот проходило от четырех дней до недели⁴⁹², отправлялись грамоты в день составления или на следующий⁴⁹³. По устоявшейся традиции сообщения разного содержания одному адресату оформлялись отдельными грамотами. Например, тульскому воеводе И.И. Засецкому в один день были написаны две грамоты – о высылке подьячих в полк П.И. Хованского и об отставке от полковой службы подьячего В. Анциферова⁴⁹⁴. Последняя грамота была готова на следующий день после решения Л.А. Домнина по челобитью В. Анциферова. По всей видимости, ее составители спешили написать грамоту, чтобы отправить ее в Тулу вместе с первой.

Ввиду важности и срочности сообщений, направляемых в города, курьерами назначались ответственные лица – разрядные дети боярские или городовые служилые люди. Так, грамоты в Тулу, Мценск и Новосиль о высылке подьячих были посланы с разрядным сыном боярским Г. Поповым, такая же грамота в Переяславль Рязанский была отправлена с городовым служилым человеком А.Г. Ляпуновым⁴⁹⁵.

Сами городовые воеводы отправляли отписки в Москву или с местными служилыми по прибору, например, городовыми стрельцами⁴⁹⁶, или с оказией, например, с разрядным подьячим, ездившим в город с поручением⁴⁹⁷ (Т. Лапшинский (Лопшанский), был послан в Рыльск в полк И.В. Бутурлина со стольником И. Образцовым для рассылки).

Отписки полкового воеводы П.И. Хованского доставляли в Москву доверенные лица – разрядные дети боярские, например, Ив. Поддубский⁴⁹⁸.

Формирование полков для Чигиринского похода

Разверстка по украинным полкам служилых людей московских чинов

Формирование командного состава и разрядных шатров для Чигиринского похода являлось ответственным и нелегким делом, но действительно грандиозная работа была проведена Разрядным приказом по сбору личного состава полков, определенных правительством для участия в этой военной операции.

Русское войско XVII в., как известно, состояло из частей, различавшихся принципами набора ратных людей. Это были полки “старого” и “нового” строя. Тем не менее, все войско было пронизано, и тем самым скреплено, единой чиновной иерархией. Выше об этом было упомянуто в связи с составлением списка полка В.А. Змеева в начале 185 г. Элитой армии русского государства были московские чины. Для тех из них, кто участвовал в полковой службе, в Разрядном приказе составлялись особые списки, что было вызвано, кроме того, и чисто техническими причинами – письменных уведомлений в XVII в. о призыве на военную службу служилые люди не получали, “повестка” объявлялась в устной форме.

Приказ о призыве на военную службу для Чигиринского похода был объявлен служилым людям московских чинов 2 апреля 185 г. Его лично обнародовал на Постельном крыльце царского дворца в Кремле руководитель Разрядного приказа думный дьяк В.Г. Семенов, что свидетельствовало о высшей степени важности мероприятия. Столичные служилые люди были уведомлены о том, что они приписаны к четырем полкам – к “большому” во главе с боярином кн. В.В. Голицыным, к полку сходного воеводы В.В. Голицына боярина И.В. Бутурлина и к Белгородскому и Севскому полкам под единым командованием боярина кн. Г.Г. Ромодановского.

Далее был зачитан список, подготовленный в Московском столе Разряда, в котором были перечислены призванные на войну служилые люди московских чинов с распределением их по означенным полкам и с указанием пунктов сбора⁴⁹⁹. Запись, которой было засвидетельствовано обнародование указа, сделана В.Г. Семеновым собственноручно на отдельном листе, приложенном к списку⁵⁰⁰. Объявление указа было одновременно и смотром служилых людей московских чинов, который также проводил сам В.Г. Семенов – в списке против имени одного из стряпчих его рукой помечено, что “185-20 апреля в 2 день у смотру сказан княз Микита Мещерской [...]”⁵⁰¹ умре”⁵⁰².

Обнародованный В.Г. Семеновым 2 апреля список был, если так можно выразиться, промежуточным звеном в процессе работы Разрядного приказа по разверстке служилых людей московских чинов в четыре указанных полка. Все подготовительные материалы, “смотренный” список, документы, составленные позже на основании списка 2 апреля, а также документы следующего, 186 г., подводящие итог участию призванных служилых людей московских чинов в чигиринской кампании, были по окончании дела собраны разрядными служащими в единый комплекс и отложены в архив приказа, став одновременно отчетом о проделанной работе, справочником и основой для составления подобных списков в будущем. Это собрание документов является одним из наиболее ярко раскрывающих технику работы Разрядного приказа с кадрами, в данном случае – в сфере военного дела, основного направления деятельности приказа⁵⁰³.

Первая часть и одновременно ядро комплекса представляет собой “нарядный” (то есть утвержденный военным руководством к исполнению) смотренный список служилых людей московских чинов, оглашенный в Кремле 2 апреля 185 г. Список делится на три части, по полкам – Путивльскому, Рылъскому и Белгородскому. В свою очередь, каждый раздел имеет свои составные части, больше всего их в разделе Путивльского полка.

В списке указаны следующие московские чины: стольники, стряпчие, московские дворяне, в том числе те, кто написан по московскому списку, но служить полковую службу должен со своим городом. Особо было отмечено, участвовал ли служилый человек в военных событиях 1670-71 гг. “в понизовых городех” (война с С.Т. Разиным) и в украинских походах Г.Г. Ромодановского и И. Самойловича 1674-1675 гг., а также находился ли столичный служилый человек с тех же 1670-71 гг. на каких-либо местных административных должностях – в “городех в воеводах и на приказах и с воеводства и с приказов переменены” и теперь по “роспискам” причислены к государеву или к боярскому полку.⁵⁰⁴

Государев полк до смерти Алексея Михайловича был в буквальном смысле государевым полком, то есть руководимым непосредственно царем. Но в 185 г. юный и не очень здоровый Федор Алексеевич, естественно, не мог участвовать в военных действиях, поэтому государев полк сохранялся формально, и, по всей видимости, был оставлен в столице. Кроме сообщений безопасности, пребывание в государеве полку, видимо, считалось также престижным, и некоторые служилые люди стремились перевестись в него из других формирований: “велено быть по заручной челобитной в государеве полку с переменою”⁵⁰⁵.

В боярском полку значились служилые люди московских чинов, приписанные к разным армиям – и к полку В.В. Голицына, и к полку Г.Г. Ромодановского. По всей видимости, боярские полки этих армий находились под непосредственным командованием главных военачальников.

Для распределения служилых людей московских чинов по полкам имели значение стаж их службы в соответствующем чине и характер их предыдущей службы (военной и административной) – таким образом выяснялись боевые заслуги, опыт организационной работы и чиновный статус московских служилых. Так, стольники полка В.В. Голицына разделены на: а) пожалованных в 184 и 185 гг., походных (то есть уже имевших опыт пребывания в специальных подразделениях сопровождения государя), но не бывших в полках, то есть не участвовавших в боевых действиях; б) новиков, не бывавших ни в походах, ни в полках, в) опытных, но не старых администраторов, с 179/1670-71 гг. бывших городскими воеводами или на приказах (начальниками небольших крепостей), переменных (то есть освобожденных от занимаемых должностей), и приписанных к одному из полков – государеву или боярскому; г) имевших конкретный опыт участия в боевых действиях – по “роспискам” 181/1672-73 и 183/1674-75 гг. (годы, когда проводилось массовое распределение – приписка служилых людей московских чинов к государеву и боярскому полкам) приписанных к боярскому полку и бывших в 183 г. в Севске; последняя рубрика подразделялась на тех, кто участвовал или не участвовал также и в событиях 1670-71 гг. в понизовых городех.

Примерно так же разделены стряпчие: а) пожалованные в чин в предыдущем и текущем годах из житья (что подчеркивалось, так как означало некоторый опыт пребывания на службе), походные, но не бывавшие в полках; б) новики, не имевшие опыта ни походной, ни полковой службы; в) городские воеводы или стряпчие на приказах, бывшие в этих должностях с 179/1670-71 гг. и ныне переменные, приписанные к государеву или к бо-

ярскому полку; г) по роспискам 181/1672-73 и 183/1674-75 гг. приписанные к боярскому полку и в 183 г. бывшие в Севске; д) наконец, пожалованные в стряпчие в предыдущем и текущем годах, приписанные к боярскому полку, но, естественно, не включенные в “росписку” хотя бы 183 г., и, тем не менее, прибывшие в Севск в 183 г. по собственному почину.

Разделение дворян на категории еще проще. Учтены только а) опытные градоначальники, служившие с 179/1670-71 гг., отпущенные со своих мест и записанные в государев или боярский полки, и б) участники боевых действий в Севске в 183/1674-75 гг.

Список Рыльского полка И.В. Бутурлина разделен только по чинам (стольники, стряпчие, дворяне) и содержит список служилых людей московских чинов, приписанных ранее к Тамбовскому полку (заголовок гласит: “В Рыльску с окольными и воеводою Иваном Васильевичем Бутурлиным Тамбовского полку”⁵⁰⁶), а теперь переводимых в Рыльский полк.

Список Белгородского полка также менее дробен, чем Путивльский. Его составляют следующие части: а) стольники, стряпчие и московские дворяне, которые не были на службе ни в 183/1674-75 гг. в Севске, ни в 184/1675-76 гг. в Путивле, и б) специальный раздел для московских дворян, которые были пожалованы со 179/1670-71 по 184/1675-76 год включительно по московскому списку из городов и расписаны по полкам – государеву, в котором одним дозволялось служить с московскими дворянами, другие же должны были служить со своими городскими корпорациями, но после челобитных им разрешено было быть в государеве полку, – и боярскому, в котором часть служит вместе с московскими дворянами, а остальные со своими городами.

Таким образом, в Белгородский полк были определены служилые люди московских чинов, которые в два последних года по разным причинам не участвовали в боевых действиях и не занимали руководящих административных должностей на местах, а также та часть московских дворян, которая влилась в эту элитную категорию относительно недавно, за последние шесть лет. Белгородский полк принимал и, по планам правительства, должен был принять и в новом походе наиболее активное участие в боевых действиях; полку же В.В. Голицына скорее ставилась задача прикрывать юго-западные границы государства от возможного вторжения Речи Посполитой, хотя в случае необходимости путивльская армия также должна была быть вовлечена в войну с Турцией. Однако в соответствии с чиновной иерархией, а, значит, и в отношении престижа полк В.В. Голицына считался выше полка Г.Г. Ромодановского. Полк И.В. Бутурлина, сходного воеводы В.В. Голицына, стоял в этой иерархии на третьем месте. Очевидно, исходя из всех этих соображений, военное руководство и выстраивало свою политику распределения служилых людей московских чинов по этим полкам. В полк В.В. Голицына направлялись те, кто в последние годы наиболее активно участвовал в боевых действиях и служил в провинциальной администрации. В полк Г.Г. Ромодановского определяли служилых людей московских чинов, по разным причинам в последнее время не несших полковую службу и не бывших не воеводстве. В Рыльск же фактически был переведен с восточных границ Тамбовский полк. По всей видимости, так военным

руководством понималась и так осуществлялась ротация личного состава вышедших служилых чинов при участии в боевых действиях.

Как отмечалось выше, некоторые поправки в список были внесены на самом смотре – судя по содержанию и характеру некоторых помет, информация, в них содержащаяся, могла быть получена только от участников смотра (помета о князе Никите Мещерском) или при непосредственном с ними общении – “стар”⁵⁰⁷, “слеи”⁵⁰⁸, “от ран увечен”⁵⁰⁹.

Затем работа по исправлению и дополнению списка была продолжена в Разряде, о чем говорит, к примеру, помета Ф.Л. Шаковитого против имени одного из стольников полка В.В. Голицына “справитца будет и выпи- сат, сколькo детеи будет на службе”⁵¹⁰ или “справитца” против имени стряпчего полка И.В. Бутурлина⁵¹¹. Рядом с последней пометой отмечено выполнение этого распоряжения: “184-го умре в Киеве”.

Формирование личного состава полков означало для разрядных служащих не просто подбор соответствующих кадров, но и, в соответствии с принципами строительства дворянской армии, учет их материального состояния. Против почти всех имен на левом поле стоят пометы, обозначающие количество дворов, с которых служит служилый человек или другие обстоятельства обеспечения его службы: “27” (против стряпчего А.Е. Похвиснева)⁵¹², “25”, “21”, “то ж” (против трех его родственников – московских дворян)⁵¹³, “за отцом”, “помеся неть”⁵¹⁴, “с матерью”⁵¹⁵, “з братом”⁵¹⁶, “помеся и вотчин нет”, “с племянником”⁵¹⁷, “вопче з братом”⁵¹⁸. Крещеный инородец на русской службе кн. Михайло Казымурзин сын Байтерекон обеспечивался не помещьем, а денежными выплатами, что и отмечено на левом поле против его имени: “по 15 алтынъ на день”, денежное же обеспечение было и у дворянина Силы Семенова сына Потемкина – “по 15 рублей на месяц”⁵¹⁹. Эти сведения были указаны во время составления списка и, возможно, в некоторых случаях уточнены во время смотра и после него.

Другие пометы касаются служебного положения, гражданского состояния и здоровья служилого человека, а также перемен в назначении перед смотром или на момент проведения смотра. Против имен стольников было отмечено: – “чиновной”, “походной”⁵²⁰, “в летнихъ ездилъ же”⁵²¹, “был на посолстве с отцом”, “был на посолстве” (о Голосовых Лукьяне Ивановиче и Григории Лукьяновиче)⁵²², “в Свяжску, а после того посланъ в Запороги и с черкаскихъ городовъ повороченъ”⁵²³, “был на Воронеже, а ныне в пис- ме из Дворца”⁵²⁴, “на Царицыне, а ныне отосланъ в Казанской приказ”⁵²⁵, “на Луках, а ныне за путивльские неты велено взять денги по рублю з дво- ра”⁵²⁶, “за болезнью взяты денги по рублю”⁵²⁷, “велено быть в поход- ныхъ”⁵²⁸. К именам стольников, бывших в 183/1674-75 гг. на службе на Ук- раине, а также в 179/1670-71 гг. в понизовых городах, сделаны примечания: “до сроку, а ныне отослан в Розбоиноу”⁵²⁹, “был”, “не был”, “отпушон и с приказу Казанского дворца на Пензу”, “после сроку”⁵³⁰. В разделе стряп- чих-новиков, которые не были ни в полках, ни в походах, имеются пометы: “не был”⁵³¹, “отпушон с отцом в понизовые городаы”⁵³², “были оба в Аста- рахани”, “был в Смоленску з дядею”⁵³³, “велено быт в Ефремове”⁵³⁴, в раз- деле дворян – “умре”⁵³⁵, “стар”, “в Сургуте, а ныне у грузинской царицы”⁵³⁶, “в Белеве, а ныне в Немецкой слободе, и велено переменить”⁵³⁷.

Составитель списка, как говорилось, имел четкие критерии того, в какой полк должен быть направлен служилый человек в зависимости от его предыдущих служб. Так, служившие ранее в Тамбовском полку должны были зачисляться в полк И.В. Бутурлина, в Рыльск. Если из-за недостатка информации или, возможно, по просьбе самого служилого человека его имя было занесено в другой раздел, после сверки списка порядок восстанавливался и против неверно записанных имен подьячий делал помету: “был в Танбове и ныне *быт* в Рыльску”⁵³⁸, “по Танбовскому полку, быть в Рыльску”⁵³⁹, “на Волуике, а ныне написан в Рылескъ, для того что он былъ в Танбове”⁵⁴⁰, “в Галиче, а ныне велено *быт* в Рыльску, для того что он Танбовского полку” (стряпчие разных категорий полка В.В. Голицына)⁵⁴¹, часто просто “был в Танбове”⁵⁴² (стряпчий полка Г.Г. Ромодановского). Иногда служившие ранее в Тамбовском полку и определенные “нарядным” списком в Рыльск переводились без указания оснований в другие полки: “велено быть в Белегороде” (стольник)⁵⁴³, “быть в Путивле” (стряпчий)⁵⁴⁴. Возможно, это делалось по челобитным служилых людей, желавших быть зачисленными в более престижные полки.

Таким же образом были исправлены неверные назначения в полку Г.Г. Ромодановского. Как было сказано, отбывшие в 183/1674-75 гг. полковую службу в Севском полку теперь приписывались к полку В.В. Голицына. Поэтому, по выяснении обстоятельств, разрядные подьячие отмечали в списке Белгородского полка тех, кого полагалось перевести в Путивльский полк: “по севскому приезду в Путивле”⁵⁴⁵ (стольник; рядом с его именем еще одна, подтверждающая помета “*быт*”), “*быт* у Голицына”, “по севскому приезду в Путивле” (также стольники)⁵⁴⁶, “по севским приездам быть обоим в Путивле”⁵⁴⁷, “по севским приездом в Путивле” (московские дворяне)⁵⁴⁸.

После уточнения состава полков подьячие подсчитали и отметили количество людей каждой из категорий. В конце соответствующей рубрики проставлены цифры, например, под списком стольников “походные прежние” – “22”⁵⁴⁹, стольников, бывших в городских воеводах и на приказах и зачисленных в государев полк – “26”⁵⁵⁰, стряпчих-новиков, не бывших ни в какой службе – “45”⁵⁵¹ и т.п.

В конец белгородского списка были добавлены две небольшие рубрики, включавшие служилых людей южных городов, очевидно, буквально накануне смотра пожалованных по московскому списку. Жители Карачева и Болхова были направлены в Севский полк, а несколько человек из Мценска – в Белгородский⁵⁵².

Все три части смотренного “нарядного” списка – путивльская, рыльская и белгородская, в том числе и “добавочная” – скреплены думным дьяком В.Г. Семеновым. Роль думного дьяка на этом этапе “призывной кампании” московских чинов была определяющей: им осуществлялся генеральный контроль за составлением “нарядного” списка личного состава полков, он огласил указ о “призыве” на украинную службу с Постельного крыльца в Кремле и провел смотр явившимся служилым людям. Здесь следует отметить, что, возможно, лично начальником приказа была прочитана лишь первая часть списка, включающая стольников и стряпчих Путивльского

полка. Упомянутая помета В.Г. Семенова о кн. Н. Мещерском относится именно к этой части списка. Большинство отметок о пригодности к службе “призывников” (“слеи”, “увечен” и т.п.) сделано в перечнях дворян Путивль-ского полка и личного состава Белгородского и Севского полков и не принадлежит руке кого-либо из дьяков Разряда. Возможно, эти части списка были зачитаны кем-то из старых приказных подьячих и ими же на смотре вписаны соответствующие примечания. В работе со списком после проведенного смотра участвовал и дьяк Ф.Л. Шаковитый – им записаны распоряжения навести справки о лицах, которые по каким-то причинам привлекли его внимание (“справитца будет и выпишат, сколько детеи будет на службе”⁵⁵³, “справитца”⁵⁵⁴).

“Нарядный” смотренный список оказывался, таким образом, в каком-то отношении предварительным, в него по необходимости вносились уточнения, дополнения, исправления. Как уже отмечалось, трудно точно установить, когда были сделаны конкретные пометы – на смотре или в приказе с использованием приказных архивных документов.

Разумеется, “нарядный” список был составлен не сразу, ему предшествовала большая подготовительная работа сотрудников Разрядного приказа.

Сначала на основании имеющихся в Разряде списков служилых людей московских чинов – очевидно, боярских списков – подьячими был составлен сводный “глухой” их перечень с указанием численности по разделам и рубрикам. Его структура в целом совпадает с внутренней структурой полковых списков 2 апреля – по чинам, начиная с высшего, стольничьего, и по стажу и характеру службы. Таким образом, смешанный чиновно-служебный принцип был сразу заложен в основу формирования элитного состава полков, которые должны были принять участие в Чигиринском походе. Курировал составление этого документа третий дьяк Разрядного приказа Л.А. Домнин.

Отличием перечневой росписи от последующих именных списков является то, что в росписи гораздо более полно и подробно представлен раздел стольников, особенно походных разных категорий⁵⁵⁵. В числе стольников, которые по разным причинам со 179 г. по текущий 185 г. находились вне Москвы, в отдельную рубрику был записан стольник, “отпущон в деревню вместо воеводства на два года” (решение В.Г. Семенова по этой рубрике удивления не вызывает: “быт в полку”⁵⁵⁶). По всей видимости, на этом этапе формирования полков такие подробные данные были необходимы руководителю приказа для принятия решения. Позже эти мелкие категории были объединены в более крупные в зависимости от характера службы и приписки к определенному полку.

Кроме того, роспись, как перечень абсолютно всех служилых людей московских чинов независимо от их гражданского и служебного состояния, включала и те категории лиц, которые по характеру своей службы не могли быть призваны в армию (см. ниже).

Список был передан руководителю приказа В.Г. Семенову, который произвел предварительную разверстку столичных служилых людей по полкам. Против соответствующих рубрик им было указано, какую службу предстоит нести каждой категории служилых людей. Критерием зачисления

в разные войсковые подразделения, как сказано, был отчасти чин служилого человека, но главным образом характер его текущей и предыдущей службы. Так, В.Г. Семенов распорядился “быт на Москве” приписанным к государеву полку чиновным стольникам, а также стольникам и стряпчим, которые “на Москве у дел”⁵⁵⁷, то есть служат в столичной администрации. Такое же указание – “быт на Москве всем” – получили записанные в государев полк дворяне, чиновные и “на Москве у дела”⁵⁵⁸. Естественно, что в последующих документах эти категории московских служилых отсутствуют.

Некоторым служилым людям московских чинов, очевидно, по предыдущим “ропискам” велено было служить в “территориальных” полках с постоянной дислокацией – Новгородском, Смоленском, Белгородском. Этой категории служилых людей В.Г. Семенов предписал “быт в техъ ж полкехъ”⁵⁵⁹, “быть в техъ местах по прежнему”⁵⁶⁰.

Все прочие стольники, стряпчие и дворяне, в зависимости от своей предшествующей службы, были разверстаны В.Г. Семеновым по полкам государеву, Путивльскому и Белгородскому: “быт в государеве полку”⁵⁶¹, “быт на службе”⁵⁶², “быт в полку в Путивле”⁵⁶³, “с которых денги взяты, быт на Москве, а с которых не взяты, быти в полку”⁵⁶⁴, “быт в Белгородцком полку”⁵⁶⁵, “в полку быт имъ в Путивле”⁵⁶⁶, “быт в Путивле”⁵⁶⁷, “быт всем в Путивле”⁵⁶⁸, “а кормовым быт всем быт”⁵⁶⁹ в Белгородцком полку”⁵⁷⁰.

Таким образом, изложенный выше принцип ротации служилых людей московских чинов, участвовавших в боевых действиях в 185 г., был установлен именно руководителем военного ведомства Русского государства.

Некоторые рубрики, по мнению В.Г. Семенова, были составлены некорректно. Например, в группе служилых людей, объединенных одним признаком – уважительной причиной уклонения от призыва в армию (“ныне в городех в воеводах и на службах с полками и в полону и в отсылках”), думный дьяк отметил одну категорию, которая требовала специальной оценки пригодности к полковой службе. На поле против этой рубрики он записал: “Которые в отсылках, тех написать особо”⁵⁷¹. Еще одной группой служилых людей, вызвавших более пристальное внимание В.Г. Семенова, были стольники, находившиеся со 179/1670-71 гг. “в городех в воеводах и на приказах и переменены”. О них думный дьяк затребовал у составителя списка более детальную информацию: “Разобрат и написат списокъ”⁵⁷².

Завершают эту перечневую подготовительную роспись разделы, которые не были включены в последующие списки – жильцов⁵⁷³ и отставных служилых людей⁵⁷⁴, причем жильцы представлены так же полно и подробно, по категориям в зависимости от характера и стажа службы, как и высшие столичные чины. Отсутствие отставных в более поздних редакциях списка понятно, а то обстоятельство, что жильцы не были включены в “нарядный” список служилых людей московских чинов, объясняется “ведомственной” принадлежностью жильцов ко второму повытью Московского стола – их поименный “нарядный” список составлялся там, а список высших столичных чинов готовился первым повытьем.

Интересно отметить, что перечневая роспись была подготовлена в двух экземплярах. Один из них был передан В.Г. Семенову, второй, идентичный первому, остался без каких-либо помет. Оба документа беловые, оба скреп-

лены дьяком Л.А. Домнинным, что свидетельствует о том, что они были завершены и готовы для представления высшему руководству. Возможно, второй экземпляр предназначался для ознакомления с ним верховной власти – государя и Думы, но не понадобился.

Перечневая роспись была составлена не позднее середины марта, на что указывает единственная датированная помета к рубрике, посвященной дворянам-нетчикам, с которых велено было взять денежные штрафы за “неты” в Путивле и Белгороде во время предыдущей кампании. Подьячим-составителем была внесена информация, возможно, для В.Г. Семенова: “И марта по 14 число взято с нихъ 191 рубль”⁵⁷⁵.

Составлением перечневой росписи непосредственно руководил старый подьячий А. Яцкой, чья справа заверяет экземпляр В.Г. Семенова⁵⁷⁶.

Из анализа перечневой росписи следует, что, во-первых, принцип формирования личного состава южной армии устанавливался думным дьяком В.Г. Семеновым, и он же принимал решение о распределении служилых людей московских чинов по местам службы; и во-вторых, эти решения руководитель военного ведомства принимал единолично, без согласования с верховной властью.

Руководствуясь генеральными указаниями В.Г. Семенова, сотрудники Разрядного приказа подготовили предварительные именные списки личного состава “украинных” полков. В сборнике эти материалы помещены сразу за “нарядным” списком. Они представляют собой черновые варианты разных разделов “нарядного” списка, перемежающиеся дополнительными подготовительными материалами, не вошедшими в основной список. В черновиках “нарядного” списка отсутствуют разделы, относящиеся к началу основного списка. Это служилые люди Путивльского полка – походные стольники, пожалованные в чин в 184 и 185 гг. и не бывшие в полках, стольники-новики, не бывшие ни в полках, ни в походах, и стольники, переименованные с должностей городских воевод и приказных людей и записанные в государев и боярский полки. Очевидно, эта часть черновиков утрачена, что проверить практически невозможно, так как в этой части книги скрепа по листам отсутствует.

Все остальные части “нарядного” списка представлены черновыми вариантами без исключения. Однако черновики списков разных полков помещены в книге в сложной последовательности. Первыми представлены списки Путивльского полка, а черновики списков Рыльского и Белгородского полков следуют за этой частью книги и перемежаются с другими ее разделами (см. ниже).

Работа подьячих Московского стола и на подготовительном этапе состояла в уточнении гражданского и служебного положения каждого внесенного в списки служилого человека на данный момент времени. Кроме того, подьячие приводили перечень в соответствие с решениями руководителей приказа о дальнейшем прохождении службы людьми московских чинов.

Большая часть помет, сделанных в черновом списке Путивльского полка и касавшихся служебного положения человека на текущий момент, практически без перемен перешли в “нарядный” список: “до сроку, а ныне отослан в Розбоинои”⁵⁷⁷; “был в Смоленску з дядею”⁵⁷⁸ и др. Некоторые

примечания черновика в “основном” списке развернуты. Так, помета в черновом списке против имени Т.Л. Караулова – “в Добром” – в “нарядном” списке уточнена: “в Керенску, а после того в Добром”⁵⁷⁹.

Те же пометы, в которых содержалась информация о выбытии служилого человека из полка, переводе его в другой полк или зачислении в данный полк, в “нарядном” списке не были переписаны, но были учтены. Например, в черновом списке рядом с именем М.И. Давыдова помечено “умре”, в “нарядном” списке он отсутствует⁵⁸⁰.

Наконец, в “нарядном” списке есть пометы, которых нет в черновике и которые были сделаны, видимо, непосредственно на смотре или после него, например: “велено быть в походных”⁵⁸¹, “был в Танбове и ныне быть в Рыльску”⁵⁸², “по Танбовскому полку быть в Рыльску”⁵⁸³, “быть в Рыльску для того что он Танбовского полку”⁵⁸⁴, “за болезнью взять денги по рублю”⁵⁸⁵, “был в Танбове”⁵⁸⁶, “стар”⁵⁸⁷. В “нарядный” список вписаны между строк имена и фамилии, которых не было в черновом списке⁵⁸⁸.

При изучении черновиков становится ясно, что разрядными подьячими при формировании личного состава полков была проделана гораздо большая работа, чем та, что отразилась в списках, оглашенных 2 апреля. Переработанным и учтенным в “нарядном” списке подготовительным материалам примерно равны по объему материалы, которые были собраны для составления этого списка, но не вошли в него, а некоторые не вошли и в черновой список.

Во-первых, это сведения о лицах, которые находились в данный момент на службе в разных должностях или не могли принять участия в боевых действиях по другим причинам. Например, представлены списки стряпчих и дворян – чиновных и бывших “на Москве у дел”⁵⁸⁹, стряпчих “ныне в отсылках и у дел в городах и отпущены с отцы и с родственники”⁵⁹⁰, стряпчих “ныне ж в городех в воеводах и на службах и в полону”⁵⁹¹, “под началом”⁵⁹², стряпчих, которым велено служить в других полках – Новгородском, Смоленском, а для списка Путивльского полка – в Белгородском⁵⁹³, дворян, которые “ныне в городех в воеводах и в отсылках и в полону”⁵⁹⁴, тех, которые “за приставом”⁵⁹⁵.

Надо сказать, что списки не могущих быть на военной службе служилых людей не были “глухими” – против каждого из них помечена причина, по которой он может быть освобожден от армейской службы: “отослан ис Казанского в письме из Дворца”, “отпущон с отцом”, “то ж”, “на Уфе з дядею”, “велено быть с отцом в Синбирску”⁵⁹⁶, “в письме из Дворца”, “в письме”, “отос. из Новгородцкого”, “отос. из Хълебного”, “на Воронеже и велено переменить”, “в полону”, “велено быть в Киеве”, “велено быть в Сибири”, “отос. из Дворца в Вологоцкои уезд”, “у дела на Белоозере”, “отпущон на приказ из Дворца”, “отпущон из Казанского дворца на приказ”, “велено быть на Дону”⁵⁹⁷. Для городовых воевод помечались города, в которых они находились на воеводстве. Например, против имени В.Ф. Дубенского помечено “на Терках”⁵⁹⁸. (Я так подробно привожу пометы о службах служилых людей московских чинов (стряпчих и московских дворян), чтобы лишний раз подчеркнуть их универсальность и деловую “всеядность”, а также теснейшую связь центра с провинцией – практически все руководящие, постоянные и времен-

ные, должности по всей государствену занимали люди из Москвы, члены от-носительно небольшой элитной группы лиц. И практически каждый шаг этих людей отслеживался Разрядным приказом (без современных средств связи и носителей информации), учитывался и использовался им в его деятельности по организации управления Русским государством).

Во-вторых, уже на предварительном этапе разрядные подьячие делали некоторые первичные обобщения по разным группам и категориям служилых людей московских чинов, которые интересовали руководителей Разряда и старых подьячих – непосредственных организаторов “призыва” – и были необходимы им для оценки ситуации с личным составом и последующей его разверсткой по полкам. Например, подьячими были сначала составлены списки стольников, бывших в Путивле в 184/1675-76 и в 185/1676 гг. (имеется в виду по осень 185 г.)⁵⁹⁹ и не бывших в Путивле в тот же период “и за те неты велено взять по рублю з двора”⁶⁰⁰, “а за тем в остатке в Севску и в Путивле не были, а во 179 году на государеве службе не были ж”⁶⁰¹, отдельный список стольников, бывших в 179/1670-71 гг. в понизовых городах⁶⁰², после чего подьячие дали сводный список стольников, и бывших, и не бывших в Севске и Путивле, но не участвовавших в событиях 179 г. в понизовых городах⁶⁰³, и, наконец, список стольников, которые провели всю кампанию 179/1670-71 гг. от начала до конца – “во 179 году на государеве службе в понизовых городех были до отпуску”⁶⁰⁴.

Следует отметить, что и эти подготовительные материалы, не вошедшие ни в черновой, ни в окончательный списки, также изобилуют пометами подьячих. Так, имена отсутствовавших в 179/1670-71 гг. в понизовых городах стольников сопровождаются пометами о причинах уклонения от службы в то время: “был на Терку”⁶⁰⁵, “был на посольстве в Персиде”, “стар”, “был в Новгородцком полку”, “был в Киеве”, “слеи”⁶⁰⁶, “ныне вышел ис полону” (речь идет о стольнике А.П. Скуратове, сыне товарища Г.Г. Ромодановского, стольника П.Д. Скуратова, за которого в 185 г. был дан огромный выкуп; см. ниже), “отпущон на Воронеж”, “от ран увечен”, “был в головах”⁶⁰⁷, “отослан в Хлебной”⁶⁰⁸, “велено быт в Казани”⁶⁰⁹, “отослан в Розбоинои приказ в сыск”⁶¹⁰. Причины неучастия служилого человека в кампании 179 г. серьезно влияли на его назначение в предстоящем походе в один из полков и должны были быть представлены принимающему решение руководству приказа.

Материалы такого же характера даны и по другим московским чинам – стряпчим и дворянам⁶¹¹. По большей части информация этих подготовительных частей не соотносилась с текстами чернового и белого списков. Однако были и исключения. Так, против имен двух стряпчих из рубрики, озаглавленной “во 179 году были на государеве службе в Арзамасе”⁶¹² (то есть в понизовых городах), помечено: “по севскому приезду написан в Путивле”, “по севскому приезду быт в Путивле”⁶¹³.

Лица в каждой из выделенных подготовительных категорий подсчитаны, цифра указана справа внизу раздела.

Трудно сказать, были ли подготовительные материалы основой для черновика, выборками из него или самостоятельными документами. Скорее всего, здесь присутствуют все три компонента.

Гонец Никита Бехтеев при московском посольстве в Париже. 1686 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten.

Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. I., 2006. Bd. II).

Кирил Варфоломеевич Алексеев, секретарь московского посольства в Париже. 1686 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten.

Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. I., 2006. Bd. II).

Князь Яков Евфимьевич Мышецкий, московский посол в Париже. 1686 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten.

Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. I., 2006. Bd. II).

Князь Яков Фёдорович Долгорукий, московский посол в Париже. 1686 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten.

Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. I., 2006. Bd. II).

Почти в конце этой части книги, состоящей из черновика к “нарядному” списку и подготовительных материалов к нему же, находится справа старого подьячего: “Справил Иван Максимов”⁶¹⁴. Однако за этим листом следуют еще несколько с материалами такого же характера, что и предыдущие: черновик к части “нарядного” списка о дворянах, по роспискам 181 и 183 гг. написанных в боярском полку и бывших в 183 г. в Севске⁶¹⁵, и подготовительные материалы по Путивльскому и Белгородскому полкам, относящиеся к московским дворянам (списки бывших в 184 и 185 гг. в Путивле и в Белгородском полку, списки путивльских нетчиков, с которых велено взять “рублевые” деньги⁶¹⁶, окончательные списки севских нетчиков)⁶¹⁷. Так как в этой части сборника документов скрепы нет, можно предположить, что листы были перепутаны, и справа И. Максимова относится ко всему комплексу подготовительных материалов смотренного списка 2 апреля, или что последние части подшиты несколько позднее.

И. Максимов до мая 185 г. был вторым подьячим Разряда, а с этого времени, после пожалования первого подьячего, И. Ляпунова, в дьяки, занял его место. Известно также, что в мае 185 г. он вместе с Г. Федоровым руководил первым повытьем Московского стола Разряда и что в 185 г. он находился в Белгородском повытье того же стола. Следовательно, непосредственным руководителем составления “нарядного” списка служилых людей московских чинов Путивльского и отчасти Белгородского полков весной 185 г. был начальник первого повытья Московского стола старый подьячий И. Максимов. Отсутствие дьячьей скрепы указывает на то, что, с одной стороны, подготовительный этап работы рассматривался разрядным руководством как менее важный, чем составление белого “нарядного” списка, с другой же – на то, что подьячий И. Максимов принимал на себя всю полноту ответственности, без какого-либо контроля со стороны руководства Разряда, за организацию и исполнение сложной и трудоемкой работы по сбору и структурированию предварительной информации для составления списков.

На основании подготовленных и отредактированных черновиков и был составлен белой вариант “нарядного” списка, оглашенный 2 апреля в Кремле. После внесения в него уточнений, дополнений и исправлений разверстка служилых людей московских чинов по украинным полкам была продолжена. Обработка “нарядного” смотренного списка по пометам, сделанным на смотре и в результате работы над списком в Разряде, по крайней мере, Путивльского полка проходила в два этапа, по чему можно судить, насколько сложна была эта работа. В сборнике представлены два варианта исправленного смотренного “нарядного” списка Путивльского полка, один из которых является черновиком для другого.

Сначала в книгу был подшит второй, последний по времени вариант обработки списка Путивльского полка. Структура списка по чинам была сохранена⁶¹⁸. После этого документа дана отдельная выборка из только что составленного нового варианта по дворянам, предоставившим вместо себя даточных людей в рейтарскую службу⁶¹⁹. Предварительный, послуживший основой для второго варианта список Путивльского полка следует за списками Белгородского и Мценского полков⁶²⁰. По всей видимости, такой по-

рядок архивирования документов – сначала основной для данного этапа работы вариант, а затем подготовительные материалы – был традиционным в делопроизводстве Разряда.

Во втором варианте обработки путивльского смотренного списка вычеркнутые в первом варианте имена отсутствуют⁶²¹, вписанные между строк в первом варианте записаны во втором варианте набело, в строку. Часто против тех имен, которые не внесены в окончательный вариант, в первом варианте стояли пометы “быть на Москве” или “быть в государеве полку”⁶²². Исправления, сделанные в первом варианте обработки смотренного списка, внесены во второй вариант. Так, фамилия стряпчего Григория Леонтьевича Кобякова в первом варианте была зачеркнута и сверху исправлена на “Фомин”⁶²³; во втором варианте стряпчий Григорий Леонтьевич Фомин записан на своем месте набело⁶²⁴. Ко многим именам в первом варианте сделаны приписки между строк или на полях, мелким почерком: “в его место сын ево...”. Во втором варианте эти приписки сделаны крупно, в строку, рядом с именем служилого человека⁶²⁵. Еще одним отличием первого и второго вариантов исправленного смотренного списка является сильно измененный порядок имен второго в сравнении с первым.

Следует отметить то обстоятельство, что в первой редакции путивльского списка отсутствует раздел, посвященный московским дворянам, тогда как во втором варианте редакции список дворян со всеми характерными пометами, приписками и исправлениями есть⁶²⁶.

За второй редакцией “нарядного” путивльского списка в книге следует вторая редакция “нарядного” белгородского списка с пометами, сходными с пометами редакций путивльского списка⁶²⁷ (“в его место сын ево...”⁶²⁸, “сказ. умре”⁶²⁹ и т.п.). Первая редакция списка этого полка расположена в книге ниже⁶³⁰. В обеих редакциях проведена та же работа, что и в редакциях путивльского списка. Более позднее время составления этих вариантов списка в сравнении с “нарядным” подтверждается, в частности, пометой, сделанной Ф.Л. Шаковитым против имени стряпчего М.О. Сунбулова в первой редакции: “Апреля в 10 день по подписной челобитной велено написать в рылском полк”⁶³¹ (против имени стряпчего в смотренном списке помет нет⁶³²). Это единственная датированная помета, все остальные глухие: “велено быть в государеве полку”, “велено *взят* денги”, “велено служить в Новгородцком полку”⁶³³, “от службы отставлен, а велено *взят денги*”, “велено *быт* в Рылску”⁶³⁴ и т.п.

Имена, вписанные между строк другими чернилами в “нарядный” смотренный белгородский список, в первой редакции белгородского списка внесены уже подряд, набело⁶³⁵.

После проведения смотра 2 апреля и уточнения наличного состава служилых людей московских чинов, призванных в Путивльский, Рыльский и Белгородский полки, в Разряде начали тщательную проверку приписки каждого служилого человека к соответствующему полку. Там, где назначение подтверждалось, разрядные подьячие фиксировали это соответствующими пометами и включали в исправленный список полка. Например, в “нарядном” смотренном списке Белгородского полка против имени дворянина В.Д. Тарбеева помет нет⁶³⁶, в первой редакции этого списка справа на

поле помечено: “на службе”, слева: “ныне быт в Белгородском”⁶³⁷, во второй редакции имя В.Д.Т. арбеева записано набело, без помет⁶³⁸.

В то же время было немало случаев перевода служилых людей в другие полки. Так, против имен стряпчих П.П. Колтовского, Г.М. Сунбулова, А.П. Колтовского в первой редакции Белгородского списка стоят пометы “велено быть в Путивле”⁶³⁹. Имена всех этих стряпчих зафиксированы в обеих редакциях путивльского “нарядного” списка⁶⁴⁰.

По-видимому, большая часть переводов служилых людей из одного полка в другой была сделана по инициативе Разрядного приказа по основаниям, принятым в Разряде: “велено быть по Севскому приезду в Путивле”⁶⁴¹, “по севскому приезду *быт* в Путивле”⁶⁴², “по севскому приезду вел. *быт*”⁶⁴³ в Путивле”⁶⁴⁴. Однако довольно значительное число помет о переводах из Белгородского и Путивльского полков в другие (“велено *быт* в государеве полку”⁶⁴⁵, “велено *быт* в путивльском полку”⁶⁴⁶, “велено служить в Новгородском полку”⁶⁴⁷, “велено *быт* в Рыльску”⁶⁴⁸), а также пометы вроде “велено *взят* денги”⁶⁴⁹, “от службы отставлен, а велено *взят* денги”⁶⁵⁰, “по челобитью велено *быт* с переменою в государеве полку”⁶⁵¹, “велено *быть* в путивльском полку для пожарного разорения”⁶⁵² – свидетельствуют о том, что служилые люди московских чинов стремились уклониться от службы в армиях, которым предстояли наиболее активные боевые действия, и перевестись в более спокойные части.

Это предположение подтверждается челобитными служилых людей московских чинов об отставке от полковой службы, поданными весной – в начале лета 185 г., в период формирования “южных” армий.

По всей видимости, прошение об отставке от полковой службы служилые люди этой категории должны были подавать только в высшую инстанцию – государю, поэтому все челобитные подобного содержания являются подписными, то есть поднесенными лично государю и рассмотренным им самим. Резолюцию царя на подписных челобитных записывал любой из думных дьяков, “дежуривших” при государе. Однако решение этих вопросов верховная власть фактически перекладывала на соответствующий исполнительный орган – Разрядный приказ. Обычной резолюцией государя на челобитных об отставке было распоряжение “розыскать” в Разряде, то есть сделать выписку по обстоятельствам дела, которая и служила основанием для решения по челобитной. Так, стольник Путивльского полка Д.В. Михалков писал в челобитной, что служит он уже тридцать три года, был ранен, а в 183 и 184 гг. “погорел”. По этим причинам Д.В. Михалков просил “не быть” в Путивле, а вместо службы заплатить “рублевые” деньги или выслать даточных людей. 8 мая 185 г. думный дьяк И. Иванов записал на челобитной указ государя “разыскать” об этом деле думному дьяку В.Г. Семенову. На основании сделанной в Разряде выписке Д.В. Михалкову было отказано⁶⁵³. По челобитной такого же характера дворянина Путивльского полка А.Я. Львова была также составлена разрядная выписка, по помете на которой В.Г. Семенова дворянина было “для болезни в полк посылать не велено, *взяты* рублевые”⁶⁵⁴.

Несколько раз обращался к верховной власти стряпчий того же полка И.А. Волохов. На его челобитной с сообщением о болезни и просьбой ос-

смотреть его В.Г. Семенов 26 апреля (то есть почти через три недели после осмотра) записал распоряжение государя рассмотреть стряпчего и результаты осмотра зафиксировать в Разряде. Через три дня после этого решения и, видимо, проведенного осмотра, от И.А. Волохова последовала новая челобитная с просьбой переписать поместья и вотчины на сына – обычно это делалось после удовлетворения просьбы от отставки. По помете на этой челобитной думного дьяка А. Кириллова государь приказал удовлетворить просьбу стряпчего и “указ учинить о том думному дьяку Василью Семенову”. Чтобы подготовить все материалы к делу, В.Г. Семенов распорядился сделать в Разряде выписку. Однако выписка не состоялась, поскольку проситель неожиданно не проявил заинтересованности в деле – “за своим челобитьем не ходил”, росписи о службах и сказки о дворах к выписке “не принашивал”. Со своей стороны Разряд отметил, что сын просителя был написан в стряпчие 10 сентября 185 г. и “над ево именем помечено 15 крестьянских дворов”⁶⁵⁵.

Подобный оборот приняло дело и московского дворянина Б.К. Койсарова (Белгородский полк), который подал челобитную с просьбой об освидетельствовании его по болезни, для чего, как было отмечено в разрядных документах, Б.К. Койсаров был привезен в Москву. 9 июня 185 г. думный дьяк А. Кириллов записал на челобитной решение царя: великий государь велел осмотреть и указ учинить в Разряде думному дьяку В.Г. Семенову, что и было исполнено, но лишь отчасти. Б.К. Койсаров был осмотрен, но указ не учинен, поскольку после осмотра челобитчик “с Москвы съехал и за выпискою не ходил”, следовательно, в решении вопроса заинтересован не был⁶⁵⁶. Такое небрежение не было исключительным – кн. И.А. Болховский (записанный в Белгородский полк) подал челобитную, в которой просил “для болезни и пожарного разоренья” взять с него деньги за службу, а его написать вместе с родственниками в государев полк. 20 июля 185 г. думный дьяк А. Зыков пометил на челобитной решение государя взять с князя деньги и учинить о том указ в Разряде думному дьяку В.Г. Семенову. Поскольку обстоятельства дела обязательно проверялись бдительным военным руководством, в Разряде по указанию В.Г. Семенова опять же было велено сделать выписку. Но указ в отношении И.А. Болховского остался “не учиненным”, “для того что, подав челобитную, за выпискою в Розряд он не ходил”⁶⁵⁷.

Естественно, все подобные случаи в значительной степени затрудняли работу подьячих Разрядного приказа по формированию “южных” армий.

Среди редакций “нарядного” списка по каким-то причинам помещен и список Рыльского полка, который, как можно судить по характеру помет, является черновиком для “нарядного” списка Рыльского полка⁶⁵⁸, что не является характерным для данного раздела сборника.

Наконец, из документов 185 г. в сборник подшиты два варианта списка Мценского полка П.И. Хованского⁶⁵⁹, который, естественно, не был включен в “нарядные” смотренные списки 2 апреля, поскольку назначение П.И. Хованского сходным воеводой В.В. Голицына произошло в начале июня. Единственный из всех, список полка П.И. Хованского включает низший московский чин – чин жильцов. Правда, в него занесены только пять

человек, и приписаны они к перечню позже, на отдельном листе, не заверенном дьячьей скрепой⁶⁶⁰.

Судя по некоторым пометам в других списках, мценский список составлялся отчасти на основании белгородского. Например, во второй редакции белгородского списка против имени дворянина Б.Ф. Созонова стоит помета: “ныне быт во Мценску”⁶⁶¹. И действительно, этот московский дворянин внесен в первую редакцию мценского списка⁶⁶². Второй вариант мценского списка является беловым: то, что было приписано другим почерком и чернилами в первом списке, во втором внесено в строку набело. Так, приписанное в первом варианте к имени Л.П. Огарева “в его место сын ево Федор” во втором варианте записано подряд, в строку, одним почерком⁶⁶³. Лица, отмеченные в первом списке как отсутствующие, не записаны во втором⁶⁶⁴.

Вся часть книги, включающая редакции смотренного списка, в том числе черновой рыльский список, скреплена дьяком Л.А. Домниным.

В хронологическом отношении сборник документов Чигиринского похода завершают материалы следующего 186/1677-78 г., касающиеся пребывания служилых людей московских чинов в Путивле, Рыльске, Белгороде и Мценске. Эти документы можно назвать, используя современную терминологию, аналитическим исследованием, сделанным сотрудниками Разряда, причин невыполнения плана по призыву на военную службу столичных служилых людей весной и летом 185 г.

Распоряжение о расследовании отдал 3 января 186/1678 г. руководитель Разрядного приказа⁶⁶⁵. По этому распоряжению в Разряде было “справливано” у нетчиков, “зачем на государеву службу не бывали, а что про них по справке объявилось”, было кратко изложено в нижеследующих записях. Записи составлены по известным полкам, а внутри полков по чинам (стольники, стряпчие, дворяне).

Сотрудники Разрядного приказа проводили расследование причин отсутствия в армии каждого нетчика и непременно указывали в справке документальное основание неявки в полк. В тех случаях, когда служилые люди не могли явиться на службу по причинам личного свойства – болезнь⁶⁶⁶, увечье⁶⁶⁷, “пожарное разоренье”⁶⁶⁸, они, если были законопослушны, подавали в Разряд или непосредственно государю челобитные с просьбой об отставке от полковой службы. Такие челобитные начали поступать вскоре после смотра, во второй половине апреля и в начале мая⁶⁶⁹.

Тогда же, когда невозможность выехать в полк зависела не от личных проблем служилого человека, а от исполняемых им государственных обязанностей, установившийся порядок (законодательно это, очевидно, не было оформлено) не требовал от него информировать военное ведомство об этих обстоятельствах. В этом случае выяснение причин неявки в полк вменялось в обязанность Разрядному приказу. Опираясь на собственные архивные материалы, а также рассылая запросы в другие учреждения, Разряд устанавливал эти причины. Например, московский дворянин Н.С. Вольнский оказался занесенным в списки нетчиков полка И.В. Бутурлина, но в Разряде выяснили, что прошлогодним распоряжением ему было велено быть в Белгородском полку с теми служилыми людьми, которые в 183 г. в Севске “в приезде не были”⁶⁷⁰. По всей видимости, назначение было сделано

в процессе редактирования полковых списков, и в документах произошла путаница.

Если же по документам Разряда выяснялось, что служилый человек во время чигиринской кампании исполнял другое правительственное поручение, то за подтверждением этой информации сотрудники Разряда обращались в соответствующие приказы. Так, несколько запросов было отправлено в Пушкарский приказ, ведавший городовым и засечным делом Белгородской черты и, соответственно, занятыми там людьми. “По справке с Пушкарским приказом” выяснилось, что П.П. Филатов находился “у белевской и у борисовской засеки” с 30 марта 185 г.⁶⁷¹, И.П. Темирязов – у лихвинских и одоевских засек с 6 марта 185 г.⁶⁷², А.И. Страхов – у городского дела на Епифани с 8 мая 185 г.⁶⁷³ “По справке с Сибирским приказом” было установлено, что С.С. Измайлов был “отпущен на Пельм в 185 году”⁶⁷⁴, “по справке с приказом Большого Дворца” – что И.А. Аксенов служил в “Верхнем городе Ломове” с 9 марта 184 г.⁶⁷⁵, “по справке с приказом Казанского дворца” – что А.О. Сытин сидит “в Какшаиску на приказе” с 30 августа 184 г.⁶⁷⁶.

В справке были отмечены также прецеденты, когда служилый человек, не несший другой военной или административной службы, не подавал и прошения об освобождении от службы полковой. И в этих случаях разрядным служащим в их расследовании помогали архивы приказа. Например, один из стольников царицы Натальи Кирилловны, пожалованный в царские стольники 9 мая 185 г., был записан в Путивльский полк, но на службу не явился. О нем в списке помечено, что причина его отсутствия и количество имеющихся за ним дворов в Разряде “не ведомо, для того что он в нынешнемъ чину у веры не был”, но с его отца вместо пропущенной сыном службы взяты деньги⁶⁷⁷. Следует отметить, насколько важным фактором было приведение к вере не только с идеологической, но и с практической точки зрения – человек, не присягнувший в новом чине, не вносился в соответствующие списки, информация о нем “растворялась”, соответственно, он не приобретал фактического статуса пожалованного чина и “выпадал” из служебной структуры.

Очевидно, так же по имеющейся в приказе информации о поместьях и вотчинах служилых людей разрядные подьячие определили “адрес” одного из нетчиков Белгородского полка кн. Б.В. Шехонского и послали запрос о нем в местную администрацию. Результат запроса зафиксирован в справке: по “государеве грамоте” из Разряда руководство Ярославля – окольныйчик и дьяк – осматривали Б.В. Шехонского, и “по сыску” он оказался болен⁶⁷⁸.

Справка о “розыске” про нетчиков скреплена думным дьяком В.Г. Семеновым⁶⁷⁹, что свидетельствует о его личной ответственности за сведения об отсутствовавших в полках служилых людях.

Учитывая приказную иерархию, можно сказать, что самый первый и самый последний этапы “призывной” работы – создание обобщенной картины служб людей московских чинов и установление действительного (а не ожидаемого, как в “нарядном” списке) состава войсковых частей и окончательное их формирование перед отправкой на границу – считались в Разряде более ответственными, чем сбор и обработка конкретных, “именных” предварительных данных, но менее важными, чем определение принципов

разверстки столичного военного корпуса по южным полкам и проведение смотра служилых людей московских чинов.

Суммируя полученные сведения, можно сказать, что разверстка служилых людей московских чинов по полкам, которые должны были участвовать в боевых действиях на Украине, велась в Разряде чрезвычайно интенсивно. Сначала под непосредственным руководством старого подьячего А. Яцкого и при курировании дьяка Л.А. Домнина была составлена сводная перечневая роспись, фактически, по разрядной терминологии, “подлинный” (а не “наличный”) список служилых людей московских чинов от стольников до жильцов включительно. По этой росписи начальник Разрядного приказа провел предварительное “генеральное” распределение служилых людей московских чинов разных категорий по полкам (государеву, боярскому, Путивльскому, Белгородскому). Список, над которым работали в повытье боярского списка Московского стола, включал более шести тысяч человек. Работа на перечневой росписью, как уже упоминалось выше, началась не позднее середины марта. Затем под руководством начальника повытья боярского списка И. Максимова были составлены черновые именные списки полков государева (который остался в Москве), боярского (члены которого были распределены по Путивльскому и Белгородскому полкам), Путивльского, Рыльского и Белгородского. В списки активно вносилась новая информация, данные перепроверялись, исправлялись и дополнялись. Весь подготовительный цикл работ занял, таким образом не больше месяца.

Затем по списку, оглашенному на смотре 2 апреля, была снова проведена работа, причем началась она непосредственно во время смотра – сведения, сообщенные участниками смотра о себе или сослуживцах, здесь же вносились в список. После чего работа продолжилась в Разряде – была учтена полученная на смотре информация, а также информация, поступившая из других источников (от служилых людей, сообщивших ее позже смотра, из документов, хранившихся в архиве Разряда и новых, поступивших в Разряд после смотра, например, челобитных). На этом этапе работой снова руководил третий разрядный дьяк Л.А. Домнин при некотором участии второго дьяка Ф.Л. Шакловитого.

Дальнейшая работа, уже по оценке и анализу проведенной операции, продолжалась в 186 г. под руководством самого начальника Разрядного приказа.

Все документы, готовившиеся на разных этапах кампании 185-186 гг., в Разряде были объединены в одну книгу. Во главе ее, по замыслу составителей, встал смотренный список 2 апреля 185 г., видимо, считавшийся ими основным документом, хотя впоследствии он правился и дополнялся, а реальный состав полков сильно отличался от предполагавшегося. Затем в книгу включили подготовительные, редакционные, итоговые и сводные документы, касавшиеся службы служилых людей московских чинов в 185-186 гг. на южных рубежах.

Как следует из рассмотренных документов, дело формирования воинских частей южной армии из элиты служилого сословия – московских чинов – было возложено в основном на третьего дьяка Разряда Л.А. Домнина. Руководитель приказа определял направление этой работы и принимал в ней участие в наиболее ответственные, ключевые ее моменты.

Разверстка служилых людей по отечеству по украинным полкам велась, разумеется, и в отношении других чинов – не только московских, в том числе жильцов, но и городских. В нее были включены все повытья Московского стола, а также Новгородский стол приказа.

Следующим этапом этой деятельности становились сводные списки служилых людей по отечеству каждого из полков, от московских до городских чинов. Рассмотрим один из таких списков – служилых людей, которым велено на службе “с боярином и воеводою князем Васильем Васильевичем Голицыным быти в Путивле” в 185 г.⁶⁸⁰

Как и все прочие перечни личного состава воинских частей, структуру списка формировала чиновная иерархия. Первая его часть представляет собой беловой вариант последней редакции “нарядного” смотренного списка 2 апреля 185 г.⁶⁸¹ В списке перечислены поименно стольники, стряпчие и дворяне по тем же рубрикам, которые значатся в окончательном варианте “нарядного” списка. В списке полка В.В. Голицына отсутствуют какие бы то ни было исправления, приписки, правка или пометы. Список служилых людей высших московских чинов был составлен в первом повытье Московского стола под руководством начальника повытья первого подьячего Разрядного приказа И. Максимова и засвидетельствован им⁶⁸².

За первыми московскими чинами следует список жильцов, отсутствовавший, как мы помним, в “нарядном” списке 2 апреля и в его редакциях. В целом и в этом списке мало правки, но есть стертые и написанные сверху имена⁶⁸³, пометы против некоторых имен – например, против имени Л.В. Отмусова: “в полку велено стать июля 15 числа нынешняго 185 году”⁶⁸⁴, против И.И. Новосильцова: “в полку велено стать июля 1 числа нынешнего 185 году”⁶⁸⁵ (пометы сделаны тем же почерком и чернилами, что и весь список). Список жильцов готовился во втором повытье Московского стола и подписан А. Яцким (возможно, руководителем этого повытья)⁶⁸⁶.

После московских чинов в перечень внесены имена служилых людей некоторых замосковских городов и городов Новгородского разряда, зачисленных в полк В.В. Голицына. В этой части списка представлены служилые люди разных городов, записанные в том же чиновном порядке по каждому городу: выбор, дворовые, городовые, неверстанные; иногда к ним присоединялись рубрики “вместо отцов дети” и “вместо отставных даточные”. Для каждого верстанного служилого человека указаны его поместный и денежный оклады.

Списки городских служилых людей этого раздела готовились, по всей видимости, в Новгородском столе Разряда (единственный город, не относящийся к ведомству этого стола – Владимир). Составление их было поручено двум старым подьячим, которые и заверили своей справой верность докумен-

тов. Перечни служилых людей Владимира, Смоленска, Дорогобужа, Белой, Ярославля и Костромы составил Иван Олсуфьев, причем справа стоит в конце списка каждой городской корпорации (кроме Владимира и Смоленска, они подписаны общей справой)⁶⁸⁷; список Бежецкого Верха и Вологды – Агафон Пиминов⁶⁸⁸. Следует отметить, что списки городских служилых, справленные обоими подьячими, записаны не подряд для каждого подьячего, а в соответствии с определенной иерархией городов: Владимир, Смоленск, Дорогобуж, Белая, Бежецкий Верх, Ярославль, Кострома, Вологда.

Как главное военное ведомство государства, Разрядный приказ осуществлял общее управление и теми служилыми людьми, которые находились в компетенции других приказов. Естественно, что во время боевых действий такие категории служилых людей переходили под непосредственное руководство Разряда, но подбор кадров, тем не менее, осуществлялся не Разрядом, а ведавшим этих людей приказом. Для работы по формированию полка Разряд получал из этих приказов именные списки отобранных в приказе людей. Так, например, Разрядный приказ получил список представителей городских корпораций двух городов – Казани и Свияжска: “казанцом, свияженом дворяном и детем боярским и иноземцом и новокрещеном и князем и мурзам и татаром”, которым по царскому указу и “по наряду ис приказу Казанского дворца велено быть на его государеве службе в Путивле в полку боярина и воевод” В.В. Голицына с товарищами “нынешняго 185-го году”⁶⁸⁹.

Внутри этих “городовых” разделов русские служилые люди, дворяне и дети боярские, расписаны по тем же рубрикам, что и городские служилые люди в предыдущих списках. Кроме того, к русским служилым людям добавлены верстаные и неверстаные иноземцы, новокрещены, татарские князья и мурзы и рядовые “татаровя” и “чюваши верстаные”. Татарские служилые люди записаны по деревням, из которых они призваны на службу⁶⁹⁰. Этот список был составлен под руководством подьячего Гаврилы Федорова⁶⁹¹. В 1674 г. этот подьячий служил в повытье боярского списка Московского стола под руководством И. Ляпунова; в мае 1677 г. он также значится в этом повытье в помощниках И. Максимова. Следовательно, список городских служилых людей Казани и Свияжска был подготовлен на основании материалов из Казанского приказа в первом повытье Московского стола Разряда.

Наконец, к полку В.В. Голицына были присоединены местные силы – служилые люди по отечеству из украинских городов – Путивля и Чернигова, а также путивльские верстаные и полковые казаки⁶⁹². Служилые люди путивльцы и черниговцы записаны по тем же рубрикам, что и в предыдущих списках городских служилых людей. Этот документ готовил в Разряде подьячий Ю. Охотницкий⁶⁹³. В 185 г. в его ведении находились северские города, в число которых входил и Путивль. Чернигов – один из черкасских городов – сначала был ведом в Киевском повытье Хлебного стола, затем в Севском столе, а к 185 г. – в повытье Белгородских дел Московского стола (возможно, это повытье в какой-то период было слито с первым повытьем того же стола). Таким образом, Путивль и Чернигов могли оказаться в ведении одного подьячего в одном повытье – Белгородских дел Московского стола.

Определить время составления этого списка военных подразделений, входивших в полк В.В. Голицына, можно только с большим приближением, поскольку датированных помет в нем практически нет. По всей видимости, этот документ был составлен не ранее второй половины апреля, когда завершалось редактирование просмотренного списка московских чинов, и не позднее начала июля, на что указывают пометы списка⁶⁹⁴.

Судя по тому, что документ практически не имеет исправлений и помет, это беловые, окончательные списки указанных воинских подразделений. Весь комплекс скреплен дьяком П.И. Ковелиным. Помимо собственно скрепы по полям лицевых сторон листов, П.И. Ковелиным скрупулезно отмечены незаполненные места документа: “поллиста порозжа”, “тринадцат строкъ порозжихъ”, “четыринадцат строкъ порозжихъ”, семнадцат строк порозжих”, “десят строк порозжихъ”, шесть строк порозжихъ”, “сем строк порозжихъ”, “девят строк порозжихъ”, “поллиста порозжа”⁶⁹⁵, “пол листа порозжа” плюс знак перечеркнутой буквы Z на оставшейся чистой части страницы⁶⁹⁶ и т.п. Таким образом, формирование одной из армий, которые должны были участвовать в войне с Турцией, компоновка этой армии из служилых людей разных категорий осуществлялась в Разряде на уровне первого заместителя начальника приказа, в отличие от разверстки служилых людей московских чинов, которая производилась третьим дьяком. С другой стороны, работа П.И. Ковелина, в отличие от работы Л.А. Домнина, не потребовала на завершающем этапе утверждения руководителя Разряда – первый разрядный дьяк обладал большими полномочиями, чем третий.

Разряд и действующая армия

После того, как в Разрядном приказе были сформированы и утверждены личный состав полков, пункты сбора и даты прибытия в полки служилых людей разных категорий, основная тяжесть делопроизводственной работы по фиксированию информации о прохождении службы ратными людьми легла на полковые “канцелярии” – разрядные шатры. На примере некоторых из них посмотрим, как именно велась эта работа.

Одними из основных, ключевых моментов пребывания служилого человека в действующей армии (в “полку”) были даты его приезда и отъезда из полка. Это характеризовало качество его службы и, очевидно, влияло на его

дальнейшую карьеру. Недаром даты приездов служилых людей в сборный пункт полка тщательно фиксировались военными канцеляриями и затем, в отчетных документах, сводились в несколько разделов, в соответствии с наиболее важными периодами в деятельности полка. Обратимся, например, к документам полка И.В. Бутурлина, сборным пунктом которого был назначен Рыльск. Как указывалось, сам воевода и начальник его канцелярии дьяк А. Клочков приехали в Рыльск 13 июня⁶⁹⁷, подьячие, назначенные в рыльский разрядный шатер – после 20 мая⁶⁹⁸, но служилые люди Рыльского полка начали прибывать в город начиная уже с двадцатых чисел мая⁶⁹⁹. В отсутствие полковой канцелярии – разрядного шатра – ее обязанности исполняла городовая приказная изба Рыльска, что и было отмечено в приездном списке: “записалис в Рылску в приказной избе до приезде” И.В. Бутурлина с 24 мая по 11 июня⁷⁰⁰. В это же время дьяк А. Клочков, сам или с помощью кого-то из подьячих, тоже начал работу сразу по выезде из Москвы – у него некоторые служилые люди “записались в дороге едучи с Москвы к Рылску з боярином” с 23 мая по 12 июня⁷⁰¹. Затем служилые люди отмечались в полковой канцелярии – разрядном шатре – уже под руководством А. Клочкова: “записалис” в Рыльске “при боярине и воеводе” с 13 июня по 1 августа⁷⁰²; “записалис в дороге, идучи из Рыльска к Днепру” с 11 августа до 2 сентября⁷⁰³; “записалис в дороге, идучи от Днепра к Путивлю” с 14 сентября⁷⁰⁴; записались “вновь по приезде” с 12 июня по 9 сентября⁷⁰⁵.

По приказной делопроизводственной традиции приездной список был составлен в соответствии с чиновной иерархией. Поэтому первая часть списка, с указанными выше рубриками, включала служилых людей московских чинов. В следующей части приездного списка были отмечены городовые служилые люди, также по хронологическим разделам, но с разницей в датах. Так, например, большая часть городских служилых людей записалась в дороге от Рыльска к Днепру, начиная и заканчивая более ранними датами, чем московские – с 7 по 26 августа, лишь небольшая их часть приехала позже московских – до 24 сентября⁷⁰⁶. В отдельные группы выделены “синбирские татаровя”, начавшие прибывать с 18 августа⁷⁰⁷, и начальные люди полка И.В. Бутурлина – “у знамени”, “великого государя головы”, “ездили за боярином с саблей”, есаулы, обозный голова, обозничий, сторожеставцы, дозиратели, сторож, полковых дел судья, “знамя великого государя возили”⁷⁰⁸. Завершают приездной список “Яковлева ж приказа Лутухина стрелцов 770 чел.” – общей цифрой, без имен⁷⁰⁹.

Очевидно, первоначальные записи о приездах служилых людей в полк делались на отдельных листах. Затем, в конце сентября все первичные записи, как рыльской городской приказной избы, так и сделанные при участии дьяка А. Клочкова в разные периоды, были сведены в один документ. Он составлен из десяти тетрадей, сшитых суровыми нитками из нескольких листов (от 3 до 8); пагинация в приездном списке отсутствует, пронумерованы сами тетради на их первых и последних страницах. Такая делопроизводственная техника была весьма распространена в приказах, и, очевидно, именно эта форма документа соответствовала обычному приказу Разряда в полковую или городовую канцелярию прислать те или иные списки “в тетратех”. Нумеровались постранично только книги.

Приездной список полка И.В. Бутурлина был составлен под непосредственным руководством начальника разрядного шатра дьяка А. Ключкова. Подлинность и цельность списка, а также его официальный статус были засвидетельствованы скрепой дьяка по всем листам тетрадей. Кроме того, им же по приказной традиции были скрупулезно отмечены все незаполненные места. Форма помет была распространённой, но вполне произвольной: “вниз не писано”⁷¹⁰, “страница порозжа”⁷¹¹, “порозжи вниз строки”⁷¹², “вниз порозжи”⁷¹³, “вниз порозже”⁷¹⁴ и т.п. Приездной список, по всей видимости, был доставлен в Разрядный приказ по окончании Чигиринского похода полка В.И. Бутурлина вместе со всем архивом его разрядного шатра.

Хотя служилые люди продолжали прибывать в полк И.В. Бутурлина до конца сентября, когда военные действия в Чигирине уже месяц как закончились, крайним сроком приезда в полк, после которого прибывшие должны были считаться нетчиками, было назначено 2 августа 185 г. По всей видимости, это было связано с развитием событий под Чигирином: 30 июля у крепости появились первые турецкие разъезды, а 3 августа к городу подошли главные силы турецкой армии и начались боевые действия. По документам трудно сказать, кем именно был установлен именно этот срок – руководством Разряда или командованием действующей армии, хотя вероятнее первое. Во всяком случае, именно в этот день в разрядном шатре полка И.В. Бутурлина, который находился еще в Рыльске, был составлен список ратных людей полка И.В. Бутурлина “с товарищи” московских чинов и городских – нетчиков, “кто в Рылеск не бывал” по 2 августа “нынешнего 185-го году”⁷¹⁵.

Список нетчиков составлен в соответствии с традиционным разрядным порядком – начиная с высших, московских чинов (стряпчих, дворян и жильцов)⁷¹⁶, а затем, под заголовком “Городы”, по городским корпорациям служилых людей; внутри “городовой” рубрики вписаны сначала верстаные, затем неверстаные служилые люди⁷¹⁷. Ядро полка И.В. Бутурлина, примерно половину, составляли служилые люди замосковских городов, несколько меньше было ратных людей из заочких и совсем немного из старых “украинных” городов. Большая часть призванных служилых людей из этих городов явилась в полк до начала августа, однако тяжелая картина сложилась в отношении представителей старых “украинных” (по берегу Оки) и некоторых “заочких” городов – Тулы, Каширы, Алексина, Тарусы, Серпухова, Соловы и Коломны. Об этих городских служилых людях составителю списка, вероятно, разрядному подьячему И. Ларионову (старшему, справному подьячему разрядного шатра полка И.В. Бутурлина)⁷¹⁸, пришлось сделать запись между рубриками замосковских и заочких городов, видимо, там, где полагалось быть записям о служилых людях украинских городов: “А тулян и коширян и алексинцов и торушен и серпухович и соловлян и коломнич на службу великого государя в Рылеск в полк к боярину и воеводам к Ивану Василевичю Бутурлину с товарищи августа по 2 число нынешнего 185-го году никто не бывал”⁷¹⁹.

Список был представлен в Разряд в девятнадцати нумерованных тетрадях, причем нумеровал их не руководитель разрядного шатра, а подьячий-составитель⁷²⁰.

За подготовку списка нетчиков, как и приездного, отвечал дьяк А. Клочков. Его скрепа удостоверяет список, он же гарантировал документ от возможных изменений и утрат: “восемь строкъ порозжи”⁷²¹, “страница порозжа”⁷²², “на низ порозжи”⁷²³, “девят строкъ порозжи”⁷²⁴ и т.п.

Вся регистрационная и прочая делопроизводственная деятельность полковой канцелярии осуществлялась шестью подьячими, которые, судя по отпускному смотренному списку 5 октября 186/1677 г., “для писма полковых дел” были в полку И.В. Бутурлина “с приезде до отпуску”⁷²⁵, то есть с 13 июня по 5 октября 185-186/1677 гг. Это первый помощник дьяка А. Клочкова справный подьячий из Разряда И. Ларионов, разрядный же подьячий С. Курочкин, подьячие: из Земского приказа И. Протопопов, из Новгородского К. Зиновьев, из Поместного М. и К. Кузины. Перед выходом полка из Рыльска к Днепру в штат полковой канцелярии были зачислены дополнительные сотрудники – подьячие рыльской приказной избы И. Якимов и Л. Звягин⁷²⁶.

Список нетчиков полка И.В. Бутурлина имел для военного руководства государства чрезвычайно важное значение, поскольку буквально накануне столкновения с турецкой армией и выдвижением полка к Днепру (которое состоялось 11 августа) было необходимо оценить численность и боеспособность отдельных частей русской армии. Поэтому список нетчиков Рыльского полка был немедленно отправлен в Москву и получен там через девять дней. Документ, по степени своей важности, был принят самим руководителем приказа В.Г. Семеновым: “185-го августа въ 11 день таковы списки к великому государю к Москве в Розряд прислали из Рылска ис полку боярина и воеводы Иван Васильевич Бутурлин с товарищи с столником с Ываном Перфильевым”⁷²⁷.

Сведения о численности отправленных к Чигирину частей были одними из наиболее важных для руководителей страны, поэтому первой резолюцией В.Г. Семенова было: “выписат к великому государю в доклад и поднести тотчас, сколько московских чинов и городовых и всяких чинов ратных людей по сему списку в нетех”⁷²⁸. Как уже отмечалось, нередко доклады из Разряда верховной власти носили информативный характер, а разрядное руководство было вполне компетентно и инициативно, чтобы независимо от решения государя и Думы, не дожидаясь их реакции, организовать работу военного ведомства в ответ на сложившуюся ситуацию. Одновременно с требованием информировать правительство, В.Г. Семеновым были отданы распоряжения по Разрядному приказу, направленные на уточнение данных о призыве некоторых категорий служилых людей, а также об усилении мобилизации: “а о московскихъ чинех справитца, всем ли им в том полку по наряду быть велено, а к высылке тех, которые посланы, с Москвы из Розряду в города для высылки ратных людей послать великого государя грамоты з болшим подкрепльем”⁷²⁹.

В рамках компетенции начальника Разряда было и наложение взысканий за уклонение от полковой службы: “И с сего списка нетчиков списать и велеть тех нетчиков сыскиват и чинить наказанье бить батоги нещадно и высылать их в полк за их руками однолично тотчас, а будет не поедут, и у них имать и держать в тюрьме люди и крестьян, а у которых люди

и крестьян нет, и у тех держат и детей и родственников, да им сказать, что у их поместья и вотчины взяты будут на великого государя и розданы в роздачу бесповоротно, а им быть в жестом⁷³⁰ наказанье, а иным быть в ссылке в сибирские дальние города на вечное житье, а вести ис полков пишут беспрестан[...]731 турках и татарех [...]732*733. Таким образом, все практические распоряжения по исправлению ситуации были отданы руководителем Разряда самостоятельно, еще до представления материалов верховной власти.

Остается открытым вопрос, как именно организовывалась в войсках регистрация приездов служилых людей в полки – именно постепенного их прибытия в сборный пункт, а не в день общего смотра. Отдавал ли кто-либо из Разряда, командования или руководства разрядного шатра распоряжение о фиксировании прибытия служилых людей или это было само собой разумеющимся и делалось автоматически? В документах о приездах в полк И.В. Бутурлина, рассмотренных выше, ссылок на подобные указания не имеется. Возможно, статус сходного воеводы не предполагал издания таких распоряжений. Однако В.В. Голицын в своем полку, видимо, обладал необходимыми полномочиями, и его разрядный шатер был реальным генеральным штабом полка: 29 июня 185 г. “по указу великого государя и по приказу боярина и воеводы князя Василья Васильевича Голицына” полковнику рейтарского строя М.А. Зыкову было велено “записыват в приезде своево полку реитар, кто в котором месяце и числе приедет”⁷³⁴.

Приездные списки полка М.А. Зыкова вели не служащие разрядного шатра Путивльского полка, а писарь рейтарского полка. Непосредственным организатором переписи и ответственным за нее и за верность отражающего ее документа был полковник М.А. Зыков. Как отмечалось, разрядные шатры нередко передоверяли сбор и фиксирование предварительной информации полковым и ротным командирам.

Приездные списки полка М.А. Зыкова – это текущая документация, представляющая собой подневные записи прибытия рейтар, приписанных к Путивльскому полку, в свою часть. Документ состоит из двух списков, которые велись независимо друг от друга. В первый, по указу от 29 июня, записывались рейтары, служащие в полку М.А. Зыкова “по наряду”, определенному центральным военным ведомством в Москве⁷³⁵. Примерно через две недели командованию Путивльского полка стала видна необходимость отдельно фиксировать прибытие в полк специальной категории ратных людей, о чем 12 июля 185 г. и было издано распоряжение: “по указу великого государя и по приказу боярина и воеводы князя Василья Васильевича Голицына велено полковнику Михаилу Зыкову записыват в приезде прописных реитар, которых имена в списке, каков дан с Москвы, не написаны”⁷³⁶, но которые приехали в полк и имеют право быть в него зачислены, поскольку принадлежат к городам, приписанным к полку.

Очевидно, по распоряжению верховного военного командования в Разряде полк В.В. Голицына пополнялся новыми силами. Направление в полк В.В. Голицына служилые люди получали из Москвы, а непосредственное распределение по подразделениям этого полка осуществлял его разрядный шатер. Определенному в соответствующую часть новоприбывшему в пол-

ковой канцелярии вручали “направление” и, очевидно, отмечали это назначение в документах канцелярии (возможно, это не обязательно делалось в день приезда). Так, дополнительным разделом в приездной список были внесены “новики помесные, которым дано жалованье и присланы из шатра с паметми, велено написать в список въ приезде”⁷³⁷ и “новики пустопомесные и беспомесные в приезде июля в 26 день, а с паметми присланы в разных числах августа”⁷³⁸.

По-видимому, командование действующей армии было довольно независимо от центрального военного руководства в решении внутренних организационных проблем, и немаловажную роль в этом играл руководитель полковой канцелярии. Так, силами разрядного шатра Путивльского полка была разрешена задача, вставшая перед командованием в связи с тем, что неожиданно одно из подразделений оказалось лишенным командира. По приказу В.В. Голицына и “по памети из розрядного шатра за приписью диака Микиты Пояркова” (заместитель главы полковой канцелярии) это подразделение было придано полку М.А. Зыкова: “реитары касимовские мурзы и тотаровя полковника Ундрикова полку Шнитера, для того что тот полковник на службу великого государя не бывал, а велено ими владеет до указу великого государя полковнику Михаилу Андреевичю Зыкову”⁷³⁹.

Разумеется, организационные мероприятия, подобные приведенным выше, проходили весной и летом 185 г. и в других полках, направленных в Чигиринский поход. Не все документы походных полковых канцелярий сохранились до наших дней, поэтому можно упомянуть лишь о некоторых подразделениях этих полков.

24 июня 185 г., через два месяца после определения состава Путивльского полка и назначения его руководства и через месяц после выезда из Москвы командующего и сотрудников полковой канцелярии, в Путивле состоялся приездной смотр, проведенный для корпуса служилых людей, сформированного по территориальному принципу и входившего составной частью в полк В.В. Голицына – “путивльцом и черниговцом дворяном и детем боярским и путивльским верстаным и полковым казаком и их детем и братьи и племянником и салдатом”⁷⁴⁰. Смотр проводили осадный воевода Путивля стольник Ф.Г. Хрущов и дьяк И. Патрекеев, выехавший в Путивльский полк 30 мая⁷⁴¹. В основу этого приездного списка были положены документы, составленные в Московском столе Разряда подьячим Ю. Охотницким во второй половине апреля⁷⁴². Структура списка внутри городских разделов аналогична структуре “нарядного” списка, а раздел путивльских полковых казаков полностью соответствует такому же разделу в предыдущем списке. Таким образом, в делопроизводстве всех разрядных шатров проводились те принципы канцелярской работы, которые были заложены в Разрядном приказе.

Составление приездного смотренного списка местных, путивльских служилых людей контролировал руководитель канцелярии осадного воеводы дьяк Иван Исакович Патрекеев, служивший в 185 г. в Аптекарском приказе (стоит отметить, что в это время он был весьма немолод – служба его началась задолго до 147/1638 г.)⁷⁴³. Непосредственным составителем документа был подьячий Г. Мосалитинов⁷⁴⁴.

До составления и отсылки в Разряд смотренных приездных списков у полковых воевод оставалась возможность для некоторых “дипломатических маневров”, чтобы воздействовать на разрядное руководство и интенсифицировать недостаточную, с их точки зрения, мобилизацию ратных людей в их полки. Например, В.В. Голицын, подойдя 12 июня к промежуточному сборному пункту в Севске, отправил в Разряд отписку с умышленно заниженными данными о прибытии в его полк служилых людей. Однако “хитрость” большого вельможи была легко разгадана опытными приказными деятелями, о чем В.В. Голицыну сообщил прекрасно осведомленный в делах господина его московский приказчик: “Да что прислан был от тебя, господина, гонцом Федорова приказу Ивановича Головленкова стрелец Ивашко Еремеев, и того числа в Розряде ево роспрашивали, как пригнал, сколько у боярина объявилось в приезде ратных людей; и он в скаске своей сказал: в приезде человек семьсот и больши; а в твоей, государь, отписке написано двести не з большим. И думной Василей Семенов, прочет роспросные речи, говорил: из одного де города да не одне вести, чинитца рознь”. И далее приказчик поучает своего простодушного боярина: “и как впредь от тебя, государя, посланы будут гонцы, изволь им приказывать словесно, что говорить, а всякого гонца в приказах роспрашивают”.

Думный дьяк В.Г. Семенов не зря достиг столь высокого положения в центральной администрации: зная истинное положение дел, он, тем не менее, воспользовался отпиской В.В. Голицына для усиления мобилизации служилых людей московских чинов. В тот же день, когда была получена отписка, “на Постельном крыльце сказывал думной Василей Семенов государев указ: писал де к великому государю боярин и воевода князь Василей Васильевич Голицын с товарищи, что пришел в Севеск июня в 12 день, а ратных людей объявилось у него в приходе самое малое число, и чтоб ехали без мотчанья в полки, а буде кто с сего числа на службу не поедит, и на Москве велено их ловить и приводить в Розряд и отнимать у них поместья и вотчины и отдавать тому, кто кого приведет в Розряд, и по дорогам посланы сотники и подьячие, велено ратных людей посылать в полки без мотчанья”⁷⁴⁵.

Хотя 3 августа под Чигирином уже начались первые столкновения русской и турецкой армий, военное руководство России продолжало мобилизацию служилых людей в “южные” полки. Выше шла речь о работе по подготовке Чигиринского похода только Московского стола Разряда, что не удивительно. Этот стол не только был крупнейшим подразделением приказа, в его компетенции находилось подавляющее большинство ведомых в Разряде служилых людей. Однако, как известно, и другие столы Разрядного приказа имели в своем управлении определенные категории служилых людей, и именно в военном отношении. Прежде всего это, разумеется, Новгородский стол. Вспомним, что кроме городов Новгородского разряда (Новгород, Псков, Торопец, Ржева Пустая, Тверь, Торжок, Старица, Великие Луки, Невль, Порхов, Гдов, Опочка, Остров, Изборск, Печерский монастырь), что соответствовало названию стола, в Новгородском столе ведались и некоторые замосковные города, лежащие к северо-востоку от столицы (Ярославль, Кострома, Галич, Ростов, Переславль Залесский). Новгородский стол ведал служилых людей этих городов службой, а также

отвечал за состояние укреплений и военные запасы этих городов. В компетенции Новгородского стола находились и некоторые города “смоленского взятия” (Смоленск, Белая, Дорогобуж); стол ведал списки служилых людей этих городов.

Поэтому в середине августа 185 г. и сентябре 186/1677 г. именно Новгородский стол руководил высылкой служилых людей из Ярославля в полки В.В. Голицына, И.В. Бутурлина, П.И. Хованского и Г.Г. Ромодановского, находящиеся на южной границе государства.

Для организации высылки новгородских служилых людей Разряд направил в Ярославль стряпчего А.В. Борщова. Любой уполномоченный чиновник получал из центрального учреждения, командировавшего его на место, инструкцию, или наказ. В наказе излагались суть дела, способы и методы его осуществления, этапы работы, полномочия чиновника, местные административные ресурсы, которыми он мог воспользоваться. Часто такой документ предназначался не только для использования самим чиновником, но и в качестве удостоверения его полномочий, и тогда назывался “наказ с прочетом”.

По разрядной инструкции А.В. Борщову было велено, приехав в Ярославль, послать в уезды отставных дворян, приставов, стрельцов, монастырских служек для высылки на службу ратных людей. Охват категорий служилых людей, подлежащих высылке, был максимально широк, в наказе все они были перечислены в соответствии с чиновной иерархией: стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы, рейтарского, драгунского и солдатского строев начальные люди, городовые дворяне и дети боярские, рейтары, мурзы, татары, новокрещены, белозерцы, драгуны, казаки, солдаты⁷⁴⁶. Поскольку речь шла о служилых людях, уклонившихся от полковой службы, их мобилизация проходила по другим законам, нежели первичная. За то, что каждый ратный человек, высланный в полк, не сбежит по дороге или из самого полка, должны были поручиться его сограждане. Списки высланных и поручные записи А.В. Борщов обязан был направить в соответствующие полки – в Путивль к В.В. Голицыну, во Мценск П.И. Хованскому, в Рыльск к И.В. Бутурлину, в Курск к Г.Г. Ромодановскому – “в котором полку по росписке велено быть”⁷⁴⁷.

Наказ определял и меры принуждения, которые А.В. Борщов имел право применить, если служилые люди “учнут избегат и укрыватца”: по его приказу следовало брать в тюрьму крестьян и бобылей этих ослушников, а если таковых нет, то арестовывать “сродников”⁷⁴⁸.

И в XVII в. государство с сомнением относилось к подданным, которых пришлось по болезни или даже за старостью отпустить со службы. Периодически таких людей вызывали на различные комиссии и проверяли их физическую готовность к службе. Естественно, что особенно подходящим поводом для таких проверок было начало весенне-летней пограничной службы или какого-либо похода. Поэтому следующим мероприятием, которое предстояло провести А.В. Борщову в Ярославле, был смотр отставных служилых людей. Их необходимо было осмотреть, взять у них засвидетельствованные ими копии всех возможных документов, подтверждающие их освобождение от службы – списки указов, грамот, отписок и памятей. Ре-

зультаты осмотра также необходимо было зафиксировать в письменной форме – “о болезнях и увечьях” записать в тетрадь⁷⁴⁹. Все собранные документы А.В. Борщов должен был представить в Разряд для включения их в общегосударственную систему данных о личном составе военного и административного аппарата.

В Разрядном приказе наказ стряпчему А.В. Борщову был подготовлен под руководством дьяка Л.Д. Домнина⁷⁵⁰.

Наказ был получен А.В. Борщовым 15 августа⁷⁵¹, а уже через пять дней в Ярославле на съезде двора начался досмотр отставных служилых людей и продолжался до конца сентября следующего года⁷⁵². На ярославском съезде двора комиссия в составе московского уполномоченного и местной администрации (воеводы и дьяка) осматривала являвшихся туда служилых людей, принимала у них принесенные с собой документы, а подьячий фиксировал результаты осмотра, обстоятельства отставки и наименование документов. Эти записи особенно ярко рисуют картину того, как проходила жизнь служилых людей, чего стоила этому сословию государственная повинность, возложенная на него – защищать страну. Один из служилых ярославцев сообщил, что сын его ранен под Конотопом, а другой сын и два внука в 169/1660-61 гг., служа в полку В.Б. Шереметева, были взяты в плен. Сам отставной служилый также был в Крыму в плену 2 года и вышел оттуда сам, а внуки находятся в плену до сих пор⁷⁵³. Другой служилый человек, С.И. Сушков, показал, что его “ноги болны, а явнoui болезни и ран на нем нет”, и предъявил память об отставке за справой подьячего А. Сидорова, данную ему на разборе в истекшем 184 г. С.И. Сушков сказал также, что с поместья его в 8 дворов служил сын, но в 169/1660-61 гг. он был взят “в Крым в полон” и пребывает там “доньине”⁷⁵⁴. Многие получали тяжкие увечья. Комиссия засвидетельствовала раны: отставного рейтара – “левыи локоть” пробит “из пушки навьлет”⁷⁵⁵; служилого ярославца – язва на лбу от раны, полученной под Конотопом “из винтовки, и пулка и доньине у него в той язве”⁷⁵⁶; служилого же ярославца – голова “рассечена”, язвы на руке и ноге, “среднего перста левои руки” нет – “отсечен”⁷⁵⁷ и т.п.

В связи с досмотром отставных служилых людей интересно отметить, что распространенное убеждение в том, что в XVII в. люди, тем более воевавшие, жили очень недолго, не подтверждается. Если служилый человек выживал в бесконечных боях, то крепкое здоровье позволяло ему достигнуть весьма внушительного, особенно по современным меркам, возраста. В тех случаях, когда в записях досмотра возраст отставных ярославцев указан точно (а не дано общее определение “стар”⁷⁵⁸), он всегда превышает 60 лет⁷⁵⁹, а часто достигает 70-80⁷⁶⁰, и даже 90⁷⁶¹ и 95⁷⁶² лет, причем некоторые немолодые служилые люди оставались в хорошей форме. Так, о 80-летнем служилом человеке было записано, что “явнoui болезни и скорби никакои нет”, но с его поместья (2 двора) никто не служит, так как у него один сын, “и тот в малых летех”⁷⁶³ (то есть никак не старше 15 лет – призывного возраста).

Продолжая досмотр отставных служилых людей, А.В. Борщов начал поиск и высылку нетчиков. Списки нетчиков – служилых людей, владевших поместьями в Ярославском уезде и принадлежавших к городовым корпора-

циям Ярославля, Переславля Залесского, Ростова, были получены стряпчим из съезжих изб этих городов. Поэтому высылку этих групп служилых людей А.В. Борщов начал вскоре после прибытия в Ярославль. Первая группа – ростовцы – были высланы 25 августа 185 г.⁷⁶⁴

Списки нетчиков – служилых людей московских чинов и представителей городских корпораций Смоленска, Белой, Дорогобужа, имевших поместья в Ярославском уезде и приписанных к полкам В.В. Голицына, П.И. Хованского и И.В. Бутурлина, были доставлены в Ярославль из Разряда уже по прибытии А.В. Борщова в город, 29 августа 185 г. Составление “нетной росписи” лиц указанных категорий контролировал в Разрядном приказе дьяк П.И. Ковелин, что свидетельствует о важности документа для военного ведомства; сопроводительная грамота была написана под руководством дьяка Ф.Л. Шакловитого⁷⁶⁵.

Для организации высылки нетчиков А.В. Борщов привлек местный административный ресурс – “с съезжего двора посыланы с наказными памятми отставные дворяне” К.Т. Сушков с двенадцатью коллегами⁷⁶⁶. Следует отметить некоторую особенность помощников А.В. Борщова. Возраст главы отряда высельщиков, Константина Тимофеевича Сушкова, составлял 84 года⁷⁶⁷, другие были не моложе 60 лет⁷⁶⁸, однако отставку большая их часть получила только накануне, в 184 г. на разборном смотре стольника кн. Н.Т. Урусова и подьячего Т. Кобякова⁷⁶⁹.

Вероятно, командировка специальных уполномоченных осуществлялась Разрядным приказом тогда, когда дело было весьма спешным. Так, стряпчий А.В. Борщов был направлен в Ярославский уезд в середине августа, в разгар тяжелейших боев за Чигирин, когда исход операции был неясен и предполагалось введение в боевые действия дополнительного воинского контингента.

К сожалению, конец архивного дела утрачен, поэтому с точностью определить дальнейшую судьбу комплекса документов, созданного в процессе миссии А.В. Борщова, затруднительно. Естественно, что, как и было определено в наказе, материалы были доставлены “к великому государю к Москве” и поданы “в Разряде дьяком думному” В.Г. Семенову, П.И. Ковелину, Ф.Л. Шакловитому и Л.А. Домнину⁷⁷⁰. По всей видимости, затем они были направлены в Новгородский стол приказа и взяты в работу его сотрудниками.

Подводя итог, можно сказать, что, за исключением генеральных, стратегических задач, все вопросы военного управления Разрядный приказ решал самостоятельно, без согласования с верховной властью, через подчиненные ему органы местной администрации и полковые канцелярии – разрядные шатры. Последние же, в свою очередь, в своей работе во многом полагались на среднее командное звено полков.

В самой важной из областей деятельности Разряда – ратном деле – определяющая роль руководителя приказа была наиболее заметной. Решения по текущим делам управления границей, ее укреплениями и пограничными войсками, находящимися там как на постоянной основе, так и временно, принимал исключительно В.Г. Семенов. Все три товарища думного дьяка только исполняли его распоряжения; при этом наибольшая нагрузка, как по

объему, так и по кругу дел, лежала на П.И. Ковелине: он осуществлял связь с пограничными крепостями всей Белгородской черты и с командованием Белгородского полка по экстренным и по текущим делам обороны. Второй разрядный дьяк, Ф.Л. Шакловитый, также вел переписку с воеводами пограничных крепостей, однако в гораздо меньшем объеме и только по экстренным вопросам; с командованием Белгородского полка он разрешал дела военно-административного управления юга России. Третий товарищ думного дьяка, Л.А. Домнин, был наименее задействован в этой сфере деятельности приказа и подключался ко всем делам, касающимся обороны южной границы, которые вели два старших дьяка, когда в этом возникала необходимость. На второго и третьего товарищей думного дьяка возлагалось также руководство отдельными временными мероприятиями по обороне южных границ – мобилизация “нетчиков” в один из временных полков, организация поставок в Чигирин продовольствия из областей Малой России.

В ходе военных кампаний – в 185 г. это был первый Чигиринский поход – деятельность начальника Разряда была также связана с ключевыми, определяющими моментами в военном строительстве. Им были утверждены принципы формирования частей южной армии, проведена разверстка служилых людей высших, московских чинов по полкам, определены состав полковых разрядных шатров и мероприятия по “призыву” столичных и городских подьячих в полки. В ходе мобилизации подьячих В.Г. Семенов принимал решения по всем вопросам, связанным с высылкой подьячих из московских приказов и с мест, в том числе о выплате им денежных пособий.

П.И. Ковелину была поручена разверстка служилых людей некоторых городских корпораций по полкам южных армий; он же занимался непосредственной организацией высылки подьячих в полки из приказов и из городов. Ф.Л. Шакловитый практически не участвовал в организации армейских частей; его деятельность была направлена на мобилизацию городских подьячих. При подготовке Чигиринского похода Л.А. Домнину были поручены вспомогательные работы по разверстке служилых людей московских чинов по полкам, он также участвовал в высылке приказных подьячих в полки. Второй и третий дьяки Разряда отдавали распоряжения подготовить выписки по челобитным подьячих о выплате пособий для полковой службы, на основании которых В.Г. Семенов и П.И. Ковелин принимали решения. Ф.Л. Шакловитый и Л.А. Домнин отдавали распоряжения о выплате денег разрядным подьячим из казны Разряда.

Все дьяки приказа, в том числе думный, лично регистрировали приказных подьячих, прибывавших в Разряд для прохождения полковой службы.

- 1 210.6д.95.Л.32об.-33.
- 2 210.6д.95.Л.126.
- 3 Дворцовые разряды. Т. 4. Спб., 1855.
Ст.10-11.
- 4 210.6д.95.Л.34об.
- 5 210.6д.95.Л.35об.
- 6 210.6д.95.Л.69.
- 7 210.6д.95.Л.41об.-42.
- 8 210.6д.95.Л.126-127.
- 9 210.6д.95.Л.76-79.
- 10 210.6д.95.Л.36-36об.
- 11 210.6д.95.Л.45-47об.
- 12 210.6д.95.Л.53-56об.
- 13 210.6д.95.Л.72-75об.
- 14 210.6д.95.Л.132об-135, 135об-137, 137-
139.
- 15 210.6д.95.Л.156-160об.
- 16 210.6д.95.Л.33-34об.
- 17 210.6д.95.Л.34об-35об.
- 18 210.6д.95.Л.126-128
- 19 210.6д.95.Л.128-130об.
- 20 210.6д.95.Л.130об-132об.
- 21 210.6д.95.Л.130об-132об.
- 22 210.6д.95.Л.130об.
- 23 210.6д.95.Л.135.
- 24 210.6д.95.Л.139об-141.
- 25 210.6д.95.Л.72-75об.
- 26 210.6д.95.Л.73, 74.
- 27 210.9а.529.Ст.3.Л.145-148.
- 28 210.9а.529.Ст.3.Л.156-156об., 159-167.
- 29 210.9а.529.Ст.3.Л.145об., 156об.
- 30 210.9а.529.Ст.3.Л.145.
- 31 210.9а.529.Ст.3.Л.156.
- 32 210.9а.529.Ст.3.Л.148.
- 33 210.9а.529.Ст.3.Л.147.
- 34 210.9а.529.Ст.3.Л.145об.
- 35 210.9а.529.Ст.3.Л.145об., 148.
- 36 210.9а.529.Ст.3.Л.156, 163.
- 37 210.6д.95.Л.36-36об.
- 38 210.6д.95.Л.161-162об.
- 39 210.6д.95.Л.80.
- 40 210.6д.95.Л.69.
- 41 210.6д.95.Л.69.
- 42 210.6д.95.Л.70.
- 43 210.9д.95.Л.81-107об.
- 44 210.6д.95.Л.108.
- 45 210.6д.95.Л.70об.-71об.
- 46 210.6д.95.Л.53-56об.
- 47 210.6д.95.Л.56об-58.
- 48 210.6д.95.Л.67об-68об.
- 49 210.6д.95.Л.58-59об.
- 50 210.6д.95.Л.47об-53.
- 51 210.6д.95.Л.47об-53.
- 52 210.6д.95.Л.32об.
- 53 210.6д.95.Л.1.
- 54 210.6д.95.Л.68об.
- 55 210.6д.95.Л.1.
- 56 210.6д.95.Л.2об.
- 57 *Завоевщик – лицо, находящееся в по-
ходе при воеводе для выполнения его
поручений.*
- 58 210.6д.95.Л.2.
- 59 210.6д.95.Л.2.
- 60 210.6д.95.Л.3-4об.
- 61 210.6д.95.Л.6, 8об., 9, 9об., 10 и др.
- 62 210.6д.95.Л.8.
- 63 210.6д.95.Л.15об.
- 64 210.6д.95.Л.1.
- 65 210.6д.95.Л.4об.
- 66 210.6д.95.Л.81-107об.
- 67 210.6д.95.Л.2об.
- 68 21.6д.95.Л.45-47об.
- 69 210.6д.95.Л.80.
- 70 210.6д.95.Л.69-70.
- 71 210.6д.95.Л.43об-44об.; 47об.-51об.,
51об.-53, 72-73, 74об.-75об., 132об.-135,
137-139, 139об.-141.
- 72 210.6д.95.Л.45-47об., 58-59об.,
- 73 210.6д.95.Л.123-125об.
- 74 210.6д.95.Л.53-56об.
- 75 210.6д.95.Л.56об-58.
- 76 210.6д.95.60-67лб.
- 77 210.6д.95.Л.160об-161об.
- 78 210.6д.95.Л.159-160об.
- 79 210.6д.95.Л.126-135об.
- 80 210.6а.38.Л.1.
- 81 210.6а.38.Л.1.
- 82 210.6а.38.Л.22.
- 83 210.6а.38.Л.22.
- 84 210.6а.38.Л.22об.
- 85 210.6а.38.Л.22об.
- 86 210.6а.38.Л.22об.
- 87 210.6а.38.Л.8, 16.
- 88 210.6а.38.Л.1-22.
- 89 210.6а.38.Л.29.
- 90 210.6а.38.Л.52, 53об. и др.
- 91 210.6а.38.Л.44об.
- 92 210.6а.38.Л.28.
- 93 *Далее строка внизу листа не читается
из-за порчи бумаги.*
- 94 *Так в ркп.*
- 95 *Написано по зачеркнутому списками.*
- 96 210.6а.38.Л.28-28об.
- 97 210.6а.38.Л.44об.
- 98 210.6а.38.Л.52.
- 99 210.6а.38.Л.66.
- 100 210.6а.38.Л.70об.
- 101 210.6а.38.Л.71об.
- 102 210.6а.38.Л.72.
- 103 210.6а.38.Л.72об.
- 104 210.6а.38.Л.72об.
- 105 210.6а.38.Л.74.
- 106 210.6а.38.Л.75об.-76.
- 107 210.6а.38.Л.76об.
- 108 210.6а.38.Л.29-79.
- 109 210.6а.38.Л.29-79.
- 110 210.6а.38.Л.123.
- 111 210.6а.38.Л.23-27.

- 112 210.6а.38.Л.48-80об., 49-49об., 50-50об.,
51-51об., 65-65об.
- 113 210.6а.38.Л.64об.
- 114 210.6а.38.Л.73.
- 115 210.6а.38.Л.85.
- 116 210.6а.38.Л.84-121.
- 117 210.6а.38.Л.121об.
- 118 210.6а.38.Л.84об.
- 119 210.6а.38.Л.91.
- 120 210.6а.38.Л.92.
- 121 210.6а.38.Л.97об.
- 122 210.6а.38.Л.108.
- 123 210.6а.38.Л.97об.-101об.
- 124 210.6а.38.Л.102.
- 125 210.6а.38.Л.103.
- 126 210.6а.38.Л.104.
- 127 210.6а.38.Л.106об.
- 128 210.6а.38.Л.107-107об.
- 129 210.6а.38.Л.107об.
- 130 210.6а.38.Л.97об.-107об.
- 131 210.6а.38.Л.84об.-97, 108-121об.
- 132 210.6а.38.Л.94об.
- 133 210.6а.39.Л.27об.
- 134 210.6а.39.Л.33об.
- 135 210.6а.39.Л.34.
- 136 210.6а.39.Л.51, 76об., 78об., 102, 130,
133, 134.
- 137 210.6а.39.Л.79.
- 138 210.6а.39.Л.6об.
- 139 210.6а.39.Л.7.
- 140 210.6а.39.Л.12об.
- 141 210.6а.39.Л.7, 13.
- 142 210.6а.39.Л.8.
- 143 210.6а.39.Л.13об.
- 144 210.6а.39.Л.16.
- 145 *Так в ркп., следует читать Днепру.*
- 146 210.6а.39.Л.77.
- 147 210.6а.39.Л.103.
- 148 210.6а.39.Л.132.
- 149 210.6а.39.Л.135.
- 150 210.6а.39.Л.103-107, 113,115об., 116об.,
121об., 126-128об. и др.
- 151 210.6а.39.Л.140-346.
- 152 210.6а.39.Л.108об.
- 153 210.6а.39.Л.119об.
- 154 *Далее нрзб.*
- 155 210.6а.39.Л.120об.
- 156 210.6а.39.Л.107об.
- 157 210.6а.39.Л.111об.
- 158 210.6а.39.Л.112.
- 159 210.9в.277.Л.433-435.
- 160 210.9в.277.Л.420-422.
- 161 210.9в.277.Л.423-427об.
- 162 210.9в.277.Л.428.
- 163 210.9в.277.Л.431.
- 164 210.9в.277.Л.431-432.
- 165 210.9в.277.Л.428-430.
- 166 210.9в.277.Л.423-427об.
- 167 210.9в.277.Л.420-422.
- 168 210.9в.277.Л.433-435.
- 169 210.9в.277.Л.444.
- 170 210.9в.277.Л.435.
- 171 *Исправлено из 141.*
- 172 210.9в.277.Л.436.
- 173 210.9в.277.Л.439.
- 174 210.9в.277.Л.439-441.
- 175 210.9в.277.Л.442-443.
- 176 210.9в.277.Л.444.
- 177 210.9в.277.Л.444.
- 178 210.9в.277.Л.439-441об.
- 179 210.9в.277.Л.433-435.
- 180 210.9а.529.Ст.1.Л.63-81об.
- 181 210.9а.529.Ст.1.63-81.
- 182 210.9а.529.Ст.1.Л.63.
- 183 210.9а.529.Ст.1.Л.82-85об.
- 184 210.9а.529.Ст.1.Л.86-94об.
- 185 210.9а.531.Ст.1.Л.1-25об.
- 186 210.9а.531.Ст.1.Л.26-52об.
- 187 210.9а.531.Ст.1.Л.53-104об.
- 188 210.9а.531.Ст.1.Л.105-136.
- 189 210.9а.531.Ст.1.Л.137-180.
- 190 210.9а.531.Ст.1.Л.181-257.
- 191 210.9а.531.Ст.1.Л.258-289.
- 192 210.9а.531.Ст.1.Л.290-347.
- 193 210.9а.531.Ст.1.Л.348-399.
- 194 210.9а.531.Ст.1.Л.400-509.
- 195 210.9а.531.Ст.1.Л.54.
- 196 210.9а.531.Ст.1.Л.107.
- 197 210.9а.531.Ст.1.Л.181.
- 198 210.9а.531.Ст.1.Л.9-9об.
- 199 210.9а.531.Ст.1.Л.8.
- 200 210.9а.531.Ст.1.Л.1-1об.
- 201 210.9а.531.Ст.1.Л.57об.
- 202 210.9а.531.Ст.1.Л.70об.
- 203 210.9а.531.Ст.1.Л.4об., 7об., 10об.
- 204 210.9а.531.Ст.1.Л.5об., 6, 10.
- 205 210.9а.531.Ст.1.Л.6об., 24.
- 206 210.9а.531.Ст.1.Л.17об., 18об.
- 207 210.9а.531.Ст.1.Л.13об., 14об., 19об.
- 208 210.9а.531.Ст.1.Л.16об.
- 209 210.9а.531.Ст.1.Л.20об.
- 210 210.9а.531.Ст.1.Л.21об.
- 211 210.9а.531.Ст.1.Л.1об.
- 212 210.9а.531.Ст.1.Л.2об.
- 213 210.9а.531.Ст.1.Л.29, 30, 32, 47, 52.
- 214 210.9а.531.Ст.1.Л.31, 39.
- 215 210.9а.531.Ст.1.Л.28, 46, 51.
- 216 210.9а.531.Ст.1.Л.33об.
- 217 210.9а.531.Ст.1.Л.37об.
- 218 210.9а.531.Ст.1.Л.53-53об.
- 219 210.9а.531.Ст.1.Л.348.
- 220 210.9а.531.Ст.1.Л.408об.
- 221 210.9а.531.Ст.1.Л.409об.
- 222 210.9а.531.Ст.1.Л.407об., 503об.
- 223 *Жилец сотни Я.Г.Левашова.*
- 224 210.9а.531.Ст.1. Л.140об.
- 225 *Так в ркп.*
- 226 210.9а.531.Ст.1.Л.323.
- 227 210.9а.531.Ст.1.Л.57, 58, 59, 61, 62 и др.
- 228 210.9а.531.Ст.1.Л.63.

- 229 210.9а.531.Ст.1.Л.110, 112, 114.
230 210.9а.531.Ст.1.Л.271.
231 210.9а.531.Ст.1.Л.290об.
232 210.9а.531.Ст.1.Л.250об., 137об.
233 210.9а.531.Ст.1.Л.403.
234 210.9а.531.Ст.1.Л.404.
235 210.9а.531.Ст.1.Л.417.
236 210.9а.531.Ст.1.Л.457.
237 210.9а.531.Ст.1.Л.501.
238 *Податель предыдущей сказки.*
239 210.9а.531.Ст.1.Л.468.
240 210.9а.531.Ст.1.Л.453-453об.
241 210.9а.531.Ст.1.Л.93 об.
242 *Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII.*
Т.13. М., 1991. С.206.
243 210.6ж.130.Л.96-96 об.
244 210.6ж.130. Л.96 об.
245 210.6д.95. Л.100об.
246 210. 6ж.130. Л.106 об.
247 210.6ж.130. Л.113 об.
248 210.6ж.130.Л.122 об.
249 210.6ж.130.Л.123.
250 210.6ж.130.Л.123 об.
251 210.6ж.130.Л.124 об.-125.
252 210.6ж.130.Л.128.
253 *Временник МОИДР. Кн.6. С.39; Кн.12.*
С.33-34; Кн.13. С.32-34.
254 Там же. Кн.13. С.33.
255 Там же. Л.155.
256 Там же. Кн.13. С.34.
257 210.9а.527.Л.83.
258 210.9а.527.Л.83.
259 210.9а.527.Л.85.
260 210.9а.527.Л.84.
261 210.9а.527.Л.224-224об.
262 210.9а.527.Л.112-113.
263 210.9а.527.Л.123-124.
264 210.9а.527.Л.147-148.
265 210.9а.527.Л.224.
266 210.9а.527.Л.113.
267 210.9а.527.Л.147об.
268 210.9а.527.Л.112об.
269 210.9а.527.Л.97об., 112об. и др.
270 210.9а.527.Л.93об.
271 210.9а.527.Л.123об.
272 210.9а.527.Л.124.
273 210.9а.527.Л.148.
274 210.9д.95.Л.81-107об.
275 210.9а.527.Л.116.
276 210.9а.527.Л.91, 104, 202, 209.
277 210.9а.527.Л.101об.,
278 210.9а.527.Л.202об.
279 210.9а.527.Л.209об.
280 210.9а.527.Л.91об.
281 210.9а.527.Л.94.
282 210.9а.527.Л.114-116.
283 210.9а.527.Л.97.
284 210.9а.527.Л.98-99.
285 210.9а.527.Л.97об.
286 210.9а.527.Л.98об.
287 210.9а.527.Л.114об.
288 *п переправлено из отослат.*
289 *Далее зачеркнуто* Григорью.
290 210.9а.527.Л.94об.
291 210.9а.527.Л.89-90.
292 210.9а.527.Л.89об.
293 210.9а.527.Л.127.
294 210.9а.527.Л.127об.
295 210.9а.527.Л.125-126.
296 210.9а.527.Л.86-87.
297 210.9а.527.Л.86об.
298 210.9а.527.Л.97-99об.
299 210.9а.527.Л.205-206.
300 210.9а.527.Л.206об.
301 210.9а.527.Л.207-208.
302 210.9а.527.Л.252.
303 210.9а.527.Л.252об.
304 210.9а.527.Л.191-192.
305 210.9а.527.Л.195.
306 210.9а.527.Л.192-193.
307 210.9а.527.Л.196.
308 210.9а.527.Л.190-191.
309 210.9а.527.Л.191-193.
310 210.9а.527.Л.194-195.
311 210.9а.527.Л.195-196.
312 210.9а.527.Л.197.
313 210.9а.527.Л.197об.
314 *Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-
XVII вв. С.368.*
315 Там же.
316 Там же. С.369.
317 210.9а.527.Л.96.
318 210.9а.527.Л.83.
319 210.9а.527.Л.86, 89, 93, 94, 97, 98, 104,
147, 205, 209.
320 210.9а.527.Л.91, 107, 112, 114, 121, 123,
125, 127, 202.
321 210.9а.527.Л.199, 224.
322 210.9а.527.Л.94об., 98об., 104об., 202об.,
224об.
323 210.9а.527.Л.91об., 93об., 123об., 147об.
324 210.9а.527.Л.97об., 112об., 114об., 209об.
325 210.9а.527.Л.86об., 89об., 121об., 199об.,
205об., 252об.
326 210.9а.527.Л.125об., 127об.
327 210.9а.527.Л.116, 124.
328 210.9а.527.Л.148.
329 210.9а.527.Л.83.
330 210.9а.527.Л.84, 86, 89, 93, 97, 104.
331 210.9а.527.Л.86-87об., 199-199об.
332 210.9а.527.Л.97-97об.
333 210.9а.527.Л.98-99об.
334 210.9а.527.Л.89-90об., 127-127об.
335 210.9а.527.Л.91-92об., 93-93об., 94-94об.,
104-104об.
336 210.9а.527.Л.121-122об., 123-124об., 125-
126об.
337 210.9а.527.Л.100-101.
338 210.9а.527.Л.100-101.
339 210.9а.527.Л.101.

- 340 210.9а.527.Л.102.
341 210.9а.527.Л.102.
342 210.9а.527.Л.102.
343 210.9а.527.Л.103.
344 210.9а.527.Л.176.
345 210.9а.527.Л.167 об.
346 210.9а.527.179 об.
347 210.9а.527.Л.182-182 об.
348 210.9а.527.Л.182 об.
349 210.9а.527.Л.117.
350 210.9а.527.Л.108.
351 210.9а.527.Л.129.
352 210.9а.527.Л.211.
353 210.9а.527.Л.108об.
354 210.9а.527.Л.134об., 211об., 216об.
355 210.9а.527.Л.111.
356 210.6а.1.Л.277; Русская историческая библиотека. Т.IX. С.520-522.
357 210.9а.527.Л.134.
358 210.9а.527.Л.211.
359 210.9а.527.Л.216.
360 210.9а.527.Л.109-111.
361 210.9а.527.Л.135-137.
362 210.9а.527.Л.212-214.
363 210.9а.527.Л.219-221.
364 210.9а.527.Л.117-117об., 129-129об.
365 210.9а.527.Л.136.
366 210.9а.527.Л.221.
367 210.9а.527.Л.213-214.
368 210.9а.527.Л.211-212.
369 210.9а.527.Л.117об.
370 210.9а.527.Л.137.
371 210.9а.527.Л.129об., 211-212.
372 210.9а.527.Л.117об.
373 210.9а.527.Л.118об.
374 *Далее зачеркнута, видимо, автоматически написанная формулировка для того что не ходили.*
375 210.9а.527.Л.137.
376 210.9а.527.Л.145.
377 *Далее зачеркнута указ учинит.*
378 210.9а.527.Л.145об.
379 210.9а.527.Л.146-146об.
380 210.9а.527.Л.138-138об.
381 210.9а.527.Л.139-142.
382 210.9а.527.Л.138-142.
383 210.9а.527.Л.118.
384 *Далее зачеркнуто отпущена.*
385 210.9а.527.Л.144.
386 *Далее знак "крыж" и зачеркнуто в Рыльску для писма в полку боярина и воевод Ивана Василевича Бутурлина с товарищи.*
387 *Вставка на обороте со знаком "крыж"*
388 210.9а.527.Л.130-130об.
389 210.9а.527.Л.211-214.
390 *Так в ркп.*
391 210.9а.527.Л.214.
392 210.9а.527.Л.216-221.
393 *Развернутый краткий титул заменен принятым во внутреннем делопроиз-*
водстве приказа сокращением в виде буквы т в кружочке.
394 *Далее зачеркнуто на.*
395 210.9а.527.Л.222.
396 *Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С.220.*
397 210.9а.527.Л.255.
398 210.9а.527.Л.255об.
399 *Нрзб.*
400 210.9а.527.Л.225.
401 210.9а.527.Л.225об.
402 210.9а.527.Л.138об., 216об., 225об.
403 210.9а.527.Л.108об. (*Ф.Л. Шакловитый*), 134об. (*Л.А. Домнин*), 211об. (*П.И. Ковелин*).
404 210.9а.527.Л.225-225об., 255-255об.
405 210.9а.527.Л.109-111, 134-137, 138-142, 217-221.
406 210.9а.527.Л.211-214.
407 210.9а.527.Л.118 (*Л.А. Домнин*), 143-144 (*П.И. Ковелин*).
408 210.9а.527.Л.130.
409 210.9а.527.Л.222.
410 210.9а.527.Л.214.
411 210.9а.527.Л.137об., 142об., 214об.
412 210.9а.527.Л.146об.
413 210.9а.527.Л.108-111.
414 210.9а.527.Л.134-137.
415 210.9а.527.Л.117-118об.
416 210.9а.527.Л.145-146об.
417 210.9а.527.Л.129-130.
418 210.9а.527.Л.217-222.
419 *Так в ркп., следует читать Нармацкий.*
420 210.9а.527.Л.119-119об.
421 210.9а.527.Л.131-131об.
422 210.9а.527.Л.131об.
423 210.9а.527.Л.132-133.
424 210.9а.527.Л.120.
425 210.9а.527.Л.131об.
426 210.9а.527.Л.177-181.
427 210.9а.527.Л.178, 181.
428 210.9а.527.Л.179.
429 210.9а.527.Л.179.
430 210.9а.527.Л.180, 181.
431 210.9а.527.Л.181.
432 210.9а.527.Л.177, 178, 179.
433 210.9а.527.Л.177.
434 210.9а.527.Л.182-184.
435 210.9а.527.Л.177-181.
436 210.9а.527.Л.177.
437 210.9а.527.Л.178.
438 210.9а.527.Л.179.
439 210.9а.527.Л.177.
440 210.9а.527.Л.177-181.
441 210.9а.527.Л.185.
442 210.9а.527.Л.182.
443 210.9а.527.Л.182.
444 *Нрзб.*
445 210.9а.527.Л.188об.
446 210.9а.527.Л.188-189об.

447 210.9а.527.Л.229-230.
448 210.9а.527.Л.186об.
449 210.9а.527.Л.186-187об.
450 210.9а.527.Л.228.
451 210.9а.527.Л.228об.
452 210.9а.527.Л.229.
453 *Нрзб.*
454 210.9а.527.Л.229-230.
455 210.9а.527.Л.226-227.
456 210.9а.527.Л.226об.
457 210.9а.527.Л.244.
458 210.9а.527.Л.245-248.
459 210.9а.527.Л.244-249.
460 210.9а.527.Л.250-251.
461 210.9а.527.Л.231-233.
462 210.9а.527.Л.231-233.
463 210.9а.527.Л.234-236, 237-239об.
464 210.9а.527.Л.256.
465 210.9а.527.Л.256об.
466 210.9а.527.Л.257-259.
467 210.9а.527.Л.260-262.
468 210.9а.527.Л.253-254.
469 210.9а.527.Л.253об.
470 210.5.45.Л.261-261об.
471 210.9а.527.Л.255-255об.
472 210.9а.527.Л.229.
473 210.9а.527.Л.229.
474 210.9а.527.Л.211-214об.
475 210.9а.527.Л.229.
476 210.9а.527.Л.186-187об., 188-189об.
477 210.9а.527.Л.231-233об., 237-239об.
478 210.9а.527.Л.253-254об.
479 210.9а.527.Л.244-249об.
480 210.9а.527.Л.253-254.
481 210.9а.527.Л.226об.
482 210.9а.527.Л.228об.
483 210.9а.527.Л.186об.
484 210.9а.527.Л.188об.
485 210.9а.527.Л.176-181.
486 210.9а.527.Л.185, 188-189об.
487 210.9а.527.Л.234-236, 237-239.
488 210.9а.527.Л.226-227.
489 210.9а.527.Л.226-226об.
490 210.9а.527.Л.228-230.
491 210.9а.527.Л.244-249об.
492 210.9а.527.Л.234-236, 237-239об., 256-
256об., 257-259, 260-262.
493 210.9а.527.Л.257-259, 260-262.
494 210.9а.527.Л.231-233об., 250.
495 210.9а.527.Л.239.
496 210.9а.527.Л.226об.
497 210.9а.527.Л.253об.
498 210.9а.527.Л.256об.
499 210.6а.79.Л.1а-78об.
500 210.6а.79.Л.1.
501 *Нрзб.*
502 210.6а.79.Л.22.
503 *Сразу оговоримся, что в задаче исследова-*
ния не входило полное источниково-
ведческое описание и анализ этого до-

кумента; внимание обращалось лишь на
те аспекты, которые непосредственно
связаны с целью работы.
504 210.6а.79.Л.5, 21, 34.
505 210.6а.79.Л.72.
506 210.6а.79.Л.47.
507 210.6а.79.Л.34, 88об.
508 210.6а.79.Л.88об.
509 210.6а.79.Л.89.
510 210.6а.79.Л.5об.
511 210.6а.79.Л.50.
512 210.6а.79.Л.23об.
513 210.6а.79.Л.76.
514 210.6а.79.Л.2.
515 210.6а.79.Л.13.
516 210.6а.79.Л.13об.
517 210.6а.79.Л.65об.
518 210.6а.79.Л.9
519 210.6а.79.Л.61об.
520 210.6а.79.Л.5.
521 210.6а.79.Л.2.
522 210.6а.79.Л.3.
523 210.6а.79.Л.5об.
524 210.6а.79.Л.5об.
525 210.6а.79.Л.6.
526 210.6а.79.Л.7.
527 210.6а.79.Л.21.
528 210.6а.79.Л.10.
529 210.6а.79.Л.11.
530 210.6а.79.Л.11об.
531 210.6а.79.Л.15.
532 210.6а.79.Л.16.
533 210.6а.79.Л.17об.
534 210.6а.79.Л.58об.
535 210.6а.79.Л.52.
536 210.6а.79.Л.34.
537 210.6а.79.Л.34.
538 210.6а.79.Л.13об.
539 210.6а.79.Л.14.
540 210.6а.79.Л.21.
541 210.6а.79.Л.22об.
542 210.6а.79.Л.58об.
543 210.6а.79.Л.48.
544 210.6а.79.Л.49об.
545 2210.6а.79.Л.54.
546 210.6а.79.Л.54-54об.
547 210.6а.79.Л.67.
548 210.6а.79.Л.70об.
549 210.6а.79.Л.3.
550 210.6а.79.Л.6об.
551 210.6а.79.Л.20.
552 210.6а.79.Л.77-78.
553 210.6а.79.Л.5об.
554 210.6а.79.Л.50.
555 210.6а.79.Л.406-407.
556 210.6а.79.Л.407.
557 210.6а.79.Л.406, 408.
558 210.6а.79.Л.410.
559 210.6а.79.Л.409об.
560 210.6а.79.Л.411об.

- 561 210.6а.79.Л.407, 408, 408об.
562 210.6а.79.Л.407.
563 210.6а.79.Л.407об.
564 210.6а.79.Л.407об.
565 210.6а.79.Л.407об., 409об.
566 210.6а.79.Л.409.
567 210.6а.79.Л.409.
568 210.6а.79.Л.410.
569 *Так в ркп.*
570 210.6а.79.Л.410.
571 210.6а.79.Л.407.
572 210.6а.79.Л.407.
573 210.6а.79.Л.411-411об.
574 210.6а.79.Л.412-412об.
575 210.6а.79.Л.411об.
576 210.6а.79.Л.411об.
577 210.6а.79.Л.11, 82.
578 210.6а.79.Л.17об., 103об.
579 210.6а.79.Л.148, 35.
580 210.6а.79.Л.187, 43.
581 210.6а.79.Л.10.
582 210.6а.79.Л.13об.
583 210.6а.79.Л.14.
584 210.6а.79.Л.22об.
585 210.6а.79.Л.21.
586 210.6а.79.Л.31об., 133об.
587 210.6а.79.Л.34, 147.
588 210.6а.79.Л.24, 27об., 29об., 30, 31об.,
124, 127, 129об., 134.
589 210.6а.79.Л.94-94об., 145-146.
590 210.6а.79.Л.108-108об.
591 210.6а.79.Л.109-110об.
592 210.6а.79.Л.111.
593 210.6а.79.Л.138-138об.
594 210.6а.79.Л.152-156об.
595 210.6а.79.Л.156об.
596 210.6а.79.Л.108-108об.
597 210.6а.79.Л.152-156об.
598 210.6а.79.Л.154.
599 210.6а.79.Л.84-84об.
600 210.6а.79.Л.85-85об.
601 210.6а.79.Л.86-86об.
602 210.6а.79.Л.87.
603 210.6а.79.Л.88-90об.
604 210.6а.79.Л.91-93об.
605 210.6а.79.Л.88.
606 210.6а.79.Л.88об.
607 210.6а.79.Л.89.
608 210.6а.79.Л.90.
609 210.6а.79.Л.90об.
610 210.6а.79.Л.92об.
611 210.6а.79.Л.94-99, 108-122об., 130-
132об., 137-144, 145-146, 152-180об., 191-
207.
612 210.6а.79.Л.141об.
613 210.6а.79.Л.144.
614 210.6а.79.Л.180об.
615 210.6а.79.Л.181-190.
616 *Деньги, которые брались по 1 р. с каж-
дого крестьянского или бобыльского
двора, принадлежавшего служилому че-
ловлеку, не явившемуся в назначенный
срок в полк (это были и "нетчики",
и не выехавшие на службу по уважи-
тельной причине).*
617 210.6а.79.Л.191-207.
618 210.6а.79.Л.208-239об.
619 210.6а.79.Л.240-241об.
620 210.6а.79.Л.264-285.
621 210.6а.79.Л.286, 47.
622 210.6а.79.Л.264-270.
623 210.6а.79.Л.273об.
624 210.6а.79.Л.216об.
625 210.6а.79.Л.272, 215.
626 210.6а.79.Л.229-239об.
627 210.6а.79.Л.243-258.
628 210.6а.79.Л.251об.
629 210.6а.79.Л.255об.
630 210.6а.79.Л.292-312об.
631 210.6а.79.Л.29об.
632 210.6а.79.Л.58.
633 210.6а.79.Л.298об.-300об.
634 210.6а.79.Л.301об.
635 210.6а.79.Л.298-302.
636 210.6а.79.Л.73об.
637 210.6а.79.Л.306об.
638 210.6а.79.Л.258.
639 210.6а.79.Л.293об., 295.
640 210.6а.79.Л.274об., 217об.; 276об.,
219об.
641 210.6а.79.Л.297.
642 210.6а.79.Л.306.
643 *Далее зачеркнуто в Белогороцком.*
644 210.6а.79.Л.306об.
645 210.6а.79.Л.292.
646 210.6а.79.Л.292об.
647 210.6а.79.Л.299об.
648 210.6а.79.Л.301об.
649 210.6а.79.Л.300.
650 210.6а.79.Л.301об.
651 210.6а.79.Л.302об.
652 210.6а.79.Л.296об.
653 210.6а.79.Л.342-343об.
654 210.6а.79.Л.348.
655 210.6а.79.Л.344об-345.
656 210.6а.79.Л.359.
657 210.6а.79.Л.360.
658 210.6а.79.Л.286-291.
659 210.6а.79.Л.259-263, 313-316.
660 210.6а.79.Л.263.
661 210.6а.79.Л.311.
662 210.6а.79.Л.260об.
663 210.6а.79.Л.313об.
664 210.6а.79.Л.313-316.
665 210.6а.79.Л.341об.
666 210.6а.79.Л.344об., 348, 354об., 359, 360.
667 210.6а.79.Л.365об.
668 210.6а.79.Л.342об., 351, 360.
669 210.6а.79.Л.342об., 343об., 344об., 345,
351.

- 670 210.6a.79.Л.351об.
671 210.6a.79.Л.358
672 210.6a.79.Л.360об.
673 210.6a.79.Л.362об.
674 210.6a.79.Л.358.
675 210.6a.79.Л.361об.
676 210.6a.79.Л.361об.
677 210.6a.79.Л.343об.-344.
678 210.6a.79.Л.354об.
679 210.6a.79.Л.342-367.
680 210.6a.80.
681 210.6.79.Л.208-240об.
682 210.6a.80.Л.36.
683 210.6a.80.Л.37-52об.
684 210.6a.80.Л.52об.
685 210.6a.80.Л.67об.
686 210.6a.80.Л.67об.
687 210.6a.80.Л.89, 90об., 95об., 114об.,
149об.
688 210.6a.80.Л.100об., 155.
689 210.6a.80.Л.157.
690 210.6a.80.Л.157-189об.
691 210.6a.80.Л.189об.
692 210.6a.80.Л.190-236.
693 210.6a.80.Л.236.
694 210.6a.80.Л.52об., 67об.
695 210.6a.80.Л.89об., 90об., 95об., 100об.,
114об., 149об., 155об., 215, 215об., 227об.,
236об.
696 210.6a.80.Л.36об.
697 210.5.45.Л.1.
698 210.9a.527.Л.100-103.
699 210.5.45.Л.1об.-5.
700 210.5.45.Л.5-6.
701 210.5.45.Л.1об.-4об.
702 210.5.45.Л.6об.-14об.
703 210.5.45.Л.15.
704 210.5.45.Л.15об.-16об.
705 210.5.45.Л.16.
706 210.5.45.Л.17-61об.
707 210.5.45.Л.62-69об.
708 210.5.45.Л.70-76об.
709 210.5.45.Л.77.
710 210.5.45.Л.36.
711 210.5.45.Л.16об., 61об.
712 210.5.45.Л.44об.
713 210.5.45.Л.57об.
714 210.5.45.Л.61.
715 210.5.45.Л.78об.
716 210.5.45.Л.79-83.
717 210.5.45.Л.84-218.
718 210.5.45.Л.261.
719 210.5.45.Л.126об.
720 210.5.45.Л.86, 94, 100, 108, 115, 123, 127,
135, 143, 151, 159, 160, 167, 175, 185, 193,
201, 209, 217.
721 210.5.45.Л.83.
722 210.5.45.Л.83об.
723 210.5.45.Л.99об.
724 210.5.45.Л.159об.
725 210.5.45.Л.261.
726 210.5.45.Л.261-261об.
727 210.5.45.Л.78.
728 210.5.45.Л.78.
729 210.5.45.Л.78.
730 *Так в ркп.*
731 *Нрзб.*
732 *Нрзб.*
733 210.5.45.Л.78-78об.
734 210.6a.38.Л.123.
735 210.6a.38.Л.123-150об.
736 210.6a.38.Л.151.
737 210.6a.38.Л.155.
738 210.6a.38.Л.158.
739 210.6a.38.Л.161.
740 210.6a.80.234.
741 210.6ж.130.Л.134об.
742 210.6a.80.Л.190-236.
743 *Богоявленский С.К. Приказные судьи*
XVII века. М.-Л., 1946. С.283.
744 210.6a.80.Л.258об.
745 *Временник МОИДР. Кн.13. М., 1852.*
С.32-34.
746 210.6в.9.Л.1-1об.
747 210.6в.9.Л.2об.
748 210.6в.9.Л.1об.
749 210.6в.9.Л.2.
750 210.6в.9.Л.1.
751 210.6в.9.Л.1.
752 210.6в.9.Л.4об.-39.
753 210.6в.9.Л.13об.-14.
754 210.6в.9.Л.22-22об.
755 210.6в.9.Л.15.
756 210.6в.9.Л.23об.
757 210.6в.9.Л.26-26об.
758 210.6в.9.Л.7, 9, 10, 11 и др.
759 210.6в.9.Л.11, 12, 21, 37об.
760 210.6в.9.Л.6об., 7об., 12об., 13, 13об.,
19об., 20об., 23, 23об., 24об., 27, 31об.,
32об., 38об.
761 210.6в.9.Л.22, 25, 26об.
762 210.6в.9.Л.30.
763 210.6в.9.Л.31об.
764 210.6в.9.Л.18об.
765 210.6в.9.Л.44-45.
766 210.6в.9.Л.3об.-4.
767 210.6в.9.Л.5об.
768 210.6в.9.Л.6-12об.
769 210.6в.9.Л.5об., 6об., 7об., 8, 9, 10, 11, 19,
20об. и др.
770 210.6в.9.Л.3.

Глава 4

Кадровая работа Разрядного приказа

Разумеется, Чигиринский поход, состоявшийся в конце 185 г., наложил отпечаток на деятельность главного военного ведомства страны, но в течение всего года Разрядный приказ продолжал осуществлять и прочие свои функции, не связанные напрямую с организацией боевых действий.

Как отмечалось, главным “объектом” деятельности приказа, если так можно выразиться, были служилые люди по отечеству, все существенные моменты жизни которых – от физического состояния до любых служебных перемещений – фиксировались в Разряде и вся жизнь которых, в сущности, зависела от решений руководства приказа (исключение составляли только представители самых высших, думных, чинов).

Боярский список

Необходимым аспектом кадровой деятельности Разряда было составление разного рода списков различных категорий людей служилого сословия. Высшими чинами служилых людей – думными и московскими – занимался Московский стол приказа, каждое из повытий которого вело списки людей определенных чинов. Так, существовали повытья боярского и жилецкого списков.

В повытье боярского списка, соответственно, составлялись боярские списки. Как исторический источник эти документы изучены достаточно хорошо, поэтому отметим особенности конкретного списка 185 г., имеющие отношение к теме исследования. Список 185 г. переплетен в одно архивное дело со списком 184/1675-76 гг., скрепленным дьяком Л.А. Домниним¹. Известно, что Л.А. Домнин в 184 г. служил в Посольском и связанным с ним приказах, назначение в Разряд он получил в начале 185 г. не позже середи-

Церковь Никола Чудотворца в Столпах. 1669 г.

Не сохранилась. Фото 1870-х гг.

Построена её прихожанином боярином А.С. Матвеевым.

(Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982).

ны октября, из чего следует, что список 184 г. был, по крайней мере, завершен не раньше октября 185 г.

Первый лист боярского списка 185 г. отсутствует, перечень начинается примерно с восемнадцатого пункта. Список 185 г. готовился уже под руководством дьяка Ф.Л. Шакловитого². Очевидно, завершить часть общего боярского списка, относящуюся к 184 году, было поручено только что пришедшему в приказ Л.А. Домнину, а записи текущего, 185 г., курировал Ф.Л. Шакловитый. По-видимому, работа над обоими годовыми списками некоторое время велась двумя группами подьячих под руководством двух дьяков параллельно.

Каждый из списков был составлен из нескольких тетрадей, в основном по 8, а иногда по 6 или 10 листов каждая. Как и многие другие документы XVII в., представлявшие собой именные списки, боярские списки 184-185 гг. нумеровались не по страницам, а по тетрадям – в данном случае номер тетради ставился в центре нижнего поля первой страницы тетради³. Из-за порчи некоторых листов, а также во время реставрации документа края листов осыпались или были подрезаны, поэтому номера тетрадей прочитываются не всегда.

В боярском списке были учтены следующие чины: бояре, кравчий с путем, окольные, казначей, постельничий, думные дворяне, печатник, думные дьяки, стряпчий с ключом, московский ловчий, стольники комнатные великого государя и царевичей Ивана и Петра Алексеевичей, стольники великого государя, стольники царицы Натальи Кирилловны, отдельно стольники, занимавшие должности полковников, голов и начальных людей, стряпчие, отдельным списком – стряпчие в должностях полковников, голов, полуголов, начальных людей и стряпчие в рейтарах, московские дворяне (без походных дворян царицы Натальи Кирилловны), отдельно московские дворяне, которым во время полковой службы велено быть со своими городскими корпорациями, отдельно московские дворяне, которым велено служить в Новгородском полку, иноземцы, служащие с московскими дворянами, список отставленных от полковой службы за старостью и увечьями стольников, стряпчих и дворян, наконец, список дьяков всех московских приказов, дьяков не у дел и дьяков, пребывающих на службе в полках и городах.

По “подлинному” списку, в котором были учтены все категории служилых людей думных и московских чинов (кроме жильцов), в ведении служащих повытья боярского списка Московского стола Разряда (их число не превышало 40 подьячих) было более 3 000 человек. Каждый из них постоянно находился в поле зрения сотрудников повытья. Любая перемена в их служебном положении фиксировалась в документах, в частности, в боярском списке. Поэтому не удивительно, что повытье боярского списка Московского стола было самым большим. Пристальное внимание к служебным перемещениям служилых московских чинов объяснялось не только тем, что к этой категории принадлежали представители самых знатных фамилий государства. Ни в какой другой группе служилых людей не происходило так много перемещений по чиновной и служебной лестнице. Городовые служилые люди редко поднимались выше и получали какой-либо из московских чинов, характер службы их также был практически неизменным – они несли полковую службу со своей городской корпорацией. Служилые

же люди думных и московских чинов намного чаще и быстрее перемещались из одного чина в другой, и служба их была более разнообразной – придворной, административной, военной, причем на последней они занимали командные должности в разных частях войск. Именно поэтому учет кадров этой чиновной категории требовал столько внимания и усилий служащих Разряда, несмотря на то, что служилые люди думных и московских чинов значительно уступали по численности служилым другим чинов.

Вся сложнейшая, трудоемкая работа Разряда в качестве “отдела кадров” служилого сословия Русского государства наглядно отражается в боярских списках. В начале года в повытье составлялся на основе списка предыдущего года именной перечень людей всех чинов, входящих в боярский список. Структура списка следовала чиновной иерархии, принятой в государственной системе – начиная с высших чинов к низшим, в строгой последовательности, выверенной традицией, а в некоторых случаях и ожесточенной борьбой представителей разных чинов. В конце каждой “чиновной” рубрики подьячие оставляли место для записи пожалований в этот чин, которые могли состояться в течение года⁴. В последующее время в список вносили поправки, пометы, дополнения.

Одной из важнейших функций Разрядного приказа было поддержание иерархической структуры служилого сословия, а значит, основой кадровой деятельности Разрядного приказа было пожалование служилых людей в чины. Поскольку ведение всех документов по думным и московским чинам входило в компетенцию повытья боярского списка, то именно в нем велись записи о пожалованиях в эти чины.

Как известно, в московские чины царь жаловал либо по своему усмотрению, либо по ходатайству самого служилого человека или его покровителя. В случае, если пожалование производилось по челобитной, последняя с прошением о пожаловании в чин докладывалась царю, думный дьяк (не обязательно разрядный) делал на ней соответствующую помету, после чего челобитные отсылались в Разряд, в повытье боярского списка Московского стола. На такой порядок делопроизводства указывает, например, запись в записной книге “всяких дел” Московского стола Разряда за 1646/47 гг.: “Октября в [...] день государь пожаловал из житья в стряпчие Ивана Семенова сына Нащокина. Челобитная за пометою думного диака Михаила Волошенинова отдана Ивану Северову”⁵. Подьячий И. Северов в это время возглавлял как раз первое повытье – боярского списка – Московского стола⁶. В думные чины служилых людей жаловали по усмотрению царя. Церемония пожалования в думные и московские чины происходила, за редкими исключениями, в помещении Разрядного приказа. Если жаловался московский чин, то объявлял его служилому человеку разрядный думный или приказный дьяк, получив от государя распоряжение о пожаловании. Если же происходило пожалование в думный чин, то его объявлял кто-либо из думных же чинов вместе с разрядным думным дьяком. Здесь же, в Разряде, пожалованный давал присягу государю, соответствующую его новому чину – обычно в тот же день, но иногда и несколькими днями позже. После завершения церемонии разрядный подьячий заносил имя пожалованного в список соответствующего чина и – или делал запись о прошедшей церемонии

на отдельном листе (указывалась дата, имя пожалованного, чин, кто объявлял пожалование, где происходила церемония, иногда – на основании какого документа или устного распоряжения производилось пожалование), а затем переписывал ее в записную книгу “всяких дел” Московского стола, или записывал сведения о пожаловании сразу в записную книгу⁷. Возможно, что записи в обоих документах – боярском списке и записной книге – делались на основании помет на отдельных листах.

В течение всего 185 года, за исключением последнего месяца, церемонии пожалования в чин проходили в Разряде практически ежедневно. Можно сказать, что это был год массовых пожалований в московские чины, что было обычным явлением в первое время после восшествия нового государя на престол. Государев двор значительно пополнился за счет вновь пожалованных московских дворян, стряпчих и стольников. Были пожалования и в другие чины – думные (бояре, окольные, думные дворяне и думные дяки) и придворные (комнатные стольники), но в сравнении с пожалованиями в московские чины их было крайне мало.

Интересно, что наибольшее число пожалований в течение каждого месяца падает на его первую половину, в середине месяца происходили уточнения служебного положения служилых людей, их перевод из одной категории в другую (чаще всего отставка от полковой службы и перевод в походные). Чтобы проиллюстрировать наблюдения, приведем примеры “графика пожалований в чин” за первые два месяца года, сентябрь и октябрь. В сентябре были произведены пожалования: 1 числа в стряпчие (1 человек)⁸ и из стряпчих в стольники (1 человек)⁹, 2-го – в московские дворяне (1 человек)¹⁰, 3-го в думные дворяне (1 человек)¹¹, 4-го, 6-го, 7-го, 9-го и 10-го – в московские дворяне (соответственно, 1, 1 4, 1 и 4 человека)¹², 7-го – также в стряпчие (1)¹³ и в стольники из голов (2)¹⁴, 10-го – в стряпчие (5)¹⁵ и из стряпчих в стольники (1)¹⁶, 11-го – в стряпчие (1)¹⁷ и московские дворяне (3)¹⁸, 12-го – в стряпчие (3)¹⁹, из стряпчих в стольники (1)²⁰ и в московские дворяне (2)²¹, 13-го и 14-го – в стряпчие (по одному человеку)²² и московские дворяне (1 и 2)²³, 17-го – из стряпчих в стольники (1)²⁴, 18-го – пожалования в московские дворяне (1)²⁵ и в стольники (1)²⁶, 19-го – из стряпчих в стольники (1)²⁷ и в стряпчие (4)²⁸, 20-го – в московские дворяне (1)²⁹, 21-го и 22-го – в стряпчие (2 и 3)³⁰, 24-го – в стряпчие (1)³¹ и московские дворяне (2)³², 25-го – в стольники из стряпчих (1)³³ и из голов (1)³⁴, в стряпчие (2)³⁵ и пять человек в московские дворяне³⁶, 29-го боярин кн. С.А. Хованский “за вины” был написан по московскому списку³⁷. В октябре состоялись следующие пожалования: 1-го – в стряпчие с ключом (1)³⁸, окольные (1)³⁹ и в московские дворяне (1)⁴⁰, 2-го – в стряпчие (1)⁴¹ и в московские дворяне (1)⁴², 4-го – в стряпчие (1)⁴³, 5-го – в московские дворяне, “а служить по наряду с городы” (1)⁴⁴, 6-го – в стряпчие (1)⁴⁵, 7-го – в московские дворяне (1)⁴⁶, 8-го – в стряпчие (1)⁴⁷, из стряпчих в стольники (1)⁴⁸ и в московские дворяне (1)⁴⁹, 9-го – в стряпчие (1)⁵⁰, в московские дворяне (2)⁵¹, 10-го, 11-го, 12-го и 13-го – в стряпчие (соответственно, 1, 2, 1, 1)⁵², 12-го, кроме того, в окольные (2)⁵³, 14-го – в московские дворяне (1)⁵⁴, 15-го – из стряпчих в стольники (2)⁵⁵, 17-го, 18-го и 21-го – в стряпчие (1, 1, 1)⁵⁶, 18-го также в комнатные стольники (1)⁵⁷, 22-го – в бояре (возвращено

боярство кн. С.А. Хованскому⁵⁸, в окольные (1)⁵⁹, в комнатные стольники (1)⁶⁰, в стряпчие (3)⁶¹ и в московские дворяне (1)⁶², 24-го – из стряпчих в стольники (1)⁶³, 25-го – в стряпчие (1)⁶⁴ и московские дворяне (1)⁶⁵, 26-го – в стольники из голов (1)⁶⁶, 27-го – в московские дворяне (1)⁶⁷. Примерно такая же картина складывается и по другим месяцам.

За год было пожаловано в бояре 6 человек⁶⁸, в окольные 15⁶⁹, в думные дворяне 6⁷⁰, в думные дьяки 3⁷¹, в стряпчие с ключом 1⁷², в комнатные стольники 11⁷³, в стольники из стряпчих 121⁷⁴, в стольники из стольников царицы Натальи Кирилловны 45⁷⁵, в стольники из голов 16⁷⁶, всего пожаловано в стольники 173, в стряпчие 83, в московские дворяне 220⁷⁷; пожалованы по московскому списку, но полковую службу должны служить со своими городскими корпорациями 15⁷⁸; иноземцы, записанные по московскому списку – 2 человека⁷⁹. За 185 год численность государева двора увеличилась, таким образом, более чем на 300 человек.

Как отмечалось, практически всегда новый чин объявлялся служилому человеку в помещении Разрядного приказа, поэтому кроме рутинной работы по составлению, исправлению и дополнению списков, составления различных справок и выписок, в течение всего 185 г. в повытье боярского списка почти ежедневно проходила и сама церемония пожалования в чин, а нередко и в несколько разных чинов. В записях боярского списка не фиксировались подробности церемонии, а записная книга “всяких дел” Московского стола за 185 год (где это отмечалось) не сохранилась, поэтому мы не можем сказать, кто из приказной администрации принимал участие в церемонии пожалования. В любом случае, участие думного дьяка В.Г. Семенова и, во время пожалований в московские дворяне и стряпчие, П.И. Ковелина несомненно. Для церемонии пожалования в думные чины приглашались, соответственно жалуемому чину, бояре, окольные или думные дворяне⁸⁰.

Естественно, что в том же повытье боярского списка фиксировались все изменения не только в чиновном, но и в служебном положении служилых людей думных и московских чинов, которые происходили в результате смотров и разборов, по ходатайствам самих служилых людей или в результате специального расследования, например, Сысного приказа. Для записи подобных перемен, в числе других целей, и составлялся боярский список.

Работа по составлению боярского списка была организована в повытье следующим образом. Весь документ был поделен между 5-6 подьячими, каждому из которых были поручены определенные разделы списка. Так, один подьячий “вел” служилых людей высших чинов, от бояр до московского ловчего⁸¹, другой – комнатных стольников великого государя и царевичей⁸². Начиная с раздела стольников, из-за того, что количество учтенных лиц резко возрастало, разделы вели уже 2-3 человека, сменяясь⁸³. Каждый подьячий, формировавший “свою” часть списка, отвечал и за своевременную ее корректировку – пометы, дополнения, исправления внесены теми же почерками, что и основные записи разделов. Подьячие отмечали все обстоятельства службы своих “подопечных”. Например, справа от имени князя В.В. Голицына на поле помечено: “на службе с полком”⁸⁴, справа от имени кн. В.Д. Долгорукова в разделе о вновь пожалованных в бояре из окольных указано “во Пскове с полком”⁸⁵, о кн. И.Б. Троекурове из того же раздела – “в Киеве”⁸⁶,

о И.В. Бутурлине (тот же раздел) – “в Рыльску с полком”⁸⁷, об окольных Н.М. Бобуркине – “въ Ярославле”, кн. Г.А. Козловском – “на службе”, кн. К.О. Щербатове – “в Астарахани”, П.Д. Скуратове – “на службе”⁸⁸ и т.п. Против имен тех служилых людей, которые в течение 185 г. были пожалованы в другой чин и занесены в соответствующие разделы о вновь пожалованных, в разделах, где они были записаны в прежнем чине, непременно отмечался новый чин и дата его получения. Так, в разделе окольных помечено против имен И.В. Бутурлина – “Мая въ 9 день бояринъ”⁸⁹, кн. И.Б. Троекурова – “Февраля въ 25 день бояринъ”⁹⁰. Естественно, отмечалась и смерть служилого человека: рядом с именем окольного кн. А.И. Лобанова-Ростовского на поле записано: “185-го сентября въ 26 день умре”⁹¹

Пометы обо всех обстоятельствах службы и жизни, имевших отношение к исполнению служилыми людьми государственных обязанностей, делались, как было сказано, в течение всего года. Например, против имени стольника кн. А.Г. Ромодановского помечено “в полону”⁹²; против имени стольника М.А. Черкасского – “генваря въ 6 день бояринъ”⁹³; рядом с именем стольника А.Ф. Болтина: “185-го мая въ 22 день от полковые службы отставлен и написан за государынею”⁹⁴; против всех представителей фамилии Корсаковых помечено – “и 185-го мая въ 15 день по помете на челобитной думного дьяка Лариона Иванова велено им по их челобитью впред писатца Корсаковы Римские”⁹⁵, о московском дворянине И.П. Болтине записано: “185-го июля въ 12 день по выписке от полковые службы отставлен и написан с походными”⁹⁶.

В повыты боярского списка существовала определенная традиция оформления помет разного содержания. Часть помет непременно сопровождалась ссылкой на документ, другие всегда были в этом отношении “глухими”. Так, никогда не сопровождались ссылками на какое-либо письменное распоряжение отметки о пожаловании служилого человека в чин или о разжаловании его из чина, поскольку эти перемены в служебном положении служилых людей происходили только по личным указам государя, за редчайшими исключениями, устных, а фиксирование этих указов осуществлялось опять же только в Разряде, в определенных документах его текущего делопроизводства (записные книги “всяких дел”). Например: “185-го июля въ 10 день окольных” (против имени комнатного стольника А.И. Чирикова)⁹⁷, “в стольниках у великого государя” (против имени стольника царевича Ивана Алексеевича М.В. Собакина)⁹⁸, “по московскому списку” (о пожаловании многих стольников царевича Петра Алексеевича)⁹⁹, “185-го в мае в стольниках у великого государя” (о стольнике царицы Наталии Кирилловны Г.А. Кологривове)¹⁰⁰, “185-го сентября въ 29 день за вины написан по московскому списку, и октября въ 22 день великий государь пожаловал в бояре по прежнему” (о боярине кн. С.А. Хованском)¹⁰¹.

Единственным случаем, когда при перемене чина в помете делалась ссылка на документ, было понижение служилого человека в чине “за вину”, которая расследовалась с участием одного из центральных государственных органов – чаще всего, Сысного приказа. Если понижение в чине происходило в пределах боярского списка, то имя опального служилого человека вносилось в соответствующий раздел, а каждый из подьячих-составителей,

отвечавших за свой раздел списка, дело в нем помету. Так, в разделе бояр сверху и снизу имени А.С. Матвеева было вписано: “185-го мая въ 17 день по памяти за приписью дьяка Леонтья Кондратова [...]”¹⁰²вы великие вины и неправды указал великии государь честь [...]”¹⁰³ство отнят и написат ево по московскому списку”¹⁰⁴. В разделе московских дворян против вписанного туда имени А.С. Матвеева было помечено: “185-го мая в 17 день по памяти ис приказу Сыскных дел за вину”¹⁰⁵. Запись, соответствующая помете в “боярском” разделе была сделана и в разделе московских дворян о кн. С.А. Хованском: “Октября въ 22 день великии государь пожаловал в бояря по прежнему”¹⁰⁶. Ссылка на соответствующий документ могла быть опущена, если опальный служилый человек не являлся, так сказать, главным фигурантом по делу. Так, в рубрике комнатных стольников царевича Петра Алексеевича против имени А.А. Матвеева записано только: “Велено быть с отцом на Верхотуре”¹⁰⁷. Однако, распоряжение о разжаловании могло прийти и из другого приказа. Так, разрядный подьячий записал, что стольника кн. М.Ф. Жирового-Засекина “185-го мая въ 25 день по памяти ис приказу княжества Смоленского за вину велено писать в стряпчие”¹⁰⁸.

Если же служилый человек “за вину” вообще выключался из московских чинов, его имя вносилось в соответствующие городовые списки, а в боярском делалась помета со ссылкой на письменное распоряжение. Например, 15 января в Разряд из Сыскного приказа поступили сведения сразу на троих служилых людей, которых велено было разжаловать в городовые дворяне: стряпчих И.П. Хомутова (“Генваря въ 15 день по памяти ис Сыскного приказу велено написат Ивана по Новгороду и впред в московские чины ево не писат”¹⁰⁹) и Д.И. Неелова (“Генваря в 15 день по памяти ис Сыскного приказу Дмитрея велено написат с новгородцы и впред московскои чин писат не велено”¹¹⁰) и московского дворянина Б.Б. Змеева¹¹¹ (аналогичная запись). Такое же распоряжения из Сыскного приказа в отношении стольника П.Ф. Нарышкина было отмечено подьячим в разделе боярского списка о московских дворянах, куда было внесено его имя: “по памяти ис приказу Сыскных дел из стольников и велено быт в Белгородском полку”¹¹².

Естественно, что никакой ссылки на документ не требовалось и для пометы о смерти служилого человека: “185-го в ыюле умре” (думный дворянин П.К. Елизаров)¹¹³, “185-го в генваре умре” (думный дворянин А.И. Нестеров)¹¹⁴, “в октябре умре” (стольник С.С. Нелединский)¹¹⁵, “185-го в феврале умре” (стряпчий М.Г. Бестужев)¹¹⁶, “ноября въ 23 день умре” (стряпчий Д.В. Телепнев)¹¹⁷. Следует отметить, что подьячие отмечали в списке смерть служилых людей только высших чинов, от бояр до стряпчих. Московские дворяне,

Печать ближнего стольника
и воеводы
А.А. Матвеева

а тем более дворяне, пожалованные из городских по московскому списку, но для полковой службы причисленные к своим прежним городским корпорациям, не были столь важны для государственного аппарата, как представители высших категорий служилого сословия. Это была уже, если так можно выразиться, “рядовая” элита.

Без ссылок на документы вносились все пометы, уточнявшие место и характер службы служилого человека, в том числе и хронологию его назначений. Это могли быть указания на воеводство (“на Вятке”¹¹⁸, “во Пскове”¹¹⁹, “на службе, был в Путивле, а ныне на Туле”¹²⁰, “велено быт в Болхове”¹²¹, “отпущон на Болахну”¹²², “велено быт в Киеве”¹²³, “у алатарской мордвы”¹²⁴, “был в Астарахани и на Терку”¹²⁵), причем, если город не находился в ведении Разряда, в помете иногда указывался приказ, который командировал на воеводство служилого человека (“отпущон ис Казанского в Цывилескъ”¹²⁶); на выполнение служилым человеком различных правительственных поручений, обычно полученных из других приказов или выполняемых в самом приказе (“велено быт в Переславле Резанскомъ и в ыных городех для сыску татинныхъ и розбоиных дель”¹²⁷, “в писме из Дворца”¹²⁸, “велено быт на посолстве”¹²⁹ “отослан ис Хлебного”¹³⁰, “в Судном Володимерском”¹³¹, “отпущон в Казан з думным диаком”¹³², “отослан ис Посолского”¹³³, “был на Романове, а ныне отослан из Дворца”¹³⁴, “у дела в Пушкарском”¹³⁵, “отослан в Казанской приказ для счоту”¹³⁶).

Боярский список 185 г., разумеется, отразил и военные назначения, бывшие и новые, сделанные перед Чигиринским походом, причем в том же аспекте, который учитывался при разверстке служилых людей московских чинов по полкам для этого похода (в зависимости от участия в боевых операциях и административной службы в предшествующий период): “был на службе в Путивле”¹³⁷, “ныне быт в Путивле”¹³⁸, “быт в Рыльску”¹³⁹, “велено быт в государеве полку”¹⁴⁰, “велено быт в Новгородцком полку”¹⁴¹, “был в Севску”¹⁴², “у дела был ис Хлебного, а ныне в Путивле”¹⁴³, “из Путивлского, велено быт в Рыльску”¹⁴⁴, часто просто – “на службе”¹⁴⁵, “ныне на службе”¹⁴⁶.

Для правильного распределения по полкам городских служилых людей, пожалованных по московскому списку, но обязанных участвовать в боевых действиях со своими городскими корпорациями, в соответствующем разделе боярского списка подьячие-составители поместили принадлежность каждого лица к его городу: “из мецнян”, “из кашинцов”, “из муромцов”, “из коломнич”, “из вологжан”¹⁴⁷, “из лучан”, “из новгородцов”¹⁴⁸ и т.п.

Кроме вышеперечисленных обстоятельств службы, подьячие отмечали многие другие, также не требовавшие, с их точки зрения, ссылок на какие-либо документы. Это пометы о пребывании в плену – “в полону” (стольник кн. А.Г. Ромодановский, стряпчий кн. Ю.Г. Волконский)¹⁴⁹, о физическом состоянии служилого человека, мешающем несению службы – “бол.” (стольники А.Д. Плещеев¹⁵⁰, Н.М. Толочанов¹⁵¹), “слеп” (стольник П.М. Измайлов)¹⁵², “кривои” (московский дворянин С.И. Шишков¹⁵³), “стар” (стольник Г.Ф. Бутурлин)¹⁵⁴, о временном отпуске с государственной службы – “отослан в Соловецкой монастырь” (стольник кн. В.А. Волконский)¹⁵⁵, “отпущон в деревню на 2 года” (стольник П.В. Зиновьев)¹⁵⁶, “под началом” (стряпчий П.И. Совин)¹⁵⁷ и проч.

Ссылались на документы при внесении помет подьячие в следующих обстоятельствах. Во-первых, это сведения, которые могли быть получены только из других приказов, ввиду принадлежности к другому ведомству. Так, сведения об окладах, отмеченных в боярском списке, были относительно устойчивыми, помет о переменах в имущественном положении служилых людей крайне мало. В некоторых случаях, однако, Разрядному приказу требовались уточнения о поместных окладах, и тогда Разряд обращался за справкой в Поместный приказ. Фиксируя в боярском списке уточненный оклад, подьячий обязательно ссылался на датированный документ, из которого были взяты сведения: “185-го сентября в 26 день по памяти ис Поместного приказу за ним (стольником кн. С.В. Дуловым. – *О.Н.*) в Ряском да на Резани 11 д.”¹⁵⁸ (то есть дворов).

Другим обстоятельством, при котором требовалась отсылка к письменному распоряжению, была отставка от службы – полковой или полная – или перемена места службы, происходившая по инициативе служилого человека. Поскольку Разрядный приказ ведал всех служилых людей по отчеству, то после завершения очередной службы они должны были (если сразу не происходило новое назначение) являться в Разряд за указаниями о дальнейшей службе. Если инициатива увольнения со службы исходила из другого приказа, то разрядный подьячий, естественно, ссылался на входящие документы соответствующего приказа. Например, против имени стряпчего П.М. Скрябина помечено: “185-го декабря в 24 день *от* голов отставлен и прислан с памятью в Розряд”¹⁵⁹ (память из Стрелецкого приказа); сверху над именем стольника Д.И. Лаговчина – “и 185-го марта в 5 день по памяти из Стрелецкого приказу *от* голов отставлен”¹⁶⁰; московский дворянин Г.Е. Недовесков “185-го февраля в 12 день по памяти из Иноземского приказа за многую ево службу и за раны и для старости из начальных людей отставлен и прислан в Розряд”¹⁶¹. Но в большинстве случаев достаточно было указать не документ, а приказ, который направил в Разряд служилого человека, или даже его должность – по-видимому, разрядным служащим было достаточно этих указаний, чтобы понять существо дела и то, к каким делопроизводственным фондам приказа следует обратиться за дополнительной информацией. Так, “сентября в 12 день 185-го прислан в Розряд” стряпчий Л.Б. Секерин, бывший стрелецкий голова, находившийся в ведении Стрелецкого приказа¹⁶²; “февраля в 15 день из начальных людей за службы и за полное терпенье отставлен и принят в Розряд” стряпчий М. Бешенцов, служил по ведомству Иноземского приказа¹⁶³; “и 185-го февраля в 17 день *от* голов отставлен и прислан в Розряд” из Стрелецкого приказа стольник П.А. Лопухин¹⁶⁴, московский дворянин К.И. Чернцов “185-го июля в 29 день за раны и за увечь *от* ротмистров отставлен (следовательно, служил в Иноземском приказе и распоряжение о его отставке было передано в Разряд памятью из этого приказа. – *О.Н.*), а служит велено по наряду из Розряду”¹⁶⁵. Таким образом, даже если документ, инициировавший перемены в службе человека мог быть утрачен, сотрудники Разрядного приказа имели возможность по ссылке на него восстановить обстоятельства дела.

Если отставка служилого человека проходила по ведомству самого Разряда, то подьячие, соответственно, ссылались на разрядное делопроизвод-

ство. Прежде всего, это подписные челобитные служилых людей (о процедуре подачи таких челобитных и решения по ним было сказано выше, в разделе, посвященном составлению боярского списка). Подобные челобитные с просьбой об отставке подавались в основном представителями наиболее массовой категории московских служилых людей – московскими дворянами (всего в 185 г. было отставлено от полковой службы “за старость и за увечье” три стольника, один стряпчий и восемьдесят восемь московских дворян¹⁶⁶): “185-го сентября въ 26 день по подписной челобитной за пометою думного дьяка Григоря Богданова для ево старости от службы отставленъ московский дворянин И.М. Жеребцов¹⁶⁷; “и 185-го апреля в 4 день по подписной челобитной и по выписке в Разряде за старостью от полковой службы отставлен и вместо даточных велено имат денги по указу” у московского дворянина Г.Т. Суморокова¹⁶⁸; “185-го мая в 31 день по помете на челобитной думного дьяка Афонася Зыкова от полковые службы отставлен, и с поместья ево написан сын ево Иван по шилецкому списку,”¹⁶⁹ – записано рядом с именем московского дворянина М.С. Голенищева.

Необходимость сослаться на письменное решение возникала у составителей боярского списка и в тех случаях, когда служилый человек менял место службы не по определению разрядного руководства, а по прошению самого служилого, что также делалось обычно через подписную челобитную. Чаще всего челобитчики просили зачислить их в те подразделения, где служили их родственники и которые, по их мнению, соответствовали положению рода. Так, “185-го ноября въ 10 день по подписной челобитной за пометою думного дьяка Василья Семенова велено написат в ево государевъ полкъ з братом вместе” стряпчего С.Ф. Николаева¹⁷⁰. Молодые служилые люди нередко просили направить их на воеводство вместе со старшим родственником, отцом или дядей: “185-го марта въ 7 день по подписной челобитной думного дьяка Василья Семенова отпущен з дядею в Свяжескъ” стряпчий Т.С. Шулепов¹⁷¹. “185 октября в 6 день по помете на челобитной думного дьяка Григоря Богданова велено ему служить с родственники ево с московскими дворяны вместе” – М.С. Ледицкому, до того записанному в особую, выделенную из московских дворян более низкую категорию, члены которой должны были проходить полковую службу со своими городами¹⁷².

Чаще служилые люди подавали челобитные с просьбой об отставке не лично царю, а на его имя в Разрядный приказ, который и решал дело. Решение могло быть принято сразу и тогда подьячий-составитель боярского списка ссылался в своем примечании на определение начальника Разряда: “185-го марта въ 9 день по помете на челобитной думного дьяка Василья Семенова для ево (стряпчего И.Д. Жеребцова. – О.Н.) скудости от походов отставлен”¹⁷³.

В том случае, когда решение не могло быть принято сразу, в Разрядном приказе собирали дополнительную информацию – готовили выписку – и после этого руководство приказа или государь принимали окончательное решение: “185-го июня въ 9 день по выписке от полковые службы отставлен и написан с походными дворяны, которые за государынею царицею” московский дворянин А.Д. Бешенцов¹⁷⁴; “185-го июля въ 12 день по выписке от полковые службы отставлен и написан с походными” московский дворянин И.П. Болтин¹⁷⁵.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, отставка от полковой службы не означала, что прекращаются государственные обязанности служилого человека. В большинстве случаев представители служилых людей московских чинов перемещались в другие категории этой привилегированной группы. Так, негодные к участию в боевых действиях определялись в почетный эскорт к членам царской семьи, в 185 году это были главным образом “гвардейцы” царицы Натальи Кирилловны. Например, “185-го мая въ 22 день *от* полковые службы отставлен и написан за государынею” московский дворянин А.Ф. Болтин¹⁷⁶; московский же дворянин кн. К.М. Шехонской был “185-го мая въ 3 день *от* полковые службы отставлен и написан за государынею царицею”¹⁷⁷.

Но часто во внутренних документах Разрядного приказа подъячим не было необходимости специально указывать, выписка какого приказа имеется в виду – понятно, что это был Разряд – и чье решение помечено на выписке – это всегда помета начальника Разряда думного дьяка В.Г. Семенова. В некоторых случаях составителями боярского списка формальности все же соблюдались: в справке рядом с именем московского дворянина М.В. Шокурова было сказано, что “марта въ 5 день по помете на выписке думного дьяка Василья Семенова *от* полковые службы отставлен и написан з дворяны, с теми, которые написаны для походов за государынею царицею”¹⁷⁸; о московском дворянине П.Н. Чиркове подъячий записал: “и генваря въ 17 день по выписке в Розряде *от* службы отставлен и велено написат з дворяны за великою государынею царицею”¹⁷⁹.

Все приведенные выше примеры касались окончательной отставки от полковой службы, но в случае болезни, с точки зрения Разряда, излечимой, служилый человек со временем должен был вернуться в полк. Однако в этот период государственные интересы не должны были страдать, поэтому на время болезни вместо него обязан был нести службу в полку его родственник, чаще всего сын, или временно демобилизованный должен был выплачивать определенные законом деньги на даточных людей. Эти обстоятельства также отмечались подъячими со ссылкой на “отпускной” документ. Так, московский дворянин Ф.Д. Векентьев “185-го марта в 13 день по помете на выписке думного дьяка Василья Семенова для ево нынешние болезни *от* полковые службы отставлен, а с поместей ево и с вотчин на нынешней на 185 год велено с него *взят* денги по рублю с двора. А буде он *впред* *от* той болезни излечитца и излутчает, и ему полковые службы служить по прежнему, потому что он леты не стар, естли бы не болезнь, и в такие лета *служит* мочно”¹⁸⁰ – рассуждение подъячего явственно звучит отголоском какого-то спора, видимо, о летах дворянина Ф.М. Векентьева.

В 185 г. наибольшее количество помет о переменах в служебном положении приходится на апрель – июнь, когда правительство и Разряд, готовясь к предстоящей войне с Турцией, проводили по всей стране мобилизацию служилых людей для двух армий, которые должны были выступить против турок, – под командованием бояр кн. Г.Г. Ромодановского и кн. В.В. Голицына. Большая часть записей об отставке от полковой службы приходится как раз на это время, пометы практически повторяют друг друга: “185-го июня в 11 день по помете на выписке думного дьяка Василья

Семенова для ево (московского дворянина А.Ф. Клобукова. – *О.Н.*) старости *от* полковые службы отставлен и написан он, Алексеи, с походными дворяны, которые за государынею царицею”¹⁸¹; “185-го июня в 14 день по помете на выписке думного дьяка Василья Семенова за старость *от* полковые службы отставлен и написан с походными дворяны, которые за государынею царицею”¹⁸²; “185-го мая в 11 день по помете на выписке думного дьяка Василья Семенова *от* полковые службы отставлен и написан за государынею царицею”¹⁸³; “185-го апреля в 30 день по помете на выписке думного дьяка Василья Семенова в ево, Григорьево (московского дворянина Г.В. Остафьева. – *О.Н.*), место в полковую службу велено написать друго сына ево, Степана, и служить ему с поместья отца ево”¹⁸⁴; “185-го июня в 9 день по помете на выписке думного дьяка Василья Семенова для ево (московского дворянина Д.И. Полтева. – *О.Н.*) увечья *от* полковые службы отставлен и написан с походными дворяны”¹⁸⁵ и т.п.¹⁸⁶

Любопытным исключением из правила о ссылках на распоряжения является помета, сделанная подьячим против имени стряпчего П.Б. Языкова: “Сказ. сам, что он в начальных людех”¹⁸⁷. Очевидно, в момент составления списка на руках у подьячего не было другого подтверждения статуса стряпчего и он оставил вопрос открытым, оставив на всякий случай памятку.

Кроме подьячих-составителей со списком работали и другие сотрудники приказа. По-видимому, это были старые или “средней руки” подьячие того же повытья Московского стола. К сожалению, почерки старших подьячих атрибутировать не удалось. По характеру их пометы не отличаются от помет непосредственных составителей списка. Обязанностью старого подьячего (или подьячих), курировавшего боярский список, была проверка внесенных в него данных. Если информация подтверждалась, старый подьячий нередко отмечал это письменно. Например, над пометами подьячего-составителя “в Путивле”¹⁸⁸, “то ж” (то есть в Путивле)¹⁸⁹, “то ж” (в данном случае на службе) старым подьячим приписано сверху “на службе”. В некоторых случаях первоначальные результаты проверки оказывались неправильными, и тогда старый подьячий поправлял себя сам. Например, сведения о стольниках Ф.Бол.Г. Хрущове “был на Верхотуре”¹⁹⁰ и А.Я. Чичерине “был на службе в Путивле”¹⁹¹, весьма значимые для их дальнейшей службы, были сначала опровергнуты и зачеркнуты, а затем восстановлены приписками “чисто” (что в разрядном делопроизводстве означало признание верности первого варианта).

В других случаях старый подьячий сам вносил пометы о служебном перемещении служилого. Так, над именами стольников царицы Натальи Кирилловны Д.Ф. Бибикова и И.Ф. Бибикова подьячим-составителем было написано: “185-го в столниках у великого государя”, а справа другим почерком приписано: “Отпущены с отцом в Сибирь оба”¹⁹². Старший подьячий, контролировавший составление списка, мог по своему усмотрению также вносить в него дополнения или делать краткие пометы, которые потом уточнялись подьячим-составителем: против имени стольника З.В. Наумова слева другим почерком отмечено “умре”, а справа почерком составителя: “в Старице и умре”¹⁹³. Нередко подьячий, не являвшийся составителем раздела списка, отмечал в нем пожалование служилого человека в чин, напри-

мер, рядом с именем стольника В.Я. Дашкова – “Генваря въ 14 день думнои дворянин”¹⁹⁴ и т.п.

Исправление и дополнение списка в соответствии со вновь поступавшими сведениями велось на протяжении всего его бытования в приказе, по всей видимости, в течение всего 185 г., с начала сентября (имеется помета, датированная 3 числом¹⁹⁵) и до конца августа¹⁹⁶. Корректировка информации осуществлялась в основном двумя способами. Первый из них состоял в том, что записи, содержащие устаревшую или неверную информацию, зачеркивались и к ним приписывались новые. Так, помета “то ж” (то есть, как и предыдущий служилый человек, в Путивле) против имени стольника А.Я. Чичерина была зачеркнута, и на другом поле подьячим-составителем приписано: “велено *быт* в государеве полку”¹⁹⁷. Сведения о том, что стольник кн. И.А. Солнцев-Засекин находится “на службе в Путивле” оказались ложными, поэтому составитель зачеркнул помету и записал распоряжение руководства: “За путивльские неты велено *взят* по рублю з двора”¹⁹⁸.

Следует обратить внимание на то, что составители списка мгновенно реагировали на любую новую информацию о переменах в службе своих “подопечных”, даже если это была информация предварительного характера. В списке, в частности, отмечалась не только фактическая служба человека, но и назначение, еще не реализованное, которое, по разным причинам, могло быть и отменено. Так, сначала стольнику кн. М.В. Оболенскому, по помете, было “велено *быт* на Терку”, затем помета была зачеркнута и сделана новая: “не *быт*”¹⁹⁹. Если же назначение состоялось, подьячему оставалось только зачеркнуть ненужное. Стряпчий кн. М.М. Щетинин получил указ быть воеводой в Лухе, что и было отмечено в списке: “велено *быт* в Луху”. После получения сведений о том, что М.М. Щетинин вступил в должность, первые два слова пометы были зачеркнуты²⁰⁰. Так же были внесены коррективы в записи о службе стольника И.Ф. Волинского “велено *быт* на Дону”²⁰¹ и стряпчего П.С. Ларионова “велено *быт* в Суздале”²⁰² путем вычеркивания двух первых слов.

Другим способом внести коррективы было дополнение имеющейся записи новыми сведениями, обычно с помощью связки “а ныне”. Стряпчий И.А. Тихменев первоначально был на службе (помета против его имени “то ж”), после чего получил назначение на воеводство: “а ныне на Волоку Ламском”²⁰³. Стряпчий С.Г. Жаловский “был на Романове, а ныне отослан из Дворца”²⁰⁴, стряпчий Л.М. Вельяминов был “на службе, а ныне в писме из Дворца”²⁰⁵, стряпчий П.Ф. Полтев был “отослан в Помеснои, а ныне велено *быт* в Переславле Залеском”²⁰⁶. В разделе вновь пожалованных в стольники против записи “Данило да Иван Фомины дети Бибиковы” было сделано примечание “из столниковъ государыни царицы”, а затем добавлено “и отпушены с отцом в Сибирь”²⁰⁷.

Иногда исправления начальников и подчиненных взаимно перекрывали друг друга. Например, о стряпчем Л.А. Тихменеве было указано, что он “на службе”, то есть в полку. С новым назначением добавилась и новая помета: “а ныне из Дворца в Белгородцкои волости”. Однако у старого подьячего была другая информация, которую он, пользуясь своими полномочиями, и внес в список: запись о командировке из приказа Большого дворца была

им зачеркнута и приписана другая – “на Волоку Ламском”. Однако подьячий-составитель, видимо, стоял на своем и зачеркнул приписку начальника²⁰⁸, причем ошибся именно старый подьячий, перепутавший Лариона (Иллариона) Авдеевича Тихменева с родственником Иваном Андреевичем Тихменевым (см. выше).

Таким образом, в поле зрения сотрудников повытья боярского списка постоянно находились более 3 000 человек, любые сведения о которых немедленно фиксировались в его документах. Большая часть из примерно 30-35 подьячих повытья вела, если так можно сказать, картотеку служилых людей московских чинов, в которой аккумулировалась текущая информация об этой категории служилых людей. Непосредственно составлением единого сводного списка занималась группа подьячих, очевидно, наиболее опытных молодых, средней статьи и старых, численностью примерно в 10 человек. Работали эти сотрудники чрезвычайно интенсивно, “в несколько рук”, дополняя и корректируя друг друга, причем сверка данных осуществлялась не в качестве итога, на завершающем этапе составления списка, а постоянно, по ходу дела.

Стиль делопроизводственной работы этой группы разрядных служащих был крайне “экономным” и динамичным. Необходимые сведения вносили в текст списка, если только была такая возможность, не перегружая его, максимально кратко – одним словом, короткой фразой, сокращением, заменой существительных местоимениями, оставляя в документе только “кончик нити”, за который при необходимости можно было “вытащить” всю информацию. Относительно развернутые примечания со ссылками на конкретные источники информации касались в подавляющем большинстве случаев прекращения служилым человеком исполнения его главной государственной обязанности – военной службы, в гораздо меньшей степени – экстраординарных случаев разжалования из чина (причем только думных и высших московских) за крупные провинности. Таким образом, в делопроизводстве Разряда отразился главный раздел в отношении государства к служилому человеку – служит он или не служит военную службу. Если служилый человек мог быть привлечен к обороне государства, то обстоятельства его службы отмечались в списке предельно кратко, лишь с возможностью дальнейшего уточнения. Если же он выбывал из этой активной, “полезной” категории, то любой разрядный “кадровик”, опирающийся на список в своей работе, должен был сразу иметь несомненное подтверждение этого важнейшего факта, заключающееся в сжатой форме всю необходимую информацию.

Жилецкий список

Вторым по значению повытьем Московского стола было повытье жилецкого списка. Оно, как явствует из названия, являлось специальным подразделением общего “отдела кадров” служилых людей по отчеству, которое занималось вопросами службы только жильцов. Сюда входило и пожалование в жилецкий чин, и назначения на разные виды службы, здесь фиксировали физическое состояние жильцов (болезни, ранения), а значит и их пригодность к службе, и их смерть. Как отмечалось, в 185 г. в повытье, предположительно, работало около 15 человек. Возглавлял повытье обычно второй по списку подъячий Разряда. Долгие годы, с 1634 по 1678 гг., за жилецкие списки отвечал Иван Максимов. После его повышения – когда он возглавил первое повытье и стал первым подъячим Разряда – его место занял, очевидно, подъячий Максим Дмитриев, но пробыл в этой должности недолго – уже в следующем 186 г. он получил дьячий чин и был переведен в Печатный приказ.

Работа сотрудников второго повытья в целом не отличалась от работы подъячих повытья боярского списка, с той разницей, что записи о пожаловании в чин были значительно однообразнее – в жильцы (обычно жаловались молодые служилые люди до 15 лет, не имевшие до того никакого чина, или городовые служилые) и из жильцов (в стряпчие и в московские дворяне).

Контроль за ведением жилецкого списка 185 г. осуществлял дьяк Л.А. Домнин (а боярского, как мы помним, Ф.Л. Шакловитый), что соответствовало принципам иерархичности даже в распределении дел, который существовал в приказной системе. Жильцы были низшим из московских чинов, поэтому отвечал за их список в Разряде дьяк, стоявший ниже дьяка, ведавшего боярский список.

Как и представители других чиновных московских групп, жильцы были заняты в самых разных сферах – военной, административной, придворной, и, поскольку мобильность и в этой чиновной категории была велика – и в отношении пожалования в более высокие чины, и в отношении служебных назначений – сводные списки жильцов также составлялись ежегодно. Список регулярно дополнялся, в него вносились поправки, поэтому жилецкие, как и боярские, списки можно считать справочным документом текущего делопроизводства, фиксировавшим ситуацию в этой категории служилых людей не только статично, на данный год, но и в динамике, в течение всего года, на каждый день.

За 185 год сохранился один, “подлинный” (то есть охватывающий весь корпус этой категории служилых людей) список жильцов²⁰⁹. В основу его, как обычно, был положен список предыдущего года. Основную его часть составляли жильцы, пожалованные в чин до 179/1670-71 г. За этой частью

следовали рубрики, в которых были записаны жильцы, пожалованные в чин в 179, 180, 181, 182, 183, 184 и в текущем 185 гг., причем в двух последних частях (184 и 185 годы) имена записаны по месяцам и числам пожалований. Возможно, разбивка списка жильцов на категории в зависимости от времени пожалования в чин давала возможность служащим Разряда видеть, на какую должность может претендовать или быть назначен тот или иной жилец в зависимости от выслуги лет.

На протяжении всего списка каждое имя сопровождается пометой об окладе. Помимо выслуги лет в чине жильца, это была важнейшая информация, от которой зависело многое в карьере служилого человека – величина придач к окладу, должности, на которые он мог претендовать, какой военной службы от него можно было ожидать (его собственное вооружение и число вооруженных людей, которых он мог выставить), размер повинностей, которые могли быть на него возложены (например, во время пребывания в полку, то есть в действующей армии, от размера поместного оклада зависело, сколько сажений укреплений должен построить служилый человек своими силами).

Приемы, методы работы подьячих второго поvyтья с жилецким списком были абсолютно аналогичны методам работы их коллег из поvyтья боярского списка, поэтому мы не будем подробно анализировать этот аспект. Заметное отличие жилецкого списка от боярского состоит в том, что в нем значительно меньше ссылок на письменные источники информации для помет и, по большей части, они имеют иное содержание. В основном это записи, фиксирующие перемещение служилого человека из одной воинской части в другую или из одного рода войск в другой – из дворянского ополчения в полки “нового строя”, причем инициатива этих перемещений не принадлежала Разряду или даже его подразделению – поvyтью жилецкого списка. Некоторые “переводы” были осуществлены по прошению самих жильцов, что и фиксировали пометы: “на приказе в Кевроли, а ныне по челобитью велено служить в Новгородцкомъ полку”²¹⁰, “185-го февраля въ 20 день [...]”²¹¹ ево челобитью [...]”²¹²елено служить [...]”²¹³овгородцкомъ полку”²¹⁴, “по челобитью в Белгородцком полку”²¹⁵, “по челобитью велено *служит* в Новгородцком пол[...]”²¹⁶”²¹⁷. Возможно, в случае перехода жильцов в полки “нового строя” инициатива также исходила от них самих, но, поскольку на момент составления списка они уже находились в другом ведомстве, разрядные подьячие ссылались на документы соответствующего приказа: “185-го по памяти из Реитарского приказу написан в реитарехъ”²¹⁸, “по справке с Реитарским приказом в реитарехъ”²¹⁹.

Повытья и столы, ведавшие наиболее крупными воинскими контингентами, подчиненными Разрядному приказу, не могли не взаимодействовать друг с другом, поскольку полки составлялись из служилых людей разных категорий. В некоторых случаях более значимые отделы Разряда, такие, как поvyтье боярского списка или Новгородский стол, видимо, могли вторгаться в границы компетенции менее значимого в сравнении с ними поvyтья жилецкого списка. Так, против имени И.О. Воейкова помечено, что “по боярской росписи велено быть в Белегородцкомъ полку”²²⁰. Помета против имени И.Н. Андреева гласит: “написан з городом по Суздолу”²²¹. Суз-

даль был в числе городов, с давних времен ведомых в первом повытье Московского стола; указание, скорее всего, пришло во второе повытье из первого. Рядом с именем Д.Б. Коровина указано: “по справке написан в службе з городом з галичаны”²²², то есть приписан к городской корпорации Галича. Служилые люди Галича были ведомы в Новгородском столе Разряда, следовательно, справка была получена повытьем жилецкого списка оттуда.

Как и в повытьи боярского списка, особые примечания о поместных окладах жильцов были сделаны со ссылкой на документы Поместного приказа, из которого Разряд запрашивал информацию: “185-го декабря въ 20 день по памяти ис Поместного приказу за Иваном в помесе на Вологде 9 дворов” (речь идет о И.С. Брянченинове)²²³. Возможно, сотрудниками повытья жилецкого списка была проведена сплошная, а не выборочная, как при составлении боярского списка, проверка данных о поместных окладах жильцов, для чего Разряду понадобилось получить в свое распоряжение документы Поместного приказа. Судя по пометам в жилецком списке, некоторые сведения могли быть выписаны непосредственно из документов Поместного приказа – направленным в Поместный приказ разрядным подьячим или из присланных на время в Разряд. В них нет обычных ссылок на входящие документы, которые к тому же часто датировались. Например: “поместе пусто, а по книгам ис Поместного приказу 183-го году 1 двор”²²⁴, “16, а по книгам ис Поместного приказу 38”²²⁵ (дворов).

Еще одной характерной особенностью жилецкого списка в сравнении с боярским является наличие в его пометах особого вида ссылок – на устные показания жильцов о себе и своих товарищах, сделанные на проведенном жильцам смотре (вероятно, в конце августа для жильцов, находившихся в Москве). Возможно, это была категория сведений, которые другим способом проверить до момента занесения в список не удалось, при том, что год заканчивался. В основном они касались констатации смерти жильцов (“185-го у смотру сказ. умре”²²⁶, “то ж”²²⁷, “умре, сказ. Иван Пыхвис[...]²²⁸²²⁹) и объяснения причин их отсутствия на смотре (“185-го у смотру сказ. под начало”²³⁰, “185-го августа въ 20 день сказ. сынъ ево Федор, что он постригся”²³¹, “185-го у смотру сказ. на Черном Яру”²³²). По всей видимости, заявления жильца, сделанного официальному лицу, проводившему смотр, публично, в присутствии коллег, было достаточно для подтверждения верности сообщаемой информации.

Устные заявления принимались составителями списка к сведению и в том случае, когда жильцы указывали размеры своего поместного оклада: “185-го генваря въ 21 день по скаске ево в поместье за отцом ево 17 д.” Очевидно, эти сведения потребовались служащим Разрядного приказа, чтобы решить вопрос об обеспечении службы жильца, поскольку в списке было зафиксировано, что у него самого “помеся нет”²³³. Теми же соображениями объяснялись, видимо, и другие подобные записи, к примеру: “185-го по ево скаске было за ним 3 д., и те згорели”²³⁴.

Обращает на себя внимание, что в жилецком списке отсутствуют пометы об отставке служилых людей от полковой службы. Единственное исключение представляет помета о П.К. Соколове, в которой нет указаний на письменный источник информации: “в нынешнем во 185-м году от службы

оставленъ, а с поместья велено имат денги”²³⁵. Очевидно, это обстоятельство объясняется тем, что жилецкий чин был чрезвычайно мобилен по вертикали. Подавляющее большинство помет списка о переменах в чине представляет собой указания на пожалование жильцов в следующие московские чины – московские дворяне (“во дворянех”²³⁶) и стряпчие (“в стряпчих”²³⁷, “в Чюгуеве, был, а ныне в стряпчих”²³⁸ (о О.Я. Тухачевском), “стряпчей”²³⁹), гораздо реже в стольники (“на Волуике, а ныне в столниках”²⁴⁰ (о К.И. Лодыженском), “столникъ”²⁴¹). Таким образом, для большей части жильцов этот чин был переходной ступенью к более высоким чинам, поэтому редко кто из жильцов оставался в этой категории служилых людей до отставки от полковой службы. Редкость таких случаев, а также то, что жилецкий чин считался среди московских наименее престижным и важным для государственного аппарата, отразилось, видимо, и в делопроизводстве приказа – ссылки на письменные распоряжения об отставке жильцов стали необязательными.

Над жилецким списком 185 года работали три человека. Во-первых, это был подьячий, возможно молодой, возможно, “средней руки”, который создал основу списка, переписав данные из списка 184 года. Он же вносил в список в течение 185 г. вновь пожалованных жильцов. Затем этот подьячий и два других в течение года редактировали список и дополняли его новой информацией. Двумя другими подьячими были старый или средней статьи подьячий, чей почерк атрибутировать не удалось, и старый подьячий Алексей Яцкой. Пометы, внесенные старшими подьячими, практически не отличаются по содержанию друг от друга и от помет подьячего-составителя. Все три подьячих вносили пометы о службах жильцов, переменах в назначении, пожаловании в следующий чин, наложении и снятии взысканий, смерти, пометы, уточняющие величину поместного оклада.

Но имеются и некоторые различия. Подьячий, написавший список и вносивший новые имена в течение 185 г., в большей степени, чем другие, отмечал сведения о переменах в жизни и карьере жильцов – пострижение, плен, отставку, отбывание наказания. Он же вносил поправки в сам список имен, если какое-то имя было пропущено или неверно записано в тот или иной раздел. Так, в основной раздел жильцов, пожалованных до 179 г., между строк было вставлено имя С.П. Тургенева с пометой “ис списка 172-го году”²⁴². В список пожалованных в 181 г. вставлен Д.И. Хвостов с пометой “ис столпа 181-го году, в Новгороде”²⁴³, в список пожалованных в 182 г. – С.Б. Акжеев с пометой “кормовои, на Воронеже голова у стрелцовъ”²⁴⁴. Таким образом, кадровые вопросы жилецкого корпуса находились в основном в руках одного подьячего второго по вытъя Московского стола.

А. Яцким были вписаны все пометы, имеющие своим источником жилецкий смотр 185 г., а также большая часть помет, вносивших уточнения и исправления в данные о поместных окладах жильцов. Например, относительно И.И. Опухтина, за которым по списку значились 20 дворов, А. Яцкой записал: “185-го по ево скаске толко за ним 9 д., а досталные дасталис братьямъ”²⁴⁵. Против имени М.Д. Коробьина, владельца 16 дворов, А. Яцкой пометил: “185-го генваря въ 15 день по памяти ис Помесного приказу толка за ним крестьян, что писано над ево именем”²⁴⁶.

А. Яцкой непосредственно руководил составлением списка служилых людей, уже имевших жилецкий чин, его справой заверена часть списка вплоть до начала пожалований текущего 185 г.²⁴⁷ Справливание, то есть проверка всех занесенных в заверенную часть списка данных, осуществлялась А. Яцким весьма тщательно. Так, против имени А.С. Чоглокова, внесенного в раздел “Написаны в житье во 184-м году”, А. Яцкой пометил: “пис. 2-ж. выш.”²⁴⁸ (то есть “писано дважды, смотри выше”).

Работа над последней частью жилецкого списка – пожалованиями текущего года, вплоть до конца августа – по-прежнему продолжалась “в три руки”: подьячим-составителем, который вел основную часть записей, другим, возможно, старшим подьячим, который вносил в список имена дополнительно, между уже имеющимися (может быть, эти пожалования состоялись не в Москве, а в царских походах), и А. Яцким, который отмечал пожалования жильцов в следующие чины²⁴⁹.

Ответственность за составление жилецкого списка и, значит, за состояние низшей категории столичных служилых людей лежала на третьем дьяке Разрядного приказа – Л.А. Домнине, что вполне соответствовало принципам чиновной иерархии. Л.А. Домнин являлся высшей контролирующей инстанцией для группы сотрудников второго повытья Московского стола, работавших над списком. Однако список скреплен Л.А. Домниным только до записей о пожалованиях 185 г. за ноябрь²⁵⁰. Практически все новые пожалования 185 г., до конца августа, скрепой дьяка не заверены, что указывает на то, что основа жилецкого списка была готова к концу ноября. Отсутствие справки старого подьячего и скрепы дьяка на последней части списка может объясняться тем, что скрупулезная проверка этих записей должна была осуществиться в начале следующего, 186 г.

Кадровую работу двух повытий Московского стола со служилыми людьми, составлявшими элиту этого сословия Русского государства, можно признать весьма эффективной. Усилиями не более двух десятков сотрудников в поле зрения руководства приказа, а, следовательно, и верховной власти, постоянно находились несколько тысяч представителей высшего и среднего звена военной и гражданской администрации, практически весь центральный и местный управленческий аппарат, при этом чрезвычайно мобильный как в вертикальной (пожалование в чины), так и в горизонтальной (многочисленные служебные назначения) плоскостях. Фактически, два повытья Московского стола являлись для верховной власти рычагами управления этим аппаратом.

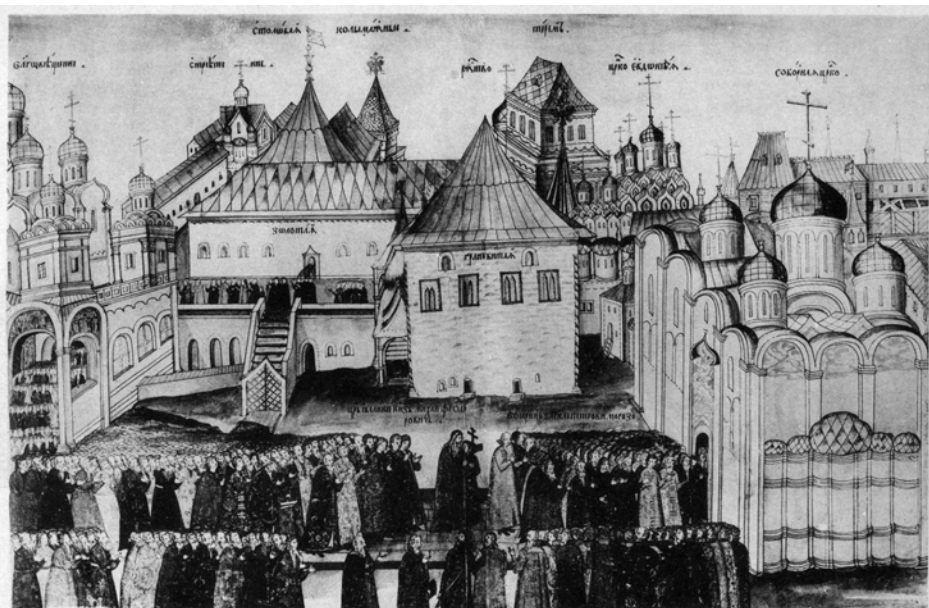
Пожалования в чины и поверстание поместным и денежным окладом

Взаимодействие верховной власти и сословия служилых людей по отечеству, которое в XVII в. было и опорой этой власти, и средством осуществления ею своих полномочий, происходило через Разрядный приказ. Это учреждение воспроизводило и поддерживало чиновную структуру служилого сословия, определяло соотношение службы указанного сословия с материальным ее обеспечением через назначение соответствующих денежных и, главное, поместных окладов (конкретным, практическим проведением в жизнь земельной политики ведал Поместный приказ).

В XVII в. инициатива повышения служилого человека в чине, а также прибавки поместного и денежного окладов за боевые заслуги принадлежала обычно самому служилому, а не его начальникам, как это стало принято в более позднее время. Чтобы получить следующий чин или прибавку к жалованью, служилые люди писали челобитные на имя государя, и, за некоторым исключением (о них ниже), подавали их в тот приказ, в ведении которого находились.

Посмотрим, как в 185 г. осуществлялась эта сторона деятельности Разрядного приказа не в его центральном, Московском, а в другом крупном

Соборная площадь XVII ст.

“территориальном” столе – Новгородском. В компетенции этого стола, в отличие от Московского, не находились элитные категории служилых людей, он ведал самой массовой частью служилого сословия – представителями городских корпораций.

Как говорилось выше, в 185 г. Новгородский стол делился по крайней мере на три поветья. Первое ведало городами Новгородского разряда – Новгородом и Псковом с их пригородами, второе – военными делами Костромы, Ярославля, Галича, Смоленска, Вязьмы, Дорогобужа, Белой, Ржевы, Володимеровы, Зубцова, Клина, Полоцка, Витебска, Велижа, Рославля, то есть городов замосковных и смоленского разряда, третье – также военными делами замосковных Ростова, Романова, Пошехонья, Вологды, Белоозера, Кашина, Дмитрова, Углича, Бежецкого Верха.

Подписные челобитные

Решение по вопросам пожалования в чин и прибавки к окладам городских служилых людей принималось практически всегда руководством самого Разряда. Исключения составляли подписные челобитные, которые подавались просителем не в Разряд, а непосредственно царю во время его выходов в храмы или монастыри. В этом случае решение принимал государь, оно записывалось, как обычно, на обороте челобитной тем думным дьяком, который находился в это время при царе. В 185 г. чаще всего это был думный дьяк Г.К. Богданов, возглавлявший в это время приказы Большой казны и Большого прихода. Кроме собственно решения по челобитной в такой помете чаще всего было записано также указание исполнить веление государя в Разряде²⁵¹, иногда с уточнением – думному дьяку Василию Семенову²⁵². В Разряде челобитная попадала сразу на стол к руководителям приказа, минуя низшие ступени разрядных служащих. Во всяком случае, никаких помет о приеме челобитной одним из столов приказа и о дальнейшей передаче ее судьям на документах нет. Затем челобитная направлялась в тот стол и то поветье стола, в компетенции которого находился челобитчик или изложенная в прошении проблема.

Например, в 185 г. во второе поветье Новгородского стола поступили от ведомых в нем служилых людей подписные челобитные следующего содержания (за небольшими исключениями): прошения о пожаловании в чин – из городских служилых по дворовому списку и по выбору; об отставке от полковой службы и пожаловании сына челобитчика в чин и о зачислении его в службу вместо отца.

В меньшей части подписных челобитных о пожаловании в чин служилые люди обращаются с просьбой пожаловать их из детей боярских городских в дети боярские дворовые, или по дворовому списку. Это означало, что просители заявляют о своей материальной возможности участвовать в ближних походах, то есть к границам своего уезда, служить “службу государеву ближнюю”, а не городовую, или осадную. В то же время, это был подъем на вторую ступень иерархической лестницы чинов служилых людей по отечеству²⁵³. Те, кто просил пожаловать их “по выбору”²⁵⁴, заявляли о готовности нести “службу государеву дальнюю”, то есть ходить в походы к границам государства. Дворяне выборные были высшим слоем городского служилого сословия. Кроме полковой дальней службы они по очереди служили в столице и при дворе, выполняя разные поручения.

В качестве основания для своей просьбы о повышении в чине челобитчики прежде всего предъявляли службы своей ближней и дальней родни: отцов, дедов, братьев, дядей и других родственников, которые определялись собирательным словом “родители” (не в современном значении). Участие родственников в дальних походах, особенно крупных, а, главное, их принадлежность к определенной категории служилого сословия – высшим городским чинам, а еще лучше, к столичным, была главным основанием для пожалования в чин и просителя. Так, единственным основанием просьбы смоленского сына боярского А.А. Омельянова написать его “по дворовому списку” было то, что его отец, дядя и “родители” служили по дворовому же списку²⁵⁵, такой же просьбы его земляка сына боярского М. Козловского – служба его отца и “родителей” по выбору, а братьев по дворовому списку²⁵⁶, челобитий смоленских выборных дворян М.И. Моложена и И.И. Моложена о пожаловании по выбору – служба их “родителей” “по Смоленску по выбору”²⁵⁷.

Во внимание принималась не только сама “беспорочная” служба родственников, но и жертвы, принесенные родом на военной службе – челобитчик обязательно перечислял родственников, раненных или погибших при исполнении военной обязанности. Галицкий сын боярский Л.И. Елизаров в челобитной о пожаловании его по дворовому списку в качестве основания своей просьбы приводит данные о том, что один его брат убит в бою, другой находится в плену²⁵⁸. Смоленский выборный дворянин А.П. Давотчиков пишет, что отец его служил по выбору, брат – по московскому списку, другие братья убиты в походах²⁵⁹. Еще более тяжелая картина нарисована костромичом В.Ф. Скрипицыным в челобитье о пожаловании по дворовому списку: отец его служил по дворовому списку, “родители” служат по московскому списку из житья, “родителей” же “побито и померло и в полон взято” более сорока человек²⁶⁰.

Таким образом, генеалогические факторы стояли на первом месте в деле пожалования в новый чин. Но нельзя сказать, что собственные служебные заслуги – имеется в виду только военная служба – никак не влияли на решение о пожаловании в чин. Если челобитчик нес военную службу многие годы, а тем более был ранен – эти обстоятельства также засчитывались в его пользу, и о них просители непременно упоминали в челобитных. Так, поручик выборного полка А. Шепелева К.Ф. Жохов пишет, что он служил

“многие полковые службы”, был ранен, “а за то рану и за многие свои службишка я, холот твои, невзысканъ и на приказех на бывал”; “родители” служили и служат по московскому и жилецкому спискам, а сам челобитчик служит по дворовому списку лет с двадцать и просит написать его по выбору²⁶¹. Костромич О.М. Федчищев начал службу в 1650 г., то есть служил двадцать шесть лет, был ранен, в 1659 г. был написан по дворовому списку, его братья за раны были пожалованы в московские чины и по выбору²⁶². Галичанин Л.И. Елизаров служил около 30 лет²⁶³, смолянин А.П. Давотчиков – 25 лет²⁶⁴, ярославец М.А. Бутримов – 23 года²⁶⁵.

Подобные основания, изложенные в челобитной, были, очевидно, вполне достаточными для положительного решения дела царем. Резолюции думного дьяка по решению государя предписывают пожаловать челобитчика в искомый чин без всяких оговорок²⁶⁶. Поскольку подписная челобитная была освящена именем самого государя, нельзя было предположить, что кто-либо осмелится совершить ее подлог или сослаться на несуществующую подписную челобитную. Вероятно, поэтому решение по нижеприведенной простой челобитной переславского служилого человека О.Д. Лопырева было принято руководителем Разряда без проверки, как это обычно бывало, изложенных в ней обстоятельств с помощью выписки. О.Д. Лопырев сообщал, что в 179 г. он был пожалован по дворовому списку по подписной челобитной, “а ныне та подписная челобитная в Разряде у подячего затерлас и именишко мое по дворовому списку не написано”. О.Д. Лопырев просил вписать его в разрядные документы по дворовому списку, основываясь на прежнем указе и подписной челобитной. Без обращения в высшую инстанцию В.Г. Семенов записал свое решение на челобитной О.Д. Лопырева “написать” его “по дворовому”²⁶⁷.

Кроме прошений о пожаловании в чин, подписные челобитные городских служилых людей содержали и другие просьбы.

Одной из нередких просьб, не только в подписных, но и в обычных челобитных, была просьба об отставке от полковой службы “за старостью” или “за увечьем” и почти всегда связанная с ней просьба зачислить в службу вместо челобитчика его сына. Такое прошение содержится, например, в челобитье галичанина Г.Ф. Апушкина. Основанием для отставки от полковой службы могли служить только две причины – старость или увечье, неизлечимая болезнь (неважно, полученные на службе или вне ее). В челобитной Г.Ф. Апушкина, сочетающей в себе две просьбы – о его отставке и о пожаловании в чин сына – содержится весь обычный необходимый “набор” оснований как для отставки, так и для пожалования: сам проситель пишет о себе, что он служил около сорока лет, дважды был ранен – первый раз под Конотопом, “на том же бою убито родителей моих дядей и братьев восемь челов”²⁶⁸, брат находится в плену в Крыму; в настоящее время челобитчик служит по выбору. Г.Ф. Апушкин просил отставить его от полковой службы и написать его сына Александра по жилецкому списку²⁶⁹.

Сообщения челобитчиков о старости или увечье никогда не принимались властью на веру. Так и в данном случае, думный дьяк записывает на челобитной решение царя: “государь пожаловал, *будет он стар, велет ево от службы отставит, а в его место служит сыну ево*”²⁷⁰. Соответственно, ру-

ководство Разряда распорядилось по челобитью Г.Ф. Апушкина “выписать и осмотреть и записать”²⁷¹. По этой помете в приказе была сделана выписка о службе Г.Ф. Апушкина: галицкий список текущего года подтверждал, что Г.Ф. Апушкин служит по выбору с поместным окладом в 950 четей, поместье имеет в Галицком уезде, службу начал в 151/1642-43 гг.; далее в выписке перечислялись все полковые службы челобитчика (военные походы, в которых он участвовал). Наконец, выписка включала результаты осмотра челобитчика, проведенного в Разряде, и сказку, которая была записана здесь же при осмотре с его слов (по сказке просителя его возраст был 60 лет). В выписку были также включены данные о сыне челобитчика – по тому же галицкому списку 185 г. он значился недорослем 14 лет²⁷².

Особняком от других подписных челобитных городовых служилых людей с просьбой о пожаловании в чин стоит челобитная братьев Суетиных. Их “родители” и предки служили по Галичу и Твери, отец – капитаном солдатского строя, но сами челобитчики с восемнадцати лет служили в царских сокольниках. В 1676 г. после смерти царя Алексея Михайловича корпус сокольников был почти полностью расформирован, и братья получили указ служить по Переславлю Залесскому по дворовому списку. Суетины били челом о пожаловании в следующий городской чин, по выбору²⁷³.

В связи с другой челобитной решался вопрос, если так можно сказать, и политический, и служебный, и территориальный. Осужденный по делу боярина А.С. Матвеева стольник Д.И. Неелов, “держалник” А.С. Матвеева, был лишен чина и “написан с городом” Новгородом, то есть из высшего столичного чина переведен в категорию новгородских городовых служилых людей. В своей челобитной он не оспаривает решения в принципе, а сообщает о том, что жизнь в Новгороде для него крайне трудна – в отличие от двух других опальных служилых, у которых есть в Новгородском уезде родственники и поместья, у Д.И. Неелова там родни нет, вся его родня служит по смоленскому списку, а у отца поместья и вотчины в Вологодском уезде. Поэтому просьба его состоит в том, чтобы ему было разрешено жить в доме у отца и написать его по смоленскому списку. В этой просьбе ему не было отказано²⁷⁴.

Также совершенно особый, хотя, видимо, не единичный, случай представляет дело костромича С.Т. Сафонова. Чтобы укрыться от опасной полковой службы, к тому же связанной с большими расходами, некоторые служилые люди по отчеству предпочитали пойти в холопы к другим служилым людям и таким образом “отбыть службу”, то есть уклониться от нее. Уклонение от службы в армии во все времена считалось преступлением и строго каралось. Сын боярский С.Т. Сафонов, оказавшийся в такой ситуации, попробовал избежать наказания. Он представил дело так, будто не пошел в холопы, а, “беднои и безпомощнои”, “служба службы, оскудал великою скудостью и от тои скудости и с мало неразумия, с простоты пришел ... пожит” к служилому же человеку С.И. Плещееву, а последний взял на него служилую кабалу. С.Т. Сафонов же про эту кабалу “и не ведает” – “человеченко я простои и не грамотной”. Как только же он узнал о сборе в полки и услышал свое “имянишко в кликовом списке”, то обратился в Разряд с просьбой освободить его от заимодавца и с изъявлением желания служить по Костроме “с родители вместе”²⁷⁵.

Дело решалось в Разряде. Естественно, распоряжением В.Г. Семенова была составлена выписка. Кроме данных, свидетельствующих о служебном и материальном положении челобитчика и его родственников, к делу были подверстаны выдержки из законодательных документов, в которых рассматривалась и разрешалась данная ситуация (1 и 2 статья XX главы Соборного Уложения)²⁷⁶. В этой главе, как указано в выписке, “напечатано”, чтобы “впредь никому детеи боярских в холопи не брать”.

На основании подготовленных материалов прежде всего было вынесено решение “костромитина сына боярского Сенку Софонова ис холопства взять”. Следующим этапом расследования было выяснение того, как возникла подобная ситуация: были отданы распоряжения о допросе в Разряде С.Т. Сафонова и С.И. Плещеева и представлении ими документов о холопстве. Из показаний заимодавца, С.И. Плещеева, которые он дал в Разряде, выяснилось, что С.Т. Сафонов не только знал о своем закрепощении, но и официально оформил его в положенном месте – в приказе Холопья суда. Причем при даче кабалы С.Т. Сафонов солгал, что ни в какой службе не состоит – только при таком условии по закону он мог быть записан в холопство. С.И. Плещеевым была представлена и служилая кабала, с которой в Разряде была списана копия – “список слово в слово”. При допросе в Разряде С.Т. Сафонов подтвердил сведения разрядных документов – костромского “подлинного” списка 185 г. и костромского разборного списка 184 года – о своей принадлежности к служилому городовому сословию, о худости и скудости поместья, из-за чего он живет и кормится “на Москве”, и сведения о родственниках, костромских городских служилых людях.

Таким образом, история закабаления костромского сына боярского стала ясна, и руководитель Разряда вынес свое решение о дальнейшей судьбе С.Т. Сафонова и о полагающемся ему наказании: С.Т. Сафонова с женой (бывшей вольной, которая также была в кабале у С.И. Плещеева) “освобождает, и быть ему в полковои службе по Костроме з детми боярскими сродниками ево по прежнему, а что он, не хотя великого государя полковую службу служит, дал о том служилую кабалу Степану Плещееву, и за то ево плутовство и за ссору учинит ему наказанье: вместо кнута бит батоги нещадно и дать ево на поруку с записью, что ему впредь полковую службу служит з городом с сродники ево вместе, а впредь так не плутат, служилых кабал на себя никому не дават и впредь темъ ссоры не чинить”.

Последним документом, подклеенным к делу, является поручная записка. Порука оформлялась здесь же, в Разряде, при участии и силами разрядных служащих. В качестве ответчиков за С.Т. Сафонова – его “поручников” – выступили московские и городовые служилые люди (жилец С.И. Мосткин, стряпчий Я.И. Шишкин, костромичи Т.М. Лихарев и Ф.В. Сафонов, жилец С.С. Кафтырев, “полуполковник” М.Ф. Травин, Н.Т. Ивашенцев, П.С. Головин, К.П. Таширов (их чины не названы), жилец В.И. Горняковской. Со стороны государства поруку принимал представитель Разрядного приказа, сын боярский Иван Поддубский, старший в этой категории разрядных служащих. Кроме поручителей в процедуре должен был участвовать и свидетель – “послух”. В этом качестве выступил некто “Феоктистка Корюкинъ”. Поручную запись оформил также “внештатный”

служащий Разряда – “розрядных сеней подячей Артюшка Степанов”²⁷⁷. Составление подобных документов было прерогативой именно этой категории разрядных служащих. Во-первых, подобные документы являлись скорее частно-правовыми актами, составлением которых занимались негосударственные структуры. Во-вторых, это освобождало разрядных подьячих, и так чрезвычайно загруженных приказной работой.

Следует отметить, что все дело целиком, от приема до вынесения промежуточных и окончательных резолюций, вел глава Разряда В.Г. Семенов, что указывает на значение, которое ему придавалось. Забота о поддержании и приумножении численности русской армии была жизненно важной для государства, ввиду беспокойной ситуации на южных его границах.

Расследование заняло в Разряде один месяц. Выписка по челобитной была составлена через восемь дней после распоряжения В.Г. Семенова, причем служилая кабала была взята у С.И. Плещеева, чтобы снять с нее копию, спустя шесть дней после указания В.Г. Семенова о выписке. С 27-28 мая по 18-19 июня в Разряде велись допросы С.Т. Сафонова и С.И. Плещеева по существу дела, собирались поручители, а 20 июня была оформлена поручная запись.

Как было сказано, после решения царя, которое записывал на подписной челобитной один из думных дьяков, документ для исполнения решения государя поступал в Разряд. По правилам административной иерархии резолюция не разрядного думного дьяка не могла являться непосредственным руководством к действию для служащих Разряда – была необходима резолюция руководства самого Разряда.

Можно было бы предположить, что отдать распоряжение по утвержденному самим государем вопросу мог только начальник Разряда думный дьяк В.Г. Семенов. Действительно, его пометы на подписных челобитных, следующие за пометами не разрядного думного дьяка, стоят на большинстве этих документов²⁷⁸. Однако и товарищи В.Г. Семенова нередко записывали свои резолюции на подписных челобитных о пожаловании в чин, поступивших в Разряд от государя. Из таких подписных челобитных, сохранившихся за 185 г., на двух стоит помета П.И. Ковелина²⁷⁹, на трех – Ф.Л. Шакловитого²⁸⁰ и также на трех – Л.А. Домнина²⁸¹. Учитывая, что пометы В.Г. Семенова стоят на семи подписных челобитных, очевидно, что внутри Разряда решения по исполнению распоряжения царя принимались главой приказа и его тремя заместителями практически поровну (напомним, что речь идет о пожаловании в чин городских служилых, ведомых во втором по вытье Новгородского стола Разряда).

Однако подписные челобитные, указания по которым давали в Разряде руководители приказа, все же различаются по содержанию. В компетенцию руководителя приказа думного дьяка В.Г. Семенова входили все дела – пожалования в чин и по дворовому списку, и по выбору, а также более сложные дела опального стряпчего Д.И. Неелова и жильца С.М. Батюшкова (см. ниже). Первый заместитель Семенова дьяк П.И. Ковелин также отдавал распоряжения по пожалованию в чин городского дворянина и по разрешению конфликта с участием переславского воеводы (см. ниже). Ф.Л. Шакловитый и Л.А. Домнин решали в Разряде только дела по пожалованию в следующий

чин городовых служилых людей и дела об отставке от полковой службы. Таким образом, в круг полномочий второго и третьего разрядных дьяков входили, так сказать, рядовые, текущие вопросы службы городовых служилых людей, а более сложные дела, связанные с опальными служилыми людьми или с разрешением местных административных проблем решались в Разряде руководителем приказа и его первым заместителем.

Еще один, казалось бы, очевидный момент – безоговорочная для Разряда обязательность исполнения решения государя по подписной челобитной – оказывается не столь очевидным. В большинстве случаев, действительно, помета кого-либо из разрядных дьяков лишь подтверждает распоряжение царя: “учинить по сему великого государя указу”²⁸², “учинить по *сеи* помете”²⁸³. Однако в некоторых случаях руководство Разряда подтверждало указ государя с оговоркой – проверить сведения, сообщаемые челобитчиком. Так, после утвердительной пометы думного дьяка на челобитной костромича В.Ф. Скрипицына о пожаловании по дворовому списку записано распоряжение П.И. Ковелина: “Учинить, *будет* отец служил по дворовому”, о чем сообщает в челобитной В.Ф. Скрипицын²⁸⁴. По такому распоряжению в приказе составлялась краткая выписка, которая предназначалась исключительно для внутреннего пользования и не оформлялась так, как обычно оформлялись выписки по сложным делам для доклада разрядному руководству или высшей власти. Это скорее записка на маленькой части листа. В этот документ обычно выписывались сведения из соответствующего городского “подлинного” списка и присоединялась сказка челобитчика, записанная с его слов в Разряде, где подтверждались сведения из списка.

Такое же распоряжение о проверке сведений челобитной братьев Суетиных написано Ф.Л. Шакловитым после пометы думного дьяка об удовлетворении их просьбы: “Учинить по сему великого государя указу, справясь, буде они написаны по дворовому”²⁸⁵; тем же дьяком на челобитной смолянина М.И. Моложенинова о пожаловании по выбору: “учинить по великого государя указу, *будет* служит по дворовому”²⁸⁶.

Однако были случаи, когда разрядное руководство не просто подтверждало царское указание с оговоркой проверить сведения челобитной, но отдавало распоряжение только подготовить подробную выписку по делу. Так, после пометы думного дьяка Г.К. Богданова на челобитной Д.И. Неелова об удовлетворении его просьбы служить по Смоленску В.Г. Семенов записал: “Выписать”²⁸⁷. По этому распоряжению в Разряде была составлена подробнейшая выписка, которая включала сведения из нескольких документов: памяти в Разряд из приказа Сыскного дела от 15 января 185 г. о ссылке А.С. Матвеева и его сообщников, где содержалось приказание написать Д.И. Неелова по новгородскому списку; подтверждение исполнения Разрядом этого указа, а также данные о том, что в Новгород послана соответствующая грамота, а в Разряде в боярском списке отмечены перемены в служебном положении челобитчика. Затем в выписке были приведены краткое содержание челобитной, сведения из смоленского списка текущего года о службах родни Д.И. Неелова и записанная в Разряде со слов родного брата челобитчика сказка о его родственных связях с упомянутыми в спис-

ке представителями фамилии; сказка самого Д.И. Неелова, записанная ранее в Разряде, о дворах его отца и братьев; дословно помета думного дьяка Г.К. Богданова на челобитной Д.И. Неелова о разрешении служить по Смоленску. В конце выписки приведены сведения о службе, возложенной на смоленских дворян и детей боярских на текущий момент: им было велено быть в Путивле в полку боярина кн. В.В. Голицына²⁸⁸.

По представленной информации решение принял уже самостоятельно глава Разряда В.Г. Семенов, и это решение не просто подтверждало, а дополняло указ царя, записанный на челобитной: "...по указу великого государя и подписной челобитной, какова над сею выпискою, написать ево, Дмитрея, с городом со смолняны с сроднки ево вместе и выслать ево на его государеву службу в полкъ к боярину и воеводам ко князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи"²⁸⁹.

Таким образом, решение царя, записанное на подписной челобитной, исполнялось в Разряде сразу и безусловно в тех случаях, когда у руководства Разряда не возникало вопросов в отношении представленной в челобитной информации, когда информация представлялась бесспорной. В противном случае в Разряде проводили разыскания в приказном архиве и сводили их в выписки – краткие, лаконичные, когда дело касалось только подтверждения чина просителя, и пространные, подробные, более официально оформленные, когда дело было не столь однозначным, было связано с разрешением некоего конфликта.

Руководить составлением выписки должен был, очевидно, глава стола или поvyтья – старый подьячий. Информация о составителе выписки располагалась на обороте последнего (или единственного) листа выписки. Чаще всего формулировка была следующей: "Справил такой-то", что означало руководство составлением выписки, непосредственным же исполнителем был другой подьячий. Реже запись гласила: "Выписывал (или писал) такой-то", то есть фиксировала собственноручное составление и написание выписки старым подьячим. На сохранившихся выписках по подписным челобитным, связанным с делами второго поvyтья Новгородского стола Разряда, стоят пометы именно второго типа. По челобитной Г.Ф. Апушкина "выписывал Мишка Щербаков"²⁹⁰, по челобитной Д.И. Неелова выписку "писал Ганко Алексеев"²⁹¹.

На кратких выписках указаний о составителе нет, по почерку же атрибутировать их не удалось.

По-видимому, разрядный подьячий, который составлял выписку по челобитной, и дальше, если была необходимость, вел это дело. По подписной челобитной галичанина Г.Ф. Апушкина решением царя и, после выписки, Ф.Л. Шакловитого челобитчик был отставлен от полковой службы и написан в городовую, а вместо него с его поместья и вотчины было велено служить его сыну²⁹². Об этой перемене в служебном положении служилого человека Разряд должен был известить местную администрацию, то есть галицкого городского воеводу. Черновик (или отпуск) грамоты в Галич воеводе В.А. Ордину-Нащокину об отставке Г.Ф. Апушкина по старости был написан тем же подьячим, который делал выписку – М. Щербаковым (атрибутировано по почерку).

В редактировании указов из Разряда представителям местной администрации принимали участие и разрядные дьяки. Так, в том же месяце, когда было принято решение по делу Г.Ф. Апушкина (январь, число в черновике грамоты не указано), был составлен текст указа в Галич городовому воеводе. В нем излагалось решение по делу Г.Ф. Апушкина и предписывалось снять в приказной избе копию с присланной из Разряда грамоты, а подлинник – прочетную грамоту – оставить у челобитчика. Именно в этой части грамоты Ф.Л. Шакловитым внесена правка в написанный М. Щербаковым текст. Фрагмент “а прочет сю нашу великого государя грамоту и списав с нее список за своею рукою, держат в приказной избе, а подлинную сю нашу великого государя грамоту отдаст ему, Григорью, вперед для иных наших воевод и приказныхъ людей” был зачеркнут, перед ним поставлен знак “крыж” и на обороте с тем же знаком рукой Ф.Л. Шакловитого написана вставка: “а прочет се нашу государеву грамоту и списав с нее списокъ, отдаст ему, Григорью, а списокъ с сеи нашеи государевы грамоты оставит в Галиче в приказной избе вперед для иных воевод и приказныхъ людей”. Очевидно, что правка носит и смысловой, и стилистический характер – для будущих местных руководителей предназначался не подлинник, оставшийся у челобитчика, а список (здесь М. Щербаков выразился нечетко). Ф.Л. Шакловитый добавил также название города – видимо, для большей ясности и конкретики. Как было отмечено выше, решение по делу также было принято Ф.Л. Шакловитым и помечено на выписке. Таким образом, правило о доведении взятого под контроль дела до конца тем же разрядным служащим касалось не только подъячих, но и дьяков.

В большинстве случаев при подтверждении царского распоряжения на подписной челобитной руководители Разряда не фиксировали дату своей пометы, в то время как первая резолюция почти всегда была датирована. Поэтому невозможно установить сроки исполнения дел по подобным челобитным. Датированы, и то не всегда, те пометы на челобитных, в которых предписывалось собрать дополнительную информацию по делу. Так, указ царя по челобитной смолянина М.И. Моложенинова о пожаловании по выбору был помечен думным дьяком 19 марта, а помета Ф.Л. Шакловитого “учинить по великого государя указу, будет служит по дворовому” записана на челобитной 27 апреля²⁹³. Таким образом, с указа государя до распоряжения исполнить его прошел почти месяц.

Однако всегда датированы пометы руководителей Разряда на выписках, в которых изложено окончательное решение по делу. Такие пометы писались В.Г. Семеновым и его товарищами по лицевым сстам (местам склеек листов) дела, состоявшего из челобитной, выписки и иногда других документов. Таким образом руководители приказа скрепляли дело, гарантируя его целостность – как для проверки сохранности дела, так и для предотвращения подмены листов. Так, помета по указу государя была сделана на челобитной галичанина Г.Ф. Апушкина об отставке 27 декабря. Помета Ф.Л. Шакловитого на выписке по этой челобитной датирована 8 января²⁹⁴. Таким образом, осмотр челобитчика и составление “большой”, подробной выписки в Разряде заняли 12 дней. Помета думного дьяка Г.К. Богданова на челобитной бывшего стряпчего Д.И. Неелова о написании его по смолен-

скому списку вместе с родственниками датирована 19 марта, а помета В.Г. Семенова на выписке по этой челобитной – 27 мая, причем в выписку включена сказка брата Д.И. Неелова, Петра, записанная с его слов в Разряде 1 мая. В данном случае, как это видно, исполнение распоряжения государя в Разряде состоялось больше чем через два месяца.

Поверстание поместным и денежным окладом

Городовые служилые люди подавали просьбы о перемене в их чиновном и материальном положении непосредственно царю редко. Большая часть таких челобитных направлялась просителями в ведавший их приказ, то есть Разряд. Как и в случае подписных челобитных, обыкновенные челобитные городских служилых людей содержали чаще всего прошения о пожаловании в чин, об отставке от полковой или городской службы, о верстании поместным и денежным окладом, о прибавке к окладу и некоторые другие.

Прежде всего, в Разряд обращались неверстанные служилые люди с просьбой назначить им поместный и денежный оклады²⁹⁵. О поверстании просили городовые служилые люди разных категорий – записанные в городскую службу или в полки “нового строя”, чаще всего в рейтары. Наделение служилого человека земельным владением в XVII в. было напрямую связано с исполнением им обязательств его сословия перед государством. Поэтому такие просьбы никогда не удовлетворялись сразу, без предварительного наведения справок, и, соответственно, всем подобным челобитным всегда сопутствовали выписки, имевшие устоявшийся формуляр. Они включали извлечения из городских “подлинных” списков предыдущего или текущего года, последних по времени разборных списков, перечисление служб челобитчика, данные из различных городских списков о его родителях и родственниках, статьи новичных окладов для служилых людей данного города, краткий пересказ челобитной и сказку челобитчика о родственниках у выписки. Таким образом, эти документы, во-первых, подтверждали (или не подтверждали) сведения, изложенные в челобитной, во-вторых, полностью раскрывали служебное и местническое, генеалогическое положение челобитчика.

Руководствуясь соотношением собственных заслуг просителя и чинами, службами и окладами его родственников, руководство Разряда могло вынести решение о размере новичного оклада для челобитчика. Так, помещик Переславля Залесского И.Ф. Федотьев, как он и сообщал, значился в переславском списке 185 г. в неверстанных, службу начал в 162/1653-54 гг., что он еще раз подтвердил в своей сказке у выписки. По переславским спискам

156/1647-48 и 167/1658-59 гг. новичные оклады его родне были: брату 300 четей, отцу 200 четей. На основных изложенных в выписки данных в Разряде было принято решение поверстать переславского рейтара И.Ф. Федотьева по второй из пяти указных статей новичных окладов для переславцев – поместного оклада 300 четей, “денег з городом девят рублев”²⁹⁶. Такое же “расследование” было проведено о ярославце А.Е. Неелове. По ярославскому подлинному списку 184 г. он значился неверстанным. В ярославской же разборной десятне того же года был записан Е.О. Неелов с поместным окладом 350 четей и денежным “з городом” 12 р. В сказке, записанной в Разряде и подтвержденной “рукоприкладством” челобитчика на обороте записи, А.Е. Неелов объявил, что Е.О. Неелов приходится ему отцом. Затем в выписке были приведены пять статей новичных окладов для ярославцев, по первой из которых новичный оклад составлял 300 четей и 10 р. На основании изложенного было принято решение поверстать А.Е. Неелова поместным окладом первой статьи (ниже отцовского) в 300 четей, но денежный оклад дать вровень с отцом – 12 р.²⁹⁷

Как отмечалось, несмотря на то, что служилые люди полков “нового строя” были “приписаны” к специальным приказам (Рейтарскому, Иноземскому и т.п.), их принадлежность к сословию служилых людей по отчеству не менялась и “отделом кадров” для них оставался Разрядный приказ, почему и челобитные о придачах к поместному и денежному окладу они подавали именно в Разряд. Но, как и в случае с “территориальными” приказами, подробности прохождения службы этими служилыми людьми фиксировались в ведавших их приказах. Поэтому наведение справок об их службах в Разряде вызывало некоторые затруднения. Например, о службе костромича рейтара Ф.Ф. Селевина в Разряде выписать было “не из чего”, потому что “рейтары службою ведомы в Рейтарском приказе”²⁹⁸. Такая же сложность возникла и с выпиской о службах переславца С.П. Внукова, служащего “у рейтар в прапорщиках”: “службы ево в Розряде выписать не ис чево, потому что служить в началних людех, а начальные люди и рейтары службою ведомы в Рейтарскомъ приказе”²⁹⁹. Прочие сведения – о чине и окладе челобитчиков, чинах и окладах их родни, установленные новичные оклады для служилых людей соответствующей городской корпорации – находились в Разряде и потому могли быть внесены в выписку. Несмотря на отсутствие данных о службах челобитчиков-рейтар, руководство Разряда приняло решение о назначении им новичного оклада. Ф.Ф. Селевин, записанный в службу со 162/1654-55 гг. и обладавший особыми преференциями – был ранен и находился в плену – был поверстан по первой статье, как и его младшие братья – 350 четей поместного оклада и 12 р. денежного³⁰⁰. Переславец С.П. Внуков был поверстан по второй статье, 300 четей и 10 р.³⁰¹

Возможно, однако, что сведения о службах Ф.Ф. Селевина и С.П. Внукова Разрядом были получены, хотя и отсутствуют в архивном деле – претензия на придачу к окладу и в данном случае предполагала собственную инициативу служилого человека. Поэтому, желая справить себе придачу к окладу за службы, служилые люди полков “нового строя” подавали челобитье также и в ведавший их приказ, но не с прошением о придаче,

а с просьбой сделать необходимые выписки для Разрядного приказа. Так, служилый смольнянин рейтар В.Г. Родичев подал челобитье в Рейтарский приказ, в котором сообщал, что служит со 176/1667-68 по 185 год, но придач к окладу не получил, почему просит выписать в Рейтарском приказе его службы и послать в Разряд. По этому челобитью в Рейтарском приказе по смотренным спискам 177/1668-69 и 179/1670-71 гг. “было сыскано” о службах В.Г. Родичева, сделана выписка и послана в Разряд. На основании полученных данных П.И. Ковелин распорядился “учинит придача за те службы, справяс великого государя с указом”³⁰². Память с выпиской о службах была послана в Разряд из Рейтарского приказа и по челобитью ярославских рейтар братьев С. и Я. Як. Чириковых о придачах за службы. Решение о справливании придач по данным этой памяти было также принято П.И. Ковелиным³⁰³. Такие же памяти получил Разрядный приказ в связи с челобитными служилых людей о прибавке поместного и денежного оклада из того же Рейтарского³⁰⁴ и из Иноземского³⁰⁵ приказов. На обоих документах записаны резолюции Л.А. Домнина о пожаловании придач “за те службы” с обычным условием – “справяс великого государя с указомъ, за которые доведетца”³⁰⁶.

Запрос мог касаться не только служилых людей, подведомственных по роду своей службы другому приказу, но и категорий служилых, которые и службой были ведомы в Разряде, но в течение какого-то времени исполняли свои обязанности под ведомством другого приказа. Так, например, из Разряда в приказ Малой России поступил запрос о службе подьячего А. Григорьева (все приказные подьячие находились в ведении Разряда). Подьячий просил придачи денежного жалованья за полковую службу, полученные на ней раны и пребывание в плену (“полонное терпенье”). Службу А. Григорьев нес в малороссийских городах, поэтому запрос об обстоятельствах этой службы и был направлен Разрядом в приказ Малой России³⁰⁷. Затем в Разряде была составлена внутренняя служебная выписка из ответной памяти приказа Малой России и записной книги отписок, и на основании этих данных в выписке предложена сумма прибавки – 30 р., весьма немалая, которая должна быть выплачена “из приказа, где государь укажет”³⁰⁸.

Как отмечалось, в ответных памятях одного приказа в другой при неизменном более или менее подробном изложении запроса дата этого запроса упоминалась далеко не всегда. Поэтому определить сроки исполнения поручения часто бывает затруднительно. Тем не менее, в некоторых случаях это возможно. Так, служилый человек, службой ведомый в Рейтарском приказе, 20 июня подал в Разряд челобитье о прибавке поместного и денежного оклада. Чтобы определить, возможна ли прибавка, а если возможна, то какая именно, Разряд послал запрос в Рейтарский приказ о службах челобитчика. Ответ был получен 24 июля, то есть чуть больше чем через месяц³⁰⁹.

Решения по челобитным городовых служилых людей о поверстании поместным и денежным окладом принимались, за редким исключением, разрядными дяками, товарищами В.Г. Семенова. Чаще дело по челобитной служилого человека от начала и до конца вел один и тот же дяк – он отдавал распоряжение сделать выписку по челобитной, он же, основываясь

на представленных данных, определяя размер нового оклада просителя (например, П.И. Ковелин³¹⁰, Ф.Л. Шакловитый³¹¹). Однако нередки были и случаи, когда челобитную принимал и распоряжался сделать выписку один разрядный дьяк, а решение по делу принимал другой. Так, челобитную переславца С.П. Внукова принял П.И. Ковелин, а оклад ему назначил Л.А. Домнин³¹²; челобитную костромича С.Г. Гиневлева принял Ф.Л. Шакловитый, решение по ней вынес также Л.А. Домнин³¹³.

В некоторых случаях челобитная попадала к начальнику Разряда думному дьяку В.Г. Семенову. Возможно, это были особые, не совсем обычные случаи, как, например, челобитье о поверстании переславца В.С. Суетина. Его родители, дед и прадед служили в городских корпорациях Галича и Твери, причем отец был капитаном солдатского строя. Сам же челобитчик служил более восемнадцати лет в особом придворном чине, в сокольниках. После смерти царя Алексея Михайловича многие сокольники за ненадобностью были записаны в городские дворяне. Именно так случилось и с В.С. Суетиным – в 184/1675-76 гг. он был “написан с городом по Переславлю Залесскому по выбору”, то есть сразу в высший городской чин, однако не верстан. Дело осложнялось еще и тем, что отец челобитчика также не был верстан, так как погиб молодым, а как было сказано выше, оклад служилого человека в немалой степени зависел от размера окладов его ближайших родственников. Решение по выписке, которую велел подготовить В.Г. Семенов, принимал, однако, уже не начальник Разряда, а дьяк Ф.Л. Шакловитый. Несмотря на то, что некоторые данные челобитной не подтвердились (по разборным десятням и “подлинным” спискам прошлых лет и текущего 185 г. “Суетиных по Переславлю и Галичу никто не верстан”), В.С. Суетину было решено “учинить ... за ево службы и за службы ж родствениковъ ево и для того, что онъ служить по выбору, оклад внов помесной триста пятьдесят чети, денег з городом двенатцать рублей”³¹⁴, то есть по первой статье.

Следует отметить, что лишь редкие пометы на челобитных о поверстании новичным окладом и на выписках датированы, поэтому сложно сделать выводы о сроках исполнения этих дел. Так, решение о новичном окладе углуцкому служилому человеку было принято в течение 24 дней со дня приема челобитной³¹⁵. Гораздо быстрее решилось дело переславца И.Ф. Федотьева – за четыре дня³¹⁶.

Все выписки по челобитным о поверстании вновь поместным и денежным окладом были составлены под руководством старого подьячего, руководителя повытья И. Олсуфьева³¹⁷. Непосредственный исполнитель, писавший выписку, назван лишь в одном случае, это неверстаный подьячий Федор Зверев³¹⁸.

Фиксирование новичных окладов в документах Разрядного приказа

Очевидно, не только верстание поместным и денежным окладом находилось в руках самих служилых людей, но и фиксирование в кадровых документах Разряда нового статуса вновь поверстанных в большой степени зависело от них же. Челобитные с просьбой записать в Разряде в соответствующий городской список полученный у разбора 184/1675-76 гг. оклад можно назвать массовыми. В 184 г. во многих городах проходили разборы городских служилых людей. Во время этих разборов многие из них были поверстаны поместным и денежным окладом, однако в разрядных документах не все эти перемены были зафиксированы, а, следовательно, не были узаконены. Очевидно, во время полковых сборов 185 г. эти обстоятельства выяснились, поэтому поверстанные служилые люди подали в Разряд челобитные, где объявляли о том, что в 184 г. в таком-то городе (Ярославле, Костроме, Галиче, Переславле Залесском) они были поверстаны новичным поместным и денежным окладом, “а здесь, государь, на Москве в Розряде именишко мое в подлинной списокъ не внесено”³¹⁹ (“в книги не приправлено”³²⁰). Челобитчики просили внести их оклады в разрядные “подлинные” (разборные смотренные) списки или книги.

Решения по этим челобитным принимали все три заместителя руководителя приказа, сам В.Г. Семенов такие прошения не рассматривал. Как и во многих других случаях, во второго заместителя В.Г. Семенова, П.И. Ковелина, ложилось решение по большей части таких челобитных, почти в два раза больше, чем у каждого из двух других дьяков. Следует отметить, что пометы первого заместителя думного дьяка, П.И. Ковелина на этих челобитных отличаются от помет Ф.Л. Шакловитого и Л.А. Домнина. Просьбы челобитчиков о фиксации их новых окладов в документах Разряда удовлетворялись всеми тремя дьяками, но у Ф.Л. Шакловитого и Л.А. Домнина решения по челобитным сформулированы как безусловные указания внести изменения в списки: “генваря в 11 день по указу великого государя написать ево в подлинной списокъ”³²¹; “генваря в 12 день по указу великого государя справить ему *тот* новичной оклад из розборного списка в подлинной списокъ”³²²; “генваря в 12 день по указу великого государя справить *тот* ево новичной оклад в подлинной списокъ”³²³; “Генваря в 18 день по указу великого государя написать из розбора в подлинной список с помесным и денежным окладом”³²⁴; “Февраля в 9 день написать из розборного списка в *том* окладе в подлинной списокъ”³²⁵; “Мая в 19 день по указу великого государя справить ему *тотъ* ево новичной оклад в подлинной списокъ”³²⁶ и др.

П.И. Ковелин также отдавал указания о внесении новичных окладов в соответствующие разрядные документы, но при этом всегда делал оговорку: “Генваря в 16 день по указу великого государя справить ему *тот* но-

вичною оклад в список, будет он верстанъ”³²⁷; “Генваря в 24 день по указу великого государя написать ево в списокъ в том оклад, будет он верстанъ”³²⁸; “Будет верстан, и том оклад ево в списокъ написать”³²⁹ и др.

В некоторых случаях П.И. Ковелин отдавал распоряжение сделать выписку по челобитной, не принимая до этого решения о внесении новичного оклада в списки, причем обстоятельства, изложенные в этих челобитных, ничем не отличаются от множества других. Например, распоряжение “выписать” было отдано П.И. Ковелиным по челобитным костромичей С.А. Щепина и А.Г. Литвинова. Оба служилых человека были верстаны в 184 г., но в служилом костромском списке в Разряде “не приправлены”³³⁰. В обоих случаях выписки составлял руководитель второго поветья Новгородского стола И. Олсуфьев, решение по выпискам принимал Ф.Л. Шакловитый. Решение по обеим челобитным состоялось в один день с одинаковой формулировкой: “185-го генваря в 11 день по указу великого государя справить ему *том* ево новичною оклад в Розряде в подлинном списке”³³¹. Здесь же, на выписке, по обычной “экономичной” практике приказных делопроизводителей, И. Олсуфьев отметил, что распоряжения дьяка исполнено: “в списокъ написано”³³².

Трудно сказать, были ли вызваны распоряжения П.И. Ковелина о наведения справок по челобитным какими-то особыми обстоятельствами, известными руководству Разряда, или такая формулировка пометы была личной особенностью П.И. Ковелина, который один фиксировал обычную делопроизводственную практику Разряда в подобных случаях. Скорее всего, проверка в обязательном порядке проводилась в отношении каждой челобитной новиков, но другие дьяки не считали нужным каждый раз указывать на это, как на рутинный, само собой разумеющийся момент.

Сроки исполнения подьячими Разряда решений дьяков по челобитным о “приправке” новичного оклада, как и в других случаях, установить трудно. Помогают в этом редкие сочетания документов. Так, галичанин И.А. Нелидов подал челобитье о “приправке” его новичного оклада 184 года в “подлинном” разрядном списке; решение по этой челобитной состоялось 9 февраля.³³³ В том же месяце И.А. Нелидов подал челобитную о придаче к поместному и денежному окладу за его полковые службы. По распоряжению П.И. Ковелина по этой челобитной была подготовлена выписка, в которой, в числе прочих, содержатся выдержки из галицкого “подлинного” списка 184 г. об окладе челобитчика (он составлял 350 четей поместного оклада и “денег з городом” 12 р.³³⁴). Решение Ф.Л. Шакловитого по этой выписке датировано 20 февраля. Таким образом, новичный оклад И.А. Нелидова был внесен в документы Разряда не позже, чем в течение десяти дней после распоряжения П.И. Ковелина.

Еще чаще, чем с челобитными о поверстании новичным окладом, служилые городовые люди обращались в Разряд с просьбой пожаловать их в следующий чин. Для этой категории служилых людей такими чинами были дворовый и выборный, или по выбору. Большая часть челобитных содержит просьбы о пожаловании по дворовому списку. Об основаниях для подобных прошений уже говорилось выше, в разделе о подписных челобитных.

Чаще прошение о пожаловании в следующие чины – по дворовому списку или по выбору – удовлетворялось сразу, без наведения дополнительных справок. Но есть немало случаев, когда руководство Разряда считало необходимым проверить информацию челобитной. Тогда в Разряде наводились соответствующие справки. Выписки были разного содержания, в зависимости от того, какие именно факты руководство Разряда считало нужным проверить или подтвердить. В то же время прямых указаний, что именно необходимо проверить, в пометах дьяков, за редким исключением, не содержалось. В качестве такого исключения можно привести помету на челобитной костромича Ф.А. Казакова о пожаловании по дворовому списку. В челобитной Ф.А. Казаков объявлял, что он служит по Костроме с городом со 175/1666-67 гг., его отец служит там же по выбору, многие “родители” побиты и ранены. Помета на челобитной гласила: “Апреля в 26 день государь пожаловал велел ево написать по дворовому, будет сродники ево по тому городу в том чину есть или преж сего были”. За этим последовала краткая справка о службе отца Ф.А. Казакова, сделанная на основании костромского подлинного списка 184 г. и сказки челобитчика о том, что отмеченный в списке служилый человек приходится ему отцом³³⁵.

Возможно, в остальных случаях эти указания отдавались устно. Так, прапорщик московского выборного полка А. Шепелева И.Т. Маматов просил написать его по выбору, основанием для чего служила его двадцатилетняя служба и ранение. По лаконичной помете “выписать” в Разряде была собрана информация о службах И.Т. Маматова, о его родственниках, взяты показания челобитчика о родне, отмеченной в документах Разряда³³⁶. По другой челобитной, костромича О.М. Федчищева, в которой он сообщал, что служит 28-й год, причем по дворовому списку со 167/1658-59 гг., был ранен, отец и дядя убиты под Смоленском, и просил написать его по дворовому костромскому списку, также было указано “выписать”. Можно предположить, что выписка по этому делу должна была обязательно включать сведения об указанных родственниках челобитчика. Однако в ней содержались данные о службах челобитчика, ране и придаче за нее, а также примеры случаев, когда служилые люди были пожалованы в выборные дворяне не по родству, а за службы³³⁷.

Выписки, как упоминалось выше, могли включать сведения по какому-то одному вопросу (например, перечень служб служилого человека³³⁸ или

сведения о родственниках челобитчика³³⁹), но это были скорее исключения. Практически всегда они содержали обычную “комплексную” информацию о службе, ее особых обстоятельствах, вроде ранения или плена, о родственниках челобитчика³⁴⁰.

Почти всегда следствием выписки было безусловное решение руководства Разряда о пожаловании челобитчика в искомый чин. Чаще оно записывалось в краткой форме: такого-то числа “государь пожаловал, велел написать ево по дворовому списку (или по выбору)”. Однако в некоторых случаях, вероятно, требовавших, с точки зрения руководства Разряда, особых разъяснений, в помете подробно указывались основания, по которым было принято решение о пожаловании в чин. Так, на выписке по челобитной И.Т. Маматова о пожаловании в выборные дворяне В.Г. Семенов начертал такую резолюцию: “185-го декабря в 12 день великии государь велел ево за многие ево службы и что брат ево в житье, велел ево написать по выбору и для ведома послать о том память в приказ княжества Смоленского”³⁴¹. По всей видимости, И.Т. Маматов служил “по наряду” из приказа княжества Смоленского, и развернутая формулировка пожалования предназначалась для перенесения в уведомление, которое надлежало отправить в этот приказ.

В некоторых же случаях челобитчик получал отказ или пожалование в чин могло быть осуществлено лишь при особом условии. Так, у костромича О.М. Федчищева, просившего о пожаловании по дворовому списку, по выписке не нашлось родственников, имевших такие чины, которые могли бы служить прецедентом для пожалования его по дворовому списку (недаром в выписке приводились примеры из костромских “подлинных” списков, когда служилые люди были написаны в выборные дворяне не по родству, а за службы). Но, очевидно, изложенные в выписке обстоятельства не удовлетворили руководство Разряда, потому что на выписке В.Г. Семенов пометил: “Послужить”³⁴². Прошение ярославца П.М. Аверкиева о пожаловании по дворовому списку, поскольку его дядя, В.И. Аверкиев, служил по дворовому, было удовлетворено с условием подтвердить эти сведения: “...государь пожаловал велел написать ево по дворовому, *будет* дядя ево в дворовых”³⁴³.

Кроме прошений о пожаловании в городовые чины в челобитных городских служилых людей встречаются просьбы о пожаловании и в другие, более высокие чины. Ни одна из них не была удовлетворена, поскольку “перепрыгивание” через чин или переход в высшую категорию столичных чинов ограничивался государством в целях сохранения главной военной силы страны – городского дворянства. Так, городской служилый Бежецкого Верха, служивший более 30 лет, просил “за старость” написать его по московскому списку. Рассмотрев его прошение, руководство Разряда постановило “ево написать по выбору”, да и то с условием – “будет ... служил по дворовому”³⁴⁴. Не получил просимый жилецкий чин и “поспевший в службу” и не имеющий чина А.Г. Апушкин. Тот факт, что “родители” его были жильцами, оказался недостаточным, поскольку отец челобитчика служил по выбору. Поэтому и сына его было велено “написать з городом по Галичу с выбором ево вместе”³⁴⁵. Своеобразную отповедь на своем челобитьи

получил даже сотник московских стрельцов, но верстанный ни в какой чин и просивший написать его “в житье” (то есть в низший столичный чин – жильцы). На его челобитной было помечено: “Сентября в 3 день государь пожаловал велел ево написать по дворовому, а ис того чину в житье пишут”³⁴⁶.

Возможно, что подобные приведенной выше просьбы объяснялись тем, что челобитчик не совсем ясно представлял себе, на какой ступени иерархической лестницы чинов он находится, и, следовательно, на какой чин он может претендовать. Например, Ф.В. Чертков “был у государевых пашенных дел ис приказу Таинных дел” в царских селах Измайлове, Степановском и других “многие годы”. В 184/1676 г., со смертью царя Алексея Михайловича, многие дворцовые службы были расформированы, в том числе “те села” велено ведать в приказе Большого двorca. Челобитчик был “из Степановского переменен”, при этом не пожалован ни в какой чин. В челобитье он просил “за мою работишку” пожаловать его по жилецкому списку, видимо полагая, что служба в приказе Тайных дел, хотя бы и “у пашенных дел”, позволяет ему претендовать сразу на московский чин, хотя дед просителя, по его же челобитной, служил с городом по Переславлю Залесскому. Службы челобитчика в Разряде сомнений не вызвали, но, по указанию руководства Разряда, были собраны сведения об отце Ф.В. Черткова. Он оказался переславским городовым служилым человеком. По решению руководства Разряда нестарый, видимо, Ф.В. Чертков пополнил ряды армии: “185-го февраля в 16 день по указу великого государя написать ево по родству з городом с переславцы в полковую службу”. Кроме того было велено собрать сведения о его имущественном положении (очевидно, для решений о его дальнейшем продвижении по чиновной лестнице): “А что за ним в том и в ыных городех крестьянскихъ и бобыльскихъ дворов и в поместье или в вотчине четвертин пашни и иных каких оброчных угодеи, и о том о всемъ взять у него скаску за рукою. Так же и про деловых людеи, буде где у него есть, в той скаске ему написать велеть ж”³⁴⁷.

Видимо, так же нечетко представляли себе свою позицию в иерархической чиновной структуре рейтары С.П. Толкачев и И.А. Чернцов, просившие пожаловать их в житье. Несмотря на то, что, по сведениям челобитных, их “родители” служили по московскому и жилецкому спискам, а С.П. Толкачев к тому же три года был в плену и имел ранение, в Разряде распорядились написать их только по дворовому списку, вместе с их городовыми корпорациями³⁴⁸. Рассчитывал на московский чин по службам своих родственников и белянин Ф.К. Алексеев. В челобитной он писал, что “в службу поспел”, ни в каком чину не состоит, а претендует на жилецкий чин, поскольку отец его служил в государеве полку “з беляны по выбору”, дяди и братья – в стряпчих и жильцах³⁴⁹. Кроме того, Ф.К. Алексеев просил определить его в предстоящей кампании в полк И.В. Бутурлина (вместе с братом И.К. Алексеевым)³⁵⁰. Челобитная Ф.К. Алексеева была удовлетворена без всяких оговорок, правда, лишь в последней части: “великий государь пожаловал велел ево написать в тот полкъ”³⁵¹. Видимо, служба отца явилась определяющей для сына, несмотря на службы родственников, и пожалование в жильцы не состоялось.

Особняком от всех других челобитных стоит челобитная М. и И. Ищевых. Братья в 185 г. приняли правослалие, но их “имяна и ныне в татарском списке”, почему они и просили “из татарского списка выписать и приписать в список новокрещенов иноземцов”, тем самым юридически закрепив свое новое положение. Просьба была удовлетворена безусловно³⁵².

Прошения о пожаловании в чин рассматривались уже не разрядными дьяками, а, за редкими исключениями, главой военного ведомства думным дьяком В.Г. Семеновым, что свидетельствует о важности этого вопроса для кадровой политики государства, как и распоряжения руководства приказа проверять представленные в челобитных сведения о службах и, особенно, о чинах родни просителя. Так поддерживалась и воспроизводилась существующая социальная структура государства, в которой определенные слои служилого сословия должны были занимать строго отведенное им место и не смешиваться с другими.

В отдельных случаях решение принималось первым и вторым заместителями В.Г. Семенова, причем Ф.Л. Шакловитый принимал решение не сразу, а только после выписки, распоряжение о которой отдавал или он сам, или П.И. Ковелин. П.И. Ковелин принимал решение или самостоятельно без предварительного сбора информации, или после выписки, сделанной по распоряжению руководителя Разряда. Наконец, сам В.Г. Семенов решал дела о пожаловании или сразу, без выписки (подавляющее большинство случаев), или после выписки, сделанной по распоряжению его самого или П.И. Ковелина. Л.А. Домнин не принимал участия в решении этого рода дел. Таким образом, в решении дел о пожаловании в городовые чины соблюдалась некоторая субординация. Руководитель приказа мог поставить свою резолюцию под документом, подготовленным по распоряжению только его первого заместителя. В свою очередь, вынести решение по делу, принятому к рассмотрению В.Г. Семеновым, мог только его первый товарищ, П.И. Ковелин. Наконец, Ф.Л. Шакловитый или вел дело целиком самостоятельно, или завершал дело, принятое П.И. Ковелиным.

Следует остановиться на одном моменте, связанном с формулировкой решений о пожаловании в чины. Все пометы включают слова “государь пожаловал велел написать ево в” такой-то чин. В данном случае, как и при формулировке “по указу великого государя”, словосочетание “государь пожаловал” не имеет буквального значения, а представляет собой устоявшийся оборот, который подтверждал, что в государстве все происходит по велеанию царя.

Как и большинство других документов второго поветья Новгородского стола, выписки по делам о пожаловании в чины городских служилых людей были подготовлены старым подьячим И. Олсуфьевым³⁵³, а некоторые материалы, как, например, предварительная, черновая выписка о службах галицкого служилого человека Н.Я. Головина или справка о службе отца костромича Ф.А. Казакова, были и написаны самим И. Олсуфьевым³⁵⁴.

В документах о пожаловании в чин также имеются примеры редакторской работы И. Олсуфьева, его “справливания”. В выписку по челобитной галичанина В.А. Френева о пожаловании по выбору он вносил дополнительные сведения о службах челобитчика, упущенные его подчиненными,

составлявшими выписку: к перечню походов, в которых участвовал В.А. Френев, И. Олсуфьев приписал: “и под Ригию”. Сведения о ранении челобитчика И. Олсуфьев дополнил конкретным примечанием “выше колена”³⁵⁵. Судя по этим поправкам, И. Олсуфьев не просто редактировал представленный текст выписки, но и сам читал первичные источники, делая это более внимательно, чем его подчиненные.

Очевидно, все документы повытъя находились в ведении его руководителя, И. Олсуфьева, и он отвечал за их сохранность и все перемещения. Так, на выписке по челобитной прапорщика И.Т. Маматова, под ее текстом, стоит помета И. Олсуфьева: “взята ся выписка в нынешнем 185 году генваря в 25 день”³⁵⁶. Возможно, выписка была взята сотрудниками другого стола Разряда, который отправлял память о пожаловании И.Т. Маматова в приказ княжества Смоленского, о чем распорядился думный дьяк В.Г. Семенов, или кем-то из дьяков.

В редких случаях на выписке кто-либо из подьячих (почерк атрибутировать не удалось) отмечал, что распоряжение начальства выполнено. Например, внизу последнего листа выписки по челобитной Ф.В. Черткова, после пометы Ф.Л. Шаковитого о написании челобитчика “з городом с переславцы в полковую службу” помечено: “написан в список”³⁵⁷. Видимо, это делалось в тех случаях, когда по какой-то причине не было возможности сразу “отрапортовать” руководству об исполнении распоряжения, и запись делалась, чтобы не забыть доложить об этом, скажем, на следующий день.

Что касается сроков исполнения дел, то необходимо еще раз отметить, что в делопроизводственной практике Разрядного приказа было принято датировать лишь те пометы на челобитных, которые содержали решение данного дела, то есть становились юридическим фактом, фиксировали перемену в юридическом, социальном, имущественном положении лица. Все, что предшествовало установлению этого факта, все внутриприказные этапы решения дела (распоряжения о наведении тематических справок, о составлении полной выписки, подготовки доклада, переписка между столами и т.п.) приказные служащие не считали необходимым фиксировать как точку отсчета, временную границу какого-либо этапа в карьере и жизни служилого человека – это был вспомогательный, “технический” материал. С другой стороны, приказные служащие (от думного дьяка до подьячих) не видели необходимости фиксировать также этапы своей собственной работы, поскольку рычаги контроля лежали в какой-то другой области, нежели ныне (начиная с петровских времен) – контроль над работой подчиненных осуществлялся начальниками всех рангов ежедневно, постоянно, а не путем разовых проверок задним числом.

Соответственно, пометы “выписать” датировались крайне редко, почему весьма затруднительно определить время, которое занимало составление выписки. По нескольким документам делать обобщающие выводы невозможно, поэтому остается только привести имеющиеся примеры. Так, распоряжение подготовить выписку по челобитной галичанина Н.Я. Головина о пожаловании его по выбору было отдано В.Г. Семеновым 10 февраля³⁵⁸. Сначала И. Олсуфьевым была составлена предварительная справка

о службах Н.Я. Головина со 168/1659-60 по 1831674-75 гг. и о полученных им придачах³⁵⁹. Затем под руководством того же И. Олсуфьева была сделана большая обстоятельная выписка из нескольких документов. Из галицкого подлинного списка 185 г. были взяты сведения о настоящем чине и поместьем и денежном окладе челобитчика, о времени, когда он начал службу, когда был пожалован в чин. Затем, очевидно, был запрошен Рейтарский приказ (“по наряду” которого служил Н.Я. Головачев) о службах челобитчика, поскольку данные об этих службах были перенесены в выписку из памяти Рейтарского приказа в Разряд. Сведения челобитчика о гибели брата были проверены по смотренному списку 168 г.; сведения о чине отца и дате его гибели – по галицкому подлинному списку 163 г. Родственные связи челобитчика с этими служилыми людьми были подтверждены и письменно зафиксированы сказкой челобитчика в Разряде. Решение по этой выписке, принятое П.И. Ковелиным, датировано 28 марта³⁶⁰, то есть составление выписки заняло почти два месяца.

Взаимодействие столов Разряда по делам о пожаловании в чин

Новгородский стол ведал в “своих” городах служилыми людьми только городовых чинов. Все московские чины, начиная с жильцов, находились в компетенции Московского стола. По всей видимости, если прошение городского служилого человека, ведомого, например, в Новгородском столе, о пожаловании в столичные чины (практически всегда это были чины жильца и, реже, московского дворянина) удовлетворялось, то челобитная передавалась из этого стола в Московский, в чье ведение после получения московского чина переходил челобитчик. Но, поскольку до этого он был ведом службой в Новгородском столе, Московский стол должен был известить Новгородский о перемене в служебном положении этого человека, чтобы это было отмечено в документах Новгородского стола.

Извещение направляло в Новгородский стол то повытье Московского стола, в чье ведение поступил пожалованный служилый человек – боярского и жилецкого списков. Документы, вышедшие из этих повытий, хотя и несли сходную информацию, различались по формуляру и содержанию. Справки из повытья боярского списка о пожаловании городского служилого человека в московские дворяне были предельно лаконичны. Они представляли собой краткую записку, максимально свободную от формальностей, без обращения, без указания стола-адресата. Документы содержали только информацию о факте пожалования и подтверждающее ее распоряжение “закрывать” дело указанного лица в ведавшем его прежде подразделе-

нии Разряда. Текст был написан одним из подьячих повытья, а верность этих сжатых сведений собственноручно заверял руководитель повытья боярского списка старший подьячий Разряда И. Максимов. Возможно, высокий статус этого чиновника позволял повытью в его корреспонденции с Новгородским столом ограничиться предоставлением столь краткой информации, подтвержденной лишь заверением ее правильности И. Максимовым.

Все извещения, направленные в Новгородский стол из повытья боярского списка, были составлены по единому формуляру, например: “В нынешнем 185 году великии государь царь и великии князь Феодор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержец пожаловал Ивана Второго сына Чирикова, велел ево написать из ярославцов по московскому списку и в списку ярославцов над именем ево отметить и впредь ево с городом с ярославцы не писать³⁶¹. Справил Иван Максимов”³⁶². Такие же документы были составлены в отношении костромитина И.А. Сумарокова³⁶³, ярославца К.Я. Обрескова³⁶⁴.

Отличительной особенностью этих документов является то, что они были написаны красивым “парадным” почерком, полууставом и с сокращенным титулом царя, то есть их оформление, исполнение свидетельствуют о том, что они не предназначались для внутренней служебной переписки. Возможно, таким образом подьячий-составитель подчеркивал статус события – присоединение служилого человека к элитной категории служилого сословия, но, возможно, эти “письма” предназначались пожалованным служилым людям для предъявления официальным лицам (например, в других приказах, местной администрации или в полках). То обстоятельство, что они остались в разрядном архиве (надо отметить, в весьма ограниченном количестве), может объясняться тем, что служилый человек по разным причинам (например, полковая служба) не смог забрать их из приказа.

В редких случаях справки повытья боярского списка оформлялись “буднично” – писались обычной скорописью с принятым в таких случаях кратким титулованием царя: “В нынешнем 185 году великии государь пожаловал Степана Петрова сына Веснина из смолян по московскому списку, и в списке смолян над именем его отметить и впредь с городом с смоляны не писать³⁶⁵. Справил Иван Максимов”³⁶⁶.

Информация из этих документов переносилась в контрольно-справочные документы Новгородского стола – на некоторых уведомлениях повытчиком И. Олсуфьевым помечено: “в списку отмечен”³⁶⁷, “в списку отмечено”³⁶⁸. Таким образом, уведомления не являлись единственным носителем информации о пожаловании в архиве стола.

Справки, переданные в Новгородский стол из второго повытья Московского стола, отличались от справок повытья боярского списка. Формуляр их был произвольным, в зависимости от составителя. Другим важным отличием справок повытья жилецкого списка от справок первого повытья является то, что они включали более развернутую информацию – факт пожалования, основания для него, за редким исключением – лицо, принявшее решение, и документ, где это решение зафиксировано. Наконец, еще одна особенность этих документов состояла в том, что они были собственноруч-

но написаны тем же лицом, которое заверяло их правильность. В большинстве случаев это был старый подьячий А. Яцкой: “В нынешнемъ во 185-м году по указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца Григорей Ивановичъ Шестаков по родству, для того что отецъ ево служил из житья, написан из недорослеи по жилецкому списку, и впред ево з городом с смолняны в списку не писать. Таково писмо писал Алексеи Яцкой”³⁶⁹; “В прошломъ во 183-м году июля въ 20 день по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца смолнянинъ Андреи Романов Кочкаров за службы и за раны написанъ по жилецкому списку. Помета о том на челобитной ево думного диака Лукьяна Голова”³⁷⁰. И в списку с смолняны дворяны и детми боярскими впред ево не писать. Писалъ Алешка Яцкой”³⁷¹.

Другие справки написаны и подписаны подьячим средней статьи, очевидно, того же повытья Г. Алексеевым: “185 мая в 30 день. По указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца Федосей Афонасьев сын Петровской из недорослеи написан по жилецкому списку в прошлом 184 году. Помета о том на челобитной думного дьяка Василья Семенова. А с городом писать ево не велено, для того что у него отец служил по жилецкому списку. Писал Ганко Алексеев”³⁷²; “В нынешнем во 185-м году по указу великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца Александр Григорьев сынъ Апушкин написан по жилецкому списку. Помета о том на челобитной думного диака Василя Семенова. Писал Ганко Алексеев”³⁷³.

Возможно, в данном случае статус чиновников, в отличие от первого подьячего Разряда, не позволял им только “весом” собственного имени свидетельствовать факт пожалования, и необходимо было сослаться на письменные источники информации.

Как было сказано, после пожалования в московский чин служилый человек переходил в ведение Московского стола. Но в некоторых случаях, возможно, тогда, когда вновь пожалованного по московскому списку определяли в группу московских дворян, служивших полковую службу со своей бывшей городской корпорацией, организационная связь такого служилого человека с его прежним столом сохранялась, и он оказывался в ведении обоих столов. Так, к стандартному тексту записи о пожаловании К.Я. Обрескова было добавлено указание Московского стола Новгородскому: “А нынешняго лета выслать ево на государеву службу в полкъ, где будут ярославцы”³⁷⁴.

Самое большое число челобитных городовых служилых людей содержит прошения о прибавке к поместному и денежному окладу. По количеству они почти вдвое превышают челобитья о пожаловании в чин и примерно втрое – челобитья о поверстании новичным окладом, что вполне естественно.

Как видим, не только продвижение по чиновной лестнице, но и улучшение материального положения осуществлялось почти исключительно по инициативе снизу. Однако прошения о прибавке к окладу служилые люди городовых чинов подавали не в любое время и не в связи с личными пожеланиями или претензиями, например, с ухудшением своего материального положения. Придачи к окладам служилых людей приурочивались властью к некоторым крупным военным кампаниям, а также к важным событиям государственного значения, например, “объявлению” народу наследника престола. Для всех категорий служилых людей устанавливалась “тарифная сетка”, в соответствии с которой служилые люди всех чинов могли ожидать прибавки к поместному и денежному окладу. Но получить придачу к окладу можно было не “автоматически”, усилиями служащих Разрядного приказа, которые в соответствии с имеющимися списками организовывали бы корректирование и выплату окладов, а только подав челобитную с такой просьбой.

За без малого десятилетие, предшествовавшее 185 г., таких поводов для увеличения оклада “набралось” несколько – службы “севские” 176/1667-68 и 177/1668-69 гг. и “понизовая” “против воровских казаков”³⁷⁵ 179/1670-71 гг., объявления царевичей Алексея Алексеевича 1 сентября 176/1667 г. и Федора Алексеевича 1 сентября 183/1674 г. Судя по тому, что в комплексе челобитных о придаче окладов очень часто встречаются “связки” челобитий от одного и того же служилого человека с просьбами “справить” придачи по случаю сразу нескольких событий (военных кампаний и объявления царевичей), можно предположить, что государство открывало финансирование таких указов не вслед за событием, последовательно, а через некоторое, часто довольно большое, время и сразу по всем “направлениям”. Отсюда и массовая подача челобитных в 185 г. о придаче поместного и денежного окладов за события минувших лет.

Как было сказано, в 185 г. многие служилые люди подали сразу несколько челобитных о придаче к поместному и денежному окладам. Обычно прошений было три – о придачах за службы 176/1667-68, 177/1668-69 и 179/1670-71 гг. (они объединялись в одну челобитную) и две челобитных о придачах в честь объявления царевичей (например челобитные белян Т.О. Морина³⁷⁶, Л.Л. Кулнева³⁷⁷, смолянина В.С. Золотилова³⁷⁸, костромича С.А. Щепина³⁷⁹, ярославца Е.Ф. Токмачева³⁸⁰ и др.). В тех случаях, когда служилый человек был написан в службу позже 176 г., естественно, чело-

объявления Федора Алексеевича (например, белянина И.О. Пущина³⁸¹, костромичей Ф.В. Полозова³⁸², Е.В. Бедарева³⁸³).

В других случаях служилые люди подавали челобитную о придаче только в честь объявления царевичей (например, ярославцы И.Г. Борков³⁸⁴, Г.Е. Гробовский³⁸⁵, смоляне М.И. Макшеев³⁸⁶, А.М. Омельянов³⁸⁷, костромичи А.В. Куломзин³⁸⁸, А.Г. Литвинов³⁸⁹, ротмистр С.С. Долматов³⁹⁰ и др.) – возможно, они не участвовали в указанных походах. Крайне редко служилый человек просил придачи к окладу только за участие в военных кампаниях (например, костромич И.М. Лехчанов; правда, к этому времени он не получил придачи не только за кампании десятилетней давности, но и за более ранние – 162/1653-54, 163/1654-55, 167/1658-59 гг.³⁹¹).

Челобитные о придачах подавали одновременно, в один день. Чаще всего они и написаны были одним почерком (например, три челобитных костромича М.И. Чичагова³⁹², столько же челобитных смолянина Г.Е. Козлова³⁹³, две челобитных галичанина В.А. Френева³⁹⁴, две челобитных костромича А.Н. Бедарева³⁹⁵ и др.), скорее всего, сенными подьячими Разрядного приказа или площадными подьячими Ивановской площади.

Обычно решение по такому “пакету” челобитных о придачах к окладу принималось также в один день³⁹⁶ и чаще всего одним дьяком³⁹⁷. Но могло быть и так, что две из трех челобитных рассматривал один дьяк, а третью другой, причем делили они их не по содержанию. Так, челобитные смолянина В.С. Золотилова о придаче в честь объявления царевича Алексея Алексеевича и за полковые службы рассматривал П.И. Ковелин, а челобитную о придаче в честь объявления Федора Алексеевича – Л.А. Домнин, все три 19 января³⁹⁸. 15 января решение по челобитным костромича А.В. Куломзина приняли – о придаче в честь объявления царевича Алексея Алексеевича Ф.Л. Шакловитый, в честь объявления царевича Федора Алексеевича – П.И. Ковелин³⁹⁹. Тем же днем датированы пометы П.И. Ковелина и Л.А. Домнина на челобитных костромича С.А. Щепина о придачах в честь объявления царевичей⁴⁰⁰, пометы П.И. Ковелина и Ф.Л. Шакловитого на таких же челобитных костромича А.Г. Литвинова⁴⁰¹. Так же были “поделены” между Л.А. Домниным и П.И. Ковелиным челобитные костромича М.Ф. Селевина о придачах в честь объявления царевичей⁴⁰².

Однако в некоторых случаях решение по одной из челобитных “пакета” принималось на следующий день после решения по первым челобитным. Так, упомянутые выше челобитные С.А. Щепина были помечены П.И. Ковелиным и Л.А. Домниным 15 января, а решение по его же челобитной о придаче за полковые службы было принято П.И. Ковелиным накануне, 14 января⁴⁰³. Три челобитных капитана московского выборного полка А. Шепелева П.Л. Пупкова были рассмотрены в течение трех дней: 8 мая Ф.Л. Шакловитым о придаче в честь объявления Алексея Алексеевича⁴⁰⁴, 9 мая П.И. Ковелиным о придаче за полковые службы⁴⁰⁵ и 10 мая тем же дьяком о придаче в честь объявления Федора Алексеевича⁴⁰⁶. Челобитные ярославца Д.П. Завалишина о придачах в честь объявления Федора Алексеевича и за полковые службы были рассмотрены П.И. Ковелиным с разрывом в четыре дня⁴⁰⁷.

Решения о придаче поместного и денежного оклада принимались исключительно разрядными дьяками, глава приказа к этому отношения не имел. Как и в других случаях, большая часть решений была принята первым заместителем В.Г. Семенова П.И. Ковелиным. Если быть точнее, то Л.А. Домнин рассмотрел в два раза больше челобитных о придаче, чем Ф.Л. Шакловитый, а П.И. Ковелин – в два раза больше, чем Л.А. Домнин. Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что подход руководителей Разряда к работе с массовыми документами определялся отчасти иерархией дьяков в приказе и некоторым разделением обязанностей между ними, но главным образом – чисто техническими, даже “механическими” факторами. По всей видимости, челобитные, которые приносили в Разряд служилые люди, складывались разрядным подьячим в одну стопку и затем, по мере накопления, отдельными партиями подносились дьякам по их требованию. Таким образом часть челобитных от одного служилого человека попадала целиком к одному дьяку, часть – распределялась между двумя или тремя.

Если посмотреть на даты решений по челобитным, то вырисовывается следующая картина. В сентябре и октябре челобитных практически не поступало, кроме нескольких челобитных о поверстании новичным окладом и пожаловании в чин. В ноябре и декабре количество прошений постепенно растет, главным образом, за счет челобитных о придачах поместного и денежного окладов. Пик подачи челобитных приходится на январь, особенно со второй декады, и длится до конца месяца. В большей части в челобитных содержатся просьбы о придачах к окладам, о “приправке” новичных окладов 184 года в книгах Разряда и о пожаловании в чины. В феврале количество челобитных заметно, почти наполовину, уменьшается, но основную массу по-прежнему составляют челобитные о придачах, пожаловании в чин и “приправке” новичных окладов. В марте челобитных становится еще меньше, вполнину по сравнению с февралем. В апреле, мае и июне их число сокращается до 4-9 прошений в месяц. Наконец, за два последних месяца года челобитные городских служилых людей, ведомых в Новгородском столе Разряда, в деле не представлены. Даже при условии того, что архивный комплекс документов является неполным, можно все же предположить, что отмеченная тенденция реально имела место. Возможно, правительство проводило выплату вознаграждений за прошлые кампании и “премий” по случаю объявления наследников престола в преддверии крупной летней кампании (Чигиринского похода). Кроме того, именно зимой правительству было легче выделить на эти цели деньги из бюджета, поскольку с весны до конца лета большие суммы уходили на общее финансирование полковой службы.

Интересно также отметить следующий момент, связанный с челобитными о “приправке” новичных окладов после разборов 184 г.: челобитные с такой просьбой стали поступать в Разряд только с января. Между тем, работа по перенесению новой информации в документы Новгородского стола была проведена в сентябре и октябре. Об этом свидетельствует документ текущего делопроизводства Новгородского стола – записка, составленная кем-то из старых подьячих стола для себя, “для памяти” (на-

писана очень бедно, нечетко, с большим количеством описок). В ней расписано, кому из подьячих стола “185-го в сентябре и в октябре в розных числах” были поручены работы по подведению итогов предыдущего года. Привести в соответствие с новыми разборными списками “подлинными” городовые списки городов Новгородского стола было указано четырем подьячим: “Самнону⁴⁰⁸ Симоновскому был костромской розбор для выправки с подлинным спискам; Емеляну Шестакову галицкой розбор для выправки ж и переписки з галицким с подлинным списком”. Такие же поручения были даны молодым подьячим Федору Дурову (ярославские списки) и Якову Кубанцеву (“ростовской да переславской розборы”). Другие подьячие занимались составлением годовой сметы городов Новгородского полка: “октября въ 9-м числе Прокофью Описиву⁴⁰⁹ дан переславской⁴¹⁰ росписной список, а ему из него выписать в годовую смету. Того ж числа Миките Зотулохину⁴¹¹ дан росписной галицкой списокъ в тетратех, а в ту ис того списка выписать в годовую смету; Никонову ростовскую годовую смету”. Видимо, памятка служила не только ее составителю, поскольку на ее обороте И. Олсуфьевым была сделана приписка о дополнительном задании для Н. Золотухина: “октября въ 30 день дано выписывать Миките Золотухину из с⁴¹² костромской годовой сметы”⁴¹³.

Решение о придаче к поместному и денежному окладу, как и другие важные, а тем более земельные и финансовые, решения, не принимались безусловно, а вступали в силу только после проверки законности требований челобитчика. В данном случае руководство Разряда требовало проверить, действительно ли служилый человек принимал участие в соответствующих походах и может претендовать на прибавку оклада. При этом, за редким исключением, предписывалось подготовить не развернутую выписку, а краткую справку, что отражалось и в формулировке пометы: не “выписать”, а “учинить придача, справясь великого государя с указом”⁴¹⁴, “учинить ему о справке той придачи по указу великого государя”⁴¹⁵, “учинить, справясь с указом, будет за те службы указано”⁴¹⁶ или более конкретные указания (отдаваемые обычно Ф.Л. Шакловитым) – “по указу великого государя учинить ему за те службы придачу, справяс съ его государевым указом и с смотренными списками”⁴¹⁷, “учинить придачу по указу великого государя и справясь с государевым указом и смотренными списками, буде доведетца”⁴¹⁸, “учинить придачи, справясь с великого государя указом, буде доведетца”⁴¹⁹. Вообще, следует отметить, что единой для всех, строго обязательной формулы резолюции по какому-то вопросу в делопроизводственной практике разрядных дьяков не было. Существовало некое общее выражение, но у каждого дьяка была своя индивидуальная его формулировка, которую он уже не менял (опять же за исключением Ф.Л. Шакловитого).

В архивном деле сохранилось несколько подобных кратких справок о службах челобитчиков, составленных для подтверждения их претензий на придачу к окладу, однако, вероятнее всего, такие служебные документы составляли в каждом случае, руководствуясь пометой дьяков и, вероятно, их устными указаниями. Ярославец Ф.А. Тихменев подал две челобитных о придачах в честь объявления царевичей. Просьбы были удовлетворены

с условием справиться с указом великого государя. В справке, составленной по этим пометам, нет, как можно было ожидать, указаний на списки пожалованных придачами в честь этих событий, зато отмечены уже имеющиеся у челобитчика придачи к окладам и основания их получения: “Ерославец Федор Александров сын Тихменев был на государеве службе и в прошлом во 169-м году в черкасских городех меж местечок Чудного и Пяток на бою ранен по левой руке да по брюху и взят в полон, и за то ево полонное терпенье и за раны учинено ему государева жалованья придачи к прежнему ево окладу помесного сто пятьдесят чети, денег восемь рублей. Помета о том диака Федора Грибоедова в записной книге полоняников и раненых 177-20 году”⁴²⁰. По помете П.И. Ковелина на челобитной смолянина А.А. Омелянова о придаче к поместному и денежному окладу в честь объявления царевича Алексея Алексеевича была составлена краткая справка: “Смолянин Афонасеи Андреев сынъ Омелянов был на государевых службах до отпуску во 176-м и во 177-м в Севску, во 179-м году в понизовых городех, в розборе новичной ему оклад 350 четей, 12 р.”⁴²¹ Скорее всего, в архивном деле не сохранилась челобитная А.А. Омелянова о придаче за полковые службы, и эта краткая выписка относится именно к ней, а, возможно, просьба о придачах в честь объявления царевичей также сопровождалась проверкой данных об участии челобитчика в главных военных кампаниях последних лет.

Белянин Л.Л. Кулнев подал три челобитных о придачах к окладу – “для объявления” царевичей Алексея и Федора Алексеевичей и “за многие полковые службы”. Они были рассмотрены в один день дьяком Л.А. Домниным и удовлетворены с обычным условием – “справяс великого государя с указом”⁴²². По помете была составлена справка, которая свидетельствовала о беспорочной службе челобитчика в разные годы, в том числе его участие в походах, за которые полагались придачи. Вместе с тем, подьячие, готовившие справку, отмечали и некоторые особые обстоятельства, могущие повлиять на решение по челобитной. В справке указано, что в 172 и 173 годах Лукьян Леонтьевич Кулнев 9 февраля “в приезде написан Лукою”, был в полку до окончания кампании – “на отпуску в естех ноября 5 дня”. Затем следовали записи о службах 176 и 179 годов, за которые полагалась придача. Наконец, в справке содержалась запись, очевидно, разъясняющая недоумение, возникшее не только с именем, но и с отчеством: “а Лукьян Кулнев сказал, что у них в роду и по Белой Лукьяна Матвеева сына Кулнева нет и не бывало”, что было закреплено подписью челобитчика. Против каждого абзаца, содержащего запись об участии челобитчика в военном походе, И. Олсуфьевым помечено: “верно”⁴²³. Также были проверены и подтверждены И. Олсуфьевым сведения о службах костромича М.В. Панова, собранные в связи с его челобитной о придаче к окладу в честь объявления царевича Федора Алексеевича⁴²⁴.

О том, как именно И. Олсуфьев “справлял” выписки, можно получить представление и по служебной выписке о службах костромича Г.И. Куломзина. К абзацам, каждый из которых был посвящен очередному походу, в котором принимал участие челобитчик, И. Олсуфьев приписывал: “верно”. Запись о походе 173 г., свидетельствующую, что Г.И. Куломзин был

в походе до самого конца – “на отпуску в естех” – И. Олсуфьев уточнил: “во 173 году верно”⁴²⁵. Такие же пометы сделаны И. Олсуфьевым на справке о службах галичанина – его приездах в Севск в 176 и 177 годах и в понизовые города в 179 г. Против этих записей И. Олсуфьевым помечено: “Афонасеи есть”; “верно, Афонасеи есть”⁴²⁶. В другой краткой справке о службах и окладе служилого костромича запись о его службе в 179 г. в понизовых городах уточнена: “приехал ноября в 10 день”⁴²⁷. Таким образом, заверяющая запись “справил такой-то” свидетельствовала не о простом редактировании, а о реальной ответственности сотрудника Разряда за порученный ему документ, которая основывалась на трудоемкой, чрезвычайно тщательной и кропотливой работе.

Взаимодействие столов Разряда по вопросам придач к окладам

О том, кто непосредственно готовил подобные справки, сведений практически нет – ответственность за составление такого документа лежала на справщике, а поскольку большая часть справок готовилась в том же Новгородском столе, указывать, кто составлял справку не было необходимости. Составитель указывал свое имя только в тех случаях, когда справка составлялась в другом столе по запросу Новгородского. Переписка между столами Разряда велась на уровне управленцев среднего звена, приказные дьяки, а тем более думный дьяк В.Г. Семенов в нее не включались. Запрос посылал обычно руководитель повытья, в котором велось дело; ответ из другого стола приходил или также от руководителя повытья, или от начальника стола. Следует еще раз отметить чрезвычайно “экономичный” характер внутриприказного делопроизводства. Так, руководитель второго повытья Новгородского стола отправил запрос в первое повытье Московского стола, в котором вели боярский список: “Отписать в Новгородском столъ для справки, в государеве службе галичанин Иванъ Егоров сынъ Мичюринъ написан ли по московскому списку и, буде написан, в котором году”. На этом же листе под текстом запроса старый подьячий Московского стола записал ответ: “В боярском списку нынешняго 185-го году написан с московскими дворяны”⁴²⁸. На документе нет ни дат, ни подписей, что, конечно, затрудняет работу историка, но свидетельствует о неформальном характере внутриприказного делопроизводства: ответственность служащих за свою работу и реальный, каждодневный контроль руководства приказа за подчиненными были таковы, что не требовалось оставлять свидетельства того, что работа выполнена, и выполнена в срок. С таким же требованием – отписать в Новгородский стол – был направлен в Приказный стол запрос

о ранении под Копотом служилого ярославца и о полагающихся ему за это приладах. Здесь же, в строку с текстом запроса был записан ответ – выписка из книги раненых полка А.Н. Трубецкого 167/1659 г., в которой сказано, что 20 апреля 167 г. служилый человек был “стрелян из лука” и у него перебиты пальцы. За ранение такой тяжести полагалась прилада к поместному окладу 100 четей, к денежному – 5 р., кроме того, “в приказ” (то есть одновременно) служилому человеку было дано на лечение 10 р. В ответе на запрос указано и лицо, ответственное за решение о приладах: “помета о том в досмотренной росписи раненых думного дьяка Семена Заборовского”⁴²⁹ (бывшего руководителем Разрядного приказа в 167 г.).

Можно предположить, что иногда не подписывались ответные письма, написанные руководителями повытий, их узнавали по почерку. Указание на автора справки всегда делалось в случае, если это был “рядовой” подьячий (скорее всего, средней статьи). Например, “росписку” в Новгородский стол о приладах за ранение и пребывание в плену ярославца Ф.А. Тихменева написал и подписал подьячий средней статьи М. Томилов⁴³⁰, служивший в 185 г. в Приказном столе, в чьей компетенции и находились дела о раненых и плененных (а М. Томилов занимался в Приказном столе именно указанными делами). Такой же запрос – отписать в Новгородский стол – был отправлен, вероятно, в Московский стол о службе и жаловании начального человека смолянина Никиты Ивановича Макшеева в связи с его челобитной о приладах к окладу в честь объявления Федора Алексеевича⁴³¹. На том же листе, как это практиковалось в приказе, был получен ответ, который в строку с текстом запроса написал (и подписал) подьячий М. Щербаков⁴³².

Таким образом, служащие среднего управленческого звена в большой степени определяли решение руководителей приказа о приладах к окладам служилых людей.

Поскольку пометы дьяков о приладах к окладам представляли собой окончательное решение, ведущее к перемене в материальном положении служилого человека, то свои резолюции дьяки датировали. Рабочие же документы, в том числе справки, составленные по пометам, как уже отмечалось, в Разряде датировать не считали необходимым. Тем не менее, по некоторым документам можно предположительно установить сроки исполнения дьячьих распоряжений. Смолянин Т.М. Бердяев бил челом о приладах в честь объявления царевичей (возможно, также была челобитная о приладах за полковые службы, но она не сохранилась) и получил обычный “условно-положительный” ответ⁴³³. От справки сохранилась только запись сказки челобитчика в Разряде о его службе 179/1670-71 гг., которая датирована 14 марта. Поскольку распоряжение о справе прилада Т.М. Бердяеву было отдано П.И. Ковелиным 12 марта, то справка была составлена, соответственно, через день после указания дьяка.

Среди дел о приладах к окладам встречаются случаи, когда дьяк требовал подготовить развернутую выписку – вероятно, если возникала необходимость не просто подтвердить претензии челобитчика, но и устранить еще какие-либо неясности. Так, галичанин И.А. Нелидов в челобитной о приладах за службы упомянул, что в разрядных списках он записан не как полный член служилой корпорации, “самостоятельная” единица, а “в отцо-

во место”. П.И. Ковелин потребовал предоставить полную информацию об этом челобитчике. Разрядные служащие включили в выписку все возможные сведения об обстоятельствах службы и жизни челобитчика и его отца, которые могли повлиять на решение о назначении придачи: данные об отставке отца в 166/1657-58 гг. и о занесении в списки вместо него сына, И.А. Нелидова; перечисление всех полковых служб И.А. Нелидова, справку об установленных придачах дворянам и детям боярским за разные годы службы; копию записи в записной книге от 17 марта 164/1655-56 гг., а именно, помету на докладной выписке думного дьяка С. Заборовского о придаче за службы 162-163/1653-55 гг.; выписку из разрядных документов о том, что с 167/1658-59 гг. придачи отцу челобитчика не справлялись, поскольку “в котором году умре, того не ведомо”, ведь в списках его имени со 166/1657-58 по 185/1676-77 гг. “в службе и в отставных не написано”; данные галицкого “подлинного” списка текущего года о поместном и денежном окладе челобитчика и, как обычно, записанную в Разряде сказку челобитчика, заверенную его подписью. Ф.Л. Шакловитый, выносивший решение по выписке, счел просьбу И.А. Нелидова законной и удовлетворил ее: “по указу великого государя справить ему за те службы придачи по указу”⁴³⁴.

В компетенцию Разрядного приказа входило назначение денежных окладов служилым людям и придач к ним, но сами выплаты осуществлялись из бюджета не Разрядного приказа, а финансовых приказов – четей, главным образом из Устюжской. Завершающим этапом в деятельности Разряда по поверстанию окладами и назначению придач к ним была отправка соответствующих памятей-заявок в финансовый приказ с указанием зафиксировать в его документах перемену оклада служилого человека и выплатить причитающиеся ему деньги. (Такие же распоряжения поступали и в Поместный приказ относительно придач к поместным окладам). Память в Устюжскую четь о придаче к денежному окладу служилого человека составлялась по каждому отдельному случаю придачи. Так, белянин Т.О. Морин подал в Разряд три челобитных о придаче к окладам – за полковые службы и в честь объявления наследников престола. В деле сохранился отпуск (черновик) одной из памятей Разряда в Устюжскую четь, которой было указано дать придачи служилому белянину Т.О. Морину “для объявления” царевича Алексея Алексеевича и зафиксировать это в соответствующей книге чети. Память составлялась под руководством И. Олсуфьева, и запись на обороте документа “справил Ивашко Олсуфьев”, как обычно, не была формальной. Текст памяти отредактирован подьячим. Кроме обычной стилистической правки им, в частности, было внесено напоминание служащим Устюжской чети – проконтролировать со своей стороны, не была ли уже справлена придача Т.О. Морину. На обороте И. Олсуфьевым записана вставка в предложение о выплате придачи в Устюжской чети: “будет придачи наперед сего ему не справлены”. В черновике памяти оставлено место для числа, но указан месяц – декабрь⁴³⁵. Поскольку П.И. Ковелин отдал распоряжение о выплате придачи 26 декабря⁴³⁶, Разрядный приказ завершил оформление документов на придачи к окладу Т.О. Морина не позже, чем через 5 дней после решения дела руководством приказа.

Так как челобитные подавались в Разряд служилыми людьми лично, а приезд в Москву был сопряжен для городского служилого человека с большими расходами, служилые люди пользовались случаем и старались решить во время пребывания в столице все возможные вопросы. Поэтому нередки случаи, когда служилый человек подавал сразу или через короткое время несколько челобитных – о внесении в разрядные списки новичного оклада, о пожаловании в следующий чин и о придачах или о поверстании новичным окладом и о придачах и т.п. Как отмечалось, каждая просьба, по неписанному правилу, излагалась в отдельной челобитной. Исключение составляет челобитная ярославца Н.Н. Непоставова, в которой были записаны три разных просьбы – о пожаловании по дворовому списку, придаче к поместному и денежному окладам за рану и денег, положенных ему на лечение этой раны⁴³⁷.

Подавляющую часть челобитных, поданных “большим пакетом”, составляют челобитные городских детей боярских, поверстанных новичным окладом в предыдущем, 184 г., после чего они, видимо, могли сразу претендовать на пожалование в следующий чин, по дворовому списку. К челобитным о записи их новичного оклада в книгах Разряда и о пожаловании по дворовому списку большая часть просителей присовокупила челобитные и о придачах к поместному окладу. Часть таких челобитчиков просила придачи и за полковые службы, и в честь объявления царевичей Алексея Алексеевича и Федора Алексеевича⁴³⁸. Другие, видимо, не так давно вступившие в службу, претендовали на придачи только в честь объявления наследников престола⁴³⁹. Челобитчики, поверстанные новичным окладом в 184 г., кроме прошения о записи их окладов в Разряде, просили или только о пожаловании по дворовому списку⁴⁴⁰, или только о придачах, как за полковую службу, так и в честь объявления обоих царевичей⁴⁴¹ (возможно, это были городские служилые люди, не могущие по местническим причинам претендовать на более высокий чин).

Небольшая часть служилых людей, подавшая прошения о поверстании их новичным окладом, били челом и о придачах в честь объявления царевича Федора Алексеевича, которое состоялось в прошедшем 184 г.⁴⁴² Челобитные о придачах в честь объявления наследника престола, главным образом, Федора Алексеевича, подала и небольшая часть служилых людей, просивших пожаловать их из дворовых по выбору⁴⁴³.

Что касается делопроизводственной “техники”, то челобитные с одинаковым содержанием, как отмечалось, в Разряде не сортировались и не объединялись в тематические группы, чтобы затем рассмотреть и решить их в один день. Все челобитные рассматривались по мере их поступления, и если несколько челобитных поступали в один день (от одного служилого человека или от нескольких), то и решались они, соответственно, в один день

(11 января – челобитная А.В. Куломзина о “приправке” новичного оклада (Л.А. Домнин), челобитные И.О. Пузина о придаче за полковые службы и в честь объявления Федора Алексеевича (Л.А. Домнин), выписка по челобитной С.А. Щепина о “приправке” новичного оклада 184 г. (Ф.Л. Шакловитый), выписка по челобитной А.Г. Литвинова о “приправке” новичного оклада (Ф.Л. Шакловитый); 15 января – челобитные А.В. Куломзина о придаче в честь объявления царевичей (Ф.Л. Шакловитый и П.И. Ковелин), челобитные С.А. Щепина о придаче в честь объявления царевичей (П.И. Ковелин и Л.А. Домнин), челобитные А.Г. Литвинова о придачах в честь объявления царевичей (П.И. Ковелин и Ф.Л. Шакловитый); 22 января – челобитная А.В. Куломзина о пожаловании по дворовому (В.Г. Семенов), челобитные А.Б. Заворожкова о пожаловании по дворовому списку (В.Г. Семенов) и о придаче в честь объявления Федора Алексеевича (П.И. Ковелин), челобитная Е.В. Бедарева о пожаловании по дворовому списку (В.Г. Семенов), челобитная Г.Е. Козлова о “приправке” новичного оклада (П.И. Ковелин)⁴⁴⁴. Если же служилый человек подавал свои челобитья в разные дни, то решения по ним также принимались в разные дни (те же А.В. Куломзин, С.А. Щепин и др.).

Упоминавшееся выше прошение ярославца Н.Н. Непоставова было принято к рассмотрению В.Г. Семеновым, очевидно, потому, что в числе прочего челобитчик просил пожаловать его в чин. Прошение Н.Н. Непоставова о пожаловании по дворовому списку было удовлетворено В.Г. Семеновым без всяких условий, а распоряжение о придаче к окладу и выплате денежного пособия на лечение раны должно было вступить в силу только после проверки приведенных в челобитной данных – “будет доведца”⁴⁴⁵. Справка о придаче за рану была составлена, по всей вероятности, в Приказном столе, который ведал этими вопросами. Об этом свидетельствует и то, что эта краткая выписка была заверена старым подьячим Приказного стола В. Нечаевым. Интересно отметить, что не только придачу к окладу за рану, но и деньги на ее лечение, положенные по указу, служилый человек затребовал с большим запозданием, через восемнадцать лет – рану он получил под Старым Быховом 11 июля 167/1659 г., что подтверждала справка. Ярославец Н.Н. Непоставов по территориальному признаку был введом в Новгородском столе Разряда, но все дела, связанные придачами за раны, проводились через Приказный стол. Поэтому решение о придаче, принятое Л.А. Домниным, было зафиксировано в документах Приказного стола, о чем Новгородскому столу сообщалось в той же краткой справке: в записной книге раненых “помета о том дьяка Любима Домнина 185 июля в 19 день”⁴⁴⁶. Решение дела о придаче к окладу за рану заняло в Разряде чуть больше двух месяцев⁴⁴⁷.

Последовательность решения дел не была жестко связана с их содержанием. По большей части решения о пожаловании по дворовому списку и придачах к окладу принимались после указания о внесении вновь поверстанных служилых людей в списки Разряда, то есть официального закрепления их нового статуса. Однако, были и другие случаи, когда решение о пожаловании по дворовому списку (В.Г. Семенова) предшествовало распоряжению записать новичный оклад в книги Разряда (Л.А. Домнина) (по

челобитным И. и Д.А. Нелидовых⁴⁴⁸) или решение о справливании придач (Л.А. Домнина) предшествовало распоряжению о занесении оклада в разрядные документы (Ф.Л. Шакловитого) (по челобитным А.А. Полозова)⁴⁴⁹.

Следует отметить, что временной разрыв между такими решениями был крайне невелик – от двух до пяти дней в случае пожалования в чин⁴⁵⁰ и от одного до четырех дней в случае справливания придач⁴⁵¹. Такие же примеры можно привести и с челобитными о поверстании новичным окладом и придачами, причем иногда прошение о придаче к окладу было удовлетворено до решения о поверстании новичным окладом⁴⁵². Таким образом, можно предположить, что разборные списки были достаточным документальным основанием для руководителей Разряда, чтобы принять решение о пожаловании в следующий чин или справить придачу к новому окладу, – или что поверстание окладом, с одной стороны, и пожалование по дворовому списку и придачи к новичному окладу, с другой, не были жестко взаимосвязаны.

Как видно из приведенных примеров, решение по нескольким челобитным одного служилого человека принимались не одним, а всеми дьяками приказа, в том числе думным (но только по пожалованиям в чин), по мере поступления к ним челобитных служилого человека.

Отставка

Среди челобитных городских служилых людей, ведомых в Новгородском столе Разряда, встречаются и челобитные отставных служилых людей. Обычной практикой было передавать службу от отставленного отца к сыну, который должен был служить с того же поместья. С отставкой от полковой службы обязательства служилых людей перед государством не заканчивались. Отставные городские служилые люди привлекались к оборонительным мероприятиям и административным поручениям в своем городе и уезде. В массовом порядке занесение служилых людей в отставные и запись в полковую службу сыновей вместо отцов происходила во время разборов служилых людей городских корпораций. Как и результаты разборов, касавшиеся поверстания новичными окладами, отставки и запись в службу также могли быть не сразу внесены в документы Разрядного приказа, то есть не были официально закреплены. Возможно, уведомления местной администрации о новом положении городского служилого человека высылались из Разрядного приказа только после занесения этих сведений в разрядные книги, а до этого городской воевода мог настаивать на участии служилого человека в полковой службе. Поэтому отставные служилые люди обращались в Разряд с просьбой внести поправки в соответствующие городские списки.

Но многие из них были не способны нести и облегченные повинности – “им служить с отставными вместе немочно”⁴⁵³ – и просили центральную власть освободить их от этих дел и выдать для предъявления местной администрации официальную грамоту о полной отставке. С такой просьбой обратился в Разряд, например, ярославец Ф.С. Железников. По разбору минувшего 184 г. он был отставлен от службы “за старостью”, вместо него было велено служить сыну. Однако ярославский воевода окольник М.М. Боборыкин и дьяк О. Озеров постоянно посылали его из Ярославля по уезду “для городовых дел”, а он “дряхла и увечен”⁴⁵⁴.

Подобные просьбы никогда не решались без предварительного сбора информации о челобитчике и его наследнике, принявшем от него службу. Дела об отставке решались на уровне разрядных дьяков. Как и в других случаях, дело мог вести один и тот же дьяк или два дьяка последовательно – принимал челобитную к рассмотрению один, а решение по ней выносил другой. Так, по челобитной переславца С.Н. Гринкова сделать выписку велел Л.А. Домнин⁴⁵⁵, а решение по делу вынес Ф.Л. Шакловитый⁴⁵⁶. По челобитной Ф.С. Железникова распоряжение подготовить выписку отдал П.И. Ковелин⁴⁵⁷, а решение по выписке вынес Ф.Л. Шакловитый⁴⁵⁸, за его же приписью было отправлено уведомление о решении Разряда к ярославской администрации⁴⁵⁹. В другом подобном случае, по челобитной отставных костромичей А.А. и Б.А. Полозовых и распоряжение о выписке, и решение по ней были приняты Л.А. Домниным⁴⁶⁰.

Как отмечалось, дела об отставке не решались без предварительной выписки. Несмотря на то, что отставка С.Н. Гринкова не была самовольной, а вместе с поступлением на службу вместо него его сына Ивана была зафиксирована в разборных списках и официально оформлена в отставной памяти, в Разряде не удовлетворились простой сверкой данных челобитной с соответствующим разборным списком. Л.А. Домнин распорядился подготовить полную выписку, в которую были включены выдержки из подлинного списка Переславля Залесского текущего года, из разборной книги того же города истекшего года; к выписке была подклеена и копия отставной памяти, заверенная сыном челобитчика⁴⁶¹. На основании представленных данных в Разряде подтвердили решение разборщика об отставке С.И. Гринкова от полковой службы, переводе его в городовую службу и записи вместо него в полковую службу его сына⁴⁶².

В большинстве случаев для решения по челобитной о полной отставке собиралась подробная информация не только о челобитчике, но и о его наследнике: власть должна была быть уверена, что поместье или вотчина “работают” на государственные интересы – если уж старый служилый человек не мог нести даже городовую службу, то его сын должен был служить в полку. Так, в выписку по челобитной Ф.С. Железникова были включены сведения из разборных книг 184 г., подтверждающие, что по разбору этого года вместо отставленного Ф.С. Железникова определен в службу его сын и что служить он будет с поместья отца. К выписке была подклеена сказка челобитчика, записанная в Разряде, в которой повторялись изложенные в челобитной обстоятельства. Руководство Разряда сочло просьбу Ф.С. Железникова законной и удовлетворило ее⁴⁶³.

Бывали ситуации, когда сын отставного служилого человека был или слишком молод для военной службы, или также по состоянию здоровья не мог нести никакой службы. Например, вологодский служилый человек Ф.Е. Остолопов был оставлен от службы за увечье, сыну же его в это время было 10 лет, а возраст вступления на службу составлял 15 лет⁴⁶⁴. Костромич А.А. Полозов был оставлен от полковой службы по старости, а его сын Борис – по болезни (“для скорби”)⁴⁶⁵. В обоих случаях также были сделаны подробные выписки, удостоверяющие изложенные в челобитных факты. По челобитной Полозовых были сделаны выписки из последних костромских разборных книг 184 г., присланных в Разряд стольником князем Дм. Жирового-Засекиным, где значилось, что “костромичи Андреи Андреев сынъ Полозов для старости и увечья, а сынъ ево Борис для скорби, что у него на груди и на плечах горбы, руки и ноги нырокъ источил, от полковые службы отставлены”. В выписку были включены и сведения о материальном положении челобитчиков: у сына Бориса поместья нет, живет у отца, а у последнего в поместьях и вотчинах Костромского уезда имеется 21 крестьянский и бобыльский двор⁴⁶⁶.

В таких случаях с поместья полагалось брать законодательно установленный “налог на освобождение от полковой службы” по одному рублю с крестьянского или бобыльского двора или высылать в полк даточных людей. Так, до достижения 15 лет сыном Ф.Е. Остолопова с его вологодского поместья было указано брать деньги⁴⁶⁷. С 21 двора, принадлежащих А.А. Полозову, было велено служить полковую службу одному даточному человеку “со всей службой и с запасы”⁴⁶⁸.

Следует отметить, что служилые люди строго распределялись между повьятиями Новгородского стола по территориальному признаку – принадлежности к соответствующей городской корпорации. Если по каким-то причинам дело служилого человека одного повьятия разбиралось в другом, то для другого повьятия с подлинников делались копии, а подлинники оставались в первом повьятье. Так, И. Олсуфьевым, руководителем второго повьятия, была скопирована помета с выписки по челобитной об отставке служилого бежечанина Л.А. Улыбышева. Выписка была, очевидно, подготовлена в третьем повьятье Новгородского стола, где среди прочих городов был ведом Бежецкий Верх. Любопытно, что И. Олсуфьев переписал помету дважды, сначала передав своими словами ее содержание: “Помета на выписке Ларионове Улыбышева⁴⁶⁹ думного дьяка Василья Семенова. 185-го мая въ 5 день великии государь пожаловал для ево болезни не велеть ему ныне на своей государеве службе в полку *быт*, а с поместья ево и вотчин *взять денги по указу, и те денги в Розряде написать в приходную книгу. А всего за ним крестьянских и бобыльских 14 д.*” Затем, видимо, решив, что во избежание недоразумений лучше представить точную копию пометы, переписал ее дословно. Под первой записью на том же листе следует: “185-го мая в 5 день по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца бежечанину Лариону Анофриеву сыну Улыбашову для ево болезни ныне на его государеве службе в полку боярина и воеводы князя Василья Васильевича Голицына с товарищи *быть не велено, а с четырнатцати дворов взять*

деньги по указу, и те деньги записать в Разряде в приходную книгу. Помета о том на выписке думного дьяка Василья Семенова”⁴⁷⁰.

В тех случаях, когда неспособность к несению службы была ранее установлена и документально закреплена (например, в разборных книгах), для вынесения решения по челобитной было достаточно выписки (как это было в случаях с Ф.С. Железниковым, А.А. и Б.А. Полозовыми и др.), после чего Разряд посылал к местной администрации уведомление – “указ с прочетом”, о котором и просили челобитчики. В указе подтверждалась неспособность челобитчика к несению любой службы, причем в более сжатом виде излагались все сведения из выписки, и предписывалось не привлекать его к городским службам: “не велет ихъ в полки з городомъ и к городовому делу посылат”⁴⁷¹. Подлинник указа предназначался челобитчику, а местные власти должны были снять с него копию и хранить в приказной избе для своих преемников.

Подобные дела не требовали, с точки зрения служащих Разряда, особой срочности и решались в приказе относительно медленно: от решения по челобитной Ф.С. Железникова до отправки грамоты в Ярославль прошло 22 дня⁴⁷². По делу Полозовых выписка была составлена через неделю после распоряжения Л.А. Домнина, а грамота к костромскому воеводе А. Тушину отправлена еще через месяц⁴⁷³. Выписка по челобитной С.Н. Гринкова готовилась еще дольше – в течение пятнадцати дней⁴⁷⁴ (хот и эти сроки по современным меркам все-таки не тянут на определение “волокита”).

Тогда же, когда болезнь или увечье челобитчика не были никем и никак зафиксированы, Разряд предписывал местной власти организовать осмотр просителя. Потеря для полковой, то есть активной военной службы каждого служилого человека была крайне нежелательна для государства, кроме того, каждая отставка могла стать примером для подражания другим служилым людям. Поэтому главное военное ведомство, Разряд, устанавливал жесткую процедуру освидетельствования челобитчика. Его должны были осмотреть не только местные власти в полном составе, но и все соседи по поместью, ближние и дальние, а также представители посада и городской служилой корпорации. Так, в осмотре белянина Т.О. Морина участвовало 103 человека: кроме воеводы и дьяка приказной избы, “члены комиссии” – местный игумен, белянин, три галичанина, солигалицкий губной староста, земский староста, целовальник, посадских людей пять человек, “розных помещиков крестьяне” шесть человек – и “сыскные люди”, то есть свидетели – поп, двадцать один человек белян, шесть человек галичан, “розных помещиков и вотчинников крестьяне” 54 человека. Свои свидетельства они должны были заверить собственноручными подписями на коллективном документе, где описывались результаты осмотра и выносилось решение об отставке от службы⁴⁷⁵.

Любопытно в этом отношении дело белян Т.О. Морина и его сына. В последних числах декабря и в самом начале января (3 числа) Т.О. Морин получил придачи к окладам (за полковые службы и в честь объявления царицы) и за более чем сорокалетнюю службу был пожалован из дворового списка по выбору⁴⁷⁶. В том же месяце сын Т.О. Морина Дмитрий подал челобитную с просьбой отставить отца за старостью и вместо него служить

ему, Дмитрию. В качестве основания для просьбы Дмитрий приволил сведения о своей родне: кроме отца, служившего более 40 лет и теперь имевшего выборный чин, его деды и дядья были убиты на службе и пребывали в плену. По всей вероятности, такие скорые перемены в служебном положении семейства, особенно после получения Т.О. Мориным приращ и нового чина, вызвали особое внимание в Разряде, поскольку дело об отставке, в отличие от других, принял думный дьяк В.Г. Семенов. Возможно, правда, что решения об отставке от полковой службы, проводившейся вне общих разборов, всегда принималось главой Разряда (что подтверждается еще одной пометой В.Г. Семенова по этому же делу; см. ниже). Чтобы выяснить состояние Т.О. Морина и проверить изложенные в челобитной его сына факты, В.Г. Семенов распорядился прежде всего осмотреть Т.О. Морина по месту его жительства и об осмотре приказному человеку написать в Разряд “вскоре”, для чего послать распоряжение воеводе Соли Галицкой (поскольку поместье, в котором жили Морины, находилось в Галицком уезде), а также “сыскать” о дедах и дядьях челобитчика⁴⁷⁷.

Эти процедуры, естественно, в значительной степени увеличили сроки принятия решения по челобитной. Резолюция В.Г. Семенова на челобитной Д.Т. Морина датирована 20 января. Грамота к воеводе Соли Галицкой Г.В. Буйносову была составлена через пять дней⁴⁷⁸, однако послана еще через две недели, 8 февраля⁴⁷⁹. Осмотр Т.О. Морина в Соли Галицкой состоялся, видимо, сразу по получении указа из Разряда, 11 февраля⁴⁸⁰, а отчет об этом осмотре с выводами воеводы, членов “комиссии” и свидетелей был получен в Разряде через месяц, 12 марта⁴⁸¹. Получив отписку Г.В. Буйносова с записью осмотра, П.И. Ковелин распорядился подготовить краткое резюме – “выписать из отписки и из досмотру на перечень” – и доложить ему⁴⁸². Таким образом, подготовка решения по отставке служилого человека заняла приблизительно два месяца.

Трудно сказать, была ли удовлетворена просьба Д.Т. Морина (в архивном деле сохранилась только черновая выписка по помете В.Г. Семенова, на которой отсутствует запись о решении⁴⁸³), но в конце марта или начале апреля Т.О. Морин подает челобитную в Разряд с просьбой отставить его от службы и дать ему отставную грамоту с прочетом для воевод и приказных людей Соли Галицкой, нынешних и будущих, и для выборщиков.

Хотя дело об отставке Т.О. Морина рассматривалось в Разряде только что, буквально на днях, П.И. Ковелин вновь отдал распоряжение о составлении выписки. В новую выписку были включены все документы, имевшиеся к тому времени в Разряде по этому делу: челобитная Д.Т. Морина об отставке отца, черновик грамоты воеводе Г.В. Буйносову об осмотре Т.О. Морина, отписка воеводы и результаты “сыска” (осмотренный дряхл, увечен, на ногах “провалы”, “видит худо”, поэтому “полковые службы служить ему не мочно”), данные из бельской разборной книги 184 г. о полковой службе Т.О. Морина, о том, что поместье его мало и без денежного жалованья служить и ему, и сыну “не мочно”; наконец, краткое изложение челобитной Т.О. Морина с просьбой отставить его от службы и дать государеву грамоту с прочетом. Решение, которое вынес по этой выписке В.Г. Семенов, несколько удивляет: Т.О. Морина велено было “для болезни

от полковые службы оставить, покаместа он от болезни оздоровеет, а с помеся ево взят денги по указу”⁴⁸⁴. В решении не учтены ни абсолютно ясные выводы местной “комиссии” об окончательной неспособности челобитчика служить, ни просьба его сына занять место отца, а, значит, отсутствие необходимости брать с поместья “рублевые” деньги. Возможно, дело объясняется невнимательностью В.Г. Семенова из-за чрезмерной его загруженности делами. Тем не менее, на основании пометы В.Г. Семенова к воеводе Г.В. Буйносову была написана грамота с указанием временно отставить от полковой службы челобитчика и на текущий 185 г. “с крестьянских ево с семнатцати дворов взять по рублю з двора”, отчет об этом и собранные деньги доставить в Разряд⁴⁸⁵. Грамота датирована 9 апреля, и, таким образом дело об отставке Т.О. Морина заняло в Разряде почти три месяца.

Разумеется, такое решение не удовлетворило Мориных, и Д. Морин обратился в Разряд с новой челобитной. Дело было пересмотрено довольно быстро. Уже через месяц после отправки последней грамоты к солигалицкому воеводе о сборе денег с поместья Т.О. Морина, к Г.В. Буйносову была направлена новая память с распоряжением не высылать Т.О. Морина в полки и денег с крестьянских и бобыльских дворов “не имать”, так как живут отец и сын не в разделе, а выслать на службу с поместья отца сына Дмитрия⁴⁸⁶.

Особый случай представляли отставки начальных людей (офицерского состава) полков “нового” строя. Эти служилые люди прохождением службы были ведомы в Иноземском приказе, но определяющие кадровые вопросы в их карьере (поступление на службу, чины, оклады, отставка) решались в Разрядном приказе. Кроме того, после отставки от службы в Иноземском приказе служилый человек попадал в непосредственное распоряжение Разрядного приказа и должен был явиться туда для получения дальнейших указаний. Поэтому в таких случаях служилый человек подавал челобитную об отставке в Иноземский приказ, который выносил решение об отставке. Но для утверждения этого решения Иноземский приказ обращался с ходатайством в Разряд. Так, например, Иноземский приказ прислал в Разряд память с просьбой отставить из начальных людей по старости и “отослат в Розряд” ротмистра А. Исаева, так как “великии государь пожаловал велел отставить за службы и за старость, за раны”. По изложенным в памяти фактам В.Г. Семенов принял решение: “учинит по указу и написать для полковой службы с городом с ярославцы”⁴⁸⁷. (Как видим, и отставка из начальных людей не означала отставки от полковой службы, последняя лишь приобретала другой характер). Поскольку, “отделом кадров” для служилых людей, ведомых службой в Иноземском приказе, оставался Разряд, на той же памяти после распоряжения В.Г. Семенова Ф.Л. Шакловитым была сделана помета об исполнении распоряжения начальника приказа: “и по сей памяти в Розряде в книгах начальных людей нынешняго 185-го году над ево именем та отставка отмечена”⁴⁸⁸. Следует обратить внимание, что дело об оформлении отставки ротмистра А. Исаева было взято под контроль не старым подьячим, а дьяком, что указывает на степень важности таких кадровых решений.

Судя по делу Мориных, а также ротмистра А. Исаева, решение об отставке служилого человека от полковой службы, которая (отставка) происходила вне рамок разборов, а индивидуально, имел право принять только глава приказа. Все остальные распоряжения, связанные с составлением выписок, перепиской с местной администрацией, поступали от заместителей В.Г. Семенова, в данном случае, П.И. Ковелина⁴⁸⁹ и Л.А. Домнина⁴⁹⁰.

Таким образом, перемены в статусе служилого человека происходили по указанию только главы военного ведомства, что еще раз свидетельствует о значении, которое придавалось в правительстве кадровым вопросам.

Составлением всех документов по челобитным отставных служилых людей в Новгородском столе Разряда руководил подьячий И. Олсуфьев. Под его контролем составлялись выписки из документов⁴⁹¹, грамоты к городской администрации⁴⁹² и памяти в финансовые приказы⁴⁹³, при этом он сам принимал участие в редактировании всех этих документов. В целом редакция И. Олсуфьева была направлена на более сжатую, лаконичную и четкую формулировку документов, более грамотное, складное построение фразы. В числе прочего, И. Олсуфьев следил за соблюдением принятых “политкорректных” устоявшихся формул написания некоторых оборотов. Так, в черновике грамоты костромскому воеводе А. Тушину была упомянута отписка “от столника князя Дмитрея Жировово Засекина”; И. Олсуфьевым была сделана вставка “стольника **нашего...**”, подчеркивающая определяющую роль верховной царской власти. Фраза “нашу государеву грамоту” была исправлена им на “нашу **великого государя** грамоту”⁴⁹⁴.

И. Олсуфьев отвечал также за своевременное отправление разрядных документов по соответствующим адресам, за регистрацию исходящих документов. Его рукой на черновиках памятей, остававшихся в Разряде, помечены дата отправления (не всегда) и имя дьяка, ответственного за документ: “Такова великого государя грамота отпущена за приписью дьяка Петра Ковелина”⁴⁹⁵, “Писан апреля в 9 день. Такова отпущена за приписью дьяка Любима Домнина”⁴⁹⁶, “Такова за приписью дьяка Федора Шакловитого отпущена”⁴⁹⁷. В связи с освобождением костромичей Полозовых от полковой и городской службы руководством Разряда было дано распоряжение известить об этом решении приказа не только местную администрацию, но и Монастырский приказ⁴⁹⁸. Поэтому на черновике грамоты костромскому воеводе А. Тушину И. Олсуфьевым вверху листа было отмечено исполнение и этого поручения: “И *памят* о томъ послана с⁴⁹⁹ подьячим з Гаврилом Никифоровым”⁵⁰⁰. Отпуск памяти в дело об отставке Полозовых вклеен не был, поэтому для концентрации всей информации по делу в одном месте данные об отсылке памяти были вписаны в черновик грамоты А. Тушину.

В составлении грамот к городским воеводам принимали участие и дьяки Разряда – они “приписывали”, то есть заверяли правильность документа. Как и “справа” подьячего, “припись” дьяка не была формальной. Например, окончание черновика грамоты воеводе Г.В. Буйносову по делу об отставке Т.О. Морина было собственноручно дописано дьяком Л.А. Домниным в виде вставки на обороте: “а на нынешней на 185-и год с крестьянских ево с семнатцати дворов взять по рублю з двора, да о том к нам великому государю писал и те денги прислал, а отписку велел подать и денги объявит

в Розряде дьяком нашим имени” (последнее слово взято в рамку)⁵⁰¹. Грамота была написана по помете В.Г. Семенова на выписке, где было сказано: “с поместья ево *взят* денги по указу”. По всей видимости, такая общая формулировка в распоряжении для местной администрации не удовлетворила Л.А. Домнина, и он дополнил грамоту развернутыми конкретными указаниями.

Иногда, возможно, из-за большой загруженности делами, особенно когда одновременно рассматривались схожие дела, дьяки, накладывая резолюцию на выписку или челобитную, ошибались, но тут же поправляли сами себя. Так, тот же Л.А. Домнин на выписке по челобитной костромичей отца и сына Полозовых (как говорилось выше, отставка по старости и по увечью которых уже была утверждена) написал: “185 февраля в 27 день по указу великого государя дать имъ его государева грамота на Кострому к воеводе: **велеть их осмотрит при многих людех и буде Андреи стар, а сынъ и увечень впрямъ**”; затем выделенный фрагмент был зачеркнут, и Л.А. Домнин продолжил текст другим решением: “не велет ихъ в полки з городомъ и к городовому делу посылат, а с поместья и вотчинъ ныне и впред имат денгами по рублю з двора, а даточному быт не велет. И в Монастырской приказ послат о том память”⁵⁰². Этот пример еще раз подчеркивает тот факт, что дьячья припись не была простой формальностью, дьяк действительно досконально изучал отсылаемый документ и отвечал за его содержание.

Инициатива приказов в перемене служебного положения служилых людей

Как отмечалось, инициатива в движении по чиновной лестнице и в перемене материального положения практически всегда исходила непосредственно от самих служилых людей. Однако изредка инициатором изменений в карьере служилого человека выступал не он сам, а тот приказ, к которому служилый человек был приписан по роду своей службы. В таком случае, очевидно, по устной или письменной просьбе служилого человека, соответствующий приказ обращался с ходатайством в Разряд, который и принимал решение. Так, Стрелецкий приказ направил память в Разряд с ходатайством повысить в чинах, дав при этом придачи к поместным и денежным окладам, верстаных служилых людей и поверстать окладами неверстанных за “понизовую” службу 179-180/1670-1672 гг. Речь шла о четырех человеках (трех галичанах и одном рязанце), служивших в полку “нового строя” А. Шепелева⁵⁰³. Начало документа утрачено, поэтому нет возможности в точности уз-

нать о решении, принятом в Разряде по этой памяти, и о том, кто именно его принял, поскольку помета о таком решении записывалась всегда на обороте первого листа присланного в Разряд документа. Однако за памятью следует выписка, так что можно с большой долей уверенности сказать, что резолюция была именно такой – “выписать”. Очевидно, надзирал за прохождением этого дела в Разряде Ф.Л. Шакловитый, поскольку после первой выписки, написанной подьячим Ф. Зверевым, и дополнительной выписки из записной книги Московского стола 149/1640-41 гг. о придаче за службу городовым дворянам и детям боярским (очевидно, вторая выписка была сделана по устному распоряжению разрядного дьяка) он потребовал сбора дополнительной информации: “выписать со 162-го году за все службы салдатом, которые взяты из детей боярских, что придачь чинит велено”⁵⁰⁴, что и было сделано под заголовком “и по сей помете выписано”⁵⁰⁵. Окончательное решение по делу, после второй выписки, принял не Ф.Л. Шакловитый, а П.И. Ковелин, оговорив, однако, еще одну проверку данных: “... по указу великого государя и по памяти из Стрелецкого приказу написать их в чины, опричь улана Чернагубова, и придача имь учинить за понизовую службу 179-го году, справясь великого государя с указом, кому довелась”⁵⁰⁶. Это дело тянулось беспримерно долго, больше года – с 9 ноября 184 г., когда была получена память из Стрелецкого приказа, до 20 ноября 185 г. – дата пометы П.И. Ковелина.

С ходатайством о придаче к окладу служилому смолянину П.К. Перфульеву обратился в Разряд приказ Казанского дворца – прибавка полагалась ему за рану, полученную в 169/1660-61 гг. Приказ Казанского дворца даже указал конкретный размер прибавки – 100 четей поместного оклада и 5 рублей денег. Решение в Разряде, не однозначно утвердительное, вынес дьяк Ф.Л. Шакловитый: “учинить, справясь подлинно”. Прошение приказа Казанского дворца было рассмотрено в Разряде в течение 5 дней после получения памяти⁵⁰⁷. Такое же обращение в Разряд из Казанского дворца было послано в отношении белянина Я.О. Кашинцева – он был ранен в 179/1670-71 гг. и прибавка за рану по указу того же 179 г. была такой же, как у П.К. Перфульева. Распоряжение по этой памяти отдал глава Разряда В.Г. Семенов, и оно было безусловным: “учинить о том по сему великого государя указу”⁵⁰⁸.

Возможно, в приведенных случаях городские служилые люди участвовали в указанных в документах кампаниях, находясь в ведомстве Стрелецкого и Казанского приказов (а в первом случае еще и будучи зачисленными в полки “нового строя”). Соответственно, все материалы об их службах, в том числе о ранах, осели в архивах этих приказов, кроме того, там же хранились указы о вознаграждении за эти кампании и подзаконные акты с указанием конкретных сумм, полагающихся ведомым в этих приказах категориям служилых людей. Можно предположить, что личные связи некоторых городских служилых людей в приказах позволяли им не просто сделать запрос о своих службах для Разряда, а организовать ходатайство о придачах и пожаловании в чин от приказа в Разряд, опираясь на архив приказа.

Выдача пособий раненым и пленянным

Поскольку практически главным источником существования крымских татар были угон скота и пленение людей для последующей их продажи, что и являлось причиной непрекращающихся набегов на русские пограничные поселения, ежегодные потери русских ратных людей убитыми, ранеными и пленными были очень велики. Поэтому выкуп русских пленных и оказание финансовой помощи тем, кто вышел из плена самостоятельно, а также получившим увечья в боях занимали большое место в политике правительства. Осуществление реальных мероприятий в этой сфере было возложено на два учреждения – Посольский и Разрядный приказы. Первый занимался выкупом пленных, второй – денежным вспомоществованием выходцам из плена (по терминологии XVII в. пленянным), раненым, а также семьям погибших в сражениях.

Ранеными и пленянными ведал в Разряде Приказный стол⁵⁰⁹. В нем велись списки и книги раненым и пленянным, здесь их осматривали и допрашивали и на основании этих осмотров выдавали деньги на лечение и компенсацию “за полонное терпенье”.

Всем служилым людям, пострадавшим при исполнении обязанностей на военной службе, полагалось соответствующее вознаграждение. Раненым выдавали деньги на лечение ран и компенсацию в виде прибавки к поместному и денежному окладу, вышедшим из плена также выплачивалась компенсация за перенесенные тяготы и страдания. Каждый раненый и пленянный мог твердо рассчитывать на получение от государства компенсации за службу. Однако и в данном случае это делалось не автоматически, то есть не по инициативе государственных органов, а по инициативе самого служилого человека. Другими словами, он получал деньги только подав челобитную с просьбой о выплате денег. Это обстоятельство отмечалось и в делах по установлению льгот служилым людям. Так, в выписке по челобитной жильца Д.И. Ступишина отмечено, что в книге придачи он не записан “и по се число не бивал челом”⁵¹⁰. Жилец С.Н. Хрущов подтвердил в Разряде, и это было зафиксировано в выписке (“у выписки сказал”), что жалованья (имеется в виду придача) ему до сих пор не дано, так как он не подавал челобитья⁵¹¹.

Существовали четкие и подробные “тарифы”, по которым выдавались эти деньги в зависимости от категории служилого человека, а в случае ранения – в зависимости от тяжести раны. Некоторые цифры приведены в разрядных выписках из соответствующих документов. Например, по упомянутой челобитной жильца Д.И. Ступишина с просьбой о придаче поместного и денежного окладов была сделана выписка из записной книги раненых полка боярина и воеводы кн. А.Н. Трубецкого. Жилец был ранен в бою под Конотопом в 167/1658-59 гг., рана была тяжелой, саблей в голову, на ле-

чение он получил 3 р. и от службы был оставлен. В выписке отмечено, что по указу за тяжелые раны полагаются придача к поместному окладу в 100 четей, к денежному в 5 р., за средние раны, соответственно, 50 четей и 3 р.⁵¹² (очевидно, такие размеры придач полагались жильцам). Участник того же боя курский служилый человек М.С. Авдеев также только в 185 г. обратился за поместной и денежной придачей к окладу. В выписке по его делу сказано, что “по указу тех чинов служилым людям за рану” полагается придача поместного оклада в 50 четей, денежного – по 3 или 2 р., а “на лечбу ран” также по 3 или 2 р., “смотря по ранам”⁵¹³. В данном случае речь идет о городских служилых людях. В выписке по челобитной еще одного жильца, участвовавшего в бою “с польскими и литовскими людьми” в 169/1660-61 гг. и просящего и придачи, и денег на лечение, отмечено, что по указу служилым людям этого полка (кн. Ю.А. Долгорукова 169/1660-61 гг.) полагается: за тяжелые раны придача денежного оклада 5 р.⁵¹⁴, на лечение – 4 р., “за лехкие” придача поместного оклада 40 четей, денежного 3 р., на лечение 2 р.⁵¹⁵ Таким образом, для каждой категории служилых людей был определен свой размер придачи к поместному и денежному окладу за раны и сумма, выдаваемая на лечение. Установленные “тарифы” не менялись в течение долгого времени (по крайней мере, 17 лет).

Щедрость государства уравнивалась тщательностью проверки фактов, изложенных в челобитных. Получив челобитную, в Разряде непременно делали выписку из соответствующих справочных документов, хранившихся в архиве приказа долгие годы, например, записной книги раненых полка боярина и воеводы кн. А.Н. Трубецкого 167/1658-59 гг.⁵¹⁶, записной книги окольного и воеводы кн. Г.Г. Ромодановского 168/1659-60 гг.⁵¹⁷, книги раненых полка кн. Ю.А. Долгорукова 169/1660-61 гг.⁵¹⁸, росписей раненых полка кн. Г.Г. Ромодановского 177/1668-69 гг.⁵¹⁹, смотренного списка полка кн. Г.Г. Ромодановского 179/1670-71 гг.⁵²⁰

Кроме документальной проверки, проситель денег за рану подвергался и личному осмотру. Осмотр происходил в помещении Разряда (в Приказном столе), и проводили его руководители приказа⁵²¹, что еще раз подчеркивает крайне строгое отношение к финансовым вопросам в приказной системе. Так, упоминавшийся уже жилец С.Н. Хрущов был осмотрен в Разряде четырьмя приказными дьяками, и результат зафиксирован в выписке: “та рана и ныне *знат*”⁵²².

Помимо самих служилых людей, пострадавших в военных действиях, на снисходительность государства могли рассчитывать и их семьи. Вдова пушкаря из Козлова, муж которой был незадолго до того (в 184 г.) убит калмыками, просила освободить от податей и служб ее и детей (десяти, шести лет и одного года). Как водится, Разряд произвел необходимую проверку сведений. Воеводе Козлова был направлен запрос, и из его отписки в выписку по челобитной вдовы занесены сведения о погибшем пушкаре и его семье. Козловский воевода в отписке в свою очередь ссылался на местные документы – козловскую записную послужную книгу и козловские же разборные списки. Резолюция Разряда была такова: за службы и смерть мужа предоставить вдове льготы “в государеве службе и в караулах, покаместа сынъ ее в государеву службу поспеет, будет в пятнатцат лет, а хлеб ей

платит”⁵²³. Очевидно, что государство не выкалывало сильных альтруистических наклонностей, а было вполне рациональным: малых детей служить оно не заставляло, но семья служилого человека, даже без своего главы, оставалась в рамках своего сословия и должна была исполнять все возможные в данной ситуации из возложенных на сословие обязанностей.

Как уже отмечалось, за выход из плена государство также выдавало служилому человеку пособие, и установлением суммы, а также непосредственно выдачей денег из собственной казны ведал Приказный стол Разряда. Обычной практикой полонянников была подача челобитной в Разряд с просьбой выдать деньги за выход из плена. Но бывали и исключения, связанные с конкретной ситуацией. Так, “крымский полоняник” (то есть бежавший из Крыма) алатарец Я. Саврасов явился не в Разряд, как обычно, а в Посольский приказ, может быть, с донесением дипломатически-разведывательного характера. Затем Я. Саврасов пришел в Разряд с памятью из Посольского приказа, где излагалась просьба последнего к руководству Разряда выплатить Я. Саврасову жалованье в Разряде, а затем вернуть его в Посольский приказ⁵²⁴.

Следует отметить, что кроме вышеуказанных пособий, Приказный стол Разряда отдавал распоряжения по выплате и устанавливал размеры и некоторых других пособий и придач, в частности, придач по случаю объявления наследника престола, тем служилым людям, которые были ведомы в этом столе. Как и в случае с пособиями на лечение ран и придачами за раны, челобитная о придаче по случаю объявления наследника могла быть подана в течение довольно большого срока после самого события, и при этом всегда (если была справедливой) удовлетворялась (см. выше). Так, Разрядом была принята челобитная подведомственных Приказному столу нескольких сокольских (из г. Сокольска) рейтар Белгородского полка о том, чтобы справить им придачу по случаю объявления в 177/1668-69 гг. царевича Алексея Алексеевича – в 185 г., когда царевич уже несколько лет как скончался. Просьба рейтар была удовлетворена⁵²⁵.

Пособия на лечение ран и за выход из плена выплачивались и из собственной казны Разряда, Денежным столом, и, по представлению Разряда, из других приказов, например, Большого прихода. Возможно, что из разрядной казны деньги выплачивались городовым служилым людям из украинских “разрядных” городов, а служилые московских чинов получали деньги в приказе Большого прихода, как упомянутый жилец С.Н. Хрущов⁵²⁶.

Дела о выдаче пособий раненым и полоняникам полностью находились в компетенции Разряда. Из руководства приказа решения по ним принимал не только думный дьяк В.Г. Семенов⁵²⁷, но – и гораздо чаще – его первый заместитель, дьяк П.И. Ковелин (причем последний не только отдавал распоряжение составить выписку по челобитной⁵²⁸, но и свидетельствовал верность подготовленных материалов и принимал решение по выписке⁵²⁹, контролировал составление памяти в приказ Большого прихода о выдаче денег служилому человеку⁵³⁰). Полномочия руководителя приказа и его первого товарища в решении этих вопросов были равны. В документах отмечен, например, случай, когда заключения по челобитным служилых людей (жильца и иноземца – рейтарского поручика) о придаче

оклада за раны были приняты (по подготовленным выпискам) соответственно В.Г. Семеновым и П.И. Ковелиным в один день, 22 января⁵³¹. Кроме В.Г. Семенова и П.И. Ковелина дела о пособиях раненым и полоняникам поступали также к Л.А. Домнину, в чьей власти было закрепить уже составленную выписку и вынести по ее материалам решение⁵³².

В большинстве случаев резолюция одного из руководителей Разряда на представленной ему выписке формулировалась кратко: “записать в книгу”⁵³³, “записать в книгу и поднести”⁵³⁴, “записать в книгу и поднести тотчас”⁵³⁵. Речь, очевидно, идет о записной книге придач за раны, записи в которой свидетельствовались руководителями Разряда (подобно записям в расходных и приходных книгах Денежного стола). Такая книга упомянута в деле жильца Д.И. Ступишина⁵³⁶. Краткость формулировки и ее, так сказать, подтвердительный характер подчеркивают то, что решение было уже фактически подготовлено в выписке и его оставалось только утвердить.

Непосредственными исполнителями распоряжений руководства приказа по подготовке справочных документов были подьячие: средней статьи М. Томилов⁵³⁷, старый “справный” В. Нечаев⁵³⁸ и старый же А. Пиминов⁵³⁹ (возможно, руководитель стола). Выписки, которые готовили все указанные подьячие, никак не отличались друг от друга по содержанию (придача поместного и денежного оклада).

Чтобы судить о сроках решения дел по челобитным раненых и полоняников, имеется слишком мало данных. Дело вдовы козловского пушкря, по-видимому, было решено довольно быстро: от решения по выписке до составления грамоты козловскому воеводе прошло два дня⁵⁴⁰; решение о придаче поместного и денежного оклада курскому служилому человеку состоялось через пять дней после его осмотра в Разряде⁵⁴¹. Сколько времени готовились выписки по этим делам, установить не представляется возможным из-за отсутствия дат на челобитных и выписках.

Вознаграждение и крещение “выходцев”

В XVII в. ряды служилых людей по отечеству активно пополнялись иностранцами, приезжавшими на русскую службу из европейских стран и из Крыма. Как “отдел кадров” служилого сословия, Разрядный приказ осуществлял первые шаги по интеграции “выходцев” в русскую чиновно-служебную систему, кроме выходцев в города Новгородского разряда – ими занимался Новгородский приказ. Дальнейшие этапы их карьеры проходили под ведомством Посольского, Иноземского, Рейтарского приказов. Подразделе-

нием Разряда, на которое были возложены обязанности по приему и включению иноземцев в русскую службу, был Приказный стол.

В Приказном столе выходцам назначали выплату единовременного пособия за выход (которое выплачивалось из разрядной казны), определяли их на службу. Перед назначением на русскую службу иноверцы должны были креститься в православную веру, за что получали денежное вознаграждение. Как было заведено в Русском государстве XVII в., любое жалованье государевым людям выплачивалось не автоматически, а только после просьбы с их стороны. Поэтому, например, голландец “Иван Стелберх” подал в Разряд челобитную с просьбой написать его за крещение по московскому списку и выдать кормовые деньги. В разрядном архиве сохранились две челобитных И. Стелберга; очевидно, одну челобитную (более общего плана, о зачислении в московские дворяне и выдаче кормовых денег) он подал или непосредственно государю, или в Посольский приказ, а вторую, о выплате кормовых денег – в Разряд⁵⁴². Просьба его в принципе была удовлетворена, но назначение конкретной суммы требовало уточнений, для чего, как всегда в подобных случаях, необходимо было навести справки, то есть составить выписку.

Крещение, по всей вероятности, могло происходить под эгидой как Разряда, который ведал выходцами на начальном этапе их пребывания на русской земле, так и других приказов, куда позже выходцы определялись на службу. По-видимому, у Разрядного приказа не было прецедента крещения выходцев из Голландии, поэтому из Разряда обратились в Посольский приказ с запросом, какое жалованье было дано иноземцам “галанские земли” за крещение. Посольский приказ откликнулся на запрос в высшей степени подробно и пространно: была предоставлена справка по двум мусульманам и двум христианам-европейцам (один из них был из Голландии, другой – из “прусской земли”)⁵⁴³. После этого разрядным руководством было принято окончательное решение о выдаче иноземцу “жалованья в приказ для ево иноземчества и крещения в православную христианскую веру денег десять рублей из Розряду, сукно аглинское доброе, тафту добрую ж ис Казенного приказу, мех белии ис Сибирского приказу”, о чем в Казенный и Сибирский приказы было велено послать памяти⁵⁴⁴. Деньги из Разряда голландцу были выданы сразу, памяти в Казенный и Сибирский приказы также посланы, однако с выдачей меха случилось непредвиденное осложнение. В Сибирском приказе дьяк Перфилий Оловенников “сказал: в государеве де казне в Сибирскомъ приказе белых меховъ нетъ”⁵⁴⁵. В Разряде не стали настаивать и “вместо белья меха” указали “дат ему из розрядных доходов три рубля с полтиною с роспискою и записат в расход”⁵⁴⁶.

Принципиальное решение по челобитным выходцев о зачислении их в государеву службу и выплате жалованья, в том числе по челобитной И. Стелберга, принималось только верховной властью, то есть государем. Исполнение этого решения возлагалось, естественно, на Разрядный приказ⁵⁴⁷. Подобное распоряжение практически всегда влекло за собой наведение справок, то есть ситуация была стандартной, решение о составлении выписки не было в большой мере ответственным, поэтому распоряжение в самом Разрядном приказе о составлении выписки могли отдать и замести-

тели руководителя приказа, П.И. Ковелин⁵⁴⁸ и Ф.Л. Шаковитый⁵⁴⁹. Далее дело также продолжали вести разрядные дьяки: Ф.Л. Шаковитый занимался составлением запроса в Посольский приказ, Л.А. Домнин принял ответную память и распорядился направить ее в архив Разряда⁵⁵⁰. Второе решение, подготовленное разрядной выпиской о конкретном вознаграждении И. Стелберга, было принято уже в Разряде, его руководителем⁵⁵¹. Препятствие в выдаче “бельего” меха устранил своей властью П.И. Ковелин, распорядившись заменить мех деньгами из разрядной казны⁵⁵².

Непосредственно подготовкой всех документов в Разряде руководил, а возможно и сам составлял выписку, подъячий средней статьи Михаил Томилов⁵⁵³.

В деле И. Стелберга любопытно то, что наводить справки о размерах вознаграждения голландцу за крещение Разряд начал не дожидаясь решения царя по челобитной, за три недели до этого решения⁵⁵⁴. Справки из Посольского приказа были получены через две недели после распоряжения в Разряде о подготовке выписки и еще до решения государя по его челобитной⁵⁵⁵. Вероятно, в Разряде заранее готовили необходимые материалы по делу. Окончательное же утверждение размера жалованья И. Стелбергу было принято В.Г. Семеновым лишь через месяц – как после получения Разрядом справки из Посольского приказа, так и после решения государя по челобитной голландца⁵⁵⁶.

Крещение в православную веру из других конфессий христианства проходило, по всей видимости, по упрощенному обряду в сравнении с крещением из мусульманства. В последнем случае процедура была сложнее и длилась дольше. Кроме того, после знакомства с делами о крещении выезжих татар создается впечатление, что все учреждения и лица, участвовавшие в этих процедурах, считали их тягостной обязанностью, делом не престижным, и не проявляли рвения в их исполнении. Так, например, произошло с крещением крымского татарина “Умерка” Каракаева. Татарин находился в ведении приказа Малой России, поскольку, уйдя из Крыма, обратился к воеводе одного из пограничных малороссийских городов. Приказ Малой России по заведенным порядкам просил Разряд обеспечить приведение татарина в христианскую веру, причем по каким-то соображениям ходатайствовал о последующем определении его в Новгород⁵⁵⁷. Однако мусульмане не могли креститься сразу по выезде – для них существовал “указный” срок, время, в течение которого они постигали основы христианского вероучения. Обычно это происходило в монастыре, и монастырь брал на себя ответственность за пребывание в нем выезжего иноземца и за подготовку его к крещению. Так было и в случае с У. Каракаевым. Поскольку монастыри находились в ведении патриарха, Разряд направил принятого из приказа Малой России татарина и с ним прошение в Чудов монастырь (архимандрит которого был начальником Патриаршего разрядного приказа) и патриаршему боярину (второму судье Патриаршего Разряда) с просьбой принять крымского татарина и определить в монастырь для крещения⁵⁵⁸.

Кроме того, для крещения необходим был восприемник, которого также должен был обеспечить Разрядный приказ. По всей вероятности, восприемник не только участвовал в самом обряде крещения, но патронировал

своего подопечного в течение его пребывания в монастыре. Однако с У. Каракаевым вышло затруднение: в Патриаршем приказе “ево не приняли, а велели прислать, кому у него быт восприемникомъ”. Назначенный Разрядом восприемник был послан в Патриарший приказ, где ему сообщили, что татарина в монастырь не возьмут, и велели “указные дни держать у себя и приводить к церкви до крещения, а какъ указные дни отоидуть, и ево крестит приходцкои ево церкви попу”⁵⁵⁹. Такой вариант проведения “указных дней” на первый взгляд принципиально не отличался от пребывания в монастыре. Разница заключалась в бытовой стороне дела: монастырь брал иноверца на довольствие, в противном случае кормить его должен был Разряд, что последний и сделал. У. Каракаеву были назначены кормовые деньги, по 6 денег на день, кроме того, Разряд обязал будущего восприемника Никифора Волкова приводить татарина к вечерне, заутрени и обедне в церковь Воскресения Христова на Покровке, а “через уреченные дни ему ж крестить”⁵⁶⁰. Однако, по мнению У. Каракаева, на выдаваемые средства в Москве было “не прожить”⁵⁶¹. К тому же жить татарину было негде, потому что Н. Волков “ево к себе не емлет”⁵⁶². Тягостная для татарина ситуация длилась три недели. В конце третьей недели его бездомного и голодного жителя в Москве он подал в Разряд челобитную с просьбой выдать полагающееся жалованье за выход и отдать “под начал” в монастырь, чтобы, “скитаясь по Москве меж двор”, не умереть голодной смертью⁵⁶³. Несмотря на повторную просьбу Разряда, Патриарший приказ проявил твердость и не принял У. Каракаева⁵⁶⁴, но через две недели он наконец был крещен и стал именоваться новокрещеном Никитой Никифоровичем Каракаевым⁵⁶⁵.

Все вопросы, связанные с крещением мусульманина У. Каракаева, решались Разрядом самостоятельно, без обращения к верховной власти. Руководитель приказа думный дьяк В.Г. Семенов, как и в других случаях, так

Патриаршая Казённая большая печать. 1662 г.

сказать, дал толчок делу в Разряде, распорядившись принять У. Каракаева из приказа Малой России для крещения и затем послать его в Новгород⁵⁶⁶. В.Г. Семенов же выбрал из составленного в Разряде списка кандидата в воспитанники. Список включал семерых дворян и двух жильцов, очевидно, бывших в данный момент “не у дел”. Против каждого из них слева на поле была дана краткая справка об их предыдущей, последней службе: “был на Воронеже”, “был у Дворца на приказе”, “был в Добром”, “был на Белеозере”, “был на Кинешме, реи.⁵⁶⁷ в Шуе”, “был в Луху, реи.”⁵⁶⁸. В.Г. Семенов выбрал первого в списке Никифора Хрисанфовича Волкова, бывшего воеводу Воронежа, пометив против его имени: “Послат”⁵⁶⁹. Наконец, думный дяк отдал указание сделать выписку по челобитной уже новокрещена Н.Н. Каракаева о выдаче жалованья за крещение – определить конкретную сумму выдачи⁵⁷⁰. Таким образом, это распоряжение В.Г. Семенова являлось одновременно и разрешением на выдачу жалованья.

Дальнейшие мероприятия контролировали и определяли их ход приказные дяки. Сделать выписку по челобитной У. Каракаева после его трехнедельного “указного” срока распорядился Ф.Л. Шакловитый⁵⁷¹, он же на основании этой выписки дал указание “отослать ево (У. Каракаева. – О.Н.) для крещенья в православную христианскую веру греческаго закона с памятью в Патриарши приказ по прежнему, а о жалованье за выезд выписат ему его время, как он будет крещен и станет бить челом за крещенье о государеве жалованье”⁵⁷². Однако из распоряжения Ф.Л. Шакловитого, как было указано выше, была исполнена только вторая часть – повременить с выдачей жалованья до вступления в христианскую веру. Патриарший же приказ татарина не взял, в результате чего У. Каракаев был “прикреплен” к приходской церкви на Покровке.

Дело о выдаче жалованья новокрещену Н.Н. Каракаеву за выход и за крещение вел дяк Л.А. Домнин. Он контролировал составление выписки и свидетельствовал ее верность⁵⁷³, а также распорядился на основании представленных в выписке сведений выдать новокрещену деньги за выезд и за крещение (по 5 р.), кормовые деньги на 4 месяца по 8 денег на день, вместо двух видов сукна, предложенных в выписке, – 3 р. и тафту, для чего он же велел послать памяти в приказ Большого прихода (о деньгах) и Казенный двор (о тафте). Наконец, Л.А. Домнин приказал отослать Н.Н. Каракаева, как и было определено еще в приказе Малой России, “для службы с памятью” в Новгородский приказ⁵⁷⁴.

Непосредственным исполнителем по делу крымского татарина, от начала его пребывания в ведении Разряда и до отправки в Новгородский приказ, был подьячий М. Томилов. В частности, им собственноручно была составлена и написана выписка по распоряжению Ф.Л. Шакловитого (по вопросу о долге пребывания У. Каракаева в Москве без крещения)⁵⁷⁵, он же составлял и вторую выписку, о жаловании за крещение⁵⁷⁶.

Дело с крещением крымского выезжего татарина У. Каракаева тянулось два с половиной месяца, но те мероприятия, которые касались непосредственно Разряда, выполнялись довольно быстро. Не спешил с крещением, видимо, Патриарший приказ. Так, память в Патриарший приказ о приеме У. Каракаева была составлена на следующий день после его появ-

ления в Разряде⁵⁷⁷, а восприемник определен через три дня⁵⁷⁸. Выписка по челобитной Каракаева о его тяжелом житье в Москве была составлена на следующий день после подачи челобитной и распоряжения о ее подготовке⁵⁷⁹. Тогда же на основании выписки Ф.Л. Шакловитый указал вновь направить татарина в Патриарший приказ и повременить с выплатой жалованья за крещение⁵⁸⁰. В этот же день Разряд, очевидно, получил отказ из Патриаршего приказа, и У. Каракаев был послан “к приходскому попу” Воскресенской церкви⁵⁸¹. Наконец, распоряжение Л.А. Домнина о выплате жалованья за выход и за крещение поступило в срок от одного до трех дней после подачи Н.Н. Каракаевым челобитной в Разряд (дата подачи челобитной и пометы В.Г. Семенова неизвестна, но известна дата крещения)⁵⁸².

Информационный обмен с приказами

Сбор информации Разрядным приказом

Одной из главных функций Разрядного приказа было администрирование служилых людей по отчеству во всех областях их деятельности – военной, гражданской, придворной. Поэтому Разряд являлся своего рода информационным центром, в который стекались сведения обо всех переменах в жизни служилого человека, имеющих значение для государственной службы. Фиксирование этих перемен осуществлялось служащими Разряда на протяжении всего года, так сказать, в формате текущего делопроизводства – в виде помет в списках отдельных категорий служилых людей, например боярском или жилецком списках. Но, как любой информационный центр, Разрядный приказ осуществлял и единовременные акции по сбору определенного рода информации – необходимые для осуществления им собственных функций или по запросам других учреждений.

В октябре 185 г., очевидно, для полной “инвентаризации” служилых людей московских чинов – “для справки въ ево государеве службе”⁵⁸³ – Разрядом был проведен опрос московских приказов о наличии и характере занятий всех “приписанных” к ним служилых людей. При этом, несколько облегчая для себя последующую работу по сортировке полученных сведений, Разрядный приказ потребовал, чтобы информация сразу была разнесена по двум разделам – о том, кто из служилых людей московских чинов находился “у дел” в Москве и кто был послан по делам в другие города “по наряду” (то есть командирован) из разных московских приказов. Результаты опро-

са должны были отразиться в “подлинных” и “наличных” боярских и жилищных списках, каковое распоряжение и было отдано разрядным служащим пометами разрядных дьяков на ответных памятях: “По сему великого государя указу в списке над ихъ имяны отметит”⁵⁸⁴, “К отпуску и написать в роспис и в списках отметит”⁵⁸⁵.

Судя по немногим сохранившимся документам, отвечали за организацию этого опроса два дьяка – П.И. Ковелин⁵⁸⁶ и Л.А. Домнин⁵⁸⁷.

Памяти в приказы были разосланы 19 октября⁵⁸⁸. В 5-дневный срок пришел ответ только из приказа Новой чети, в котором сообщалось, что в Москве у дел служилых людей по наряду из Новой чети четыре человека, а в городах нет никого⁵⁸⁹. Поскольку большая часть московских центральных учреждений не проявила дисциплинированности, Разряд вынужден был через полтора месяца, в декабре, разослать повторные запросы. По традиции разрядного делопроизводства, в качестве образца была составлена память одному из адресатов – в данном случае, в приказ Казанского дворца⁵⁹⁰. Составителем был старый подьячий М. Щербаков, он же отредактировал, возможно, по устным указаниям кого-либо из дьяков, “образцовую” память. На левом поле им было добавлено к распоряжению прислать из приказа выписку уточнение о форме требуемого документа и цели запроса: “за дьячьёю приписью для справки въ ево государеве службе”⁵⁹¹. Он же приписал ссылку на предыдущий запрос: “А октября въ 19 числе о том память к вам послана ж”⁵⁹². После чего М. Щербаков, отвечавший, видимо, за составление текстов запросов, распределил по своим подчиненным работу по подготовке памятей в другие приказы. Под заголовком “Таковы ж писат” против записанных в столбик названий приказов подьячий пометил имена тех сотрудников, которые должны были писать в них запросы. И. Неверов, наиболее опытный подьячий “средней руки”, получил задание написать памяти сразу в несколько приказов, причем наиболее важных, престижных – “в Посолскои и в Новгородцкои и в приказ Малыя Росии и в Володимерскую и в Галицкую чет”, а также “в Стрелецкои”. По две памяти было велено написать Т. Дмитриеву, также подьячему средней статьи (“в Хлебнои” и “в Устюжскую чет”), молодым подьячим Т. Лапшинскому (“в приказ Большаго дворца” и “в Монастырскои”) и М. Иванову (“в Сибирскои” и “Новую чет”). На этом же документе руководитель группы писцов отмечал исполнение работы: против названий приказов, памяти в которые были составлены, подьячий приписывал “пис.”. Кроме того, в группе писцов по ходу дела произошли изменения, которые также фиксировались М. Щербаковым. Так, вместо Т. Дмитриева памяти в Хлебный приказ и в Устюжскую четъ писал “Мишка Иванов”, что и было отмечено на поле против названий этих приказов⁵⁹³. Таким образом, мероприятие было осуществлено группой из трех подьячих – средней статьи и молодых – под руководством одного старого подьячего. В полном соответствии с “экономичными” принципами разрядного делопроизводства, один и тот же список являлся документом и предварительным, и итоговым.

Затем таким же образом была организована рассылка памятей по приказам. Очевидно, группы приказов, куда посылались один подьячий, определялись по территориальной близости друг к другу (особенно в 185 г., во время перестройки здания приказов и размещения приказов по разным

помещениям Кремля и Белого города). Как упоминалось, 19 октября памяти были посланы “в Сибирской приказ да в приказы Болшого приходу с Ываном Бесединым; в Новую чет съ Яковом Семеновым; в Стрелецкую приказ да в приказ княжества Смоленского и в Устюжскую четверть и в Хлебной приказ с Романом Прокшиным; в Костромскую с Ываном Поддубским; в Посолской приказ да в Помесной приказ Игнатеи Поддубским; в Казанской дворець с Васильем Баженовым; в приказ Болшого дворца⁵⁹⁴ з⁵⁹⁵ Григорьем Славышевским; в Пушкарской приказ с Михаилом Киприяновым; въ Ямской Иван Конищев”⁵⁹⁶.

Как видим, в приказы с памятьми из Разряда отправляли молодых neverстанных подьячих и, реже, разрядных детей боярских. Вместе с тем, их, видимо выделяли как ответственных служащих.

Повторные запросы в приказы были подготовлены 5 декабря. Так, в этот день была составлена память в приказ Казанского дворца с напоминанием о первом запросе в октябре⁵⁹⁷. Того же числа была написана и память в Новую четъ, в которой говорилось, что “наперед сего в октябре нынешняго 185-го году его государевъ указ из Розряду в Новую четъ [...]”⁵⁹⁸ о томъ послан и декабря по 5 число из Новои чети в Розряд про то не отписано” (что было ошибкой, тут же исправленной – под текстом памяти А. Яцким сделана приписка: “ис того приказу про то отписано”⁵⁹⁹; возможно, память не была отправлена). Под “образцовой” памятью в тот же приказ Казанского дворца М. Щербаковым был набросан список тех приказов, в которые необходимо послать такие же памяти-напоминания⁶⁰⁰. В него же М. Щербаков вносил коррективы в случае ошибок самих разрядных служащих или поступления требуемой информации из приказов. Так, в списке должников был отмечен приказ Новой чети, но рядом на поле приписано: “из Новые чети про то отписано”⁶⁰¹; под записью “в Сибирской” подписано: “присланы”⁶⁰², под записью “в Ямской” – “и тот приказ отписал”⁶⁰³.

Ответы на эти напоминания пришли по крайней мере из двух приказов. 8 декабря была прислана память из Ямского приказа в ответ на запрос от 5 декабря – “на Москве у делъ и в городехъ на приказах и в отсылкахъ никого⁶⁰⁴ нетъ”⁶⁰⁵). Таким образом, помета в список приказов-должников была внесена 8 декабря или вскоре после этого числа. 14 декабря поступил ответ из Монастырского приказа (“никого не было и ныне нетъ”)⁶⁰⁶.

Очевидно, запросы-напоминания посылались должникам до тех пор, пока требование не было выполнено. Так, 16 декабря Сибирский приказ ответил на запрос все того же содержания от 8 декабря⁶⁰⁷. 15 декабря была отправлена память из Разряда в Хлебный приказ с напоминанием, что “наперед сего в октябре нынешняго 185-го году его государевъ указ из Розряду в Хлебной приказ к тебе, боярину ко князю Юрью Алексеевичю и к дьяком к думному к Данилу Полянскому и к Лариону⁶⁰⁸ о томъ посланъ”⁶⁰⁹ и декабря по 12 число ис Хлебного приказу в Розряд про то не отписано”⁶¹⁰.

15 декабря, то есть через два месяца, наконец пришел ответ из приказа Казанского дворца: в ответ на память из Разряда от 15 октября⁶¹¹ был прислан “списокъ бояром и воеводам и всяким приказнымъ людемъ”, в том числе и подьячим, находившимся в городах и “на Москве” по наряду из Казанского приказа⁶¹².

По всей видимости, Разрядный приказ остро нуждался в запрашиваемых сведениях, поскольку в конце второй декады декабря один из старых подьячих, возглавлявших подьяческий корпус Разряда, А. Яцкой составил перечень приказов-должников под заголовком “О воеводах и о приказных людех в Розряд декабря по 19 число не отписано”. Очевидно, к этому времени Разрядный приказ своими силами выяснил, кто из служилых людей московских чинов находится в столице “у дел”, а информацию о назначениях в провинции могли дать только приказы, командировавшие туда служилых людей. Должников набралось много – перечислены приказы Посольский, Новгородский, Малороссийский, Владимирская и Галицкая чети, Стрелецкий, Хлебный, Устюжская четь, Большого дворца, Костромская четь, Большого прихода, Пушкарский, Поместный⁶¹³. Как видим, Ямского, Казанского, Сибирского и Монастырского приказов в этом списке уже нет.

На докладе А. Яцкого Ф.Л. Шакловитый (который, возможно, и являлся инициатором составления справки) поставил резолюцию: “послат памяти во все приказы, хто ныне в городех воеводы и с которого месяца и числа хто где, и на их место ково ныне велено отпустит и по какому указу”⁶¹⁴.

Ответы на запрос из Разряда о местонахождении и занятиях служилых людей московских чинов, приписанных к разным приказам, продолжали поступать в Разряд до конца января. Так, 12 января были получены памяти из приказов Новгородского⁶¹⁵ и Устюжской чети⁶¹⁶, 26 января – из приказа Большого Дворца⁶¹⁷.

Первые ответы, присланные на запрос от 19 октября, принимал первый заместитель В.Г. Семенова П.И. Ковелин⁶¹⁸. В декабре и январе П.И. Ковелин почти не занимался этим делом⁶¹⁹, его сменил Л.А. Домнин⁶²⁰. Организацией рассылки памятей с напоминаниями о невыполненных заданиях и с требованием новой информации в декабре занимались двое дьяков Разряда – Ф.Л. Шакловитый⁶²¹ (его припись стоит, в частности, на памятях из Разряда, отправленных 5 декабря) и Л.А. Домнин⁶²², что было обычной практикой Разряда: начинал мероприятие первый заместитель руководителя приказа, а продолжали его и доводили до конца второй и третий товарищи думного дьяка. Непосредственное же исполнение задания по составлению памятей в приказы легла в декабре на первого подьячего Разрядного приказа И. Максимова⁶²³.

В начале последнего месяца года Разряд приступил к составлению новой “генеральной” справки о службах служилых людей московских чинов, “приписанных” к другим приказам, и об их предполагаемых новых назначениях. Это мероприятие было проведено по специальному заданию правительства и, возможно, было связано с неутешительными результатами мобилизации столичных служилых людей в действующую армию, которые стали известны правительству к концу июля. Так, например, на 26 июля, накануне выступления к Чигирину, в полк Г.Г. Ромодановского из московских чинов были “в приезде” 535 человек, “в нетех” – 349⁶²⁴.

Общее руководство мероприятием осуществлял первый помощник начальника Разряда дьяк П.И. Ковелин⁶²⁵. Только одна из памятей была приписана третьим дьяком Разряда, Л.А. Домниным⁶²⁶.

Непосредственное воплощение указания руководства приказа вжало на первом подьячьем Разряда И. Максимове⁶²⁷, что подтверждает важность мероприятия. Памяти были разосланы в указы в течение трех дней, 1-3 августа, но большая часть была отправлена из Разряда 2 числа. Ответы поступили из приказов в сроки от 2 до 10 дней с момента получения разрядного запроса, основная же часть – в течение 3-5 дней⁶²⁸.

Чрезвычайная скорость проведения этого мероприятия объяснялась, очевидно, тем, что руководители приказов отчетливо сознавали разницу между рутинными, ежегодными запросами Разряда “для справки в его государеве службе” и срочным специальным заданием верховной власти. Результаты проведенного опроса были сведены в Разряде в один документ и, в отличие от материалов предыдущих запросов, не остались для обработки в приказе, а были представлены государю.

Присылаемые приказами памяти и списки в Разряде принимал к рассмотрению Л.А. Домнин, некоторые – П.И. Ковелин. В их пометах отразились характеры дьяков, а, может быть, разница их статусов в приказе. Распоряжения третьего разрядного дьяка сотрудникам приказа (при том, что, как это было принято в приказном делопроизводстве, никогда не назывался адресат распоряжения) более развернуты и конкретны: “К отпуску и напишут к великому государю в доклад”⁶²⁹, “К отпуску и выпишут к великому государю в доклад”⁶³⁰, “К отпуску, из росписи написать к великому государю в доклад”⁶³¹, “К отпуску, а из тетратей напишут к великому государю в доклад”⁶³², “К отпуску, а ис тетратей напишут в докладную роспись”⁶³³. П.И. Ковелин ограничился краткой резолюцией “К отпуску”⁶³⁴, полагаясь на компетентность подчиненных или отдав устные распоряжения.

Форма ответов на запрос была произвольной. Большинство приказов просто исполняли требование Разряда и присовокупляли к памяти необходимые сведения: “Выписка в тетратехъ послана к вамъ в Розряд с сею памятью за дьячьєю приписью”⁶³⁵, “И те имяна, написав в тетрат в десть, посланы в Розряд с сею памятью за дьячьєю приписью”⁶³⁶ и т.п. Однако некоторые указы информировали Разряд, на основании каких источников они предоставляют сведения. Так, Сибирский приказ сообщал, что “из записной книги о воеводцких и приказных людех отпусках в сибирские города выписано имена тех людех в тетратехъ”, которые и посланы в Разряд⁶³⁷. Приказ же Малой России отчасти сетовал, отчасти указывал Разряду, что его требование предоставления сведений о будущих переменах в служебном положении служилых людей неуместно: “того в приказе Малья Росии неведомо, потому что наряд имъ бываетъ из Розряду”⁶³⁸.

Пересылки между указами осуществлялись преимущественно подьячими тех же приказов. Их имена практически всегда отмечались в исходящем документе – курьеры отвечали за сохранность и своевременную доставку документов. Так, тетради с именами служилых людей были посланы из Сибирского приказа в Разряд “с подьячимъ съ Елисеикомъ Васильевымъ”⁶³⁹; список из приказа Устюжской чети – с подьячим Васильем Квашниным⁶⁴⁰; из Хлебного приказа “послана в тетратехъ именная роспись Хлебного приказу с подьячим с Родионом Алексеевымъ”⁶⁴¹; именная роспись из Новгородского приказа “в тетратех за дьячьєю приписью с сею памятью”

была послан в Разряд “Новгородского приказу с подьячим с Василем Петровым”⁶⁴² и т.д. В Разряде, естественно, придерживались тех же правил. На черновике памяти в Хлебный приказ записано: “Такова за приписью дьяка Любима Домнина послана с подьячим с Федкою Дмитриевым”⁶⁴³; на отпуске памяти в Иноземский приказ: “таковъ великого государя указ в Иноземскои приказ послан 185 26 марта с подьячим Алексеем Грудевым”⁶⁴⁴.

По всей видимости, в тех случаях, когда необходимо было отправить одну память, а не делать массовую их рассылку по приказам, в приказе-отправителе не составляли примерных росписей курьеров, а назначали посыльного устно, фиксируя это на отпуске памяти.

Таким образом, деятельность Разряда по организации сбора сведений о служилых направлял его первый дьяк (а не глава приказа), контроль за исполнением этого дела лежал на втором и третьем дьяках, а все нити непосредственного исполнения держали в руках старые подьячие Московского стола И. Максимов, А. Яцкой и М. Щербаков.

Как отмечалось, служилые люди по отчеству находились в ведении Разряда, в каких бы войсках, “старого” или “нового” строя, они не служили. Поскольку документация о службе таких людей велась одновременно и в Разряде, и в “специальных” приказах, то естественно, что при необходимости Разряд запрашивал недостающую ему информацию в других приказах. Так, в сентябре Разряд получил сообщение от воеводы боярина кн. В.В. Голицына о том, что во время полковой службы часть ярославских городских служилых людей записались в рейтары и солдаты. Информация, направленная В.В. Голицыным в Разряд, имела обобщающий характер, конкретные же данные (именные списки, даты и проч.) были посланы В.В. Голицыным в Рейтарский приказ. Поэтому Разряд потребовал от Рейтарского приказа сообщить ему эти данные⁶⁴⁵.

В марте, комплектуя “южные” армии для Чигиринского похода, Разряд отдал распоряжение Иноземскому и Рейтарскому приказам собрать и прислать в Разряд сведения о датах назначений городских служилых людей, дворян и детей боярских (находящихся в ведении Новгородского стола Разряда), в начальные люди, рейтары и солдаты⁶⁴⁶. “Образцовая” память была составлена для Иноземского приказа под руководством подьячего И. Олсуфьева. Интересно, что он не только отредактировал черновик этой памяти (весьма существенно), но и, возможно, потеряв терпение, дописал ее конец. Также собственноручно И. Олсуфьевым была подготовлена “канва” для поисков в Иноземском приказе данных об интересующих Разряд лицах – “роспись, которых городов и хто имяны дворяня и дети боярские ис полковои написаны в рейтарскои службе”.

Некоторые категории служилых людей, находившихся в “генеральном” ведении Разряда, несли службу на территориях, подведомственных во всех отношениях другим приказам. По административным правилам такое “территориальное” ведомство было обязано информировать Разряд о служебных назначениях и перемещениях служилых людей, находящихся в его компетенции. Так, Сибирский приказ самостоятельно назначал воевод в города Сибири, но они считались “откомандированными” на службу из Разря-

да. Поэтому Сибирский приказ извещал Разряд, например, о том, что в Енисейске велено быть вместе с воеводой письменным головой переславцу К.М. Ананьину, и предписывал отметить это в Разряде в соответствующем списке⁶⁴⁷.

Таким образом, в Разряде находились как бы “базовые” данные о служилых, ведомых службой в других приказах – чин, оклад, а в соответствующем приказе велись записи о текущей службе служилого человека – в каких походах он участвовал, был ли ранен и т.п.

Предоставление информации другим приказам

Поскольку Разрядный приказ являлся “информационным центром”, аккумулировавшим наиболее комплексную информацию о служилых людях по отечеству – о важнейших этапах их карьеры и обстоятельствах службы, прочие центральные учреждения постоянно пользовались “базой данных” Разряда и обращались в него за разного рода справками об интересующих их служилых людях. В Разряде искали сведения и писали справки сотрудники тех столов и повытий, которые ведали соответствующей категорией служилых людей. Так, второе повытье Новгородского стола Разряда отвечало на памяти-запросы в отношении белозерцев⁶⁴⁸, костромичей⁶⁴⁹, белян⁶⁵⁰, бежечан (Бежецкий Верх)⁶⁵¹, смолян⁶⁵², ярославцев⁶⁵³, Московский стол – на запросы о городских служилых людях из Белева⁶⁵⁴, Рыльска⁶⁵⁵, Новгорода Северского⁶⁵⁶, Новосили⁶⁵⁷ и др.

Поместный приказ ведал собственно земельным фондом служилого сословия, уже пожалованными и имеющимися в руках служилых людей поместьями и вотчинами, их состоянием, куплей и продажей, передачей по наследству и т.п. Назначением же поместных окладов и точными сведениями о поместном окладе каждого служилого человека по отечеству ведал Разряд. Поэтому понятна весьма интенсивная переписка между этими приказами по земельным вопросам. В основном запросы о владении служилыми людьми земельными угодьями шли из Поместного приказа в Разряд. Чаще всего из Поместного приказа поступали запросы о придачах, службах (участии в определенных походах) служилых людей, за которые по специальным указам полагались придачи к поместному окладу, о чине служилого человека, в соответствии с которым по своеобразной “тарифной сетке” назначались оклады и прибавки к ним.

Памяти с запросами о службе служилых людей поступали в Разряд и из других приказов, в ведении которых находилась служба той или иной категории служилых людей – Иноземского, Рейтарского, Монастырского, Ко-

стромской чети, Стрелецкого, того же Поместного. Так, например, Иноземский приказ запрашивал Разряд о службах иноземца Новгородского полка – в каком он чине, а также о его жалованье – за какие месяцы каких лет жалованья ему не было выдано⁶⁵⁸. Рейтарский приказ просил Разряд предоставить сведения о поместьях начальных людей, рейтар, солдат и драгун, принадлежащих к городovým корпорациям Белой, Смоленска, Белозера, Мещеры, а также новокрещенов и иноземцев⁶⁵⁹. Из Стрелецкого приказа была прислана память с требованием “отписать” о поместных окладах голов московских стрельцов⁶⁶⁰. Монастырский приказ обычно интересовал “стаж” служилого человека. Например, этот приказ запрашивал в Разряде сведения о дворянине И.Я. Зиновьеве – с какого года, месяца и числа он записан в службу⁶⁶¹; о другом служилом, А.Г. Сушкове, тот же приказ затребовал информацию о начале его службы, а также о том, где он был в 178/1669-70 и 179/1670-71 гг.⁶⁶² Из Поместного приказа приходили не только “простые” запросы о поместных окладах служилых людей, но и о более запутанных делах. Так, в Поместном приказе разбиралась тяжба о вотчине Хомутовых – одни из представителей этой фамилии ложно приписались к роду и претендовали на вотчину. Поместный приказ просил прислать информацию об этом роде, о родстве истцов и ответчиков, выписав данные из ярославских десятен и других списков⁶⁶³.

Костромская четь затребовала из Разряда сведения о сроке прибытия в полки, несущие ежегодную службу на южной границе, ярославских кормовых новокрещенов, мурз и татар, приложив к памяти-запросу список 188 человек⁶⁶⁴. Причиной обращения Костромской чети в Разряд послужило челобитье ярославских новокрещенов, мурз и татар в Костромскую четь, как финансовый приказ, о выплате поденных кормов. Для начисления этих выплат Костромская четь нуждалась в данных о службах челобитчиков и величине их окладов, поэтому из Костромской чети в Разряд был послан первый запрос о приездах в полки, отпусках из них и окладах татар. Поскольку челобитчики служили в полку В.В. Голицына, то и выписки в Разряде должны были делать из полковых документов. Но к моменту запроса из Костромской чети полковые списки от В.В. Голицына в Разряд не были присланы, о чем, видимо, и было доложено руководству Костромской чети, а та, в свою очередь информировала об этом челобитчиков. Тогда татары обратились с челобитьем в Разрядный приказ, изложив всю историю их прошения и сообщив, что долго ждать в Москве они больше не могут, “помирают голодную смертью”. 7 ноября дьяк П.И. Ковелин записал на этой челобитной распоряжение направить память В.В. Голицыну с требованием выслать необходимые полковые списки⁶⁶⁵. В тот же день в Разряд пришла вторая память из Костромской чети с повторным запросом о службах ярославских татар с приложением их поименного списка⁶⁶⁶.

Владимирский Судный приказ обратился в Разряд с просьбой выписать из находящегося в Разряде дела по челобитной боярина кн. Г.С. Куракина на тверских помещиков и вотчинников суть этого дела, имена, даты и прислать выписку для сысского дела во Владимирский Судный приказ. Возможно, дело кн. Г.С. Куракина затрагивало юрисдикцию обоих приказов, а, возможно, было решено передать его во Владимирский Судный приказ.

В.Г. Семенов распоряжился удовлетворить просьбу коллег, но “рационализировал” процедуру. Он приказал “послать то дело все в *том* приказ с памятью и отдать с роспискою”. Дело вместе с памятью было передано из Разряда во Владимирский Судный приказ Иваном Буслаевым (молодым неверстанным подьячим), а принял его в Судном приказе старый подьячий Данило Берестов, тот же, кто справил память в Разряд из Владимирского приказа⁶⁶⁷. К сожалению, дело плохо сохранилось, листы оборваны – и именно в тех местах, где записаны даты принятия и отпуска документов, поэтому судить о сроках исполнения поручения нельзя. Можно только сказать, что переписка велась в течение апреля.

Запросы принимали к рассмотрению и П.И. Ковелин⁶⁶⁸, и Ф.Л. Шакловитый⁶⁶⁹, и Л.А. Домнин⁶⁷⁰ примерно в равной степени. Иногда решения по таким делам принимал и В.Г. Семенов, при этом они ничем не отличались от тех памятей, которые поступали к разрядным дьякам⁶⁷¹.

“Простые” запросы о службах или окладах служилых людей являлись вполне рутинной работой, не требовавшей специального рассмотрения руководством Разряда, поэтому обычной пометой разрядных дьяков на таких памятях было “отписать”⁶⁷². Иногда пометы были более развернутыми – “отписать, справясь о том подлинно”⁶⁷³, что в большинстве случаев зависело от индивидуальных свойств дьяка. Например, на запрос из Иноземского приказа о службе служилого человека в связи с его челобитной о прибавке поместного и денежного оклада Л.А. Домнин указал: “учинить ему о справке *той* придачи, справясь великого государя с указом”⁶⁷⁴. На памяти из Поместного приказа с запросом о поместном окладе и службах ярославца М.Б. Мотовилова Ф.Л. Шакловитый пометил: “Февраля в 20 день отписать, справясь о том подлинно”⁶⁷⁵.

В некоторых случаях более пространная помета была вызвана специальными обстоятельствами или особой важностью дела, касавшегося, например, не одного лица, а целой группы служилых людей. Так, на памяти из Костромской чети о службе ярославских кормовых новокрещенцов, мурз и татар Ф.Л. Шакловитый не просто дал общее указание “отписать”, но и указал, из каких разрядных документов сделать выписку и в каком порядке отправить справку в Костромскую четъ: “Выписать о том из смотренных списков и поднести без мотчанья. Записав в книгу, отдать с роспискою”⁶⁷⁶. Приведенная помета Ф.Л. Шакловитого касалась почти двух сотен ярославских служилых людей. Такая же развернутая помета В.Г. Семенова “Января в 4 день учинить по сему великого государя указу, записать в книгу и отдать с роспискою” касалась ответа на запрос из Рейтарского приказа о поместьях начальных людей, рейтар, солдат и драгун городов Новгородского стола⁶⁷⁷.

В ответ на запросы в Разряде составлялись памяти-справки. Дьяк, записавший свое распоряжение на обороте памяти, направлял документ в соответствующий стол, где хранились списки служилых людей, о которых запрашивал приказ. Подьячий, в чьем ведении находилась данная категория служилых людей, наводил справки и для удобства дальнейшей работы делал первые, предварительные пометы прямо на входящем документе. Так, 17 января 185 г. Монастырский приказ обратился в Разряд с двумя запроса-

ми о служилых людях – Н.И. Шустове и И. Суковкине – служат ли они, и если служат, то с какого года, месяца, числа⁶⁷⁸. Памяти были переданы в данном случае в Московский стол, где хранились списки служилых людей замосковских и белгородских городов. Подьячий (почерк атрибутировать не удалось), обратившись к архиву стола, нашел нужные сведения и пометил их на соответствующих памятях: “писан у розбору в Севск, рыленин”⁶⁷⁹, “со 184-го году писан в розборе, рыленин с”⁶⁸⁰. На памятях из того же Монастырского приказа с запросами о службах А.Г. Сушкова в 178 и 179 годах снизу помечено: “179-го ноября съ 1-го числа” (дата приезда в полк)⁶⁸¹, о службах И.Я. Зиновьева – “жив”⁶⁸². На памяти из Стрелецкого приказа с запросом о поместных окладах голов московских стрельцов подьячий подписал: “Григорью 970 чети, Кузме 720 чет.”⁶⁸³.

Поместный приказ также интересовало, написан ли в “государеву службу” служилый человек⁶⁸⁴ (а, значит, верстан ли он поместным окладом или нет), каков оклад служилого человека⁶⁸⁵. Как и в предыдущих случаях, разрядный служащий Московского стола, занимавшийся ответом на запросы, пометил на памятях: “в полковую службу написан у розбору во 184-м году”⁶⁸⁶ (на вопрос, записан ли в государеву службу и с какого времени служит), “250 чети”⁶⁸⁷ (на запрос о поместном окладе служилого человека) и т.д.

Некоторое затруднение вызвал запрос Поместного приказа о службах К.А. Ишкова. Как обычно, на самой памяти из Поместного приказа разрядный подьячий записал кратко те сведения, которые удалось найти в бумагах Разряда. Информация обнаружилась только об отце служилого человека: “142-го году отец Алимпейко Иванов сынъ Ишков”⁶⁸⁸. Ответная память из Разряда прояснила ситуацию: в ней сообщалось, что в службе и в недорослях К.А. Ишков не значится⁶⁸⁹.

Эта же память подтверждает предположение, что инициатива значительной части запросов из Поместного приказа (и, скорее всего, из других приказов) исходила не от администрации приказа, а от самих служилых людей, ходатайствовавших об улучшении своего материального положения или продвижении по службе. На поле отпуска памяти по делу К.А. Ишкова помечено: “не отпущена, для того что челобитчикъ не ходил”⁶⁹⁰.

В делах Московского стола практически не сохранились черновики ответных памятей Разряда на запросы из приказов, а в тех, что имеются, не указан подьячий-справщик. Однако можно предположить, что подобные документы составлялись под руководством начальников повытий. Так, большая часть таких справок-памятей из Новгородского стола составлена под руководством старого подьячего И. Олсуфьева, им же проверены данные, записанные в справке⁶⁹¹. Лишь один ответ на запрос Поместного приказа о придаче поместного оклада, который имеется в архивном деле, составлен под руководством подьячего В. Текутьева. Это объясняется тем, что запрос был о белозерце, а служилые люди Белоозера ведались в третьем почете Новгородского стола, руководителем которого был В. Текутьев⁶⁹².

В архиве Разрядного приказа, как обычно, оставался черновик, или отпуск, памяти, а белой вариант отправлялся в приказ. Поэтому имеется возможность проанализировать правку, которой подвергался документ. Так, например, Поместный приказ запросил из Разряда сведения о поместном ок-

ладе ярославца М.Б. Мотовилова, о его службах со 162 г. (служил ли он по выбору, по дворовому или с городом) и придачах за них (есть ли, а если есть, то сколько именно)⁶⁹³. В ответной памяти на этот запрос были выписаны сведения из ярославского списка 162 г. о поместном окладе М.Б. Мотовилова за этот год, затем были отмечены все его службы со 162 г. и указан поместный оклад на 167 г. с придачами за службы (видимо, после этого оклад не менялся); наконец, был приведен указ о придачах за службы тех лет городо-вым чинам (по 100 четей). Из этих данных вычеркнут первый параграф – о поместном окладе служилого на 162 г., поскольку Поместный приказ запрашивал сведения только о последнем поместном окладе⁶⁹⁴.

В черновике памяти использованы принятые в Разряде сокращения повторяющихся или известных словосочетаний. В преамбуле полностью записаны имена только начальника Поместного приказа боярина кн. И.Б. Репнина и его товарища думного дворянина И.А. Желябужского, далее записано «и дьяком “имяна”» (слово “имяна” в рамке⁶⁹⁵) – этикет допускал сокращения имен только до определенной ступени иерархической лестницы, а именно заканчивая приказными дьяками. Вместо полного царского титула при передаче указа значится буква “т” в кружочке – это сокращение допускалось только во внутренних приказных документах, в черновиках. В конце документа, по принятому в Разряде делопроизводственному правилу отмечено, кто из дьяков ответственен за документ: “Такова за приписью дьяка ЛД отпущена” – инициалы Л.А. Домнина взяты в кружочки⁶⁹⁶.

В некоторых случаях удается определить, кто именно из разрядных служащих правил черновик. Так, в черновой памяти из Разряда в Рейтарский приказ (запрос по отписке воеводы В.В. Голицына о зачислении в рейтары и солдаты ярославских служилых) правка сделана подьячим И. Олсуфьевым. Она носит стилистический характер, в сторону более краткого, точно-го изложения дела⁶⁹⁷.

Нередко в редактирование документа включались и дьяки приказа. Дьяк П.И. Ковелин записал свое распоряжение на челобитной ярославских татар о выписках из полковых документов полка В.В. Голицына. В помете было указано послать грамоту В.В. Голицыну с требованием выслать полковые списки. По помете был составлен черновик грамоты. Видимо, дело, принятое П.И. Ковелиным к рассмотрению, оставалось под его контролем и дальше, поскольку он не только осуществлял общее руководство составлением грамоты, но и сам принял непосредственное участие в ее написании. В черновик грамоты рукой П.И. Ковелина внесена правка. Она носит стилистический характер, выстраивая изложение более последовательно, логично, компактно, точнее формулируя фразы. Дьяком внесена и содержательная правка: в первоначальном тексте грамоты, который был написан подьячим Ф. Зверевым под руководством И. Олсуфьева, В.В. Голицыну было указано на то, что им до сих пор не присланы полковые списки. П.И. Ковелин вписал конкретный срок – по 11 ноября⁶⁹⁸. С учетом правки в первом варианте грамоты был написан второй черновик, который также был отредактирован П.И. Ковелиным. В новом документе правка носила также стилистический характер, но ее было меньше. Кроме того, было исправлено число, до которого В.В. Голицын не прислал требуемые документы – с 11 на 12 ноября. На чер-

новике подьячим было отмечено, что память отправлена за приписью того же П.И. Ковелина⁶⁹⁹. Таким образом, участие дьяка в составлении документа не ограничивалось лишь общим надзором и проверкой готового документа; дьяк непосредственно участвовал в его составлении.

Быстрота ответа Разряда на запросы из других приказов зависела от сложности дела, от того, насколько объемными были готовившиеся в Разряде справки. Данные или только об окладах, или только о службе служилых людей разрядные служащие находили, выписывали, вносили в черновик, затем писали беловик и отправляли в другой приказ в течение 4-5 дней (включая дни получения и отправки)⁷⁰⁰. Более сложный запрос об окладе и службах ярославца М.Б. Мотовилова был подготовлен в Разряде за 11 дней (также включая дни получения и отправки)⁷⁰¹.

Гораздо больше времени потребовалось разрядным служащим, чтобы подготовить ответ на запрос Поместного приказа о тяжбе разных ветвей рода Хомутовых. Сначала в Разряде были сделаны родословные выписки для “рода спорщиков” (истцов) и “рода Васильева” (ответчиков, якобы ложно приписавшихся к роду Хомутовых). Ситуация оказалась крайне сложной и запутанной, что отразилось в выписке: в ней очень много правки, одни имена зачеркнуты, другие вписаны⁷⁰². Затем был подготовлен черновик ответа в Поместный приказ, включающий и данные родословных выписок, и данные выписок из ярославских списков городских служилых людей. Первый ответ был готов почти через два месяца после получения запроса⁷⁰³. Затем, через три дня был написан окончательный вариант памяти в Поместный приказ, где сообщалось, что до 130/1621-22 гг. в Разряде старых десятен и списков нет, так как они сгорели в “московский большой пожар 134-го году” (1626 г.), а со 130 по текущий 185 год Хомутовы в ярославские списки написаны. Далее перечислены имена и чины ярославских представителей этой фамилии⁷⁰⁴. Следует отметить, что первый вариант был поправлен, а второй написан одним подьячим (но не И. Олсуфьевым, который “справил” память) – видимо, непосредственным составителем документа.

Еще дольше справлялся Разряд с требованием Рейтарского приказа выписать из разборных книг сведения о начальных людях, рейтарах, солдатах и драгунах, чьи поместья и вотчины расположены в городах, ведомых в Новгородском столе Разряда. Рейтарский приказ напоминал, что памяти с этим запросом были посланы в Разряд 5 апреля и 15 июня 184/1676 г., но до 30 декабря 185/1676 г. ответ не получен (таким образом, Рейтарский приказ ждал ответ в течение 9 месяцев). По какой-то причине Разряд не спешил с выполнением этого поручения, что сказалось даже в распоряжении главы приказа, записанном на памяти Рейтарского приказа через 5 дней после ее получения: “Января в 4 день учинить по сему великого государя указу, записать в книгу и отдать с роспискою”⁷⁰⁵ – нет ожидаемых в подобном случае указаний сделать дело “тотчас”, “без мотчанья”.

Очевидно, все-таки обычным сроком ответов на “простые” запросы одного приказа другому была неделя (чуть меньше или чуть больше)⁷⁰⁶.

Переписка о служилых людях по отчеству велась не только между Разрядом и другими приказами, но и внутри Разряда между его столами. Разделение столов по территориальному и отраслевому принципам вело к обмену информацией о самых разных сторонах деятельности служилого сословия. Например, в документах Новгородского стола отмечалось местонахождение подведомственных ему служилых людей во время полковой службы. Служба же эта могла проходить не только на территориях и в военных подразделениях Новгородского стола, но и на южных границах государства, которые находились в ведении Московского стола Разряда. Служилый человек, таким образом, находился как бы в двойном подчинении столов Новгородского и Московского, которые должны были информировать друг друга о прохождении службы этого человека. Так, Московским столом была направлена в Новгородский справка о службе подведомственного Новгородскому столу служилого человека И.И. Подкуянского (принадлежность к городской корпорации не указана). В справке были зафиксированы служебные перемещения И.И. Подкуянского в прошедшем 184 и текущем 185 годах: со 184 г. он был в Белгородском полку, а в 185 окольный И.И. Ржевский забрал его с собой из Белгорода в Киев, о чем сообщено в отписке И.И. Ржевского от 13 мая. Там же сказано, что из Белгорода в Киев И.И. Ржевский “пошел” 29 апреля. После чего следовало распоряжение руководству Новгородского стола: “И по указу великого государя по помете на той отписке думного дьяка Василья Семенова тое ево Иванову в Киевъ посылку на списку велено отметить”. Уведомление было направлено из Московского стола за справой старого подьячего А. Панова⁷⁰⁷ (возможно, руководитель Белгородского повытья).

Документы, присланные из городов или военных подразделений Белгородского полка, после того, как с ними знакомились и отдавали соответствующие распоряжения разрядные дьяки, попадали в ведавший эти территории и дела Московский стол. Но если содержание их имело отношение, скажем, к Новгородскому столу, то и разрешать вопрос должен был Новгородский стол. Поскольку общее ведание делом находилось у Московского стола, то подлинные документы должны были остаться в архиве этого стола. Для Новгородского стола с них делалась копия, в которую включалось и распоряжение руководства Разряда по этому делу. Копия передавалась в Новгородский стол для исполнения распоряжения. Так, 19 сентября Разряд получил из полка боярина и воеводы кн. В.В. Голицына дополнительный список приехавших на службу в полк (в Путивль) ярославских новокрещенов, мурз и татар московских и городских чинов, чьи имена “в Розряд не посланы”. Поскольку эти категории людей и, соответственно, органы местной администрации, которым эти служилые люди были подчинены, по территориальному признаку относились к ведению Новгородского стола,

то копия списка была направлена Московским столом в Новгородский. Под списком была скопирована и помета В.Г. Семенова: “Помета на списке думного дьяка Василья Семенова такова. 185-го сентября в 19 день таков список к великому государю к Москве в Розряд прислали ис полку боярина и воевод князя Василья Васильевича Голицына с товарищи с ярославцом с Иваном Мустофиным. Выписат, сколко каких⁷⁰⁸ чинов ратных людеи по списку сему в полку у них ныне налицо, а в города под грамотами с прежними нетчиками имян их не посылать”⁷⁰⁹. Документ, естественно, не сопровождается никакими указаниями Московского стола Новгородскому, поскольку все инструкции уже содержались в помете В.Г. Семенова.

Ежедневная работа Разрядного приказа по аккумулярованию и обработке информации о служилых людях по отечеству разных категорий осуществлялась сотрудниками приказа под руководством подьячих старых и “средней руки”. Направлялась же она, разумеется, разрядными дьяками. Как уже не раз отмечалось, стиль их работы отличался высокой степенью неформализованности. В частности, это означало, что многие распоряжения текущего характера отдавались устно, другие облекались в письменную форму, но были крайне лаконичны и свободны от всех элементов формуляра, направленных на контроль за исполнением этого распоряжения. Те же характерные черты имеют и документы более общего плана, адресованные руководством Разряда сразу всем подразделениям приказа – то, что в позднейшем делопроизводстве называлось “циркулярами”. Как и другие приказные документы внутреннего пользования, “циркуляры” отличаются лаконизмом, сжатостью и точностью формулировок, то есть некая “экономность” делопроизводственных средств выражения во всех отношениях. Так, например, во второй декаде декабря руководство Разряда подводило первые итоги огромной работы приказа по составлению списков служилых людей всех подведомственных Разряду городов. Администраторам среднего звена было направлено следующее распоряжение: “185-го декабря въ 12 день Розрядного приказу у подьячих всех столовъ, которые ведают города, взята скаски за руками: списки подлинные нынешняго 185-го году с помесными и денежными оклады против розрядного списка 184-го году у нихъ готовы л; буде готовы, велеть поднести, буде не готовы, за чем и х которому числу будут готовы, про то им в скасках своих напишат имянно”⁷¹⁰. В отличие от подавляющего большинства писем, которыми обменивались столы, письменное распоряжение такого уровня датировано – оно определяло как бы точку отсчета для выполнения распоряжения. Письмо не было адресовано ни одному из столов специально, тем более не перечислены соответствующие города и ведающие их подьячие – внутри приказа в этом не было необходимости, обязанности каждого и границы компетенции были известны всем. Следует отметить, что процитированное выше письмо не было написано ни одним из приказных дьяков (в том числе, разумеется, и думным). Вероятно, оно было написано под диктовку одного из них старым подьячим (почерк идентифицировать с абсолютной точностью не удалось, возможно, это Г. Алексеев). Судя по формулировке письма, оно было написано в единственном экземпляре и “циркулировало” по столам, где с него могли снять копию.

В других случаях подобные письма с общим заданием для всего приказа писал собственноручно кто-либо из дьяков. В начале весны главное военное ведомство государства готовилось к предстоящей летней кампании. Помимо подготовки материальной части, в приказе проверяли, обновляли, координировали с другими приказами военного характера списки личного состава. 15 марта дьяк Л.А. Домнин написал два распоряжения старым подьячим-повытчикам всех столов Разряда подготовить письменные (что подчеркнуто в документах) отчеты о состоянии и составе основного корпуса военных сил Русского государства – городских дворян. Сроки исполнения задания руководства приказа были крайне жесткими: “185-го марта въ 15 день в Розряде старым подьячим всемъ, которые ведают города, дать на письме по смотреннымъ спискам бояр и воевод: городовые дворяня и дети боярские, которые побиты и померли и в полон взяты и безвесно пропали и в реитарех и в салдатех и в ыных чинех написаны и иными обычаи ис полковые службы убыли, в подлинных списках на их⁷¹¹ имяны отмечены л; и ныне в перечневых выписках, которые взяты у них для полковые⁷¹² сметы, те вышеписанные люди в полковой службе не написаны л; и для справки и ведома об нихъ в те приказы, хто в которой приказ к делам или в службу ис полковые службы убыл, памяти и имян их списки посланы л. А чинит то марта къ 16-му числу”⁷¹³ (то есть на следующий день).

Судя по сохранившемуся документу, старые подьячие-повытчики не только составляли выписку-ведомость по указанным пунктам, но прикладывали к ней сопроводительное письмо – своего рода рапорт о выполнении приказа. Такое письмо было составлено, в частности, руководителем второго повытья Новгородского стола И. Олсуфьевым. Очевидно, беловик был направлен руководству приказа вместе с выпиской, а черновик остался в архиве второго повытья Новгородского стола. Как известно, это повытье ведало службой города смоленского разряда и замосковные. По какой-то причине И. Олсуфьевым в выписку были включены данные только по замосковным городам: “Замосковных городов⁷¹⁴, которые ведают⁷¹⁵ Ивашко Олсуфьев, с смотренных списковъ и с разборных книгъ прошлого 184-го году⁷¹⁶ которые побиты и померли и безвестно пропали и в полон взяты и в реитарех и в салдатех и в ыных чинехъ и с полковые службы убыли, в списках над их имяны отмечено, и в смету те люди не написаны, а для справки и ведома об нихъ в приказы списки готовы, которые в реитарех и у дель в ыных чинехъ. Письмо мое⁷¹⁷ Ивашково⁷¹⁸ Олсуфева^{719,720}. Личная подпись, как это было принято в приказной системе делопроизводства, придавала документу официальный статус и указывала на лицо, ответственное за дело. Даты на письме нет, но трудно предположить, что справка не была подана в указанный Л.А. Домниным срок. На обороте черновика И. Олсуфьевым сделана приписка, затем зачеркнутая: “По другои о семъ о всемъ ведомость у боярского и у жилецкого списковъ”⁷²¹.

Возможно, что эта помета относилась к другому указанию Л.А. Домнина, отданному в тот же день – уточнить чиновную структуру городских корпораций служилых людей: “185-го марта въ 15 день выпишат со 179-го году, хто имяны из городских дворян и из детеи боярских написаны по московскому списку и в житье и которым из нихъ велено служит в тех чинех

и з городами”⁷²². Если первое письмо четко указывает на адресата – всех старых разрядных подьячих, ведающих городами, то второе распоряжение безадресно, а, значит, было направлено непосредственно в какой-то из столов Разряда, в данном случае в Новгородский. Возможно, это было задание только для Новгородского стола, однако, скорее всего, такие короткие письма-указы были отправлены и в другие столы Разряда. Выписки, сделанной по этому указу дьяка, в архивных делах не сохранилось, но под текстом дьячьего письма, в строку, И. Олсуфьев записал: “О семъ о всемъ ведомость у боярского и у жилецкого списковъ”⁷²³. Очевидно, сделанная выписка была направлена в первое и второе повытья Московского стола, готовившие материалы к смотру служилых людей московских чинов, который состоялся 2 апреля.

В конце февраля 185 г. Разряду верховной властью было поручено “в приказах, которые писаны под сим его государевым указом, взять росписи, сколько в котором приказе колодников налицо и в каких делах и какие люди и скол давно сидят”. Под текстом значатся следующие приказы: Посольский, Малой России, Новгородский, Владимирская и Галицкая чети, Судные Владимирский и Московский, Поместный, Пушкарский, Новой чети, Ямской, Монастырский, Челобитенный, Казенный, Холопья суда, Конюшенный, Каменный – практически все московские приказы, кроме относящихся к дворцовому и патриаршему ведомствам, то есть общегосударственного характера. Документ предназначался для внутреннего пользования – он не содержал присущих памятям элементов формуляра и был адресован кому-то из служащих Разряда его руководством. Как известно, судебная деятельность Разряда была сосредоточена в его Приказном столе, в нем же составляли и хранили списки опальных, ссыльных, тюремных сидельцев по городам, ведомым в Разряде, и в самом Разряде, ведались тюрьмы, снабжение колодников, тюремные сторожа, причем, по-видимому, не только разрядные, но и всех московских приказов. По содержанию поручения можно предположить, что в Разряде оно было выполнено именно в Приказном столе. В соответствии с приказной традицией, об исполнении поручения было доложено предельно лаконично: под списком приказов почерком, отличным от почерка основного текста отмечено: “собрано и поднесено”⁷²⁴. К сожалению, атрибутировать почерки не удалось.

Формирование приказных штатов

Подьячих московских приказов, как уже отмечалось, нельзя полностью причислить к сословию служилых людей по отечеству, в каком-то отношении они (особенно категория молодых подьячих) были близки и к служилым людям по прибору (например, не наследовали свою сословную и чиновную принадлежность, фактически были исключены из отношений местничества). Их подведомственность Разрядному приказу, возможно, объясняется и тем, что изначально Разрядный приказ был государевой и думской канцелярией (и оставался таковой), а потому служащие разросшейся системы приказов сохранили свою подначальность этому учреждению. Приказные подьячие представляли собой специфическую категорию служилого сословия, поэтому рассмотрим административную деятельность Разрядного приказа в отношении них особо.

Каждый приказ, в том числе и Разряд, самостоятельно формировал собственный штат подьячих и вспомогательных служащих. Штат подьячих в каждом приказе не был законодательно строго ограничен. Приказу была положена только определенная общая сумма на оклады подьячим, которая, очевидно, по согласованию с верховной властью, устанавливалась Разрядным приказом. Надо сказать, что эти суммы (так называемое “указное число”) оставались неизменными в течение довольно долгого времени. Так, в 185 г. действовали “тарифы” четвертьвековой давности. В памяти из приказа Большой казны в Разряд упомянуто, что “по памяти из Розряду прошлого 148-го году его государева жалованья приказу Большие казны всем подьячим денежнои оклад учиненъ двесте рублей”⁷²⁵.

По-видимому, столь же долго существовали и традиционные размеры окладов для каждой статьи, которые, впрочем, несколько различались для разных приказов. В 185 г. старые подьячие приказа княжества Смоленского имели оклады от 30 до 16 р., средней статьи от 16 до 5 р., молодые от 4 до 2 р.⁷²⁶; в приказе Холопья суда старые подьячие имели оклады от 30 до 10 р., молодые от 11 до 1 р. (подьячих “средней руки” в росписи на указано), приставы – от 10 до 2 р., сторожа по 7р.⁷²⁷; в Хлебном приказе старые подьячие имели оклады 25 и 13 р., средней статьи от 10 до 6 р., молодые – от 5 до 1 р., приставы по 7 р., сторожа по 5р.⁷²⁸ В росписи приказа Каменных дел подьячие не были разделены на статьи, их оклады, от старых до молодых, составляли 40, 20, 10 и 8 р., у сторожей 10 р.⁷²⁹ Большие оклады были у подьячих приказа Малой России: у старых от 50 до 27 р., средней статьи – от 25 до 16 р., у молодых – от 13 до 4 р.⁷³⁰ В Оружейной палате было двое подьячих, их статьи в росписи не указаны; оклады подьячих составляли 30 и 15 р., зато в этом приказе, в отличие от всех других, были разделены на

категории сторожа. Первая категория называлась просто “сторожи”, из которых один, очевидно, главный, имел оклад 7 р., остальные пятеро по 5 р.; сторожа “набережных хором” получали по 4 р. в год⁷³¹. Старые подьячие приказа Казанского дворца имели оклады от 31 до 10 р., средней статьи – от 15 до 6 р., молодые – от 12 до 2 р., приставы – по 10 р. и сторожа по 6 р.⁷³² Подьячие приказа Большого дворца получали в год: старые – от 22 до 17 р., средней статьи и молодые, объединенные в одну группу – от 15 до 1 р.; отдельно был записан подьячий “у плотничных дел” с окладом 20 р.⁷³³ В Житном дворце, подчиненном, как и другие “дворцы”, приказу Большого дворца, выделены только две статьи подьячих: старые, с окладами в 25 и 20 р., и средней статьи, с окладами по 8 р.⁷³⁴ Подьячие всех остальных “дворцов” записаны без деления на статьи. Сторожа приказа Большого дворца имели оклады 6 р., сторожа Житного дворца – по 3 р.⁷³⁵ Во Владимирском Судном приказе старые подьячие получали в год от 28 до 16 р., средней статьи – от 10 до 6 р., молодые – от 5 до 2 р. с полтиной, приставы по 10 р., за исключением одного, чей оклад был 6 р., и сторожа по 7 р.⁷³⁶ Большая часть молодых подьячих в приказах была не верстана денежным окладом.

Имея фиксированную сумму на выплату денежных окладов подьячим, руководители приказов могли принимать на службу ограниченное лишь размерами помещения число молодых подьячих, работавших без денежного оклада. Подьячие, ранее служившие в других приказах, особенно старые, обычно получали на новом месте свой прежний денежный оклад.

Интересно, что, по всей видимости, старые подьячие играли в формировании подьяческого штата приказов не последнюю роль. Известно, что приказы не справлялись с валом канцелярской работы, и им постоянно требовалась дополнительная рабочая сила. Лучше всего о таких нуждах знали, естественно, старые подьячие, руководители повытий. Чтобы справиться с возложенной на них работой, они, очевидно, своей волей, не ставя в известность руководство приказа, принимали под свое начало молодых неверстанных подьячих, уволенных из приказа, причем не просто давали им работу, но и, пользуясь служебным положением – связями с руководителем повытья, ведавшего подьяческие списки, – заносили молодых подьячих в эти списки, то есть оформляли их официально, но без оклада. “Фонд заработной платы” приказа, таким образом, оставался неприкосновенным, приказ не страдал финансово, а у старых подьячих появлялись помощники, уже имеющие опыт работы в приказе. Трудно сказать, нарушался ли таким образом порядок зачисления подьячих в приказ. Скорее всего, да, потому что по другим документам ясно, что такой прерогативой приема подьячих на службу пользовался только руководитель приказа.

Ф.Л. Шакловитому, курировавшему в Разряде штат подьячих, пришлось даже издать, если так можно выразиться, распоряжение по ведомству, в котором он ограничивал старых разрядных подьячих в их “рекрутинговой” деятельности. Очевидно, по его устному распоряжению был составлен список: “Подьячие, денежными оклады не верстаны, кроме отставных”⁷³⁷, включавший 28 имен всех значившихся на тот момент в Разряде неверстанных подьячих. Эти же имена в том же порядке внесены в список подьячих Разрядного приказа 185 г.⁷³⁸ Следует отметить, что общий

список подьячих Разряда был составлен позднее списка неверстанных по подьячих, в него уже не включены М. Мальцев и П. Аушев, против имен которых в списке неверстанных Ф.Л. Шакловитым отмечено, соответственно, “отставлен” и “то ж”. Возможно, именно их нелегальное возвращение в приказ послужило поводом к указу Ф.Л. Шакловитого.

Тщательно изучив список, Ф.Л. Шакловитый внес в него поправки. Кроме того, что он отметил отставленных подьячих, Ф.Л. Шакловитый вписал двух новых – И. Сергеева на пятое место и Т. Патрекеева на двадцать третье, а также вычеркнул, но затем восстановил предпоследнего в списке К. Волошенинова, приписав “чисто, быт”. После приведения списка в надлежащий вид разрядный дьяк записал на его полях свое распоряжение, по всей видимости, руководителю по вытъя, ведавшего подьяческими списками приказа: “185-го генваря въ 15 день быть по *сеи* росписи подьячим, а сверхъ *сеи* росписи никому старым подьячим у себя никоу ис прежних подьячих, которые отставлены, и внов не принимают и в списки их не писать и писем никаких писат и мест им не дават, и с *сеи* росписи росписат молодых старым подьячим, кому у ково сидет, и поднестъ без мотчанья, а лишних бы сверхъ росписи ни у ково не было”.

Списку с пометой, хотя и имеющему вид документа внутреннего, текущего делопроизводства, скрепой Ф.Л. Шакловитого по сствам “Диакъ Федор Шакловитой” придан статус официального ведомственного подзаконного акта, обязательного к исполнению служащими Разряда. Возможно, закрепление молодых неверстанных подьячих за старыми было обычной приказной практикой, но, может быть, это было и нововведением Ф.Л. Шакловитого. Приведенный документ свидетельствует также о том, что Ф.Л. Шакловитый имел полномочия самостоятельно, без согласования с В.Г. Семеновым, решать серьезные вопросы внутрприказной кадровой политики.

По всей видимости, подьячие сначала устно договаривались в приказе о приеме на службу и после положительного ответа подавали челобитную с просьбой “быть в подьячих”. Отчасти на это указывает то, что во многих челобитных подьячих о приеме на службу в Разрядный приказ был уже назван стол, в котором хотелось бы служить просителю, и категория, или статья (старый, “средней руки”, молодой). Еще одним косвенным указанием на предварительную договоренность является то, что эти челобитные содержали лишь краткое изложение просьбы работать в приказе: подьячий А. Мартьянов просил быть в Разряде в Московском столе в подьячих⁷³⁹, подьячий П. Глинский также пишет, что желает быть в Разряде в Московском столе “в молодых подьячишках”⁷⁴⁰. Гораздо реже подьячие в своих челобитных представляли основания для просьбы. Так, К. Парамонов написал, что он “сидел” в Новгородском приказе, “а ныне, государь, в Новгородскомъ приказе подьячихъ умножилось”, почему он просит разрешить ему быть в подьячих в Разряде⁷⁴¹.

Приемом на работу в Разряд новых служащих занималось, судя по всему, все руководство Разряда (в имеющихся документах нет помет только Л.А. Домнина, но документы столь малочисленны, что делать вывод о его неучастии в этом деле нельзя). Возможно, большая, чем у других дьяков,

роль в этом деле принадлежала руководителю Разряда В.Г. Семенову. В пометах дьяков о приеме подъячих в приказ особенно отчетливо видно, что формулировка “по указу великого государя” была лишь устоявшимся оборотом, и дело решалось самими руководителями Разряда. В одних случаях пометы содержат этот оборот: “185-го марта въ 21 день по указу великого государя велеть ему быти в томъ столе в подъячихъ”⁷⁴²; “185-го марта въ 31 день государь пожаловал велел ему быт в Розряде в подъячих в Московском столе”⁷⁴³. На других челобитных разрядные дьяки записывали распоряжение о приеме нового подъячего на работу без ссылок на указ государя: “185-го марта въ 22 день велет быть”⁷⁴⁴; “185-го августа въ 11 день велети взят”⁷⁴⁵. Можно подумать, что последние две пометы должны принадлежать перу начальника Разряда, поскольку звучат весьма уверенно и повелительно. Вторая помета действительно принадлежит В.Г. Семенову, однако первая – Ф.Л. Шакловитому.

Указание на стол приказа в пометах разрядных дьяков на документах является, как уже отмечалось, весьма редким – на входящих документах никогда не указывался стол, в который они должны были быть направлены. То, что в пометах на челобитных будущее место работы подъячего было определено столь точно и письменно закреплено, а также то, что решение о месте работы подъячего определялось на высшем приказном уровне и там же фиксировалось, указывает на важность этого момента для приказной структуры и административной практики.

Поверстание поместным окладом

Все прочие дела, касавшиеся подъячих московских приказов, связанные с их службой, верстанием поместными окладами, переменами в службе и в окладах, определением подъячих к делам по наряду из какого-либо приказа и т.д. решались только в Разрядном приказе.

Как уже говорилось, инициатива в повышении материального положения служилого человека всегда шла снизу, от самого заинтересованного лица, а не в виде награды или поощрения начальства за отличную службу. В полной мере это относится и к приказным подъячим.

Если денежные оклады назначались руководством того приказа, где служил подъячий, то, желая быть поверстанным поместным окладом или увеличить имеющийся оклад, подъячие всех приказов подавали челобитную на имя государя в Разрядный приказ. В данном случае, как и во многих других, обращение к царю в челобитной и фразы “государь пожаловал” или “по указу великого государя” в резолюции по ней были формальностью,

свидетельствовавшей о том, что жизнь подданных во всех отношениях подвластна государю. Фактически же решение по таким прошениям принимало руководство Разряда.

Подьячие могли подать челобитные о пожаловании поместным окладом не в определенный срок, например, в начале или в конце года, а в течение всего года. Эти челобитные всегда содержали основания для претензии, которые состояли прежде всего в выслуге лет. Обычно подьячий точно называл срок своей работы, указывая, сколько лет или с какого года он работает вообще или в данном приказе: работает со 170 г. (т.е. 15 лет)⁷⁴⁶, со 176 г. (9 лет)⁷⁴⁷, со 164 г. (21 год)⁷⁴⁸, со 167 г. (18 лет) в Хлебном приказе⁷⁴⁹, со 175 г. (10 лет) в Поместном приказе⁷⁵⁰, “сидит” в Сибирском приказе 35 лет⁷⁵¹, работает в приказе Большого дворца 15 лет⁷⁵², работает в Земском приказе 40 лет⁷⁵³. Но нередко подьячие просто сообщали, что “работали в разных приказах многие годы”⁷⁵⁴, “работаю в приказе (Судном дворцовом. – *О.Н.*) многие годы”⁷⁵⁵.

Если было возможно, подьячий приводил в челобитной сведения и о других своих, не приказных, службах. Самым главным “козырем” была полковая служба в разрядных шатрах – она была ближе всего к военной службе, самой престижной и уважаемой на государственном поприще. Подьячий Сибирского приказа М. Второво, чей служебный стаж и так был весьма велик – 35 лет, не считает лишним прибавить, что он был “в черкасском походе” с боярином кн. А.Н. Трубецким под Конотопом, затем “в Нежине и Пересловле”⁷⁵⁶. Подьячий Земского приказа К. Карпов, чья выслуга была еще больше – 40 лет, пишет, что он был в польских и черкасских городах в полках и посылках⁷⁵⁷.

За полковой службой по значимости шло участие в дипломатических миссиях, о чем также не забывают упомянуть челобитчики: подьячий приказа Сбора стрелецкого хлеба Г. Долгово сообщил, что был “посылан в Царев город дважды, в Польшу дважды”⁷⁵⁸; подьячий Поместного приказа Е. Протопопов в 182 г. был послан “к цесарю Римскому с посланници с столникомъ с Петромъ Потемкинымъ да з дьякомъ съ Яковомъ Черцовымъ”⁷⁵⁹.

Затем следовали исполнение правительственных поручений в провинции и сопровождение государя в его ближних и дальних “походах” (поездках в села и монастыри): подьячий “Хлебного дворца” З. Злобин работал не так долго, 15 лет, но “во многих” зимних и летних походах за государями Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем “езде был”⁷⁶⁰; подьячие Владимирской чети А. Городецкий и С. Никитин, работая “многие годы”, “на службах и во многих посылках бывали”⁷⁶¹. Подьячий Иноземского приказа И. Бурлаков, подавая челобитную о поверстании поместным окладом, указал только, что “работает” со 164 г. и загадочно добавляет: “в Розряде ведом”⁷⁶². Наименее “ценной” была безотлучная работа в приказе, но зато здесь мог помочь стаж. И совсем отсутствуют в челобитных подьячих ссылки на родство, на чины родителей и более дальних родственников, даже если челобитчик происходил из служилых по отчеству.

Обязательным элементом челобитной было указание денежного оклада просителя. В подавляющем большинстве случаев с просьбой о поверста-

нии поместным окладом в Разряд обращались подьячие старые или средней статьи, с окладами в 50⁷⁶³, 40⁷⁶⁴, 30⁷⁶⁵ 25⁷⁶⁶, 21⁷⁶⁷ 20⁷⁶⁸, 15⁷⁶⁹, 10⁷⁷⁰, 9 с полтиной⁷⁷¹, 7⁷⁷² рублей в год. Три или даже четыре последних оклада могут быть отнесены, как было показано выше, и к молодым подьячим, но на практике пожалование поместным окладом молодых подьячих почти не встречается.

Решение о пожаловании подьячего поместным окладом принималось в самом Разряде, без обращения к высшей власти. Челобитные приказных подьячих о поверстании поместным окладом рассматривались в приказе всеми дьяками, но реже всего Л.А. Домниным. В резолюциях по этим делам выявляется интересная особенность – если разрядные дьяки выносили постановление о пожаловании поместным окладом только после выписки⁷⁷³, то начальнику приказа для принятия такого решения не требовались никакие, по крайней мере, письменные сведения о просителе. Распоряжений о выписке В.Г. Семенов не делал, решение о поверстании поместным окладом он сразу записывал на обороте челобитной⁷⁷⁴. Возможно, он довольствовался личной беседой с челобитчиком. Такое разделение полномочий не зависело ни от категории подьячего, обратившегося в Разряд с челобитьем, ни от приказа, где он работал. И приказные разрядные дьяки, и руководитель Разряда рассматривали челобитные подьячих с разными окладами, из разных приказов – и “общегосударственных”, и дворцовых. Так, В.Г. Семенов принял решение о пожаловании поместным окладом подьячих приказов – Сбора стрелецкого хлеба с денежным окладом 25 р.⁷⁷⁵, Большого дворца с окладом 10 р.⁷⁷⁶, Земского с окладом 40 р.⁷⁷⁷, Поместного с окладом 7 р.⁷⁷⁸, Иноземского с окладом 25 р.⁷⁷⁹, Холопья суда с окладом 9 р. с полтиной⁷⁸⁰. Приказные дьяки рассматривали челобитные подьячих из приказов Хлебного дворца⁷⁸¹, Сбора стрелецкого хлеба⁷⁸², Владимирской чети⁷⁸³, Поместного⁷⁸⁴, Сибирского⁷⁸⁵, Серебряной палаты⁷⁸⁶, Судного дворцового⁷⁸⁷.

В числе челобитных, которые принял к рассмотрению начальник Разряда, была челобитная старого разрядного же подьячего И. Максимова. Она оказалась у В.Г. Семенова не только потому, что именно начальник Разряда принимал решения о поверстании поместным окладом своих подчиненных, но и потому, что ее содержание несколько отличалось от прочих подобных челобитных. И. Максимов в начале 185 г. был вторым в списке разрядных подьячих, а, следовательно, по устоявшейся в Разряде практике работал в первом повытье Московского стола, и в его ведении находились полковые дела Белгородского полка и списки служилых людей замосковских городов. Но, очевидно, после пожалования первого подьячего И. Ляпунова в дьяки весной 1677 г., И. Максимов занял его место. Первый подьячий в Разряде традиционно возглавлял первое повытье главного Московского стола и руководил составлением самого ответственного и престижного документа – боярского списка. В связи с новым местом подьячего в приказной иерархии менялись его материальное положение и статус: он получал денежный оклад своего предшественника и мог претендовать на более крупный поместный оклад. В челобитной И. Максимова как раз и сообщалось об этих переменах: “В прошлом, государь, во 179-м году, какъ сидеть я, хо-

лоп твои, у белгородских полковых дел и у городов и мне, холопу твоему, учинено твоего государева жалованья помесною оклад триста пятьдесят чети, а в то, государь, время твоего государева жалованя денежною оклад мне былъ дватцатъ пять рублевъ. А ныне тебе, великому государю, работаю я, холопъ твои, у боярского списка и твоего великого государя жалованя денежною оклад мне, холопу твоему, сорокъ рублевъ, а помеснымъ окладом не переверстанъ”. Как человек весьма сведущий в приказных делах и обычаях, И. Максимов сам предоставил сведения для принятия решения, как бы включая часть выписки в челобитную: “А прежнимъ, государь, боярского списка подъячимъ вашего государева жалованья помесные оклады были по четыреста и по пятисотъ чети человеку”. В.Г. Семенов постановил пожаловать своего сотрудника меньшим из указанных окладов – 400 четей⁷⁸⁸.

Исключением из общего ряда является решение Ф.Л. Шаковитого, принятое без выписки, по челобитной подъячего Серебряной палаты Н. Шишкина о поверстании поместным окладом вновь. Возможно, в данном случае решение не имело альтернатив, поскольку Н. Шишкин имел денежный оклад 50 р., один из наибольших для приказных подъячих. Поэтому, во-первых, подъячий с таким денежным окладом, не верстаный поместным, не мог получить отказ, а, во-вторых, такому денежному окладу соответствовал единственно возможный максимальный новичный поместный оклад в 400 четей, что и было ему пожаловано⁷⁸⁹.

Методика составления выписок отражала основной принцип принятия административных решений в России XVII в. – по прецеденту. Из соответствующих разрядных документов выписывали имена подъячих, которые соответствовали челобитчику по положению в служебной иерархии и по поместному и денежному окладам, причем в качестве “образцов” приводились подьячие не только того приказа, в котором служил челобитчик, но и других московских приказов. Примеры брались кроме того в соответствии с конкретными претензиями челобитчика – желал ли он прибавки к окладу, то есть был в числе верстаных подъячих, или просил поверстать его окладом вновь. Таким образом, выписки, во-первых, содержали своего рода “подсказки” руководству приказа (дьяк мог соотнести денежный оклад челобитчика с поместными окладами, возможными для данной категории подъячих, и вынести свое решение) и, во-вторых, подтверждали данные челобитной.

Так, на челобитной разрядного подъячего А.С. Жеребцова с просьбой “за приказную мою работенку” поверстать поместным окладом Л.А. Домнин пометил: “185-го октября въ 11 день выписать”⁷⁹⁰. По этому указанию была подготовлена справка на основании прошлогоднего подъяческого списка – выписаны подьячие со вновь “учиненными” поместными окладами, чьи денежные оклады примерно соответствовали окладу А. Жеребцова – 13-ти рублям. В первую очередь были выписаны разрядные подьячие с поместным окладом в 300 четей и денежными окладами по 14, 16, 10 и 9 рублей. Чтобы соблюсти точность и справедливость, против первых двух подъячих на поле было приписано, что получили они эти оклады в 165/1666-67 и 166/1667-68 гг., то есть уже довольно давно. Затем по такой же схеме были выписаны имена подъячих из приказов Казанского, Иноземского, Поместного и Ямского. Ниже опять были приведены примеры разрядных по-

дьячих, имевших поместный оклад уже в 250 четьей с денежными окладами 8 и 7 р. (возможно, они были ближе челобитчику по срокам службы в приказе)⁷⁹¹. Выписка была представлена руководству Разряда 20 октября и на ней записано решение, принятое Ф.Л. Шакловитым: “учинить ему его государева жалованья поместной оклад вновь триста чети”. Но, по-видимому, это был несколько завышенный поместный оклад для денежного в 13 р. (возможно, как и у других разрядных подьячих). Так, например, сразу без выписки, а, значит, и без сомнений, был пожалован поместным окладом также в 300 четьей подьячий приказа Холопья суда с денежным окладом 21 р.⁷⁹² Поэтому, чтобы на прецедент А.С. Жеребцова не могли ссылаться в будущем другие просители, Ф.Л. Шакловитый приписал: “а иных приказов подьячим ево и иных розрядных например не выписывать”⁷⁹³.

Возможно, некоторая неординарность этого пожалования вызвала особое внимание к ней Поместного приказа. В соответствии с общепринятыми порядками, служилые люди, в том числе подьячие, получившие поместный оклад, видимо, должны были сами заботиться о внесении новых данных в реестры Поместного приказа. Однако в данном случае запрос о величине оклада, которым был поверстан А.С. Жеребцов, и весьма экстренный, пришел в Разряд из самого “земельного” ведомства. Память была принята Л.А. Домниным, его резолюция, естественно, гласила “отписать”. По приказному делопроизводственному обычаю, тут же, на входящем документе разрядным подьячим была сделана пометка об исполнении дела, указаны ответственный за это сотрудник Разряда и краткая информация о деле: “По сей памяти память отпущена за приписью дьяка Петра Ковелина, а окладу триста чети”⁷⁹⁴.

Любопытна скорая осведомленность Поместного приказа о переменах в материальном положении разрядного подьячего. Распоряжение о составлении выписки по челобитной А.С. Жеребцова было отдано Л.А. Домниным 11 октября, решение по ней было принято Ф.Л. Шакловитым 20 октября, а запрос о новом окладе подьячего поступил из Поместного приказа уже 15 октября, за пять дней до официального оформления решения в Разряде.

Для большинства выписок 185 г. данные были взяты из подьяческого списка того же года, но по одной из челобитных (подьячего Хлебного двorca З. Злобина) выписка сделана из списка предыдущего 184 г.⁷⁹⁵, что объяснялось временем, когда была подготовлена выписка. Это была середина февраля, а приказы подавали в Разряд списки своих служащих именно до конца первого полугодия (см. ниже), следовательно, новый список текущего года не мог быть составлен раньше, и в Разряде для составления выписок должны были до этого времени обращаться к списку предыдущего года. Данные выписки из подьяческого списка и данные челобитной об окладе подьячего разошлись: подьячий объявил размер своего денежного оклада в 20 р., а в списке значилось, что оклад равен 13 р. Поэтому для проверки Разряд обратился в приказ, где служил подьячий, с запросом. По справке с приказом Большого дворца (которому подчинялся Хлебный дворец), в его окладной книге текущего 185 г. оклад З. Злобина составлял действительно 20 р. В справке было также представлено основание для пожалования подьячего именно этим денежным окладом: “и написан он в том приказе пер-

вымы подъячим подячего на Гаврилово место Зверева”⁷⁹⁶. Это же обстоятельство было специально указано (чего обычно не делалась) в решении Л.А. Домнина по челобитной: “... учинит ему его государева жалованья помесной оклад вновь триста чети, для того что ему⁷⁹⁷ Захарью велено быт на Хлебном дворце на Гаврилово место Зверева, а Гаврилу помесной оклад был триста ж чети”⁷⁹⁸. Вероятно, это уточнение было сделано во избежание недоразумений, поскольку в Разряде был отмечен резкий скачок в денежном окладе подячего (с 13 до 20 р.), и новичный поместный оклад в 300 четей не соответствовал прежнему денежному окладу, а, возможно, и выслуге (15 лет). Но в данном случае соотношение поместного и денежного окладов вступило в противоречие с соотношением поместного оклада и места в иерархии приказных подячих – первому подячему Хлебного дворца по традиции или по указу полагался поместный оклад в 300 четей. Последнее обстоятельство, очевидно, оказалось более значимым.

Еще более обширную переписку вызвала челобитная подячего Поместного приказа Е. Протопопова. В ней пересеклись компетенции трех приказов – Поместного, основного места службы подячего, Посольского, по чьему запросу подячий участвовал в дипломатической миссии, и Разрядного, в чьем генеральном ведении находились все приказные подячие. Некоторое замешательство возникло в связи с тем, что за участие в 182/1673-74 гг. в посольстве П.И. Потемкина к римскому императору именно Посольский приказ вознаградил Е. Протопопова пожалованием денежного оклада в 10 р., после чего подячий счел возможным претендовать и на поместный оклад, с чем и обратился в Разряд. Но, по всей видимости, ни Поместный приказ, ни Посольский не удосужились довести до сведения Разряда информацию о получении подячим нового оклада. Вероятно, предвидя затруднения, знающий приказную практику Е. Протопопов в своей челобитной просит послать из Разряда в Посольский приказ память и, в соответствии с полученной там информацией, поверстать его поместным окладом, каковое распоряжение и отдал П.И. Ковелин вместе с обычным указанием подготовить разрядную выписку⁷⁹⁹. По данным подяческого списка 185 г. выяснилось, что подячий Поместного приказа Епифан Протопопов написан в неверстанных и в Разряде денежный оклад его “неведом”⁸⁰⁰. Переписку с Посольским приказом взял на себя Л.А. Домнин. За его приписью в приказ была направлена память-запрос, он же принял ответ на этот запрос, распорядившись внести соответствующие исправления в разрядные документы: “Взять к отпуску и в списке тот ево оклад справить”⁸⁰¹. После включения данных из памяти Посольского приказа в выписку, дело Е. Протопопова пошло обычным путем.

Как можно заметить по названиям документов, которыми обменивались Разряд и другие приказы в связи с поверстанием подячих поместным окладом, памяти приказы посылали друг другу тогда, когда требовалось разъяснить какое-либо недоразумение, проблему. В других случаях корреспонденция велась в форме “справок” – более неформальных, чем памяти, документов.

В некоторых случаях, как говорилось выше, Разрядный приказ сам обращался за справкой о величине денежного оклада подячего в другие приказы. Такая ситуация могла сложиться, когда подячий какого-либо прика-

*His Excellency Peter John Potemkin, Ambass^r. Extraordinary
 from the Czar of MOSCOVY, to his Majesty
 of Great Brittain: in the Year 1682
 Sold by R. White in Bloomsbury Market near St. Golden*

Стольник князь Пётр Иванович Потёмкин.

Гравюра Роберта Уайта с портрета Готтфрида Кнеллера. 1682 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten. Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. 1., 2006. Bd. II).

за обращался в Разряд с челобитной о поверстании поместным окладом, и указанный в ней денежный оклад вызывал сомнения у приказного руководства (например, случай с подъячим Хлебного двorca З. Злобиным). Эти запросы о денежных окладах приказных подъячих носили гораздо менее официальный характер, чем запросы о поместных окладах: в приказ из Разряда отправляли не память, а короткую записку. Такие документы были обычно написаны на небольшой части стандартного листа, формуляр их был лишен всех составляющих, характерных для памятей. Не назывались руководители ни приказа-адресата, ни Разряда, не объяснялись причины запроса, не делалась ссылка на распоряжения верховной власти или руководства Разряда, не указывался составитель документа. В записке были обозначены только дата запроса, запрашивающая организация (Разряд), имя подъячего, интересующего Разряд, приказ, где он служит, и излагалась суть запроса: “185-го марта въ 16 день отписат в Розряд, великие государыни царицы и великие княгини Наталии Кириловны Мастерские полаты подъячему Тимофею Невежину что денежнои оклад”⁸⁰² или “185-го апреля въ 2 день отписат в Розряд, Звенигородцких железных заводов подъячему Тихону Бишову что денежнои оклад”⁸⁰³.

На запросы следовали такие же краткие и неформальные, но абсолют-но исчерпывающие и основательные ответы, которые включали название приказа-отправителя, имя подъячего, его оклад, ссылку на документ, из которого взяты сведения, и иногда имя составителя справки: “В приказе Царицыны мастерские полаты в окладной книге нынешняго 185-го году написано: подъячему Тимофею Невежину денежнои оклад дватцать пять рублей”⁸⁰⁴; “В приказе Большого двorca в расходной книге нынешняго 185-го году написано: государева жалованя железных заводов подъячему Тихону Бишеву оклад денег дватцат рублей. Писал Петрушка Звездин”⁸⁰⁵. Ответ на запрос, в соответствии с принципами приказной делопроизводственной “экономии”, писали здесь же, на входящем документе. Очевидно, записки с запросами и ответами на них отправлялись с разрядными подъячими, имена которых, в отличие от памятей, также не указывали. Скорее всего, посланный в приказ разрядный курьер сразу приносил и ответ.

Подчеркнутая неформальность таких запросов, в том числе отсутствие скреп или подписей на запросе и часто – на ответе, отражает и неформальный характер решения приказами текущих вопросов управления. В приказах не возникало сомнений в праве Разряда запрашивать сведения об окладах подъячих и не требовалось предъявления оснований для этих запросов, поскольку, естественно, была известна сфера его компетенции. Очевидно, что главным в этой переписке была быстрая передача информации. Вопросов о неисполнении требования Разряда и ответственности за это неисполнение не возникало – отсюда и отсутствие личных обращений и подписей.

После извлечений из разрядных и, в некоторых случаях, документов других приказов, как обычно, в выписке кратко излагалось содержание челобитной и повторялась просьба, по всей видимости, для того, чтобы в случае утери челобитной можно было ее восстановить. Кроме того, все необходимые сведения для принятия решения были для удобства дьяка собраны в одном документе.

Выписки для решения дел о пожаловании поместным окладом подьячих составлялись практически всегда под контролем дьяков Ф.Л. Шакловича⁸⁰⁶ и П.И. Ковелина⁸⁰⁷. Следует отметить, что решение по челобитной чаще всего принимал тот же дьяк, к которому поступала челобитная и который распоряжался сделать выписку (в том числе, по описанному выше делу подьячего Е. Протопопова решение принял П.И. Ковелин⁸⁰⁸).

В Московском столе выписки по челобитным подьячих о поверстании поместными окладами готовили несколько человек. Очевидно, наиболее простые, “ типовые ” выписки, которые включали только данные из подьяческого списка, изложение челобитной и примеры поместных окладов разных подьячих, поручалось готовить подьячим “ средней руки ”. Они сами составляли и писали документы и несли ответственность за верность сведений, указывая на обороте свое имя и выполненную работу: “ Выписывал Васка Фефилатьев ”⁸⁰⁹. Более сложные выписки, куда входили и экстракты из памяти других приказов, вероятно, поручали готовить несколько более опытным подьячим, которые также указывали свое имя на обороте выписки. Таким подьячим был Иван Пауков (Поуков)⁸¹⁰. Его оклад, как и оклад В. Фефилатьева, составлял 10 р., но в списке подьячих Разряда он был записан на четыре места выше В. Фефилатьева, что по приказной традиции безусловно означало более высокое положение в подьяческой иерархии. В тех случаях, когда подьячий не достиг того уровня, чтобы ему могли поручить самостоятельную подготовку выписки, или тогда, когда выписка была особенно сложной (как в случае с подьячим Е. Протопоповым), непосредственный составитель документа не указывался вообще, а выписку заверял своей подписью старый подьячий, руководивший ее подготовкой. В повытье Московского стола, ведающего подьяческими списками всех приказов, таких подьячих со справой было двое – Ф. Волков (оклад 16 р., 14 место в списке), заверивший большую часть выписок⁸¹¹, и А. Жеребцов (оклад 13 р., 17 место в списке)⁸¹².

Относительно сроков решения по челобитным подьячих о поверстании поместным окладом при составлении выписки трудно сказать что-либо определенное. Судя по имеющимся документам, время, необходимое для принятия решения, составляло от одного дня до трех с половиной месяцев и никак не зависело от сложности подготовительной части работы. Так, потребовавшие переписки дела Е. Протопопова (с Посольским приказом⁸¹³) и З. Злобина (с приказами Большого дворца и Хлебным⁸¹⁴) были решены, соответственно, за два с половиной месяца и за три недели. В то же время не вызвавшие дополнительных запросов дела подьячих решались: Ф. Макарьева – 1 день⁸¹⁵, А. Жеребцова – 10 дней⁸¹⁶, Т. Протопопова – две недели⁸¹⁷, М. Второво – три недели⁸¹⁸, К. Тихонова – один месяц⁸¹⁹, И. Григорьева – три месяца⁸²⁰, Г. Долгово – три с половиной месяца⁸²¹. Систему и логику при отсутствии дополнительной информации в этом разное сроков уловить сложно, можно только предположить, что там, где выписка составлялась быстро, дело “ двигал ” сам проситель.

Информация о личном составе московских приказов, как и о других категориях служилых людей, аккумулировалась Разрядом. И в этом случае Разрядный приказ проводил сбор данных и для ежегодных итоговых справок, и в течение года, по конкретным поводам. К числу первых относится составление ежегодной годовой сметы по московским приказам. Хотя каждый приказ выплачивал денежные оклады подьячим из собственных средств, общую годовую смету расходов на оплату работы подьячих всех московских приказов составлял Разряд, проверяя в то же время соответствие расходов на денежное жалование подьячим ранее установленным общим суммам окладов по приказам. Для этого в начале года – не ранее середины сентября – Разряд рассылал по приказам памяти с требованием выслать перечни старых, средней статьи и молодых подьячих, приставов и сторожей приказа с указанием их денежного и поместного окладов.

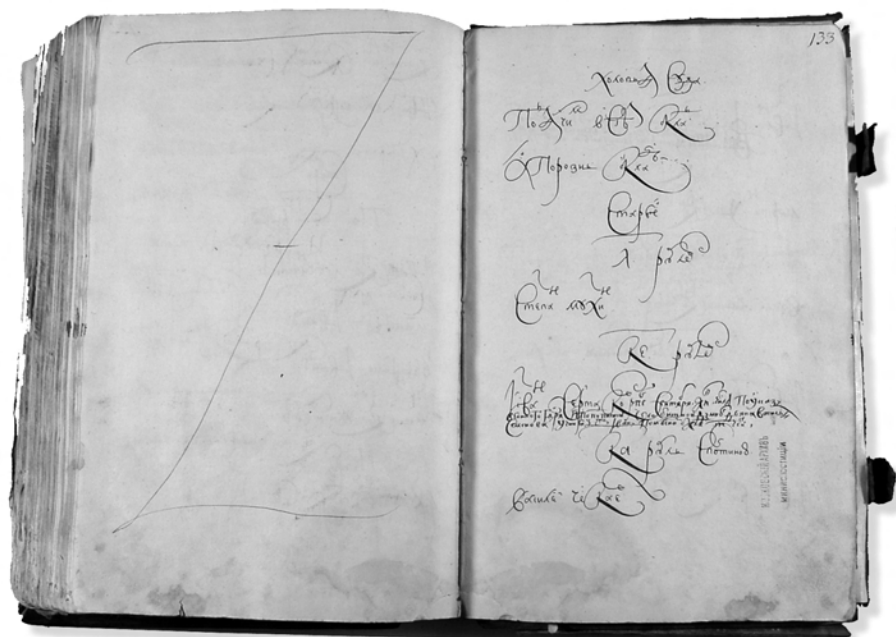
Как и в случае с подобными запросами о служилых людях, “приписанных” к ведомствам московских приказов, ответные памяти в Разряд поступали далеко не сразу, в течение всего первого полугодия. И так же, как

Печать Земского приказа. 1682 г.

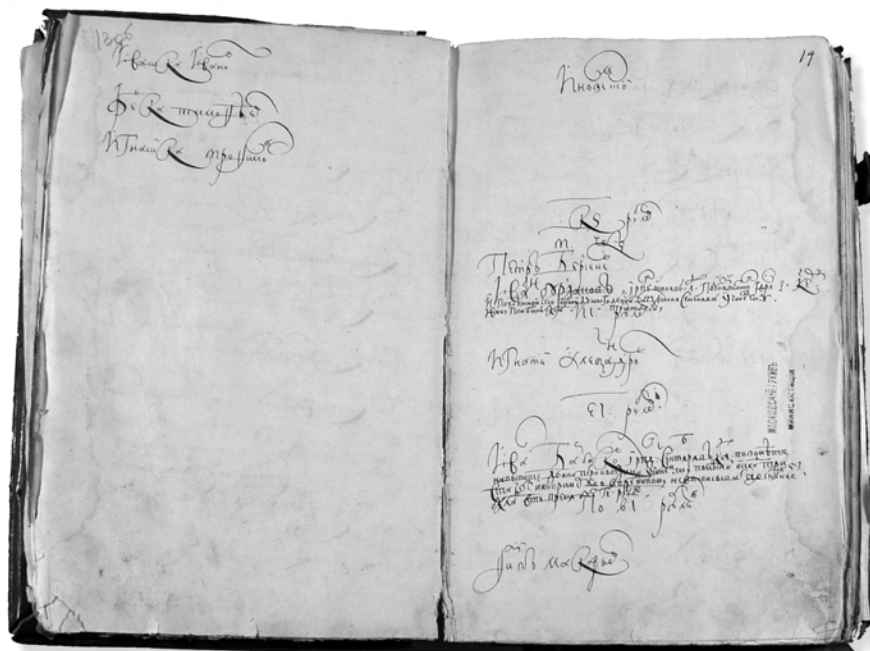
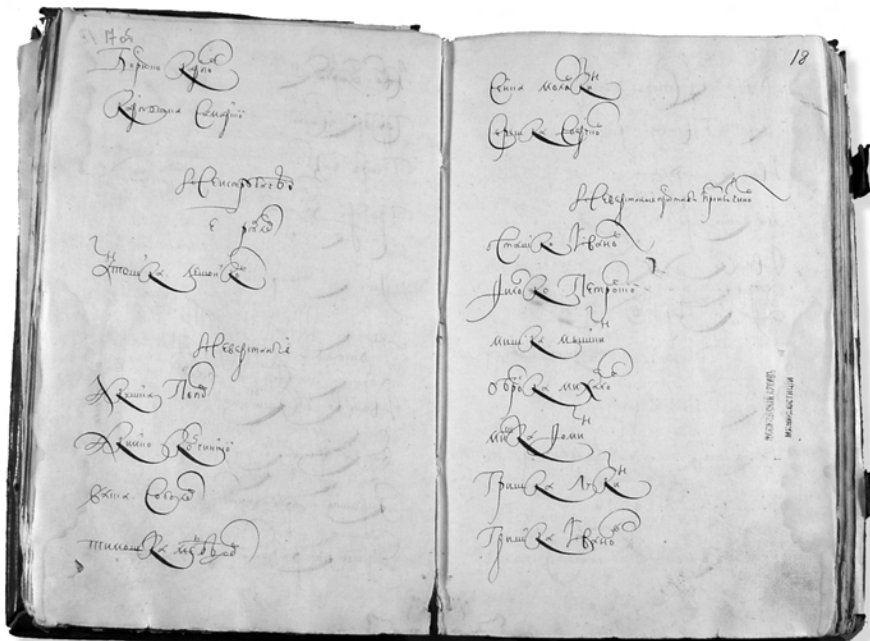
и в упомянутом случае, Разряд рассылал в приказы повторные запросы: памяти с требованием прислать росписи подьячих, приставов и сторожей, были направлены из Разряда 18⁸²², 25⁸²³ и 30⁸²⁴ сентября, 17 ноября⁸²⁵, 17 января⁸²⁶, 7 февраля⁸²⁷.

К сожалению, в архивном деле не сохранились черновики памятей, направленных из Разряда в приказы, а в ответных памятях далеко не всегда указана дата получения запроса, поэтому нарисовать точную картину проведения этого мероприятия а 185 г. сложно. Можно только сказать, что реакция приказов на требование Разряда была весьма разной и, очевидно, зависела от стиля работы приказного руководства. Так, ответ на запрос из Разряда, посланный в Земский приказ 18 сентября, пришел через четыре с небольшим месяца; ответ на запрос в Монастырский приказ от 25 сентября был получен в Разряде через девять дней, в приказ Большого дворца от 30 сентября – ровно через четыре месяца, в Казенный приказ – не больше, чем через две недели (в ответе время получения запроса отмечено только месяцем – сентябрем), во Владимирский Судный приказ от 17 ноября – через два месяца, в приказ Большого прихода от 17 января – через шесть дней, в приказ Казанского дворца от 7 февраля – через неделю. Все остальные росписи из пятнадцать приказов, которые имеются в архивных делах (что представляет лишь малую часть всех московских приказов) и в которых не указаны даты получения запроса из Разряда, были присланы в течение второй половины января и первой половины февраля⁸²⁸, за исключением рос-

Список подьячих, детей боярских, приставов и сторожей за 7185 г.

(РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 82).

Список подьячих, детей боярских, приставов и сторожей за 7185 г.

(РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 82).

писей из приказов Большой казны (послана 22 сентября)⁸²⁹ и Холопья суда (послана 30 ноября)⁸³⁰. В феврале закончилось первое полугодие, это был важный рубеж в приказной делопроизводственной практике, на него были ориентированы многие сводные документы и денежные расчеты приказа. Возможно, именно к этому сроку было необходимо завершить составление годовой росписи приказных подъячих, и Разряд настоятельно требовал предоставления сведений до конца полугодия. Косвенно об этом свидетельствует и тот факт, что с приближением февраля приказы реагировали на запросы Разряда заметно быстрее.

Все памяти из Разряда в приказы с требованием предоставить сведения о служащих приказов для составления годовой сметы были отправлены за приписью дьяка П.И. Ковелина – что не удивляет, так как в его компетенции находились наиболее важные дела всего приказа и Московского стола в частности. Кроме того, как было отмечено, чаще всего начало мероприятия Разряда, связанному с массовой рассылкой распоряжений приказа, давал П.И. Ковелин, а дальнейшее проведение этого распоряжения в жизнь, в частности, рассылку повторных памятей или грамот, контролировали второй и третий дьяки приказа – Ф.Л. Шакловитый и Л.А. Домнин.

Памяти с росписями, присланные из приказов, принимались к рассмотрению всеми дьяками Разряда, в том числе и думным, причем распределение получаемых памятей по руководителям Разряда никак не коррелировалось со статусом или характером приказов. Как и в других случаях, основная нагрузка падала на первого заместителя начальника приказа П.И. Ковелина⁸³¹, меньшее количество отчетов было принято Л.А. Домниным⁸³², еще меньше В.Г. Семеновым⁸³³ и Ф.Л. Шакловитым⁸³⁴ (это заключение, разумеется, является приблизительным, поскольку в архивном деле отсутствуют отчеты большей части московских приказов; однако и по имеющимся все же можно судить о соотношении участия дьяков в этой работе, тем более, что оно не противоречит наблюдениям по другим аспектам деятельности разрядных дьяков).

Обычной резолюцией дьяков на присланной памяти с росписью подъячих было распоряжение подчиненным направить присланные документы в архив, предварительно выписав из них данные в годовой подъяческий список: “к отпуску и написат в список”. Любопытно, что такую полную формулировку употребляли третий и четвертый дьяки Разряда (Ф.Л. Шакловитый и Л.А. Домнин⁸³⁵), П.И. Ковелин ограничивался лишь “половиной” пометы: “к отпуску”⁸³⁶ или, чаще, “написат в список”⁸³⁷.

В.Г. Семенов был более непостоянен в формулировке помет⁸³⁸, а один из отчетов – из Стрелецкого приказа и подчиненного ему приказа Сбора стрелецкого хлеба – получил его еще более развернутую резолюцию. По всей видимости, внимание начальника Разряда привлекли поместные оклады подъячих этого приказа, поскольку кроме обычных распоряжений “к отпуску и написать в список” В.Г. Семенов пометил на памяти: “А которм подьячим помесные оклады будут написаны по четыреста и по триста по пятидесяти чети, и о тех выписать и поднести тотчас”⁸³⁹. Приказные подьячие, да и то только старые, вообще не часто были пожалованы поместным окладом. В 185 г. обычно это были оклады, значительно меньшие

300 четей. Поместный оклад в 350 и тем более в 400 четей, видимо, считался слишком высоким для приказного служащего среднего звена, что и вызвало у начальника Разряда вопросы.

Отметим еще раз, что в пометах дьяков не были указаны название стола или имя подъячего-повытчика, к которому должен был отправиться для работы документ. По всей вероятности, дьяк лично передавал документы подъячему, ведавшему подъяческим списком. Так, на одной из памятей из приказа помечено: “подъяческою списокъ 185-го году”⁸⁴⁰.

Организация “посылок” подъячих

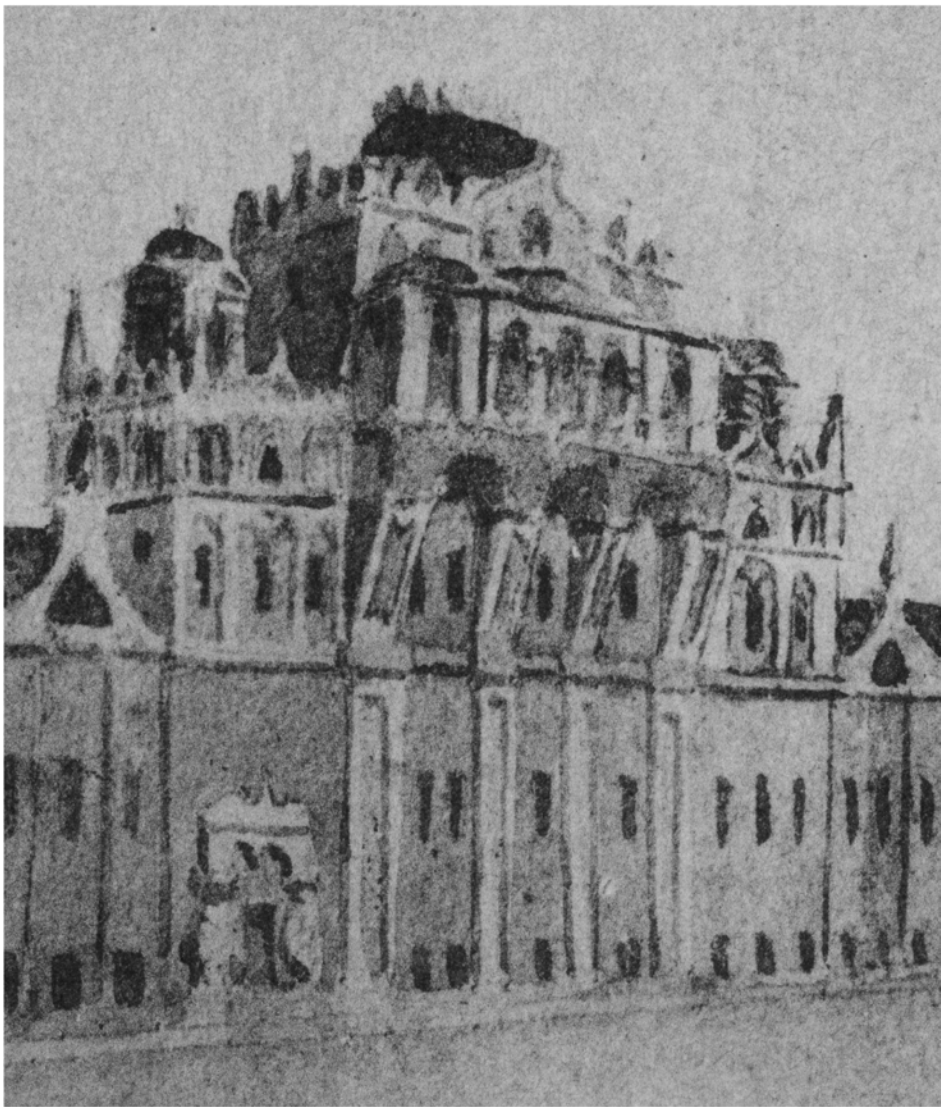

Разряд был “отделом кадров” для приказных подъячих и вспомогательных служащих не только в том отношении, что в нем была собрана вся информация о них. Сотрудники всех московских приказов были как бы “приписаны” к Разряду, без его ведома и разрешения им не могло быть поручено никакое дело другими приказами. Поэтому, если возникала такая необходимость, приказ обращался в Разряд с просьбой определить столичных чиновников соответствующей категории к требуемому делу.

Для командирования подъячего в свое распоряжение приказ посылал в Разряд память-запрос с указанием числа и категорий подъячих и кратким изложением того дела, для которого эти подъячие были потребны. Обычно это были ограниченные по времени мероприятия (в отличие от каждодневной текущей работы), которые организовывались приказом в соответствии с его функциями. По всей видимости, они не требовали специальной квалификации, которой обладали подъячие приказа—”заказчика” (хотя в целом все приказные подъячие были универсальными служащими). Поэтому для проведения такого мероприятия приказ через Разряд “нанимал” временных служащих, которые после исполнения дела возвращались к своим основным обязанностям.

В выездных “комиссиях” подъячие за редким исключением занимались своим обычным делом – вели документацию этих временных органов разного назначения.

Чаще других обращался в Разряд с подобными запросами Посольский приказ, причем в его памятях, опять же чаще, чем в памятях других приказов, указывалась и мера срочности. Так, Посольский приказ просил прислать подъячего “старого доброго” на “розмену”, которая должна была состояться на Дону, со стольником И.Ф. Волынским с товарищами, а “отпускъ с Москвы вскоре”⁸⁴¹. Через несколько месяцев Посольский приказ прислал такой же запрос о подъячем “добром” – “послати ево с велико-

Потешный дворец в Кремле.

(С открытки середины XIX в.)

го государя грамотами и с ыными делами, которые надлежат к договору и розмене крымского дела на Дон к столнику и воеводамъ к Ивану Волыньскому с товарищи”, видимо, на смену прежнему подьячему⁸⁴². Этот же приказ запрашивал Разряд о срочной присылке двух подьячих, старого и молодого, для отправки на литовский рубеж с межевым судьей стольником П. Потемкиным, “а отпуск межевым судьям с Москвы вскоре”⁸⁴³.

Не реже подьячие принимали участие в делах, связанных с учетом земельных ресурсов. Естественно, практически всегда с запросами о присыл-

Потешный дворец в Кремле.

(Фото 2006 г.)

ке подьячих для подобных дел обращался в Разряд Поместный приказ, но и другие приказы проводили подобные мероприятия. Например, Устюжская четь потребовала прислать из Разряда подьячих – одного старого и трех молодых, чтобы отправить их для писцового дела с дьяком П.И. Протопоповым в Соль Вычегодскую. Этот случай интересен тем, что в памяти из Устюжской чети в Разряд определена максимальная степень срочности: четь требовала прислать подьячих “без замотчанья”, поскольку “Петрь Протопоповъ с Москвы отпущен”⁸⁴⁴.

Стольник князь Пётр Иванович Потёмкин.

Гравюра Роберта Уайта с портрета Готтфрида Кнеллера. 1682 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten. Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. I., 2006. Bd. II).

Приказам, которые, как и Разряд, ведали “своими” городами в военном отношении, подьячие требовались для проведения разборов городских служилых людей. Так, приказ Казанского дворца просил Разряд организовать присылку подьячих из разных приказов для разбора в Казани и других понизовых городах. В памяти-запросе было определено число подьячих и их категории – 7 подьячих первой статьи и 7 подьячих последней статьи (т.е. моло-

дых), но всех “писцов добрых”. Дело требовало срочности, о чем специально упомянуто в памяти обычной формулировкой: “отпуск с Москвы вскоре”⁸⁴⁵.

Подьячие сверх штата были нужны приказам не только для выполнения, так сказать, разовых поручений в провинции, но и для ведения канцелярской работы “на постоянной основе”, например, в приказных, или съезжих избах подчиненных этим приказам городов. В памяти в Разряд Сибирский приказ уведомлял, что возглавлять енисейскую администрацию назначены боярин и воевода кн. И.П. Борятинский и дьяк В. Телицын, “а с ними для писма” необходимо выбрать подьячего и прислать его для “той посылки” в Сибирский приказ⁸⁴⁶.

Подьячие требовались приказам и для осуществления функций этих приказов в столице. И здесь постоянным “заказчиком” был Посольский приказ – он “делал заявки” на организацию встреч иностранных дипломатов, прибывавших в Москву. По обычаю для торжественной встречи на улицах города должны были стоять москвичи в нарядных одеждах и приветствовать проезжающую делегацию. В числе прочих чинов были и приказные подьячие. Возможно, они стояли не на улицах города, а в Кремле. Для одной из таких церемоний – встречи польского гонца Яна Карвовского 19 июня 185 г. – Посольский приказ потребовал собрать 50 подьячих. По указанию Посольского приказа Разряд должен был объявить подьячим, в какой форме одежды они были обязаны прибыть на встречу гонца – в цветном платье, конными, с оружием. Для контроля (“для ведома”) Посольский приказ просил предоставить ему именной список этих подьячих⁸⁴⁷. 6 ноября 185 г. тот же приказ отправил в Разряд запрос-требование о высылке в свое распоряжение 20 старых подьячих, которым надлежало быть с приставом за Тверскими воротами для встречи датского посланника. Разряд также должен был выслать в Посольский приказ список этих подьячих, причем “сего числа”⁸⁴⁸.

Еще одной обязанностью, которая была возложена на московских приказных подьячих и дьяков, было участие в крещении иноверцев. Приказные служащие призывались в восприемники к новокрещенам, ведомым в том или ином приказе. Как говорилось выше, приказ, в чьем ведении находился иноземец, направлял его в распоряжение Патриаршего приказа, который посылал будущего христианина на определенный срок (около 2 недель) в один из московских монастырей для изучения христианских заповедей и обрядов. После завершения обучения Патриарший приказ извещал памятью соответствующий приказ об окончании подготовительного срока и готовности иноземца к крещению. По обычному распорядку приказ присылал в Разряд память-запрос с просьбой выбрать для крещения иноверца кого-либо из служилых людей по отчеству. Например, Пушкарский приказ просил прислать из Разряда восприемника для прапорщика касимовского татарина Ф. Конюшева (он же Кунышев), отбывшего положенный срок в Знаменском монастыре⁸⁴⁹. Казанский приказ обращался в Разряд с той же просьбой в отношении темниковского мордвина⁸⁵⁰, темниковского татарина⁸⁵¹. Те иноземцы, которые находились в ведении Разряда, естественно, обращались в этот приказ непосредственно, с челобитной, как, например, ярославский кормовой татарин И.М. Ишеев⁸⁵².

Поскольку приказные служащие все же относились к категории служилых людей по отечеству и, что немаловажно, всегда были в столице, в пределах досягаемости в отличие от служилых людей других чинов, которые часто находились на полковой или городской службе, то выбор руководства Разряда нередко падал именно на них. Так, на просьбу приказа Казанского дворца прислать “дворенина добра” в восприемники к крестившемуся татарину думный дьяк В.Г. Семенов ответил распоряжением “Послать ис подъячих средние *статии* доброго”⁸⁵³. Стоит отметить, что подъячий средней статьи считался руководством Разрядного приказа вполне “добрым дворянином”.

Главенство Разряда в отношении подъячих всех приказов хорошо иллюстрируется таким примером. Новгородскому приказу потребовался подъячий Ф. Мартынов, ранее служивший в приказной избе Вятки (ведомой в Новгородском приказе). По приходным и расходным книгам Денежного стола этой избы, который, очевидно, возглавлял Ф. Мартынов, “объявились многие несправчивые *статии* против приходу и расходу всякихъ денежных доходовъ, что остались у 181-го году во 182-й год”, и этот недостаток не был восполнен. Кроме того, приходные стрелецкие книги “своего ж сиденя ни одного листа не закрепил, поехал к Москве”, а без скрепы ответственного лица документы считались недействительными. В Вятку была направлена комиссия для выяснения обстоятельств дела. Чтобы провести очную ставку всех членов администрации города, бывших и нынешних, Новгородскому приказу пришлось обратиться в Разряд с просьбой найти и выслать в Вятку подъячего Ф. Мартынова⁸⁵⁴.

В ведении Разряда, кроме подъячих, находились и вспомогательные служащие приказов. Как было сказано выше, Разряд требовал от приказов для годовой сметы списки не только подъячих, но и приставов, сторожей и других приказных служащих низших звеньев. Поэтому, если приказу был нужен для исполнения его дела не подъячий, а более низкий чин, то приказ также обращался в Разряд за подбором необходимой кандидатуры. В приказе Сыскных дел разбиралось дело по челобитью казанцев на боярина кн. Ю.И. Ромодановского и казанца М. Буркова. В ходе расследования Сыскной приказ и администрация Казани пересылали друг другу документы по делу. Очевидно, для отправки этих документов требовался курьер соответствующего уровня – не столь высокого, как служилые люди по отечеству (в том числе и подъячие), но в то же время человек достаточно ответственный и включенный в государственную административную структуру. Поэтому приказ Сыскных дел обратился в Разряд с просьбой прислать решеточного приказчика или пристава “быть в посылке до Казани с великого государя грамотами и с сыскным делом” казанских челобитчиков⁸⁵⁵.

Разряду, разумеется, не приходилось испрашивать санкции верховной власти на участие тех или иных приказных служащих в “посылках” по наряду из приказов. Руководство Разряда решало эти вопросы самостоятельно. В большинстве случаев выбор кандидатуры оставался за Разрядом. Приказы, присылавшие запросы, за редким исключением, не выказывали специальных предпочтений и не называли конкретных подъячих, которых они хотели бы пригласить для исполнения поручения. Обычными распоряжениями руководства Разряда на памяти-запросе были: “пописат и поднести тот-

Для выбора руководством приказа разрядные подьячие представляли довольно обширные списки кандидатов. Например, по запросу Посольского приказа о подьячем “старом добром” для размены на Дону были “к тому делу пописаны например розных приказов подьячие”: по одному из Казенного, Иноземского и из приказа Кузнецких дел, по двое из Хлебного, Костромской, Владимирской и Галицкой четей, Сибирского, Большой таможи и Монастырского, по трое из Устюжской чети, Казанского, Земского, Новгородского, пятеро из приказа Большого прихода⁸⁶⁰. По второму такому запросу из Посольского приказа подьячие Разряда, очевидно, по устному указанию своего руководства (пометы на памяти из Посольского приказа нет) составили список “К тому делу пописаны например подьячие, которые не у делъ”, включавший десять человек⁸⁶¹. На вакантное место подьячего енисейской приказной избы были представлены кандидатуры трех подьячих приказа Казанского дворца, трех подьячих приказа Большого прихода и четверых из Поместного приказа⁸⁶². В качестве восприемников для новокрещена по запросу Казанского дворца были “пописаны например” по двое подьячих из приказов Устюжской чети, Новой чети, Хлебного, Ямского, Казанского дворца и из Большой таможи, трое из Земского, по четыре человека из Поместного и из приказа Большого прихода⁸⁶³. В восприемники к ярославскому кормовому татарину были предложены сначала восемь дьяков и семеро подьячих из четырех приказов⁸⁶⁴, затем 17 подьячих из пяти приказов⁸⁶⁵.

В таких списках слева от имен кандидатов всегда были обозначены и их денежные оклады. Возможно, это характеризовало уровень квалификации подьячего, а, возможно, и его достаток, что было немаловажно в дальних поездках. В тех случаях, когда список был составлен из подьячих, бывших в данное время “не у дел”, а, следовательно, без оклада, подьячий, готовивший список, также слева от имен делал пометки о предыдущей службе некоторых кандидатов: “был в Галицкои чети”, “был в Володимерскои чети”⁸⁶⁶. Очевидно, эти пометки должны были дать информацию для руководства приказа об опыте работы и квалификации кандидатов и тем помочь ему с выбором.

Таким образом, как видно из представлений подьяческого “отдела кадров”, выбор кандидатур для каждого из планируемых разными приказами мероприятий был весьма широк.

Выбор второго порядка из уже отобранных разрядными служащими кандидатур осуществляли руководители приказа. Непосредственно на представленном списке против выбранного ими подьячего или дьяка они делали пометы “*послат*”⁸⁶⁷ или более конкретные, например, “на Дон *писат*”⁸⁶⁸ или “*быт с приписью*”⁸⁶⁹.

Поскольку практика показывала, что назначенный Разрядным приказом подьячий не всегда мог быть отпущен из своего приказа, руководители Разряда нередко предоставляли этому приказу несколько вариантов для выбора. По требованию приказа Казанского дворца прислать дворянина в восприемники к темниковскому мордвину в Разряде был подготовлен список возможных кандидатур. Против семи из двадцати трех имен разрядный дьяк пометил “*послат*” и “*то ж*”⁸⁷⁰. Из списка, включавшего имена восьми

дьяков и семи подьячих, предложенных в восприемники к ярославскому кормовому татарину, руководством Разряда были выбраны двое подьячих, против имен которых помечено “*послат*”⁸⁷¹. Правда, по второму запросу по этому же делу из вновь составленного списка семнадцати подьячих был сразу выбран один⁸⁷². На просьбу Посольского приказа прислать двух подьячих, старого и молодого, для отправки на литовский рубеж, Разряд откликнулся предложением четырех кандидатур⁸⁷³.

В других случаях руководство Разряда сразу выбирало единственную кандидатуру для командировки в другой приказ. Так, по запросу Посольского приказа о присылке “старого доброго” подьячего для “розмены” на Дону из большого списка был выбран Б. Александров, подьячий приказа Казанского дворца, с окладом 25 р.⁸⁷⁴ На памяти-запросе Пушкарского приказа о восприемнике для касимовского татарина прапорщика Ф. Конюшева сразу, без предварительной выписки “например” помечено: “Сыскав, *послат* подьячего Федора Трофимова”⁸⁷⁵. Из-за заминки с крещением (о чем будет сказано ниже) тому же Ф. Конюшеву был назначен новый восприемник, опять же единственная кандидатура – А.Г. Дурнов⁸⁷⁶. Единственная же кандидатура из десяти предложенных разрядными служащими подьячих “не у дел” была выбрана для посылки на Дон по просьбе Посольского приказа⁸⁷⁷. Также сразу был определен подьячий для отсылки в енисейскую приказную избу⁸⁷⁸. Из сопоставления обеих групп ответов Разряда на запросы приказов трудно сделать вывод о том, почему в одних случаях “заказчику” предоставлялся выбор, а в других ему предлагали единственную кандидатуру. По крайней мере, существом дела это не объясняется.

Трудно определить, чем руководствовался разрядный дьяк, отбирая приказы, а в них подьячих для дипломатических церемоний, например, встречи польского гонца по запросу Посольского приказа. Как уже говорилось, Посольский приказ потребовал, чтобы подьячие были в цветном платье, конными, с оружием, то есть их материальное положение должно было быть достаточно высоким. Для выбора кандидатур Московским столом были предложены списки подьячих из четырех приказов – Казанского дворца, Поместного, Монастырского и Большого прихода⁸⁷⁹. Почему были выбраны именно эти приказы, а из числа их служащих именно эти подьячие, объяснить трудно. Возможно, служащим Разряда было известно реальное материальное положение подьячих разных приказов, которое далеко не всегда зависело от величины оклада.

Задание было ответственным, поэтому над списком в Разряде немало работали. Многие имена из списка вычеркнуты, однако некоторые потом восстановлены – против них на поле помечено “чисто”, “то ж”. К внесенным в список первоначально были добавлены новые имена. Но и этот этап не был последним, так как рядом с некоторыми именами помечено, что послан был другой человек. Под списком подьячих каждого приказа подведен итог, сколько всего человек отобрано для участия в церемонии. Как и во многих других случаях, предложенное Разрядом число кандидатур превышало запрашиваемое – всего было утверждено 72 кандидатуры (вместо 50).

Столь же непросто сказать что-либо и о критерии отбора подьячих для “посылок” или в восприемники. Обычно выбирали подьячих с не самыми

большими, но и не с минимальными окладами. Можно предположить, что выбор должен был пасть на тот приказ, который, по мнению разрядных служащих, мог предложить наибольшее число кандидатур, чтобы отсутствие одного из служащих не создавало трудностей для работы учреждения. Однако часто для большей части приказов, чьи служащие были представлены в примерном списке, было выписано одинаковое число подьячих⁸⁸⁰. Возможно, разрядный дьяк все-таки руководствовался соображением о численности приказных служащих, когда для замещения вакансии в енисейской приказной избе выбрал подьячего из приказа с наибольшим числом и подьячих вообще, и представленных кандидатур – Поместного (и, в то же время, с одним из самых больших в данном списке окладов 13 р.). В перечне были представлены подьячие приказов Казанского дворца, Большого прихода и Поместного с окладами от 3 до 15 р.⁸⁸¹ В другом случае критерий отбора более явственен. Из списка подьячих, предложенных в восприемники к темниковскому мордвину, были выбраны семь человек с наиболее крупными окладами от 21 до 35 р.; один кандидат был забракован сразу после составления списка, видимо, ввиду новой информации – подьячий, написавший список, пометил против одного из имен: “крестил”⁸⁸².

Неясны причины выбора из перечня подьячих “не у дел” кандидата для посылки на Дон “с великого государя грамотами и с ыными делами”⁸⁸³. Первоначально В.Г. Семеновым из списка был выбран П. Шапкин, но затем подьячий, писавший список, пометил против его имени: “велено быт во Пскове, а на Дон послан Андреи Фролов”, который в перечне вообще не значился, при том, что список подьячих “не у дел” не был исчерпан.

Последний документ интересен с точки зрения методов работы разрядного руководства. Как было сказано, список был составлен для определения подьячего в “посылку” на Дон по запросу Посольского приказа, и кандидат для этой командировки был руководителем Разряда в списке отмечен. Однако думный дьяк не остановился на этом, и, очевидно, воспользовавшись случаем – уже готовым документом с информацией о подьячих “не у дел” – решил и другую задачу, стоявшую в тот момент перед Разрядом: сформировать полковую канцелярию полка воеводы кн. П.И. Хованского со сборным пунктом во Мценске. Против пяти имен из списка В.Г. Семеновым помечено “во Мценску”, “то ж”, “Во Мценескъ”. Правда, один из этих подьячих, К. Ефремов, был вскоре освобожден от службы в полку. Подьячим-составителем документа рядом с его именем было записано: “Для скудости и разоренья быт не велено”⁸⁸⁴. Кроме П. Шапкина и К. Ефремова во Мценский полк были определены В. Никитин (против его имени помечено: “был в Галицкои чети”), И. Большой Матвеев, Т. Друковцов. После того, как по разным причинам от службы в полку П.И. Хованского были отставлены В. Никитин и С. Исаков, замена им была приискана из этого же списка – разрядные подьячие И. Беседин и Ф. Шанский. На сставе, скрепляющем память из Посольского приказа и разрядный список кандидатов, В.Г. Семенов записал распоряжение о командировании выделенных подьячих на полковую службу: “185-го июня въ 20 день по указу великого государя велет тем подьячим быт на службе”⁸⁸⁵. Это показательный пример стиля работы приказных служащих, который

отличался стремлением к экономии места (на бумаге) и времени, к наибольшей эффективности в решении текущих задач.

Как уже говорилось, обычно Разрядный приказ сам отбирал кандидатов для исполнения поручения какого-либо приказа, даже если предоставлял этому приказу сделать выбор из несколько кандидатур. Но иногда в Разряде намечали только приказ, общее число и категорию подьячих, которых требовалось направить из этого приказа в Разряд для исполнения поручения. Решение, кого именно из своих служащих можно откомандировать, принималось в самом приказе. Видимо, в этих случаях от подьячих не требовалась общая высокая квалификация со знанием всех тонкостей приказного делопроизводства, умением составлять документы разного назначения и, возможно, также с умением организовать работу выездной канцелярии, что определялось формулой “подьячий добрый”; не было также важно и их материальное положение. Требовалось только, чтобы было прислано определенное число подьячих, чтобы они соответствовали запрашиваемой категории и, в отдельных случаях, чтобы они обладали каким-то определенным делопроизводственным навыком. Так, приказу Казанского дворца потребовались для разбора в Казани и низовых городах семь подьячих первой статьи и семь подьячих “последней статьи” – “писцов добрых”⁸⁸⁶, то есть главное требование предъявлялось к навыкам письма, было строго и четкого.

Судя по распоряжению руководителя Разряда – “попишат и поднести тотчас, сколько в котором приказе подьячих по счету порозн”⁸⁸⁷ – для определения кандидатур в этом случае важнее всего было знать, насколько каждый приказ обеспечен кадрами. Согласно указанию В.Г. Семенова был составлен “глухой”, безымянный список подьячих всех московских приказов, в котором было указано лишь общее число подьячих для каждой статьи – старых, средней статьи и молодых. Для наибольшего по численности Поместного приказа было вообще указано только общее число подьячих – “старых и средней статьи и молодых 272 чел.”⁸⁸⁸ Свой выбор разрядный дьяк отмечал буквенной цифирью “а” (1), поставленной против соответствующих статей подьячих разных приказов. Отбор кандидатур был совершен с некоторым превышением запрашиваемого числа – было отмечено всего двадцать подьячих. Как обычно, разрядный дьяк делал скидку на то, что какой-либо приказ не сможет дать требуемое число подьячих. В этом документе яснее, чем в других, прослеживается критерий отбора, которым руководствовался разрядный дьяк. Выбор был сделан из более “многолюдных” приказов. Однако некоторые крупные приказы тем не менее остались “неохваченными”, например, Иноземский, приказ Большого дворца, Новгородский, Устюжская четь, Хлебный⁸⁸⁹.

По памяти из приказа Устюжской чети о посылке в Соль Вычегодскую для писцового дела одного старого и трех молодых подьячих в Московском столе Разряда был составлен примерный именной список кандидатов с указанием их денежных окладов. Никаких специальных требований к подьячим в памяти-запросе не предъявлялось, однако из существа дела было очевидно, что были нужны подьячие, знакомые с писцовым письмом. Поэтому неудивительно, что из предложенных приказов Казанского дворца, Влади-

мирского Судного, Поместного и Разбойного был выбран Поместный приказ. Решить, кого именно прислать, Разряд предоставил руководству Поместного приказа, однако в своем распоряжении подчиненным разрядный дьяк подчеркнул, что квалификация подьячих должна быть соответствующего уровня: “*послат память в Поместной приказ, чтоб для того дела прислали подьячих указное число добрых, ково пригож*”⁸⁹⁰.

После того, как руководство Разряда определяло кандидатов для исполнения поручения, в соответствующий приказ направляли память с требованием прислать в Разряд нужных подьячих, при этом непременно указывалось мероприятие, в котором подьячим предстояло участвовать. Если имя подьячего было определено в Разряде, то его, естественно, указывали в памяти. Если же выбор конкретных лиц из требуемого числа подьячих представлялся приказу, то в памяти из Разряда называли только число подьячих и их категорию. Так, в памяти в приказ Большого прихода было указано прислать в Разряд старого и двух молодых подьячих “добрых” для разбора в Казани и других понизовых городах⁸⁹¹. Черновик памяти был написан, очевидно, старым подьячим А. Яцким. Ниже он записал распоряжение для подчиненных ему подьячих “*таковы ж писат*” в другие приказы, на которые пала “разверстка”, с указанием, сколько каких подьячих должен прислать каждый приказ: “в Поместной 2 чел. старых, 3 чел. молодых” и т.д. Рядом с каждой такой записью А. Яцкой указал имена разрядных подьячих, которые должны были доставить памяти в приказы. Позже эти пометы были скорректированы - часть имен зачеркнута, вместо них вписаны другие. Посыльными были назначены молодые подьячие Разряда (с окладом и неверстанные), некоторые из которых, однако, уже участвовали в работе приказа не только как писцы, но и исполняли различные поручения вне Москвы (Г. Добрынин, Ф. Тимофеев, А. Рослов, В. Баженов, И. Конищев).

В большинстве случаев требуемого подьячего (подьячих) незамедлительно направляли в Разряд в сопровождении кого-либо из их сослуживцев и с сопроводительной же памятью. Память непременно включала ссылку на указ из Разряда (почти всегда с датой получения) и имя дьяка, за чьей приписью был послан этот указ, и кратко излагала суть предстоящего дела, после чего сообщалось, что требуемый подьячий послан в Разряд, и указывалось имя сопровождающего. Например, старый подьячий Б. Александров из приказа Казанского дворца, направлявшийся Посольским приказом “для розмены” на Дон, был послан в Разряд “приказу Казанского дворца с подьячимъ с Федором Дуровым”⁸⁹²; из приказа Новой чети для разборов в Казани и других городах были посланы подьячие старый П. Емранов и молодой В. Ларионов с подьячим И. Тимофеевым⁸⁹³; из Монастырского приказа для исполнения того же поручения в Разряд были отправлены старый подьячий В. Бухарев и подьячий средней статьи И. Беловецкий с подьячим того же приказа А. Бухаревым⁸⁹⁴, из Земского приказа – подьячие старый М. Спасеньев и молодой И. Протопопов с подьячим Б. Ивановым⁸⁹⁵. Если сопроводительный документ со всей необходимой информацией был неизменным атрибутом “передачи” подьячего из одного приказа в другой, то “эскорт” был обязателен не всегда: из Московского Судного приказа, как и было решено в Разряде, для “понизовых” разборов был “послан с сею

памятью старши подъячии Лука Богданов”⁸⁹⁶, из приказа Большого прихода, по тому же решению, посланы подьячие “старши Макар Полянскои и Василеи Осипов”⁸⁹⁷ – все без сопровождающих.

Здесь же, на входящем документе разрядные дьяки записывали свое распоряжение. Обычной формулой было: “Принят и отослат ево тотчас”⁸⁹⁸, “принят и отослат их тотчас”⁸⁹⁹, “принят и отослат тотчас”⁹⁰⁰, “принят и отослат ихъ в том приказ тотчас”⁹⁰¹.

По разрядным приказным правилам прибывшего в Разряд подьячего следовало сопроводить в соответствующий приказ. Нередко на той же памяти было помечено, на кого из разрядных подьячих возложено это поручение. Например, на памяти о командировании в Разряд подьячего Л. Богданова внизу мелко помечено: “Отослат с Федором Остафевым”⁹⁰² (молодой подьячий). В других случаях эта же информация записана уже как помета о выполненном поручении: “отосланы с подьячим с Андриюшкою Федоровым”⁹⁰³ (молодой невестанный подьячий). Ни дата, ни время исполнения поручения на документе не проставлялись; достаточно было указать ответственного за дело. По всей видимости, из Разряда командированного подьячего препровождали в нужный приказ без пояснительного документа, поскольку всю необходимую информацию давал разрядный подьячий, непременно провожавший командированного.

По большей части запросы приказов откомандировать в их распоряжение подьячих удовлетворялись. Но, разумеется, приказы неохотно расставались со своей “рабочей силой” – нужда в подьячих, их нехватка ощущались практически всегда. Из-за того, что приказные подьячие были действительно чрезвычайно загружены работой, руководство приказов вынуждено было отказывать Разряду в его требованиях. В Разряд посылали память, в которой объясняли причины отказа. Так, Ямской приказ не согласился на требование Разряда прислать старого и молодого подьячих для разбора в Казани. Причиной приказ выставил следующие обстоятельства: в Ямском приказе “подьячих мало людно и нужно”, все сидят у денежного дела, прихода и расхода, а молодые подьячие находятся в разных городах для сбора доимочных денег⁹⁰⁴. В отличие от многих других дел, когда запрос Разряда выполнялся приказами не сразу и Разряду приходилось посылать повторные памяти, в данном случае реакция Разряда на отказ была жесткой – дело сразу было передано на рассмотрение верховной власти (возможно, потому, что речь шла о деле большой государственной важности – организации армии). На памяти разрядный дьяк записал распоряжение: “Выписат о том к великому государю в доклад”⁹⁰⁵. В докладе кратко излагалась история переписки приказов Казанского, Разрядного и Ямского и приводилась информация о численности подьячих разных статей в Ямском приказе – для решения государя о возможности затребовать из этого приказа служащих. Вероятно, сохранившийся в архивном деле доклад представляет собой черновик, хотя и без правки – на нем нет скреп и помет дьяков, а, значит, он не был представлен государю. По всей видимости, как и при наборе подьячих в полковые канцелярии, доклады государю носили информативный характер, а руководство Разряда независимо от верховной власти предпринимало шаги по разрешению ситуации.

Такая же реакция последовала и на память из Монастырского приказа, в которой сообщалось, что подьячий Н. Константинов, выбранный Разрядом для посылки с межевыми судьями на литовский рубеж, не может быть отправлен. Снова приводилась наиболее уважительная для приказной администрации причина: “и у подячего у Микиты Костянтинова в приеме великого государя денежная казна многая, велено его счесть. И за темъ, что в приходе и в росходе не сочтен, в Розряд отослат не довелось”. Еще одним основанием для освобождения этого подьячего от посылки приводилось то, что он уже был “в посылках у полковых дел” по памятям из Разряда⁹⁰⁶. Из этой ответной памяти очевидно, что в Разряде не имели информации о занятости подьячих в других приказах и при выборе руководствовались категорией и соответствующей ей квалификацией подьячего.

Тем не менее, Разряд не отказался от выбора именно Монастырского приказа, разрядный дьяк распорядился “выписать к великому государю в доклад и подписать тотчасъ, а в Монастырскои приказ послат память, велет вместо того подячего прислат такого ж подячево”⁹⁰⁷. Это требование Монастырский приказ смог удовлетворить: вместо Н. Константинова был послан подьячий И. Беловецкий, Монастырский же приказ выдал ему деньги на командировочные расходы: “и великого государя денежное жаловане оклад ево и на подъемъ ему дано”⁹⁰⁸.

Трудности с “получением” подьячего для той же посылки на литовский рубеж возникли у Разряда и с Владимирским Судным приказом. Из этого приказа в Разряд поступил ответ сразу на два запроса о подьячих – для посылки на литовский рубеж и в действующую армию, сопровождать денежную казну. Владимирский Судный приказ смог отпустить лишь одного старого подьячего “Полиехта Богданова”, предоставив Разряду самому определить, куда его направить: “к темъ деламъ, у которого быть пригодца”, “а другова подячего за малолюдством подьячих послать некого”⁹⁰⁹. Что касалось конкретного подьячего, Я. Чернцова, назначенного Разрядом к литовской посылке, то Владимирский Судный приказ сообщал, что он не послан, поскольку, так сказать, продолжил фамильное дело – “для того что отецъ ево, Яковлевъ, Кручина Чернцовъ, сидель в Володимерскомъ Судном приказе в подячих и дела ево ныне у нево, Якова, и в тех делах учинился спор, а отецъ ево, Кручина Чернцов, по указу великого государя ныне с приписью в Колуге”⁹¹⁰. В помете на этой памяти реакция Разряда на отказ Владимирского Судного приказа вообще отсутствует, возможно потому, что было удовлетворено более важное требование о командировке подьячего для полковых дел.

Подьячие, определенные в “посылки”, крайне редко уклонялись от службы без уважительной причины. Единственным исключением, по-видимому, было участие в разного рода церемониях, которое многими служилыми людьми, в том числе и подьячими, воспринималось без должного почтения. Разумеется, такие “прогульщики” или другие нарушители дисциплины подвергались взысканиям. Инициатива в наложении наказания за эти проступки исходила от приказа, который являлся организатором церемонии, например, Посольского. Но само наказание осуществлялось “подьяческим” ведомством, то есть Разрядом. По всей видимости, решение о том, как имен-

но наказывать провинившихся, принималось в самом Посольском приказе, хотя в памяти, направленной в Разряд, была обычная ссылка на веление верховной власти – “великий государь указал”. Представитель Посольского приказа, как отвечающего за проведение церемонии, в данном случае встречи польского гонца Яна Карвовского, вел учет служилых людей и следил за соответствием их одежды заявленной форме. Очевидно, эти контрольные функции в Посольском приказе ложились на пристава иностранного дипломата – именно он подал в “свой” Посольский приказ отчетный документ об участии подьячих во встрече гонца. Как было сказано выше, Посольский приказ в памяти-запросе потребовал прислать ему список назначенных для участия в церемонии подьячих “для ведома”. Вероятно, справляясь с этим списком, пристав А. Шилов выявил отсутствовавших подьячих (десять человек из Поместного приказа, двое из Монастырского и пятеро из приказа Большого прихода). Во всяком случае, в его “рапорте” они были указаны поименно, и, кроме того, было отмечено, что один из явившихся подьячих (Поместного приказа А. Гриденков) не соответствовал “дресс-коду” мероприятия – “был в однорятке”. Все эти обстоятельства были изложены в памяти из Посольского приказа в Разряд, и в ней же было определено наказание, которое надлежало осуществить Разрядному приказу: провинившихся подьячих “бить батоги”⁹¹¹.

По “отношению” из дипломатического ведомства руководитель Разряда распорядился “послать в те приказы памяти, велет ихъ прислат в Розряд”⁹¹². По этому указанию в Московском столе был подготовлен черновик – образец памяти в соответствующие приказы с кратким изложением существа дела и требованием прислать в Разряд для наказания указанных подьячих⁹¹³.

Еще чаще случались заминки с предоставлением восприемника для крещения иноверцев. Очевидно, эта обязанность была крайне непрестижна и непопулярна у служилых людей, в том числе и у подьячих. Можно предположить, что сослуживцы даже помогали друг другу избежать исполнения этого поручения. Так, прапорщику касимовскому татарину Ф. Конюшеву (Кунышеву) по запросу Пушкарского приказа был назначен в восприемники подьячий Ф. Трофимов. Однако через несколько дней Ф. Конюшев пожаловался руководству Разряда на то, что память из Пушкарского приказа о назначении ему восприемника в Разряд прислана и “помечена” (то есть решение по ней принято), “а та память у подьячего у Василья Филатьева”⁹¹⁴, и той памяти не отпускает, а меня волочит по вся дни”⁹¹⁵. В челобитной Ф. Конюшев просит велеть подьячему “отпустить” память, то есть довести до указанного в помете подьячего Ф. Трофимова распоряжение руководства Разряда. Трудно сказать почему, но руководитель Разряда, ознакомившись с этой челобитной, не заставил Ф. Трофимова выполнить свое же распоряжение – “сыскав, послат подьячего Федора Трофимова”⁹¹⁶, а приказал “послат ему в восприемники Артемя Гарасимова сына Дурнова”⁹¹⁷, судя по полному имени, служилого человека московского чина.

Схожий случай произошел и с ярославским кормовым татаринцем И.М. Ишеевым. По распоряжению руководства приказа восприемником к “сему подначалнику”⁹¹⁸ был назначен подьячий М. Яковлев (следует от-

метить, что в списке “например” этот подьячий не значился, а был, видимо, назначен позже, после отказа выбранных подьячих), но, как сообщает в своей челобитной И.М. Ишеев, крещение не состоялось, потому что “дьяк Семен Стрюков отказал”⁹¹⁹. С.Г. Струков служил в Поместном приказе сначала подьячим, а с марта 1676 г. (в этом месяце И.М. Ишеев и подал свое челобитье о восприемнике) дьяком. Подьячий М. Яковлев, вероятно, в это время также служил в Поместном приказе (сведения о его службе в этом приказе относятся к 1688-1690 гг.)⁹²⁰. Причина, по которой дьяк Поместного приказа запретил своему подчиненному стать восприемником И.М. Ишеева, неизвестна, однако факт налицо. И в этом случае Разряд не стал настаивать на предложенной им кандидатуре, а И.М. Ишееву был назначен другой восприемник – подьячий приказа Казанского дворца Б. Александров с окладом 25 р. (наибольшим в приказе)⁹²¹.

Как видно из приведенных примеров, в случае отказа подьячего быть восприемником у новокрещена руководство Разряда не обращалось за содействием к верховной власти, а решало эту проблему самостоятельно.

Мысль о том, что “кадры решают всё”, отнюдь не нова. Работа с кадрами считалась крайне важной и в приказной административной деятельности. Вероятно, поэтому большая часть запросов о подборе кандидатур для исполнения поручений приказов поступала к руководителю Разряда думному дьяку В.Г. Семенову, и он же отбирал людей из подготовленных его подчиненными “примерных” списков.

В редких случаях дело, принятое В.Г. Семеновым, переходило для решения к разрядному дьяку. Так, после указания В.Г. Семенова подготовить “примерный” список подьячих к посылке в Соль Вычегодскую для писцового дела, выбор из этого списка был сделан Ф.Л. Шакловитым. Несмотря на то, что список был именной, с окладами, Ф.Л. Шакловитый определил только приказ, который должен был послать по своему усмотрению одного старого и трех молодых подьячих, и распорядился отправить в этот приказ соответствующую память; он же заверил своей скрепой подготовленный разрядными подьячими список⁹²². В другом случае второй разрядный дьяк выбрал из предложенного списка конкретную кандидатуру: “185-го ноября в 4 день послать Ивана Харламова”⁹²³ (подьячего Галицкой чети; к сожалению начало столбца утрачено, и о существе дела ничего не известно).

В некоторых случаях дело поступало к разрядному дьяку, но выбор подьячих оставался за думным дьяком В.Г. Семеновым. П.И. Ковелин принял к рассмотрению память из Казанского дворца о восприемнике к темниковскому татарину и повторную челобитную ярославского кормового татарина, также о восприемнике, и распорядился подготовить “примерные” списки для выбора кандидатур⁹²⁴, но, как было сказано, в обоих случаях выбор кандидатов остался за В.Г. Семеновым. Можно предположить, что ситуация здесь зависела от существа дела: крещение считалось менее важным мероприятием, чем поручения из приказов, поэтому входящие документы, связанные с требованием предоставить восприемника, мог принять и разрядный дьяк. Однако Ф.Л. Шакловитый, хотя и находился в иерархии Разрядного приказа ниже П.И. Ковелина, чаще, чем первый заместитель начальника Разряда решал кадровые вопросы. Так, Ф.Л. Шакловитым было

принято более важно, чем подыскивание восприемников, требование Посольского приказа о присылке двух подъячих для командировки их на литовский рубеж с межевыми судьями; им же было отдано распоряжение составить список возможных кандидатов. Выбрал подъячих из этого списка, как обычно, В.Г. Семенов⁹²⁵, но память во Владимирский Судный приказ с требованием прислать назначенного подъячего была подготовлена под руководством Ф.Л. Шакловитого и им заверена⁹²⁶.

В архивном деле имеется пример и единоличного ведения Ф.Л. Шакловитым дела о подборе кадров. Им была принята память из Сибирского приказа с требованием прислать подъячего для енисейской приказной избы, отдано распоряжение о подготовке “примерного” списка, им же был осуществлен выбор подъячего и даже установлен статус этого подъячего на новом месте службы – против имени подъячего из Поместного приказа А. Иванова Ф.Л. Шакловитый пометил: “быт с приписью”⁹²⁷.

В некоторых случаях памяти в приказы отправлялись за приписью Ф.Л. Шакловитого (например, во Владимирский Судный приказ с требованием прислать подъячего Я. Чернцова – быть “с межевыми и росправных дель судьи на литовском рубеже”⁹²⁸). В основном же распоряжения для приказов прислать указанное число подъячих составлялись под руководством и закреплялись приписью П.И. Ковелина⁹²⁹. Как было сказано выше, на сопроводительных памятях, с которыми являлся в приказ подъячий, разрядный дьяк отмечал его прибытие и отправку в другой приказ: “Принят и отослат ево тот час”. Практически всегда это делал также П.И. Ковелин⁹³⁰. Но и на этом этапе, казалось бы, не столь важном, В.Г. Семенов не оставлял руководство делом. Так, на сопроводительной памяти из Монастырского приказа о присылке в Разряд подъячего И. Беловецкого В.Г. Семенов пометил: “Принят того подъячего и отослат для посылки к тому делу в Посолской приказ”⁹³¹.

Интересно отметить одну деталь. Имя курьера, посланного из Разряда с памятью, или разрядного подъячего, сопровождавшего коллегу в другой приказ, помечали на соответствующих документах не разрядные подьячие, имевшие отношение к делу, а дьяки Разряда (в том числе и В.Г. Семенов), которые, видимо, и назначали этих подъячих. Так, В.Г. Семеновым записано на росписи подъячих к посылке на размену на Дон: “В приказ Казанского дворца о Борисе Александрове память послана с подячим с Офонасемъ Рословым”⁹³². В.Г. Семенов же определил сопровождающего из Разряда в Посольский приказ для подъячего И. Беловецкого: “Отослат с подячим с Ываном Петелиным”⁹³³. Очевидно, что решение таких вопросов на уровне руководства Разряда свидетельствует о том значении, которое им придавалось в приказе. Посланный нес ответственность за сохранность документа, его своевременную доставку, за сопровождаемого им подъячего и передачу необходимой информации из Разряда в соответствующий приказ об этом подьячем.

Такое же большое значение придавалось и “примерным” спискам подъячих, которые готовились в Московском столе. Хотя это были документы исключительно внутреннего пользования, они всегда скреплялись по составам дьяками, опять же, включая думного, – на местах склейки листов

дьяки писали слово “сстав”. В приказном делопроизводстве скрепа дьяка по составам предохраняла документ от подлога, свидетельствовала его целостность (листы не утрачены), придавала ему юридическую силу, официальный статус, а также указывала лицо, ответственное за изложенное в документе решение. Таким образом, “примерный” список после того, как он был скреплен и помечен дьяком, становился уже официальным назначением отмеченных лиц.

Скрепу ставил один из дьяков – или тот, кто принимал входящий документ и отдавал распоряжение о подготовке росписи подьячих, или тот, кто осуществлял выбор из этого списка. Как показывают документы, дела подобного рода решались тремя разрядными дьяками – руководителем приказа и первым и вторым его заместителями. Обращает на себя внимание то, что в решении дел о подборе кадров для “посылок” практически не участвует третий дьяк Разряда Л.А. Домнин. Возможно, это не входило в сферу его обязанностей.

Разрядные подьячие подключались к делам о подборе кадров для выполнения поручений приказов на следующем этапе – когда в приказы направлялись памяти с запросами и когда назначенный подьячий являлся в Разряд для препровождения его в соответствующий приказ. К сожалению, почерки большинства подьячих, составлявших выписки и “примерные” списки подьячих, атрибутировать не удалось. С относительной уверенностью можно установить только почерк подьячего А. Яцкого в черновике памяти приказу Большого прихода о присылке подьячих для службы в Казани. Им же составлен список курьеров, которые должны были доставить памяти такого же содержания в другие приказы⁹³⁴. С гораздо большей уверенностью идентифицируется почерк подьячего В. Фефилятьева в черновике памяти тому же приказу, но по другому поводу. Разряд требовал прислать пятерых подьячих этого приказа для наказания за неявку на встречу польского гонца. В. Фефилятьевым зафиксирован и список посыльных в другие приказы по тому же делу: “таковы ж памяти посланы в Большой приход со Лвом Сорокиным, в Помесной с Василем Баженовым, в Монастырской с Семеном Андронниковым”⁹³⁵. Следует еще раз подчеркнуть активное участие разрядных дьяков в формировании этих списков, в выборе кандидатур и в назначении разрядных “курьеров” и сопровождающих по делам, связанным с “посылками” по запросам приказов или с церемонией крещения иноверцев.

Как уже не раз отмечалось, правительственные поручения выполнялись в Разряде чрезвычайно быстро. Так, по запросу Посольского приказа о присылке подьячего для донской размены за один день был составлен “примерный” список, выбран подьячий приказа Казанского дворца Б. Александров и послана в этот приказ память о присылке подьячего⁹³⁶. По запросу Казанского дворца о четырнадцати подьячих для разборов в Казани и понизовых городах Разряд за два дня подготовил “примерные” списки, осуществил отбор подьячих и составил памяти в соответствующие приказы⁹³⁷. Большая часть приказов так же быстро откликнулась на требование Разряда. Подьячие были приняты Разрядом и направлены в приказ Казанского дворца в сроки от одного до пяти дней с момента получения распоряжения из Разряда⁹³⁸. Ямской приказ, который, как говори-

лось, ответил на требование Разряда отказом, тем не менее, прислал в Разряд этот отказ тоже через день после получения разрядной памяти⁹³⁹. Только Земский приказ задержался с направлением в Разряд подьячего больше чем на две недели⁹⁴⁰.

Так же оперативно была проведена работа по подбору подьячих для встречи польского гонца. Список из полусотни кандидатов разрядные служащие подготовили не более чем за 4 дня⁹⁴¹. С наказанием “прогульщиков” уже не так спешили. Список подлежащих наказанию подьячих Посольский приказ направил в Разряд через три дня после церемонии встречи, и через такое же время начальник Разрядного приказа распорядился собрать указанных в “черном” списке подьячих в Разряд для экзекуции⁹⁴².

Несколько больше времени было затрачено разрядными служащими на подготовку “примерных” списков, выбор кандидатур и составление памятей в соответствующие приказы по запросам о присылке подьячих в Посольский приказ для отправки на литовский рубеж с межевыми судьями и на Дон для размены и в приказ Устюжской чети для писцового дела в Соли Вычегодской – соответственно, около пяти дней и по восемь дней⁹⁴³. Ответ на отказ Монастырского приказа прислать подьячего для межевых дел был составлен Разрядным приказом за один день⁹⁴⁴.

По делам о назначении восприемников можно судить об отношении приказов и разрядных служащих разных уровней к этой сфере их деятельности. Получив память из Патриаршего разряда об окончании испытательного срока будущего новокрещена Ф. Конюшева, Пушкарский приказ готовил память в Разряд с требованием прислать восприемника в течение четырех дней⁹⁴⁵. Распоряжение разрядного дьяка о назначении в восприемники подьячего Ф. Трофимова последовало в день получения памяти из Пушкарского приказа, но исполнение этого указания было задержано разрядным подьячим на четыре дня, что показалось Ф. Конюшеву слишком долгим. Реакция на его вторую челобитную в Разряд поступила опять же в день ее подачи⁹⁴⁶. Более терпеливым оказался ярославский татарин И.М. Ишеев. Он ждал 20 дней, пока вновь не подал челобитную в Разряд с жалобой на служащих Поместного приказа, которые саботировали распоряжение Разряда⁹⁴⁷.

Думается, что и по современным меркам работу Разрядного приказа нельзя назвать медлительной.

Система “найма” приказных подьячих для исполнения функций центральных исполнительных учреждений свидетельствует о целостности, централизованности приказной системы, и в то же время о ее гибкости и эффективности. Приказы не создавали для единовременных, хотя и повторяющихся мероприятий (посольской размены, писцовых “комиссий” и т.п.) постоянного штата, а набирали сотрудников – от руководителя до последнего писца или сторожа – только для исполнения конкретного поручения. С завершением дела штат распускался, все возвращались к своим текущим делам или получали новые задания. Функционировал своего рода “вахтовый” метод работы – при возникновении задачи, входящей в компетенцию приказа, но не связанной с ежедневной делопроизводственной деятельностью учреждения, привлекались временные сотрудники со стороны,

не занятые вообще (“не у дел”) или не слишком загруженные на постоянном месте службы. Поскольку же подобные мероприятия осуществлялись регулярно, происходило постоянное перераспределение человеческого ресурса внутри приказной системы – с одним и тем же корпусом подьячих, без ломки существующей структуры и без создания структур дополнительных, что являлось весьма эффективным способом решения тактических и стратегических задач. Таким образом вся система московских приказов становилась единым организмом на службе государя. “Посылки” способствовали также созданию и сплочению особой корпорации чиновников центрального правительственного аппарата. Приказные подьячие изначально рассматривались как специалисты широкого профиля, притом что и в их среде существовала определенная специализация (в Поместном, Посольском, Разрядном приказах, в четьях). Однако специальные навыки имели, скорее, старые подьячие и часть подьячих средней статьи, хотя и они при необходимости привлекались к “непрофильной” деятельности. Основная же масса – подьячие молодые и большинство средней статьи – исполняли любые возложенные на них поручения, набираясь опыта с каждой новой “посылкой”, и становились все более универсальными служащими, что делало их и все более взаимозаменяемыми, способствуя, в свою очередь, слиянию приказов в единый организм, гибкий и адаптивный.

Дисциплинарные взыскания

Как отмечалось, каждый приказ сам осуществлял наказания за дисциплинарные нарушения своих сотрудников. Особо тяжкие преступления подьячих влекли за собой полную профессиональную дисквалификацию: такой подьячий терял право работать в приказах, и в этом случае соответствующий приказ обязан был поставить в известность Разряд. О значении, которое придавалось подобным случаям, свидетельствует и тот факт, что дела о нарушениях трудового законодательства разбирались не руководством приказа, а верховной властью. Так, по приговору боярской Думы, состоявшемуся в Передней палате после слушания докладной выписки, подьячему Владимирского Судного приказа Ф. Локтину “за ево плутовство” велено было “учинит наказане, на козле бит кнутом нещадно и ис приказу ево отставить и памяти послат в приказы, что ево нигде в приказы не принимат и у дела быт не велет”. Провинность Ф. Локтина состояла в том, что он “в его великого государя грамоте”, которая была послана из Владимирского Судного приказа вологодским воеводе и дьяку по челобитью П. Кузмина в апреле 184 г., “после подяческои справки и дьячы подписи, вычистя слова,

где было написано судить, как пашенная поря минетца, написал: доправит исцу на ответчиках просьь тот час”. На следующий день после боярского приговора наказание было исполнено, Ф. Локтин был из Владимирского Судного приказа отставлен, “и впред ему у дел в приказех быт нигде не велено”. Владимирский Судный приказ не спешил известить подьяческий “отдел кадров” об этих событиях и направил в Разряд соответствующую память почти через месяц после боярского приговора⁹⁴⁸. Память была принята в Разряде П.И. Ковелиным, который отдал разрядным служащим распоряжение направить память в архив и зафиксировать ее получение в журнале регистрации входящих документов (“Вклеит в столпъ и записать”⁹⁴⁹).

Если провинившийся подьячий не был отставлен от службы, но в качестве наказания происходили существенные изменения в его статусе, например, у него отбирался поместный оклад, то документальным “оформлением” этих перемен занимался, естественно, также Разрядный приказ. Можно было ожидать, что подобные “экстраординарные” дела приказных подьячих находились в Разряде в ведении или В.Г. Семенова, вообще решавшего самые важные дела приказа, или Ф.Л. Шакловитого, “специализировавшегося” на подьяческих кадрах. Однако, ведал этими вопросами в Разряде, по-видимому, П.И. Ковелин. Так, за его приписью была направлена память в Поместный приказ, которой отменялось исполнение наказания подьячему Ф. Трофимову. Как многие документы, предназначенные для обмена информацией внутри приказной системы, память из Разряда в Поместный приказ лаконична и подразумевает полную осведомленность руководства Поместного приказа о ее предмете, поэтому для исследователя часть информации остается скрытой. Разряд сообщал руководству Поместного приказа, что указ, посланный в этот приказ в текущем году “наперед сего”, об отписке на государя поместий и вотчин подьячего Ф. Трофимова за неоднократную неявку в Разряд отменяется, “для того что ему в посылке, в которой указано, быть не велено”⁹⁵⁰ (может быть, речь идет о крещении касимовского татарина Ф. Конюшева). По всей видимости, Ф. Трофимов за время разбирательства сумел добиться освобождения от возложенного на него поручения.

Судя по документам, руководство Разрядного приказа нередко пользовалось своим “служебным положением” – центрального “отдела кадров” приказных подьячих – и при удобных случаях пополняло свой штат. Один из таких случаев представился Разряду в августе 185 г. В это время большая часть служилых людей по отчеству была занята в Чигиринском походе, в связи с чем они, как обычно, получили отсрочку в судебных делах. Работа во Владимирском и Московском Судных приказах, ведавших этой категорией служилых людей, замерла, что, естественно, отразилось на доходах подьячих. Не выдержав нужды, один из подьячих Московского Судного приказа обратился в Разряд с отчаянной просьбой: в связи с тем, что “ныне в томъ приказе всяких чинов ево государевым ратным людем во всяких делехъ отсрочено, и великии государь пожаловал бы ево для ево в томъ приказе многио работы и скудости, велел ему быть у своего государева дела для прокормленя в ыномъ приказе, в котором он, великии государь, укажет”. Великий государь в лице П.И. Ковелина указал подьячему В. Кашки-

ну быть “в подьячих в Розряде”, а в Московском Судном приказе принять его дела “иному подьячему с роспискою, а какъ он в тех делех свободен будет”, прислать его в Разряд⁹⁵¹.

Надо сказать, что дело В. Кашкина было решено весьма споро. Распоряжение на челобитной было помечено 27 августа, в тот же день, когда она была подана. Черновик памяти в Московский Судный приказ был составлен уже на следующий день, но затем что-то задержало дальнейшую работу, возможно, у П.И. Ковелина не было времени на ознакомление с документом. Черновик был отредактирован П.И. Ковелиным через день, 30 августа. Как обычно, правка заключалась в приведении документа в более сжатый, лаконичный вид. Первоначальное изложение челобитной В. Кашкина было переправлено на изложение распоряжения о его приеме в Разряд на основании указанных в челобитной причин. Руководил составлением памяти А. Пиминов, один из главных подьячих Разряда и Московского стола⁹⁵².

Любопытно, что причина для перевода в другой приказ, приведенная подьячим, не вызвала недоумения в Разряде и была официально положена в основание указа о приеме на работу. Это вновь указывает на совершенно иные, чем позднее, принципы построения административной системы, в том числе и в отношении оплаты труда чиновников. Сознательно и целенаправленно оплата труда административных служащих шла не через сбор налогов и последующее централизованное распределение их из государственной казны, а поступала непосредственно от “пользователей” этой системой. Таким образом, не только общество ставилось в зависимость от чиновников, но и чиновники от общества. Приведенный документ еще раз подчеркивает то, что система московских приказов представляла собой единый организм, от одной части которого к другим достаточно легко перетекали и отдельные функции, и финансы, и кадры, что позволяло этой системе быть одновременно и сплоченной, и гибкой.

Внутренние административные дела Разряда

В вопросах трудовой дисциплины руководство сотрудниками самого Разряда, вплоть до молодых неверстаных подьячих, осуществлялось непосредственно высшей администрацией приказа, минуя управленцев среднего звена. В числе прочего разрядные дьяки разбирали конфликты между разрядными служащими. Процедура разбора таких конфликтов имела свою специфику. Так, подьячие могли обратиться к своему начальству с жалобой устно, “словесным челобитьем”, которое, однако тут же фиксировалось с их

слов. Именно таким образом подал иск на своего коллегу Ивана Тарасова (старый подьячий, оклад 12 р.) разрядный подьячий Никита Брянцев (молодой подьячий, оклад 2 р.). Дело состоялось в следующем. Как сообщал в своем челобитье Н. Брянцев, “сего де числа (20 марта. – *О.Н.*) в десятомъ часу дни (около пяти часов вечера. – *О.Н.*) в Розряде у Московского стола брал ево Розрядного ж приказу подьячеи Иван Тарасовъ и билъ кулаками и топтунами, поволя, под живот и в спину неведомо за что”⁹⁵³. Свидетелями драки были несколько разрядных подьячих, имена которых Н. Брянцев приводит под челобитной. Ответчик и свидетели были допрошены, при этом соответствующее распоряжение руководства приказа нигде письменно зафиксировано не было. Истцом и ответчиком в данном деле оказались подьячие одного стола – Московского, по всей вероятности, первого по вытью, поскольку, по показаниям И. Тарасова, в указанное время “в Розряде сидели они с подья[...]⁹⁵⁴ за списками боярского списка”⁹⁵⁵.

Конфликт между Н. Брянцевым и И. Тарасовым произошел, если можно так сказать, по этическим мотивам. Судя по документам, разрядные подьячие обычно обедали в помещении приказа, покупая еду вскладчину. И в данном случае будущие истец, ответчик и свидетели, “сложас, купили что им есть, и стали збиратца есть в одно место в Московскои стол, и Микита де Брянцов стал есть преж товарищев своих, и за то де Иван Тарасов избранил ево и бил кулаками, поволя на землю”. Возможно, старый подьячий И. Тарасов счел себя вправе учить манерам молодого подьячего Н. Брянцева, правда, весьма распространенным в XVII в. образом. Со своей стороны И. Тарасов представил дело так, что собрались “они с подьячими есть, и ево де М[...]⁹⁵⁶ Брянцов бранил матерны, и он де за [...] ево зашиб кулаком з двожды или с трожды, а поволя де ево, топтунами и инымъ ника[...]”⁹⁵⁸ боемъ не биваль”⁹⁵⁹. Свидетели, подьячие Герасим Протасов, Василий Айтемирев, Пересвет Жохов, Иван Кобяков, Михаил Шишкин, Алексей Дурнышов, подтвердили вину И. Тарасова, а о Н. Брянцеве сказали, что “Микита де ево Ивана бранил ли, того де они не слыхали”⁹⁶⁰. К сожалению, документ сильно испорчен, поэтому часть интересной информации потеряна. В частности, один из свидетелей, Алексей Дурнышев, сказал, что начала конфликта он не застал, “для того что онъ в то время писал ... столе”⁹⁶¹ – название стола не читается, но, вероятнее всего, не в Московском, поскольку показания А. Дурнышева записаны отдельно от коллективных показаний других свидетелей, и в его словах специально упоминается стол, где он сидел.

Дело расследовал начальник Разряда и он же собственноручно записал свое решение. Разбирательство длилось два дня, после чего, не взирая на старшинство И. Тарасова, ему за его “озорничество”, за то, что “учинил в приказе драку”, было вынесено наказание – “бить батоги нещадно, чтоб впред неповадно было иным то ж делат и в приказе быт не смирно”⁹⁶². Ниже на том же листе зафиксировано исполнение приказа В.Г. Семенова: “и по тому великого государя указу подьячему Ивану Тарасову в Розряде наказане учинено, бит батоги того ж числа”⁹⁶³. К своим показаниям на обороте записей их речей все допрошенные приложили руки, но кто из подьячих приказа вел запись, не отмечено.

Никита Брянцев стал “героем” еще одной драки, произошедшей в стенах приказа, ровно через три месяца после предыдущей (двадцатое число было для него каким-то роковым). На этот раз “бой” произошел из-за того, что Н. Брянцев обознался, проявляя излишнее служебное рвение. Для сопровождения государя в поход в одно из подмосковных сел Разряд собирал жильцов. Поскольку Н. Брянцев был подъячим Московского стола, в ведении второго повытья которого находились жильцы, он также был причастен к этому мероприятию. Поэтому, по словам Н. Брянцева, “в розрядныхъ де сенех взял онъ Ивана Старкова – чаял, что онъ, Иванъ, в житье – и привел в Розряд и в приказе спросилъ подъячего Алексея Яцкого, и Алексеи сказал, что онъ, Иван, не жилецъ, и онъ, Микита, ево, Ивана, отпустил”. (Интересно отметить, что молодые подъячие и тем более старые, как Алексей Яцкой, знали своих “подопечных” в лицо или по имени и могли без документов определить их чин). Однако Иван Старков не ушел мирно, а “ево, Микиту, бил и лицо и шею и руки ободралъ и ферези и полукафтаны изодралъ и за гузно хватал, а отнялъ де ево, Микиту, розряднои сторож Давыдко Борисов”.

По осмотру в Разряде у Н. Брянцева действительно были “лицо и руки и шея ободраны и очараплены до крови и у ферези нашивка и гнездо отодрано и полукафтаны изодрано”. И. Старков же оказался бывшим подъячим Иноземского и Судного Владимирского приказов “и ис тех приказов отстал беспорочно”, а в данное время был без работы. Разряд, как известно, являлся “отделом кадров” для подъячих всех московских приказов, и именно поэтому И. Старков пришел туда подавать прошение о новом месте службы: “ныне де бьетъ челомъ великому государю онъ, Иванъ, во дворецъ в стряпчие”.

И. Старков описал происшествие, разумеется, по-своему: “Сего де числа перед Розрядомъ взялъ ево розряднои подъячи Микита Брянцовъ и бранил ево всячески и, ухватя за воротъ и за волосы, привел в приказ”. Нападение на Н. Брянцева И. Старков категорически отрицал. Однако Н. Брянцев привел свидетелей – находившихся в тот момент в Разряде трех стряпчих, жильца, трех разрядных подъячих (Матвея Павлова, Федора Протопопова и Игнатия Свиридова), разрядного сына боярского Гаврилу Попова и разрядного же сторожа Давыда Борисова. Опрошенные стряпчие оказались сторонниками Н. Брянцева и засвидетельствовали, “что Микита Брянцовъ пошел ис приказу в заднею полату, и Иванъ де Старковъ ево, Микиту, за гузно хватил, и Микита де назвал ево скаредом, что де такъ безчинничаешь, и Иванъ де Старковъ ево за то почал бить и за волосы дралъ и платье на нем изодралъ”.

Возможно, из-за того, что сторонами конфликта оказались разрядный подъячий и служащий другого приказа, и в данном случае Разряд не мог выступить беспристрастным судьей, дело решалось не в Разряде, а верховной властью, которая встала на защиту действующего чиновника: “по указу великого государя бояря, слушав сеи докладные выписки в передней, приговорили Ивашку Старкову за то ево плутовство учинить наказанье, бить багоги нещадно и дать ево на поруки, что ему впред такъ не плутоват и не озорничат, а подячему Миките Брянцову за ево бесчестье держат на нем,

Ивашке, ево [...]»⁹⁶⁴ оклад вдвое». Кроме того, было приказано выяснить, сколько за И. Старковым в поместьях или вотчинах крестьянских дворов. К этому времени И. Старков уже служил – хотя и не стряпчим “во дворце”, а подьячим в приказе Большого прихода.

Как и в приведенном выше случае драки между разрядными подьячими, Н. Брянцев возбуждал иск против И. Старкова в Разряде, обратившись к руководству приказа со словесным челобитьем, которое было за ним записано. Решение бояр записал на деле, в которое входили челобитная, запись осмотра Н. Брянцева и расспросные речи И. Старкова и трех стряпчих, руководитель Разряда думный дьяк В.Г. Семенов. Дело было решено довольно быстро – на четвертый день после подачи челобитной. Сказку о крестьянских дворах И. Старкова, которую В.Г. Семенов указал “взят к сему делу и поднести *той* часть”, И. Старков принес в Разряд через две недели после этого приказания, 7 июля⁹⁶⁵.

Кроме собственно профессиональной деятельности – делопроизводства, у разрядных подьячих были и другие обязанности в приказе, организацией которых, по всей видимости, занимался разрядный “кадровик” Ф.Л. Шакловитый. Раз в неделю в течении суток группы подьячих, сменяясь, должны были неотлучно находиться в помещении Разрядного приказа для его охраны и в качестве “делопроизводственного ресурса” на случай срочных заданий правительства. В январе 185 г. каждая “недельная” группа разрядных подьячих состояла из тринадцати человек. Приблизительно такое число получалось при делении общего количества подьячих приказа на семь (дней недели), учитывая, что некоторые из них не назначались в дежурство вовсе, другие находились вне Москвы в различных “посылках”.

“Дежурная” повинность не возлагалась на первых подьячих приказа – И. Ляпунова (оклад 40 р.), И. Максимова (оклад 35 р.), М. Дмитриева (оклад 30 р.), чье значение в приказной иерархии приближалось к дьяческому. Все остальные подьячие с окладами 30 р. и ниже, даже руководители столов, как например, В. Степанов (начальник Денежного стола) привлекались к дежурствам. “Набор” группы происходил по списку подьячих Разрядного приказа следующим образом: после первого отмеченного старого подьячего, главы группы, каждый последующий член группы отмечался через семь (иногда чуть больше или меньше) позиций списка после предыдущего, пока не набиралось 13 человек. Таким образом достигалась равномерность представительства в группе подьячих разных категорий. Возможно, сбои в заданной последовательности происходили, когда подьячие менялись днями дежурств, по семейным обстоятельствам или взаимоотношениям друг с другом. Но замена, по всей видимости, могла быть произведена только на подьячего той же категории.

Таким образом, группу возглавлял старший подьячий с окладом от 30 до 20 р. В его подчинении находились четверо подьячих старых и средней статьи, пятеро молодых верстаных и трое молодых неверстаных подьячих. В результате составлялся как бы Разрядный приказ “в миниатюре”, укомплектованный в необходимых пропорциях администраторами и делопроизводителями всех категорий и в любой момент готовый выполнить экстренное поручение правительства страны.

Поскольку молодой невестинный подьячий М. Васильев, назначенный дежурить по вторникам, 21 августа 185 г. был заменен подьячим Л. Судейкиным⁹⁶⁶, можно предположить, что список был действителен до конца года. Однако объяснить, почему список был введен в действие в середине второй четверти года, затруднительно. Если сравнить списки разрядных подьячих за 184 и 185 годы, то можно увидеть, что в составе и иерархии подьячих приказа произошли большие изменения. Возможно, это стало очевидно именно к январю, почему и понадобилось заново выстроить схему дежурств.

Хотя «главным» по кадрам в Разряде был Ф.Л. Шакловитый, дела подьячих, связанные с их службой, решались не только им, но и другими разрядными дьяками. Так, разрядному подьячему Ф. Кобякову срочно потребовался отпуск для того, чтобы помочь отцу разрешить его земельные проблемы (думается, содействие приказного подьячего, сведущего в делопроизводстве, было действительно весьма полезным). Проблема состояла в том, что «в прошлых годах» отцу Ф. Кобякова было дано «помещиц» в Рязском уезде «из дикого поля с розными помещиками вопче, и ныне взяли они ис Помесного приказа роздельную грамоту о той земле и с тою грамотою с Москвы съехали». Из документа неясно, находился ли в поместье и отец подьячего, но, очевидно, в любом случае ситуация с разделом земли выходила из-под контроля Кобяковых. Поэтому Ф. Кобяков подал руководству своего приказа челобитную (написанную, естественно, на имя государя), в которой он просил «для розделу той земли отпустит в Рязкой на сколько ты, великий государь, укажешь, чтоб меня, холопа твоего, в розделе не избидели»⁹⁶⁷. Как это часто бывало в случаях, когда челобитье подавал подьячий Разрядного приказа, дело не потребовало выписки. Л.А. Домнин сразу предоставил просителю отпуск: «185-го июня въ 17 день отпустит ево на три недели»⁹⁶⁸. Учитывая, что дорога от Москвы до Рязска занимала примерно три дня, можно характеризовать предоставленный Л.А. Домниным срок как разумно-достаточный.

Кадровая работа была наиболее обширной областью деятельности Разрядного приказа, поскольку главной его функцией являлось постоянное воспроизведение и поддержание структуры служилого сословия. Служба наиболее массовой категории этого сословия – городских служилых людей по отечеству – целиком находилась в ведении Разрядного приказа. Естественно, что в решении этих вопросов глава приказа принимал непосредственное участие – он сразу, без предварительного сбора информации, принимал решения по всем вопросам, связанным с пожалованием в чин и отставкой городских служилых людей; лично В.Г. Семеновым принимались и все решения по челобитным иноверцев о крещении, которые также можно причислить к поверстанью в службу. П.И. Ковелин тоже обладал правом без составления выписки принять решение по челобитной о пожаловании в чин или об отставке от службы, но столь же часто делал это и на основании выписки, составленной по указанию В.Г. Семенова. Второй товарищ судьи, Ф.Л. Шакловитый, мог распорядиться о пожаловании в чин городского служилого человека только после выписки, сделанной по указанию – своему собственному или П.И. Ковелина. Л.А. Домнин не принимал

участия в этой области кадровой работы, однако, возможно, потому, что не обладал соответствующими полномочиями. Однако он, наравне с другими разрядными дьяками, отдавал распоряжения о пожаловании в чины городских служилых людей по подписным челобитным – в этом случае принципиальное решение по делу было уже принято. По тому, что руководитель Разряда решал половину всех дел о выдаче пособий служилым людям за раны и пребывание в плену, можно судить об отношении государства и к вооруженным силам, и к финансовым вопросам.

В поверстании городских служилых людей поместными и денежными окладами руководитель Разряда практически не участвовал – поверстание поместным окладом и получение придач к нему были чрезвычайно важны для формирования и деятельности служилого сословия, однако определяющим моментом в службе служилого человека было место на чиновной лестнице, поместный и денежный оклады были производными от чина. Такое место поместного и денежного окладов в иерархии “служебных” ценностей определило то, что решение практически по всем делам о поверстании поместными и денежными окладами служилых людей городских чинов, по половине всех дел, поступивших в Разряд, о фиксировании в приказе новичных окладов и о выдаче денежных пособий раненым и пленникам принимал первый товарищ думного дьяка, П.И. Ковелин, как сразу, так и на основании предварительной выписки. Гораздо меньше участвовали в решении этих дел Ф.Л. Шакловитый и Л.А. Домнин. К первому дела о поверстании городских служилых людей практически не поступали, второй принимал в них минимальное участие. Оба дьяка в равной мере решали дела о записи в разрядных документах новичных окладов.

Особое место в деятельности Разряда занимало управление столичным чиновничеством. Приказных подьячих можно считать непосредственными подчиненными В.Г. Семенова, поэтому решения о поверстании их поместным окладом (в отличие от городских служилых людей) принимали или сам думный дьяк, без предварительной выписки, или П.И. Ковелин и, в редких случаях, Ф.Л. Шакловитый – каждый на основании выписки, составленной по своему же указанию. Л.А. Домнин этими делами не занимался. В исключительном ведении В.Г. Семенова находились прием запросов из приказов и определение кандидатур подьячих для “посылок”. Организацией высылки подьячих из приказов для этих мероприятий занимался первый товарищ судьи, П.И. Ковелин. Он же, с некоторым участием Ф.Л. Шакловитого, руководил предварительным этапом работы – составлением “примерных” списков подьячих для “посылок”. В.Г. Семенов и П.И. Ковелин лично регистрировали прибывавших в Разряд приказных подьячих перед отправлением их к месту службы.

Как “отдел кадров” служилых людей по отечеству Разрядный приказ должен был составлять и вести обширную “картотеку” подведомственных ему людей. Эта сфера деятельности приказа, безусловно важная, но которую можно отнести к текущим делам, целиком находилась в руках разрядных дьяков. Второй и третий товарищи В.Г. Семенова в соответствии с местом в дьяческой иерархии приказа контролировали ведение боярского и жилецкого списков. Постоянный обмен информацией о служилых людях

между Разрядом и другими московскими приказами осуществлялся под руководством первого товарища В.Г. Семенова. В его компетенцию входила организация сбора сведений по приказам о служилых людях и приказных подьячих и прием ответных памятей (в меньшей степени – о служилых людях и в большей – о подьячих). К нему же поступали запросы в Разряд из приказов. Второй и третий разрядные дьяки выступали помощниками П.И. Ковелина в этой работе, причем Л.А. Домнин в большей степени. К нему, как и к П.И. Ковелину, доставляли ответы из приказов на запросы Разряда (главным образом, о подьячих) и запросы в Разряд из приказов; он участвовал в рассылке повторных памятей в приказы. Ф.Л. Шакловитый организовывал рассылку повторных запросов в приказы и принимал часть запросов из приказов в Разряд.

Управление подведомственными территориями

Каждый из столов Разряда, как говорилось, ведал в определенном отношении группой городов с их уездами. В компетенцию “территориальных” столов, Московского и Новгородского, входило управление городскими служилыми людьми и обороной части замосковских городов и городов Новгородского разряда, “украинные” города полностью находились в компетенции Московского и, частично, Приказного столов. Основопологающим принципом управления в России XVII в. был принцип обратной связи – текущие административные задачи решались не директивно, а по информации снизу. Поэтому практически ежедневно в Разряд поступали отписки городских воевод, с просьбами разрешить те проблемы, которые выходили за границы компетенции местных властей. Большая часть вопросов, связанных с указанными аспектами деятельности Разряда разрешалась приказом самостоятельно, без согласования с верховной властью.

Сыск беглых крестьян и холопов

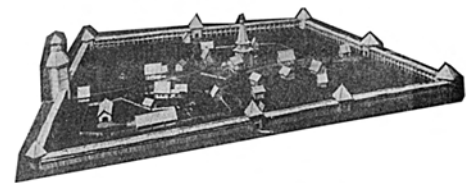
Одной из важнейших проблем, решавшихся Разрядом на южных рубежах, оказалась проблема, казалось бы, непосредственно не входившая в компетенцию этого ведомства – сыск беглых крепостных крестьян и холопов, а также расследование дел о служилых людях, записанных в крепостные крестьяне, но считавших себя вольными. Так, 5 сентября в Разряде от остро-

гожского воеводы И. Саса были получены книги высылки острогожцев в полк Г.Г. Ромодановского. В сопроводительной отписке И. Сас извещал Разряд, что солдат К. Резанцев не был выслан в полк, так как в 182 г. бывший острогожский воевода А. Соковнин отдал его в крестьянство. В.Г. Семенов потребовал допросить А. Соковнина, и тот был доставлен в Разряд. Кроме допроса А. Соковнина в Разряде были подготовлены выписки из разборных книг 183 г., после чего В.Г. Семенов вынес решение: послать грамоту к острогожскому воеводе И. Сасу, чтобы он тотчас прислал в Разряд судное дело и другие документы⁹⁶⁹. Как это нередко происходило в приказной практике XVII в., частный случай выявил, “потянул” за собой крупную проблему, которая и разрешиться должна была в более крупных масштабах.

Проблема комплектования гарнизонов южных рубежей остро стояла перед правительством уже давно. Границы государства неуклонно продвигались на юг и нуждались в укреплении – не только строительством новых крепостей и городков, но и заселением их постоянными жителями, готовыми охранять новые рубежи. При решении этого вопроса правительство в целом делало выбор в пользу выгоды всего государства, а не его отдельных сословных групп. Для крепости границ необходимо было удерживать имеющееся уже там население и привлекать новое.

До середины 30-х годов XVII в. иски в крестьянстве к служилым людям по отечеству и по прибору рассматривались и решались по “судным грамотам”, которые выдавались истцам в Разряде, воеводами украинских городов и только в спорных случаях направлялись в Москву. Суды на местах без указа из Москвы расценивались как самоуправство. По закону воевода должен был арестовать беглого крестьянина или холопа и не выдавать его служилому человеку до указа из Разряда. На месте у служилого человека было больше возможностей оказать влияние на решение дела в свою пользу. С указанного времени, когда на юге России началось строительство новых городов, прежний порядок рассмотрения и решения дел о крестьянстве и холопстве мог замедлить или даже свести на нет усилия правительства по укреплению южной границы государства, поскольку значительную часть населения окраинных городков составляли выходцы как раз из этих категорий людей. Поэтому постепенно выработалась практика переноса дел о крестьянстве с мест в Москву. Рассмотрение таких дел в Разряде, разумеется, не означало решение их только против служилых людей. Однако в це-

лом служилые люди по прибору и дети боярские украинских городов были ограждены новым законодательством от “разволоки” в крестьянство и холопство. Именно этим обстоятельством объясняется большое количество челобитных украинских служилых людей низших категорий о переносе их дел в Разряд – в этом они видели гарантию своей неприкосновенности. А.А. Но-

Крепость Острогожск. Реконструкция.

(Каримов Г.А. Крепости Коротояк и Острогожск в XVII веке // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.) Воронеж, 1981).

восьмилетский относительный период утверждения этих законов к концу 1649 или началу 1650 гг.⁹⁷⁰ Через три года, 5 марта 1653 г. возврат беглых в городах Белгородской черты был вообще запрещен, если они бежали туда до Уложения, то есть до 1649 г. Основание в указе было изложено прямо: “чтобы черты не запустошить”. В 1656 г. срок возврата беглых с Украины был отнесен еще дальше, на 1653 г. (по старому исчислению 7161 г.).

Со второй половины 50-х годов под давлением служилых людей по отечеству отношение правительства к бежавшим на юг крестьянам и холопам начало меняться в пользу их хозяев, однако в связи с возникновением новой угрозы на юге – ожидавшейся войны с Турцией, правительство должно было вновь озаботиться усилением людских ресурсов на южной границе. Поэтому частный случай с отдаением в крестьянство солдата К. Резанцева стал прецедентом для усиления деятельности правительства в этой области. В грамоте И. Сасу В.Г. Семенов предписывал воеводе “то судное дело” и все относящиеся к нему документы прислать в Разряд “тотчас”, указ о таком порядке решения дела записать в острогожской приказной избе в записную книгу. При возникновении новых подобных ситуаций помета В.Г. Семенова предписывала воеводам украинских городов возвращать людей такого “неясного” происхождения в службу, перевоза на своих собственных подводах, а убытки этих отданных в крестьяне или в холопы людей доправлять на сославших их воеводах и приказных людях вдвое⁹⁷¹. По образцу грамоты И. Сасу были составлены грамоты почти во все города Белгородской черты. В них было приказано никого из службы и из тягла без государева указа и грамот в холопство или в крестьянство не отдавать, а суд в холопстве и в крестьянстве давать только в Москве.

Города Белгородской черты находились в ведении Московского стола Разряда, и всю документация по делу К. Резанцева готовилась именно там. Чтобы яснее представить себе объем работы сотрудников стола и число охваченных предписанием городов Белгородской черты, приведем роспись городов, куда по эстафете должны были передаваться грамоты о суде в холопстве и крестьянстве над приборными служилыми людьми украинских городов. В росписи четко расписана схема пересылки грамот и поименно названы ответственные за каждый этап курьеры. После грамоты в Острогожск была написана еще одна, образцовая грамота в один из главных городов Белгородской черты, Козлов, к воеводе С.С. Колтовскому. Суть ее была та же, что и в грамоте И. Сасу. Указ С. Колтовскому был подписан через четыре дня после грамоты И. Сасу, но все грамоты были посланы одновременно: “Таковы ж великого государя грамоты посланы Белгородского полку в города: с чюгуевским виноградным садовником Федкою Ситниковым в Мценск, Обоянь, Карпов, Болховои, Харьков, Чугуев; велено сослать с Тулы на Епифань, изо Мценска в Новосиль, ис Курска на Боровль, в Мирпол, в Краснополье, в Суджу, из Белгорода в Нежегольской, Хотмышской, Вольной, Корочю, Олешню, Яблонов. Орлова городка с драгуном Константином Глотовым в Ефремов, Елец, Воронеж, Орлов; сослат с Ельца в Донков, Лебедянь, Чернавской, Талецкой; с Воронежа на Коротояк, Усмонь, Сокольской, Костенской, Землянской, Урыв, Острогожской, Олшанской, Усерд. С курченином Полуехтом Обра-

мовым на Чернь, Салтов. С Козлова с детьми боярскими Дмитрием Жердевым, Игнатием Кокревым в Козлов, Доброе, Белоколоцкой. С волуиским пушкарем Стенкою Потемкиным на Ливны, Старои Оскол, Новои Оскол, Верхососенской, Волуйку”⁹⁷².

Сложно назвать точную дату, с которой часть дел о крестьянстве и холопстве была передана в Разрядный приказ, но в 185 г. компетенция в этой области Разряда и других приказов была уже строго разграничена: если истец или ответчик судного дела о закрепощении были по сословной принадлежности или по территориальному признаку подведомственны Разрядному приказу, то дело в нем и рассматривалось. Ярko иллюстрирует такое положение дел комплекс внутренних документов Разрядного приказа – выписки о нерешенных делах по закрепощению, составленные подьячим для себя или для представления разрядному руководству. Выписки являют собой отдельные листочки, озаглавленные именем главного фигуранта дела: “елчанин малои Оска Васильев”⁹⁷³, “елченин ж сын боярской Киприян Ничеников”⁹⁷⁴, “елченин ж Лучка Степанов сын Очкасов”⁹⁷⁵, “Митка Леонтьев”⁹⁷⁶. В выписках сжато, но с необходимой полнотой информации изложена суть дела и его состояние на момент составления выписки, например: “Елчанин малои Оска Васильев. Взят з двора Иноземского приказу у подьячего у Афанасья Дехтерева по челобитью елчанина Филипа Кузмина во крестьянстве. И тот подьячеи к суду в Розряд в том деле по многим памятям из Ыноземского приказу не прислан и крепостеи на тово малова не положилъ”⁹⁷⁷. Как явствует из заголовков большинства выписок, одной из тяжущихся сторон в этих судных делах были жители Ельца – города, ведомого в Разряде во всех отношениях. Очевидно, по этой причине Л. Очкасов, который считал себя елецким служилым человеком, а окольный Б.Г. Юшков объявил своим крепостным, был прислан в Разряд по памяти из Московского Судного приказа, где было начато дело. В документе, посвященном делу М. Леонтьева, было записано, что этот человек был прислан в Разряд из приказа Холопья суда, так как “поимался за него в кабальном холопстве торопчанин Митрофан Болшев”. Торопец, город Новгородского разряда, был ведом в Новгородском столе Разрядного приказа только служилыми людьми и оборонительными сооружениями в военном отношении, но это явилось достаточным основанием для передачи дела о холопстве из “профильного” приказа Холопья суда в Разряд.

Дела о беглых крестьянах и холопах попадали в Разряд не только в связи с отписками воевод украинских городов, но и по челобитным помещиков и вотчинников с просьбами выдать грамоту о сыске бежавших от них крепостных. Такие грамоты Разряд или отправлял воеводе тех мест, куда, по сведениям владельца крестьян, бежали крепостные (причем грамота могла быть послана как самим Разрядом, так и через Сыскной приказ), или выдавал самим челобитчикам, чтобы они могли предъявлять ее (грамота с прочетом) городовым воеводам или приказным людям.

Челобитные, поступившие в Разряд, фиксировались в специальной записной книге челобитным и тем самым получали статус официального запроса; с даты записи в книге начинался отсчет времени по решению дела в приказе. Именно поэтому некоторые помещики, сообщая в Разряд о бегстве своих кре-

поустных, ограничивались просьбой зафиксировать челобитье в приказных документах. Так, в челобитной Р.М. Селиванова о том, что 16 января от него убежал холоп со всем домашним архивом и ювелирными украшениями, содержится только просьба записать челобитье в Разряде, о чем и распорядился разрядный дьяк П.И. Ковелин: “Записать челобитье”⁹⁷⁸.

Решение по челобитным о сыске беглых принималось в обычном порядке. Если вопросов не возникало, то решение о посылке соответствующей грамоты в города, указанные челобитчиком, принималось немедленно⁹⁷⁹. Например, на челобитной стольника С.Е. Алмазова о сыске его крестьян в Севске В.Г. Семенов записал свое заключение: “185-го марта в 29 день государь пожаловал велел ему *дат* свою государеву грамоту в Севск к столнику к Левонтью Неплюеву и к дьяку, *велет* им *дат* ему на тех людех в крестьянстве *суд*, а с суда *розыскат* и указ *учинит* по крепостем, по Уложению, *будет* в службе не писаны”⁹⁸⁰.

Если же требовалось прояснить ситуацию, на челобитной помечалось указание сделать выписку, на основании которой принималось окончательное решение. Так, по челобитной лебедянца Мальцева о сыске двух его крестьян, бежавших на Урыв, и даче ему прочетной грамоты на Урыв к приказному человеку, была сделана выписка, и по ней принято решение о даче челобитчику грамоты о сыске его беглых крестьян⁹⁸¹. Так же после составления выписки было решено дело о беглых крестьянах рыльского Никольского монастыря⁹⁸². Вопросы, которые мог разрешить Разряд, основываясь на своих документах, относились к тем случаям, когда беглый крестьянин или холоп заявлял, что его закрепили насильно и раньше он принадлежал к другой социальной категории – служилым людям (по прибору или по отечеству). Сведения такого рода могли быть проверены только по разрядным архивам, например, по городovým разборным книгам и спискам⁹⁸³, переписным драгунским книгам 154 г. (даже 31-летней давности!), смотренным спискам 166 г.⁹⁸⁴, а также по запросам, которые при необходимости посылал Разряд в другие московские приказы, например, Поместный, в котором имелись сведения о прикрепленных к земле крестьянах⁹⁸⁵, княжества Смоленского, где хранились списки казаков городов Смоленского разряда⁹⁸⁶ и т.п. Именно на основании этих материалов и делались выписки.

Большая же часть документов, которые обязан был представить на суд истец, являлась документами частного-правового характера, а также материалами расследования, проведенного местной администрацией. Все шаги по подготовке к суду неукоснительно перечислялись в грамотах Разряда к местным властям: учинить сыск (то есть найти бежавших крестьян и холопов), выявить “крепости, по чему они ему крепки”⁹⁸⁷, списки со служилой кабалы беглого крестьянина или холопа за рукой челобитчика (в Разряд представлялся и подлинник, с которым сверялся список; подлинник возвращался владельцу⁹⁸⁸), списки с местных документов, например, с выписки из рязанских книг меры и дозору⁹⁸⁹ – то есть документы, которые должен был представить владелец на право иметь названных в челобитной людей в крепостных. В сыск иногда также входил опрос свидетелей из тех мест, где жили раньше или живут теперь беглые крестьяне. Наконец, по собранным сведениям и документам местной власти распоряжением Разряда разреша-

лось дать суд, руководствуясь четкими указаниями, записанными в тогдашнем законодательном кодексе и указе 164/1656 г. о сыске беглых⁹⁹⁰.

Некоторые дела по возвращению беглых крестьян не могли решиться на местах в связи со сложностью дела, выходящего за пределы компетенции местной власти. Так, поначалу просьба окольного М.Б. Милославского отыскать его беглую крестьянку не вызвала осложнений. По распоряжению из Разряда воронежскому воеводе было велено “сыскать” ее, и уже меньше чем через месяц воевода доносил в Разряд, что крестьянка найдена, однако выяснилось, что она замужем за воронежским сыном боярским, то есть представителем высшего, служилого сословия. Местная власть встала в тупик и обратилась к центральной с просьбой дать указания в существующей тогда постоянной формулировке: “Что государь укажет”. Государь в лице начальника Разряда В.Г. Семенова велел воронежскому воеводе “тое жонку из-за пристава свободить и отдать мужу с роспискою, а мужа дать на поруки; а как ее спросят, и ему ее поставить, а за приставом ее не держать”⁹⁹¹, то есть фактически освободил бывшую крепостную М.Б. Милославского.

В редких случаях к делам о сыске беглых подключалась верховная власть. Один из таких случаев был связан с объявлением беглым крепостным “слова и дела”. Однако оказалось, что столь опасную игру гулящий человек Федор Шат затеял для того, чтобы его долго не держали в съезжей избе Землянска. Дело же его заключалось в том, что он был крепостным кн. Ф.И. Гагарина, бежав от него, шатался, служил в казаках и детях боярских. Боярская Дума, в которую из Разряда было перенесено дело, приговорила Ф. Шата бить кнутом “за воровство” (сказал “государево слово и дело”) и освободить. Но в тот же день дело попало и к государю, и тот “для поминовения” отца, царя Алексея Михайловича, велел осужденного “бить батоги” и отпустить в Землянск, дав свою грамоту об освобождении от крепости Ф.И. Гагарину. Последнему же предлагалось документально доказать в Разряде крепостную зависимость от него Ф. Шата и его семьи (жены, детей и внуков) “и дать ево, князя Федора, в том на поруки, а о высылке ево к Москве послать великого государя грамота в Переславль Рязанской к воеводе”, что и было исполнено⁹⁹².

Челобитные с просьбой расследовать дело о закрепощении поступали в Разряд не только от помещиков, но и от самих беглых. Такие дела практически всегда решались центральным учреждением, Разрядом, даже если сначала за дело бралась местная власть. Отчасти это объяснялось сложностью и запутанностью подобных дел, отчасти тем, что челобитчики в этих случаях часто не имели при себе никаких документов и вся их надежда была на архив Разряда.

В XVII в. вольный человек нередко попадал в крепостную зависимость по косвенной вине татар и других кочевников, нападавших на южные рубежи государства. Чаще всего это происходило с детьми: малолетних пленников отбивали у татар, привозили в один из русских пограничных городов, а на пути домой, воспользовавшись их беззащитностью, кто-либо из соотечественников обманом и силой закрепощал их. Так произошло, например, с Алексеем Ермолаевым. В возрасте шести лет в 167/1659-59 гг. он был взят

в плен под Ливнами крымскими татарами. В плену он пробыл год и Белгород был отбит черкасами (украинскими казаками) и приведен в Белгород. По всей видимости, отбитые из плена русские люди должны были предстать перед воеводой того города, куда их приводили освободители. Воевода Белгородского полка Г.Г. Ромодановский отпустил А. Ермолаева домой к отцу, ливенскому сыну боярскому И.П. Ермолаеву. Но по дороге, в Карпове ливенский же сын боярский И. Невзоров взял мальчика, якобы для того, чтобы отвезти в Ливны к отцу, а привез к себе в поместье и держал в неволе 16 лет, изменив ему имя (“назвал Демкою”) и насильно женив на своей крепостной. Каким-то образом отец и сын узнали друг о друге и обратились за помощью к местной ливенской власти, но воевода и дьяк были на стороне укрывателя молодого человека. Тогда отец, И.П. Ермолаев, привлек к решению дела воеводу Чернавска М. Бестужева, возможно, как независимого судью, а, возможно, потому, что чернавский воевода был по положению выше ливенского.

Дело, и так не простое, осложнилось, видимо, проблемой территориальной подсудности челобитчиков. Поэтому М. Бестужев обратился за помощью в Москву: “Что государь укажет?”⁹⁹³. Судя по документам, участники конфликта писали в Разряд не впервые, причем исполнение решения Разряда, принятого в пользу Ермолаевых, саботировалось ливенскими властями, и особенно подьячим приказной избы⁹⁹⁴. Отписку М. Бестужева взялся доставить в Разряд – и, очевидно, хлопотать о деле – один из самых заинтересованных в нем людей, И.П. Ермолаев⁹⁹⁵. Мера наказания за служебные правонарушения местных властей определил разрядный думный дьяк: за неисполнение предыдущих распоряжений приказа – о воссоединении отца и сына – на ливенском воеводе велено было “доправить пени десяти рублев, а подьячего, которои в том поноворку чинил, взять в Чернавскои и, роспросив и розыскав подлинно, и за то ево плутовство, будет по сыску объявитца, что он так делал (укрывал ответчика от наказания. – О.Н.), учинить наказанье, вместо кнута бить батоги и из съезжеи избы от дела отставить, чтоб впредь неповадно было и иным так делать”⁹⁹⁶.

Подобный случай произошел и с сыном драгуна, взятым в плен в Севске в 169/1660-61 гг. в возрасте восьми лет, отбитым у татар, но захваченным крапивенским помещиком, который записал его в свои крепостные и впоследствии женил на своей дворовой девке, а затем перепродал ливенскому помещику. Челобитчик просил доставить его с приставом в Москву, где дать очную ставку с помещиком, а также навести справки в драгунских книгах, чтобы не остаться в кабале “навечно” и “службы не отбыть”. По распоряжению В.Г. Семенова просьба челобитчика была удовлетворена⁹⁹⁷.

В самом Разряде любые дела о закреплении людей в городах южной “украины” поступали за редким исключением к главе приказа, думному дьяку В.Г. Семенову⁹⁹⁸, что подчеркивает значение этой проблемы для государства. Иногда решение по поступившим в Разряд челобитным о сыске беглых могли принять самостоятельно и другие дьяки Разряда: П.И. Ковелин (подготовить выписку по челобитной)⁹⁹⁹, Л.А. Домнин (дать грамоту для городского воеводы о расследовании дела)¹⁰⁰⁰.

Дальнейшее ведение дела, направление которому было определено пометой В.Г. Семенова, возлагалось на разрядных дьяков, причем участие в этой сфере деятельности Разряда принимали в равной степени все товарищи думного дьяка. Они руководили составлением выписок и принимали на их основании решения (П.И. Ковелин¹⁰⁰¹, Ф.Л. Шакловитый¹⁰⁰², Л.А. Домнин¹⁰⁰³), руководили составлением грамот к местной администрации (П.И. Ковелин¹⁰⁰⁴, Ф.Л. Шакловитый¹⁰⁰⁵). Решение по выписке записывалось В. Семеновым в редких, самых важных случаях, например, по делу Ф. Шата¹⁰⁰⁶.

В Разряде документы, связанные с делами о сыске беглых и закреплении вольных людей – выписки¹⁰⁰⁷ и грамоты к местным властям¹⁰⁰⁸, готовил подьячий Агафон Пиминов. В 185 г. А. Пиминов, видимо, служил в Приказном столе. Об этом свидетельствуют имеющиеся в архивном деле внутренние документы приказа – “письма”, которыми обменивались столы. Как обычно, они представляют собой короткие неформальные записки на маленьких листочках. Например, в связи с составлением грамоты в Севск по челобитной стольника С.Е. Алмазова о сыске беглых крестьян был направлен такой запрос: “Отписать в Приказной стол, в Севску кто воевода и дьякъ”. Ниже на том же листочке другими почерком и чернилами записан ответ: “столникъ и воевода Леонтеи Раманов сын Неплюев да дьяки Алексеи [...]сков¹⁰⁰⁹, Клим Судеикин”¹⁰¹⁰. Поскольку запрос был затребован в Приказный стол и вместе с ответом подклеен к другим документам по сыску беглых, можно предположить, что эти дела велись именно в Приказном. Логично также, что из Приказного стола с вопросом о городских воеводах обращались в Московский стол – росписи городских воевод ведались в первом его поветье. Кроме того, в том же деле имеются материалы о награждении раненых, что было несомненной прерогативой Приказного стола. И, наконец, многие из представленных дел о сыске беглых крестьян включают документы о суде по этим делам, а судебная деятельность Разряда была также сосредоточена в Приказном его столе. Таким образом, очевидно, что старый подьячий со справой А. Пиминов служил в 185 г. в Приказном столе¹⁰¹¹.

Сроки исполнения Разрядом и местными властями дел по сыску беглых крестьян и холопов восстановить со всей полнотой затруднительно, поскольку в приказной делопроизводственной практике датировка документов, как уже отмечалось, была принята в трех случаях: обязательно – при записи решения по делу, почти всегда – при получении входящего документа и, реже, – при отправлении исходящего на остававшемся в архиве черновике-отпуске. Тем не менее, и таких дискретных временных показателей достаточно, чтобы представить общую картину сроков, в которые решались эти дела в приказе.

Естественно, быстрее всего было решено дело по объявлению “государева слова и дела” Ф. Шатом – выписка для представления верховной власти была подготовлена в приказе за 4 дня¹⁰¹². Единственное столь же быстрое решение дела, не относящееся к делам государственным, состоялось по челобитной стольника С.Е. Алмазова – грамота местному воеводе была подготовлена на следующий день после решения по челобитной. Возмож-

но, это объясняется тем, что местным властям уже посылались предписания, на которые они не отреагировали¹⁰¹³.

В делах по насильственному закреплению бывших полонянников сроки решения их были примерно одинаковыми: в деле А. Ермолаева от подачи челобитной до ответной грамоты городовому воеводе прошло две недели¹⁰¹⁴; выписку по челобитной драгунского сына, также бывшего пленника, в Разряде готовили две недели; место, где на черновике грамоты городовому воеводе указана дата, оторвано, так что можно предположить, что от подачи челобитной до составления грамоты прошло несколько более двух недель¹⁰¹⁵.

Грамота по челобитью о сыске беглых кн. М.Я. Черкасского была готова уже через неделю после принятия решения по челобитной, однако по каким-то причинам задержана в Разряде на два месяца¹⁰¹⁶. Также через неделю было принято решение по выписке о сыске беглых крестьян лебедянского помещика Мальцева¹⁰¹⁷. Несколько больше времени понадобилось для подготовки выписки по челобитной рыльского Никольского монастыря – почти три недели, еще столько же готовили грамоту по решению на выписке¹⁰¹⁸. Таким образом, общий срок решения дела монастыря от подачи челобитной до отсылки грамоты к местным властям составил полтора месяца. Возможно, это объяснялось сложностью дела – крепостные крестьяне монастыря разбежались по многим городам Украины: в Курск, Рыльск, Обоянь, Хотмышский, Севск, Кромы, Орел, и сотрудники Разряда не сразу решили, каким образом лучше организовать дело на месте. Первоначально грамота с прочетом была подготовлена к воеводам всех перечисленных городов, но затем надзор за делом решили, так сказать, централизовать в местном масштабе и передали все полномочия военному и административному главе края, воеводе Белгородского полка Г.Г. Ромодановскому¹⁰¹⁹. Около месяца прошло от подачи челобитной до принятия мер по ней в деле С.В. Сатина о бежавшем от него дворовом человеке¹⁰²⁰. Выписка по отписке острогожского воеводы И. Сага была составлена через две с небольшим недели, грамота в Острогожск отправлена из Разряда еще через неделю, а грамоты к местным властям разосланы через полторы недели после решения по выписке¹⁰²¹.

В отличие от воеводы, на которого было возложено дело по сыску крепостных стольника С.Е. Алмазова, воронежский воевода исполнил поручение по сыску беглой крестьянки окольничего М.Б. Милославского быстро – его отписка была доставлена в Разряд чуть меньше, чем через месяц после отправления грамоты в Воронеж. Подготовка ответной грамоты на эту отписку с момента решения по ней заняла в Разряде три недели, причем дело было не простым (см. выше). Следует отметить, что грамоту в Воронеж по делу М.Б. Милославского было поручено отвезти разрядному подьячему С. Баташеву (3 мая)¹⁰²² – возможно, с оказией, поскольку С. Баташеву было дано поручение из Разряда в Воронеж.

Таким образом, решение дел по сыску беглых крестьян и холопов занимало в Разряде в среднем от двух недель до месяца.

Каждый год Разряд составлял один из своих главных документов – обзор ведомых в приказе городов (то есть практически всей Европейской России) в отношении их обороноспособности. Для этого в первых числах сентября Разряд рассылал воеводам “своих” городов распоряжения о подготовке и присылке в Разряд так называемых городских сметных росписей – подробного описания состояния городских укреплений, гарнизона и боевых и продовольственных запасов. Подготовка росписей в разных городах занимала в среднем от недели до трех¹⁰²³, возможно, в числе прочего это зависело и от количества подьячих в приказной избе города – большими их силами справлялись с задачей быстрее.

В принципе для составления годовой сметы города существовал некий общий формуляр, который включал все возможные пункты по описанию военно-административного состояния города. В смете должны были быть перечислены крепостные строения города, артиллерия с боеприпасами, “стратегические” продовольственные запасы (хлеб в зерне и(или) в муке, сухари, соль), личный состав местной администрации, куда входили не только приказные люди (к ним в списках причисляли и городских нотариусов – площадных подьячих), но и выборные управленцы – таможенные и земские головы и т.п. В сметный список, разумеется, следовало включить и личный состав гарнизона с указанием имеющегося у людей оружия. Жители города также рассматривались с военной точки зрения – как военнообязанные “запаса”, причем после перечисления обывателей, тяглых и жилецких людей, отдельной цифрой указывалось число вооруженных людей, которые реально могли принять участие в возможной обороне города с их собственным оружием. Так, в Ярославле “людей с боем, кроме малых робят” было 3 520 человек, “а у них бою” 778 пицалей, 1 918 копей и бердышей¹⁰²⁴.

Однако на деле в годовые сметы все указанные разделы вносили не всегда. Так, в перечневой росписи “с тетрадеи ростовские годовые сметы” были указаны сведения только о казне, хранящейся в съезжей избе, и неполные данные о гарнизоне города – перечислены отставные дворяне и представители местной администрации, в том числе четыре подьячих съезжей избы и десять рассыльщиков “с пицалми”¹⁰²⁵. В одних случаях это зависело от старательности и квалификации приказных людей, в других – от объективных обстоятельств. Например, новый костромской воевода А. Тушин сам указывал на то, что в сметной росписи отсутствует раздел, содержащий сведения о личном составе городской корпорации, и называл причину: в приказной избе нет списка костромских служилых людей, из-за чего воевода и дьяк не могут провести им смотр¹⁰²⁶.

В Разряде сметные росписи городов принимали к рассмотрению, по-видимому, все дьяки приказа. Обычной резолюцией было распоряжение взять документ “к отпуску”, то есть отправить его в разрядный архив, и внести

данные из присланного документа в сводную годовую смету: “К отпуску и написать в годовую смету”¹⁰²⁷, “К отпуску и о городе из *сеи* отписки, а о людех *ис* книг написать в годовую смету”¹⁰²⁸, “К отпуску, а списки написать в годовую смету”¹⁰²⁹. Возможно, В.Г. Семенов рассматривал те городовые росписи, которые требовали разрешения какой-либо проблемы. Так, на росписи А. Тушина помимо указания “к отпуску”, помета В.Г. Семенова содержала распоряжение разрядным служащим “выписать, сколько костромич дворян и детей боярских отставных по списку”¹⁰³⁰.

По принятой в приказной канцелярской работе “экономному” стилю на том же входящем документе, то есть отписке, сопровождавшей годовую сметную роспись, подьячим делалась помета об исполнении распоряжения дьяка: “в книгу записана”¹⁰³¹, “в книгу писана”¹⁰³², “в книгу пис.”¹⁰³³, “в книгу спис.”¹⁰³⁴ “в книги пис.”¹⁰³⁵. В этих пометах, как обычно, не указаны ни дата исполнения, ни лицо, ответственное за него. Для руководства Разряда, для правильной работы приказа важна была только суть – распоряжение исполнено, информация из росписи занесена в соответствующий приказный документ и находится в работе.

С точки зрения приказной административной, а, значит, и канцелярской логики, на документе следовало указывать дату его получения – точку отсчета его пребывания в приказе, и лицо, подавшее документ – как ответственное за его сохранность и своевременную доставку. Для контроля сам отправитель нередко отмечал на отписке дату ее отправки и имя курьера. Обычно это были городовые служилые люди по прибору или по отчеству – пушкари¹⁰³⁶, приставы¹⁰³⁷, рассыльщики¹⁰³⁸, стрельцы¹⁰³⁹, подьячие городской съезжей избы¹⁰⁴⁰, дети боярские¹⁰⁴¹, реже – московские служилые люди, например, жильцы¹⁰⁴². По этим записям можно видеть, что иногда, очевидно, в последний момент, курьера заменяли. Так, в отписке из Переславля Залесского сказано, что роспись выслана 27 сентября с переславским “розсылщиком” А. Микулиным. Но в Разряде на отписке отметили, что подана она 3 октября приставом Переславля Залесского “Сидоркою Юровым”¹⁰⁴³. В отписке галицкого воеводы В.А. Ордина-Нащокина было отмечено, что документы из Галича посланы 3 ноября с галицким приставом “Тишкою Савиным”, причем эта фраза была вписана в отписку позже, другими чернилами. В Разряд же отписку подал 24 ноября “галицкою россыльщик” С. Михайлов¹⁰⁴⁴.

На отписке, сложенной “конвертом”, всегда был надписан адрес: “в Разряд”.

Разрешение проблем местного управления

Кроме решения оборонных задач на подведомственных территориях, в компетенцию Разряда входило разрешение различных местных административных конфликтов. Одной из наиболее часто провоцирующих конфликты ситуаций была смена местного руководства – воеводы и дьяков с подьячими.

Так, например, подьячие рыльский приказной избы И. Нестеров и И. Некрасов в сговоре с новым рыльским воеводой К.А. Зыбиным обвинили прежнего воеводу в присвоении 28 рублей с полтиной из их, подьяческого сбора. Сделано это было для того, чтобы покрыть их же воровство. Сначала дело не вышло за границы округа. В Курске Г.Г. Ромодановский велел доправить деньги на старом воеводе Г.И. Шишкине или его людях. К.А. Зыбин по этому указу взял людей Г.И. Шишкина в тюрьму. Очевидно, Г.И. Шишкин обратился за правдой в Разряд, и 29 декабря в Севск (Рыльск принадлежал к городам Севского разряда, и рыльский воевода был подчинен в административном отношении севскому) была отправлена из Разряда грамота с указанием послать из Севска в Рыльск находящегося там по разрядным делам разрядного сына боярского Илью Щелкунова с приданным ему конвоем, чтобы доставить в Севск Г.И. Шишкина с семьей и людьми, двух подьячих и все документы по делу. На Г.И. Шишкине, кроме того, было велено доправить прогонные деньги и отпустить его в Москву. Севский воевода и дьяк известили Разряд, что И. Щелкунов вместе с Г.И. Шишкиным и его людьми выехал в Москву, но рыльский воевода К.А. Зыбин отказался отпустить своих подьячих и выдать документы. Тогда Разряд обратился напрямую к К.А. Зыбину с требованием выслать подьячих с документами и уже не в Севск, а в Москву, доправив на них прогонные деньги¹⁰⁴⁵.

Дела, подобные вышеприведенному, Разряду приходилось разбирать нередко. Одно из них, и весьма запутанное, было связано со сменой администрации “столицы” Белгородской черты, города Белгорода. Стряпчий М. Киреевский, бывший воевода города Белгорода, минуя начальника края Г.Г. Ромодановского, бил челом в Разряд о неправых, с его точки зрения, действиях одного из своих преемников, дьяка С. Карево. В 184 г. М. Киреевскому, очевидно в связи с приездом нового воеводы, велено было сдать все свои дела, связанные с денежным и хлебным сбором в Белгороде, Г.Г. Ромодановскому, полученный в Разряде наказ отдать дьяку С. Карево и после “счета” (проверки его бухгалтерии) ехать в Москву. Оказалось, что книги 183 г. М. Киреевский уже отправил в Москву, но книги 184 г. он отдал С. Карево. По словам М. Киреевского, С. Карево намеренно задерживал его в Белгороде, “мстя прежнею недружбою” и “не считая” его “долгое время”. Очевидно, по распоряжению Г.Г. Ромодановского М. Киреевскому было велено доделать доимочную книгу, а “счесть” его другому дьяку, С. Скворцову. Трудность, однако, заключалась в том, что необходимые для завершения доимочной книги документы находились частично в Москве, частично у дьяка С. Карево. М. Киреевский обращался в Разряд с просьбой не забирать у него наказ, а доимочную книгу доделать вместо него дьяку С. Скворцову.

Разрешение ситуации В.Г. Семенов возложил на главу краевой администрации, Г.Г. Ромодановского, четко определив при этом его конкретные шаги. Думный дьяк приказал Г.Г. Ромодановскому сделать копию с наказа (за рукой М. Киреевского и дьяка К. Михайлова, сотрудника М. Киреевского по белгородскому приказу денежного и хлебного сбора), а подлинник оставить М. Киреевскому, счесть бывшего воеводу, при наличии недоимок доправить их на нем и отпустить в Москву¹⁰⁴⁶.

Однако дело на этом не закончилось. В Москву, в Разряд написал дьяк К. Михайлов. Все дела, которые он вел вместе с М. Киреевским, К. Михайлов также должен был передать дьяку С. Карево, а кроме того, по московской доимочной книге сверить белгородские доимки, при необходимости обращаясь в города Белгородского полка за справками. По завершении работы дьяку К. Михайлову велено было отправить все имеющиеся у него документы в Москву вместе с разрядным подьячим И. Костоусовым, посланным в Белгород, а самому остаться в Белгороде. К. Михайлов докладывал в Разряд, что все, что было в его силах, он сделал, но для завершения работы существуют непреодолимые препятствия: во-первых, приходные и расходные книги находятся у дьяка С. Карево, а без них свести баланс невозможно; во-вторых, все подьячие приказной избы также находятся в подчинении у С. Карево, и писать документы некому; наконец, многие воеводы белгородских городов не дали справок по его запросам. К. Михайлов просил у руководства Разряда поручить завершение доимочной книги С. Карево с подьячими, а его “отпустить к Москве”.

И эта проблема, по мнению руководства Разряда, должна была разрешиться на месте. Г.Г. Ромодановскому было приказано “счесть” К. Михайлова, при необходимости доправить на нем недостачу и отпустить в Москву; все дела К. Михайлова доделать дьяку С. Скворцову, документы прислать в Разряд, как и было условлено, с подьячим И. Костоусовым к 1 ноября 185 г. Для этого, во-первых, Г.Г. Ромодановский должен был послать из Белгорода к городovým воеводам детей боярских и подьячих, чтобы собрать необходимые сведения и доправить на воеводах за непослушание М. Киреевскому и С. Михайлову пени в размере 20 р. с человека, во-вторых, подьячих “у счетного дела” под руководством С. Скворцова не выпускать из съезжей избы, пока они “то все счотное дело в конец приведут, а буде они работать станут лениво, и их держать скованных”. Наконец, эмиссару Разряда подьячему И. Костоусову “для ево многово житья” в Белгороде велено было дать “денег три рубли, четверть муки ржаные, полосмины круп гречишных, ведро вина из белгородцких доходов”¹⁰⁴⁷. Таким образом, Разряд, получив информацию о проблемах на местах напрямую от местных администраторов, поручил уладить их главе местной власти Г.Г. Ромодановскому, отдав ему четкие конкретные указания по разрешению конфликта.

Смена местной администрации обязательно сопровождалась тотальной ревизией передаваемого новой власти объекта – города со всеми его оборонными и казенными сооружениями, военными и продовольственными запасами, казной, городским архивом и, в том числе, людьми – членами администрации, вплоть до площадных дьячков, и ратными, в число которых входил как гарнизон, так и городское ополчение. Результаты проверки фиксировались в “росписных” списках, которые передавались в Разряд. Естественно, что в пограничных городах такая ревизия проводилась особенно тщательно, любой аспект ее – будь то люди, артиллерия, продовольственные запасы или крепостные сооружения – имел первостепенное значение прежде всего для жизни самого города. Но и центральное военное ведомство было заинтересовано в максимально точных сведениях об обороноспо-

собности каждого участка южной границы. Так, при приеме города Доброго новым воеводой у предыдущего не оказалось контаря (весов) для взвешивания запасов, поэтому преемнику пришлось принимать запасы “по сказке”, то есть со слов прежнего воеводы, о чем он и доложил в Разряд. Разумеется, такая приблизительная картина не могла удовлетворить Разрядный приказ. Устранить непорядок В.Г. Семенов поручил главе областной администрации, козловскому воеводе. Он должен был выслать из Козлова квалифицированную комиссию для точного определения арсенала и продовольственных запасов Доброго – “сына боярского добра да подьячего съезжеи избы да с ним пушкаря, которои бы достаточно знал вес” – и контарь. Комиссии было указано перевесить все запасы и роспись их “за руками” всех членов комиссии прислать в Разряд¹⁰⁴⁸.

Строгого формуляра “росписных”, как и сметных, списков не существовало, каждый воевода докладывал военному руководству о состоянии города в меру своего разумения и ответственности. Однако и для этого вида документов существовал комплекс неких “базовых” сведений, которые должны были быть отражены в отчете непременно. В их число прежде всего входила информация об оборонительных сооружениях и о защитниках города. Отсутствие этих разделов или их недостаточная полнота обесценивали доклад, что и вызвало, очевидно, неудовольствие одного из руководителей Разряда, Ф.Л. Шакловитого, в отношении брянского воеводы Л. Зубкова. В числе других распоряжений сотруднику приказа по полученному от воеводы “росписному” списку Ф.Л. Шакловитый указал: “А что у него в сем росписном списке городу и острогу меры башен не описано и против наказу про то не очищено, и о том послать к нему великого государя грамота с осудом, да и за то ево осудит же, что у жилецких людеи написаны дети и брати и своиственники по именов, а хто в каковы лета, также и у стрелцов и у городаделцов¹⁰⁴⁹ что детеи и брати и всяких своиственников и того ничего, и сосед¹⁰⁵⁰ и подсоседников и захребетников и гулящих людеи не написано”¹⁰⁵¹. В особенное раздражение, судя по помете, привели Ф.Л. Шакловитого неуместные подробности об именах родственников “жилецких людей” наряду с отсутствием нужных сведений о возрасте многих категорий служилых людей по прибору, что закрывало возможность оценить вооруженные силы города.

Материалы “росписных” списков в течение всего года пополняли новыми данными годовую смету. Так, например, 16 февраля в Разряд были доставлены “росписной” список и сопроводительная отписка П. Полтева, только что сменившего на посту воеводы Переславля Залесского В.А. Кроткого. В.Г. Семенов, принявший документы, распорядился направить их в разрядный архив, а перед тем “напишат ис сего росписного списка в годовую смету о всемъ подлинно”¹⁰⁵².

Конфликтные ситуации складывались, разумеется, не только между прежней и новой администрацией одного города, но и между руководителями разных городов. За их разрешением представители местной власти обращались в свое центральное ведомство, Разрядный приказ. Часто подобные столкновения происходили, когда истец и ответчик были подсудны воеводам разных городов. Например, в Острогожске пойманный вор (крал

мед) оговорил на следствии нескольких человек из Ольшанска. Острожский воевода И. Сас (в документах значится как Сасов) писал к воеводе Ольшанска Л. Бунину с требованием прислать этих людей в Острожск на очную ставку с вором “многажды”, но Л. Бунин этого не сделал. Тогда И. Сас обратился с отпиской в Разряд. Отписку принял В.Г. Семенов и вынес решение: “по указу великого государя послать его государева грамота в Ольшанской к Левонтию Бунину, чтоб он тех оговорных к языком на очные ставки послал наспех тотчасъ, а что он тех воров укрывал и по ево, Ивановым, отпискам тех оговорных людей к нему не послал, и за то на нем. Левонтии, доправит пени двадцат рублев”. Приведение в исполнение этого наказания было возложено на ольшанского стрелецкого голову, “а будет головы нет, и о том послать к губному старосте или х кому пригож”¹⁰⁵³.

Как было сказано, Разрядный приказ (а именно его Московский и Новгородский столы) ведал замосковными городами службой, то есть городскими корпорациями служилых людей и состоянием этих городов в военном отношении. Это значило, что такие города находились в подчинении сразу нескольким приказам: администрация города – воевода, дьяки и подьячие приказной избы – назначалась из Разрядного приказа, в прочих же отношениях (суд, сбор налогов и т.д.) город ведался в других центральных учреждениях. Таким образом, Разряд разделял управление этими городами с другими ведомствами и должен был постоянно взаимодействовать с ними в решении текущих дел города. Но даже обороноспособность города не была целиком в ведении Разряда. В целом надзор за состоянием городских укреплений и административных строений лежал на воеводе, присланном из Разряда. Но часть сооружений по своему назначению была подведомственна Пушкарскому и Разбойному приказам. Первый ведал почти на всей территории государства боеприпасами и всем, что с ними было связано, в том числе и местами их хранения, второй – тюрьмами. Таким образом, начальник крепости не мог решить вопросов, связанных с этими делами, без участия Пушкарского и Разбойного приказов. Но, поскольку сам воевода был непосредственно подчинен Разряду, то с указанными проблемами он обращался в Разряд, а уже из Разряда направлялись соответствующие запросы или распоряжения в Пушкарский и Разбойный приказы. Такова была субординация административных лиц и государственных учреждений XVII в.

Переписка галицкого воеводы В.А. Ордина-Нащокина с Разрядом и Разряда с Пушкарским и Разбойным приказами по поводу строительства казенных погребов и других зданий является типичным примером указанных взаимоотношений между местной администрацией и центральными государственными органами.

Инициатива, как всегда в подобных делах, исходила от городского воеводы. Дело началось с “росписного” списка, который был прислан В.А. Ордин-Нащокиным после вступления в должность и смены прежнего воеводы. Принимая город от предшественника, В.А. Ордин-Нащокин отметил бедственное состояние многих укреплений и казенных строений – тына, мостов, сторожни, казенного погреба и тюрьмы – все это, по словам воеводы, сгнило¹⁰⁵⁴. В Разряде росписной список и сопровождавшая его отписка В.А. Ор-

дина-Нащокина были приняты руководителем приказа. Подобные проблемы управления городами в обычном порядке решались на уровне центральной исполнительной власти – приказов. Так же эта проблема была решена и в данном случае: В.Г. Семенов распорядился принять отписку в разрядный архив, а в приказы, чьей компетенции принадлежали соответствующие строения, то есть в Пушкарский и Разбойный, послать памяти¹⁰⁵⁵.

Следует отметить, что и в этом, и во всех подобных случаях (за редкими исключениями) указание начальника Разряда своим подчиненным носило самый общий характер – послать памяти в такой-то приказ. В помете не содержалось указания на конкретное подразделение Разряда или лицо, которое должно исполнить распоряжение, не было никаких указаний на примерное содержание памяти. Документ отправлялся в нужный стол, повыть, к нужному подьячему, который знал, как необходимо составить отношение в другой приказ и как его оформить, что еще раз свидетельствует об уровне организации (а не заорганизованности) делопроизводственной деятельности приказа, о неформальном и потому эффективном способе управленческой деятельности.

По указанию В.Г. Семенова были составлены и отправлены памяти в Разбойный и Пушкарский приказы с требованием “учинить” указы о поправке старых или возведении новых казенных строений. Память в Разбойный приказ была составлена через тринадцать дней после указания В.Г. Семенова и отправлена в тот же день¹⁰⁵⁶; память в Пушкарский приказ была написана и отправлена несколько позже – через шестнадцать дней после пометы В.Г. Семенова¹⁰⁵⁷. Дело было взято под контроль первым заместителем начальника Разряда П.И. Ковелиным¹⁰⁵⁸. Однако в конце ноября, то есть почти через два месяца после отправки из Разряда этих памятей, от В.А. Ордина-Нащокина в Разряд пришла новая отписка с той же настойчивой просьбой – отдать, наконец, распоряжение о приведении в порядок сгнившего городского строения. Ситуация зашла в тупик – деньги на новые мосты, казенные погреба, “опальную тюрьму”, сторожню и тын были давно собраны в городской казне, но без указа из Пушкарского и Разбойного приказов галицкий воевода не мог приступить к строительству. В.А. Ордин-Нащокин подчеркивал, что и прежние воеводы писали об этой проблеме и в Разряд, и в Пушкарский приказ “многажды”¹⁰⁵⁹.

Очевидно, написанная с большим чувством отписка В.А. Ордина-Нащокина и ситуация в целом произвели должное впечатление на руководителя Разряда, потому что он решил вынести решение этого дела на более высокий уровень – Разряд явно не мог справиться с ситуацией самостоятельно. В.Г. Семенов указал отправить в Пушкарский и Разбойный приказы еще по одной памяти с требованием отдать, наконец, распоряжения о строительстве, но одновременно велел “выписать в доклад к великому государю и поднести тотчас”¹⁰⁶⁰. На подготовку памятей и их отправку в приказы в Разряде потребовалось также примерно две недели¹⁰⁶¹.

Все дело по вопросу о галицких казенных строениях непосредственно вел в Разряде начальник второго повытья Новгородского стола (в чьем ведении находился Галич) И. Олсуфьев – памяти в приказы готовились под его руководством и при его непосредственном участии. Так, черновик памя-

ти в Пушкарский приказ, составленный другим подьячим, был отредактирован И. Олсуфьевым – на обороте им сделана вставка: “а наперед сего”¹⁰⁶² о том великого государя указа из Разряда в Пушкарской приказ послан же октября въ 10-м числе нынешняго 185-го году”¹⁰⁶³. Черновик памяти в Разбойный приказ от 12 декабря был написан самим И. Олсуфьевым; здесь напоминание о посылке памяти в Разбойный приказ 10 октября включено в текст документа¹⁰⁶⁴. Текст выписки для доклада государю и, соответственно, его решение по этому делу, в архивном деле отсутствуют, поэтому дальнейший ход событий восстановить сложно, но, во всяком случае, можно предположить, что дело продвинулось, поскольку вышло на высший государственный уровень.

В.А. Ордин-Нащокин явно не был безынициативным администратором. По мнению воеводы, необходимо было решить вопрос о границах его компетенции в делах судебных, а именно, губных (таинных, разбойных, сыскных), то есть уголовных. Через три месяца после вступления В.А. Ордина-Нащокина в должность в Разряд поступила его отписка с запросом: может ли он судить “всякие” губные дела¹⁰⁶⁵. Ситуация в Галиче была описана им следующим образом: со дня его приезда в Галич горожане бьют челом о расправе в этих делах, но указа, разрешающего ему судить их, к нему не послано; в то же время прежние воеводы судили галичан по таинным и прочим подобным делам. Из этого запроса В.А. Ордина-Нащокина следует, что компетенция Новгородского стола Разрядного приказа в отношении суда в замосковных городах не была четко определена. В целом Новгородский стол, как уже отмечалось, ведал только служилых людей и состояние городов в военном отношении. Но, очевидно, в некоторых городах, а, возможно, в какой-то период и во всех подчиненных столу городах ситуация менялась, и воеводам замосковных городов предписывалось чинить суд по губным делам.

Во всяком случае, в самом Разряде ответа на этот вопрос не знали. Но эта проблема, по мнению руководства Разряда, не требовала разрешения на высшем уровне – за разъяснением ее Разряд обратился в Разбойный приказ, в архиве которого должны были находиться все постановления правительства по подобным вопросам. Помета П.И. Ковелина на отписке В.А. Ордина-Нащокина гласит: “Чтена и записат и против сеи отписки послать в Розбойнои приказ память”¹⁰⁶⁶. В данном случае нельзя согласиться с мнением Н.А. Рожкова о том, что “чтена” означает представление документа государю или думе¹⁰⁶⁷. В помете П.И. Ковелина отсутствует, во-первых, добавление “государю” и, во-вторых, запись его, государя, решения; в ней имеется только распоряжение разрядным служащим подготовить отношение в другой приказ, опираясь на изложенные в отписке факты.

Такая память и была подготовлена руководителем того повытья, в чьем ведении находился Галич – И. Олсуфьевым, начальником второго повытья Новгородского стола. И. Олсуфьев не только составил документ, но и отредактировал его. Правка, как всегда, носила стилистического характер, была направлена на большую четкость изложения, избегание тавтологии – так, например, фразу “указал указ учинить” И. Олсуфьев исправил на “велел указ учинить”. Кроме того, в адресной части памяти им был

вставлен пропущенный поначалу судья Разбойного приказа стольник В.Ф. Извольский¹⁰⁶⁸. Память была послана в Разбойный приказ с разрядным подьячим Иваном Бесединым¹⁰⁶⁹.

Как уже отмечалось, тюрьма, артиллерийские погреба, тын и некоторые другие казенные строения замосковных городов находились в ведении Разбойного и Пушкарского приказов, хотя на месте, в крепости, за их состоянием следил воевода. Однако приказная, или съезжая, изба была “на балансе” Разряда как место нахождения администрации, подчиненной этому приказу. Поэтому за сохранность этого здания отвечал Разряд. В случае, если приказная изба требовала починки, перестройки или надо было строить новую приказную избу, воевода должен был обратиться в Разряд за разрешением. Выше приводился пример переписки городского воеводы с Разрядом по сходному поводу (починки городских укреплений). Еще более мелочной регламентацией центральной властью деятельности воеводы может показаться запрос последнего о перестройке приказной избы. Однако и в этом случае, чтобы начать какое бы то ни было строительство в городе, требовались некие ресурсы – финансовые, материальные, людские. Объявить о сборе денег на строительство даже приказной избы значило вторгнуться в имевшуюся налоговую систему, а это точно выходило за границы компетенции местной власти. Обязать местных жителей поставлять материал для строительства казенного строения или отправить на эту работу крепостных крестьян, принадлежавших местным служилым людям, также означало введение новых, сверхобычных повинностей и тоже выходило за определенные законом границы власти воеводы. Именно поэтому все подобные вопросы должны были сначала принципиально решиться более высокой инстанцией – центральным органом власти, а непосредственное исполнение решения, так сказать, тактические моменты, передавались в ведение местной администрации.

Подобных примеров в управленческой деятельности Разряда было множество. Так, руководители местной костромской власти, воевода А. Тушин и дьяк Я. Поздышев, направили в Разряд запрос о починке старой сгнившей приказной избы или строительстве новой, вернее, не столько о починке, сколько о необходимости собрать деньги на переоборудование строения. Вопрос был решен в Разряде его главой В.Г. Семеновым, распоряжение которого состояло в следующем: разрядным служащим предписывалось подготовить грамоту руководству Костромы, в которой было бы указано строить новую избу силами “грацких и уездных людей”, денег с местных жителей не брать и сверх постройки избы ничего не делать, чтобы “грацким и и уездным людям напрасных тягот не было”¹⁰⁷⁰. Очевидно, В.Г. Семенов выбрал наименее болезненный для местных жителей способ решения проблемы – материальное участие в строительстве казенного здания было дешевле финансового.

Распоряжение В.Г. Семенова было исполнено через две недели¹⁰⁷¹, но, видимо, дела с приказной избой обстояли настолько плохо, что воевода и дьяк, не дождавшись ответа из Разряда, отправили еще один призыв решить вопрос со сбором денег на новое казенное строение. На этот раз решение по отписке принимал не руководитель Разряда (оно уже было приня-

то), а его третий заместитель дьяк Л.А. Домнин. В его помете почти дословно повторено распоряжение В.Г. Семенова по первой отписке А. Тушина и Я. Поздышева и только прибавлено указание для костромского дьяка документально оформить казенную стройку: записать “строенье в книги и прислать в Розряд за своею рукою”¹⁰⁷².

Все документы по этому делу готовились в Разряде во втором повытье Новгородского стола, в чьем ведении находилась Кострома. Черновик грамоты в ответ на первое послание из Костромы составил подьячий указанного повытья Ф. Зверев – “писал Федка Зверев”¹⁰⁷³. По всей видимости, Ф. Зверев был первым помощником И. Олсуфьева, поскольку именно он часто готовил черновые варианты разных разрядных документов – внутренних и исходящих. Вероятно, также, что подпись “писал такой-то” означала, что И. Олсуфьев не имел отношения к редактированию документа, а за правку и окончательный вид документа отвечал разрядный дьяк, закрепивший его. В данном случае это был П.И. Ковелин (за его приписью грамота была отправлена в Кострому). Кроме того, в черновике грамоты, написанном Ф. Зверевым, имеется правка, сделанная рукой П.И. Ковелина. В этом случае, очевидно, не было необходимости свидетельствовать ответственность повытчика за исходящий из повытья документ, это делал вышестоящий служащий Разряда.

Ответ на вторую отписку из Костромы о сборе денег для новой приказной избы был подготовлен под руководством И. Олсуфьева (что и зафиксировано на документе)¹⁰⁷⁴, как обычно, с почти дословным повтором пометы на отписке (в данном случае Л.А. Домнина), отредактирован Ф.Л. Шакловитым¹⁰⁷⁵ и, по всей вероятности, им же закреплен. Грамота в Кострому была отправлена через две недели после получения запроса от местной администрации.

Если в некоторых случаях система взаимодействия приказов в отношении подчиненных им городов давала сбои (как это было с Пушкарским и Разбойным приказами), то в остальных механизм администрирования был отлажен и действовал быстро и четко. Вероятно, в большой степени это зависело все-таки от “человеческого фактора”, то есть от руководителя приказа. Так, например, в Разряд поступило отношение из Хлебного приказа, в котором сообщалось, что в подведомственный Разряду Галич и в его пригороды из Хлебного приказа отправлен отряд московских стрельцов под командованием полуголовы и сотника для найма 450-ти работных людей из уезда. Для осуществления этого поручения начальникам отряда требовались местные “организационные ресурсы” – постоянные дворы, приставы для исполнения поручений, подьячие для письма и канцелярские принадлежности (чернила, бумага, свечи). Все это должна была обеспечить местная администрация. Но поскольку она подчинялась Разряду, то и распоряжение должна была получить из Разряда, о чем и просил Хлебный приказ в своей памяти в Разряд¹⁰⁷⁶. Уже через день после получения памяти в Разряде это распоряжение было исполнено – послушная грамота галицкому воеводе В.А. Ордину-Нащокину составлена, отредактирована, переписана набело и передана “Хлебного приказу приставу Афонке Иванову того ж числа” для вручения руководителям стрелецкого отряда¹⁰⁷⁷.

Послужная грамота была составлена под руководством понытчика И. Олсуфьева¹⁰⁷⁸. Решение о памяти из Хлебного приказа в Разряде принял его руководитель В.Г. Семенов. Как обычно, оно было крайне лаконичным и включало только директивный момент: “Учинить по сему великого государя указу”¹⁰⁷⁹. Не было указано ни подразделение приказа, в котором должен был составляться соответствующий документ, ни лицо, которому поручалось это сделать, ни что именно должны были предпринять служащие Разряда. Все это или сообщалось принявшим решение дьяком устно, или, что вероятнее всего, дьяк передавал документ с резолюцией в соответствующий стол, где опытные сотрудники, руководствуясь содержанием документа, пометой и обычной практикой, составляли необходимые бумаги.

Еще больший объем работы в весьма сжатые сроки был выполнен по сходному поручению Разбойного приказа. Из этого приказа “для сыска дела” были посланы шесть служилых людей московских чинов (стольники и стряпчий), каждому была определена группа городов, в которых он должен был исполнять поручение. От Разряда требовалось послать воеводам этих городов послушные грамоты с требованием обеспечить правительственным уполномоченным все обычные условия для деятельности (постоялые избы, возможность работать в съезжих избах, помощь местных подьячих и рассыльчиков, канцелярские принадлежности и т.д.). В росписи, приложенной к памяти из Разбойного приказа, города были разделены на шесть групп по географическому принципу¹⁰⁸⁰: относительно ближние замосковские северо-восточного и восточного направлений (Владимир, Муром, Лух, Суздаль, Нижний Новгород, Юрьев Польский, Кострома), дальние южного направления (Воротынский, Лихвин, Мосальск, Белев, Одоев, Карачев, Новосиль, Орел, Перемышль, Козельск, Мещовск, Чернь, Болхов, Ливны, Мценск, Кромы), две группы ближних и дальних городов южного и юго-восточного направлений (Серпухов, Кашира, Крапивна, Епифань, Гремячий, Елец, Доброе городище, Талецкий острог, Лебедянь, Коротояк и Таруса, Тула, Дедилов, Венев, Ефремов, Воронеж, Сокольский, Данков, Землянский), ближние и дальние города северо-восточного направления (Переславль Залесский, Вологда, Галич, Ростов, Пошехонье, Бежецкий Верх¹⁰⁸¹). Кроме того, после первой группы городов в росписи значится один город Шацк, восточного направления, в который за отдаленностью от других городов специально был направлен стольник, кн. И. Белосельский¹⁰⁸². Всего в списке значится сорок восемь городов, все они были ведомы в Разряде городскими укреплениями и служилыми людьми в военном отношении, большинство же было подчинено управлению Разрядного приказа во всех аспектах.

Как это обычно делалось в Разряде, была составлена образцовая грамота, предназначенная для одного из посланных, стольника Калины Благово. В грамоте были перечислены города, в которых должен был вести дела стольник, и условия, которые обязаны были обеспечить ему воеводы этих городов. Самому стольнику предписывалось присылать в Разряд отчеты об исполнении воеводами этих предписаний, но не специально, с нарочными гонцами, а вместе “с иными делами”. В архивном деле сохранилось два черновика этой грамоты. Во втором учтена правка, внесенная в первый, и до-

бавлена новая: например, к требованию предоставлять уполномоченным подьячих местных приказных изб добавлено: “и площадных дьяков”¹⁰⁸³. В части грамоты, где посланным предписывалось информировать Разряд об исполнительности местных властей – о том, что и когда будет посланному предоставлено – ошибочно написанное “в котором числе” заменено на “в котором городе”¹⁰⁸⁴. В целом же правка в обоих черновиках носит стилистический характер – для смыслового выделения наиболее важные, ключевые, с точки зрения редактора, слова переносятся в начало предложения, другие предложения перестраиваются для большей благозвучности¹⁰⁸⁵. Оба черновика написаны разными подьячими, правка также была внесена разными редакторами. В первом черновике почерк атрибутировать не удалось, во втором правку внес И. Олсуфьев. Таким образом, первый этап подготовки исходящего документа осуществлялся в Разряде низовым звеном делопроизводителей самостоятельно, на втором этапе дело переходило на следующий уровень – руководителя повытья.

Под текстом второго черновика очень бегло И. Олсуфьевым написано “Таковы ж писать”, и далее помещена роспись городов с именами командированных в них стольников и стряпчего. Слева от каждой группы городов И. Олсуфьев пометил, кому из разрядных подьячих следует поручить составление грамот для каждого посланного – это молодые подьячие Иван Протасьев, Иван Кобяков, Матвей Павлов, Федор Тимофеев (последняя фамилия вписана над зачеркнутым “Протопопов”)¹⁰⁸⁶.

Как большинство документов межведомственной переписки, память из Разбойного приказа была принята к рассмотрению начальником Разряда, на документе им была записана обычная в таких случаях лаконичная резолюция: “Учинить по сему великого государя указу”¹⁰⁸⁷. Данные о приписи кого-либо из разрядных дьяков в черновиках отсутствуют.

Послушная грамота, предназначенная стольнику К. Благово (и, по всей вероятности, и другие грамоты), была отдана подьячему Разбойного приказа Я. Шибаеву для передачи уполномоченным, как отмечено на втором черновике, в марте, то есть не позднее, чем через десять дней после получения памяти из Разбойного приказа¹⁰⁸⁸.

Взаимодействие с другими приказами в делах местного управления

Известно, что законодательство XVII в. определило границы компетенции приказов делами, которые приказам “вершити будет не мощно”¹⁰⁸⁹. Последние надлежало “вносити из приказов в доклад” государю и Думе. Указанным принципом руководствовался и Разряд в решении входящих в его ведомство вопросов, в том числе местного управления, а также в тех случа-

ях, когда проблему не удавалось уладить и во взаимодействии с другими приказами.

Как один из замосковных городов Кострома состояла в двойном подчинении Разряда и Костромской чети, причем в границах компетенции Разрядного приказа находилась местная администрация. Поэтому Костромская четь именно в Разряд направила запрос об уровне полномочий первого помощника костромского воеводы, начальника городской канцелярии – руководителя приказной избы. По сведениям чети, до 157/1648-49 гг. во главе костромской приказной избы дьяков и подьячих с приписью (то есть с правом подписи официальных документов) не было, были простые подьячие; царствующий государь подтвердил прежний статус костромской приказной избы. Однако служащий ныне в Костроме Я. Поздышев имеет дьячий чин. Руководство Костромской чети просило Разряд разобраться с этим вопросом¹⁰⁹⁰.

По распоряжению В.Г. Семенова, записанному на памяти из чети, в Разряде была сделана выписка о чинах и полномочиях первых помощников костромских воевод со 143/1634-35 гг. по текущий 185 (то есть почти за полвека). Из записных книг Новгородского стола следовало, что со 143 по 147/1638-39 гг. в костромской избе был подьячий с приписью, со 147 по 157 г. данных об этом “в книги не записано”; со 157 по 184/1675-76 гг. в приказной избе сидели подьячие с приписью, а со 184 г. на место прежнего подьячего в Кострому послан дьяк Яков Поздышев. Видимо, подготовка документов в Разряде показалась руководству Костромской чети слишком затянувшейся, потому что через три месяца после первой памяти в Разряд была направлена еще одна, с тем же запросом¹⁰⁹¹. Как это было и в других подобных случаях, когда принципиальное решение по важному вопросу было уже принято руководителем Разряда, дело к производству принимал один из его товарищей. На второй памяти из Костромской чети Ф.Л. Шакловитым помечено: “Взять к прежней памяти и, выписав, поднести”¹⁰⁹².

Сохранившиеся в архивом деле документы позволяют проследить все этапы подготовки выписки. Вначале на отдельных маленьких листочках подьячие сделали выписки из записных книг Новгородского стола о том, кто возглавлял приказную избу Костромы со 143 г. Записи сделаны тремя почерками, один из которых, скорее всего, принадлежит И. Олсуфьеву¹⁰⁹³. Затем сведения из этих первичных выписок были сведены в один документ, который подвергся серьезной правке: многие фрагменты были зачеркнуты, новые данные вписаны сверху, в текст внесены знаки “крыж” и по ним на обороте черновика приписаны вставки¹⁰⁹⁴. К сожалению, трудно что-либо сказать о содержании этой правки, поскольку отсутствуют ее первоисточники.

На основании этого сводного документа был написан первый черновой вариант выписки, который первоначально так и был озаглавлен: “Черновая выписка по памяти из Костромские чети”; затем заголовок был зачеркнут. Этот вариант выписки также был подвергнут значительной правке, направленной на более сжатое, компактное изложение дела.

От чина и полномочий первого заместителя городского воеводы зависел статус местной администрации. Таким образом, проблема выходила за

рамки дел внутреннего приказного управления и становилась общегосударственной. Поэтому дело по запросу Костромской чети было решено передать на рассмотрение высшей инстанции – государю, что и было зафиксировано на черновой выписке. В конце ее почерком редактора было приписано: “и великии государь о том что укажет”. На обороте документа был сделан набросок доклада, в котором излагалось краткое содержание двух памятей из Костромской чети. Составитель чернового доклада отметил, что в первой памяти Костромская четь указывала на противоречия в административной практике костромской приказной избы. В изложении второй памяти разрядный подьячий подчеркнул изменение в интонациях чети: последняя подчеркивала, что дьяк Я. Поздышев, несмотря на последние указы государя, “доныне” сидит в костромской съезжей избе, и требовала “о посылке грамоты по него из Розряду учинить по указу великого государя”¹⁰⁹⁵.

Наконец, на основании черновых выписки и доклада был составлен белевой текст доклада государю, в котором излагалось содержание памяти из Костромской чети (только первой), затем следовала сводная информация по периодам (а не по годам) о наличии или отсутствии дьяков или подьячих с приписью в костромской приказной избе; доклад завершался обычной формулировкой: “великии государь что укажет”. Текст докладной выписки был скреплен по оборотным сстамам руководителем Разрядного приказа (словом “став”)¹⁰⁹⁶.

Доклад был рассмотрен Думой, которая приняла решение понизить статус города, что и было зафиксировано на докладной выписке руководителем Разряда: “...бояря, слушав сеи выписки в Золотои полате, приговорили: послать его государеву грамоту на Кострому к столнику и воеводе к Андрею Тушину, велеть дьяка Якова Поздышева с Костромы отпустить к Москве, а впред до его государева указу дьяком и подьячим с приписью на Костроме с воеводы не быт”¹⁰⁹⁷.

В связи с особой важностью дела его целиком вел В.Г. Семенов: ему принадлежит помета на памяти-запросе о сборе информации по этой проблеме, он же скрепил своей приписью сставы докладной выписки, представленной боярской Думе, и он же записал решение Думы на докладе.

Подготовка выписки и текста доклада на всех этапах осуществлялась группой подьячих из трех человек, в которой, возможно, участвовал и начальник второго поветья Новгородского стола И. Олсуфьев. Работой группы руководил один из подьячих, его руке принадлежит правка как первого сводного документа, так и обоих вариантов черновики выписки и доклада, однако его почерк атрибутировать не удалось.

Для исполнения решения Думы об отзыве из Костромы дьяка Я. Поздышева к воеводе А. Тушину была составлена грамота. Возможно, в связи с важностью дела черновик грамоты был подготовлен лично старым подьячим (почерк не атрибутирован). Основной текст черновика почти дословно совпадает с пометой В.Г. Семенова на докладной выписке, при этом подьячий внес и некоторую правку в свой собственный текст. Как обычно, она была направлена на более лаконичное изложение материала. Кроме того, требование В.Г. Семенова к костромскому воеводе написать об исполнении

указа и передать отписку с дьяком Я. Поздышевым подъячий дополнил распоряжением и самому дьяку “явитца в Разряд” к приказным дьякам, а также дата составления грамоты: “пис февряля въ 9 день”¹⁰⁹⁸.

Дело о статусе костромской приказной избы, как уже отмечалось, решалось не быстро. Выписку, правда за сорок два года, о руководителях костромской канцелярии составляли в Разряде около трех с половиной месяцев. Распоряжение же костромскому воеводе было отправлено еще через двадцать с небольшим дней после приговора Думы¹⁰⁹⁹.

Вступление В.А. Ордина-Нащокина в должность галицкого воеводы повлекло за собой не только устранение проблемы с пришедшими в упадок казенными городскими строениями. В отписке воеводы и в его росписном списке в числе прочего казенного имущества была отмечена довольно крупная сумма денег в медных монетах, находящаяся на балансе галицкой приказной избы. Как всякое финансовое дело, а тем более такое неординарное, как находка большой денежной суммы неизвестного происхождения и назначения в городской приказной избе, этот факт вызвал пристальное внимание руководства Разряда, хотя финансовые, налоговые дела замосковных городов находились в компетенции приказов-четей. Однако в помете В.Г. Семенова на отписке В.А. Ордина-Нащокина этот интерес никак не отразился. По всей вероятности, распоряжения о выяснении обстоятельств по делу были или зафиксированы на самом росписном списке, который в архивном деле отсутствует, или были отданы устно. В архиве Разряда сохранились черновики указа галицкому воеводе по делу о медных деньгах. Первый вариант грамоты был составлен под руководством И. Олсуфьева. В.А. Ордину-Нащокину предписывалось выяснить, “чьево приему подъячего деньги и ныне *тот* подъячий жив ли”, при каком воеводе и из каких доходов приняты эти деньги; воевода должен был также допросить подъячего, почему у него остались эти деньги и почему он не объявлял их прежним воеводам; распросные речи подъячего и деньги необходимо было выслать в Разряд¹¹⁰⁰. Правка И. Олсуфьева заключалась, как обычно, в приведении текста к более компактному, лаконичному виду.

В Разряде дело о медных деньгах было взято под контроль дьяком Ф.Л. Шакловитым. О том, что и дьяки включались в подготовку исходящих разрядных документов, уже говорилось выше. Очевидно, Ф.Л. Шакловитого не устроил текст грамоты, “справленной” И. Олсуфьевым, поэтому через несколько дней был составлен новый вариант указа, отредактированный самим Ф.Л. Шакловитым. Чтобы нагляднее представить, в чем именно заключалась правка Ф.Л. Шакловитого, на что она была нацелена, сравним текст грамоты, вышедшей из-под пера И. Олсуфьева, и окончательный его вариант с редактурой Ф.Л. Шакловитого. В первоначальном варианте грамоты подчеркиванием выделены фрагменты, вымаранные Ф.Л. Шакловитым; во втором варианте полужирным шрифтом отмечены вставки, сделанные Ф.Л. Шакловитым над строкой и на обороте листа. После обычной преамбулы (“*От* царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца в Галичь столнику нашему и воеводе Воину Афанасевичю Ардину Нащокину”), которой редактура не коснулась, следует основной текст грамоты:

Сентября въ 24-м числе писал ты к намъ великому государю¹¹⁰¹ и прислал росписнои списокъ, и в том списку написано триста восьмьдесят семь рублевъ дватцать четыре алтына медных денег.

И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, и ты б о техъ денгах в приказной избе ис приходных записных книгъ велелъ выписать, которого году и чево приему подячего и ныне тот подячей жив ли, и при котором воеводе те денги в приказ и кого имяны и за какие доходы приняты, при себе велелъ ево допросить, для чего он те денги у себя держал, и об нихъ прежнимъ воеводам не объявил¹¹⁰². А розыскавъ и роспрося о том, к намъ великому государю писал и тот розыск и роспросные речи за твоею рукою и денги за печатью прислал к Москве, а отписку и сыскъ и денги велел подать в Разряде дьяком нашимъ думному Василью Семенову да Петру Ковелину да Федору Шакловитому. Писан на Москве лета 7185-го октября въ 9 день”.

В росписном твоём списке, каков к нам великому государю прислал ты сентября въ 24-м числе, написано: в Галиче в приказной избе медных денег триста восьмьдесят семь рублевъ дватцать четыре алтына.

И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, и ты **б про те денги в Галиче приказной¹¹⁰³** избе ис приходных записных книгъ велелъ выписать, которого году и **ково именем подячево те денги** приему и при котором воеводе и кого¹¹⁰⁴ имяны и за какие доходы в приказную избу¹¹⁰⁵ **приняты. И ныне тот подячей, которыхи те денги принимал, жив ли, и буде жив, и ево потому ж про те денги роспросит, и для чево он тех денег прежним воеводам не объявлявал, да о том к намъ великому государю писал и с того выписку и подячево** и роспросные речи за твоею рукою и денги за печатью прислал к Москве, а отписку и **выписку и роспросные речи** и денги велел подать в Разряде дьяком нашимъ думному Василью Семенову да Петру Ковелину да Федору Шакловитому. Писан на Москве лета 7185-го октября въ 9 день”¹¹⁰⁶.

Очевидно, что текст Ф.Л. Шакловитого литературно более строен, правилен, логичен. Вместе с тем, дьяк стремился не столько к лаконизму, избеганию повторов, сколько к большей внятности изложения, к тому, чтобы ни одна деталь дела не была упущена и все требуемые документы были правильно поименованы. Некоторая небрежность правки свидетельствует, вероятнее всего, о спешке. Кроме стилистической и отчасти смысловой правки Ф.Л. Шакловитый внес и содержательное дополнение, о котором И. Олсуфьев не мог знать: Ф.Л. Шакловитый потребовал высылки в Разряд и того подячего, который принял медные деньги. Надо признать, что от правки Ф.Л. Шакловитого текст указа заметно выиграл.

Повинуясь предписанию Разряда, В.А. Ордин-Нащокин отправил медные деньги и сказку подячего Е. Кусынина, который принял их в 171/1662-

63 гг. и был еще жив, в Москву, в Разряд. В комплекс присланных документов В.А. Ордин-Нащокин включил и список с грамоты 171 г., полученной в Галиче. Грамота разъясняла обстоятельства появления медных денег в съезжей избе Галича: это был сбор экстренного налога – “пятой денги” с уездных и посадских торговых людей и по полтине с крестьянского двора на жалованье ратным людям за предыдущий, 170/1661-62 г. В связи с денежной реформой налог было “медными денгами иметь не велено”, а велено не только оставить у себя, в галицкой съезжей избе, уже собранные деньги, но и вернуть с дороги посланные в Москву. Денги указано было счесть и отчет отправить в приказ Денежного сбора¹¹⁰⁷.

Открывшиеся обстоятельства очевидно выходили за границы компетенции Разрядного приказа, поэтому решаться этот вопрос должен был на высшем уровне. Такое распоряжение и было отдано П.И. Ковелиным, к которому поступила отписка В.А. Ордина-Нащокина: “Взят к отпуску и записать и выписать из отписки¹¹⁰⁸ и из писка¹¹⁰⁹ государевы грамоты на перечень в доклад без мотчанья, а денги медные приняты, пересмотря, и держат их до указа з береженьем”¹¹¹⁰. Резолюция П.И. Ковелина еще раз подчеркивала особое отношение приказной администрации к деньгам – хоть они медные, вышедшие из обращения, а все-таки деньги, и относиться к ним надо соответственно, “з береженьем”. До указа государя деньги, естественно, поступили на хранение в “бухгалтерию” Разряда – его Денежный стол¹¹¹¹.

Решение боярской Думы также подтвердило общую линию руководителей государства в отношении капитала: “... по указу великого государя бояря, слушав *сеи* выписки, приговорили те денги отослат в приказ Большие казны и отдать с роспискою”¹¹¹².

Дело о галицких медных деньгах решалось в Разряде, что не удивительно, гораздо энергичнее дела о галицких же сгнивших казенных городских строениях. Возможно также, что положение Галича, далекого от опасных пограничных областей, позволяло центральной администрации не слишком спешить с восстановлением городских построек. А, может быть, дело было в том, что Пушкарским приказом управлял в это время престарелый кн. Ю.И. Ромодановский, слабо державший в руках нити управления приказом (он же, с небольшими перерывами, стоял во главе приказа все предыдущие годы начиная со 173/1665-66).

Во всяком случае, первый вариант указа галицкому воеводе о медных деньгах был готов через десять дней после получения от него росписного списка и отписки; следующий, отредактированный Ф.Л. Шаковитым, – еще через четыре дня. Путь официальной не экстренной корреспонденции из Галича в Москву и обратно занимал, по-видимому, около 20 дней¹¹¹³. Если учесть, что черновик с правкой Ф.Л. Шаковитого датирован 9 октября, а допрос подьячего Е. Кусынина в Галиче состоялся 2 ноября и на следующий же день из Галича в Москву были отправлены отписка, запись допроса и список с грамоты 171 г., то скорость исполнения дел в государственных структурах, как центральных, так и местных, можно назвать вполне удовлетворительной. Документы из Галича были получены в Разряде 24 ноября, с этого дня в приказе начали готовить докладную выписку. Решение же Думы по ней состоялось через полтора месяца.

В делах местного управления помимо решения задач укрепления обороны и устранения проблем, возникавших между представителями самой администрации, Разряду приходилось разрешать конфликты, одной стороной которых являлась местная власть, а другой – используя современную терминологию, физическое или юридическое лицо, причем нередко в этих спорах стороны были подсудны разным приказам. В последнем случае челобитные практически всегда подавались не в один из этих приказов, а сразу в высшую инстанцию – государю (подписные челобитные). Верховная власть принимала общее, принципиальное решение по вопросу, а конкретное его исполнение препоручала приказу, компетенция которого в данном случае являлась определяющей.

Особенно ярко это иллюстрирует дело жильца С.М. Батюшкова. Он бил государю челом с просьбой дать ему грамоту в Ярославль из Московского Судного приказа, в которой было бы предписание местной власти доправить на крестьянах его ярославской вотчины недоплаченные ему за прошлые годы подати и оброк и дать суд с крестьянами. Служилые люди Ярославского уезда были действительно ведомы судом в Московском Судном приказе, однако администрация Ярославля как замосковского города была подчинена Новгородскому столу Разряда. Поэтому довести до сведения ярославского воеводы решение государя было поручено именно Разрядному приказу, и туда была передана челобитная С.М. Батюшкова¹¹¹⁴. В Разряде с исполнением распоряжения не спешили. Грамота в Ярославль воеводе Н.М. Боборыкину и дьяку А. Озерову была послана из Новгородского стола примерно через два месяца после указа государя¹¹¹⁵.

Также по подписной челобитной был разрешен конфликт думного дворянина И.И. Чаадаева с пошехонским воеводой, дьяком съезжей избы с его родственниками-приказными и губным старостой, притеснявших крестьян пошехонских вотчин И.И. Чаадаева, а также притеснений со стороны соседа И.И. Чаадаева по тем же поместьям кн. Ухтомского. Резолюция государя, помеченная на челобитной, предписывала ведать крестьян думного дворянина не пошехонским властям, а воеводе областного центра, Ярославля, околичному Н.М. Боборыкину; губного старосту и подьячего указано было выслать “за поруками” в Москву. Поскольку администрация и Пошехонья, и Ярославля была введена в Новгородском столе Разряда, осуществить указ государя было поручено думному дьяку В.Г. Семенову, то есть Разрядному приказу¹¹¹⁶.

Подведомственностью администрации Переславля Залесского Новгородскому столу Разряда объясняется то, что решение государя по жалобе Троице-Сергиева монастыря на переславского воеводу В.А. Кроткого было направлено для исполнения также в Разряд. Монастырь обвинял воеводу в притеснении монастырских крестьян и просил снять его с воеводства¹¹¹⁷.

В этом случае, несмотря на ясный указ государя переменить воеводу, в Разряде сначала была подготовлена выписка, о чем распорядился дьяк П.И. Ковелин¹¹¹⁸. Выписки по этой челобитной не сохранилось, однако и дело на этом не закончилось. В.А. Кроткий воспользовался пребыванием государя в Переславле Залесском и лично подал царю свое челобитье об оставлении его на воеводстве на третий год, которое также было удовлетворено. Об этом свидетельствует оставшаяся в архиве Разряда беловая грамота В.А. Кроткому о замене его новым воеводой П. Полтевым, об их росписке, высылке росписного списка П. Полтевым в Разряд и о явке в Разряд В.А. Кроткого. Грамота была уже скреплена по сставам дьяком П.И. Ковелиным. Этот документ был написан чуть больше чем через месяц после указа государя по подписной челобитной Троице-Сергиева монастыря. Однако, как уже было сказано, грамота осталась неотправленной – вероятно, В.А. Кроткий нашел “ход” к государю через влиятельных знакомых при дворе. Поэтому власти Троице-Сергиева монастыря были вынуждены еще раз бить челом об управе на воеводу, притеснявшего их крестьян. В этой подписной челобитной власти жаловались, что 6 октября уже был дан указ о перемене В.А. Кроткого, но по “встречному” челобитью воеводы он был оставлен в городе. Резолюция по решению государя на второй челобитной монастыря предписывала вернуться к предыдущему решению по делу, то есть переменить В.А. Кроткого с воеводства в Переславле Залесском¹¹¹⁹, что и было зафиксировано на первой, неотправленной грамоте в этот город. На ее обороте И. Олсуфьев записал: “А после того дана ему великого государя иная грамота генваря въ 9 день”¹¹²⁰. Интересно, что решение государя по второй челобитной Троице-Сергиева монастыря датировано 10 января¹¹²¹. Остается предположить, что руководство Разряда уже знало о решении государя и действовало “на опережение”. Грамота к В. Кроткому о бессрочной его перемене П. Полтевым по челобитным московских и переславских монастырских властей “для твоих налог и обид” действительно была написана 9 января и отправлена в Переславль за приписью дьяка Л.А. Домнина (хотя правил черновик Ф.Л. Шакловитый)¹¹²².

Весьма запутанным оказалось дело стольника кн. А. Прозоровского: его поместье по писцовым книгам значилось в Шацком уезде, там же принимались все полагающиеся налоги (стрелецкий хлеб, ямские и полоняничные деньги). Крестьяне же этого поместья судом ведались в Касимове. Ситуация уже была противоречивой, поскольку администрация Шацка (города старого “рязанского” разряда) была подчинена Разряду, а Касимов находился в ведении Казанского приказа. Но дело еще более осложнилось, когда на воеводство в Касимове сел “недруг” А. Прозоровского С. Непейцын. В челобитной А. Прозоровский просил передать крестьян в судебное ведомство Шацка, а в Касимов дать об этом грамоту с прочетом. Просьба стольника была удовлетворена: было велено крестьян “того ево шацково поместья” ведать судом не в Касимове, а в Шацком; к воеводе Шацка послать об этом грамоту непосредственно из Разряда, “а где Касимов ведом, послат о том память” с распоряжением отправить грамоту касимовскому воеводе.

Указанные распоряжения были записаны на челобитной стольника Ф.Л. Шакловитым, который не был думным дьяком, но иногда возглавлял

Крепостные стены Троице-Сергиева монастыря.

походную канцелярию государя. Поэтому вопрос о категории челобитной (подписная или “простая”) и об инстанции, принявшей решение остается открытым¹¹²³.

Челобитная А. Прозоровского с пометой Ф.Л. Шакловитого была передана в Приказный стол, поскольку одной из его функций была судебная деятельность всего Разряда (кроме городов Новгородского стола). Из этого стола и были направлены прочетная грамота шацкому воеводе¹¹²⁴ и память в приказ Казанского дворца¹¹²⁵. Составлением первой руководил Л.А. Домнин, вторую подготовил подьячий В. Нечаев под контролем Ф.Л. Шакловитого. При написании грамоты в Шацк у кого-то из сотрудников стола возникло сомнение в правильности имени шацкого воеводы. Поэтому в Московский стол был направлен запрос, составленный в характерной для этого вида документов неформальной манере: “Отпишет в Приказной стол, в Шацком хто воевода”, на который здесь же был дан ответ: “Воевода Миха[...]”¹¹²⁶ Петров сынъ Беклемишев. Писмо Дмитрея Комарова”¹¹²⁷. После получения информации имя воеводы в черновике грамоты было исправлено¹¹²⁸.

Конфликтные ситуации, в которых и местные власти, и служилые люди принадлежали к ведомству Разряда, практически всегда разбирались Разрядом самостоятельно, через непосредственное обращение истцов в Разрядный приказ. Эти споры “доходили” до центрального ведомства в тех случаях, когда одна из сторон обращалась в Москву сразу напрямую, минуя местные власти (“мимо воеводы”¹¹²⁹), или была не удовлетворена решением низшего административного звена и апеллировала к более высокому. Подобные дела, как и вышеописанное, входили в компетенцию Приказного стола. Так, Разряд разрешал конфликт усманских детей боярских с усманскими же казаками и вставшим на сторону последних воеводой по поводу увезенного казаками у детей боярских сена¹¹³⁰; спор белоколодских солдата и рейтара о владении поместьем, право на которое рейтар подтверждал свидетельствами из Сокольска и других “далних мест”¹¹³¹; расследовал донос одного служилого “орлянина” на другого в том, что тот уклоняется от службы, претендуя при этом в Поместном приказе на увеличение поместья¹¹³² и др.

Переславль Залесский. Земляной вал.

Следует отметить, что подобные споры Разряд избегал решать в Москве. В пометах на челобитных определялось принципиальное решение дела, а все процессуальные моменты делегировались местной администрации; при этом за Разрядом всегда оставались контрольные функции. По челобитной усманских детей боярских на казаков В.Г. Семенов распорядился «им на них в том дать суд новому приказному человеку, а с суда розыскат и указ учинит по Уложению»¹¹³³. Белоколодскому солдату думный дьяк велел дать о том «грамоту к воеводе, велеть ему на него в том дат суд, а с суда указ учинит по крепостям и по розыску чего доведетца»¹¹³⁴. Единственным исключением, что не удивительно, стало челобитье «орлянина», поскольку оно затрагивало стержневые вопросы государственной службы – соотношение ее с поместным окладом. На этом документе Л.А. Домнин написал: «185-го марта в 9 день сыскать ево в Розряд и против челобитья роспросить и записать»¹¹³⁵.

Интересные подробности о практике несения службы провинциальными служилыми людьми по отечеству и о теснейшей взаимосвязи службы и поместного оклада в 70-е годы XVII в. раскрываются в деле добренского драгуна, которое длилось больше года. В июле 184/1676 г. К. Поволяев, драгун с Владимирского Добренского уезда подал в Разряд челобитную, в которой сообщал, что его тесть, Е.Г. Черный, незаконно сдал свою драгунскую службу вместе с поместьем К.В. Пелепелкину с условием службы с этой земли, несмотря на то, что по разбору 184 г. думный дьяк С. Титов по челобитью К. Поволяева отдал эту службу с поместьем ему, что и было записано в книги. Однако, как доносил К. Поволяев, К.В. Пелепелкин службу не исполняет, кроме того, по просьбе К.В. Пелепелкина добренский воевода Л.И. Дубенский правит на К. Поволяеве 50 р. и 25 копен хлеба за уклонение от службы. На основании изложенного челобитчик про-

сил вернуть поместье ему. По челобитной была составлена выписка из добренского разборного списка предыдущего 183/1674-75 г., в котором К.В. Пелепелкина не оказалось. Решением Разряда поместье было передано К. Поволяеву¹¹³⁶, о чем и было указано в грамоте к Л.И. Дубенскому¹¹³⁷.

Однако К.В. Пелепелкин умел, видимо, устанавливать хорошие отношения с местной администрацией, потому что через год, в июле 185 г. воевода Доброго (причем уже новый, И. Бачманов) все еще не исполнил приказ Разряда. За это время К. Поволяев вновь обращался в Разряд с челобитьем, по которому было вынесено решение передать дело из Доброго в областной центр, Козлов, но И. Бачманов не подчинился распоряжению и козловского воеводы С.С. Колтовского. Жалобу последнего на добренского воеводу и привез в Москву в конце июля 185 г. “добринскои драгунъ Кирюшка Поволяевъ”¹¹³⁸. Кроме того, К. Поволяев сумел получить от тестя документ, подтверждавший права челобитчика на поместье: “к сеи отписке подалъ в Розряде добринскои ж драгунъ Кирюшка Поволяев о драгунскои своеи службе и о дворовои и огороднои и о гуненнои усадбе здаточную запись Евсевя Григорьева сына Чернаго за рукою”. Со сказки и сдаточной записи в Разряде, по приказным делопроизводственным правилам, были сделаны копии, а подлинники “чтены и отданы” К. Поволяеву¹¹³⁹.

Самоуправство добренских приказных людей переполнило чашу терпения разрядного руководства. На основании выписки, составленной по отписке С.С. Колтовского и материалам К. Поволяева, В.Г. Семенов приказал “послат его государева грамота в Козлов к голове стрелецкому, чтоб он с воеводцкого ведома ехал в Доброе и добренского приказного человека Ивана Бочманова сказал ему вину ево, что он по отписке [...]ева столника и воеводы Семена Колтовского того дела к нему не послал, посадит в тюрьму [...]”¹¹⁴¹, а то дело по прежнему государеву указу у него взять в Козлов и отдать воеводе и в Козлов к воеводе и в Доброе к приказному о том великого государя грамоты послат же”¹¹⁴², что и было исполнено¹¹⁴³.

В целом подобные дела создавали непрерывную эффективную обратную связь Разряда с подведомственными ему учреждениями, которая замещала собой постоянно действующий контрольный орган или отдельных проверяющих лиц.

В редких случаях конфликт между городскими служилыми людьми, ведомыми в Разряде, происходил не в провинции, а в Москве, что ставило приказ перед необходимостью непосредственно разбирать дело, но и облегчало процедуру. Так, в начале марта 185 г. на Пятницкой улице подрались проживавшие в Москве по своим делам усманцы; ссора произошла из-за неплаты одним из них своей доли стрелецкого хлеба (в связи с чем усманские служилые люди, очевидно, и находились в столице). Поскольку один из подравшихся подал в Разряд челобитье, делу обязаны были дать ход. К ответчикам были отправлены разрядные дети боярские Игнатий Поддубский и Дмитрий Волков, чтобы привести их в Разряд. К сожалению в архивном деле сохранились только распросные речи участников конфликта, заверенные их “рукоприкладством”. Вместо одного из них “по ево веленью” приложил руку “розрядных сеней подъячеи Артюшка Степанов”¹¹⁴⁴.

Административной деятельности Разряда в отношении подчиненных ему территорий руководством приказа придавалось весьма большое значение. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что подавляющее число вопросов в этой области решалось начальником приказа В.Г. Семеновым¹¹⁴⁵. Кроме того, к думному дьяку поступали на рассмотрение наиболее сложные, неоднозначные дела. На втором месте по доле участия в местном управлении стоит первый заместитель В.Г. Семенова дьяк П.И. Ковелин¹¹⁴⁶. Ф.Л. Шакловитый и Л.А. Домнин также принимали решения по делам, поступавшим из городов, но значительно реже, чем В.Г. Семенов и П.И. Ковелин; в основном это были решения или по выпискам, которые указывали подготовить старшие дьяки, или по достаточно простым делам, относящимся к исключительной компетенции Разряда и не пересекающимся со сферами деятельности других приказов¹¹⁴⁷.

Контроль за исполнением решения начальника приказа, как и в других случаях, возлагался на приказных дьяков. Они следили за подготовкой ответных грамот-распоряжений местным властям, памятей в приказы и заверяли их своей приписью или скрепой. На этом этапе управленческой деятельности работа примерно в равном объеме распределялась между товарищами думного дьяка, однако с некоторым преимуществом Ф.Л. Шакловитого¹¹⁴⁸.

Управленческая деятельность Разряда в отношении подведомственных территорий была проанализирована на материалах Приказного и Новгородского столов, поэтому речь о непосредственных исполнителях распоряжений разрядного руководства будет вестись применительно к подьячим только этих подразделений приказа.

В Приказном столе все дела, связанные с делами о сыске беглых и закреплении вольных людей – выписки¹¹⁴⁹ и грамоты к местным властям¹¹⁵⁰ – готовил А. Пиминов, один из первой десятки разрядных подьячих, что свидетельствует о значении, которое придавалось этой сфере руководством приказа. Этот же сотрудник участвовал в подготовке и некоторых других материалов, связанных с управлением украинными городами, при этом он выполнял наиболее ответственную работу – составлял выписки из разрядных архивов¹¹⁵¹. Распоряжения для местной администрации, связанные с разбором различных конфликтных ситуаций, поручали составлять В. Нечаеву, стоявшему ниже А. Пиминова в приказной иерархии, но также имевшему право “справливать” исходящие документы приказа¹¹⁵². Этот же подьячий составил черновик памяти в приказ Казанского дворца по делу кн. А. Прозоровского¹¹⁵³. Возможно, его перу принадлежит и запрос в Московский стол об имени воеводы в Шацком¹¹⁵⁴.

В Новгородском столе те же обязанности, что в Приказном столе В. Нечаев, исполнял И. Олсуфьев, который в 185 г. на приказной иерархической лестнице стоял одной ступенькой ниже В. Нечаева. Подавляющее число грамот в подведомственные столу города и памятей в другие приказы (в связи с управлением этими городами) было подготовлено под руководством¹¹⁵⁵ или с непосредственным участием¹¹⁵⁶ И. Олсуфьева.

Черновые варианты грамот в провинцию в Новгородском столе поручали писать также неверстаному подьячему Ф. Звереву¹¹⁵⁷, который имел

Переславль Залесский. Никитский монастырь.

право подписать документ, но не являлся ответственным за него лицом; правили его черновики и отвечали за их содержание, скорее всего, разрядные дьяки. Впрочем, дьяк мог редактировать и документ, подготовленный подьячим со справой¹¹⁵⁸. Некоторые, особенно важные грамоты были составлены одним из старых подьячих стола¹¹⁵⁹.

Суммируя данные о сроках, в которые решались Разрядом дела провинциального управления, можно сказать, что по делам о сыске беглых крестьян и холопов они составляли в среднем от двух недель до месяца, по вопросам собственно административным и связанным с различными конфликтами на местах – от недели до двух (имеется в виду срок от распоряжения одного из руководителей приказа по входящему документу до подготовки указов на места)¹¹⁶⁰, иногда до трех недель¹¹⁶¹. Сроки прохождения дела в Разряде в большой степени зависели от необходимости подготовить выписку. В свою очередь, длительность этой работы зависела от ее объема и сложности. Так, выписка по делу добренских драгун о земле, включавшая в себя списки с документов одного из тяжущихся, была готова через четыре дня после подачи челобитной и через день после предоставления в Разряд документов. В тот же день В.Г. Семеновым было принято решение на основании этой выписки¹¹⁶² и по этой помете подготовлены грамоты городовым властям¹¹⁶³. Подробную выписку о статусе руководителей костромской канцелярии составляли в Разряде около трех с половиной месяцев, распоряжение костромскому воеводе было отправлено через двадцать с небольшим дней после решения Думы по выписке¹¹⁶⁴.

В делах управления подчиненными Разрядом территориями решение практически всех вопросов – дел о сыске беглых и о закреплении, кон-

фликтов представителей местной администрации, проблем местного управления, споров городских служилых людей – осуществлялось руководителем приказа. При этом следует отметить, что в Разряде принимали принципиальное решение по всем этим делам, а непосредственное их осуществление делегировали, сопроводив четкими инструкциями, местным властям разных уровней, в зависимости от существа дела – краевым, областным, городским. В этой сфере деятельности Разрядного приказа особенно проявлялась иерархия руководящих сотрудников приказа. В.Г. Семенов принимал решения почти по всем делам местного управления, направленным в Разряд, без предварительного сбора данных. П.И. Ковелин обладал правом разрешать конфликты местной администрации и проблемы местного управления самостоятельно или на основании выписки, составленной по указанию В.Г. Семенова, и без предварительного сбора данных – споры городских служилых людей; в его обязанности входило исполнение всех решений В.Г. Семенова. В компетенции Ф.Л. Шакловитого было исполнение решений П.И. Ковелина по делам о местных административных конфликтах и делам, связанным с управленческими проблемами на местах, а также исполнение распоряжений В.Г. Семенова и П.И. Ковелина по разрешению споров городских служилых людей. Л.А. Домнин в наименьшей степени был задействован в этой сфере деятельности Разряда: он также претворял в жизнь распоряжения В.Г. Семенова и П.И. Ковелина по решению конфликтов городских служилых людей, однако при этом мог самостоятельно вынести решение по повторной отписке о спорах местной администрации, если ранее решение было уже принято в Разряде, но не исполнено на месте.

Исключение составляли дела о неправом закрепощении – в подавляющем большинстве случаев они поступали к В.Г. Семенову и П.И. Ковелину, которые всегда давали указание составить выписку по материалам разрядного архива. Решение по делам о закрепощении на основании выписок принимали только разрядные дьяки, причем Л.А. Домнин иногда – и без предварительной выписки.

- 1 210.2.14.Л.1-220об.
- 2 210.2.14.Л.222-556об.
- 3 210.2.14.Л.236, 251, 323, 376, 352 и т.д.
- 4 210.2.14.Л.223, 225, 228, 229об., 230об., 232об. и т.д.
- 5 210. 6а. Д.6.Л.51об.
- 6 210. 6а. Д.2. Л.54об.
- 7 *Новохатко О.В.* Указ. соч. С.227-254.
- 8 210.2.14.Л.331.
- 9 210.2.14.Л.264.
- 10 210.2.14.Л.399.
- 11 210.2.14.Л.228.
- 12 210.2.14.Л.399-400.
- 13 210.2.14.Л.331.
- 14 210.2.14.Л.289.
- 15 210.2.14.Л.332.
- 16 210.2.14.Л.264.
- 17 210.2.14.Л.331об.
- 18 210.2.14.Л.401.
- 19 210.2.14.Л.332.
- 20 210.2.14.Л.364об.
- 21 210.2.14.Л.402.
- 22 210.2.14.Л.333.
- 23 210.2.14.Л.402об.
- 24 210.2.14.Л.265.
- 25 210.2.14.Л.402об.
- 26 210.2.14.Л.265.
- 27 210.2.14.Л.265об.
- 28 210.2.14.Л.333.
- 29 210.2.14.Л.402об.
- 30 210.2.14.Л.333-33об.
- 31 210.2.14.Л.333об.
- 32 210.2.14.Л.402об.
- 33 210.2.14.Л.265об.
- 34 210.2.14.Л.289.
- 35 210.2.14.Л.334.
- 36 210.2.14.Л.403.
- 37 210.2.14.Л.222об.
- 38 210.2.14.Л.230об.
- 39 210.2.14.Л.225.
- 40 210.2.14.Л.404.
- 41 210.2.14.Л.334об.
- 42 210.2.14.Л.335.
- 43 210.2.14.Л.335.
- 44 210.2.14.Л.426.
- 45 210.2.14.Л.335.
- 46 210.2.14.Л.404.
- 47 210.2.14.Л.335об.
- 48 210.2.14.Л.265об.
- 49 210.2.14.Л.404об.
- 50 210.2.14.Л.336.
- 51 210.2.14.Л.404об.
- 52 210.2.14.Л.336-337.
- 53 210.2.14.Л.225.
- 54 210.2.14.Л.405.
- 55 210.2.14.Л.266.
- 56 210.2.14.Л.337-337об.
- 57 210.2.14.Л.232об.
- 58 210.2.14.Л.222об.
- 59 210.2.14.Л.225об.
- 60 210.2.14.Л.232об.
- 61 210.2.14.Л.337об.
- 62 210.2.14.Л.405.
- 63 210.2.14.Л.266.
- 64 210.2.14.Л.337об.
- 65 210.2.14.Л.405.
- 66 210.2.14.Л.289об.
- 67 210.2.14.Л.405об.
- 68 210.2.14.Л.223-223об.
- 69 210.2.14.Л.225-226.
- 70 210.2.14.Л.228-228об.
- 71 210.2.14.Л.229об.-230.
- 72 210.2.14.Л.230об.
- 73 210.2.14.Л.232об.-233об.
- 74 210.2.14.Л.264-273.
- 75 210.2.14.Л.273об.-280.
- 76 210.2.14.Л.289-290.
- 77 210.2.14.Л.399-422об.
- 78 210.2.14.Л.426-426об.
- 79 210.2.14.Л.445.
- 80 *Новохатко О.В.* Указ. соч. С.233, 241-245.
- 81 210.2.14.Л.222-230об.
- 82 210.2.14.Л.231-235об.
- 83 210.2.14.Л.236-258об., 25-259об., 260-330об. и т.д.
- 84 210.2.14.Л.222.
- 85 210.2.14.Л.223.
- 86 210.2.14.Л.223об.
- 87 210.2.14.Л.223об.
- 88 210.2.14.Л.224.
- 89 210.2.14.Л.224об.
- 90 210.2.14.Л.224об.
- 91 210.2.14.Л.224об.
- 92 210.2.14.Л.238.
- 93 210.2.14.Л.236.
- 94 210.2.14.Л.348об.
- 95 210.2.14.Л.252об., 295об., 304об., 356.
- 96 210.2.14.Л.351.
- 97 210.2.14.Л.232.
- 98 210.2.14.Л.234.
- 99 210.2.14.Л.235-235об.

- 100 210.2.14.Л.281.
101 210.2.14.222об.
102 *Фрагмент текста не читается из-за порчи листа.*
103 *Фрагмент не читается из-за порчи листа.*
104 210.2.14.Л.222.
105 210.2.14.Л.417об.
106 210.2.14.Л.347.
107 210.2.14.Л.235.
108 210.2.14.Л.247.
109 210.2.14.Л.312об.
110 210.2.14.Л.320об.
111 210.2.14.Л.370.
112 210.2.14.Л.414.
113 210.2.14.Л.227.
114 210.2.14.Л.227об.
115 210.2.14.Л.252.
116 210.2.14.Л.292.
117 210.2.14.Л.367об.
118 210.2.14.Л.236.
119 210.2.14.Л.238.
120 210.2.14.Л.249.
121 210.2.14.Л.254.
122 210.2.14.Л.267об.
123 210.2.14.Л.271.
124 210.2.14.Л.297.
125 210.2.14.Л.303.
126 210.2.14.Л.254.
127 210.2.14.Л.242об.
128 210.2.14.Л.243об.
129 210.2.14.Л.244.
130 210.2.14.Л.254.
131 210.2.14.Л.256.
132 210.2.14.Л.294об.
133 210.2.14.Л.295об.
134 210.2.14.Л.299об.
135 210.2.14.Л.382.
136 210.2.14.Л.352.
137 210.2.14.Л.265об.
138 210.2.14.Л.271об.
139 210.2.14.Л.273об.
140 210.2.14.Л.274об.
141 210.2.14.Л.293об.
142 210.2.14.Л.337.
143 210.2.14.Л.339.
144 210.2.14.Л.415об.
145 210.2.14.Л.222, 224, 227, 240, 266, 292, 302.
146 210.2.14.Л.279об.
147 210.2.14.Л.423.
148 210.2.14.Л.428.
149 210.2.14.Л.238, 298.
150 210.2.14.Л.237.
151 210.2.14.Л.241.
152 210.2.14.Л.247.
153 210.2.14.Л.382.
154 210.2.14.Л.237.
155 210.2.14.Л.239об.
156 210.2.14.Л.245об.
157 210.2.14.Л.297.
158 210.2.14.Л.244.
159 210.2.14.Л.341.
160 210.2.14.Л.289.
161 210.2.14.Л.447.
162 210.2.14.Л.341.
163 210.2.14.Л.344.
164 210.2.14.Л.287об.
165 210.2.14. Л.447.
166 210.2.14.Л.457-461об.
167 210.2.14.Л.348.
168 210.2.14.Л.369об.
169 210.2.14.Л.352об.
170 210.2.14.Л.309.
171 210.2.14.Л.327.
172 210.2.14.Л.423.
173 210.2.14.Л.301.
174 210.2.14.Л.364.
175 210.2.14.Л.351.
176 210.2.14.Л.348об.
177 210.2.14.348об.
178 210.2.14.Л.354.
179 210.2.14.Л.357.
180 210.2.14.Л.395об.
181 210.2.14.Л.357об.
182 210.2.14.Л. 360.
183 210.2.14.Л.367об.
184 210.2.14.Л.367об.
185 210.2.14.Л.380.
186 210.2.14.Л.386об., 387об., 423об.
187 210.2.14.Л.332.
188 210.2.14.Л.302.
189 210.2.14.Л.302.
190 210.2.14.Л.247об.
191 210.2.14.Л.248об.
192 210.2.14.Л.282.
193 210.2.14.Л.241об.
194 210.2.14.Л.239.
195 210.2.14.Л.243.
196 210.2.14.Л.280, 346, 422об.
197 210.2.14.Л.274об.
198 210.2.14.Л.245.

- 199 210.2.14.Л.238.
200 210.2.14.Л.300.
201 210.2.14.Л.241.
202 210.2.14.Л.295.
203 210.2.14.Л.299об.
204 210.2.14.Л.299об.
205 210.2.14.Л.298об.
206 210.2.14.Л.296.
207 210.2.14.Л.270об.
208 210.2.14.Л.301.
209 210.3.24.
210 210.3.24.Л.52.
211 *Лист обрезан.*
212 *Лист обрезан.*
213 *Лист обрезан.*
214 210.3.24.Л.53.
215 210.3.24.Л.91об.
216 *Лист обрезан.*
217 210.3.24.Л.49.
218 210.3.24.Л.116.
219 210.3.24.Л.134об.
220 210.3.24.Л.22об.
221 210.3.24.Л.74об.
222 210.3.24.Л.178.
223 210.3.24.Л.51об.
224 210.3.24.Л.1об.
225 210.3.24.Л.7об.
226 210.3.24.Л.2, 184.
227 210.3.24.Л.2.
228 *Лист обрезан.*
229 210.3.24.Л.36.
230 210.3.24.Л.3.
231 210.3.24.Л.15.
232 210.3.24.Л.95об.
233 210.3.24.Л.60об.
234 210.3.24.Л.143об.
235 210.3.24.Л.14об.
236 210.3.24.Л.1, 1об, 25об., 30 и др.
237 210.3.24.Л.4об., 26, 27об., 29об., 30, 112, 169об. и др.
238 210.3.24.Л.19.
239 210.3.24.Л.166, 175, 175об. и др.
240 210.3.24.Л.67об.
241 210.3.24.Л.166об., 170.
242 210.3.24.Л.14.
243 210.3.24.Л.134.
244 210.3.24.Л.148об.
245 210.3.24.Л.69об.
246 210.3.24.Л.74об.
247 210.3.24.Л.198об.
248 210.3.24.Л.198.
249 210.3.24.Л.199-218.
250 210.3.24.Л.201.
251 210.9в.277.Л.70об.
252 210.9в.277.Л.227об.
253 210.9в.277.Л.60, 112, 178, 197.
254 210.9в.277.Л.70, 145, 189, 227, 293, 352, 360, 372.
255 210.9в.277.Л.60.
256 210.9в.277.Л.112.
257 210.9в.277.Л.360, 372.
258 210.9в.277.Л.197.
259 210.9в.277.Л.227.
260 210.9в.277.Л.178.
261 210.9в.277.Л.145.
262 210.9в.277.Л.189.
263 210.9в.277.Л.197.
264 210.9в.277.Л.227.
265 210.9в.277.Л.352.
266 210.9в.277.Л.60, 70, 112, 145, 189, 197 и др.
267 210.9в.277.Л.304об.
268 *Так в ркп.*
269 210.9в.277.Л.294.
270 210.9в.277.Л.294об.
271 210.9в.277.Л.294об.
272 210.9в.277.Л.295-303.
273 210.9в.277.Л.293.
274 210.9в.277.Л.405-405об.
275 210.9в.277.Л.373.
276 210.9в.277.Л.374-378.
277 210.9в.277.Л.382-383об.
278 210.9в.277.Л.70об., 112об., 145об., 189об., 197об., 372об., 628об.
279 210.9в.277.Л.178об., 488об.
280 210.9в.277.Л.293об., 352об., 360об.
281 210.9в.277.Л.60об., 227об., 294об.
282 210.9в.277.Л.60, 70, 145, 189, 197.
283 210.9в.277.Л.112, 352.
284 210.9в.277.Л.178-178об.
285 210.9в.277.Л.293об.
286 210.9в.277.Л.360об.
287 210.9в.277.Л.405об.
288 210.9в.277.Л.406-415.
289 210.9в.277.Л.406-415.
290 210.9в.277.Л.299об.
291 210.9в.277.Л.415об.
292 210.9в.277.Л.295-299.
293 210.9в.277.Л.360-360об.
294 210.9в.277.Л.295-303.
295 210.9в.277.Л.8, 222, 234, 262, 326, 341, 389.

- 296 210.9В.277.Л.389, 392-395.
297 210.9В.277.Л.326-327.
298 210.9В.277.Л.223.
299 210.9В.277.Л.325.
300 210.9В.277.Л.223-223.
301 210.9В.277.Л.235-236.
302 210.9В.277.Л.281-283об.
303 210.9В.277.Л.318-320об.
304 210.9В.277.Л.28-29.
305 210.9В.277.Л.79.
306 210.9В.277.Л.28об., 79об.
307 210.9В.277.Л.48.
308 210.9В.277.Л.49-51.
309 210.9В.277.Л.28.
310 210.9В.277.Л.222-224, 326-327.
311 210.9В.277.Л.8-13, 389, 392-395.
312 210.9В.277.Л.234-237.
313 210.9В.277.Л.262-264.
314 210.9В.277.Л.341-343.
315 210.9В.277.Л.8-13.
316 210.9В.277.Л.189, 392-395.
317 210.9В.277.Л.13об., 237об., 264об.,
327об., 343об., 395об.
318 210.9В.277.Л.224об.
319 210.9В.277.Л.144.
320 210.9В.277.Л.292.
321 210.9В.277.Л.90об.
322 210.9В.277.Л.104об.
323 210.9В.277.Л.106об.
324 210.9В.277.Л.114об.
325 210.9В.277.Л.207об.
326 210.9В.277.Л.368об.
327 210.9В.277.Л.109об.
328 210.9В.277.Л.144об.
329 210.9В.277.Л.368об.
330 210.9В.277.Л.98-98об., 102-102об.
331 210.9В.277.Л.98-99об., 102-103об.
332 210.9В.277.Л.99, 103.
333 210.9В.277.Л.207-207об.
334 210.9В.277.Л.259-261.
335 210.9В.277.Л.350-351.
336 210.9В.277.Л.147-154.
337 210.9В.277.Л.167-170.
338 210.9В.277.Л.44-46.
339 210.9В.277.Л.350-351.
340 210.9В.277.Л.148-154, 208-211, 306-309,
312-320, 336-339, 366-367, 371, 386-387.
341 210.9В.277.Л.148-154.
342 210.9В.277.Л.170.
343 210.9В.277.Л.280-280об.
344 210.9В.277.Л.22-22об.
- 345 210.9В.277.Л.216-216об.
346 210.9В.277.Л.85-85об.
347 210.9В.277.Л.256-257.
348 210.9В.277.Л.180-180об., 328-328об.
349 210.9В.277.Л.383.
350 210.9В.277.Л.384-384об.
351 210.9В.277.Л.383-383об.
352 210.9В.277.Л.390-390об.
353 210.9В.277.Л.46об., 154об., 211об.,
309об., 316об., 339об.
354 210.9В.277.Л.313, 351.
355 210.9В.277.Л.209-211.
356 210.9В.277.Л.154.
357 210.9В.277.Л.257.
358 210.9В.277.Л.313об.
359 210.9В.277.Л.313.
360 210.9В.277.Л.314-320.
361 *Далее др. почерком.*
362 210.9В.277.Л.346.
363 210.9В.277.Л.347.
364 210.9В.277.Л.361.
365 *Далее др. почерком.*
366 210.9В.277.Л.317.
367 210.9В.277.Л.347.
368 210.9В.277.Л.361.
369 210.9В.277.Л.396.
370 *Так в ркп. Следует читать* Голосова.
371 210.9В.277.Л.404.
372 210.9В.277.Л.385.
373 210.9В.277.Л.402.
374 210.9В.277.Л.361.
375 210.9В.277.Л.332.
376 210.9В.277.Л.75-77.
377 210.9В.277.Л.87-89.
378 210.9В.277.Л.120-122.
379 210.9В.277.Л.135, 136, 138.
380 210.9В.277.Л.156-158.
381 210.9В.277.Л.91, 92.
382 210.9В.277.Л.175, 176.
383 210.9В.277.Л.332, 334.
384 210.9В.277.Л.40, 41.
385 210.9В.277.Л.142, 143.
386 210.9В.277.Л.54.
387 210.9В.277.Л.59, 60.
388 210.9В.277.Л.133, 134.
389 210.9В.277.Л.137, 139.
390 210.9В.277.Л.160, 161.
391 210.9В.277.Л.191.
392 210.9В.277.Л.219-221.
393 210.9В.277.Л.229-231.
394 210.9В.277.Л.243, 244.

- 395 210.9в.277.Л.252, 253.
- 396 210.9в.277.Л.38, 39, 40, 41, 67, 68, 72, 73, 75-77, 87-89, 91-92.
- 397 210.9в.277.Л.38, 39, 40, 41, 87-89, 91-92, 178, 179, 195, 196, 252, 253; 321, 322 (Л.А. Домнин), 67, 68, 72, 73, 75-77, 142, 143, 156-158, 160, 161, 183, 184, 199, 200, 203, 204, 219-221, 229-231, 243, 244, 267, 268; 269, 270; 285, 286; 330, 331; 332, 334; (П.И. Ковелин), 175, 176, 187, 188, 192, 193 (Ф.Л. Шаковитый)
- 398 210.9в.277.Л.120-122.
- 399 210.9в.277.Л.133, 134.
- 400 210.9в.277.Л.135, 136.
- 401 210.9в.277.Л.137, 139.
- 402 210.9в.277.Л.165-166.
- 403 210.9в.277.Л.138.
- 404 210.9в.277.Л.363.
- 405 210.9в.277.Л.362.
- 406 210.9в.277.Л.364.
- 407 210.9в.277.Л.401, 403.
- 408 *Так в ркп., следует читать* Самсону.
- 409 *Так в ркп., следует читать* Осипову.
- 410 *Написано над зачеркнутым* галицкой.
- 411 *Так в ркп., следует читать* Золотухину.
- 412 *Так в ркп.*
- 413 210.9в.277.Л.528-528об.
- 414 210.9в.277.Л.54об.
- 415 210.9в.277.Л.108об.
- 416 210.9в.277.Л.362об.
- 417 210.9в.277.Л.176об.
- 418 210.9в.277.Л.185об.
- 419 210.9в.277.Л.191об.
- 420 210.9в.277.Л.329.
- 421 210.9в.277.Л.57.
- 422 210.9в.277.Л.87-89об.
- 423 210.9в.277.Л.111.
- 424 210.9в.277.Л.164-164а.
- 425 210.9в.277.Л.146.
- 426 210.9в.277.Л.71.
- 427 210.9в.277.Л.83.
- 428 210.9в.277.Л.30.
- 429 210.9в.277.Л.47.
- 430 210.9в.277.Л.329.
- 431 210.9в.277.Л.54-54об.
- 432 210.9в.277.Л.52-53об.
- 433 210.9в.277.Л.285-286об.
- 434 210.9в.277.Л.258-261.
- 435 210.9в.277.Л.80-80об.
- 436 210.9в.277.Л.77об.
- 437 210.9в.277.Л.418-418об.
- 438 210.9в.277.Л.98-101об., 118-118об., 135-136об., 138-138об.; 155-158об., 171-171об.; 218-221об., 250-250об.; 203-204об., 207-207об., 213-213об., 258-261об.
- 439 210.9в.277.Л.90-90об., 131-131об., 133-134об.; 102-103об., 137-137об., 139-139об., 162-162об.; 194-196об., 214-214об.; 251-254об., 203-204об., 207-207об., 212-212об.
- 440 210.9в.277.Л.348-348об., 350-350об.; 292-292об., 305-305об.
- 441 210.9в.277.Л.117-117об., 120-122об.; 228-231об., 192-194об.; 198-200об.
- 442 210.9в.277.Л.222-224об., 267-268об.; 234-241об.; 262-265об.
- 443 210.9в.277.Л.91-93об.; 208-211об., 243-244об., 285-286об., 306-309об.
- 444 210.9в.277.Л.90-90об., 92-92об., 98-101об., 102-103об.; 129-130об., 201а-201а об., 228-228об., 133-134об., 135-136об., 137-137об., 139-139об.
- 445 210.9в.277.Л.418-418об.
- 446 210.9в.277.Л.419.
- 447 210.9в.277.Л.418-419.
- 448 210.9в.277.Л.207-207об., 212-213об.
- 449 210.9в.277.Л.194-196об.
- 450 210.9в.277.Л.207-207об., 212-213об.
- 451 210.9в.277.Л.218-221об., 194-196об.
- 452 210.9в.277.Л.234-237об., 241-241об.
- 453 210.9в.277.Л.622.
- 454 210.9в.277.Л.563.
- 455 210.9в.277.Л.123об.
- 456 210.9в.277.Л.123-128об.
- 457 210.9в.277.Л.563об.
- 458 210.9в.277.Л.565.
- 459 210.9в.277.Л.567.
- 460 210.9в.277.Л.622об., 624.
- 461 210.9в.277.Л.123-128.
- 462 210.9в.277.Л.123-128.
- 463 210.9в.277.Л.564-565об.
- 464 210.9в.277.Л.632.
- 465 210.9в.277.Л.622.
- 466 210.9в.277.Л.623-624об.
- 467 210.9в.277.Л.632.
- 468 210.9в.277.Л.624.
- 469 *Имя и фамилия написаны над строкой.*
- 470 210.9в.277.Л.532.
- 471 210.9в.277.Л.624.

- 472 210.9в.277.Л.565-567.
473 210.9в.277.Л.622-627.
474 210.9в.277.Л.123-128об.
475 210.9в.277.Л.572-580.
476 210.9в.277.Л.75-77об., 84-84об.
477 210.9в.277.Л.568-568об.
478 210.9в.277.Л.569-571.
479 210.9в.277.Л.579.
480 210.9в.277.Л.572-578.
481 210.9в.277.Л.582-584.
482 210.9в.277.Л.582об., 585об.
483 210.9в.277.Л.579-581.
484 210.9в.277.Л.588-591.
485 210.9в.277.Л.592-592об.
486 210.9в.277.Л.593-594об.
487 210.9в.277.Л.340-340об.
488 210.9в.277.Л.340.
489 210.9в.277.Л.569-571, 582об., 585об.,
587об., 593-594.
490 210.9в.277.Л.592-592об.
491 210.9в.277.Л.128об., 588-591, 564-565,
623-624об.
492 210.9в.277.Л.592-594об., 566567об.,
625-628.
493 210.9в.277.Л.80-80об.
494 210.9в.277.Л.625-627.
495 210.9в.277.Л.571, 594.
496 210.9в.277.Л.592.
497 210.9в.277.Л.567.
498 210.9в.277.Л.624.
499 Далее зачернуто *Гаврилом*.
500 210.9в.277.Л.625.
501 210.9в.277.Л.592об.
502 210.9в.277.Л.624.
503 210.9в.277.Л.1-3.
504 210.9в.277.Л.6.
505 210.9в.277.Л.7.
506 210.9в.277.Л.7.
507 210.9в.277.Л.113.
508 210.9в.277.Л.255-255об.
509 *Поэтому есть основание полагать,
что комплекс документов ст. 3 дела
529 относится к делам именно Приказ-
ного, а не Московского стола, как это
значится в архивной описи.*
510 210.9а.529.Ст.3.Л.118.
511 210.9а.529.Ст.3.Л.183.
512 210.9а.529.Ст.3.Л.117-119об.
513 210.9а.529.Ст.3.Л.133-136об.
514 *Место в документе размыто.*
515 210.9а.529.Ст.3.Л.182-185об.
- 516 210.9а.529.Ст.3.Л.118.
517 210.9а.529.Ст.3.Л.134.
518 210.9а.529.Ст.3.Л.183.
519 210.9а.529.Ст.3.Л.81-82.
520 210.9а.529.Ст.3.Л.121.
521 210.9а.529.Ст.3.Л.135.
522 210.9а.529.Ст.3.Л.183.
523 210.9а.529.Ст.3.Л.109-113.
524 210.9а.529.Ст.3.Л.131-131об.
525 210.9а.529.Ст.3.Л.137-138об.
526 210.9а.529.Ст.3.Л.197.
527 210.9а.529.Ст.3.Л.80об., 109об., 118-
119.
528 210.9а.529.Ст.3.Л.117об., 120об.,
131об., 133об., 137об., 182об.
529 210.9а.529.Ст.3.Л.110-113, 121-124,
138об., 185об.
530 210.9а.529.Ст.3.Л.197.
531 210.9а.529.Ст.3.Л.118-119, 121-124.
532 210.9а.529.Ст.3.Л.134-135.
533 210.9а.529.Ст.3.Л.82.
534 210.9а.529.Ст.3.Л.124, 131об.
535 210.9а.529.Ст.3.Л.119.
536 210.9а.529.Ст.3.Л.118.
537 210.9а.529.Ст.3.Л.136об.
538 210.9а.529.Ст.3.Л.185об.
539 210.9а.529.Ст.3.Л.82об., 119об., 124об.
540 210.9а.529.Ст.3.Л.109-116.
541 210.9а.529.Ст.3.Л.135.
542 210.9д.505.Л.3-4об.
543 210.9д.505.Л.1-1об.
544 210.9д.505.Л.3-8.
545 210.9д.505.Л.9.
546 210.9д.505.Л.9.
547 210.9д.505.Л.3об.
548 210.9д.505.Л.3.
549 210.9д.505.Л.4об.
550 210.9д.505.Л.1-1об.
551 210.9д.505.Л.3-8.
552 210.9д.505.Л.9.
553 210.9д.505.Л.8об.
554 210.9д.505.Л.3, 4об.
555 210.9д.505.Л.1.
556 210.9д.505.Л.3.
557 210.9д.505.Л.10-10об.
558 210.9д.505.Л.11.
559 210.9д.505.Л.14.
560 210.9д.505.Л.19.
561 210.9д.505.Л.13.
562 210.9д.505.Л.13-14.
563 210.9д.505.Л.13.

- 564 210.9д.505.Л.13-17, 19.
565 210.9д.505.Л.18.
566 210.9д.505.Л.10об.
567 *Сокращение, следует читать* рейтар.
568 210.9д.505.Л.12.
569 210.9д.505.Л.12.
570 210.9д.505.Л.19.
571 210.9д.505.Л.13об.
572 210.9д.505.Л.13-17.
573 210.9д.505.Л.18-22об.
574 210.9д.505.Л.22-22об.
575 210.9д.505.Л.14-16об.
576 210.9д.505.Л.22об.
577 210.9д.505.Л.11.
578 210.9д.505.Л.12.
579 210.9д.505.Л.13-16об.
580 210.9д.505.Л.13-17.
581 210.9д.505.Л.19.
582 210.9д.505.Л.18-22об.
583 210.9а.531.Ст.2.Л.64.
584 210.9а.531.Ст.2.Л.46об.
585 210.9а.531.Ст.2.Л.64об.
586 210.9а.531.Ст.2.Л.92.
587 210.9а.531.Ст.2.Л.64.
588 210.9а.531.Ст.2.Л.100.
589 210.9а.531.Ст.2.Л.92-93об.
590 210.9а.531.Ст.2.Л.96-97.
591 210.9а.531.Ст.2.Л.96-98.
592 210.9а.531.Ст.2.Л.98.
593 210.9а.531.Ст.2.Л.98.
594 *Перед словом дворца зачеркнутое*
приходу.
595 *Перед предлогом з зачеркнутый пред-*
лог с.
596 210.9а.531.Ст.2.Л.100.
597 210.9а.531.Ст.2.Л.94.
598 *Далее следует перечисление руководи-*
телей приказа.
599 210.9а.531.Ст.2.Л.90-91.
600 210.9а.531.Ст.2.Л.95, 97.
601 210.9а.531.Ст.2.Л.97.
602 210.9а.531.Ст.2.Л.97.
603 210.9а.531.Ст.2.Л.97.
604 *Слово написано сверху.*
605 210.9а.531.Ст.2.Л.89.
606 210.9а.531.Ст.2.Л.60-61об.
607 210.9а.531.Ст.2.Л.81-82об.
608 *Порецкому.*
609 *Далее в черновике зачеркнуто.*
610 210.9а.531.Ст.2.Л.62-63об.
611 *Вероятно, ошибка сотрудников Ка-*
занского приказа, так как по докумен-
там Разряда память была послана
19 октября.
612 210.9а.531.Ст.2.Л.64-80об.
613 210.9а.531.Ст.2.Л.83.
614 210.9а.531.Ст.2.Л.84.
615 210.9а.531.Ст.2.Л.54-55об.
616 210.9а.531.Ст.2.Л.56-59об.
617 210.9а.531.Ст.2.Л.46-53об.
618 210.9а.531.Ст.2.Л.92об.
619 210.9а.531.Ст.2.Л.46об., 81об.
620 210.9а.531.Ст.2.Л.54об., 56об., 60об.,
64об., 89об.
621 210.9а.531.Ст.2.Л.89, 91.
622 210.9а.531.Ст.2.Л.60, 63, 81.
623 210.9а.531.Ст.2.Л.63об., 91об.
624 *Седов П.В. Указ. соч. С.490.*
625 210.9а.531.Ст.2.Л.1, 5, 9, 11, 30, 32, 35,
37, 39, 42.
626 210.9а.531.Ст.2.Л.14.
627 210.9а.531.Ст.2.Л.45об.
628 210.9а.531.Ст.2.Л.1, 5, 9, 11, 14, 30, 32,
35, 37, 39, 42.
629 210.9а.531.Ст.2.Л.1об.
630 210.9а.531.Ст.2.Л.5об.
631 210.9а.531.Ст.2.Л.14об.
632 210.9а.531.Ст.2.Л.30об.
633 210.9а.531.Ст.2.Л.42об.
634 210.9а.531.Ст.2.Л.9об., 11об.
635 210.9а.531.Ст.2.Л.13.
636 210.9а.531.Ст.2.Л.36.
637 210.9а.531.Ст.2.Л.31.
638 210.9а.531.Ст.2.Л.2.
639 210.9а.531.Ст.2.Л.31.
640 210.9а.531.Ст.2.Л.34.
641 210.9а.531.Ст.2.Л.43
642 210.9а.531.Ст.2.Л.55.
643 210.9а.531.Ст.2.Л.63.
644 210.9в.277. Л.597-598.
645 210.9в.277. Л.437-438.
646 210.9в.277. Л.597-598.
647 210.9в.277. Л.609.
648 210.9в.277.Л.31.
649 210.9в.277.Л.34, 81, 349.
650 210.9в.277.Л.55.
651 210.9в.277.Л.81.
652 210.9в.277.Л.232.
653 210.9в.277.Л.272, 610, 611-617, 618-621.
654 210.9а.531.Ст.5.Л.10.
655 210.9а.531.Ст.5.Л.12.

- 656 210.9а.531.Ст.5.Л.17.
657 210.9а.531.Ст.5.Л.19.
658 210.9в.277.Л.20.
659 210.9в.277.Л.595-596.
660 210.531.Ст.5.Л.15-15об.
661 210.9в.277.Л.288.
662 210.9в.277.Л.324.
663 210.9в.277.Л.611.
664 210.9в.277.Л.445, 446-451.
665 210.9в.277.Л.452-452об.
666 210.9в.277.Л.445-451об.
667 210.9а.529.Ст.3.Л.198-201.
668 210.9в.277.Л.81об., 232об., 288об.,
324об.
669 210.9в.277.Л.34об., 272об.;
210.9а.531.Ст.5.Л.12об., 13об.
670 210.9в.277.Л.79об., 611об.
671 210.9в.277.Л.63об.;
210.9а.529.Ст.3.Л.198-201.
672 210.9в.277.Л.34об., 63об., 81об., 232об.,
288об., 324об.; 210.9а.531.Ст.5.Л.12об.,
13об.
673 210.9в.277.Л.272об.
674 210.9в.277. Л.79об.
675 210.9в.277. Л.272об.
676 210.9в.277. Л.445об.
677 210.9в.277. Л.595об.
678 210.9а.531.Ст.5.Л.12-12об., 13-13об.
679 210.9а.531.Ст.5.Л.12
680 210.9а.531.Ст.5.Л.13; *далее лист обо-*
рван.
681 210.9в.277. Л.324.
682 210.9в.277.Л.288.
683 210.9а.531.Ст.5.Л.15.
684 210.9а.531.Ст.5.Л.9-9об., 18-18об.
685 210.9а.531.Ст.5.Л.7-7об., 14-14об., 17-
17об., 19-19об., 20-20об.
686 210.9а.531.Ст.5.Л.9.
687 210.9а.531.Ст.5.Л.7-7об.
688 210.9а.531.Ст.5.Л.18.
689 210.9а.531.Ст.5.Л.16.
690 210.9а.531.Ст.5.Л.16.
691 210.9в.277.Л.20, 55, 64, 610.
692 210.9в.277.Л.31.
693 210.9в.277.Л.272.
694 210.9в.277.Л.275.
695 210.9в.277.Л.273.
696 210.9в.277.Л.276.
697 210.9в.277.Л.437-438.
698 210.9в.277.Л.453-454об.
699 210.9в.277.Л.455-456об.
- 700 210.9в.277. Л.34-35, 232-233.
701 210.9в.277.Л.272-276.
702 210.9в.277.Л.621.
703 210.9в.277.Л.618-620.
704 210.9в.277.Л.610.
705 210.9в.277.Л.595-596.
706 210.9в.277.Л.34—37об.; 63-65об., 232-
233об.
707 210.9в.277.Л.416.
708 *Далее зачеркнуто* розных.
709 210.9в.277.Л.428-431.
710 210.9в.277.Л.69.
711 *на их написано поверх зачеркнутого*
над именах.
712 *Далее зачеркнуто* службы.
713 210.9в.277.Л.289.
714 *Далее зачеркнуто* смоленского списка
и иных.
715 *Исправлено из* ведаются.
716 *прошлого 184-го году написано над*
строкой.
717 *Написано над* строкой.
718 *Исправлено из* Ивашка.
719 *Исправлено из* Олсуфевъ.
720 210.9в.277.Л.291.
721 210.9в.277.Л.291об.
722 210.9в.277.Л.290.
723 210.9в.277.Л.290.
724 210.9а.529.Ст.3.Л.39-40.
725 210.9а.531.Ст.4.Л.21-22об.
726 210.9а.527.Л.285.
727 210.9а.527.Л.287-288.
728 210.9а.527.Л.290-292.
729 210.9а.527.Л.284.
730 210.9а.527.Л.296-297.
731 210.9а.527.Л.299-300.
732 210.9а.527.Л.311-316.
733 210.9а.527.Л.319-326.
734 210.9а.527.Л.326.
735 210.9а.527.Л.335.
736 210.9а.527.Л.337-338.
737 210.9а.527.Л.43-44.
738 210.6.82.Л.4об.-5об.
739 210.9а.527.Л.26.
740 210.9а.527.Л.27.
741 210.9а.527.Л.30.
742 210.9а.527.Л.26об.
743 210.9а.527.Л.30об.
744 210.9а.527.Л.27 об.
745 210.9а.527.Л.266об.
746 210.9а.527.Л.48.

- 747 210.9а.527.Л.215.
748 210.9а.527.Л.223.
749 210.9а.527.Л.54.
750 6210.9а.527.Л.65.
751 210.9а.527.Л.74.
752 210.9а.527.Л.200.
753 210.9а.527.Л.201.
754 210.9а.527.Л.59.
755 210.9а.527.Л.240.
756 210.9а.527.Л.74.
757 210.9а.527.Л.201.
758 210.9а.527.Л.54.
759 210.9а.527.Л.65.
760 210.9а.527.Л.48.
761 210.9а.527.Л.59.
762 210.9а.527.Л.223.
763 210.9а.527.Л.165.
764 210.9а.527.Л.64, 201.
765 210.9а.527.Л.74.
766 210.9а.527.Л.54, 223.
767 210.9а.527.Л.240.
768 210.9а.527.Л.48.
769 210.9а.527.Л.59.
770 210.9а.527.Л.65, 200.
771 210.9а.527.Л.263.
772 210.9а.527.Л.215.
773 210.9а.527.Л.48-53об. (*Л.А. Домнин*),
54-58об., 74-78об., 240-243об.
(*Ф.Л. Шакловитый*); 59-63об., 65-73об.
(*П.И. Ковелин*); 210.9а.531.Ст.4.Л.3-7об.
(*Ф.Л. Шакловитый*); 210.9а.531.Ст.4.
Л.14-17об., 33-36об. (*П.И. Ковелин*).
774 210.9а.527.Л.64-64об., 200-201об., 215-
215об., 223-223об., 263-263об.
775 210.9а.527.Л.54-54об.
776 210.9а.527.Л.200-200об.
777 210.9а.527.Л.201-201об.
778 210.9а.527.Л.215-215об.
779 210.9а.527.Л.223-223об.
780 210.9а.527.Л.263-263об.
781 210.9а.527.Л.48.
782 210.9а.527.Л.54.
783 210.9а.527.Л.59.
784 210.9а.527.Л.65.
785 210.9а.527.Л.74.
786 210.9а.527.Л.165.
787 210.9а.527.Л.240.
788 210.9а.527.Л.64-64об.
789 210.9а.527.Л.165-165об.
790 210.9а.531.Ст.4.Л.3.
791 210.9а.531.Ст.4.Л.4-7об.
792 210.9а.531.Ст.4.Л.1-1об.
793 210.9а.531.Ст.4.Л.7.
794 210.9а.531.Ст.4.Л.8-8об.
795 210.9а.527.Л.49.
796 210.9а.527.Л.50.
797 *Написано поверх зачеркнутого он.*
798 210.9а.527.Л.49-53.
799 210.9а.527.Л.65-65об.
800 210.9а.527.Л.66-67.
801 210.9а.527.Л.68-68об.
802 210.9а.527.Л.166.
803 210.9а.527.Л.167.
804 210.9а.527.Л.166.
805 210.9а.527.Л.167.
806 210.9а.531.Ст.4.Л.3-7об. 9-13об.;
210.9а.527.Л.54-58об., 74-78об., 240-
243об.
807 210.9а.531.Ст.4.Л.14-17об., 33-36об.;
210.9а.527.Л.59-63об., 65-73об.
808 210.9а.527.Л.73.
809 210.9а.527.Л.63об., 78об., 243об.
810 210.9а.527.Л.53об.
811 210.9а.527.Л.58об.;
210.9а.531.Ст.4.Л.7об., 13об., 17об.,
20об., 36об.
812 210.9а.527.Л.72об., 73об.
813 210.9а.527.Л.65-73об.
814 210.9а.527.Л.48-53об.
815 210.9а.531.Ст.4.Л.14-17об.
816 210.9а.531.Ст.4.Л.3-7об.
817 210.9а.531.Ст.4.Л.33-36об.
818 210.9а.527.Л.74-78об.
819 210.9а.527.Л.240-243об.
820 210.9а.531.Ст.4.Л.9-13об.
821 210.9а.527.Л.54-58об.
822 210.9а.527.Л.278.
823 210.9а.531.Ст.4.Л.23-23об.
824 210.9а.527.Л.317.
825 210.9а.527.Л.336.
826 210.9а.527.Л.269.
827 210.9а.527.Л.310.
828 210.9а.527.Л.279, 284, 289, 293, 295,
298, 301, 340.
829 210.9а.531.Ст.4.Л.21.
830 210.9а.527.Л.286.
831 210.9а.527.Л.269об., 279об., 293об.,
295об., 301об., 310об.
832 210.9а.527.Л.278об., 289об., 298об.,
336об.
833 210.9а.531.Ст.4.Л.23об., 28об.;
210.9а.527.Л.340об.

- 834 210.9а.531.Ст.4.Л.21об.;
210.9а.527.Л.284об., 317об.
- 835 210.9а.527.Л.278об., 284об., 289об.,
298об., 317об.
- 836 210.9а.527.Л.269об., 279об.
- 837 210.9а.527.Л.293об., 295об., 301об.
и др.
- 838 210.9а.531.Ст.4.Л.23об., 28об.
- 839 210.9а.527.Л.340об.
- 840 210.9а.531.Ст.4.Л.30об.
- 841 210.9а.527.Л.1.
- 842 210.9а.527.Л.175.
- 843 210.9а.527.Л.79.
- 844 210.9а.527.Л.149-150.
- 845 210.9а.527.Л.8-9.
- 846 210.9а.527.Л.267.
- 847 210.9а.527.Л.155-155об.
- 848 210.9а.531.Ст.4.Л.37-37об.
- 849 210.9а.527.Л.33.
- 850 210.9а.527.Л.36.
- 851 210.9а.531.Ст.4.Л.38-38об.
- 852 210.9а.527.Л.39.
- 853 210.9а.531.Ст.4.Л.38-38об.
- 854 210.9а.527.Л.168-171.
- 855 210.9а.527.Л.172.
- 856 210.9а.527.Л.1об.
- 857 210.9а.527.Л.36об.
- 858 210.9а.527.Л.79об.
- 859 210.9а.527.Л.149об., 267об.
- 860 210.9а.527.Л.2-5.
- 861 210.9а.527.Л.175-176.
- 862 210.9а.527.Л.268.
- 863 210.9а.527.Л.37-38.
- 864 210.9а.527.Л.40.
- 865 210.9а.527.Л.42.
- 866 210.9а.527.Л.176.
- 867 210.9а.527.Л.2, 37-38, 42.
- 868 210.9а.527.Л.176.
- 869 210.9а.527.Л.268.
- 870 210.9а.527.Л.38.
- 871 210.9а.527.Л.40.
- 872 210.9а.527.Л.42.
- 873 210.9а.527.Л.80-82.
- 874 210.9а.527.Л.2.
- 875 210.9а.527.Л.33об.
- 876 210.9а.527.Л.35об.
- 877 210.9а.527.Л.176.
- 878 210.9а.527.Л.268.
- 879 210.9а.527.Л.156-159.
- 880 210.9а.527.Л.2-5.
- 881 210.9а.527.Л.268.
- 882 210.9а.527.Л.38.
- 883 210.9а.527.Л.175-176.
- 884 210.9а.527.Л.176.
- 885 210.9а.527.Л.175-176.
- 886 210.9а.527.Л.8-9.
- 887 210.9а.527.Л.8об.
- 888 210.9а.527.Л.12.
- 889 210.9а.527.Л.8-15.
- 890 210.9а.527.Л.154.
- 891 210.9а.527.Л.16.
- 892 210.9а.527.Л.7.
- 893 210.9а.527.Л.25.
- 894 210.9а.527.Л.23.
- 895 210.9а.527.Л.31-32.
- 896 210.9а.527.Л.18.
- 897 210.9а.527.Л.21.
- 898 210.9а.527.Л.6об., 18об., 21об., 22об.
- 899 210.9а.527.Л.21об.
- 900 210.9а.527.Л.24об.
- 901 210.9а.527.Л.31об.
- 902 210.9а.527.Л.18.
- 903 210.9а.527.Л.23.
- 904 210.9а.527.Л.20.
- 905 210.9а.527.Л.20об.
- 906 210.9а.527.Л.88.
- 907 210.9а.527.Л.88об.
- 908 210.9а.527.Л.105-106.
- 909 210.9а.527.Л.123-124.
- 910 210.9а.527.Л.124.
- 911 210.9а.527.Л.161.
- 912 210.9а.527.Л.161об.
- 913 210.9а.527.Л.163-164об.
- 914 *Так в ркп., следует читать* Фефила-
твева.
- 915 210.9а.527.Л.35.
- 916 210.9а.527.Л.33об.
- 917 210.9а.527.Л.35об.
- 918 210.9а.527.Л.40.
- 919 210.9а.527.Л.41.
- 920 *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие
XV-XVII вв. М., 1975. С.598.
- 921 210.9а.527.Л.42.
- 922 210.9а.527.Л.150-154.
- 923 210.9а.531.Ст.4. Л.31-32.
- 924 210.9а.527.Л.36-36об., 41-41об.
- 925 210.9а.527.Л.79-80.
- 926 210.9а.527.Л.123.
- 927 210.9а.527.Л.267-268.
- 928 210.9а.527.Л.123.
- 929 210.9а.527.Л.6, 18, 20, 21, 22, 24, 31, 88,
105.

- 930 210.9а.527.Л.6об., 18об., 21об., 22об.,
24об., 31об.
- 931 210.9а.527.Л.105об.
- 932 210.9а.527.Л.5.
- 933 210.9а.527.Л.106.
- 934 210.9а.527.Л.16-17.
- 935 210.9а.527.Л.163-164.
- 936 210.9а.527.Л.1-7.
- 937 210.9а.527.Л.8-17, 20-20об.
- 938 210.9а.527.Л.18-18об., 21-21об., 22-
22об., 24-25об.
- 939 210.9а.527.Л.20-20об.
- 940 210.9а.527.Л.31-31об.
- 941 210.9а.527.Л.155-161.
- 942 210.9а.527.Л.161-164об.
- 943 210.9а.527.Л.79-82, 88-88об., 175-176,
149-154.
- 944 210.9а.527.Л.105-106.
- 945 210.9а.527.Л.33-34об.
- 946 210.9а.527.Л.35-35об.
- 947 210.9а.527.Л.39-42.
- 948 210.9а.527.Л.174.
- 949 210.9а.527.Л.174об.
- 950 210.9а.527.Л.203-204.
- 951 210.9а.527.Л.264-265.
- 952 210.9а.527.Л.265об.
- 953 210.9а.529.Ст.3.Л.173.
- 954 *Не читается, лист ветхий.*
- 955 210.9а.529.Ст.3.Л.175.
- 956 *Не читается, лист испорчен.*
- 957 *Не читается, лист испорчен.*
- 958 *Не читается, лист испорчен.*
- 959 210.9а.529.Ст.3.Л.175.
- 960 210.9а.529.Ст.3.Л.175.
- 961 210.9а.529.Ст.3.Л.176.
- 962 210.9а.529.Ст.3.Л.173-176.
- 963 210.9а.529.Ст.3.Л.176.
- 964 *Прзб, возможно, следует читать ны-
нешний.*
- 965 210.9д.505.Л.23-29.
- 966 210.9а.527.Л.46.
- 967 210.9а.527.Л.173.
- 968 210.9а.527.Л.173об.
- 969 210.6д.95.Л.141об-144.
- 970 *Новосельский А.А. Борьба Москов-
ского государства с татарами в первой
половине XVII века. М.-Л., 1948.С.403-
406.*
- 971 210.6д.95.Л.141об-146.
- 972 210.6д.95.Л.146-147об.
- 973 210.9а.529.Ст.3.Л.139.
- 974 210.9а.529.Ст.3.Л.140.
- 975 210.9а.529.Ст.3.Л.142.
- 976 14210.9а.529.Ст.3.Л.144.
- 977 210.9а.529.Ст.3.Л.139.
- 978 210.9а.529.Ст.3.Л.108-108об.
- 979 210.9а.529.Ст.3.Л.67-67об., 125-126,
203-203об.
- 980 210.9а.529.Ст.3.Л.186об.
- 981 210.9а.529.Ст.3.Л.70-74об.
- 982 210.9а.529.Ст.3.Л.86-98об.
- 983 210.9а.529.Ст.3.Л.71, 88-98, 142-143.
- 984 210.9а.529.Ст.3.Л.42-43об.
- 985 210.9а.529.Ст.3.Л.140-141.
- 986 210.9а.529.Ст.3.Л.144-144об.
- 987 210.9а.529.Ст.3.Л.70об.
- 988 210.9а.529.Ст.3.Л.72.
- 989 210.9а.529.Ст.3.Л.126.
- 990 210.9а.529.Ст.3.Л.71-74об.
- 991 210.9а.529.Ст.3.Л.203-203об.
- 992 210.9а.529.Ст.3.Л.26-32.
- 993 210.9а.529.Ст.3.Л.6.
- 994 210.9а.529.Ст.3.Л.6об.
- 995 210.9а.529.Ст.3.Л.6-6об.
- 996 210.9а.529.Ст.3.Л.6об.
- 997 210.9а.529.Ст.3.Л.41-45.
- 998 210.9а.529.Ст.3.Л.6об., 17об., 41об.,
67об., 86об., 203об.; 210.9д.95.Л.141об-
144.
- 999 210.9а.529.Ст.3.Л.70об.
- 1000 210.9а.529.Ст.3.Л.125об.
- 1001 210.9а.529.Ст.3.Л.98-99.
- 1002 210.9а.529.Ст.3.Л.42-43об.
- 1003 210.9а.529.Ст.3.Л.71-74.
- 1004 210.9а.529.Ст.3.Л.203, 205.
- 1005 210.9а.529.Ст.3.Л.57-63.
- 1006 210.9а.529.Ст.3.Л.28.
- 1007 210.9а.529.Ст.3.Л.43об., 74об., 98об.
- 1008 210.9а.529.Ст.3.Л.63об.
- 1009 *Лист оборван.*
- 1010 210.9а.529.Ст.3.Л.189.
- 1011 *Соответственно, архивное дело 529
из описи 9а фонда 210 относится к до-
кументам не Московского, а Приказно-
го стола.*
- 1012 210.9а.529.Ст.3.Л.26-28.
- 1013 210.9а.529.Ст.3.Л.186-188.
- 1014 210.9а.529.Ст.3.Л.6-16об.
- 1015 210.9а.529.Ст.3.Л.41-46об.
- 1016 210.9а.529.Ст.3.Л.57-63об., 67-67об.
- 1017 210.9а.529.Ст.3.Л.70-74об.
- 1018 210.9а.529.Ст.3.Л.86-105.

- 1019 210.9а.529.Ст.3.Л.86-105.
1020 210.9а.529.Ст.3.Л.125-129.
1021 210.9д.95.Л.141об.-146.
1022 210.9а.529.Ст.3.Л.203-206.
1023 210.9в.277.Л.520-524об. (*Ярославль*);
525-527об. (*Ростов*); 479-480об. (*Костро-
рома*); 481-481об. (*Переславль Залес-
ский*).
1024 210.9в.277.Л.524.
1025 210.9в.277.Л.527.
1026 210.9в.277.Л.479.
1027 210.9в.277.Л.520об.
1028 210.9в.277.Л.525об.
1029 210.9в.277.Л.481об.
1030 210.9в.277.Л.479об.
1031 210.9в.277.Л.477об, 479об., 486об.,
529об.
1032 210.9в.277.Л.479об.
1033 210.9в.277.Л.481об., 525об.
1034 210.9в.277.Л.499об.
1035 210.9в.277.Л.468об.
1036 210.9в.277.Л.486.
1037 210.9в.277.Л.499об.
1038 210.9в.277.Л.491-491об., 525об.
1039 210.9в.277.Л.468об., 477, 479.
1040 210.9в.277.Л.520-522об.
1041 210.9в.277.Л.465об.
1042 210.9в.277.Л.529об.
1043 210.9в.277.Л.481-481об.
1044 210.9в.277.Л.491-491об.
1045 210.9а.529.Ст.3.Л.33-38.
1046 210.6д.95.Л.60-62.
1047 210.6д.95.Л.62об.-67.
1048 210.9а.529.Ст.3.Л.207-209.
1049 и у городаделцов написано сверху.
1050 ничего и сосед написано поверх стер-
того.
1051 210.6д.61.Л.491-491об.
1052 210.9в.277.Л.499-519об.
1053 210.9а.529.Ст.3.Л.177-177об.
1054 210.9в.277.Л.486.
1055 210.9в.277.Л.486об.
1056 210.9в.277.Л.467.
1057 210.9в.277.Л.484-485об.
1058 210.9в.277.Л.467.
1059 210.9в.277.Л.465.
1060 210.9в.277.Л.456об.
1061 210.9в.277.Л.460-462об.; 463-464об.
1062 Далее И. Олсуфьевым зачеркнуто по
ево ж Воинове отписке о строене того.
1063 210.9в.277.Л.462об.
- 1064 210.9в.277.Л.463-464.
1065 210.9в.277.Л.533.
1066 210.9в.277.Л.533-533об.
1067 Рожков Н.А. Происхождение само-
державия в России. Пг., 1923. С.23.
1068 210.9в.277.Л.534-535.
1069 210.9в.277.Л.535.
1070 210.9в.277.Л.477об.
1071 210.9в.277.Л.475-476об.
1072 210.9в.277.Л.468об.
1073 210.9в.277.Л.476об.
1074 210.9в.277.Л.470об.
1075 210.9в.277.Л.469-470.
1076 210.9в.277.Л.536-536об.
1077 210.9в.277.Л.538-539об.
1078 210.9в.277.Л.539об.
1079 210.9в.277.Л.536об.
1080 Города приводят в том порядке,
в котором они перечислены в росписи.
1081 Далее документ обрывается.
1082 210.9в.277.Л.600-602.
1083 210.9в.277.Л.605.
1084 210.9в.277.Л.606.
1085 210.9в.277.Л.605-610об.
1086 210.9в.277.Л.606.
1087 210.9в.277.Л.599об.
1088 210.9в.277.Л.606.
1089 Уложение 1649 г. Гл. X. Ст.2.
1090 210.9в.277.Л.397-399об.
1091 210.9в.277.Л.540-540об.
1092 210.9в.277.Л.540об.
1093 210.9в.277.Л.544-556.
1094 210.9в.277.Л.557.
1095 210.9в.277.Л.542-543об.
1096 210.9в.277.Л.397-399об.
1097 210.9в.277.Л.397-399об.
1098 210.9в.277. Л.400.
1099 210.9в.277. Л.397-400об.
1100 210.9в.277.Л.482-482об.
1101 Великому государю заключено в рам-
ку.
1102 Далее поставлен "крыж" – знак
вставки.
1103 Так в ркп., второй предлог в пропу-
щен.
1104 Так в ркп., пропущен предлог от.
1105 Далее вставлен текст с оборота ли-
ста.
1106 210.9в.277.Л.490-490об.
1107 210.9в.277.Л.494.

- 1108 *Далее зачеркнуто и из государевы грамоты.*
- 1109 *Так в ркп.*
- 1110 210.9в.277.Л.491об.
- 1111 210.9в.277.Л.497.
- 1112 210.9в.277.Л.497-498.
- 1113 210.9в.277.Л.491-491об.
- 1114 210.9в.277.Л.628.
- 1115 210.9в.277.Л.628об., 629.
- 1116 210.9а.529.Ст.3.Л.64-66.
- 1117 210.9в.277.Л.488, 489.
- 1118 210.9в.277.Л.488об.
- 1119 210.9в.277.Л.489-489об.
- 1120 210.9в.277.Л.558-559об.
- 1121 210.9в.277.Л.489об.
- 1122 210.9в.277.Л.560-562об.
- 1123 210.9а.529.Ст.3.Л.190-190об.
- 1124 210.9а.529.Ст.3.Л.191-192.
- 1125 210.9а.529.Ст.3.Л.193-195об.
- 1126 *Далее размыто.*
- 1127 210.9а.529.Ст.3.Л.196.
- 1128 210.9а.529.Ст.3.Л.191.
- 1129 210.9а.529.Ст.3.Л.47.
- 1130 210.9а.529.Ст.3.Л.47-50.
- 1131 210.9а.529.Ст.3.Л.51-56.
- 1132 210.9а.529.Ст.3.Л.172-172об.
- 1133 210.9а.529.Ст.3.Л.47об.
- 1134 210.9а.529.Ст.3.Л.51об.
- 1135 210.9а.529.Ст.3.Л.172об.
- 1136 210.9д.505.Л.30-34об.
- 1137 210.9д.505.Л.36-39.
- 1138 210.9д.505.Л.40-41.
- 1139 210.9д.505.Л.42-43.
- 1140 *Слова не читаются из-за порчи листа.*
- 1141 *Слова не читаются из-за порчи листа.*
- 1142 210.9д.505.Л.40-45.
- 1143 210.9д.505.Л.46-50.
- 1144 210.9а.529.Ст.3.Л.169-171об.
- 1145 210.6д.95.Л.62об.-67, 141об.-144; 210.9а.529.Ст.3.Л.6-9, 17-25, 33-33об., 41-41об., 47об., 51об., 67-67об., 86-86об., 117-117об., 172об., 186об., 203-203об., 207-209; 210.9в.277.Л.456, 477об., 482-482об., 486-486об., 536-536об., 599-599об.; 210.9д.505.Л.40-45, 41об., 1146 210.9а.529.Ст.3.Л.70-70об., 87-98об., 108-108об., 203-203об.; 210.9в.277.Л.491, 533-533об.; 210.9д.505.Л.40-41об.
- 1147 210.9а.529.Ст.3.Л.42-43об., 71-74, 125-126, 154-155, 172об., 190-190об.; 210.6д.61.Л.491-491об.; 210.9в.277.Л.468об.
- 1148 210.9а.529.Ст.3.Л.60-62об., 68-68об., 178-181, 193-195об.; 210.9в.277.Л.490-490об. (*Ф.Л. Шакловитый*); 210.9д.505.Л.30-34; 210.9а.529.Ст.3.Л.38, 205-206 (*П.И. Ковелин*); 210.9а.529.Ст.3.Л.33, 191 (*Л.А. Домнин*).
- 1149 210.9а.529.Ст.3.Л.43об., 74об., 98об.
- 1150 210.9а.529.Ст.3.Л.63об.
- 1151 210.9д.505.Л.34об.
- 1152 210.9а.529.Ст.3.Л.179об., 181об.
- 1153 210.9а.529.Ст.3.Л.195об.
- 1154 210.9а.529.Ст.3.Л.196.
- 1155 210.9в.277.Л.534-535, 470об., 539об., 606.
- 1156 210.9в.277.Л.462об., 463-464.
- 1157 210.9в.277.Л.476об.
- 1158 210.9в.277.Л.469-470.
- 1159 210.9в.277. Л.400.
- 1160 210.9в.277.Л.475-476об., 469-470, 491-491об., 606; 210.9а.529.Ст.3.Л.177-181об., 190-195об.; 210.9д.505.Л.40-41об.
- 1161 210.9а.529.Ст.3.Л.33-33об., 38.
- 1162 210.9д.505.Л.40-45.
- 1163 210.9д.505.Л.46-50.
- 1164 210.9в.277.Л.397-400об.

Глава 5

Финансы Разрядного приказа в 185 г. (по книгам Денежного стола)

Доходы и расходы Разрядного приказа в 185 г.

Структура записной книги Денежного стола

Среди других столов Разрядного приказа, чья деятельность была построена по территориально-отраслевому принципу, Денежный стоял особняком, поскольку его функционирование определял принцип отраслевой. Компетенция Денежного стола в целом известна, однако в его конкретной административной практике осталось еще много неясного. К счастью для исследователей, среди немногочисленных материалов Денежного стола, сохранившихся за 185 г., имеются две его книги – два больших сводных документа, дающих если не полное, то близкое к полному представление о его деятельности в этом году¹. Сама структура этих документов характеризует приемы финансовой деятельности приказа, поэтому остановимся на ней чуть подробнее.

Записная книга 185 г. Денежного стола Разряда² является сложным по строению документом. Через всю книгу, в том числе и в ее конце, на незаполненных листах, проставлена скрепа начальника Разряда думного дьяка В.Г. Семенова, что само по себе говорит о значении, которое придавалось этому документу в приказе. В начале книги на основании текущей документации – приходной книги предыдущего 184/1675-76 гг. – приводятся данные об остатках денежных средств, а также золотых, серебряных монет, воска, мехов, как формулировали в XVII в., “перешедших” из 183/1674-75 гг. в 184 г. В этой же вступительной части помещены краткие сведения о расходной и приходной частях разрядного бюджета 184 г., находившихся в ведении двух подьячих – В. Степанова и Ф. Берестова, для каждого отдельно³. Общего, сводного баланса разрядного бюджета обоих подьячих в приказе не делалось.

Раннее утро. Кремль. Вид от Грановитой палаты на место, где стояло здание приказов.

После сведений о казне Разряда в 184 г. следуют записи о приеме денежных средств в приказ, которые представляют собой своего рода журнал приема денег в приказе и передачи их в Денежный стол⁴. Записи в этой части книги вносились в течение года по мере поступления денег тремя товарищами В.Г. Семенова (сам он в приеме денежных средств не участвовал, им сделана только одна запись за весь год) – дьяками П.И. Ковелиным, Ф.Л. Шакловитым и Л.А. Домниным, независимо от характера поступлений – различные платежи от частных лиц (служилых людей), представителей военной и гражданской администрации, от лиц, связанных с государством финансовыми договорными обязательствами (например, откупщиков).

Формуляр записей включал несколько обязательных элементов: всегда указывалась дата поступления, податель денег или сопроводительный документ (в том, случае, если деньги были переданы с курьером), характер платежа, сумма и тот из “бухгалтеров” Разряда, которому был передан платеж (в 185 г. это были руководитель Денежного стола В. Степанов и его заместитель М. Алексеев). Так, в первый день года Ф.Л. Шакловитый записал, что “по отписке ис Курска боярина и воеводы князя Григорья Григорьевича Ромодановского с товарищи печатных пошлин, что взяты на острогоченях да на верхососенцах да на усерденях на градцких и на уездных всяких чинов на людех” прислано 6 р. 25 а. “вместо тех денег, что даны в Печатной приказ за них из Розряду. И те денги отданы в прием подьячему Василью Степанову”⁵. 7 ноября П.И. Ковелин отметил в книге, что епифанский таможенный и кабацкий откупщик “Артюшка Харитонов” принес в Разряд откупных денег 184 г. 68 р. 21 а. 4 д. “и те денги отданы в прием подьячему Василью Степанову”⁶. 28 марта тот же дьяк записал, что по отписке из Великого Новгорода стольника и воеводы кн. Н. Урусова и дьяка И. Дмитриева в Разряд прислано “рублевых” денег “за путивльские неты” 23 р., “а с ково взято, и тому роспис под отпискою; и те денги отданы в прием подьячему Василью Степанову”⁷.

Большая часть записей (75) сделана П.И. Ковелиным – общий контроль за приказной казной, как одно из важнейших дел, находился в ведении первого заместителя главы приказа. В те дни, когда П.И. Ковелина не было в приказе или он был занят другими делами, приемом средств занимались другие дьяки – в крайнем случае это мог быть и начальник приказа, но в основном – второй товарищ В.Г. Семенова, Ф.Л. Шакловитый (им сделано 30 записей.) Если принять казну не мог никто из вышестоящих дьяков, это делал Л.А. Домнин (15 записей). “Разделение труда” между руководителями приказа в этой сфере, как и в других, таким образом, существовало, но не было жестким; сотрудники, руководствуясь определенными правилами, легко заменяли друг друга.

То, что деньги принимали лично руководители приказа, а не подьячий – начальник Денежного стола или его заместитель (в современной терминологии, соответственно – заместитель министра, а не главный бухгалтер или его заместитель), и то, что они свидетельствовали прием собственноручной записью, подтверждает принципы, закрепленные в Уложении 1649 г. – ответственность за деятельность приказа, в том числе и особенно за денеж-

ные средства, лежит на руководстве приказа, на дьяках, а не на подьячих, непосредственно ведавших денежной казной.

Следующая часть книги была составлена, скорее всего, в начале 186/1677-78 гг. и затем соединена с предыдущими. Ее содержание составляют сводные записи о приходе и расходе подьячих В. Степанова и М. Алексева за 185 г., расположенные по определенным разделам: окладные и неокладные, которые в свою очередь, разделены на рубрики. Первыми зафиксированы финансовые операции, совершенные В. Степановым. Сначала отмечены средства, оказавшиеся “по записке подьячего Василья Степанова из 184-го во 185-и год в остатке”⁸. Затем следует приходная часть, состоящая из рубрик: “да во 185-м году в приходе на прошлые годы из доимки” (таможенные и кабацкие сборы)⁹, “из доимки на прошлые ж годы по отпискам из городов полоняничных денег”¹⁰, “на 185-и годъ по окладу”¹¹, “по отпискам же из городов воевод и приказных людей на 185-и год по окладу полоняничных денег”¹², “неокладных денежных доходов”, в том числе “рублевые”¹³, после чего подведен итог прихода 185 г. подьячего В. Степанова¹⁴. За приходной частью следует расходная: “И ис того числа по расходной книге 185-го году в росходе по руке подьячего Василья Степанова”¹⁵, в конце которой подведен ее итог¹⁶. С этого же листа начинаются записи о приходе и расходе 185 г. подьячего М. Алексева, состоящие, с небольшими отличиями, из тех же рубрик, что и отчет В. Степанова¹⁷.

Записи в приходо-расходной, “подьяческой” части книги отличаются от записей дьяков. Прежде всего, они не фиксируют даты получения платежей (как и расходов) и имена курьеров, доставивших деньги – чего и не требуется в сводном, итоговом документе. В то же время подьячие более детально описывают “составляющие” некоторых категорий платежей, в частности, окладных сборов: “По отписке изо Мценска воеводы Фомы Хитрово мценского кружечного двора головы с целовалники 180-го году, чего у них против приходу в росходе не объявилось и что они дали дьячку от писма и от наиму онбара и за неотдачею вина и меди” 19 р. 10 а.¹⁸; “По отписке ис Соколского Емельяна Тяпкина соколские таможни и кабака головы 184-го году недоборных денег и что дано на молебен и на починку замка” 1 р. 20 а. 5 д.¹⁹; “С козловские таможни и с кабаков и с мельницы и с конские площадки у откупщика у Савина Иванова на 184-й год откупных денег” 582 р. 24 а. 3 д.²⁰. В разделе неокладных денежных доходов принципы записей сохраняются: “По отписке ис Козлова столника и воеводы Семена Колтовского пенных денег, что доправлены на добренском приказном человеке Луке Дубенском за поноровку о правеже доимочных денег на добренских верных головах”, 20 р.²¹; “По отписке ис Серпухова Исака Рохманинова на крестьянх Петра Комынина прогонных денег” 9 а.²²; “По отписке ис Колуги головы стрелецкого Андрея Полозова прогонных, что доправлены на колужском воеводе Федоре Жеребцове”, 3 р. 8а.²³; “По отписке ис Колуги воеводы Федора Жеребцова прогонных денег, что доправлены на колужском подьячем”, 9 а.²⁴

Прежде всего, документ дает представление о том, каким образом платежи поступали в Разрядный приказ. Разумеется, профессиональных инкассаторов в российской государственной системе XVII в. не было, однако некоторые, сложившиеся естественным образом правила перемещения финансов прослеживаются. Самые крупные суммы поступали из окладных доходов. В свою очередь, самыми большими из них были сборы с таможен, кабаков и кружечных дворов. Такие сборы во второй половине 70-х годов чаще всего отдавались государством на откуп. Записная книга Денежного стола свидетельствует, что крупные суммы денег, собранные с таможен и кабаков откупщиками, обычно привозили в Москву, в Разрядный приказ сами откупщики. Например, орловские откупщики во главе с Федором Хвасливым доставляли в Разряд сборы в 400 р.²⁵, 426 р.²⁶, 500 р.²⁷, 328 р. 33 а.²⁸; козловские откупщики Савин Иванов с товарищами – в 200 р.²⁹, 181 р.³⁰, 200 р. 27 а. 2 д.³¹, 500 р.³², 328 р. 33 а.³³, 400 р.³⁴, 428 р. 33 а.³⁵ и т.п.

Вообще, крупные суммы из провинции предпочитали отправлять в Москву с ответственными людьми, прежде всего, представителями центральной или местной администрации разного уровня. Так, собранные в городах Ефремове, Данкове, Новосили, Черни доимки сборов с таможен и кружечных дворов в сумме 635 р. 19 а. 3 д. были отправлены в Москву в Разряд с разрядным же подьячим В. Мартыновым³⁶; такие же доимки из Воронежа в сумме 588 р. 27 а. 3 д. привез в Разряд воронежский голова Трофим Соболев³⁷; лихвинские таможенные и кабацкие деньги за 184 г. в сумме 115 р. 5 а. 2 д. – голова Тимофей Никифоров³⁸. Меньшие суммы окладных сборов доставляли или откупщики более мелких городов, если это были откупные сборы (например, епифанский откупщик Артемий Харитонов, доставивший 68 р.³⁹, елецкий голова Ефим Каклушин, который “подал в Розряде” деньги “таможенного и кабацкого сбору” 20 р. 20 а. 4 д.⁴⁰), или лица меньших городских чинов – дети боярские, городовые казаки, пушкарки (эти суммы составляли 10 р.⁴¹, 1 р. 23 а. 2 д.⁴², 17 р.⁴³ и т. д.).

Следует отметить одну бюрократическую особенность доставки собранных сумм разными лицами: если деньги привозил сам сборщик налогов – откупщик или голова, он не представлял в приказ никакого сопроводительного документа от местного начальства; то же правило действовало в том случае, если деньги доставлял подьячий – московский или городской. В остальных случаях “курьер” вез с собой сопроводительную отписку городского воеводы. Но и из этого правила были исключения: воронежский голова Трофим Соболев привез в Разряд крупную сумму доимок с таможен и кружечного двора (635 р. 19 а. 3 д.) по отписке воронежского воеводы⁴⁴.

Полоняничные деньги, с сопроводительной отпиской воеводы, практически всегда доставляли в Москву городовые дети боярские, реже городовые пушкарки или подьячие приказной избы.

За неисполнение служебных обязанностей или должностные проступки и преступления с чиновников взымали штрафы – пени. В этом случае дейст-

вовало то же общее правило – без сопроводительной отписки воеводы пенные деньги привозили в Разряд только приказные подьячие. Так, разрядный подьячий Т. Сукманов был послан в южные украинные города для организации снабжения ратных людей Севского полка продовольствием – высылки четверикового хлеба; на него же была возложена обязанность взять штрафы с воевод и приказных людей Белева, Карачева, Кром и Орла за срыв поставок хлеба в Севск⁴⁵. Пенные деньги, весьма крупные, были доправлены на карачевском, орловском и кромском воеводах – по 10 р. на каждом. Эти деньги, 30 р., Т. Сукманов сам привез в Разряд⁴⁶. В других случаях взятые с городских приказных людей деньги привозили городовые казаки или другие низшие городовые чины с сопроводительной отпиской воеводы или другого местного начальника, например, стрелецкого или казачьего головы, которым было поручено взимание штрафов.

К пенным деньгам можно причислить и прогонные деньги, которые брали с провинившихся местных администраторов: виновные служилые люди или должностные лица оплачивали дорожные расходы московских чиновников, посланных на места для разбирательства. Чаще всего прогонные деньги привозил в Разряд тот, кого посылали с поручением и кто сам брал с провинившихся этот штраф. Например, разрядный сын боярский С. Ефремов доправил деньги на калужском воеводе и сам доставил их в приказ⁴⁷. Разрядный подьячий С. Баташев подал в Разряд доправленные им прогонные деньги с городских воевод и приказных людей за невысылку в Воронеж хлебных запасов и работных людей к струговому делу⁴⁸. Доставка прогонных денег в Разряд могла быть доверена и другим курьерам, например, представителям городских служилых по отчеству или по прибору. Они привозили прогонные деньги, как правило, с сопроводительными отписками воевод. Так, по отписке воронежского воеводы были присланы в Разряд с сыном боярским Климом Пареным прогонные деньги, доправленные на бывшем стрелецком голове Степане Акжееве⁴⁹. Если провинившийся воевода или городской приказный человек сам приезжал в Москву, то деньги брались в Разряде с него: за невысылку в Севск хлебных запасов с карачевского воеводы Федора Бухвалова было взято прогонных денег 3 р. (видимо, оплата дорожных расходов посылавшегося за ним разрядного служащего)⁵⁰.

Если разрядного служащего отправляли за кем-либо из служилых людей (например, для высылки в полк), живших в своих поместьях и вотчинах, прогонные деньги взимались с крестьян этих служилых людей. С сопроводительной отпиской владимирского воеводы разрядный сын боярский Г. Попов привез в Разряд прогонные деньги, доправленные на крестьянах служилых людей А. Захарьина и П. Зловидова⁵¹. Крайне редко, но встречаются случаи, когда прогонные деньги в Разряд доставлялись служащими других московских приказов. Так, прогонные из Серпухова по отписке воеводы принес в Разряд пристав приказа Холопья суда А. Урюпин⁵². Возможно, что это была просто оказия, с которой деньги были отправлены в Разряд, а, может быть, это было связано с судебным делом служилого человека в приказе Холопья суда.

“Рублевые” деньги также могли привозить в Разряд служилые люди, с которых эти деньги взимались: жилец С.Н. Коробьин заплатил в Разряде

7 р. за то, “что ему на государеве службе в Путивле быть не велено для его болезни”⁵³. С И.И. Дубровского было взято в приказе 20 р. “вместо службы” в Новгородском полку, где ему “быть не велено”⁵⁴. Возможно, лично приносили деньги в Разряд те служилые люди, которые, так сказать, официально были отставлены от похода. С “нетчиков” брали деньги в тех местах, где они жили, местные воеводы и присылали в Москву с пушкарями, подьячими, ссыльщиками, иногда со служащими других приказов, например, с решеточным приказчиком Земского приказа.

Все прочие сборы – мелкие окладные и разнообразные неокладные – доставлялись в Разряд с обычными городовыми “курьерами” – детьми боярскими, пушкарями и т.п.

Денежные суммы поступали в приказ неравномерно. Это происходило из-за системы взимания главной части окладных сборов – таможенных, с кабаков и кружечных дворов, которые отдавались на откуп. Выплаты по ним делились на две части по двум полугодиям – сентябрьской и мартовской половинам. Каждая половина, в свою очередь, делилась на четверти – первую и вторую первой половины и третью и четвертую второй половины. В первые три месяца нового года (сентябрь, октябрь, ноябрь) следовали выплаты по окладным доходам за прошлые годы (включая предыдущий). С декабря начинались выплаты по окладным налогам текущего года за первую четверть сентябрьской половины (для таможенных, кабацких денег и сборов с кружечных дворов) и полоняничных денег. Основной месяц этих выплат – январь. С марта начинали поступать сборы второй четверти сентябрьской половины – за декабрь, январь, февраль. Основная масса этого вида налогов передавалась в Разряд в марте, но последние суммы из этой части сборов поступали еще в мае (“откупные деньги сентябрьской половины другие чети досталные”). В июне подходила очередь выплат по откупным сборам таможенным, кабацким и с кружечных дворов третьей четверти мартовской половины, на него приходится основные выплаты по этой части сборов. Наконец, август завершал откупные сборы поступлением окладных доходов мартовской половины “последние чети”.

Полоняничные деньги за текущий год, как и таможенные и кабацкие, начинали поступать с декабря и доставлялись в Разряд относительно равномерно в течение всего года.

Неокладные сборы не были привязаны к определенным временным рамкам и также поступали в течение года равномерно. Для 185 г. характерно только увеличение поступления “рублевых” денег “за путивльские неты” с мая и особенно в июле и августе.

Если оценивать количественно общее число поступлений в Денежный стол Разряда в 185 г., то складывается следующая картина. Большая часть платежей приходилась на март, июнь и январь, то есть месяцы, следующие за концом четверти, когда поступала основная масса доходов за предыдущую четверть; примерно равное количество – на июль и декабрь (также месяц, следующий за четвертью). В остальные месяцы деньги поступали значительно реже. Что касается частоты поступлений, то суммы доставлялись примерно раз в одну-две недели, при этом в один день могло быть произведено два-три платежа.

При сравнении текущих записей дьяков и итоговых выкладок подьячих выясняется, что дьяки отмечали прием таможенных, кабацких и оброчных налогов, полоняничные сборы, а деньги за кабацкие и таможенные “заводы” (строения, ковши, плоски, шайки и проч.), продажное вино, а также взысканную разницу кабацких доходов и расходов и проч. – не отмечали (за одним исключением 7 мая, у П.И. Ковелина по Короче⁵⁵). Кроме того, не отмечался дьяками, в отличие от подьячих, и прием в Разряде воска и меда из городов.

Через руки дьяков, таким образом, проходили только основные части окладных платежей – фиксированные доимочные сборы с таможен, кабаков, кружечных дворов и оброчных мест, полоняничные сборы, как доимочные, так и за текущий год. “Дополнительные”, нефиксированные выплаты (доправленные недоимки на ответственных за сбор людей, выплаты за инвентарь и продукты, определенные местными оценщиками), а также доимки по сбору меда и воска принимались непосредственно начальником Денежного стола и его заместителем.

Что касается неокладных сборов, то здесь видимой системы в совпадении и несовпадении записей дьяков и подьячих не наблюдается. Четко прослеживается только одна особенность – получение пенных и прогонных денег с воевод и городских приказных людей всегда шло через дьяков и отмечалось ими. Прочие неокладные доходы – “рублевые”, пенные с городских дьяков и подьячих, прогонные со служилых людей и их крестьян и холопов, “дополнительные”, нефиксированные статьи окладных таможенных и кабацких сборов и др. – могли как приниматься дьяками, так и проходить мимо них сразу к подьячим Денежного стола.

Было еще несколько статей прихода, которые не отмечены у дьяков, то есть поступили сразу в Денежный стол. Речь идет о деньгах, мехах и золотых, перечисленных из других приказов в Разряд⁵⁶, а также о поступлении в Разряд с сопроводительной отпиской боярина и воеводы кн. Г.Г. Ромодановского большой суммы денег (2 080 р. золотых червонных, “35 двойных, 110 одиноких”) на выкуп стольника А.П. Скуратова, полученных от него же⁵⁷.

Таким образом, наиболее значимыми платежами, которые руководители приказа контролировали лично, в Разряде считались основные окладные налоги, которые поступали в приказ из подведомственных ему городов, и штрафы, взимаемые с местной администрации.

При внимательном изучении документа оказывается, что между записями дьяков и подьячих имеются некоторые несоответствия. Например, никак не отражены в доходных статьях подьячих данные двух дьячьих записей от 26 марта: П.И. Ковелина о передаче В. Степанову полоняничных денег из Ефремова за прошлые годы и текущий год (27 р. 4 а. 4 д.)⁵⁸ и Л.А. Домнина

о приеме у орловского откупщика С. Иванова орловского откупа второй части сентябрьской половины 185 г. (500 р.) и передаче денег тому же подьячему⁵⁹. Ефремов, город Тамбовского разряда Белгородского полка, находился в ведении В. Степанова, а окладные сборы с Орла (Севский полк) ведал М. Алексеев (см. ниже), и неясно, почему его сборы оказались переданными В. Степанову. Возможно, эти деньги были зачислены в общую сумму окладных орловских сборов за 185 г. приема М. Алексеева.

Несовпадения в записях дьяков и подьячих носили не только содержательный, но финансовый, арифметический характер, т.е. не совпадали суммы отдельных платежей, зафиксированных в записях и дьяков, и подьячих. В тех случаях, когда сумма, отмеченная подьячим, превышала сумму того же платежа, записанную дьяком, можно предположить, что недостающие деньги были позднее переданы непосредственно подьячему и поэтому окончательная сумма правильно отразилась именно у него. Например, 23 января дьяк Ф.Л. Шаковитый записал, что из Ельца присланы в Разряд таможенные и кабацкие доимочные деньги 179 г. в сумме 45 р. 5 а.⁶⁰ В рубрике доимочных денег прошлых лет В. Степанова значится, что из Ельца получено доимочных 179 г. и за неотдачу меди и ковшей 57 р. 6 а.⁶¹ В записи дьяка П.И. Ковелина за 16 июня отмечено получение из Великих Лук полоняничных денег за прошлые годы и за 185 г. – с луцких стрельцов и казаков 31 р. 25 а. 4 д. и с луцких ямщиков 23 а. 2 д.⁶² У подьячего М. Алексеева, принявшего эти деньги, в рубриках полоняничных сборов прошлых лет и 185 г. сборы с этого города зафиксированы в суммах, соответственно, 230 р. 12 а.⁶³ и 43 р. 5 а. 2 д.⁶⁴ Такие большие “ножницы” присутствуют в записях далеко не всегда. В записи того же П.И. Ковелина за 21 марта сбор елецких таможенных и кабацких денег за сентябрь 185 г. указан в сумме 20 р. 20 а. 4 д.⁶⁵, а у В. Степанова сумма этого же сбора – 20 р. 32 а. 4 д.⁶⁶

Но имеются случаи несовпадения и противоположного характера, которые объяснить труднее. Например, в записи дьяка П.И. Ковелина от 8 декабря помечено, что из Лихвина поступили таможенные и кабацкие деньги 184 г. в сумме 115 р. 5 а. 2 д., которые отданы в прием подьячему М. Алексееву⁶⁷. У последнего в рубрике окладных сборов 184 г. значится, что с Лихвина получено таможенных и кабацких сборных денег 92 р.⁶⁸ 24 мая дьяк Л.А. Домнин записал, что подьячий В. Мартынов доставил в Разряд недоимочные деньги с таможенных и кружечных дворов четырех городов, в том числе из Новосили. По этой записи из Новосили доставлено 53 р. 24 а.⁶⁹ В записи же В. Степанова сказано, что по сказке и по росписи подьячего В. Мартина (написание фамилии этого подьячего в приказных документах варьировалось) из Новосили привезено 41 р. 1 а. 5 д.⁷⁰ Других случаев такого несовпадения в книге нет.

Большая часть средств, как окладных, так и неокладных, поступала в Денежный стол по его же распоряжениям – непосредственно в руки его руководителей или через разрядных дьяков. Но некоторыми поступлениями ведали другие столы Разряда, и сборы, полученные этими столами, доставляли в Денежный стол с сопроводительными документами – письмами – соответствующего стола. Так, поскольку Приказный стол ведал судебными делами в подведомственных Разряду городах, исключая города Новгородского разряда, все неокладные доходы, связанные с судопроизводством в этих городах (судебные пошлины, деньги, выдаваемые на командировочные расходы служащим Разрядного приказа в связи с судебными делами в этих городах и т.п.), Денежный стол получал из Приказного. Например, по письму из Приказного стола Денежным столом были приняты пошлинные и поворотные деньги с судных дел с С. Полтева – 4 р. 25 а. 2 д.⁷¹ По письму из того же стола со стольника И. Боборыкина и его людей было получено 27 а. прогонных денег, втрое против тех, что были выданы разрядному сыну боярскому для посылки его в Можайск “по стольника”⁷².

Еще один стол Разряда, который упоминается в записной книге Денежного стола 185 г., это Московский. В числе прочего, он ведал кадровым составом местного управления в подведомственных столу городах по всем административным вопросам. Поэтому все неокладные доходы, связанные с денежными штрафами за дисциплинарные взыскания с воевод, приказных людей и подьячих приказных изб этих городов, взимались Московским столом. Так, по письму из Московского стола были приняты 3 р. прогонных денег с подьячего белевской приказной избы П. Мелентьева (причина взыскания не указана)⁷³. Видимо, существовала практика взимания штрафов и с семьи провинившегося чиновника: по письму из Московского стола Денежным были получены прогонные деньги в сумме 1 р. 22 а. 4 д., доправленные “елецкою приказною избы на подьяческою жене”⁷⁴. По письму из Московского стола Денежный стол принял от подьячего Т. Сукманова 30 р. пенных и прогонных денег, доправленных на трех воеводах – карачевском Ф. Бухвалове, кромском Л. Полонском и орловском И. Давыдове, по 10 р. с каждого. Однако уже через два месяца, 8 июня, по распоряжению из того же Московского стола И. Давыдову деньги вернули, так как по его подписной челобитной за пометой думного дьяка А.С. Кириллова (в 185 г. он был “главным финансистом” государства – думным дьяком в приказах Большого прихода, Большой казны, Галицкой, Владимирской и Новгородской четей) “тех денег править на нем не велено”. В записи книги Денежного стола отмечено, что эта челобитная находится в севских полковых делах у подьячего Ю. Охотницкого (известно, что он был подьячим Московского стола), “и письмо его в Денежный стол о том дано”⁷⁵.

В компетенции Московского стола находились также вопросы, связанные с обеспечением продовольствием ратных людей украинских городов. Поэтому именно в этом столе была зарегистрирована память из приказа Большого дворца, которая сопровождала переданные из этого приказа в Разряд деньги (70 р. 6 а. 4 д.). С письмом из Московского стола сумма была передана в Денежный стол. Деньги были даны из приказа Большого дворца вместо продуктов и предназначались “на покупку ветчины стольником и полковником и головам московских стрельцов Володимеру Воробьину с товарищи и их приказов полуголовам и сотником и стрельцом, которым велено быть на государеве службе в Киеве, в Чигирине”, однако “вместо ветчины велено им дать в Севску ветчинного ковардаку по указным статьям”⁷⁶.

Отдельного внимания заслуживают записи о приеме в Денежный стол денег по письму не какого-либо стола, а личному письму подьячего, например, С. Баташева. Этот подьячий был послан в города Белгородского полка, чтобы побудить к действию местную администрацию и взять штрафы “с воевод и с приказных людей за невысылку на Воронеж к струговому делу работных людей и хлебных и струговых всяких запасов”. В качестве штрафов, как это было принято, с местных чиновников взимались прогонные деньги (довольно большие), очевидно, затраченные С. Баташевым на дорогу до соответствующих городов (Коротояк, Костенский, Ольшанск, Усерд, Верхососенск, Новый Оскол, Яблонов, Орел, Усмань, Лебедянь, Данков, Старый Оскол, Ливны, Землянск). Судя по характеру дела и мест, куда был отправлен подьячий, посылка была организована Московским столом. Однако в книге Денежного стола отмечено, что деньги приняты “по писму и по росписи подьячего Савы Баташева за ево рукою”⁷⁷. Следовательно, в практике Разряда допускались “авторские” делопроизводственные документы, составленные не только дьяками, но и подьячими. В других случаях отчет о командировке записывался в приказе (по записям трудно определить, в каком именно столе) со слов подьячего. Так “по скаске и по росписи подьячего Василья Мартинова” в Денежный стол были приняты откупные недоборные деньги из Ефремова, Данкова, Черни, Новосили (города Московского стола)⁷⁸.

Как отмечалось выше, неокладные сборы не всегда проходили через дьяков, часть их шла непосредственно в Денежный стол. Выплаты по письмам из других столов не были исключением, хотя большая часть их дьяками отмечена. Не значатся у дьяков записи о передаче денег в Разряд из приказа Большого дворца и о взимании прогонных денег с жены елецкого подьячего по письмам из Московского стола и, по письмам из Приказного стола, о приеме из Путивля денег “за продажные животы недрыгаиловского черкашенина”⁷⁹ и прогонов со стольника И. Боборыкина и его людей.

Таким образом, часть неокладных доходов Денежный стол Разряда получил, по крайней мере, из двух других столов – Приказного и Московского. Деньги поступали из столов с сопроводительными документами, письмами, которые оставались в архиве Денежного стола. Документы же, которые послужили основанием для взимания штрафов, сохранялись в архивах соответствующего стола-отправителя.

Компетенция руководителей Денежного стола в части доходов

Как было сказано, приходом и расходом денежных средств, а также золотых (которые не являлись в полном смысле деньгами) и воска в Денежном столе Разрядного приказа занимались двое старых подьячих – Василий Степанов и Максим Алексеев.

В. Степанов в 185 г. получал в Разряде оклад 32 р. и был четвертым в списке подьячих. До этого, в 1662/63 гг., также в чине подьячего, он с Андреем Павловичем Акинфовым описывал пустоши Симонова монастыря в Дмитровском уезде и в Звенигороде; в том же году с ним же – государевы пустоши в Рузском уезде. 4 июня 1693 г. В. Степанов был пожалован в чин дьяка и назначен в Земский приказ, где находился до 1696 г. В 185 г. В. Степанов возглавлял Денежный стол Разряда.

О М. Алексееве известно меньше. Его нет в списках подьячих Разрядного приказа за 185 г., поскольку, видимо, еще в конце 184 г. он был в приказе Малой России: в расходной книге Денежного стола, которая составлялась в самом конце предыдущего года или в начале текущего, М. Алексеев записан в конце списка подьячих Разрядного приказа, первым среди неверстанных. Документы о выдаче М. Алексееву денежного оклада в Разряде были готовы 1 сентября 185 г., тогда же ему выплатили недоданный оклад по прежнему месту работы – “оклад прежнеи, что ему был в приказе Малыя Росии тридцать рублей, в Розряде справленъ, и того ево окладу, что ему в приказе Малыя Росии не выдано на 184-и год, пять рублей, дано ис приему” подьячего В. Степанова. 3 января М. Алексееву была пожалована прибавка к денежному окладу 2 р., и его новый оклад в Разряде составлял теперь 32 р.⁸⁰

В записной книге Денежного стола Разрядного приказа⁸¹ роспись денежных средств, которые шли через М. Алексеева, следует за такой же росписью В. Степанова, из чего следует, что он занимал подчиненное по отношению к В. Степанову положение, был его заместителем, помощником.

На первый взгляд, компетенция этих подьячих была в общем одинаковой – через обоих проходили самые разнообразные платежи как в приходной, так и в расходной части. Общего было действительно много, но при внимательном рассмотрении выявляются и различия.

Оба подъячих ведали как окладными, так и неокладными доходами Разряда. Из окладных к ним обоим поступали платежи с таможен, кабаков, оброчных мест, полоняничные деньги. Из неокладных общими для обоих были прогонные деньги и пенные деньги с городских приказных людей, взятые за должностные преступления. К В. Степанову в 185 г. поступили также единичные, единовременные платежи: печатные пошлины; доимочные, взятые на подъячих приказной избы; за винную продажу, таможенные и кабацкие “заводы”; пошлинные с судного дела; средства, поступившие из приказа Большого дворца на покупку провианта для ратных людей; остаточные деньги сбора стольника И. Племянникова. Среди таких же, рядовых, неокладных платежей, принятых М. Алексеевым, – деньги “за продажные животы”, деньги, полученные с человека кн. Ф. Куракина; 18 “тарелей” из Брянска и деньги, взятые со стольника А.П. Скуратова на его же “окуп” (выкуп). Но главное отличие в статьях неокладных доходов подъячих состоит в том, что только к В. Степанову поступали “рублевые” деньги.

Следующее существенное различие в компетенции двух подъячих Денежного стола носит “географический” характер. К В. Степанову в 185 г. поступили сборы из 63-х городов, преимущественно Белгородского и Севского полков, или разрядов (то есть, военно-административных округов). Из городов Белгородского полка собственно Белгородского разряда это: Болхов, Валуйки, Верхососенск, Вольный, Карпов, Короча, Ольшанск, Острогжск, Усерд, Хотмышск, Чугуев, Чернавский. Из городов Белгородского полка Тамбовского разряда: Воронеж, Данков, Добрый, Елец, Епифань, Ефремов, Коротояк, Костенск, Ливны, Новосиль, Сокольск, Талецк, Усмань, Чернь, Козлов. Из городов Севского полка (разряда) В. Степанов получил платежи из Карачева, Кром, Мещовска, Мценска, Обояни, Орла, Путивля, Рылска, Серпейска, Севска, а также Лихвина, Мосальска, Белева.

Как видно из приведенного перечня, им не исчерпывается список городов Белгородского и Севского полков. Из городов Белгородского и Севского полков выпали большей частью малые города и крепости, такие как Алешня, Андривы Лозы, Ахтырск, Богодухов, Высокополье, Мерефа, Салтов, Суджа и т.п. (Белгородский полк); Воротыньск, Козельск, Почеп, Рославль и т.п. (Севский полк). Но вместе с тем, не упомянуты и крупные центры, начиная с главного города Белгородского полка – Белгорода, а также Новый и Старый Оскол, Лебединь, Сумы, Харьков, из городов Севского полка – Болхов, Брянск, Курск, Новгород Северский, Стародуб, Чернигов.

Указом 1665 г. денежные сборы с городов Белгородского и Севского полков передавались в руки местному военно-административному начальству и должны были расходоваться на содержание военных сил Белгородского и Севского округов⁸². Однако на деле концентрация финансов в местных центрах не была проведена полностью. Во-первых, теми же указами, в частности, указом 10 февраля 1665 г., расходы в округах должны были производиться “по наряду” (разверстке) из Разрядного приказа. Во-вторых, часть сборов все равно отправлялась прямо в Москву. Судя по расходной книге Денежного стола 185 г., чуть больше, чем через десять лет после указа многие денежные сборы с городов, подведомственных Белгороду и Севску, вновь

сосредоточились в центре. Тем не менее, книга свидетельствует, что сборы из некоторых городов все же расходовались на местах (например, часть денежного и хлебного сбора с городов Севского полка шла на уплату жалованья иноземцам – начальным людям Севского полка копейного, рейтарского, драгунского и солдатского строя⁸³). Исходя из вышесказанного, можно предположить, что города, не отмеченные в записной книге Денежного стола, отправляли свои сборы в Белгород и Севск. Возможно также, это объясняется тем, что не все городские воеводы в срок отсылали сборы в Москву, и потому не были зафиксированы в записной книге Разряда.

Кроме доходов с городов Севского и Белгородского полков к В. Степанову поступали деньги из городов других разрядов – замосковных (Арзамас, Боровск, Белоозеро, Владимир, Вязьма, Кострома, Лух, Муром, Ростов, Суздаль, Юрьев Польский, Ярославль) и Новгородского разряда (Великие Луки, Торопец, Великий Новгород, Бежецкий Верх, Псков).

Доходы, поступающие к В. Степанову, как окладные, так и неокладные, не были равномерно распределены между всеми городами. Большая часть городов давала две главные статьи сборов – 1) доходы с таможен, кабаков и кружечных дворов и 2) полоняничные, – то есть окладные. Таможенные, кружечные и кабацкие сборы в 185 г. поступили с 12 городов Белгородского полка и 9 городов Севского полка. Полоняничные деньги поступили из 21 города Белгородского полка, 3-х городов Севского и одного города Новгородского полка. Сборы по третьей статье окладных доходов – деньги с оброчных мест – прислали только два города Севского полка (Севск и Орел) и один – Белгородского (Козлов). Таким образом, за одним исключением Разряд получал окладные доходы только из городов Белгородского и Севского полков, причем деньги с оброчных мест, скорее всего, оставались на местах сбора и шли на местные нужды.

Из неокладных доходов “рублевые” деньги, напротив, взимались главным образом с замосковных (Арзамас, Боровск, Белоозеро, Владимир, Вязьма, Кострома, Лух, Муром, Ростов, Суздаль, Юрьев Польский, Ярославль) и новгородских (Великий Новгород, Бежецкий Верх, Псков) городов, а также с заочкой Коломны, белгородского Ельца и севского (украинного) Алексина. Прогонные деньги поступили из шести городов Севского полка, одного города Белгородского полка (Елец) и одного замосковского (Владимир). Печатные пошлины были присланы из трех белгородских городов (Острогжск, Верхососенск, Усерд) и одного севского (Рыльск); пенные деньги – из Ливен (Белгородский полк) и Карачева (Севский полк). То, что в ведении Денежного стола оказались замосковные и новгородские города, объясняется не территориальной, а отраслевой его компетенцией: он ведал особым сбором (“рублевыми” деньгами) не с подведомственной территории, а с “физических лиц” – служилых людей по отечеству, ведомых в Разряде службой независимо от территории.

За двумя исключениями (о них ниже) “города М. Алексева” совпадают с “городами В. Степанова”, хотя число их значительно меньше. Из городов Белгородского полка в “приеме” М. Алексева полностью отсутствуют города собственно Белгородского разряда, а из городов Тамбовского разряда значится только Елец (да и из него М. Алексеев принял один неоклад-

ный платеж – прогонные деньги). Из городов Севского полка в 185 г. М. Алексеев получал платежи из Орла, Мещовска, Серпейска, Брянска, Рыльска, с оброчных угодий Севского уезда, а также с Калуги, Лихвина, Мосальска (заочских городов, приписанных к Севскому полку), Белева, Карачева, Кром. Кроме того, М. Алексеев принял деньги из севских Путивля и Недрыгайлова, которых нет в “списке” В. Степанова. Из городов других разрядов за М. Алексеевым “значатся” новгородские Великие Луки и Торопец и замосковский Можайск.

Распределение статей прихода по городам М. Алексеева в целом совпадает с распределением этих статей у В. Степанова. Таможенные и кабацкие сборы М. Алексеев принял из восьми севских и одного новгородского города, полоняничные деньги – из двух севских и двух новгородских; деньги с оброчных мест – из двух севских.

Неокладные доходы М. Алексеева “географически” распределялись следующим образом: прогонные деньги он принял из пяти севских городов, одного белгородского и одного замосковского; пенные деньги – из одного севского (украинного); кроме того, из севского Брянска к М. Алексееву в качестве неокладного сбора поступили “18 тарелей”, а из севского же Недрыгайлова деньги “за продажные животы”.

Что касается сумм денежных средств, собранных в руках каждого подьячего, то они оказались сопоставимы. В приходе у В. Степанова в 185 г. значится денег 7 864 р. 3 а. 1 д., у М. Алексеева – 7 758 р. 10 а. 4 д.

Разбирая приход по статьям, можно видеть, в чем состояли различия в приходных суммах двух подьячих.

Из окладных сборов деньги с таможен, кружечных дворов и кабаков, принятые В. Степановым, составляют 3 078 р. 18 а. 1 д., М. Алексеевым – 5 196 р. 31 а. 4 д.; полоняничные, соответственно, 1 117 р. 8 а. и 444 р. 25 а. 4 д. Таким образом, полоняничные сборы сосредоточились в основном в руках начальника Денежного стола, а таможенные, кружечные и кабацкие распределились приблизительно поровну, но с некоторым “перевесом” в сторону М. Алексеева.

Как уже говорилось, неокладные “рублевые” деньги принимал только В. Степанов; их сумма за 185 г. составила 2 103 р. Взимание этих денег происходило с пяти категорий служилых людей – стольников, стряпчих, московских дворян, жильцов и городских дворян, а, вернее, с принадлежавших им крестьянских и бобыльских дворов, причем поместья и вотчины, как отмечалось выше, располагались главным образом в замосковных землях. Интересно отметить, как “раскладывалась” эта сумма по чинам: с 6 стольников было собрано 262 р., с 7 стряпчих – 247 р., с 31 московского дворянина – 864 р., с 53 жильцов – 677 р., с 5 городских дворян – 53 р. “Рублевые” деньги составили большую часть неокладных сборов В. Степанова.

Прочие неокладные сборы В. Степанова включали (по убывающей):

- остатки сборов (не указано каких) предыдущих лет (132 р. 29 а. 4 д.),
- деньги из приказа Большого дворца на провиант ратным людям (70 р. 6 а. 4 д.),
- деньги, полученные за винные “заводы” и т.п. (49 р. 6 а. 1 д.),
- пенные деньги (30 р.),

– доимочные деньги на городских подьячих за растраты казенных денег (23 р. 18 а.),

– прогонные деньги (75 р. 22 а. 5 д.),

– печатные пошлины (6 р. 25 а.)

– судные пошлины (4 р. 25 а. 4 д.).

Общая сумма неокладных сборов, принятых В. Степановым в 185 г., составила 2 494 р. 5 а.

Основой суммы неокладных сборов М. Алексеева в 185 г. стали деньги, полученные на “окуп” стольника А.П. Скуратова с него же – 2 080 р. Прогонных денег им было собрано 12 р. 19 а., пенных (сюда вошла и часть прогонных) – 20 р., денег “за продажные животы” – 7 р. 11 а. 4 д., с человека кн. Ф. Куракина (неизвестный сбор) было взято 22 а. Всего неокладных сборов М. Алексеева за 185 г. было 2 120 р. 19 а. 2 д. – несколько меньше, чем у В. Степанова, но сопоставимо с его сбором.

Таким образом, оба подьячих получали сборы с одних и тех же подведомственных Разряду городов Белгородского и Севского полков, но к М. Алексееву поступали деньги из гораздо меньшего числа городов. Статьи прихода в части окладных сборов были одними и теми же у обоих подьячих. Однако структура их отличается: В. Степанов занимался сбором доимок по таможенным, кружечным и кабацким сборам за “прошлые годы” (то есть ранее 184 г.), М. Алексеев – сбором этих доходов за 184 и 185 гг. Соответственно различаются и суммы сборов: сумма денег с таможен, кружечных дворов и кабаков за 184-185 гг., поступившая к М. Алексееву, значительно превышает сумму таких же сборов В. Степанова, несмотря на то, что в ведомстве Алексеева было гораздо меньше городов. Полоняничными сборами оба подьячих занимались в равной степени, меньшая сумма их у М. Алексеева объясняется меньшим числом подведомственных городов.

Из неокладных сборов “рублевые” деньги проступали только к В. Степанову в основном из замосковных городов, которые также не были подведомственны М. Алексееву. Деньги по основным статьям неокладных доходов (прогонные и пенные деньги) поступали к обоим подьячим; прогонные примерно в одинаковом объеме, пенные – с гораздо большего числа городов и, соответственно, в больших суммах – к В. Степанову.

Компетенция руководителей Денежного стола в расходной части

В расходной части разрядного бюджета в компетенции обоих подьячих также было и общее, и исполняемое каждым из них в отдельности. Общими для них были следующие статьи расхода:

– выплата жалованья разрядным подьячим, разрядным детям боярским;

Печать приказа Большой казны. 1692 г.

– разовые выплаты служащим Разряда: “для службы”, посылком, за приказную работу разрядным подьячим и “праздничные дачи” разрядным сторожам;

– выплата руги монастырям и покупка церковной утвари в церкви подведомственных Разряду украинских городов;

– выплаты денег на “корм” и “в проезд” выезжим иноземцам, рядовые выплаты гонцам, челобитчикам от служилых людей, стрельцам, сопровождавшим ценные грузы (например, казну) и т.п.;

– возврат городovým приказным людям ошибочно взятых с них пенных денег;

– выплаты служилым людям за выход из плена, за “полонное терпенье”;

– покупка канцтоваров, вещей для обихода разрядного шатра и полковой атрибутики в Севский и Белгородский полки;

– выплата прогонных денег на служебные командировки думных чинов, гонцов в полки и города;

– разрядные избные расходы;

– оплата захоронения татар, умерших в тюрьме.

Кроме этого *В. Степанов* в 185 г. ведал выплатой жалованья разрядным сторожам; разовыми выплатами вдовам разрядных подьячих на помин их мужей; певчим дьякам “для пожарного разоренья”, чугуевским садовникам за привоз в Москву арбузов и винограда. Он же отпускал средства в приказ Каменных дел на строительство нового здания приказов, в Стрелецкий приказ на покупку оружия, в Новгородский приказ на покупку в Архангельске бумаги для Разряда, в Посольский приказ “на верховые дела”.

“Собственными” статьями расхода *М. Алексева* были, во-первых, разовые выплаты разрядному подьячему “для пожарного разоренья”, тюремным сидельцам (русским и пленным туркам и татарам), служилым людям за службу, за взятие “языка”, за раны; на погребение и помин торопецких стрельцов. *М. Алексеев* оплатил изготовление свечей во Дворец; через него были отправлены деньги в приказы – Большой казны, Посольский, в Магистерскую палату великого государя.

Рассмотрим подробно расходы обоих подьячих по статьям, сначала – общим для них обоим.

В 185 г. на жалованье разрядным подьячим *В. Степанов* отпустил 63 р. с полтиной, у *М. Алексева* эта сумма значительно больше – 576 р. 16 а. 4 д.; деньги, отпущенные на праздничные дачи разрядным сторожам, составили 42 р. у *В. Степанова* и 3 р. у *М. Алексева*; – возврат пенных денег приказным людям, соответственно, 100 р. и 20 р.

Сопоставимы суммы по следующим статьям расхода:

- на жалование разрядным детям боярским – 38 р. с полтиной у В. Степанова и 40 р. 19 а. 5 д. у М. Алексеева;
- на разовые выплаты разрядным подьячим “для службы”, посылок и т. д. – 38 р. у В. Степанова и 57 р. у М. Алексеева;
- на разрядные “избные расходы”, соответственно, 392 р. 3 а. 2 д. и 349 р. 24 а. 4 д.;
- разовые денежные выплаты разнообразного характера служилым людям разных чинов – на “корм” и “в приезд” выезжим иноземцам, гонцам, челобитчикам, выходцам из плена, а также тюремным сидельцам, русским и иноплеменным, соответственно, 496 р. 30 а. 2 д. и 478 р. 32 а.;
- деньги, пошедшие на выплату руги и покупку церковной утвари в “украинные” монастыри и церкви, соответственно, 186 р. 7 а. и 170 р. 13 а. 2 д.;
- прогонные деньги на служебные командировки думных чинов, гонцов в полки и города, соответственно, 543 р. 4 а. 2,5 д. и 650 р. 1 а. 1,5 д.;
- покупка письменных принадлежностей и предметов обихода для Разряда и разрядных шатров в Севский и Белгородский полки, соответственно, 224 р. 9 а. 2 д. и 177 р. 16 а.;
- на жалованье ратным людям Севского и Белгородского полков, соответственно, 2 800 р. и 2 200 р.;
- наконец, на захоронение умерших в тюрьме татар, соответственно, 1 р. 20 а. и 1 р.

В 185 г. В. Степанов отпустил также 42 р. на жалование разрядным сторожам, 36 р. певчим дьякам “для пожарного разоренья”, 15 р. вдовам разрядных подьячих на помин мужей, 6 р. чугуевским садовникам. 1 000 р. было перечислено в приказ Каменных дел на строительство нового здания Разряда и 12 р. 28 а. – в Стрелецкий приказ на покупку оружия.

У М. Алексеева в 185 г. значатся следующие “собственные” расходы: 5 р. разрядному подьячему “для пожарного разоренья”, разовые выплаты в сумме 34 р. 31 а. 5 д. служилым людям за службу, взятие “языка” и за раны; 8 р. 26 а. 5 д. за изготовление свечей во Дворец; 16 а. 2 д. на погребение и помин торопецких стрельцов; 2 480 р. были перечислены в Мастерскую палату великого государя и в Посольский приказ.

По целевому назначению все расходы Разряда в 185 г. можно разделить на три группы:

- 1) “организационные” расходы, то есть расходы на функционирование самого учреждения, его московской части, включая все разнообразные выплаты его служащим;
- 2) расходы Разряда, связанные с выполнением его государственных функций;
- 3) прочие расходы Разрядного приказа, не связанные непосредственно ни с работой его канцелярии, ни с исполнением его функций, но возложенные на него верховной властью.

В 185 г. В. Степановым было отпущено на функционирование Разряда как учреждения несколько больше средств, чем М. Алексеевым – соответственно, 1 630 р. и 1 031 р. 27 а. 5 д., несмотря на то, что денег на жалование разрядным подьячим М. Алексеев выдал больше, чем В. Степанов.

“Перевес” начальника Денежного стола в этой части расходов объясняется крупной суммой, отпущенной им в приказ Каменных дел.

По второй группе расходных статей выплаты подъячих составили 4 374 р. 12 а. 3 д. у В. Степанова и 3 731 р. 30 а. у М. Алексеева – также с превышением выплат В. Степанова.

В третьей группе расходы М. Алексеева (2 489 р. 27 а. 1 д.) значительно превышают расходы В. Степанова (137 р. 20 а.) из-за больших отчислений в другие приказы (2 480 р.).

В целом расходная часть бюджета Разряда в 185 г. была более сбалансирована между двумя разрядными “бухгалтерами”, чем доходная, при том, что начальник Денежного стола в большей степени контролировал профильные расходы приказа.

Компетенция руководителей Денежного стола в отношении материальных ценностей

Кроме денежной части разрядного бюджета существовали также и другие статьи – некоторые из них при окончательных расчетах причислялась к денежной, другие оставались самостоятельными статьями бюджета. Речь идет о *золотых, воске и мехах*.

По ведомству В. Степанова в бюджет 185 г. перешел остаток 184 г.: золотой в 10 золотых весом 7,5 золотника без копейки; золотой в 6 золотых весом 6 золотников без гроша; золотой в 2 золотых весом 2 золотника; 4 золотых весом 4 золотника без гроша; 402 четвертины серебряных; 2 “рублевика” серебряных⁸⁴.

16 июня из Новгородского разряда было взято 36 000 золотых червонных на пожалованье ратным людям Севского и Белгородского полков⁸⁵. В том же году эти золотые по отдельному от денежного счету были отправлены в полк к боярину и воеводам кн. Г.Г. Ромодановскому “с товарыщи”. Прочие золотые и серебряные монеты потрачены не были и перешли в остатке из бюджета 185 г. в бюджет 186 г.⁸⁶

Также на жалованье в Севский полк, только не русским ратным людям, а иноземцам – начальным людям полков “иноземного строя”, 4 апреля 185 г. из Сибирского приказа в Разряд было доставлено соболей и “мяхкои рухледи” на 1 512 р. 20 а. Эти меха в денежном выражении были причислены к другим статьям денежного прихода 185 г. по ведомству В. Степанова⁸⁷. В том же году по расходным денежным статьям того же подъячего меха были отправлены в Севск и в денежном же выражении зачислены в расход руководителя Денежного стола⁸⁸.

В 185 г. “мяхкая рухлеть” через М. Алексеева не проходила. Значительно меньше проходило по его ведомству и золотых – в упоминавшуюся уже сумму на выкуп стольника А.П. Скуратова, полученную от Г.Г. Ромодановского, кроме 2 080 р. входили также золотые червонные – 35 двойных и 110 “одиноких”. К поступлению драгоценных металлов в “прием” М. Алексе-

ва были отценены и 18 “тарелели” из Брянска⁸⁹. Все полученные им ценности в том же году были отправлены в другие приказы – “тарели” в приказ Большой казны, золотые вместе с деньгами (2 080 р.) в Посольский приказ – и значатся по статье расхода⁹⁰.

Судя по записям в книге Денежного стола, в 185 г. Разряд получал в качестве натурального налога воск из городов Севского и Белгородского полков. Прием воска в Разряде был разделен между В. Степановым и М. Алексеевым по географическому принципу – первый получал воск из городов только Белгородского полка, второй – Севского. Объемы получаемого продукта сильно отличались. В приходе В. Степанова значатся 57 пудов 28 гривенок с полугривною остаточного от 184 г. воска и 14 пудов 29 гривенок доимочного за 184 г. воска. Всего в приходе В. Степанова за 185 г. – 83 пуда 20 гривенок с полугривенкою воска⁹¹.

Остаточного воска по ведомству М. Алексеева не проходило, а в 185 г. он принял доимочный за 184 г. воск с городов Севского полка (Севска, Рылска и Путивля) в объеме 30 пудов 20 гривенок⁹².

Расход воска из Разряда по ведомству В. Степанова распределялся следующим образом. Примерно половина его была израсходована на следующие нужды: отправлено в Путивльский и Севский полки в полковые канцелярии на свечи и лампы – приблизительно 70 с половиной гривенок; 9 пудов 21 гривенку воска Разряд посылал в дворцовые церкви; на нужды самого Разрядного приказа было потрачено – 12 гривенок воска шести сторожам на печати грамот “и всякие дела”, по 2 гривенки человеку, и 1 пуд 20 гривенок на свечи перед иконами в Разряде и перед разрядными начальными лицами; итого 1 пуд 32 гривенки. Все остальное – 40 пудов – отсылалось в приказ Большого дворца⁹³.

Расход воска по ведомству М. Алексеева отличался от расхода В. Степанова как адресатами, так и объемом: полпуда было отправлено в Ливенский девичий монастырь (Тамбовского разряда Белгородского полка)⁹⁴, “сторожам воску на печати” 12 гривенок⁹⁵ и 22 фунта в полк кн. В.Д. Долгорукова⁹⁶. Остаток воска у М. Алексеева составил, таким образом, 12 пудов 16 гривенок⁹⁷.

Кроме этого Разряд получал с городов Белгородского полка оброчный мед и весь его отправлял в приказ Большого дворца: 21 февраля В. Степанов принял 196 пудов 24 гривенки с деревом бортного пасечного и оброчного меда и 7 пудов 36 гривенок воску и на следующий же день отослал мед и воск в приказ Большого дворца, “на Сытнои дворец”⁹⁸. Всего в 185 г. В. Степанов отпустил 52 пуда 30 гривенок воска⁹⁹, остаток на 186 г. составил 31 пуд 7 гривенок с полугривенкой¹⁰⁰.

Из приведенных материалов очевидно, что кроме большей ответственности, лежавшей на В. Степанове как руководителе Денежного стола, между начальником и его заместителем существовало и определенное разделение обязанностей. В целом, помимо того, что В. Степанов осуществлял общее руководство Денежным столом, через его руки проходили большие денежные суммы и материальные ценности, чем по ведомству М. Алексеева. В частности, только В. Степанов заведовал остатками денег, золотых и воска, перешедшими из предыдущего года в текущий. К нему поступали основные платежи

из городов как Белгородского, так и Севского разряда и “рублевые” деньги из замосковных и новгородских городов. В ведении М. Алексеева находились преимущественно города Севского полка. В. Степанов занимался сбором доимок по таможенным, кружечным и кабацким сборам за “прошлые годы” (то есть ранее 184 г.), М. Алексеев – сбором этих доходов за 184 и 185 гг. В приеме и расходе воска и меда первенство также принадлежало В. Степанову – как по объему поступлений, так и по числу и значимости адресатов, которые получали эти продукты из Разряда.

Структура приходной части Разряда в 185 г.

Какова была структура прихода Разрядного приказа в 185 г.? При сложении приходных статей обоих подъячих получается, что основную статью поступлений в Разряд составили окладные сборы (деньги с таможен, кружечных дворов, кабаков, оброчных мест, полоняничные) – 4 194 р. 19 а. 3 д. В. Степанова плюс 5 641 р. 24 а. М. Алексеева, итого 9 836 р. 10 а. 1 д. Неокладных сборов за 185 г. было: 2 494 р. 5 а. прихода В. Степанова плюс 2 120 р. 2 а. 4 д. прихода М. Алексеева, итого 4 614 р. 7 а. 4 д. Таким образом, окладные доходы более чем в два раза превышали неокладные.

Интересно посмотреть, какова была структура каждой из двух больших групп приходных статей. Если суммировать окладные деньги “приема” В. Степанова и М. Алексеева, то вырисовывается следующая картина:

- доимки таможенных и прочих доходов прошлых лет 2 459 р. 11 а. 5 д.
- доимки таможенных и прочих доходов за 184 г. 2 258 р. 11 а.
- доимки полоняничных денег прошлых лет 1 184 р. 1 а. 5 д.
- сборы таможенных и прочих доходов за 185 г. 3 556 р. 27 а.
- сборы полоняничных денег за 185 г. 377 р. 25 а. 1 д.

Из доимочных денег, таким образом, основными были доимки таможенных и прочих доходов за прошлые годы и предыдущий год, которые составляли примерно равные суммы (с небольшим превышением суммы прошлых лет). Меньшими были доимочные сборы полоняничных денег за прошлые годы и за 184 г. вместе. Очевидно также, что доимочные деньги превышали в сумме деньги, собранные в текущем году, как по отдельным статьям (4 717 р. 22 а. 5 д. доимочных таможенных и прочих сборов против 3 556 р. 27 а. сборов 185 г.; 1 184 р. 1 а. 5 д. доимочных полоняничных против 377 р. 25 а. 1 д. сбора 185 г.), так и в целом (5 901 р. 24 а. 4 д. доимок против 3 934 р. 18 а. 5 д. сборов текущего года). Таким образом, в отношении окладных сборов Разряд вел вполне последовательную политику – методично добивался выплат за прошлые годы и по возможности собирал платежи текущего года. Судя по сумме отложенных платежей, которые полу-

чил Разряд в 185 г., его фискальная политика не была абсолютно “драконовской”.

Обратимся к **неокладным** сборам.

По приходу В. Степанова это были:

– “рублевые” деньги 2 103 р.

– остаток сборов стольника И. Племянникова 132 р. 29 а. 4 д.

– прогонные деньги 75 р. 22 а. 5 д.

– деньги из приказа Большого Дворца на припасы ратным людям 70 р. 6 а. 4 д.

– прочие (печатные, пенные, за таможенные и кабацкие заводы, доправочные на поручиках и т. д.) 114 р. 8 а. 1 д.

По приходу М. Алексеева:

– прогонные 12 р. 19 а.

– “за продажные животы” 7 р. 11 а. 4 д.

– пенные 20 р.

– на откуп стольника А.П. Скуратова 2 080 р.

– неизвестный сбор с человека кн. Ф. Куракина 22 а.

В 185 г., таким образом, главной статьей прихода Разрядного приказа в его неокладной части стал, если исключить экстраординарную сумму выкупа за стольника А.П. Скуратова, “налог” на неучастие в полковой службе – “рублевые” деньги, взимаемые с “физических лиц”.

Структура расходов Разряда в 185 г.

Теперь посмотрим, какова была в Разряде структура расходов. Частично этот вопрос был затронут выше, при сравнении расходных статей двух подъячих. Как уже говорилось, расходы приказа можно разделить на три группы: организационные расходы учреждения; расходы, связанные с выполнением Разрядом своих государственных функций; более или менее “непрофильные” расходы приказа.

Суммы, потраченные на эти расходы обоими подъячими, распределились следующим образом.

1). Организационные расходы (жалованье служащим Разряда, “избные” расходы, строительство нового здания Разряда, выплаты вдовам разрядных подъячих): 2 661 р. 27 а. 5 д.

2). “Функциональные” расходы (жалованье ратным людям, прогоны на служебные командировки, “на корм” и “в приезд” иноземцам, выплаты пленным, стрельцам, полоняникам, чугуевским садовникам; “канцтовары” в полки; руга; возврат пенных денег, покупка оружия): 8 106 р. 9 а. 1 д.

3). Прочее (передано в приказы, потрачено на изготовление свечей во Дворец, погребение и помин торопецких стрельцов, на захоронение татар, выплачено певчим дякам для “пожарного разоренья”): 2 627 р. 13 а. 5 д.

Очевидно, что расходы на жизнедеятельность самого учреждения, собственно канцелярии, значительно (почти в три раза) уступали “функциональным” расходам Разряда. Однако надо учитывать, что в эту сумму не входят оклады четырех дьяков приказа, которые выплачивались из Устюжской чети. “Непрофильные” расходы практически равны расходам на работу учреждения.

Рассмотрим теперь *структуру расходов* Разряда по каждой группе.

В первой – организационных расходах – траты распределялись следующим образом: большая часть денег пошла на строительство нового здания приказов (хотя в книге Денежного стола это формулировалось как “на полатное строенье нового Розряду”¹⁰¹) – 1 000 р.; почти столько же средств было потрачено на жалование и выплаты приказным служащим и их семьям (подьячим, разрядным детям боярским, сторожам, вдовам разрядных подьячих) – 920 р. 3 а. 1 д.; несколько меньше на “избные” разрядные расходы – 741 р. 24 а. 4 д.

Во второй группе расходы распределились так:

- жалование ратным и начальным людям 5 000 р.
- разнообразные разовые выплаты ратным людям 2 206 р. 7 д.
- покупка “канцелярских товаров” в полки (в расходе В. Степанова сюда же включены и расходы на покупку письменных принадлежностей в канцелярию самого Разряда) 402 р. 2 д.
- траты на ругу и покупку церковной утвари в “украинные” церкви и монастыри 356 р. 13 а. 4 д.
- возврат пенных денег 120 р.
- покупка оружия 12 р. 28 а. 2 д.
- выплаты чугуевским садовникам 6 р.

Очевидно, что большая часть средств была потрачена на жалование и разнообразные выплаты ратным людям – 7 206 р. 2 а. 1 д.

Наконец, третья группа расходов, не связанных непосредственно с исполнением задач приказа:

- перечисления средств из разрядной казны в другие приказы 2 580 р.
- изготовление свечей для Дворца 8 р. 26 а. 5 д.
- выплаты певчим дьякам для “пожарного разоренья” 36 р.
- захоронение татар 2 р. 20 а.
- погребение и помин торопецких стрельцов 16 а. 2 д.

Практически все средства из расходов этой группы были перечислены на нужды других приказов.

Если выстроить иерархию расходов Разрядного приказа в 185 г., получится следующая картина. Больше половины расходующихся средств шло на жалование и разнообразные выплаты ратным людям – 7 206 р. 2 а. 1 д. Из второй половины большая часть перечислялась из разрядной казны в другие приказы (2 580 р.), сюда же следует причислить 1 000 р., отпущенных на строительство нового здания приказов. Третье место в списке трат занимало обеспечение деятельности самого Разряда и прежде всего жалование и различные разовые выплаты разрядным служащим – 920 р. 3 а. 1 д. Сумма представляется немалой, но надо учитывать, что она распределялась почти на 150 человек приказных служащих. На разрядные “избные” расхо-

ды в 185 г. было потрачено 741 р. 24 а. 4 д. В целом работа самого учреждения в 185 г. обошлась казне в 1 661 р. 27 а. 5 д. Затем следовали покупка “канцтоваров” в полки (402 р. 2 д.), выплаты руги и покупка церковной утвари (356 р. 13 а. 4 д.), возврат пенных денег (120 р.). Остальные расходы были значительно менее существенными.

Таким образом, больше половины средств из казны Разряда в 185 г. было израсходовано на исполнение приказом его непосредственных задач – организацию военных сил и управление ведомыми в нем территориями. Приблизительно четвертая часть денег была перераспределена в другие центральные ведомства. Несколько более десятой части поступивших в Разряд денег руководство потратило на нужды самого учреждения.

Всего в расходной статье В. Степанова значится денег 7 081 р. 32 а. 1 д., в расходной статье М. Алексеева – 8 115 р. 11 а. 3 д.; соответственно, расход Разряда в 185 г. составил 15 197 р. 10 а. 2 д., приход – (7 864 р. 31 а. 1 д. плюс 7 758 р. 10 а. 4 д.) – 15 623 р. 8 а. 3 д. Как видим, Разряд в 185 г. имел профицит бюджета, что вообще характерно для бюджетной политики центральных государственных учреждений XVII в. – наши предки предпочитали, чтобы “зборы за зборы заходили”.

Механизмы финансовой деятельности Разрядного приказа в 185 г.

Структура расходной книги Денежного стола 185 г.

Выше мы рассмотрели финансовую структуру Разряда в его приходной и расходной частях. Обратимся теперь к механизмам финансовой деятельности приказа. Раскрыть эту деятельность, в частности, роль приказных служащих разных категорий, их (служащих) взаимодействие, уровень компетенции, а также финансовую компетенцию столов Разряда, поможет расходная книга Денежного стола 185 г.¹⁰²

Следует подчеркнуть, что большая часть выводов об участии разрядных дьяков и подьячих в решении финансовых и делопроизводственных вопросов построена на почерковедческой экспертизе записей в документах, так как по бюрократической практике XVII в. чиновники не ставили подписи под своими резолюциями, никак не отмечали авторство текущих записей, и определить автора распоряжения можно исключительно по его почерку.

Книга состоит из трех частей. В первой записаны выдачи окладов служащим Разрядного приказа за год¹⁰³. Вторая часть озаглавлена: “Расход на всякие дачи по пометам и подписным челобитным”¹⁰⁴. Эта часть представ-

ляет собой журнал подневных записей расходов приказа. Наконец, третья часть состоит из тематических, но также датированных записей расходов приказа по разным статьям (воска, отпуск казны в полки, денег в приказы), осуществлявшихся в течение года¹⁰⁵.

Страницы книги в ее первой части были размечены заранее – по окладам, а внутри окладных рубрик по именам, по два имени на страницу, причем были записаны и неверстанные – чтобы можно было отметить вновь полученный оклад. Такая разметка книги производилась в конце предыдущего года – самая ранняя запись датирована 1 сентября 185 г. Запись о выдаче жалованья в книге делалась тем из двух подьячих-бухгалтеров, из чьего “приема” выдавались деньги (записи атрибутированы по почеркам В. Степанова и М. Алексеева). В записи указывался документ, на основании которого производилась выдача, размеры оклада и придачи и другие подробности выплаты жалованья. Записи делались, очевидно, непосредственно перед выплатой денег, с оставлением пробела для подтверждающей выплату записи дьяка “Дано” (в книге 185 г. это был П.И. Ковелин; атрибутировано по почерку). В конце каждой записи находилась собственноручная расписка подьячего в получении денег; дата получения не указывалась.

Большинство разрядных подьячих получили в 185 г. свой годовой оклад одновременно, соответственно, запись об этом была сделана одним из руководителей Денежного стола. Однако некоторым подьячим приказа жалованье в связи с особыми обстоятельствами было выплачено в два приема, по половине их годовых окладов. В таких случаях запись о выплате жалованья подьячему состояла из двух частей – сначала шла запись более ранняя (В. Степанова), затем, в строку, более поздняя (М. Алексеева).

Против некоторых имен подьячих, как верстаных, так и неверстанных, записей нет вообще, следовательно, по каким-то причинам они не были внесены в документы на выплату и денег не получили. Исключением является запись о назначении оклада вновь Т. Дмитриеву 10 ноября по указу великого государя и помете на выписке П.И. Ковелина – оклад, “что ему был в Мытной избе, справленъ восемь рублей”, – которая, однако, не завершается записью о получении им жалованья¹⁰⁶.

Свидетельствовал выдачу окладов всем подьячим, а также детям боярским и сторожам Разрядного приказа, как было сказано, второй дьяк Разряда П.И. Ковелин, причем во всех случаях: и при регулярных выплатах окладов, и при выплатах для экстренных дел, из “приема” как В. Степанова, так и М. Алексеева. Таким образом, выдача денежных окладов сотрудникам Разряда находилась полностью под контролем первого товарища начальника приказа. В то же время делопроизводственное оформление расходной деятельности Денежного стола находилось в ведении Ф.Л. Шакловитого – по всем листам книги, в том числе пустым, проставлена его скрепа.

Как отмечалось, верховная власть утверждала только общую сумму на жалованье подьячих и вспомогательных служащих приказов, определение годовых окладов находилось в собственной компетенции приказа.

Проект окладов подьячих приказа на год подавался на утверждение руководству приказа единым списком, в конце первого полугодия. 3 января 185 г. была составлена “воловая подьяческая выписка, по которой велено дать государево годовое жалованье”¹⁰⁷: в ней были указаны размеры жалованья, которое должны были получить подьячие разных категорий на 185 г. В выписке были учтены все изменения в окладах к указанному сроку: некоторым подьячим была назначена придача, другим оставлен прежний размер окладов, третьи уже получили первую половину оклада, и им оставалось получить оклад за второе полугодие. Утверждал разрядный проект выплаты подьяческих окладов руководитель приказа думный дьяк В.Г. Семенов. Вместе с тем, в записях расходной книги Денежного стола фигурирует еще одна выписка – с пометой дьяка П.И. Ковелина, датированной 8 марта. За небольшими исключениями в эту выписку, по-видимому, были включены подьячие, получившие придачу (записи о выплате окладов этим подьячим ссылаются на обе выписки). Можно предположить, что для выплаты окладов с придачами была составлена отдельная дополнительная ведомость, утвержденная П.И. Ковелиным. В записях о выдаче окладов, где не упомянуты придачи, выписка от 8 марта за пометой П.И. Ковелина, за редкими исключениями, не фигурирует. Точное время выплаты окладов остается, таким образом, неясным – может быть, части подьячих, не получивших придачи к окладам, деньги были выданы между 3 января и 8 марта, а другой части, с придачами – после 8 марта; но, возможно также, что все подьячие Разряда, независимо от наличия придачи, получили “плановое” жалованье после 8 марта.

Обратимся теперь к “внеплановым” выплатам, то есть произведенным раньше или позже января – начала марта. Такие выплаты производились индивидуально, по особым конкретным случаям. Чаще всего они были связаны с командировками подьячих. Так, половины окладов за первое полугодие получили И. Меньшой Матвеев (6 р.) 4 октября для белгородской посылки¹⁰⁸, В. Нечаев (5 р.) 11 сентября для посылки в Севск¹⁰⁹, И. Дорофеев (4 р.) 1 ноября за уже состоявшуюся путивльскую посылку плюс 1 р. “в приказ” (то есть одновременно) “для скорои нынешней посылки” (адрес не указан)¹¹⁰, В. Мартынов (3 р. 16 а. 4 д.) 11 сентября для посылки в города Белгородского полка¹¹¹; И. Данилов 20 ноября получил оклад целиком (3 р.) “для кашинского похода”¹¹²; Т. Сукманов (10 р.) 20 ноября (причина не указана)¹¹³. Отметим, что в командировки отправлялись опытные подьячие средней статьи – с окладами от 16 до 7 р. Внеплановая выдача оклада могла быть сделана и по другим обстоятельствам: 6 августа Л. Кобяков по по-

мете на его челобитной В.Г. Семенова получил свой оклад (5 р.) вперед на 186 г. “для пожарного разоренья”¹¹⁴.

Выплату жалованья подьячим в 185 г. производили, как было сказано, оба руководителя Денежного стола. Судя по записям в расходной книге, единовременной “плановой” выдачей жалованья подьячим в середине года ведал М. Алексеев, а экстренные выплаты осуществлял В. Степанов (все указанные выше “внеплановые” выдачи окладов записаны рукой В. Степанова). В записи о получении оклада самим М. Алексеевым указано, что выписки о его жаловании от 3 января и 8 марта за пометами, соответственно, В.Г. Семенова и П.И. Ковелина находятся в расходном столпу у него же, М. Алексеева, “потому чтоб по темъ выпискам давал оклады иным подьячим”¹¹⁵. А так как большая часть подьячих получила весь годовой оклад именно по этим выпискам, очевидно, в середине года, то основные выплаты подьяческого жалованья оказались сделанными “ис приему” М. Алексеева.

Большая часть придач к окладам была, очевидно, назначена непосредственно перед составлением “валовой подьяческой выписки” в конце декабря – начале января, утверждена пометой В.Г. Семенова на этой выписке от 3 января и, соответственно, отразилась в записях М. Алексеева, выдававшего “плановые” оклады. Но некоторым подьячим придачи были “учинены” раньше, осенью, или позже, в конце года; записи об этом, как отмечалось, сделаны рукой В. Степанова. Эти записи ссылаются, как на основание для назначения придачи, не на указанные выписки от 3 января и 8 марта, а на пометы разрядных дьяков на челобитных подьячих (если решение было принято сразу) или специальных выписках (если требовалась дополнительная информация). Так, А. Панову 3 октября была назначена придача в 4 р. “за ево приказную работу и сиденье неленосное” к прежнему окладу в 16 р. по помете на выписке думного дьяка В.Г. Семенова¹¹⁶; 9 октября по помете В.Г. Семенова на челобитной подьячий Г. Алексеев “за ево приказную работу” получил к прежнему окладу в 8 р. придачу в 2 р.¹¹⁷; 25 октября по помете на своей челобитной В.Г. Семенова получил придачу В. Фефилятьев (2 р. к окладу 18 р.)¹¹⁸; 19 ноября по помете В.Г. Семенова на челобитной получил придачу в 3 р. к окладу в 4 р. В. Протопопов¹¹⁹. Другим подьячим придача была назначена в конце года: например, 12 августа С. Симоновский по указу великого государя и помете В.Г. Семенова на челобитной получил к прежнему окладу 5 р. придачу 2 р.¹²⁰ Эта запись также сделана рукой В. Степанова, после записи М. Алексеева о выдаче оклада за 185 г.

В связи с вопросом о назначении придач к денежным окладам разрядных подьячих следует упомянуть процедуру оформления этих придач в приказе. После окончательного решения вопроса сотрудник, ведавший подьяческим списком в Московском столе, направлял в Денежный стол внутренний документ (письмо), в котором кратко излагал суть дела и приказывал зафиксировать новые данные об окладе подьячего в списке – “справить”. Как обычно, на этом же документе ответственный за дело фиксировал исполнение приказа. Например, в одном из таких писем указано, что 3 октября по указу государя и по помете на выписке думного дьяка В.Г. Семенова жалование “Розрядного приказу подьячему Алексею Панову

за ево приказную работу и сиденье неленосное” учинено: вновь поместный оклад 300 четей “да денежного оклада учинено и с прежнимъ” 20 р., “и тот ево помесной и денежной оклад в подъяческомъ списку справить”. Естественно, что придачу к денежному окладу зафиксировал в документах Денежного стола его руководитель: в строку с распоряжением подъячего Московского стола другим почерком приписано: “Справил Васка Степанов”¹²¹.

Та же система разделения на “плановые” и “внеплановые” выдачи денег между В. Степановым и М. Алексеевым прослеживается и в разделе “Подьячие ж неверстаные”¹²². Следует отметить, что в исследуемом документе определение “неверстаные” носило конкретный финансовый характер, а не просто определяло низшую категорию приказных подъячих. В указанный раздел вошли не только последние, но и те подьячие, которые были переведены в Разряд из других приказов или городских приказных изб и только что поверстаны денежным окладом. Соответственно, и в списке неверстаных подъячих соблюдается установившаяся иерархия подъячих по величине оклада. На первом месте значится помощник начальника Денежного стола М. Алексеев, о котором сказано, что 1 сентября по указу великого государя и помете на выписке В.Г. Семенова “ево оклад прежней, что ему был в приказе Малыя Росии, тритцать рублевъ в Розряде справлень”, а также выданы остаток его оклада в прежнем приказе (5 р.) и оклад с придачей (2 р.) на 185 г. в Разряде¹²³. (Интересно отметить, что денежный оклад начальник Денежного стола и его заместитель выдавали не сами себе, а получали один из рук другого: В. Степанов получил свой оклад с прибавкой 32 рубля “ис приему подъячего Максима Алексева”¹²⁴, а М. Алексеев – “ис приему” В. Степанова¹²⁵).

Затем в разделе неверстаных подъячих следуют другие записи против имен тех подъячих, которые получили оклады вновь, по убывающей от 16 р. до 1 р. И здесь, как и в окладной части ведомости, записи о новом окладе, назначенном и зафиксированном в числе других в “воловом подъяческом списке” середины года, сделаны рукой М. Алексева, а все прочие, “внеплановые” – рукой В. Степанова. Таковы записи о назначении новых окладов М. Алексееву (1 сентября, переведен из приказа Малой России), Т. Дмитриеву (10 ноября, переведен из Мытной избы)¹²⁶, Ф. Степанову (23 сентября)¹²⁷, Ф. Кузмину (21 сентября)¹²⁸, а также завершающая раздел неверстаных подъячих запись от 14 августа о назначении оклада переведенному из Севска подъячему А. Матвееву (10 р.)¹²⁹. Все остальные записи о новых окладах сделаны рукой М. Алексева на основании пометы В.Г. Семенова на валовой выписке от 3 января¹³⁰.

Следует подчеркнуть, что все придачи к прежним окладам и новые оклады, которые были назначены до 3 января, были выплачены (за исключением остатка прежнего оклада М. Алексева из приказа Малой России и нового оклада С. Симоновского) только после этой даты. Все записи В. Степанова о назначении придач и новых окладов дополнены записями М. Алексева о выдаче денег на основании выписок от 3 января и 8 марта (сюда не входят, разумеется, экстренные выплаты окладов, о которых говорилось выше).

Выплата окладов вспомогательным служащим Разрядного приказа

Выплата окладов разрядным детям боярским также была поделена между В. Степановым и М. Алексеевым, но уже по другому принципу: за первую половину года деньги выплатил М. Алексеев (после 23 декабря и 17 января), а за вторую – В. Степанов (после 10 апреля).

Записи “бухгалтеров” разнятся по форме, поскольку во второй половине года структура этой категории разрядных служащих изменилась. В первой половине года среди разрядных детей боярских были и верстаные, и неверстаные; верстаные, в свою очередь, различались размером оклада (трое – по 12 р., трое – по 10 р. и один 8 р.). Оклады они получали на основании пометы на выписке дьяка П.И. Ковелина, сделанной 23 декабря. 17 января по помете на выписке дьяка Ф.Л. Шакловитого троим неверстаным детям боярским были назначены оклады по 7 р.¹³¹

Следует отметить, что суммы денег за первую половину года (до 1 марта) были выданы каждому из троих вновь поверстанных детей боярских “по розчету” – разные и за разные отрезки времени: Д. Волкову за полгода, М. Москотилникову за два месяца (с 1 января), Л. Назарьеву чуть больше, чем за три месяца (с 20 ноября), возможно, с даты их зачисления в штат Разряда.

Исходя из разницы в датах назначения окладов записи М. Алексева составлены по той же форме, что и записи о выдаче окладов подьячим – на каждого человека в отдельности с его распиской.

Выписка, на основании которой В. Степанов выплачивал жалованье детям боярским за второе полугодие, была единой для всех детей боярских, поэтому В. Степанов дал общий список разрядных детей боярских, разделив их только на две группы по размерам окладов, точнее, половины оклада; расписались дети боярские в получении денег под записью, в том порядке, в котором были указаны в записи В. Степанова¹³².

Наконец, последней категорией разрядных служащих, внесенной в окладную ведомость, были сторожа¹³³. Их в списке расходной книги 185 г. значится шесть человек, с одинаковым для всех годовым окладом в 7 р. Выплата жалованья сторожам находилась целиком в ведении В. Степанова. Жалованье им выплачивалось по полугодиям – 10 ноября и 5 апреля; соответственно, запись о выплате жалованья одному лицу состоит из двух самостоятельных частей, формуляр каждой из которых включает все необходимые элементы, и занимает целую страницу. Распоряжения на выписках о выплате половины окладов были записаны в первом полугодии П.И. Ковелиным, во втором – В.Г. Семеновым.

Таким образом, в Разряде существовал своего рода график выплаты жалованья разным категориям служащих. Очередное, “плановое” жалованье подьячим выплачивалось (за некоторыми исключениями) один раз за

год, оклад целиком; детям боярским и сторожам деньги выдавали в два приема – по полугодиям. Очередность выплат была следующей: в конце первого квартала жалование за первое полугодие получали сторожа; за ними, в начале второго квартала по пол оклада получали дети боярские; в середине второго квартала и (или) в начале третьего квартала получали полные годовые оклады подьячие; затем снова, в середине третьего квартала, получали вторую половину окладов сторожа, а сразу за ними дети боярские. В четвертом квартале плановых выплат не было. Такое распределение выплат в течение года, вероятно, имело смысл, чтобы не перегружать бюджет приказа одной или двумя единовременными выплатами всем служащим Разряда сразу – все-таки их численность составляла более ста человек.

Расписки служащих Разряда в получении денег

Интересно отметить характер расписок в “ведомости”. Подьячие, получившие оклады в “плановом” порядке, расписались в приеме денег в самой книге, завершая каждую запись о выдаче. При “экстренных” выплатах подьячие расписывались в получении денег на тех документах, которые инициировали эти выплаты. Как отмечалось выше, командированные в “посылки” подьячие при недостатке средств на поездку обращались в Разряд с челобитной о материальной помощи. На этих челобитных с пометой дьяков о выплате денег и расписывались в их получении подьячие. Так, И. Дорофеев, которого за год несколько раз отправляли в командировки – в Путивль, Воронеж и другие города – расписывался в получении денег на своих челобитных с пометой кого-либо из разрядных дьяков о выплате¹³⁴. 11 сентября В. Мартынов был послан в города Белгородского полка и подал челобитную о выплате ему половины оклада заранее. Расписался он в полученных деньгах на своей челобитной с пометой В.Г. Семенова. Вторую половину оклада В. Мартынов смог получить только в конце года, 3 августа. Основанием для выплаты стала помета на письме (очевидно, в Денежный стол) дьяка Л.А. Домнина¹³⁵. Поскольку выплата второй половины оклада была не преждевременной, а, наоборот, осуществлялась с большим опозданием, в данном случае подьячему не пришлось обращаться к руководству приказа с челобитной и деньги были выданы после возвращения В. Мартынова из поездки по распоряжению дьяка, возможно, после устного обращения подьячего. Еще одним документом, на котором расписывались подьячие в получении внеочередных выплат, были выписки с разрешительной пометой дьяка. Так, подьячие Т. Сукманов и И. Данилов расписались на выписке с пометой дьяка Л.А. Домнина о выдаче Т. Сукманову половины оклада, а И. Данилову всего оклада для кашинского похода¹³⁶.

Все документы с расписками о внеочередном получении денег (челобитные и выпыски) поступали в архив Денежного стола и присоединялась к другим делам по расходной части – “в расходной столу”.

Все подьячие, разумеется, расписывались собственноручно. Форма расписки была, в общем, единой, но не строгой. Некоторые писали: “великого государя такое-то жалованье на нынешний 185 год взял и руку приложил”, другие – “...взял и росписался”; имя ставилось или в начале расписки, или в конце; иногда о полном окладе писали “взял сполна”; Л. Богданов указал размер оклада: государево жалованье взял и “росписался в десяти рублех”¹³⁷.

Другая картина наблюдается в разделе разрядных детей боярских. Очевидно, среди них не все были грамотными, и потому расписаться в получении жалованья иногда поручалось другим лицам. Из шести верстаных детей боярских с высокими окладами по 12 и 10 р. грамотными, видимо, были только двое: Иван Поддубский, который расписался за себя и своего отца, Игнатия Поддубского, и Юрий Бросин, расписавшийся за себя и остальных коллег. Из неверстаных поставил собственноручную подпись Д. Волков. За двух других в первом полугодии расписался некто Андрей Попов. Во втором полугодии доверили расписаться за себя Ю. Бросину Игн. Поддубский, Б. Булатов, Г. Попов. Вместо И. Щелкунова и “в свое место” расписался Д. Волков. М. Москотильников, за которого в первом полугодии расписался А. Попов, во втором полугодии расписался сам. Л. Назарьев доверил расписку жильцу П.С. Быкову. Собственноручно расписался Иван Поддубский. (М. Москотильников, знающий грамоту, но доверивший расписаться за себя другому разрядному служащему, возможно, поручил коллеге взять свое жалованье).

Среди разрядных сторожей грамотных, очевидно, не было вовсе, поэтому все расписки сделаны по их поручению другими лицами. За двумя исключениями вместо сторожей Разряда и в первом, и во втором полугодии расписался “разрядных сеней подьячии Артюшка Степановъ”, – свидетельство того, что и при Разряде существовал институт сенных, или площадных подьячих, которые принимали на себя обслуживание мелких, повседневных частных актов, связанных с деятельностью Разрядного приказа. В двух других случаях за сторожей расписались упоминавшийся выше А. Попов и воронежец А. Лосев.

Таким образом, разрядные дети боярские предпочитали доверять расписки своим же грамотным коллегам, а разрядные сторожа – ближайшим к ним по статусу служащим приказа, но Разряд принимал подписи и сторонних людей, знакомых служащим Разряда и, видимо, внушавших доверие.

Компетенция разрядных дьяков в выплате жалованья разрядным служащим

подавляющее большинство распоряжений о выплатах разрядным служащим, как очередных, так и экстренных, принадлежало начальнику приказа, В.Г. Семенову. Денежным вопросам в государственном аппарате XVII в. придавалось большое значение, поэтому решения по ним принимались на высшем уровне и ответственность за их исполнение лежала на высших чиновниках госаппарата.

Несколько меньшее участие в решении вопросов о жаловании служащим приказа принимал первый товарищ думного дьяка, П.И. Ковелин, в частности, есть только одно его распоряжение о назначении нового оклада подьячему¹³⁸. Помета П.И. Ковелина стоит на второй, дополнительной или “подтвердительной”, выписке о выдаче подьячим годового оклада. По его указанию были выплачены первые половины окладов верстаным детям боярским и сторожам. В то же время на заместителе начальника Разряда лежала обязанность заверять своей рукой выплату жалованья каждому служащему приказа – от подьячих до сторожей (что опять-таки свидетельствует о большом значении, придававшемся в XVII в. этой стороне деятельности государственного учреждения).

Эпизодический характер носит участие в решении вопросов о назначении и выплате жалованья третьего и четвертого дьяков Разряда. Помета Ф.Л. Шакловитого встречается только на выписке о назначении новых окладов трем разрядным детям боярским. По решению Л.А. Домнина осуществлялись некоторые внеочередные выплаты подьячим¹³⁹.

Таким образом, руководитель Разряда определял размеры денежного жалованья (оклады и придачи к ним) основного контингента служащих приказа, а также участвовал в принятии решений об экстренных выплатах подьячим и очередных – разрядным детям боярским. Прочие вопросы финансирования разрядных служащих всех категорий, как определяющие, так и связанные с непосредственными выплатами, решались главным образом первым товарищем думного дьяка и, в меньшей степени, двумя другими дьяками.

Вторая часть расходной книги Денежного стола, как уже говорилось, представляет собой подневные записи расходов приказа в течение 185 г.

Деньги выдавались Денежным столом практически ежедневно в течение всего года. Многие записи о выдаче денег включают в себя формулу “по указу великого государя”. Как отмечалось выше, это не значило, что сами выплаты делались с санкции царя, что им каждый раз утверждалась конкретная сумма. Фраза “по указу великого государя” стала частью формуляра делопроизводства и означала, что документ вышел из государственного учреждения, имеет официальный статус. В некоторых случаях, возможно, решение принималось царем относительно самого дела, а сумма расходов на его осуществление определялась Разрядом, точнее, тем дьяком, который делал помету на указе царя, или даже тем из двух подьячих-”бухгалтеров”, из чьего “приема” выдавались деньги.

Какая-либо логика в употреблении этой формулы (“по указу великого государя”) в записях расходной книги Денежного стола не прослеживается. Фактически все расходы, как значительные, так и несущественные, вроде покупки перьев и чернил для канцелярии Разряда, делались и со ссылкой на указ государя, и без нее, только по письму из того или иного стола Разряда. Исключением являются следующие статьи расхода, записи о которых всегда сопровождалась формулой “по указу государя”, что скорее указывает на их значимость:

- *выплаты денежных пособий служащим Разряда* (разрядным подьячим – “в приказ” за приказную работу, в возмещение личных средств, потраченных при исполнении служебных обязанностей, “для пожарного разоренья”, “для праздника”, вдове разрядного подьячего – на погребение и помин мужа; разрядным сторожам – “для праздника”, “для постригания на платье”);

- *выплата денег начальным людям “иноземного строя” украинских полков* (жалованье выезжему шляхтичу, деньги “на корм”; жалованье иноземным военным для службы в Чигирине; жалованье служилым иноземцам Белгородского полка);

- *расходы на” арбузные огороды”* (привоз винограда, арбузов);
- *финансовые расчеты с местным управлением* (возврат пени);
- *выплата руги монастырям, посылка воска, вина, ладана в церкви подведомственных Разряду городов;*

– *расчеты с приказами* (Большой Казны, Мастерской палатой, Посольским приказом, Печатным приказом).

Записи в расходной книге свидетельствуют, что деньги в 185 г. выдавали оба подьячих-“бухгалтера” по очереди, причем глава Денежного стола В. Степанов занимался этим в значительно меньшей степени, чем его заместитель, М. Алексеев. В. Степанов выдавал деньги на расходы два первые месяца года, с 1 сентября по 30 ноября¹⁴⁰, и затем чуть больше двух недель в конце весны, с 17 по 31 мая¹⁴¹ (в целом три с половиной месяца); М. Алексеев, соответственно – с 1 декабря по 17 мая и с 1 июня по 31 августа¹⁴² (то есть восемь с половиной месяцев). Кроме того, 4 апреля В. Степанов выдал из своего “приема” соболиной казны на 1 512 р. 20 а. для жалования ратным людям украинских полков¹⁴³, 17 июля – 36 000 золотых и 5 000 серебряных рублей на дачу жалования ратным людям Севского и Белгородского полков¹⁴⁴, из его же “приема” 7 марта были посланы в приказ Каменных дел 500 р. на строительство нового здания приказов¹⁴⁵; еще столько же денег было отправлено на те же нужды в этот приказ 15 мая¹⁴⁶. 30 июня из “приема” В. Степанова было послано 100 р. в Новгородский приказ на покупку бумаги в Архангельске¹⁴⁷. Он же отправил 25 июля 100 р. в Посольский приказ “на верховые дела”¹⁴⁸. Два раза в августе, 6 и 7 числа, В. Степанов включался в работу по выдаче денег вместе с М. Алексеевым – им были выданы прогонные деньги разрядным детям боярским и решеточным приказчикам и приставам приказа Новой чети, отправленным с поручениями из Разряда в разные города. Можно сказать, что мелкими текущими расходами занимался в основном М. Алексеев, а крупные целевые суммы отпускал руководитель Денежного стола В. Степанов.

Компетенция дьячьей группы

Кем принимались решения по выплате той или иной суммы? Исходя из записей в книге, можно предположить следующую схему. С пометой судьи Разрядного приказа о решении дела документ отдавали в тот стол, в чьей компетенции дело находилось. Из этого стола направлялся запрос-представление (письмо) о конкретной сумме на осуществление мероприятия – но не сразу в Денежный стол, а снова в судейскую коллегия приказа (об этом свидетельствует и тот факт, что в книге отмечены письма и из самого Денежного стола). Письмо, помеченное одним из трех дьяков – товарищей начальника Разряда, передавалось в Денежный стол, где по нему выплачивалась требуемая сумма. Лицо, получавшее на руки деньги, расписывалось на том же документе, на котором было помечено решение о выплате (это

могли быть как челобитная, выписка, так и письмо из стола Разряда). Этот документ оставался в архиве Денежного стола, в отделении дел о расходах (в “росходном столпу”). Таким образом, сумма, определенная к финансированию мероприятия, предлагалась одним из столов или назначалась в самом Денежном столе.

Вместе с тем, эта схема, как обычно, не была жесткой. Были случаи, когда указ государя о выплате денег из Разряда на то или иное дело становился прямым распоряжением Денежному столу, не будучи сопровожден специальным письмом какого-либо из разрядных столов. Так, непосредственно по указу великого государя и помете на нем В.Г. Семенова Денежным столом Разряда было выплачены деньги “для пожарного разоренья” шести государевым певчим дьякам¹⁴⁹. Также по помете думного дьяка В.Г. Семенова на указе государя без сопроводительного документа были переданы в руки стольника А. Карандеева золотые и серебряные монеты, которые он должен был отвезти в полки боярина и воеводы кн. Г.Г. Ромодановского на жалованье ратным людям¹⁵⁰.

Содержание писем из столов записи расходной книги, за редким исключением, передавали в кратком пересказе. Лишь в двух-трех случаях, никак между собой не связанных ни содержанием, ни другими особенностями дел, письмо в записи процитировано дословно. Приведем один такой пример. “Того ж числа (31 мая. – *О.Н.*) в письме из Московского стола написано: по указу великого государя велено ис Стрелецкого приказу прислат в Розряд для посылки в полкъ к боярину и воеводам ко князю Григорью Григорьевичю Ромодановскому с товарищи в салдацкие полки генарала маеора Франца Улфа дватцат четыре, полковника Анца Олофгрена дватцат барабанов, а за те баробаны по цене денги по рублю за баробанъ из Розряду отослат в Стрелецкои приказ с подьячим с Леонтьем Клишиным и отдать те денги в Стрелецком приказе, а в Розряде те денги написат в росход. Помета о том на докладной выписке думного диака Василья Семенова. И по тому великого государя указу и по помете на том письме диака Любима Домнина за те барабаны из Розряду в Стрелецкои приказ сорокъ четыре рубли Посланы¹⁵¹ ис приему подьячего Василья Степанова. Росписка в денгах на том письме в росходном столпу”¹⁵² (к сожалению, этот документ не сохранился).

Помета начальника Разрядного приказа думного дьяка В.Г. Семенова не встречается на письмах из столов. Единственное исключение составляет запись о выплате жалованья выезжему из Польской земли иноземцу – оно выдано по помете В.Г. Семенова на письме Приказного стола¹⁵³. В.Г. Семенов записывал свои решения непосредственно на представленных ему документах – челобитных или разрядных выписках по этим челобитным о выплате жалованья служилым людям по разным поводам – “для пожарного разоренья”, за выполненное поручение, в том числе подьячим за приказную работу, “для бедности”, по случаю пребывания в Москве с коллективной челобитной, о возврате неправильно взятых пеней, по челобитным монастырей из “разрядных” городов о выплате им годовой руги или о снабжении их церковной утварью, вином, воском, ладаном и проч.

Подписные челобитные чаще помечены другими думными дьяками – Г.К. Богдановым (в 185 г. думный дьяк приказов Большой Казны и Боль-

шого Прихода), А.С. Кирилловым (в том же году думный дьяк тех же приказов, а также Владимирской, Галицкой, Новгородской четей). Однако непосредственное распоряжение Денежному столу и в этих случаях поступало от руководителя Разряда – пометой на выписке, составленной в Разряде по подписной челобитной. Следует отметить, что выписки по финансовым вопросам в приказе готовили быстро – например, указ государя по одной из таких челобитных записан думным дьяком Г.К. Богдановым 24 марта, выписка представлена В.Г. Семенову и на ней записано его распоряжение – 26 марта¹⁵⁴. Кроме челобитных и выписок по ним, В.Г. Семеновым помечена память из Стрелецкого приказа, по которой Разряд должен был передать этому приказу деньги за отправленные в Разряд протазаны и алебарды для солдатских полков Г.Г. Ромодановского.

Пометы В.Г. Семенова стоят на всех документах, связанных с отпуском денег из Разряда в другие приказы – в Каменный приказ на строение нового здания приказов (пометы на выписках), в приказ Большой казны в связи с передачей в него 18 “тарелей”, присланных из Брянска воеводой (помета на отписке брянского воеводы, сопровождавшей посылку), в Новгородский приказ на покупку в Архангельске бумаги для нужд Разряда (помета на выписке); в Мастерскую палату в связи с передачей в нее крупной суммы денег (помета на указе, очевидно, из Мастерской палаты); в Посольский приказ на выкуп стольника А.П. Скуратова и “для верхового дела” (пометы на памятях из Посольского приказа); в приказ Большого Дворца в связи с передачей в него разрядного воска (помета на выписке).

Таким образом, начальник Разряда лично отдавал распоряжения о выплате средств из разрядной казны только в двух случаях: по финансовым расчетам Разряда с другими приказами и по внеочередным единовременным выплатам различным категориям людей, служилых и не служилых, по их просьбам – в тех случаях, когда эти люди или их дела были связаны с компетенцией Разряда. Очевидно, что эти расходы считались наиболее важными, ответственными из всех расходов Разряда, почему и находились в ведении начальника приказа. Прочие дела решались заместителями В.Г. Семенова самостоятельно.

Если за входящим документом, помеченным В.Г. Семеновым, следовало письмо одного из столов Разряда с предъявлением к оплате, то это письмо помечал уже не В.Г. Семенов, а один из трех его заместителей. В общем, из отмеченных в расходной книге Денежного стола таких случаев трудно выявить преимущество в этом отношении кого-либо из дьяков, поскольку записи ссылаются на пометы Ф.Л. Шакловитого один раз, П.И. Ковелина – дважды, Л.А. Домнина – трижды, причем нет какой-либо системы и в отношении формы и содержания дел: это и челобитные, и докладные выписки, и памяти, помеченные В.Г. Семеновым; дела относятся как к быту Разряда, так и к его военным и административным функциям. Очевидно, в данном случае дело решал тот из дьяков, который принимал к рассмотрению письмо из разрядного стола.

Большая часть финансовых вопросов Разряда в расходной их части в 185 г. решалась первым товарищем руководителя Разряда, П.И. Ковелиным. Его пометы составляют абсолютное большинство из помет трех дья-

ков приказа – за год их было 276 (помет В.Г. Семенова – 43). Третий и четвертый дьяки приказа, Ф.Л. Шакловитый и Л.А. Домнин, занимались денежными делами в значительно меньшей степени, почти в одинаковом объеме: 140 помет Ф.Л. Шакловитого и 134 пометы Л.А. Домнина за тот же год.

Каждый из дьяков решал финансовые дела всех столов, не курируя какой-либо специально. По частоте упоминаний в расходной книге дела, решенные товарищами думного дьяка, можно разделить на несколько групп (связанных с размерами денежных затрат).

Чаще всего руководителям приказа приходилось сталкиваться с текущими расходами Разряда как учреждения, собственно канцелярии. Это покупка письменных принадлежностей для дьяков и подьячих, предметов обстановки – как мы бы сейчас сказали, офисного оборудования и офисной мебели, переплет разрядных документов, ремонт внутренних помещений Разряда, покупка материалов, необходимых для функционирования помещений – дров, свечей и т.п. Еще одной статьей расхода в этой же группе было приобретение канцелярских принадлежностей и материалов для разрядных шатров в украинских полках. В этой группе финансовых дел решения практически по всем вопросам принимались тремя дьяками в равной мере, за исключением Л.А. Домнина – среди дел, решенных по его пометам, отсутствуют дела по ремонту внутренних помещений Разряда, вероятно, не входивших в его компетенцию. Однако у Л.А. Домнина был свой сектор – им решались дела о покупке товаров для награждения белгородских черкасских полковников, их детей и свиты и предметов культа для монастырей “разрядных” городов. П.И. Ковелиным распорядился приобрести “железа” для разрядных колодников и о покупке колоколов в город Белгородского полка Ахтырский.

Следующую группу составляют дела о выдаче денег на прогоны различным лицам, посланным по служебным делам из Разряда в разные города и области страны. По большей части это были подведомственные Разряду украинные города, а также замосковные города и уезды. В этой части различий между тремя дьяками нет, все они в равной степени и с равной интенсивностью вели подобные дела, независимо от чина служилого, получавшего прогоны: от боярина до городских чинов – пушкарей, солдат, приставов и казаков. В эту статью расходов входили также деньги, выплачиваемые Разрядом в возмещение личных средств, которые затратил на проезд по казенной надобности тот или иной служилый (например, сотник московских стрельцов).

Третья группа финансовых дел, решавшихся дьяками Разряда, относилась к выдаче служилым людям денег “в приказ” в связи с каким-либо обстоятельством (чаще всего – с прибытием по своим личным или государевым делам в Разряд) – челобитчикам, чугуевским садовникам, привезшим арбузы и виноград, служилым, приехавшим с сеунчем, с отписками. Служилым людям выплачивались также деньги “за полонное терпенье”, за смерть и раны родственников и их собственные раны и службы. Еще одной статьей таких выплат были единовременные суммы, вручавшиеся служилым людям, в том числе подьячим, которые отправлялись из Москвы по служебным делам в другие города. Следующая “графа” подобных расходов –

специальные суммы (не жалованье), выдававшиеся прибывшим с какими-либо миссиями в Москву в Разряд союзным черкасским (то есть украинским казацким) военным чинам и их свите.

В этой группе финансовых дел также есть некоторые различия между дьяками. Первый и второй дьяки решали такие дела практически на равных, гораздо меньше их у Л.А. Домнина. Кроме того, только вторым дьяком, Ф.Л. Шакловитым, “выписаны” средства на “премирование” разрядных приказных служащих, подьячих и сторожей, по случаю больших церковных праздников, что соответствует представлению о нем как главном “кадровике” Разряда.

Четвертая группа дел примыкает к предыдущей и включает дела о выдаче средств “на корм” различным категориям служилых людей. Отличие от предыдущей группы дел состоит только в том, что денежные средства, отпускаемые из приказа, были целевыми и предназначались именно на приобретение продуктов питания. Такие средства отпускались выездим служилыми иноземцам, стрельцам, провожавшим казну из Москвы в полки, а также другим служилым чинам (детям боярским, рейтарам, солдатам, ямщикам), отправленным по разрядным делам в другие города или приехавшим в Разряд из провинции, разрядным тюремным сидельцам. Деньги “на корм” получали и другие категории служилых людей по разным конкретным случаям: приехавшие в Москву упоминавшиеся выше черкасские воинские чины со свитой, выходцы из плена. Все дьяки решали такие дела в равной мере; в том числе по помете Ф.Л. Шакловитого были выданы деньги “на корм” разрядным сторожам для праздника.

К двум вышеописанным группам дел близка еще одна, связанная с выдачей различным категориям служилых жалованья, по их окладам, но не регулярного, в положенный срок выплаты, а по конкретным случаям – иноземцам за украинную службу, челобитчикам, подьячим, как разрядным, так и из других приказов, для их “посылок” по служебным делам в города и полки. Эта категория дел решалась тремя дьяками одинаково.

Наконец, все три дьяка “выписывали” средства священникам, приходившим в Разряд по праздникам и проводившим там службу.

Деньги на похороны пленных татар, скончавшихся в разрядной тюрьме, выдавались по разрешению первого и второго дьяков, Л.А. Домнин в их выдаче не участвовал.

Было также несколько дел, которые решал каждый из дьяков персонально. Так, П.И. Ковелин распорядился выдать торопецкому стрельцу деньги на погребение его товарища. По решению Ф.Л. Шакловитого были отправлены в Печатный приказ пошлины с грамот Разряда в украинные города. Л.А. Домнин указал передать в Стрелецкий приказ деньги за полученные Разрядом из этого приказа оружие и барабаны для полка Г.Г. Ромодановского. Он же распорядился выдачей разрядным сторожам воска для печати грамот и др.

В книге отмечен также один случай, свидетельствующий о том, что иногда решить финансовый вопрос (о выплате казенных средств) могло и руководство Денежного стола, причем даже не начальник стола, а его заместитель – подьячий М. Алексеев. По его распоряжению торговому чело-

ваку было заплачено за ящик для денег, приобретенный в Денежный стол, то есть решен вопрос о снабжении разрядной канцелярии.

Таким образом, большая часть финансовых вопросов решалась всеми дьяками приказа в равной мере. Вместе с тем существовали и различия, которые определялись как положением дьяка на чиновной лестнице, так и известной специализацией. Третий заместитель начальника приказа, Л.А. Домнин, в целом принимал меньшее участие в решении финансовых вопросов. Во-первых, им решалось меньше дел в количественном отношении, в частности, в вопросах выдачи денег “в приказ”. Во-вторых, расходы на некоторые дела вообще не были включены в круг его полномочий (ремонт и уборка помещений Разряда, похороны пленных татар). Последнее не предусматривало больших трат и не имело особо важного значения для деятельности Разряда, однако обращает на себя внимание, что эти вопросы были связаны с управлением внутренними делами канцелярии, которых в компетенции Л.А. Домнина меньше, чем у первого и второго дьяков. С другой стороны, прослеживается и некоторая специализация дьяков в характере приказных расходов. Так, Ф.Л. Шакловитым решались дела по управлению служащими Разряда, в том числе, по их премированию, а на Л.А. Домнине, очевидно, лежала обязанность снабжать разрядных сторожей воском для запечатывания грамот и пр., приобретать товары для награждения военных чинов союзных черкас и для снабжения “украинных” монастырей.

Учитывая интенсивность работы дьяков в этой области, можно сделать следующие выводы об их финансовой деятельности. Входящие документы Разряда, связанные с финансовыми вопросами, были помечены в основном думным дьяком В.Г. Семеновым, а, значит, принципиальные решения по денежным делам принимал руководитель приказа, конкретная же реализация этих решений осуществлялась заместителями начальника Разряда. Отметим те случаи, когда решения на входящих документах были записаны разрядными дьяками.

Пометы П.И. Ковелина на входящих документах Разряда без предварительной санкции В.Г. Семенова есть только на челобитной смоленского рейтара с просьбой выдать ему деньги на дорогу к месту службы до Белгорода “для его бедности”¹⁵⁵ и на докладной выписке с пометой думного дьяка Лариона Иванова о выдаче трети годового оклада генерал-майору А. Трауэрнихту “для чигиринские службы”¹⁵⁶

Пометы Ф.Л. Шакловитого, как и П.И. Ковелина, в основном стоят на внутренних документах Разряда – письмах столов. Из входящих документов им помечена челобитная двух донских казаков о пожаловании деньгами к празднику Пасхи 14 апреля (Ф.Л. Шакловитый указал выдать им деньги “в приказ”)¹⁵⁷. В конце года, 12 августа, мы встречаем помету второго товарища В.Г. Семенова уже на памяти из Пушкарского приказа о выплате из казны Разряда жалованья, денег за хлеб и “на подмогу” двум гранатчикам, которым “велено быть в полку” Г.Г. Ромодановского “у гранатного дела”. В памяти из Пушкарского приказа установлена сумма выплат для каждого гранатчика, а пометой Ф.Л. Шакловитого в Разряде определен порядок этой выплаты – половину дать в Москве, а другую – по прибытии в полк. Дело относилось к компетенции Московского стола, поэтому документ

с пометой Ф.Л. Шакловитого поступил в этот стол. Соответственно, по установленному порядку, по этой помете из Московского стола в судебскую коллегию Разряда было направлено письмо с просьбой выплатить гранатчикам половину указанной в памяти суммы. Решение о выплате этих денег записал на письме дьяк П.И. Ковелин. Таким образом, в этом случае перед нами необычная картина: решение принимает младший по чину дьяк, а проводит в жизнь его старший по чину коллега.

Решения Л.А. Домнина по финансовым вопросам также записаны на внутренних документах приказа, но и в его практике имеется исключение. Его помета находится на челобитной донских казаков о выдаче им денег “на корм” (8 апреля)¹⁵⁸.

Таким образом, в отдельных случаях (весьма редких: П.И. Ковелин и Ф.Л. Шакловитый дважды, Л.А. Домнин один раз за год) заместители В.Г. Семенова могли самостоятельно принимать решения по финансовым делам, изложенным во входящих документах – обычно это являлось прерогативой начальника приказа. Все эти дела входили в компетенцию Разряда и были связаны с оказанием финансовой поддержки служилым, выполнявшим поручения Разряда, как подведомственным ему, так и находящимся в ведении другого приказа.

Текущими финансовыми делами приказа его начальник почти не занимался, они находились практически целиком в ведении его заместителей. Думный дьяк решал лишь небольшую их часть – финансовые расчеты Разряда с другими приказами, разовые выплаты служилым людям по их прошениям. В содержательном отношении дела между дьяками поделены не были – никто из них не ведал каким-то определенным кругом вопросов. Однако подавляющее большинство дел решалось первым заместителем В.Г. Семенова, почти вдвое меньше – двумя другими дьяками, приблизительно в равном отношении. Меньше всего дел находилось в ведении Л.А. Домнина. Финансы Разряда находились под контролем руководства приказа – начальника и его первого заместителя. Между дьяками существовало некоторое разделение дел и обязанностей в зависимости от положения на служебной лестнице и, отчасти, от естественным путем сложившегося распределения между ними некоторых групп дел.

Заверение дьяками текущих расходов Разряда

Как отмечалось, участие дьяков приказа в финансовых делах не ограничивалось решением о выдаче той или иной суммы на конкретные мероприятия. Дьяки заверяли собственноручной записью непосредственную выдачу денег на руки получателю. Запись делалась в книге расходов Денежного стола, для нее специально оставлялся пропуск; форма была стандартной: “Дано”. Фиксировали выплаты денег из Денежного стола все три дьяка Разряда, с некоторым исключением для первого товарища В.Г. Семенова. Сам

думный дьяк не только почти никогда не помечал писем из столов, но и не контролировал выдачу денег; это входило в компетенцию разрядных дьяков. В тех случаях, когда выплата осуществлялась по непосредственному решению В.Г. Семенова, заверять ее имел право только старший дьяк, П.И. Ковелин. Так, помета П.И. Ковелина “Дано” значит в записях о выдаче жалованья певчим дьякам для пожарного разорения¹⁵⁹, годовой руги за 184 г. Путивльскому монастырю¹⁶⁰, денег вдове разрядного подьячего С. Степанова на погребение и помин мужа¹⁶¹, пеней, доправленных на воеводе И.И. Чернышеве за невысылку в 182 /1673-74 гг. льна в Воронеж¹⁶² и др. В тех случаях, когда деньги выдавались на руки не непосредственному получателю, а курьеру, в записи вместо “Дано” П.И. Ковелин писал “Послано” или “Посланы”. Такая форма свидетельствования выдачи средств из Разряда имеется в записях о передаче денег в Стрелецкий приказ с подьячим Л. Клишиным¹⁶³, в Севский полк на жалованье ратным людям со служилыми этого полка и с разрядным подьячим И. Павловым¹⁶⁴, золотых и серебряных монет в Севский и Белгородский полки также на жалованье ратным людям со стольником А. Карандеевым¹⁶⁵, в Каменный приказ на строительство здания приказов с подьячим приказа Каменных дел¹⁶⁶, в Новгородский приказ для покупки бумаги с подьячим¹⁶⁷ и т.п. Кроме того, П.И. Ковелин всегда заверял выдачу денег по своим же распоряжениям¹⁶⁸.

Второй и третий дьяки свидетельствовали выплату денег только по собственным решениям. Однако здесь существует некоторая неясность, связанная с трудностью идентификации почерков дьяков в данном случае. Почерк П.И. Ковелина определяется однозначно, а почерки Ф.Л. Шакловитого и Л.А. Домнина отличить по четырем буквам, весьма близким в написании у них обоих, оказывается нередко крайне затруднительным. В некоторых случаях с известной долей вероятности можно сказать, что по делу, решенному Ф.Л. Шакловитым, выдачу денег фиксировал Л.А. Домнин и наоборот (7 сентября, 17 и 31 октября, 2, 9, 12, 18 ноября, 13, 23, 28, 29, 30 декабря, 17 мая и др.: распорядился Ф.Л. Шакловитый, выдачу зафиксировал Л.А. Домнин¹⁶⁹; 17 октября, 19, 20 ноября, 8 декабря, 10 марта, 18 мая: решение принял Л.А. Домнин, выдачу заверил Ф.Л. Шакловитый¹⁷⁰). Поэтому остается предположение, что А.Шакловитый и Л.А. Домнин могли заверять выдачу денег, совершенную по распоряжениям друг друга, в зависимости от того, кому из дьяков подносил на заверение документ подьячий Дежнего стола. Есть также случаи, когда выплату денег по решению Ф.Л. Шакловитого и Л.А. Домнина заверял П.И. Ковелин (26 сентября – решил Ф.Л. Шакловитый¹⁷¹; 11 октября – решил Л.А. Домнин¹⁷²).

Таким образом, начальник Разряда освобождался от большинства текущих финансовых дел приказа, обращая внимание только на наиболее важные дела или решая текущие от случая к случаю, возможно, когда заместители не могли по каким-либо причинам сделать это. Руководитель Разряда практически не отдавал распоряжений о непосредственной выдаче денег из казны Разряда и не контролировал эту выдачу. Его заместители разделяли эти обязанности между собой. Львиная доля их ложилась на первого товарища думного дьяка, П.И. Ковелина. Второй и третий дьяки участвовали в решении текущих финансовых вопросов в значительно меньшей степени.

В их деятельности в этой области прослеживается некоторая специализация – Ф.Л. Шакловитый чаще занимался финансовыми делами служащих Разряда, Л.А. Домнин – обеспечивал выдачу воска разрядным сторожам и курировал материальное снабжение “украинных” храмов и монастырей.

На старшего дьяка, первого товарища начальника приказа ложилась и обязанность контролировать выдачу воска на ежедневные расходы в канцелярии приказа – “перед иконы и перед начальных людей на стол в свечи *ж*”¹⁷³, однако это был не ежедневный контроль, а “генеральный” – пометой П.И. Ковелина “Дано” засвидетельствован общий вес воска, потраченного из разрядных запасов на нужды приказа в течение года. Этот итог был представлен П.И. Ковелину для контроля руководителем Денежного стола В. Степановым 1 сентября 186 г.¹⁷⁴

Как следует из расходной книги Денежного стола, финансовые вопросы в этом аспекте решались в Разряде практически ежедневно, иногда с перерывом в один-три дня, нередко по несколько дел в один день. В начале года в финансовых делах наблюдалось затишье, с апреля – мая количество дел возрастало, а в конце года, в июле – августе оно лавинообразно увеличивалось.

Дела (с учетом изложенной выше некоторой специфики) решались любым из дьяков, кто сидел в этот день в присутствии и мог принять к рассмотрению соответствующий финансовый документ.

Если в какой-то из дней решения о выплате из разрядной казны принимал один из дьяков, количество дел могло быть разным: 18 и 20 сентября П.И. Ковелин решил, соответственно, два и четыре дела¹⁷⁵; 11 октября Л.А. Домнин – пять дел¹⁷⁶; 23 октября Ф.Л. Шакловитый – два дела¹⁷⁷; 10 апреля Ф.Л. Шакловитый – три дела¹⁷⁸; 18-19 мая Л.А. Домнин – по два дела в день¹⁷⁹; 26 мая Л.А. Домнин – четыре дела¹⁸⁰; 18 июня П.И. Ковелин – пять дел¹⁸¹ и т. д.

Если же в один день подобные дела решали два или три дьяка одновременно, то большинство их не обязательно решал первый заместитель В.Г. Семенова. Так, 9 сентября три дела были решены Ф.Л. Шакловитым, одно П.И. Ковелиным¹⁸², а 29 марта наоборот, одно дело решил Ф.Л. Шакловитый и три П.И. Ковелин¹⁸³; 24 мая одно дело было решено Л.А. Домниным и два Ф.Л. Шакловитым¹⁸⁴, 9 июня одно – Ф.Л. Шакловитым, одно П.И. Ковелиным и четыре Л.А. Домниным¹⁸⁵, 19 июня – одно В.Г. Семеновым, два П.И. Ковелиным и три Ф.Л. Шакловитым¹⁸⁶, 12 июля четыре дела – П.И. Ковелиным, два Л.А. Домниным и два Ф.Л. Шакловитым¹⁸⁷, 18 июля шесть – П.И. Ковелиным и два Л.А. Домниным¹⁸⁸, 7 августа – по одному Ф. Шакловитым и П.И. Ковелиным и четыре Л.А. Домниным¹⁸⁹. Тем не менее, во многих случаях большее число дел, если их решала судебская коллегия, а не один дьяк, было принято П.И. Ковелиным.

Иногда кто-либо из дьяков один занимался решением финансовых вопросов в течение нескольких дней. Чаще всего это был П.И. Ковелин. Например, две недели, с 12 по 25 сентября, на всех финансовых расходных документах стоят его пометы¹⁹⁰. Однако обычно подобные “дежурства” продолжались в течение двух-трех дней. Л.А. Домнин единолично распоряжался выдачей денег 11-13 октября¹⁹¹, 18-19¹⁹², 21-22¹⁹³, 30-31 мая¹⁹⁴;

П.И. Ковелин – 4-9 октября¹⁹⁵, 6-8¹⁹⁶, 16-17¹⁹⁷, 23-25¹⁹⁸, 28-29 ноября¹⁹⁹, 7-9 февраля²⁰⁰, 17-18²⁰¹, 20-22 марта²⁰², 1-2²⁰³, 22-23 апреля²⁰⁴, 3-4²⁰⁵ и 17-18 июня²⁰⁶, 14-17²⁰⁷, 26-27 июля²⁰⁸; Ф.Л. Шакловитый – 15-16 октября²⁰⁹, 8-9 января²¹⁰, 13-14 марта²¹¹, 9-10 апреля²¹², 13-14 апреля²¹³, 22-24 июня²¹⁴. С другой стороны, бывало, что один из дьяков отсутствовал в Москве, и тогда текущими делами в приказе занимались двое оставшихся. Например, в течение двух недель, с 13 по 25 июля, Ф.Л. Шакловитый находился во главе походной канцелярии Федора Алексеевича, путешествовавшего по подмосковным селам Алексеевскому, Покровскому, Коломенскому²¹⁵.

Надо также учесть, что во всех случаях, когда дело решалось по помете на документе В.Г. Семенова, выдачу денег фиксировал своей записью П.И. Ковелин.

Пометы Л.А. Домнина появляются в расходной книге только с 11 октября, до этого текущие финансовые дела приказа решались П.И. Ковелиным с помощью Ф.Л. Шакловитого (очевидно, Л.А. Домнин был в это время еще в Посольском и Новгородском приказах). Приступив к решению текущих финансовых дел 11 октября, Л.А. Домнин в течение трех дней оставался их единственным вершителем, только 15 октября к нему присоединился Ф.Л. Шакловитый, а 17 – и П.И. Ковелин. Видимо, таким образом третий товарищ начальника Разряда “разгрузил” от текущей работы первого разрядного дьяка.

Выплаты из разрядной казны по представлениям столов Разряда

В расходной книге Денежного стола за 185 г. не всегда указано, по письму какого стола выдаются деньги, в записи зафиксировано только, что деньги выданы “по помете на писме” такого-то дьяка, “рописка в денгах на том писме в росходном столпу”. Интересно, что такой небрежностью в ведении журнала расходов грешил начальник Денежного стола В. Степанов – это в его части книги нередко пропущено название стола. М. Алексеев начал вести записи в книге с 1 декабря, и в первый день он как бы продолжил манеру ведения предшественника – название стола, по чьему письму произведен расход, не упоминалось. Но затем, уже в конце этого же дня, и дальше М. Алексеев стал обязательно указывать название стола – подателя письма. Две недели с середины мая, когда записи вновь вел В. Степанов, он следовал порядку, установленному М. Алексеевым, правда, и здесь начальник стола делал это не так последовательно, как его заместитель.

Тем не менее, по содержанию записи с большой долей уверенности можно установить, по представлению какого стола израсходованы средства – в этом помогает знание компетенции столов, аналогии с записями, где название стола указано. Наибольшую трудность в этом отношении представляют записи о выплате транспортных расходов. Города и уезды, в которые отправлялись курьеры и служащие с поручениями от какого-либо стола, зависели не только от их территориальной подчиненности одному из столов, но и от характера поручения. Так, Приказный стол ведал судебными и пенитенциарными делами всех городов Разряда, Денежный стол – финансовыми делами южных городов Разряда и т.п. Поэтому в таких случаях, если в записи нет указания, по письму какого стола выплачены прогонные деньги, определить стол можно лишь с большей или меньшей долей вероятности. Например, почти с абсолютной уверенностью можно сказать, что все расходы, связанные с участием служилых в ближних и дальних походах царя, относятся к компетенции Московского стола. Посылки в города Белгородского и Севского полков также почти наверняка осуществлялись из Московского стола. Если же посланный сопровождал колодников, то, скорее всего, это было задание Приказного стола.

Можно также твердо сказать, что если в записи упоминается приобретение канцелярских принадлежностей и материалов для работы приказа, то оно было сделано по распоряжениям Денежного стола, даже если в записи этого не указано.

Московский стол

Выплата прогонных денег

Естественно, наиболее многочисленными были представления на выплаты денег из разрядной казны от центрального, Московского стола Разряда. Общей статьей расходов для всех столов была оплата транспортных расходов для служащих Разряда и других служилых людей, в том числе не находившихся в ведении Разряда, отправленным с поручениями по делам Разряда. По делам Московского стола служилые направлялись в основном в города его подчинения – Белгородского и Севского полков и в сами полки, а также в некоторые замосковские города, по Московскому уезду и в города Новгородского разряда. В основном это были гонцы с грамотами к городским или полковым воеводам. Прогонные (плата за езду на казенном транспорте) оплачивались также служилым, отправленным со специальными кратковременными поручениями или на службу в города и полки. Прогонные оплачивались всем категориям служилых людей, от самых младших, городских чинов до высших, думных. Получив в Денежном столе Разряда

деньги на транспортные расходы, гонец расписывался в приеме прогонных денег на письмо торго стола, по чьему поручению отправлялся в дорогу. Это письмо откладывалось в отделе расходных документов Денежного стола – в “расходном столпу”. В расходной книге Денежного стола после пометы дьяка “Дано” делалась запись о расписке получателя и передаче письма в расходный столп: “росписка в денгах на том ж писме в расходном столпу”²¹⁶. Таким образом осуществлялась двойная регистрация выдачи денег (это относится и ко всем другим статьям выдачи разрядных средств отдельным лицам или учреждениям).

Следует оговорить один момент, связанный с выдачей прогонных денег. Получавший деньги на ямские подводы служилый человек мог отправиться в путь в тот же день, но мог и задержаться с выездом почти на неделю. Например, В.В. Голицын получил прогонные деньги 14 мая²¹⁷, а выехал из Москвы 23 мая²¹⁸. Но это был, видимо, крайний случай. Другие воеводы отправлялись в путь через день или два после получения денег на транспорт. Так, кн. В.Д. Долгоруков получил прогоны 18 июня²¹⁹, выехал на следующий день²²⁰, кн. П.И. Хованский получил деньги в Разряде 24 июня²²¹, из Москвы поехал 26 июня²²². Можно полагать, что такие запоздания с отправлением могли позволить себе только высшие думные чины, полковые воеводы – все остальные служилые люди, отправлявшиеся по государственным делам, скорее всего, выезжали в день получения прогонов, поэтому в дальнейшем изложении мы будем принимать день получения денег на прогоны в Разряде за день отправления служилого с поручением.

В записях расходной книги Денежного стола о выдаче прогонных денег мы можем встретить практически все категории служилых по отчеству и по прибору Русского государства XVII в. Почти каждый день (в среднем через день) по делам Разряда в разные города, преимущественно на юг, отправлялись гонцы с грамотами или поручениями.

Больше всего гонцов отправлялось с грамотами, содержащими распоряжения из Разряда. Ранг гонца, разумеется, зависел от важности документа, который он вез.

С наиболее важными грамотами Разряд посылал людей московских чинов – стольников, сотников московских стрельцов и полковых сотенных, которые также имели чин стольника, жильцов. С подобными грамотами отправляли также начальных людей украинских полков, например, квартирмейстера Белгородского полка О. Арефьева (вез грамоты к воеводам боярину кн. И.Б. Троекурову и окольному И.И. Ржевскому)²²³. Грамоты, которые везли служилые люди московских чинов, были адресованы только воеводам украинских полков, Белгородского и Севского. Кроме того, очевидно, что и содержание этих грамот было особой государственной важности и касалось исключительно военных дел, возможно, ключевых стратегических вопросов. Жилец Илья Варламов был отправлен в полк Г.Г. Ромодановского к его товарищу и сходному воеводе В.А. Змееву с наказом и списком²²⁴. Вероятно, такие доверенные люди становились постоянными связными между Разрядом и руководством украинских полков. Так, сотник московских стрельцов Я. Григоров привез в Разряд отписки из полка боярина и воевод П.И. Хованского с товарищами, причем за последнюю часть пу-

ти, от Тулы до Москвы, заплатил из собственных средств 24 алтына. Эти деньги были возмещены ему Разрядом, и в тот же день он был отправлен обратно к П.И. Хованскому, в Новый Оскол, место дислокации полка, с государевыми грамотами²²⁵. Понятно, что отправление грамот с курьерами таких чинов было несчастным, в расходной книге за 185 год зафиксировано только восемь таких случаев.

Главными действующими лицами в связях Разряда с подведомственными ему территориями и военными частями были служащие самого приказа – разрядные подьячие и разрядные дети боярские. Как и служилые московских чинов, разрядные подьячие отправлялись с грамотами в действующие украинные полки: 22 августа подьячий И. Дорофеев (средней статьи или старый) был отправлен в Путивль в полк боярина и воеводы кн. В.В. Голицына, причем для этой посылки ему, кроме оплаты транспортных расходов, было выдано единовременное довольно значительное вспоможение в размере 1 р.²²⁶ В ноябре И. Дорофеев также ездил в Путивль. Возможно, в Разряде предпочитали отправлять в определенный пункт одного и того же курьера, знакомого с дорогой и известного адресату.

Однако чаще разрядные подьячие отправлялись с грамотами не в действующую армию, а в города Разряда, к городovým воеводам. Так, 4 октября разрядный подьячий И. Меньшой Матвеев выехал с грамотами в Белгород²²⁷. 2 ноября подьячий И. Дорофеев был отправлен с грамотами в Путивль²²⁸. 4 и 16 ноября молодой подьячий А. Топильский отвозил грамоты калужскому воеводе²²⁹. 12 июля подьячий С. Надеин повез грамоту к брянскому воеводе о наказании служилого Л. Зубова за непослушание и бесчестье боярина и воеводы кн. В.В. Голицына и о высылке Л. Зубова из Брянска в полк В.В. Голицына²³⁰.

Разрядным подьячим поручали передать государю, находящемуся в походе под Москвой, отписку от полкового воеводы, полученную Разрядом. Например, 23 июня разрядный подьячий А. Руднев повез отписку бояр кн. Г.С. Куракина с товарищами в поход к государю “до заводов бумажной мельницы и до села Зеленого”²³¹ (в Подмоскowie в районе современных Бронниц и Зеленой слободы). Через день его коллега, разрядный подьячий И. Данилов был отправлен из Москвы за государем в поход с отписками “наскоро” до Бронниц²³². В государев поход в Коломенское в сентябре 185 г. были отправлены с отписками разрядные подьячие В. Протопопов²³³ и П. Жохов²³⁴.

Но разрядные подьячие были не просто курьерами, нередко они исполняли какие-либо поручения Разряда на местах, и грамоты служили официальным документом, разъясняющим их миссию и подтверждающим их полномочия. Например, 10 марта разрядный подьячий Т. Сукманов был послан с грамотами в южные города Белев, Карачев, Севск, Рылск, Кромы, Орел для организации снабжения ратных людей Севского полка продовольствием – высылки четверикового хлеба, а также для взятия штрафов с воевод и приказных людей Белева, Карачева, Кром и Орла за срыв поставок хлеба в Севск. Транспортные расходы, как часто бывало в подобных случаях, Разряд возмещал за счет провинившихся: прогонные деньги, выплаченные Т. Сукманову в Разряде, ему было велено “взять в тех городех на воеводах

по расчоту по 26 алтын 4 денги на человеке”²³⁵. 19 сентября разрядный подьячий В. Мартынов был послан “для государева дела” в Данков и другие южные города, на ямские подводки ему было выплачено 1 р. 23 а. 4 д.²³⁶ В. Мартынову было дано задание доставить в Москву собранные в Ефремове, Данкове, Новосили, Черни доимки с таможен и кружечных дворов в значительной сумме – 635 р. 19 а. 3 д. Судя по записи в другой книге Денежного стола, командировка В. Мартынова длилась почти весь год (около девяти месяцев) – деньги из городов были доставлены В. Мартыновым в Разряд 24 мая²³⁷.

Большая часть разрядных подьячих, отправлявшихся с грамотами из приказа в города, принадлежала к категории молодых подьячих (неверстанных и с годовым окладом меньше 5 р.) и подьячих “средней руки” с годовыми окладами 5, 7, 10 рублей. Особо важные поручения возлагались на старых подьячих. Так, И. Костоусов, старый подьячий, 13-й в списке подьячих Разряда за 185 г., с окладом в 16 р., был отправлен с грамотами в Воронеж²³⁸. Еще в 1670 г. он исполнял ответственное поручение – сопровождал в Острогжск жалованье ратным людям, поэтому очевидно, что в Воронеж в 185 г. он ехал не простым курьером. Старый или средней статьи подьячий И. Тарасов 9 апреля отправился в города с грамотами о починке стругов и об отпуске на них рекой Десной соли для ратных людей²³⁹. Упомянутый выше подьячий И. Меньшой Матвеев с окладом 12 р., то есть средней статьи или старый, возил грамоту в Белгород²⁴⁰. Вероятно, менее важные документы поручалось доставить молодым подьячим верстаным А. Топильскому в Калугу²⁴¹, Ф. Остафьеву в Курск²⁴², неверстанному А. Артемьеву в Коротояк²⁴³. В елецкое поместье стольника Федора Меньшого Григорьевича Хрущова с государственной грамотой из Разряда был послан молодой верстаный разрядный подьячий М. Ноздрачов²⁴⁴. В целом можно сказать, что с разрядными подьячими, как и со служилыми людьми московских чинов, из Разряда отправляли наиболее важные документы.

Основной объем курьерской работы исполняли представители вспомогательной категории служащих Разряда – разрядные дети боярские. Как упоминалось выше, в штате Разряда 185 г. их было 12 человек. Обращает на себя внимание, что двоих старших, первых в списке разрядных детей боярских, С. Ярышкина и С. Поддубского, из Москвы с грамотами не отправляли – возможно, за старостью, они исполняли поручения в столице. Всего один раз был послан с грамотой и третий по списку разрядный сын боярский, Игнатий Поддубский, в Елец²⁴⁵. Чаще других в качестве курьера с грамотами выезжал младший Поддубский, Иван (он же был и одним из младших по возрасту среди разрядных детей боярских) – дважды к каширскому воеводе стольнику кн. С. Волконскому, 11 октября

Печать стольника и воеводы
Ф. Меньшого Г. Хрущова. 1678 г.

и 17 мая²⁴⁶, в полк П.И. Хованского в Новый Оскол 28 июля²⁴⁷, в Дмитров 12 августа²⁴⁸. Ю. Бросин, занимавший четвертое место в иерархии разрядных детей боярских, ездил в Бежецкий Верх и Переславль Залесский²⁴⁹. В связи с готовящимся путешествием царя Федора Алексеевича в Кашин, к местным святыням, в этот город с грамотами из Разряда был отправлен разрядный сын боярский Г. Попов (18 ноября)²⁵⁰. Стоит отметить, что Г. Попов, седьмой в списке разрядных детей боярских, особенно много времени проводил в поездках. Кроме уже упоминавшихся поездок (в марте в деревню А. Салтыкова в Московском уезде и 18 ноября в Кашин), Г. Попов за неделю до поездки в Кашин, 12 ноября, ездил с грамотой в Мосальск²⁵¹, 26 мая с грамотой в Тулу²⁵² – вероятно, как курьер он пользовался доверием руководства Разряда. 11 и 28 октября Разряд отправлял с грамотами в Калугу С. Ефремова (пятого в списке разрядных детей боярских)²⁵³. Большой же частью, естественно, путь разрядных курьеров пролегал на юг и юго-восток, в украинные города и Белгородский и Севский полки – в Алексин, Мосальск, Курск, Елец, Белев, Белгород, Тулу, Путивль, где в это время стояли полки Г.Г. Ромодановского, П.И. Хованского, В.В. Голицына, готовящиеся к войне с Турцией за Чигирин. Например, в декабре ездил в Мосальск с грамотой разрядный сын боярский Б. Булатов²⁵⁴.

Иногда, в связи с передвижениями войск или военачальников, конечный пункт для курьера не мог быть назван с точностью, видимо, гонцу приходилось уже в пути наводить справки о нахождении адресата. В конце июля (26 числа), накануне осады Чигирина, разрядный сын боярский И. Щелкунов был отправлен с грамотами в полк боярина и воеводы Г.Г. Ромодановского в Курск и в полк боярина и воеводы П.И. Хованского. Грамота от П.И. Хованского с сообщением о том, что он прибыл во Мценск, была отправлена воеводой 25 и получена в Москве 29 июля²⁵⁵; ко времени посылки И. Щелкунова в Разряде не знали точного местонахождения П.И. Хованского, поэтому в записи об отправлении И. Щелкунова сказано: “во Мценск и где ево съедет по Белгородцкои дороге”²⁵⁶. Так же приблизительно был определен пункт назначения и для упоминавшейся выше поездки Г. Попова в Тулу: “и где съедеть боярина и воевод князя Василья Васильевича Голицына с товарищи”²⁵⁷.

Поскольку разрядные дети боярские исполняли в приказе обязанности приставов, на них ложились и специальные обязанности, например, доставка из подмосковных деревень скрывающихся от службы служилых людей. С таким поручением и с соответствующей грамотой Иван Поддубский отправился “по Ивана Левонтьева сына Полуехтова в подмосковную ево деревню по Коширскои дороге от Москвы 40 верст”²⁵⁸. Очевидно, Полуэктов скрывался от путивльской службы. В деревню к А. Салтыкову в Московском уезде в марте был послан разрядный сын боярский Г. Попов²⁵⁹.

По делам Разряда, в том числе его Московского стола, из Москвы в другие города и уезды отправлялись также служащие других московских приказов. Так, с грамотами в полки В.В. Голицына и Г.Г. Ромодановского, соответственно, в Путивль и Конотоп, 25 августа был послан из Разряда подьячий приказа Малой России М. Савин, возможно, потому, что по роду своей деятельности был лучше, чем разрядные служащие, знаком с геогра-

фией столь отдаленных мест²⁶⁰. С грамотой в Михайлов 4 февраля послали решеточного приказчика (Земский приказ) Т. Ростухина²⁶¹.

Вышеперечисленные случаи относятся ксылке специальной грамоты одному адресату. Если же речь шла о массовом оповещении служилых людей многих городов о каком-либо событии, то в помощь Разряду придавались вспомогательные служащие других приказов, прежде всего, Земского, – решеточные приказчики и приставы. Так происходило, когда Разряд организовывал сбор войск на боевые позиции – высылку служилых людей разных категорий в полки, которая происходила весной и в начале лета. В 185 г. первый призыв “о высылке на государеву службу в полки к боярам и воеводам в указные места московских чинов людей и городовых дворян и детей боярских”²⁶² был объявлен 28 марта, затем гонцы с грамотами о высылке служилых людей в украинные полки отправлялись из Разряда по разным городам 10 апреля, 1, 17 и 29 мая, 7, 13 и 25 июня²⁶³. В каждой записи гонцы назывались поименно с указанием их служебного положения. Решеточные приказчики были служащими Земского приказа, приставов для такой рассылки грамот давали тот же Земский и приказы Новой чети и Холопья суда. Почти всегда к таким “массовым” рассылкам грамот привлекались городские служилые люди из тех мест, куда направлялись грамоты – с оказией, вместо служащего приказа. Так, вместо пристава Новой чети И. Соболева был послан брянский подьячий П. Неустроев²⁶⁴. 1 мая кроме обычных рассыльщиков с грамотами были посланы брянский пушкар и лучанин (служилый человек из Великих Лук)²⁶⁵; 17 мая – рыльский пушкар и “псковитин”²⁶⁶; 29 мая – “Новагородка Северского сын боярский” и новгородец²⁶⁷, 13 июня – путивлец²⁶⁸, 25 июня псковский рассыльщик и московский стрелец²⁶⁹. Интересно отметить, что за двумя исключениями, когда письма Московского стола о выплате прогонов гонцам с грамотами о высылке отметили Л.А. Домнин и П.И. Ковелин, все остальные документы помечены Ф.Л. Шакловитым. Может быть, организация рассылки этих грамот из Разряда была именно его обязанностью.

Как упоминалось, к курьерской службе нередко привлекали московских стрельцов – привилегированный слой служилых людей по прибору. С московскими стрельцами отправляли грамоты в пограничные города, на театр боевых действий, в армейские штабы – к воеводам украинных полков. Так, московские стрельцы были отправлены с грамотами из Разряда в города Севского полка 20 сентября²⁷⁰, в Путивль к городовому воеводе 28 октября²⁷¹, в тот же город и дальше, до полка воеводы В.В. Голицына 28 июля, 12 и 21 августа²⁷², к В.В. Голицыну же в Глухов 27 августа²⁷³. Московские стрельцы отправлялись с государевыми грамотами к другим воеводам действующей армии – в полки Г.Г. Ромодановского в Курск (12 июля)²⁷⁴, П.И. Хованского в Новый Оскол и Белгород (12 и 28 августа)²⁷⁵. В записях никогда не переписывали грамоты, но в некоторых случаях приводится их краткое содержание, из чего можно выяснить, с документами какого рода Разряд отправлял в армию московских стрельцов. 12 августа к воеводе В.В. Голицыну был послан “Федька Власов”, стрелец приказа Г. Елагина, с грамотами о смете ратных людей и о подводах; кроме того, с ним же был послан в Севск, лежавший на пути его следования, колодник, камарицкий

драгун “Фролко Филимонов”²⁷⁶. Таким образом, помимо курьерских обязанностей, на московских стрельцов возлагались и более ответственные поручения – например, конвоирование арестованных служилых людей.

Если представлялась оказия, Разряд охотно пользовался ею – приказная система в целом была весьма экономной. Об экономичности курьерской службы заботился еще Алексей Михайлович. В 1649 г. в Разряд из Ямского приказа пришло распоряжение: “ведомо великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси учинилось”, что воеводы и приказные люди посылают из городов гонцов на казенных ямских подводах весьма “небережливо”, по два-три человека в один город, по одной дороге, от чего государевой казне происходит “убыль”. Кроме того, воеводы и приказные люди пишут в столичные приказы маловажные отписки и посылают их с нарочными гонцами. Меры для устранения этих недостатков предлагались следующие: Разряду предписывалось послать к воеводам и приказным людям подведомственных ему городов грамоты с требованием не злоупотреблять услугами государевых гонцов, а также заранее ссылаться с другими приказами и посылать в город одного общего гонца²⁷⁷.

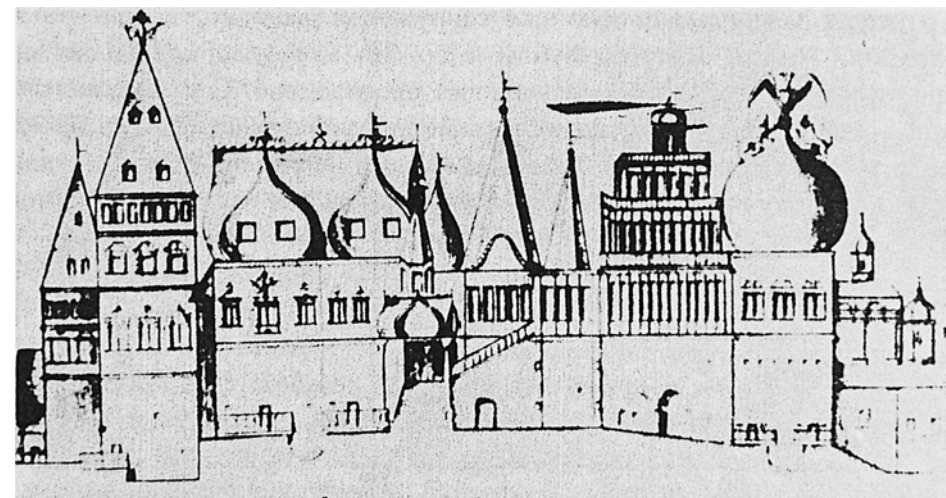
Разумеется, посылать государственные документы, даже не большой важности, можно было только с людьми определенного социального статуса – служилого, не податного, сословия, хотя это могли быть и служилые по прибору, по своему положению стоявшие как бы между податным и неподатным сословиями. Поэтому почти половину всех курьеров Разряда составляли городовые служилые люди, приезжавшие в Москву по личным (например, с челобитными) и по служебным (с обычными и вестовыми отписками, с пленными “языками” и т.п.) делам и отправлявшиеся домой с грамотами из Разряда. Естественно, большая часть этих служилых людей была из южных, “разрядных” городов. В 185 г. постоянная и частая переписка велась Разрядом с воеводой Г.Г. Ромодановским, во время его пребывания в Курске. Поэтому “курчене” (или “курчане”), то есть курские городовые дворяне, и курские приставы постоянно курсировали между двумя городами. Опорными пунктами России на юге были Белгород и Севск (где была постоянная ставка Г.Г. Ромодановского) – полковые разрядные центры, Козлов, Воронеж, из порта которого отправлялась продовольственная помощь донским казакам, и другие, меньшие, пограничные крепости – Елец, Ливны, Мещовск, Новый Оскол, Обоянь, Валуйки – крайний русский пункт на юге. Соответственно, в Белгород везли распоряжения из Разряда белгородцы, судженцы, яблоновцы, короченский черкашенин, обоянец, в Севск – каменовские солдаты, путивльцы, стародубцы, рыляне, в Козлов – только козловцы, в Воронеж – воронежцы, воронежские дети боярские и “соколянин” (из Сокольского), в Елец и другие южные города – “ельчане” (елецкие городовые дворяне), ливенский, новооскольский, верхососенский дети боярские, староосколец, служилые “валуйчане”, елецкий драгун, короченский солдат; в Брянск был послан брянский пушкарь, а в Новый Оскол – по дороге домой – валуйский пушкарь.

Чаще других категорий из городских служилых по прибору в качестве курьеров военной связи привлекались городовые стрельцы. Они также везли грамоты в те города, где жили: севские стрельцы в Севск и города Сев-

ского полка²⁷⁸, воронежский стрелец – в Воронеж²⁷⁹, курский и белгородский стрельцы – в Белгород и Курск²⁸⁰. Грамоты, посылавшиеся с городскими стрельцами, были, по-видимому, общего содержания, и в отличие от грамот, посланных с московскими стрельцами, не содержали конкретных сведений о состоянии армии или указаний военного характера из Разряда в полки. Так, с севским стрельцом “Тараском” Сабелниковым 18 июня в Севск и города Севского полка были посланы грамоты “о высылке в Севский полк ратных людей и о скаске им про государево жалованье, что послано в полк с стольником и полковником Александром Карандеевым”²⁸¹.

Наконец, гонцами бывали и подьячие городских приказных изб – несмотря на “мирный” характер их занятий, они были служилыми людьми и числились в военно-административном ведомстве. Здесь также использовалась оказия: по дороге в свой Трубчевск трубчевский подьячий Павел Шакловитый завозил грамоты в Калугу²⁸²; севский подьячий вез грамоты в Севск²⁸³, подьячий воронежской приказной избы “наскоро” – в Воронеж²⁸⁴, курский подьячий – в Курск²⁸⁵.

Следует оговорить, что отправление грамот с оказией не означало, что гонцы везли грамоты за свой счет – им также, как и нарочным гонцам, оплачивались транспортные расходы (прогоны). Разряд вообще не допускал ситуацию, когда курьер оплачивал бы свои транспортные расходы из собственных средств. Если из пограничных городов в Москву прибывал гонец с вестовой отпиской, то есть со срочным сообщением о нападении противника на тот или иной укрепленный пост, Разряд оплачивал обратную дорогу. Так, были оплачены прогонные деньги от Москвы до Валук служилым людям “валуйчанам”, которые были присланы в Разряд с вестовыми отписками²⁸⁶. Точно так же оплачивалась дорога из города в Москву служилому

Одно из первых натуральных изображений Коломенского. Ф. Берггольц. Восточный фасад Коломенского дворца (Передние государевы хоромы). Рисунок первой половины XVIII в. (Стокгольм. Национальный музей). (Желудков Д., Трубникова О. Деревянное чудо в Коломенском // Московский архив. Вып. 1. М., 1996)

человеку, везшему в Разряд “языка”. Если случалось, что казенных денег не хватало, и служилый человек платил из своих средств, Разряд возмещал эти расходы. Например, “волучченин полковой казак”, “едучи с Волуки с татарским языком, на Туле на ямскую подводку заплатил на прогоны своих денег восем алтын, а вместо тех прогонных денег” 4 июля ему было дано из разрядных доходов 8 алтын²⁸⁷.

Служилые люди отправлялись из Разряда не только в качестве курьеров, но и по другим делам – для несения службы в украинских полках или для исполнения отдельных поручений. В этих случаях им тоже оплачивались транспортные расходы.

Из Московского стола служилые люди направлялись в ближнее Подмосковье, в Московский уезд, в города, подведомственные этому столу, то есть украинные, и по делам, связанным с этими городами.

В начале года, когда обстановка на южных окраинах государства еще была относительно спокойной и не начиналось передвижение войск к границе, Разряд направлял служилых людей по обычным, “мирным” делам: с грамотами и поручениями к городовым воеводам по делам управления городов, для сопровождения государя в его подмосковных путешествиях.

Осенью в конце сентября – начале октября в Москву к царскому столу привозили арбузы и виноград с государевых “арбузных огородов” и виноградников в Чугуеве. Сопровождали груз сами садовники. Поскольку Чугуев, как один из крайних южных форпостов государства находился в ведении Разряда, то и арбузное и виноградное дело тоже попадали в круг компетенции этого приказа.

Облицованная изразцами полуколонна Святых ворот Иосифо-Волоцкого монастыря

Поэтому сопровождавшие арбузы и виноград лица по прибытии в Москву отмечались в Разряде и им же отправлялись назад. 7 октября по письму Московского стола московскому стрельцу из приказа И. Нармацкого были выданы прогонные деньги для сопровождения в Белгород чугуевского “арбузного садовника” – возможно, он вез на Украину какой-либо груз, как и его коллега, “виноградный садовник”²⁸⁸. Последнему Разряд поручил на обратной дороге доставить в Белгородский полк 32 аршина тафты на прапоры к копям копейщиков и также оплатил транспортные расходы (11 октября)²⁸⁹.

23 октября по распоряжению Ф.Л. Шаковитого в Белев был отправлен разрядный подьячий средней статьи М. Томилов “для государева дела, по белевского подьячего Петрушку Мелентьева” (возможно, для расследования дела на месте или для сопровождения провинившегося подьячего в Москву, в Разряд). Очевидно, белевский подьячий совершил какое-то должностное преступление, поэтому в качестве штрафа на нем было велено доправить прогоны вчетверо, что было обычным в практике Разряда. Деньги с подьячего были взяты и уже 12 ноября занесены в приходную книгу Разряда за 185 г. в статью неокладных доходов²⁹⁰.

В ноябре царь Федор Алексеевич собрался в Кашин для поклонения местным святыням. Это было дальнейшее путешествие, требовавшее особой подготовки. 18 октября для приготовления мест отдыха в пути – заимки станов – были отправлены в Кашин решеточный приказчик “Ларка Иванов” с шестью товарищами (из Земского приказа). Они должны были находиться в ведении окольного П.Д. Скуратова для рассылки²⁹¹. В тот же день с грамотами в Кашин были отправлены разрядный сын боярский Д. Волков и подьячие приказа княжества Смоленского М. Лапин и А. Зверев, также

для заимки станов²⁹². 20 и 24 ноября в поход, возможно, тоже Кашинский, были посланы молодые разрядные подьячие Р. Прокшин и И. Мартынов. Судя по небольшим суммам прогонных денег (6 а. и 12 а.), подьячие ездили недалеко²⁹³.

Поход в Кашин не состоялся, и в начале декабря Федор Алексеевич поехал в любимое место своего отца, Саввино-Сторожевский монастырь под Звенигородом. Для этого похода также требовалась подготовка мест отдыха в пути. 5 декабря, за четыре дня до похода, для заимки станов (как обычно при исполнении дел, требовавших большого числа гонцов одновременно) привлекли решеточных приказчиков Земского приказа: тому же окольному П.Д. Скуратову были даны в подчи-

Саввино-Сторожевский монастырь.
Палаты Алексея Михайловича.

нению А. Бронников с шестью товарищами. Примечательно, что в книге Денежного стола отмечена выплата прогонных денег только решеточным приказчикам, но не окольниковому. Вероятно, он получал деньги на транспортные и прочие путевые расходы из приказа Большого Дворца²⁹⁴.

Практически всегда в любом походе царя, ближнем или дальнем, его сопровождали для ведения дел подьячие Разряда, как думской и царской канцелярии. В Саввинский поход в декабре 185 г. были также отправлены (9 числа) двое разрядных подьячих, Ф. Дуров и ездивший в предыдущий поход Р. Прокшин²⁹⁵. С 13 по 15 июня с царем в походе “в селе Покровском” были молодые разрядные подьячие “Пересвет Жохов да Иван Данилов, и им на ямские подводы поденного корму на два дни по алтыну на день на подводу” дано из Денежного стола Разряда²⁹⁶. В более длительные поездки царь брал с собой и большее число подьячих; кроме того, в июне уже шла энергичная подготовка к боевым действиям на Украине, и для переписки с Разрядом царю требовалось увеличить штат походных подьячих. Видимо, поэтому на восемь дней, с 21 по 28 июня в походе (куда, не указано) за великим государем было велено быть “розрядным подьячим Богдану Секованову с товарищи, пяти человеком, и им на ямские на пять подвод поденного корму по одному алтыну на лошад на день”²⁹⁷.

Вероятно, в некоторых случаях разрядные подьячие, ездившие в походы с государем, вынуждены были платить за транспорт собственные средства. Как и в подобных же ситуациях с гонцами, Разряд возмещал своим служащим убытки. Так, в сентябре 185 г. разрядному подьячему Т. Сукманову было возмещено 25 алтын за то, “что он в 184 году, будучи за великим государем в Троицком походе, издержал на ямские подводы своих денег на корм”²⁹⁸. В июле 185 г. разрядному подьячему В. Фефилятьеву были выплачены прогонные деньги (на две подводы), которые он потратил “за ним великим государем в походе в Соловецкой пустыни”, что на Москве реке в “Марчюках” (совр. с. Фаустово недалеко от с. Марчюги, между Бронницами и Воскресенском, при впадении р. Отры в р. Москву)²⁹⁹; поход состоялся с 21 по 28 июня³⁰⁰. В течение двух недель июля, с 13 по 25 число, походную канцелярию царя (в селах Алексеевском, Покровском и Коломенском) возглавлял дьяк Ф.Л. Шакловитый. С ним для ведения дел выехали из Москвы разрядные подьячие В. Айтемирев, Ф. Степанов, И. Данилов. Прогонные подьячим были выплачены в день их возвращения в столицу, 25 июля: “а для того походу им на три верховые да под писма и всякие приказные дела на одну под-

Троицкая надвратная церковь
Соловецкой
Зосимо-Савватиевой пустыни.

воду с телегою поденного корму верховым на двенатцать дней, с телегою на пять дней по одному алтыну на день, итого” 1 р. 7 а. 4 д. “дано”³⁰¹. Возмещение транспортных расходов дьяка Ф.Л. Шакловитого в книге не отмечены.

В некоторых записях расходной книги Денежного стола не указывается, для каких нужд или для кого именно использовались ямские подводы, оплаченные Разрядом. Так, в записи за 10 сентября сказано только, что “из розрядных денег в походе в селе Коломенском ямским лошадям на корм” дано 1 р. 21 а. 4 д.³⁰²; 16 октября “в походе в селе Покровском из розрядных доходов ямщиком на три лошади” выплачено 1 р. 13 а. 2 д.³⁰³. Для ближних подмосковных походов привлекались ямщики московских ямских корпораций. Например, в декабре было выплачено на пять лошадей “вместо прогонов кормовых денег по 1 алтыну на лошадь на день” “Рагожские слободы ямщикам Ларке Развозжаю с товарищи” за то, что они были в походе с 19 ноября по 2 декабря (то есть 13 дней)³⁰⁴.

Младших из разрядных детей боярских отправляли в провинцию, в поместья и вотчины служилых людей для передачи им поручений или с заданием сопроводить их в Москву. 5 января разрядный сын боярский Иван Поддубский был послан в Нижний Новгород, Гороховец, Арзамас и “Алатар” (Алатырь) в деревни стольника И.Г. Соловцова³⁰⁵, а 28 января разрядного сына боярского Л. Назарьева отправили в Рузу за “руженином” М. Завалишиным³⁰⁶.

Подобные поручения исполнялись разрядными служащими в течение всего года. Так, 18 июня, в разгар военной службы на Украине, из Разряда в Московский уезд за 75 верст за стряпчим М.Г. Прокудиным были посланы

разрядные подьячие И. Костусов, Б. Сокованов (Секованов) и в подмогу им сын боярский И. Щелкунов – очевидно, задание было сложным и ответственным³⁰⁷. Еще одно мероприятие Разряда, связанное с пополнением рядов действующей на Украине армии, состоялось в тот же день, 18 июня. Для высылки служилых людей в полки из Московского уезда, “с станов около Москвы по дорогам” были посланы сотни московских стрельцов и разрядные подьячие. Последние или придавались в помощники сотникам, или действовали самостоятельно. Вместе с сотниками были отправлены неверстанные молодые подьячие П. Глинкин, Г. Добрынин, И. Конищев. Верстаные молодые подьячие В. Сланцев, А. Рослов, С. Максимов выехали самостоятельно. Каж-

Колокольня Коломенского кремля

дой паре гонцов и каждому отдельно гонцу было придано по пять московских стрельцов³⁰⁸. Такая же массовая высылка ратных людей на службу со станов около Москвы состоялась 26 июня. Ее осуществляли те же чины – сотники московских стрельцов и молодые разрядные подьячие. Эмиссары были посланы по шести основным направлениям от Москвы, включавшим одну или несколько главных дорог: сотник Н. Перфильев с подьячим М. Гуляевым по Можайской (запад), сотник П. Зволинский и подьячий О. Протопопов по Клинской, Волоцкой и Дмитровской (северо-запад и север), сотник С. Пикалов и подьячий В. Баженов по Ярославской (северо-восток), сотник А. Есипов и подьячий И. Кондратьев по Владимирской (восток), сотник С. Чюкаринов и подьячий Ф. Дуров по Коломенской (юго-восток), сотник С. Игин и подьячий Л. Сорокин по Калужской, Серпуховской и “по Каменке” (юг)³⁰⁹.

Через месяц Разряд собирал служилых людей для отправки на боевые позиции уже в дальних от Москвы уездах. С этим заданием в города, сгруппированные также по территориальному признаку, были отправлены уже служилые более высоких московских чинов: во Владимир, Суздаль, Юрьев Польский, Лух, Шую стряпчий В.А. Секерин, в Муром, Нижний Новгород, Арзамас, Гороховец дворянин Г.С. Исупов, в Волок Ламский, Клин, Рузу, Звенигород, Можайск, Вязму, Ярославец Малый, Верею, Боровск дворянин А.К. Быков, в Переславль Залесский, Ростов, Ярославль стряпчий А.В. Борщов, в Галич, Кострому дворянин М.Б. Грибанов, в Романов, Пошехонье дворянин В.А. Волков, в Вологду, на Белоозеро жилец М.А. Жадовский, в Дмитров, Кашин, Бежецкий Верх, Углич стряпчий О.М. Мертвой, в Тулу, Каширу, Серпухов, Алексин, Одоев жилец Г.М. Кобяков, в Коломну, Переяславль Рязанский стряпчий М.Т. Сатин, в Шацкий, Рязский дворянин А.И. Внуков, в Калугу, Воротынский, Серпейск, Перемышль, Мещовск, Мосальск, Козельск, Лихвин жилец М.С. Федоров³¹⁰.

В июле с разными заданиями в деревни к служилым людям также ездили разрядные дети боярские: 17 июля Иван Поддубский в Московский уезд к стольнику С. Алмазову³¹¹, 18 июля Г. Попов был отправлен в Ярославль, чтобы жильца Ф.В. Бутримова “сыскав, для допросу и розыску к языку на очную ставку из Разряда отослать в Стрелецкии приказ” по требованию последнего³¹². В июле же, 12 числа, к В.В. Голицыну с товарищами в Путивль был отправлен с грамотами разрядный сын боярский Л. Назарьев. Кроме грамоты о необходимости собрать в городах Севского полка подводы “под полковои наряд и подо всякую казну” и грамоты с запросом о количестве ратных людей, что “ныне у них в полку”, Л. Назарьеву было дано поручение поторопить ратных людей, которых он будет встречать по дороге, в их движении к украинным городам: ему была дана “проезжая грамота о скаске ратным людям, чтоб они шли дорогою не мешкали”³¹³. В августе арестованного городского сына боярского (козловца) сопровождал из Разряда в Козлов разрядный сын боярский Игнатий Поддубский³¹⁴.

Отдельные поручения давались и городовым служилым людям. Так, 1 июля “курчанин” сопровождал в Белгород арестованного поручика из полка Ф. Ульфа, Мартина Выпелецкого, следовавшего под конвоем пристава³¹⁵.

Одной из обязанностей Разряда было снабжение необходимыми припасами и оборудованием “своих”, украинских городов и полков, причем не только в военном отношении, но и в делах духовных – Разряд посылал необходимую утварь, книги и прочее в местные церкви и монастыри. Отправляли подобные посылки обычно с оказией: А. Григорьев – стряпчий Мисайла, митрополита Белгородского и Обоянского – повез в Белгород три печатные архиерейские чиновника (архиерейские служебные книги) и два пуда лада-на³¹⁶; с новооскольским сыном боярским П. Татариновым в Ахтырский от-правили вестовой колокол весом 10 пудов 20 гривенок³¹⁷.

Уже в конце зимы, в феврале начиналась подготовка к предстоящим весенне-летним сборам и передвижениям войск на южной Украине. В 185 г. эти мероприятия усиливались и усложнялись из-за предстоящей войны с Турцией за Украину.

Специальные поручения, связанные с вооружением и снабжением войск, могли быть возложены только на компетентных и доверенных лиц, каковыми являлись прежде всего служащие Разрядного приказа. Московскому столу принадлежала в этом деле главная роль. По письмам из Московского стола выплачивались прогонные деньги разрядным служащим, прежде всего подьячим, отправлявшимся с поручениями в украинные города. 3 февраля разрядный подьячий Т. Сукманов был послан в Путивль для отпуска хлебных запасов в Чигирин, который предстояло защищать от турок³¹⁸. Через неделю в Воронеж поехал подьячий И. Дорофеев с поручением “быть на Воронеже у стругового дела и донского отпуску”, то есть над-зирать за строительством судов и отправкой на них продовольствия донским казакам³¹⁹. Весной в Белгородский и Севский полки из Разряда бы-ла отправлена на жалованье ратным людям соболиная казна. Везли ее в Белгород и Севск разрядные подьячие И. Юдин и А. Топильский с сопро-вождением из шести московских стрельцов (10 апреля)³²⁰. Через месяц, 10 мая, в Севск была направлена еще одна партия соболиной казны на жа-лованье ратным людям. Везти казну было поручено также разрядному по-дьячему И. Павлову, а сопровождали его челобитчики Севского полка Ви-лим Геев и Александр Фрезор, отправлявшиеся обратно в полк. Поскольку уже двое сопровождающих были найдены, то количество московских стрельцов, “провожавших” казну, было в целях экономии уменьшено до че-тырех человек (стрельцы приказа Л. Сухарева И. Иванов с тремя товарища-ми). Однако московские стрельцы сопровождали подьячего с казной только до Калуги. Дальше конвой менялся на городовых служилых людей³²¹. Через девять дней, 19 мая, на юг поехал еще один разрядный подьячий, И. Пауков (Поуков). Он повез в войска Г.Г. Ромодановского, в Курск, целый обоз с оружием для рейтарских и солдатских полков: 700 карабинов “с крюки и с ремни” и 250 пар пистолей, 11 “алебардов”, 20 “протозанов”, а также ар-

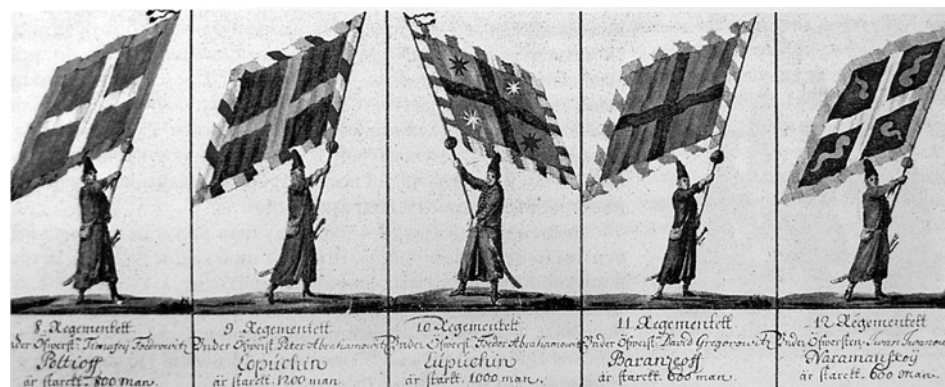
тиллерии – 6 медных пищалей и к ним 600 ядер³²². До Тулы обоз И. Паукова сопровождали десять московских стрельцов из приказов стольника и полковника И. Полтева и головы В. Кривцового³²³. Всем сопровождающим, как и подъячому, выплачивались прогоны.

В начале июня (4 числа) в Белгородский полк Г.Г. Ромодановского, на котором лежала основная тяжесть военных действий, были вновь направлены боеприпасы, вооружение, полковая амуниция, деньги на жалованье ратным людям. Во главе огромного обоза из почти восьми десятков подвод был поставлен майор Анц Дириксон из солдатского полка генерал-майора Ф. Ульфа. До Тулы обоз сопровождали московские стрельцы приказа Б. Нестерова, десятник с семью товарищами. Очевидно, такого небольшого сопровождения хватало, чтобы оградить государственный груз от посягательств на внутренних территориях страны. Возвращение из Тулы в Москву московским стрельцам также оплачивалось. Обоз следовал в Курск, где подводы разгружались, а майор А. Дириксон отправлялся дальше, к месту службы в Белгород, все так же за казенный счет³²⁴.

19 июня в полк Г.Г. Ромодановского, в Курск была отправлена большая денежная сумма на выплату жалованья ратным людям. Казну везли стольник и полковник А. Карандеев и подъячий Малороссийского приказа А. Меншиков; их сопровождали – на этот раз до Курска – московские стрельцы. Очевидно, из-за особой ценности груза, а также потому, что последний этап пути пролегал по приграничной территории, конвой был увеличен до 18 рядовых стрельцов под командой двух десятников. Всем им были выплачены прогонные деньги до Курска и назад до Москвы³²⁵.

Мелкие, не “военные” посылки в полки московские стрельцы могли отвозить самостоятельно, без старших по чину: в августе два московских стрельца повезли в полк В.В. Голицына в Путивль 10 стоп бумаги и тафту на знамена³²⁶.

Курьерская военная связь работала практически бесперебойно. Однако иногда случались и чрезвычайные происшествия. В те же дни, когда в Белгород отправлялся майор А. Дириксон с обозом, при подъезде к Москве произошло нападение на государственных курьеров. Для выяснения обстоя-

Знамена стрелецких полков. Рисунок из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г. Фрагмент.

Пищали XVII в.

тельств дела на место “по Тульской дороге до речки Лопасни (район современного города Чехова. – *О.Н.*) для осмотра побитых от разбоиников гонцов и сыску государевых грамот, которые с теми гонцами посланы”, были отправлены сразу двое служащих Разряда – подъячий С. Баташев (Боташев) и сын боярский И. Щелкунов³²⁷.

Разумеется, наиболее важные государственные поручения возлагались на служилых людей высшего московского чина – стольников. Так, стольники кн. А.А. Хилков и Ф.П. Языков были “для ево государева дела посланы с Москвы в города в Можаяск, Боровеск, Мценеск, Рылеск, Путивль, Куреск”, то есть к городовым воеводам и в главные штабы украинских полков. О содержании их миссии в записях книги Денежного стола не сообщается³²⁸. 1 октября в Путивль, в полк В.В. Голицына был командирован стольник М.А. Толстой (также без указания цели поездки в записи расходной книги)³²⁹; 18 июля из Разряда были отправлены стольники – в Путивль, в полк В.В. Голицына, “для государева дела” “наскоро” стольник М.Н. Головнин, в Рыльск, к Бутурлину, И. Образцов. О существе дела в записи опять не сказано, но с каждым стольником в полки для рассылки отправились по пять человек московских стрельцов, кроме того, стольникам были приданы в помощники разрядные подьячие – М.Н. Головнину в Путивль И. Ляпин³³⁰, И. Образцо-

ву в Рыльск Т. Лапшинский³³¹. О том, какого характера поручения в полках выполняли служилые люди московских чинов, можно судить по записи о поездке в полк Г.Г. Ромодановского, к его товарищу генералу и сходному воеводе В.А. Змееву жильца И. Варламова: ему было поручено отвезти В.А. Змееву наказ государя и список ратных людей³³².

Даже если в украинные полки с поручением ехали служащие других приказов, “командировка” оформлялась в Разряде и расходы на транспорт оплачивались им же. Например, 23 июля в полки “для государева дела” были отправлены стряпчий И. Леонтьев и подьячий приказа Малой России И. Богданов. Прогонные деньги до Рыльска и обратно были выданы им в Денежном столе Разряда³³³.

С приближением начала боевых действий усилился поток служилых людей, отправлявшихся в полки на постоянную службу (а не с разовыми поручениями). Первым 6 марта через Калугу и Болхов в Белгород отправился окольный И.И. Ржевский³³⁴. Через шесть дней, 12 марта, из Москвы в Ефремов выехал воевода Белгородского полка Г.Г. Ромодановский с сыном Михаилом³³⁵. В тот же день в Курск был послан дьяк П. Истомина³³⁶. 1 апреля в Белгород выехали товарищи Г.Г. Ромодановского думный дворянин Иван Петрович и стольник Иван Иванович Лихаревы³³⁷. 25 апреля в Белгородский полк выехал генерал-майор Ф. Ульф³³⁸.

Начиная со второй половины мая почти каждый день из Москвы в украинные полки в Путивль и Рыльск выезжали военачальники, члены их штабов, сотрудники полковых канцелярий и медицинский персонал. Первым из этого “потока” в Путивль отправился боярин кн. В.В. Голицын (14 мая выплачены прогоны, отправился 23 мая)³³⁹, за ним его “товарищи”, окольный кн. Г.А. Козловский (16 мая)³⁴⁰ и думный дворянин А.В. Толстой (17 мая)³⁴¹, в Рыльск – боярин и воевода И.В. Бутурлин с дьяком А. Клочковым (18 мая)³⁴², окольный и воевода П.Д. Скуратов (22 мая)³⁴³.

26 мая состоялся массовый выезд в полки подьячих. В полк И.В. Бутурлина в Рыльск были направлены подьячие Поместного приказа Марк и Карп Кузмины, которые везли с собой и полковое имущество – знамена, церковную утварь и бумагу для полковой канцелярии³⁴⁴. В этот же полк были командированы разрядные подьячие С. Курочкин и И. Ларионов³⁴⁵. В полк В.В. Голицына в Путивль были направлены разрядные же подьячие Т. Сукманов и П. Микулин³⁴⁶. С 28 мая по 2 июня, каждый день, кроме 1 июня, в полки отправлялись дьяки и подьячие: в Путивль дьяк Сысского приказа И. Ляпунов (еще в этом же году старый подьячий Московского стола Разряда)³⁴⁷, подьячий Казанского приказа Л. Скрыпов³⁴⁸, дьяк И. Патрекеев³⁴⁹, в Рыльск подьячие Земского приказа И. Протопопов³⁵⁰, Г. Кашкин, М. Спасеньев, А. Богданов, Я. Смирнов, И. Кудрявцов³⁵¹, подьячие приказа Новой чети И. Олферов и Д. Аргунов³⁵², подьячий Печатного приказа С. Сычов³⁵³. В июне в полки В.В. Голицына и И.В. Бутурлина были посланы переводчик Посольского приказа³⁵⁴ и подьячий Судного Владимирского приказа³⁵⁵, иноземные лекари с русскими учениками, которые везли с собой и запас лекарств³⁵⁶.

Чтобы яснее представить себе схему расположения и передвижения русских полков на южных границах, еще раз напомним события лета 1677 г.

В связи со сведениями, доставленными разведкой 18 июня о вторжении большой турецкой армии на Украину, “большой полк” под командованием В.В. Голицына решено было усилить полками бояр кн. П.И. Хованского и кн. В.Д. Долгорукова. Еще до получения тревожных вестей, в начале июня, П.И. Хованскому был объявлен указ быть сходным воеводой (то есть идти на помощь в случае необходимости) В.В. Голицына с опорным пунктом во Мценске. В.Д. Долгоруков, командовавший Новгородским полком, получил распоряжение двигаться в Брянск сразу по получении “вестей”, 18 июня. Однако по поступившим вновь данным разведки силы турок были не столь значительны, как сообщалось ранее. Поэтому 29 июня В.Д. Долгоруков получил приказ остановить поход к Брянску и направиться к новому сборному пункту – во Псков.

В.Д. Долгоруков был направлен на юг действительно сразу же по получении “вестей” – прогоны он получил (по распоряжению Московского стола, как ведавшего украинными городами) 18 июня и выехал из Москвы к месту первоначальной дислокации полка, в Брянск, на следующий день³⁵⁷. В тот же день в Севск и в Курск были посланы разрядные подьячие И. Павлов и Я. Соколов³⁵⁸. Через неделю средства на дорогу до Брянска получил товарищ В.Д. Долгорукова, думный дворянин Б.И. Ордин-Нащокин³⁵⁹. В конце месяца из Москвы во Мценск отправился воевода боярин кн. П.И. Хованский (получил прогоны 24 июня, выехал 26 июня)³⁶⁰.

С 15 по 18 июля происходило формирование полковых разрядных шатров полков В.Д. Долгорукова и П.И. Хованского. В полк В.Д. Долгорукова, во Псков, выехали “для полковых дел” дьяк Устюжской чети А. Кобатов³⁶¹ (в 184 – начале 185 г. А. Кобатов, еще в чине справного подьячего, был в Севском полку и отвечал за составление росписи этого полка³⁶²) и разрядный подьячий Ф. Тимофеев³⁶³; в полк П.И. Хованского во Мценск – дьяк С. Федоров (за десять с небольшим лет до этого служивший дьяком в Белгороде), подьячий М. Михайлов³⁶⁴, подьячие Поместного приказа Ф. Микитин, С. Артемьев, О. Муранов, И. Данилов³⁶⁵. Дьяк С. Федоров вез с собой сукно на стол в полковой шатер, три стопы бумаги, пятьсот сальных свечей и ведро чернил³⁶⁶.

Последними назначениями были определение окольного П.Т. Кондырева в товарищи к боярину и воеводе П.И. Хованскому, чей полк в это время находился в Новом Осколе, и формирование его (П.И. Хованского) собственной полковой канцелярии. 28 июля из Москвы в Новый Оскол выехал П.Т. Кондырев³⁶⁷, а 2 и 7 августа туда же – подьячие Ф. Шанский (разрядный), И. Беседин (разрядный), Ф. Шевандрин (приказ неизвестен)³⁶⁸ и лекарь с учеником (оба русские) с лекарствами³⁶⁹.

Командировки приказных подьячих, в том числе разрядных, были частью их повседневной работы и занимали в этой работе далеко не последнее место. В течение 185 г. почти половина подьячих Разрядного приказа выезжали из Москвы с различными поручениями в ближние и дальние города страны (по материалам расходной книги – 64 раза, некоторые по два-три). Это большая цифра, свидетельствующая о высокой мобильности служащих приказа, их многофункциональности. В основном подьячие Разряда ездили с поручениями главного, Московского стола.

По тому, какой категории подьячих давались поручения, мы можем судить о важности этих поручений для руководства приказа и государства. Выезжали подьячие практически всех категорий, кроме верхушки приказных служащих – руководителей столов, повытй и их помощников (выше 20 р. оклада).

Старые (или средней статьи) подьячие с относительно высоким окладом в 15-18 р. посылались как с грамотами к городovým воеводам, так и с поручениями к тем же городovým воеводам, за служилыми людьми московских чинов в их поместья и вотчины, для сопровождения казны в полки и ведения дел в полковых канцеляриях.

Подьячим старым с более низким окладом или подьячим “средней руки” (оклад 10-12 р.) поручалось отвозить грамоты городovým и полковым воеводам, выполнять ответственные поручения (например, руководить отпуском хлебных запасов из украинских городов в Чигирин, возглавлять обоз с вооружением и боеприпасами из Москвы в украинные полки, вместе со стольником выполнять поручение царя в полках), вести дела в полковых разрядных шатрах и в походной канцелярии царя во время его поездок по Подмосковию и в дальние места.

Молодым подьячим (оклад меньше 10 р. и неверстанным) поручались следующие дела: доставлять в Москву служилых людей невысоких чинов (например, городového подьячего), быть писцами в полковых разрядных шатрах и в походной канцелярии царя в его подмосковных путешествиях (причем в такие походы молодых подьячих отправлялось значительно больше, чем подьячих средней статьи), участвовать в массовой высылке городových служилых людей в полки, обычно под началом сотников (всегда неверстанные подьячие), но иногда и самостоятельно (в этом случае это всегда был подьячий с окладом); сопровождать казну в украинные полки. Поручений доставить грамоту городovому или полковому воеводе молодым подьячим почти не давали. Следует отметить, что в более важные полки, например, в полк В.В. Голицына, направлялись подьячие с более высоким окладом, а в подчиненные, например, в полки П.И. Хованского и В.Д. Долгорукова, – с меньшими окладами или даже неверстанные.

Курьерская или другая внеприказная служба не была постоянной для какой-либо категории подьячих, поручения практически всегда были разо-

выми (как курьерские, так и деловые). Но были подьячие, которые, очевидно, особенно хорошо справлялись с командировками, поэтому таких служащих отправляли в путь не по одному разу. Одним из таких востребованных исполнителей заданий разрядного руководства на местах был Т. Сукманов, который ездил с грамотами в украинные города, организовывал высылку хлеба в Чигирин, брал штрафы с приказных людей и воевод за срыв поставок продовольствия в полки. И. Павлов сопровождал соболиную казну в Севск, а затем был назначен в Севский же полковой шатер. И. Костоусов ездил с грамотой в Воронеж, за стряпчим М.Г. Прокудиным в его деревни. Молодой подьячий Р. Порошин дважды назначался в походную канцелярию царя.

Начисление прогонных денег

Расходная книга Денежного стола позволяет представить, как начислялись прогонные деньги для каждого “командированного” из Разряда служилого человека. Судя по записям, суммы исчислялись очень точно, вплоть до последней деньги; для каждого случая они были конкретными. Из чего складывалась эта конкретная сумма?

Разумеется, количество положенных подвод (подвода – зимняя или летняя повозка с лошадей) посланному по делам Разряда служилому человеку зависело от его чина – чем чин выше, тем больше подвод он мог использовать в дороге. Роспись числа подвод, полагававшихся каждому чину, от высших церковных иерархов и думных людей до низших государственных чиновников, таможенных и кабацких голов и целовальников, была обнародована еще при деде царя Федора Алексеевича, 8 марта 135/1627 г.³⁷⁰ Спустя полвека этот указ продолжал действовать. Так, боярам, следовавшим в украинные полки, полагалось 20 подвод, окольных 15, стольникам от 10 до 12, дьякам 6, стряпчим от 5 до 8, московским дворянам 5, жильцам 3, сотникам московских стрельцов 2 или 3 с заводными (заводная лошадь – запасная верховая лошадь, которая походом идет “в заводе”, то есть в запасе), подьячим московских приказов также 2, иногда, в зависимости от характера поездки, от 1 до 4 с заводными, разрядным детям боярским, как и городским приставам, по 2-3, московским стрельцам от 1 до 3, городским стрельцам и городским пушкарям 2, лекарям 1-2, их ученикам 1, майорам полков “нового строя” 1, городским служилым людям по прибору от 1 до 3, стряпчим Белгородского митрополита 1. Подводы были государственным транспортом, их брали на ямах, устроенных на определенных расстояниях по главным дорогам страны.

Кроме чина в расчет принималась дальность поездки, деньги исчислялись на одну подводу (или лошадь) на версту, а расстояние определялось по

книге Большому Чертежу³⁷¹, составленной в Разряде в 1627 г. Так, проезд на одной подводе от Москвы до Калуги стоил, независимо от чина едущего, 18 а. (приблизительно 0,6 д. за версту), от Москвы до Брянска и назад 18 а. 3 д. (приблизительно 0,14 д. на версту), от Москвы до Курска 21 а. 3 д. (приблизительно 0,27 д. за версту), от Москвы до Нового Оскола 27 а., от Москвы до Рыльска или до Путивля 30 а. За две подводы до Соловков, которые подьячий оплатил из своих средств, ему было возмещено 12 а. Путь от Путивля до Конотопа стоил 9 д. за подводу (приблизительно 0,16 д. за версту), а путь от Москвы до Глухова – по 26 а. за подводу. Путь за 30 верст от Москвы и обратно стоил 10 а. за подводу (т.е. по 1 д. на версту). Видимо, после достижения определенной дальности, цена проезда падала.

В сумму транспортных расходов, оплачиваемых при отъезде из Москвы, мог входить и обратный путь. По записям в книге Денежного стола сложно определить, в каком случае обратный путь оплачивался сразу по отбытии из Москвы, а в каком – нет. Оплата или неоплата обратной дороги сразу в Разряде не зависела ни от характера поручения (курьер, исполнение дела на месте – кратковременного или долговременного), ни от чина командированного.

Таким образом, сумма прогонных денег, выплачиваемых Разрядом командированному служилому человеку, складывалась из количества подвод, которые ему полагались в зависимости от чина, и расстояния, на которое служилый отправлялся. В книге не указывается, кто именно вычислял необходимую сумму транспортных расходов, но можно предположить, что это делалось в Денежном столе, из которого эти деньги и выдавались. Расчеты производил, очевидно, тот подьячий, из чьего “приема” выплачивалась сумма, то есть В. Степанов, начальник Денежного стола, или его заместитель М. Алексеев.

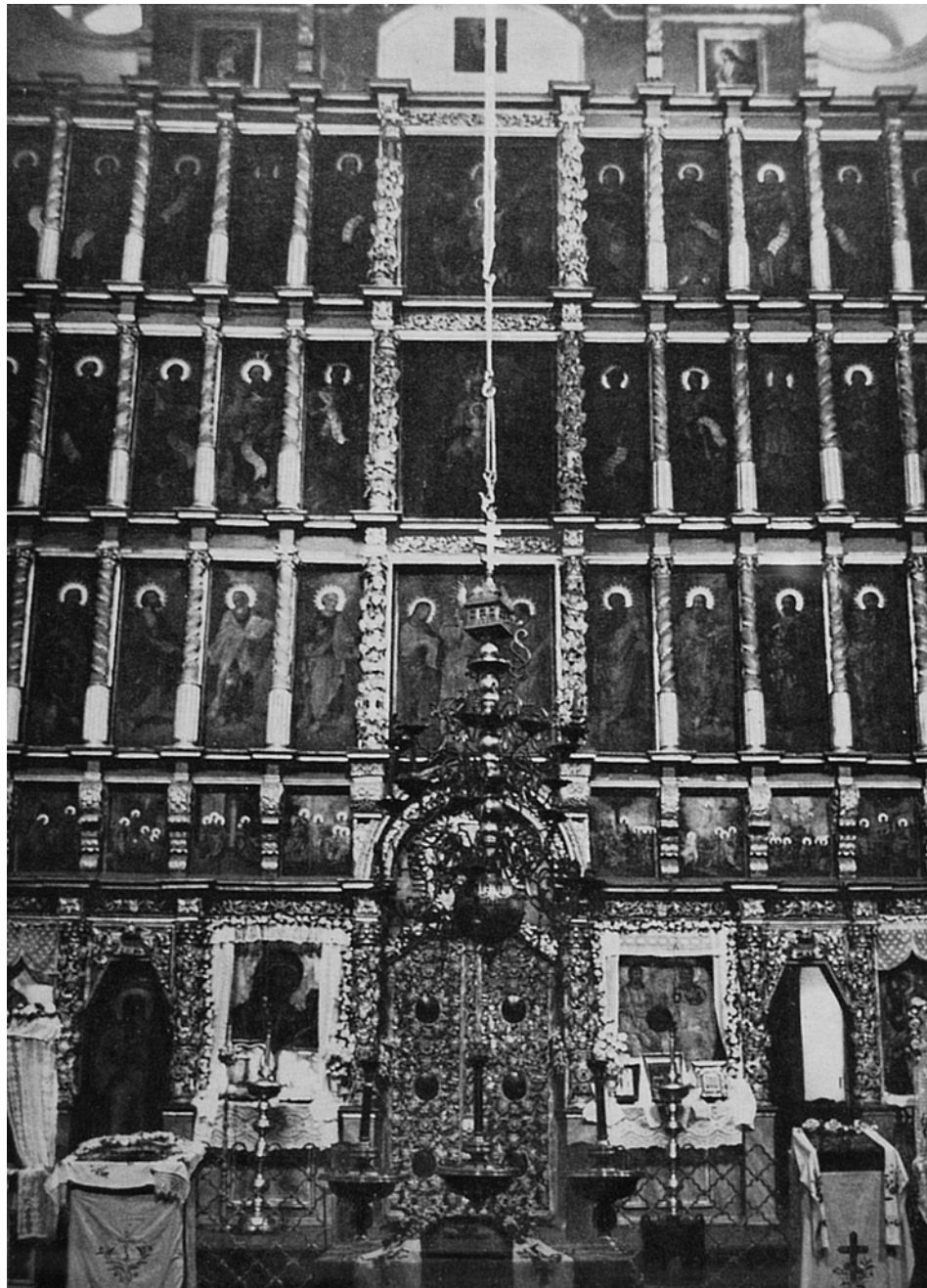
Даже на примере одного приказа, правда, крупного, видно, что связи между центром и провинцией, между центром и границей, между центром и армией были интенсивными и слаженными, они практически не давали сбоев. Ни в одном из правовых документов XVII в. не были прописаны обязанности служилых людей по отечеству и по прибору разных категорий, в том числе, нигде не сказано, что они должны были нести курьерскую службу. Как и многое в XVII в. это делалось по обычаю, исторически сложившемуся. Но, кроме того (и это важнее), служилые люди делали это, исходя из идеи государственного служения (или, для того времени, служения государю) – множество людей разного социального статуса объединялось одной идеей, и это работало эффективнее, чем скрупулезное, мелочное фиксирование всех должностных обязанностей и наказаний за неисполнение каждого из них.

Следующей большой статьей расходов Московского стола было снабжение украинских полков и городов необходимыми припасами. Следует отметить, что на государственном обеспечении находились только полки “нового строя” (в данном случае, Белгородского и Севского разрядов), дворянское поместное войско должно было обеспечивать всем необходимым себя само. Основной боевой запас (артиллерия, боеприпасы) находился, естественно, при войске. Личное оружие солдатам и другим служилым людям полков “нового строя” выдавали на время военных действий, так как справедливо полагалось, что они могут его продать. Из Разряда в полки посылали дополнительное оружие, артиллерию и боеприпасы. Для посылки в полки Разряд приобретал оружие в других приказах, например, в Стрелецком, причем не “по безналичному расчету”, а за наличные деньги. Все денежные операции сопровождались обменом соответствующими документами: “... по указу великого государя по памяти ис Стрелецкого приказа за приписью диака Леонтия Кондратова велено из Розряду в Стрелецком приказ прислат по цене денги, что ис Стрелецкого ж приказу велено прислат в Розряд для посылки в полкъ к боярину и воеводам ко князю Григорью Григорьевичю Ромодановскому с товарищи в салдацкие полки генарала маеора Франца Улфа одиннатцат алебардов, полковника Анца Олофграна дватцат протозанов; за протозаны по осми алтын по две денги за протозан, за алебарды по пятнатцати алтын за алебардъ, итого девять рублей тритцат одинъ алтын, и отдать те денги в Стрелецкомъ приказе с роспискою, а в Розряде те денги написат в росход”³⁷². Как упоминалось выше, эти алебарды и протазаны, а также “ружья реитарского семсот карабинов с крюки и с ремни да двесте пятьдесят пар пистолеи”, шесть медных пищалей и к ним 600 ядер повез в Белгородский полк в Курск разрядный подьячий И. Пауков³⁷³. В солдатский полк генерал-майора Ф. Ульфа Разряд определил в провожатые обоза майора этого полка А. Дириксона – “за полковым нарядом и за свинцом и за гранаты и за барабаны и за всякими полковыми припасы”³⁷⁴. Среди прочего для этого полка Московским столом было приобретено сто листов белого железа “на трубы, в которых трубах капралы, зажогши, фетил носят”³⁷⁵.

Большую же часть вещей, приобретавшихся Разрядом и доставлявшихся в украинные полки, составляли предметы военной атрибутики и канцелярские принадлежности для разрядных шатров. Так, по письмам Московского стола закупались ткани и другие материалы для изготовления полковых знамен и личных знамен начальных людей. Знамена шились из тафты (тонкая гладкая шелковая ткань) и камки (тоже шелковая китайская ткань с разводами) разных цветов. Например, “в Севскои полк генарала маеора Афонасьева полку Траунихта (Трауернихта. – О.Н.) копешчиков х копьем на прапоры”

Иконостас Спасо-Преображенского собора
в Путивле. Конец XVII в.

(Логвин Г. По древним городам Северской земли – Чернигову, Новгороду-Северскому, Глухову, Путивлю.
М., 1980)

была приобретена тафта “белая да лазоревая” за довольно большую цену – 19 р. 6 а. за 20 аршин (14 м 40 см), по 20 а. за аршин³⁷⁶. Для посылки в полк Г.Г. Ромодановского на двадцать четыре рейтарских и солдатских знамени полка Ф. Ульфа и “на полковниково знамя” полка А. Олофграна была приобретено тафты белой 16 аршин (1 м 52 см), темно-вишневой 44 аршина (31 м 68 см) и камки белой и темно-вишневой по 20 аршин (по 1 м 40 см), всего на 46 р. 9 а. 2 д.³⁷⁷. На сотенные знамена в полк В.В. Голицына было куплено 60 аршин (43 м 20 см) тафты “розных цветов” на 36 р.³⁷⁸

Вся материя закупалась в торговых рядах Москвы – у торговых людей Су-рожского и других рядов. Приказ предпочитал иметь дело с проверенными постоянными продавцами – тафту и камку Разряд почти всегда покупал у торгового человека Афанасия Андреева³⁷⁹. Для украшения знамен необходимы были специальной выделки золото и серебро, которые также закупал Разряд. К упоминавшимся двадцати четырем рейтарским и солдатским знаменам и знамени полковника А. Олофграна было “взято Оружейные палаты у мастера у Семена Костянтинова да Патриарша розряду у сторожа Ивана Васильева басемные меры большие руки шесть тысяч четыреста листовъ красного золота да три тысячи восемь сот листов серебра”, за которые уплачено 63 р. 28 а.³⁸⁰. Кроме листового золота и серебра приобретались и другие декоративные материалы – “на бахрамы и на кисти” к двенадцати рейтарским знаменам полка полка Ф. Ульфа у торгового человека И. Савельева было куплено

Коробья.

(Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в.

// Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып.3.).

12 цевок (здесь цевка – моток швейного золота или серебра, золотых или серебряных нитей) золота, 12 цевок серебра и “шолк разных цветов 11 фунтов” (примерно 4,5 кг)³⁸¹.

Знамена могли изготавливать как на месте, в полках, куда отсылали из Разряда купленные материалы³⁸², так и в Москве. В последнем случае шили их, разумеется, не в Разряде, а на Казенном дворе, но оплачивал государственным мастерам работу Разряд: “мастеровым людемъ портным мастером Гришке Тимофееву с товарищи, что они для посылки” в полк В.В. Голицына “ис купленои тафты на Козенном дворе зделали дватцать знамен”, по письму Московского стола из стола Денежного было выдано 2 р.³⁸³

Если старые знамена несколько ветшали, рачительное хозяйство Разрядного приказа предпочитало починить их, а не делать новые: полка Г.Г. Ромодановского “в Яганов полк Гулица х копейным знаменам на починку куплено в Разряд белои камки 12 аршин” (8 м 64 см) за 7 р. 6 а. 4 д.³⁸⁴

В полки “нового строя” требовались военные музыкальные инструменты – барабаны. Их Разряд приобретал в Стрелецком приказе. По приказу думного дьяка В.Г. Семенова разрядный подъячий Л. Клишин отнес в Стрелецкий приказ 44 р., взятых в Денежном столе, за барабаны для солдатских полков Г.Г. Ромодановского – 24 штуки для полка Ф. Ульфа и 20 штук для полка А. Олофграна³⁸⁵.

В полковые разрядные шатры Московский стол Разряда приобретал все необходимые предметы и материалы. Так, в полк В.В. Голицына в Путивль было куплено 10 стоп (4 800 листов) “пищеи бумаги”, 3 ведра (от 40,5 л до 42 л) чернил, “свечь четверных, двоинных и одиноких по пятисот”, в полк И.В. Бутурлина в Рыльск – 5 стоп (2 400 листов) бумаги, ведро чернил (13,5-14 л), “шандан меднои, два щипца” и пять “шанданов деревяных”³⁸⁶. В полк П.И. Хованского было куплено “на стол полтора аршина сукна красного анбурского”, 1 пуд 30 гривенок (приблизительно 28 кг 660 г) сальных свечей, ведро чернил, три стопы (1 440 листов) “бумаги пищеи”³⁸⁷.

Поскольку Разряд получал из подведомственных ему украинских городов натуральный налог – воск, то свечи для полковых канцелярий изготавливались из “ведомственного” воска, но само изготовление их поручалось специалисту и, соответственно, оплачивалось из разрядной казны. Например, в полк В.В. Голицына были отправлены восковые свечи “и в лампы из розрядного воску 30 фунтов”, за делание свеч торговый человек Свечного ряда С. Аверкиев получил 10 а.³⁸⁸ В полк подчиненного В.В. Голицыну И.В. Бутурлина тем же С. Аверкиевым было сделано свечей “против путивлского вполы”³⁸⁹.

Московский же стол входил во все детали транспортировки вещей в полки. Для предохранения посланных предметов по его письмам из Денежного стола выплачивались деньги на приобретение различной тары и упаковочных материалов. Для дорогостоящих вещей приобретали особо надежную тару: знамена укладывали в “коробью с нутреннымъ замком”; коробка была куплена у торгового человека И. Черного за 6 а. 4 д.³⁹⁰ В коробьи же складывали церковную утварь для полков³⁹¹. Для соболиной казны на жалованье ратным людям Белгородского полка у торгового человека Коробейного ряда Т. Максимова был куплен “сундук с нутренным

Спасо-Преображенский собор
в Путивле. Конец XVII в.

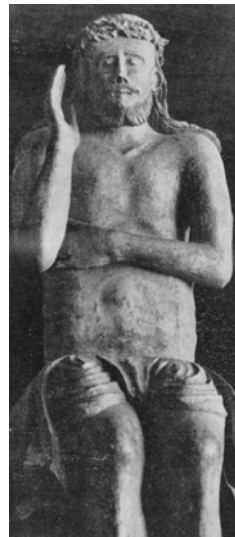
(Логвин Г. По древним городам Северной земли – Чернигову, Новгороду-Северскому, Глухову, Путивлю. М., 1980)

замком”³⁹². Под денежную казну (золотые), отправленную к Г.Г. Ромодановскому, за 6 а. в Лапотном ряду было куплено “пять коробок лубяных да пять рогож лапотниц да пять веревок мочалных”³⁹³.

Под чернила “у того ж чернилника” приобретали бочки – под три ведра чернил “бочку в 3 ведра”, на одно ведро чернил – бочонок. Свечи клали в специально приобретенные у торговых людей Коробейного ряда коробки. Сотенные знамена могли упаковывать вместе с другим ценным и боящимся влаги грузом – бумагой. Для них у торгового человека Лубяного ряда А. Иевлева в Разряд приобрели “лубяную коробью да две рогожи да две веревки” – “в чем сотенные знамена и бумагу увязав вестъ” в полк В.В. Голицына³⁹⁴. Под объемный и ценный груз – например, казну, ша-

тер, церковную утварь для полка – покупали крытые повозки – “телеги с кровли”, запирающиеся на замки, причем каждый вид груза (казну, шатер, утварь) помещали в отдельную телегу. К телегам в Лапотном ряду докупали необходимый убор – “три хомута с шлеями да три припрежи”³⁹⁵.

Для перевозки оружия и боеприпасов требовались другие материалы. “На покрышку ружья”, которое вез в Белгород разрядный подьячий И. Пауков, было “взято в ряду у торгового человека Леонтья Тарасова тридцать восем рогож ценовок да дватцать веревок лычных”³⁹⁶, “да в ту ж посылку Ивану Поукову куплено в Лапотном ряду у торгового человека Анисима Никитина пять кулеи рогожных, которых”³⁹⁷ вестъ карабинные ремья”³⁹⁸. Тому же Л. Тарасову из Денежного стола по письму из стола Московского были выплачены деньги за товары, что “взято на укрышки барабановъ и иныхъ полко-

Христос в темнице.
Скульптура из церкви Рождества Богородицы.
(Путивль. Музей). Конец XVII в.

(Логвин Г. По древним городам Северной земли – Чернигову, Новгороду-Северскому, Глухову, Путивлю. М., 1980)

вых припасов, которые посланы в Курескъ” к Г.Г. Ромодановскому с майором А. Дириконом – “за десять рогож ценювокъ дватцать алтын, за двадцать лапотницъ и к нимъ за мочала шеснатцать алтынъ четыре денги, за десять веревок лычныхъ пять алтынъ, за два короба болших по пяти алтынъ”, всего 1 р. 18 а. 2 д.³⁹⁹

Осталось сказать несколько слов о вещах, посылавшихся из Москвы в “разрядные” украинные города. Как уже отмечалось, Разряд патронировал монастыри и храмы, расположенные в подведомственных ему южных районах. Так, он на приказные средства приобретал для этих монастырей и храмов церковные книги, утварь. Все купленные товары отправлялись с доверенным лицом, присланным из монастыря. Например, “для посылки Белгородцкого полку в новопостроенной город Полатов в церковь Преображения Христа тое ж церкви с попом Еремеем куплено в Розряд у торговых людей в рядах в Книжном у Петра Грачова печатные книги”. Разрешение на приобретение вещей в церкви и монастыри давал начальник приказа думный дьяк В.Г. Семенов, а сами покупки совершались по распоряжению его заместителей, обычно – дьяка Ф.Л. Шаковитого. В приведенном примере помета на выписке о посылке материальной помощи в палатовскую церковь принадлежала В.Г. Семенову, а книги и прочую утварь Московский стол приобрел по помете на письме этого стола Ф.Л. Шаковитого – торговец Книжного ряда получил “за Апостол” 1 р. 13 а. 2 д., “за Шестоднев ветхои 171-го году” 2 р. 30 а., “за Псалтыр со возследованием” 3 р. 25 а., “за Часослов малои” 10 а., “за служебник” 1 р. 6 а. 4 д., “за Минею общею” 3 р. 8 а. 2 д. Собственно организация посылки была возложена на одного из подьячих Московского стола: “Отпуск тем книгам в Московском столе у подьячего у Алексея Попова”.

Для той же церкви в Котельном ряду у торгового человека С. Дмитриева были приобретены “сосуды церковные оловянные” за 1 р.⁴⁰⁰ Эта большая посылка состоялась в начале сентября 185 г. А в марте “для посылки Белгородцкого полку за чертою в новопостроенной город Полатов в церковь Преображение Господня” на средства Разряда была отреставрирована “книга печатная евагелие на престольное горелое, которое прислано в прошлых годах из украинных городов и лежало в Розряде у белгородскихъ дель”: мастер “горелые все места дописал уставнымъ писмом и переплел и кожею покрыл”. Другой мастер, торговый человек Книжного ряда П. Григорьев “ту ж книгу покрыл тоусиннымъ (пестрым. – О.Н.) бархатом и евангелисты серебряные золо-

Богоматерь Умилиение. Икона Спасо-Преображенского собора в Путивле. Конец XVII в.

Церковь XVII в. в Ливнях
(с татарским каменным ядром, застрявшим в стене).
(Из архива Н.Ф. Демидовой)

ченные приложил”⁴⁰¹. В июне, опять же по помете на челобитной думного дьяка В.Г. Семенова, Разряд оказал помощь еще одному украинному монастырю: было дано 10 р. “города Белева Воздвиженского девича монастыря игуменье Патрекие с сестрами в колокол”⁴⁰². Преосвященный Мисайла митрополит Белгородский и Обоянский получил из Разряда “три печатные архиереиские чиновника” и два пуда ладана (примерно 33 кг)⁴⁰³.

Кроме помощи в приобретении не-

обходимых предметов культа, по распоряжениям Московского стола выплачивалась годовая руга южным украинным монастырям: 4 сентября 185 г. по помете на челобитной начальника Разряда думного дьяка В.Г. Семенова было выплачено “великого государя жалованье “Путивльского Духова девичья монастыря игуменье Анне с сестрами и попом с причетники на 184 год годовые денежные руги” 158 р. 30 а.⁴⁰⁴ В начале следующего полугодия, 5 февраля, этому же монастырю была дана руга за текущий 185 г. Очевидно, при решении вопроса об очередной выплате возникли какие-то затруднения (возможно, из-за смены начальницы монастыря), поскольку эта выплата делалась на основании не только челобитной (на ней стояла помета думного дьяка А. Кириллова), но и выписки из Разряда с пометой его начальника В.Г. Семенова. Деньги были даны “ис Путивля Духова девича монастыря игуменье Анисье с сестрами и попом с причетники” в том же размере, что и предыдущая выплата – 158 р. 30 а.⁴⁰⁵

Администрация маленьких южных городов-крепостей, очевидно, не имела финансовой возможности приобрести необходимые для жизни города предметы, и в таких случаях Разряд высылал их из Москвы. Так, “для посылки в вестовой колокол в Ахтырской” Разряд заказал торговому человеку Котельного ряда П. Григорьеву изготовление колокола. На делание колокола для Ахтырского из Разряда было отпущено “литовских колоколов” (видимо, трофейных) 10 пудов 8 гривенок и “перешло ево (П. Григорьева. – О.Н.) меди двенатцать гривенок”⁴⁰⁶.

Значительную статью расходов Разрядного приказа составляло приобретение предметов и материалов, необходимых для деятельности собственно канцелярии приказа. Прежде всего это были принадлежности для письма – бумага, чернила, перья, песочницы, караксы (приспособления для разлиновки листов бумаги разного формата). Централизованной закупкой необходимых канцелярских принадлежностей для всего приказа занимался Денежный стол. Для Московского стола эти материалы изредка приобретались специально, видимо, тогда, когда они заканчивались раньше очередной “плановой” закупки Денежным столом. В любом случае деньги на приобретение товаров и материалов для работы того или иного стола Разряда выдавались только из Денежного стола, из “приема” двух его руководителей, по письменному запросу из других столов.

Чаще всего Московскому столу требовалась бумага для повытья боярского списка – очевидно, сказывался огромный объем работ по составлению и переписыванию различных перечней служилых людей. Кроме того, это было главное повытье как стола, так и всего приказа, в нем готовились важнейшие документы, поэтому и бумага для него требовалась высшего качества. Так, 26 сентября по требованию Московского стола была куплена “Овощного ряду (в этом ряду продавалась бумага. – *О.Н.*) у торгового человека Андрея Фефилова к боярскому списку на списки наличные и на подлинные нынешняго 185-го году стопа бумаги самой доброй”⁴⁰⁷; 11 октября по помете Л.А. Домнина на письме Московского стола Денежным столом были выданы деньги торговому человеку Овощного ряда И. Харламову за стопу “бумаги самой доброй к боярскому списку”⁴⁰⁸; в Московский же стол “к боярскому списку” была куплена “бумаги стопа добрые” у торгового человека Верхнего Овощного ряда К. Осинцова⁴⁰⁹. Опять же “стопа бумаги доброй” была приобретена “Овощного ряду у торгового человека у Петрушки Иванова” 4 мая⁴¹⁰. Очевидно, что Московский стол запрашивал только бумагу высшего качества для определенных документов.

Еще одной необходимой вещью в канцелярии XVII в. была каракса. Она представляла собой рамку в величину листа с натянутыми на нее нитями; рамку накладывали на лист соответствующего формата, проводили косяной палочкой по нитям и получали оттиск от ниток на бумаге. В конце июля в Московский стол к боярскому же списку понадобились сразу три караксы – “одна в десть, другая в полдесть, третья в четверть”⁴¹¹.

Как известно, основой “офисного оборудования” приказной канцелярии были различные сундуки, лари и коробьи, в которых хранились все документы. Эти емкости являлись удобным, очень прочным, функциональным хранилищем документов – это были и своего рода мобильные сейфы разных размеров и “офисная мебель”, тоже мобильная – они прочно закрывались на замки с ключами, были вместительными, имели внутренние отде-

ления, где могли храниться документы любой формы, как в столбах, вертикально, так и в тетрадах и книгах, горизонтально, легко переносились с помощью удобных ручек на крышках и боковых стенках как внутри помещения, так и в походах. Сундуки изготовлялись из липы, дуба, ели и других пород древесины и для прочности оковывались железом – целиком полосами или только по углам⁴¹². Замки на сундуках были и внешние висячие (“вислые”), и более надежные и сложные, “нутренные” (внутренние)⁴¹³. Например, один из сундуков повытья боярского списка был “липовои полутора аршина (108 см – *О.Н.*), обит железом з замкомъ глездуном” (в виде засова)⁴¹⁴, другой сундук этого же повытья, для полковых и приказных дел – “с нутреным замком”⁴¹⁵. При необходимости замки к сундукам покупали отдельно – разумеется, вислые, или к имеющимся замкам подбирали ключи, утерянные или сломанные. Так, в последний день года были куплены “к боярскому списку два замка немецкихъ вислых да прибран к полковому сундуку ключъ”⁴¹⁶. Повытью боярского списка из-за огромного объема постоянно обновляемых документов по кадровому составу ведомых в нем служилых людей требовалось и большее, чем для других столов и повытий, количество хранилищ для этих документов. В мае “к боярскому списку на всякие полковые и на приказные дела” был куплен еще один “сундукъ большой дубовой, перебитъ железомъ, з замком нутреным болшимъ”⁴¹⁷. Стоил этот сундук 1 р. 20 а. Если он считался большим, то каким должен был быть купленный до этого, “с нутреным замком”, если он стоил 2 р. 10 а. (к сожалению, его описание отсутствует). Для полковых дел городов Севского полка (возможно, отдельное повытье или входило в повытье Белгородского полка) также был необходим большой сундук, который и был приобретен – “липовои, мерою дву аршин с четью (162 см. – *О.Н.*) в ширину аршина с четью ж (90 см. – *О.Н.*) с нутреным замком” стоимостью 1 р. 20 а.⁴¹⁸ В это же повытье “на годовые сметные росписи и на иные дела” был приобретен “сундук липовой с замком” за 26 а. 4 д.⁴¹⁹

Как можно судить по записям книги Денежного стола, в Московском столе каждая тематическая группа документов хранилась в отдельном сундуке. Были сундуки, предназначенные для городов Белгородского полка, “украинных городов на списки”, “жилецкого списка” (причем не один), “резанского списка”, “донского отпуску на книги и на столпы”, “на приказные дела боярского списка”, “боярского списка на полковые и на всякие приказные дела”, “Севского полку городов на полковые дела”, “Севского полку городов на годовые сметные росписи и на иные дела”.

Старые сундуки по мере необходимости чинили, причем мастер приходил работать на место, в приказ. Например, торговый человек Коробейного ряда И. Чермной 11 мая “починиваль в Розряде донского отпуску сундукъ, обивал железом, да к нутреному замку ключъ прибраль”⁴²⁰. Торговали сундуками и чинили их и другие торговые люди Коробейного ряда – “Гараска Захаров” (чинил сундуки повытья жилецкого списка)⁴²¹, “Ганка Федоров” (продал сундук для списков украинских городов)⁴²² и др.

Еще одним предметом “офисного оборудования” в приказе были ящики и коробки – они были меньших объемов, чем сундуки. Ящики делали из липы, а коробки – из луба, они были более простого устройства, чем сунду-

ки, хотя и ящик, и коробья тоже могли быть с замком, в том числе и “нутренним”. Стоили ящики и коробьи, соответственно, дешево сундуков – 6 а. 4 д.⁴²³, 16 а.⁴²⁴ В них также хранили документы разной формы – и столбцы, и книги. Так, ящик “липовои с нутреным замком” был куплен “на тульские разборные книги”⁴²⁵. В коробьях кроме дел хранили свечи.

Для бытовых нужд Московского стола в Белгородское повытье – “к делам Белгородцкого полку городов” – 4 мая был куплен у мастерового человека Е. Иванова “тюшакъ (тюфяк, который клали на лавку. – *О.Н.*) красной барановой” за 19 а.⁴²⁶ 5 июля по требованию Московского стола у торгового человека И. Осипова был приобретен “тюшак длиною аршинъ с четыю” (90 см) ценой в 10 а.⁴²⁷

Широко распространенное представление о том, что канцелярские документы до реформ Петра I были исключительно в столбцовой форме, неверно. В столбцах предпочитали хранить подлинники отдельных судебных или административных дел (например, о назначении нового оклада, вынесении дисциплинарного взыскания, переписку с местной администрацией или командованием военного подразделения по какой-либо проблеме и т.п.). Это прежде всего гарантировало целостность отдельного архивного дела, поскольку места склеек составлявших его документов – сставы – обязательно помечались (собственноручно подписывались) руководящими лицами приказа – дьяками. Многочисленные же списки личного состава полковых и городовых формирований, центральных учреждений и т. д., а также своеобразные журналы входящей и исходящей документации, финансовые документы, подневные записи деятельности приказа практически всегда во второй половине века оформлялись в виде тетрадей (чаще как документ текущего делопроизводства) или книг (главным образом, в законченной форме). Это отнюдь не означало, что книги или тетради складывались в архив – они были рабочими документами, к которым постоянно обращались в течение года и позднее. Именно поэтому такие документы требовали надежных переплетов. На это указывает и то, что переплетались книги текущего года. В 185 г. в Московском столе это были жилецкий список⁴²⁸, “записная книга нынешняго 185-го году” (очевидно, Разряда в целом)⁴²⁹, “володимерской список”⁴³⁰, смотренный список Севского полка⁴³¹, записная книга полковых дел Белгородского полка и годовая смета всех городов Белгородского полка⁴³², “подьяческой список” всех приказов⁴³³, смотренный список Новгородского полка⁴³⁴, записная книга “всяких дел” Московского стола⁴³⁵, книга “переписная наряду и зелью и свинцу” Белгородского полка⁴³⁶, чигиринский смотренный список и перечневая выписка полка Г.Г. Ромодановского⁴³⁷. Большая часть канцелярских расходов по письмам Московского стола за год и является расходом на переплет приказных документов.

В этом деле у приказа также были постоянные контрагенты, проверенные специалисты, которым и поручалась вся переплетная работа. Как и в большинстве других случаев, когда приказу требовались материалы или предметы обихода, обслуживание, приказ обращался к частным предпринимателям. Таких мастеров было двое, оба люди грамотные и книжные – дьяконы церкви Знамения Пресвятой Богородицы “что на Знаменке” (стояла почти в конце улицы, близ Арбатской площади) Автомон Матвеев и “собо-

ру Александра Невского” Иаков (Ияков) Иванов. Собор Александра Невского находился в Кремле, на Ивановской площади, рядом со зданием приказов. Таким образом, оба храма были недалеко от Разряда, но по записям в книге Денежного стола нельзя определить, где именно производили переплетные работы дьяконы – в приказе или у себя. По каким-то причинам в первую половину года переплетал приказные документы А. Матвеев, а во вторую – И. Иванов, хотя по одному случаю работы не в “свое” полугодие было у обоих мастеров. Очевидно, это происходило, когда объем работ из Разряда превышал возможности одного мастера. Основная переплетная работа в Московском столе начиналась со второй половины года, с февраля, и заканчивалась ближе к концу, в июле. Всего за год из Московского стола обращались к переплетчикам восемнадцать раз.

Как уже отмечалось, в Московском столе Разряда переплетались документы текущего делопроизводства: разборный список – в конце сентября, жилецкий список – в начале ноября, записная книга приказа – в начале декабря, владимирский список – в начале февраля, записная книга Белгородского полка, сметная книга белгородских городов, список подьячих всех приказов, смотренные списки Новгородского и Севского полков, – в конце марта, записная книга “всяких дел” Московского стола – в конце мая, переписная книга Белгородского полка – в начале июня, чигиринский смотренный список и перечневая выписка – в начале июля. В некоторых записях не указаны годы переплетаемых документов, но можно предположить, что речь идет также о документах текущего года. Это разборный список без названия (20 сентября)⁴³⁸, две книги “белгородцкого полку городов росписных и сметных и черкасских помесных” (5 февраля)⁴³⁹, списки Севского полка и северских городов (5 февраля)⁴⁴⁰, два списка замосковных и рязанских городов (11 марта)⁴⁴¹, рязанский разборный “подлинный” список (30 марта)⁴⁴², два жилецких списка (25 мая)⁴⁴³ и “городовых дворян и детеи боярских полковые службы разборные списки подлинные и наличные замосковных городов” (9 июля)⁴⁴⁴.

В течение года в переплет отправляли и документы прошлых лет, прежде всего предыдущего: коломенские и мещерские разборные книги 184 г. (21 октября)⁴⁴⁵; в один переплет с жилецким списком текущего года список 184 г. (9 ноября)⁴⁴⁶; записную книгу “всяких дел” Московского стола 184 г. (23 декабря)⁴⁴⁷, Севского полка “о четвериковом хлебе, о розборе записную книгу, колушскои розборнои список да розборнои ж наличнои список Севского полку”, а также смотренный список (22 марта)⁴⁴⁸, записную книгу полковых дел Белгородского полка (26 марта)⁴⁴⁹, в один переплет со списком 185 г. смотренный список Новгородского полка 184 г. (31 марта)⁴⁵⁰, переписную книгу Белгородского полка 184 г. (1 июня)⁴⁵¹, а также более ранние – жилецкий список 180 г. (6 февраля)⁴⁵², смотренный список Севского полка 183 г. (все списки за 183, 184 и 185 гг. в одном переплете) (22 марта)⁴⁵³, списки с наказов о разборах 166 и 183 гг. (4 июля)⁴⁵⁴.

Обращает на себя внимание тот факт, что больше всего документов Московского стола, как текущего делопроизводства, так и предыдущего года и более ранних лет, получены из переплета в течение двух месяцев середины года – с начала февраля до конца марта. Середина года вообще была

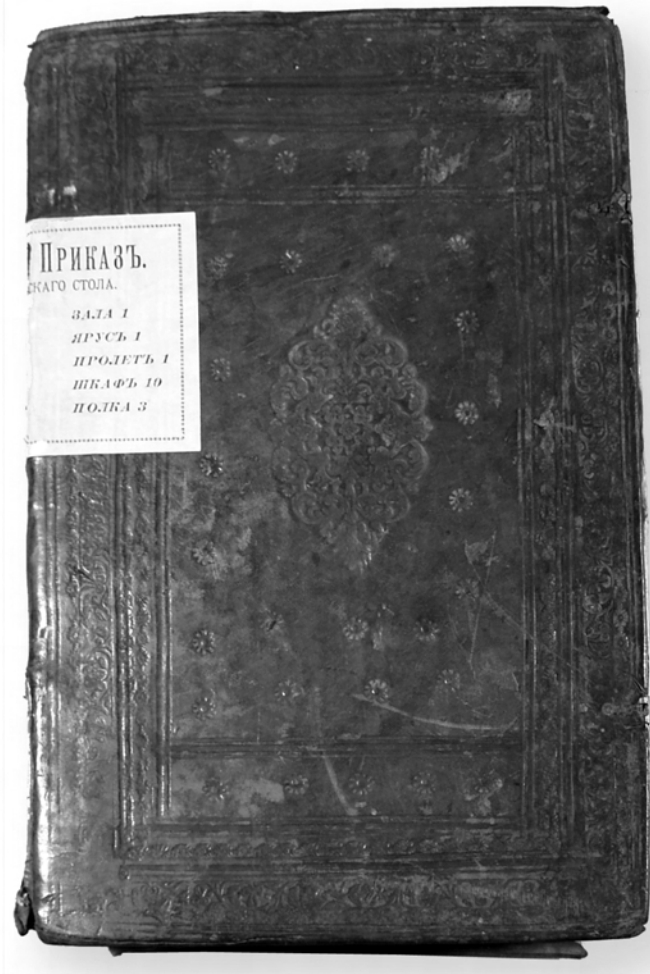

Список подьячих, детей боярских, приставов и сторожей за 7185 г.
Деревянная переплётная крышка и отклеившийся лист нахзаца.

(РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 82).

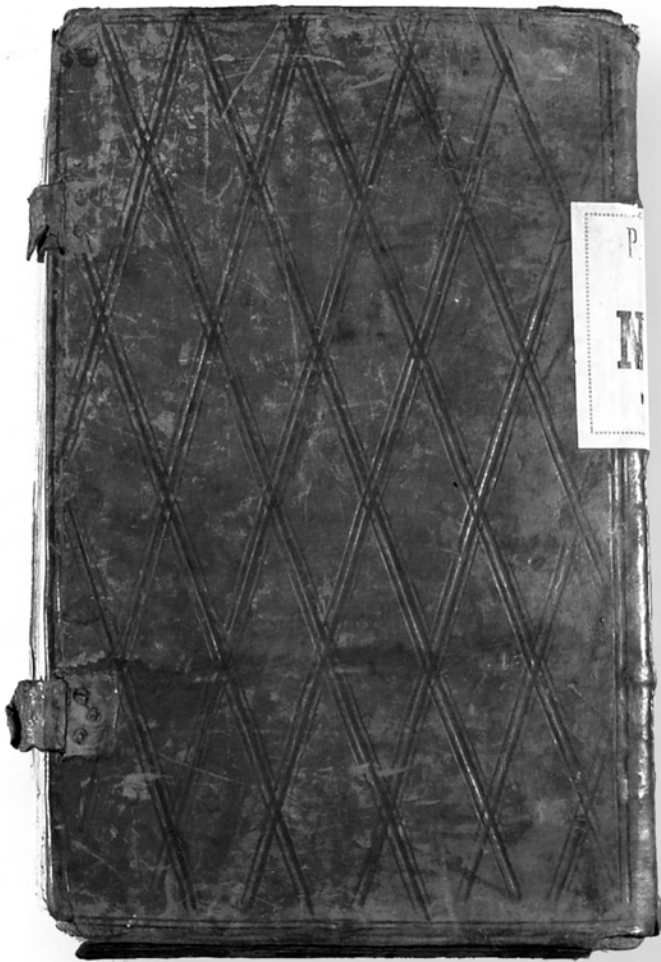
важным рубежом в приказном делопроизводстве, к этому сроку приказные документы должны были, очевидно, принять уже твердую форму. В другие периоды большая интенсивность переплётных работ приходилась на первую половину года, октябрь-декабрь; в конце года, в июне-июле таких работ было значительно меньше, за август не зафиксировано ни одного случая.

Списки личного состава, судя по записям в книге Денежного стола, переплетались по мере их завершения, а документы сводного характера, содержащие сведения о состоянии городов и дел в учреждениях и воинских формированиях, существовали практически в течение всего года в отдельных листах. Переплеты книг делались из досок, покрытых сафьяном, или из простой кожи; к ним прикреплялись кожаные завязки или железные застёжки. Самым любимым цветом кожи для переплетов приказных документов был красный⁴⁵⁵.

Список подьячих, детей боярских, приставов и сторожей за 7185 г.
Первая сторонка кожаного переплёта со слепым тиснением.
(РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 82).

Оплата работы переплетчиков производилась по ее завершении. Цены на переплетные работы, очевидно, зависели как от объема документа, так и от материалов, которые были использованы для переплета, а также от сложности работ. Так, “за переплет в доски записной книги Московского стола всяких делъ прошлого 184-го году и за приклад, что оболочъ в сафьянъ”, А. Матвеев получил 16 а. 4 д.⁴⁵⁶, такую же сумму за переплет разборного списка⁴⁵⁷. “За переплет списков Севского полку в десть в досках и за приклад за сафьянъ и за защепки” А. Матвееву заплатили 23 а. 2 д.⁴⁵⁸, в то же время за переплет и простой “приклад” двух годовых жилецких спис-

Список подьячих, детей боярских, приставов и сторожей за 7185 г.
Четвёртая сторонка кожаного переплёта со слепым тиснением.
(РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 82).

ков – сопоставимую сумму в 20 а. 2 д.⁴⁵⁹, поскольку это были весьма объёмные документы. Переплет одного списка личного состава стоил 10 а. или несколько дороже: за работу над жилецким списком “и за приклад за кожу” А. Матвееву было выплачено 13 а. 2 д.⁴⁶⁰, за переплет владимирского списка “и за приклад за кожу и за застешки” – 10 а.⁴⁶¹ Еще меньшая по объёму разрядная записная книга (какая именно, не указано) обошлась приказу в 5 а. 4 д.⁴⁶²

22 марта А. Матвеев получил деньги за выполнение большого заказа от Московского стола: переплет “Севского полку” городов книги “в десь” –

184 г. “о четвериковом хлебе, о разборной записную книгу, колушской разборной список да разборной ж наличной список Севского полку да рассмотренной список 183 году и 184 году и 185 году” и получил “всего за пет книг за переплет и за приклад” 1 р. 16 а. 4 д.⁴⁶³ В июле А. Матвеев за переплет списков с наказов о разборах 166 и 183 гг. “в кожу” и чигиринского рассмотренного списка и перечневой выписки полка Г.Г. Ромодановского “в доски и в белую кожу и за приклад” получил 10 а.⁴⁶⁴ Сумма для дорогого “приклад” небольшая, вероятно, объем переплетенных документов был невелик.

По таким же расценкам работал и И. Иванов. Переплет и “приклад” небольших по объему документов стоил недорого: двух книг Белгородского полка городов росписных, сметных и черкасских поместных книг “в полдесть” – 10 а.⁴⁶⁵, двух разборных книг – 20 а. (видимо, по 10 а. каждый)⁴⁶⁶, списка подьячих всех приказов – 8 а. 2 д.⁴⁶⁷, записной книги “всяких дел” Московского стола 185 г. – 6 а. 4 д.⁴⁶⁸, рязанского разборного подлинного списка “и за приклад” – 13 а. 2 д.⁴⁶⁹, двух жилецких списков “и за приклад” – 13 а. 2 д.⁴⁷⁰ За переплет и за “приклад” двух списков замосковных и рязанских городов И. Иванов получил 20 а.⁴⁷¹; трех записных книг Белгородского полка (о полковых делах 184 и 185 гг.) и годовой сметы всех городов Белгородского полка – 23 а. 2 д.⁴⁷²; подлинных и наличных разборных списков дворян и детей боярских замосковных городов – 26 а. 4 д.⁴⁷³

Интересно, что записные книги “всяких дел” Московского стола и разрядные записные книги текущего года переплетались в простую кожу, а такие же книги прошедшего года – в доски и сафьян. Возможно, ежедневно работать с тяжелыми книгами в деревянных переплетах было сложно, и кто-либо из руководителей приказа (вероятнее всего, Ф.Л. Шаковитый) сделал такое нововведение.

В переплетные работы входило не только собственно изготовление переплетов для приказных документов, но и некоторые реставрационные работы, причем не только рукописей. Например, как отмечалось выше, А. Матвеев “для посылки Белгородского полку за чертою в новопостроенном город Полатов в церковь Преображение Господня починил книгу печатную евангелие на престолное горелое, которое прислано в прошлых годах из украинских городов и лежало в Розряде у белгородских делъ”. Из записи можно выяснить и технику реставрации: “горелые все места дописал уставнымъ писмом и переплел и кожею покрыл”. В отличие от делопроизводственных документов, евангелие требовало более дорогого переплета, поэтому от “штатного” мастера Разряда книга была передана стороннему “узкому” специалисту: Книжного ряда торговый человек П. Григорьев “ту ж книгу покрыл тоусиннымъ бархотом и евангелисты серебряные золоченые приложил”. За более тонкую и сложную работу – переплет и дописывание евангелия – А. Матвеев получил 2 р., а П. Григорьев – 1 р. 28 а. 2 д.⁴⁷⁴ Реставрировать старые документы приходилось и И. Иванову – “от починки” “подлинных” списков Новгородского полка городов “тверич, новоторжцов, старичан, лучан, торопчан, ржевич, зупчан” он получил (вместе с работой по переплету других документов Новгородского полка) 16 а. 4 д.⁴⁷⁵

По письмам из Московского стола Денежный выдавал жалованье за службу ратным людям, как русским, так и иноземцам – начальным людям полков “нового строя”, а также единовременные суммы – русским служилым людям разных чинов в связи с выполнением ими какого-либо конкретного поручения Московского стола и не российским служилым людям в качестве, так сказать, “дипломатических” подарков.

Из этих выплат можно условно выделить суммы, выдаваемые “на корм”, то есть заменяющие натуральные продовольственные казенные выдачи. “Корм” или деньги на него выдавались чаще всего на дорогу, то есть были своего рода командировочными. Так, кормовые деньги получали стрельцы, сопровождавшие подводы из Разряда в южные города. Как уже отмечалось, чаще всего московские стрельцы провожали разрядный обоз до Тулы. Путь до Тулы с обозом и назад занимал неделю, на неделю выдавался и “корм”: десятнику по 5 д., рядовым по 4 д. на день⁴⁷⁶. От Москвы до Курска ехали неделю, от Москвы до Путивля и Рыльска – две недели, размер кормовых выдач в расчете на день оставался тем же⁴⁷⁷. Путь стрельцов, сопровождавших стольника А. Карандеева с казной в полк Г.Г. Ромодановского, от Москвы до Рыльска занял больше рассчитанных в Разряде двух недель, поэтому за дополнительные четыре дня стрельцы получили из Разряда кормовые деньги в установленном размере – два десятника по 5 д., восемнадцать рядовых по 4 д. на день⁴⁷⁸. Иногда кормовые деньги на дорогу получали городовые служилые люди, отправленные из Разряда с грамотами в отдаленные украинные города. Независимо от дальности пути, городовым служилым выплачивалась одна сумма. Так, и курскому приставу до Курска, и новооскольцу сыну боярскому, прибывшему из Нового Оскола с вестовыми отписками, было выплачено 3 а. 2 д. кормовых денег⁴⁷⁹.

Кроме “путевых” кормовых денег по указаниям Московского стола выплачивались кормовые деньги украинским начальным людям (и их свите), прибывавшим с миссиями в Москву. Так, было выплачено государево жалованье Г. Кондратьеву, черкасскому сумскому полковнику Белгородского полка “да детем ево и товарищам в приказ с приезде их к Москве на поденный корм и на питье всем вопче с 6 декабря вперед на три недели по 20 рублей на неделю да на отпуску детем ево двум человеком по три рубли, полку ево писарем дву, ясаулу да прапорщику да хоружему да сотником осми, итого тринадцати человеком по полтора рубли человеку, рядовым казаком дватцати пяти человеком по одному рублю человеку”, всего 110 р. 16 а. 4 д.⁴⁸⁰ Как видим, даже рядовым казакам, не говоря уже о более высоких чинах, выдавались гораздо большие, чем московским стрельцам, кормовые деньги (приблизительно 1 а. 3 д. на день).

В виде кормовых денег часто выдавалось также жалованье иностранцам, служившим в российской армии, примером чему могут служить записи

о выплате “Белгородского полку реитарского строю Михаила полку Гопта маеору Калине Маклахлину для нынешние службы” на последнюю четвь года “треть месечного ево корму” – 16 р.⁴⁸¹ и такой же выплате, но уже в сумме 90 р., Белгородцкого полка рейтарского и солдатского “строев генаралу маеору иноземцу Францу Федорову сыну Улфу”⁴⁸². 9 июня была дана Белгородского солдатского строю полку А. Олофграна “капитану Кузме Кашлевскому да порутчику Вилиму Гизину треть месечных кормов половину годовых их окладов” на 185 г. (то есть треть месячного “корма” из первой половины года) “порутчиковы статьи” по 16 р. 6 а. 4 д. человеку⁴⁸³, а 30 июня – Белгородского полка Ф. Ульфа солдатского строя “прапорщику Мартину Выпелецкому треть месечного ево корму другую половину годового ево окладу” на 185 г. 8 р.⁴⁸⁴

По представлениям Московского стола разрядная казна выдавала и не кормовые единовременные денежные суммы служилым людям, в том числе не российским, которые имели отношение, территориальное или отраслевое, к ведению этого стола. Некоторые “поощрительные” суммы были выплачены тем же украинским ратным людям, бывшим в Москве по делам, и их свите при отъезде. Так, в конце декабря на отпуске Белгородского полка черкасских полковых казаков, “которые были с полковники на Москве, Сумского Гарасимова полку Кондратьева” двадцати пяти человекам, “Харковского Григорьева полку Донца” пятнадцати человекам, “того ж полку есаула, обозника, сотниковым детем трем человеком” было дано по 1 р., всего 52 р.⁴⁸⁵ В начале января также по одному рублю единовременно было пожаловано Белгородского черкасского Острогожского полка “короченским сотнику, хоружему, острогожским сотнику и его сыну для их иноземчества”⁴⁸⁶.

Пожалования производились не обязательно высоким украинским чинам – челобитчики от “черкас” и других категорий служилых людей, прибывавшие в Москву, также получали некоторые суммы денег “в приказ” в качестве подарка от царя и в связи с тяжелым материальным положением. Например, по письму Московского стола 5 января Денежный стол выплатил “недрыгаиловским донским кормовым казаком челобитчиком прежних их окладов треть” – есаулу 7 р. 10 а., а двум рядовым по 4 р. 28 а., и всем троим “для их самые скудости” по полуполтине человеку⁴⁸⁷. Накануне, 4 января, есаул П. Клементьев уже получил по челобитной “в приказ” 5 а.⁴⁸⁸ Эти челобитчики, есаул и два казака, находились в Москве уже давно. Еще в ноябре по челобитной же они получили “в приказ по гривне (20 денег. – О.Н.) человеку”⁴⁸⁹.

Донским же казакам-челобитчикам было дано по их челобитным: в январе трем человекам “в приказ для их бедности по полуполтине”⁴⁹⁰, в апреле двум человекам “на корм” по 3 а. 2 д.⁴⁹¹, в феврале двум же человекам “в приказ по гривне человеку”⁴⁹². Так же “для ево бедности, что он был на Москве для челобитья многое время” в приказ был пожалован 1 р. “полатовскому черкашенину атаману Василью Федорову”⁴⁹³.

Нередко Разряд выплачивал некоторые суммы денег челобитчикам из подведомственных приказу служилых людей. Такая помощь была, например, оказана Белгородского “Тулского полку реитаром челобитчиком ту-

лянину Егупу Рожновскому да мосалитину Тихону Торопченину”, правда, не “в приказ”, сверх жалованья, а “в зачат годового на нынешней 185-и год” по 3 р. человеку⁴⁹⁴. Возможно, однако, что челобитчики просто воспользовались пребыванием в Москве и получили часть жалованья “внепланово”.

Московский стол определял размеры денежного оклада и сроки его выплаты иноземным начальным людям, служившим в украинских полках российской армии. Так, по подписной челобитной генерал-майора А. Трауэрнихта Разряд должен был выплатить ему треть его годового оклада “для чигиринские службы”, которая и была, в размере 360 р., выдана “генералу маеору Афонасью Траунихту” 6 апреля⁴⁹⁵. В конце мая при отправлении в Белгородский полк А. Росформ, полковник солдатского строя этого полка, “для нынешние службы” получил годовое жалованье “на последнюю четверть году” 45 р.⁴⁹⁶ В виде исключения по специальной просьбе жалованье иностранного военного на русской службе могло быть выдано на руки не ему самому, а его жене. Например, половина годового оклада мужа, 80 р., была выдана по его заручной челобитной Белгородского полка рейтарского строя “полковника Иванове жене Барова Олене з детми”⁴⁹⁷.

Из Московского же стола поступали распоряжения о выдаче Денежным столом из разрядной казны сумм на жалованье ратным людям (русским и иноземцам) не только в индивидуальном, но и в массовом порядке, во время их пребывания в полках. Эти записи располагались в книге Денежного стола отдельно, после хронологических записей о текущих выплатах приказа, под заголовком “Отпуск в полки великого государя казны”⁴⁹⁸. 4 апреля в Севск на жалованье Севского полка копейного, рейтарского, драгунского и солдатского “строю полковником и начальным людям иноземцам” на 185 г. “в дадачно к прежней их даче к денгам и хлебу доходов Севского полку городов” было послано “соболиные казны и мяхкие рухледи”, взятых из Сибирского приказа, на 1 512 р. 20 а. Меха отправили, как нередко бывало, “с челобитчики с маеором Фелимом Геевым да с капитаном Александром Фрезором” под контролем доверенного сотрудника Разряда, подьячего И. Павлова. В записи, для проверки, подробно перечислены состав посылки, цена каждого вида меха и его качество: “А порознь тое соболиные казны и мяхкие рухледи” 2 сорока соболей по 75 р.; 2 сорока соболей “за сорок” по 65 р.; сорок соболей по 32 р., сорок соболей по 27 р., “все с хвосты”; 6 сороков соболей “за сорок” по 25 р.; 8 сороков соболей по 23 р.; сорок соболей по 22 р., “все бес хвостов”; 6 пар соболей по 5 р., пара соболей 4 р., 12 пар соболей “за пару” по 3 р. с полтиной, 8 пар по 3 р., пара 2 р. 20 а., пара 2 р., “пары все с хвосты”; 20 сороков “пупков” соболях (мех с брюшка с мягкой и редкой шерстью; соболий “пупок” вырезался из шкурки узкой полоской примерно в два пальца шириной), за сорок по 8 р.; 8 сороков “пупков” по 6 р.; 2 сорока “пупков” по 5 р.; 50 сороков “пупков” соболях “за сорок” по 4 р.; 11 шуб “куньих с пухи и с ожерельи бобровыми, за шубу” по 15 р.; 11 шуб “куньих с пухи за шубу” по 13 р.

Под реестром стоят расписки принявших казну Ф. Геева, А. Фрезера и И. Павлова – латинскими буквами иностранцев и по-русски подьячего⁴⁹⁹.

Межа были отправлены из Денежного стола по письму Московского с пометой дьяка П.И. Ковелина. Письмо в установленном порядке было передано в расходный столп Денежного стола. Однако, в отличие от других случаев, когда Денежным столом выдавались небольшие денежные суммы, расписка в приеме ценного груза из Денежного стола была сделана не на письме Московского стола, а в самой расходной книге. Возможно, это было сделано потому, что расписка на отдельном документе могла затеряться, в книге же она лучше сохранялась.

Точно так же в расходной книге расписался в получении денежной казны на жалованье (вероятно, для награждения) ратным людям Севского и Белгородского полков стольник А. Карандеев. После записи от 17 июля (через месяц после получения прогонных денег и покупок для транспортировки казны) о приеме тридцати шести тысяч золотых червонных стоит собственноручная расписка А. Карандеева: “Те червонныя золотыя тридцать шесть тысяч из Розряду ратным людям на жалованья Александр Карандеев взял и росписался”⁵⁰⁰. В тот же день А. Карандееву было выдано еще 5 000 р. “мелких серебряных” из разрядных доходов: 2 800 р. из “приема” подьячего В. Степанова и 2 200 р. из “приема” подьячего М. Алексева. Вся запись сделана почерком В. Степанова, кроме слов “те денги две тысячи двести рублей из моего Максимова приему Алексева”, то есть каждый из “бухгалтеров” собственноручно расписался в выдаче денег из своей казны. В конце записи стоит собственноручная расписка А. Карандеева: “великого государя на жалованья ратным людям из Розряду петь тысяч рублей мелких серебряных денех Александр Карандеев принял и росписался”⁵⁰¹.

Из Московского стола поступали распоряжения выплатить денежные вознаграждения служилым людям за выполнение поручений этого стола. В некоторых записях коротко обозначена суть выполненного дела, в других – основание для вознаграждения не указано. Например, не известно, за какую заслугу елецкий подьячий “Мишка Замаруев” получил “на шубу” 16 а. 4 д.⁵⁰²

В других случаях поручение, исполнитель которого заслужил вознаграждение по представлению Московского стола было указано: например, жителю Ельца “Юшке Авдееву, что он в нынешнем 185-м году был на Елце у городского дела плотником и тому городу деревянной образец зделал и с тем образцом прислан к Москве в Розряд, государева жалованья за тое ему работу в приказ один рубль”⁵⁰³. Вознаграждение за доставку вестовых отписок в Москву получили новооскольский сын боярский Д. Татаринсков (2 р., из Нового Оскола)⁵⁰⁴, верхососенцы дети боярские К. Белозерский и И. Непринцов (16 а. 4 д., из Верхососенского)⁵⁰⁵; дополнительные деньги, кроме прогонов, за доставку грамот в Курск выплатили курскому приставу (5 а.)⁵⁰⁶. Вообще, жители Верхососенского, Нового Оскола и Валук, форпостов России на юге, были предприимчивы и нередко заслуживали царское вознаграждение. Так, новоосколец сын боярский Т. Сверчков и полковой казак Н. Губкин за их службу – “посыланы были” из Нового Оскола в полк Г.Г. Ромодановского “со взятыми двумя татары и с теми ж татары ис полку боярина и воеводы” присланы “к Москве в Розряд” – получили

“в приказ” по одному рублю⁵⁰⁷. В сентябре 6 а. 4 д. в приказ получил валуйский пушкар “Ивашка Луканитинов, которого прислан с татаринцом со взятым”⁵⁰⁸. По указанию Московского стола было выплачено значительное вознаграждение “верхососенцом детям боярским: Тихону Батищеву за полное терпенье” 3 р. 16 а. 4 д., “то ему и за сукно, Григорью Маркову за рану” 2 р.⁵⁰⁹ То, что деньги Т. Батищеву и Г. Маркову были выплачены по письму именно Московского стола, является исключением из правил, поскольку компенсацию служилым людям за плен и раны выплачивали в Разряде по распоряжениям Приказного стола.

Трудно сказать, почему особо отмечено участие 22 ноября “в походе при великом государе в деревне Шаблыкине Степанова полку Уварова ретара Микифора Неклюдова да Агеева полку Шепелева салдат вологжан” двух человек – за эту службу они получили “из розрядных доходов” “по полтине человеку”⁵¹⁰.

В числе других городов Белгородского полка, в Московском столе Разряда был введом во всех отношениях и Чугуев, в котором находились царские “арбузные и виноградные огороды”. Естественно, что отвечавшие за эти огороды садовники также находились в ведении Московского стола. В сентябре в Москву из Чугуева привозили к царскому столу арбузы и виноград. Доставляли лакомства сами производители – чугуевские виноградные и арбузные садовники, за что получали вознаграждение. Очевидно, виноград ценился выше арбузов, так как вознаграждение – дача государева жалованья “в приказ” – виноградным садовникам выше, чем арбузным: 8 октября виноградный садовник получил 3 р.⁵¹¹, 11 октября арбузный садовник – 1 р.⁵¹² и 2 ноября другой виноградный садовник – 2 р.⁵¹³.

Поскольку оборона Русского государства находилась в ведении Разряда, то служилые люди, подведомственные другим приказам, но участвовавшие в военных действиях, временно переходили и в ведение Разряда. Соответственно, содержание их также становилось обязанностью Разряда, о чем его извещал соответствующий приказ. Так, два гранатчика, “Митка Невежин, Давыдка Никифоров”, подчинявшиеся Пушкарскому приказу, были направлены на службу в полк Г.Г. Ромодановского, “и велено им быть в полку у гранатного дела, а для той службы по памяти ис Пушкарского приказа велено им дать его государева годового денежного жалованья и за хлеб благовещенского сроку нынешнего 185-го году” по 4 р. 26 а. 5 д. “да для службы против их братья прежних дач впред на 186-и год денежные их оклады Митке шесть, Давыдку пять рублей, да им ж на подмогу по два рубли”⁵¹⁴. Отправленный с казной в полк Г.Г. Ромодановского подьячий приказа Малой России А. Меншиков получил по челобитной 5 р. “для той посылки”⁵¹⁵.

Смоленские служилые люди, в том числе полков “нового строя”, очевидно, были подведомственны приказу княжества Смоленского, но, участвуя в боевых действиях на южной Украине, поступали в распоряжение Разряда. Поэтому именно из Разряда, его Московского стола, было дано указание выдать смоленскому беглому рейтару “Петрушке Шибяеву”, которого конвоировал назад в Белгород разрядный сын боярский Л. Назарьев, в дорогу “для его бедности” 8 а. 2 д.⁵¹⁶

Естественно, Московский стол выписывал представления на выплату денег и разрядным подьячим, посланным с поручениями из Москвы. Так, по помете на челобитной дьяка Л.А. Домнина разрядный подьячий Ф. Остафьев, посланный с грамотами в Курск, получил “в приказ” 1 р.⁵¹⁷ Такую же сумму получил в приказ разрядный подьячий И. Дорофеев, отправленный из Разряда с грамотами в полки В.В. Голицына с товарищами “до Путивля и до полков”⁵¹⁸. В конце мая несколько разрядных подьячих были направлены в полковые канцелярии южных полков – Т. Сукманов и П. Микулин в Путивль, в полк В.В. Голицына, С. Курочкин и И. Ларионов в Рыльский, в полк И.В. Бутурлина. Все они получили деньги “в приказ” по помете на выписке думного дьяка В.Г. Семенова, то есть по инициативе руководства Разрядного приказа, за то, “что им велено быть на государеве службе” в полках. Интересно отметить, что полученные подьячими суммы никак не соотносились с их годовыми окладами, в одних случаях они были меньше этих окладов, в других – значительно больше. Т. Сукманов (оклад 10 р.) и П. Микулин (оклад 7 р.) получили по 8 р., С. Курочкин и И. Ларионов (оклады по 3 р.) получили по 7 р.⁵¹⁹ Случалось, что выплаченные “для службы” деньги представлялись подьячим недостаточными, и тогда они просили об увеличении суммы: 28 июля по помете на челобитной начальника Разряда разрядным подьячим И. Беседину и Ф. Шанскому, командированным во Мценск в полк П.И. Хованского “для писма полковых дел”, было дано “в прибавку к прежнему по два рубли человеку”⁵²⁰.

По распоряжениям Московского стола выплачивались и вознаграждения за работу в “канцелярии” приказа. В соответствии с принятой в XVII в. системой подобные выплаты осуществлялись не автоматически, в определенные сроки, и не по инициативе начальства, а по челобитной служащего. Так, 30 июня “розрядным подьячим Ивану Беляеву да Григорью Иванову за приказную работу в приказ по два рубля человеку” было выплачено по помете на их челобитной начальника Разряда В.Г. Семенова⁵²¹. Через полтора месяца те же подьячие подали новую челобитную, и по помете на ней того же В.Г. Семенова снова получили по 2 р. “за бескорысную их работу и для их бедности”⁵²².

Разряд помогал своим служащим и их семьям в тяжелых ситуациях, распоряжения о таком вспомоществовании также отдавал Московский стол. 8 сентября подьячему В. Айтемиреву по помете на выписке В.Г. Семенова “для пожарного разоренья” было дано “в приказ” 4 р. (его годовой оклад составлял 6 р.).⁵²³ В том же месяце по распоряжению В.Г. Семенова вдове разрядного подьячего С. Степанова Татьяне было выдано на погребение и помин мужа из его оклада 10 р.⁵²⁴ (оклад неизвестен). В марте на те же

нужды “розрядного подьячего Ильине жене Казанцова вдове Марфе” было дано “в приказ” 5 р.⁵²⁵ (оклад Ильи Казанца был 7 р.).

Помощь оказывали не только подьячим, но и разрядным служащим низших звеньев. В августе по помете на челобитной В.Г. Семенова “розрядному сторожу Ивашку Алексееву, что он бил челом для постригания, на черное платье в приказ” было дано 16 а. 4 д.⁵²⁶

Исключением, когда премии сотрудникам приказа выплачивались не за конкретную работу отдельного служащего, по его челобитью, а в относительно массовом масштабе по распоряжению руководства, были пожалования в дни великих церковных праздников; такие премии назывались “праздничными дачами”. Обычно они выплачивались на Рождество и Пасху. В канун Рождества 185 г. 23 декабря по помете на выписке дьяка Ф.Л. Шакловитого всем сторожам Разрядного приказа, “Родке Гаврилову с товарищи шести человеком для празнику Рожества Христова” было выдано “по осми алтын две денги человеку”⁵²⁷. Пасхальное жалованье было скромнее: 14 апреля по помете на челобитной того же Ф.Л. Шакловитого разрядным сторожам дали в приказ по 2 гривны (6 а. 4 д.) человеку⁵²⁸. В тот же день “для празника светлого Христова Воскресенья” по помете на челобитной Ф.Л. Шакловитого получили в приказ по 1 р. уже известные подьячие И. Беляев и Г. Иванов (годовые оклады по 5 р.)⁵²⁹. Под пасхальные раздачи попали и донские казаки-челобитчики – им в честь того же праздника было дано в приказ по 5 а. человеку⁵³⁰. В один из последних больших праздников года, на Успение Богородицы, по помете на выписке дьяка П.И. Ковелина разрядные сторожа снова получили “дачи” по 8 а. 2 д. человеку⁵³¹.

Кроме собственных служащих Разряд по традиции выплачивал материальную помощь государевым певчим дьякам. В 185 г. Разряд по указу государя выплатил шести певчим дьякам “в приказ” по 6 р. человеку “для пожарного разоренья”⁵³².

Новгородский стол

Выплата прогонных денег

По распоряжениям другого “территориального” стола Разрядного приказа, Новгородского, Денежный стол также выдавал деньги на транспортные расходы служилым людям различных чинов. География этих поездок, в связи со специализацией Новгородского стола, была много уже, чем у Московского, и, естественно, в значительной мере ограничивалась городами Новгородского разряда (Псков, Великие Луки, Вышний Волочек, Ржева, Новгород, Торопец, Ярополец и др.). Кроме того, распоряжения из

Новгородского стола отправлялись, естественно, в Новгородский полк и по делам Новгородского полка, независимо от мест его дислокации. Например, разрядный сын боярский Ю. Бросин был послан по письму Новгородского стола с грамотой в Орел, к стольнику М. Плещееву⁵³³.

Прежде всего, прогоны выплачивались курьерам, отвозившим грамоты из Разряда. Как и в Московском столе, доставка грамот поручалась, в зависимости от их важности, служилым людям разных чинов. Чаще всего в качестве курьеров направлялись разрядные дети боярские – И. Щелкунов, Ю. Бросин, Б. Булатов, Д. Волков, Ив. Поддубский, Л. Назарьев⁵³⁴. К массовой рассылке грамот Московский стол, как было отмечено, привлекал решеточных приказчиков Земского приказа. Таких массовых рассылок в Новгородском столе не практиковалось, но с отдельными грамотами решеточных приказчиков иногда посылали, например, с грамотой в Великие Луки⁵³⁵.

Рачительность приказного руководства сказывалась и в делах Новгородского стола – грамоты часто отправлялись с оказией, со служилыми людьми новгородских городских чинов, уезжавших из Москвы домой. Псковский пушкарь и торопецкий стрелец везли грамоты: первый в Великий Новгород и Псков, второй – в Великие Луки и Торопец⁵³⁶, “лученин” – в Великие Луки⁵³⁷, псковские приставы, новгородец – во Псков⁵³⁸.

Интересно, что нередко курьеры отправлялись в один регион парами, но с поручением развезти грамоты воеводам разных городов. Так, Ив. Поддубский и Л. Назарьев были направлены с грамотами в города Новгородского разряда, Иван – в Великий Новгород и Псков, Лука – в Великие Луки и Торопец. Следует отметить, что Поддубскому было выдано на прогоны 1 р. 25 а. 2 д., а Луке – 4 р. 5 д., при том, что Новгород и Псков находятся несколько дальше от Москвы, чем Великие Луки и Торопец⁵³⁹. Так же неравноценно была оплачена дорога Ю. Бросина в Великий Новгород и Псков (2 р. 2 а.) и Д. Волкова в Великие Луки (4 р. 4 а. 1 д.)⁵⁴⁰. Еще один пример – прогоны псковского пушкаря до Новгорода и Пскова (30 а. 3 д.) и торопецкого стрельца до Лук и Торопца (1 р. 21 а. 2 д.)⁵⁴¹. “Лученин”, везший грамоты в родной город, получил на подводу 27 а. 2 д.⁵⁴², псковские приставы до Пскова – 15 а. 1,5 д. каждый. От чина курьера оплата прогонов не зависела, так как жилец И. Тутомлин, стоящий на служебной лестнице значительно выше псковского пристава, получил прогонных денег до Пскова ровно столько же, сколько и пристав – 15 а. 1,5 д.⁵⁴³ Возможно, такая неравномерная оплата зависела от качества и трассировки дорог.

Грамоты более важного содержания поручалось перевозить служилым людям более высоких чинов. Так, грамоты к боярину и воеводе Новгородского полка кн. В.Д. Долгорукову в Серпухов “или где съедет”, а чуть позже – в Калугу возил разрядный подьячий И. Костоусов⁵⁴⁴, другой разрядный подьячий М. Ноздрачов – к стольнику Ф.Г. Хрущову. 18 марта с грамотой, адресат и содержание которой не указаны, во Псков был отправлен жилец⁵⁴⁵.

Деловая переписка Новгородского стола с провинцией, как и вообще в Разряде, почти замирала осенью и зимой, и значительно активизировалась весной и летом, с началом перемещений войск и с началом военных

операций. За осень Новгородский стол отправил курьеров с грамотами лишь дважды, зимой ни разу. Основную часть грамот Новгородский стол отправил в июне–августе, особенно активизировавшись с формированием и передвижением к южным границам Новгородского полка.

Прогонные деньги выплачивались и лицам, которые отправлялись с поручениями Новгородского стола. Так, в октябре во Псков был послан стольник П. Протасьев для отпуска с летней службы окольного и воеводы кн. И.Б. Троекурова с товарищами и ратных людей. В дорогу, вероятно, в качестве проводника, со стольником был послан новгородец С. Аничков⁵⁴⁶. В марте к уже назначенному воеводой Новгородского полка стольнику П.В. Шереметеву, во Псков был направлен в товарищи стольник В.М. Дмитриев. Прогонные ему были выплачены до Вышнего Волочка⁵⁴⁷. Стольник М.Е. Челищев выехал в конце мая по распоряжению Новгородского стола во Ржеву “для сысского дела”⁵⁴⁸.

Большая часть поручений, с которыми отправлялись служилые люди из Новгородского стола в 185 г., касалась участия Новгородского полка в боевых действиях на юге страны. В июне первым получило деньги на дорогу до места службы командование полка. 18 июня были выданы прогонные деньги для отправки в Брянск, к месту дислокации Новгородского полка, его воеводы боярина В.Д. Долгорукова. По его чину боярину было позволено взять 20 подвод, денег на них выдано от Москвы до Брянска и обратно “по тарифу” – по 18 а. 3 д. на подводу⁵⁴⁹. Через неделю прогоны до Брянска получил товарищ воеводы, думный дворянин Б.И. Ордин-Нащокин – на полагающиеся ему по чину 12 подвод, за ту же цену (включая обратный путь)⁵⁵⁰. В июне-июле формировался полковой разрядный шатер, прибывал медицинский персонал. Со сторожем И. Сидоровым в полк В.Д. Долгорукова были посланы “на стол сукно да свечи и шанданы и тюшаки”; сторож поехал на одной подводке, его дорога “стоила” 15 а. 1,5 д.⁵⁵¹. В июле полк вместе с командованием по новому распоряжению властей был во Пскове, где и происходило его дальнейшее формирование. Туда в конце месяца выехали на трех подводках “лекарь да лекарственного дела ученик” с сундуком лекарств⁵⁵². Через три дня во Псков на двух подводках отправился подъячий П. Шапкин (Рейтарский приказ)⁵⁵³. В тот же день с наказом для В.Д. Долгорукова и списками ратных людей выехал жилец Б. Юренев⁵⁵⁴. 12 августа во Псков к В.Д. Долгорукову Разряд отправил стольника Д.П. Протасьева “великого государя с милостивым словом и с похвалою и с наказом и с списками”. Дорогу в полк Д.П. Протасьеву, как ранее В.М. Дмитриеву, Разряд оплатил почему-то только до Вышнего Волочка, а обратный путь – от Торжка. Возможно, остальная часть пути должна была оплачиваться из новгородских доходов. Стольник ехал от Москвы до Вышнего Волочка, а обратно от Торжка на десяти подводках. Путь до Вышнего Волочка стоил по 15 а. 1,5 д., а назад – по 11 а. 4,5 д. на подводку⁵⁵⁵.

Затраты на разрядный шатер Новгородского полка и канцелярию Новгородского стола

Естественно, что забота о материальном обеспечении разрядного шатра Новгородского полка также лежала на одноименном столе. В июне-июле для “канцелярии” Новгородского полка Разряд отпустил “из розрядного воску полпуда свеч восковых да на печати воску два фунта”; свечи делал торговый человек Свечного ряда С. Аверкиев. У постоянных поставщиков Разряда были закуплены канцелярские товары и предметы служебного обихода: у М. Микитина (тяглеца Казенной слободы) “куплено и отдано в тот ж полк” 2 пуда 30 гривенок дешевых, сальных свечей (заплачено 3 р. 5 д.), у стрельца С. Софронова ведро чернил “да на те ж чернила боченок” (20 а.), у торговых людей – Овощного ряда С. Назарьева три “шандана медных, два щипца, песочница” (25 а. 2 д.), Ветошного ряда Ф. Иванова два “тюшака” (1 р.), Коробейного ряда В. Иванова “коробья болшая с внутреным замком” (10 а.), Тележного ряда Ф. Яковлева телега с крышкой (1 р. 30 а.).⁵⁵⁶ Любопытен расчет количества свечей на предстоящий летний период – больше 8 кг восковых свечей и почти 45 кг сальных свечей. Кроме перечисленных вещей в полковую канцелярию В.Д. Долгорукова было послано, как уже упоминалось, сукно “на стол”⁵⁵⁷.

Что касается забот о материальном обеспечении собственной “канцелярии”, то Новгородский стол занимался только “офисной мебелью”, то есть сундуками и ящиками, и переплетом документов стола. В отличие от записей о сундуках и ящиках Московского стола, в записях о канцелярском оборудовании Новгородского стола не говорится о предназначении сундуков для дел определенного рода. Во всех записях значится только, что сундуки нужны для дел Новгородского разряда или Новгородского стола. По письмам Новгородского стола сундуки приобретались также у торговых людей Коробейного ряда. Так, 29 марта у торгового человека Коробейного ряда Г. Прохорова был куплен в Разряд на дела Новгородского разряда сундук с замком “окован железом” по цене 1 р. 3 а. 2 д.⁵⁵⁸ Это было самое дорогостоящее и единственное приобретение сундуков для Новгородского стола за год. Кроме этого большого, судя по цене, сундука, Новгородский стол приобрел еще один небольшой липовый ящик. В остальных случаях руководство стола прибегало только к починке старых сундуков, а также к покупке или починке замков к имеющимся сундукам: у торгового человека Замочного ряда Ф. Иванова за 6 а. были приобретены два замка к “сундукам Новгородского розряда”⁵⁵⁹; упомянутому выше Г. Прохорову “за починку сундука и за внутренюю замок да двою петли, да что кровлю у того сундука обил железом, да за ящик липовою, что у него ж взят”, 2 января было уплачено 16 а. 4 д.⁵⁶⁰, а 20 февраля “от починки Новгородского стола сундука” – 6 а. 2 д.⁵⁶¹

Частные предприниматели, торговые люди Коробейного ряда привлекались в Разряде к починке не только сундуков, но другой канцелярской мебели: 28 августа у торгового человека Коробейного ряда Н. Иванова были куплены в Разряд “два замка вислые, да он же в Новгородскомъ столе починил стол – по обеимъ концам збилъ железом, да у сундуков зделалъ передние пробои двой”, получив и за товар, и за работу 10 а.⁵⁶² Записи свидетельствуют также, что у Новгородского стола был свой “собственный” коробейный мастер, с которым преимущественно предпочитали иметь дела – Г. Прохоров.

Естественно, что за переплетом своих документов Новгородский стол следил сам. По его письмам Денежный стол выплачивал деньги переплетчикам. Если документы Московского стола доверено было переплести только двум мастерам – дьяконам И. Иванову и А. Матвееву, то, кроме них, документы Новгородского стола переплетали и другие мастера. Один из них также был священнослужителем – “Успенского Большого собору придельный священник” Иван Стахеев⁵⁶³ (таким образом, место его службы, как и у И. Иванова, было в Кремле), другой – профессионал-переплетчик И. Левонтьев⁵⁶⁴.

Документы в Новгородском столе отдавали в переплет большей частью по мере их составления: 9 сентября оплачены переплеты двух разборных книг и двух наличных списков, костромского и галицкого, разбора 184 г.⁵⁶⁵; 24 сентября – смотренного и разборного списков полка Ю.А. Долгорукова с товарищами 179 г. и крестоприводной книги 184 г. (за все заплачено 30 а.)⁵⁶⁶; 20 октября – записной книги Новгородского стола (год не указан, очевидно, 184-й)⁵⁶⁷, 2 декабря – записной книги отпискам и памятям 184 г.⁵⁶⁸, 23 января – Новгородского разряда смотренный список 184 и текущего годов “да роздаточных книг луцких стрелцов и казаков”⁵⁶⁹, 22 марта – смотренный список Новгородского полка 184 и 185 гг.⁵⁷⁰

Висячий замок.

(Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в.
// Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып.3.).

В Новгородском столе также реставрировали старые документы – “починку” “подлинных” списков Новгородского полка городов “тверич, новоторжцов, старичан, лучан, торопчан, ржевич, зубчан” осуществил дьякон А. Матвеев⁵⁷¹. Практически всегда материал для переплета – “приклад” – приобретали сами переплетчики, и цена его входила в стоимость оплаченных Разрядом работ. Но в некоторых случаях материалы приходилось покупать сотрудникам Разряда. Например, в июле по письму Новгородского стола у торгового человека А. Васильева были куплены “к двум записным книгам отписок нынешняго 185-го году сентябрьские и мартовские половинны на переплет кожи красной да двои доски да две связки клею”⁵⁷². Таким образом, в Новгородском столе отписки записывались в книги по кварталам и отдельно переплетались по мере завершения квартала. Такой практики в Московском столе не было, отписки в нем переписывались в единую годовую книгу. Возможно, в каждом столе существовал свой стиль работы, принесенный руководителем стола.

Оплата “посылок” по делам Новгородского стола

Естественно, что Новгородский стол следил за оплатой тех поручений, которые исполнялись по его распоряжениям. Так, подьячему П. Шапкину (Рейтарский приказ), командированному на службу в Псков, в полковую канцелярию В.Д. Долгорукова, помимо прогонов, по распоряжению Новгородского стола был выплачен “для службы” его годовой оклад, 8 р.⁵⁷³

Кроме того, в специальном ведении Новгородского стола находились служилые люди, которые служили по городам Новгородского разряда. Ответственность стола за “своих” людей распространялась на все стороны их жизни. Например, по его письму торопецкому стрельцу К. Туренинову были выплачены из Разряда деньги “на погребение и на помин товарища ево торопецкого ж стрелца Филки Лутова”, очевидно, скончавшегося в Москве. Денег было выделено значительно больше, чем на погребение пленных татар (см. ниже) – 16 а. 4 д.⁵⁷⁴

В ведении Новгородского стола находились и выездные иноземцы, прибывающие в Россию через города Новгородского разряда. По распоряжениям из этого стола им выплачивались деньги “на корм”, к примеру, выездному шляхтичу Ивану Решевскому 6 а. 2 д.⁵⁷⁵, выездному же шляхтичу Яну Костюковнею, “которой прислан из Пскова”, 16 а. 4 д.⁵⁷⁶

Выплата прогонных денег

По письмам из Приказного стола также оплачивались транспортные расходы служащих, ездивших из Москвы по поручениям стола. Поскольку в Приказном столе была сосредоточена судебная и пенитенциарная деятельность Разряда, большая часть командировок из него была связана с сопровождением заключенных по делам Разряда или с розыском сбежавших колодников, с доставкой служилых людей для суда в Разряд. К исполнению этих задач привлекали прежде всего разрядных детей боярских, поскольку функции судебных приставов и были их прямой обязанностью. Так, сразу трое разрядных детей боярских, Степан и Иван Поддубские и Дмитрий Волков, были отправлены 1 ноября “по розным дорогам в погонь за колодникомъ за недрыгаиловскимъ черкашенином за Миткою Торкмышом”⁵⁷⁷. 8 декабря Д. Волков снова был отправлен из Разряда, теперь уже сопровождать колодников в Ярославль⁵⁷⁸. Разрядному сыну боярскому Игнатию Поддубскому, занимавшему среди своих коллег одно из первых мест, было поручено доставить в конце июля в Разряд из Можайска стольника И.И. Боборыкина. Полученные на дорогу прогонные деньги было “велено ему взять на Иване Боборыкине втрое и привести к Москве в Розряд. ... И те прогонные денги на Иване Боборыкине втрое взяты и в приход записаны” 18 августа⁵⁷⁹. Разрядный сын боярский Б. Булатов сопровождал в Суздаль колодника, суздальского пристава О. Дмитриева; кроме того, он вез с собой грамоту суздальскому воеводе. На одну подводку с обратной дорогой ему было выдано в Денежном столе 16 а.⁵⁸⁰

Сопровождать колодников поручали не только служащим Разряда, особенно, если колодников доставляли в Разряд издалека. В октябре два путивльских стрельца получили вознаграждение – по гривне человеку – за доставку в Москву колодников из Путивля (следует отметить, что прогонные деньги в Разряде им выплачены не были)⁵⁸¹.

По письмам Приказного стола служилые люди отправлялись из Разряда в города и с грамотами. К сожалению, во многих записях книги содержание этих грамот не раскрыто. Иногда не указано даже, в какой город послан курьер, как например, в записи от 13 декабря о посылке с грамотой разрядного сына боярского И. Щелкунова. Эта запись содержит и еще одну загадку. На транспортные расходы И. Щелкунову были выданы, как водится, прогонные деньги, причем довольно крупная сумма, 1 р. 18 а. 4 д. (возможно, командировка была в отдаленный город). Но далее следовало предписание: “А как он, Илья, ис той посылки приедет и у него то число денег велено взять в государеву казну по прежнему”. И. Щелкунов деньги вернул, хотя далеко не сразу: “И те денги у того сына боярского взяты и в приход запи-

саны августа в 20-м числе в приходной книге нынешняго 185-го году в неокладных доходах”⁵⁸². По приведенному примеру и по другим записям видно, что с грамотами в города из Приказного стола часто отправляли детей боярских – Г. Попова (в Галич)⁵⁸³, Ив. Поддубского (в Ярославль)⁵⁸⁴. Кроме того, подобные поручения, как и в других столах, исполняли молодые разрядные подьячие: С. Худяков отвозил грамоту в Великий Новгород (прогонных денег 27 а.)⁵⁸⁵, Т. Никонов – в Вязьму (прогонов 16 а.).

Как и Московский стол, Приказный для одновременной рассылки большого количества грамот привлекал решеточных приказчиков Земского приказа и московских стрельцов. Так, 30 декабря по письму Приказного стола Денежный стол выплатил прогонные деньги десяти решеточным приказчикам Земского приказа, отправленным “из Розряду с грамотами в розные городы”. Ни содержание грамот, ни города в записи не указаны, но скрупулезно перечислены имена приказчиков и выданные каждому суммы⁵⁸⁶. В последний день года из Приказного стола в действующую армию с грамотами были отправлены стрелец приказа Н. Головленкова и три решеточных приказчика: стрелец в полк В.В. Голицына, приказчики в полки П.И. Хованского и в города Новгородского полка – в Великий Новгород и Псков и в Торопец и Великие Луки, причем деньги на обратную дорогу получили только решеточные приказчики⁵⁸⁷. Путь до Новгорода и Пскова, как обычно, “стоил” много дешевле пути до Торопца и Великих Лук – 30 а. 3 д. плюс обратный путь 23 а. 3 д. и 3 р. 12 а. соответственно.

Затраты на канцелярию Приказного стола

Приказный стол, как и Московский и Новгородский столы, не занимался регулярной закупкой канцелярских принадлежностей для своих нужд, а только приобретал и чинил мебель и переплетал документы стола. Большое внимание в Приказном столе уделяли тюфякам: в ноябре торговый человек Ветошного ряда С. Ермолов починил в столе старый тюфяк за 6 а. 4 д.⁵⁸⁸, а в апреле приобрели новый за 15 а., причем не у москвича, а у “ржевитина мастерового человека Ермолки Иванова”⁵⁸⁹. Из главной “офисной мебели”, сундуков и других емкостей, в Приказный стол была куплена за 6 а. 4 д. “на дела, которые присланы в Розряд ис приказу Сыскных дел, коробья з замкомъ” у постоянного поставщика Московского стола, Коробейного ряда торгового человека И. Черного⁵⁹⁰. Следовательно, как и в Московском столе, в Приказном сундуки, ящики и коробьи служили своеобразными делопроизводственными отделами стола. Старую мебель, как и в других столах приказа, чинили, подновляли: торговый человек Коробейного ряда Д. Иванов “починивал в Приказном столе сундук, обивал железом, да стол”, получив за работу 6 а. 4 д.⁵⁹¹. Как упоминалось выше, на еду на день выплачивалось: заключенным по 3 д., простым стрельцам по

4 д., десятникам по 5 д. человеку. Следовательно, дневной заработок в 6 а. 4 д. можно считать не богатым, но вполне удовлетворительным.

Запись об отдаче документов в переплет из Приказного стола имеется только одна за год – это список кормовщиков 185 г. (переплетен 2 июля). Трудно сказать, почему не отмечен переплет других документов, хотя Приказный стол имел обширное делопроизводство. Работу выполнил один из постоянных мастеров-переплетчиков разрядных документов, дьякон собора Александра Невского И. Иванов⁵⁹².

Затраты на содержание заключенных

Как уже отмечалось, в Приказном столе была сосредоточена пенитенциарная деятельность Разряда. В частности, в обязанности Приказного стола входило следить за выдачей денег на продовольствие заключенным в тюрьму по делам Разряда. В тюрьме по ведомству Разряда сидели как плененные на южных границах турки и татары, так и русские, арестованные по разрядным делам. Содержание разных категорий колодников было различным. Наибольший респект оказывался грозному противнику: пленным “турченямъ Израилку Алтынову, Асанку да Магометку Магометовым” на корм выплачивалось по гривне (3 а. 2 д.) человеку⁵⁹³. Крымским татарам, даже тем, которые были “взяты для крещенья”, но, правда, посланным “по прежнему на тюремный двор”, полагалось всего по 2 д. человеку на день; сидеть им предстояло еще почти две недели, с 28 февраля по 12 марта⁵⁹⁴. Немного больше получали свои, русские сидельцы – по 3 д. на день человеку. Деньги на питание русским заключенным выплачивались на неделю: например, 4 июля было выдано “тюремным сиделцом, которые сидят по розрядным делам, шести человеком на корм с сего числа вперед на неделю по три денги на день человеку”⁵⁹⁵.

Интересно отметить, что заключенные-иноземцы почти всегда указывались в записях поименно, из русских же сидельцев именовался только главный (или первый) из них, а к его имени присовокупляли общее число “товарищей” – “Федка Кузмин с товарищи шесть человек”⁵⁹⁶, “Артюшка Григорьев с товарищи шесть человек”⁵⁹⁷, “Андрюшка Данилов с товарищи четыре человека”⁵⁹⁸. Кроме того, в отличие от татар, русским сидельцам деньги “на корм” часто выплачивались задним числом – 17 июля за неделю с 11 по 18 июля⁵⁹⁹, 23 июля за неделю с 11 июля⁶⁰⁰, 2 августа за неделю с 24 июля⁶⁰¹, 12 августа “с того числа, по которое им наперед сего дано вперед на неделю”, то есть с 31 августа⁶⁰², 18 августа за неделю с 5 августа⁶⁰³, 25 августа опять же “с того числа, с которого дано им наперед сего вперед на неделю”⁶⁰⁴.

В числе прочего в обязанности Приказного стола входило захоронение пленных татар, доставленных для допросов в Разряд и умерших в тюрьме. Сумма, тратившаяся на погребение татарина всегда была одинаковой –

6 а. 4 д. В записи обязательно указывалось имя умершего, например, “крымской взятой татарин Есенеика Кокоев”⁶⁰⁵. За 185 г. в тюрьме скончалось тринадцать плененных татар⁶⁰⁶. Судя по записям, пленные татары содержались не при Разряде, а в отдельной, возможно, общей для всех приказов, тюрьме: в записи о захоронении одного из татар сказано, что он был “отослан на тюремной двор из Разряду”⁶⁰⁷. Выше упоминались крымские татары, отосланные на тюремный двор “по-прежнему”. При этом тюремном дворе существовала своя канцелярия – приказная изба, в которой был как минимум один подьячий, занимавшийся погребением заключенных, – “тюремного двора приказные избы подьячий Устин Сорокин”⁶⁰⁸. Именно ему по письму Приказного стола выдавались деньги из разрядной казны на погребение татар.

Любопытно различие формулировок в записях о захоронении русских и татар. Как отмечалось выше, торопецкому стрельцу были выданы деньги из Разряда “на погребение и на помин товарища ево”⁶⁰⁹. О захоронении татар сообщалось в следующих выражениях: дано 6 а. 4 д. на такого-то, “чем ево в землю закопать”⁶¹⁰, “чемь ево загресть”⁶¹¹.

Выплаты раненым и полоняникам

В Приказный стол от городских и полковых воевод поступали отписки о раненых и убитых служилых людях, на основании которых в столе составлялись списки и книги раненым, полоняникам (то есть русским, вышедшим из плена). В Приказном же столе раненых и полоняников осматривали и допрашивали, на основании чего им выдавались деньги на лечение и возмещение морального и физического ущерба за плен – так называемые деньги “за полонное терпение”. Так, “коротояченин Яковлева полку Лесли салдат Яков Федосов за рану в приказ” получил 16 а. 4 д.⁶¹² 7 февраля были выплачены деньги семнадцати “усмонским станишником за службу и раны, что они в 184 году в усмонских крепостях с воинскими людьми с колмыки билис и на том бою ранены”. Денежная сумма за ранение зависела от его тяжести – из усманских станичников восемь человек получили по 10 а., еще восемь – по 8 а. 2 д. и один 6 а. 4 д.⁶¹³. Деньги за пребывание в плену тоже давались разные, в зависимости от времени, проведенного в плену, и испытанных лишений: “полонянику усердину реитарскому сыну Гришке Евсевьеву сыну Медведеву” была дана крупная по тому времени сумма – 2 р.⁶¹⁴, а “выходцу из полону севченину Филке Еремееву” – 16 а. 4 д.⁶¹⁵

Только что вышедшим из плена предоставлялась, независимо от чина, определенная сумма на питание: служилому по отечеству “поляннику”⁶¹⁶ ефремовцу сыну боярскому Анике Володимирову сыну Тетюрену, который вышел из полону сего числа государева жалованья на корм” дано 3 а. 2 д.⁶¹⁷.

Такая же сумма была выплачена “на корм” служилому по прибору, “выход-цу ис полону стрелцу Васильева приказа Пушечникова Левке Потапову”⁶¹⁸.

Кроме того, служилый человек получал деньги за убитых и раненых близких родственников – отца, братьев⁶¹⁹. Это не было “пособием по утра-те кормильца”, поскольку получал его взрослый, годный к военной службе и несущий эту службу мужчина. Такие выплаты считались возмещением убытков семьи, моральных и материальных, понесенных на государственной службе. В те времена Русское государство, очевидно, находило это необходимым и исполняло свой долг перед служилыми людьми, а также могло изыскать средства на выплату этого долга. Финансовая поддержка оказывалась прежде всего беднейшим слоям служилых людей – городовым служилым по отчеству и по прибору.

Специальной премией отмечалась доставка в Разряд “языка”, особенно когда служилый человек сам брал его. С активизацией военных действий таких случаев становилось больше. 1 июля двумя рублями был награжден валуйский полковой казак, присланный “с Валуики” со взятым крымским татаринном, “а на бою того татарина взял он ж”⁶²⁰. Меньше чем через неде-лю, 7 июля, из полка Г.Г. Ромодановского был прислан “волуиских казаков атаман Григории Асеев” со взятым крымским татаринном. Несмотря на бо-лее высокий чин премия была меньшей – 16 а. 4 д., так как “языка” взял не он⁶²¹. Поскольку потеря родственников, ранения и взятие “языка” были не-редкими явлениями, случалось, что служилый человек получал сразу не-сколько государственных пособий и премий разных видов. Так, “козловцу Лариону Антипову сыну Утешеву за службу и смерть брата Ивана и за взя-тых калмыков, что он в Козловском уезде в 184 году взял двух человек”, было выплачено по распоряжению Приказного стола 2 р.⁶²²

Вызывает вопросы запись о вознаграждении двумя рублями по письму Приказного стола валуйского пушкаря, присланного “с Волуек с вестовы-ми отписками о воинских людех”⁶²³, – военные дела южных городов нахо-дились в ведении Московского стола, а пушкарки не принадлежали к служи-лым людям специальных видов (как казаки, черкасы южных городов, станичники, сеунщики, ездоки, вожи), которых ведал Приказный стол.

17 марта по помете на письме Приказного стола двум челобитчикам из донских казаков была выдана довольно большая сумма – по 3 р. челове-ку⁶²⁴. Три с половиной месяца спустя этим же казакам, М. Чегликову и А. Гончарову, “в зачот в годовое жалованье на 185-й год против их бра-тьи к прежней их даче” к трем рублям первому было выплачено 6 р., второ-му – 4 р.⁶²⁵ Очевидно, жалованье казаки получали по распоряжениям из Приказного стола. С другой стороны, как мы видели раньше, Московский стол также выплачивал вознаграждения челобитчикам – донским казакам. Возможно, четкого разграничения в этом вопросе между столами не было, но скорее всего, нам не достает информации по каждому конкретному случаю.

В компетенцию Приказного стола входило также обеспечение продовольствием иноземцев – выходцев в Россию (кроме выходцев в города Новгородского разряда) в первое время их пребывания на территории государства, до того, как они зачислялись в какую-либо русскую службу (в отличие от кормовых денег в качестве жалованья за службу, которые выплачивались иностранным военным специалистам по письмам Московского стола). Соответственно, распоряжение о выдаче им “корма” поступало в Денежный стол из Приказного. Сумма, выплачиваемая “на корм” одному выезжему иноземцу-поляку, была строго установленной – 3 а. 2 д. Именно столько в октябре по письму из Приказного стола Денежный стол выплатил “выезжему иноземцу Полские земли”⁶²⁶, в июле двум “выезжим переезщиком шляхте”⁶²⁷. Деньги, которые платили в день выезжим татарам, были меньше, но их платили в течение более долгого времени: так, денежное жалованье назначено было крымскому выезжему татарину “Умеру Каракаеву на корм августа с 1 сентября по 1 число 186 году по алтыну на день, да ему же для праздника Успения пресвятыя Богородицы в приказ” 3 а. 2 д.⁶²⁸ Возможно, У. Каракаев был знатного рода и отбывал “указный” срок перед крещением, что объясняет выплату мусульманину денег в честь православного праздника.

Денежный стол

Выплата прогонных денег

Как и все столы Разряда, Денежный также отправлял по своим делам служилых людей в командировки и, естественно, выплачивал им прогонные деньги. Большая часть прогонов была выдана Денежным столом курьерам, отправленным по поручениям стола с грамотами в разные города. Выбор курьера, как и в других столах приказа, зависел от содержания грамоты. В числе прочего Денежный стол занимался сбором окладных и неокладных доходов с территорий, подведомственных Разряду. В рамках своей компетенции этому столу нередко приходилось рассылать большое число грамот одновременно для побуждения местных властей к сбору денег. Поэтому Денежному столу для рассылки грамот часто приходилось обращаться к решеточным приказчикам Земского приказа и приставам двух московских

приказов – Новой чети и Холопья суда. Например, 15 июня деньги на ямские подводы (включая обратный путь) были выплачены решеточным приказчиком Земского приказа и приставу приказа Холопья суда, отправленным с грамотами “в города о взятые московского чину за путивльские неты 184 и 185 годов на крестьянех и бобылях” по 1 р. с двора, причем, как обычно в подобном случае, “те прогонные денги в тех городех велено доправить по розвытке московского чину на крестьянех, на которых велено взять рублевые денги, и прислать те денги к Москве”⁶²⁹. Еще одна рассылка таких же грамот (с обязательным возмещением прогонов, туда и обратно, на крестьянах нетчиков) силами решеточных приказчиков Земского приказа и приставов приказа Новой чети состоялась в начале августа⁶³⁰. В отличие от других столов, Денежным столом нередко практиковалась отправка решеточных приказчиков и приставов указанных приказов и по одному человеку с грамотами в группу городов одного направления. Так, по письму Денежного стола были посланы из Разряда с грамотами – в Клин, Тверь и Псков решеточный приказчик на одной подводе, выплачено, с обратной дорогой, 27 а.⁶³¹; в Коломну, Переяславль Рязанский, Шацкий, Ряжский и Данков приказчик на одной подводе, оплачено, с обратной дорогой, 1 р. 27 а. 1 д.⁶³²; в Дмитров, Кашин и Бежецкий Верх пристав приказа Холопья суда, выплачено, с обратной дорогой, 1 р. 18 а. 4 д.⁶³³

Разрядные дети боярские отправлялись с грамотами из Денежного стола обыкновенно в какой-либо один город, по конкретному делу и с большими, чем у приказчиков и приставов, полномочиями: Б. Булатов в Мосальск⁶³⁴, Г. Попов – во Владимир⁶³⁵, в Курск и Белгород⁶³⁶. Составить представление о содержании подобных грамот и полномочиях разрядных детей боярских, возможно, поможет запись о командировке Г. Попова в Курск и Белгород. Очевидно, речь в грамоте шла о наказании за должностные преступления служащих белгородской приказной избы, поскольку полученные Г. Поповым в Денежном столе прогонные деньги он должен был, “в Белегороде доправя на дыке на Сидоре Скворцове да на подьячихъ на Иване Лихвинцове да на Алексее Попове, прислать к Москве”⁶³⁷.

Поручение Денежного стола разрядному сыну боярскому могло вообще не быть связано с курьерской службой: 6 августа Б. Булатов был послан по поручению Денежного стола в Каширу “для сыску”, очевидно, по финансовым вопросам, жильца И. Кашина с предписанием доправить 5 а. 3 д. прогонных денег на ответчике. Видимо, всей суммы Б. Булатову доправить не удалось, так как в той же записи значится, что 19 августа по отписке с Каширы “тех денег” прислано 4 а. 3 д. “и в приход записаны в приходной книге по моеи Васильеве руке” (то есть в приход начальника Денежного стола В. Степанова)⁶³⁸. Обращает на себя внимание тот факт, что по делам Денежного стола отправлялись обычно двое из разрядных детей боярских – Г. Попов и Б. Булатов, возможно, более сведущие в денежных вопросах, чем другие их коллеги.

Финансовые дела более значительные поручались разрядным подьячим. Так, молодой подьячий А. Топильский был направлен по распоряжению Денежного стола в Козлов с грамотами о высылке в Разряд козловских таможенных и кабацких верных голов с целовальниками текущего года.

Полученные им в Денежном столе деньги на две подводы от Москвы до Козлова и назад в сумме 1 р. 29 а. 4 д., было “велено ему, Алексею, доправить в Козлове на верных головах, привесть с собою к Москве”. Позже к этой записи за 11 июля была сделана приписка: “и те денги на головах доправлены и в приход записаны августа в 19 числе в приходной книге нынешняго 185-го году в неокладных доходах по руке подьячего Василья Степанова”⁶³⁹, из чего следует заключить, что А. Топильский проявил твердость и все затраченные на дорогу деньги вернул. Следует отметить, что и А. Топильский не первый раз привлекался руководством Разряда к делам финансового характера. Весной этого же года он вместе подьячим И. Юдиным и конвоем из московских стрельцов сопровождал в Белгородский и Севский полки соболиную казну, предназначенную на жалованье ратным людям (10 апреля)⁶⁴⁰. В августе с грамотами из Денежного стола был отправлен в Белев и Орел другой подьячий Разряда – Я. Соколов, на положенных ему двух подводах, прогонных денег, с обратной дорогой, он получил 2 р. 15 а. 2 д.⁶⁴¹

Обращает на себя внимание то, что Денежный стол не посылал с оказиями городских служилых людей. Очевидно, финансовые дела, как особо ответственные, нельзя было доверить лицам ниже определенной чиновной категории или не принадлежавшим к государственным управленческим структурам.

Среди расходов, сделанных по распоряжениям Денежного стола, значатся выплаты денежных пособий служилым людям – валуйскому пушкарю, присланному из Валук в Разряд с отпиской (ему дано на корм “стандартные” 3 а. 2 д.)⁶⁴², и “выходцу из полону севченину Филке Еремееву” “в приказ” 16 а. 4 д.⁶⁴³ Оба служилых, как и основания для выдачи денег, не подлежали компетенции Денежного стола. Можно только предположить, что для этих “вневедомственных” выплат существовали свои причины.

Как финансовый отдел приказа, очевидно, именно Денежный стол (в записях это не указано) занимался перерасчетами денег, выплаченных из разрядной казны государственным служащим, и, в частности, возмещением неправильно взятых пеней. Три месяца понадобилось воеводе города Доброе Л. Дубенскому, чтобы доказать несправедливость возложенного на него штрафа. 14 января по помете на челобитной начальника Разряда В.Г. Семенова Л. Дубенскому были возвращены 20 р., “что на нем то число денег доправлено было пени и в приход записано 13 октября нынешняго 185-го году по руке подьячего Василья Степанова за поноровку, что он на добринских таможенных и кабацких верных головах прошлых лет недоборных денег не доправил многое время”⁶⁴⁴. Гораздо больше времени, чтобы восстановить справедливость (или чтобы заслужить прощение), потребовалось бывшему елецкому воеводе И.Г. Чернышову, но сумма стоила стараний. 24 марта состоялось решение царя по подписной челобитной И.Г. Чернышова (помета о нем была сделана думным дьяком Г.К. Богдановым). Однако распоряжение начальника Разряда думного дьяка В.Г. Семенова об исполнении этого решения последовало через два дня, 26 марта, после составления в приказе выписки по делу. По помете на выписке В.Г. Семенова И.Г. Чернышову из Денежного стола были выплачены 100 р., “что у него, Ивана, то число денег на Елце доправлено и к Москве прислано во 182-м году за ево, Иванова, ослушанье и за невысылку с Елца на Воронеж для стругового дела лну”⁶⁴⁵.

Самому Денежному столу, как и другим, требовалась канцелярская мебель: сундуки, коробья и прочее. И здесь среди продавцов встречаются знакомые имена. Торговый человек Коробейного ряда И. Чермной поставлял сундуки, ящики и коробья и в Денежный стол Разряда. 16 ноября кроме липового сундука “донского отпуску на книги и на столпы” (за 1 р. 20 а.), который был взят в Московский стол, И. Чермной продал дубовый сундук за 26 а. 4 д. в Денежный стол⁶⁴⁶. У него же была приобретена в Денежный стол “коробья з замком” ценой в 6 а. 4 д.⁶⁴⁷, а на следующий день он продал в Денежный же стол “ящик липовои”, стоивший ровно столько же, сколько “коробья”, – 6 а. 4 д.⁶⁴⁸. Как и в других столах, в Денежном сундуки чинили, причем те же продавцы: 5 октября торговый человек Коробейного ряда “починил в Розряде в Денежном столе у сундука замок и к нему прибрал ключ”; вместе с купленными у него же щипцами починка замка и ключ стоили 10 а.⁶⁴⁹ Гораздо дороже обошелся Денежному столу ремонт двух сундуков, то есть столярные работы торгового человека Коробейного же ряда – 1 р. 6 а. 4 д.⁶⁵⁰. Кузнечные работы, очевидно, стоили дешевле столярных: например, “замок глездун” к сундуку Денежного стола стоил 10 а.⁶⁵¹

Как уже говорилось выше, приказная канцелярская мебель была универсальной, потому что была мобильной: сундук или ящик из приказа мог стать тарой для перевозки ценного груза – документов или денег. В июле Денежному столу потребовался “ящик липовои... вместо того ящика, что послан з золотыми червонными с стольником и полковником Александром Карандеевым”. Судя по цене – 13 а. 2 д. – ящик был большим, скорее всего, с замком⁶⁵².

Поскольку Денежный стол имел свою специфику – счетные дела различного рода, то для работы ему требовались особые приспособления, которые не покупались в другие столы, в частности, весы: 20 июля по письму Денежного стола были куплены у торгового человека Овощного ряда С. Назарьева “в Денежной стол вески”⁶⁵³. Для хранения денег также был приобретен специальный крепкий сундук с прочным запором: у торгового человека Коробейного ряда И. Иванова за 23 а. 2 д. был куплен “ящикъ дубовои з замком и с пробой, в чем держат денги”⁶⁵⁴.

Переплетные работы для Денежного стола осуществлял “штатный” переплетчик Разряда дьякон собора Александра Невского Иаков Иванов. Судя по тому, что 28 марта, то есть в начале второго полугодия, ему были выплачены деньги “за переплет и за работу приходных книги 185-го году, что та книга переплетена вместе с доимкою”⁶⁵⁵, книги в Разряде переплетались и незаконченными, в процессе работы с ними. Можно также предположить, что в 185 г. было принято решение дать переплет всем приказным документам сводного характера, и книгам, и спискам, поэтому наряду с переплете-

нием книг и списков текущего года отдавались в переплет книги прошлых лет. В апреле дякону И. Иванову была выплачена большая для этих работ сумма – 1 р. 8 а. 2 д. – за переплет четырех приходных книг 181, 182, 183 и 184 гг. “да пятой доимочной” 180 г.⁶⁵⁶

Приобретение письменных принадлежностей для Разрядного приказа

Как уже упоминалось, заявки других столов Разряда на приобретение канцелярских принадлежностей были эпизодическими, причем касалось это в основном одного по вытъя Московского стола – “боярского списка”. Все “орудия труда” приказным служащим в централизованном порядке обеспечивал Денежный стол. Естественно, что больше всего в работе расходовалось **чернил**, их и покупали чаще всего. Чернила приобретали двух сортов – “росхожие”, то есть простые, для подъячих и лучшего качества для дяков. Простые чернила изготовляли из чернильных орешков (дубовых галлов – наростов), железного купороса (который делали из старого железа, например, гвоздей, подков, обручей и т.п.), клея и воды. Для этого орешки толкли в порошок и, сыпав в стеклянную бутылку, заливали водой. В другом сосуде (сосудах) растворяли железный купорос и клей, вместе или порознь. Порошок из орешков должен был настаиваться несколько дней, чтобы вода извлекла из него все дубильное вещество. Затем оба раствора сливали вместе, хорошо перемешивали и, дав постоять день или два, осторожно сливали, чтобы отделить жидкость от осадка. Чернила для подъячих покупали почти всегда в одном и том же объеме, по два кувшина, и всегда по одной цене – по 5 а. за кувшин. Чернила, очевидно, покупали в розлив, и приходиться за ними к продавцу надо было со своей тарой. Трудно сказать, почему но в книге нет записей о покупке чернил и других канцелярских принадлежностей за сентябрь. В течение же всего остального года чернила для подъячих всего приказа – “на приказной расход”⁶⁵⁷, “на розрядные расходы”⁶⁵⁸ – покупали в среднем раз в неделю (следует напомнить, что в Разряде одновременно трудилось около 150 человек). Иногда чернила кончались раньше, тогда после “досрочной” покупки следующая делалась позже обычного срока. Например, после обычной, “плановой” покупки 28 ноября⁶⁵⁹ следующая была сделана через четыре дня, 1 декабря⁶⁶⁰. В очередной раз чернила купили уже через десять дней, 11 декабря⁶⁶¹. Большой перерыв в приобретении канцелярских товаров, в том числе чернил, был сделан в апреле. После 1 числа следующая покупка состоялась только 22 апреля⁶⁶², что объясняется пасхальными каникулами, пришедшимися в 185 г. на неделю с 15 по 21 апреля. По всей видимости, после отдыха подъячих ждал огромный объ-

ем работы, потому что в первый же рабочий день чернила были закуплены в двойном размере – 4 кувшина. Их хватило на 12 дней. Видимо, руководство Разряда предполагало сохранение прежней интенсивности работы, потому что в следующий раз, 4 мая, снова было приобретено четыре кувшина чернил⁶⁶³. Но ожидания не оправдались, и чернил хватило на 20 дней, а очередные два кувшина, купленные 24 мая⁶⁶⁴, израсходовали еще через 19 дней⁶⁶⁵, после чего закупки чернил снова стали производиться с обычной регулярностью, раз в неделю. Возможно, большой расход чернил в конце апреля – начале мая объясняется массовой рассылкой грамот в города с указами служилым людям выезжать в полки на южную Украину.

Чернила для дьяков были лучшего качества, их называли “дьячьими добрыми”⁶⁶⁶ или “добрыми уставными”⁶⁶⁷. В обыкновенных чернилах красильное вещество – из вытяжки чернильных орешков – находилось в мельчайших частицах, плавающих в жидкости. Для “добрых” же чернил толченный орешек настаивали в растворе уксуса в течение 4-6 дней, в результате чего осадка почти не образовывалось – кислота растворяла и поддерживала в растворенном виде красильное вещество. Впрочем, это оборачивалось и недостатком “дьячьих” чернил – они быстро высыхали, из-за чего образовывали на перо густую массу, и перо приходилось протирать тряпочкой. (Возможно, поэтому дьяки старались писать быстро, и почерки их так неразборчивы). “Добрые” чернила, как и простые, покупали для всех дьяков сразу, “на приказной росход”⁶⁶⁸, всегда в одинаковом объеме – четвертной скляницей – и тоже за одну цену – по 23 а. 2 д. за скляницу. Чернила для дьяков покупали реже, чем для подьячих – примерно раз в месяц, обычно в его начале. Не отмечено покупок чернил для дьяков только в сен-

Письменные принадлежности.

(Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в.
// Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып.3.)

тябре, ноябре, апреле и июле. Видимо, и дьячьи чернила продавались в розлив, так как в записи о покупке скляницы дьячьи чернил особо отмечено приобретение Разрядом “на те ж чернила четвертной скляницы” по цене 6 а. 4 д. у продавца чернил С. Назарьева⁶⁶⁹.

Чернила Разряд брал только у постоянных поставщиков – тяглеца Воронцовской слободы Е. Родионова, “головы московских стрельцов Григорьева приказу Титова у стрельца Сидора Софронова” и у стрельца того же приказа С. Иванова. Интересно, что в начале года, в октябре, Разряд покупал чернила у Е. Родионова и С. Иванова по очереди, через неделю. В середине ноября С. Иванова заменил С. Софронов, также продавая чернила Разряду в очередь с Е. Родионовым. С середины декабря до конца года единственным поставщиком чернил в приказ стал С. Софронов, за исключением весенних месяцев, с начала марта до конца мая, когда его сменил Е. Родионов. Был случай, когда сам продавец не смог по каким-то причинам осуществить сделку, и тогда вместо него это сделала его жена: чернила были куплены “у стрелчихи у Сидорковы жены Софронова у Катеринки Евсевы дочери”⁶⁷⁰.

Чтобы чернила быстрее просыхали, их посыпали *песком*. Песок в Разряд тоже покупали. Видимо, самый чистый и мелкий песок в ближних окрестностях столицы был с Москвы-реки около Воробьевых гор – именно оттуда местные крестьяне и нанятые извозчики привозили его в Разряд. Песок в 185 г. покупали три раза, зимой и в начале весны, и сразу много, возами. Для канцелярских нужд брался песок двух сортов, белый и красный, они различались по степени гигроскопичности. 4 декабря за привоз в Разряд четырех возов “песку белого да красного села Воробьева крестьянину” Ф. Яковлеву было уплачено 16 а. Высокая по сравнению с последующими закупками цена этого песка могла объясняться тем, что один из видов песка был дороже, а также тем, что добывать его в зимнее время было труднее⁶⁷¹. 10 марта “Воробьевы горы крестьянин Ивашка Минич” привез в Разряд “песку два воза” за 10 а.⁶⁷², а 23 марта “извозчику Данилку Семенову за привоз с Воробьевы горы в Розряд трех возов песку” было уплачено из Денежного стола также по 5 а. за воз⁶⁷³.

Среди записей о затратах Денежного стола на канцелярские товары помет о покупке *бумаги* немного. Возможно, это объясняется тем, что бумагу закупали сразу большими партиями. 1 января у торгового человека Овощного ряда К. Лукина была совершена оптовая закупка бумаги для нужд Разряда: “пищеи бумаги шездесять стоп меншой, шездесять ж стоп средней да восемь десятъ стопъ болшой руки”. За первую было уплачено по 28 а., за вторую – по 30 а., за третью – по 1 р. за стопу, всего расход на бумагу составил значительную сумму – 184 р. 13 а. 2 д.⁶⁷⁴ В середине августа небольшое количество бумаги было куплено для нужд самого Денежного стола – “на приходную книгу стопа бумаги доброй” у торгового человека Овощного ряда С. Назарьева⁶⁷⁵. Но в торговых рядах покупать бумагу было дорого из-за наценок на транспортные и торговые расходы, поэтому при закупке бумаги мы наблюдаем нечастый случай использования государственных структур для приобретения необходимых самой “канцелярии” приказа товаров (а не, например, вооружения для армии). Почти половину

необходимого объема бумаги Разряд через Денежный стол заказал в Новгородском приказе, который приобрел ее, как сказано в разрядной книге, “у города” Архангельска – возможно, напрямую у иностранных или русских торговых людей. 30 июня по указанию В.Г. Семенова в Новгородский приказ было послано “к прежней посылке” 184 г. (сумма не указана) еще 100 р. “ис приему подъячего Василья Степанова, велено на те денги и прежние посылки на достолные денги купить у города Архангелского пищие бумаги на розрядные дела, и тое бумагу из Новгородского приказу велено прислат в Розряд”⁶⁷⁶. О присылке бумаги на эти деньги в записях 185 г. не упоминается. Но 2 января, видимо, на деньги, посланные ранее, по памяти из Новгородского приказа за приписью дьяка Е. Украинцева было “прислано в Розряд пищие бумаги 119 стоп, которая куплена у города Архангелского на розрядные денги по 23 алтына 2 денги стопа, итого 80 рублей 10 алтын. И по помете на той памяти думного дьяка Василья Семенова велено ту бумагу, приняв, держат в Розряде в расход”⁶⁷⁷.

Денежный стол приобретал и другие канцелярские принадлежности для приказа, в частности *ножницы и клей* для составления столбцов, *песочницы* для подсушивания чернил на документе. Обычно все канцелярские товары Разряд покупал у проверенного торговца – С. Назарьева. Так, 14 декабря у него были приобретены “две песочницы да клеи с ножницами”, за всю покупку было уплачено 8 а. 2 д.⁶⁷⁸, в июне – “полудестевая каракса да лебяжье перо, а за тое ему караксу и за перо 3 алтына”. За неделю до этого, 7 декабря у С. Назарьева за 7 а. было “куплено ж четыре пера начальным людем”, то есть по перу каждому дьяку (перо стоило, таким образом, 10 д. с полущкой)⁶⁷⁹. Можно было предполагать, что склеиванием столбцов занимались подьячие, но в записи за 20 июня сказано, что у С. Назарьева куплены “начальным людем клеи да ножницы”⁶⁸⁰ – значит, руководство приказа, дьяки как минимум, не чуждались этой работы, а, судя по другой записи, склеивание столбцов с одновременным скреплением их по сствам могло быть и исключительной обязанностью дьяков: в июле у того же поставщика было “взято в Розряд дьяком чернилница глиненная да три пера лебяжьих да клеи да ножницы носить в верх”⁶⁸¹. Кроме того, эта запись несколько корректирует представление о том, что дьяки приходили в Думу или к царю только с бумагой и подвесной чернилницей, а писали с неудобствами, стоя. Выходит, что дьяки приносили “в верх” весь свой рабочий “инструментарий” и работали за столом или чем-то вроде конторки – если на весу еще можно писать (что тоже проблематично), то вряд ли можно резать и клеить бумагу. Лебяжьи перья были значительно дороже перьев других птиц (чаще всего гусиных) и предназначались исключительно для руководства приказа. Судя по тому, что записей о покупке других перьев в книге нет, можно предположить, что перья в Разряд покупались Денежным столом только для дьяков, подьячие же писали перьями, приобретенными на собственные средства. Вообще для подьячих на казенные средства из канцелярских принадлежностей покупались только чернила и бумага, всем остальным они должны были обзаводиться сами. Песочницы, чернилницы, перья приобретались на казенный счет только для дьяков, причем эти предметы стоили недешево. Так, была куплена “в Розряд дьякомъ носить в верхъ чернилница медная с мед-

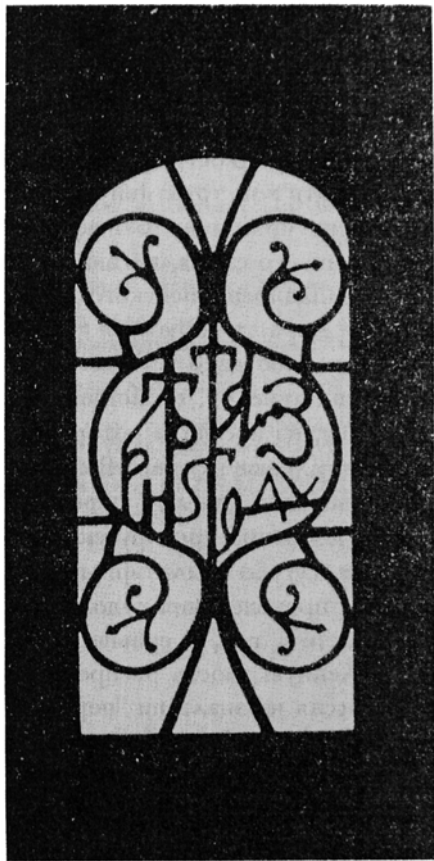
ными ж трубками Котельного ряду у торгового человека у Ивана Яковлева”; чернильница стоила довольно дорого – 8 а. 2 д.⁶⁸²; С. Назарьеву “за песочницу, что взята на столъ к дьякомъ”, было заплачено также немало – 10 а.⁶⁸³. Судя по тому, что у С. Назарьева были куплены “начальным людям на стол и для походов два счота”, приказные дьяки занимались не только руководящей работой (и в приказе, и на выезде) – они не чуждались работы с клеем и ножницами и счетоводства⁶⁸⁴.

Хозяйственные траты на нужды Разрядного приказа и Дворца

Комфорту дьяков на рабочем месте уделялось немалое внимание. Помимо приобретения канцелярских принадлежностей лучшего качества – “добрых” чернил, лебяжьих перьев, ножниц, дорогих чернильниц и песочниц, для приказного руководства покупались на казенные средства и предметы рабочего обихода. Например, “для посылки з думным дьяком с Васильем Семеновым” (очевидно, в царские походы) у торгового человека Ветошного ряда были куплены “два тюшак” по 16 а. 4 д. за “тюшак”⁶⁸⁵. “Начальным людям” же, то есть дьякам, в Холщовом ряду у торгового человека Г. Иванова было взято “ручное полотенцо”⁶⁸⁶ – известно, что в приказах имелись умывальники. В Ветошном же ряду, у торгового человека “Сенки Иванова” были куплены “для походов два тюшак”, за которые заплачен 1 р.⁶⁸⁷ Тюфяки были дороже тех, что были куплены “для посылки” с В.Г. Семеновым, при этом, возможно, они предназначались не обязательно дьякам – “тюшаки” покупали не только для начальных людей, но и в столы (например, Московский) (см. выше), то есть для подьячих (скорее всего, старых).

Кроме предметов обихода лично для дьяков, в Разряде требовался и обычный “учрежденческий” хозяйственный инвентарь для поддержания порядка и чистоты в помещениях приказа. Так, “на покупку деревянных подсвечников и жестяных трубокъ и крылъ, чемъ с образов пыль обметать, и на метлы” Денежным столом было выделено 16 а. 4 д. (20 февраля)⁶⁸⁸. В связи с этой записью интересно остановиться на одном обстоятельстве приобретения Разрядом канцелярских и прочих товаров. В приведенной записи сказано, что деньги на приобретение хозяйственных товаров выданы “сторожу Давыдке” (Борисову), при этом имя продавца не указано, из чего следует, что сторож и ходил покупать товар в торговые ряды. Во всех других записях сказано, что деньги даны на руки тем торговым людям, у которых товар и приобретен, поэтому можно предположить, что торговцы сами приносили товары прямо в Разряд – иначе в записи было бы указано, что деньги даны

Кованые решётки церквей XVII в.

(Бочаров Н. Металлическое узорчье допетровской Москвы // Московский архив. Вып. 1. М., 1996).

подъячему, сыну боярскому или сторожу, в приказе этот момент учитывался очень строго. Во всех остальных записях, например, о покупке тех же подсвечников, всегда указывалось имя продавца: 2 ноября за тридцать “подсвешников деревянных з жестеными трубками” деньги, 8 а. 4 д., были уплачены торговому человеку Лапотного ряда “Сенке Иванову”⁶⁸⁹; 17 ноября у него же были куплены еще двадцать “подсвешников деревянных с жестяными трубками” за 6 а. 4 д.⁶⁹⁰. В записи о том, что в Разряд куплено двадцать “подсвешников деревянных” “да к старым подсвешником куплено ж трубок”, также указан продавец – “Щепеного ряду” торговый человек И. Федоров. За подсвечники ему было уплачено 6 а. 4 д. (то есть деревянный подсвечник стоил 2 д. – О.Н.), а за трубки – 10 д. (5 декабря)⁶⁹¹. Не удивительно, что все эти “оптовые” (по 20-30 штук) покупки подсвечников для подъячих приходились на самое темное время года – ноябрь, декабрь, февраль.

Наконец, для работы приказа требовались свет и тепло, то есть свечи и дрова, равно необходимые и дьякам, и подъячим. Покупкой свечей для Раз-

ряда также занимался Денежный стол. Как и в отношении других регулярно приобретаемых товаров, для покупки свечей Разряд пользовался услугами одного продавца – это был тяглец Казенной слободы М. Микитин. Свечи приобретались не штуками, а на вес – пудами. Для работы подъячих брали сальные свечи, более дешевые, чем восковые. Для разных нужд – общего освещения помещений, освещения столов требовались свечи разной величины – “большой и средней и меньшей руки”⁶⁹². Естественно, необходимость в освещении зависела от времени года. Напомним, что рабочее время в России XVII в. отсчитывалось не от условного начала суток, а определялось в соответствии с темным и светлым временем, которое, естественно, изменялось в течение года. Соответственно, и график работы следовал за временами года. Время работы центральных государственных учреждений регламентировалось распоряжениями главы государства. В 185 г. рабочий день в зимний период начинался с 7 ч. 30 мин. и продолжался до полуторачасового перерыва в 14 ч. 30 мин.; вторая половина дня длилась с 17 до 23 часов. Таким образом, зимой приказы работали при искусственном освещении больше семи часов, то есть больше половины всего рабочего дня. К сожалению, точных указаний о работе приказов в летнее время не сохранилось.

Поскольку рабочий день приказных был долгим, то практически в любое время года свечи для работы были необходимы. Но, разумеется, больше их требовалось в самые темные месяцы – ноябрь, декабрь, январь и февраль. Как и в отношении других канцелярских товаров, записей о приобретении свечей за сентябрь в книге нет. Первая запись сделана 5 октября: в Разряд куплено 5 пудов (то есть почти 82 кг) сальных свечей по 1 р. 6 а. 4 д. за пуд⁶⁹³. Следующая такая же покупка состоялась 22 октября, цену М. Микитин немного сбавил – пуд стоил 1 р. 3 а. 2 д.⁶⁹⁴ и эта цена сохранилась до конца года.

В ноябре и декабре свечи покупали регулярно, раз в неделю; в ноябре по 5 пудов, кроме последней недели, когда было приобретено 4 пуда⁶⁹⁵, в декабре первые две недели также по 5 пудов, а во второй половине месяца,

Кованный светильник.

когда световой день был самым коротким, по 10 пудов (почти 164 кг)⁶⁹⁶. За январь есть только одна запись: 21 числа в Разряд было взято 10 пудов сальных свечей⁶⁹⁷. С февраля закупка свечей сокращалась. В этом месяце М. Микитин доставлял в Разряд сальные свечи трижды: 3 и 17 февраля по 10 пудов “большой и средней и меньшей руки”⁶⁹⁸, а 26 февраля уже в половину меньше – 5 пудов⁶⁹⁹. 1 и 10 марта Разряд также купил по 5 пудов свечей, а 16 числа на оставшуюся половину месяца – 10 пудов⁷⁰⁰. В апреле свечи покупали дважды по 5 пудов, 1 и 22 чисел⁷⁰¹, в мае один раз в прежнем объеме⁷⁰², а в июне 3 числа Денежный стол приобрел “в Разряд” всего полтора пуда сальных свечей (около 24,5 кг)⁷⁰³. За июль записей о закупках свечей нет, возможно, на два летних месяца хватило старых запасов. В августе покупки свечей снова увеличиваются: 7 августа “взято в Роз-

Подсвечники и снималка.

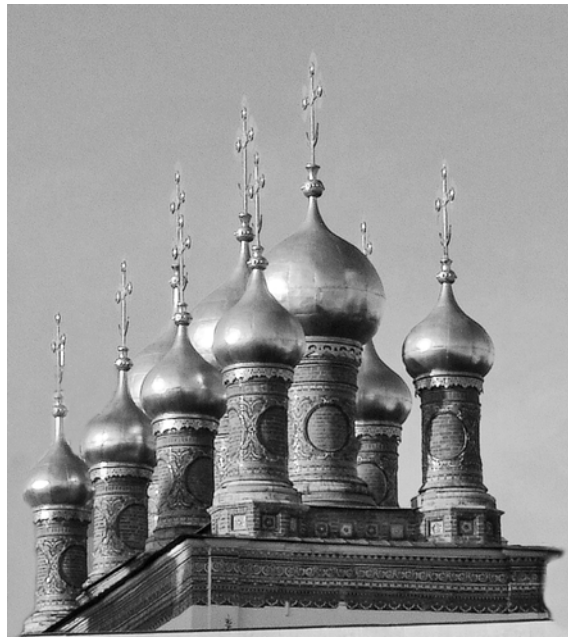
(Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в.
// Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып.3.)

ряд на розрядные расходы полтора пуда салных свеч болшой и средней руки у Мишки Микитина⁷⁰⁴, а 19 августа – 2 пуда (почти 33 кг)⁷⁰⁵.

Если для подъячих использовались салные свечи, причем купленные в торговых рядах, то для начальных людей и к иконам шли только восковые свечи, которые приказу не было нужды покупать – как уже отмечалось, в виде натурального налога воск поступал в Разряд из подведомственных ему южных городов. В 185 г. “в Розряде из розрядного воску на свечи вышло, что ставятца в Розряде перед иконы и перед начальных людей на стол в свечи ж, пуд дватцать гривенок” (то есть больше 16 с половиной кг)⁷⁰⁶. Этот воск в расходной книге Денежного стола в течение года не записывался. Вероятно, его учитывал в своих собственных текущих документах начальник Денежного стола В. Степанов, из чьего “приема” воск и выдавался.

В обязанности разрядных сторожей, кроме непосредственно охранной службы, входило много других дел – уборка помещений, покупка в рядах не-

которых бытовых предметов для деятельности приказа, а также запечатывание посылаемых из Разряда грамот. “Разрядныи воск” разрядным сторожам “на печати великого государя грамот и на иные приказные дела” выдавал именно Денежный стол: 31 октября из приказной казны было выдано по две гривенки (чуть боле 800 г) воска человеку, всего шести разрядным сторожам⁷⁰⁷; 1 августа “разрядным сторожам Родке Гаврилову с товарищи шести человеком на печати из разрядного воску к прежней даче” было выдано еще по две гривенки человеку⁷⁰⁸.

Одиннадцать глав Верхоспасского собора.

Кроме расходов на собственные нужды, Разряд должен был еще поставлять восковые свечи из своих доходов “в верх в собор Спаса Нерукотворенного образа и в предел Иоанна Белогородского, что у него великого государя на сенях”. Верхоспасский собор был построен в 1635 г. вместе с приделом Иоанна Белогородского (он соединен с собором проемом в северной стене) при возведении Теремного дворца в Кремле. Храм построили над Золотой Царицыной палатой, общая для собора и придела трапезная была возведена над сенями Золотой палаты, а перед трапезной на плоской кровле Мастерских палат построили паперть, которая получила название Верхоспасской площадки, или Верхнего каменного двора. На уровне третьего яруса теремных построек она соединяла личные покои царя с главным царским домовым храмом – Верхоспасским собором. С нее по Золотому крыльцу можно было подняться в покои государя, почему Верхоспасский храм и получил свое название: “что у великого государя на сенях”. На Верхоспасскую площадку вела лестница с Боярской площадки, расположенной на уровне второго яруса дворца. В 1670 г. лестница, ведущая вниз с Верхнего каменного двора к Боярской площадке, была перегорожена золочеными решетчатыми воротами, в рисунке которых переплетались изображения растений и фантастических существ. Уникальная решетка получила название Золотой, а собор с этого времени стал называться еще и “Спас за Золотой решеткой”. В это же время для собора мастерами Вонифатием и Семенов Кузмиными были написаны новые иконы, сохранившиеся до наших дней, так что сейчас в соборе находятся те самые иконы, к которым в 185 г. Разряд поставлял свечи. В том же 185 г. каменщики во главе с Осипом

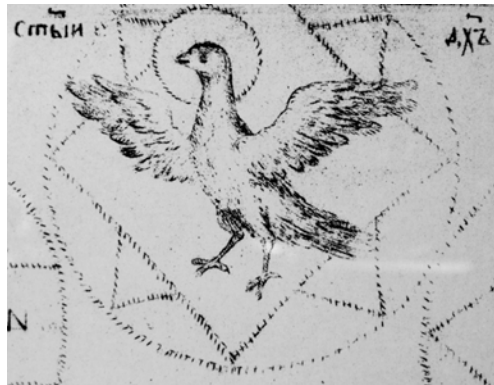
Верхоспаский собор и Теремной дворец.

Иконостас Верхоспаского собора.
(Памятники архитектуры Москвы. Кремль,
Китай-город, центральные площади. М., 1982).

Золотая решётка.

Симон Ушаков. Святой дух. Фрагмент иконы «Троица». Офорт. Москва. 1665 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten.

Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. 1., 2006. Bd. II).

Старцевым обтесали фасады храма, покрыли их левкасом и раскрасили “аспидом”, то есть под мрамор. Сначала краски использовались водяные, но затем по желанию царя Федора Алексеевича рисунок нанесли масляными красками, “что бы было прежнего аспиду цветнее”. Всеми живописными работами в храме, как внутри, так и снаружи, руководил Симон Ушаков. Следует отметить, что придел получил наименование Иоанно-предтеченского с 1682 г., а до этого с самого своего основания назывался Белгородским (Белоградским).

Для свечей в собор и его придел шел воск, поступавший

в приказ из южных городов в виде натурального налога. Делать свечи и наливать воск в лампы было поручено торговому человеку Свечного ряда С. Аверкиеву за вознаграждение из разрядных средств. Он “зделал из розрядного воску восковых⁷⁰⁹ и в лампы воску наливал сентября с 1-го числа января по 25 число 185-го году”. 9 февраля “за то дело ему от наливки лампад за 2 пуда 25 фунтов по 4 денги за фунт да от сканья свеч за 11 пуд 7 фунтов по 3 денги за фунт”, всего 8 р. 26 а. 5 д. было дано по письму Денежного стола⁷¹⁰. Обычно в месяц в собор “Нерукотворенного Спасова образа” из Разряда отправлялось десять свечей по 1,5 фунта (около 615 г), десять свечей по 0,5 фунта (около 205 г), девять “по четыре ис фунта” (то есть

Симон Ушаков. Херувимы и серафимы. Фрагмент иконы «Троица». Офорт. Москва. 1665 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten.

Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. 1., 2006. Bd. II).

приблизительно по 102,5 г), двенадцать “по шесть ис фунта” (приблизительно по 68 г) и “сорок четых” (возможно, по полуполтине за свечу, то есть по 50 д., а, может быть, сделанные из воцаной четверти, равной 12 пудам)⁷¹¹. В этот же храм из Разряда отпускалось “в лампаде воску” 25,5 фунта (приблизительно 10 кг 455 г) в месяц⁷¹² (по другому выражению, “да налита лампада, в неи дватцать пять фунтов с полупунтом”⁷¹³). В лампаду же полагалась еще свеча в 4 фунта (около 1 кг 640 г)⁷¹⁴.

В “предел Иоанна Белгородского, что великого государя на сенях” также в месяц уходило свечей: сорок шесть “по четыре ис фунта”, двадцать пять “денежных” (возможно, стоимостью по 1 д.), “сорок четых”⁷¹⁵. Кроме того, и в собор, и в придел каждый месяц полагалось отпустить по свече “выносной” в 1,5 фунта⁷¹⁶, а иногда и по две таких свечи⁷¹⁷. “К освящению храма” полагались дополнительные поставки – четыре выносных свечи, свеча в 4 фунта, двадцать свечей по полупунту, двадцать “по четыре ис фунта” и сорок “по шесть ис фунта”⁷¹⁸. Напомним, что из своего воска Разряд и свечи делал за свой счет, платя торговому человеку Свечного ряда “за сканье свеч” и поставляя в дворцовые храмы, так сказать, “готовый продукт”. По какой-то причине власти решили избавить Разряд от этих хлопот и расходов. В середине января из приказа Большого дворца пришло распоряжение: “впредь в собор и в предел из Розряду свеч не отпускать”, а подсчитать, “по сколку в те свечи в год исходило воску, и то число, и сверх того, которои воск в приказе из городов будет, и тот воск указал великии государь присылать в приказ Болшого Дворца”⁷¹⁹. Память из приказа Большого дворца была отправлена в Разряд 16 января. Девять дней в Денежном столе готовили выписку по запросу приказа Большого дворца о годовом расходе воска на свечи в дворцовые храмы. Еще через неделю воск был собран, на основании выписки составлен сопроводительный документ – память в приказ Большого Дворца, и 31 января в этот приказ “розрядного воску сорок пуд послано Розрядного приказу с подьячим Зиновьем Демидовым ис приему подьячего Василья Степанова”. Все подготовительные документы к этому мероприятию были отложены в архиве Денежного стола⁷²⁰.

В компетенции Денежного стола не было дел, непосредственно связанных с финансированием и организацией армии, то есть Новгородского или украинских полков. Из дел, связанных с финансированием Разрядом каких-либо объектов южных территорий, среди распоряжений Денежного стола встречается лишь запись о выдаче полупуда разрядного воска в Ливенский девичий монастырь Николая Чудотворца старице Марфе Шебанове “для их

Придел Иоанна Белгородского.
Иконостас XVII в.

(Памятники архитектуры Москвы. Кремль,
Китай-город, центральные площади. М., 1982).

конечные скудости” и о покупке “для посылки в тот же монастырь” у торгового человека Овощного ряда С. Назарьева (постоянный поставщик Разряда) “ладону пяти фунтов (около 2-х кг. – *О.Н.*) да у погребщика” М. Иванова “четверти ведра вина церковного” (больше 3-х л). Ладан стоил 6 а. за фунт, а четверть ведра вина – 20 а.⁷²¹ Поскольку Денежный стол ведал разрядным воском, как и другими материальными запасами в приказе, то именно в его компетенцию входило снабжение воском украинских храмов и монастырей.

Дрова на весь приказ также покупал Денежный стол. Как и в отношении других товаров для текущих нужд приказа, при покупке дров Разряд имел дело с постоянными проверенными поставщиками. Дрова в приказ поставляли крестьяне Троице-Сергиева монастыря, обычно одна и та же группа заготовителей. Только в марте Разряд обратился к другим торговцам – крестьянам “розных помещиков” С. Филипову с товарищами и И. Софонову с товарищами⁷²². Очевидно, что покупка дров зависела от времени года. Отопительный сезон в Разряде длился с октября до конца марта – начала апреля. Дрова покупали возами, цена на них в течение года не менялась – один воз стоил 3 а. 2 д., или одну гривну.

В холодное время закупка дров осуществлялась два раза в месяц. Глубокой осенью для отопления Разряду требовалось около тридцати возов дров на месяц: в ноябре Денежным столом было закуплено у крестьян Троице-Сергиева монастыря “Сенки Федорова с товарищи” в два приема тридцать пять возов⁷²³. Понятно, что до первой закупки дров в середине ноября

приказ должен был также отапливаться; вероятно, печи топились старыми запасами, оставшимися с весны (см. ниже). Зимой расход дров возрастал: в декабре было израсходовано пятьдесят⁷²⁴, а в январе – шестьдесят возов дров (закупки осуществлялись в два приема)⁷²⁵. В феврале дров купили меньше – тридцать возов в середине месяца⁷²⁶, и их хватило до 1 марта, когда в Разряд привезли еще двадцать возов⁷²⁷. Последняя в году покупка дров состоялась через десять дней и была явно сделана с запасом: 10 марта “розных помещиков” крестьяне И. Софонов с товарищами привезли в Разряд пятьдесят возов дров сразу⁷²⁸. (Попутно заметим, что для хранения такого количества дров каждому приказу требовались подсобные дворовые помещения, поэтому вокруг здания приказов на Ивановской площади должно было тесниться множество дровяных и прочих сараев).

Печь XVII в.

Интересно отметить, что хозяйственно-канцелярские покупки для нужд всего приказа часто объединялись и делались в один день: 17 ноября были куплены подсвечники для подъячих и дрова⁷²⁹, 13 декабря – свечи и дрова⁷³⁰, на следующий день “тюшаки” для В.Г. Семенова, коробья, две песочницы и клей с ножницами⁷³¹, 17 февраля свечи и чернила для дяков⁷³², 20 февраля “росхожие” чернила, деревянные подсвечники, жестяные трубки, крылья и метлы⁷³³, 1 марта свечи и дрова⁷³⁴, 10 марта чернила для подъячих и дяков и песок⁷³⁵, 23 марта “росхожие” чернила и песок⁷³⁶, 7 июля глиняная чернильница, перья, клей, ножницы и ручное полотенце дякам⁷³⁷, 10 марта пять пудов сальных свечей и пятьдесят возов дров⁷³⁸ и т.д.

Можно сказать, что на попечении Денежного стола была “материальная часть” приказа в целом. Им приобретались все необходимые бытовые предметы для деятельности Разряда. Так, 5 октября, помимо других покупок, были приобретены за 10 а. “двои щипцы” у торгового человека Коробейного ряда⁷³⁹; 4 декабря у торгового человека “Замошного ряду Ивана Семенова” был куплен “х казенке замокъ вислои”⁷⁴⁰; 28 декабря по письму Денежного стола было куплено 10 пудов сальных свечей для нужд Разряда, “да куплено ж к надворному чюлану замокъ вислои да пробои да чепь”, за что заплачено торговому человеку “Замошного ряду” 3 а. 2 д.⁷⁴¹ В мае “вотчины боярина князя Никиты Ивановича Одоевского (в 185 г. судьи Аптекарского приказа. – О.Н.) села Вешнякова у крестьянина Васки Игнатьева” Денежный стол приобрел за 4 а. необходимые сторожам двадцать метел и четыре лопаты⁷⁴².

Кроме обеспечения всего приказа свечами, дровами и прочими предметами служебного быта, обязанностью Денежного стола был надзор за состоянием и своевременным ремонтом приказной мебели и помещений Разряда, то есть это был хозяйственный отдел приказа, а подъячего В. Степанова можно было бы назвать на современный лад заместителем директора по хозяйственной части. В 185 г. помещения Разрядного приказа включали несколько палат, где работали служащие приказа (судя по документам, каждый из четырех столов имел свое собственное помещение), сени, то есть прихожие, или холлы, где своей очереди дожидались посетители и работали “сенные” подъячие, наконец, разнообразные служебные помещения, в том числе, “удобства”, и служебные постройки во дворе. Все это требовало внимания и расходов. В 185 г. вся хозяйственная деятельность в Разряде яв-

Печь XVII в.

но начиналась в октябре. 3 числа торговый человек Замочного ряда починил в одном из помещений Разряда замок и у него же были куплены “два пробоя” (пробой для сундука – согнутая проушиной остроконечная железная полоска, пропускаемая насквозь; на пробой накидывали наметку и продавали замок) за 2 а.⁷⁴³ На следующий день “Железного ряда” торговый человек “починил в Розряде четыре замка вислых и ключи к ним прибрал, да у него ж взята чепь с пробоем”, за все уплачено 5 а.⁷⁴⁴ В эти же дни и на следующий день в Разряде чинили печи и сундуки (см. ниже). Наступали холода, и Денежный стол озаботился утеплением помещений приказа, а также их освещением в связи с наступающими короткими световыми днями. 15 октября торговый человек Оконничного ряда сделал “в Розряде в заднеи полате в ставни четыре окончины да в Денежной столъ болшую окончину зделал новую, а другую починил, да в переднеи полате починил восьмь окончинъ болших, да починивал фанар болшой, положил слюду новую”. За большой объем работ и их сложность полагалось соответствующее вознаграждение – мастер получил 5 р.⁷⁴⁵ Ремонта требовали и другие объекты: 5 а. получил торговый человек Лесного ряда “от починки розрядные полаты мосту⁷⁴⁶ и за доски”, то есть за работу и принесенный собственный материал⁷⁴⁷. Работа по благоустройству приказных помещений продолжалась в течение всего года. В июле для удобства посетителей по распоряжению Денежного стола “перед Розрядом в нижнихъ сенях зделаны две лавки с прибоины, а от дела и за доски и за гвоздья плотником Ивашку Иванову с товарищи” было заплачено 17 а. 4 д.⁷⁴⁸

В Разряде печи имелись, судя по документам, в каждой палате и, естественно, время от времени требовали починки. Правда, иногда это случалось не вовремя. Так, в разгар зимы, 25 января, понадобилось чинить печи сразу в двух палатах приказа. Починку поручили печного дела мастерам “Дмитровской Новои слободы тяглецам Дорошке да Петрушке Кузминым”⁷⁴⁹. Мастера весь необходимый материал принесли с собой, и его цена была причислена к стоимости самих ра-

Сундук.

(Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в.
// Труды Государственного исторического музея.
М., 1926. Вып.3.).

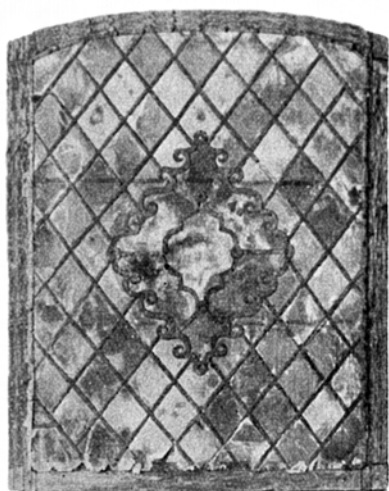

Печные
израсцы

бот. Квалифицированная работа печников ценилась дорого: Кузмины “в Розряде в передней полате печь разобрали всю до пошвы и зделали внов да в задней полате печь ж внутри и снаружи вымазали, а за то им дело и за кирпичь и за связи и за глину и за израсцы дано четыре рубли с полтиною”⁷⁵⁰. Перед этим печи ремонтировали в начале октября: 4 числа “в Розряде каменщик Иван Савельев починил две печи и трубы вычистил”, заработав также немалую сумму – 1 р. 13 а. 2 д.⁷⁵¹.

Чистоте и гигиене в приказе уделялось немалое внимание. Стоит отметить, что и обходилось это Разряду недешево. В ноябре крестьяне Семеновской слободы Н. Меркульев с товарищами “вычистили в Розряде в задцах два погреба”, за что получили огромную по тем временам сумму – 20 р.⁷⁵² Особого внимания требовал “отход”. Тяжелая, но крайне необходимая работа по очистке отхожего места ценилась очень высоко: “балахонцу” посадскому человеку “Кононку Максимову” было уплачено за то, “что он в Розряде отходвы чистилъ, за работу десять рублей”⁷⁵³. В августе в Разряде взялись за ремонт отхожего места, а на это время у торгового человека Лапотного ряда “Обакумка Иевлева” “к отходу взято три рогожи для завески, покаместъ тот отход зделанъ будет”⁷⁵⁴. Через неделю новый “отход” был готов, кроме того проведены еще некоторые ремонтные работы в передней полате: в ней сидела большая часть подъячих, сюда приходили посетители, поэтому в ней больше всего истерлись полы.

В расходной книге Денежного стола был помещен подробнейший отчет об этих работах и о затраченных на них материалах и средствах: 30 августа “в Розряде в передней полате намощен мостъ новои да отход разобранъ и зделан внов же, потому что прежней мостъ в полате выбить, а у отходу нижняя связ и мостъ и столбы и брусья и подборъ весь от мокроты подгнилъ и на кровле верхней тес згнилъ же”. Далее перечисляются материалы и цены на них, по которым мы можем судить об устройстве некоторых специальных помещений приказов, о строительной технике и ценах на стройматериалы, а также о расположении московского строительного рынка второй половины XVII в.: “а на то дело куплено ле-

Слюдяная окончина.

(Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып.3.).

су и скал⁷⁵⁵ и гвоздя, и за тое поупку с провозом Лесного ряду, что за Алексеевскою башнею, торговому человеку Федке Курачкину на подкладыны и на брусья за восемь бревен трех саженных⁷⁵⁶ дватцать два алтына четыре денги, на подборъ за шедесть за сем бревен без аршина трех саженных⁷⁵⁷ два рубли три алтына две денги, в полату и в отход на мосты и на столчаки за сорокъ за пять досокъ трех саженныхъ по три алтына по две денги за доску, итого четыре рубли с полтиною; на забирку окошекъ и на кровлю к прежнему тесу в прибавку за сорок тесницъ⁷⁵⁸ шедесть алтынъ, за пятдесять скал пятнатцать алтынъ, за гвоздья Железного⁷⁵⁹ ряду торговому человеку Артюшке Иванову за пятдесять гвоздеи прибоинных⁷⁶⁰ семь алтынъ, за двести за тритцать двоетесных⁷⁶¹ шесть алтынъ четыре денги, за сто одנותесных⁷⁶² два алтына четыре денги, за сто ж гвоздеи скальных шесть денег”. Плотниками в Москве издавна были ярославцы – артель из четырех крестьян на отхожем промысле и нанял Разряд для строительных работ: “Да от того дела плотникомъ из Ярославля Сиского монастыря крестьяномъ Максимку Михаилову с товарищи четверем человеком семь рублей” (интересно сравнить с суммой в 10 р., полученной одним “Кононком Максимовым”). Для неквалифицированных работ Разряду пришлось брать другую артель: “Да четверем человеком работником Ивашку Семенову с товарищи, что они старои лесъ, которои из отходу выломан, с монастыря снесли к приказу, наиму три алтына две денги”⁷⁶³.

Видимо, как “хозяйственный отдел” Разряда, Денежный стол должен был следить и за “материальной частью” в содержании “разрядных” арестантов: в числе расходов по распоряжениям Денежного стола значится покупка “в Розряд на колодников десятеры железа Железного ряду у торгового человека” Т. Андреева, по 8 а. за железа⁷⁶⁴. Старые оковы чинили: торговому человеку Замочного ряда “Ивашку Семенову за починку четверых ножных желез” заплачено 3 а. 2 д.⁷⁶⁵

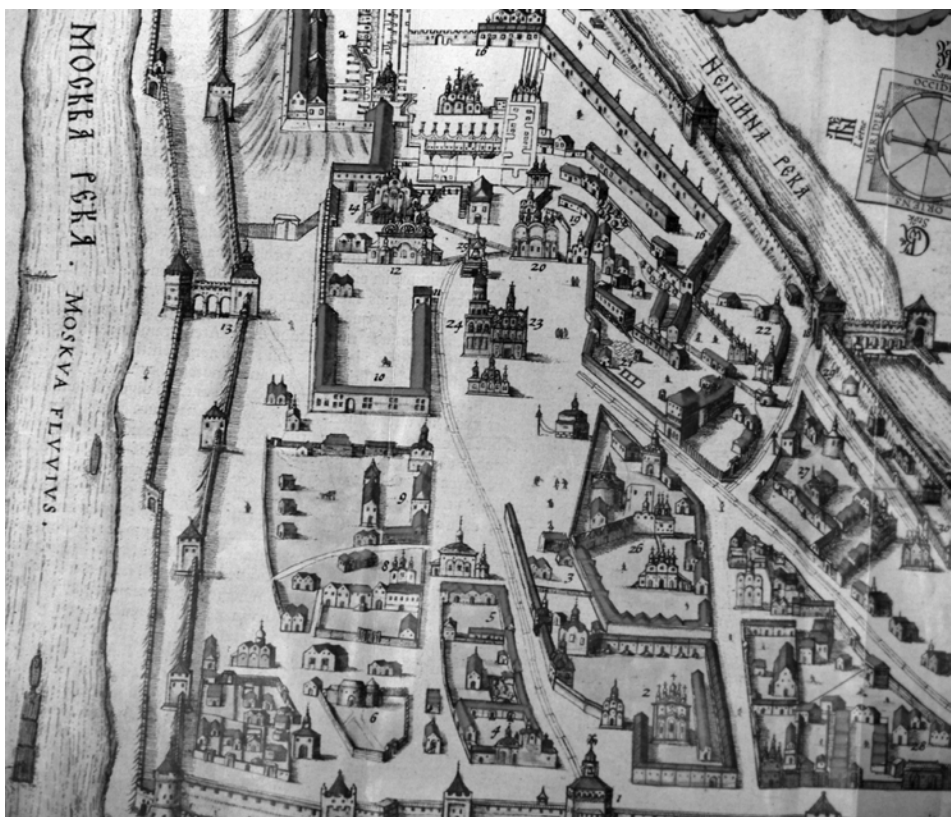
Указанной компетенцией Денежного стола объясняется, очевидно, и то, что через него происходил расчет за “культовые услуги”, оказываемые Разряду: в дни православных праздников по обычаю в приказ приходил священник и проводил праздничную службу. За это ему полагалось вознаграждение, весьма скромное: “церкви Николы Чюдотворца попу Ивану, что он приходил в Розряд со святою водою” в день Николы-зимнего, было выдано 6 д.; церкви великомученика Христофора “попу Ивану, что он приходил в Розряд на Рождество Христова славить”, 28 декабря было дано из Разряда 10 д.⁷⁶⁶ 2 августа “приходил в Розряд со святою водою церкви Всемилостивого Спаса, что на Дворце, пол Фока Александров, и ему дано шесть денег”⁷⁶⁷.

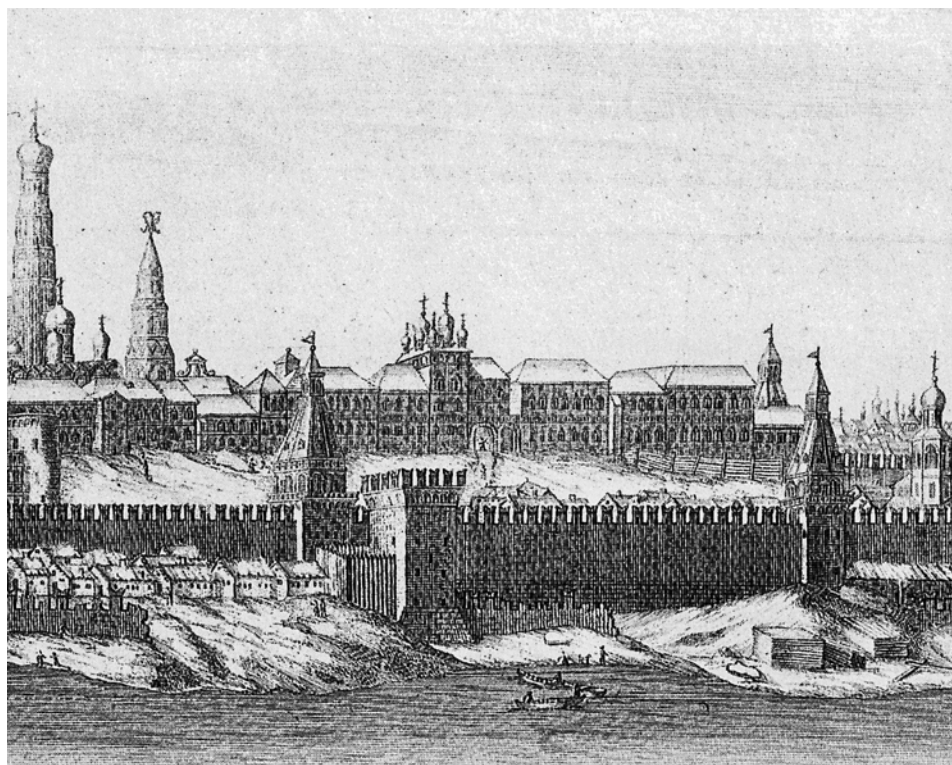
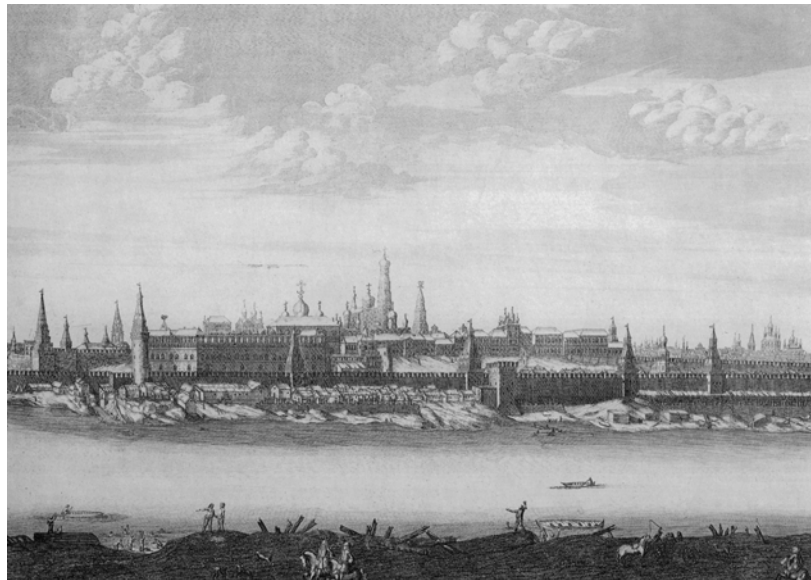
Расходы на строительство нового здания приказов

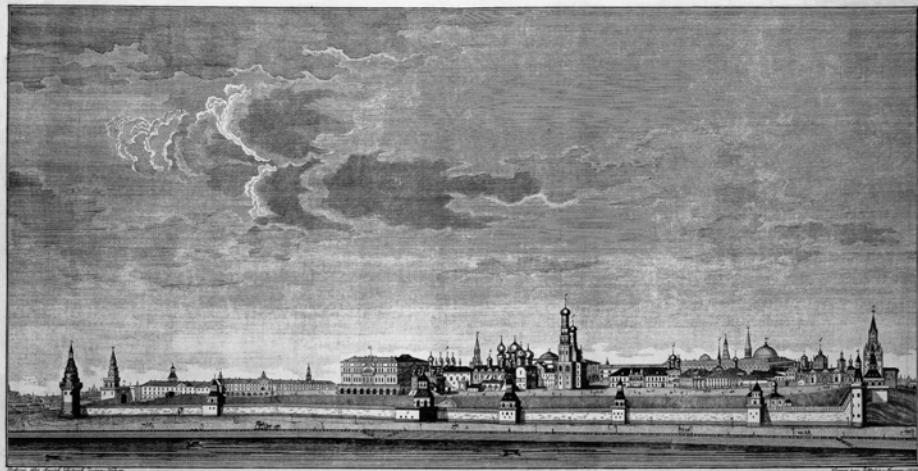
С 1675 г. в Кремле шло строительство нового здания приказов по чертежу, подготовленному в Посольском приказе. На первом этапе возводились помещения для важнейших ведомств – приказов Разрядного, Посольского с четвертями, Большой казны, Поместного, Стрелецкого и Казанского. На время строительства служащие некоторых приказов были переведены в разные помещения в Китай-городе и в Белом городе, большая же часть их была размещена в Кремле. О местонахождении Разрядного приказа в этот период сведений найти не удалось, известно только, что из Кремля он вы-

Часть Кремля со зданием приказов. «Кремленаград». План Кремля начала 1600-х годов.
(Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982).

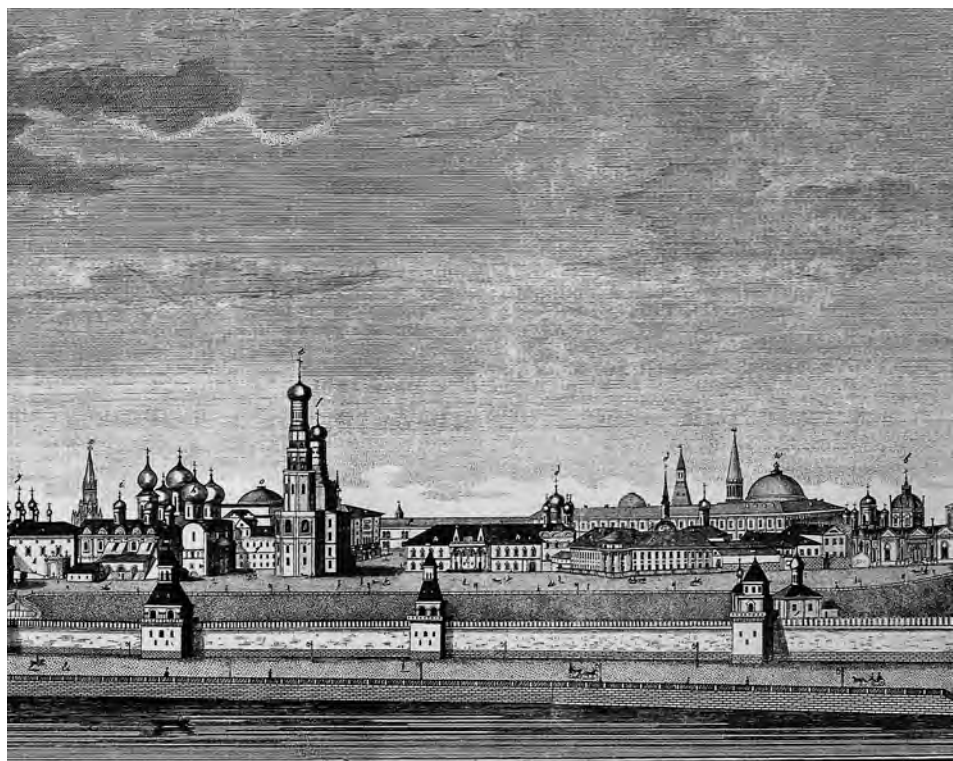
Московский Кремль. Фрагмент гравюры «Вид с Каменного моста из Замоскворечья» П. Пикара. Правее Соборной площади по бровке склона видны здания (новые) приказов с церквями Александра Невского и Черниговских чудотворцев в центре.

Видъ Кремля въ Москвѣ.

Vue du Kremlin à Moscou.

à l'Occident des faux Portes au point de vue.

Московский Кремль. Фрагмент гравюры Цеттера «Вид Кремля в Москве» по рисунку Ж. Дитриха. 1819 г. Правее Соборной площади по бровке склона видны остатки здания приказов с церквями Александра Невского и Черниговских чудотворцев.

веден не был. Запись в расходной книге Денежного стола о старом лесе, снесенном “с монастыря к приказу” (возможно, к разбираемому старому зданию приказов), указывает на пребывание разрядных служащих в здани-ях одного из кремлевских монастырей, может быть, Вознесенского.

По смете подмастерьев каменных дел из приказа Каменных дел на это строительство требовалось 24 806 р. 3 а. 5 д. Судя по записям в расходной книге Денежного стола Разряда, строительство шло “в складчину”, а не на средства одного приказа Каменных дел: новое здание для государственных органов управления, с одной стороны, строилось на государственные, приказные средства и казенной строительной организацией – приказом Каменных дел. Но, с другой стороны, деньги на строительство нового помещения для себя вносились каждым приказом отдельно, из своего бюджета. Естественно, что отчислением и переводом необходимых средств в приказ Каменных дел занимался в Разряде Денежный стол. Сумма выплат на строительные работы исчислялась в приказе Каменных дел и доводилась до сведения соответствующего приказа. В 185 г. Разряд сделал очередной взнос: 7 марта государь “указал из Розряду дать в Каменной приказ на полатное строе-ние нового Розряду к прежнему в прибавку пятьсот рублей”. Указ царя был помечен на разрядной выписке думным дьяком В.Г. Семеновым, по этому указу было “из Розряду в приказ Каменных дел пятьсот рублей дано ис-приему подьячего Василья Степанова”. За деньгами в Разряд приходил со-трудник приказа Каменных дел “подьячеи Федка Протопопов” и расписывался в их получении в той же расходной книге, вслед за записью об отпу-ске денег. Заверил выдачу денег своей резолюцией “Дано” дьяк П.И. Ковелин⁷⁶⁸. Через два с небольшим месяца, 15 мая в приказ Каменных дел поступил еще один взнос: было указано “из Розряду послать в Камен-ной приказ на полатное дело пять сот рублей”. Деньги отправились в при-каз Каменных дел тем же порядком с Ф. Протопоповым⁷⁶⁹.

Передача денежных и материальных средств в другие приказы

Понятно, что Денежный стол управлял всеми финансовыми потоками, кото-рые шли через Разрядный приказ в другие приказы и из других приказов. В расходной книге отражены, естественно, выплаты из Разряда. Загадочные 18 “тарелей”, которые 3 апреля поступили в Разряд из Брянска от воеводы кн. М. Жирового-Засекина, 11 апреля Разряд отправил в приказ Большой казны. Поскольку ценность предметов не была очень большой, расписка в приеме “тарелей” находится не в книге, а на памяти (видимо, из приказа Большой казны в Разряд) в расходном столпу⁷⁷⁰. 13 июля по запросу из Мас-терской палаты великого государя из Разряда в эту палату было передано

400 р. Расписка в получении такой большой суммы, соответственно, находится в книге: “Великого государя в Мастерскую полату четыреста рублей принял и росписался Федор Казанцов”⁷⁷¹. Ф.П. Казанцев – бывший подьячий приказа Тайных дел, в 185 г. дьяк Государевой Мастерской палаты.

Как отмечалось, делами пленных занимался в Разряде Приказный стол, но все выплаты осуществлялись через Денежный, особенно если сумма была велика. Сама же процедура выкупа пленных находилась в компетенции Посольского приказа. Поэтому именно в Посольский приказ Разряд через Денежный стол передал деньги, полученные Разрядом у стольника А.П. Скуратова (1 140 рублей “да червонных золотых тритцать пять двоинных да сто десять одиноких”) “за него на окуп” – очевидно, или Разряд, или Посольский приказ внесли деньги за выкуп стольника из своих средств, а теперь он возмещал их. 27 июля деньги, рубли и червонные, “за счетом и за печатью стольника Александра Скуратова принял и росписался того ж приказу (Посольского. – О.Н.) подьячеи Пронко Возницын”⁷⁷² (П.Б. Возницын, в 185 г. старый подьячий со справой, через два года он уже будет дьяком Посольского приказа). Через две с небольшим недели в Посольский приказ был передан еще один взнос за выкуп стольника А.П. Скуратова: “денег шесть сот сорок рублей за печатью стольника Александра Скуратова в семи мешках и за счетом ево ж Пронко Возницын принял и росписался”⁷⁷³.

Перераспределение средств между приказами было обычным явлением в финансовой практике центральных органов государственного управления. Если в одном приказе не хватало некоторой суммы на какое-либо дело, ее брали в любом приказе, где имелись свободные средства. Так, 25 июля царь указал из Разряда “взять в Посолскои приказ для своего государева верхового дела денег сто рублей”. Деньги из Разряда забирал тот же “Пронко Возницын”⁷⁷⁴.

Некоторые вопросы соотношения цен и заработков в Москве в 70-е гг. XVII в.

Как уже было отмечено, Разрядный приказ приобретал материалы и вещи для работы и обихода у торговых людей разных торговых рядов. Составился свой постоянный круг продавцов, которые снабжали приказ необходимыми товарами. Исключением была бумага, которую для всего приказа закупали редко, крупным оптом. Поэтому небольшие закупки на текущий расход, в основном бумаги высшего качества (“самои доброи”) Разряд делал у самых разных продавцов – торговых людей Овощного ряда: И. Харламова⁷⁷⁵, К. Осинцова⁷⁷⁶ (он же продавал и другие принадлежности для письма, например, караксы)⁷⁷⁷, П. Иванова⁷⁷⁸, С. Назарьева⁷⁷⁹.

Палаты Симона Ушакова.

Были выстроены в 1650 – начале 1670-х годов в усадьбе, принадлежавшей в середине века гостю Ивану Чулкову. В 1673 г. переданы С. Ушакову для размещения в них мастерской «иконописного завода, что с учениками».

(Памятники архитектуры Москвы. Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982. С. 456).

Сундуки и ящики Разряд покупал в Коробейном ряду. Здесь также были свои, уже проверенные продавцы, которые сами и изготовляли приказную мебель, и чинили сломанную. Основным поставщиком и мастером для Московского стола был торговый человек Коробейного ряда И. Чермной. Он чинил сундуки и продавал в Разряд новые ящики, сундуки и коробки⁷⁸⁰, а кроме того, подбирал к замкам новые ключи⁷⁸¹. Впрочем, Разряд покупал сундуки и у других торговых людей Коробейного ряда – А. Александрова⁷⁸², Д. Федорова⁷⁸³, Д. Алексева⁷⁸⁴, Г. Прохорова⁷⁸⁵. Замки к сундукам и ящикам покупали в Замочном ряду у торговых и посадских людей, они же чинили замки и сундуки, например, торговый человек Т. Иванов⁷⁸⁶, посадский человек А. Иванов⁷⁸⁷, торговый человек Замочного ряда Ф. Иванов⁷⁸⁸, упоминавшийся Г. Прохоров⁷⁸⁹. Естественно, починкой сундуков и “прибором”

замков занимались и торговые люди Коробейного ряда⁷⁹⁰. Таким образом, между торговыми людьми Замочного и Коробейного рядов существовала взаимозаменяемость. Торговые люди Коробейного ряда чинили и другие предметы мебели в Разряде, например, столы (Н. Иванов⁷⁹¹, Д. Иванов⁷⁹²).

Тюфяки можно было купить как в мастерской, в которой их изготовляли, так и в торговых рядах. К примеру, красный тюфяк для повытья городов Белгородского полка был приобретен у “мастерского человека Ермолки Иванова”⁷⁹³, другие тюфяки – у торговых людей, в основном Ветошного ряда, С. Иванова⁷⁹⁴, “Ивашка Осипова”⁷⁹⁵, Ф. Иванова⁷⁹⁶ и других⁷⁹⁷.

Каковы были цены на товары и услуги в 185 году? Прежде всего, следует отметить, что в течение 185 г. цены практически не менялись. Бумага покупалась стопами; в XVII в. в стопе было 480 листов. Стопа бумаги высшего качества, “самои доброи”, стоила 1 р. 13 а. 2 д.⁷⁹⁸, высокого качества, “доброи” – 1 р. 10 а.⁷⁹⁹, 1 р. 11 а. 4 д.⁸⁰⁰, 1 р. 12 а. 4 д.⁸⁰¹, простой “пищеи” – 1р.⁸⁰². Надо сказать, что в Москве бумага стоила примерно столько же, сколько и в других городах. Так, в Тотьме в 1676-1677 гг. цена стопы бумаги равнялась 1 р. 6 а.

Цены на чернила были в течение года также неизменными. Цена “добрых” чернил составляла 23 а. 2 д. за “четвертную” склянницу⁸⁰³; кувшин

обыкновенных чернил стоил 5 а., но обычно покупали сразу два кувшина, например, 1 апреля⁸⁰⁴. В полковые, разрядные шатры чернила посылались значительно большими объемами – ведрами. Ведро вмещало приблизительно 33-34 фунта (13,5-14 л), четверть ведра – около 3,5 л. Каков объем кувшина, сказать затруднительно, можно предположить только, что он был больше скляницы.

Самыми дорогими предметами приказной обстановки были сундуки, ящики и коробы. Липовый сундук “с оковкою” стоил 1 р. 13 а. 2 д.⁸⁰⁵, простой липовый сундук – 1 р. 20 а.⁸⁰⁶, “сундукъ липовои полутора аршина, обит железом з замкомъ глездуномъ” – 1 р. 13 а. 2 д.⁸⁰⁷, сундук с “нутренным замком” – 2 р. 10 а.⁸⁰⁸, “сундукъ болшой дубовои, перебитъ железомъ, з замком нутренным большимъ” – 1 р. 20 а.⁸⁰⁹, сундук “болшой липовои мерою дву аршин с четью в ширину аршина с четью ж, с нутренным замком” – 1 р. 20 а.⁸¹⁰, сундук с замком, “окован железом” – 1 р. 3 а. 2 д.⁸¹¹, дубовый сундук – 26 а. 4 д.⁸¹² Таким образом, средняя цена на новый сундук – 1 р. 10 а. – 1 р. 20 а., что примерно равнялось цене за стопу “доброй” бумаги.

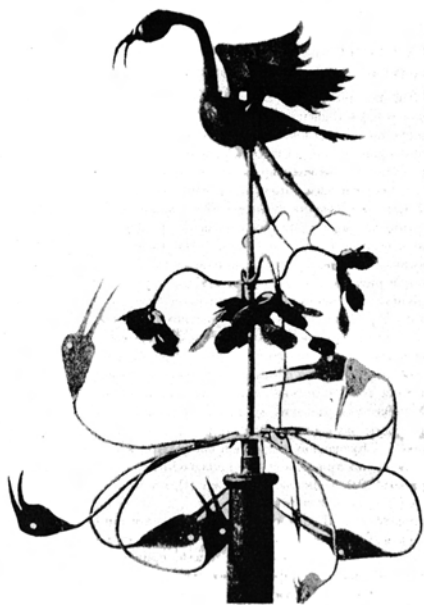
Ящики и коробы, возможно, из-за более простого устройства, обычно ценились дешевле: “липовои ящик с нутренным замком” стоил 16 а.⁸¹³; “ящик липовои” для золотой казны – 13 а. 2 д.⁸¹⁴; липовые ящики – по 6 а. 4 д.⁸¹⁵, столько же – коробы с замком⁸¹⁶, то есть меньший ящик стоил чуть дороже, чем кувшин “росхожих” чернил. Однако были и весьма дорогие ящики – за дубовый ящик с замком и с пробоем (для хранения денег) приказ заплатил 23 а. 2 д.⁸¹⁷

Работа кузнецов ценилась дешевле, чем работа столяров. Так, за два замка к сундукам рязанского списка и за починку тех же сундуков торговый человек Замочного ряда взял с приказа 13 а. 2 д.⁸¹⁸ Посадскому А. Иванову за приобретенный у него “вислои замок” к сундуку и починку замка-глездуна у другого сундука было уплачено 4 а. 2 д.⁸¹⁹ Торговый человек Замочного ряда Т. Иванов, постоянный поставщик Разряда, продал “два замка не-

Жуковина.

(Бакланова Н.А. Обстановка московских приказов в XVII в.
// Труды Государственного исторического музея.
М., 1926. Вып.3.).

Кованный флюгер с башни Китай-города.
1680-е годы.

(Бочаров Н. Металлическое узорочье
допетровской Москвы // Московский архив.
Вып. 1. М., 1996).

мецкихъ вислыхъ” и подобрал “к полковому сундуку ключь” за 5 а.⁸²⁰ Починка торговым человеком Коробейного ряда замка к сундуку вместе купленными у него же щипцами и ключом к сундуку стоили всего 10 а.⁸²¹; “замок глездун” к сундуку – 10 а.⁸²² В общем недорого было заплачено и за другие предметы кузнечного промысла – ножицы и “вески” в Денежный стол вместе с клеєм обошлись приказу в 15 а. 2 д.⁸²³.

Работы мастеров по починке сундуков также ценились выше ремонта замков: за починку двух сундуков в повытье Белгородского полка городов торговый человек Коробейного ряда получил в Разряде 6 а. 4 д.⁸²⁴, за починку еще двух сундуков – 1 р. 6 а. 4 д.⁸²⁵; за починку “у дву сундуков нутреных замков” Т. Иванов получил 4 а.⁸²⁶; И. Чермной “починиваль в Розряде донского отпуску сундукъ, обивал железом, да к нутреному замку ключь прибралъ” за 13 а. 2 д.⁸²⁷; ремонт двух сундуков в Денежном столе стоил 1 р. 6 а. 4 д.⁸²⁸

Очень дорогими предметами приказного обихода были тюфяки. Красный “барановои” тюфяк обошелся приказу в 19 а.⁸²⁹, т.е. приблизительно в ту же сумму (чуть большую), что и пятьдесят возов дров. Длинный тюфяк, купленный в Московский же стол, был, видимо, проще, чем первый, за 19 а., и потому стоил дешевле – 10 а.⁸³⁰ Чаше же всего в Разряд покупали тюфяки по цене 16 а. 4 д., очевидно, самые обычные, ходовые, и покупали всегда парами – на рубль два⁸³¹ (при этом купленная в один день с двумя тюфяками “телега с покрышкою” стоила 1 р. 30 а.).

Недешево стоило и “ручное полотенцо” для начальных людей, видимо, не из простого полотна, – 3а.⁸³² Для сравнения возьмем цены на дорогие привозные ткани, которые закупал Разряд для отправки в полки: полтора аршина (108 см) сукна “красного анбурского” стоили 21 а. 4 д. (то есть 14 а. 2 д. за аршин – 72 см)⁸³³; камка белая 20 а. за аршин⁸³⁴; камка белая и темновишневая по 20 а. за аршин, тафта белая по 16 а., вишневая по 18 а. 2 д. за аршин⁸³⁵; тафта “белая и лозоревая” стоила по 20 а. за аршин⁸³⁶; тафта “розных цветов” по 20 а. за аршин⁸³⁷. Золотые, серебряные и шелковые нити стоили, разумеется, дорого: 12 цевок золота – 8 р. (1 цевка – 22 а. 1 д.), 12 цевок серебра – 7 р. 8 а. 2 д. (1 цевка – 20 а.), “шолк розных цветов” 11 фунтов – 12 р. 13 а. 2 д. (1 р. 25 а. за фунт)⁸³⁸.

Относительно дешевым оказался труд портных: за пошив двадцати знамен мастеровым людям, портным мастерам Казенного двора, было заплачено 2 р., то есть по 2 д. за знамя⁸³⁹.

Оценивая размер заработной платы ремесленников, разумеется, нельзя обойти вниманием и вопрос о том, много или мало получали разрядные служащие. Чтобы яснее представить себе, так сказать, жизненные реалии 70-х годов XVII в., обратимся к ценам на некоторые важнейшие предметы обихода и продукты, которые существовали в последнюю треть XVII в., а также к заработной плате, которую получали специалисты различных профессий. Данные об оплате труда работников соликамских соляных варниц представлены в работе Н.В. Устюгова⁸⁴⁰. Наиболее квалифицированный из них, трубный мастер, изготавливавший трубы для выкачивания соляного раствора, получал 25 р. в год, трубный работник, обслуживавший трубы, – 10 р. 50 к., кузнецы – от 13 до 23 р., соляной повар – 15 р. 40 к., дрововоз – от 11 р. до 13 р. 20 коп., наименее квалифицированный работник, мешкодер, державший мешки при набойке соли, выносимой из варниц, получал 3 р. в год⁸⁴¹. Чтобы сравнение было более показательным, обратимся к деньгам, которые выплачивал Денежный стол Разряда за работу московским специалистам. За починку двух печей и чистку труб каменщик И. Савельев получил 1 р. 13 а. 2 д.⁸⁴² За то, что два мастера-печника “в Розряде в передней полате печь разобрали всю до пошвы и зделали внов да в заднеи полате печь ж внутри и снаружи вымазали, а за то им дело и за кирпичь и за связи и за глину и за израсцы дано четыре рубли с полтиною”⁸⁴³. За большие ремонтно-строительные работы в Разряде – строительство нового отхожего места, делание в нем окон и кровли, перекрытие сгнивших полов в передней палате – четыре плотника-ярославца получили на всю бригаду 7 р.⁸⁴⁴ Еще дороже ценилась работа золотарей: за чистку отхожих мест в Разряде посадский человек К. Максимов получил 10 р.⁸⁴⁵ Даже такое сравнение показывает, что оклады большей части подьячих Разрядного приказа были весьма небольшими.

Но какова же была реальная цена жизни в это время? К сожалению, по Москве сведений о ценах на вторую половину XVII в. найти не удалось, поэтому обратимся к данным по другим регионам. В 60-е годы на Русском Севере за 3 р. с полтиной – 4 р. можно было купить лошадь, за 1 р. овцу или двух жеребят, за 20 а. быка, за 8 гривен (26 а. 4 д.) корову, за 7 гривен (23 а. 2 д.) трех овец и трех ягнят, за 1 гривну (3 а. 2 д.) поросенка и теленка; мера ржи (чуть меньше центнера) стоила 16 а. - 16 а. 4 д.⁸⁴⁶ Приказчик на волжских судах во второй половине XVII в. тратил “на хлеб и на харч и на укус” в среднем 1 коп. (2 д.) с небольшим на день⁸⁴⁷. Н.А. Бакланова справедливо полагала, что “вряд ли приказчики стали бы стеснять себя количеством и выбором пищи”, но при этом указывала на дешевизну жизненных припасов в Нижнем Новгороде и Казани в этот период⁸⁴⁸. Воспользуемся расчетами, сделанными Н.В. Устюговым по Зырянским усольям на 80-е годы XVII в. По этим данным “прожиточный минимум одинокого рабочего человека составлял от 3 р. 65 к. до 4 р. 63 к. в год”⁸⁴⁹. В сумму входит и питание, и покупка самой необходимой одежды, но не включены расходы не то что на освещение, но и на отопление жилого помещения, что для России

весьма существенно. Поэтому сумма реального прожиточного минимума должна быть еще больше. Сравним московские цены с соликамскими: на один день выдавалось “корма” – крымскому выезжему татарину 1 а., выезжему поляку 3 а. 2 д., тюремным сидельцам 3 д., десятнику 5 д., рядовым стрельцам 4 д., казакам 1 а. 3 д., то есть минимальный расход на еду в день в Москве был 3 д., соответственно, в год – 5 р. 6 а. 5 д. По Н.В. Устюгову минимальная стоимость “продовольственной корзины” в год – от 2 р. 15 к. (2 р. 5 а.) до 3 р. 13 к. (3 р. 4 а. 2 д.). Таким образом, стоимость продовольствия в Москве была выше соликамской примерно в 1,7 раза. Значит, прожиточный минимум в Москве составлял – от 6 р. 6 а. 5 д. до 7 р. 29 а. в год. Следовательно, годовой оклад до 6 р. означал, что получавший его подьячий не мог на него прокормиться и одеться сам и, тем более, содержать семью. Зачем же тогда выплачивались подобные оклады? Во-первых, поверстание денежным окладом прежде всего означало повышение статуса для члена корпорации приказных служащих, стремившихся влиться в привилегированную категорию служилых людей по отечеству. Во-вторых, небольшие оклады приказных компенсировались подношениями просителей в благодарность за выполненную приказную работу. Наконец, неверстанными или получающими малые оклады были молодые подьячие – и в смысле низшей категории подьячих, и в смысле возраста. Нередко это были подростки и молодые люди, чаще всего сыновья подьячих, еще находившиеся на иждивении родителей⁸⁵⁰.

Те же соображения относятся и к более высоким окладам приказных подьячих. Как было отмечено, самый большой оклад, который получал старый подьячий со справой, возглавлявший повытье боярского списка в Московском столе, составлял 40 р. На эту сумму можно было собрать крупную посылку для армии: пятнадцать стоп (7 200 листов) бумаги, четыре ведра чернил, для чернил трехведерную и одноведерную бочки, свечей – сто четвертных, по пятьсот двойных и “одиноких”, коробью для свечей, “три телеги с кровли”, к ним три замка, три хомута со шлеями и три припряжи, “шандан медной, два щипца”, пять “шанданов деревянных” – всего на 30 р. 16 а.⁸⁵¹ Оклад в 40 р. примерно в семь раз превышал прожиточный минимум, что можно охарактеризовать как средний уровень.

Приказная система, таким образом, изначально предполагала побочные источники дохода для приказных служащих – “кормление от дел”. Применительно к Разрядному приказу его подьячих “кормил” тот социальный слой, который обслуживал Разряд, то есть служилые люди по отечеству. Содержание обществом профессиональных управленцев государственного аппарата напрямую, а не путем перераспределения средств через налоги, устанавливало зависимость не только общества от чиновников, но и чиновников от общества, что осознавалось каждой стороной вполне отчетливо: “пользователи” приказной системой негодовали по поводу непомерных поборов подьячих, а подьячие открыто мотивировали просьбы перейти в другой приказ невозможностью прокормиться на старом месте.

Подводя итоги финансовой деятельности Разрядного приказа в 185 г., можно отметить следующие основные моменты.

В приходной части финансовой деятельности Разряда глава приказа не участвовал. Все денежные средства принимали его заместители, трое разрядных дьяков. Общий контроль за приказной казной, как в приходной, так и в расходной части, находился в руках первого заместителя В.Г. Семенова, П.И. Ковелина. Через руки дьяков проходили только основные части окладных платежей, которые взимал Разряд, – во-первых, фиксированные доимочные сборы с таможен, кабаков и оброчных мест, во-вторых, все полонянничные сборы, как доимочные, так и за текущий год. “Дополнительные”, нефиксированные выплаты (доправленные недоимки на ответственных за сбор людей, выплаты за кабацкий инвентарь и продукты, определенные местными оценщиками), а также недоимки по сбору меда и воска принимались подьячими – непосредственно начальником Денежного стола и его заместителем. Из неокладных сборов дьяки принимали только пенные деньги с воевод и городских приказных людей – это был контроль за исполнением взысканий, наложенных Разрядом на местную администрацию. Личное участие высших руководителей приказа в приеме денег по определяющим статьям подтверждает принципы, записанные в Уложении 1649 г. – ответственность за деятельность приказа, в особенности за казну, лежала прежде всего на руководстве, на дьяках, а не на подьячих, непосредственно ведавших деньгами. Таким образом, контроль руководства приказа за его деятельностью, в частности, Денежного стола, осуществлялся перманентно, а не путем разовых проверок. Информация о деятельности подразделения приказа практически не терялась при прохождении от низшего уровня к высшему, поскольку звеньев управления было всего два: старые подьячие, руководители Денежного стола, которые лично получали и выдавали средства из приказной казны, – и дьяки Разряда, принимавшие решения по этим делам и (или) контролировавшие их исполнение подьячими.

В 185 г. приходом и расходом средств в Разряде занимались начальник Денежного стола подьячий В. Степанов и его заместитель подьячий М. Алексеев. Кроме большей ответственности, лежавшей на В. Степанове как руководителе Денежного стола, между начальником и его заместителем существовало и определенное разделение труда. В целом, помимо того, что В. Степанов осуществлял общее руководство Денежным столом, через его руки проходили большие денежные суммы и материальные ценности, чем по ведомству М. Алексева. В частности, только В. Степанов заведовал остатками денег, золотых и воска, перешедшими из предыдущего года в текущий. К нему поступали основные платежи из городов как Белгородского, так и Севского разряда и “рублевые” деньги из замосковских и новгородских городов. В ведении М. Алексева находились преимущественно города Севского полка. В. Степанов занимался сбором доимок по таможенным, кружечным и кабацким сборам за “прошлые годы” (то есть ранее 184 г.), М. Алексеев – сбором этих доходов за 184 и 185 гг. В приеме воска и меда первенство также принадлежало В. Степанову – воска он принимал больше, чем М. Алексеев, мед также принимался только начальником Денежного стола.

В структуре прихода Разрядного приказа в 185 г. основную часть составили окладные сборы, которые более чем в два раза превышали неокладные. В расходной части бюджета траты на жизнедеятельность самого учреждения, собственно канцелярии, значительно уступали “функциональным” тратам приказа. В 185 г. Разряд имел профицит бюджета.

Определением как очередных, так и внеплановых выплат служащим приказа занимался начальник Разряда, думный дьяк В.Г. Семенов. Несколько меньшее участие в этом принимал его первый заместитель П.И. Ковелин. Участие в решении этих вопросов второго и третьего заместителей носит эпизодический характер.

В Разряде существовал некий график выплаты жалованья разным категориям служащих. “Плановое” жалованье подьячим выплачивалось (за некоторыми исключениями) один раз за год, оклад целиком; детям боярским и сторожам жалованье выплачивалось в два приема – по полугодиям. Чтобы не перегружать бюджет приказа одной или двумя одновременными выплатами всем служащим Разряда сразу, жалованье разным категориям служащих приказа выдавалось в определенной последовательности в течение года.

Текущие финансовые вопросы в Разрядном приказе решались тремя заместителями начальника приказа. Сам думный дьяк В.Г. Семенов решал денежные дела только в двух случаях: при расчетах Разряда с другими приказами и при выдаче внеочередных выплат различным категориям служилых и не служилых людей по их прошению, в случае, когда эти люди или дела были связаны с компетенцией Разряда.

Все дьяки рассматривали финансовые дела в равной мере по всем столам приказа. Текущие денежные дела были действительно практически ежедневными, иногда с перерывом в один-три дня. Они рассматривались любым из дьяков, кто находился в этот день в приказе и мог принять их. Однако основная работа по решению текущих финансовых дел Разряда лежала на втором дьяке, П.И. Ковелине. В тематике дел существовала некоторая специализация: третий дьяк, Л.А. Домнин, в целом принимал меньшее участие в решении финансовых вопросов, чем первые два дьяка; в то же время, только в его компетенции находилась выдача воска для приказных нужд разрядным сторожам. Второй дьяк, Ф.Л. Шакловитый, в большей степени, чем другие дьяки занимался управлением разрядными служащими. Дьяки определяли даже самые малые выплаты из разрядной казны, не передоверяя эти дела старым подьячим, в том числе руководителю Денежного стола, что подтверждает представление о весьма большом значении, которое придавалось в приказной администрации любым финансовым вопросам.

У всех четырех столов приказа структура расходов была практически одинаковой, при том, что непосредственные выплаты осуществлялись всегда только из Денежного стола. Вместе с тем, в этом аспекте для каждого стола имелась и своя специфика. Естественно, наиболее обширными были расходы по делам Московского стола. Из него поступало больше всего распоряжений о выдаче прогонных денег для посланных с поручениями Разряда служилых людей всех категорий, от бояр до младших городовых чинов.

По его требованиям выплачивались деньги на снабжение украинских полков и городов, на жалование ратным людям Белгородского и Севского разрядов. Самыми большими были расходы и на работу канцелярии Московского стола, в частности, на приобретение сундуков и ящиков для хранения документов, на переплетные работы.

Особенности расходов по представлениям Новгородского стола были связаны с его территориальной принадлежностью – они, за редкими исключениями, касались только городов и служилых людей, ведомых этим столом.

Поскольку в Приказном столе была сосредоточена судебная и пенитенциарная деятельность Разрядного приказа, денежные выплаты по его письмам были связаны с исполнением именно этих функций: прогонные деньги служилым людям для сопровождения колодников, для выполнения поручений по судебным делам Разряда в провинции, расходы на содержание арестантов, русских и иноземных. По распоряжениям из Приказного стола Денежный стол выплачивал различные пособия вышедшим из плена и раненым служилым людям, которые также находились в ведении Приказного стола.

На Денежном столе, помимо осуществления всех вышеуказанных выплат, лежала обязанность снабжать всю разрядную канцелярию “средствами производства” и обеспечивать сотрудников бытовыми удобствами (освещение, обогрев, поддержание чистоты в помещениях, ремонт приказной мебели и помещений Разряда). Денежный стол управлял и всеми финансовыми потоками, которые шли через Разряд в другие приказы или из других приказов.

Связи между столами Разряда в финансовом отношении были вполне формализованными, бюрократизированными – они осуществлялись в письменной форме (“письмами”), но, очевидно, не непосредственно из стола в стол, а через судейскую коллегию приказа. “Письма” из столов с пометами и расписками, фиксировавшими исполнение дела, откладывались в архиве Денежного стола, в соответствующем его отделе.

Техника приказного делопроизводства

Завершая исследование административной деятельности Разрядного приказа в 185 г., суммируем сведения о делопроизводственных приемах разрядных служащих.

В приказном делопроизводстве не было принято каждый очередной этап прохождения дела в учреждении фиксировать на отдельном документе. Напротив, решение по делу и, нередко, отметку об исполнении этого решения записывали на том же листе (листах), где дело было изложено (это

касалось как входящих, так внутренних документов). Входящие документы принимали лично руководители приказа; на корреспондентской местной администрации или военного командования они собственноручно делали пометы о дате получения документа и имени курьера. Во многих пометах дьяков присутствовали формулировки “по указу великого государя”, “государь пожаловал”, которые не имели буквального значения, а представляли собой устоявшийся оборот, подтверждавший, что в государстве все происходило по велению верховной власти.

Характерной особенностью делопроизводственной практики было то, что указания руководства приказа своим подчиненным были самого общего плана – сделать выписку, послать память в такой-то приказ, направить в архив и т.д. В пометах не назывались ни конкретное подразделение Разряда, ни лицо, которое должно было исполнить распоряжение, не было никаких указаний на примерное содержание памяти или выписки, а для последней – исходных материалов. Все это или сообщалось принявшим решение дьяком устно, или, что вероятнее всего, дьяк передавал документ с резолюцией в соответствующий стол, где опытные сотрудники, руководствуясь содержанием документа, пометой и приказной практикой, составляли необходимые бумаги, что свидетельствует о высоком уровне организации (а не заорганизованности) делопроизводственной деятельности приказа, о неформальном и потому эффективном способе управленческой деятельности.

Единой для всех, строго обязательной формулы резолюции по какому-то вопросу в делопроизводственной практике разрядных дьяков не было. При том, что существовала некая общая формулировка решения по конкретному вопросу, у каждого дьяка был собственный индивидуальный ее вариант, который оставался неизменным.

В отличие от более поздних времен, когда учреждение делало два (или более) беловых экземпляра исходящего документа и один из них отправляло по адресу, копии оставляло в своем архиве, а черновики уничтожались, в разрядном архиве оставался только черновик грамоты или памяти. По этим документам можно выяснить, какого рода правка проводилась в документах, а иногда определить, кто именно был редактором, хотя последнее удается нечасто.

Чаще всего черновик составляли подьячие средней статьи или даже старые; затем старые подьячие редактировали их, после чего молодые подьячие переписывали черновик набело. Правка, которую вносили в черновики старые подьячие, была направлена на более четкое изложение фактического материала или мысли, сокращение повторов, несущественных деталей, более правильное, стилистически стройное построение предложений⁸⁵². Выписки для представления руководству приказа также готовились подьячими средней статьи или старыми. Главный редактор документа обычно отмечал на черновике дату, адрес и имя курьера исходящего документа.

В составлении исходящих документов принимали участие и дьяки Разряда – они “приписывали”, то есть заверяли правильность документа. Как и “справа” подьячего, “припись” дьяка не была формальной – дьяки собственноручно редактировали документы, а иногда и дописывали их, при этом правка дьяков была как стилистической, так и содержательной – в частно-

сти, они корректировали резолюцию по делу. Естественно, что правка черновиков была анонимной и атрибутируется исключительно по почеркам. Исключение составляет черновик грамоты в Воронеж, Козлов и Землянк о сыске беглых крестьян кн. М.Я. Черкасского. Первоначально имя князя было написано в черновике без “вичи” – “Яковлев сын”, а затем везде сверху приписано “Яковлевич”. Ниже рукой дьяка Ф.Л. Шакловитого помечено: “С вичом приказать писать. Дьякъ Федор Шакловитои”⁸⁵³.

Как уже отмечалось выше, для страхования документа от подлога или утери его части дьяки и руководитель приказа записывали свое решение по делу на местах склеек листов – сставах, начиная с первого, и заканчивали в конце документа, внизу листа – там обычно помещалась самая объемная часть пометы. Реже в Разряде в 185 г. практиковался другой способ скрепления документа, когда один из руководителей приказа, принявший решение по делу, писал на сставах оборотов листов слово “сстав”, а помету целиком располагал в самом конце документа, после всех записей (например, Ф.Л. Шакловитый на выписке по челобитью Ф.В. Черткова о пожаловании в жильцы⁸⁵⁴; П.И. Ковелин на выписке по челобитной Ф.Ф. Селевина о поверстании поместным и денежным окладом⁸⁵⁵).

Ежедневная работа Разрядного приказа осуществлялась сотрудниками приказа под непосредственным руководством подьячих старых и “средней руки”, а направлялась, разумеется, разрядными дьяками. Стилль их работы отличался высокой степенью неформализованности. В частности, это означало, что многие распоряжения текущего характера отдавались устно, другие облекались в письменную форму, но были свободны от всех элементов формуляра, направленных на контроль за исполнением этого распоряжения. Приказные документы внутреннего пользования отличали лаконизм, сжатость и точность формулировок, своего рода “экономность” средств выражения. Изобилие “канцелярщины”, мелочный формальный контроль, появившиеся в более позднем делопроизводстве, свидетельствуют о некотором бессилии руководства, о его неспособности реально держать деятельность учреждения под контролем. В этом отношении приказное делопроизводство выгодно отличалось от позднейшего – упор в нем делался на исполнение дела, а не на подстраховку исполнителей от возможного начального неудовольствия.

Запросы и ответы на них, которыми обменивались руководители столов Разряда, являлись и вовсе неформальными документами. Они предельно кратки в обеих частях, записаны, естественно, на одном листе бумаги, причем практически всегда такого размера, на котором только и помещаются записи (то есть очень небольшой части листа в десть).

При чтении официальных документов XVII в. может возникнуть впечатление, что все люди того времени, и государственные служащие в том числе, испытывали огромный пиетет к верховной власти и начальству вообще, что вроде бы подтверждается примерами, когда за неверное написание царского титула или за нарушение этикета в отношениях между официальными лицами провинившиеся подвергались суровому наказанию. Однако при чтении тех же делопроизводственных документов, но в черновой их форме (по крайней мере, разрядных), оказывается, что впечатление

это поверхностное. Так, в большей части черновиков для экономии места, времени и усилий пишущего, титул царя сворачивался до одной буквы “т”, очерченной неровным квадратом и кружком⁸⁵⁶. Чтобы не перечислять по именам всех судей приказа, ограничивались фразой “и прислать в такой-то приказ к диаком **имена**”⁸⁵⁷ или “и по государеву **т имяна** учинить о том по указу великого государя”⁸⁵⁸ (буква “т” заключена в кружок, а слово “имяна” – в прямоугольник). Однако этикет допускал сокращения имен руководителей приказов только до определенной ступени иерархической лестницы, а именно, заканчивая приказными дьяками. Имена думных людей писали полностью. Однако и из этого правила были исключения. Имена думных людей, в частности, крупных военачальников, могли быть сведены к аббревиатуре, если они часто упоминались, например имя В.В. Голицына – “б и в к ввг”⁸⁵⁹, то есть “боярин и воевода князь Василий Васильевич Голицын”.

Также непочтительно, до первых букв, сокращали подьячие чин и имя дьяка в формуле “за приписью дьяка такого-то”, например: “Такова за приписью дьяка ЛД отпущена” – инициалы Л.А. Домнина взяты в кружочки⁸⁶⁰. Нередко фраза принимала и такой вид: “за приписью д п к”⁸⁶¹, “за приписью д ф ш”⁸⁶² (каждая отдельная буква обводилась кружком), что означало “за приписью дьяка Петра Ковелина”, “за приписью дьяка Федора Шакловитого”. Иногда сокращение было еще более сжато: “Такова здфш”, причем буквы “здфш” написаны без пробела и заключены в один прямоугольник⁸⁶³. Сокращение, разумеется, расшифровывается как “Такова за приписью дьяка Федора Шакловитого”. Другой пример: “Такова здпк отдана ему, Силе”⁸⁶⁴, где буквы также написаны без пробела и заключены в прямоугольник и расшифровываются как “за приписью дьяка Петра Ковелина”. Подобной “скорописью” пользовались в текущем делопроизводстве и разрядные дьяки, в частности, Ф.Л. Шакловитый (возможно, он и принес в Разряд эту практику из приказа Тайных дел, чье делопроизводство отличалось большей, чем в других приказах, неформальностью) – на обороте одного из черновиков им сделана вставка “Приказал д Федор Шакловито дат грамота с прочетом”⁸⁶⁵, буква “д” обведена кружком.

В целом характер разрядного делопроизводства можно определить как сочетание рациональности и практичности с большой степенью неформальности.

- 1 210.6ж.129, 130.
- 2 210.6ж.129.
- 3 210.6ж.129.Л.1-17.
- 4 210.6ж.129.Л.18-47а об.
- 5 210.6ж.129.Л.18.
- 6 210.6ж.129.Л.20.
- 7 210.6ж.129.Л.33.
- 8 210.6ж.129.Л.48.
- 9 210.6ж.129.Л.48об.-54об.
- 10 210.6ж.129.Л.54об.-55об.
- 11 210.6ж.129.Л.55об.
- 12 210.6ж.129.Л.56-57.
- 13 210.6ж.129.Л.57-66.
- 14 210.6ж.129.Л.66-66об.
- 15 210.6ж.129.Л.67-71
- 16 210.6ж.129.Л.71-73об.
- 17 210.6ж.129.Л.73об.-85об.
- 18 210.6ж.129.Л.50об.
- 19 210.6ж.129.Л.51об.
- 20 210.6ж.129.Л.54.
- 21 210.6ж.129.Л.57об.
- 22 210.6ж.129.Л.59об.
- 23 210.6ж.129.Л.77об.
- 24 210.6ж.129.Л.78.
- 25 210.6ж.129.Л.18 об., 47.
- 26 210.6ж.129.Л.18 об.
- 27 210.6ж.129.Л.22.
- 28 210.6ж.129.Л.22 об.
- 29 210.6ж.129.Л.19 об., 41.
- 30 210.6ж.129.Л.21.
- 31 210.6ж.129.Л.26 об.
- 32 210.6ж.129.Л.33.
- 33 210.6ж.129.Л.36.
- 34 210.6ж.129.Л.40 об.
- 35 210.6ж.129.
- 36 210.6ж.129.Л.37 об.
- 37 210.6ж.129.Л.23.
- 38 210.6ж.129.Л.21.
- 39 210.6ж.129.Л.20.
- 40 210.6ж.129.Л.32.
- 41 210.6ж.129.Л.19.
- 42 210.6ж.129.Л.36.
- 43 210.6ж.129.Л.26 об.
- 44 210.6ж.129.Л.23.
- 45 210.6.130.Л.94об.
- 46 210.6.129.Л.35 об.
- 47 210.6ж.129.Л.20.
- 48 210.6ж.129.Л.41.
- 49 210.6ж.129.Л.19 об.
- 50 210.6ж.129.Л.21.
- 51 210.6ж.129.Л.27 об.-28.
- 52 210.6ж.129.Л.44.
- 53 210.6ж.129.Л.18.
- 54 210.6ж.129.Л.19 об.-20.
- 55 210.6ж.129.Л.36-36 об.
- 56 210.6ж.129.Л.66-66 об.
- 57 210.6ж.129.Л.78 об.-79.
- 58 210.6ж.129.Л.32 об.-33.
- 59 210.6ж.129.Л.32об.-33.
- 60 210.6ж.129.Л.25 об.
- 61 210.6ж.129.Л.50.
- 62 210.6ж.129.Л.39.
- 63 210.6ж.129.Л.76 об.
- 64 210.6ж.129.Л.77.
- 65 210.6ж.129.Л.32.
- 66 210.6ж.129.Л.53.
- 67 210.6ж.129.Л.21.
- 68 210.6ж.129.Л.75.
- 69 210.6ж.129.Л.37 об.
- 70 210.6ж.129.Л.50 об.
- 71 210.6ж.129.Л.59.
- 72 210.6ж.129.Л.78 об.
- 73 210.6ж.129.Л.57 об.
- 74 210.6ж.129.Л.78.
- 75 210.6ж.129.Л.35 об., 78 об.
- 76 210.6ж.129.Л.58 об.-59.
- 77 210.6ж.129.Л.60-61.
- 78 210.6ж.129.Л.48 об.
- 79 210.6ж.129.Л.78.
- 80 210.6ж.129.Д. 130. Л.20.
- 81 210.6ж.129.Д.129.
- 82 Полное собрание законов Российской империи. Т.І. СПб., 1830. № 570.
- 83 210.6ж. Д.130. Л.207-208.
- 84 210.9ж.129.Л.48.
- 85 210.9ж.129.Л.66об.
- 86 210.9ж.129.Л.72-72об.
- 87 210.9ж.129.Л.66.
- 88 210.9ж.129.Л.72.
- 89 210.9ж.129.Л.79.
- 90 210.9ж.129.Л.85.
- 91 210.9ж.129.Л.48об., 66.
- 92 210.9ж.129.Л.75-75об., 79.
- 93 210.9ж.129.Л.71-72.
- 94 210.9ж.129.Л.83.
- 95 210.9ж.129.Л.84.
- 96 210.9ж.129.Л.84об.-85.
- 97 210.9ж.129.Л.85об.
- 98 210.9ж.129.Л.73-73об.
- 99 210.9ж.129.Л.72.
- 100 210.9ж.129.Л.73.
- 101 210.9ж.129.Л.69об.
- 102 210.9ж.130.
- 103 210.6ж.130.Л.1-3 об.
- 104 210.6ж.130.Л.34-206 об.
- 105 210.6ж.130.Л.206 об.-218.
- 106 210.6ж.130.Л.20.
- 107 210.6ж.130.Л.7 об.

- 108 210.6ж.130.Л.5 об.
109 210.6ж.130.Л.1.
110 210.6ж.130.Л.7 об.
111 210.6ж.130.Л.8 об.
112 210.6ж.130.Л.17 об.
113 210.6ж.130.Л.6 об.
114 210.6ж.130.Л.11.
115 210.6ж.130.Л.20.
116 210.6ж.130.Л.3 об.
117 210.6ж.130.Л.7.
118 210.6ж.130.Л.7 об.
119 210.6ж.130.Л.14 об.
120 210.6ж.130.Л.10 об.
121 210.9а.531.Ст.4.Л.2.
122 210.6ж.130.Л.20.
123 210.6ж.130.Л.20.
124 210.6ж.130.Л.2.
125 210.6ж.130.Л.20.
126 210.6ж.130.Л.20 об.
127 210.6ж.130.Л.21.
128 210.6ж.130.Л.21.
129 210.6ж.130.Л.26 об.
130 210.6ж.130.Л.20-26 об.
131 210.6ж.130.Л.27-29 об.
132 210.6ж.130.Л.30-30об.
133 210.6ж.130.Л.31-33об.
134 210.6ж.130.Л.7 об.
135 210.6ж.130.Л.8 об.
136 210.6ж.130.Л.6 об., 17 об.
137 210.6ж.130.Л.7.
138 210.6ж.130.Л.20об.
139 210.6ж.130.Л.6об., 7об., 8об., 17об.
140 210.6ж.130.Л.34-62.
141 210.6ж.130.Л.125-136.
142 210.6ж.130.Л.136 об.-206 об.
143 210.6ж.130.Л.207-208.
144 210.6ж.130.Л.208 об.-209 об.
145 210.6ж.130.Л.210.
146 210.6ж.130.Л.210 об.
147 210.6ж.130.Л.211.
148 210.6ж.130.Л.212 об.
149 210.6ж.130.Л.34 об.-35.
150 210.6ж.130.Л.208 об.-209 об.
151 *Слово написано Л.А. Домниньм.*
152 210.6ж.130.Л.135 об.-136.
153 210.6ж.130.Л.47.
154 210.6ж.130.Л.101 об.-102.
155 210.6ж.130.Л.98.
156 210.6ж.130.Л.108 об.
157 210.6ж.130.Л.112-112 об.
158 210.6ж.130.Л.109.
159 210.6ж.130.Л.34 об.-35.
160 210.6ж.130.Л.35.
161 210.6ж.130.Л.37 об.-38.
162 210.6ж.130.Л.101 об.-102.
163 210.6ж.130.Л.135 об.-136.
164 210.6ж.130.Л.207-208.
165 210.6ж.130.Л.208 об.
166 210.6ж.130.Л.210.
167 210.6ж.130.Л.211.
168 210.6ж.130.Л.35 об., 37 об., 60 об.,
61 об., 133 об., 137 об.-138 и др.
169 210.6ж.130.Л.35 об.-36, 37 об., 49 об.,
53, 54, 56, 56 об., 58 об.-59, 67 об.-68,
71 об.-72, 73 об., 74, 75, 123 об.
170 210.6ж.130.Л.49 об., 59, 59 об.-60, 66,
94 об., 125.
171 210.6ж.130.Л.41.
172 210.6ж.130.Л.47.
173 210.6ж.130.Л.206 об.
174 210.6ж.130.Л.206об.
175 210.6ж.130.Л.38 об., 39-40.
176 210.6ж.130.Л.47-48.
177 210.6ж.130.Л.51-51 об.
178 210.6ж.130.Л.110-111.
179 210.6ж.130.Л.125-126.
180 210.6ж.130.Л.130-131.
181 210.6ж.130.Л.147 об.-149.
182 210.6ж.130.Л.36 об.-37 об.
183 210.6ж.130.Л.103 об.-105.
184 210.6ж.130.Л.128-129.
185 210.6ж.130.Л.141-143.
186 210.6ж.130.Л.149-151 об.
187 210.6ж.130.Л.165-167 об.
188 210.6ж.130.Л.170 об.-173.
189 210.6ж.130.Л.188-190.
190 210.6ж.130.Л.38-40 об.
191 210.6ж.130.Л.47-48.
192 210.6ж.130.Л.125-126.
193 210.6ж.130.Л.127 об.-128.
194 210.6ж.130.Л.134 об.-136.
195 210.6ж.130.Л.44 об.-46 об.
196 210.6ж.130.Л.55-55 об.
197 210.6ж.130.Л.57-58.
198 210.6ж.130.Л.60 об.-61 об.
199 210.6ж.130.Л.61 об.
200 210.6ж.130.Л.86-87.
201 210.6ж.130.Л.99.
202 210.6ж.130.Л.99 об.
203 210.6ж.130.Л.106 об.-107.
204 210.6ж.130.Л.113.
205 210.6ж.130.Л.137 об.-138 об.
206 210.6ж.130.Л.147-149.
207 210.6ж.130.Л.167 об.-170 об.
208 210.6ж.130.Л.179-180 об.
209 210.6ж.130.Л.48-48 об.
210 210.6ж.130.Л.78-78об.
211 210.6ж.130.Л.96об.-97.

- 212 210.6ж.130.Л.109об.-111.
213 210.6ж.130.Л.112-112об.
214 210.6ж.130.Л.152об.-154.
215 210.6ж.130.Л.177об.-178.
216 210.6ж.130.Л.34.
217 210.6ж.130.Л.122об.
218 ДРВ. Ч.17. М., 1791. С.196-198; АЮЗР.
Т.ХШ. № 19, 21.
219 210.6ж.130.Л.147об.
220 Временник МОИДР. Кн.6. С.39; Кн.12.
С.33-34; Кн.13. 33-35.
221 210.6ж.130.Л.154.
222 Временник МОИДР. Кн.6. С.39; Кн.12.
С.33-34; Кн.13. 33-35.
223 210.6ж.130.Л.107об.-108.
224 210.6ж.130.Л.176об.-177.
225 210.6ж.130.Л.199об.-200.
226 210.6ж.130.Л.199об.-200.
227 210.6ж.130.Л.44об.-45.
228 210.6ж.130.Л.54-54об.
229 210.6ж.130.Л.55, 57об.
230 210.6ж.130.Л.167-167об.
231 210.6ж.130.Л.153об.
232 210.6ж.130.Л.155-155об.
233 210.6ж.130.Л.38об.
234 210.6ж.130.Л.38об.
235 210.6ж.130.Л.94об.
236 210.6ж.130.Л.38об.-39.
237 210.6ж.130.Д.129. Л.37 об.
238 210.6ж.130.Д.130. Л.122.
239 210.6ж.130.Л.109 об.-110.
240 210.6ж.130.Л.44 об.-45.
241 210.6ж.130.Л.55, 57 об.
242 210.6ж.130.Л.118.
243 210.6ж.130.Л.192.
244 210.6ж.130.Л.62 об.
245 210.6ж.130.Л.79 об.
246 210.6ж.130.Л.47 об., 123 об.
247 210.6ж.130.Л.180 об.
248 210.6ж.130.Л.193 об.
249 210.6ж.130.Л.56 об., 76 об.
250 210.6ж.130.Л.58 об.
251 210.6ж.130.Л.56 об.
252 210.6ж.130.Л.130 об.
253 210.6ж.130.Л.47 об.-48, 51 об.
254 210.6ж.130.Л.64 об.
255 210.9а.527.Л.228-228об.
256 210.6ж.130.Л.179 об.-180.
257 210.6ж.130.Л.130 об.
258 210.6ж.130.Л.190 об.
259 210.6ж.130.Л.100 об.
260 210.6ж.130.Л.201-201 об.
261 210.6ж.130.Л.83 об.
262 210.6ж.130.Л.104-104 об.
263 210.6ж.130.Л.110 об.-111, 115-115 об.,
124-124 об., 133 об.-134 об., 140, 144 об.-
145, 154-154 об.
264 210.6ж.130.Л.104 об.
265 210.6ж.130.Л.115.
266 210.6ж.130.Л.124-124 об.
267 210.6ж.130.Л.134.
268 210.6ж.130.Л.144 об.
269 210.6ж.130.Л.154 об.
270 210.6ж.130.Л.39.
271 210.6ж.130.Л.52 об.
272 210.6ж.130.Л.181-181 об., 194, 198 об.
273 210.6ж.130.Л.203.
274 210.6ж.130.Л.166.
275 210.6ж.130.Л.193, 203 об.
276 210.6ж.130.Л.194.
277 210.6а.8.Л.76-78.
278 210.6ж.130.Л.43 об., 48, 52 об., 148.
279 210.6ж.130.Л.44 об., 96 об.-97.
280 210.6ж.130.Л.90 об., 123.
281 210.6ж.130.Л.148.
282 210.6ж.130.Л.42.
283 210.6ж.130.Л.71-71 об.
284 210.6ж.130.Л.90.
285 210.6ж.130.Л.143.
286 210.6ж.130.Л.166.
287 210.6ж.130.Л.161.
288 210.6ж.130.Л.46.
289 210.6ж.130.Л.47 об.
290 210.6ж.130.Д.129. Л.51 об.
291 210.6ж.130.Д.130. Л.58-58 об.
292 210.6ж.130.Л.58 об.-59.
293 210.6ж.130.Л.59 об., 61.
294 210.6ж.130.Л.64-64 об.
295 210.6ж.130.Л.66 об.
296 210.6ж.130.Л.146.
297 210.6ж.130.Л.152.
298 210.6ж.130.Л.34.
299 210.6ж.130.Л.177.
300 Временник МОИДР. Кн.13. М., 1852.
С.35.
301 210.6ж.130.Л.177 об.-178.
302 210.6ж.130.Л.37 об.
303 210.6ж.130.Л.48 об.
304 210.6ж.130.Л.62.
305 210.6ж.130.Л.76 об.-77.
306 210.6ж.130.Л.82 об.
307 210.6ж.130.Л.147 об.
308 210.6ж.130.Л.148 об.-149.
309 210.6ж.130.Л.156-156 об.
310 210.6ж.130.Л.174 об.-175 об.
311 210.6ж.130.Л.169 об.
312 210.6ж.130.Л.171-171 об.
313 210.6ж.130.Л.165 об.

- 314 210.6ж.130.Л.195 об.
315 210.6ж.130.Л.158 об.
316 210.6ж.130.Л.163 об.
317 210.6ж.130.Л.105-105 об.
318 210.6ж.130.Л.83.
319 210.6ж.130.Л.87 об.
320 210.6ж.130.Л.110-110 об.
321 210.6ж.130.Л.120.
322 210.6ж.130.Л.125 об.-126.
323 210.6ж.130.Л.127-127 об.
324 210.6ж.130.Л.138-138 об.
325 210.6ж.130.Л.150 об.-151.
326 210.6ж.130.Л.196.
327 210.6ж.130.Л.139.
328 210.6ж.130.Л.166 об.
329 210.6ж.130.Л.43 об.
330 210.6ж.130.Л.174.
331 210.6ж.130.Л.171 об.-172 об.
332 210.6ж.130.Л.176 об.-177.
333 210.6ж.130.Л.176-176 об.
334 210.6ж.130.Л.93 об.
335 210.6ж.130.Л.96-96 об.
336 210.6ж.130.Л.96 об.
337 210.6ж.130.Л.106 об.
338 210.6ж.130.Л.113 об.
339 210.6ж.130.Л.122 об.
340 210.6ж.130.Л.123.
341 210.6ж.130.Л.123 об.
342 210.6ж.130.Л.124 об.-125.
343 210.6ж.130.Л.128.
344 210.6ж.130.Л.130.
345 210.6ж.130.Л.130 об.
346 210.6ж.130.Л.131.
347 210.6ж.130.Л.132.
348 210.6ж.130.Л.133.
349 210.6ж.130.Л.134 об.
350 210.6ж.130.Л.133 об.
351 210.6ж.130.Л.134 об.-135.
352 210.6ж.130.Л.135 об.
353 210.6ж.130.Л.137-137 об.
354 210.6ж.130.Л.140 об.
355 210.6ж.130.Л.144 об.
356 210.6ж.130.Л. 141, 143.
357 210.6ж.130.Л. 147 об.
358 210.6ж.130.Л. 148-148 об.
359 210.6ж.130.Л.155.
360 210.6ж.130.Л.154.
361 210.6ж.130.Л.168 об.
362 210.6д.95.Л.107об.
363 210.6ж.130. Л.169.
364 210.6ж.130.Л.170.
365 210.6ж.130.Л.173.
366 210.6ж.130.Л.169-169 об.
367 210.6ж.130.Л.181.
368 210.6ж.130.Л.184 об.-185.
369 210.6ж.130.Л.188 об.
370 210.6а.Д.1.Л.277; Русская историческая библиотека. Т.IX. С.520-522.
371 Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950.
372 210.6ж.130.Л.119-120.
373 210.6ж.130.Л.125 об.-126 об.
374 210.6ж.130.Л.138-138 об.
375 210.6ж.130.Л.135.
376 210.6ж.130.Л.41 об.
377 210.6ж.130.Л.141 об.-142.
378 210.6ж.130.Л.197 об.
379 210.6ж.130.Л.141 об.-142, 197 об.
380 210.6ж.130.Л.141 об.
381 210.6ж.130.Л.128 об.-129.
382 210.6ж.130.Л.41 об.
383 210.6ж.130.Л.199.
384 210.6ж.130.Л.136 об.
385 210.6ж.130.Л.135 об.-136.
386 210.6ж.130.Л.120 об.-122.
387 210.6ж.130.Л.168-168 об.
388 210.6ж.130.Л.124 об.-125.
389 210.6ж.130.Л.129 об.
390 210.6ж.130.Л.66 об.
391 210.6ж.130.Л.130.
392 210.6ж.130.Л.107 об.
393 210.6ж.130.Л.149.
394 210.6ж.130.Л.198.
395 210.6ж.130.Л.120 об.-122.
396 210.6ж.130.Л.126 об.
397 *Предлог в пропущен.*
398 210.6ж.130.Л.127-127 об.
399 210.6ж.130.Л.139 об.
400 210.6ж.130.Л.36 об.-37.
401 210.6ж.130.Л.100.
402 210.6ж.130.Л.150.
403 210.6ж.130.Л.163 об.
404 210.6ж.130.Л.35.
405 210.6ж.130.Л.84-84 об.
406 210.6ж.130.Л.102 об.
407 210.6ж.130.Л.41.
408 210.6ж.130.Л.47.
409 210.6ж.130.Л.70-70 об.
410 210.6ж.130.Л.117-117 об.
411 210.6ж.130.Л.180 об.
412 210.6ж.130.Л.52, 57.
413 210.6ж.130.Л.80.
414 210.6ж.130.Л.84 об.
415 210.6ж.130.Л.107.
416 210.6ж.130.Л.205 об.
417 210.6ж.130.Л.132.
418 210.6ж.130.Л.152-152 об.
419 210.6ж.130.Л.41 об.
420 210.6ж.130.Л.120 об.

- 421 210.6ж.130.Л.39.
422 210.6ж.130.Л.52.
423 210.6ж.130.Л.70.
424 210.6ж.130.Л.102 об.-103.
425 210.6ж.130.Л.102 об.-103.
426 210.6ж.130.Л.116 об.-117.
427 210.6ж.130.Л.162.
428 210.6ж.130.Л.55 об.
429 210.6ж.130.Л.65.
430 210.6ж.130.Л.85 об.
431 210.6ж.130.Л.100 об.
432 210.6ж.130.Л.103.
433 210.6ж.130.Л.105.
434 210.6ж.130.Л.106.
435 210.6ж.130.Л.127.
436 210.6ж.130.Л.137.
437 210.6ж.130.Л.161 об.
438 210.6ж.130.Л.39 об.
439 210.6ж.130.Л.84.
440 210.6ж.130.Л.84 об.
441 210.6ж.130.Л.95.
442 210.6ж.130.Л.105 об.
443 210.6ж.130.Л.129.
444 210.6ж.130.Л.163.
445 210.6ж.130.Л.50 об.
446 210.6ж.130.Л.55 об.
447 210.6ж.130.Л.71 об.
448 210.6ж.130.Л.100 об.
449 210.6ж.130.Л.103.
450 210.6ж.130.Л.106.
451 210.6ж.130.Л.137.
452 210.6ж.130.Л.85 об.
453 210.6ж.130.Л.100 об.
454 210.6ж.130.Л.161 об.
455 *Бакланова Н.А.* Обстановка Московских приказов // Труды государственного исторического музея. Вып. 3. М., 1926. С.94.
456 210.6ж.130.Л.71 об.
457 210.6ж.130.Л.39 об.
458 210.6ж.130.Л.84 об.-85.
459 210.6ж.130.Л.55 об.
460 210.6ж.130.Л.85 об.
461 210.6ж.130.Л.85 об.
462 210.6ж.130.Л.65.
463 210.6ж.130.Л.100 об.
464 210.6ж.130.Л.161 об.
465 210.6ж.130.Л.84.
466 210.6ж.130.Л.50 об.
467 210.6ж.130.Л.105.
468 210.6ж.130.Л.127.
469 210.6ж.130.Л.105 об.
470 210.6ж.130.Л.129.
471 210.6ж.130.Л.95.
472 210.6ж.130.Л.103.
473 210.6ж.130.Л.163.
474 210.6ж.130.Л.100.
475 210.6ж.130.Л.106.
476 210.6ж.130.Л.127-127об., 138-138об.
477 210.6ж.130.Л.150-151, 170об.
478 210.6ж.130.Л.202-202 об.
479 210.6ж.130.Л.145 об.-146; 176.
480 210.6ж.130.Л.68-68 об.
481 210.6ж.130.Л.177 об.
482 210.6ж.130.Л.109 об.
483 210.6ж.130.Л.142-142 об.
484 210.6ж.130.Л.158 об.
485 210.6ж.130.Л.75.
486 210.6ж.130.Л.78 об.
487 210.6ж.130.Л.77-77 об.
488 210.6ж.130.Л.77.
489 210.6ж.130.Л.60.
490 210.6ж.130.Л.81 об.-82.
491 210.6ж.130.Л.109.
492 210.6ж.130.Л.88 об.
493 210.6ж.130.Л.115 об.
494 210.6ж.130.Л.194 об.
495 210.6ж.130.Л.108-108 об.
496 210.6ж.130.Л.128 об.
497 210.6ж.130.Л.132 об.
498 210.6ж.130.Л.207.
499 210.6ж.130.Л.207-208.
500 210.6ж.130.Л.208 об.
501 210.6ж.130.Л.209-209 об.
502 210.6ж.130.Л.90 об.
503 210.6ж.130.Л.186 об.-187.
504 210.6ж.130.Л.179.
505 210.6ж.130.Л.183 об.
506 210.6ж.130.Л.131 об.
507 210.6ж.130.Л.184-184 об.
508 210.6ж.130.Л.36.
509 210.6ж.130.Л.191.
510 210.6ж.130.Л. 60 об.
511 210.6ж.130.Л.46 об.
512 210.6ж.130.Л.47.
513 210.6ж.130.Л.54.
514 210.6ж.130.Л.192-192 об.
515 210.6ж.130.Л.147.
516 210.6ж.130.Л.98.
517 210.6ж.130.Л.118 об.
518 210.6ж.130.Л.199 об.-200.
519 210.6ж.130.Л.129 об.-130.
520 210.6ж.130.Л.181 об.
521 210.6ж.130.Л.158.
522 210.6ж.130.Л.194 об.
523 210.6ж.130.Л.36.
524 210.6ж.130.Л.37 об.-38.
525 210.6ж.130.Л.96.

- 526 210.6ж.130.Л.187 об.
527 210.6ж.130.Л.72.
528 210.6ж.130.Л.112 об.
529 210.6ж.130.Л.112.
530 210.6ж.130.Л.112 об.
531 210.6ж.130.Л.197.
532 210.6ж.130.Л.35.
533 210.6ж.130.Л.52-52 об.
534 210.6ж.130.Л.41, 44, 50, 52-52 об., 137 об., 147.
535 210.6ж.130.Л.203 об.-204.
536 210.6ж.130.Л.160 об.
537 210.6ж.130.Л.191 об.
538 210.6ж.130.Л.196 об., 201, 20 2об-203.
539 210.6ж.130.Л.147.
540 210.6ж.130.Л.137 об.
541 210.6ж.130.Л.160 об.
542 210.6ж.130.Л.191 об.
543 210.6ж.130.Л.99.
544 210.6ж.130.Л.156 об.-157, 159.
545 210.6ж.130.Л.99.
546 210.6ж.130.Л.49 об.-50.
547 210.6ж.130.Л.97-97 об.
548 210.6ж.130.Л.127 об.-128.
549 210.6ж.130.Л.147 об.
550 210.6ж.130.Л.155.
551 210.6ж.130.Л.167 об.
552 210.6ж.130.179 об.
553 210.6ж.130.Л.182-182 об.
554 210.6ж.130.Л.182 об.
555 210.6ж.130.Л.193 об.
556 210.6ж.130.Л.153-153 об.
557 210.6ж.130.Л.167 об.
558 210.6ж.130.Л.103 об.-104.
559 210.6ж.130.Л.36 об.
560 210.6ж.130.Л.76-76 об.
561 210.6ж.130.Л.89 об.
562 210.6ж.130.Л.204.
563 210.6ж.130.Л.37 об.
564 210.6ж.130.Л.63 об.
565 210.6ж.130.Л.37 об.
566 210.6ж.130.Л.40-40 об.
567 210.6ж.130.Л.50 об.
568 210.6ж.130.Л.63 об.
569 210.6ж.130.Л.81-81 об.
570 210.6ж.130.Л.99 об.
571 210.6ж.130.Л.99 об.
572 210.6ж.130.Л.167 об.-168.
573 210.6ж.130.Л.182-182об.
574 210.6ж.130.Л.151 об.-152.
575 210.6ж.130.Л.35 об.
576 210.6ж.130.Л.111 об.
577 210.6ж.130.Л.53 об.
578 210.6ж.130.Л.65 об.
579 210.6ж.130.Л.182 об.-183.
580 210.6ж.130.Л.157.
581 210.6ж.130.Л.44.
582 210.6ж.130.Л.68 об.
583 210.6ж.130.Л.42.
584 210.6ж.130.Л.91 об.
585 210.6ж.130.Л.83.
586 210.6ж.130.Л.74-74 об.
587 210.6ж.130.Л.206-206 об.
588 210.6ж.130.Л.61 об.
589 210.6ж.130.Л.108.
590 210.6ж.130.Л.117.
591 210.6ж.130.Л.186 об.
592 210.6ж.130.Л.160.
593 210.6ж.130.Л.66.
594 210.6ж.130.Л.92.
595 210.6ж.130.Л.161-161 об. и 170, 176 об., 185, 193, 196 об., 201 об.-202.
596 210.6ж.130.Л.170.
597 210.6ж.130.Л.176 об.
598 210.6ж.130.Л.185.
599 210.6ж.130.Л.170.
600 210.6ж.130.Л.176 об.
601 210.6ж.130.Л.185.
602 210.6ж.130.Л.193.
603 210.6ж.130.Л.196 об.
604 210.6ж.130.Л.201 об.-202.
605 210.6ж.130.Л.89.
606 210.6ж.130.Л.42 об., 55 об.-56, 89, 94, 105, 113 об.-114, 124 об., 163 об., 173 об., 196, 202 об.,
607 210.6ж.130.Л.202 об.
608 210.6ж.130.Л.196, 202 об.
609 210.6ж.130.Л.151 об.-152.
610 210.6ж.130.Л.89.
611 210.6ж.130.Л.163 об.
612 210.6ж.130.Л.92-92 об.
613 210.6ж.130.Л.86-86 об.
614 210.6ж.130.Л.103 об.
615 210.6ж.130.Л.197.
616 *Так в ркн.*
617 210.6ж.130.Л.102.
618 210.6ж.130.Л.173.
619 210.6ж.130.Л.79.
620 210.6ж.130.Л.159.
621 210.6ж.130.Л.162-162 об.
622 210.6ж.130.Л.79.
623 210.6ж.130.Л.162 об.
624 210.6ж.130.Л.99.
625 210.6ж.130.Л.157 об.
626 210.6ж.130.Л.47.
627 210.6ж.130.Л.159 об.
628 210.6ж.130.Л.204 об.
629 210.6ж.130.Л.146 об.

- 630 210.6ж.130.Л.189 об.-190.
631 210.6ж.130.Л.159 об.
632 210.6ж.130.Л.160.
633 210.6ж.130.Л.191 об.
634 210.6ж.130.Л.73.
635 210.6ж.130.Л.74.
636 210.6ж.130.Л.187.
637 210.6ж.130.Л.187.
638 210.6ж.130.Л.187 об.
639 210.6ж.130.Л.164 об.-165.
640 210.6ж.130.Л.110-110об.
641 210.6ж.130.Л.188 об.-189.
642 210.6ж.130.Л.160 об.-161.
643 210.6ж.130.Л.197 об.
644 210.6ж.130.Л.79 об.
645 210.6ж.130.Л.101 об.-102.
646 210.6ж.130.Л.57.
647 210.6ж.130.Л.69.
648 210.6ж.130.Л.69 об.
649 210.6ж.130.Л.45 об.
650 210.6ж.130.Л.51 об.
651 210.6ж.130.Л.58 об.
652 210.6ж.130.Л.165.
653 210.6ж.130.Л.151 об.
654 210.6ж.130.Л.62.
655 210.6ж.130.Л.103 об.
656 210.6ж.130.Л.111 об.
657 210.6ж.130.Л.156 об.
658 210.6ж.130.Л.191.
659 210.6ж.130.Л.61 об.
660 210.6ж.130.Л.62об.
661 210.6ж.130.Л.66 об.-67.
662 210.6ж.130.Л.106 об.-107, 113.
663 210.6ж.130.Л.116 об.
664 210.6ж.130.Л.128.
665 210.6ж.130.Л.143 об.-144.
666 210.6ж.130.Л.77 об.-78.
667 210.6ж.130.Л.149 об., 190 об.
668 210.6ж.130.Л.190 об.
669 210.6ж.130.Л.149 об.-150.
670 210.6ж.130.Л.200 об.-201.
671 210.6ж.130.Л.63 об.-64.
672 210.6ж.130.Л.94.
673 210.6ж.130.Л.101.
674 210.6ж.130.Л.75 об.-76.
675 210.6ж.130.Л.195.
676 210.6ж.130.Л.211.
677 210.6ж.130.Л.218.
678 210.6ж.130.Л.69 об.
679 210.6ж.130.Л.65 об.
680 210.6ж.130.Л.151 об.
681 210.6ж.130.Л.162 об.-163.
682 210.6ж.130.Л.183.
683 210.6ж.130.Л.195.
684 210.6ж.130.Л.46.
685 210.6ж.130.Л.69 об.
686 210.6ж.130.Л.163.
687 210.6ж.130.Л.59.
688 210.6ж.130.Л.89 об.-90.
689 210.6ж.130.Л.54 об.
690 210.6ж.130.Л.58.
691 210.6ж.130.Л.64 об.-65.
692 210.6ж.130.Л.83 об.
693 210.6ж.130.Л.45 об.
694 210.6ж.130.Л.50 об.-51.
695 210.6ж.130.Л.53 об.-54, 55 об., 57 об.,
61.
696 210.6ж.130.62 об.-63, 65 об., 69, 73 об.
697 210.6ж.130.Л.81.
698 210.6ж.130.Л.83 об., 89.
699 210.6ж.130.Л.90 об.-91.
700 210.6ж.130.Л.93, 95, 98 об.-99.
701 210.6ж.130.Л.107, 113.
702 210.6ж.130.Л.116 об.-117.
703 210.6ж.130.Л.137 об.-138.
704 210.6ж.130.Л.190.
705 210.6ж.130.Л.197 об.
706 210.6ж.130.Л.206 об.
707 210.6ж.130.Л.53.
708 210.6ж.130.Л.184.
709 Пропущено слово *свечей*.
710 210.6ж.130.Л.87.
711 210.6ж.130.Л.214-216.
712 210.6ж.130.Л.214.
713 210.6ж.130.Л.214 об.
714 210.6ж.130.Л.214 об.
715 210.6ж.130.Л.214.
716 210.6ж.130.Л.214.
717 210.6ж.130.Л.215 об.
718 210.6ж.130.Л.215 об.
719 210.6ж.130.Л.216 об.
720 210.6ж.130.Л.217-217 об.
721 210.6ж.130.Л.91-91 об.
722 210.6ж.130.Л.93, 95.
723 210.6ж.130.Л.58, 61 об.
724 210.6ж.130.Л.63, 69.
725 210.6ж.130.Л.78, 81.
726 210.6ж.130.Л.88-88 об.
727 210.6ж.130.Л.93.
728 210.6ж.130.Л.95.
729 210.6ж.130.Л.58.
730 210.6ж.130.Л.69.
731 210.6ж.130.Л.69 об.-70.
732 210.6ж.130.Л.89.
733 210.6ж.130.Л.89 об.-90.
734 210.6ж.130.Л.93.
735 210.6ж.130.Л.94.
736 210.6ж.130.Л.101.

- 737 210.6ж.130.Л.162 об.-163.
738 210.6ж.130.Л.95.
739 210.6ж.130.Л.45 об.
740 210.6ж.130.Л.63об.-64.
741 210.6ж.130.Л.73 об.
742 210.6ж.130.Л.116 об.-117.
743 210.6ж.130.Л.44.
744 210.6ж.130.Л.45.
745 210.6ж.130.Л.48-48 об.
746 *Или вообще пол, или передние сени.*
747 210.6ж.130.Л.51.
748 210.6ж.130.Л.178.
749 210.6ж.130.Л.82.
750 210.6ж.130.Л.82.
751 210.6ж.130.Л.45.
752 210.6ж.130.Л.54 об.
753 210.6ж.130.Л.198.
754 210.6ж.130.Л.200 об.-201.
755 *Скалы – береста, специально приго-
товленная для кровли под дранку.*
756 *Длиной почти 6,5 м.*
757 *Чуть больше 5,5 м.*
758 *Тесницу, в отличие от доски, получа-
ли не распилкой, а вытесыванием из
расколотого надвое бревна двух досок,
прямых по слоям и оттого более проч-
ных, чем пиленные, не коробящихся.*
759 *Так в ркп.*
760 *Для прибоа обшивки.*
761 *Кровельные гвозди такой длины, что-
бы прошивали двойной ряд теса.*
762 *Соответственно, для прибивки одно-
го слоя теса.*
763 210.6ж.130.Л.204 об.-205 об.
764 210.6ж.130.Л.169 об.
765 210.6ж.130.Л.93 об.
766 210.6ж.130.Л.73.
767 210.6ж.130.Л.185 об.
768 210.6ж.130.Л.210.
769 210.6ж.130.Л.210 об.
770 210.6ж.130.Л.210.
771 210.6ж.130.Л.211 об.
772 210.6ж.130.Л.212.
773 210.6ж.130.Л.213.
774 210.6ж.130.Л.212 об.
775 210.6ж.130.Л.47.
776 210.6ж.130.Л.70-70 об.
777 210.6ж.130.Л.180об.
778 210.6ж.130.Л.117-117 об.
779 210.6ж.130.Л.195.
780 210.6ж.130.Л.50, 52, 57, 69, 69 об., 70,
117.
781 210.6ж.130.Л.120 об.
782 210.6ж.130.Л.84 об.
783 210.6ж.130.Л.132.
784 210.6ж.130.Л.152-152 об.
785 210.6ж.130.Л.103 об.-104.
786 210.6ж.130.Л.54, 80, 205 об.
787 210.6ж.130.Л.101 об.
788 210.6ж.130.Л.36 об.
789 210.6ж.130.76-76 об., 89 об.
790 210.6ж.130.Л.45 об., 51 об.
791 210.6ж.130.Л.204.
792 210.6ж.130.Л.186 об.
793 210.6ж.130.Л.116 об.
794 210.6ж.130.Л.59.
795 210.6ж.130.Л.162.
796 210.6ж.130.Л.153-153 об.
797 210.6ж.130.Л.69 об.
798 210.6ж.130.Л.41, 47.
799 210.6ж.130.Л.70-70 об.
800 210.6ж.130.Л.115-115 об.
801 210.6ж.130.Л.195.
802 210.6ж.130.Л.168 об.
803 210.6ж.130.Л.116 об.
804 210.6ж.130.Л.107.
805 210.6ж.130.Л.52.
806 210.6ж.130.Л.57.
807 210.6ж.130.Л.84 об.
808 210.6ж.130.Л.107.
809 210.6ж.130.Л.132.
810 210.6ж.130.Л.152-152 об.
811 210.6ж.130.Л.103 об.-104.
812 210.6ж.130.Л.57.
813 210.6ж.130.Л.102 об.-103.
814 210.6ж.130.Л.165.
815 210.6ж.130.Л.69 об., 70.
816 210.6ж.130.Л.69, 117.
817 210.6ж.130.Л.62.
818 210.6ж.130.Л.54.
819 210.6ж.130.Л.101 об.
820 210.6ж.130.Л.205 об.
821 210.6ж.130.Л.45об.
822 210.6ж.130.Л.58 об.
823 210.6ж.130.Л.151об.
824 210.6ж.130.Л.50.
825 210.6ж.130.Л.52.
826 210.6ж.130.Л.80.
827 210.6ж.130.Л.120 об.
828 210.6ж.130.Л.51 об.
829 210.6ж.130.Л.116 об.
830 210.6ж.130.Л.162.
831 210.6ж.130.Л.59, 69 об., 153-153 об.
832 210.6ж.130.Л.163.
833 210.6ж.130.Л.168-168 об.
834 210.6ж.130.Л.136 об.
835 210.6ж.130.Л.142.
836 210.6ж.130.Л.41 об.

- 837 210.6ж.130.Л197 об.
 838 210.6ж.130.Л.128 об.-129.
 839 210.6ж.130.Л.199.
 840 *Устюгов Н.В.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.
 841 Там же. С.234.
 842 210.6ж.130.Л.45.
 843 210.6ж.130.Л.82.
 844 210.6ж.130.Л.204-205об.
 845 210.6ж.130.Л.198.
 846 *Огрызко З.А.* Изменения в экономическом положении монастырских поповников Русского Севера в XVII в. // О первоначальном накоплении в России XVII-XVIII вв. М., 1958. С.106, 111.
 847 *Бакланова Н.А.* Судовые работники в торгово-промышленных предприятиях Калмыков. // О первоначальном накоплении в России XVII-XVIII вв. М., 1958. С.140.
 848 Там же.
 849 *Устюгов Н.В.* Указ. соч. С.236.
 850 См. *Демидова Н.Ф.* Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994.
 851 210.6ж.130.Л.120 об.-122.
 852 210.9а.529.Ст.3.Л.65-68об., 100-105, 114-116, 148-154, 178-179об., 191-192.
 853 210.9а.529.Ст.3.Л.57-63.
 854 210.9в.277.Л.256-257об.
 855 210.9в.277.Л.222-223об.
 856 210.9а.529.Ст.3.Л.107, 197.
 857 210.9а.529.Ст.3.Л.107.
 858 210.9а.529.Ст.3.Л.197.
 859 210.9а.527.Л.118об.
 860 210.9в.277. Л.276.
 861 210.9а.529.Ст.3.Л.38.
 862 210.9а.529.Ст.3.Л.107.
 863 210.9а.529.Ст.3.Л.181.
 864 210.9а.529.Ст.3.Л.197.
 865 210.9а.529.Ст.3.Л.65-68об.

Глава 6

Неформальные контакты служилых по отечеству и приказных

Одним из многих аспектов исследования системы центрального государственного управления в допетровской России является изучение механизмов вертикальной социальной мобильности, движения вертикальных и горизонтальных потоков информации в управленческой структуре. Для историка чрезвычайно важно разобраться в ситуации, что называется, “на микроуровне”. В связи с этим для понимания работы государственного механизма далеко не последнюю роль играет изучение неформальных контактов государственных служащих между собой и с частными лицами: в разных странах, в разные эпохи они имели и имеют свои специфические черты. Как же это происходило в России во второй половине XVII в.? Разумеется, деятельность государственных органов, в том числе и центральных – приказов, регулировалась законодательством – Уложением 1649 г., выходившими позднее специальными указами, законами по прецеденту, которыми так богато законотворчество XVII в. Но, как и в другие времена и в других государственных и частных управленческих структурах, существовали неформальные связи, игравшие более или менее важную роль в жизни этих учреждений. Вопрос о неформальных контактах в свою очередь распадается на несколько подчиненных: каковы были эти связи, сколь интенсивны, кто были контрагенты связей, как эти связи зарождались и каков был механизм их функционирования. Применительно к русскому XVII в. этот вопрос еще не поднимался: по выражению одного маститого ученого, историография его вполне невинна¹.

При решении указанных задач на первое место выходят проблемы, связанные с отношениями между сословиями в русском обществе этого времени, поскольку именно в органах государственного управления тесно сталкивались два наиболее весомых, влиятельных в государственном управлении

сословия, служилые люди по отчеству² и зарождающееся чиновничество – “приказные люди”. Здесь сразу следует оговориться, что сословие приказных людей не было однородным. Между его верхушкой – думным дьячеством – и приказными дьяками и подьячими, а также между двумя последними категориями, существовал значительный разрыв как в имущественном отношении, так и в положении на иерархической лестнице. Земельные владения подьячих (если таковые имелись) в несколько раз уступали по размерам поместьям и вотчинам дьяков³. Денежные оклады подьячих также были намного меньше дьячьих⁴. В боярских книгах и списках думные дьяки записывались среди думных чинов – после думных дворян; за думными дьяками шли стольники – высшая категория столичных служилых людей. Приказные дьяки помещались в самом конце этих документов – после московских дворян, второго из трех московских чинов. Подьячие же (и, скорее всего, только высшей категории – старые, с приписью) записывались в боярские книги или за дьяками, или за дворянами “по выбору”, и то только в первой трети XVII в. Позднее этот разряд приказных в боярские книги и списки не включался⁵.

Приказные люди были, таким образом, частью служилого сословия, имея все его права, в том числе освобождение от тягла и право приобретать землю с крепостными. Но даже представители верхушки приказных людей не могли соперничать в знатности и в статусе с равными и даже ниже их стоящими служилыми людьми по отчеству. В социальном отношении сословие приказных людей складывалось из представителей разных слоев – там были выходцы из служилых по отчеству, но также из духовенства, торговых и посадских людей, служилых людей по прибору⁶. Это обстоятельство делало всех приказных в глазах дворянства неродовитыми, “нечестными”. Да и сама служба в приказах (речь идет именно о работе в приказах, а не о руководстве ими) считалась умалением чести рода. Дворянин-приказный всячески старался доказать, что служит в приказе не по своей воле, а по указу государя. Внешним выражением такого положения приказных на чиновной лестнице служило написание их имен в официальных документах. Даже думные дьяки единственные среди думных чинов писались, хотя и полным именем, но без “вичи” (например, “Перфилай Федоров сын Оловеников”). Имена приказных дьяков записывались без отчества. Подьячие же в документах официального характера писались “полуименем” (“Васька”, “Алешка”, чего никогда не было у служилых по отчеству), хотя старые подьячие могли называться и полным именем (хочется подчеркнуть, что речь идет не о самоименовании).

Исходя из такого отношения дворян к приказным людям, можно ожидать, что в быту и в деловых отношениях между этими сословиями существовала преграда, как бы разводящая их представителей в разные стороны, невидимо отталкивающая их друг от друга. Частная переписка, как никакой другой источник, позволяет проследить отношения представителей разных социальных слоев в повседневной жизни, увидеть их реальные связи. Для XVII в. одним из интереснейших документов такого рода является переписка стольника Андрея Ильича Безобразова⁷. Уникальность этих документов состоит, прежде всего в том, что от XVII в. осталось не так много част-

ной переписки, тем более не отдельных, разрозненных писем, а целого комплекса. Можно назвать еще только два сходных по объему комплекса частной корреспонденции XVII в. – переписка князей А.И. Хованского и В.В. Голицына с родными и знакомыми. Другой особенностью именно этого свода документов является то, что А.И. Безобразов, с одной стороны, имел высший из столичных чинов – чин стольника, с другой стороны, чин этот был не самым высоким в иерархии служилых людей по отечеству (выше были думные чины), да и сам А.И. Безобразов не был человеком родовитым, поэтому в круг его корреспондентов входили люди из самых разных социальных слоев тогдашнего русского общества – от высших государственных деятелей до крестьянских старост из его имений. Мы обратим внимание на те письма, которые проливают свет на тему взаимоотношений дворянства и приказных людей. Хронологически указанный источник выходит за рамки общей темы исследования, 185/1676-77 гг., однако, разница эта весьма невелика – три-четыре года, и, как будет показано ниже, среди корреспондентов мы встретим много знакомых персон – служащих Разрядного приказа. Таким образом, личная переписка представителей приказной администрации с частными лицами позволит взглянуть под другим углом на ту же проблему – механизмов управления в центральном государственном аппарате, главным образом, в Разрядном приказе, последней четверти XVII в.

Начнем с того, что, желая упрочить свое высокое положение, многие дьяки, особенно думные, роднились со знатными дворянскими фамилиями – женились сами на дворянках, выдавали замуж за дворян и женили на дворянках своих дочерей и сыновей. Таких примеров много, и начало это явление берет в конце XVI – начале XVII в. Так, дочь дьяка Е.И. Вылузгина была замужем за И.П. Шереметевым⁸. Другой Шереметев, боярин Василий Борисович, был женат на дочери думного дьяка И.А. Гавренева Марии; сам Гавренев был женат на княжне Волконской⁹. Дьяк С.Ф. Домашнев, еще будучи подьячим, женился на Елене Кондыревой¹⁰; одна из его дочерей, Аграфена, была замужем за окольным кн. Д.Н. Щербатовым¹¹. И.А. Кокошилов, всего лишь дьяк разных патриарших приказов¹², выдал своих дочерей: одну за дьяка Л.Т. Голосова, который дослужился до чина думного дьяка¹³; другую (Федосью) – за стольника, дослужившегося до окольного, П.А. Головина¹⁴; третью – за Б.И. Нелединского, патриаршего боярина; четвертую – за стольника С. Алябьева; пятую – за думного дворянина П.И. Прончищева. Сам многодетный отец был женат трижды: в первый раз на Марии Григорьевне Киреевой из тульского дворянского рода, во второй – на Марии Ивановне Карамышевой, сестре патриаршего стольника и дворянина московского, в третий – на вдове дьяка Д.К. Жеребилова (в последние годы жизни – первый дьяк (помощник судьи) Стрелецкого приказа¹⁵)¹⁶. Анна, дочь думного дьяка И.И. Иванова, руководителя Посольского приказа в 80-е годы XVII в., была замужем за стольником А.Ф. Салтыковым¹⁷. Еще один пример – из переписки Безобразова. 5 января 1661 г. Андрей Ильич, находясь в войске, в походе под Смоленском, писал своему отцу, Илье Аврамовичу Безобразову: “да писал, государь, ко мне Миня Кирилович Грязев, чтоб мне здесе шурина ево, князь Михайла Ивановича Вяземскова ссудить, чем он скуден будет, и он, приехав

Василий Борисович Шереметев. До 1670 г.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten. Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. 1., 2006. Bd. II).

ко мне, прошал у меня взаимы денег и запасу, и я, государь, ему дал взаимы генваря в 5 день пять рублей денег и запасу ему, сухарей и мяса, дал же и вина, и ты, государь, пожалуй, про то Мине Кириловичю скажи”¹⁸. Мина Кириллович Грязев – дьяк, служивший в разных приказах, очень активный государственный деятель. Его шурин, князь Вяземский – брат его жены; соответственно, дьяк Мина Грязев был женат на княжне Вяземской. Из письма очевидно также, что И.А. Безобразов поддерживал с М.К. Грязевым близкие отношения. Эти отношения имеют весьма долгую историю. Так, еще в письме 1646 г. (частном, а не в отписке) М.К. Грязеву (он в это время возглавлял Устюжскую четь¹⁹) Илья Аврамович, посланный в Холмогоры собирать доимочные деньги, представляет отчет о своей работе, яр-

кими красками описывает бездеятельность, даже, скорее, безделье, местными воеводы и дьяка и просит “взять” его из Холмогор “к Москве”²⁰.

Сам стольник Андрей Ильич Безобразов состоял в родстве с думным дьяком Василием Григорьевичем Семеновым, главой Разрядного приказа, одного из важнейших центральных государственных учреждений. По всей видимости, Безобразов и В.Г. Семенов были женаты на сестрах. Это родство оказалось гораздо более полезно Безобразову, чем В.Г. Семенову. Андрей Ильич получил от этого союза несомненную личную выгоду. Через В.Г. Семенова он установил связи со многими приказными людьми, а также с крупными вельможами, руководившими приказами (например, с боярином В.В. Голицыным, окольным И.Т. Кондыревым и др.). Речь идет о том, что, используя свое родство с В.Г. Семеновым и, через него, знакомство с другими дьяками и подьячими, Безобразов решал в приказах свои собственные дела. И заступником, защитником, ходатаем, можно сказать, патроном, в этих отношениях был дьяк В.Г. Семенов.

Большую часть времени А.И. Безобразов проводил в своих имениях. Как и многим людям его круга, ему не хотелось отрываться от хозяйственной деятельности в поместьях и вотчинах и ехать на государеву службу, а она для дворянства была весьма разнообразной и часто нелегкой – начиная от военных походов и различных командировок административного характера и заканчивая сопровождением царя в его выходах на богомолье в подмосковные монастыри. В то же время, в Москве у Безобразова было много дел, в том числе судебных – он судился с соседями по имениям из-за земли и из-за стычек своих и соседских крестьян, с другими помещиками из-за беглых крестьян – своих, сбежавших от него, или чужих, укрывшихся в его поместье, и т.д. Эти дела Безобразов часто вел путем переписки с нужными людьми – или лично, или через своих московских приказчиков, так сказать, своих поверенных в делах, которые вели эти дела от его имени в Москве. Один из них так оценивает свою деятельность на этом поприще, видимо, отвечая на высказанное неудовольствие господина: “А я, государь, от твоих боярских дел не отпираюсь, пристав придет, на людей не научаю, где доведетца брожу и бью челом, не как наша братья – во окошка глядит, а дома сказыватца не велят, а своих, государь, у меня дел никаких нет, и ходить мне oprичь твоих дел, государь, не за чем, в том ты волен, государь”²¹.

Для решения своих дел Безобразов обращался, разумеется, прежде всего к В.Г. Семенову, тот, в свою очередь, подключал свои связи или советовал родственнику, к какому нужному человеку ему следует обратиться со своей просьбой. Чрезвычайно любопытна в этом отношении просьба Безобразова, адресованная князю В.В. Голицыну. Голицын в начале 80-х годов – большой вельможа, начальник Владимирского Судного, затем Посольского приказов²², человек из ближайшего окружения царя Федора Алексеича и царевны Софьи Алексеичны. Свести знакомство с В.В. Голицыным Безобразов мог, скорее всего, только через думного дьяка В.Г. Семенова, главу Разрядного приказа. И с чем же обращается Безобразов к этому государственному человеку? С просьбой через правителя Украины гетмана И. Самойловича отыскать его, Безобразова, крестьян, убежавших на Украину. И В.В. Голицын исполняет эту просьбу. В своей грамотке (т.е. в част-

Царевна Софья Алексеевна. Гравюра 1693 г. К. Оттхофера.

(Goltz H. Alles von Zarin und Teufel. Europäische Rußlandbilder aus vier Jahrhunderten. Die gesamten Rovinskij-Materialien für eine Russische Ikonographie. S. I., 2006. Bd. II).

ном письме, в отличие от грамоты – официального документа) он пишет: “... а что ты изволил ко мне писать – о беглых людех и крестьянех, и я обо всем учинил по воле твоей, и к гетману писал, и гетман тотчас лист свой послал, и о том обо всем тебе учинят извесно слуги твои, а на сию грамотку не покручинься, писано вскоре, о сем тебе, приятелю своему, челом бью”²³.

Но чаще всего дела решались на другом уровне – к ним привлекались дьяки и подьячие Разряда и других приказов. Интересна в этом отношении переписка Безобразова по поводу его назначения в 1680 г. писцом, т.е., говоря современным языком, главой комиссии по межеванию. Как уже говорилось, Безобразов категорически не желал расставаться со своим поместьем, поэтому сделал все возможное, чтобы уклониться от этого назначения. Он обратился к В.Г. Семенову, тот посоветовал подать челобитную в Поместный приказ (который и проводил межевание) думному дьяку Ивану Савиновичу Горохову, фактическому руководителю приказа²⁴. Безобразов сказался больным и остался в деревне, а ходатайствовали за него (постоянно с ним переписываясь) его московские приказчики. Московский дворецкий А.И. Безобразова Авдей так описывает свои попытки уладить это дело: 8 сентября он бьет челом думному дьяку И.С. Горохову, “что б тебя, государя, переменить для болезни, что тебе, государю, за болезнью у тово дела быть нельзя; и он мне сказал, что переменить нельзя, и то де мы сделали, что ему быть в меньшом в самом стану, меньши де тово стану у нас нет, только де ему всего измерить и описать тысячу чети”²⁵. Свой окончательный отказ и невозможность что-либо сделать И.С. Горохов объясняет тем, что “с наказом де к нему послали, а переменить де мне нельзя”²⁶ (наказ – документ о назначении на государственную должность и инструкция к ее исполнению).

На следующий день – новый отчет дворецкого Безобразову. От своих людей в приказе (может быть, от В.Г. Семенова, а, может быть, от других дьяков или подьячих) Авдей узнал, что подьячего с наказом, “сказывают, что пошлют сегодня ж”²⁷. Поэтому, чтобы его господин был во всеоружии к приезду подьячего, дворецкий “послал к тебе, государю, Федьку Кривушина для тово, чтоб тебе, государю, было ведомо наперед подьячева, который к тебе с наказом будет послан, что тебе быть в писцах; велел ехать тотчас наспех, чтоб тебе, государю было ведома”²⁸. Одновременно дворецкий

не оставлял надежд решить дело окончательно, но не все было гладко: “А думному Василию Григорьевичю (Семенову. – О.Н.) бил челом, и он сказывает, что ж де мне делать, я де чаел, что Иван Горохов по старине, ажно де не так. А ему, Ивану Савиновичю, я бил челом; и он сказывает, что ему обойтись нельзя”²⁹. Но опытные люди сказали Авдею, что “хотя де и с наказом пришет, да как де за болезнью немочно, ино де в то время переменять же”³⁰, т.е. в случае болезни можно отменить назначение, даже если наказ подписан и отправлен. Не оставляет

Печать подьячего
Ф.И. Курского. 1675 г.

в покое челобитчик и главного в этом деле человека: “А еще, государь, Ивану Савиновичу бить челом стану тем, что тебе, государь, за болезнью у тово дела быть нельзя”³¹.

К делу подключается другой поверенный Безобразова – его главный московский приказчик Михаил Антипов, и, видимо, найдя к думному дяку И.С. Горохову верный подход, оказывается и более успешным: “А Ивану Савиновичу бил челом, чтоб от писцов отставил, и он сперва, государь, сказал: не ведаю де, права, как быть; а назавтрея побил челом, и он пожаловал, сказал и подьячему приказал, чтоб в росписи имени твоего не было, и велел и тебе, государь, о том отписать”³².

Очевидно, Безобразову из деревни казалось, что его люди проявляют недостаточно рвения или действуют неверно, и требовал более решительных действий, потому что в одном из писем Авдей оправдывается: “А к Ивану Савиновичу Горохову я, холоп твой, ходил и ему челом бил, что он сказал, и я к тебе, государю писал. И которой подьячей хотел с тобою, государем, ехать и наказ приносил, и я, холоп твой, ему про то сказывал, что ты, государь, в деревне болен и ехать тебе, государю, за болезнью нельзя; а наказу была мне у нево имать не для чево, потому что бью челом, чтоб тебе, государю, за болезнью не быть у тово дела”³³.

Переписка по столь животрепещущему делу не прекращается, и на следующий день Авдей докладывает радостные новости, одновременно сообщая и о других делах: “Еким Сергеев и Федька Кривушин к Москве приехали и памяти ко мне, холопу твоему привезли, челобитную рыжковского попа, и тое челобитную Василью Григорьевичю я, холоп твой, объявлял и бил челом, и он мне сказал, велел подождать, чтоб в Помесном приказе покаместа пообойдется. А на твое, государь, место в наказе написать велено Михайла Петрова сына Воейкова, и про то, государь, мне к тебе, государю, и писать не велел, подожди де, покаместа обойдетца”³⁴. Надо отметить, что и в других письмах Безобразову из Москвы сообщается о сложностях при контактах с Поместным приказом: “А в Поместном, государь, приказе ещо ничево нет, сидит за приказными делами, а приказ часто закрыт”³⁵. Возможно, приказ в это время был перегружен работой, выполняя какое-либо специальное поручение правительства. Позже, в конце сентября, Безобразов послал И.С. Горохову гостинец, очевидно, как знак внимания и благодарности: “...А Фетка Кривушин от тебя, государя, приехал сево ж числа и память от тебя привез, – пишет Авдей. – А в памяти, государь, написана, что будто я, холоп твой, к тебе, государю, не писал про тетереви, что отнес к Ивану Савиновичю; и я, холоп твой, к тебе, государю, о том писал, что тетереви к нему отнес, и он велел тебе, государю, бить челом, а принял у меня тетереви сам”³⁶.

Еще одним трудным делом, относительно благополучно разрешившимся для Безобразова благодаря его связям в приказных кругах, было судебное разбирательство Андрея Ильича с братьями Ловчиковыми, состоявшееся также в 1680 г. Из переписки по поводу самого суда трудно понять, что вызвало вражду между Безобразовым и Ловчиковыми. Но из более раннего, за 1677 г., письма приказчика и старост белевской вотчины Андрея Ильича можно предположить, что это было или продолжение описанного

В этом письме дела, или какого-то по похожему. Из письма 1677 г. следует, что Ловчиковы и Безобразовы были соседями – их земли в Белевском уезде граничили, в связи с чем между их людьми и самими владельцами возникали конфликты. В 1677 г. Иван и Степан Ловчиковы “приставили” к Безобразову (то есть обвинили) “в грабежу и в бою”, которые учинил приказчик Безобразова Афанасий Казаков. Казаков, оправдываясь, пишет Безобразову: “и я, холоп твой, их (Ловчиковых. – *О.Н.*) не бивал и не грабил, а что, государь, взял я у них двое лошадей, и тех, государь, лошадей взял у них за свои деньги за сенокосные, и тех, государь, моих денег они не платят мне, холопу твоему, и сами, государь, они в тех моих деньгах не запираютца”³⁷. Кроме того, приказчик Ловчиковых Андрей Упатьев бил “у праздника на Успенев день” дворового человека Безобразова³⁸. “Да грозят, государь, крестьяна их на вотчину твою пожогою и всяким дурным; и я на них в той их похвальбе роздал по городам на них явки”³⁹. Возможно, это дело тянулось до 1680 г.

Любопытно, что из двух братьев у одного – Степана Богдановича, ко времени судебной тяжбы уже ставшего главой Рейтарского и Пушкарского приказов⁴⁰ – были очень хорошие отношения с А.И. Безобразовым. Он даже, судя по всему, способствовал Безобразову в его освобождении от назначения писцом. В письме к Андрею Ильичу Степан Ловчиков пишет: “Посылка, государь, куды ты был примерен, тебя миновала, и в том деле я тебе, государю моему, сколько мог ей работал и впредь тебе рад во всяком деле работать”⁴¹. По-видимому, инициатором судебного разбирательства был другой брат, Иван; позиция Степана Богдановича скорее примиряющая. В том же письме он просит Андрея Ильича: “Да прошу, государь, твоего жалованья, изволь человеку своему приказать судное дело запретить, ей, государь, досадно, изволил ты ехать в деревню, не сказался, терплю по се число за словами, а болши тово терпеть мочи моей нет, брат Иван Богданович пишет ко мне с великою досадою. Есть ли, государь, не изволишь приказать, человека твоего возмут в Судной приказ, а на меня не прогневайся. По сем тебе, государю моему, Стенка Ловчиков челом бьет”⁴².

В 1680 г. московского приказчика Богданова Михаила Антипова, за отсутствием его господина, как и предупреждал С.Б. Ловчиков, взяли в Судный приказ, по третьей челобитной И.Б. Ловчикова “отвечать и к тем судным делам рука приложить”⁴³. По словам Антипова, подьячий и приставы пришли на двор “и с постели меня стащили и на улицу так выволокли, и в приказе, государь, перед судьей меня принесли”⁴⁴. Другой московский приказчик, Григорий Щербачов, подтверждает его слова: “приходил на двор Суднова приказу подьячей Агафон Михайлов сын Мешков с приставы человек с десять, и ево, Михайла, вытащили из избы и на дерево положили, с двора понесли и в приказ привезли”⁴⁵. В приказе Антипов сказал, что не может “и руки прикладывать” – “не вижу, глаза болят”⁴⁶, за что “дьяк Григорей Кузьмин сын Богданов почел браниться матерны и велел де посадить в заднюю палату”⁴⁷. Глава приказа, боярин князь Алексей Андреевич Голицын⁴⁸ настаивал на том, чтобы Антипов подписал документы и “всячески стращал”⁴⁹; И. Ловчиков “безпрестанна” бил челом, что

де Антипов “суд порочит и отлыгается, что глаза болят”⁵⁰ и требовал его пытать. Но здесь помогло неожиданное (а, может быть, ожидаемое) вмешательство думного дворянина Ивана Афанасьевича Желябужского, второго судьи приказа (кстати, дожившего до Полтавской победы и оставившего известные “Записки”), который сказал: “Государь де указал разыскивать без пытки, а толка де тебя (т.е. И. Ловчикова. – *О.Н.*) тешить и для того пытать, что ты говоришь”⁵¹. Весь этот спектакль со слепотой приказчик разыгрывал для того, чтобы “проволочить” дело. Как он сам объяснил, И. Ловчиков должен был уезжать на воеводство в Арзамас и хотел “при себе те дела вершить без тебя, государь, что де спорить некому”⁵².

Печать думного дворянина
И.А. Желябужского. 1675 г.

Надо сказать, что В.Г. Семенов не поддержал тактику М. Антипова. Когда дворецкий Авдей обратился к В.Г. Семенову с просьбой, “чтоб поговорил боярину князю Алексею Андреевичу Голицыну, чтоб велел свободить” Антипова, В.Г. Семенов ответил, что “Михайла де сам дурует, как де к судной записи руки не приложит, закрепит, а закрепя де судную записку, отсрочить в суде, а Иван де Ловчиков с Москвы поедет в Арзамас скоро”⁵³. Кроме того, в разгар этого судебного дела В.Г. Семенов уехал в свою каширскую деревню⁵⁴, но, вероятно, не оставил своих подопечных без помощи приказных людей.

А.И. Безобразов, разумеется, не остается в стороне и отправляет в Москву челобитную. Григорий Щербачов прикладывает все усилия, чтобы освободить Антипова из-под стражи, привлекая все имеющиеся у его господина связи в приказных кругах. Челобитную Андрея Ильича “друзьям твоим (Безобразова. – *О.Н.*) казал, и они сказали, что написано де много, очень плодovито, и велели написать иную”⁵⁵. Щербачов “ходил к Михайлу” Антипову, с которым, очевидно, можно было общаться, хотя он и находился в приказе под стражей. Они написали другую челобитную, которую Щербачов “казал” высоким профессионалам приказного делопроизводства и влиятельным в приказах людям – тоже доброжелателям Безобразова – “Федору Левонтьевичу (Шакловитому. – *О.Н.*) и Любиму Алферьевичу (Домнину. – *О.Н.*) и Даниле Берестову (Данила Андреевич Берестов, подъячий Владимирского Судного приказа⁵⁶. – *О.Н.*). Приказные не только “тое челобитную смотрили и велели написать две челобитные белые”⁵⁷, но и направили Щербачова к нужным людям – “одну велели подать боярину князю Якову Никитичю (Одоевскому, в это время главе приказа Казанского дворца⁵⁸. – *О.Н.*), а другую велели подать боярину князю Михайлу Юрьевичу Долгорукову (в это время – глава Сысного приказа⁵⁹. – *О.Н.*)”⁶⁰. Кроме того, Щербачов показывал челобитную и думному дяку Лариону Ивановичу Иванову (в указанное время – глава Посольского и соединенных с ним приказов⁶¹. – *О.Н.*). Иванов обещал свою помощь: “рад де я всякое споможение чинить государю своему Андрею Ильичу”⁶². Ниже Щербачов добавля-

ет, что “думному Лариону Ивановичу я по твоему указу про челобитную докладывал; и он хотел челобитную написать и с человеком своим прислать к тебе в Спасское”. Пока же Щербачов переслал Безобразову письмо думного дьяка – “грамотку Лариона Ивановича; да послал к тебе, государю, Ларион Ивановичь звено белужины соленой”⁶³ – видимо, в качестве утешения.

Но обращаться напрямую к таким большим вельможам, как бояре князь Я.Н. Одоевский и М.Ю. Долгорукий, приказчик Щербачов, понятно, не мог; зато мог обратиться к приказным дьякам, которые имели возможность и, что не менее важно, знали, когда и каким образом передать прошение влиятельным людям. Что Щербачов и сделал: “А я на Москве, написав две челобитные белые, одну поднес Михайлу Прокофьевичу (Прокофьев, второй дьяк Стрелецкого приказа⁶⁴. – *О.Н.*), и он хотел пожаловать, по той челобитной бить челом князь Михайлу Юрьевичу; а другую челобитную поднес Любиму Алферьевичу, а он хотел вверху поднести боярину князь Якову Никитичу Одоевскому, и чтоб тое челобитную о свободе Михайла Антипова подписать”⁶⁵.

Однако связями в приказах и во дворце решал дела, разумеется, не один А.И. Безобразов. Когда Григорий Щербачов обратился к еще одному приказному деятелю, дьяку Судного Владимирского приказа Сидору Григорьевичу Поплавскому⁶⁶ – “бил челом и к нему ходил на двор”, дьяк не смог твердо обнадежить его: “Рад де государю своему (т.е. Безобразову. – *О.Н.*) работать, да мочи моей нет, потому де что посягает на Андрея Ильича вверху Иван Максимович (окольный И.М. Языков, начальник Оружейной палаты⁶⁷. – *О.Н.*)”⁶⁸. О силе противников Безобразова предупреждает и родственник, В.Г. Семенов: “Иван Ловчиков крепко теснит людей твоих, не лутчи ль было с ним помиритца, чтоб впредь вражды не прибавилось”⁶⁹.

Дьяк С.Г. Поплавский был, видимо, одним из самых активных помощников Безобразова в этом деле. Он “пеняет гораздо на людей” Безобразова, “кои за делами ходят; а сказал: хотя бы де я за посмеих хот маленькова ребоночка государя своего (Безобразова. – *О.Н.*) видел у себя, а то де ни одна не видал”⁷⁰. Он же предупреждает Андрея Ильича о новом опасном повороте в судебном разбирательстве. Хотя до отмены местничества оставалось совсем немного, до того законы его были в силе: “Подана де у нас в приказе (Судном Владимирском. – *О.Н.*) челобитная именем Андрея Ильича за пометою думново дьяка Василья Григорьевича Семенова, – сказал Поплавский приказчику, – и та челобитная у него, Сидора Григорьевича, держит у себя; а в той челобитной написано Ловчиковым отец их не так, и по той де челобитной укажут на Андрее Ильиче безчестье Ловчиковым”⁷¹. По мере своих возможностей С.Г. Поплавский старается помочь Безобразову: “да я де за милость Андрея Ильича держу (челобитную. – *О.Н.*) у себя, а не объявляю”⁷². Григорий Щербачов извещает Безобразова, что он будет просить Поплавского вернуть ему эту челобитную, чтобы ей “у дела не быть”⁷³. Возврат приказным челобитчику его челобитной, уже поступившей в приказ (а, следовательно, зарегистрированной – помеченной или даже записанной в записную книгу челобитным), было явным нарушением служебной дисциплины. К сожалению, опубликованные письма не дают ответа, пошел ли на него С.Г. Поплавский.

Связи Безобразова среди приказных вкупе со стараниями его людей пересилили даже дворцовые связи Ловчиковых – дело было “проволочено”, Иван Ловчиков поехал в Арзамас на воеводство, а тем временем и, кажется, в отсутствие главы Судного приказа боярина кн. А.А. Голицына, дело было тихо прикрыто, а М. Антипов освобожден из тюрьмы. Об этом он сам докладывает Безобразову: “...так только велели подождать, покаместа боярин князь Алексей Андреевич будет из деревни. И челобитная подписная есть, что государь пожаловал, велел о том указ учинить боярину князь Алексею Андреевичю Голицыну с товарищи”⁷⁴. (Кстати, стоит обратить внимание, что знаменитая московская волокита, вина за которую в общем мнении всецело возложена на приказных (без взяток дел не делали), очень часто была весьма выгодна и челобитчикам. В XVII в. это было общеизвестно, и делались попытки законодательно урегулировать подобные нарушения, начиная с Уложения 1649 г.⁷⁵, а также специальными указами, например, от 11 ноября 1685 г.⁷⁶).

Дело, таким образом, закончилось, и поверенные Безобразова со всей настойчивостью напоминают господину, кому он обязан счастливым исходом суда. Непосредственный участник судебного разбирательства, Михаил Антипов, отмечает: “Толка, государь, помогал в деле думной Иван Афанасьевич Желябужской, да князь Федор Семенович Борятинской, да дьяк Сидор Поплавской”⁷⁷. Щербачов же пишет с еще большим нажимом: “Изволь, государь, отписать грамотку Сидору Григорьевичу Поплавскому; а он говорит: я де рад государю своему Андрею Ильичу работать; он пожаловал, милость учинил, да Иван Афанасьевич”⁷⁸.

Как видно из приведенных случаев, большую помощь Безобразову оказывали приказные и думные дьяки. Но и подьячие, не так высоко стоявшие на чиновной лестнице, были весьма полезны и могли существенно влиять, на своем уровне, на решение или продвижение дела. Тем более, что в обычных, рутинных делах приходилось обращаться именно к подьячим: они составляли выписки из дел, могли дать нужную информацию, от них зависела скорость прохождения документов в приказе. Вскормленник А.И. Безобразова, Сидор Кузьмич Безобразов, рассказывает о прохождении дела Андрея Ильича в Московском Судном приказе и об участии, которое принимают в нем подьячие этого приказа: “А в Московском... приказе говорили, чтоб списать з дела, и подьячие ... до тебя отложили, и челобитную, государь, подписал дьяк Александр, а до тебя и челобитной к делу подать не смеем, любо до тебя дело проволочат”⁷⁹. В связи с делом о беглых крестьянах помещика Тараса Волосатого (см. ниже) Безобразов переслал через Авдея грамотку подьячему приказа Холопьяго суда Ивану Федорову⁸⁰, видимо, с вопросом, можно ли перерешить дело в свою пользу. Федоров ответил Авдею, “что опчая ссылка в суде была, а список с подлинного судного дела и со всех ссылок Михайла (Антипов. – *О.Н.*) списал давно; а ныне, государь, с приговору дал мне список черной, и тот список я, холоп твой, послал к тебе, государю, с сею отпискою”⁸¹.

Для исхода дела было настолько важно, чтобы прошение сразу попало к нужному подьячему, что челобитчик мирился даже с тем, что дело может лежать без движения в отсутствие этого подьячего: Авдей докладывает Бе-

зобразову, что “челобитную о лишней земле подал давно и отдал подьячему Петру Воронову (в Поместный приказ. – *О.Н.*), и он послан с писцом в Московской уезд и из уезду, государь, ещо не бывал”⁸².

О значении приказных в жизни служилых людей свидетельствует, например, тот факт, что информацию о служебных перемещениях дьяков и подьячих московский приказчик Безобразова Г. Щербачов сообщает господину наравне со сведениями о переменах в руководстве приказов: “... а из Помеснова, государь, приказу дьяком сказано на службу с воеводы Дмитрию Федорову, Ивану Рогозину, Ивану Максиму, а на их места сидят дьяки Василей Протопопов, Иван Клементьев, Григорей Блазняков”⁸³. Дворецкий Авдей также включает в свои отчеты сведения о переменах в службе приказных, поправляя, например, отставшего от жизни Безобразова: “А Михайла Прокофьев в Стрелецком приказе, а не во Дворце, а грамотку твою к нему отнес, и он бьет челом на твоём жалованье, а хотел, государь, ехать после Троецкого государева походу”⁸⁴. В том же письме сообщается о новом назначении подьячего Разрядного приказа Максима Алексева: “И с Москвы, государь, он поедет вскоре, посылают ево в Немцы к Дацкому королю гонцом”⁸⁵.

Но, чтобы подтолкнуть движение документов, даже Безобразову и его людям, не чужим в приказах, требовалось подкрепить свои просьбы материально. Дворецкий Авдей сообщает Андрею Ильичу: “А в Помесном, государь, приказе выписки, которые готовы, ещо не помечены, а иные делают, а за работу, государь, просят, а дать нечево”⁸⁶. М. Антипов в своем отчете пишет: “А межевая грамота, государь, помечена послать к межевщику, да подьячей докучает за работу”⁸⁷. Упомянутый выше Сидор Безобразов сетует в письмах к Андрею Ильичу: “А по Микитину, государь, делу Орнаутова поручная запись собрана и отдана и гр[а]мота написана, а в Помесном приказе худенка делаетца, потому подьячие за работу хотят”⁸⁸; “...приходят, государь, дл[я] твоих дел подьячие, а потчивать их нечем, винца нет”⁸⁹; “...а в Судном Московском приказе с подьячими говорил, и они хотели тебе дружбу учинить и зделать, дать списать, да нечим попотчивать”⁹⁰.

Вообще, практика решения дел через родственные и служебные связи была совершенно нормальным, обыденным явлением. Приказчик Безобразова М. Антипов хлопочет о деле своего господина с дворянином Тарасом Волосатым – его крепостные сбежали и укрываются в поместье Безобразова, и Т. Волосатый требует их выдачи. Глава Холопьяго приказа, где разбиралось это дело, думный дворянин Богдан Федорович Полибин⁹¹, как сообщает Антипов, “хотел дело вершить с Волосатым и тебя, государь, обвинить, а ево оправдать”⁹². Антипов, естественно, обращается за помощью к В.Г. Семенову – бьет челом, “и Василей Григорьевич посылал подьячего с тою челобитною к Даниле Леонтьевичу Полянскому (думному дьяку Судного приказа⁹³. – *О.Н.*), чтоб то дело взять в Емской приказ окольничему Алексею Петровичу Головину (главе Ямского приказа⁹⁴. – *О.Н.*), потому де что тут мне срушня, доведетца де што ему и молвить о том деле”⁹⁵. (Кстати, дело все-таки решилось в пользу Т. Волосатого).

Сидор Кузьмич Безобразов, служащий воеводой в Мосальске⁹⁶, услышав, что “сыском ему грозят”⁹⁷, просит Безобразова, “хотя и сыску быть,

толко бы в Розряде указали очные ставки, да вот милость, государь, надо мною, убогим, покажи, в током напрасном нападке не выдай, в правде, врагом⁹⁸ в поругание”⁹⁹.

Тимофей Апухтин сообщает Безобразову, что узнал о жалобе на него, Апухтина, а “о чем бьют челом, и мне о том ведомости нет”¹⁰⁰. Ситуация осложняется тем, что главой Разряда только что назначили боярина кн. М.Ю. Долгорукова, “а ко мне велми был немилостив под Киевом”¹⁰¹, – пишет Т. Апухтин. Через Безобразова он просит защиты от М.Ю. Долгорукова у В.Г. Семенова и содействия в разбирательстве по челобитной: если в Разряде нельзя будет помочь ему одолеть челобитчиков (“побей челом Василью Григорьевичю, чтоб пожаловал, не велел их ложному челобитью поверить и без розыску какова указу учинить”¹⁰²), то Т. Апухтин просит передать это дело в приказ к Петру Ивановичу Хованскому (в это время руководил Сыскным приказом¹⁰³). “...Толко, государь, челобитчики на меня будут, – пишет Апухтин, – чтоб, государь Андрей Ильич, указал великий государь розыскать боярину Петру Ивановичю Хованскому”¹⁰⁴. В этой произвольной оговорке или привычной формулировке, примененной в данном контексте – просьбе к В.Г. Семенову через Безобразова, “чтоб, ... указал великий государь розыскать боярину” – выразилась безоговорочная вера в беспредельную силу связей (в данном случае – в приказной среде).

Как мы помним, дело о назначении А.И. Безобразова в писцы завершилось к полному удовлетворению просителя. Но были случаи, когда даже покровители не могли помочь – и не потому, что не хотели, а потому что существовал некий предел, который и они не могли переступить. Например, Ямской приказ требовал с крестьян Безобразова уплаты полтинных денег – налога на ямскую гоньбу. Тот же дворецкий Авдей сообщает, что из требуемой суммы, 79 р. 50 коп., выплачено в казну только 9 р. 50 коп. и что он “бил челом Василью Григорьевичю и челобитную подносил”¹⁰⁵. Но “тот отказал: не сделаетца де, и били де челом многие ваша братья, ино де им отказано всем”¹⁰⁶.

В ноябре 1681 г. В.Г. Семенов сообщает А.И. Безобразову о письме к нему ржевского воеводы кн. Т. Шаховского, в котором говорится, что по челобитью Безобразова его, Безобразова, крепостные пойманы и сидят в тюрьме, но без суда их отдать “немочно”. В.Г. Семенов требует соблюдения принятого законодательства: “Изволь кого послать с крепостми, кому в суде быть, а списку не поверят (сам ты у дел был); не смотря на подлинныя крепости – которой бы судья мог так учинить? А будет вскоре с подлинными крепостми не пошлешь, и тех людей свободит, и так он, князь Тимофей, в сем деле много терпит, что тех людей в тюрьме держит”¹⁰⁷. Несмотря на ходатайство могущественного В.Г. Семенова, ржевский воевода не желает рисковать карьерой и пренебрегать законом, да и сам В.Г. Семенов, которого трудно заподозрить в служении не взирая на чины, звания и связи, не советует родственнику попирать закон.

Не мог В.Г. Семенов освободить своего родственника и от царского военного смотра, зато мог хотя бы заранее, частным образом предупредить его об этом. 20 ноября Василий Григорьевич пишет Безобразову: “Да ведомо тебе буди, изволил великий государь вас всех смотреть по списком ген-

варя 1 число, изволь, прибрався, приехать к Москве к празднику Рождества Христова”¹⁰⁸.

Другой влиятельный приказный деятель, дьяк М.П. Прокофьев¹⁰⁹ извиняется перед А.И. Безобразовым за то, что не может нарушить закон, но тут же предлагает некоторые “обходные” пути: “А о деле твоём работать вседушно рад, толко преж сего к тебе, государю моему, писал и ныне объявляю, что за превысокими указными словами не можем как пристать и почать; изволь писать друзьям своим, х кому знаешь, и начать сторанье или бить челом имянным челобитьем”¹¹⁰. После чего он снова заверяет Андрея Ильича в своем совершенном расположении и тут же напоминает об ответной любезности – посодействовать в решении своего дела (из письма нельзя понять, какого именно): “А про меня ведают совершенно, что ты ко мне милостив, и я твоего жалованья искатель. Пожалуй, государь мой, не покинь, о чем милости прасил, и ты ко мне о моем делишке писал, а я на твое приятство надежен, и соседем за меня побей челом. По сем работник твой Мишка Прокофьев челом бьет”¹¹¹.

Еще одним примером “стойкости” приказных служащих можно назвать разрядного подьячего М.М. Щербакова: Григорий Щербачов “подьячему Михайлу Михайловичу Щербакову бил челом, чтоб в грамоте челобитья не отписывать для пошлин, и он сказал, что написать так нельзя”¹¹².

Как видим, в большинстве случаев дьяки и подьячие охотно откликались на просьбы Безобразова помочь ему в решении его дел. Единственным человеком, чей тон в письмах несколько отличается от тона других корреспондентов, был разрядный дьяк Федор Леонтьевич Шакловитый. Письма относятся к началу 80-х годов, когда он “входил в силу”, становясь в число приближенных к царевне Софье Алексеевне людей. На авторитет В.Г. Семенова он не посягал – слишком этот авторитет был высок, но в письмах к Безобразову ощущается некоторая досадливая гримаса. В ответ на просьбу Безобразова посодействовать его, Безобразова, протеже Ф.Л. Шакловитый пишет из Троице-Сергиевого монастыря, где он, видимо, находился при государе: “О Тимофееве (Тимофей Протопопов – подьячий приказа Казанского дворца, племянник упоминавшегося выше дьяка Михаила Прокофьевича Прокофьева, “приятеля” Безобразова. – *О.Н.*), государь, деле радеть для милости твоей по твоему письму рад, только ево видел однажды в монастыре, а больши тово ево не видал, и ничего от него не слыхал, и внадобе ль ему то буде, что я по твоему, государя моего, письму работать ему стану, не знаю”¹¹³.

30 сентября 1681 г. Григорий Щербачов пишет Андрею Ильичу из Москвы: “Да буди тебе, государь, ведомо: Федор Леонтьевичь пометил, и грамоту написали и запечатали в Белев к воеводе о высылке подьячева Савы Богданова¹¹⁴ на службу великого государя в Севеск, и я, увидев, Федору Леонтьевичу твоим именем бил челом, что он, Сава, был в прошлом году на службе великого государя в Карачеве и в Болхове, чтоб его, государь, пожаловали, ныне на службу посылать не велели. И Федор Леонтьевичь пожаловал, тое государеву грамоту оставил и послал иную, а велено послать подьячева инова, Микитина брата Курдюмова”¹¹⁵. Но не все оказалось так просто, то ли Ф.Л. Шакловитый обманул, то ли не смог посодействовать, но, видимо, подьячий в Белев все-таки отправился. И вот

что об этом пишет сам дьяк Ф.Л. Шакловитый, который получил письменную просьбу о подьячем уже от Безобразова (письмо датировано 25 ноября): “Изволил ты, государь, писать ко мне о белевском подьячем, чтоб ево от посылки свободить. И я по твоему, государя моего, жалованью о том радеть должен со всяким прилежанием, и что объявитца, о том тебе, государю моему, известно будет вскоре. А что он тое посылку причитает на меня, и то, государь, солгано, я ему за многие ево лаи и за всякие явные досады ничего не делал, и в том, государь, гневу ... на меня не имей. За сим, Федька Шакловитой, много челом бью”¹¹⁶. Однако что-то не верится в незлобивость и всепрощение Ф.Л. Шакловитого, скорее всего, подьячего отправил в дальний город все-таки он. В этой ситуации любопытно то, что подьячий Сава Богданов находится под очевидным покровительством А.И. Безобразова, о чем знает и его приказчик, Г. Щербачов, и то, что Ф.Л. Шакловитый, выказывая внешние признаки расположения и покорности, на деле явно не считается с Безобразовым. Интересно отметить, что не только подьячие оказывали услуги А.И. Безобразову, но и он ходатайствовал за них, в некотором отношении влияя таким образом на приказные дела.

Вообще, по переписке ощущается, что отношения А.И. Безобразова и Ф.Л. Шакловитого не были равными, хотя они постоянно посылали друг другу грамотки и гостинцы, причем натянутость чувствуется со стороны дьяка. Трудно сказать, что послужило тому причиной – спесивость, гордыня Ф.Л. Шакловитого или характер А.И. Безобразова (весьма вспыльчивый) – но и с сыном А.И. Безобразова Федор Леонтьевич тоже не ладил. В одном из писем Андрей Андреевич Безобразов прямо-таки слезно умоляет отца защитить его от, как ему представляется, происков Ф.Л. Шакловитого: “Государь мой милосердай батка Андрей Ильич, умилосердись надо мною над бедным, заступи своею милостию ат посяжки дьяка Федора Шекловитова”¹¹⁷. “Посяжка” заключалась в том, что из Разряда брянскому воеводе была прислана государева грамота, предписывающая выслать Андрея Андреевича из его брянской деревни “к Москве ездить за государем в зимнем походе”. Андрей Безобразов, естественно, сказался больным – “лежу болен многое время, к Москве бресть мне мочи нет”. А обвиняет младший Безобразов в нарушении своего покоя Ф.Л. Шакловитого (причем из бесхитростной его оговорки явствует, что кое-какие основания для этого у Ф.Л. Шакловитого были): “А Федор Шекловитой сердит на меня, не знаю за что, а я ему после твоих слов никокой грубости не чинил”. Дело осложняется еще и тем, что в Брянске живет отец фаворита – “атец ево Федоров живет у нас во Брянске, а меня беспрестанно бранит, в город приехать нелзе, а я уже не знаю, что с ним и делать, боюсь посяжки и всякова себе разоренья ат Федора”. Андрей Андреевич явно не желает появляться в Москве и сталкиваться при дворе с грозным врагом, кроме того его не привлекает необходимость нести расходы на снаряжение и обмундирование для участия в царских церемониях, поэтому он усиливает мольбы: “Умилосердись, государь Андрей Ильич, заступи своею милостью, не дай надо мною Федору Шекловитому насмеятца и вечна ат нево разоритца, бесчестья себе и вам не принести, а я человекенка глупое и бедное, а он хочет меня посылками разорить и всякова дурна и позору доставить”¹¹⁸.

Как уже видно было из некоторых приведенных писем, к Безобразову, зная его связи в приказной среде (главным образом с В.Г. Семеновым), обращались за помощью многие люди, и приказные, и дворяне.

Приказные люди из многочисленных фамилий Протопоповых – дьяк Поместного приказа Борис Иванович, подьячий приказа Казанского дворца Тимофей Варфоломеевич (уже упоминавшийся в связи с ходатайством за него у Ф.Л. Шакловитого, племянник также упоминавшегося дьяка Михаила Прокофьева), подьячий Филат – просят Безобразова о помощи в разных своих делах¹¹⁹.

Упоминавшийся вскормленник Безобразова С.К. Безобразов, будучи на воеводстве в Мосальске, просит Андрея Ильича: “...пожалуй, вели в Разряде человеку своему проведать подлинно, хто на мое место в Мосалеск будет, кому наказ и росписная грамота дана; слух было, государь, прошол про Микифора Тинкова, а ныне про инова говорят”¹²⁰.

Другой вскормленник, Лаврентий Пасынков, посланный с правительственным поручением в Воронеж, также обращается к заступничеству А.И. Безобразова и В.Г. Семенова: “Попроси, государь мой батька, милости обо мне бедном у Василья Григорьевича, чтобы он, государь мой, пожаловал меня, раба своего, изволил бы обо мне прислать советную грамотку на Воронеж к воеводе ко князю Ивану Семеновичю Шаховскому, чтобы он был до меня милосерд”¹²¹. Здесь, кстати, интересно отметить стиль работы государственных учреждений (или их начальников, что, в общем, одно и то же) – Л. Пасынков извиняется перед Безобразовым за крайне спешный отъезд: “...не пришел челом ударить для того, что не успел, и выпроводили меня с ево, великого государя, козною из Москвы за город вскоре ночью”¹²². Чтобы проститься с В.Г. Семеновым, Пасынков, видимо, тайно “ворочелся [с] Ертановки”¹²³.

Гаврила Богданович Приклонский, воевода в Боровске, ссылаясь на родственников (“для дядей Михаила, Ивана Васильевичей”), очевидно, близких А.И. Безобразову, просит его “заступить” у В.Г. Семенова – “чтоб Василей Григорьевичь для дядей и для тебя, государя, для моего безсемянства побереж в Розряде, умираю голодною смертью, и дрова, и на бумагу, и на свечи, и на чернила с посаду и с уезду четвертные денги не указаны, все покупаю на свое, а неокладных и з судных дел никаких нет, и подьячим прокормитца нечем, и хоромы на дворе все обалились”¹²⁴. Г.Б. Приклонский просит, чтобы В.Г. Семенов распорядился взимать необходимые подати в его, Г.Б. Приклонского, пользу “с четвертей, с посаду и с уезду”¹²⁵. Вполне в духе описания бедственного положения воеводы и подьячих выглядит и скромное подношение Г.Б. Приклонского: “челом бью, государь Анъдрей Ильичь, боровским гостинцом, шесть столпъцов лучьку да тритцать яблук, да только у тебя, государь, и Василей Григорьевичь, ему, государю, челом бью, луку семь столпздцов¹²⁶ да яблук же, прикажите принять, в том не покручинтеса, дело небагатое”¹²⁷.

Иван Оловенников (Оловяников), подьячий Разрядного приказа¹²⁸, отправленный подьячим с приписью к воеводе в Орел, обращается к Безобразову с такой просьбой. Во-первых, просит: “Изволь, государь, к людем своим приказать на Орел отписать, чтоб по прежнему твоему жалованью ко

мне были добры – по милости общего нашего батька государя Василья Григорьевича велено мне быть на Орле по-прежнему с приписью. А изволишь, государь, о мне спросить, и с Москвы побреду на Орел октября в 12-м числе”¹²⁹. Во-вторых, И. Оловенников просит походатайствовать за него перед орловским воеводой, который его принял неласково (подьячий справедливо опасается, что работать в такой обстановке недоброжелательства будет очень трудно): “И как я приехал на Орел, и орловской воевода, не любя, писал советную грамотку к Москве, чтоб мне не быть. Как, государь, увидишь очи Василья Григорьевича, пожалуй, по прежнему своему жалованью подай мне помочи, надеясь на твою милость дерзнул писать. А изволишь, государь, о мне спросить, и декабря по 7 число до воли Божии на Орле только жив в печали”¹³⁰.

В письмах, отправляемых Безобразову, излагались просьбы, касавшиеся, если так можно выразиться, и лично-служебных, и государственно-служебных дел. Судя по данным переписки, решение таких дел с помощью неформальных связей и в XVII в. считалось, и действительно оказывалось, более эффективным, чем официальный путь, причем, как это нередко бывает, проблемы личные и государственные переплетались. Так, воевода П. Скрябин из Нижнего Новгорода жалуется и просит: “А по милости, государь, своей изволишь про меня напамятовать, и я в Нижнем в скорби своей лежу шестую неделю, чуть жив, а подьячей, государь, у меня один человек, и тот, государь, робенок молодой; опасен, государь, в государеве казне и в делах чтоб какой порухи не было. И чтоб, государь, мне напрасно не пострадать, естли жив буду, помилуй, государь, милостию своею, не дай мне, бедному, здесь напрасно умереть, виволоки, государь, меня отсюди”¹³¹.

Воевода Никита Тинков описывает Безобразову начало своей службы в Карачеве, жалуясь на невиданную прижимистость местных жителей (возможно, Безобразов тоже когда-то воеводствовал в этом городе): “Бью, Андрей Ильич, карачевским нажитком – рюмкою хрустальною, и тебе б, приятелю моему, кушать из нея водочку на здоровья. А принес ко мне кружечнова двора голова, только от него видел приносу к себе.хлопот, государь, тьма, а пожитков, истинна, ничево нет. А как стану наживать, и больши тово буду присылать. А сам ты, государь мой, видел, какавы люди в Карачеве. И я к тебе, приятелю, стану больши таво присылать. Живу пятую неделю, а на приезде и по се число хатя бы гривенку меду прислали. И я ни от ково ничево не видал. И рад бы к тебе прислать, да взять негде”¹³². Затем он обращается к Андрею Ильичу с просьбой посодействовать ему в Разрядном приказе, где Н. Тинкову, видимо, все хорошо знакомо: “Пожалуй, приятель мой, государь Андрей Ильичь, покланейся за меня Юрию Гавриловичю Ахотницкому (Ю.Г. Охотницкий, подьячий Разрядного приказа¹³³. – *О.Н.*): грамоты государевы присылают указные в струговом деле и о всяких делах, а, зная дело, что на Москве задерживают, долхо их не посылают, а другие грамоты присылают: для чева не пишешь против указу? А они, государь, в одних числах и в другом числе приходят, а описыватца мне об них неколи, потому что в одних числах приходят”¹³⁴. Речь идет о том, что грамоты из Москвы с указами и грамоты с нареканиями за то, что воевода не докладывает о получении и исполнении этих указов, приходят в Ка-

рачев одновременно, как полагал Н. Тинков, из-за недисциплинированности и нерасторопности приказных подьячих.

Козловский воевода Иван Селунский обращается к Безобразову вообще исключительно по государственному делу, надеясь частным образом решить то, что никак не решается путем официальным: “Да писал я, Андрей Ильич, к Василью Григорьевичу: пришел околничей князь Константин Осипович Щербатой с полками и стал под Козловым обозом, и от ратных людей ево козловцам во всем разоренье великое, сено и хлеб всякой, и дрова, и городбу всякую ломают и скотину бьют всякую; и ты об етом переговори с Васильем Григорьевичем”¹³⁵.

Надо сказать, что у Безобразова действительно были близкие, приятельские отношения со многими, кроме В.Г. Семенова, представителями приказной среды и, понятно, особенно со служащими Разрядного приказа. Они посылали друг другу письма с приветствиями, гостинцы; приказные сообщают сидящему в деревне Безобразову столичные новости, держат в курсе всех служебных перемещений в центральных государственных учреждениях, в армии и при дворе.

Например, Артемий Семенович Лобков, бывший разрядный подьячий (до 1675-76 гг.), а в описываемое время (начало 80-х годов) дьяк приказа Большой казны¹³⁶, проездом гостил у Безобразова в поместье и по возвращении в Москву пишет ему о новостях московского двора, о пожалованиях в чины, о буре, разразившейся над Москвой, о столичных ценах на осетров и, заканчивая письмо: “И я на Москве февраля по 24 день жив. Челом, государь, бью за милости твои, что жаловал милостию своею не по моей мере. От твоего, государь, здоровья прибрел я к Москве февраля в 21-м числе и отписку и списки подал, и грамотки твои Василью Григорьевичу (Семенову. – *О.Н.*) и Федору Левонтьевичу (Шакловитому. – *О.Н.*) отвес, и они за твое жалованья бьют челом”¹³⁷.

А вот пример обычного для того времени обмена любезностями, знака вежливости. Известный приказный деятель, дьяк Разрядного приказа Любим Алферьевич Домнин¹³⁸ пишет Безобразову: “Государь мой Андрей Ильич, многолетно здравствуй со всем твоим благодатным домом, Любимко Домнин челом бьет.

Прошу твоего жалованья, пожалуй, прикажи ко мне писать о своем здоровье, а я того слышати рад.

А по своему ко мне жалованью изволишь о мне спросать, и недостоинству моему грешному Творец мой и Избавитель августа по 27 число и з домашними моими терпит.

По сем тебе, государю мое¹³⁹ много челом бью”¹⁴⁰.

Алексей Григорьевич Яцкой, подьячий Разрядного приказа¹⁴¹, ведет с Безобразовым оживленную переписку. За обычным обменом любезностями следует упрек в том, что Безобразов не помог Яцкому в хозяйственных хлопотах – устройстве пруда (хозяйство Безобразова широко славилось прудовой рыбой): “А что ты прудника не изволил ко мне прислать, и мне от тово учинились великие убытки, и к тому делу нанял я дорогою ценою прудника, и тот худ. А найму за скудостью тому пруднику дать мне нечево”¹⁴². Тут же А.Г. Яцкой просит и денег взаймы: “И буде, государь, воз-

можно, прикажи дать взаимы денег, сколько благоволишь, а срок дошел, и в том на твоё жалованье я надежен. А на Москве на твоём дворе все, дал Бог, здорова”¹⁴³. В других письмах А.Г. Яцкой сообщает Безобразову о пожалованиях в чины, о назначениях воевод в города, о переменах в руководстве приказов¹⁴⁴.

Письма и подарки друг другу передавались через приказчиков, доверенных людей, которых корреспонденты хорошо знали. Дворецкий Авдей сообщает Безобразову: “Послал, государь, к тебе грамотку Алексей Яцкой, велел тебе, государю, бить челом на тетерева”¹⁴⁵; “А подьячим Иванову Тихоновичю и Тимофею Протопопову (о них см. выше. – *О.Н.*) говорил, чтоб к тебе, государю, приехали, и Иван Тихоновичь ехать хотел, только не вскорее, а Тимофей Протопопов сказал, что он едет с Михайлом Прокофьевым (дядей. – *О.Н.*) в Олексинскую деревню; а Наума Колесникова (Н. Колесников, подьячий Поместного приказа¹⁴⁶. – *О.Н.*) еще не видал”¹⁴⁷. В другом письме тот же Авдей пишет: “А у Василья Григорьевича (Семенова. – *О.Н.*) грамотку взял и у Василья Васильевича (Очевидно, Голицына. – *О.Н.*) грамотку взял же; и те грамотки послал к тебе, государю, со Власом Федосеевым”¹⁴⁸. В письме, датированном месяцем позже, Авдей снова докладывает Безобразову о пересланных письмах: “А думнова, государь, дьяка Василья Григорьевича (Семенова. – *О.Н.*) о грамотке докладывал, и он сказал: писал де я недавно. А Федор Левонтъевич (Шакловитый. – *О.Н.*) да Любим Алферьевич (Домнин. – *О.Н.*) грамотку мне дали, велели к тебе, государю, послать, и я тое грамотку послал к тебе, государю”¹⁴⁹.

Можно подумать, что столь тесная связь А.И. Безобразова с приказными людьми объясняется его неродовитостью – другого круга общения у него и быть не могло. Однако это не так. В хороших знакомых и “приятелях” Андрея Ильича числились люди знатные и “сильные”. Выше мы уже упоминали боярина князя В.В. Голицына. В это же время (80-е годы) Безобразов поддерживал тесные отношения с отцом и сыном князьями Григорием Григорьевичем и Михайлом Григорьевичем Ромодановскими. Например, Г.Г. Ромодановский благодарит Андрея Ильича за подарок, который тот прислал ему: “Челом, государь, бью за твоим¹⁵⁰ жалованье на выжлицах¹⁵¹, а тех выжлицав послал я к милости твоей назад с крестьянином своим с Харкою Блиновым. За сем тебе, приятелю своему, челом бью”¹⁵². Боярин князь Михаил Григорьевич Ромодановский извиняется, что не выслал рыбы на развод – “Бог видит, нечего, стерледишки небольшие, а леща плодного нет”¹⁵³ – и обещает выслать рыбу весной. Особенно любопытна здесь подпись М.Г. Ромодановского, изобличающая в нем человека европейской культуры: “При сем желающий всякаго блага Мишка Ромодановской ниско челом бью. Progia manu¹⁵⁴”¹⁵⁵. Интересно, мог ли Безобразов оценить эту приписку?

Среди близких знакомых Безобразова были и такие вельможи, как Иван Тимофеевич Кондырев (в 1680-1681 гг. глава Конюшенного приказа¹⁵⁶. – *О.Н.*) и бывший в это время в большой силе Иван Михайлович Милославский (боярин, управлявший приказами Большого прихода, Большой казны, Иноземским, Рейтарским¹⁵⁷. – *О.Н.*). Они оказывали Безобразову

явные знаки внимания: “Да присылал, государь ко двору окольничей Иван Тимофеевич Кондырев чело века, – пишет Андрею Ильичу Авдей, – велел спрашивать про тебя, государя, на Москве ль ты, государь, или в деревни, буде де в деревни, в которой, сколь далеко; и я, холоп твой, к Ивану Тимофеевичю ходил, и он хотел грамотку написав прислать, а как, государь, пришет, и я тое грамотку к тебе, государю, пришлю; только, государь, сказал, что мне де для своего дела надобно. И боярин Иван Михайлович Милославской наехал на меня, холопа твоего, и спрашивал про твое государева здоровье и грамотку к тебе, государю, приказал написать, и как, государь, возьму грамотку, и я пришлю к тебе, государю”¹⁵⁸.

Родственные узы связывали Безобразова с князьями Козловскими – за князем Григорием Савельевичем была замужем сестра Андрея Безобразова, Татьяна Ильинична. Дворецкий Авдей по поручению своего господина “князь Савелью Ивановичю и князь Григорью Савельевичю запас и мяса отвез, и они тебе, государю, бьют челом”¹⁵⁹.

Но, конечно, самые близкие и тесные отношения были у Безобразова с думным дьяком Василием Григорьевичем Семеновым. В письмах В.Г. Семенова подкупает его чувство юмора, особенно когда думный дьяк не зло, но достаточно язвительно подтрунивает над своим хозяйственным, рачительным и, видимо, прижимистым родственником: “Сентября с 13-го числа того ж месяца по 16 число в Китае (район Москвы. – *О.Н.*) рыбы не ядят, а у тебя, знатно, те дни в забвении – сам кушаешь живую, и то выбором, а нас забываешь. Хотя бы от мелочи изволил прислать, ныне время осеннее, из дальних мест с рыбою не приезжают, а се воды мелки – лову не стало; а у ково есть пруды, и ис таких вод готовой рыбы добитца мочно. По сем тебе, приятелю моему государю и дому твоему я, работник твой Васька, и з домашними много челом бью. Сентября в 13 день”¹⁶⁰. Судя по всему, Безобразов усовестился и прислал родственнику и благодетелю рыбы и еще кое-что, потому что 20 сентября В.Г. Семенов благодарит его в таких выражениях: «И паки за ваше жалованье челом бью, за присланную рыбу и за птицы, только, государь, в письме твоем написано: ”послано ко мне птиц диких”, а по счоту объявилось только вдвоем; мочно было написать, что послано две птички, потому что они роду небольшо»¹⁶¹. В другом письме, от 26 октября Василий Григорьевич пишет: “Да послал к тебе звенушко рыбки да арбуз астраханской, чтоб вам, государем моим, на здоровье кушать. А арбуз, хотя на лицо не хорош, только в сердце добро”¹⁶².

Разумеется, по одной частной переписке нельзя в полной мере восстановить и проанализировать все аспекты взаимоотношений двух социальных слоев – приказных людей и служилых по отечеству. Но некоторые наблюдения все-таки можно сделать. Во-первых, не оставляет сомнений тот факт, что связи между ними были близки и интенсивны, причем это были не единичные случаи, а явление довольно широкое. (Об этом, в частности, свидетельствует и приведенная переписка: контакты А.И. Безобразова с приказными людьми были так широки, тесны и естественны, что исключают уникальность этой ситуации). Между представителями обоих сословий заключались браки, при этом члены дворянских семей, вступавшие в брак с приказными, были хотя и не самыми родовитыми и вельможными, но от-

нюдь не худородными. С другой стороны, вступление в брак с приказными не роняло чести дворянского рода. Следует отметить, что заключение браков между представителями разных социальных групп является ярким показателем того, что эти группы стоят на общественной лестнице близко друг к другу, сопоставимы по своему социальному статусу и значению. Кроме того, это свидетельствует о начале сближения между ними, которое, как мы знаем, привело в дальнейшем к слиянию чиновничества с дворянством.

Во-вторых, частные контакты (по личным и официальным поводам) дворянства с приказными не ограничивались только представителями верхушки приказных. Среди дошедших до нас документов мы встречаем письма нескольких дьяков и подьячих разных приказов к А.И. Безобразову, с некоторыми переписка велась постоянно (например, с А.С. Лобковым, А.Г. Яцким); из писем доверенных лиц Безобразова следует, что личные отношения связывали Андрея Ильича и с другими представителями этого разряда приказных людей.

Из документов видно, что путем личных связей решались не только собственные, частные дела корреспондентов (особо следует отметить, что обе стороны в равной степени были полезны друг другу), но и государственные дела, не связанные с личным, корыстным интересом. Этот факт может показаться свидетельством слабости российского государственного административного аппарата второй половины XVII в., его неспособности, так сказать, в обычном, государственном режиме решать возникающие проблемы. Отчасти это действительно так, с той только оговоркой, что относится это к любому государственному аппарату любой страны в любое время (не исключая даже диктаторские режимы). Но дело в другом. Неформальные контакты приказного администратора со служилым человеком, обходящие служебную иерархию и связанные с ней формальности, работали во многих случаях эффективнее, чем “правильное” движение дела по всем бюрократическим уровням (речь, разумеется, не идет о служебных злоупотреблениях)¹⁶³. Отчасти неформальные контакты по служебным вопросам действовали и как система контроля (письма И.А. Безобразова к М.К. Грязеву, обращение воеводы И. Селунского к В.Г. Семенову через А.И. Безобразова и другие). Разумеется, нельзя идеализировать эти внеслужебные решения служебных проблем. Как мы видели, неформальные контакты служили успеху не только “государевых”, но и своих собственных дел. Хотя даже в этом случае существовал твердый предел их действию, поставленный законом. Тем не менее, и в случае преследования личных интересов эти связи играли заметную роль в исполнении государственной службы – очевидно значение родственных и приятельских отношений в кадровых назначениях. В общем неформальные связи приказных людей и служилых по отечеству не вступали в явное противоречие с законом и государственными интересами – в случае кадровых назначений один дворянин или подьячий заменялся другим – и вовсе не худшим, и интересы государевой службы в целом не страдали. Что касается решения судебных дел в пользу того или другого просителя, то и здесь влияние “своих” людей в приказах не было неограниченным и, как уже говорилось, останавливалось у некой черты, определенной законодательством.

- 1 Исключение составляет недавно вышедшая работа П.В. Седова “Закат Московского царства” (М.-СПб., 2006), в которой внимание, однако, уделено неформальным контактам лишь на самом высоком государственном уровне – думных чинов.
- 2 Для удобства чтения условимся далее употреблять, в основном, вместо определения “служилые люди по отечеству” термин “дворяне” (кроме особо оговариваемых случаев), хотя он и не точен для исследуемого времени – XVII века.
- 3 См.: *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 90-114.
- 4 Там же. С.118-130.
- 5 Там же. С.80-90.
- 6 Там же. С.51-57.
- 7 Частично переписка эта опубликована в следующих изданиях: *Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских (МОИДР)*. Кн. 5. М., 1850; Кн. 9. М., 1851; Кн. 17. М., 1853; Кн. 21. М., 1855; *Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия*. М., 1965.
- 8 *Веселовский С.Б.* Указ.соч. С.111; *Богоявленский С.К.* Приказные дьяки XVII в. // *Исторические записки*. Т. 1. М., 1937. С.225.
- 9 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.113; *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.225.
- 10 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.225.
- 11 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.157.
- 12 Там же. С.249-250.
- 13 Там же. С. 123.
- 14 Там же. С.250.
- 15 *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII в. С.165.
- 16 *Богоявленский С.К.* Приказные дьяки XVII в. С.226.
- 17 *Веселовский С.Б.* Указ соч. С.208.
- 18 *Памятники....* С.14. Поскольку цитаты взяты из публикаций, отстоящих друг от друга на сто лет и чрезвычайно разнящихся в принципах передачи текста, автор для удобства восприятия принял за основу принципы публикации, принятые в настоящее время “*Правилами издания исторических документов в СССР*” (М., 1990).
- 19 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.138; *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII в. С.199.
- 20 *Памятники....* С.34-35.
- 21 *Временник МОИДР*. Кн. 21. С.1.
- 22 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.176-177.
- 23 *Памятники....* С.54.
- 24 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.125; *Веселовский С.К.* Указ. соч. С.126-127.
- 25 *Временник МОИДР*. Кн.9. С.53.
- 26 Там же.
- 27 Там же. С.54.
- 28 Там же.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 *Временник МОИДР*. Кн.21. С.3.
- 33 *Временник МОИДР*. Кн. 9. С.56.
- 34 Там же. С.54.
- 35 Там же. С.52.
- 36 Там же. С.58.
- 37 *Временник МОИДР*. Кн.17. С.8.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.269.
- 41 *Памятники....* С.71.
- 42 Там же.
- 43 *Временник МОИДР*. Кн.21. С.3.
- 44 Там же. С.3.
- 45 Там же. С.9.
- 46 Там же. С.3.
- 47 Там же. С.9.
- 48 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.169.
- 49 *Временник МОИДР*. Кн. 21. С.3.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 Там же. С.4.
- 53 *Временник МОИДР*. Кн.9. С.57.
- 54 Там же. С.57-58.
- 55 *Временник МОИДР*. К.21. С.6.
- 56 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.51.
- 57 *Временник МОИДР*. Кн.21. С.6.
- 58 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.65, 281.
- 59 Там же. С.196, 250.
- 60 *Временник МОИДР*. Кн.21. С.6.
- 61 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.130; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.208.
- 62 *Временник МОИДР*. Кн.21. С.6.
- 63 Там же. С.7.
- 64 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.167; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.433.
- 65 *Временник МОИДР*. Кн.21. С.4.
- 66 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.423.

- 67 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.98.
68 Временник МОИДР. Кн.21. С.4.
69 Памятники... . С.90.
70 Временник МОИДР. Кн.21. С.4.
71 Там же. С.5.
72 Там же.
73 Там же.
74 Временник МОИДР. Кн.21. С.6.
75 Уложение. Гл.Х. Ст.108-111, 115, 117, 120.
76 ПСЗ. Т.II. №.1140.
77 Там же.
78 Там же. С.5.
79 Памятники... . С.38.
80 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.540-541.
81 Временник МОИДР. Кн.21. С.16.
82 Там же. С.11.
83 Там же. С.14.
84 Временник МОИДР. Кн.9. С.55.
85 Там же; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.17.
86 Временник МОИДР. Кн.9. С.58.
87 Временник МОИДР. Кн.21. С.3.
88 Памятники... . С.37.
89 Там же. С.38.
90 Там же. С.39.
91 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.208.
92 Временник... Кн.21. С.1.
93 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.169.
94 Там же. С.227.
95 Временник МОИДР. Кн.21. С.1.
96 *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. Спб., 1902. С.142, 438.
97 Памятники... . С.38.
98 Так в оригинале.
99 Памятники... . С.38.
100 Там же . С.75.
101 Там же.
102 Там же.
103 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.196, 307.
104 Памятники... . С.75.
105 Временник МОИДР. Кн.21. С.11.
106 Там же. О том пишет Авдей и в другом своем письме, см.: Временник МОИДР. Кн.9. С.53.
107 Памятники... С.94.
108 Там же. С.95.
109 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.433. С точностью сказать, в каком приказе служил в это время М.П. Прокофьев, нельзя, так как письмо не датировано.
110 Памятники... . С.83.
111 Там же.
112 Временник МОИДР. Кн.21. С.5.
113 Памятники... . С.106.
114 Возможно, подъячий белевской приказной избы.
115 Временник... Кн.21. С.5.
116 Памятники... С.107.
117 Там же. С.13.
118 Там же.
119 Там же. С.85-86.
120 Там же. С.38.
121 Там же. С.77.
122 Там же.
123 Там же.
124 Там же. С.81.
125 Там же.
126 Так в документе.
127 Там же.
128 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.385.
129 Памятники... . С.74.
130 Там же.
131 Там же. С.96.
132 Там же. С.100.
133 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.392.
134 Памятники... .С100.
135 Там же. С.88.
136 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.28, 269; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.297.
137 Памятники... . С.70.
138 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.148, 251; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.157.
139 Так в документе.
140 Памятники... . С.55.
141 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.601.
142 Памятники... . С.112.
143 Там же.
144 Там же. С.113-114.
145 Там же. С.13.
146 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С.251.
147 Временник МОИДР. Кн.9. С.52.
148 Там же. С.53.
149 Там же. С.59.
150 Так в документе.
151 Выжлица – ищейка, гончая собака.
152 Памятники... . С.86.
153 Памятники... . С.87.
154 Собственноручно (*лат.*).
155 Памятники... . С.87.
156 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С.80.
157 Там же. С.274.
158 Временник МОИДР. Кн.9. С.59-60.
159 Там же. С.57.
160 Памятники... с.89.

¹⁶¹ Там же. С.90.

¹⁶² Там же. С.94.

¹⁶³ Об эффективности неформальных связей в управлении написано немало и в отечественной, и в зарубежной литературе по теории управления. Например, *Кунц Г., О'Доннел С.* Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций. Пер. с англ. М., 1981; *Питерс Т., Уотермен Р.* В поисках эффективного управления. Пер. с англ. М., 1986; *Атаманчук Г.В.* Обеспечение

рациональности государственного управления. М., 1990; *Мескон М.Х., Альберт Х., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. Пер. с англ. М., 1993; Эффективность государственного управления. М., 1998; *Василенко И.А.* Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. М., 2001; Государственное управление Основы теории и организации. Т.1-2. М., 2002 и др.

Заключение

Государственное управление в России XVII в. регулировалось законодательством адаптивного характера, которое откликалось на насущные потребности сегодняшнего дня, определяя лишь узловые моменты, без которых государственная машина не могла полноценно функционировать. Во всех остальных случаях, в том числе связанных с общими принципами устройства и функционирования приказной системы, деятельность органов управления основывалась на традиции и богатом опыте приказных служащих. Не парализованные организационными схемами и должностными инструкциями или тем, чтобы место в служебной иерархии каждой категории служащих точно соответствовало их обязанностям, указы обладали большими адаптивными возможностями.

Во многом это было обусловлено тем качеством, которое многие исследователи считали и считают недостатком приказной системы – отсутствием жесткой регламентации в разделении полномочий приказов. В действительности же дела распределялись по приказам зачастую не по внешним, формальным признакам, а исходя из внутренней логики приказной системы и требований практики (как, например, ведение Разрядным приказом сыском беглых крестьян и холопов), из-за чего разделение компетенции приказов и представляется порой современному человеку непостижимым и абсурдным. В случае столкновения сфер полномочий приказов существовал четкий механизм разрешения этого противоречия – верховная власть указывала приказ, чья компетенция являлась в данном случае определяющей, и передавала в него дело для решения.

Все особенности устройства и функционирования приказной системы в целом проявлялись и в структуре и деятельности каждого отдельного приказа.

Разрядный приказ был органом управления, чьи задачи максимально прямо и тесно были связаны с центральными задачами Российского государства в XVII в. – сохранения целостности страны и ее укрепления. Это,

во-первых, оборона постоянно угрожаемых юго-западных, южных и юго-восточных границ и, во-вторых, воспроизводство и поддержание структуры главной военной силы этой эпохи – служилого сословия по отечеству. По одному из положений теории социальной эффективности, исходным критерием последней является степень соответствия управленческой деятельности какого-либо органа установленной компетенции этого органа. Исходя из этого положения, деятельность Разрядного приказа можно назвать весьма продуктивной. Усилиями около полутора сотен сотрудников осуществлялось военное и административное управление территорией нынешних Калужской, Тульской, Брянской, Орловской, Курской, Белгородской, Воронежской, Тамбовской, части Липецкой областей России, Сумской и Харьковской областей Украины с более чем 70 городами. Те же сотрудники ежедневно координировали службу нескольких десятков тысяч представителей служилого сословия по отечеству – столичных и городских. Более конкретно степень интенсивности и эффективности деятельности Разряда можно продемонстрировать на примере двух повыгтий его Московского стола (боярского и жилецкого списков): не более двух десятков подьячих постоянно держали в поле зрения практически весь центральный и местный аппарат управления Московского государства.

На единых принципах управления, выработанных практикой и зафиксированных в Уложении 1649 г., были построены не только взаимоотношения между высшими властными органами – государем, Думой и руководством приказов; эти принципы пронизывали и структуру приказов сверху донизу: на каждом уровне управления решались лишь базовые, ключевые для этого уровня задачи, все прочие делегировались низшим звеньям. Применительно к Разрядному приказу в 185/1676-77 г. государем и Думой решались в военной области – стратегические вопросы, определяющие оборонную политику государства, назначался командный состав и руководство полковыми разрядными шатрами, осуществлялся мониторинг обстановки на южных границах; в кадровой политике – служебные перемещения высших чинов – думных и, отчасти, московских; в делах местного управления – главным образом, ситуативно, при возникновении проблем, касавшихся обороны южных границ, структуры органов местного управления и сложных финансовых вопросов. Особняком в этом отношении стоят дела, решавшиеся по подписным челобитным. Формально резолюции по ним принадлежали государю, но в подавляющем большинстве случаев это было распоряжение разобраться в проблеме тому приказу, к сфере деятельности которого принадлежало дело (или челобитчик), в данном случае – Разряду. Все текущее управление подведомственными территориями и служилыми людьми московских и городских чинов находилось в руках Разрядного приказа. Руководством Разряда, в свою очередь, решались дела, выходящие за границы компетенции местных властей разного уровня или направленные в центр как апелляциянные жалобы.

Инициатива в решении задач текущего управления исходила от верховной власти редко – в случае важных стратегических решений – и доводилась до сведения разрядного руководства или непосредственно, главным образом через думных дьяков, или посредством соответствующего указа. В подавля-

Ющем же большинстве случаев инициатива в административной деятельности Разряда шла снизу: от местной администрации в военных и управленческих делах через отписки, от служилых людей по всем вопросам прохождения службы (исключая назначение в полки) посредством челобитных.

В самом Разряде практика управления была выстроена по той же иерархической схеме: наиболее важные, структурные вопросы деятельности ведомства – военные, кадровые, местного управления, финансовые – решались его начальником; товарищи судьи занимались непосредственным воплощением в жизнь этих решений, а также принимали решения по менее значимым вопросам и руководили всей текущей работой приказа.

Разрядные дьяки не были равны по статусу и, соответственно, в правах; кроме того, среди них существовала своего рода специализация по делам. Уровень полномочий разрядных дьяков проявлялся не только в содержании и объеме решаемых ими вопросов, но и в отношении к одному из этапов приказного делопроизводства – выписке. Чем выше был статус руководителя, тем в большем числе случаев он мог принять решение по входящему документу самостоятельно и непосредственно, без опоры на прецеденты, которые “приискивали” в разрядном архиве подьячие. Понятно, что наибольшее число текущих дел было решено без предварительной выписки думным дьяком В.Г. Семеновым, в меньшей степени – П.И. Ковелиным, еще меньше – Ф.Л. Шакловитым и совсем немного Л.А. Домниным – естественно, не абсолютно, а в сравнении с другими дьяками.

В 185/1676-77 гг. наибольшей полнотой полномочий, иногда наравне с думным дьяком – за исключением военных и финансовых дел – обладал первый товарищ судьи, П.И. Ковелин. В его ведении находился основной объем текущих дел приказа (в решение многих из которых думный дьяк не входил) по всем направлениям деятельности Разряда. В сферу деятельности второго разрядного дьяка, Ф.Л. Шакловитого, в большей степени входили дела по обороне южных границ, некоторые вопросы управления столичным чиновничеством, в том числе и разрядными подьячими, пожалование в чины городских служилых людей, помощь П.И. Ковелину в организации информационного обмена между Разрядом и другими приказами, реализация распоряжений старших дьяков по делам местного управления, небольшая часть текущих финансовых дел, имевших в большой степени отношение к разрядным подьячим и детям боярским. Административную деятельность третьего товарища судьи, Л.А. Домнина, можно охарактеризовать как вспомогательную широкого профиля – в отдельных случаях с полномочиями, большими чем у Ф.Л. Шакловитого – с некоторым упором на дела военные, организацию информационного обмена Разряда с московскими приказами, а в финансовой сфере – на внутрприказные дела.

Следует подчеркнуть, что вся входящая документация поступала только к дьякам – подьячие даже самой высокой категории не имели права принимать ее к делу; дьяки же отвечали за исходящие бумаги Разряда – без приписи дьяка, только со справой подьячего, исходящий документ был недействителен.

Исполнительный аппарат Разрядного приказа представлял собой сложную, но стройную систему. Кроме самого общего деления подьячих на ста-

рых, средней статьи и молодых, существовало еще несколько более дробных категорий, между которыми, в свою очередь, находились промежуточные – тем самым границы их как бы “накладывались” друг на друга. Распределение по этим категориям соответствовало величине денежного оклада и тесно связанному с ним определенному кругу полномочий. Группы подьячих по уровню компетенции выделяются вполне отчетливо; вместе с тем, через промежуточные подгруппы осуществлялся плавный переход от одной категории к другой.

Первые подьячие Разряда, с окладом от 25 р. и выше, которых в 185/1676-77 гг. было чуть меньше 10 человек (в течение года одни из них были пожалованы дьячьим чином и покинули Разряд, другие получили прибавку к окладу), как было сказано, занимали промежуточное положение между дьяками и подьячими. Они были причастны к непосредственной управленческой деятельности приказа, которую осуществляли в рамках компетенции своих столов – например, к разверстке служилых людей московских и городских чинов по украинным полкам, приему и выдаче средств из разрядной казны. Эти мероприятия они осуществляли или самостоятельно, или под контролем дьяков. Кроме того, подьячие высшей категории на основании распоряжений дьяков руководили подготовкой внутренних справочных (выписки, справки для столов) и исходящих (памятей в приказы и грамот местной администрации и военному командованию) документов по наиболее важным, “генеральным” вопросам, входящим в компетенцию Разрядного приказа, и лично отвечали за нее, “справливая” документы. Иногда подьячие этой группы собственноручно писали внутренние документы – справки и распоряжения в другие столы. Некоторые из них ведали определенным кругом дел, территориальным или отраслевым, в своих столах, то есть руководили повытьями. Эту категорию служащих Разряда можно отнести к управленцам высшего звена с меньшими, чем у руководителей приказа, полномочиями. Они никогда не выезжали из столицы, держа в своих руках все нити управления приказом наравне с разрядными дьяками.

Следующую категорию служащих Разряда составляли подьячие с окладом от 13 до 18 р. Это была одна из “переходных” групп, численностью до 10 человек. Часть из них, возможно, входила в категорию старых подьячих, часть – в категорию подьячих средней статьи. Некоторые из принадлежавших к ней подьячих в рамках своих полномочий принимали участие в управленческой деятельности приказа “дьячьей” компетенции – например, разверстке служилых людей по полкам, но только городских. Они, как и подьячие первой группы, подчинялись непосредственно разрядным дьякам, по их распоряжениям руководя составлением внутренних справочных и исходящих документов как по наиболее важным, так и по текущим делам приказа. При этом подьячие второй группы часто собственноручно писали документы, особенно справочные. Обязанностью именно этой категории подьячих было ведение дел по подписным челобитным, причем целиком, от выписки до соответствующего исходящего документа. В отдельных случаях подьячие второй группы организовывали делопроизводственную работу разрядных служащих по осуществлению какого-либо “массового” мероприятия Разряда – составляли образец исходящего документа и список

адресатов, разверстывали работу по написанию документов между подьячими, следили за подготовкой документов и их рассылкой, фиксируя завершение каждого очередного этапа дела.

В отличие от высшей категории подьячих, подьячие второй группы часто выезжали в провинцию и в полки с важными поручениями, а также осуществляли правительственную связь с руководителями местной администрации и военным командованием, причем такая деятельность становилась для некоторых из них своего рода специализацией.

Подьячие с окладами от 8 до 12 р. (главным образом 10 р.; подьячих с окладами 8 и 12 р. можно причислить к “крайним” в группе или к “промежуточным” категориям) были специалистами самого широкого профиля и непосредственно организовывали всю текущую работу приказа; в 185 г. в Разряде их было около 10 человек. Исследованные документы Разрядного приказа за 185 г. не позволили определить соответствие трех основных категорий подьячих (старые, средней статьи и молодые) их денежным окладам. Пользуясь данными по другим приказам за этот год, можно предположить, что в Разряде оклады в 8-12 р. соответствовали подьячим “средней руки” (в большинстве приказов верхнее значение окладов подьячих этой категории значительно выше, 15-25 р.). Это предположение подтверждается и тем обстоятельством, что в Разряде подьячие с указанными окладами были в некоторых отношениях подчинены подьячим более высоких категорий. Вместе с тем разрядные подьячие средней статьи, как и старые, обладали правом свидетельствовать составленные под их руководством документы – были подьячими “со справой”.

На плечах подьячих этой группы лежал весь объем текущей работы Разрядного приказа в исполнительской ее части. По распоряжениям дьяков и подьячих второй категории они готовили всю документацию Разряда по текущим делам: лично писали и руководили составлением внутренних справочных (выписки, письма в столы) и исходящих (памяти, грамоты) документов приказа, регистрировали в приказе отправку последних, а также руководили и лично вели большую часть разрядной документации по учету кадров – списки подведомственных столом служилых людей. На этих же подьячих была возложена практически вся организация канцелярской работы разрядных служащих по подготовке и проведению отдельных мероприятий Разряда, например, предоставление “административного ресурса” руководством подведомственных Разряду городов порученцам других приказов, для чего под началом подьячего указанной группы готовились черновики исходящих документов, затем он составлял список адресов для рассылки этих документов и разверстывал работу по их написанию между подчиненными ему подьячими. Подьячие этой группы организовывали также исполнение заданий разрядного руководства – подведение итогов истекшего года по делам стола, подготовку столами отчетов о состоянии и составе городских служилых людей, находящихся в их ведомстве и т.п. Через этих подьячих осуществлялась передача больших денежных сумм между Разрядом и другими приказами.

Как и служащие второй группы, подьячие с окладами 8-12 р. нередко выезжали из Разряда в полки и подведомственные Разряду города с поруче-

нием организовать силами местной администрации проведение какого-либо мероприятия по указанию Разряда. Они же осуществляли правительственную связь с городскими и полковыми воеводами по важным государственным делам. В отличие же от подьячих второй группы, которых не касалась служба в походных разрядных шатрах, подьячие третьей группы направлялись в полковые разрядные шатры и в походную канцелярию государя.

Подьячие с окладами от 1 до 7 р. (в 185 г. в Разряде их было 40 с небольшим человек; подьячих с окладом в 1 р. можно рассматривать как представителей “промежуточной” группы), по всей видимости, молодые, были главными исполнителями делопроизводственных – но отнюдь не просто технических – работ в Разряде. По указаниям подьячих третьей категории, изредка – непосредственно дьяков, они писали внутренние справочные (выписки, справки для столов) и исходящие документы по текущим делам Разряда. Под руководством подьячих третьей группы они обрабатывали сводную информацию, поступавшую в столы с подведомственных территорий (например, сверяли списки городских служилых людей, делали выписки из росписных списков в годовую разрядную смету).

В значительно большей степени, чем служащие более высоких категорий, подьячие этой группы были заняты исполнением заданий Разряда вне Москвы: их отправляли к местной администрации и в полки для исполнения поручений и курьерами с грамотами по делам текущего управления, они были организаторами или помощниками организаторов тех мероприятий, которые осуществлялись Разрядом вблизи Москвы. Многие из подьячих этой группы служили в полковых разрядных шатрах.

Наконец, представители именно этой категории разрядных подьячих чаще других привлекались к обслуживанию государя в его подмосковных походах – в качестве сотрудников походных канцелярий или связанных между Разрядом и царем.

Последнюю категорию составляли неверстаные молодые подьячие (в 185 г. в Разряде их было около 50 человек). Наиболее квалифицированные из них по указаниям подьячих второй и третьей категорий писали черновики большей части исходящих документов Разряда по делам текущего управления, а также занимались обработкой информации с мест. В отдельных случаях неверстанному подьячему поручалось писать внутренние справочные документы (выписки). Неверстаные подьячие переписывали набело исходящие документы Разряда. Одной из основных обязанностей подьячих этой группы было осуществление связи между Разрядом и другими приказами (пересылка памятей), а также исполнение некоторых функций приставов – сопровождение командированных для “посылок” приказных подьячих из Разряда в соответствующие приказы.

Естественно, неверстаные подьячие часто направлялись из Москвы с различными заданиями Разряда: они составляли костяк полковых разрядных шатров, были помощниками эмиссаров Разряда в ближних и дальних “посылках” и курьерами, с которыми отправляли грамоты в “разрядные” города по делам текущего управления.

Так же плавно категория неверстаных подьячих соединялась в отношении части полномочий с разрядными детьми боярскими. Последние, разуме-

ется, не занимались делопроизводством, однако их, как и подьячих, причем относительно высоких категорий, отправляли из Разряда с грамотами к городовым и полковым воеводам и с отписками от них в Разряд, в провинцию с поручениями – выслать служилых людей в полки, взыскать штрафы с представителей местной администрации, догнать бежавших колодников, сопровождать арестованных служилых людей. Кроме этого, разрядные дети боярские осуществляли связь Разряда с другими приказами и исполняли в Москве обязанности приставов.

Таким образом, Разрядный приказ представлял собой не монолитную организационную форму, а свободно связанную структуру, в которой дела были расчленены намного более и упорядочены гораздо менее, чем это было традиционно принято в европейской управленческой культуре до последнего времени.

Характерной чертой приказного администрирования, в том числе в Разряде, была ориентация на действие, которая проявлялась в нескольких факторах, тесно между собой связанных. Прежде всего, это организационная подвижность, которая, в свою очередь, определялась интенсивностью информационного обмена как между начальниками и подчиненными, так и между подчиненными. Интенсивности же обмена информацией способствовала прежде всего работа в одном помещении, а, значит, и обилие контактов, неформальное общение, постоянное обучение сотрудников.

Гибкая организация зиждется и на таких факторах, как образование малых рабочих групп. Практика использования малых групп в Разрядном приказе в точности соответствует научно обоснованным данным о составе эффективных групп численностью от 5 до 10 человек (начальник плюс 4-9 сотрудников). Такие группы, действующие ограниченное время, намного более эффективны, чем постоянные органы, их смысл – в лучшей управляемости и гибкости. Рабочие группы формируются быстро, их создание не сопровождается разработкой формальных инструкций; им не придается никакого специального вспомогательного аппарата (контролер, помощник начальника, составитель отчетов и т.п.); документация такой группы по большей части носит неформальный характер и весьма скудна. В практике работы Разрядного приказа примеров работы таких групп указанной численности немало: это и группы подьячих Московского стола, которые вели боярский и жилецкий списки, группы подьячих Московского и Новгородского столов, составлявших списки городских служилых людей для украинских полков, готовивших тематические сводные документы по отдельным воинским частям или территориальным округам, отчетные итоговые документы по столам, однотипные документы для “массовой” рассылки и т.д. К этой же категории безусловно относятся “дежурные команды” разрядных подьячих из 13 человек, укомплектованные в необходимых пропорциях администраторами и делопроизводителями всех категорий и в любой момент готовые выполнить экстренное поручение правительства страны (вероятно, что такие же дежурства практиковались и в Посольском приказе). Собственно, к малым рабочим группам можно отнести и постоянно возникавшие и исчезающие повытья в Разрядном приказе или отделения повытий с неустойчивой структурой и компетенцией. В 185/1676-77 гг. такими

подразделениями Разряда были, например, повытья (или их части) севских дел и белгородских дел; последнее уже в следующем году стало отдельным столом.

Еще одним способом придать организации гибкость была проверенная временем традиция – утаивать малую толику денег и кое-какую рабочую силу и делать что-то, не соответствовавшее основной специализации данной организации. Об этой широко известной традиции приказов писал еще П.Н. Милюков: «Если оно (правительство Петра I. – *О.Н.*) могло протянуть со старым бюджетом еще семь лет – самое трудное время войны до Полтавской баталии, – этим оно обязано было значительным остаточным суммам, составлявшим особенность нашего старого бюджета, не умевшего жить текущими поступлениями и привыкшего к тому, чтоб “сборы за сборы заходили”»¹. В 185 г. Разряд имел профицит бюджета; больше половины средств из разрядной казны было израсходовано на исполнение приказом его непосредственных задач – организацию военных сил и управление ведомыми в нем территориями. Приблизительно четвертая часть денег была перераспределена в другие центральные ведомства. Несколько более десятой части поступивших в Разряд денег руководство потратило на нужды самого учреждения, остальные расходы были непрофильными.

Единственным образом действий, дающим любой структуре шанс устоять в постоянно меняющихся жизненных условиях, является такой подход к делу, при котором основное внимание уделяется факторам, лежащим за пределами организации. Эта черта приказной деятельности также хорошо известна: законодательство по прецеденту, вызванному инициативой с мест, и инициатива снизу в текущей управленческой деятельности Разряда являлись неотъемлемой стороной функционирования приказа. К этому присоединялась своеобразная, но присущая отнюдь не только русскому XVII веку особенность решения дел – неформальные служебные контакты приказных служащих с подведомственными Разряду служилыми людьми. Отчасти эти контакты по служебным вопросам действовали и как система контроля, не вступая в целом в противоречие с законом и государственными интересами.

Еще один способ поддержания постоянного контакта с управляемым объектом – это быстрота реагирования на поступающую от него информацию, в том числе на жалобы, причем здесь велико значение энергичного, активного личного участия управляющих высшего звена. Рассмотрение жалоб является также одной из главных частей системы проверки и обратных связей. О том, что все входящие документы Разряда принимались к рассмотрению и решались только руководителями приказа, было сказано выше. Обратимся к скорости решения дел в приказе.

Широко известно выражение “приказная волокита”, которое – раз уж оно появилось в русском языке – должно было иметь под собой основание. Очевидно, что оно отражало опыт взаимодействия частных лиц с приказами как судебными инстанциями. Тем не менее, скептическое отношение к одной из сфер деятельности приказов в глазах потомков как-то само собой распространилось и на работу центральных органов управления в целом. Представление о приказной системе как о неэффективной базируется

прежде всего на априорной убежденности в ее неповоротливости, медлительности. Как обычно, все оказывается не столь однозначным.

Поскольку стержневой проблемой Русского государства в XVII в. было поддержание его территориальной целостности, угрожаемой на огромном протяжении границы с запада, юго-запада, юга и юго-востока, естественно, что приоритеты в деятельности центральных органов управления и особенно Разрядного приказа, определялись в первую очередь вопросами национальной безопасности, то есть военными. Поэтому то, сколько времени дело “лежало” в приказе, как быстро оно проходило через бюрократические барьеры, было ситуативным, зависело от места дела в иерархии государственных ценностей, а, значит, от того, в какой степени оно касалось вопросов обороны.

Очевидно, что быстрее всего решались дела, непосредственно связанные с защитой границ. Информация о нападениях кочевников на пограничные укрепления практически всегда доводилась до сведения верховной власти, поэтому в сроки от 3 до 8 дней, за которые в Разряде готовили ответы на отписки воевод, непременно входил и доклад царю и Думе, а также нередко подготовка выписки. Если же о содержании отписки не докладывалось “в верх”, то решение по отписке принималось в Разряде в день ее получения, а ответную грамоту отправляли на следующий день или через день после указания руководства Разряда. По менее срочным вопросам укрепления южных рубежей распоряжения Разряда направлялись в города в сроки от недели до месяца (в последнем случае – в связи с подготовкой сложной и объемной выписки). Следует отметить также, что скорость передачи информации внутри системы центральных органов управления, была, естественно, значительно выше, чем при корреспонденции с провинцией: памяти в приказы по “пограничным” делам направлялись в день получения отписки.

Столь же оперативно руководство Разряда организовывало мобилизацию подведомственных приказу служащих в полковые “канцелярии”. Через день после указа государя о формировании украинских полков руководитель Разряда назначил приказных и городских подьячих в разрядные шатры этих полков, в этот же день были отправлены грамоты в города о высылке в полки подьячих городских приказных изб. Поскольку в данном случае важнее было раньше отправить распоряжения местной администрации, памяти в приказы о высылке подьячих были посланы из Разряда через день после назначения приказных подьячих. Выписки по отпискам полковых воевод о нехватке подьячих в разрядных шатрах составляли в Разряде в день получения отписки, грамоты городovým воеводам о высылке подьячих в полки готовили в приказе 4 дня. Дисциплина приказных подьячих, по всей видимости, сильно зависела от понимания ими ситуации в армии – в главные полки подьячие выехали из Москвы в течение 6-12 дней после назначения; гораздо безответственнее они отнеслись к службе в полках второго эшелона обороны – туда они добрались только через полтора месяца после назначения.

Темпы работы разрядных служащих в делах, связанных с вопросами обороны, никак нельзя назвать “волокитой”: за 10 дней менее 40 человек подьячих Московского стола (а скорее всего, значительно меньшее число, поскольку

ку занятые этим мероприятием были далеко не все служащие стола) проанализировали данные о всем личном составе Белгородского полка – 47 267 служилых людях, как находящимся в походе, так и оставленным “для береженья” Белгорода и Курска; меньше чем за месяц в Московском же столе был составлен сводный документ, содержащий подробные сведения о двадцати восьми с половиной тысячах человек (точнее, 28 571 чел.) и о гарнизонах и материальной части шестидесяти трех городов Белгородской черты.

Нельзя сказать, в то же время, что и “мирные” дела решались Разрядом неоперативно. Ответы на информационные запросы других приказов по делам, входившим в компетенцию Разряда, готовились разрядными подьячими в течение 4-5 дней в “простых” случаях и от нескольких дней до нескольких месяцев, когда требовалось собрать большой объем информации или сбор сведений оказывался по каким-либо причинам затрудненным. От 1 до 5 дней требовалось Разрядному приказу, чтобы удовлетворить требование другого приказа о предоставлении подьячих для “посылок”: за это время в Разряде составляли “примерный” список подьячих, руководство приказа определяло нужные кандидатуры и в соответствующие приказы отправляли памяти с требованием выслать подьячих в Разряд.

Сроки решения дел местного управления на территориях, подведомственных Разрядному приказу, также зависели от сложности дела, а значит от времени подготовки выписки по нему. В среднем решение дел о сыске беглых и незаконном закрепощении занимали в Разряде от 1 недели до месяца, причем независимо от того, откуда исходила инициатива – от городского воеводы или частного лица. Конфликты между членами местной администрации или проблемы местного управления решались в Разряде в среднем в течение 2 недель, в сложных случаях, требовавших составления обширных выписок, – до нескольких месяцев. Споры городских служилых людей, подчиненных Разряду (кроме уголовных дел, находившихся в ведении местных властей), в случае, если одна из сторон обращалась в Москву, решались в Разряде в течение 1-2, иногда 3 недель (от решения разрядного дьяка на входящем документе до подготовки грамоты городскому воеводе). Такая оперативность объясняется во многом тем, что в Разряде определялось общее, “генеральное” решение проблемы, а вся процедура его осуществления перекладывалась на местные власти. Собственно, такой способ управления был вообще характерен для решения Разрядом конфликтов на местах, в том числе с участием представителей местной администрации.

Превалирование государственных интересов над частными, даже в том случае, если частные интересы находились в теснейшей зависимости от государственных, сказывалось на темпе решения дел: составление выписок по челобитным подьячих об отставке от полковой службы занимало в приказе 4 дня, по челобитным о выдаче денежных пособий для полковой службы – 5-14 дней; памяти в приказы о выдаче субсидий подьячим направляли из Разряда в течение 1-7 дней, а письма в Денежный стол Разряда – в течение 5-9 дней после распоряжений разрядных дьяков о выплатах. Тем не менее, и эти сроки нельзя назвать затянутыми.

В делах, связанных с формированием и поддержанием главной военной силы русского государства XVII в. – служилого сословия по отечест-

ву, – сходились личные и государственные интересы. С одной стороны, в получении чина и поверстании поместным и денежным окладом, а затем и приказами к ним, были заинтересованы прежде всего сами служилые люди, с другой – в воспроизведении и укреплении этой структуры было в не меньшей степени заинтересовано и государство. Столкновение в этой области частных и общих интересов и понимание их значимости приказными деятелями определили большой разбой в сроках прохождения этих дел в Разряде. Самое большое время, естественно, занимало оформление отставки от службы, поскольку государство должно было доподлинно убедиться в непригодности служилого человека для исполнения им сословных обязанностей: выписку по челобитной об отставке в Разряде готовили от 7 до 15 дней, около месяца занимало все дело – от решения по челобитной до отправки соответствующей грамоты городовому воеводе. Впрочем, каждая перемена в служебном положении служилого человека (в том числе и оклада) предварялась в Разряде скрупулезным выяснением ее обоснованности. От 4 до 27, но в среднем около 10 дней требовалось, чтобы по решению дьяка на челобитной внести в документы Разряда данные о новичном окладе служилого человека. Выписки по челобитным служилых людей о пожаловании в чин или о поверстании поместным окладом разрядные служащие готовили в сроки от 1 дня до 2 месяцев; решение о поверстании поместным окладом одной из категорий служилых людей – приказных подьячих – занимало у разрядного руководства время от 1 дня до 3 с половиной месяцев – возможно, в зависимости от того, как “подталкивал” дело проситель.

Исключением из этого рода дел были дела о крещении иноверцев – в Разряде они решались исключительно оперативно, очевидно, потому, что в них присутствовал некий политический аспект. Выписку и память в Патриарший приказ с просьбой принять на “указный” срок иноверца составляли в Разряде в день решения разрядного дьяка по челобитной; 3 дня требовалось для выбора и назначения восприемника для новокрещена; от 1 до 3 дней составляли в Разряде память в соответствующий приказ о выплате новокрещену жалованья за крещение.

Несколько слов можно сказать и об оперативности “контрагентов” Разряда. Скорость их реакции на требования Разряда также зависела от того, в какой степени дело касалось вопросов обороны. Так, назначенные для службы в полковых разрядных шатрах приказные подьячие регистрировались в Разряде на следующий день или максимум в течение 5-7 дней, считая от получения в приказе разрядной памяти. В то же время, приказные подьячие, которых определили для сопровождения в полки казны на жалованье ратным людям, явились в Разряд в течение 11-14 дней с момента получения памяти из Разряда. Подьячие, определенные для исполнения различных поручений приказов, прибывали в Разряд в течение 1-5 дней со времени получения в приказе распоряжения из Разряда – очевидно, в этом случае меньше времени требовалось на подготовку к “посылке” (передача дел коллегам, получение денег и т.п.). Ответы на запросы Разряда по делам, входящим в компетенцию других московских приказов, предоставлялись последними в сроки от недели до месяца.

Сведения о скорости реакции местных властей на распоряжения Разряда, к сожалению, крайне мало, однако и те, что имеются, свидетельствуют о чрезвычайной оперативности городских воевод в делах, связанных с обороной – обычно к исполнению указаний такого рода в городах приступали в течение 2-7 дней с момента получения грамоты из Разряда. Там же, где характер дела был далек от вопросов государственной безопасности, местные власти не спешили, особенно в имущественных конфликтах, где стороны нередко старались “заинтересовать” администрацию в исходе дела.

Самостоятельность, мобильность организации достигается прежде всего ее децентрализацией, которая дает возможность проявлять инициативу, но в то же время на деле является включением ее в более широкую структуру отношений. Децентрализации неизбежно сопутствуют беспорядочность, дублирование работ, неразбериха в приоритетах, недостаток координации – но все это искупается быстротой реакции, постоянным процессом обновления, гарантирует от неповоротливости, инертности и в конечном итоге является источником саморазвития системы. В то же время, при кажущейся свободе сохраняется довольно жесткая централизация в отношении немногих коренных ценностей, которая связывает структуру в единое целое. Если эти немногие основополагающие ценности ясны всем сотрудникам, то низшие звенья знают, что им делать, и тем менее нужны директивы, организационные схемы, подробные процедуры и правила – отсутствует формализм в управленческой деятельности. Ключевой ценностью приказных служащих и, шире, всего служилого сословия, было служение государству в лице государя. Соответственно, в основу управления был положен единый принцип: вся полнота власти находится у государя, а государственные органы действуют в силу полученных от государя полномочий. В то же время, как отмечалось, компетенция приказов определялась положением предоставлять для решения верховной власти те дела, которых приказу “зачем вершить было не мочно”, в остальном же действовать по “великого государя указам” и “как Бог вразумит”.

Важным условием эффективной работы организации является переключение ресурсов – свободный переход сотрудников и дел из одного отделения в другое, взаимозаменяемость людей и должностей, что обеспечивает гибкость организации. Главной отличительной особенностью средневекового русского чиновничества как раз и была высокая степень мобильности и универсальности. Как было показано выше, кроме собственно канцелярской работы в приказе, подъячих привлекали к самым разным видам деятельности в столице и за ее пределами. С не самым большим штатом служащих Разрядный приказ осуществлял функции, не сравнимые по обширности и многообразию с другими приказами и современными исполнительными органами. Эта особенность приказного стиля управления распространялась не только на служащих самого приказа. В непосредственную деятельность Разряда были широко вовлечены к качеству внештатных сотрудников служилые люди, подведомственные приказу. В качестве “средств связи” – курьеров – и порученцев с большей или меньшей степенью доверенности работали для нужд Разряда почти все категории служилого сословия Русского государства – от московских чинов (стольники,

жильцы, московские дворяне) до низших городских чинов (начиная с городских дворян и детей боярских до городских служилых по прибору).

Характерной чертой приказной системы являлся широкий профессиональный профиль, многофункциональность приказных служащих и неразрывно связанная с этим их качеством система ангажирования подъячих для выполнения различных поручений центральных исполнительных органов. Свободная “циркуляция” личного состава, а также финансов внутри приказной системы являлись проявлением, с одной стороны, ее целостности, централизованности, а с другой – гибкости, способности к модификации. В отличие от последующих моделей государственного управления, приказная система представляла собой такой вид “децентрализованно-централизованной” системы, которая действовала как единый организм, не разделенный жесткими установлениями на отдельные составные части.

Как показала практика, одним из важнейших условий эффективного управления является то, что управляющие высшего звена начинают свою карьеру с низших должностей. И дело здесь не в этике служебных отношений (хотя и она играет свою роль): у управленцев, начавших службу “снизу”, развивается инстинктивное восприятие рабочего процесса; они учатся управлять, опираясь не только на теорию, но и на ощущения, позволяющие вникать в самую суть дела. Как писал о приказных деятелях Н.П. Лихачев, “многолетняя практика вырабатывала глубоких знатоков правительственного строя и административной деятельности”². Кроме того, признаком профессионализма в любой области является богатый словарь стереотипов, позволяющий быстро и верно реагировать на постоянно изменяющуюся среду. На качественные и количественные показатели этого словаря влияют два фактора: 1) годы формального образования и 2) годы практического опыта. Как мы знаем, и тот, и другой периоды в приказной практике были весьма протяженными.

Что касается приказного делопроизводства (в данном случае Разряда), которое являлось отражением административного стиля, то его отличительной чертой была высокая степень неформализованности. Многие моменты управленческой деятельности не фиксировались письменно или фиксировались крайне лаконично. Прежде всего, это распоряжения руководителей приказа подчиненным, записанные на входящих документах. Наиболее часто встречающиеся пометы “К отпуску”, “Выписать” не содержат ни адресата распоряжения, ни указаний содержательного плана, например, откуда и что именно выписать, ни сроков исполнения, поскольку, во-первых, одной из форм сообщения распоряжений на всех уровнях, начиная с государя, была устная и, во-вторых, приказный служащий любого уровня обладал высокой компетентностью в рамках своих обязанностей и был самостоятелен в их исполнении. Столь же неформальной была корреспонденция между столами Разряда и зачастую между Разрядом и другими приказами. Динамичность в работе центральных управленческих структур выражалась в форме их связей друг с другом. Корреспонденция между приказами при обмене информацией нередко носила неформальный характер (в числе прочего, без подписей официальных лиц, без указания оснований для запросов), ставя на первое место быстроту передачи сведений. В то

же время, в распорядительной части межприказной корреспонденции существовала строгая административная иерархия: указ государя, записанный одним из думных дьяков, не мог быть принят к исполнению подчиненными другого думного дьяка без подтверждения последнего. Приказная система представляла собой единый организм, отнюдь не аморфный, а четко структурированный.

В делопроизводственной практике Разрядного приказа было принято датировать лишь те пометы, которые содержали решение дела, то есть закрепляли новый этап в развитии ситуации. Все, что предшествовало установлению этого факта, все внутриприказные этапы делопроизводства (распоряжения о наведении тематических справок, о составлении полной выписки, подготовке доклада, переписка между столами и т.п.) приказные служащие не считали необходимым фиксировать как точку отсчета, временную границу в развитии дела. С другой стороны, приказные служащие (от думного дьяка до подьячих) не видели необходимости фиксировать и этапы своей собственной работы, поскольку рычаги контроля лежали в другой области, нежели ныне (начиная с петровских времен) – контроль над работой подчиненных осуществлялся начальниками всех рангов ежедневно, постоянно, а не путем разовых проверок задним числом.

Приказные документы внутреннего пользования отличали лаконизм, сжатость и точность формулировок, “экономность” средств выражения. Изобилие “канцелярщины”, мелочный формальный контроль, появившиеся в более позднем делопроизводстве, свидетельствуют скорее о некотором бессилии руководства, о его неспособности реально держать деятельность учреждения под контролем. В этом отношении приказное делопроизводство выгодно отличалось от позднейшего – упор в нем делался на исполнение дела, а не на подстраховку исполнителей от начальственного неудовольствия.

При высокой степени сложности управленческих структур, которое характерно для государственного управления, особенно важна устойчивость организации, а она, как уже отмечалось, зависит от способности организации адаптироваться к переменам, то есть при сохранении базовой формы учитывать всю совокупность конкретных обстоятельств, привязать элементы и взаимосвязи государственного управления к конкретным условиям общественной жизни. В приказах этому критерию соответствовало наличие самых разных, на первый взгляд никак не связанных друг с другом и с общим направлением деятельности учреждения дел: управление определенными группами городов, категориями населения, отраслями государственной деятельности, видом взимаемых этим приказом налогов и т.п. Но в этом проявляется взаимодействие типичного и уникального в государственном управлении, и, по всей видимости, приказная система пришла к довольно гармоничному соотношению этих элементов. К территориям, различавшимся географическими, экономическими, политическими особенностями и к разным группам населения применялись разные приемы управления. Территориально-отраслевая система приказов в значительной мере соответствовала этим условиям, динамике роста Русского государства XVII в. Вхождение новых областей с их географическими, национальными, культурными особенностями в состав России определяло и степень распро-

странения общероссийского, типичного в государственном управлении на эти регионы. Территориально-отраслевой принцип управления был единственно возможным способом вовлечь в старые государственные формы, по мере расширения государства, новые районы, области и т.д, не ломая их внутренних структур, как бы обволакивая собой. Применительно к Разрядному приказу это выражалось в различной степени подчиненности Разряду областей государства: центральными областями он ведал только в отношении городских укреплений и военной службы служилых людей; пограничные украинные области, где гражданская администрация по необходимости тесно соединялась с военной и где территория России постепенно, шаг за шагом расширялась на юг, включая украинское население в сферу российской государственности, ведались Разрядом целиком и во всех отношениях, включая земельные.

Различие прав и обязанностей сословий непреложно подразумевало и различную их подведомственность (в том числе подсудность). Так, Разрядный приказ ведал всем сословием служилых людей по отечеству во всех вопросах их административной и военной службы и, соответственно, военными делами русского государства. При этом, если служилый человек по отечеству принадлежал к одному из нововведенных родов войск – например, рейтарам – он находился также в ведении и Рейтарского приказа, а если был помещен в районе Казани, – в ведении приказа Казанского дворца. Однако этот кажущийся хаос на деле являлся выражением многообразия – условия устойчивости и динамизма системы государственного управления. В действительности унифицированность элементов государственного управления, их строгая субординация, возможность одним велением поворачивать управленческие процессы ведет к нарушению как устойчивости, так и динамизма государственного управления. При унифицированности управленческих элементов они адекватно отражают лишь отдельные стороны, остальное же втискивается в искусственно созданные структуры, что ведет к естественному сопротивлению среды. Поэтому система государственного управления постоянно находится в состоянии напряженности, неустойчивости. А поскольку жизнь сильнее догм и шаблонов, она ломает искусственные структуры, и правительству приходится путем корректировок и реформ сменять одну унифицированность на другую. Напряженность временно “снимается”, но равновесия не наступает, так как нововведения лишь компенсируют отсутствие развития, да и то лишь в отдельных областях. Отсутствие развития, динамизм утрачиваются также из-за унифицированности, которая неизбежно ведет к омертвлению жизненных процессов. Таким образом, устойчивость и динамизм системы государственного управления определяются уровнем многообразия его элементов: чем он выше, тем больше предпосылок для нормальной деятельности системы государственного управления. Приказная система, не вооруженная теорией, на практике пришла к такой форме организации управленческих структур.

Обычно рост организации, увеличение ее размера ведет и к росту сложности управления, а она, в свою очередь, – к созданию сложных систем и структур, увеличению численности персонала, призванных справиться с этими сложностями. Единственно верным способом решить эту проблему

является сохранение фундаментальной простоты базовой формы, что означает во-первых, перераспределение дел и людей между отделениями на упорядоченной основе, без напряженности; во-вторых, создание временных, относительно независимых групп для решения конкретных проблем, о чем уже говорилось выше, и, в-третьих, малое число работников аппарата высшего уровня по отношению к среднему и низшему уровням. Средством справиться с информационной перегрузкой при увеличении размеров организации является также небольшое количество звеньев управления и их преимущественно горизонтальная связь. Связанные между собой горизонтально организации превосходят в эффективности вертикально интегрированные организации, так как излишняя многоступенчатость ведет к малоподвижности, жесткости структуры и отрыву ее от жизни, ведь управленческие решения эффективны только в течение короткого времени, пока они соответствуют “схваченным” условиям. В приказах мы видим небольшое число звеньев управления – число дьяков и подьячих росло, но количество вертикальных уровней сохранялось прежним. Новые отделения системы – полаты, столы, временные приказы, новые постоянные приказы – вписывались в горизонтальные уровни, а не создавали новых вертикальных. Систему управления внутри Разрядного приказа можно охарактеризовать как трехзвенную. Ее составляли 4 руководителя (первый уровень), 11-15 старых подьячих, 15-20 средней статьи (второй уровень) и около 90 молодых (третий уровень), соответственно, связи в этой структуре были преимущественно горизонтальными.

Таким образом, деятельность Разрядного приказа как по современным критериям эффективности управления, так и по выполнению задач, поставленных перед ним правительством в середине 70-х гг. XVII в., можно признать вполне эффективной.

¹ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 176.

² Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С.131-132.

Библиография

I а) Архивные источники

1. РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Боярские списки. Д.14.
2. РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Жилецкие списки. Д. 24.
3. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Смотренные списки. Д. 45.
4. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Книги Московского стола. Д. 1.
5. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Книги Московского стола. Д. 2.
6. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Книги Московского стола. Д. 6.
7. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Книги Московского стола. Д. 8.
8. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Книги Московского стола. Д. 38.
9. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Книги Московского стола. Д.39.
10. РГАДА. Ф.210. Оп.6а. Книги Московского стола. Д.69.
11. РГАДА. Ф.210. Оп.6а. Книги Московского стола. Д.78.
12. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Книги Московского стола. Д. 79.
13. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Книги Московского стола. Д. 80.
14. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Книги Московского стола. Д. 82.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6в. Книги Новгородского стола. Д. 9.
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Книги Белгородского стола. Д. 61.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Книги Белгородского стола. Д. 95.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Книги Денежного стола. Д. 129.
19. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Книги Денежного стола. Д. 130.
20. РГАДА. Ф.210. Оп. 9а. Столбцы Московского стола. Д. 421.
21. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Столбцы Московского стола. Д.504.
22. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Столбцы Московского стола. Д. 527.
23. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Столбцы Московского стола. Д. 529. Ст.1-3.
24. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9а. Столбцы Московского стола. Д. 531. Ст.1, 2, 4, 5.
25. РГАДА. Ф.210. Оп.9-а. Столбцы Московского стола. Д.655.
26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9в. Столбцы Новгородского стола. Д. 277.
27. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9д. Столбцы Приказного стола. Д. 505.

б) Публикации

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. III. СПб., 1884.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. XIII. СПб., 1884.
3. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

4. Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 6. М., 1850; Кн. 9. М., 1851; Кн. 12. М., 1852; Кн. 13. М., 1852; Кн. 17. М., 1853; Кн. 21. М., 1855.
5. Дворцовые разряды, изданные Вторым отделением собственной его императорского величества канцелярии. Спб., 1852. Т.3; 1855. Т.4.
6. Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Спб., 1867. Т.10.
7. Древняя Российская Вивлиофика. Ч. 17. М., 1791.
8. Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950.
9. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965.
10. Переписные книги города Москвы 1665-1676 гг. М., 1886.
11. Переписи московских дворов XVIII столетия. М., 1896.
12. Полное собрание законов Российской империи. Спб., 1830. Т.I, II.
13. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. М., 1884. Т.IX.

II

Исследования

1. *Алексеев В.П.* Бюджет Разряда в 1650-1652 гг. М., 1900.
2. *Амосов А.С.* Архивные описи как источник информации об утраченных актах // Советские архивы. 1975. № 1.
3. *Анисимов Е.В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. Спб., 1997.
4. *Ардашев Н.Н.* К вопросу о коллегиальности приказов // Труды VIII Археологического съезда. 1890. М., 1897.
5. *Атаманчук Г.В.* Обеспечение рациональности государственного управления. М., 1990.
6. *Бакланова Н.А.* Обстановка московских приказов в XVII в. // Труды Государственного исторического музея. М., 1926. Вып.3.
7. *Она же.* Судовые работники в торгово-промышленных предприятиях Калмыковых // О первоначальном накоплении в России XVII-XVIII вв. М., 1958.
8. *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. Спб., 1902.
9. *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. (Научное наследие). М., 1987.
10. *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.
11. *Бескровный Л.Г.* Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.
12. *Богданов А.П.* Царь Федор Алексеевич, 1676-1682. М., 1994.
13. *Богоявленский С.К.* К вопросу о столах Разрядного приказа // ЖМНП. 1894. Кн.5-6.
14. *Он же.* Московские слободы и сотни в XVII в. // Московский край в его прошлом. М., 1930. Ч.II.
15. *Он же.* Приказные судьи XVII века. М., 1946.
16. *Он же.* Приказные дяки XVII в. // Исторические записки. Т.1. 1937.
17. *Буганов В.И.* "Дворцовые разряды" первой половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1975 год. М.: Наука, 1976.
18. *Он же.* "Записка" И.Д. Беляева об издании разрядных книг // Археографический ежегодник за 1969 год. М.: Наука, 1971.
19. *Он же.* "Книги разрядные" ("подлинники") 1613-1636 гг. // Исторические записки. Т.97. М.: Наука, 1976.
20. *Он же.* Обзор списков разрядных книг последней четверти XV – начала XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI.
21. *Он же.* Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны русского государства конца XV – первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории. 1979. М.: Наука, 1980.
22. *Он же.* Разрядные книги последней четверти XV – 1-й половины XVII вв. как исторический источник / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955.
23. *Он же.* Сокращенная редакция разрядных книг 1550-1636 гг. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Т.IX.
24. *Бычкова М.Е.* Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
25. *Валуев Д.А.* Разрядная книга от 7067 до 7112 г. // Сибирский сборник. М., 1884. Ч.1.
26. *Василенко И.А.* Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. М., 2001.
27. *Вернер И.И.* О времени и причинах образования московских приказов. М., 1908.

28. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М.: Наука, 1975.
29. *Он же*. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
30. *Он же*. Приказный строй управления Московского государства. Киев, 1912.
31. *Он же*. Труды по источникововедению и истории России периода феодализма. М., 1978.
32. Вопросы военной истории России VIII – первой половины XIX вв. М., 1969.
33. *Всеволодов И.В.* Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
34. *Галанов М.М.* Федор Шаковитый // Вопросы истории. 1995. №3.
35. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1987. Вып.10.
36. *Гоздаво-Голомбиевский А.А.* История разрядного архива (1711-1812) // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. М., 1888. Т.V.
37. *Он же*. Столы Разрядного приказа в 1668-1670 годах // ЖМНП. 1890. Кн.7.
38. *Голицын Н.В.* Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899.
39. *Голицын Н.Н.* Указатель к дворцовым разрядам. СПб., 1911.
40. Город и горожане в России в XVII в. – первой половине XIX в. // Сб. статей. М., 1991.
41. Государственное управление. Основы теории и организации. Т.I-II. М., 2002.
42. Государственные учреждения России XVI-XVIII вв. М., 1991.
43. *Градовский А.Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866.
44. *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.
45. *Гуськов А.Г.* Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.
46. *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII-XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964.
47. *Она же*. Государственный аппарат России в XVII в. // Исторические записки. М., 1982. Т.108.
48. *Она же*. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987.
49. *Она же*. Приказные школы начального образования в Москве XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994.
50. Древняя одежда народов Восточной Европы. М.: Наука, 1986.
51. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
52. *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Книга первая. Государев двор, или дворец. М.: Книга, 1990.
53. *Он же*. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1869.
54. *Он же*. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1872. Т.1. Ч.1, II; М., 1901. Т.2.
55. *Он же*. Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1872.
56. *Он же*. Альбом старинных видов Московского Кремля. История г. Москвы. М., 1905.
57. *Загоскин Н.П.* История права Московского государства. Казань, 1879.
58. *Он же*. Столы Разрядного приказа по хранящимся в Московском архиве Министерства Юстиции книгам их. Казань, 1879.
59. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Документы XVII-XIX вв. бывшего архива Оружейной палаты / Описал Александр Успенский. М., 1906.
60. *Зенченко М.Ю.* Южные уезды России в конце XVI – I четверти XVII века. Формирование административно-территориального устройства. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2005.
61. *Зимин А.А.* О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Вып.3.
62. *Он же*. Состав Боярской думы XV-XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958.
63. *Злотников М.Ф.* Подьячие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси // Сборник статей, посвященный А.С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916.
64. *Иванов П.И.* Описание государственного Разрядного архива. М., 1842.
65. Историческое известие об упомянутых чинах в России... // Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Т.XX.
66. История государственного управления в России. М., 2001.
67. Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1986.
68. *Каменский А.Б.* Изучение истории государственных учреждений Московской Руси во второй половине XVII в. // Исторические записки. М., 1982. Т.XVIII.
69. *Ключевский В.О.* Боярская Дума древней Руси. М., 1883.
70. *Он же*. Сочинения в 9-ти томах. М., 1988. Т.I.

71. Книга в России XVI – середины XIX вв. Материалы и исследования. Л., 1990.
72. Книги Московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495-1718 гг. М., 1972.
73. *Князьков С.Е.* Судные приказы в конце XVI – первой половине XVII в. // Исторические записки. М., 1987. Т.115.
74. *Козлов О.Ф.* Переход от приказной системы к коллегияльной в русской дореволюционной и советской историографии // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР. М., 1983.
75. *Кортава Т.В.* Московский приказный язык XVII в. как особый тип письменного языка. М., 1998.
76. *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 2-е. СПб., 1913.
77. *Куц Г., О'Донел С.* Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций / Пер. с англ. М., 1981.
78. *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003.
79. *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.
80. *Он же.* Площадные подьячие XVI в. // Сб. статей, посвященный С.Ф. Платонову. Пг., 1922.
81. *Лукичев М.П.* “Боярские книги XVII в. Исследование” // М.П. Лукичев. Боярские книги XVII века. М., 2004.
82. *Маркевич А.* О местничестве. Киев, 1879.
83. *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.
84. *Мескон М.Х., Альберт Х., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. Пер. с англ. М., 1993.
85. *Миллюков П.Н.* К вопросу о составлении разрядных книг // ЖМНП. 1889. Май.
86. *Он же.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
87. *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты. М., 2005.
88. Московские и другие старинные приказы // Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Ч.XX.
89. *Неволин К.А.* Управление в России от Иоанна III до Петра Великого // ЖМНП. 1844. № 1, 2, 3.
90. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
91. *Он же.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.-Л., 1929.
92. *Он же.* Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994.
93. *Новохатко О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2000.
94. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / Сост. и автор вступит. статьи Н.М.Рогожин. М., 1990.
95. *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.-Л., 1946.
96. *Оглоблин Н.Н.* Из истории Челобитного приказа // ЖМНП. 1892. Апрель.
97. *Он же.* Обзорные историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. М., 1884. Кн. IV.
98. *Он же.* Происхождение провинциальных подьячих // ЖМНП. 1894. Сентябрь-октябрь.
99. *Огрызко З.А.* Изменения в экономическом положении монастырских половников Русского Севера в XVII в. // О первоначальном накоплении в России XVII-XVIII вв. М., 1958.
100. Описание государственного архива старых дел, составленное инспектором государственных архивов и членом разных ученых обществ П.Ивановым. М., 1850.
101. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. М., 1864. Кн. I; М., 1894. Кн. IX.
102. Описание записных книг и бумаг дворцовых приказов. / Сост. А.Викторов. М., 1877. Вып. I.
103. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584-1725 гг. / Составил А.Викторов. М., 1883. Вып. II.
104. Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 1, 2.
105. *Павлов А.П.* К изучению Дворовой тетради // Средневековая Русь. СПб., 1995.
106. *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584-1605) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988.
107. *Паркинсон С.Н., Растволеджи М.К.* Искусство управления. СПб., 1992.
108. *Петров К.В.* Приказная система управления в России в конце XV – XVII вв. М.–СПб., 2005.
109. *Питерс Т., Уотермен Р.* В поисках эффективного управления. Пер. с англ. М., 1986.
110. Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.
111. Предисловие // Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1.
112. *Преображенский А.А., Морозова Л.Е., Демидова Н.Ф.* Первые Романовы на российском престоле. М., 2000.

113. *Рогожин Н.М.* Состав и содержание посольских книг // Исследования по источниковедению истории СССР. М., 1983.
114. *Он же.* Посольский приказ. Колыбель российской дипломатии. М., 2003.
115. *Рожков Н.А.* Происхождение самодержавия в России. Пг., 1923.
116. Русская палеография / *Тихомиров М.Н., Муравьев А.В.* М., 1966.
117. Русский биографический словарь. Т.XVII. Пг., 1918.
118. *Самоквасов Д.Я.* Царский контроль приказной службы в XVII веке // Архивное дело в России. Б.м., 1902.
119. *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М.: Наука, 1987.
120. *Седов П.В.* Оборона Чигирина в 1677 г. // Российское государство в XIV-XVII вв.: Сб. статей посвященный 75-летию со дня рождения Ю.Г. Алексеева. СПб., 2002.
121. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн.VII.
122. *Он же.* О местничестве // Московский сборник. М., 1847.
123. *Сперанский А.Н.* Очерки по истории приказа Каменных дел Московского государства. М., 1930.
124. *Станиславский А.Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979.
125. *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVII века. М., 1940.
126. *Он же.* Приказное делопроизводство в XVII в. // Российское государство XV-XVII веков. М., 1973.
127. *Устюгов Н.В.* Центральное управление. Приказы // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955.
128. *Он же.* Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.
129. *Он же.* Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.). М., 1964.
130. *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о "Дворовой тетради" как историческом источнике // Археологический ежегодник за 1973 год. М., 1974.
131. *Цатурова С.К.* Офицеры власти. М., 2002.
132. Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. М.: ГАУ НКВД СССР. 1946.
133. Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель. В 4 т. / ЦГАДА СССР. М.: Главархив СССР, 1991. Т.1.
134. *Чернов А.А.* Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М., 1954.
135. *Он же.* К истории Поместного приказа: (Внутреннее устройство приказа в XVII в.) // Труды Московского историко-архивного института. М., 1957. Т.9.
136. *Он же.* Центральный государственный архив древних актов как исторический источник по военной истории русского государства до XVIII в. // Труды Московского историко-архивного института. 1948. Т.4.
137. *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII в. М., 1856.
138. *Шереметевский В.В.* Археологические работы по документам Разряда, хранящимся в бывшем Московском архиве Министерства Юстиции // Исторический архив, издаваемый Главным управлением архивным делом. Пг., 1919.
139. *Щепкин В.Н.* Учебник русской палеографии. М., 1967.
140. *Шмидт С.О.* Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1950. Т.VII. Вып.5.
141. *Шмидт С.О., Князков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI-XVII вв. М., 1985.
142. *Шумаков С.А.* К истории московских приказов // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1911. Вып.2(3).
143. Эффективность государственного управления. М., 1998.
144. *Юзефович П.А.* "Как в посольских обычаях ведется...". М., 1988.
145. *Яковлев А.И.* Засечная черта в Московском государстве в XVII в. М., 1916.
146. *O'Brien B.O.* Moscovite prikaz administration of the XVIIth cent.: The quality of leadership // Forschungen zur osteuropKischen Geschichte. Band.24. Wiesbaden, 1978.

Указатель имён

- Абрамов Д., курский
служилый человек 370
- Абрамов П., курчанин 120
- Авдеев М.С., курский
служилый человек 298
- Авдеев Ю., плотник 496
- Авдей, дворецкий
А.И. Безобразова . 496, 562, 563, 565, 567-569,
575, 576
- Аверкиев В.И., ярославский
служилый человек 271
- Аверкиев П.М., ярославский
служилый человек 271
- Аверкиев П., подьячий 175
- Аверкиев С.,
торговый человек 481, 502, 524
- Аврамов Т., подьячий 158, 162
- Айтемиров В.И.,
разрядный подьячий 99, 362, 467, 498
- Айтемиров И., разрядный подьячий 99
- Акжеев С.Б., жилец,
стрелецкий голова 252, 419
- Акинфов А.П., писец 91, 425
- Акишев, гость 83
- Аксенов И.А., служилый человек 212
- Александров А., торговый человек 536
- Александров Б., подьячий .347, 350, 354, 356, 357
- Александров Ф., поп
Верхоспасского собора 530
- Алексеев Г., разрядный подьячий 96, 14, 262, 277,
319, 440
- Алексеев Д., торговый человек 536
- Алексеев И., разрядный сторож 109, 499
- Алексеев И., тульский стрелец 193
- Алексеев И.К., служилый человек, белянин . 272
- Алексеев М., разрядный подьячий .14, 91, 92, 416,
417, 422, 425-435, 437, 438, 440-442, 447, 451,
456, 477, 496, 541, 568
- Алексеев Р., подьячий 309
- Алексеев Ф.К., служилый человек, белянин . 272
- Алексей Алексеевич, царевич . 55, 278, 279, 282,
285, 286, 299
- Алексей Михайлович, царь .11, 45, 53, 70, 83, 174,
197, 258, 267, 272, 277, 326, 372, 463
- Алмазов С.Е., стольник 371, 374, 375, 469
- Алтынов И., пленный турок 507
- Алферов И.В., окольный 70
- Алябьев С., стольник 558
- Амосов А., курский
служилый человек 91, 92
- Ананьин К.М., письменный голова
в Енисейске 311
- Андреев А., торговый человек 480
- Андреев И.Н., жилец 250
- Андреев Т., торговый человек 530
- Андронников С., разрядный подьячий 357
- Анисья, игуменья 484
- Аничков А., служилый человек, новгородец .501
- Анна, игуменья 484
- Антипин С., подьячий 159
- Антипов М., приказчик
А.И. Безобразова . 509, 563, 564, 565, 566, 567,
568
- Анциферов В., подьячий 188-190, 193, 194
- Анциферов В.Н., служилый человек,
кокшаженин 151
- Анциферов И., подьячий 195
- Апраксин А.М., недоросль 152
- Апраксин П.М., стряпчий,
сотенный голова 150, 152
- Апраксин Ф.М., недоросль 152
- Апухтин Т., служилый человек 569
- Апушкин А.Г., служилый человек, галичанин,
жилец 257, 271, 277
- Апушкин Г.Ф., служилый человек, галичанин 257,
258, 262, 263
- Ардабьев И., разрядный подьячий 101
- Арефьев О., квартирмейстер 458
- Арсеньев М.Ф., стольник,
сотенный голова 150, 152, 154, 155
- Артёмьев А., разрядный подьячий 102, 460
- Артёмьев С., подьячий 474
- Асеев Г., казачий атаман 509
- Аушев П., разрядный подьячий 324
- Афанасьев И., разрядный подьячий 105
- Бабкин Г., подьячий 189**
- Баженов В., разрядный подьячий 97, 104, 307, 350,
357, 469
- Байтереков М.К.,
крещёный инородец, князь 199
- Барова А., жена полковника
И. Барова 495
- Баров И., полковник 495
- Баташев С., разрядный подьячий 99, 375, 419, 424,
472
- Батищев Т., сын боярский 497

Батюшков С.М., жилец	260, 393
Бачманов И., воевода в г. Добром	397
Башмаков Д.М., думный дьяк	56, 80, 84, 91, 97
Бедарев А.Н., костромской служилый человек	279
Бедарев Е.В., костромской служилый человек	279, 287
Безобразов А.А., сын А.И. Безобразова	571
Безобразов А.И., стольник	15, 557, 558, 562-577
Безобразов С.К., вскормленник А.И. Безобразова, воевода в Мосальске	567, 568, 572
Безобразов Ф., стольник	87
Безсонов П.М., подьячий	146
Беклемишев М.П., воевода в Шацке	395
Беловецкий И., подьячий	350, 352, 356
Белозерский К., сын боярский	496
Белосельский И., кн., стольник	386
Беляев И., разрядный подьячий	100, 498, 499
Бердяев Т.М., смоленский служилый человек	284
Берестов Д.А., подьячий	314, 565
Берестов Ф., разрядный подьячий	414
Беседин И., разрядный подьячий	103, 173-176, 179, 181, 192, 193, 307, 348, 384, 474, 498
Бестужев М.Г., стряпчий	241
Бестужев М., воевода Чернавска	373
Бешенцов А.Д., московский дворянин	244
Бешенцов М., стряпчий	243
Бибиков Г., яранский служилый человек	151
Бибиков Д.Ф., стольник	246, 247
Бибиков И.Ф., стольник	246, 247
Бишев (Бишов) Т., подьячий	332
Благово К., стольник	386, 387
Блазняков Г., дьяк	568
Блинов Х., крестьянин	575
Бобинин В., дьяк	86
Боборыкин И.И., стольник	423, 424, 505
Боборыкин Н.М., окольный, воевода в Ярославле	146, 240, 289, 393
Бовыкина М.Н., вдова М. Бовыкина	100
Бовыкин В.И., разрядный подьячий	101
Бовыкин М., разрядный подьячий	100
Богданов А., подьячий	161, 172, 473
Богданов Г.К., думный дьяк	244, 255, 261, 263, 448, 512, 564
Богданов И., подьячий	183, 473
Богданов Л., разрядный подьячий	98, 351, 444
Богданов П., подьячий	159, 160, 175, 177, 178, 352
Богданов С., подьячий	570
Болтин А.Ф., московский дворянин, стольник	240, 245
Болтин И.П., московский дворянин	240, 244
Болховский И.А., князь, служилый человек	210
Болшев М., торопецкий служилый человек	370
Борисов Д., разрядный сторож	109, 363, 518
Борисов Н., полковник	73
Борков И.Г., ярославский служилый человек	279
Борщов А.В., стряпчий	223, 224, 225, 469
Борятинский И.П., князь, боярин	343
Борятинский Ф.С., князь	567
Бочманов И., воевода в Добром	397
Бронников А., решеточный приказчик	467
Бросин Юрий, разрядный сын боярский	108, 166, 444, 461, 500
Брюховецкий И., гетман	70
Брянцев (Брянцов) Никита, разрядный подьячий	102, 362, 363, 364
Брянченинов И.С., жилец	251
Буйносов Г.В., воевода в Соли Галицкой	292-294
Булатов Б., разрядный сын боярский	102, 108, 444, 461, 500, 505, 511
Булатов З., разрядный подьячий	102
Булгаков И., разрядный подьячий	103
Бунин Л., воевода в Ольшанске	117, 134, 381
Бурков М., казанский служилый человек	344
Бурлаков И., подьячий	326
Буслаев И., разрядный подьячий	104, 314
Бутримов М.А., ярославский служилый человек	257
Бутримов Ф.В., жилец	469
Бутурлин В.В., боярин	70
Бутурлин Г.Ф., стольник	242
Бутурлин И.В., боярин, воевода	58, 69, 99, 101, 106, 157, 160, 171, 172, 182, 192, 195, 196, 198, 199, 200, 211, 217-220, 223, 225, 240, 272, 472, 473, 481, 498
Бутурлин Ф.В., стольник	58
Бухарев А., подьячий	350
Бухарев В., подьячий	350
Бухвалов Ф., воевода в Карачеве	419, 423
Быков А.К., московский дворянин	469
Быков П.М., стряпчий, сотенный голова	150, 151, 153
Быков П.С., жилец	444
Варламов И., жилец	458, 473
Васильев А., торговый человек	504
Васильев Е., подьячий	309
Васильев И., сторож	480
Васильев К., подьячий	160
Васильев М., разрядный подьячий	104, 365
Васильев О., елецкий служилый человек	370
Васильев П., касимовский пушкар	147

Васильев С., уржумский служилый человек . . .	151	Глебов Н., служилый человек . . .	182
Векентьев Ф.Д., московский дворянин . . .	245	Глинкин П., разрядный подьячий . . .	103, 468
Вельяминов Л.М., стряпчий . . .	247	Глинский П., подьячий . . .	324
Веснин С.П., московский дворянин . . .	276	Глотов К., драгун . . .	369
Викулев Ф., разрядный подьячий . . .	100	Голенищев М.С., московский дворянин . . .	244
Висленев Ф., уржумский служилый человек . . .	151	Голицын А.А., князь, боярин . . .	564, 565, 567
Власов Ф., стрелец . . .	462	Голицын В.В., князь, боярин, воевода 15, 69, 73, 74, 88, 94, 97-99, 135, 137-140, 142-147, 149-151, 153-164, 167, 169, 171, 172, 176, 178, 182, 188, 194, 196-200, 210, 214-216, 220-223, 225, 239, 245, 262, 290, 310, 312, 316, 318, 319, 458, 459, 461, 462, 469, 471-475, 480-482, 498, 506, 546, 558, 560, 575	
Внуков А.И., московский дворянин . . .	469	Головин А.П., окольныйчий . . .	568
Внуков С.П., переславский служилый человек, рейтар . . .	265, 267	Головин М.М., стольник . . .	94
Водолеев Я., служилый человек . . .	151	Головин М.Н., стольник . . .	103
Воейков И.О., жилец . . .	250	Головин Н.Я., галицкий служилый человек . . .	273, 274
Воейков М.П., служилый человек . . .	182, 563	Головин П.А., окольныйчий . . .	558
Возницын П.Б., подьячий . . .	535	Головин П.С., служилый человек . . .	259
Воинов М.А., дьяк . . .	84	Головленков Н., начальник стрелецкого приказа . . .	506
Волков В.А., московский дворянин . . .	469	Головленков Ф.И., стрелецкий полковник . . .	222
Волков Г.Х., воевода в Воронеже . . .	118, 120	Головин М.Н., стольник . . .	472
Волков Д., разрядный сын боярский 108, 397, 442, 444, 466, 500, 505		Голосов Г.Л., стольник . . .	199
Волков Н.Х., московский дворянин, восприемник У. Каракаева . . .	303, 304	Голосов Л.И., стольник . . .	199
Волков Ф., разрядный подьячий . . .	94, 333	Голосов Л.Т., думный дьяк . . .	277, 558
Волконская, княжна, жена И.А. Гавренева . . .	558	Голохвастов П., переписчик в Вологде . . .	100
Волконский В.А., князь, стольник . . .	242	Гончаров А., казак . . .	509
Волконский С., князь, стольник . . .	460	Гончаров Н., сокольский служилый человек . . .	126
Волконский Ю.Г., князь, стряпчий . . .	242	Гопт М., полковник . . .	494
Волосатый Т., помещик, московский дворянин . . .	567, 568	Горняковской В.И., жилец . . .	259
Волохов И.А., стряпчий . . .	209	Городецкий А., подьячий . . .	326
Волошенинов К., разрядный подьячий . . .	105, 173, 175, 176, 178, 181, 324	Горохов И.С., думный дьяк . . .	43, 562, 563
Волошенинов М., думный дьяк . . .	237	Горохов М., разрядный сторож . . .	109
Волынский И.Ф., стольник . . .	247, 339	Грачов П., торговый человек . . .	483
Волынский Н.С., московский дворянин . . .	211	Грибанов М.Б., московский дворянин . . .	469
Воробьин В., стольник, полковник . . .	424	Грибоедов Ф., дьяк . . .	56, 80, 282
Воронец К.Д., служилый иноземец, полковник . . .	152	Григоров Я., сотник московских стрельцов . . .	458
Воронов П., подьячий . . .	568	Григорьев А., подьячий . . .	266
Второво М., подьячий . . .	326, 333	Григорьев А., стряпчий митрополита . . .	470
Выговский И., гетман . . .	70	Григорьев А., тюремный сиделец . . .	507
Вылузгин Е.И., дьяк . . .	558	Григорьев И., подьячий . . .	333
Выпелецкий М., поручик, прапорщик . . .	469, 494	Григорьев М., разрядный подьячий . . .	105
Вяземский М.И., князь . . .	558	Григорьев П., торговый человек . . .	483, 484, 492
Гавренева М.И., дочь И.А. Гавренева . . .	558	Гриденков А., подьячий . . .	353
Гавренев И.А., думный дьяк . . .	558	Гринков И.С., переславский служилый человек . . .	289
Гаврилов Р., разрядный сторож . . .	109, 499, 522	Гринков С.Н., переславский служилый человек . . .	289, 291
Гагарин Ф.И., князь . . .	372	Гробовский Г.Е., ярославский служилый человек . . .	279
Геев В., служилый человек Севского полка . . .	470	Грудев А., разрядный подьячий . . .	104, 310
Геев Ф., майор . . .	495	Грязев М.К., дьяк . . .	558, 577
Гизин В., поручик . . .	494	Губкин Н., казак . . .	496
Гиневлев С.Г., костромской служилый человек . . .	267		

Гулин И., полковник	481	Дурнов А.Г., московский дворянин, воспитанник	353, 347
Гуляев М., разрядный подьячий	102, 469	Дурнышев (Дурнышов) А., разрядный подьячий	102, 362
Давотчиков А.П., смоленский служилый человек	256, 257	Дуров Ф., разрядный подьячий	105, 281, 350, 467, 469
Давыдов И., воевода в Орле	423	Елагин Г., стрелецкий голова	462
Давыдов М.И., служилый человек	204	Елизаров Л.И., галицкий служилый человек	256, 257
Данилов А., тюремный сиделец	507	Елизаров П.К., думный дворянин	241
Данилов И., разрядный подьячий	101, 102, 185, 439, 443, 459, 467, 474	Елуферов (Олуфров) И., подьячий	164
Дашков В.Я., стольник	247	Емранов П., подьячий	350
Дашков И., князь	180	Еремеев И., московский стрелец	222
Дедюлин Е., уржумский служилый человек	151	Еремеев Ф., севский служилый человек	508, 512
Демидов З., разрядный подьячий	100, 171, 525	Еремей, поп	483
Десятой Л., разрядный подьячий	104	Ермолаев А., ливенец	372, 375
Дехтерев А., подьячий	370	Ермолаев И.П., ливенский служилый человек	373
Дириксон А., майор	471, 478, 483	Ермолов С., торговый человек	506
Дмитриев В.М., стольник	501	Есипов А., сотник московских стрельцов	104, 469
Дмитриев И., дяк	416	Ефремов К., подьячий	171, 348
Дмитриев М., разрядный подьячий	90, 95, 98, 102, 107, 249, 364	Ефремов С., разрядный сын боярский	419, 461
Дмитриев О., пристав	505	Жадовский М.А., жилец	469
Дмитриев С., торговый человек	483	Жаловский С.Г., стряпчий	247
Дмитриев Т., разрядный подьячий	98, 306, 438, 441	Железников Ф.С., ярославский служилый человек	289, 291
Дмитриев Ф., разрядный подьячий	310	Желескин (Желесков) И., воевода в Михайлове	130
Добрынин Г., разрядный подьячий	103, 350, 468	Желябужский И.А., думный дворянин	316, 565, 567
Долгово Г., подьячий	326, 333	Жердев Д., служилый человек	370
Долгоруков В.Д., князь, воевода	69, 73, 94, 102, 157, 160, 163, 172, 174, 179, 183-187, 193, 194, 239, 433, 458, 474, 475, 500-502, 504	Жеребилов Д.К., дяк	558
Долгоруков М.Ю., князь, боярин	565, 566, 569	Жеребцов А.С., разрядный подьячий	94, 98, 328, 329, 333
Долгоруков Ю.А., князь, боярин, воевода	298, 503	Жеребцов И.Д., стряпчий	244
Долматов С.С., ротмистр	279	Жеребцов И.М., московский дворянин	244
Домашнева А., дочь С.Ф. Домашнева	558	Жеребцов Ф., воевода в Калуге	417
Домашнев С.Ф., дяк	558	Жировой-Засекин Д., князь, стольник	290, 294
Домнин Л.А., дяк	14, 80, 86, 87, 90, 107, 125, 134, 138, 148, 160, 162, 168, 178-181, 183, 193-195, 201, 203, 211, 213, 216, 224-226, 234, 236, 249, 253, 260, 266-268, 273, 279, 280, 282, 287-289, 291, 294, 295, 300, 302, 304-306, 308-310, 314, 316, 320, 324, 327-330, 338, 357, 365-367, 373, 374, 385, 394-396, 398, 400, 416, 421, 422, 443, 445, 448-456, 462, 485, 498, 542, 546, 565, 566, 574, 575, 583	Жировой Засекин М., князь, воевода в Брянске	534
Домнин С.Л.	87	Жировой-Засекин М.Ф., князь, стольник	241
Донец Г., полковник	494	Жохов К.Ф., поручик	256
Дорофеев И., разрядный подьячий	72, 98, 107, 439, 443, 459, 470, 498	Жохов П., разрядный подьячий	102, 362, 459, 467
Дорошенко П., гетман	70-72	Заборовский С., думный дяк	284, 285
Дохтуров Г., думный дяк	80	Завалишин Д.П., ярославский служилый человек	279
Друковцов Т., подьячий	171, 192, 348	Завалишин М., городской служилый человек	468
Дубенский В.Ф., воевода в Терках	204	Заворожков А.Б., городской служилый человек	287
Дубенский Л.И., воевода в Добром	396, 417, 512	Замаруев М., подьячий	496
Дубровский И.И., служилый человек	420		
Дулов С.В., князь, стольник	243		

Засецкий И.И., стольник воевода в Туле	186, 189-191, 193-195	Иванов М., погребщик	526
Захаров Г., торговый человек	486	Иванов М., разрядный подьячий	106, 306
Захарын А., служилый человек	419	Иванов Н., разрядный подьячий	100
Звездин П., подьячий	158, 162, 332	Иванов Н., торговый человек	503
Зверев А., подьячий	466	Иванов П., торговый человек	485, 535
Зверев Г., подьячий	330	Иванов С., откупщик	417, 418, 422
Зверев Ф., разрядный подьячий	106, 267, 296, 316, 385, 398	Иванов С., стрелец	516
Зволинский П., сотник московских стрельцов	103, 469	Иванов С., торговый человек	518, 519, 536
Звягин Л., подьячий	192, 219	Иванов Т., торговый человек	536-538
Зиновьев А.И., жилец, сотенный голова	150, 151	Иванов Ф., разрядный подьячий	106
Зиновьев Е., переписчик в Туле	93	Иванов Ф., сотенный голова московских стрельцов	151
Зиновьев И.А., служилый человек	312, 315	Иванов Ф., торговый человек	502, 536
Зиновьев К., подьячий	219	Иванов Ф., торговый человек	502
Зиновьев П.В., стольник	242	Иванова А.И., дочь И.И. Иванова	558
Злобин Э., подьячий	326, 329, 332, 333	Иван Алексеевич, царевич	240
Зловидов П., служилый человек	419	Иван, поп церкви Великомученика Христофора в Москве	530
Змеев Б.Б., московский дворянин	241	Иван, поп церкви Николаы Чудотворца	530
Змеев В.А., думный дворянин, воевода, генерал- поручик	89, 138, 142, 143, 196, 458, 473	Ивашенцев Н.Т., служилый человек	259
Золотилов В.С., смоленский служилый человек	278, 279	Игин С., сотник московских стрельцов	104, 469
Золотухин Н., разрядный подьячий	106, 281	Игнатъев В., крестьянин	527
Зубов Л.Д., воевода в Брянске	186, 193, 380	Игнатъев В., разрядный подьячий	101
Зубов Л., служилый человек	459	Игнатъев С.М., жилец	155
Зубов С., полковник	138, 144	Иевлев А., торговый человек	482, 529
Зыбин К.А., воевода в Рыльске	192, 378	Извольский В.Ф., стольник	384
Зыков А., дьяк, думный дьяк	210, 244	Измайлов П.М., стольник	242
Зыков М.А., подполковник, полковник рейтар- ского строя	139, 220, 221	Измайлов С.С., служилый человек	212
Зыков Ф.А., стольник, полковник рейтарского строя	135, 137-140, 143, 144	Исаев А., ротмистр	293, 294
Зыков Ф.Т., полковник	138	Исаков И., дьяк	128
Ибрагим-паша, турецкий военачальник	72	Исаков П., дьяк	160
Иванов А., подьячий	356	Исаков С., разрядный подьячий	171, 179, 180, 192, 348
Иванов А., посадский человек	536, 537	Истомин П., дьяк	157, 473
Иванов А., пристав	385	Исупов Г.С., московский дворянин	469
Иванов А., торговый человек	530	Ишеев И.М., кормовой татарин	343, 353, 354, 358
Иванов Б., подьячий	350	Ишков А.И., служилый человек	315
Иванов В., торговый человек	502	Ишков К.А., служилый человек	315
Иванов Г., разрядный подьячий	100, 498, 499	Ишеев И., «новокрещен»	273
Иванов Г., торговый человек	518	Ишеев М., «новокрещен»	273
Иванов Д., торговый человек	506	Казаков А., приказчик А.И. Безобразова	564
Иванов Е., мастеровой человек	487, 536	Казаков Ф.А., костромской служилый человек	270, 273
Иванов И.И., думный дьяк	209, 240, 452, 558, 565	Казанец И., разрядный подьячий	98, 107, 499
Иванов И., дьякон	488, 492, 503, 507, 513	Казанец М., вдова разрядного подьячего И. Казанца	499
Иванов И., мастеровой человек	506	Казанцев Ф.П., дьяк	535
Иванов И., плотник	528	Каклушин Е., селецкий голова	418
Иванов И., стрелец	470	Камынин П., серпуховской помещик	417
Иванов И., торговый человек	513	Каракаев Н.Н. (У.), крымский татарин, «ново- крещен»	302-304, 510
Иванов Л., решеточный приказчик	466	Карамзин Н.М.	97
		Карамышева М.И., жена И. Кокошилова	558

Карандеев А., стольник, полковник	448, 454, 464, 471, 493, 496, 513
Караулов С.Л., воевода в Усмани	114, 118
Караулов Т.Л., служилый человек	204
Карровский Я., польский гонец	343, 353
Карво С., дьяк белгородской приказной избы	116, 122, 378, 379
Карпов К., подьячий	326
Кафтырев С.С., жилец	259
Кашинцев Я.О., служилый человек, белянин	296
Кашин И., жилец	511
Кашкин В., подьячий	361
Кашкин Г., подьячий	161, 172, 473
Кашлевский К., капитан	494
Квашнин В., подьячий	309
Киприянов Г., разрядный подьячий	106
Киприянов М., разрядный подьячий	106, 307
Киреева М.Г., жена И. Кокошилова	558
Киреевский М., стряпчий	378, 379
Кириллов А.С., думный дьяк	43, 210, 423, 449, 484
Кириллов Е.К., дьяк	84
Клементьев И., дьяк	568
Клементьев П., казак	494
Клишин Л., разрядный подьячий	98, 448, 454, 481
Клобуков А.Ф., московский дворянин	246
Клочков А., дьяк	157, 182, 217-219, 473
Ключарев А., разрядный подьячий	102
Кобатов А., старый подьячий, дьяк	128, 160, 474
Кобяков Г.Л., стряпчий	208
Кобяков Г.М., жилец	469
Кобяков И.Т., разрядный подьячий	102
Кобяков И., разрядный подьячий	362, 387
Кобяков И., разрядный подьячий	102
Кобяков Л., разрядный подьячий	95, 98-100, 439
Кобяков Т., разрядный подьячий	95, 98, 102, 107, 225
Кобяков Ф., разрядный подьячий	106, 365
Ковелин П.И., дьяк	14, 80, 83, 84, 87, 90, 107, 122, 128, 130, 133, 134, 146, 168, 178, 180, 181, 193, 216, 225, 226, 239, 260, 261, 266, 267-269, 273, 275, 279, 280, 282, 284, 285, 287, 289, 292, 294, 296, 299, 300, 302, 306, 308, 309, 312, 314, 316, 317, 327, 329, 330, 333, 338, 354, 356, 360, 361, 365-367, 371, 373, 374, 382, 383, 385, 391, 392, 394, 398, 400, 416, 421, 422, 438-440, 442, 445, 449-456, 462, 496, 499, 534, 541, 542, 545, 546, 583
Козлов Г.Е., смоленский служилый человек	279, 287
Козловская Т.И., княгиня, сестра А.И. Безобразова	576
Козловский Г.А., князь, окольныйчий	89, 157, 240, 473
Козловский Г.С., князь	576
Козловский М., смоленский служилый человек	256
Козловский С.И., князь	576
Козлянов И., подьячий	158
Койсаров Б.К., московский дворянин	210
Кокоев Е., татарин	508
Кокорев И., служилый человек	370
Кокошилова Ф., дочь И.А. Кокошилова	558
Кокошилов И.А., дьяк	558
Колесников Н., подьячий	575
Кологривов Г.А., стольник	240
Кологривов Т.Л., жилец	108
Колтовский П.П., стряпчий	209
Колтовский С.С., стольник, воевода в Козлове	125, 126, 132, 369, 397, 417
Комаров Д., разрядный подьячий	14, 101, 395
Комьнин Р., воевода в Яблонове	122
Кондратов Л., дьяк	241, 478
Кондратьев Г., черкасский полковник	493, 494
Кондратьев И., разрядный подьячий	104, 469
Кондырева Е., жена С.Ф. Домашнева	558
Кондырев И.Т., окольныйчий	560, 575
Кондырев П.Т., окольныйчий	188, 192, 474
Конищев И., разрядный подьячий	104, 307, 350, 468
Константинов Н., подьячий	352
Константинов С., мастер Оружейной палаты	480
Конюшев (Кунышев) Ф., касимовский татарин	343, 347, 353, 358, 360
Коптев Н., стрелецкий полковник	187
Коптяев С., подьячий	158
Корелкин Б.С., разрядный подьячий	92, 93, 107
Коробин С.Д., жилец	252
Коробьин М.Н., жилец	419
Коровин А., подьячий	158, 161, 164
Коровин Д.Б., жилец	251
Корсаковы-Римские, служилые люди	240
Корюкин Ф., послух	259
Костамаров Т.М., служилый человек	153
Костоусов И., разрядный подьячий	94, 106, 107, 379, 460, 468, 476, 500
Костюковней Я., выезджий шляхтич	504
Кочаров А.Р., жилец	277
Краевский Н.М., служилый иноземец	152
Кривский В., стрелецкий голова	471
Кривушин Ф., человек А.И. Безобразова	562, 563
Кривков М.О., полковник	72
Кропоткин А., князь	55
Кроткий В.А., воевода в Переяславле-Залесском	380, 393, 394
Кроткий Ф., подьячий	160
Кубанцев Я., разрядный подьячий	106, 281
Кудрявцов И., подьячий	473
Кузмин В., иконописец	522
Кузмин Д., тяглец Дмитровской Новой слободы	528
Кузмин К., подьячий	174-177, 182, 219, 473
Кузмин М., подьячий	174-177, 182, 219, 473
Кузмин П., тяглец Дмитровской Новой слободы	528

Кузмин П., челобитчик	359	Ловчиков С.Б., начальник Рейтарского и Пушкарского приказов	564
Кузмин С., иконописец	522	Лодыженский К.И., стольник, воевода в Валуйках	113- 115, 118, 119, 122, 252
Кузмин Ф., елецкий служилый человек	370	Локтин Ф., подьячий	359
Кузмин Ф., разрядный подьячий	101, 441	Лопухин П.А., стольник	243
Кузмин Ф., тюремный сиделец	507	Лопырев О.Д., переславский служилый человек	257
Кулнев Л.Л., служилый человек, белянин	278, 282	Лосев А., воронежский служилый человек	444
Куломзин А.В., костромской служилый человек	279, 287	Луканитинов И., пушкарь	497
Куломзин Г.И., костромской служилый человек	282	Лукин И., полковник	135, 138, 144
Кулукин И., полковник	138, 144	Лукин К., торговый человек	516
Куракин Г.С., князь, боярин	114, 180, 312, 459	Лукичев М.П.	10, 77
Куракин Ф., князь	426, 429, 435	Лутов Ф., стрелец	504
Курдюмов, подьячий	570	Лутохин Я.Ю., голова московских стрельцов	151, 217
Курочкин С., разрядный подьячий	101, 171, 219, 473, 498	Лыков П., подьячий	174, 175
Курочкин Ф., торговый человек	530	Львов А.Я., московский дворянин	209
Курчеев С., уржумский служилый человек	151	Львов И.И., стольник, воевода в Переславле-Рязанском	191
Кусынин Е., подьячий	391, 392	Лялин Д., подьячий	189
Лаговчин Д.И., стольник, голова московских стрельцов	243, 151	Лямин Д., подьячий	185
Лазарев Ф., свияжский служилый человек	151, 152	Ляпин И.П., разрядный подьячий	94, 103, 472
Лапин М., подьячий	466	Ляпунов А.Г., городской служилый человек	195
Лапкин Р., подьячий	159	Ляпунов И., разрядный подьячий, дьяк	88, 90, 92, 94, 107, 136-140, 160, 207, 215, 327, 364, 473
Лапшинский (Лопшанский) Т., разрядный подья- чий	106, 195, 306, 473	Ляпунов Л.В., воевода в Путивле	147
Ларионов В., подьячий	350	Магометов А., пленный турок	507
Ларионов И., разрядный подьячий	101, 171, 218, 219, 473, 498	Магометов М., пленный турок	507
Ларионов П.С., стряпчий	247	Мазепа И., гетман	86
Ларионов С., лекарь	172	Мазинов И., подьячий	183
Лачинов И.Е., стряпчий, сотник	150	Макарьев Ф., подьячий	333
Левашов Я.Г., стряпчий, сотник	150	Маклахлин К., майор	494
Левонтьев И., переплетчик	503	Максимов И., разрядный подьячий, дьяк	14, 89, 91, 95, 98, 102, 107, 207, 213, 214, 215, 249, 276, 308, 309, 310, 327, 364, 568
Левшин А.И., воевода в Белеве	187, 193	Максимов К., посадский человек	529, 530, 539
Ледицкий М.С., московский дворянин	244	Максимов С., разрядный подьячий	101, 102, 468
Леонтьев И., стряпчий	473	Максимов Т., торговый человек	481
Леонтьев Л., служилый человек	370	Макшеев М.И., смоленский служилый человек	279
Лесли Я., полковник	508	Макшеев Н.И., смоленский служилый человек	284
Лехчанов И.М., костромской служилый человек	279	Мальшев И., разрядный подьячий	92
Литвинов А.Г., костромской служилый человек	269, 279, 287	Мальцев М., разрядный подьячий	324
Литвинов П., разрядный подьячий	102	Мальцев, лебедянский служилый человек	371, 375
Лихарев И.И., стольник	157, 473	Маматов И.Т., прапорщик	270, 271, 274
Лихарев И.П., думный дворянин	157, 473	Мамонов Т., разрядный подьячий	101
Лихарев Т.М., костромской служилый человек	259	Мантуров О.Н., свияжский служилый человек	152
Лихвинцов И., подьячий	511	Марков Андрей, разрядный сторож	109
Лобанов-Ростовский А.И., князь, окольничий	240	Марков Г., городской	
Лобанов-Ростовский И.И., боярин	180		
Лобков А.С., дьяк	574, 577		
Лобков А., разрядный подьячий	107		
Ловчиков И.Б., служилый человек	564, 565, 566, 567		

служилый человек	497	Морин Т.О., служилый человек,	
Мартинов (Мартынов) В.,		белянин	278, 285, 291-294
разрядный подьячий	98, 418, 422, 424, 439, 443, 460	Мосалитинов Г., подьячий	221
Мартинов (Мартынов) И.,		Москотильников М., разрядный сын боярский	108, 442, 444
разрядный подьячий	99, 422, 460, 466	Мосткин С.И., жилец	259
Мартынов Ф., подьячий	344	Мотовилов М.Б., ярославский	
Мартынов А., подьячий	324	служилый человек	314, 316, 317
Матвеев А., дьякон	487, 490, 491, 492, 503, 504	Муранов О., подьячий	474
Матвеев А., разрядный подьячий	106, 441	Мустофин И., ярославский	
Матвеев А.А., комнатный стольник	241	служилый человек	145, 319
Матвеев А.С., боярин	162, 241, 258, 261	Наедин С., разрядный подьячий	106, 459
Матвеев И. Большой, разрядный		Назарьев Л., разрядный сын боярский	108, 442, 444, 468, 469, 497, 500
подьячий	171, 192, 348	Назарьев С., торговый	
Матвеев И. Меньшой, разрядный подьячий	96, 107, 439, 459, 460	человек	502, 513, 516-518, 526, 535
Матюнин А., сотенный голова	150, 152, 153	Нармацкий И., стрелецкий голова	466
Матюшников В., подьячий	185	Нармонский Ф., служилый человек	182
Медведев Г.Е., рейтарский сын	508	Нарышкин П.Ф., стольник	241
Мелентьев П., подьячий	98, 423, 466	Наталья Кирилловна, царица	212, 236, 239, 240, 245, 246, 332
Меншиков А., подьячий	471, 497	Наумов З.В., стольник	246
Меншово Н., разрядный подьячий	102	Нащокин И.С., стряпчий	237
Меркульев Н., крестьянин	529	Невежин Н., гранатчик	497
Мертвой О.М., стряпчий	469	Невежин Т., подьячий	332
Мешков А.М., подьячий	564	Неверов И., разрядный подьячий	97, 306
Мещеринов Ф., полковник	73	Невзоров И., ливенский	
Мещерский Н., князь, стряпчий	196, 199, 201	служилый человек	373
Микитин И., подьячий	147	Недовесков Г.Е., московский	
Микитин М., тяглец		дворянин	243
Казенной слободы	502, 520	Неелов А.Е., ярославский	
Микитин Ф., подьячий	159, 474	служилый человек	265
Микулин А., переславский		Неелов Д.И., стряпчий,	
рассыльщик	377	стольник	241, 258, 260-263
Микулин П., разрядный		Неелов Е.О., ярославский	
подьячий	99, 171, 473, 498	служилый человек	265
Милославский И.М., боярин	43, 165, 575	Неелов П., служилый человек	264
Милославский М.Б., околичничий	99, 372, 375	Неклюдов Н., рейтар	497
Минин (Минич) И., крестьянин	516	Некрасов И., подьячий	378
Мисайл, митрополит Белгородский		Нелединский Б.И.,	
и Обоянский	470, 484	патриарший боярин	558
Михайлов К., дьяк	378, 379	Нелединский С.С., стольник	241
Михайлов М., крестьянин	530	Нелидов Д.А., служилый человек	288
Михайлов М., подьячий	474	Нелидов И.А., галицкий	
Михайлов С., галицкий рассыльщик	377	служилый человек	269, 284, 288
Михайлов С., дьяк	379	Непейцын С., воевода в Касимове	394
Михалков Д.В., стольник	209	Неплюев Л.Р., стольник,	
Мичурин И.Е., галицкий		воевода в Севске	148, 371, 374
служилый человек	283	Непоставов Н.Н., ярославский	
Мишков А.К., воевода в Новосили	191	служилый человек	286, 287
Молвянинов О., сотенный голова	150- 153, 154	Непринцов И., городской	
Моложенин (Моложенинов) И.И.,		служилый человек	496
смоленский служилый человек	256	Нестеров А.И., думный дворянин	241
Моложенин (Моложенинов) М.И.,		Нестеров Б., начальник	
смоленский служилый человек	256, 261, 263	стрелецкого приказа	471
Монастырев И.Г., сотенный		Нестеров И., подьячий	378
голова	150, 152	Неустроев И., подьячий	158, 162
Морев И., подьячий	175	Неустроев П., подьячий	462
Морины, служилые люди	294		
Морин Д.Т., служилый человек	291-293		

Нечаев В., разрядный подьячий	14, 97, 287, 300, 395, 398, 439
Никитин А., подьячий	165
Никитин А., торговый человек	482
Никитин В., подьячий	164, 165, 166, 171, 348
Никитин Е., подьячий	165, 167
Никитин С., подьячий	326
Никифоров Г., разрядный подьячий	106, 294
Никифоров Д., гранатчик	497
Никифоров Т., разрядный подьячий	100
Никифоров Т., лихвинский голова	418
Николаев С.Ф., стряпчий	244
Никонов Т., разрядный подьячий	100, 281, 506
Ничеников К., елецкий служилый человек	370
Нкитин А., подьячий	167
Новосильцов И.И., жилец	214
Ноздрачев М., разрядный подьячий	56, 100, 460, 500
Облезов Г., подьячий	158, 161, 167
Оболенский М.В., князь, стольник	247
Образцов И., стольник	106, 195, 472
Обресков К.Я., ярославский служилый человек	276, 277
Обросимов В., подьячий	183
Огарев Л.П., московский дворянин	211
Огарев Ф.Л., служилый человек	211
Одинцов И., служилый человек	155
Одоевский Н.И., князь, боярин	527
Одоевский Я.Н., князь, боярин	565, 566
Озеров А., дяк	146, 393
Озеров О., дяк	289
Оловенников И., разрядный подьячий	572
Оловенников П.Ф., дяк, думный дяк	301, 557
Олофгран (Олофгрен) А., полковник	448, 478, 480, 481, 494
Олсуфьев И., разрядный подьячий	14, 97, 106, 109, 145, 146, 168, 176, 215, 267, 269, 273-276, 281- 283, 285, 290, 294, 310, 315-317, 320, 321, 382, 383, 385-391, 394, 398
Олуферов И., подьячий	161
Олферов И., подьячий	473
Омельянов А.А., смоленский служилый человек	256, 282
Омельянов А.М., смоленский служилый человек	279
Опухтин И.И., жилец	252
Ордин-Нащокин Б.И., думный дворянин	157, 474, 501
Ордин-Нащокин В.А., воевода в Галиче	262, 377, 381, 382, 383, 385, 390, 391, 392
Орнаутов Н.	568
Осетров Г., разрядный подьячий	104
Осинцов К., торговый человек	485, 535
Осипов А., подьячий	183
Осипов В., подьячий	351
Осипов И., торговый человек	487
Осипов И., торговый человек	536
Осипов О., разрядный сторож	109
Осипов П., разрядный подьячий	101, 281
Остафьев Г.В., московский дворянин	246
Остафьев С.Г., служилый человек	246
Остафьев Ф., разрядный подьячий	102, 351, 460, 498
Остолопов Б., дяк	148
Остолопов Ф.Е., вологодский служилый человек	290
Остриков Ф., разрядный подьячий	102
Отмусов Л.В., жилец	214
Охотницкий Ю.Г., разрядный подьячий	93, 94, 107, 149, 215, 221, 423, 573
Очкасов Л.С., елецкий служилый человек	370
Павлов И., разрядный подьячий	94, 107, 454, 470, 474, 476, 495
Павлов М., разрядный подьячий	104, 363, 387
Панов А., разрядный подьячий	93, 318, 440
Панов М.В., костромской служилый человек	282
Парамонов К., подьячий	324
Парамонов М., подьячий	159, 160, 180
Пареный К., городской служилый человека	419
Пасынков Л., всормзленник А.И. Безобразова	572
Патрекеев И.И., дяк	221, 473
Патрекеев Т., разрядный подьячий	104, 324
Патрекия, игуменья	484
Пауков (Поуков) И., разрядный подьячий	97, 107, 333, 470, 471, 478, 482
Пахомов Г., подьячий	187, 189, 190
Пашин Л., дяк	89
Пелепелкин К.В., городской служилый по прибору	396, 397
Поволяев К., драгун	396, 397
Перфильев И., стольник	219
Перфильев Н., сотник московских стрельцов	102, 469
Перфульев П.К., смоленский служилый человек	296
Пестриков А., дяк	182
Петелин И., разрядный подьячий	356
Петр Алексеевич, царевич, царь 3, 4, 72, 240, 241, 487, 588	
Петровский Ф.А., жилец	277
Петров В., подьячий	310
Пикалов С., сотник московских стрельцов	104, 469
Пименов А., разрядный подьячий	14, 92, 94, 107, 215, 300, 361, 374, 398
Племянников И., стольник	426, 435
Плещев А.Д., стольник	242

Плещеев М., стольник	500	Прокофьев М.П., дьяк	566, 568, 570, 572, 575
Плещеев С.И., служилый человек	258-260	Прокудин М.Г., стряпчий	94, 106, 468, 476
Поддубский Ив., разрядный сын боярский	108, 195, 259, 307, 444, 460, 461, 468, 469, 500, 505, 506	Прокшин Р., разрядный подьячий	106, 307, 466, 467
Поддубский Иг., разрядный сын боярский	108, 307, 397, 444, 460, 469, 505	Прочищев П.И., думный дворянин	558
Поддубский С., разрядный сын боярский	108, 460, 505	Протасов Г., разрядный подьячий	106, 362
Подкуянский И.И., служилый человек	318	Протасьев Д.П., стольник	501
Поздышев Ф., разрядный подьячий	104	Протасьев И., разрядный подьячий	106, 387
Поздышев Я., дьяк	384, 385, 388-390	Протасьев П., стольник	501
Полибин Б.Ф., думный дворянин	568	Протопопов Б.И., дьяк	572
Полозовы, костромские служилые люди	294, 295	Протопопов В., разрядный подьячий	99, 440, 459
Полозов А.А., костромской служилый человек	288-291	Протопопов В., дьяк	568
Полозов А., стрелецкий голова	417	Протопопов В., переписчик	103
Полозов Б.А., костромской служилый человек	289-291	Протопопов Г., подьячий	160
Полозов Ф.В., костромской служилый человек	279	Протопопов Е., подьячий	326, 330, 333
Полонский Л., воевода в Кромах	423	Протопопов И.Т., подьячий	575
Полтев Д.И., московский дворянин	246	Протопопов И., подьячий	161, 172, 219, 350, 473
Полтев И., стольник, стрелецкий полковник	471	Протопопов О., разрядный подьячий	103, 469
Полтев П.Ф., стряпчий	247	Протопопов П.И., дьяк	341
Полтев П., воевода в Переславле-Залесском	380, 394	Протопопов Т.И., подьячий	572
Полтев С., служилый человек	423	Протопопов Т.П., подьячий	575
Полуэктов И.Л., служилый человек	461	Протопопов Т., подьячий	333, 570
Полянский Д.Л., думный дьяк	89, 307, 568	Протопопов Ф., разрядный подьячий	99, 363, 534, 572
Полянский М., подьячий	351	Прохоров Г., коробейный мастер, торговый человек	502, 503, 536
Поплавский С.Г., дьяк	566, 567	Пупков П.Л., капитан	279
Попов А., разрядный подьячий	106, 483, 511	Пушечников В., начальник Стрелецкого приказа	509
Попов А.	444	Пушин И.О., служилый человек, белянин	279, 287
Попов Г., разрядный сын боярский	108, 164, 166, 195, 363, 419, 444, 461, 469, 506, 511	Пятово П., думный дьяк	43
Порецкий Л., дьяк	307	Развозжай Л., ямщик	468
Порошин Р., разрядный подьячий	476	Разин С.Т., казак	197
Потапов Л., стрелец	509	Разин Ф., казак	70
Потапов П., мастер	97	Рахманинов И., воевода в Серпухове	417
Потемкин П.И., стольник	326, 330, 340	Резанцев К., солдат	368, 369
Потемкин С.С., московский дворянин	199	Репнин И.Б., князь, боярин	316
Потемкин С., валуйский пушкарь	113, 118, 120, 370	Решевский И., выездный шляхтич	504
Похвиснев А.Е., стряпчий	94, 199	Ржевский А., воевода в Белгороде 116, 122	
Похвиснев И.М., жилец	153, 251	Ржевский И.И., окольный, воевода	156, 318, 458, 473
Поярков Н., дьяк	105, 160, 173, 182, 221	Ржевский Т., стольник, воевода в Белгороде	130, 133
Приклонский Г.Б., воевода в Боровске	572	Рогозинин И., подьячий	568
Приклонский И.В., служилый человек	572	Родионов Е., тяглец Воронцовской слободы	516
Приклонский М.В., служилый человек	572	Родичев В.Г., смоленский рейтар	266
Прозоровский А., князь, стольник	394, 395, 398	Рожновский Е., рейтар	495
		Ромодановский А.Г., князь, стольник	71, 72, 240, 242
		Ромодановский Г.Г., князь, боярин, воевода 69-74, 97, 112-120, 127-130, 132-135, 142, 156, 157, 172, 182, 196-198, 200, 205, 223, 245, 298, 308, 368,	

373, 375, 378, 379, 379, 416, 421, 432, 448, 449, 451, 452, 458, 461-463, 470, 471, 473, 478, 480-483, 487, 492, 493, 496, 497, 509, 575	
Ромодановский М.Г., князь, боярин71, 72, 156, 473, 575
Ромодановский Ю.И., князь, боярин344, 392
Рослов А., разрядный подьячий102, 127, 350, 356, 468
Ростухин Т., решеточный приказчик462
Росформ А., полковник495
Руднев А., разрядный подьячий459
Русинов В., подьячий158, 161, 164
Сабелников Т., стрелец464
Саблин И., разрядный подьячий100
Савельев И., каменщик529, 539
Савельев И., торговый чел.480
Савин М., подьячий461
Савин Т., галицкий пристав377
Саврасов Я., алатарец299
Салтыков А.Ф., стольник558
Салтыков А., служилый человек461
Самойлович И., гетман ..70-74, 114, 127, 142, 197, 560	
Сас И., воевода в Острогжске ..368, 369, 375, 381	
Сатин М.Т., стряпчий469
Сатин С.В., служилый человек375
Сафонов С.Т., костромской служилый человек258-260
Сафонов Ф.В., костромской служилый человек259
Сверчков И.М., гость97
Сверчков Т., городской служилый человек496
Свиридов И., разрядный подьячий103, 363
Северов И., разрядный подьячий237
Секерин В.А., стряпчий469
Секерин Л.Б., стряпчий243
Секованов Б., разрядный подьячий94, 106, 467, 468
Селевин М.Ф., костромской служилый человек279
Селевин Ф.Ф., костромской рейтар265, 545
Селиванов Р.М., служилый человек371
Селунский И., воевода	
Селунский И., воевода в Козлове574, 577
Семенов В.В., стольник83
Семенов В.Г., думный дьяк ..11, 14, 15, 55, 56, 80, 83, 84, 86, 89, 90, 93, 94, 97, 99, 100, 102, 107, 113, 114, 117, 118, 125-129, 133, 134, 145, 146, 167-171, 176-182, 184-191, 193, 194, 196, 200-203, 209, 210, 212, 219, 222, 225, 226, 239, 244-246, 255, 257, 259-264, 266-268, 271, 273, 274, 277, 280, 283, 287, 290-296, 299, 300, 302-305, 308, 314, 318, 319, 324, 325, 327, 328, 338, 344, 348, 349, 354, 356, 360, 362, 364-369, 371-374, 377, 378, 380-382, 384-386, 388-391, 393, 396-	
Семенов Д., извозчик	
Семенов И., дьяк Стрелецкого приказа55
Семенов И., работник530
Семенов И., торговый человек527, 530
Семенов Я., разрядный подьячий106, 307
Сергеев И., разрядный подьячий106, 324
Сергеев Я., человек А.И. Безобразова563
Сидоров А., подьячий224
Сидоров И., сторож172, 501
Симоновский С., разрядный подьячий99, 171, 281, 440, 441
Ситников Ф., чугуевский виноградный садовник369
Скворцов С., дьяк378, 379, 511
Скрипицын В.Ф., костромской служилый человек256, 261
Скрыпов Л., подьячий473
Скрябин П.М., стряпчий243
Скрябин П., воевода в Нижнем Новгороде573
Скуратов А.П., стольник ..205, 421, 426, 429, 432, 435, 449, 535	
Скуратов П.Д., окольный ..157, 240, 466, 473	
Славышевский Г., разрядный подьячий106, 307
Сланцев В., разрядный подьячий106, 468
Смирнов Я., подьячий161, 172, 473
Собакин М.В., стольник240
Соболев И., пристав462
Соболев Т., воронежский таможенный и кабацкий голова418
Совин П.И., стряпчий242
Созонов Б.Ф., московский дворянин211
Соковнин А., воевода в Острогжске368
Соколов П.К., жилец251
Соколов Я., разрядный подьячий99, 474, 512
Солнцев-Засекин И.А., князь, стольник247
Соловцов И.Г., стольник468
Соловцов Я., полковник, голова московских стрельцов83
Сорокин Л., разрядный подьячий104, 357, 469
Сорокин У., подьячий508
Софонов И., крестьянин526
Софонов С.Т., костромской служилый человек259
Софронов С., стрелец502, 516
Софронова Е.Е., жена стрельца С. Софронова ..	.516
Софья Алексеевна, царевна .. 84, 89, 90, 560, 570	
Спасеньев М., подьячий161, 172, 350, 473
Старков И., подьячий363, 364

Старцев О., каменных дел мастер	524
Стахеев И., придельный священник	503
Стелберг И., голландец	301, 302
Степанов А., разрядный сенной подьячий	109, 260, 397, 444
Степанов В., разрядный подьячий	91, 92, 107, 364, 414, 416, 417, 421, 422, 425-442, 447, 455, 456, 477, 496, 511, 512, 517, 521, 525, 527, 534, 541
Степанов Д., дьяк	87
Степанов С., разрядный подьячий	454, 498
Степанов Федор, разрядный подьячий	101
Степанов Ф., разрядный подьячий	441, 467
Степанова Т., вдова разрядного подьячего С. Степанова	498
Страхов А.И., служилый человек	212
Стрешнев Т.Н., боярин	80
Струков С.Г., дьяк	354
Ступишин Д.И., жилец	297, 300
Судейкин К., дьяк	148, 374
Судейкин Л., разрядный подьячий	106, 365
Суетины, галицкие служилые люди	258, 261
Суетин В.С., переславский служилый человек	267
Сукманов Т., разрядный подьячий	97, 148, 171, 419, 423, 439, 443, 459, 467, 470, 473, 476, 498
Сукманова Е.Ф., вдова Т. Сукманова	97
Суковкин И., служилый человек	315
Сумароков И.А., костромской служилый человек	276
Сумороков Г.Т., московский дворянин	244
Сунбулов М.О., стряпчий	208
Сухарев Л., стрелецкий полковник	470
Сухов К.Н., кокшайский служилый человек	152
Сушков А.Г., служилый человек	312, 315
Сушков К.Т., городской служилый человек	225
Сушков С.И., городской служилый человек	224
Сытин А.О., служилый человек	212
Сычов С., подьячий	172, 175, 178, 182, 473
Тарасов И., разрядный подьячий	96, 362, 460
Тарасов Л., торговый человек	482
Тарбеев В.Д., московский дворянин	208
Тарбеев Г., полковник	138, 144
Татаринов П., городской служилый человек	470
Татаринсков Д., городской служилый человек	496
Татаринцов Я., «коротояцкий» служилый человек	118
Таширов К.П., служилый человек	259
Текутьев В.И., разрядный подьячий	93, 107, 315
Текутьев В.И., стряпчий Кормового двorca	93
Текутьев Г., подьячий	93
Текутьев И.И., путный ключник Кормового двorca	93
Текутьев С.Р., объезжий голова	93
Телегин М., воевода в Верхососенске	119
Телепнев Д.В., стряпчий	241
Телицын В., дьяк	343
Темирязев И.П., служилый человек	212
Тетюрин А.В., городской служилый человек	508
Тимофеев Г., портной мастер	481
Тимофеев И., подьячий	350
Тимофеев Ф., подьячий	350
Тимофеев Ф., разрядный подьячий	102, 387, 474
Тинков Н., служилый московских чинов, воевода в Карачеве	572, 573
Титов Г., полковник, начальник Стрелецкого приказа	73, 516
Титов С., думный дьяк	80, 396
Тихменев И.А., стряпчий	247, 248
Тихменев Л.А., стряпчий	247
Тихменев Ф.А., ярославский служилый человек	281, 284
Тихонов К., подьячий	333
Токмачев Е.Ф., ярославский служилый человек	278
Толкачев С.П., рейтар	272
Толочанов Н.М., стольник	242
Толстой А.В., думный дворянин	157, 473
Толстой М.А., стольник	472
Томилов М., разрядный подьячий	98, 284, 300, 302, 304, 466
Топильский А., разрядный подьячий	98, 101, 459, 460, 470, 511, 512
Торкмыш М., черкашенин	505
Торопов В., разрядный подьячий	101
Торопченин Т., рейтар	495
Травин М.Ф., полуполковник	259
Трауэрнихт А., генерал-майор	73, 452, 478, 495
Троекуров И.Б., князь, окольничий, боярин	87, 239, 458, 501
Трофимов Ф., подьячий	347, 353, 358, 360
Трубещкой А.Н., князь, боярин, воевода	284, 326, 297, 298
Тургенев С.П., жилец	252
Туренинов К., стрелец	504
Тутомлин И., жилец	500
Тухачевский О.Я., стряпчий	252
Тушин А., воевода в Костроме	291, 294, 376, 377, 384, 385, 389
Тяпкин Е., воевода в Сокольске	123, 124, 125, 126, 417
Уваров С.Е., полковник рейтарского строя	135- 137, 139, 140, 143, 497
Украинцев Е.И., дьяк	86, 129, 517

Улыбышев Л.А., бежечанин	290
Ульф Ф.Ф., генерал-майор 157, 448, 469, 471, 473, 478, 480, 481, 494	
Упатьев А., приказчик Ловчиковых	564
Урекеев К., мурза	151
Урусов Н.Т., князь, стольник	225
Урусов Н., князь, стольник, воевода в Великом Новгороде	416
Урюпин А., пристав	419
Утешев И., городской служилый человек	509
Утешев Л.А., городской служилый человек	509
Ухтомский князь, пошехонский помещик и вотчинник	393
Ушаков С., иконописец	524
Фадеев П., подьячий Разряда	56
Федор Алексеевич, царь 11, 45, 53, 71, 72, 151-153, 178, 197, 276-279, 282, 284, 286, 287, 290, 326, 390, 456, 461, 466, 476, 524, 560	
Федоров А., разрядный подьячий	104, 351
Федоров В., атаман	494
Федоров Г., разрядный подьячий	95, 107, 207, 215
Федоров Г., торговый человек	486
Федоров Д., подьячий	568
Федоров Д., торговый человек	536
Федоров И., подьячий	567
Федоров И., торговый человек	519
Федоров И., ученик лекаря	172
Федоров М.С., жилец	469
Федоров С., дьяк	188, 191, 193, 474
Федоров С., крестьянин	526
Федосеев В., посыльный А.И. Безобрзова	575
Федосов Я., солдат	508
Федотьев И.Ф., переславский рейтар	264, 265, 267
Федчищев О.М., костромской служилый человек	257, 270, 271
Феофанов А., подьячий	183
Фефилатьев В., разрядный подьячий .98, 168, 181, 194, 333, 353, 357, 440, 467	
Фефилов А., торговый человек	485
Филатов П.П., служилый человек	212
Филимонов Ф., драгун	463
Филипов С., крестьянин	526
Фомин Г.Л., стряпчий	208
Фрезор А., капитан	470, 495
Френев В.А., галицкий служилый человек	273, 279
Фролов А., подьячий	348
Харитонов А., откупщик	416, 418
Харламов И., подьячий	354
Харламов И., торговый человек	485, 535
Хваслимов Ф., откупщик	418
Хвастов Т., разрядный подьячий	102
Хвостов Д.И., жилец	252
Хилков А.А., князь, стольник	472
Хитрово Ф., воевода в Мценске	417
Хмельницкий Ю., гетман	70, 71
Хованский А.И., князь, боярин	558
Хованский И.А., князь, боярин	89
Хованский П.И., князь боярин, воевода .73, 103, 106, 157, 159, 160, 164, 171-173, 179, 180, 183-195, 210, 223, 225, 348, 458, 459, 461, 462, 474, 475, 481, 498, 506, 569	
Хованский А.А., князь, боярин .91, 238, 240, 241	
Ходкевич Я.-К., гетман	83
Холоневский Я., свияжский служилый иноземец	151, 152
Хомутовы, служилые люди	312, 317
Хомутов И.П., стряпчий	241
Хрущов С.Н., жилец	297-299
Хрущов Ф.Г., стольник, осадный воевода в Путивле	221, 500
Хрущов Ф. Большой Г., стольник	246
Хрущов Ф. Меньшой Г., стольник	100, 460
Худяков С., разрядный подьячий	103, 506
Цыгоров Ф., разрядный подьячий	56
Чаадаев И.И., думный дворянин	393
Чегликов М., казак	509
Челищев М.Е., стольник	501
Челюстин В., полковник	135, 138, 144
Чередеев П., подьячий	158, 161, 167
Черкасский М.А., князь, стольник, боярин	88, 240
Черкасский М.Я., князь	375, 545
Черной И., торговый человек 481, 486, 506, 513, 536, 538	
Чернеев И., дьяк	147
Черногубов, улан	296
Чернцов И.А., рейтар	272
Чернцов К.И., московский дворянин	243
Чернцов К., подьячий	352
Чернцов Я., дьяк	326
Чернцов Я., подьячий	352, 356
Черный Е.Г., драгун	396, 397
Чернышев И.И., городской воевода	454
Чернышов И.Г., воевода в Ельце	512
Чертков Ф.В., переславский служилый человек	272, 274, 545
Чириков А.И., комнатный стольник	240
Чириков И.В., московский дворянин	276
Чириков И.И., окольный	43
Чириков С.Я., ярославский рейтар	266
Чириков Я.Я., ярославский рейтар	266
Чирков П.Н., московский дворянин	245
Чичагов М.И., костромской служилый человек ..	279
Чичерин А.Я., стольник	246, 247
Чоголоков А.С., жилец	253

Чубаров А.А., стольник, полковник рейтарского строя	135, 140, 143, 144
Чокаринов С., сотник московских стрельцов	105, 469
Чюраев К., служилый свияжский татарин	151
Шаккулов Ахмет Сеит Тенишев, ярославский кормовой татарин	155
Шакловитый Л.А., отец Ф.Л. Шакловитого	83
Шакловитый П., подьячий	464
Шакловитый Ф.Л., дьяк	14, 80, 83-86, 89, 98, 99, 101, 107, 125, 127, 129, 130, 133, 134, 160, 168, 179, 180, 181, 186, 187, 193, 199, 201, 208, 213, 225, 226, 236, 249, 260-263, 267-269, 273, 274, 279, 280, 281, 285, 287- 289, 293, 294, 296, 302, 304, 305, 308, 314, 323-325, 327-329, 333, 338, 354, 356, 360, 364-367, 374, 380, 385, 388, 390- 392, 394, 395, 398, 400, 416, 422, 438, 442, 445, 449-456, 462, 466-468, 483, 492, 499, 542, 545, 546, 565, 570-572, 574, 575, 583
Шанский Ф., разрядный подьячий	106, 173-176, 179, 181, 192, 193, 348, 474, 498
Шапкин П., подьячий	171, 172, 174, 175, 179, 181, 348, 501, 504
Шарапов Б.К., воевода в Романове	145
Шат Ф., гулящий человек	372, 374
Шаховской И.С., князь, воевода в Воронеже	572
Шаховской Т., князь, воевода в Ржеве	569
Шебанова М., старица	525
Шевандрин Ф., подьячий	193, 474
Шейн А.С., боярин	87
Шепелев А., полковник	136, 256, 270, 279, 295, 497
Шереметев В.Б., боярин, воевода	180, 224, 558
Шереметев И.П., служилый человек	558
Шереметев П.В., стольник	501
Шестаков Г.И., жилец	277
Шестаков Е., разрядный подьячий	101, 281
Шестоков С., московский стрелец	151
Шеховской П.И., князь, воевода в Туле	130
Шехонский Б.В., князь, служилый человек	212
Шехонской К.М., московский дворянин	245
Шибает П., рейтар	497
Шибает Я., подьячий	387
Шилов А., пристав	353
Шишкин Г.И., воевода в Рьльске	378
Шишкин М., разрядный подьячий	101, 362
Шишкин Н., подьячий	328
Шишкин Я.И., стряпчий	259
Шишков С.И., московский дворянин	242
Шнитер У., полковник	221
Шокуров М.В., московский дворянин	245
Шулепов Т.С., стряпчий	244
Шумов П., подьячий	160
Шустов Н.И., служилый человек	315
Шустов Ф., подьячий	158, 161, 167
Щелкунов И., разрядный сын боярский	94, 99, 106, 108, 378, 444, 461, 468, 472, 500, 505
Щепин С.А., костромской служилый человек	269, 278, 279, 287
Щепотев А.Ф., воевода в Новом Осколе	119, 120
Щербаков М.М., разрядный подьячий	14, 94, 262, 263, 284, 306, 307, 310, 570
Щербатов Д.Н., князь, окольныйчий	558
Щербатов К.О., князь, окольныйчий	240, 574
Щербачов Г., приказчик А.И. Безобразова	564, 565-568, 570, 571
Щетинин М.М., князь, стряпчий	247
Юдин И.Я., разрядный подьячий	98, 101, 107, 470, 512
Юрнев Б., жилец	172, 501
Юров С., рассыльщик Переславля-Залесского	377
Юшков Б.Г., окольныйчий	370
Языков И.М., окольныйчий	566
Языков П.Б., стряпчий	246
Языков Ф.П., стольник	472
Якимов И., человек стольника князя П.И. Шеховского	130
Якимов И., подьячий	192, 193, 219
Яковлев И., торговый человек	518
Яковлев М., подьячий	353
Яковлев Ф., крестьянин	516
Яковлев Ф., торговый человек	502
Янбахтин У., мурза	151
Янов Е.С., поручик	143
Янов И., служилый человек	143
Ян II Казимир Ваза, польский король	70
Ян III Собесский, польский король	72
Ярышкин С., разрядный сын боярский	108, 460
Яхонтов А.С., воевода в Касимове	146
Яцкой А.Г., разрядный подьячий	14, 92, 93, 107, 146, 171, 178, 179, 181, 203, 213, 214, 252, 253, 253, 277, 307, 308, 310, 350, 357, 363, 574, 575, 577

Указатель географических названий

- Азов, г. 87, 102
Алатырь, г. 144, 150, 153, 468
Алексеевская башня (в Москве) 530
Алексеевское, с. 99, 101, 456, 467
Алексин, г. 74, 77, 144, 218, 427, 461, 469
Алешня, г. 75, 77, 79, 426
Андривы Лозы, г. 426
Арбат, ул. 94, 97, 107
Арбатская пл. 487
Арзамас, г. 74, 77, 80, 143, 205, 427, 468, 469, 565, 567
Архангельск, г. 103, 430, 447, 449, 517
Астрахань, г. 83, 199, 240, 242
Ахтырк (Ахтырский), г. 75, 77, 79, 426, 450, 470, 484
- Бабьегородский пер. 108
Балахна, г. 242
Бежецкий Верх, г. 78, 143, 144, 215, 255, 271, 290, 311, 386, 427, 461, 469, 511
Белая, г. 78, 138, 143, 144, 215, 223, 225, 255, 282, 312
Белгород, г. 459-464, 469-471, 70, 71, 73, 75, 79, 96, 98, 113, 116, 118, 119, 121, 128, 131, 133, 134, 140, 156, 200, 203, 211, 318, 369, 373, 378, 379, 426, 466, 473, 474, 482, 497, 511, 590
Белгородский полк, разряд (административно-территориальный округ) 44, 75-77, 115, 130, 131, 133, 299, 318, 369, 375, 422, 426, 427, 429, 433, 434, 439, 443, 450, 457, 461, 478, 483, 486, 487, 492, 536, 538, 541, 543
Белев, г. 74, 79, 97-99, 184, 187, 193, 199, 311, 386, 419, 426, 428, 459, 461, 466, 484, 512, 570
Белоколодезь (Белоколодский), г. 75, 78, 79, 370
Белый город (в Москве) .83, 86, 92-94, 96, 97, 107, 531
Белозеро, г. 78, 143, 204, 255, 304, 312, 315, 427, 469
Белополье, г. 75
Бельский городок 75, 77, 78, 79
Богодухов, г. 76, 77, 426
Богородицк, г. 74
Богоявленская земля в Мещанской слободе (в Москве) 87
Божедомская ул. 97
Болото, район Москвы 92
Болхов, г. 75, 77, 79, 93, 156, 184, 200, 242, 369, 386, 426, 473, 570
Большая Никитская ул. 92, 93
Большая Ордынка ул. 83, 93, 107
Большая Полянка ул. 93, 107
Большая Якиманка ул. 92, 108
Борисов, г. 140, 143, 144
Боровль, г. 75, 369
Боровск, г. 74, 143, 144, 427, 469, 472, 572
- Боярская площадка (в Кремле) 522
Бронницы, г. 101, 459, 467
Брянск, г. 184-187, 73, 75, 78, 79, 83, 157, 160, 172, 183, 187, 193, 194, 426, 428, 433, 449, 459, 463, 474, 477, 501, 534, 571
Булыкляя, г. 76, 77
Быхов Старый, г. 180, 287
- Вага, р. 103
Валки, г. 76, 77
Валуйки, г. 76, 77, 79, 113, 116, 118, 119, 122, 134, 200, 252, 370, 426, 463, 464, 496, 509, 512
Варсонофьевский пер. 100
Велиж, г. 78, 255
Вена, г. 167
Венев, г. 74, 77, 386
Веряя, г. 74, 77, 143, 469
Верхососенск (Верхососенский), г. 75, 77, 79, 118, 119, 134, 370, 424, 426, 427, 496
Верхоспасская площадка (Верхний каменный двор в Кремле) 522
Верхотурье, г. 241, 246
Вешняково, с. 527
Витебск, г. 78, 255
Владимир, г. 74, 77, 80, 90, 138, 142, 143, 144, 214, 386, 427, 469, 511
Владимирское, с. Добренского у. 396
Вологда, г. 78, 100, 103, 143, 144, 215, 251, 255, 386, 469
Волок Ламский, г. 142, 247, 248, 469
Волость Белгородская 247
Вольный, г. 75, 77, 79, 369, 426
Воробьево, с. 50, 516
Воробьевы горы (в Москве) 516
Воронеж, г. 75, 79, 94, 98, 120, 121, 127, 199, 204, 205, 252, 304, 369, 375, 386, 418, 419, 424, 426, 443, 454, 460, 463, 464, 470, 476, 512, 545, 572
Воронеж, р. 123
Ворота в Москве
- Ильинские 83
Калужские 70
Пречистенские 94, 98, 108
Серпуховские 104
Смоленские 83, 107, 180
Спасские 71
Тверские 343
Яузские 83, 94
- Воротыньск, г. 74, 386, 426, 469
Воскресенская ул. 83
Воскресенск г. 467
Высокополье, г. 426
Вышний Волочок, г. 499, 501

Вязьма, г.	78, 100, 135, 143, 144, 255, 427, 466, 506	Соленой (в Москве)	83
Вятка, г.	242, 344	Дедилов, г.	74, 386
Галич, г.	78, 98, 143, 144, 146, 200, 222, 251, 255, 258, 262, 263, 267, 268, 271, 377, 382, 383, 385, 386, 390-392, 469, 506	Десна, р.	96, 460
Гдов, г.	78, 222	Дмитров, г.	78, 86, 143, 144, 255, 461, 469, 511
Глухов, г.	70, 462, 477	Дмитровская Новая слобода	528
Голландия	301	Днепр, р. 70, 72, 73, 74, 114, 128, 129, 142, 217, 219	
Голутвинные пер.	92	Доброе (Доброе городище), г. 77-79, 75, 204, 304, 370, 380, 386, 397, 426, 512	
Город, города 45, 66, 70, 74, 77-79, 83, 86, 87, 89, 91-99, 102, 108, 112-114, 118, 119, 122, 123, 125, 126, 129, 131, 133, 134, 140, 144-148, 152, 156, 163, 180, 183-185, 187-189, 193-195, 197-199, 204, 205, 215, 220, 222, 236, 244, 263, 264, 268, 275, 289, 300, 305-307, 310, 317, 319, 321, 342-344, 350, 351, 369-371, 373, 375, 376, 379, 380, 382, 386, 389, 393, 398, 418, 422, 423, 426-428, 430, 431, 434, 439, 443, 447, 450-452, 457-464, 469, 472, 474-476, 484, 493, 499, 500, 505, 506, 510, 512, 515, 517, 524, 536, 541, 564, 575, 582, 585, 586, 589, 592	Дон (область) 139, 163, 171, 247, 339, 346-348, 350, 356, 358	Дон, р.	115, 204
Белгородского полка .77, 79, 144, 315, 378, 379, 424		Дорога	
замосковные 77, 78, 143, 144, 145, 214, 218, 222, 255, 315, 320, 327, 367, 381, 383, 384, 386, 388, 390, 427, 428, 429, 434, 450, 457, 488, 492, 541		Белгородская	461
“заоцкие”79, 93, 143, 144, 218, 427, 428		Владимирская	469
литовские, “литовского взятия”70, 144		Волоцкая	469
малороссийские266, 302		Дмитровская	469
Новгородского разряда (полка) 78, 79, 143, 144, 214, 222, 255, 281, 300, 367, 370, 423, 427, 428, 434, 457, 499, 500, 504, 510, 541		Калужская	469
“от литовской украины”143, 143		Каменка	469
“польские”79		Каширская	461
польские и черкасские326		Клинская	469
понизовые 197, 199, 205, 282, 283, 342, 349, 350, 357		Коломенская	469
Рязанского разряда77, 144, 394, 492		Можайская	469
северские77-79, 92, 93, 488		Ромодановская, Родоман	72
Севского полка, разряда79, 93, 378		Серпуховская	469
сибирские220		Тульская	99, 472
«смоленского взятия»223		Ярославская	469
Смоленского разряда78, 255, 320, 371		Дорогобуж, г.	78, 144, 215, 223, 225, 255
Тамбовского разряда427		Дунай, р.	72
украинные 57, 79, 132, 143, 144, 215, 218, 299, 367-370, 398, 419, 424, 430, 431, 436, 450, 465, 469, 470, 475, 478, 481, 483, 486, 492, 493		Елец, г.75, 79, 369, 370, 386, 422, 426, 427, 460, 461, 463, 496, 512	
Городное, г.76, 77		Енисейск, г.	311
Гороховец, г.74, 77, 468, 469		Епифань, г.75, 77, 79, 140, 212, 369, 386, 426	
Горохов, г.55		Ертановка	572
Гремячий, г.77, 386		Ефремов, г. 75, 77, 79, 157, 199, 369, 386, 418, 421, 424, 426, 460, 473	
Губерния		Забелина ул.	87
Владимирская72		Замоскворечье	80, 107, 109
Московская72		Запорожье	199
Данков, г.75, 77, 84, 99, 144, 369, 386, 418, 424, 426, 460, 511		Зарайск, г.	74, 77
Двина, р.103		Засака, засеки	
Двор		Белевская	212
Крымский (в Москве)108		Борисовская	212
Патриарший (в Москве)71		Лихвинские	212
Посольский (в Москве)87		Одоевские	212
		Засечная черта	
		Белгородская. 112, 114, 119, 120, 122, 123, 127, 131, 133, 134, 143, 144, 212, 226, 369, 378, 590	
		Застава Дорогомиловская	46
		Звенигород, г.74, 77, 91, 143, 144, 425, 466, 469	
		Звенигородские железные заводы	332
		Зеленая слобода, с.	459
		Зеленое, с.	459
		Земляной город (в Москве)94, 97, 98, 107, 108	
		Землянк (Землянский), г.75, 77, 79, 369, 372, 386, 424, 545	
		Змеев, г.	76, 77, 79
		Знаменка ул.	487
		Золотая палата (в Кремле)	389

Золотая Царицына палата (в Кремле)	522	Крым71, 224, 257, 299, 300, 302
Золотое крыльцо (в Кремле)	522	Крымская набережная	108
Зубцов, г.	78, 143, 144, 255	Курск, г.	70, 71, 75, 79, 97, 99, 102, 114, 128, 223, 369, 375, 378, 416, 426, 460-464, 470-474, 477, 478, 483, 493, 496, 498, 511, 590
Зырянские уособья	539	Лебедин, г.	75, 78, 79
Ивановская площадь (в Кремле)	8, 279, 488, 526	Лебедянь, г.	75, 79, 369, 386, 424, 426
Изборск, г.	78, 222	Лесной Воронеж, р.	124
Измайлово, с.	272	Ливны, г.	75, 79, 370, 373, 386, 424, 426, 427, 463
Иоаннопредтеченский придел (Иоанна Белоградского) Верхоспаского собора (в Кремле) .522, 524, 525		Лихвин, г.	74, 79, 386, 422, 426, 428, 469
Казань, г.	88, 93, 205, 215, 242, 342, 344, 349-351, 357, 539, 595	Лобное место	71
Казачьи пер.	93	Ломов Верхний, г.	212
Каланчинские башни	102	Лопасня, р.	99, 472
Калуга, г.	93, 94, 156, 352, 417, 428, 460, 461, 464, 469, 470, 473, 477, 500	Лубны, г.	72
Каменец, г.	72	Лубянка ул.	100
Каменное, г.	75, 77, 78, 79	Луки Великие, г.	78, 199, 222, 422, 427, 428, 462, 499, 500, 506
Каменский стан	136	Лух, г.	74, 77, 91, 153, 247, 304, 386, 427, 469
Канев, г.	70	Лысогорский острог	78
Карачев, г.	74, 79, 97, 184, 200, 386, 419, 426, 427, 428, 459, 570, 573, 574	Львов, г.	70
Карпов, г.	75, 77, 79, 369, 373, 426	Малороссия	70
Касимов, г.	146, 394	Марчюги, с.	467
Кашин, г.	78, 143, 255, 461, 466, 469, 511	Мастерские палаты (в Кремле)	522
Кашира, г.	74, 80, 140, 142, 144, 218, 386, 469, 511	Маяцкий, г.	77
Кевроль, г.	250	Медынь, г.	74
Керенск, г.	204	Мерефа, г.	426
Киев, г.	72, 73, 78, 95, 148, 149, 199, 204, 205, 239, 242, 318, 424, 569	Мещера, г.	74, 312
Кинешма, г.	304	Мещовск, г.	74, 79, 386, 426, 428, 463, 469
Китай-город (в Москве)	83, 87, 107, 531, 576	Мещора, г.	140, 144
Клин, г.	78, 143, 144, 255, 469, 511	Миргород, г.	72
Козельск, г.	74, 386, 426, 469	Мироновский пер.	108
Козлов, г.	75, 77, 78, 101, 123, 126, 132, 298, 369, 370, 380, 397, 417, 426, 427, 463, 469, 511, 545, 574	Мирополье, г.	75, 77, 369
Кокшайск, г.	150, 212	Михайлов, г.	74, 77, 130, 462
Коломенское, с.	98, 99, 101, 102, 114, 126, 128, 456, 459, 467, 468	Можайск, г.	74, 77, 140, 143, 144, 423, 428, 469, 472, 505
Коломна, г.	74, 80, 218, 427, 469, 511	Монастырь, монастыри	
Колонтаев, г.	76, 79	Варсонофьевский девичий	100
Конотоп, г.	72, 224, 257, 284, 297, 326, 461, 477	Воздвиженский девичий в Белеве	484
Коровий пер.	93	Вознесенский в Кремле	534
Коротояк, г.	70, 75, 77, 79, 102, 118, 369, 386, 424, 426, 460	Воскресенский	103
Короца, г.	75, 77, 79, 369, 421, 426	Духов девичий в Путивле	484
Костенский (Костенки, Костенск), г.	75, 79, 369, 424, 426	Зачатьевский в Москве	94
Кострома, г.	78, 98, 143, 215, 222, 255, 258, 259, 268, 270, 295, 376, 384-386, 388, 389, 427, 469	Знаменский в Москве	343
Котельна, г.	70	Ивановский в Москве	87
Котельники, район Москвы	97	Ливенский девичий	433, 525
Крапивна, г.	386	Никольский в Рьельске	371, 375
Краснокутский, г.	76	Печерский	78, 222
Краснополье, г.	75, 369	Путивльский	454
Красный Кут, г.	77	подмосковные	560
Кремль (в Москве)	54, 71, 83, 107, 196, 200, 207, 307, 343, 488, 503, 522, 531	Саввино-Сторожевский	466
Кромь, г.	74, 79, 93, 97, 184, 375, 386, 419, 426, 428, 459	Сийский в Ярославле	530
Крыльцо Постельное (в Кремле)	196, 200, 222	Симонов в Москве	91, 425
		Соловецкий	242
		Троице-Сергиев	393, 394, 526, 570
		украинный	455
		Чудов в Москве	71, 302
		Мосальск, г.	79, 93, 143, 386, 426, 428, 461, 469, 511, 568, 572

Москва, г.	46, 48-50, 57, 58, 68, 70, 71, 73, 79, 80, 83, 85-87, 89, 92-99, 101-104, 107, 108, 115, 118, 126, 128, 129, 137-139, 143, 145, 148, 149, 156-158, 171, 172, 174, 180, 187-191, 193-195, 201, 202, 204, 205, 208, 210, 213, 217, 219-222, 225, 251, 253, 259, 268, 286, 303-307, 312, 319, 339-341, 343, 344, 350, 364, 365, 368, 369, 372, 373, 378, 379, 389, 391-393, 395-397, 418-420, 426, 427, 430, 448, 450-452, 456, 458-461, 463-469, 471-475, 477, 480, 481, 483, 484, 493-498, 500, 501, 504, 505, 511, 512, 530, 535, 536, 539, 540, 560, 563, 565, 566, 568, 570-576, 586, 587, 589, 590, 600
Москва, р.	91, 92, 95, 97, 98, 102, 467, 516
Мостовая ул.	87
Мост Живой (в Москве)	92
Мояцкий, г.	76, 79
Мстеры, с.	72
Мстисловский двор (в Кремле)	83
Мурава, г.	76
Мурафа, г.	77
Муром, г.	74, 77, 143, 144, 386, 427, 469
Мценск, г.	73, 75, 79, 103, 106, 140, 143, 157, 164, 171-173, 183-185, 187, 189-195, 200, 211, 223, 348, 369, 386, 417, 426, 461, 472, 474, 498
Набережные хоромы (в Кремле)	323
Невль, г.	78, 222
Неглинная ул.	93
Недрыгайлов, г.	75, 77, 78, 79, 428
Нежегольск (Нежегольский), г. 76, 77, 79, 369	
Нежин, г.	70, 78, 156, 326
Новгород Великий, г.	55, 74, 78, 95, 103, 222, 241, 252, 255, 258, 261, 302, 304, 416, 427, 499, 500, 506
Новгород Нижний, г. 74, 77, 91, 138, 143, 167, 386, 468, 469, 539, 573	
Новгород (Новгородок) Северский, г. 77, 311, 426, 462	
Новгородский полк (административно-территориальный округ).	427, 492, 506
Новоселки, с. Брянского у.	83
Новосиль, г.	75, 79, 184, 185, 187, 191, 192, 195, 311, 369, 386, 418, 422, 424, 426, 460
Область	
Белгородская	582
Брянская	582
Воронежская	582
Калужская	582
Курская	582
Липецкая	582
Орловская	582
Сумская	582
Тамбовская	582
Тульская	582
Харьковская	582
Обоян, г.	75, 77, 79, 369, 375, 426, 463
Овчинниковский пер.	109
Одоев, г.	74, 77, 386, 469
Ока, р.	218
Олешня, г.	369
Ольшанск (Ольшанский), г.	75, 77, 79, 117, 369, 381, 424, 426
Опочка, г.	78, 222
Ордынка Большая, ул.	83
Орел, г.	74, 79, 93, 97, 99, 135, 143, 144, 184, 375, 386, 419, 422, 424, 426-428, 459, 500, 512, 572
Орлов городок	75, 79, 369
Оскол Новый, г.	75, 77, 79, 103, 118-120, 134, 189, 190, 192, 193, 370, 424, 426, 459, 461-463, 474, 477, 493, 496
Оскол Старый, г.	75, 370, 424, 426
Остоженка ул.	90, 95, 97, 98, 102, 107
Остров, г.	78, 222
Острогожск (Острогожский), г. 75, 77, 79, 94, 369, 375, 380, 426, 427, 460	
Отра, р.	467
Палатов, г.	483, 492
Пельым, г.	212
Пенза, г.	199
Перекоп	373
Перемышль, г.	386, 469
Переславль-Залесский, г. 71, 73, 74, 143, 222, 225, 247, 258, 264, 267, 268, 272, 289, 326, 376, 377, 380, 386, 393, 394, 461, 469	
Переславль-Рязанский, г.	74, 191, 195, 242, 372, 469, 511
Переяславль, г.	78
Персия	205
Петроверигский пер.	87
Печерники, г.	74, 77
Плотников пер.	96
Поварская ул.	97, 99
Подворье	
Вологодское	
архиерейское (в Москве)	83
Иверское (в Москве)	87
Подмосковье	459, 465, 475
Покровка ул. 83, 86, 87, 92, 94, 95, 97, 107, 303, 304	
Покровское, с.	83, 99, 101, 102, 114, 456, 467, 468
Полатовая, р.	118
Полоцк, г.	78, 255
Польская земля, Польша	70, 72, 99, 167, 326, 448, 510
Порхов, г.	78, 222
Посольская ул.	87
Почеп, г.	426
Пошехонье, г.	78, 143, 255, 386, 393, 469
Преображенское, с.	50
Пречистенка ул.	107
Пречистенская часть	93
Приход Петра и Вериги (в Москве)	87
Пронск, г.	74, 77
Прусская земля	301
Псков	72, 73, 78, 93, 95, 98, 102, 157, 160, 163, 172, 174, 179, 187, 194, 222, 239, 242, 255, 348, 427, 474, 499-501, 504, 506, 511
Путивль, г.	72, 74, 75, 78, 79, 94, 97-99, 103, 105, 135, 137, 139, 142, 144-146, 148, 149, 151, 153, 155, 157-161, 163, 167, 170-172, 174, 178, 198, 200, 202, 203, 205, 207, 209, 211, 214, 215, 217, 221, 223, 242, 246, 247, 262, 318, 420, 424, 426, 428, 433, 443, 459, 461, 462, 469-473, 477, 481, 484, 493, 498, 505
Пятницкая ул.	83, 89, 92, 107, 109, 397

Пятницкий пер.	109
Пяток (Пятки), местечко	282
Речь Посполитая	72, 144, 198
Ржева Володимирова, г. 78, 143, 144, 255, 499, 501	
Ржева Пустая, г.	78, 222
Рига, г.	274
Родоман, населенный пункт	72
Рождественка ул.	100
Романов, г.	78, 143, 145, 146, 242, 247, 255, 469
Ромны, г.	72
Рославль, г.	77, 78, 255, 426
Россия	3, 7-9, 11, 40, 42, 43, 46, 48, 66, 69, 70, 71, 79, 83, 92, 112, 134, 142, 222, 226, 266, 328, 367, 368, 376, 383, 426, 463, 496, 504, 510, 520, 539, 540, 556, 557, 581, 582, 588, 594, 595
Россия Малая	226
Ростов, г.	78, 143, 146, 222, 225, 255, 386, 427, 469
Руза, г.	74, 143, 468, 469
Рыльский, г. 75, 78, 79, 97, 99, 101, 105, 106, 157, 160, 161, 163, 167, 170, 171, 172, 174, 178, 192, 195, 198, 200, 204, 208, 209, 211, 217-219, 223, 240, 242, 311, 375, 378, 426-428, 433, 459, 472, 473, 477, 481, 493, 498	
Рязск, г.	74, 77, 100, 144, 243, 365, 469, 511
Рязань, г.	140, 184, 187, 191, 192, 243
Ряды торговые в Москве	
Ветошный	502, 506, 518, 536
Железный	528, 530
Замочный	502, 527, 528, 530, 536, 537
Книжный	483, 492
Коробейный	481, 482, 486, 502, 503, 506, 513, 527, 536, 536, 538
Котельный	483, 484, 518
Лапотный	482, 519, 529
Лесной	528, 530
Любяной	482
Овощной	485, 502, 513, 516, 526, 535
Оконничный	528
Свечной	481, 502, 524, 525
Сурожский	480
Тележный	502
Холщовой	518
Щепенной	519
Салтов, г.	76, 77, 370, 426
Сапожок, г.	74, 77
Свижск, г.	95, 150, 153, 167, 199, 215, 244
Север Русский	539
Севск, г.	73, 75, 78, 79, 94, 96-98, 104, 148, 197, 198, 205, 205, 207, 211, 222, 242, 282, 283, 315, 371, 373-375, 378, 419, 424, 426, 426, 427, 432, 433, 439, 441, 459, 462-464, 470, 474, 476, 495, 570
Севский полк, разряд (административно-территориальный округ)	44, 75, 77, 97, 419, 422, 426, 427, 429, 433, 434, 457, 461, 462, 464, 469, 478, 486, 491, 495, 541, 543
Слободы в Москве	
Воронцовская	516
Голутвинная	92
Екатерининская	83, 93
Казенная	502, 520
Конюшенная	98
Мещанская	87
Немецкая	199
Новая Немецкая	45
Овчинная	109
Ордынская	94
Панская	108
Рогожская	468
Семеновская	529
Толмацкая	89
Серпейск, г.	74, 79, 426, 428, 469
Серпухов, г. 74, 77, 94, 144, 218, 386, 417, 419, 469, 500	
Сибирь	204, 246, 247, 310
Сивцев Вражек ул.	96
Симбирск, г.	204
Смоленск, г. 46, 78, 136, 143, 144, 199, 203, 215, 223, 225, 255, 256, 261, 262, 270, 312, 558	
Смоленская ул.	94, 96, 97
Собор	
Александра Невского (в Кремле) .488, 507, 513	
Верхоспаский (Нерукотворенного Спасова образа) (в Кремле) .522, 524	
Успенский (в Кремле)	54, 503
Сокольск (Сокольский), г. 75, 77-79, 123-125, 299, 369, 386, 395, 417, 426, 463	
Солова, г.	74, 135, 140, 143, 144, 218
Соловецкая пустынь в Марчюгах	467
Соловки, о-ва	477
Соль Вычегодская, г.	341, 349, 354, 358
Соль Галицкая, г.	292
Солянка ул.	83
Соляной, г.	76
Спасоглинцевский пер.	83
Спасское, с.	566
Сретенка ул.	86, 92
Старица, г.	78, 143, 144, 222, 246, 525
Стародуб, г.	77, 426
Староконюшенный пер.	98
Старопанский пер.	83
Старорязанский стан	143
Старосадский пер.	87
Степановское с.	272
Столешники (район Москвы)	98
Столешников пер.	98
Сторожевская (Сторожевая) ул.	97
Суджа, г.	75, 77, 79, 369, 426
Суздаль, г.	74, 77, 80, 90, 143, 247, 251, 386, 427, 469, 505
Сумин, г.	75, 78, 79
Сумы, г.	426
Сургут, г.	199
Талецкий, г.	75, 77, 79, 369, 386, 426
Тамбов, г.	78, 79, 96, 123, 200, 204
Тамбовский разряд (административно-территориальный округ) 112, 123, 422, 426, 433	
Тарбеево, с.	79
Таруса, г.	74, 144, 218, 386

Гверская ул.	92, 93, 107, 108
Тверь, г.	78, 143, 222, 258, 267, 511
Темников, г.	96
Теремной дворец (в Кремле)	522
Терки, г.	86, 204, 205, 242, 247
Толмачевские пер.	89
Толмачи, район Москвы	92
Торжок, г.	78, 143, 222, 501
Торопец, г.	78, 222, 370, 427, 428, 499, 500, 506
Тотьма, г.	536
Трубникова ул.	99
Трубниковский пер.	99
Трубчевск, г.	75, 77, 464
Тула, г. 73, 77, 93, 140, 143, 144, 157, 172, 184, 186, 187, 189-192, 195, 218, 242, 369, 386, 459, 461, 465, 469, 471, 493	
Турция	71, 72, 147, 198, 216, 245, 369, 461, 470
Углич, г.	78, 143, 255, 469
Уезд	
Белевский	564
Брянский	153
Вологодский	204, 258
Воронежский	126
Вязниковский	72
Галицкий	258, 292
Дмитровский	91, 425
Добренский	396
Козловский	75, 509
Костромской	290
Мосальский	101
Московский 101-106, 457, 461, 465, 468, 469, 568	
Новгородский	258
Рузский	91, 425
Рязский	365
Севский	428
Смоленский	152
Сокольский	78
Чернский	88
Шацкий	394
Ярославский	223-225, 289
Украина .45, 70, 71, 72, 76, 199, 213, 369, 373, 467, 470, 474, 560, 582	
Левобережная	70, 72, 142
Правобережная	70-72
Уржум, г.	150, 153
Урыв, г.	75, 77, 79, 369, 371
Усерд, г.	75, 77, 79, 369, 424, 426, 427
Усмать, г.	75, 77, 79, 369, 424, 426
Уфа, г.	204
Фаустово, с.	467
Харьков, г.	76, 77, 79, 369, 426
Хлебная ул. (Хлебный пер.)	97
Холмогоры, г.	559
Хорол, г.	72
Хотмышск, г.	75, 77, 79, 369, 375, 426
Хохловка, район Москвы	94
Хохловский пер.	94
Храм Старого Воскресенья в Москве	95
Царев Борисов, г.	76, 77, 79
Царев город (Константинополь)	326
Царицын, г.	199
Церковь	
Воскресенская на Покровке	305
Богоявленская в с. Мстеры	72
Великомученика Христофора в Москве	530
Воскресения Старого в Москве .90, 91, 98, 102	
Воскресения Христова на Покровке	303
Всемилоостивого Спаса, что на Дворце	530
Екатерины "что на всполье" в Москве	83
Знамения Пресвятой Богородицы на Знаменке	487
Николы в Плотника	96
Николы Чюдотворца в Москве	530
Преображения Господня в Палатове .483, 492	
Пятницы Божедомские	97
Пятницы "у Прощи" в Москве	109
Рождества Богородицы в Столешниках	98
Успения Пресвятой Богородицы в Котельниках	97
Цивильск, г.	242
Челнавский (острог)	75
Челновой, г.	77, 78, 79
Черкасы, г.	70
Чернавск (Чернавский), г. 75, 77, 79, 369, 373, 426	
Черная Калитва, р.	113, 116
Чернигов, г.	70, 78, 215, 426
Черный Яр, г.	251
Чернь, г. .75, 79, 184, 185, 189, 370, 386, 418, 424, 426, 460	
Чехов, г.	99, 472
Чигирин	71, 72, 73, 74, 97, 112, 143, 147, 148, 149, 156, 157, 218, 219, 222, 225, 226, 308, 424, 446, 461, 470, 475, 476
Чистые пруды (район Москвы)	100
Чугуев, г.	76, 77, 79, 252, 369, 426, 465, 497
Чудное, местечко	282
Шаблыкина, д.	497
Шацк, г.	74, 144, 386, 394, 395, 398, 469, 511
Шубинский пер.	85
Шуя, г.	74, 304, 469
Юрьев-Польский, г.	74, 77, 386, 427, 469
Яблонов, г.	75, 77, 79, 116, 180, 369, 424
Якиманка ул.	92
Яранск, г.	150, 153
Ярополец, г.	499
Ярославец Малый, г.	74, 469
Ярославль, г. . 6, 42, 78, 91, 143, 146, 155, 212, 215, 222-225, 240, 255, 268, 289, 291, 376, 393, 427, 469, 505, 506, 530	

Предметно-терминологический указатель

- Адмиралтейств-коллегия152
Алебарда97, 449, 470, 478
Амбар417
Амуниция471
“Апостол”, книга483
Арбуз430, 446, 450, 465, 497, 576
Армия . . .7, 45, 70, 72-74, 79, 84, 113, 114, 127-130,
132-135, 137, 139, 140, 143, 144, 147, 156-158,
161, 162, 164, 169, 172, 174, 182, 187, 188, 193,
194, 196-199, 201-203, 209-211, 213, 216, 218,
219, 221, 222, 226, 245, 250, 258, 260, 272, 308,
310, 351, 352, 459, 462, 464, 468, 474, 477, 493,
495, 506, 516, 525, 540, 574, 589
Арсенал380
Артиллеристы74
Артиллерия . . .74, 97, 132, 376, 379, 384, 471, 478
Архив . . .9, 12, 15, 42, 66, 68, 75, 145, 148, 149, 153-
155, 160, 162, 169, 173, 176, 179, 196, 201, 208,
211-213, 218, 225, 234, 262, 265, 276, 280, 292,
296-298, 301, 302, 315, 318, 320, 321, 335, 338,
351, 356, 360, 371, 372, 374, 376, 379, 380, 382,
383, 386, 388, 390, 394, 397, 398, 400, 424, 444,
448, 487, 525, 543, 544, 583
Архимандрит302
Аршин . .191, 362, 466, 480, 481, 486, 487, 530, 537,
538
Атаман509

Барабан448, 451, 478, 481, 482
Бархат483, 492
Батоги . .57, 58, 59, 61, 129, 219, 259, 353, 362, 363,
372, 373
Бахрома480
Башня380
Беглый, беглая . . .99, 129, 130, 367, 369, 370-375,
398, 399, 545, 560, 562, 567, 581, 590
Беловик10, 12, 317, 320
Белужина566
Бердыш376
Бесчестье59, 61, 363, 459, 571
Бобыль .131, 149, 151, 207, 223, 272, 290, 293, 428,
511
Боеприпасы . .83, 116, 122, 131, 132, 376, 381, 471,
475, 478, 482
Болезнь 50, 54, 55, 73, 164, 192, 199, 204, 209-211,
223, 224, 245, 249, 257, 290-292, 420, 562, 563
Бочка55, 482, 482, 540
Бочонок482, 502
Боярин, бояре . .8, 43, 46-50, 54, 55, 58, 59, 70-73,
80, 87-89, 94, 98, 113, 114, 118, 127, 128, 133,
135, 137-139, 142, 145, 149, 151, 153, 157, 158,
162, 165, 173, 176, 178-180, 189, 191, 192, 196,
214, 215, 217-220, 222, 236, 238-241, 258, 262,
290, 297, 298, 307, 310, 312, 316, 318, 319, 320,
326, 343, 344, 363, 364, 389, 392, 416, 421, 432,
448, 450, 458, 459, 461, 462, 473, 474, 476, 478,
496, 500, 501, 527, 542, 546, 558, 560, 564-567,
569, 575
патриарший302, 558
Бревно530
Брусья530
Бумага . . .13, 14, 130, 138, 148, 191, 349, 385, 430,
447, 449, 454, 471, 473, 474, 481, 482, 485, 516,
517, 535-537, 540, 545, 572
Бунт стрелецкий71
Буря574
Бутыль514
Бык539
Бюджет .280, 285, 414, 429, 432, 437, 534, 542, 588

Варница соляная539
Вдова298, 300
Вердо . .191, 379, 474, 481, 482, 502, 526, 537, 540
Веревка482, 483
Верстание 8, 43, 91, 92, 254, 264, 266-268, 270, 278,
280, 285, 286, 288, 325-328, 330, 332, 333, 365,
366, 540, 545, 591
Верховный тайный совет152
Весы380, 513, 538
Ветчина424
Вечерня303
Винные “заводы”428
Вино . . .55, 379, 417, 421, 446, 448, 526, 559, 568
Виноград430, 446, 450, 465, 497
Виноградник465
Винтовка224
Водка573
Воевода . .45-47, 58, 70, 71, 77-79, 94, 97-99, 102,
112-126, 128, 130-134, 137-139, 142, 144-149,
151, 153, 156-158, 162, 164, 176, 178, 179, 185-
198, 200-204, 210, 214, 215, 217-222, 224, 226,
242, 244, 247, 260, 262, 263, 288-295, 297, 298,
300, 302, 304, 307, 308, 310, 311, 316, 318, 319,
320, 340, 343, 348, 359, 367-370, 372-386, 388-
399, 416-421, 423, 424, 427, 432, 448, 449, 454,
457-463, 465, 472-476, 478, 496, 500, 501, 505,
508, 512, 534, 541, 546, 560, 565, 567-575, 577,
586, 587, 589-592
белгородский70, 71
брянский106
валуйский113
городовой74, 101
калужский101

курский	70, 71	земский	376
можайский	58	кабацкий	476, 511, 512
ольшанский	134	казачий	419
полковой	46	кружечного двора	417, 573
полковой и осадный	70	московских стрельцов	45, 83, 151, 312, 315, 424, 516
псковский	72	обозный	217
романовский	145	объезжий	79, 93
сходный	73	письменный	311
Вож	79, 509	сотенный	153, 155, 458
Воз	516, 526, 527, 538	стрелецкий	70, 243, 252, 381, 397, 417, 419, 471
Волокита	44, 46, 55, 57, 567, 588, 589	таможенный и кабацкий	376, 417, 476, 418, 511, 512
Волосы	363	Гонец	46, 99, 118, 120, 222, 343, 386, 430, 431, 457, 458, 461-464, 466, 467, 469, 472, 568
Вооружение	475	польский	347, 353, 357, 358
Вор	380	Гоньба ямская	133, 569
Ворот	363	Горожане	123-126, 383
Воск	47, 48, 100, 414, 421, 425, 432-434, 438, 446, 448, 449, 451, 452, 455, 481, 502, 520-522, 524, 525, 541, 542	Гостиняне сотня	55
Восприемник	302, 304, 305, 343, 344, 346, 347, 353, 354, 358, 591	Гостинцы	571, 574
Вотчина	45, 46, 59, 77, 103, 151, 155, 162, 210, 212, 220, 222, 245, 258, 262, 272, 289, 290, 295, 311, 312, 317, 360, 364, 393, 419, 428, 468, 475, 527, 557, 560, 563, 564	Государь	8, 15, 46, 47, 49, 50, 51, 53-55, 58, 61, 80, 102, 114, 117, 118, 128, 128, 129, 135, 137, 140, 142, 145, 158, 162, 163, 167, 168, 173, 174, 176, 177, 180, 188-191, 203, 209-211, 219, 222, 225, 237, 240, 241, 244, 255, 257, 266, 268, 270-273, 276, 290, 293, 294, 301, 309, 319, 325-328, 351-353, 360, 363, 365, 371-373, 382, 383, 387-389, 391, 393, 394, 459, 463, 477, 525, 534, 544, 558, 560, 562, 563, 567, 569, 582
Вотчинник	144, 291, 312, 370	Грабеж	45, 564
Вскормленник	567, 572	Грамматика	53
Выборщик	292	Грамота	8, 12, 47, 53, 58, 61, 91, 94, 96-103, 106, 114, 116-119, 122, 123, 125, 126, 127, 129, 130, 132, 134, 145-148, 151, 158, 185-187, 189-191, 193-195, 219, 223, 225, 261-263, 289, 291-295, 300, 316, 319, 338, 340, 344, 348, 359, 365, 368-375, 378, 380, 381, 384-387, 389-399, 433, 451, 452, 457-466, 469, 472, 475, 476, 493, 498, 500, 501, 505, 506, 510-512, 515, 522, 544-546, 562, 568, 570-573, 584-587, 589-592
Выжилицы	575	вотчинная	53
Выкуп	426, 432, 449, 535	заявная	49
Выписка	10, 12, 45, 91, 99, 106, 126, 128, 138, 143, 167, 170, 171, 173-181, 189, 190, 193, 194, 209, 210, 226, 239, 240, 244-246, 257-267, 269-271, 273-275, 281, 282, 284, 285, 287, 289, 290-292, 294-306, 312, 314, 316, 317, 320, 321, 327-330, 332, 333, 345, 347, 357, 359, 363, 365, 366, 368, 370, 371, 373-375, 383, 388, 389, 391, 392, 394, 397-400, 438-445, 448, 449, 452, 483, 484, 487, 488, 492, 498, 499, 512, 525, 534, 544, 545, 567, 568, 583-586, 589-591, 594	судная	368
Выслуга	326, 330	указная	58
Высылщик	225	Граната	478
Выть	127	Гранатчик	452, 497
Выходцы	79, 300, 301, 431, 510	Граница	69-71, 86, 112-115, 117, 124, 125, 127, 130, 133, 134, 135, 144, 145, 149, 198, 212, 223, 225, 226, 256, 260, 312, 318, 368, 369, 380, 465, 473, 477, 501, 507, 582, 583, 589
из плена	297	Гривенка	122, 433, 470, 481, 484, 502, 521, 522, 573
Гавань	102	Гривна	494, 505, 507, 526, 539, 539
Галлы дубовые	514	Громчики	191
Гарнизон	72-74, 112, 121, 127, 132, 134, 368, 376, 379, 590	Грош	432
Гвозди	514, 528, 530	Губернатор	72
Генерал	473	Дачи праздничные	430
Генерал-майор	73, 157, 448, 452, 471, 473, 478, 494, 495	Двор	кружечный 417, 418, 420-422, 427-429, 434, 460
Генерал-поручик	138		
Гетман	70-72, 83, 86, 114, 142, 560		
Глина	529, 539		
Голландец	301, 302		
Голова	236, 238, 239, 243		
верный	417		

Московский Отдочный .12, 66, 68, 74, 75, 77-80, 88, 91, 92, 94, 98, 106, 112, 128, 144, 234, 254, 275, 284, 311, 315, 318, 362, 367, 374, 381, 395, 398, 424, 457, 481-483, 485, 495, 498-500, 506, 509, 513, 518	рублевые 207, 209, 293, 416, 417, 419-421, 426-429, 434, 435, 511, 541
постояльный385	таможенные и кабацкие101, 418, 420
съезжий224, 225	четвертные572
тюремный507, 508	ямские45, 394
Дворецкий43, 562, 565, 568, 569	Деревня .461, 468, 469, 476, 562-564, 571, 574-576
Дворяне46, 271, 557, 558, 560, 577	Держальник258
городовые .73, 128, 154, 215, 221, 223, 225, 241, 256, 260, 267, 285, 296, 320, 376, 377, 428, 462, 463, 488, 492, 593	Десятня265, 267, 312, 317
дворовые, по дворовому списку . .255-258, 260, 261, 263, 270-272, 286-288, 316	верстальные, разборные, раздаточные75
выборные, по выбору . .73, 214, 255-258, 260, 261, 263, 267, 270-274, 286, 291, 316, 557	Десятник471, 493, 507, 540
думные .85, 86, 89, 157, 236, 238, 239, 241, 247, 316, 393, 473, 474, 501, 557, 558, 565, 568	Дети боярские (см. также Сын боярский) .42, 73, 108, 131, 165, 215, 221, 223, 259, 285, 310, 368, 370, 372, 377, 418, 420, 451, 462, 463, 488, 496
московские, по московскому списку .46, 54, 73, 93, 142, 150, 152, 154, 197, 198-200, 202, 204, 207-211, 214, 218, 223, 236, 238-246, 249, 252, 256, 271, 275-277, 283, 301, 304, 312, 320, 344, 346, 393, 428, 469, 476, 557, 558, 568, 572, 577, 593	городовые .91, 108, 109, 166, 256, 262, 286, 296, 310, 320, 379, 395, 396, 492, 593
"не у дел"304	приказные54
походные236, 240, 244, 246	разрядные 107-109, 164, 165, 167, 195, 307, 397, 429, 431, 436, 438, 442-445, 447, 459-461, 468, 469, 476, 500, 505, 506, 511, 542, 583, 586, 587
Дело, дела	неверстанные.442, 444
валовое154, 155	царицына чина139
городовое123, 212, 291, 295, 496	Дипломат68, 343, 353
писцовое45, 341, 349, 354, 358	Дипломатическая миссия326, 330
полковые .102, 103, 106, 161, 164, 217, 219, 328, 352, 474, 486-488, 492, 498	Дисциплина 6, 42, 54, 55, 59, 73, 138, 144, 153, 172, 188, 306, 352, 359, 361, 423, 487, 566, 574
струговое98, 419, 424, 470, 512, 573	Дни указные303
уголовное45, 383, 590	Договор
Делопроизводство .6-12, 14, 42, 43, 45, 47, 50, 51, 53-55, 57, 63, 74, 88, 90, 108, 109, 136, 137, 145, 146, 155, 160, 166, 170, 178, 179, 183, 186, 187, 208, 216, 217, 219, 221, 237, 240, 243, 244, 246, 248, 249, 252, 269, 274, 280, 281, 283, 286, 305, 306, 309, 316, 319, 320, 324, 329, 332, 338, 349, 357, 358, 364, 365, 374, 382, 397, 424, 437, 438, 446, 487-489, 492, 506, 507, 543-546, 565, 583, 584, 586, 587, 593, 594	Гадяцкий70
Деньги	Журавинский72
"в приезд"430, 431, 435	Дозиратель217
доимочные 161, 351, 417, 421, 422, 426, 429, 434, 541, 559	Дозорщик150, 154, 155
кормовые301, 303, 304, 468, 493, 493, 510	Донька .43, 378, 379, 417, 418, 421, 429, 434, 460, 513, 541, 541
мостовые161	Доклад10, 49, 167, 261, 274, 383, 389, 594
недоборные417, 422, 424, 512	Документация . .6, 8, 11, 43, 44, 77, 109, 220, 310, 339, 369, 414, 487, 583, 585, 587
откупные416, 417, 420	Допрос469, 507
пенные 417, 419, 421, 423, 426-430, 435-437, 541	Дорога .72, 157, 169, 424, 452, 458, 459, 464, 468, 469, 474, 476, 493, 497, 501, 505, 506, 511, 512
поворотные423	Доска489, 490, 492, 504, 528, 530
подъемные174-178, 181, 192	Доходы178, 179
полянничные .45, 394, 417, 418, 420-422, 426-428, 434, 541	неокладные421, 423
прогонные . .156, 378, 417, 419, 421, 423, 424, 426-431, 435, 447, 450, 457-459, 462, 464-468, 470, 471, 473, 474, 476, 477, 496, 499-501, 504-506, 510-512, 542, 543	окладные434
	Драгун . .73, 223, 312, 314, 317, 369, 373, 375, 396, 397, 399, 427, 463
	Драка362, 363, 364
	Древко знамени191
	Дрова450, 519, 526, 527, 538, 572, 574
	Дрововоз539
	Дума боярская 5, 8, 10, 42, 49, 50, 66, 68, 118, 128, 129, 203, 359, 372, 383, 387, 389, 390, 392, 399, 582, 589
	Духовенство557
	Дьяк .5-12, 14, 15, 42, 43, 45-48, 51, 53-59, 68, 77, 80, 83, 86, 88, 89, 92-100, 102-105, 107, 112, 116, 122, 126, 127, 129, 130, 132-134, 136-140, 142, 146-148, 154, 157, 159, 160, 162, 163, 166-168, 171, 173, 175-183, 185, 188, 190-193, 195, 201-

203, 207, 211-212, 216-219, 221, 224-226, 234, 236, 237, 241, 245, 249, 253, 255, 261, 263, 266, 268-270, 273, 279-285, 287-289, 291, 293-296, 298, 301, 302, 304, 306-310, 312, 314, 316, 318-321, 324-329, 332, 333, 338, 339, 341, 343, 345-352, 354, 356-359, 361, 365, 366, 371, 373, 374, 376-379, 381, 384-391, 393, 394, 398-400, 416, 417, 421-425, 430, 436-438, 440, 442, 443, 445-456, 458, 467, 473, 474, 476, 478, 487, 496, 498, 499, 511, 514, 515, 517-519, 527, 535, 541, 542, 544-546, 557, 558, 560, 562, 564, 566-568, 570-572, 574, 577, 583-586, 590, 591, 593, 594, 596	
думный . 5, 6, 9, 14, 15, 42, 43, 47, 56, 56, 80, 84-86, 90, 91, 107, 113, 117, 125, 127, 128, 133, 134, 145, 163, 170, 178-180, 184, 193, 196, 200, 209, 210, 212, 222, 225, 236-240, 242, 244, 257, 260, 261, 263, 267, 274, 277, 284, 290, 292, 299, 303, 308, 318, 344, 354, 364, 366, 373, 378, 396, 398, 414, 423, 439, 440, 445, 448, 452-454, 481, 483, 484, 512, 518, 534, 542, 557, 558, 560, 563, 565-568, 575, 576, 582, 583, 594	
“не у дел”	236
певчий	431, 435, 436, 448, 454, 499
площадной	387
приказный 5, 6, 8-10, 12-14, 42, 43, 45, 47, 48, 51, 53-55	
Дьякон	487, 503, 504, 507, 513
Дьячок площадной	379
Евагелие напрестольное	483, 492
Еда	506
Ездок	79, 461, 475, 499, 509
Есаул	154, 155, 217, 493, 494
Жалование 94, 98, 101, 114, 127, 138, 160, 163, 169, 181, 182, 254, 282, 297, 299, 301-305, 312, 322, 328-330, 392, 427, 429-432, 435, 436, 438-440, 442-448, 451, 452, 454, 460, 464, 470, 471, 481, 484, 493, 495-497, 499, 508-510, 512, 542, 543, 591	
денежное . . .69, 74, 172, 174, 176-180, 182, 190, 221, 266, 292, 334, 352, 510	
Железа (кандалы)	530
Железо . .123, 478, 486, 502, 503, 506, 514, 537, 538	
Жеребенок	539
Животы продажные	424, 426, 428, 429, 435
Жилец, жильцы . . .46, 54, 108, 135, 142, 143, 150, 152-155, 172, 202, 210, 213, 214, 218, 223, 236, 244, 249, 250-253, 256, 257, 259, 260, 271, 272, 275, 297-300, 304-306, 320, 363, 377, 393, 419, 428, 444, 458, 469, 473, 476, 500, 501, 511, 545, 593	
Житница	98
Завод (предприятие)	459
“Заводы” кабацкие и таможенные . .421, 426, 435	
Завоеводчик	131
Заключенные	505, 506, 507
Закон, законодательный акт 40, 42, 43, 46, 48, 50, 54-57, 59, 61, 63, 64, 369, 426	
Законодательство 11, 15, 40, 42, 44, 47, 49, 50, 51,	
53-55, 58, 59, 61, 63, 114, 165, 359, 368, 387, 556, 569, 577, 581, 588	
Замок . . .417, 481, 482, 485-487, 502, 503, 506, 513, 527, 528, 536-538, 540	
Запасы	424
военные	123
хлебные	123, 132, 148, 419, 470, 475
Запись	
сдаточная	397
поручная	47, 147, 166, 259, 260, 568
Запорожцы	71, 128
Запрос . . .61, 133, 158, 159, 161, 162, 164, 167-169, 171, 174, 176, 182, 183, 187-189, 211, 212, 266, 283, 284, 296, 298, 301, 302, 305-309, 311-317, 329, 330, 332-335, 339, 340, 342-344, 346-349, 351-354, 357, 358, 366, 367, 370, 371, 374, 379, 381, 383-385, 388, 389, 395, 398, 447, 469, 485, 525, 534, 545, 590, 591, 593	
Затуреня	303
Захоронение	430, 431, 435, 436, 507, 508
Захребетник	380
Збитень	148
Зелье	115, 122, 132, 487
Земли дворцовые	45
Знамя, знамена 70, 191, 217, 471, 473, 478, 480-482, 539	
Золотарь	539
Золотник	432
Золото	480, 538
Золотой, золотые (монеты)421, 425, 432, 433, 447, 448, 454, 482, 496, 513, 535, 541	
Игумен	291
Игуменя	484
Иерарх церковный	476
Иерархия чиновная . . .109, 150, 185, 196, 198, 217, 223, 237, 253	
Извозчик	516
Изба	
постоялая	386
приказная . 83, 146, 148, 167, 183-187, 190, 192, 217, 219, 263, 291, 344, 346-348, 356, 369, 373, 376, 378, 379, 381, 384, 385, 387-391, 418, 423, 426, 441, 464, 508, 511, 570, 589	
сьезжая 49, 58, 189, 190, 191, 225, 343, 372, 373, 376, 377, 379, 380, 384, 386, 389, 392, 393	
Изразцы	529, 539
Икона	433, 455, 521, 522
Именины	47
Император римский	330
Инициатива . 114, 124, 182, 209, 243, 250, 254, 278, 295, 297, 315, 325, 498, 583, 588, 590	
Иноверцы	301, 303, 343, 353, 357, 365, 591
Иноземец 79, 135, 143, 150-154, 215, 236, 239, 273, 299, 301, 302, 312, 343, 427, 430-432, 435, 446, 448, 451, 493-495, 504, 507, 510	
Инородец	199
Истец . . .51, 53-56, 59, 312, 317, 360, 362, 368, 370, 371, 380, 395	

Источник исторический	11, 12, 15
Кабак	417, 418, 420, 421, 426-429, 434, 541
Кабала	259, 373
служилая	258, 259, 260, 371
Казак	70, 78, 79, 114, 215, 221, 223, 278, 371-373, 395, 396, 418, 419, 422, 450, 452, 453, 465, 493, 494, 496, 499, 503, 509, 540
донской	98, 131, 463, 470
Казна	43, 53, 57, 94, 105, 430, 572
городовая	376, 379, 382
денежная	159, 160, 161, 163, 173, 177, 178, 182, 417, 496
золотая	537
полковая	352, 451, 469, 471, 475, 482, 493, 496, 497, 591
пошлинная	53
приказная	57, 175-177, 182, 226, 299, 301, 352, 416, 438, 454, 505, 522, 541, 541
разрядная	299, 301, 302, 436, 449, 452, 455-457, 481, 495, 508, 512, 542, 584, 588
соболиная	94, 98, 101, 447, 470, 476, 481, 495, 512
Казначей	47, 57, 236
Калмыки	113, 114, 118, 124, 134, 298, 508, 509
Каменщик	522, 529, 539
Камка	478, 480, 481, 538
Канцелярия	42, 44, 50, 66, 68, 88, 94, 97, 99, 101, 102, 107, 127, 128, 137, 139, 150, 154, 155, 158, 167-172, 181, 183, 184, 187, 188, 192-194, 216, 217, 219, 221, 225, 322, 348, 349, 351, 388, 390, 395, 399, 431, 433, 436, 446, 450, 452, 455, 456, 467, 473-476, 481, 485, 498, 502, 504, 506, 508, 513, 516, 542, 543, 586, 589
Канцелярские принадлежности	109, 150, 385, 386, 430, 435-437, 450, 457, 478, 485, 502, 506, 514, 516-518, 520
Капитан	45, 258, 267, 279, 494, 495
Капрал	142, 478
Карабин	97, 470, 478, 482
Каракса	485, 517, 535
Карантин	46, 49
Караул	68, 298
Квалификация	43, 88, 107, 339, 345, 346, 349, 350, 352, 376
Квартирмейстер	142, 458
Кирпич	529, 539
Клей	504, 514, 517, 518, 527, 538
Ключ	485, 486, 513, 528, 536, 538
Ключник путный	93
Книга, книги	5, 8-10, 12, 43, 47, 51, 53, 57, 68, 74, 76-79, 83, 86-89, 91, 92-99, 101, 102, 104, 108, 109, 112, 114, 118, 122, 126, 127, 129, 131-133, 135, 138, 142, 148, 156, 188, 203, 207, 208, 211, 213, 217, 237, 239, 251, 266, 268, 280, 282, 284-293, 296-298, 300, 309, 314, 317, 320, 329, 332, 344, 368, 369, 370, 371, 373, 377-379, 385, 388, 391, 394, 396, 414, 416-418, 422-426, 433, 436-440, 442, 443, 446-451, 453, 455, 456, 458-460, 466-468, 470, 472, 475-477, 483, 486-492, 495, 513, 514, 517, 520
Большому Чертежу	477
боярские	10, 77, 102, 557
Денежного стола	101
доимочная	378, 379, 514
драгунские	373
записные	10, 148, 237, 238, 240, 285, 296-298, 300, 309, 369, 370, 388, 391, 414, 418, 423, 425, 427, 487, 488, 490-492, 503, 504, 566
Белгородского полка	112
половнянков и раненых 177 года	282
раненым	287
“всяких дел” Московского стола	237-239
послужная	298
отписок	266
памятям	51
судебных пошлин	57
кабацкие	43
крестоприводная	503
меры и дозору	371
объезжие	79
окладная	329, 332
описные	47
переписные	93, 371, 488
писцовые	394
придач	297
приездам	188
приходные и расходные	109, 290, 300, 344, 379, 439, 440, 466, 449, 455, 456, 458, 468, 472, 475, 476, 506, 511-514, 516
разборные	131, 142, 289, -292, 317, 368, 371, 487, 488, 492, 503
раздаточные	138, 503
раненым, полонянникам	79, 508
расходная	91, 496, 505, 521, 529, 534
сбора подъемных лошадей	114, 132
сметная	488, 492
сметные городов	74
строельные	122
судная	53
таможенные	43
указная	8, 9
Ковардак (ковордак) ветчинный	148, 424
Ковш	421, 422
Кожа	483, 489, 492, 504
Коллегия	5
вотчинная	5
судейская	10
Колодник	321, 450, 457, 462, 505, 507, 530, 543, 587
Колокол	450, 484
вестовой	470
Командир	121, 220
Комиссия	223, 224, 291, 292, 293, 339, 344, 358, 380, 562
боярская	46, 113, 114
по описанию и межеванию земель	58
сыскная	115, 130

Компетенция . . . 3, 4, 5, 11, 13, 42-45, 61, 63, 68, 77-79, 91, 133, 188, 215, 219, 222, 223, 237, 250, 255, 260, 275, 284, 285, 299, 310, 319, 330, 332, 338, 358, 367, 370, 372, 377, 382-384, 387, 388, 390, 392, 393, 395, 398, 400, 414, 421, 424-427, 429, 437, 439, 447, 449, 450, 452-454, 457, 465, 510, 512, 525, 526, 530, 535, 542, 581, 582, 584, 587, 590, 591, 592	485
Конвой101, 159, 378, 469, 470, 471, 512	
Контарь380	
Копейщик46, 131, 142, 466, 478	
Копье71, 376, 466, 478	
“Корм” .121, 430, 431, 435, 446, 451, 453, 467, 468, 493, 494, 504, 507, 508, 510, 512, 540	
поденный312	
Корма конские129	
Кормовщик507	
Короб483	
Коробка482	
Коробья .481, 482, 485-487, 502, 506, 513, 527, 536, 537, 540	
Корова539	
Король70	
датский568	
Корреспонденция .15, 134, 276, 330, 392, 544, 558, 589, 593, 594	
Корпорация городова . 43, 129, 135, 138-140, 142, 143, 145, 146, 198, 215, 218, 225, 226, 236, 239, 242, 251, 255, 265, 272, 277, 288, 290, 291, 312, 318, 320, 376, 381	
Кочевники589	
Кравчий236	
Крепостной, крепостные .371, 375, 557, 568, 569	
Крепость (укрепление) 73, 74, 112, 114-116, 118, 119, 121, 122, 124, 125, 132-134, 197, 218, 226, 367, 368, 370, 372, 376, 379, 381, 384, 426, 463, 484, 508	
Крестьяне 61, 99, 121, 129, 207, 219, 220, 223, 252, 272, 290, 291, 293, 294, 364, 367-372, 374, 375, 384, 392, 393, 394, 399, 417, 419, 421, 428, 511, 516, 526, 527, 529, 530, 545, 558, 560, 562, 564, 567, 569, 575, 581	
Крещение . . .300-305, 343, 347, 353, 354, 357, 360, 365, 507, 510, 591	
Кровля529, 530, 539	
Крупа, крупы379	
гречневая148	
овсяные148	
Крыж176, 178, 263, 388, 391	
Кувшин514, 536, 537	
Кузнец537, 539	
Купорос железный514	
Курьер . .99, 117, 118, 146, 148, 193, 195, 309, 310, 332, 344, 356, 357, 369, 377, 416-420, 454, 457, 459-465, 471, 476, 477, 500, 501, 505, 510, 511, 544, 586, 592	
Лавки528	
Ладан446, 448, 470, 484, 526	
Лампада433, 481, 524, 525	
Ларь485	
Левкас524	
Лекарства172, 473, 474, 501	
Лекарь473, 474, 476, 501	
Лен454, 512	
Лес123	
Лечение79, 284, 286, 287, 297, 298, 299, 508	
Лещ575	
Литавщик131	
Литовцы298	
Ловчий236	
московский239	
Лопата527	
Лошадь .113, 114, 126, 127, 132, 467, 468, 476, 539, 564	
заводная476	
Лук (оружие)284	
Лук (овощ)572	
Люди	
ближние46	
градские121, 125, 384, 416	
гулящие380	
даточные207, 209, 214, 244, 245, 290, 295	
дворовые564	
деловые272	
думные46, 49, 50, 53-55, 476, 546	
крымские70	
мастеровые506, 536	
начальные 14, 43, 44, 46, 48-50, 54, 56, 142, 217, 223, 236, 243, 246, 265, 293, 310, 312, 314, 317, 427, 432, 436, 446, 455, 458, 478, 493, 495, 517, 518, 521, 538	
посадские .55, 291, 392, 529, 536, 537, 539, 557	
приказные 45, 48, 55, 61, 68, 77, 78, 97, 123, 125, 203, 292, 369-371, 376, 396, 397, 417, 419, 421, 423, 424, 426, 430, 459, 463, 476, 541, 557, 558, 560, 565, 575-577	
служилые	
городовые . .46, 59, 74, 75, 140, 143-145, 150, 151, 195, 214, 215, 217, 218, 236, 242, 249, 255, 257-261, 264, 266, 268, 271-273, 278, 280, 286, 288, 296, 298, 299, 310, 311, 317, 342, 365-367, 377, 397, 400, 419, 462, 463, 469, 470, 475, 476, 493, 509, 512, 583-587, 590, 593	
московские377	
неверстанные .83, 98, 104-106, 150, 175, 184, 185, 214, 215, 218, 264, 265, 295, 314, 361	
новоприборные138	
отставные139, 202, 214, 223-225, 236, 285, 288, 289, 294, 376, 377	
по отчеству . .12, 66, 68, 69, 77, 78, 108, 149, 172, 214, 215, 234, 243, 249, 254, 256, 258, 265, 300, 305, 310, 311, 318, 319, 322, 326, 343, 344, 360, 366, 368, 369, 371, 377, 396, 419, 427, 458, 477, 508, 509, 540, 556-558, 576, 577, 582, 591, 595	
по прибору (приборные) 69, 78, 172, 195, 322, 368, 369, 371, 377, 380, 419, 458, 462, 463, 476, 477, 509, 557, 593	

рабочные	385, 419, 424, 539	Мусульмане	301, 302, 303, 510
ратные	15, 69, 74, 96-98, 101, 105, 114, 127-133, 137, 142, 143, 145, 160, 169, 172, 173, 180, 182, 196, 216, 218, 219, 220, 222, 223, 297, 319, 360, 379, 392, 419, 424, 426, 428, 431, 432, 435, 436, 447, 448, 454, 459, 460, 462, 464, 469, 470, 471, 473, 481, 49-496, 501, 512, 543, 574, 591	Мясо	559, 576
сошные	127	Награда	70, 325
сыскные	291	Назначение	5, 8, 44, 45, 68, 70-72, 74, 79, 89, 91, 98, 126, 156-158, 160, 167, 171, 172, 175, 177, 182, 185-187, 190, 192-194, 199, 200, 205, 208, 210, 211, 221, 234, 242, 243, 247, 249, 252-254, 285, 301, 308, 310, 353, 357, 358, 440, 445, 474, 487, 562, 564, 568, 569, 575, 577, 583, 589, 591
торговые	392, 452, 480-487, 492, 502-504, 506, 513, 516-519, 524-530, 535-538, 557	Наказ	47, 58, 74, 114, 161, 172, 223-225, 378, 380, 458, 473, 488, 492, 501, 562, 563, 572
тяглые	376	с прочетом	223
уездные	392, 416	Наказание	6, 45, 46, 55, 57-59, 61, 252, 258, 352, 353, 357-360, 362, 363, 373, 381, 511, 545
Майор	471, 476, 494, 495	Налог	7, 43, 44, 290, 361, 381, 384, 390, 392, 394, 418, 420, 421, 433, 435, 481, 521, 524, 540, 569, 594
Масло коровье	148	Наместник Вяземский	85
Мастер		Наряд	
коробейный	503	городовой	122, 128, 131, 132
трубный	539	полковой	469, 478, 487
Материалы строительные	121, 529	Наследник престола	278, 286, 299
Мебель	450, 485, 502, 503, 506, 513, 527, 536, 543	Начальник приказа	5, 6, 47, 49, 53, 55, 59, 80, 89, 107, 113, 125, 127, 133, 134, 164, 188, 200, 213, 216, 219, 226, 244, 245, 260, 267, 293, 302, 308, 316, 325, 327, 338, 339, 354, 358, 362, 372, 382, 387, 398, 416, 438, 445, 447-449, 452-456, 483, 484, 498, 512, 542, 560, 566, 583
Мёд	381, 421, 433, 434, 541, 573	Нашивка	363
Медь	417, 422, 484	Недельщик	54, 61
Межевание	45, 58, 101, 562	Недоимки	378, 421
Межевщик	568	Недоросль	258, 277, 315
Мельница	417	Нетчик	73, 98, 115, 128-130, 133, 137, 138, 144-147, 203, 207, 211, 212, 218, 219, 224-226, 319, 420, 511
бумажная	459	“Неты”	199, 203, 205, 247, 416, 420, 511
Мерин	132	Нитки	217
Местничество	68, 71, 264, 286, 322, 566	Новик	12, 139, 140, 142, 145, 194, 197, 199, 200, 203, 221, 269
Места оброчные	421, 426-428, 434, 541	Новокрещен	145, 146, 150, 215, 223, 273, 303, 304, 312, 314, 318, 343, 346, 354, 358, 591
Метла	518, 527	Ножницы	422, 517, 518, 527, 538
Мех	301, 302, 414, 421, 432, 495	Обед	48, 362
Мешкодер	539	Обедня	303
Мешок	535, 539	Обоз	471, 475, 478, 574
Миней	483	Обозник	494
Мир Бахчисарайский	71	Обозничий	142, 150, 154, 155, 217
Митрополит	470, 484	Оборона	112, 115, 120, 124, 130, 155, 172, 226, 393, 582, 589, 591
Белгородский	476	Оброк	393
Мобилизация	73, 135, 144, 219, 222, 223, 226, 245, 308, 589	Обряд	343
Молебн	417	Овес	132
Монастырь, монастыри	15, 68, 71, 78, 94, 100, 222, 242, 255, 302, 303, 326, 343, 430, 431, 436, 446, 448, 450, 452, 470, 483, 484, 525, 526, 530, 534, 570	Овца	539
Монета	414, 432	Огороды арбузные и виноградные	446, 465, 497
Мордва	242	Одежда	343, 353, 539
Мордвин	343, 346, 348	Однорядка	353
Мост	381, 382	Ожерелье боброе	495
Мост (пол)	528, 529		
Мотчание	123, 160, 161, 162, 189, 222, 314, 317, 324, 341, 392		
Мочало	483		
Мука	376, 379		
ржаная	148		
Мурза, мурзы	145, 146, 150, 151, 215, 221, 223, 312, 314, 318		
ногайские	70		

Оклад . . . 8, 10, 42, 43, 49, 61, 68, 80, 83, 88, 91, 93, 108, 109, 167, 170, 173, 174, 250, 254, 255, 264-269, 275, 278-288, 291, 293, 295-298, 300, 311, 312, 314, 317, 323, 327-330, 332, 334, 346-348, 352, 354, 364, 366, 417, 425, 437-445, 451, 452, 460, 475, 487, 494, 498, 540, 584-586, 591	
годовой	177, 438, 440, 498, 504, 540
денежный . . . 83, 86, 88, 90-94, 98, 101, 105, 108, 109, 127, 173-175, 177-179, 183-185, 214, 254, 264-268, 285, 319, 322, 323, 325-330, 332, 334, 346, 349, 366, 425, 441, 495, 539, 540, 545, 557, 584, 591	
новичный . 264, 265, 267-270, 278, 280, 282, 286, 287,	
поместный 88, 93, 94, 96, 109, 214, 243, 250, 250-252, 258, 264-266, 269, 286, 296, 298, 311, 312, 314-316, 319, 325-330, 332, 333, 338, 360, 366, 396, 441, 545, 591	
Окно	530, 539, 560
Оковы	530
Окольный . . . 43, 46, 49, 50, 54, 59, 70, 85, 89, 99, 146, 156, 157, 188, 192, 193, 198, 212, 236, 238-240, 289, 298, 318, 370, 372, 375, 393, 458, 466, 467, 473, 474, 476, 501, 558, 560, 566, 568, 574, 576	
Окончина	528
Опальный	79, 240, 241, 258, 260, 261, 321
Опись	13, 14, 47, 131, 276
поместных и вотчинных земель	46
Орешки чернильные	514, 515
Оружейничий	43
Оружие 59, 74, 97, 132, 343, 347, 376, 430, 431, 435, 436, 451, 470, 478, 482	
Осётр	574
Осмотр	56, 99, 125, 292, 298, 363, 364, 472
Острог, острожек . 75, 78, 120, 124, 126, 368, 369, 375, 380, 386	
Ответчик . 51, 53, 54, 56, 59, 61, 259, 312, 317, 360, 362, 370, 373, 380, 397, 511	
Откуп (окуп)	418, 420, 422, 429, 435
Откупщик	416, 417, 418, 422
Отписка . 12, 46, 58, 79, 99, 101, 102, 112-119, 122, 123, 125, 126, 128-130, 132, 134, 138, 146-149, 164, 187, 189-195, 222, 223, 266, 292, 294, 298, 316, 318, 367, 368, 370, 375, 377, 380-385, 390-392, 397, 400, 416-419, 421, 449, 450, 458, 459, 463, 464, 493, 496, 503, 504, 508, 509, 511, 512, 559, 567, 574, 583, 587, 589	
Отпуск	
временное освобождение	
от службы	50, 68, 71, 242, 365,
делопроизводственный термин . . 8, 10, 10, 160, 160, 162, 189, 262, 285, 294, 306, 309, 309, 310, 314, 315, 330, 338, 338, 374, 376, 377, 392, 593	
запасов	
донской	78, 96, 98, 470
хлебных	97
из полка или похода	101, 135, 138, 139, 140, 142, 205, 282, 283, 312, 501
направление на службу, церемония . . 158, 309, 339, 343, 494	
Отставка . 47, 58, 68, 166, 180, 192, 193, 195, 209-211, 224, 225, 238, 243-245, 251, 252, 255, 257, 261-264, 285, 288-295, 298, 365, 590, 591	
Отход, отхожее место	529, 529, 539
Офицер	293
Палата	527, 528, 529, 539, 564
Большая Казенная	84
Золотая	46, 49, 86
Оружейная	46, 86, 322, 480, 566
Ответная	87
Передняя	359, 363
Серебряная	46, 86
Палеография	13
Память . 12, 51, 53, 69, 102-106, 126, 129, 133, 139, 148, 149, 158-171, 176-178, 181-183, 185, 188, 221, 223-225, 241, 243, 250-252, 261, 266, 271, 274, 275, 285, 289, 293-296, 299, 301, 302, 304, 306-317, 320-322, 329, 330, 332-335, 338, 339, 341-354, 356-361, 367, 370, 382, 383, 385-389, 394, 395, 398, 424, 449, 452, 453, 478, 497, 503, 517, 525, 534, 544, 563, 584-586, 589-591	
наказная	53, 61
приставная	51, 61
Паперть	522
Патриарх	302
Пашни	272
Пени 189, 190, 373, 379, 418, 435, 446, 448, 454, 512	
Переводчик	473
Переписка 15, 126, 134, 147, 149, 189, 192, 274, 311, 314, 463, 500, 557, 562, 576, 577, 594	
Переписчик	93, 100, 163
Переплет . . 42, 54, 78, 142, 234, 450, 487-489, 492, 502-504, 506, 507, 513, 543	
Переплетчик	488, 490, 503, 504, 507, 513
Перо	446, 485, 515, 517, 518, 527
Песок	516, 527
Песочница	485, 502, 517, 518, 527
Печатник	236
Печать	53, 391, 433, 451, 502, 522, 535
Печник	529, 539
Печь	526, 528, 539
Писарь	220, 493
полковой	137, 140, 142
ротный	140
Писец (писцовое дело)	562, 569
Пистоль	97, 470, 478
Пищаль	97, 376, 471, 478
Платежи 416-418, 420-423, 425, 426, 428, 433, 434, 541	
Платье	173, 180, 343, 347, 363, 446, 499
Плен, полон, полное терпенье . 71, 72, 79, 121, 202, 204, 205, 224, 240, 242, 243, 252, 256, 257, 265, 266, 272, 282, 284, 292, 297, 299, 320, 366, 373, 430, 450, 451, 497, 508, 512, 543	
Пленный, полоняник . 79, 284, 297, 299, 300, 366, 372, 375, 435, 463, 507, 508, 535	
Плотник	496, 528, 530, 539

Плошка	421
Площадки конские	417
Площадь (организация подъячих)	8
Повар соляной	539
Повытчик	93, 276, 320, 339, 385, 386
Повытье	5, 7, 9, 10, 77, 78, 88, 92, 95-97, 101, 106, 109, 112, 128, 131, 132, 145, 146, 171, 178, 181, 202, 207, 213-215, 234, 236, 237, 239, 240, 246, 248-253, 255, 260, 262, 267, 269, 273-277, 283, 284, 290, 311, 315, 318, 320, 321, 323, 324, 327, 333, 345, 362, 363, 374, 382, 383, 385, 387, 389, 475, 485-487, 514, 536, 538, 540, 582, 584, 587, 588, 596
Погреб	381, 382, 384, 529
Погребение	430, 431, 435, 436, 446, 451, 454, 498, 504, 507, 508
Погребщик	526
Подвода	119, 120, 123, 126, 148, 173, 174, 177, 186, 190, 369, 458, 460, 462, 463, 465, 467-469, 471, 476, 477, 493, 500, 501, 505, 511, 512
Подкова	514
Подлинник	46, 112, 128, 132, 263, 290, 371, 378, 397, 487
Подмастерье	534
Подполковник, полуполковник	45, 139, 259
Подпрапорщик	142
Подсвечник	518, 527
Подсоседник	380
Подъячий, подъячие	125, 128, 130, 138, 158, 160
городовые	98, 186, 188, 194, 226, 429, 589
молодой	6, 10, 42-44, 47, 51, 77, 86, 90, 92, 102, 106, 107, 112, 158-161, 180, 182, 248, 252, 306, 307, 322-324, 327, 334, 340, 341, 343, 345, 347, 349-351, 354, 359, 362-364, 387, 459, 460, 466-468, 475, 476, 506, 511, 540, 544, 584-586, 596
неверстанный	91, 185, 267, 307, 323, 324, 330, 350, 351, 364, 365, 398, 425, 438, 441, 460, 468, 475, 540, 586, 586
“не у дел”	44, 114, 171, 345-348, 359
отставные	323
патриарший	94
площадной	8, 108, 109, 147, 184, 279, 376, 444
приписной	10
разрядных сеней	260, 279, 397
сенные	8, 108, 444, 527
со правой, справный	9, 10, 55, 89, 94, 96, 101, 102, 106, 109, 160, 167, 218, 219, 300, 333, 374, 399, 474, 535, 540, 585
средней статьи (“средней руки”)	6, 9, 42-44, 47, 51, 77, 90, 107, 108, 113, 159, 182, 246, 248, 252, 277, 284, 300, 302, 306, 319, 322-324, 327, 333, 334, 344, 349, 350, 359, 364, 439, 459, 460, 466, 475, 544, 545, 584, 585, 596
с приписью	9, 10, 346, 352, 356, 388, 389, 557, 572, 573
старый	6, 7, 9, 10, 42-44, 47, 51, 77, 80, 83, 88, 107, 113, 128, 131, 146, 149, 158-161, 163, 167, 170, 171, 178, 181, 182, 203, 205, 207, 213, 214, 246-248, 252, 253, 262, 267, 273, 277, 280, 283, 287, 293, 306, 308, 310, 314, 315, 318-324, 327, 333, 334, 338, 339, 341, 343, 345-347, 349-352, 354, 359, 362-364, 374, 389, 399, 425, 459, 460,
473, 475, 518, 535, 540, 541, 542, 544, 545, 555, 584, 585, 596	
Пожалование	10, 54, 68, 83, 91, 109, 118, 207, 237-240, 246, 249, 250, 252, 253, 255-258, 260, 261, 263, 264, 266, 270-278, 280, 286-288, 296, 326, 327, 329, 330, 333, 365, 366, 452, 499, 545, 574, 575, 583, 591
Пожар	317
Пол	539
Полк, полки (военное подразделение)	
боярский	197, 198, 203, 207, 213
Белгородский	46, 73, 77, 98, 101, 112, 121, 127-135, 137, 156, 157, 160, 196, 198, 200-204, 207-213, 226, 241, 250, 318, 327, 373, 430-432, 446, 447, 454, 458, 466, 470, 471, 473, 478, 481, 487, 488, 493-496, 512, 590
большой	73, 87, 88
Брянский	184
государев	70, 197, 198, 200, 202, 203, 208-210, 213, 242, 244, 247, 272
драгунского строя	495
копейного строя	427, 495
Мценский	187, 207, 210, 348
Новгородский	68, 73, 94, 157, 172, 187, 202, 204, 205, 208, 209, 236, 242, 250, 312, 420, 474, 487, 488, 492, 500-503, 525
“нового строя”	135, 157, 172, 182, 196, 250, 264, 265, 293, 295, 296, 310, 476, 478, 481, 493, 497
Острогский	494
Путивильский	135, 145, 149, 150, 154, 155, 169, 170, 176, 177, 182, 196, 198, 200-204, 207-209, 212, 213, 220, 221, 242, 433
рейтарского строя	135, 140, 220, 495
Рыльский	169, 170, 171, 177, 182, 196, 198, 203, 208, 210, 213, 217, 219
Севский	46, 73, 98, 101, 129, 130, 132, 133, 156, 196, 200, 201, 430-433, 447, 454, 459, 470, 474, 478, 487, 488, 490, 495, 496, 512
Смоленский	202, 204
солдатского строя	128, 258, 267, 427, 494, 495
Сумской	494
Самбовский	198, 198, 200, 204
Сульский	494
украинные	446, 447, 458, 462, 472, 478, 525, 543, 587, 589
Харьковский	494
Полковник	45, 72, 73, 83, 135-140, 151, 152, 220, 221, 236, 424, 448, 450, 464, 471, 478, 480, 493-495, 513
Полотенце	518, 527, 538
Полотно	538
Полуголова	45, 236, 424
Полуголовки стрельцов	385
Полугривна	433
Полукафтан	363
Полуустав	13, 276
Поляк, поляки	150, 152, 153, 298, 510, 540
Поместье	45, 46, 59, 77, 84, 88, 99, 100, 151, 155, 162, 199, 210, 212, 220, 222, 224, 225, 244-246, 251, 252, 258, 259, 262, 272, 288-293, 295, 311,

312, 314, 317, 360, 364, 365, 373, 393-397, 419, 428, 460, 468, 475, 557, 560, 562, 568, 574	451, 570
Помета 5, 8, 12, 14, 99, 100, 112, 113, 118, 119, 125, 128, 129, 131, 132, 133, 140, 143, 145, 149, 154, 160, 161, 162, 164, 168, 170, 171, 173-176, 178, 179, 182, 183, 185, 186, 188, 199-201, 203-205, 207-211, 214, 216, 237, 239-242, 244-247, 250-252, 255, 258, 260-263, 267-271, 273, 274, 279, 281-285, 287, 290, 292, 293, 295, 296, 296, 305-307, 309, 314, 316, 318-320, 324, 325, 338, 339, 345, 346, 350-353, 369, 374, 377, 380, 382, 383, 385, 386, 389, 390, 395, 396, 399, 423, 437-443, 445-456, 458, 483-485, 496, 498, 499, 509, 512, 517, 543, 544, 545, 593, 594	Правеж 417
Помещик ... 144, 145, 264, 291, 312, 365, 370, 372, 373, 375, 526, 560, 567	Правонарушение 55-57, 59, 373
Помин 436, 446, 454, 498, 504, 508	Праздник .47, 446, 451, 452, 499, 510, 530, 564, 570
Поноровка 190, 191, 373, 417, 512	Никола Зимнего 530
Поп 291, 305, 484, 530, 563	Пасхи 100, 452, 499
Поросенок 539	Рождества Христова 499, 530, 570
Портной 481, 539	Успения Богородицы 499, 510, 564
Порука, на поруки 259, 363, 372	Прапор 466, 478
Поручик 143, 299, 435, 469, 494	Прапорщик .142, 143, 265, 270, 274, 343, 347, 353, 493, 494
Порука 573	Преступление .42, 54-57, 59, 63, 258, 359, 418, 426, 466, 511
Посад 127, 572	Преступник 79
Посланник датский 343	Прецедент . 4, 55, 57, 114, 173, 174, 212, 271, 301, 328, 329, 369, 556, 583, 588
Послух 259	Приговор .8, 47, 50, 55, 58, 359, 363, 372, 389, 390, 392, 567
Пособие .175, 177, 181, 182, 226, 287, 297, 299-301, 366, 446, 509, 512, 543, 590	Придача к окладу .88, 250, 265, 266, 269, 270, 275, 278-288, 291, 295-300, 311, 314-316, 366, 438-441, 445, 591
Посол 68	Приказчик45, 222, 511, 539, 560, 562-564, 566, 568, 571, 575
персидский 93	решеточный45, 344, 420, 447, 462, 466, 467, 500, 506, 510, 511
Постель 564	Приказ
Постельничий 236	Аптекарский 221, 527
Пострижение 252, 446, 499	Большого двorca 43-46, 48-50, 57, 99, 100, 158, 159, 162, 169, 204, 212, 242, 247, 272, 304, 306-308, 323, 326, 327, 329, 332, 333, 335, 349, 357, 424, 426, 428, 430, 431, 433, 435, 436, 449, 467, 525, 568
Посуда 180	Большой казны 43, 46, 49, 50, 94, 106, 255, 322, 338, 392, 423, 430, 433, 447-449, 531, 534, 574, 575
Посул 55	Большого прихода . 43, 44, 46, 49, 50, 56, 177, 182, 255, 299, 304, 308, 335, 346-348, 350, 351, 353, 357, 364, 423, 575
Посылка (командировка) 47, 98, 126, 159-161, 163, 167, 170-173, 176, 177, 179, 182, 187, 194, 318, 326, 339, 343-345, 347-349, 352, 354, 356, 357, 359, 360, 364, 366, 371, 383, 389, 423, 424, 439, 443, 451, 459, 475, 497, 498, 504, 505, 518, 564, 571, 586, 590, 591	Денежного сбора 392
Поход, походы 46, 70, 106, 197, 199, 203, 253, 256, 279, 281, 282, 311, 326, 457, 459, 467, 468, 486, 497, 518, 558, 571, 586, 590	Житный дворец 323
кашинский 466	Земский 45, 46, 50, 91, 94, 95, 104, 158-161, 167, 172-175, 219, 326, 327, 335, 346, 350, 358, 420, 425, 462, 466, 473, 500, 506, 510, 511
персидский 152	Иноземский . 44-46, 50, 56, 92, 93, 163, 138, 177, 183, 243, 265, 266, 293, 300, 310-312, 314, 326-328, 346, 349, 363, 370, 575
подмосковные 68	Казанский (Казанского двorca) .44, 46, 49, 50, 56, 150, 154, 158, 159, 161, 163, 167, 169, 199, 204, 212, 215, 242, 296, 306, 307, 308, 323, 328, 335, 342-344, 346-351, 354, 356, 357, 394, 395, 398, 473, 531, 565, 570, 572, 595
саввинский 467	Казенный (Казенный двор) . 46, 301, 304, 321, 335, 346, 481, 539
смоленский 70	Каменный (Каменных дел) 8, 9, 46, 84, 321, 322, 430-432, 447, 449, 454, 534
троицкий 467, 568	княжества Смоленского . 44, 46, 241, 271, 274, 307, 322, 371, 466, 497
украинский 70, 72	Коношенный 46, 93, 94, 321, 575
чигиринский 11, 72, 142, 156, 195, 196, 201, 211, 218, 221, 222, 226, 226, 234, 242, 280, 310, 360	Кормовой дворец 93
Похороны 451, 452	Кузнецких дел 346
Почерк . . . 12-14, 101, 142, 151, 153, 154, 167, 168, 170, 181, 208, 211, 214, 239, 246, 252, 262, 274, 276, 279, 284, 315, 319, 321, 357, 374, 387-389, 437, 438, 441, 454, 496, 515, 545	
Пошлина . . . 53, 55, 56, 57, 416, 423, 426, 427, 429,	

Малой России (Малороссийский) 56, 86, 91, 129, 130, 147-149, 167, 302, 304, 306, 308, 309, 321, 322, 425, 441, 461, 471, 473, 497	Хлебный (Хлебного двorca) .50, 204, 205, 242, 306-310, 322, 326, 327, 329, 330, 332, 333, 346, 349, 385, 386
Монастырский . 43, 159, 160, 175, 177, 178, 183, 294, 295, 306-308, 311, 312, 314, 315, 321, 335, 346, 347, 350, 352, 353, 356-358	Холопий (Холопьяго суда)46, 160, 259, 321, 322, 327, 329, 338, 370, 419, 462, 511, 567, 568
Мастерская палата104, 447, 449	Челобитный44, 50, 56, 163, 321
великого государя.430, 431, 534	Четверть (четы)
царицына332	Владимирская . .43, 86, 166, 183, 306, 308, 321, 326, 327, 346, 423, 449
Мытная изба43, 98, 438, 441	Галицкая . .43, 86, 166, 183, 306, 308, 321, 346, 348, 354, 423, 449
Новгородский 44, 78, 86, 164-166, 183, 204, 219, 300, 304, 306, 308, 309, 321, 324, 344, 346, 349, 430, 432, 447, 449, 454, 456, 517	Костромская . . .46, 50, 307, 308, 312, 314, 346, 388, 389
Оружейный50	Новая .43, 56, 99, 102, 158-161, 164, 169, 306, 307, 321, 346, 350, 447, 462, 473, 511
Патриаршего приказа303-305, 343, 591	Новгородская43, 44, 86, 166, 423, 449
Казенный104	Устюжская .50, 56, 98, 102, 159, 160, 165, 166, 285, 306-309, 341, 346, 349, 358, 559, 436, 474
Разряд302, 358, 480	Ямской . . .44-46, 50, 56, 126, 127, 133, 146, 174, 307, 308, 321, 328, 346, 351, 357, 463, 568, 569
Печатный . . .46, 91, 175, 176, 178, 182, 249, 416, 447, 451, 473	Приклад .139, 147, 150-152, 155, 265, 320, 397, 490, 492, 504
Поместный .5, 6, 9, 11, 42, 45, 46, 49, 50, 53, 56, 66, 89, 103, 133, 159, 160, 167, 174-177, 182, 188, 192, 219, 243, 247, 251, 252, 254, 285, 307, 308, 311, 312, 314-317, 321, 326-330, 341, 346-350, 353, 354, 356-360, 365, 371, 395, 473, 474, 531, 562, 563, 568, 572, 575	Припасы .83, 115, 122, 131, 148, 435, 470, 478, 483, 539
Посольский . . .10, 42, 46, 48-50, 56, 68, 71, 86, 104, 165-167, 171, 234, 242, 297, 299-302, 306-308, 321, 330, 333, 339, 343, 346-348, 350, 353, 356-359, 430, 431, 433, 447, 449, 456, 473, 531, 535, 558, 560, 565, 587	Припись . . .5, 9, 10, 46, 53, 114, 126-130, 133, 134, 137-140, 148, 159, 178, 179, 181, 221, 241, 289, 294, 295, 306, 308, 309, 316, 317, 329, 330, 338, 350, 356, 360, 385, 389, 394, 398, 478, 517, 544, 546
Провиантский72	Припряжь482, 540
Пушкарский . .50, 56, 94, 171, 212, 242, 307, 308, 321, 343, 347, 353, 358, 381-385, 392, 452, 497, 564	Пристав .42, 51, 54, 55, 93, 108, 164, 186, 189-191, 204, 223, 322, 323, 334, 335, 343, 344, 353, 372, 373, 377, 385, 419, 450, 461-463, 469, 476, 493, 496, 500, 505, 510, 511, 560, 564, 586, 587
Разбойный .46, 47, 50, 56, 72, 199, 203, 205, 350, 381-387	Присуд50
Рейтарский . . .46, 50, 56, 93, 140, 172, 174, 175, 179, 181-183, 250, 265, 266, 275, 300, 310-312, 314, 316, 317, 501, 504, 564, 575, 595	Присяга54
Сбора стрелецкого хлеба326, 327, 338	Приход161, 162
Серебряная палата327, 328	Причетники484
Сибирский . .46, 49, 50, 56, 94, 99, 212, 301, 306-311, 326, 327, 343, 346, 356, 432, 495	Пробой528, 537
Стрелецкий . . .46, 50, 55, 56, 73, 85, 89, 94, 104, 243, 295, 296, 306-308, 312, 315, 338, 430, 431, 448, 449, 451, 454, 469, 478, 481, 531, 558, 566, 568	Провиант426, 428
Судный45, 46, 91, 93, 564, 567	Провинция . . .167, 308, 326, 343, 397, 418, 451, 543
Владимирский . . .44, 49, 72, 88, 159, 169, 175, 177, 242, 312, 314, 321, 323, 335, 350, 352, 356, 359, 360, 363, 473, 560, 565, 566	Прогон (см. Деньги прогонные)
Дворцовый46, 50, 326, 327	Продавцы . . .480, 513, 514, 516, 518, 519, 520, 535, 536
Московский . . .44, 46, 49, 50, 99, 159, 160, 163, 164, 180, 183, 321, 350, 360, 361, 370, 393, 567, 568	Продовольствие . . .69, 74, 83, 97, 98, 131, 132, 148, 226, 376, 379, 380, 419, 424, 459, 463, 470, 476, 507, 510, 540
Счетный43	Продукты63, 148, 421, 424, 434, 451, 539, 541
Сыскной (Сыскных дел) . . .45, 88, 93, 137, 160, 239, 240, 241, 261, 344, 370, 473, 506, 565, 569	Проесть46, 55, 360
Сытный дворец433	Промыслы рыбные и соляные162
Тайных дел . . .6, 11, 42, 43, 46, 83, 84, 107, 272, 535, 546	Протазан97, 449, 470, 478
	Пруд574, 576
	Прудник574
	Псалтырь483
	Птица576
	Пуд148, 433, 470, 484, 502, 520, 524, 525, 527
	Пуля224
	Пустошь425
	Путешествие167, 172, 461, 465, 466, 475

Пушка	224	133, 134, 137, 147, 149, 157, 159, 213, 338, 340, 347, 352, 356, 358, 367, 368, 372, 577, 589
Пушкарь	113, 114, 118, 120, 147, 298, 300, 370, 377, 380, 418, 420, 450, 462, 463, 476, 497, 500, 509, 512	Рублевик 432
Пшено	148	Руга 430, 431, 435-437, 446, 448, 454, 484
Работник трубный	539	Ружье 114, 478, 482
Работы фортификационные	149, 155	Рукоприкладство (подпись) 139, 147, 150-152, 155, 265, 397
Разбойнк	472	Рыба 574-576
Разбор служилых людей	91, 106, 180, 239, 268, 280, 288, 292, 294, 342, 349-351, 357, 396, 488, 492, 503	Рюмка 573
Разборщик	163, 289	Ряд торговый 109, 516, 518, 521, 535, 536
Разведка	73, 114, 118, 119, 121, 157, 474	Сабля 217, 297
Раздьякон	47	Садовники арбузные и виноградные 369, 430, 431, 435, 436, 450, 465, 466, 497
Размена (посольская) .339, 340, 346, 347, 350, 356-358		Сафьян 489, 490, 492
Разорение . .45, 55, 99, 100, 210, 211, 348, 430, 431, 571, 574		Сбор, сборы
пожарное .180, 192, 209, 435, 436, 440, 446, 448, 454, 498, 499		денежные 45
Разъезд (разведка)	121, 218	кабацкие 421, 541
Рана 114, 224, 243, 249, 257, 265, 266, 270-272, 274, 282, 284, 286, 287, 293, 296-300, 311, 366, 430, 431, 450, 497, 508, 509		казенных хлебных запасов 78
Раненые . .79, 98, 114, 118, 270, 282, 284, 287, 297-300, 366, 374, 508, 509, 543		кружечные 541
Расписка 123, 178, 179, 301, 314, 317, 361, 372, 392, 438, 444, 456, 458, 478, 496, 534, 543		неокладные . . .417, 420, 421, 423, 424, 426-429, 434, 435, 466, 506, 510, 512, 541, 542, 572
Распоп	47	оброчные 421
Рассыльщик	376, 377, 386, 462	окладные .417, 418, 418, 420, 421, 422, 423, 427, 428, 429, 434, 510, 542
Революция .6, 12, 173, 180, 209, 219, 260, 263, 266, 271, 273, 281, 284, 295, 296, 300, 308, 309, 325, 327, 329, 338, 376, 386, 387, 437, 534, 544, 545, 582		откупные 418, 420
Рейтар, рейтары 46, 73, 130, 135, 137-140, 142, 144, 182, 207, 220, 221, 223, 224, 236, 250, 264-266, 272, 299, 310, 312, 314, 316, 317, 320, 395, 427, 451, 452, 470, 494, 497, 595		печатные 435
Ремесленник	539	положничные 429
Ремонт . .72, 450, 452, 513, 527-529, 538, 539, 543		таможенные и кабацкие 417, 418, 421, 422, 428, 429, 434, 541
Речи распросные	114, 147, 364, 390, 391, 397	хлебный 427
Рогожа	482, 529	Свадьба 71
Рожь	132, 148, 539	Свечи . . 130, 172, 191, 385, 430, 431, 433, 435, 436, 450, 455, 474, 481, 482, 487, 501, 502, 519-522, 524, 525, 527, 540, 572
Розыск	469	Свинец 115, 122, 478, 487
Роспись . .49, 101, 123, 125, 128, 131-133, 160, 201, 202, 298, 309, 310, 335, 338, 369, 377, 380, 387, 425		Священник 451, 530
Белгородского “большого полка”	157	придельный 503
Белгородского и Севского полков	133	Село 68
воевод и приказных людей	77	подмосковное дворцовое 50
государева двора и боярских полков	77	Сени 527, 528
книгам и столбцам	9	разрядные 363
перечневая	128, 129, 132, 201-203, 213, 376	Сено 574
приказов	56	Серебро 480, 538
сметная	93, 376, 376, 377, 486	Сеунч 450
Рота	142	Сеунщик 79, 509
Ротмистр	243, 279, 293, 294	Сидельцы тюремные .79, 321, 430, 431, 451, 507, 540
Рубеж . . 11, 69, 70, 73, 112, 117, 120, 126-128, 131,		Сказка 56, 125, 140, 150-155, 165, 166, 210, 222, 251, 252, 258, 261, 262, 264, 265, 270, 272, 275, 284, 285, 289, 319, 364, 380, 391, 397, 422, 424, 464, 469

207, 211, 216, 218, 219, 253, 324, 332, 344, 354, 357, 398, 414, 438	приездной135, 217, 218, 221, 221
Слобода 45, 83, 87, 89, 92-94, 98, 108, 109, 199, 459, 468, 502, 516, 520, 528, 529	приказных служащих158
Служба	примерный 162, 183, 186, 354, 354, 354, 356, 357, 357, 358, 366, 590
городовая132, 264, 294, 344	разборные 142, 259, 264, 268, 288, 289, 298, 320, 397, 488, 490, 492, 503
полковая .121, 131, 135, 139, 144, 161, 163-165, 167, 168, 170, 176, 177, 180, 182, 190, 191, 193, 195, 197, 198, 200, 209, 211, 219, 223, 226, 236, 238-240, 242, 244-246, 251, 255, 257-259, 261, 262, 266, 269, 272, 274, 276, 277, 279, 280, 282, 284-294, 310, 315, 318, 320, 326, 344, 348, 488, 590	разрядный45
Служба монастырский223	разрядных служащих108
Слюда528	раненым, полоняникам79
Смета . .100, 106, 154, 281, 320, 334, 338, 344, 376, 487, 492, 586	рейтар137, 138
годовая106, 131, 281, 334, 376, 377, 380	росписной379-381, 390-392, 394, 586
Смотр69, 74, 376, 569	ростовский и переславский106
отпускной137, 140, 142	служилых людей46, 68
Собор524, 525	сметные376, 380
Сокольник258, 267	смотренные 61, 127, 131, 135, 137, 140, 142, 196, 201, 207, 208, 210, 213, 216, 219, 266, 275, 281, 298, 314, 320, 371, 487, 488, 492, 503
Солдат46, 73, 136, 221, 223, 296, 310, 312, 314, 316, 317, 320, 368, 369, 395, 448-451, 463, 470, 471, 478, 494, 497, 508	счетные47
Солод148	таможенные43
Соль132, 376, 460, 539	Справа (подпись) 5, 9, 10, 89, 94, 96, 101, 128, 203, 207, 214, 224, 253, 262, 273, 276, 294, 314, 318, 441, 583, 584
пермянка148	Срок указной302, 304
Сосуд483, 514	Сстав 14, 185, 263, 324, 348, 356, 389, 394, 487, 517, 545
Сотник . . .45, 102-106, 139, 222, 424, 450, 475, 493, 494	Ссылные79, 321
московских стрельцов . . .272, 385, 458, 468, 476	Ссылщик420
Список, списки	Ставка очная373, 381, 469
белгородский112	Ставни528
боярские .10, 47, 77, 80, 86, 88, 95, 96, 112, 131, 132, 171, 201, 213, 215, 234, 236-246, 248-251, 261, 275, 276, 283, 305, 306, 320, 321, 327, 362, 366, 485, 486, 514, 540, 557, 582, 587	Стан466, 468, 469
галицкий и костромской росписные106	Станичник79, 508, 509
галицкий "подлинный" 163 года275	Староста . . .130, 223, 236, 243, 244, 246, 257, 262, 271, 289-291, 293, 295, 381, 393, 460, 558, 563
галицкий "подлинный" 184 года269	губной130, 291, 381, 393
галицкий "подлинный" 185 года275	земский291
дворовый291	Старость 223, 236, 243, 244, 246, 257, 271, 289, 291, 293, 295, 460
жилецкий . .77, 234, 249-253, 257, 276, 277, 320, 321, 366, 486-488, 490-492, 582, 587	Стерлядь575
кабацкие43	Стол (мебель) .66, 68, 314, 474, 481, 501, 502, 503, 506, 517-521, 536
казаков, черкасов, станичников, сеунщиков, ездоков, вожей79	Стол (отделение Разрядного приказа)
костромской269	Белгородский66
костромской "подлинный" 185 года259	Денежный . .12, 66, 75, 79, 88, 91, 98-101, 104, 109, 156, 178, 179, 181, 182, 299, 300, 344, 364, 392, 414, 416, 418, 420, 421, 423-429, 432, 433, 436-441, 443, 446-449, 451, 453-458, 460, 467, 468, 472, 473, 476, 477, 481, 482, 485, 486, 488, 489, 493-496, 499, 503, 505, 506, 510-514, 516-518, 520-522, 524-530, 534, 535, 538, 539, 541-543, 590
костромской разборный 184 года259	Владимирский66
наличные213, 503	Казанский44
нарядные .135, 137, 138, 154, 200-204, 207, 208, 210, 212, 214	Московский . .7, 10, 68, 69, 74, 77, 78, 92, 94-99, 101-103, 106, 128, 131, 132, 137, 146, 149, 158, 167, 170, 171, 178-181, 194, 196, 202, 203, 207, 213-215, 221, 222, 236, 237, 239, 246, 249, 251-253, 275-277, 283, 296, 297, 310, 315, 318, 319, 321, 324, 325, 327, 333, 338, 345, 347, 349, 353, 356, 361-363, 369, 423, 424, 440, 441, 448, 452, 457, 461, 462, 465, 466, 470, 473-475, 478, 481,
опальных, ссыльных, тюремных сидельцев .79	
отпускной135, 192	
перечевой128, 138, 492	
"подлинный"213, 268, 269	
подьячих 68, 77, 101, 102, 338, 339, 345, 440, 441	

483-488, 490-494, 496-498, 500, 502-506, 509, 510, 514, 536, 540, 542, 582, 587, 589	Судно 470
Новгородский . . . 7, 12, 66, 74, 78, 92, 93, 97, 99-102, 104-106, 109, 112, 126, 144-146, 214, 222, 223, 225, 250, 251, 255, 260, 262, 269, 273, 275-277, 280, 283, 284, 287, 288, 290, 294, 310, 311, 314, 315, 317, 318, 320, 321, 367, 370, 381-383, 385, 388, 389, 393, 395, 398, 499-504, 506, 543, 587	Судья . . . 5-9, 42, 48, 50, 53-57, 59, 61, 72, 217, 221, 255, 302, 365, 366, 373, 384, 447, 527, 558, 559, 564, 565, 569, 583
Приказный 5, 7, 12, 44, 66, 75, 78, 79, 91-93, 96, 98, 104, 112, 123, 126, 180, 283, 284, 287, 297-299, 301, 321, 367, 374, 395, 398, 423, 424, 448, 457, 497, 505-510, 535, 543	межевой 340, 352, 356, 358
Послужной 7, 78	приказный 5
Севский 66, 215	Сукно . . 172, 191, 301, 304, 474, 481, 497, 501, 502, 538
Смоленский 44	Сундук . . 172, 481, 485, 486, 501-503, 506, 513, 528, 536-538, 543
Станичный 7	Сухари 148, 376, 559
Хлебный 66, 78, 215	Счеты 518
Стол (столбец) . . 9, 12, 15, 53, 354, 360, 486, 487, 517, 534	Сын боярский (см. также Дети боярские) . 61, 94, 99, 106, 126, 130, 151, 195, 256, 259, 363, 372, 373, 378, 380, 419, 423, 460, 461, 466, 468-470, 472, 493, 496, 497, 500, 505, 508, 511, 519
Столица . . . 50, 70, 72, 106, 190, 197, 222, 256, 286, 308, 343, 344, 378, 397, 460, 467, 516, 584, 592	Сыск 568
Столбик . . . 15, 45, 46, 54, 58, 70, 94, 98, 100, 103, 106, 125, 130, 133, 135, 137-140, 148, 150, 157, 186, 190, 191, 195, 197-203, 205, 209, 211-214, 219, 221, 223, 225, 236, 238, 240-244, 246, 247, 252, 258, 290, 294, 326, 339, 340, 371, 374, 375, 384, 386, 387, 389, 390, 394, 397, 416, 417, 421, 423, 424, 426, 428, 429, 432, 435, 448, 449, 454, 458, 460, 464, 468, 469, 471-473, 475, 476, 493, 496, 500, 501, 505, 513, 535, 557, 558, 560, 592	Таможня . 43, 417, 418, 421, 422, 426-429, 434, 460, 541
комнатный 236, 238-241	Большая 346
патриарший 558	Московская 43
Стол у государя 70	Тарели, тарель 426, 428, 433, 449, 534
Столяр 537	Татарин 151, 302-304, 343, 344, 346, 347, 353, 354, 358, 360, 465, 497, 507, 509, 510, 540
Сторож 42, 49, 54, 79, 108, 109, 150, 154, 160, 163, 168, 169, 172, 217, 334, 335, 344, 358, 363, 430, 431, 433, 436, 438, 442-446, 451, 452, 455, 480, 499, 501, 518, 521, 527, 542	кормовой 154
приказный 322	Татары 69, 70, 71, 112-114, 116-120, 123, 124, 127, 133, 134, 144-147, 151, 153, 157, 215, 217, 220, 221, 223, 273, 297, 302, 312, 314, 316, 318, 369, 372, 373, 430, 431, 435, 451, 452, 496, 504, 507, 508, 510
тюремный 79, 321	крымские 70
Сторожаставец 150, 154, 155, 217	свияжские 150, 151, 153
Сторожня 381, 382	Тафта 301, 304, 466, 471, 478, 480, 481, 538
Стрелец, стрельцы . . . 70-73, 89, 98, 101-106, 182, 187, 193, 222, 223, 252, 272, 312, 315, 380, 385, 422, 424, 430, 431, 435, 436, 450, 451, 458, 462-464, 466, 468-472, 476, 493, 500, 502-506, 508, 509, 512, 516, 540	Телега 114, 132, 468, 482, 502, 538, 540
городовые 195, 377	Теленок 539
московские 45, 83, 139, 151, 217	Тёе 529, 530
Струг 460	Тесница 530
Стряпчий 45, 46, 54, 93, 94, 98, 106, 142, 150, 152, 154, 196-200, 202, 204, 205, 208-211, 214, 218, 223-225, 236-239, 241-244, 246, 247, 249, 252, 259, 260, 263, 272, 299, 363, 364, 378, 386, 387, 428, 468, 469, 473, 476	Тегерев 563, 575
митрополичий 470	Тетрадь . 46, 123, 130, 132, 136, 140, 217, 218, 224, 236, 281, 309, 376, 486, 487
с ключом 236, 238, 239	Титло 15
Суд, судопроизводство 8, 12, 42, 46, 50, 51, 53-57, 59, 63, 74, 75, 78, 79, 380, 381, 383, 393, 394, 396, 423, 505, 543, 563-567, 569, 572	Титул 57, 178, 179, 276, 316, 545
	Ткань 478, 538
	Товарищ судьи 5-7, 9, 43, 50, 53, 61, 80, 225, 226, 260, 263, 266, 273, 299, 308, 316, 365-367, 374, 388, 398, 416, 438, 445, 447, 449, 450, 452-456, 583
	Толмач 116
	Толокно 148
	Топтуны 362
	Транспорт . . 121, 126, 132, 148, 158, 172, 174, 175, 457, 459, 464, 466, 467, 473, 481, 496
	Трубач 131, 138
	Труба, трубы 478
	дымовая 539
	печная 529
	соляные 539
	Трубка жестяная 518, 519, 527

Тулуп	79
Турки	70-74, 97, 156, 157, 172, 187, 218, 219, 220, 222, 430, 507
Турок	71-73, 194, 245, 470, 474
Тын	381, 382, 384
Тюрьма	58, 59, 61, 79, 129, 219, 223, 321, 378, 381, 382, 384, 397, 430, 431, 451, 507, 508, 567, 569
Тюфяк (тюшак)	172, 487, 501, 502, 506, 518, 527, 536, 538
Тягло	369, 557
Тяглец	502, 516, 520, 528
Убитые	79, 118, 256, 270, 292, 297, 508, 509
Уборка	452
Увечье	61, 166, 211, 224, 236, 243, 244, 246, 257, 290, 291, 295, 297
Уезд	66, 94, 187, 256, 288, 345, 367, 385, 393, 450, 457, 461, 469, 572
Указ 8, 12, 15, 43-50, 53-59, 61, 69, 76, 79, 126, 144-146, 159, 162, 163, 165-167, 172-174, 176, 178, 179, 183, 185, 186, 192, 200, 210, 215, 220-223, 240, 244, 261-263, 268, 269, 272, 273, 277, 278, 281, 285, 287, 290, 291, 293, 295, 296, 298, 306, 308, 310, 311, 314, 316-318, 321, 324, 325, 330, 348, 350, 352, 360-363, 368, 372, 378, 381-383, 386, 387, 389-392, 394, 397, 399, 426, 438, 440, 441, 446, 448, 474, 476, 478, 499, 515, 534, 544, 546, 556, 557, 566, 567, 569, 573, 582, 592, 594	
Украина южная	515
Украинцы	70, 71
Укрепления военные	8, 72, 78, 114, 119-121, 123-125, 131, 133, 134, 149, 155, 223, 225, 250, 368, 376, 381, 384, 386, 589, 595
Укус	515, 539
Уложение 1649 г.	15, 40, 42, 45-48, 50, 51, 53-59, 61, 63, 87, 259, 369, 371, 387, 396, 416, 541, 556, 567, 582
Умывальник	518
Упряжь	114, 132
Усадьба	397
Утварь церковная	430, 431, 436, 437, 448, 470, 473, 481, 482, 483
Ферязь	363
Финансы	8, 12, 44, 45, 74, 78, 79, 593
Фитиль	478
Фонарь	528
Фунт	433, 481, 502, 524-526, 537, 538
Хан крымский	71
Хлеб 121, 129, 180, 298, 396, 452, 495, 497, 539, 574	
в зерне	376
стрелецкий	326, 327, 338, 394, 397
четвериковый	97, 419, 459, 488, 492
Хоженое	165
Холоп, холопы	177, 180, 258, 365, 367-371, 374, 375, 399, 421, 576, 581
боевой	149
Холопство	259, 368, 369, 370
Хомут	482, 540
Хоромы	572
Хорунжий	493, 494
Храм, храмы	91, 97, 102, 255, 455, 483, 483, 488, 522, 525, 526
украинные	455
Царевич	55, 236, 239-241, 278, 279, 281, 282, 284-287, 291, 299
Царица	48, 139, 199, 212, 236, 239, 240, 244, 245, 246, 247, 332
Царь	6, 8, 11, 42, 46, 47, 50, 55, 58, 61, 68, 70-72, 87, 98, 99, 101, 102, 113, 114, 118, 128, 129, 133, 151, 173, 174, 178, 209, 210, 237, 244, 255, 257, 258, 260-264, 267, 272, 273, 276, 277, 290, 302, 325, 372, 390, 394, 446, 457, 461, 463, 466, 467, 475, 476, 494, 512, 517, 522, 534, 535, 546, 560, 589
крымский	70
Цевка	481, 538, 538
Целовальник	101, 291, 417, 476, 511
Цена	477, 495, 504, 516, 520, 526, 528, 529, 536, 537, 539, 540, 574
Церемония	10, 66, 68, 88, 158, 237, 238, 239, 343, 347, 352, 353, 357, 358, 571
Церковь, церкви	83, 90, 96-98, 109, 303-305, 430, 431, 433, 436, 446, 470, 483, 487, 530
дворцовые	433
приходская	54
Цесарь Римский	326
Часослов	483
Челобитная	12, 46, 51, 100, 109, 114, 126, 142, 143, 166, 172-177, 179-182, 190, 192-195, 197, 198, 200, 208-211, 213, 226, 237, 240, 244, 250, 254-258, 260-275, 278-282, 284-295, 297-305, 312, 314, 316, 324-330, 332, 333, 343, 344, 353, 354, 358, 359, 361, 362, 364, 365, 365, 368, 370, 371, 373-375, 393, 394, 396, 397, 399, 423, 440, 443, 444, 448, 449, 452, 453, 463, 484, 494, 497-499, 512, 545, 562-570, 583, 590, 591
подписная	257, 260-263, 366, 393-395, 423, 437, 449, 495, 512, 582, 584
Челобитчик	44, 51, 59, 174, 177, 178, 190, 210, 244, 255-259, 261-275, 281, 282, 284, 286-293, 312, 315, 326-329, 344, 370-373, 396, 397, 430, 431, 450, 451, 470, 494, 495, 499, 509, 563, 566, 567, 569, 582
Чемодан	191
Черкасские города	282
Черкасы	132, 153, 373, 424, 451, 452, 463, 494, 505, 509
Чернила	130, 154, 191, 208, 211, 214, 374, 377, 385, 446, 474, 481, 482, 485, 502, 514-518, 527, 536, 540, 572
Чернильница	517, 518, 527
Черновик	10, 12, 145, 146, 163, 169, 176-179, 186, 194, 203-207, 210, 211, 213, 263, 285, 292, 294, 307, 310, 315-317, 320, 335, 350, 351, 353, 357, 361, 374, 375, 382, 383, 385-390, 392, 394, 395,

Чертеж	125, 126, 531
Четвертина серебряная	432
Чины	311, 312, 317, 365
городовые	137, 145, 187, 214, 219, 271, 273, 275, 278, 318, 366, 418, 419, 450, 457, 500, 542, 582, 584,
думные	55, 56, 59, 234, 236, 237, 239, 248, 430, 431, 457, 458, 557, 558, 582
московские	9, 46, 54, 59, 77, 128, 129, 143-145, 154, 195-198, 200-205, 207-214, 216-219, 222, 225, 226, 234, 236-239, 241, 242, 245, 248, 249, 252, 257, 272, 275, 277, 299, 305, 308, 318, 321, 386, 458-460, 462, 469, 473, 475, 557, 582, 584, 592
походные	238
Чиновник (служащий)	48, 54, 55, 57, 59, 61, 86, 165, 223, 276, 277, 339, 359, 361, 363, 418, 419, 423, 424, 437, 445, 476, 540, 557, 583, 592
Чиновник (служебная книга)	470, 484
Чулан	527

Шандан	172, 481, 501, 502, 540
Шатер (палатка)	482
Шатер полковой разрядный (полковая канцелярия) 128, 135-140, 142, 149-151, 153-155, 157, 158, 160, 162, 168, 171, 178, 180, 184-189, 191-195, 216-218, 220, 221, 225, 226, 326, 430,	

Шелк	481, 538
Шестоднев	483
Шлея	482, 540
Шляхта	510
Шляхтич	446, 504
Штраф	46, 97, 189, 191, 194, 203, 418, 419, 421, 423, 424, 459, 466, 476, 512, 587
Шуба	70, 495, 496
Шипцы	481, 502, 513, 527, 538, 540
Эпидемия	46, 49
Этикет	58, 316, 545
Юстиц-коллегия	152
Яблоки	572
Ягленок	539
Ядро	97, 132, 471, 478
«Язык»	430, 431, 463, 465, 509
Ям	126, 127, 476
воронежский	133
Ямщик	127, 422, 451, 468
Ящик	452, 486, 502, 506, 513, 536, 537, 543

Оглавление

Введение	3
Глава 1	
Законодательство второй половины XVII в. о приказах	40
Глава 2	
Структура Разрядного приказа в 185 г.	66
Столы Разряда	66
Штат Разрядного приказа в 185 г.	80
Глава 3	
Ведение ратного дела	112
Оборона южных границ	112
Пограничные крепости	112
Белгородский полк Г.Г. Ромодановского	127
Смотры полка В.В. Голицына	135
Подготовка к Чигиринскому походу	147
Укрепление южных рубежей	147
Военные назначения в Чигиринский поход	156
Командование	156
Полковые разрядные шатры	158
Формирование полков для Чигиринского похода	195
Разверстка по украинным полкам служилых людей московских чинов	195
Разверстка по украинным полкам городовых служилых людей	214
Разряд и действующая армия	216
Глава 4	
Кадровая работа Разрядного приказа	234
Боярский список	234
Жилецкий список	249
Пожалования в чины и поверстание поместным и денежным окладом	254
Подписные челобитные	255
Поверстание поместным и денежным окладом	264
Фиксирование новичных окладов в документах Разрядного приказа	268
Пожалование в чин	270
Взаимодействие столов Разряда по делам о пожаловании в чин	275
Придачи к окладам	278

Взаимодействие столов Разряда по вопросам придачи к окладам	283
Рассмотрение в Разряде челобитных, поданных “пакетом”	286
Отставка	288
Инициатива приказов в перемене служебного положения служилых людей	295
Выдача пособий раненым и полоняникам	297
Вознаграждение и крещение “выходцев”	300
Информационный обмен с приказами	305
Сбор информации Разрядным приказом	305
Предоставление информации другим приказам	311
Информационный обмен между столами Разряда	318
“Отдел кадров” для подъячих	322
Формирование приказных штатов	322
Поверстание поместным окладом	325
Сбор информации о приказных подъячих	334
Организация “посылок” подъячих	339
Дисциплинарные взыскания	359
Внутренние административные дела Разряда	361
Управление подведомственными территориями	367
Сыск беглых крестьян и холопов	367
Росписные списки	376
Разрешение проблем местного управления	377
Взаимодействие с другими приказами в делах местного управления	387
Разрешение конфликтов	393

Глава 5

Финансы Разрядного приказа в 185 г. (по книгам Денежного стола)	414
Доходы и расходы Разрядного приказа в 185 г.	414
Структура записной книги Денежного стола	414
Прием платежей	418
Разделение компетенции дьяков и подъячих в приеме платежей	421
Прием платежей через столы Разряда	423
Бюджет Разряда в 185 г.	425
Компетенция руководителей Денежного стола в части доходов	425
Компетенция руководителей Денежного стола в расходной части	429
Компетенция руководителей Денежного стола в отношении материальных ценностей	432
Структура приходной части Разряда в 185 г.	434
Структура расходов Разряда в 185 г.	435
Механизмы финансовой деятельности Разрядного приказа в 185 г.	437
Структура расходной книги Денежного стола 185 г.	437
Выплаты окладов подъячим Разряда	439
Выплата окладов вспомогательным служащим Разрядного приказа	442
Расписки служащих Разряда в получении денег	443
Компетенция разрядных дьяков в выплате жалованья разрядным служащим	445
Расходы Разрядного приказа в 185 г.	446
Компетенция дьячьей группы	447
Заверение дьяками текущих расходов Разряда	453
Выплаты из разрядной казны по представлениям столов Разряда	456
Московский стол	457
Выплата прогонных денег	457
Выплаты, связанные с исполнением функций стола	470
Финансирование “посылок” приказных подъячих	475
Начисление прогонных денег	476
Финансирование украинских полков и подведомственных территорий	478
Снабжение канцелярии стола	485
Выплаты жалованья подведомственным служилым людям	493
Финансирование “посылок” разрядных подъячих по делам Московского стола	498
Новгородский стол	499
Выплата прогонных денег	499
Затраты на разрядный шатер Новгородского полка и канцелярию Новгородского стола	502

Оплата “посылок” по делам Новгородского стола	504
Приказный стол	505
Выплата прогонных денег	505
Затраты на канцелярию Приказного стола	506
Затраты на содержание заключенных	507
Выплаты раненым и пленникам	508
Обеспечение “кормом” выезжих иностранцев	510
Денежный стол	510
Выплата прогонных денег	510
Затраты на канцелярию стола	513
Приобретение письменных принадлежностей для Разрядного приказа	514
Хозяйственные траты на нужды Разрядного приказа и Дворца	518
Расходы на строительство нового здания приказов	531
Передача денежных и материальных средств в другие приказы	534
Некоторые вопросы соотношения цен и заработков в Москве в 70-е гг. XVII в.	535
Техника приказного делопроизводства	543
Глава 6	
Неформальные контакты служилых по отечеству и приказных	556
Заключение	581
Библиография	597
Указатель имён	602
Указатель географических названий	616
Предметно-терминологический указатель	622

